

ТЮМЕНСКОЕ И СИБИРСКОЕ ХАНСТВА

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
КАЗАНСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ ИМ. А.Х. ХАЛИКОВА**

**ТЮМЕНСКОЕ И СИБИРСКОЕ
ХАНСТВА**

КАЗАНЬ

2018

УДК 94
ББК 63.3
Т98

*Печатается по рекомендации редакционно-издательского совета
Казанского (Приволжского) федерального университета*

*Все права защищены. Ни одна часть данной публикации не может быть воспроизведена
в какой бы то ни было форме и каким бы то ни было средствами, включая электронное
и фото-копирование, без предварительного письменного разрешения владельца
авторских прав.*

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор **К.А. Руденко**;
доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН **Н.Н. Крадин**

Ответственные редакторы:

Д.Н. Маслюженко, А.Г. Ситдилов, Р.Р. Хайрутдинов

Редакционная коллегия:

**А.А. Адамов, А.В. Беляков, Л.А. Бобров, И.К. Загидуллин, Д.М. Исаков,
Д.Н. Маслюженко, А.В. Матвеев, Н.П. Матвеева, В.В. Меншиков, А.В. Парунин,
Н.В. Перцев, В.В. Пестерев, Е.А. Рябинина, Г.Х. Самигулов, А.Г. Селезнев,
И.А. Селезнева, С.Ф. Татауров, Н.А. Томилов, В.В. Трепавлов, З.А. Тычинских,
Р.Р. Фахрутдинов, Ю.С. Худяков**

Т98 Тюменское и Сибирское ханства / под ред. Д.Н. Маслюженко, А.Г. Ситдилова,
Р.Р. Хайрутдинова. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2018. – 560 с.

ISBN 978-5-00130-021-2

Монография посвящена истории Тюменского и Сибирского ханств, которые были созданы на юге Западной Сибири потомками Шибана, внука Чингисхана. В книге рассмотрены вопросы источниковедения и истории изучения ханств, основные этапы истории местной государственности и институтов власти. Особое внимание обращено на внешнюю политику ханств в различных направлениях. Проведен анализ этнической истории, экономического уклада, религиозной культуры и особенностей военного дела. Описан процесс падения Сибирского ханства, присоединения его территории к России и судьбы различных групп населения в этих обстоятельствах.

Книга предназначена для историков, археологов, этнографов, культурологов и всех интересующихся историей татарской государственности и Западной Сибири в средние века.

**УДК 94
ББК 63.3**

ISBN 978-5-00130-021-2

© Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, 2018
© Издательство Казанского университета, 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ (<i>И.К. Загидуллин, А.Г. Ситдиков, Р.Р.Хайрутдинов</i>).....	5
ХРОНОЛОГИЯ, ПЕРИОДИЗАЦИЯ, НАЗВАНИЯ СИБИРСКИХ ГОСУДАРСТВ: ОСНОВНЫЕ ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ (<i>Д.Н.Маслюженко</i>).....	7
1. ИСТОРИОГРАФИЯ ИЗУЧЕНИЯ	14
1.1. ДОРЕВОЛЮЦИОННАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ (<i>В.В.Менициков</i>)	14
1.2. СОВЕТСКАЯ И СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ (<i>Д.Н.Маслюженко</i>)	19
1.3. АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ (<i>С.Ф.Татауров</i>).....	24
2. ИСТОЧНИКИ	31
2.1. РУССКИЕ ИСТОЧНИКИ (<i>Д.Н.Маслюженко, А.В.Парунин</i>).....	31
2.2. ВОСТОЧНЫЕ ИСТОЧНИКИ (<i>А.В.Парунин</i>)	44
2.3. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ (<i>С.Ф.Татауров</i>).....	47
3. ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ	55
3.1. ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ И ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА (<i>Д.Н.Маслюженко</i>)	55
3.2. КЛАНОВАЯ СТРУКТУРА (<i>Д.М.Исхаков</i>).....	75
3.3. АППАРАТ УПРАВЛЕНИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ (<i>Д.Н.Маслюженко, З.А.Тычинских</i>).....	82
4. ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА И ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ	92
4.1. СИБИРЬ И ПОВОЛЖЬЕ (<i>Д.М.Исхаков</i>)	92
4.2. СИБИРЬ И ГОСУДАРСТВА СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА В XV-XV- ВВ. (<i>Д.Н.Маслюженко, С.Ф.Татауров</i>)	98
4.3. СИБИРСКО-НОГАЙСКИЕ СВЯЗИ (<i>В.В.Трепавлов</i>)	106
4.4. СИБИРСКО-МОСКОВСКИЕ ОТНОШЕНИЯ (<i>Д.Н.Маслюженко, Е.А.Рябинина</i>).....	116
4.5. ТАТАРСКИЕ ХАНСТВА И УГОРСКИЕ КНЯЖЕСТВА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (<i>Н.В.Перцев</i>).....	131
5. ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ	141
5. 1. ИСТОРИЯ И СПЕЦИФИКА ФОРМИРОВАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ (ДО СЕРЕДИНЫ XVI В.) (<i>Д.М. Исхаков</i>)	141
5.2. НАСЕЛЕНИЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVI-XVII ВВ. (<i>С.Ф. Татауров, Н.А. Томилов</i>).....	145
6. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ	151
6.1. ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ УКЛАД (<i>С.Ф.Татауров</i>)	151
6.2. ПУТИ СООБЩЕНИЯ И ТОРГОВЛЯ (<i>А.В.Матвеев</i>)	159
6.3. СТОЛИЧНЫЕ ЦЕНТРЫ:.....	172
6.3.1. ЧИМГИ-ТУРА (ЦАРЕВО ГОРОДИЩЕ) (<i>Н.П.Матвеева</i>)	172
6.3.2. ИСКЕР (<i>А.А.Адамов</i>)	176

6.4. ГОРОДА И ГОРОДКИ (<i>А.В.Матвеев</i>)	185
6.5. ПОСЕЛЕНИЯ СИБИРСКИХ ТАТАР (<i>С.Ф.Татауров</i>)	203
7. ВОЕННОЕ ДЕЛО	212
7.1. НАСТУПАТЕЛЬНОЕ ВООРУЖЕНИЕ (<i>Ю.С.Худяков</i>)	212
7.2. ЗАЩИТНОЕ ВООРУЖЕНИЕ (<i>Л.А.Бобров</i>).....	223
8. РЕЛИГИОЗНАЯ КУЛЬТУРА (<i>А.Г. и И.А.Селезнев</i>)	232
9. ПРОЦЕСС ПАДЕНИЯ СИБИРСКОГО ХАНСТВА	256
9.1. ПОХОД ЕРМАКА И СУДЬБА СИБИРСКОГО ХАНСТВА (<i>Е.А.Рябинина</i>).....	256
9.2. КУЧУМОВИЧИ И ИХ БОРЬБА ЗА ВОССТАНОВЛЕНИЕ СИБИРСКОГО ХАНСТВА (<i>В.В.Пестерев</i>)	271
10. СУДЬБЫ НАСЕЛЕНИЯ СИБИРСКОГО ХАНСТВА В ПРОЦЕССЕ ПРИСОЕДИНЕНИЯ К РУССКОМУ ГОСУДАРСТВУ	299
10.1 ТОБОЛЬСКИЕ, ТЮМЕНСКИЕ И ТАРСКИЕ ТАТАРЫ (<i>З.А.Тычинских</i>)	299
10.2. ТЮРКСКИЕ ГРУППЫ ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ (<i>Д.Н.Маслюженко, Г.Х.Самигулов</i>)	314
10.3. КУЧУМОВИЧИ В РОССИИ (<i>А.В.Беляков</i>).....	327
ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА	344
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	398
ПУБЛИКАЦИЯ ИСТОЧНИКОВ (<i>А.В.Беляков</i>)	399
ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИЕ ТАБЛИЦЫ (<i>Д.Н.Маслюженко и А.В.Беляков</i>).....	455
ИЛЛЮСТРАЦИИ	457
УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХ ИМЕН	528
УКАЗАТЕЛЬ ЭТНОНИМОВ И ПЛЕМЕН	544
УКАЗАТЕЛЬ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ, ГЕОГРАФИЧЕСКИХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ	546
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	558

ВВЕДЕНИЕ

Почти три столетия история средневековых тюрко-татарских государств Сибири неизменно привлекает к себе внимание исследователей. Очевидно, что изучение исторической географии, институтов государственных образований, городов и ремесленного производства, системы коммуникаций и особенностей торгово-экономических отношений, духовно-религиозной жизни местного населения региона являются важными факторами в понимании тектонических по своей значимости процессов становления и развития России на протяжении длительного исторического периода.

Необходимо отметить, что исторические источники, всевозможные сведения, географические описания, рассказы и заметки о средневековой Сибири, оставленные в современном понимании непрофессиональными исследователями - путешественниками, военными, промысловиками, духовными лицами, посетившими эти обширные территории, во многом субъективны и требуют серьезного критического анализа. В этой связи большим достижением современной исторической науки следует признать методики, позволяющие выявить рациональное зерно и подлинную информацию об излагаемых исторических событиях и явлениях.

Долгое время, на основе искусственно созданных исторических клише, Сибирь, ее прошлое были частью одной большой мифологии. Этот регион представлялся, главным образом, как неиссякаемая кладовая природных богатств, загадочным местом обитания «диких народов». Именно в этом ключе создавались сведения и немногочисленные летописные источники, ставшие частью «Сибирских летописей». Авторы многочисленных историй о Сибири, составленных в XVIII–XIX вв., мало задумывались над тем, что приведенные им сведения и данные приведены по прошествии длительного времени после реально происходивших событий.

Государственные образования в Сибири, существовавшие до русской колонизации края, вызывали интерес у представителей советской исторической школы. К сожалению, жесткие рамки советской идеологии не позволяли авторам полно, объективно, взаимосвязанно рассматривать исторические процессы в этом регионе. Другой, не менее важной, причиной фрагментарности научных изысканий следует признать отсутствие системной и

планомерной работы по комплексному изучению средневековой истории народов Сибири.

Лишь в конце 1980–начале 1990-х гг. с появлением новых концепций в изучении тюрко-татарских государств Евразии в целом исследование политической, этнической, социально-экономической истории средневековых государств Сибири, духовно-религиозной жизни народов, проживавших на этих обширных территориях, поднялось на качественный уровень. За последние три десятка лет по различным аспектам истории тюрко-татарских государств Сибири написано сотни статей, подготовлено и защищено значительное количество диссертационных работ. В частности, томская этнографическая научная школа под руководством Н.А.Томилова положила начало системному исследованию ряда этнокультурных процессов; активизировалось археологическое изучение материальной культуры региона, выросло новое поколение историков, выработавших новые механизмы кооперации и сотрудничества в формате научных форумов, издания сборников и т.д. Монографии и публикации В.И.Соболева, Г.Л.Файзрахманова, А.Г.Нестерова, Д.Н.Маслюженко, С.Ф.Татаурова, А.П.Яркова, Н.П.Матвеевой, Д.М.Исхакова, В.В.Трепавлова, И.Б.Гарифуллина и др., по сути, сегодня определяют основные научные достижения в этой области исторических знаний.

Безусловно, этот прорыв в области изучения истории и культуры народов края и средневековой тюрко-татарской государственности Сибири стал возможен благодаря введению в научный оборот целого пласта новых источников, материалов, критическому анализу и переосмыслению ранее изданных трудов и источников, расширению географии изысканий, позволившему рассматривать этнополитические процессы в Сибири как неотъемлемую часть межгосударственных и этнокультурных взаимодействий в постордынском политико-правовом пространстве. Однако отсутствие обобщающего междисциплинарного исследования в определенной степени затрудняло понимание широкого комплекса проблем, связанных со становлением и развитием тюрко-татарских государств Сибири во взаимосвязи.

Серьезной попыткой комплексной реконструкции истории дорусской государственности Сибири стал обширный много-

образный материал по истории сибирской татарской государственности XV–XVI веков, представленный в 4 томе семитомной академической «Истории татар с древнейших времен», где описаны наиболее важные аспекты их политической, социально-экономической, религиозно-духовной и культурной жизни.

Таким образом, в ходе длительного изучения проблем становления и развития средневековой тюрко-татарской государственности в Сибири был накоплен значительный фактический материал, который позволил исследователям провести его многоаспектный анализ, выделив причины, время, формы государственности предков сибирских татар в различные периоды истории. Тем не менее, многие вопросы требуют дополнительного изучения.

Дискуссионными являются вопросы начального этапа возникновения государственности в регионе, взаимосвязи объединений, перехода политического лидерства в Сибири от одного государственного образования к другому, определения политического статуса. Недостаточно освещены проблемы социально-экономического развития ханств и княжеств, функционирования городов как центров экономической жизни, торгово-хозяйственные связи с Ногайской Ордой и Казанским ханством. Требуют дополнительных изысканий вопросы взаимодействия традиционных верований и ислама в этом регионе, изучение влияния золотоордынского этнокультурного наследия на местное население, значение и роль клановых структур постордынских государств в этнических процессах XV–XVI столетий. Перечисленные и многие другие аспекты истории этого во многом уникального края являются предметом современных междисциплинарных исследований.

Несомненно, созданная под эгидой Института археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан коллективная монография «Сибирское и Тюменское ханства», в основе которой лежит комплексный междисциплинарный подход в изучении истории средневековых государственных образований в Сибири, является новым шагом и в осмыслении российской истории в целом. Авторы, широко используя разнообразные источники, современные теоретические и методологические концепции, применяя в анализе данные истории, археологии, этнографии, этнологии и других наук, сумели не только обобщить значительный пласт информации, накопленной предыдущими поколениями исследователей, но и, что особенно важно, значительно расширить круг научных проблем, без анализа которых невозможны полноценная реконструкция и понимание процессов становления, развития и падения тюрко-татарских государств Сибири. Резюмируя, следует отметить, что коллективный академический труд позволил представить видение современных историков этнополитических процессов в Сибири в XV–XVI в., системно изложить материал с учетом последних достижений науки, выработать общие подходы к ряду дискуссионных вопросов и определить перспективы дальнейших научных изысканий.

Авторами монографии являются ведущие специалисты крупных научных центров и вузов России – Тобольска, Рязани, Новосибирска, Москвы, Казани, Кургана, Омска, Тюмени, Челябинска, Салехарда. Несомненным достоинством издания является и тщательно подготовленный научно-информационный аппарат – источники, карты, разнообразный иллюстративный материал, указатели.

ХРОНОЛОГИЯ, ПЕРИОДИЗАЦИЯ, НАЗВАНИЯ СИБИРСКИХ ГОСУДАРСТВ: ОСНОВНЫЕ ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ

Перед тем как рассматривать основную тему представленной монографии, необходимо пояснить некоторые истоки сибирской государственности, ее хронологию и периодизацию, кратко обрисовать границы и население этих образований. В последнее время эта тематика стала обсуждаться гораздо большим числом авторов, накопилось значительное количество разночтений как в наименовании местной династии и ее титулатуры, так и выбора названий самих государств и соответствующей социально-политической иерархии. По этим причинам необходимо обратить особое внимание на проблемы терминологии при написании поздней средневековой истории Западной Сибири.

Татарские государства на юге Западной Сибири были наследниками ранее существовавших здесь улуса Шибана (сына Джучи б. Чингисхана) и дальнейших владений Шибанидов, входивших в состав Монгольской империи и Улуса Джучи (Золотой Орды). Только в контексте понимания этой связи и линии преемственности можно понять специфику их формирования, внутреннего устройства управления и взаимоотношений с соседними государствами. Как абсолютно верно отметил почти столетие назад известный востоковед В.В.Бартольд: «потомки Шибана остались более всего верны воинственным традициям кочевников» [Бартольд, 1968 а, с.135], что привело к консервации здесь некоторых особенностей политической и повседневной жизни, особенно в среде аристократии.

В литературе рассматриваемые государства Шибанидов XV–XVI вв. на юге Западной Сибири традиционно именовются «тюрко-татарскими» или «татарскими». Не вдаваясь в сложные проблемы местной этнонимии, отметим, что во многом вопрос связан не столько с этническим фактором, сколько с социальной принадлежностью и самосознанием местной, в том числе кочевой, элиты позднезолотоордынского времени, а также отражением этого вопроса в различных по происхождению (русских, западноевропейских, восточных) источниках. Значительная часть местной аристократии вышла из монгольских и тюркских племен Монгольской империи и Улуса Джучи, сохраняя тюрко-монгольские традиции этого времени вплоть до XV века. Однако уже в XIV в. большинство представителей золотоордынской элиты стали соотносить себя с этнословной группой татар [Измайлов,

2011, с.52]. В таком контексте более верным представляется выбор последнего термина в качестве основного и для населения Тюменского и Сибирского ханства. Внутренняя этнокультурная история показывает значительное богатство этнической картины, особенно на сибирской периферии, где помимо татар проживали как иные тюркские, так и угорские и самодийские группы населения. Таким образом, выбор «татарского» отражает как определенную традицию синхронных источников, так и осознание той социальной элиты, которая образовывала ближайшее окружение местных ханов, ставка которых была обратным государственным. При этом еще раз обратим внимание на то, что речь не идет о татарах как этнической группы, поскольку для населения Западной Сибири процессы их этногенеза тесно связаны не только с рассматриваемым периодом, но и с XVII–XVIII вв.

Не менее важным являются разночтения авторов по вопросу о наименовании местной правящей династии: «Шибаниды» или «Шейбаниды» (отдельные разночтения в именах правителей в источниках разного географического происхождения могут быть скоррелированы на основании нумизматики). Не вдаваясь в историографию, отметим, что во многих источниках периода Монгольской империи и Золотой Орды основатель этой династии именуется Шибаном (Сыбаном), что подтверждается и исследованием известного востоковеда и китаиста Поля Пельо. Исходя из этого, резонно и всех его потомков именовать Шибанидами (Сыбанидами). Альтернативное название, то есть «Шейбаниды», может быть связано лишь с деятельностью представителя этого рода Чингизидов Абу-л-Фатха Мухаммада Шейбани-хана, завоевателя Тимуридского государства. Однако, как уже неоднократно отмечено в литературе, его потомки никогда не правили на завоеванных территориях [Костюков, 2008, с.44; Мухамедьяров, 2002, с.200–201]. Большинство же ханов XVI века в Бухаре и Хиве происходило из числа потомков двух конкурентов на «узбекский престол» в 1460-х гг. Абулхайра и Едигера. Во избежание разночтения в данной книге все ханы будут именоваться именно Шибанидами, что соответствует и традиции источников, где их часто именовали «Шибанскими», а связанных с ними татар «шибанцами (шибановцами, шибанитами)». Наименование «Шейбаниды»

явно модернизирует ситуацию, апеллируя к поздней мусульманской традиции, в рамках которой существовала нисба Шейбани как часть арабо-мусульманского имени известного факиха ханифитского толка, созвучного имени основателя династии [Костюков, 2008, с.47, ком.14]. При этом т.н. «сибирские Шибаниды» или «тюменские Шибаниды» являются историографическим конструктом, само это сочетание в источниках не встречается. Он отражает стремление авторов выделить ту линию данной династии, которая правила на территории Западной Сибири, что призвано обеспечить удобство исследований региональной политической истории.

В силу их принадлежности к Чингизидам невозможно отрицать наличие прав у них именно на ханский (царский) титул, наличие которого зависело лишь от поддерживающих их кочевых или полукочевых групп, а не от признания их прав на этот титул со стороны иных государств. Иные сибирские династии, в частности Тайбугиды, опять – таки в силу своего происхождения не могли претендовать на эту титулатуру в позднезолотоордынское время и в условиях именно чингизидской государственной традиции. Они могли быть лишь беками (князьями), при этом степень их самостоятельности выходит за рамки обсуждения тематики данного введения. Стремление присвоить им царские титулы характерно для сибирского летописания XVII–XVIII вв., но не встречается в источниках периода непосредственного существования этой династии в XVI в.

Отправной точкой исследования является образование т.н. «улуса Шибана», который, по своей сути, является еще одним историографическим конструктом для условного определения территориальных владений Шибана и его потомков. Он был сформирован по указу золотоордынского наместника Бату для его младшего брата Шибана после окончания западного монгольского похода около 1242–1243 года. Шибан был среди ведущих полководцев этого похода, руководя авангардом монгольских войск и непосредственно приняв участие в захвате Волжской Булгарии, на земли которой позднее будут претендовать его потомки, разгроме владимирского князя Юрия Всеволодовича на р.Сить в марте 1238 г. и венгерского короля Бельи IV на р.Шайо в апреле 1241 г., а также в завоевании Крыма [подробнее об этом сыне Джучи см.: Костюков, 2008, с.44–56].

Наиболее полное описание владений Шибана было сделано еще в начале XVII века

его далеким потомком ханом Абулгази: «Юрт, в котором ты будешь жить, будет между моим юртом и юртом старшего моего брата – Ичена. Летом ты живи на восточной стороне Яика, по рекам Иргиз-сувук, Орь, Илек до гор Урала; а во время зимы живи в Ара-куме, Кара-куме и по берегам реки Сыр – при устьях рек Чуй-су и Сари-су», кроме того, Шибану была отдана область Корел [Абулгази, 1996, с.104]. Исходя из этого, можно предположить, что основные кочевья династии располагались широкой полосой в Южном Приуралье и Западном Казахстане, а также частично в степных районах Северного и урбанизированных районах Центрального Казахстана. Обратим внимание на то, что согласно тому же Абулгази, аналогичное размещение зимовок и летовок потомков Шибана в лице Пулада и его детей Ибрахима и Араб-шаха сохранялось еще в последней четверти XIV века [Абулгази, 1996, с.105].

В.В.Трепавлов предположил, что изначально владения Шибана находились на территории западного пограничья Монгольской империи в Венгрии [Трепавлов, 1993, с.92]. И.А. Мустакимов обратил внимание на то, что согласно «Таварих-и гузида – нусрат-наме» во владения Шибана Бату были отданы следующие тумены (земли и народы): Джулат Черкес на Кавказе (Северная Осетия), Кара Улак (Молдавия, Валахия или Болгария), Кырк йер (Крым), Янгикент (город в низовьях Сырдарьи), Кюйдей (Западная Сибирь или Северный Казахстан) [Мустакимов, 2011, с.242]. Отчасти такая система распределения копировала общеимперскую, где Джучи и его потомки формально до 1368 года владели землями в Китае [Чхао, 2008, с.94], что отражало принцип родового владения империей.

К северу от владений Шибана, по данным восточных источников была «страна Сибирь (Сир)» или «область Сибирь и Ибирь». Их границы и углубленность в таежную зону не описаны в источниках. В связи с этим возникает вопрос о степени и хронологии продвижения Шибанидов собственно на лесостепные земли юга Западной Сибири. М.Г.Сафаргалиев отмечал, что только позднейшие предания говорят «о пребывании Шайбана в Сибири, на Иртыше, где позднее его потомки образовали Сибирское ханство» [Сафаргалиев, 1996, с.312]. Очевидно, что заинтересованность в этих территориях стимулировалась стремлением контроля над пушной торговлей и местными маршрутами ямской службы, а также тем, что Шибаниды стали своеобразным буфером между двумя старшими кланами Джучи

чидов – потомков Орды-Ичена и Бату. Точные причины и хронология расширения владений Шибанидов в лесостепной зоне практически не освещены в источниках. Т.И.Султанов и С.Г.Кляшторный указывают, что при сыне Шибана Бахадуре (то есть не ранее конца 1240-х гг.) Шибаниды потеряли область между реками Или и Сырдарьей с городами Отрар, Сыгнак, Дженд и Сайрам, которая перешла к потомкам Орды-Ичена [Кляшторный, Султанов, 2004, с.212]. В более ранних работах авторы указывали, что к владениям Орды-Ичена стал относиться и Сарайчук, а владения Шибанидов сдвинулись в Среднее Прииртышье [Кляшторный, Султанов, 1992, с.196]. Однако эта точка зрения авторов не подтверждается источниками, как и принадлежность Сыгнака, в отличие от Янгикента, к владениям Шибана. По этим причинам по вопросу о территориальных изменениях вполне справедливо мнение В.П.Костюкова: «...обстоятельства заставляют с большой долей осторожности и лишь в самом общем виде обозначать географические пределы владений Шибанидов» [Костюков, 1998, с.216]. При этом вполне возможно, что в золотоордынское время конкурентами Шибанидов на юге Западной Сибири могли быть потомки Орда-Ичена и Тука-Тимура.

По всей видимости, реальное внимание к северным землям характерно для Шибанидов уже периода распада Улуса Джучи, до этого же ордынские власти, скорее всего, довольствовались формальной зависимостью местных племен, которая в том числе выражалась в системе ясака. Установить интересующие нас северные и восточные границы владений Шибана и Шибанидов достаточно сложно; возможно, они могли варьироваться в зависимости от ситуации в самой Золотой Орде и иногда доходить до среднего Прииртышья [подробный анализ историографии по этой теме см.: Костюков, 1998, с.215–217]. Однако в большинстве случаев представители этой семьи, опиравшиеся на кочевые группы, все-таки были привязаны к степным регионам Северного и Западного Казахстана, Южного Урала и Южного Зауралья, вероятно, в меньшей степени лесостепи юга Западной Сибири. То, насколько далеко к востоку или к северу контролировали сибирские территории собственно Шибаниды, по всей видимости, нам точно не известно. В.П.Костюков указывает, что «степные и лесостепные пространства Западной Сибири являлись своеобразной рекреационной зоной, в которой можно было укрыться в случае неудачи и накопить

силы для продолжения борьбы» [Костюков, 1998, с.216].

Однако известны случаи возможного присутствия на этих территориях представителей иных династий Чингизидов. Еще при распределении уделов земли Прииртышья, где находилась ставка Джучи, вошли в состав владения его старшего сына – Орды-Ичена. В конце XIII века, по данным Марко Поло, здесь кочевал его внук Коничи (Кунджи), к северу от земель которого находилась «темная страна», жители которой продавали татарам меха [Поло, 1997, с.368–369]. По всей видимости, речь шла о торговле по подконтрольному иртышскому пути с Югрой (?). Прямое вмешательство в дела лояльной сарайскому правительству семьи Шибанидов для Коничи, даже при потенциальной поддержке его союзника великого хана Хубилая, было невозможно, а вот потенциальное расширение собственных владений в Прииртышье являлось вполне легитимным. Хотя необходимо понимать, что источники не говорят о том, что эта «темная страна» входит в улус кого-либо из Чингизидов. В любом случае потенциальное продвижение на север было прервано усобицей среди потомков Коничи. Как представляется, преувеличивать роль Шибанидов в Прииртышье в период существования Улуса Джучи ни в коем случае нельзя. К тому же с периода правления хана Узбека таежные земли Западной Сибири, видимо, находились под управлением ордынских судей [Аннинский, 1940, с.91; Григорьев, Фролова, 2002, с.281; ЗОИ, 2003, с.106–107]. Их резиденцией с определенной долей условности могла быть Чимги-Тура.

Предпринятое небольшое описание золотоордынского периода необходимо по следующим причинам: условно сибирские земли были лишь частью более обширных владений ханской династии Шибанидов постзолотоордынского времени, а сами ее представители не ограничивались претензиями на эти северные территории, а, как и все Чингизиды, стремились к сохранению своих степных владений. Исходя из этого, необходимо понимать, что рассматриваемые сибирские ханства были частью обширного мира постордынского государственности.

Недаром хан Абулхайр, чей престол был в 1430 г. размещен в Чимги-Туре, являлся основателем Узбекского ханства (государства кочевых узбеков), границы которого в 1440-х гг. были раздвинуты вплоть до приаральского и присырдарьинского регионов,

то есть захвачена значительная часть Восточного Дешта. Подобные претензии отражаются и в титуловании одного из самых известных местных ханов Ибрахима (Ибака; между 1468–1493(5) гг.) в разное время царем «шибанским», «ногайским» или «казанским» [ПСРЛ, 1901, с.203; ПСРЛ, 1982, с.95; ПСРЛ, 1987, с.32; Сборник Муханова, 1866, с.29]. В реконструированном перечне государственных архива России XVI века есть упоминание о наличии у Ибрахима (Ибака в этом случае) и приставки «тюменский», правда, ошибочно связанного комментаторами с Тюменским княжеством на Тереке [Государственный архив, 1978 а, с.138, 196]. В более поздней грамоте царя Федора Кучуму, за его дедом Ибрахимом признается и власть над Сибирью: «... после деда твоего Ибака царя были на Сибирском государстве...» [СГГД, 1819, с.132].

В этом отношении Ибрахим был классическим примером не столько регионального правителя, сколько хана, претендовавшего на власть над всеми владениями Шибанидов, которые не были ограничены лишь югом Западной Сибири и распространялись до присырдарьинского региона [МИКХ, 1969, с.26]. Шибанским и казанским ханом был и брат Ибрахима Мамук [ПСРЛ, 1901, с.242–243]. Очевидно, что для представителей этой ханской династии первичное значение могла иметь не территориальная титулатура, а именно родовая. Например, Бухарское ханство в одном из документов именуется «Шибанской землей Бухарского царя» [Семенов, 1954, с.9]. В русском перечне «Татарским землям именована» употребляется для обозначения владений Шибанидов в целом понятие «Шибаны» [Казакова, 1979, с.253], аналог которого известны и в 1564 г. в форме «сибирской салтан Ишибаны» [ДАИ, 1846, с.170]. Сейфи Челеби в отношении ханов Туры также пользуется понятием «шубан» [Султанов, 2005, с.259], то есть искаженным «шибан». Шибанами же называли и людей, связанных, например с Ибрахимом [ПСРЛ, 1982, с.95]. Рискнем предположить, что в XV веке тюменские владения на юге Западной Сибири были лишь частью пока не до конца ясного нам представления о пространстве шибанидской государственности.

Для понимания вопроса территориального признака титулатуры, необходимо остановиться на проблеме наименования сибирских татарских государств. В основе своей они рассмотрены в недавнем очерке А.Г. Нестерова «Тюменское и Сибирское ханства в

XV в.» [История татар, 2014, с.162], в котором автор абсолютно справедливо отмечает условность этих наименований как историографического инструментария. Следует отметить, что этот вопрос в достаточно малой степени интересовал средневековых авторов, но был значительно запутан именно в современной историографии. В источниках XIII – начала XV в. использование понятий «Сибирь», «Сибирская земля» и схожих с ним было частым, что позволяло сближать их с аналогичными названиями XVI века. При этом специфика этих упоминаний в современной географии позволяла без анализа в подробностях иных источников выбирать общее наименование «Сибирское ханство» для всего периода существования местной государственности, хотя бы в силу четкой и понятной географической локализации.

Очевидно, что ситуация в истории государственности была не столь проста, даже если отбросить вопрос о степных владениях Шибанидов. Так, в восточных источниках владения Шибанидов в Сибири на протяжении XV–XVI вв. вне зависимости от происходивших здесь политических изменений устойчиво называются «Тура» или «Туран», что отражается и в титулатуре «туранских» ханов [Абуль-Гази, 1996, с.102; Валиди Тоған, 2010, с.37–38; Султанов, 2005, с.259, 261]. Еще в XVII веке часть групп населения, проживавшего на территории бывшего Тюменского ханства, именовали туралинцами или туранскими татарами [Томилов, 1981, с.19], что, видимо, может быть связано и с наличием группы «туралы» в войсках Кучума [Катанов, 2004, 2004, с.150]. Аналогично в русских источниках наиболее характерным является наименование Тюмень, под которым понимали не только сам город, но и землю, то есть государство. Даже в титуле Кучума в одном из посольских документов русско-ногайской переписки фиксируется двухсоставный характер его владений как «тюменский и сибирский» [ПДРВ, 1801, с.268–269]. При этом значимость тюменского владения, видимо, продолжала осознаваться и в XVII веке. В Строгановской летописи указано «... в Сибирскую землю, и оттоле старейшинство прият называтися Тура» [Сибирские летописи, 1907, с.59]. В «Истории Сибирской» С.У.Ремезова, заложившей основы многим фантомам сибирской истории, в перечне т.н. «ишимских ханов», к генеалогии которых привязана династия Тайбугидов (именно в этом источнике они из князей превращаются в царей), их про-

тивник «Чингыз» также назван «царь тюменской» [Ремезов, 1989, с.551].

Отметим, что на западноевропейских картах А.Вида, А.Дженкинсона, С.Герберштейна, созданных между 1537–1562 гг., выделяется только «Tumen» (Тюмень) как обозначение отдельной земли с указанием города как «Tumen Wilku», при этом Сибирь на этих картах либо вообще отсутствует, либо обозначает просто город [МИРК, 1899, рис.VI, IX, XVII] (рис.1,2,4). Представляется, что позднесредневековые авторы были вполне единодушны в определении названия, выбирая наименование «Тура» и «Тюмень» соответственно. Понятием Тюмень часто обозначали все степи за Волгой (например, на карте А.Дженкинсона). При этом на карте Джакомо Гасталди 1548 г. не указана Тюмень, зато практически это место значится как «Scinbani Tartari» (рис.3), то есть Шибанские татары [Фоменко, 2013, с.88–89], земли которых простираются от Камы и на значительную часть степей. В целом это обобщает Тюмень и Шибаны в едином территориально-политическом контексте, а также указывает на отсутствие или прозрачность южных степных границ шибанидских государств Западной Сибири. И, наконец, в завершение обсуждения этого сюжета, еще один интересный факт: именно «престол Тура» у Кадыр Али-бека Джалаира – это третий по важности престол, после Казани и Астрахани и перед Сарайчиком, в титуле русского царя Бориса Годунова [Березин, 1851, с.543].

Происхождение этого названия, на уровне рабочей гипотезы, может быть связано с событиями периода Великой Замятни, когда с 1370-х гг. на первое место здесь выходит Чимги-Тура (Тура¹ в восточных и Тюмень в русских источниках) [Исхаков, 2011-в, с.191]. Этот город был формальным центром Сибирской земли (аналог или калька более ранних наименований «страна» или «область» Сибирь), как это видно из летописной информации об убийстве Токтамышы в 1406 г. («в Сибирской земли близ Тюмени») [ПСРЛ, 1949, с.236]. О значении этого города говорит и его (под названием «Шехр-и Тура») захват ханом Хаджи-Мухаммадом Шибанидом в 1420-х гг. [Миргалеев, 2014, с.65]. Летом–осенью 1430 г. другой

Шибанид хан Абулхайр сделал Чимги-Туру местопребыванием «трона государства и средоточия божьей помощи» [МИКХ, 1969, с.143-144]. На этом основании можно говорить о процессе формирования Тюменского (Туранского) ханства, который относится к 1420–1430-м гг. При этом одним из главных, но не единственных, административно-территориальных частей ханства был собственно вилайет Чимги-тура.

Указание на сибирские владения Шибанидов имеется в наименовании в 1505/6 г. сына тюменского хана Ибрахима Кутлука «сибирским царем» [Вычегодско-Вымская, 1958, с.264], при этом он пришел на Пермь из Тюмени. Очевидно, что изменение территориального признака ханского титула отражало и некие перемены в самих границах государства. В дальнейшем, с середины XVI века, именно в русских летописных и посольских источниках как беки из Тайбугидов, так и ханы из Шибанидов начинают именоваться «сибирскими князьями» и «сибирскими царями» соответственно. В грамотах князя Едигера и хана Кучума имеются схожие формулы, апеллирующие ко «всей Сибирской земле», что, видимо, и было названием государства в XVI веке [Бустанов, 2011, с.37–38]. При этом указание на двойной титул Кучума и летописные упоминания Туры показывают старшинство этого престола в Сибири, хотя сама Чимги-Тура постепенно утрачивала свое значение на протяжении XVI века. На карте Г.Меркатора 1594 г. Tumen и Sibior впервые выделяются как отдельные земли с двумя соответствующими городами [МИРК, 1899, рис. XXIV] (рис.6). На картах А.Ортеля (1570 г.) и Й.Хондиуса 1606 г. фиксируется «Zibieraiorum Norda», то есть искаженное «Орда сибирских татар» [Трепавлов, 2012, с.124; Фоменко, 2013, с.90] (рис.5,7), которая располагается в степях к северу от Туркестана и Мавераннахра. По всей видимости, размещение этой орды в степной зоне обуславливалось не столько поражением Кучума от Ермака, сколько было традиционным для правления этого хана.

Значительный территориальный охват Тюмени и Орды сибирских татар позволяет рассматривать их как традиционно степные ханства, продолжавшие монгольские и золотордынские политические традиции. При этом юг Западной Сибири был важной частью этого политического пространства. Понятно, что по мере расширения северных таежных земель в силу специфических географических и климатических условий часть аристократии и рядового населения могла быть более стабильно привязана к своим конкретным юртам. Однако,

¹ Стремление некоторых авторов под влиянием Г.Л.Файзрахманова видеть под «Турой» известную по некоторым редакциям Сибирских летописей Кызылтуру, гипотетически связанную с происхождением княжеского рода Тайбугидов, не находит подтверждения в источниках и на данный момент может считаться одной из мифологем сибирской татарской истории.

находившиеся южнее, в лесостепной и пограничной со степью зонах, явно сохраняли традиции перекочевков как внутри ханства, так и на близких территориях Южного Урала, Приуралья и даже до Приаралья и присырдарьинского региона.

В этом случае необходимо обсуждать не отсутствие или косвенный характер источников по этой проблеме, а вопросы, а вопрос различия в избранных наименованиях владений в источниках русского, западноевропейского и восточного происхождения, а также их трактовки средневековыми авторами и современными исследователями. К сожалению, источники не сохранили для нас самоназвания позднесредневековых сибирских тюрко-татарских государств. При наличии лишь косвенных данных резонно называть расположенные приблизительно на одной территории наследственные владения местных Шибанидов по их крупнейшим городским центрам, формально выполнявшим функции стличных центров на самом севере этих земель, при наличии постоянно действовавшей кочевой ставки. На данный момент деление сибирской татарской истории на этапы Тюменского и Сибирского ханства является удобным способом выделения определенных исторических закономерностей.

Другое дело, применять ли к ним такие понятия, как «государство», «ханство», «юрт», «улус» или «вилайет». Первые два термина однозначно воспринимаются как близкие по смыслу и допустимые обозначения политических объединений, при постоянном обсуждении вопроса о степени и уровне развития государственности у кочевников в рамках т.н. «альтернативных путей». Остальные отражают стремление авторов говорить на «языке источника», хотя, например, понятие «юрт» в русских и восточных источниках разного времени явно имело различное значение. Чаще всего, юрт — это территория кочевания отдельного племени или улуса, включая как зимовки, так и летовки, хотя с конца XIV века под этим термином понимают уже и место феодала в ставке хана, и территорию, данную в удел, и местонахождение самой ставки хана. При этом место кочевания часто начинают называть вилайетом [Федоров-Давыдов, 1973, с.44, 111], который при этом мог обозначать и отдельную область внутри юрта. В русских источниках и, видимо, в тюрко-татарской исторической традиции этот термин использовался и для обозначения территории независимых ханств, образовавшихся после распада Монгольской империи и Золо-

той Орды [Зайцев, 2004 а, с.49; Мухамедьяров, 1973, с.828]. Применительно к Сибирскому ханству В.В.Трепавлов объясняет термин «юрт» как фиксированную, закрепленную территорию проживания и кочевания [Трепавлов, 2012, с.8]. По всей видимости, впервые это понятие в отношении к сибирской проблематике было введено А.Г.Нестеровым еще в 1988 г., а активно стало использоваться в работах Д.М.Исхакова середины 2000-х гг. [Нестеров, 1988, с. 6; Исхаков, 2011-в, с.190–192].

Проводя параллели, резонно предположить, что в обозначении государства термин «юрт» был схож с русским понятием «земля» (например, Сибирский юрт = Сибирская земля). При этом специфичность этих понятий в том, что в источниках после 1406 г. «Сибирская земля» впервые упоминается в контексте переписки князя Едигера в 1555 г. и хана Кучума после 1569 г. с московским царем Иваном IV [ПСРЛ, 1904, с.248; СГГД, 1819, с.63]. Фиксация этого названия говорит о реальных изменениях в понимании условной столицы государства, которая переместилась из Чимгитур в Искер. Понятие «юрт» применительно к этому времени и территории также упоминается в сентябре 1563 г. в грамоте от того же царя ногайскому бию Исмаилу [ПДРВ, 1795, с.323]. Обратим внимание на то, что в сибирских шежере суфийских шейхов имеется как понятие «Сибирская земля (вилайет)», так и Искерский юрт² (возможно, он же юрт Ичтак) и еще 4 иных юрта [Бустанов, 2009, с.200–202]. По всей видимости, юртом могли быть как отдельные территориальные единицы внутри ханства, так и само государство.

Отдельного объяснения требует и понятие «улус». Если изначально оно означало народ, данный в удел, как первый компонент к юрту, то есть территории, то в дальнейшем в золотоордынской традиции понятие расширилось до слов «государство» или «державна». Хотя отдельные авторы и продолжали использовать его в значении «народ» [Федоров-Давыдов, 1973, с.44, 111], что вполне правомерно с учетом кочевого образа жизни, когда сама территория имела смысл лишь в контексте ее населения. Улус и юрт для кочевого лидера были двумя компонентами одного явления;

² На основании «Родословия сейидов» некоторые исследователи ставят знак равенства между Сибирским ханством и Искерским юртом, а Кучума называют сибирским или искерским ханом [Селезнев и др., 2009, с.137–138]. При этом остается непроясненным вопрос о соотношении Искерского, Сибирского и Тайбутина юртов в различных источниках.

так, в июне 1649 г. внук Кучума Девлет-Гирей просит русского царя Алексея Михайловича пожаловать его «улусом и юртом» [Васьков, 2013, с.161]. Термин «Улус», как правило, применяется для обозначения владений Шибана и его потомков как административной или административно-политической единицы Золотой Орды [Костюков, 2010, с.10, 24, 83], хотя собственно в источниках это словосочетание практически не встречается. На наш взгляд, скорее, можно говорить об этом улусе не как о территориальном образовании, а как о совокупности людей, приданных Шибану, которые позднее будут именоваться «шибанскими татарами». При этом, как было указано выше в цитате из Абулгази, владения Шибана, как и его потомков, именовались юртом. Если признать преемственность улуса и юрта в территориальном и клановом плане среди Шибанидов в период от их появления в 1242/3 г. и до 1420/1 г., то более резонно говорить об «улусе и юрте Шибанидов», северной границей которого могла быть «Сибирь-Ибиль». При этом именно формальное представление о единстве улуса и юрта позволяло всем Шибанидам претендовать на власть над этим населением в пределах их кочевий, что и приводило к конкуренции между ними, которая решалась и в ходе военных столкновений. Лишь в первой четверти XV века начинают формироваться локальные династии Шибанидов, среди них та, которая может быть условно названа тюменской или сибирской. Несмотря на кажущуюся их привязанность к северным территориям, потомки Шибана потенциально могли быть ханами на любых территориях юрта.

В этих условиях понятия «улус» или «земля» будут ничуть не хуже отражать ситуацию, чем иные предлагаемые термины. При этом у всех этих терминов есть один немаловажный минус: «улус», «юрт» или «вилайет» менее удачны, с точки зрения обозначения государственности, поскольку, могли обозначать и административно-территориальное деление территории ханств. Их использование в конкретных источниках требует уточнения особенностей описываемой ситуации и конкретного политического контекста. Вводя альтернативные определения к понятию «ханство» и не вдаваясь при этом в их подробное объяснение, исходя из времени и авторства конкретного источника, мы рискуем не только запутать читателя, ради которого в конечном итоге и работаем, но и сами перестать понимать друг друга.

Резюмируя, отметим: 1) сибирские (в территориальном) татарские (в своей этносоци-

альной основе) ханства продолжают традиции монгольской и золотоордынской государственности и лишь в этом контексте могут быть рассмотрены и поняты; 2) отсутствие внутренних источников заставляет с осторожностью относиться к попыткам выявить самоназвание государства, хотя некоторые его аспекты могли отразиться в территориальной или родовой части титулатуры правителей; 3) наблюдением за изменениями этих аспектов с определенной долей вероятности предполагает последовательный выбор двух основных названий, то есть Тюменское (Туранское, с 1420–х по 1550–е гг.) и Сибирское ханство (Сибирский (возможно, Искерский) юрт, с 1563 г.); 4) на территории этих ханств правит ханская династия Шибанидов, потомков Шибана б. Джучи б. Чингисхана; 5) происходящие изменения границ и формальных столичных центров в их современном историческом понимании не меняли сущности самой государственности в силу ее кочевых истоков, связанных с общим наследием поздне-золотоордынского мира.

При редактировании, прежде всего, были в едином стиле прописаны все имена, если иное написание не входит в цитату из источника, а также откорректированы некоторые вопросы датировки событий. Остальные спорные вопросы были оставлены на усмотрение авторов разделов.

В написании книги приняли участие историки, археологи и этнографы: А.А. Адамов (г. Тобольск), А.В. Беляков (г. Рязань), Л.А. Бобров (г. Новосибирск), Д.М. Исахов (г. Казань), Д.Н. Маслюженко (г. Курган), А.В. Матвеев (г. Омск), Н.П. Матвеева (г. Тюмень), В.В. Меншиков (г. Курган), А.В. Парунин (г. Челябинск), Н.В. Перцев (г. Салехард), В.В. Пестерев (г. Курган), Е.А. Рябинина (г. Курган), Г.Х. Самигулов (г. Челябинск), А.Г. Селезнев (г. Омск), И.А. Селезнева (г. Омск), С.Ф. Татауров (г. Омск), Н.А. Томилов (г. Омск), В.В. Трепавлов (г. Москва), З.А. Тычинских (г. Тобольск), Ю.С. Худяков (г. Новосибирск).

Источники подготовлены к изданию А.В.Беляковым.

Указатели составлены Д.Н. Маслюженко и Е.А. Рябиной.

Иллюстрации представлены авторами разделов, а также Д.Н. Маслюженко и Е.А. Рябиной.

1. ИСТОРИОГРАФИЯ ИЗУЧЕНИЯ

1.1. ДОРЕВОЛЮЦИОННАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ

Историография истории татарской государственности Западной Сибири до сих пор не являлась предметом специального комплексного изучения. Однако в целом история Сибири подвергалась историографическому анализу. Наиболее известным подобным исследованием остается работа В.Г. Мирзоева [Мирзоев, 1970]. Сам автор писал, что «задачу первой систематизации развития исторических знаний о Сибири взял на себя В.И. Огородников» [Мирзоев, 1970, с. 6; Огородников, 1920]. Хотя работа вышла в 1920 г., автор, как отмечал В.Г. Мирзоев, «следовал взглядам, сложившимся еще до революции, на творчество основных историков Сибири и главные направления сибирской историографии» [Мирзоев, 1970, с. 6]. Но основоположником историографии Сибири как отрасли самостоятельного изучения можно считать С.В. Бахрушина, написавшего очерк «Главные течения в сибирской историографии с XVIII в.» [Мирзоев, 1970, с. 7; Бахрушин, т. III, ч. 1, 1955]. В.Г. Мирзоев, оценивая историографические заслуги С.В. Бахрушина, отмечал, что он установил «связь изучения сибирской истории с общим ходом ее освоения и исследования», а также то, что его работы – это «первая попытка сформулировать признаки основных направлений истории сибирской исторической науки» [Мирзоев, 1970, с. 7]. Тем не менее процесс историографического изучения истории Сибири активизировался в последнее время, что выразилось в появлении ряда диссертационных исследований по этой проблематике [Коблова, 2009; Муратулы, 2010].

Формирование поистине научного исторического знания в России начинается в XVIII в. Общепризнанным основоположником научного изучения Сибири, ее освоения и заселения русским населением был Г.Ф. Миллер. В результате путешествия по Сибири в 1733–1743 гг., в рамках Второй Камчатской экспедиции им был собран огромный исторический материал, включавший копии документов XVI–XVII вв., ответы представителей местной администрации на составленную Г.Ф. Миллером анкету, личные путевые впечатления и т.п. [Окладников А.П., 1977, с. 10–18]. Результатом этих изысканий стала до

сих пор полностью не опубликованная «История Сибири», в которой была заложена первая отечественная научная историческая концепция политического развития государственно-сти на территории Сибири, а также характера присоединения ее к российскому государству [Миллер, 1750; Миллер, т.1-2, 1937-1941; Миллер, т. 1, 1999; Миллер, т. 2, 2000; Миллер, т. 3, 2005].

Научный характер этой работы определяется критическим анализом источниковой базы исследования. Г.Ф. Миллер в соответствии с уровнем развития науки в XVIII в. не только перечисляет использованные им источники, но и дает им соответствующую характеристику. Эта литература состояла из актовых и нарративных материалов. Среди таковых необходимо прежде всего отметить Тобольский летописец С.У. Ремезова и «Родословную историю о татарах» Абулгази.

Г.Ф. Миллер отмечает, что «первый и главнейший народ в Сибири есть татары», а их подлинная история начинается с Чингисхана [Миллер, 1750, с. 2]. Ученый дает краткий генеалогический анализ истории потомков Чингисхана, чтобы в дальнейшем показать политическую преемственность правителей Сибирского ханства с чингизидами. В своем исследовании Г.Ф. Миллер уделяет внимание этнографическим описаниям сибирских народов, упоминая енисейских киргизов, ойратов или калмыков, теленгутов, бурят, якутов, тунгусов, маньчжуров, дауров, вогуличей и остяков.

Г.Ф. Миллер вводит в научный оборот концепцию захвата власти Тайбугой в Сибирском ханстве и формирования династии Тайбугидов, которые обосновались на месте Тюмени, назвав свою столицу Чимги-Тура. Затем среднеазиатский правитель чингизид Кучум вытесняет Тайбугидов из Сибири. Причем именно Кучум устанавливает в Сибири мусульманское вероисповедание. Данная схема в значительной степени была воспринята в отечественном сибиреведении.

Большая часть исследования Г.Ф. Миллера посвящена процессу присоединения Сибири к России. Историк доказывал военный характер этого процесса. Сибирь была, по его мнению, завоевана, решающую роль в этом сыграло российское государство. Казаки, «гу-

лящие люди)», другие категории служилого населения, проникая в глубь сибирских территорий, несли с собой идею казацкой вольницы, а приход русских на новые земли с неизбежностью привел к функционированию государственной власти. Исходя из этой концепции, вполне вписывающейся в умонастроения эпохи, Г.Ф. Миллер написал, прежде всего, политическую историю Сибири, обратив внимание на деятельность центральной и местной администрации против местного населения и обороны края с целью скорейшего закрепления новых земель в составе Российского государства. Фактический материал, содержащийся в произведении Г.Ф. Миллера, до сих пор не утратил научного значения, так как многие использованные ученым документы безвозвратно утрачены для современных исследователей. Однако первоначально академическая общественность весьма прохладно встретила его сочинение: «Большая часть книги не что иное есть, как только копия с дел канцелярских» [Уханов, 1996, с. 92]. Но прошло время, и недостатки исследования причудливым образом превратились в достоинства.

Продолжил изучение Сибири в XVIII в. И.Э. Фишер, выпустивший свой вариант истории Сибири [Фишер, 1774]. Но данное сочинение не может рассматриваться как оригинальное так ничего принципиально нового не вносило в исторические знания о Сибири, и было составлено И.Э. Фишером на основе материалов Г.Ф. Миллера, привезенных им из сибирской экспедиции, и, по существу, концептуально повторяло выводы «Описания Сибирского царства». В.Г. Мирзоев прямо заявлял, что «Сибирская история» Фишера... лишена самостоятельного значения» [Мирзоев, 1970, с. 94].

Один из наиболее крупных отечественных историков Н.М. Карамзин уделил внимание проблеме присоединения Сибири [Карамзин, т. IX, 1998]. Однако, как отмечает В.Г. Мирзоев, «Сибирь была для него, так сказать, «обочинной», находящейся в стороне от столбовой дороги русской истории – зарождения и развития самодержавия» [Мирзоев, 1970, с. 143]. Но некоторые оценки Н.М. Карамзина оказали влияние на последующее изучение истории Сибири. Так, историк отверг схему сибирского летописания Г.Ф. Миллера, считая самой достоверной Строгановскую летопись, умаляя значение других летописных источников и превознося роль Строгановых [Мирзоев, 1970, с. 143–146].

Исследование П.И. Небольсина «Покорение Сибири» продолжает традицию, заложенную Г.Ф. Миллером, изучения Сибири в контексте присоединения ее к Российскому государству [Небольсин, 1849]. Автор специально выделил отдельную главу, посвященную критическому анализу источниковой базы своего исследования. В этом, как нам представляется, скорее всего, проявилось влияние известной критической школы Каченовского. П.И. Небольсин в основном опирался на различные сибирские летописи, среди которых он особо выделяет Тобольский летописец С.У. Ремезова, а также Есиповскую и Строгановскую летописи (в отличие от Н.М. Карамзина, отдавая предпочтение первой). П.И. Небольсин, отдавая должное заслугам Г.Ф. Миллера, тем не менее, подверг его критике, в частности, за слишком большое доверие сообщениям Абулгази.

П.И. Небольсин предлагает четыре различных понимания ойконима «Сибирь». Во-первых, это так называемая русская Сибирь – территория между Камой и Уралом; во-вторых, собственно Сибирь, все, что расположено за Уральскими горами; в-третьих, это отдельный политический союз племен, «Сибирский юрт», или царство, в-четвертых; столица этого царства город Сибирь, расположенный в 16 верстах от впадения Тобола в Иртыш [Небольсин, 1849, с. 30–31].

Коренным, туземным, населением Сибири исследователь считал остяков и вогуличей, которые исповедовали идолопоклонство. Прешлое население было преимущественно мусульманским – ногаи, киргизы, бухарцы и другие выходцы из Средней Азии. Примечательно, что П.И. Небольсин определяет этноним «татарин» как собирательный, по существу, трансформируя его в этноконфессиональный или этносоциальный. Он пишет: «Так, например, известный в свое время Тувонча Кувандыковезде именуется остяком, а брат его, еще более знаменитый – Еланча – именуется то остякким головою, то татарским князем или просто князцом и просто татаринном: это мы и доселе видим у себя – всякого крещеного в православную веру мы зовем русским, а верующий в Мухаммеда, кто бы он ни был – просто татарин» [Небольсин, 1849, с. 32].

П.И. Небольсин считал хана Кучума ногайцем, захватившим престол в Сибирском ханстве, отказавшимся выплачивать дань русскому царю. Исследователь постоянно подчеркивал интерес Ивана Грозного к Сибири с 1555 г., тем самым умаляя роль Строгановых

в грядущем присоединении Сибири. П.И. Небольсин постоянно опровергал тезис о какой-либо причастности Строгановых к приглашению Ермака к себе и их участию в организации похода в Сибирь. Однако и Ермак, как нам представляется, не становится главным действующим лицом. Хотя В.Г. Мирзоев весьма определенно утверждал: «Героем «Покорения Сибири» был, как и следовало ожидать, Ермак. Сочинение Небольсина является гимном этому народному представителю, воспетому в исторических песнях русского народа» [Мирзоев, 1970, с. 222]. Однако такой характеристике противоречит следующее утверждение Небольсина: «Ермак пропустил мимо ушей рассказы о нападении пельмского князька: боялся ли он честного боя с врагами отечества, надеялся ли на плохую с них поживу, опасался ли земских начальников и Строгановых – неизвестно. Но мысли, вероятно, недобрые ходили у него в голове; высокими помыслами не могли разделять все пятьсот человек его товарищей: казачество, набеги, грабежи – были их стихиями. Не с чистыми целями товарищи его пошли в Сибирь, бесчестно хотели бежать отсюда от Кучума, бесчестно и убежали наконец, после смерти Ермака, все до одного – и тогда только царское уже войско покорило нам Сибирь» [Небольсин, 1849, с. 72]. Скорее всего, В.Г. Мирзоев находился в плену господствующих в советское время оценок – Небольсин относился к демократическому направлению российской историографии, однако никогда идеологические ярлыки не могут полноценно и адекватно охарактеризовать творчество настоящего исследователя.

С.М. Соловьев подобно Н.М. Карамзину специально не углублялся в историю Сибири, но включил в свой главный труд небольшую главу «Строгановы и Ермак» [Мирзоев, 1970, с. 183; Соловьев, 1896]. С.М. Соловьев, по сути, продолжил развитие взглядов Н.М. Карамзина, не соглашаясь с позицией П.И. Небольсина по проблемам сибирского летописания [Мирзоев, 1970, с. 183–186].

Стоит подчеркнуть, что для историографии истории Сибири в XIX в. остается характерным рассмотрение большинства проблем в связи с присоединением к Российскому государству в контексте истории России. Это определялось господствующей формой исторического описания – объемными историческими национально-государственными нарративами. Однако уже в это время появляются исследования, специально посвященные дорусской истории Сибири. Проблемы сибирской тюрко-

логии становятся самодостаточными. В связи с этим отметим В.В. Радлова, который известен, прежде всего, как исследователь тюркских языков, фольклора и истории сибирских татар, опубликовавший различные народные предания, в которых отразилось историческое сознание тюркоязычных народов Сибири [Радлов, 2012].

В это время набирает силу новое направление в исторических исследованиях – краеведческое, которым занимались и непрофессиональные историки. Одним из направлений этой деятельности была публикация источников [Усманов, Шайхиев 1979, с. 85–103]. Среди профессиональных историков-краеведов отметим творчество Н.Ф. Катанова. Выявленные и опубликованные им источники до сих пор востребованы в современных научных изысканиях. Например, одна из рукописей, повествующая об одном из эпизодов исламизации Западной Сибири [Катанов, 1903, с. 133–146]. Интересны в этой связи и другие работы автора, отражающие разные аспекты исторических преданий сибирских татар [Катанов, 1896, 1897].

Из числа непрофессиональных историков-краеведов выделим Н.А. Абрамова [Бычков, 2009, с. 95–101; Меншиков, 2012, с. 5–6; Меншиков, 2014, с. 213–215; Петухов, 1870, № 39–45]. Он оказался связан с рядом сибирских и среднеазиатских городов: Курган, Тобольск, Березов, Тюмень, Ялуторовск, Омск, Семипалатинск, Усть-Каменогорск и др. Везде исследователь занимался изучением местных архивохранилищ и исторических достопримечательностей, публикуя в разных изданиях результаты своей работы. В результате творческое наследие Н.А. Абрамова оказалось весьма разнообразным по тематическому и географическому охвату – этнографические, исторические, археологические, источниковедческие, топонимические, географические исследования от Сибири до Средней Азии. Он был действительным членом Императорского Русского географического общества, а также членом-корреспондентом Тобольского физико-медицинского общества и Общества любителей естествознания при Московском университете.

Примечательно, что творчество Н.А. Абрамова попало в поле зрения известного русского литературного критика, историка литературы и библиографа С.А. Венгерова. Статья о Николае Алексеевиче была включена в его грандиозный по замыслу «Критико-библиографический словарь русских писате-

лей и ученых» (к сожалению, проект не был реализован полностью, в 1889–1904 гг. вышло 6 томов). С.А. Венгеров, пытаясь оценить значение творческого наследия исследователя, отмечал его значительный объем – около ста статей, но искренне заявлял, что «трудно указать какая из них представляет наибольшую ценность» [Венгеров, 1899, с.19]. Еще одно замечание известного критика и библиографа, часто цитируемое, но, думается, не вполне справедливое: «Каждая заметка и статья Абрамова ничего особенного собою в отдельности не представляет, но многие десятки таких заметок и статей составляют уже драгоценный вклад в науку» [Венгеров, 1899, с.19-20]. Не вдаваясь в детальный анализ отдельных статей Н.А. Абрамова, все же отметим некоторые очевидные достижения исследователя. Он ввел в научный оборот, найденную им так называемую Черепановскую летопись, которая до сих пор остается неопубликованной. Практически каждая статья по истории городов, где ему приходилось жить, по существу, были первыми исследованиями такого характера, что уже имело несомненную научную ценность, тем самым создавая фундамент для будущих изысканий.

Будучи знатоком татарского языка Н.А. Абрамов активно использовал в своем творчестве народные предания и легенды местных татар. Он сам писал, что «малейший шаг в сокровенную глубину народных преданий и всякое приобретение в области туземной старины, доставляющие сколько-нибудь пищи любопытству, не могут не заслуживать внимания» [Абрамов, 1854, с. 99]. Приведенная Н.А. Абрамовым в статье легенда о происхождении Царева Кургана оказалась очень живучей, вплоть до конца XX в. она широко тиражировалась в массовом историческом сознании курганцев, в свою очередь, отражая некоторые черты и особенности исторического сознания татарского населения Западной Сибири XIX в. [Слобода, 2015, с.18–19]. Конкретные аспекты истории правителей Сибирского ханства также получили отражение в работах Н.А. Абрамова [Абрамов, 1858, с. 712–715]. В.Г. Мирзоев так оценил деятельность этого исследователя: «Кропотливая и неутомимая деятельность Абрамова по изысканию источников и описанию родного края представляет собой образец работы энтузиаста» [Мирзоев, 1970, с. 181].

Среди работ по истории Сибири XIX в. нельзя обойти вниманием труд И.В. Щеглова, вышедший в Иркутске в 1883 г., за-

тем переизданный в 1990-х гг. [Щеглов, 1993]. Труд примечателен тем, что охватывает очень широкие хронологические рамки, начиная с XI в., однако, как и многие труды других русских историков этого времени, в работе рассматривается история Сибири исключительно, с точки зрения проникновения русских в этот регион. Всего несколько сообщений, в каком-то смысле случайных, попали в поле зрения И.В. Щеглова из истории дорусских политических образований в Сибири. Это, например, сообщение, заимствованное из работы И.Э. Фишера, о различных версиях происхождения Тайбугидов [Щеглов, 1993, с. 21-22]. Речь идет об известии, помещенном под 1496 г., о смерти сибирского хана Махмета или Мамука, который перенес столицу из Тюмени в Сибирь (Искер) [Щеглов, 1993, с. 22]. Кроме того, все сообщения о посольстве хана Едигера в Москву, о приходе Кучума в Сибирь и т.д. во многом повторяют уже известные в исторической науке факты и были рассмотрены исключительно в контексте российского проникновения в Сибирь.

Безусловный интерес вызывает небольшой очерк И. Введенского об истории Сибири до похода Ермака [Введенский, 1883]. В нем автор, следуя устоявшейся традиции, начинает свое повествование с первых упоминаний о сибирских землях в русских летописных источниках и о проникновении туда новгородцев. Затем автор дает обобщенную характеристику политического развития татарской государственности в Западной Сибири, сводя ее к постоянной борьбе разных династических линий (Тайбугидов, Шибанидов и т.п.). С конца XV в., как отмечает автор, формируются два основных политических центра – Тюмень и Искер (Сибирь), фактически утверждая о существовании двух конкурирующих государственных образований: «Мамет ушел внутрь владений своих предков... основал новый центр татарских владений – город Искер или Сибирь. С тех пор в Тюмени до самого покорения Сибири дружиной Ермака были особые, отдельные владетели, известные под именем ханов или султанов» [Введенский, 1883, с. 13]. Следует заметить, что автор очерка постоянно отмечает недостаточность источников по дорусской истории Сибири, их противоречивость, что обусловило гипотетичность и противоречивость большинства выводов и утверждений по рассматриваемой проблеме.

Заслуживает внимания творчество В.В. Вельяминова-Зернова [Вельяминов-Зер-

нов, 1864]. Исследователь сделал ряд любопытных умозаключений о генеалогии Тайбугидов и Шибанидов, о матримониальных отношениях и связях сибирских правителей, об основании города Искер (Сибирь) и его политической роли в Сибирском ханстве.

Проблема дорусской истории Сибири впервые была широко поднята областнической историографией [Мирзоев, 1970, с. 347]. Близким к этому направлению был А.В. Оксенов [Оксенов, 1888]. Отметим его очерк, посвященный анализу сообщений о Сибири западноевропейских путешественников [Оксенов, 1889]. В этом очерке были рассмотрены сообщения Плано Карпини, Марко Поло, Ивана Шильбергера, Матвея Меховского, Альберта Кампензе, Павла Иовия, Сигизмунда Герберштейна, Рафаэля Барберини, Александра Гваньини. Вплоть до прихода Ермака для русских и западноевропейцев Сибирь, как считал А.В. Оксенов, была по настоящему «неизвестной землей» – terra incognita [Оксенов, 1889, с. 43], что усиливало интерес к изучению этой неизвестности. В.Г. Мирзоев делает важный вывод о творчестве исследователя: «Таким образом, там, где до Оксенова не видели истории вообще, Оксенов нашел живое развитие, в котором прошлое Азии смыкается с Европой, а «доистория» переходит в историю» [Мирзоев, 1970, с. 347–348].

К проблемам присоединения Сибири к России в конце XIX в. обратился и известный пермский историк А.А. Дмитриев [Дмитриев, вып. V, 1894]. Он продолжил традицию Н.М. Карамзина и С.М. Соловьева преувеличивать роль Строгановых в процессе присоединения сибирских земель. Заслугой А.А. Дмитриева является открытие и публикация им ряда местных летописей (Кунгурская, Уральская, Соликамская летописи, «Сказание Сибирской земли»). Однако В.Г. Мирзоев дал весьма нелицеприятную характеристику исследователю: «Сочинения Дмитриева – показатель идейной пустоты, которая стала образовываться вокруг буржуазного направления в сибирской историографии...» [Мирзоев, 1970, с. 374]. К сожалению, совершенно необходимым критический анализ творчества исследователя был предопределен идеологическими штампами.

В XIX–начале XX в. формируется собственно татарская историография истории Сибири. Начало было положено сбором и публикациями татарских исторических преданий краеведческого характера [Усманов, Шайхиев, 1979, с. 85–103]. В 1911 г. на татар-

ском языке издается исследование по истории Сибири Х. Атласова (Атласи) [Атласи, 2005]. Эта работа в соответствии с господствующими формами историописания закладывала основы национального татарского исторического нарратива. Сам Х. Атласи писал: «История – единственная из наук, способная пробудить в человеке чувство национального достоинства... единственная наука, способная сплачивать людей... Думаю, бессердечие тюрко-татар в отношении друг друга... объясняется отсутствием у нас общей истории» [Атласи Х.М., 2005, с. 13]. Тем самым было положено начало формированию национального татаро-сибирского мифа.

Х. Атласов рассматривал историю татар Сибири как неотъемлемую часть общетатарской истории [Загидуллин, 2005, с. 8]. Он утверждал, что один из древнейших народов Евразии – скифы – были тюрками, это означало, что тюрко-татарская история, по его мнению, уходит своими корнями в глубокую древность. Х. Атласи детально разбирает этимологию ойконима «Сибирь», в значительной степени соглашаясь с мнением П.И. Небольсина в этом вопросе. Традиционно автор связывает один из исторических истоков тюрко-татарской государственности в Сибири с Чингисханом, но династически Сибирское ханство Х. Атласов начинает с Тайбуги, затем последовательно перечисляя следующих правителей – Ходжа хан, Мухаммед хан, Ангыш хан, Касым хан, Ядкар хан. Последним был Кучум, свергнувший с престола Ядкар хана (Едигера). Однако последний правитель Сибирского ханства был Чингизидом (потомком Шейбани хана). Следуя имперской традиции историописания, автор уделяет внимание проникновению русских в Югру и далее в Сибирь, описывая Ермака и его поход. Особое внимание Х. Атласи уделил личности, правлению и просветительской деятельности хана Кучума, который, по нашему мнению, и стал главным героем сибирской истории для автора.

Своеобразным итогом развития исторических знаний о Сибири в дореволюционный период стала работа В.И. Огородникова, ставшая своего рода связующим звеном с советской историографией и в целом с исторической наукой XX в. Это во многом определялось самим содержанием данного труда. Автор отошел от традиционного понимания предмета исторического исследования – политической истории. В.И. Огородников последовательно рассматривает и экономический быт сибирских народов, привлекая значительный

этнографический материал, исследует систему верований, уделяет внимание социальной и политической структуре общества. Даже некоторые элементы повседневной жизни сибирских народов стали предметом исследования историка. Выше уже отмечалось, что автор впервые историографически систематизировал исследования предшественников. Это собственно первое комплексное историческое исследование Западной Сибири.

В.И. Огородников последовательно описывает народы Сибири и места их обитания. Автор четко выделяет две группы тюрко-татарского населения Сибири – туземное и пришлое, хотя и туземцы, по мнению В.И. Огородникова, пришли в Сибирь в XIII в. вместе с Батыем, а пришлое – это ногайско-бухарские переселенцы XIV–XV вв. [Огородников, 1920, с. 218–220]. Основным содержанием политического развития Сибирского ханства автор считает постоянную борьбу между двумя династическими линиями – Шейбанидами и местными князьями (Тайбугидами) [Огородников, 1920, с. 227].

1.2. СОВЕТСКАЯ И СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ

Значительную роль в историографии, как и в предшествующий период, играли вопросы истории сибирского летописания, хронологии и характера похода Ермака, его последствий для дальнейшего русского завоевания, колонизации и освоения территории Западной Сибири. Эти процессы во многом выходят за пределы рассматриваемой проблематики, к тому же они стали основой большого исследования [Зуев, 2007].

Несмотря на стремление специалистов по историографии, в частности, Е.Ю. Кобловой (Молявиной), выделить все советские работы по интересующей нас теме в 3 этап (1917–рубеж 1980–1990-х гг.) с 2 периодами (1917–середина 1950-х гг., середина 1950-х – рубеж 1980–1990-х гг.) [Коблова, 2009, с.18–19], проведенный нами анализ не во всех случаях позволил провести такую периодизацию. В изучаемой проблематике истории Тюменского и Сибирского ханства переход от дореволюционной к советской историографии произошёл достаточно мягко, в том числе в силу того, что продолжили работать такие авторы предшествующего времени, как В.И. Огородников (рис.8), В.В. Бартольд, С.В. Бахрушин.

Такое же пограничное положение занимает творчество одного из крупнейших отечественных востоковедов – В.В. Бартольда. После революции историк активно включился в общественную деятельность Советской власти, однако его основные научные идеи были сформулированы еще в дореволюционный период. Внимание автора было сосредоточено на разных аспектах истории тюркоязычного населения Средней Азии. Для исследователей истории Сибири наибольший интерес вызывают его выводы о династических связях чингизидов, о процессе исламизации разных тюркских народов и т.п. [Бартольд, т. 5, 1968 а, б].

Главным итогом развития дореволюционной историографии истории Сибири стало формирование событийной канвы политической истории региона. Также были сформулированы основные подходы к роли различных сил в присоединении Сибири к Российскому государству. Существенно преобладал взгляд на Сибирь в контексте российской истории. Наряду с русской историографической традицией начинается формирование тюрко-татарской историографии истории Сибири.

Особенное значение собственно для сибирской истории имели работы С.В. Бахрушина (рис.9). Еще в 1916 г. им была издана небольшая статья «Туземные легенды в «Сибирской истории» С.Ремезова», которая поднимала вопрос о татарских источниках сибирского летописания [Бахрушин, 1916, с.3–8], до сих пор остающийся слабо изученным. В 1922 г. С.В.Бахрушин написал «Исторический очерк заселения Сибири до середины XIX века», в котором он развивает мысль о значении торговых путей как фактора заселения Сибири [Бахрушин, 1922, с.23–29]. В 1935 г. им было проведено большое исследование по истории остяцких и вогульских княжеств XVI–XVII вв., в котором ученый обратил внимание на роль и хронологию складывания трансуральских путей для развития торговли и дальнейшего русского освоения региона, а также на важнейшее значение в этом процессе пушнины. Немаловажным фактором было привлечение большого числа архивных документов, тогда слабо используемых в сибиреведении [Бахрушин, 1935, с.3–5, 36–38]. Кроме того, он обратил внимание на процессы влияния на историю хантов и ман-

си соседнего Сибирского ханства, в том числе и в результате покорения их территорий. В частности, С.В.Бахрушин отметил такие примеры этого влияния, как заимствование сотенного деления и сотников, специфику понимания термина уштяки/иштяки, формирование ясачных выплат. Также он отметил, что подчинение оястов и вогулов татарскими ханствами могло происходить на протяжении XV–XVI вв. [Бахрушин, 1935, с.5, 21, 37–38]. В конце 1930-х гг. исследователь вновь вернулся к проблематике русского завоевания Сибири, судьбе местных татарских государств с центрами в Чинги-Туре и Искере (Кашлыке). Пытался определить их границы и основных союзников в период Сибирского ханства Кучума, среди которых выделял ногаев и Бухару, а также рассматривал вопросы хозяйства, улусной и социальной организации. Исследование этой темы было важно для построения схемы формирования сибирских служилых татар [Бахрушин, 1955 в. с.153–158].

В 1939 г. вышла статья С.А.Токарева, посвященная походу Ермака и завоеванию Сибирского царства [Токарев, 1939, с.94–102]. Проблематика похода Ермака, его хронологии, выявления связей летописных источников – это те вопросы, вокруг которых строилась значительная часть исследований истории Западной Сибири. В данном случае автор одним из первых в советской историографии вписал этот поход в исторический контекст, обратив внимание именно на завоевательный характер закрепления Сибири. Для этого С.А.Токарев анализировал данные о переговорах с сибирскими князьями, набегах сибиряков на русские земли, деятельность Строгановых и их связь с Ермаком, а также последствия этого похода как лишь одного из этапов завоевания Сибири. Обратил внимание и на то, что автор указал на популярный и сейчас тезис о непрочности ханства Кучума по причине внутренних войн и борьбы между князьями и мурзами.

Параллельно с этими исследованиями выходят работы В.В.Бартольда (рис.10), посвященные Абулхайру и Узбекскому ханству, а также иным Шибанидам, связанным с историей позднесредневековых государств Средней (Центральной Азии). В.В. Бартольд, основываясь на Тарих-и Абулхайр-хани, сделал заключение о его службе у Джумадука, убитого в ходе восстания, плене Абулхайр, его провозглашении ханом в 1428 году в области Тура в Сибири. После этого хан подчинил большую часть Дешта, в 834/1430–1431 году захватил

Хорезм с главным городом Ургенчем, который вынужден был оставить. В целом им была предложена известная сейчас канва исторических событий, связанных с деятельностью основателя Узбекского ханства [Бартольд, 1918, с.90; Бартольд, 1964 б, с.489–490]. В работах этого востоковеда значительное внимание уделено как данному Шибаниду, так и его наследникам. Кроме того, он написал первый биографический очерк, посвященный собственно хану Кучуму. Он был создан как на основе русских источников, так и исторических сочинений Абулгази и Сейфи Челеби, тогда еще плохо известным советским исследователям. В.В.Бартольд обращает внимание на название государства «Тура», упоминания Искера только в русских источниках, его сомнения в возможности бухарского хана Абдуллы II отдавать приказ об организации в независимый Хорезм, убийство Кучума ногаями за набеги его отца, исламской миссии указывал, что название государства [Бартольд, 1968 б, с.554–555].

В.В.Бартольд заложил мощную традицию по изучению шибанидской государственности в Центральной Азии, где в общем контексте также рассматриваются отдельные сибирские события, связанные с Абулхайром, Мухаммадом Шейбани или Абдуллой II. Среди работ этого направления необходимо отметить «Очерки по истории Средней Азии (XVI – середина XIX века)» П.П. Иванова (1941 г.), 2 том «Истории народов Узбекистана» А.А.Семенова (1947 г.), его же статью «К вопросу о происхождении и составе узбеков Шейбани-хана» (1951 г.) [Иванов, 1958, с.15–148; История народов, 1947, с.21–58]. Последняя статья носила прогрессивный характер, поскольку предлагала не традиционный уже анализ политических или социально-экономических структур, а племенной состав узбеков внука Абулхайра [Семенов, 1954, с.2–37]. Все эти работы легли в основу нового этапа перевода восточных исторических сочинений, связанных с историей XV–XVII вв. В 1958 г. С.К.Ибрагимов перевел фрагмент важнейшего для понимания истории Узбекского ханства сочинения Ма'суда бен Османи Кухистани «Тарихи Абулхайр-хани» [Ибрагимов, 1958, с.86–102]. Затем эта работа была продолжена в ставшем уже классическим издании «Материалы по истории Казахских ханств XV–XVIII веков (извлечения из персидских и тюркских сочинений)» (Алма-Ата, 1969).

В конце 1940-х–начале 1960-х гг. вновь обострился спор о характере похода Ермака

в Сибирь, роли в этом процессе Строгановых и Ивана IV, а также хронологии самого похода. В целом авторы соглашались с преимущественным влиянием на поход именно купцов Строгановых, а также с теми или иными оговорками склонялись к увеличению периода похода, начальный этап которого предлагали отнести к 1578 г. [Красинский, 1947, с.80–99; Сергеев, 1959, с.118–131; Введенский, 1962, с.60–111].

Если в довоенные и послевоенные годы исследования велись лишь отдельными авторами, то в условиях оттепели с 1962 г. в рамках расширения исследовательской проблематики происходит настоящий взрыв научного интереса как к позднесредневековым государствам, так и средневековой истории Западной Сибири. Это выражается в написании первых обобщающих работ.

В 1960 г. вышла ставшая сейчас классической работа М.Г.Сафаргалиева «Распад Золотой Орды». В этой монографии автор предпринял, пожалуй, первую попытку связать историю сибирской государственности Шибанидов, обобщенную под названием «Сибирское ханство», с предшествующими событиями в Улусе Джучи (Золотой Орды) и общим процессом переоформления политического мира Джучидов. Ему удалось показать процессы борьбы Шибанидов за власть, обобщив деятельность Хаджи-Мухаммада и Махмуд-Ходжы как одного лица, что долгое время оказывало влияние на последующую историографию [Маслюженко, 2011, с.88–101]. Немаловажное значение имел и анализ деятельности, в контексте становления этой государственности, узбекского хана Абулхайра, а также отдельные замечания автора о генеалогии Шибанидов и Тайбугидов, их связях с московскими правителями [Сафаргалиев, 1996, 454–477].

В том же 1960 г. выходит учебное пособие З.Я.Бояршиновой «Население Западной Сибири до начала русской колонизации» (рис.11). В этом издании впервые был представлен концепт схемы развития сибирской государственности XV–XVI вв., причем помимо внешних и внутренних политических процессов и вопросов наследования власти были кратко проанализированы вопросы хозяйства, государственного строя, административного и социального устройства ханств. Во многом эта схема, насыщаемая фактическим материалом последующими историками и археологами, до сих пор не теряет своей актуальности. В частности, З.Я. Бояршинова предложила

существующую и сейчас схему конфликта Тайбугидов и Шибанидов со второй половины XV века как важнейшего фактора развития местной государственности. При этом автор отмечает обособление Сибирского ханства Тайбугидов в конце XV века, а так же формулирует предположение об отношении местного населения к Кучуму как к пришельцу и завоевателю, использовавшему помощь ногаев и находившегося в зависимости от бухарского хана Абдуллы [Бояршинова, 1960, с.100–118]. Многие эти выводы и предположения были затем развиты в соответствующих разделах второго тома «Истории Сибири», изданного в 1968 г. [История Сибири, 1968, с.25–54].

В 1965 г. году вышла ставшая классической работа – монография Б.А. Ахмедова «Государство кочевых узбеков», построенная на большом комплексе восточных источников. В ней были продолжены начатые еще в первой половине XX века работы востоковедов по истории хана Абулхайра и его политического объединения. Как и М.Г. Сафаргалиев, автор стремился показать становление и развитие этого ханства в общем контексте степной истории XV века, обращая внимание на конфликты между Шибанидами в 1420-х годах. Его версия границ отдельных улусов Шибанидов до сих пор встречается во многих работах. Кроме того, им была предложена реконструкция социально-экономических отношений и государственного строя кочевых узбеков [Ахмедов, 1965, с.32–108].

1960-е гг. завершили статью В.Д.Назарова «Зауральская эпопея XVI века». В этой работе автор стремился вписать поход Ермака в общий контекст как становления сибирской государственности, так и русско-сибирских отношений в широком понимании последних как начавшихся еще в конце XI века. Кроме того, автор обращал внимание на конкретику переговорной практики Искера и Москвы при Кучуме, и на постепенный рост агрессии Сибирского ханства. В его работе в наиболее сжатом виде выражена мысль о том, что Кучум в течение семи лет восстанавливал единство своего государства, подавляя сопротивление местных музр [Назаров, 1969, с.103–116].

Как это ни странно, но после колоссального информационного роста 1960-х гг. в последующее десятилетие происходит реальный спад изучения средневековой государственности в советском сибиреведении.

Значительное число авторов вновь обращается к вопросам русского освоения Си-

бири, пытаясь вписать их в русло позиции о мирном присоединении сибирских народов. Кроме того, вновь актуальным становится вопрос об истоках сибирского летописания как важнейшего источника по истории присоединения Западной Сибири [Сергеев, 1970, с.45–61]. Несколько особняком стоит работа А.А.Преображенского «Урал и Западная Сибирь в конце XVI–начале XVIII в.» (1972 г.). Несмотря на то что книга была посвящена колонизационным и миграционным процессам русского населения, автор в первой главе остановился на многих вопросах истории татарской государственности, отношений Кучума с Москвой, похода Ермака. Значительным прогрессом являлся 3 раздел этой главы, полностью посвященный отражению присоединения Сибири в дипломатической документации второй половины XVI–начала XVII в. [в основу этой части легла статья исследователя: Преображенский, 1964, с.383–389] Многие документы были представлены впервые из фондов ЦГАДА (сейчас РГАДА). Они позволяли в духе того, что сейчас назвали бы репрезентацией, оценить то, как менялось отношение к сибирским делам у русских политиков и дипломатов, особенно работавших на европейской политической арене [Преображенский, 1972, с.15-55]. В 1974 г. вышла научно-популярная книга Д.И. Копылова «Ермак», в которой автор проанализировал все известные на тот момент источники по истории деятельности Ермака, в том числе его похода в Сибирь [Копылов, 1974]. В целом, данные работы показывают возвращение многих авторов к традиционным историческим сюжетам, связанным именно с походом Ермака, в то время как история сибирской государственности часто является лишь фоном общероссийской истории.

В 1970-х гг. началась работа этнографов, в частности Н.А.Томилова, по изучению этнической истории тюркоязычных групп Западной Сибири. Значительное внимание уделялось ранней этнической истории и связи этнических процессов с историей сибирской государственности. Итоги работ автора были подведены в монографии «Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI-первой четверти XIX в.» (1981 г.) [Томилов, 1981]. Автор заложил основу татарской этнографии в рамках омской этнографической школы. С исторической точки зрения, это было чрезвычайно важным, поскольку добавляла еще один вид источников в богатую палитру, позволяла теперь взглянуть на изучаемые про-

цессы не только с позиций авторов летописей, но и основываясь на археологическом и постоянно увеличивающемся этнографическом материале. Это особенно важно было для исследования родовой и племенной структуры. Причем эти работы в дальнейшем проводили не только представителем омской школы, но и казанские исследователи, в частности Ф.Т. Валиев [Валиев, 1993; Валиев, Томилов, 1996]

1980-е гг. начались с попыток применения микроисторического подхода к сибирской истории. Особенно хорошо это заметно на примере разгоревшейся дискуссии о характере похода в Сибирь 1483 г., его связи как с российской историей, так и собственно Тюменским ханством Ибрахима. Она началась с работы В.В.Каргалова «Сибирский поход 1483 года и его последствия» (1983), а затем была продолжена работами А.И. Плигузова о первых русских описаниях Сибирской земли и отражении в них сюжетов, связанных с самим походом [Каргалов, 1983, с.177–182; Плигузов, 1987, с.38–49; Плигузов, 1993] (рис.12). Темой для спора стал и характер взаимоотношений между Ибрахимом и Иваном III, а также между Шибанидами и Тайбугидами. От решения этого вопроса зависела и оценка самого похода. Итоги этой дискуссии и роли в ней различных оценок прошлого сибирских государств были подведены в работе Д.Н.Маслюженко и Е.А.Рябининой [Маслюженко, Рябинина, 2014, с.115–123].

Наиболее значительными по своему влиянию на сибиреведение в это время стали работы Р.Г. Скрынникова, который в споре с авторами более ранних исследований стремился доказать «короткую хронологию» похода Ермака (осень 1582 г.). Для этого был проведен и анализ биографии Ермака, отношения Строгановых и Москвы, русско-ногайские и русско-сибирские отношения [Скрынников, 1982; Скрынников, 1986] (рис.13). Предложенные им концепты сибирской истории XVI века до сих пор остаются актуальными в рамках изучаемой темы [Головнев, 2015, с.462–474].

В 1983 г. вышла работа Х.З.Зияева «Экономические связи Средней Азии с Сибирью в XVI-XIX вв.», в которой автор рассматривает контакты среднеазиатских и сибирских Шибанидов во второй половине XVI века. Он останавливается не только на вопросах торговли, но и на политическом и религиозном влиянии Бухары на Сибирское ханство [Зияев, 1983, с.16–25].

Советская историография в той или иной степени определила основные направления изучения истории сибирской государственности как в области востоковедения, так и российской истории. Значительной проблемой была узость источниковой базы и сложности внесения истории сибирской государственности в единый концепт позднезолотоордынского мира. Во многом она оставалась «странным» феноменом дорусской истории Западной Сибири. Попытка решения этих вопросов была предпринята в работах А.Г. Нестерова, оказавших большое влияние на дальнейшее изучение темы. Хотя это и не указано в автореферате диссертации, но уже первые работы во многом вписывались в описанную ранее схему М.Г. Сафаргалиева. Несомненно, сказалось и творческое наследие Б.А. Ахмедова и З.Я. Бояршиновой. Автор внес в изучаемую тему несколько важных новшеств. Среди них первая периодизация сибирской государственности в рамках 1428–1563 г.; обобщающее понятие «Сибирский юрт»; Искерское (Сибирское) княжество Тайбугидов как особый этап государственности; монеты хана Ибрахима как отражение его претензий на роль в позднеордынском мире; изучение генеалогии Сибирских Шибанидов [Нестеров, 1988; 1994, с.57–62; 2002 а, с.17–23; 2002 б, 205–214; 2003, с.109–121; 2004, с.280–281; 2007, с.78–84]. Многие из этих гипотез А.Г. Нестеров высказывает и до сих пор [Маслюженко, Парунин, 2016, с.208–228]. Работы А.Г. Нестерова значительно обострили споры о сибирской государственности, показали ее с абсолютно неожиданной стороны. Им же была обновлена и версия прихода к власти Шибанидов в Искере в 1563 г. при поддержке бухарского хана Абдуллы II [Нестеров, 1988, с.17]. В этом отношении он продолжал работу З.Я. Бояршиновой и Х.З. Зияева, хотя первая отмечала еще и влияние ногаев на этот процесс [Бояршинова, 1960, с.116].

Первая половина 1990-х гг. была не самым лучшим временем для развития исторической науки. Новые исследования по истории сибирской государственности начались лишь во второй половине этого десятилетия. Они связаны с несколькими учеными, каждый из которых внес свой вклад в эту проблематику – Д.М. Исхаковым, В.П. Костюковым, Т.И. Султановым, В.В. Трепавловым, А.Т. Шашковым. Постепенно характерным является то, что различные феномены сибирской государственности становятся самостоятельным объектом изучения, и это значительно расширило иссле-

довательские практики и поставило вопрос как реинтерпретации уже известных источников, так и поиска новых.

В 1995–1996 г. В.П.Костюков начал изучать Улус Шибана, истории которого он отдал последние 14 лет своей жизни (рис. 14). К сожалению, ему так и не удалось, как и В.И.Соболеву и А.Т.Шашкову, довести эту работу до конца. Шибану и Шибанидам он посвятил чуть более 20 статей [их список опубликован: Костюков, 2010, с.151–155]. Несмотря на их небольшое число, они в принципе изменили отношение к истории Шибанидов золотоордынского времени, что было связано с кропотливой работой с источниками. Для сибирской государственности это дало возможность выявить более или менее непротиворечивую связь между Улусом Шибана и в целом золотоордынским этапом и последующей государственностью Тюменского и Сибирского ханств.

Эта работа, особенно в контексте политических, в том числе клановых, институтов, была отражена в цикле статей и монографий Д.М. Исхакова. Обзор его вклада в историю сибирской государственности был сделан З.А.Тычинских [Тычинских, 2011, с.107–132]. В этом же направлении были ориентированы и работы известного востоковеда Т.И.Султанова, рассмотревшего эволюцию шибанидской государственности [Султанов, 2006, с.282–326; Султанов, Кляшторный, 2004, с.311–335].

А.Т.Шашков посвятил свои работы более традиционной проблематике – истории сибирского летописания, отдельных угорских княжеств, проблемам похода Ермака, в которых он также отстаивал идею «короткой хронологии», а также вопросам начала присоединения Сибири (рис.15). В отношении последней ему удалось построить непротиворечивую картину постепенного русского проникновения в Западную Сибирь и возникающих в свете этого столкновений с угорскими княжествами и сибирскими ханствами [Шашков, 1997, с.35–50; Шашков, 2001, с.8–51; Морозов, Пархимович, Шашков, 1995].

С 1997 года отдельные работы по сибирской истории начинает писать специалист по государственному строю Монгольской империи В.В.Трепавлов. Одна из его статей была посвящена сибирско-ногайским связям [Трепавлов, 1997, с.180–186]. Эта и последующие работы ввели в сибирскую историю ранее плохо изученный ногайский фактор [Трепавлов, 2002, с.97–100, 113–119, 207–210 и др.], ставший одним из важнейших при рассмотре-

нии шибанидской государственности. С 2007 года сибирская тема, в том числе связанная с Тайбугидами, а позднее с Кучумом и его наследниками, займет важное место в работах автора [Трепавлов, 2007, с.101–102; 2011, с.71–79, 152–171; Трепавлов, 2012]. В отличие от многих сибирских историков, работающих с достаточно традиционной источниковой базой и реинтерпретирующих ее, В.В.Трепавлов значительное внимание уделяет неопубликованным документам из РГАДА. Это, в свою очередь открывает новые неизвестные страницы сибирской истории и является перспективным направлением дальнейшей работы.

На этой основе во многом строятся те дискуссии, которые ведутся историками в последние 10 лет. В них включились не только историки, но и этнографы и археологи, что также связано с необходимостью расширения источниковой базы. Важным фактором явилось то, что новые источники потенциально могут раскрыть именно особенности внутренней истории сибирских государств, в то время как традиционные тексты, созданные в основном за пределами Сибири, дают часто лишь взгляд на внешнюю политику. Вместе с этой междисциплинарностью расширяются и исследования в области религиозности, повседневности, политической антропологии. Авторы стараются уже не только набросать максимально широкую канву темы, логично завязав ее на постепенное присоединение Сибири к России, но и обратить внимание на

многие локальные микроисторические сюжеты, в том числе связанные с пересмотром особенностей самой русской колонизации. Принципиальным стало обращение к «взгляду изнутри», то есть от лица сибирцев, на изучаемые процессы.

Краткий обзор историографии призван показать лишь ее основные тенденции, объяснить, на какой основе строится дальнейшая работа, при этом мы осознаем, что, возможно, не указаны значимые работы или авторов, указанных в этом обзоре. В то же время эпохой расцвета изучения интересующей нас тематики является начало XXI века. Обсуждаемая тематика стала чрезвычайно широкой, что явилось следствием как произошедших изменений в исторической науке, так и постепенного увеличения источниковой базы в результате работ археологов и поиска новых документов в архивах. Риску предположить, что за последние 15 лет по истории Тюменского и Сибирского ханств написано больше работ, чем за предшествующее столетие. Накопление критической массы информации приводит к пересмотру некоторых сложившихся историографических концептов, в частности, о роли Тайбугидов в сибирской государственности. Большинство авторов, занимающихся историей Тюменского и Сибирского ханств, представили свои материалы в данной книге. Их концепции и авторские взгляды изложены в соответствующих разделах и ждут своего читателя.

1.3. АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ

Период с XIII по XVI в. с полным основанием можно отнести к одному из самых проблемных в плане изученности средневековой истории Западной Сибири [Коников, 2007]. Сложнейшие этнические процессы на фоне постоянно меняющейся политической ситуации, формирование и распад целого ряда раннегосударственных образований сделали практически невозможным построение стройной этнокультурной и хронологической картины для памятников этого региона.

На данный момент мы имеем подобные реконструкции по этнической истории или по социально-экономическому развитию населения только для отдельных районов Западной Сибири, например, для Сургутского Приобья или Барабинской лесостепи [Молодин, Соболев, Соловьёв, 1990]. Вместо цельной картины государственных образований с определен-

ными территориями и структурой расселения представлены отдельно исследованные комплексы, поэтому их необходимо связать с общим периодом существования государственных образований этого времени. Что касается изучения социальных отношений у народов Западной Сибири, то до настоящего времени в современной литературе отсутствует линия развития проживавших в данном регионе обществ в период от раннего к развитию средневековью и далее до нового времени.

За все время изучения истории Сибири отечественными учеными неоднократно изменялись направления их изысканий, при этом уделялось повышенное внимание тому или иному компоненту – либо этническим аспектам, либо социально-экономическим особенностям развития регионов, либо политической истории. Это

исходило как от официальной политики государства, так и от создавшейся политико-экономической ситуации в российском государстве. В результате многие вопросы предыдущих исследований оказались просто забыты и в настоящий момент необходимо воссоздавать их результаты, иногда подвергать серьезной ревизии. Такая ситуация, например, сложилась с изучением сибирских тюрко-татарских городов, когда приходится фактически заново заниматься их поисками (несмотря на имеющиеся описания путешественников и исследователей XVIII–XIX вв.) и изучением [Рафикова, 2010, 2011; Матвеев, Таурауров, 2011 в, 2012 а, 2014 а].

Превратности истории таковы, что сейчас мы не имеем ни одного описания города Сибирского ханства, которое было бы сделано во время его существования. В.Н. Пигнагги по этому поводу написал следующее: «Ни в одной из сибирских летописей, при самом внимательном их обозрении, нет рассказа о том, каков был при Кучуме Искер и что с ним сделалось после падения: представлял ли он из себя военную крепость, населенную лишь ратными людьми, или это был город в обычном смысле слова – человеческое поселение. Не только внутреннего содержания поселения, кто жил и как жили, но и чисто внешнего описания остатков разгромленного города в летописях нет» [Пигнагги, 2010, с. 186].

При всей сложности изучения археологических исследований рассматриваемого нами периода средневековой истории Западной Сибири, в первую очередь, следует выделить работы, которые так или иначе касались воссоздания истории сибирских тюрко-татарских государственных образований. Это во многом связано с тем, что одними из первых археологических изысканий в Западной Сибири стали раскопки столицы Сибирского ханства – Искера. Поиски в Западной Сибири «сказочных», или «легендарных», городов сибирских ханств и хранящихся под ними сокровищ определили основное направление археологических исследований ученых XVIII–XIX вв.

Начало изучения средневековых древностей следует связать с работами в XVIII–XIX вв. отечественных и зарубежных ученых. Одним из первых, по указу царя, был командирован в Сибирь с научным заданием Д.Г. Мессерсмитт. В выданном ему предписании говорилось о необходимости «прискивать могильные всякие древние вещи, шейтаны медные и железные и мятые образцы человеческие, звериные и калмыцкие глухие зеркала под письмом» [Кызласов, 1962, с. 49]. Г.Ф. Миллер (рис.16), П.С. Паллас, И.Г. Георги и многие другие ученые во

время поездок по Сибири находили и описывали те места, где ранее располагались города и укрепленные поселения сибирских татар. На этом этапе изучение археологических памятников ограничивалось их описанием, глазомерной съемкой, обмерами, характеристикой расположенных на их поверхности объектов, фиксацией отдельных находок. Поскольку работы на памятниках производились спустя 150–300 лет после событий конца XVI в., постольку исследователи фиксировали уже археологизированные поселенческие комплексы. Тем не менее именно эти ученые создали, если так можно выразиться, археолого-историческую карту Западной Сибири, которая стала основой для последующих исследователей. Конечно, ученые XVIII–XIX вв. не были профессиональными археологами и не проводили археологические раскопки, но их исследования в этой области вполне можно приравнять к своеобразной археологической разведке. Поэтому мы и рассматриваем их изыскания как важнейший этап в археологических исследованиях, касающихся истории сибирских тюрко-татарских государств.

Приведем примеры описания Искера несколькими учеными того времени. Первый чертеж столицы Сибирского ханства под названием «Кучумово Городище и Старая Сибирь» изобразил С.У. Ремезов в 1703 г. [Белич, 2010 б, с. 122–158]. Из всех имеющихся в литературе описаний городища [Белич, 2010 а, с. 72–93] привлечем данные Г.Ф. Миллера, который обследовал довольно большое количество татарских и остяцких городков и имел возможность для их сравнения. «Развалины этого бывшего столичного города, если только такое место, каким, по-видимому, было оно прежде вообще можно назвать городом, видны еще до сих пор. Высокий восточный берег реки Иртыш имеет там большую, чем обычно, высоту. Как это вообще бывает в тех местах, где река, протекая, подмывает берег, так и здесь часть горы обвалилась, и потому берег поднимается здесь со стороны реки почти перпендикулярно. На верху горы, если смотреть по течению реки, имеется буерак, по которому течет небольшая речка, которая по имени города носит по-русски название Сибирки. Ввиду крутизны с этой стороны совсем нет востока. С третьей, степной, стороны горы имеется долина, которая спускается сверху в буерак к речке Сибирке; отсюда можно было, пожалуй добраться до того места, где находился город, но так как и здесь довольно крутое место, то подъем требовал больших усилий. Только четвертая сторона постепенно спускается к берегу, и отсюда, должно быть, был доступ к горо-

ду. Оно представляет небольшую круглую гору, которая по уступам была укреплена тройным валом и расположенными между ними рвами, причем один вал был выше другого. Эти валы окружают город только со стороны долины и со стороны, доступной для подъема. Обе другие стороны, от Иртыша и от буерака, где протекает Сибирка, не требовали каких-то укреплений. В некоторых местах валы и рвы с течением времени так заросли, что они едва видны. Внутреннее пространство имеет приблизительно 50 саж. в диаметре. Из этого можно заключить, что, кроме хана, его семья и людей, там могли жить только немногие знатные татары, если не предполагать, что это место в то время было значительно больше. Уверяют, что со стороны реки часть площади, много или мало – неизвестно, была подмыта водой и обвалилась. От домов или постоянных жилищ не осталось там никаких следов, кроме некой неровности почвы в разных местах, по чему и можно заключить, что здесь когда-то стояли жилища» [Миллер, 1999, с. 227–228].

Г. Спасский, гораздо позже побывавший на месте Искера, подробнее описал его укрепления (рис.17). «Искер расположен был на берегу Иртыша и при впадающей в оной речке Сибирке, ... Крутизна берега с Иртыша не позволяет взойти на него, ниже приступить ноге человеческой. ... Здесь находятся вал в 15 сажень длины, а за ним ров шириною не более 2 аршин; от сих, вала и рва до самого возвышенного местоположения Искера высоты до 5 сажень. В долине видны также остатки рвов, а к речке Сибирке и по ложине до самой почти воды был, как кажется, спуск к колодцу, приметный по остающемуся помосту. Все вообще здесь местоположение не ровное и в ямах: три из сих последних подобны погребным, весьма глубоки и, по словесному татар преданию, служили темницами для виновных» [Спасский, 1818, с. 28–30].

Собственно первые полевые археологические исследования комплекса, напрямую связанного с историей Сибирского ханства состоялись в начале 80-х годов XIX в., когда М.С. Знаменский (рис.18) провел археологические раскопки на Чувашском мысу и на месте расположения столицы Сибирского ханства – Искера. Это были первые целенаправленные раскопки археологических комплексов, относящихся к истории Сибирского ханства. Как пишет А.А. Адамов в послесловии к публикации статьи М.С. Знаменского «Укрепление Махмет-кула на Чувашском мысу»: «Интерес к исследованиям исторически знаменательных мест вблизи Тобольска проявился у М.С. Зна-

менского после случайной находки секиры на месте решающей битвы казаков Ермака с войском Кучума [Адамов, 2000 б, с. 30–32]. В данном случае для нас не столь важны результаты этих изысканий, главным является сам факт стремления методами археологических исследований проверить известные по письменным свидетельствам события. Сам М.С. Знаменский писал: «Я... искал остатков быта народа исторически известного, я проверял сибирские летописи и в своей коллекции вижу вещественную к ним иллюстрацию» [Адамов, 2000 б, с. 30–32]. В этот период и почти до середины XX в. археологические исследования на месте расположения древностей Сибирского ханства проходили в подобном ключе. Объектами исследований становились в основном города и крупные военно-административные центры ханства: Искер [Белич, 2010 а], Тоянов городка [Матюшенко, 2001], Тон-Тура (Вознесенское городище) [Татауров, 2010 а] и т.д.

Для Томского Приобья как восточной периферии тюрко-татарских государственных образований наиболее представительны материалы Тоянова городка. Раскопки этого комплекса периодически проводились с 1887 г. такими учеными, как С.К. Кузнецов, Ф. Мартин, Ж. де Бай, С.М. Чугунов, М.П. Грязнов. Частично материалы раскопок М.П. Грязнова в 1976 г. опубликовала Л.М. Плетнева [Плетнева, 1976, с. 65–89], однако, следует заметить, что в этой публикации под «Тояновым городком» подразумевается не укрепленное поселение, а курганный могильник у детского санатория в п. Тимирязево. На мой взгляд, в этом нет никакой ошибки и связано это с тем, что во время исследований, начиная с конца XIX в. и до конца первой четверти XX в., сам городок, могильник и, возможно, поселение на р. Томи недалеко от Томска для ученых представлялся единым комплексом, состоящим из летнего и зимнего поселений и могильника.

На территории Новосибирской и Омской областей планомерно изучала археологические объекты, относящиеся к Сибирскому ханству, сотрудник омского краеведческого музея В.П. Левашева, которая в 1926 г. провела раскопки Вознесенского городища (Тон-Тура), расположенного на левом берегу реки Омь напротив с. Вознесенское, в результате чего ею были получены интересные материалы, позволившие поставить этот памятник в один ряд с Искером и Тояновым городком [Левашева, 1928 а, с. 87–98].

В 1927 г. В.П. Левашева исследовала городище «Битые Горки», расположенное к северу от г. Омска, недалеко от сел Надеждино и Боль-

шие Кулачи, на правом берегу р. Иртыш, а так же Калмаковское городище на правом берегу р. Омь недалеко от города Каинска (ныне г. Куйбышев) (рис.19). В этом же году разведкой была обследована центральная линия островов и части северного и южного побережья оз.Чаны. На острове Тюменском, в центральной его части, В.П. Левашевой было найдено позднесредневековое городище, местами сохранившиеся следы кирпичных построек. В плане городище представляло неправильный четырехугольник, окруженный 2 врами и 3 валами. Кроме того, внутренняя площадка городища была перерезана рвом с двумя валами. Недалеко от этого памятника В.П. Левашева обнаружила древние кладбище и второе городище, к сожалению, уничтоженное пашней. На острове Чиняиха ею также было обнаружено укрепленное поселение, керамический материал которого близок керамике Вознесенского городища [Левашева, 1928 б, с. 157–161]. В 1950 г. В.П. Левашева опубликовала статью, обобщающую все ее исследования памятников Сибирского ханства, которая остается востребованной до настоящего времени [Левашева, 1950, с. 341–349].

С 1940-х гг. начинается еще одно направление изучения средневековой истории Западной Сибири, так или иначе существовавшее в определенном контексте с историей тюрко-татарской государственности, связанное с развернувшимися исследованиями по изучению этногенеза современных народов Сибири. Основателями этого направления являлись В.Н. Чернецов [Чернецов, 1946; 1960] (рис.20) и А.П. Дульзон [Дульзон, 1953; 1960] (рис.21). «Первым опытом создания такого творческого коллектива в Западной Сибири явилась объединенная экспедиция Томского университета и Педагогического института во главе с К.Э.Гривевичем и А.П. Дульзоном, проводившая в 1944–1946 гг. раскопки археологических памятников в урочище Басандайка под г. Томском. Работы на Басандайке рассматривались как начало всестороннего исследования древней истории Томского края» [Дульзон, 1953]. С этого времени археологические материалы, особенно эпохи средневековья, начали рассматривать под призмой этнической истории конкретных народов. На этой почве появились и стали набирать силу совместные периодические научные конференции археологов и этнографов: «Проблемы этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока» (Новосибирск), «Происхождение аборигенов Сибири и их языков» (Томск), «Проблемы этногенеза и этнической истории самодийских народов» (Омск), «Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных терри-

торий» (Омск) и т.д. Определенным итогом исследований в этом направлении стал выход серии монографий «Очерки культурогенеза народов Западной Сибири» (Томск, 1994–1998 гг. и т.д.). «Комплексное изучение происхождения древних и современных народов, характерное для отечественной науки в целом, предполагает выработку методологических основ таких исследований. В археологии – проблемы происхождения древней и современной культуры, этнической интерпретации и выявления этнизирующих признаков в археологическом материале» [Очерки культурогенеза, 1994, с. 7].

Среди археологических изысканий следует выделить исследования Р.Д. Голдиной в 1963–1964 гг. городища Кучум-гора на р. Ишим и, совместно с В.Ф. Генингом, городища Большой Лог в устье р. Омь в 1965 г., раскопки В.А. Могильниковым ряда средневековых памятников в Среднем Прииртышье и Приишимье. Эти исследования дали интереснейшие материалы о системе оборонительных сооружений, жилых и хозяйственных постройках, значительное количество находок инвентаря и керамики. Работы Р.Д. Голдиной на р. Ишим позволили ей поставить городище Кучум-гора в один ряд с другими городищами Сибирского юрта, а самое главное – точно датировать его существование, связав гибель этого городища с походом отряда тобольского воеводы князя Владимира Васильевича Колцова-Масальского в 1591 г. [Голдина, 1969 б]. Не менее интересными оказались материалы раскопок городища Большой Лог, которые позволили доказать, что у хана Кучума в устье р. Омь был укрепленный городок и что граница Сибирского ханства в Прииртышье находилась гораздо южнее, чем считалось до этого времени [Генинг, Голдина, 1967].

В.А. Могильников в течение 1960–1980 гг. исследовал в Среднем Прииртышье более 20 археологических комплексов II тыс. н.э. Результатом этих работ стали созданные ученым концепции тюркизации региона, этнической и культурной истории населения Среднего Прииртышья в XIV–XVI вв. [Могильников, 1966; 1968; 1973; 1984; 1997]. На основе археологических материалов В.А. Могильников связал ряд археологических памятников с конкретными историческими событиями, происходившими в конце XVI в. в Среднем Прииртышье [Могильников, 1965; 2001].

Барабинский отряд Новосибирской археологической экспедиции под руководством В.И. Соболева в начале 1970-х гг. приступил к целенаправленным исследованиям археологических памятников как исторических комплексов

Сибирского ханства [Соболев, 1978 а, 1978 б]. За период работы Барабинского отряда были изучены городища – Вознесенское, Тюменка, Чиняиха, Большой Чуланкуль-1, Абрамовское, поселение Преображенка-4, а также открыты и обследованы новые памятники – Красноярка, Георгиевка, Венгерово-8; могильники – Туруновка-2, 2-е Сибирцево и др. Получен богатый материал, позволивший решать вопросы социально-экономического и культурного развития барабинских татар, а также их фортификации и вооружения. Научные интересы В.И. Соболева были нацелены практически на всю территорию ханства, при этом археологические материалы рассматривались как один из компонентов для воссоздания истории этого государственного образования. «Задачи исследовательско-аналитического характера... сводятся к воссозданию хозяйственно-культурной, этнической и социально-политической истории государственных объединений Западной Сибири середины II тыс.н.э.» [Соболев, 2008, с. 19–20].

Раскопки курганного могильника Кыштовка-2 в середине 70-х годов XX в. стали началом исследований в Западной Сибири серии средневековых комплексов коллективом ученых под руководством В.И. Молодина [Молодин, 1979; 2012].

В Среднем Прииртышье в 70–80-е годы XX в. очень продуктивно работал Б.А. Конигов, его экспедицией был исследован ряд памятников XIV–XV вв. Благодаря многолетним исследованиям автор ввел в научный оборот обширный материал, который существенно расширил источниковую базу для изучения средневекового населения Западной Сибири [Конигов, 1984; 1993; 1995; 2007].

Отдельно следует остановиться на археологических исследованиях столицы Сибирского ханства Искера. Этому городу в части интенсивных археологических исследований «повезло» больше, чем остальным столицам сибирских ханств. Его неоднократно осматривали, описывали, проводя археологические раскопки, известные ученые, путешественники и краеведы Н. Спафарий, Г.Ф. Миллер, И.П. Фальк, П.А. Словцов, М.С. Знаменский, И.И. Бугаков, С.И. Мамеев, В.Н. Пигнатти, А.Ф. Палашенков, Б.Б. Овчинникова, И.В. Белич, А.А. Адамов, А.П. Зыков и т.д. Список, наверное, можно продолжать бесконечно, но обобщающей публикации по результатам этих работ, в силу разбросанности имеющихся в научном обороте коллекций и материалов, нет, и мы вряд ли увидим ее в ближайшее время.

Значение этого комплекса показала даже частичная публикация тобольскими учеными –

А.А. Адамовым, И.В. Баллоновым и П.Г. Даниловым – найденных в ходе разновременных исследований на месте столицы Сибирского ханства предметов. Они наглядно показывают, что Искер мог и должен был стать базовым археологическим комплексом для изучения сибирских государственных образований [Адамов, Баллонов, Данилов, 2008]. При этом определяющим обстоятельством был бы тот факт, что городище Искер было однослойным. Работы А.П. Зыкова 1988, 1993 г. дали бесценные наблюдения за стратиграфией культурного слоя и позволили исследователю выделить шесть строительных горизонтов, которые он увязал с известными историческими событиями [Зыков, 2010, с. 112–122]. Важным результатом работ был вывод о том, что Искер был построен в конце XV в., а до этого времени на его месте других городищ не было [Зыков, 1998, с. 22–24].

В 2010 г. вышел сборник «Искер–столица Сибирского ханства», в котором Д.М. Исхаковым и З.А. Тычинских были собраны работы практически всех современных ученых, занимавшихся, так или иначе, судьбой этого города. Данное издание во многом дополнило наши представления об этой сибирской столице, но и заставила еще раз с сожалением констатировать, какой выдающийся исторический памятник навсегда нами утерян.

До настоящего времени в науке отсутствуют обобщающие материалы по результатам археологических исследований столиц сибирских тюрко-татарских государств. Не лучшим образом обстоят дела с публикацией археологических исследований других городов и городков сибирских ханств, известных по летописным источникам.

Возвращение к направлению изучения средневековых памятников как комплексов, связанных с историей сибирских ханств, приходится на последнюю треть XX в. и связано это, в первую очередь, с работами В.И. Соболева. «Задачи исследовательско-аналитического характера... сводятся к воссозданию хозяйственно-культурной, этнической и социально-политической истории государственных объединений Западной Сибири середины II тыс.н.э.» [Соболев, 2008, с. 19–20]. К сожалению, безвременная кончина не позволила автору продолжить свои исследования.

Омский археолог Е.М. Данченко во многом под влиянием работ В.И. Соболева более десяти лет занимался раскопками археологического комплекса, который он соотносит с Кызыл-Туры.

Кызыл-Тура – единственный город на территории татарских государств Западной Сиби-

ри, который нашел свое отражение в достаточно ранних изобразительных источниках. Его нарисовал для своей летописи в конце XVII в. С.У. Ремезов. На рисунке видны три ряда укреплений со сложной системой проходов, наземные жилища и, возможно, дом правителя или мечеть. Побывавший на развалинах крепости Кизыл-Тура в 1771 г. историк И.П. Фальк видел разрушенную башню мечети и остатки каменного дома. В городище, по его сведениям, к тому времени уже никто не жил [Фальк, 1824, с. 202].

В настоящее время остатки города Кизыл-Тура соотносятся с археологическим памятником городище Красноярка-II, открытым в 1961 г. В.А. Могильниковым во время разведки в Омской области. В отчете, предоставленном в Отдел полевых исследований АН СССР, отмечалось, что площадка городища, укрепленная тремя рядами валов и рвов, имела площадь около 1500 кв. м. Высота валов относительно дна рвов достигала 2 м, а с напольной стороны – 0,75 м. В 1966 г. В.А. Могильников продолжил изучение памятника, раскопав около 100 кв. м. Однако он считал, что более вероятно то, что Кизыл-Турой было другое городище – Голая Сопка – которое по своей планировке очень похоже на Искер [Могильников, 2001 а, с. 258–261].

Со второй половины 1990-х гг. исследование Красноярского городища занимается археологическая экспедиция Омского государственного педагогического университета под руководством Е.М. Данченко, который считает, что Кизыл-Туру можно уверенно соотносить с Красноярским городищем. Одним из доказательств в пользу этого предположения является чертеж С.У. Ремезова, на котором «город царя Иргышака» помещен на правом берегу Иргыша, выше устья Ишима, между местом, обозначенным как «Красный Яр», и устьем небольшой речки. Означенная «география» совпадает с расположением Красноярского городища, которое находится ниже современной д. Красноярка и выше устья р. Утускун, протекающей у подножия мыса. Совпадение топонимов «Кизыл-Тура» и «Красный Яр», по мнению Е.М. Данченко, также вряд ли носит случайный характер [Данченко, Грачев, 2003, с. 277–278].

Во множестве разновременных культурных напластований Красноярского городища Е.М. Данченко и его коллегам удалось выявить комплекс предметов, соотносимых ими со временем Сибирского ханства. Коллекция включает глиняную и металлическую посуду, железные ножи и наконечники стрел, импортные бронзовые перстни, стеклянные бусы, бронзовые пряжки и обоймы, бронзовые фигурки, прясли-

ца, изделия из кости. Эти материалы позволили автору утверждать: «Таким образом, локализация Кизыл-Туры достаточно надежно устанавливается на основе исторических источников разных видов, что впрочем, не снимает ряда других вопросов изучения памятника» [Данченко, Горькавая, Грачев, Колесникова, 2001, с. 76–89; Данченко, Грачев, 2003, с. 277–278; Данченко, 2008 б, с. 221–224].

Важным шагом в изучении событий, связанных с историей сибирских ханств, стало изучение омскими археологами археологических памятников более позднего времени – XVII–XVIII вв. [Татауров, Тихонов, 1996б; Татауров, 2000; 2010]. Это позволило проанализировать изменения, произошедшие в культуре аборигенов Западной Сибири после присоединения их к Российскому государству, в том числе и в военной области. Значительная часть сибирских татар поступила на военную службу новому государству, но во многом сохранила традиционный комплекс вооружения.

Исследования во второй половине XX в. позволили создать определенную базу археологических древностей, связанных с историей сибирских тюрко-татарских государственных образований. Большой вклад в эту работу внесли сотрудники Томского и Уральского университетов, Новосибирского и Омского пединституты. Среди них следует отметить работы В.И. Матюшенко, А.С. Чагаевой в Прииртышье, В.И. Молодина, В.И. Соболева в Северной Барабе, Т.Н. Троицкой в Новосибирском Приобье, В.Д. Викторовой, Н.В. Фёдоровой, В.М. Морозова, С.Г. Пархимовича в Нижнем Приобье, Л.А. Чиндиной, Л.М. Плетнёвой, А.И. Бобровой, Г.И. Гребневой в Томском Приобье и многих других.

Результатом накопления археологических и этнографических источников стало появление в конце XX в. обобщающих работ по материальной и духовной культуре средневекового населения отдельных регионов Западной Сибири [Молодин, Соболев, Соловьёв, 1990; Плетнева, 1997; Адамов, 2000а; Коников, 2007].

К сожалению, после безвременной кончины В.И.Соболева археологические исследования в русле изучения сибирских государственных образований не получили дальнейшего развития, и только в последние годы начались определенные подвижки в развитии этого направления – возобновились археологические работы на комплексах, соотносимых с историей Сибирского ханства. Проведены конференция по данной тематике: «История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских

государств Западной Сибири» (г. Курган, 2011, 2014). Однако координация археологических исследований комплексов тюрко-татарской государственности отсутствует и научного центра, который взял бы под свое начало специализированное изучение этой темы, пока нет. Опреде-

ленная аккумуляция и интеграция исследований ученых и научных центров, занимающихся проблемой истории тюркоязычных народов, происходит в последние годы на базе АН РТ и, в частности, Института истории им. Марджани в рамках программы «Идель-Алтай».

2. ИСТОЧНИКИ

2.1. РУССКИЕ ИСТОЧНИКИ

Основным источником информации по истории Тюменского и Сибирского ханств были и остаются русские летописи, посольские книги и отчасти делопроизводственная документация. Восточные исторические сочинения дают, прежде всего, информацию о генеалогии Шибанидов, последовательности их правления, гораздо меньше сообщений имеется о событийной истории, особенно второй половины XVI века. Лишь для периода 1420-х – 1460-х гг., то есть времени борьбы различных ветвей Шибанидов за власть над улусом и юртом, правления узбекского и тюменского хана Абулхайра, а также последовавшей после его смерти смуты и борьбы за власть, в ходе которой ведущее место занимает тюменский хан Ибрахим, имеется более подробная информация. Немаловажную роль восточные источники играют в реконструкции кланового и племенного состава ханства этого времени, системы управления, политических и повседневных традиций ханского двора и окружающей его аристократии. Все это имеет большое значение в выявлении связей сибирской государственности с предшествующими периодами вхождения этой территории в состав Монгольской империи и Золотой Орды.

Однако именно с хана Ибрахима начинается почти двухвековой период власти этой линии Шибанидов – потомков хана начала 1420-х гг. Хаджи-Мухаммада – на юге Западной Сибири. Это время нашло более полное отражение именно в русских источниках, в анализе которых и будет сконцентрировано внимание авторов. Достаточно сложная по структуре и пониманию информация содержится также в татарских сочинениях и легендах, написанных и записанных уже во время вхождения территории Сибирского ханства в состав Российского государства. До сих пор до конца не определен информационный потенциал западноевропейских источников, в частности, записок путешественников XVI века и примыкающей к ним картографии, в отраженной во введении к данной книге. Во многих случаях авторы этих сочинений были послами европейских держав в Москву, и имевшаяся у них информация зависела от московских информаторов, которые сами не всегда владели соответствующими знаниями.

Однако ценность этих источников заключается, прежде всего, в том, что они закрывают большую лауну иных источников, которые приходится на период 1510–1540-х гг. [Маслюженко, Рябинина, 2009 а, с.170–171].

Большинство русских источников, в том числе посольских и делопроизводственных, было опубликовано на протяжении XVIII–XX вв., но их выборочная сверка, проведенная А.В. Беляковым и В.В. Трепавловым¹, с имеющимися оригиналами в архиве, показала некоторые, иногда довольно принципиальные, расхождения и лакуны. Это ставит вопрос о необходимости как продолжения этой работы, так и о новой публикации некоторых документов.

Русское летописание позволяет реконструировать как внешнюю политику, так и некоторые нюансы внутренней истории Тюменского ханства во второй половине XV – начале XVI в. и Сибирского ханства второй половины XVI в. Часто это вызвано участием Сибирских Шибанидов в знаковых для Москвы внешнеполитических акциях (убийство большеордынского хана Ахмата в январе 1481 года, взятие Казани в 1496 году). По многим пунктам тюменской и сибирской истории анализ летописной информации неотъемлем от сообщений по этим же вопросам в посольской документации, которая позволяет выявить позиции разных сторон конфликтов (Тюмень и Сибирь, Москва, Ногаи, Казань, Крым). При этом неоднократно указывалось, что собственно тюменские и сибирские книги, в том числе связанные с ханами Ибрахимом и Кучумом, имевшиеся в московских архивах еще в первой четверти XVII в., не сохранились по разным причинам до наших дней [Государственный архив, 1978 а, с.138, 196; 1978 б, с.471; Опись, 1979, с.289]. Это изрядно затрудняет реконструкцию многих событий и заставляет исследователей опираться, прежде всего, на сохранившиеся ногайские книги. А.Г.Нестеров отмечает, «что «Сибирские дела» XV–XVI вв. были утеряны еще архивными чиновниками Российского государства в XVII в., вероятно, «за ненадобностью», как

¹ Большинство результатов этой проверки пока не опубликованы, они обсуждались между исследователями в личной переписке в ходе написания данной книги.

утратившие свое внешнеполитическое значение» [Нестеров, 2004, с.280].

При этом корпус русских летописей можно разграничить по двум категориям: географическому и событийному. В географическом аспекте интересующее нас летописание подразделяется на общерусское, северорусское и сибирское. С этим делением напрямую связана и вторая категория. Ее условно можно поделить на три части.

Первая – это события, в которых принимали участие непосредственно ханы и царицы из числа Сибирских Шибанидов (летописные известия за 1480–1481, 1496, 1499–1500, 1505, 1555–1563, 1569–1582 гг. (в последних двух случаях с некоторыми лакунами)).

Вторая – события, связанные с упоминанием либо Тюмени, либо тюменских татар (события 1475, 1481, 1483–1484 гг.)

Третья – косвенные данные, так или иначе повлиявшие на политику Тюменского и Сибирского ханств (например, свержение казанского хана Али в 1487 году).

В общерусском летописании зафиксировано наибольшее количество записей, связанных с историей Тюменского ханства. Самым крупным летописным сводом середины XVI века стала Никоновская летопись, составленная на основе нескольких десятков списков, доводящая свое повествование до 1560 года [Клосс, 1980, с. 10]. К ней примыкают такие своды, как Симеоновская летопись, Иоасафовская и др. Еще одним общим сводом, законченным в последнем десятилетии XV века, стал Московский летописный свод, в котором большое внимание было уделено взаимоотношениям Московского великого княжества и Новгорода [ПСРЛ, 1949, с.3].

Подробным образом события 1480 и 1496 г. изложены в Никоновском своде. Информация об убийстве Ахмад-хана является наиболее часто упоминаемой в летописании. Несмотря на детальное изложение перипетий «стояния на Угре», летописец тем не менее не стал акцентировать внимание на последующих событиях. К примеру, роль непосредственных убийц хана отводилась в разных абзацах летописи одновременно Ибаку и его шурина – ногайскому мирзе Ямгурчи [ПСРЛ, 1901, с.202, 203]. В иных сводах подобное противоречие отсутствует [ПСРЛ, 2007, с.268; ПСРЛ, 1949, с.328].

Составитель Никоновского свода оставил уникальное сообщение о торговле с Тюменским ханством, отсутствующее в иных источниках: «Того же лета (1475 год – прим.) Татарове Казаньстии побии Устюжан на Каме 40 человек,

идуци к Тюмени торгом» [ПСРЛ, 1901, с.158]. Примечательно, что схожее сообщение имеется в Архангелогородском летописце под 1481 годом: «Того же лета Андрей Мишнев с шилники и с устюжаны ходили в Великую Пермь, да побии вогулич под Чердынем, а на Каму шедши, до встретили гостей и тюменских татар, да пограбили» [ПСРЛ, 1982, с.95]. Представляется вполне вероятным, что оба сообщения могли быть получены из одного и того же источника, поскольку в обоих случаях фигурирует конкретный регион. Возможно, летописец зафиксировала одно из ответвлений торгового пути, ведущего из Приуралья в Западную Сибирь.

Вологодско-Пермское летописание можно назвать одним из крупнейших среди локальных сводов. М.Н. Тихомиров, исследуя списки, пришел к выводу о том, что все они были составлены в середине XVI века [Тихомиров, 1979, с. 139–140]. Проанализировав летописные известия, историк обратил внимание на то, что статьи летописи за XII–XIV вв. содержат заимствования из Софийской I и Симеоновской летописей [Тихомиров, 1979, с.141–143], однако интересующие нас отрывки (разгром хана Ахмада, поход русских войск за Урал), по мнению М.Н. Тихомирова, исходят «из третьего источника». Автором было выдвинуто предположение о том, что сведения взяты «из каких-то летописных заметок, составленных на севере Руси при дворе епископа Пермского Филофея», или «из летописных известий московского происхождения, большей частью в редакции продолжения Симеоновской летописи (до 1493 г.)» [Тихомиров, 1979, с. 143]. Б.М. Клосс, исследовавший краткие вологодско-пермские летописи, некоторые фрагменты из которых не вошли в основной свод, отметил влияние московского летописания [Клосс, 1976, с. 267]. Таким образом, эта локальная ветвь имела заимствования как из центрального летописания, так и самостоятельные источники информации, прежде всего данные о сибирских походах конца XV в. Отметим, что сравнительный анализ известий из Вологодско-Пермской и Симеоновской летописей показал отсутствие в последней данных о приведении в подданство югорских князей. Тем не менее сведения, касающиеся событий в Московском княжестве, фактически идентичны в обоих сводах [Тихомиров, 1979, с.143–144].

К вологодскому летописанию примыкает также Вычегодско-Вымская летопись, в которую составитель включил события, происходившие на территории Приуралья и Си-

бири, в летописи упомянута и Тюмень [Вычегодско-Вымская летопись, 1958, с.262, 266]. Б.Н. Флоря датировал ее концом XVI – началом XVII в. По мнению исследователя, летопись имеет большое текстуальное сходство с Устюжским летописным сводом [Флоря, 1967, с.219–220], а также с Вологодско-Пермским летописанием, причем ряд деталей местного происхождения дополняют основной летописный свод. На основании этого факта Б.Н. Флорей выдвинуто предположение, что автор использовал не дошедшую до нас летопись [Флоря, 1967, с.223].

Вологодско-Пермская летопись привлекалась в качестве основы для составления поздней (XVII в.) Холмогорской [ПСРЛ, 1977, с.4)]. Однако данное замечание К.Н. Сербиной не до конца точно: сообщение о казанских походах Мамук-хана не могло быть взято из географически близких сводов, так как их составители не уделили значительного внимания данному событию. Отрывок практически идентичен по своему текстуальному содержанию общерусским сводам [ПСРЛ, 1977, с.130–131; ср. с ПСРЛ, 1901, с.242–243].

Локальным является и Устюжское летописание, содержащее в себе схожие с вологодско-пермским сводом известия 1483–1484 гг. К.Н. Сербина, занимавшаяся исследованием летописца, отметила в качестве протографа местную устюжскую летопись, не сохранившуюся до наших дней, которая выступала как хроника с кратким перечислением всех важнейших событий региона. По мнению исследователя, в ней же были размещены и результаты походов на Югру и Обь 1483–1484 и 1499 г. [Сербина, 1985, с.10–11]. Из местной летописи в первой половине XVI века был сформирован Устюжский летописный свод, ставший впоследствии основой для Архангелогородского летописца. Вместе со списком Мациевича он в 1982 году был опубликован в ПСРЛ. А.А. Шахматов, А.Н. Насонов, а затем и К.Н. Сербина полагают, что в основе Устюжского свода лежали общерусский и ростовский своды [Сербина, 1985, с. 50–51].

К.Н. Сербина обратила внимание и на местную версию «стояния на Угре», в которой «с одной стороны, нет обвинений в измене братьев и показана растерянность Ивана III, а с другой – не содержится осуждения Софии и бывших с ней в «беггах». В качестве объяснения ей была предложена версия о составлении данного отрывка уже после примирения Ивана III с Софьей [Сербина, 1985, с. 63]. При этом автор не обратила внимания

на обстоятельства смерти хана Ахмата и последующего визита, посла Ибак-хана князя Чюмгура [ПСРЛ, 1982, с.95]. Упоминание о посольстве является уникальным. Несомненно, по его итогам была составлена посольская книга, материалы которой каким-то образом попали именно в провинциальный свод, а не общерусский [Парунин, 2013, с.58].

Помимо сообщения о дипломатическом посольстве в северорусском летописании освещается вопрос и о последующих действиях Ибак-хана. В частности, Архангелогородский летописец сообщает следующую информацию: «И стоял царь Ивак 5 дней на Ахматове орде и поиде прочь, а ордобазар с собою поведе в Тюмень, не грабя, а добра и скота и полону литовскаго бесчисленно поимал и за Волгу перевел» [ПСРЛ, 1982, с.95]. Вологодско-пермский летописец ограничился более кратким упоминанием («а дочь его взя и Орду розпуости, и базарь разграби, и полон весь за Волгу перевезе в Ногаи» [ПСРЛ, 1959, с.274]), в то время как общерусские своды практически не обратили внимания на данный эпизод: «тогда прииде на него царь Ивак Ногаиский и Орду взя» [Иоасафовская летопись, 1957, с.122]. На наш взгляд, столь пристальное внимание к действиям Ибак-хана свидетельствует о наличии независимого источника, возможно, очевидца событий. Не исключено, что информация могла быть отражена и в ханской грамоте к московскому великому князю.

Заслуживает краткого объяснения термин «ордубазар», вызвавший в исследовательской литературе различные мнения. А.Г. Нестеров связывает термин с кочевой ставкой, где производилась, помимо всего прочего, чеканка монет [Нестеров, 1994, с.59–60]. Такая трактовка была необходима исследователю для обоснования тезиса о наличии монет Ибак-хана. Выводы А.Г. Нестерова были подвергнуты критике А.К. Бустановым. Не отрицая существования на сибирских территориях денежного обращения, исследователь не нашел аргументов в пользу чеканки собственной монеты Ибрахимом [Бустанов, 2011а, с.10–14]. В проблеме терминологии исследователь склонился к мнению В.В. Трепавлова, о том, что «Орда-базар» – большая группа лиц, обслуживающих ставку правителя (орду). Помимо купцов в орда-базар входили ремесленники, придворные служители вместе со своими семьями, юртами, хозяйствами» [Посольская книга, 2003, с.65, прим.17; Бустанов, 2011а, с.25–26]. К такому определению склонился и Д.Н. Маслюженко [Маслюженко, 2008, с.92].

Манипуляция Ибак-хана с «базаром» в летописях выглядит неоднозначной. В одном случае фигурирует формулировка «базарь разграби», в другом – «ордобазар с собою поведе в Тюмень, не грабя». Этот факт свидетельствует либо в пользу вариативности первоисточников описываемого события, либо же термины имеют разное смысловое наполнение. Второй вариант находит свое подтверждение в текстах посольских книг. Ногайская посольская книга 1551 г. свидетельствует: «И тово ж государь, дни ко мне послал князь Исуп человека своего, Янчюрюю зовут, ордабазарец: поеде, князь велел тебе место указать, где стать. И поставил, государь, меня блиско базара. А подворья и корму не дал» [Посольские книги, 2006, с.52]. Ногайская посольская книга 1576 г. содержит память воеводам от Ивана Грозного, в которой царь велел своим подчиненным «...быти воеводам князю Борису и князю Ивану у нагайских послов и у ардабазарцев, и береженье к ним держати обема заодно по сему государеву наказу, покаместу базару не дадут им» [Посольская книга, 2003, с.16]. Исходя из указанных сообщений можно предположить, что базар – место, обозначенное для проведения торговых операций, ордабазарец – лицо, осуществляющее торговлю, а ордабазар, вероятно, обозначает ставку правителя [Посольские книги, 2006, с.383]. В любом случае, приведенные отрывки фактически не противоречат существующим трактовкам, позволяя лишь увязать ордабазар с торгово-экономическим аспектом. Вероятно, с этим же аспектом связано и следующее сообщение из Архангелогородского летописца, цитировавшееся выше (об ограблении «гостей и тюменских тотар»). Подобные детали в совокупности с сообщениями из посольской документации (в ответ на грамоту муромского наместника князя Федора Хованского о прибытии посла Ибак-хана Чюмгура, Иван III велел не давать корма на тех коней, что гонят на продажу [Посольская книга, 1984, с.17]), указывают на развитие торговых отношений в ханстве.

Именно после разгрома Ахмада в январе 1481 г. начинаются известные в источниках дипломатические переговоры между Тюменью и Москвой. Летописец указывает, что «Того же лета (1481 год – прим. авт.) царь Ивак послал посла своего Чюмгура князя к великому князю Ивану Васильевичу и к сыну его великому князю Ивану Ивановичу с радостию, что супостата твоего есми убил, царя Ахмата. И князь великий посла Ивакова чествовал и дарил и отпусти ко царю с честию, а царю Иваку теш

послали» [ПСРЛ, 1982, с.95]. В связи с этим важно следующее замечание: «В целом можно заключить, что в конце XV – начале XVI вв. в государственном делопроизводстве уже существовали определенные традиции ведения посольской документации. Разрабатывались способы её систематизации и предпринимались меры, обеспечивающие сохранность дипломатических документов» [Лукичев, Рогожин, 1984, с.9]. По мнению В.И. Саввы, ранние посольские книги по большей части представляли собой извещения летописей [цит. по: Почекаев, 2010, с.16]. Особенностью первых посольских книг было и то, что в них отсутствовал статейный список послов [Лукичев, Рогожин, 1984, с.9].

Среди фрагментарных сведений о Тюменском ханстве нельзя не отметить события русского похода на Обь в 1483 году, которые нашли отражение в Архангелогородском летописце [ПСРЛ, 1982, с.95], Вологодско-Пермской летописи [ПСРЛ, 1959, с.275] и Вычегодско-Вымской летописи [Вычегодско-Вымская летопись, 1958, с.262], причем в первом летописце фигурирует фраза: «А воеводы великого князя отошли вниз по Тавде реце мимо Тюмень в Сибирскую землю» [ПСРЛ, 1982, с.95]. Отметим, что упоминание о походе весьма обширно, о нем имеются также сообщения и в общерусском летописании [ПСРЛ, 1901, с.215]. По мнению К.Н. Сербиной, подобные «записи волне могли дать и устюжские попы, которые вместе с устюжанами принимали участие в походах», используя в качестве примера поход устюжан на Казань в 1469 г., в числе которых был поп Иван, гипотетический автор наблюдений о походе [Сербина, 1985, с. 10]. Схожая ситуация могла возникнуть и при составлении рассказов об экспедиции на Обь [подробнее об источниках по походу 1483 г. см.: Масложенко, Рябинина, 2014 а, с.115–123].

Интересные подробности приводит Б.М. Клосс, анализирующий в своей статье краткие летописцы, предшествующие основному Вологодско-Пермскому летописанию. В одном из них, описывающем событие до 1489 года, упомянуто буквально следующее: «В лето 6992. Великого князя воеводы ходили князь Федор Курьбской да Иван Салтык Травин на Вогуличи, на Асыку да на Юмшана, с Вологжаны да со Устюжаны. И биша Юмшан и убежа в лес; и побиша многа татар Тюменских и Сибирь плениша и одолеша» [Клосс, 1976, с.270]. Упоминание о «побиша многа татар Тюменских» придает иной контекст походу, результаты которого, однако, не отраз-

ились на отношениях Тюменского ханства и Москвы. Остается неясным, где именно и при каких обстоятельствах были побиты эти татары, а также почему это известие не оказалось замеченным в иных летописях. При этом вполне резонно замечание в исследовательской литературе, что после событий 1480–1481 гг. русские по-прежнему слабо представляли себе историю и географию сибирских земель [Масложенко, Рябинина, 2014 а, с. 119].

Русское летописание характерно тем, что предоставляет и косвенные данные, позволяющие очертить некоторые аспекты внешней политики сибирских Шибанидов в конце XV века. С этим напрямую связаны события вокруг смещения казанского хана Али (Алегама). Сам факт политического переворота в Казанском ханстве нашел отражение практически во всех летописных сводах [ПСРЛ, 1901, с.218; ПСРЛ, 1949, с.331; ПСРЛ, 1994, с.164; Книга, 1850, с.4].

Эта история получила продолжение в дипломатических отношениях Москвы и Тюмени. Наиболее важные детали, позволяющие частично реконструировать историю Тюменского ханства с 1489 по 1494 г., содержатся в данных двух посольств ко двору Ивана III из Тюмени, что было связано с изменившейся политической обстановкой, позволившей наладить дипломатический обмен между двумя государствами. Постепенный уход Большой Орды с политической арены втянул в орбиту влияния Российского государства многие периферийные политические образования, среди которых Казанское ханство, уже упомянутые ногаи и руководители Тюменского ханства. Во время визита осенью 1489 года посольства от ногаев и Сибирских Шибанидов во главе с князем Чюмгуром прозвучало следующее требование со стороны представителя Ибак-хана: «С Алегамом царем меж вас крепкая правда и слово было, и тебя, к слову пряма, слышел есми; и яз ныне тех слов правду познаю: Алегама царя ко мне отпустите, оба одного отца дети» [Посольская книга, 1984, с.18]. Нежелание Ивана III отпустить бывшего хана стало камнем преткновения на переговорах и не позволило разрешить проблемную ситуацию, хотя в итоге отношения Москвы и Тюменского ханства не претерпели изменений. Таким образом, дополняющие друг друга косвенные и прямые сообщения источников позволяют глубже взглянуть не только во внешнеполитические ориентиры Сибирских Шибанидов, но и отметить некоторые детали во взаимоотношениях Московского великого княжества и тюрко-татарских ханств.

Характерен обширный количественный состав посольства, а также его незапланированный визит, о чем свидетельствует послание наместника Муром князя Федора Хованского великому князю: «Государю великому князю Ивану Васильевичу всей Руси холоп твой, государь, Федорец Хованской челом бьет. Приехали, государь, к тебе послы из Нагайские Орды, Иваков слуга, а зовут его Чюмгуром, да Мусин мурзин слуга, Адиком зовут, да Емгурчеев мурзин слуга, Тувачем зовут; а всех их, государь; а всех государь, двадцать да два. А сказывают государь, Волгу возились под Черемшаны; а провожал их, сказывают, Алказый, да Бегиш, да сын его Утеш, да Чет, да Икайсым Сегит; а провожали их, государь, полем до Суры, до Папулы, до Мордвина; а оттоле, государь, сказывают, ехали на князя на Ромодана, да на Кырданову Мордву, да на Саконы; а нынеча, государь, стоят за рекою против города. И яз, государь, на сю сторону их возити не велел без твоего вedomа, и ты, государь, как укажешь» [Памятники, 1884, с.41].

Послание интересно тем, что позволяет определить некоторые особенности посольства. В частности, оно достаточно обширно («двадцать да два»), его некоторое время сопровождали давние противники русской партии в Казани, бежавшие к Ибрахиму («Алказый, да Бегиш, да сын его Утеш, да Чет, да Икайсым Сегит»). Среди них были как казанские князья, так и в последнем можно видеть сейида, то есть представителя исламского «духовенства». То, что посольство было внезапным, подтверждает следующая фраза: «И яз, государь, на сю сторону их возити не велел без твоего вedomа, и ты, государь, как укажешь». Очевидна растерянность наместника при появлении многочисленного посольства. Помимо чисто дипломатических, посольство ставило своей целью и улучшение торговых отношений, что косвенно доказывается фразой из ответной грамоты великого князя: «И князь великий, того же месяца сентября, послал против ногайского посла Юша подъячего, а велел ему давати послу корм на стану по два борана, а овчины назад отдавать. А на кони, на которых они идут, на десятерю лошадей четверть овса; а которые кони гонят на продажу, на те кони корму не давати» [Памятники, 1884, с.41]. Характерна фраза о том, что люди послов «кони гонят на продажу». Однако, судя по всему торговые вопросы носили второстепенный характер, но кое-какие выгоды послы все же получили, что и было зафиксировано в ответной грамоте: «..как по-

шлот царь и мырзы к великому князю и кто с ними пойдут торговые люди, ино бы им в великого князя земле задержки не было да и пошли бы с них не имали» [Посольская, 1984, с.22]. Можно сделать вывод о том, что торговля Шибанидов с Москвой носила спорадический характер, т.е. она могла сопровождаться прибытием посольства.

Непосредственно сам текст грамоты, а также весь процесс переговоров позволяет многое понять в системе взаимоотношений Москва – Ногаи – Тюмень. Специфика текста грамоты [Посольская, 1984, с.18], по мнению А.К. Бустанова, свидетельствует о том, что грамота была писана арабским письмом на тюркском языке [Бустанов, 2011 а, с.23–27] и, по всей видимости, была двузвучной, или переведена при получении. Вероятнее всего, это свидетельствует о наличии при ханском дворе канцелярии и писцов, знавших общие золотоордынские традиции составления документов. По своему происхождению они в равной степени могли быть из бывшего вилайета Чимги-Тура, из захваченного орду-базара Ахмада или прийти в Тюмень вместе с казанскими аристократами.

На дифференцированный характер переговоров указывает и применяемый послом от Ибака Чюмгуром термина «брат». По мнению Л.А. Юзефовича и А.К. Бустанова, «термин «брат» в русском дипломатическом обиходе XV–XVII вв. выражал политическое равноправие» [Юзефович, 1988, с.16–18, Бустанов, 2011а, с.23]. Ответное послание от великого князя заключило в себя определенные требования для признания политического статуса «братства»: «...похочет с нами Ивак царь дружбы и братства, а мырзы с нами дружбы похотят, и они бы то взято, головы и иной грабеж весь, что Алказый, да Касим Сеит, да Бегши, да Утеш, да Тувачев брат... и иной грабеж весь, велели отдати» [Посольская, 1984, с.21]. Однако, как нам известно, эти условия Ибрахимом выполнены не были, казанцы оставались как при его дворе в Тюмени, так и при его брате Мамуке.

В этой связи интересны материалы переписки ногайского мирзы Мусы с Иваном III. В письме от 3 августа 1491 года Муса сообщает, что «Утеш князь нынеча у нас живет; как бы ему царю служить помощником буди, братству примета то стоит, дни впереди к добру, надобный человек стоит, прошение бы инако не было. – Ивану князю Мусино слово то. Касым Сеит нынеча у нас живет; о нем у тебя просим, царю моля, чтобы ему на его юрт ити, помощник будешь, а с ними в братстве, приме-

та то стоит» [Памятники, 1884, с.128–129]. На запрос мирзы был получен положительный ответ: московский князь сторонникам хана Али приказывал «есте ко мне с моим человеком с Тулушом, чтобы вам ехати ко мне. И вы бы к нам поехали, а мы вас жаловати хотим» [Памятники, 1884, с.130]. Несмотря на косвенность, приводимое сообщение демонстрирует разность подходов в построении дипломатических отношений с Москвой: в то время как Ибак-хан непреклонен к политическому статусу своих протезе, Муса более гибок. Тем самым дипломатическая документация в начале 90-х гг. XV века знаменует фактическое расхождение внешнеполитических ориентиров двух союзников.

Грамоты показывают также иерархический статус тюрко-тагарских ханств в глазах Московского государства, что отразилось на дипломатическом статусе послов. В частности, «базарскому князю» Чюмгуру в посольской книге придан статус посла, тогда как представители Ногайской Орды Адык и Тувач названы «человеками» [Посольская, 1984; с.17–18].

Вступительная «Ивакова царева грамота» содержит также несколько характерных замечаний, по-видимому, оказавших влияние на весь ход переговорного процесса. Указание А.К.Бустанова, что слово «поклон» в грамоте обозначает не приветствие, а желание «мира» [Бустанов, 2011а, с.23–24], свидетельствует об определенной напряженности в отношениях между двумя государствами, поскольку официальным поводом для прибытия стал вопрос о выдаче «брата» Алегама, бывшего хана Казани. Самый факт выдачи нежелательного для Москвы хана вызывал определенный холод в переговорах. Посольство 1489 года не добились сколько-нибудь значительных результатов. Позиция сторон носила непримиримый характер, и поставленные цели не были выполнены.

Третье посольство Ибак-хана, очевидно, было связано с меняющейся политической обстановкой в регионе, активным участием ногайско-шибанидской коалиции в войне против ахматовых детей. Вторжение Ибак-хана и ногаев в большую политику состоялось осенью 1492 года и связано с неудачным походом под Хаджи-Тархан, о чем было сообщено в дипломатической переписке: «Да еще слово то: из Орды человек наш приехал Шиг Ахмет до Сеит Магмут цари. А Нагаи Муса да Ямгурчей мурза Ивака да Мамука цари учинити идут, в Астрахани были пошли, и как слышешши назад к Тюмени покочевали, так ведал бы еси» [Памятники, 1884, с.168].

В дипломатической документации есть сообщение о повторном походе Шибанидов и ногаев против ахматовых детей: «Сказати ему Менгли-Гирею царю о после, как будет пригож: перед ним. Господине, поездом дни за три, приехал ко государю нашему к великому князю из Ногай от Ивака царя посол, Чюмгуром зовут, о дружбе и о братстве и о единичестве на Орду, а сказывает, что царь Ивак и брат его Мамук и все князи пошли на Орду» [Памятники, 1884, с.206]. Представляется очевидным, что контекст грамоты Ибак-хана нужно увязывать именно с подготовкой к военным действиям.

В посольских книгах не менее четко датируется и очередной дипломатический визит князя Чюмгура в Москву: «Лета 7002, приехал к великому князю от царя Ивака от нагайского с грамотою человек его Чюмгур» [Памятники, 1884, с.198; Посольская, 1984, с.48]. Таким образом, посольство в целом можно датировать концом 1493 – началом 1494 г., возможно, оно было связано с неудачей астраханского похода. Частично это можно обосновать сообщением из грамоты Ибак-хана: «Ибраймово слово. Великому князю Ивану, брату моему, поклон. После того ведомо бы было, слово то стоит: промеж Ченгосовых царевых детей, наш отец Шибал царь стоит с твоим юртом в опришнину, и друг и брат был; от тех мест меж нас ту Атамыров до Номоганов юрт ся учинил, а мы учинили далече, а с тобою меж нас добрые ссылки не бывало. Ино мне счастье дал Бог, Тимер Кутлуева сына убивши, Саински еси стул взял; да ещо сам с братьями и с детьми условившись, а великого князя детей на княженье учинив, на отцов юрт на Волзе пришед стою» [Посольская, 1984, с.48–49]. Под «Номогановым юртом» И.В.Зайцев понимает еще одно название Большой Орды [Зайцев, 2004, с.49–50], и с данной интерпретацией следует согласиться.

Стоит отметить, что данный абзац действительно представляется спорным, однако пути решения могут быть следующими. Начало послания является стереотипным по отношению к предыдущей грамоте 1489 года: упоминание терминов «брат» и «поклон» могут служить констатацией традиционных политических установок Шибанидов по отношению к Москве. Упоминание о «Шыбале царе» и взятии «Саинского стула», на наш взгляд, тесно увязывается со следующей частью послания: «Да ещо Алягама царя как дашь нам, после того твоему недругу недруг стою и твоему друг другу стою» [Посольские, 1995, с.46–47].

Здесь мы усматриваем очередной призыв Ибак-хана к освобождению казанского хана Али и одновременно напоминание об «услуге», оказанной представителями Чимги-Туры и ногаев в 1481 году по низвержению Ахмада.

Новый поход в грамотах никак не оговаривается, да и в целом стоит отметить, что переговоры не носили продолжительного характера, что согласуется и с краткостью грамот [Парунин, 2011 в, с.44]. В ответном послании подчеркивается желание Ивана III к дальнейшему сотрудничеству с Ибак-ханом и обмену дипломатическими посольствами: «А хотели еси к нему послати своего человека, да нынеча есмя своего человека с тобою вместе не успели послати; а вперед аже даст Бог хотим своего человека к твоему государю, к Иваку царю послати, чтобы дал Бог меж нас братство и дружба была и люди бы наши меж нас ездили нашего здоровья видети» [Посольская, 1984, с.49].

Итак, можно прийти к заключению, что посольство 1493–1494 гг. не добились каких-либо конкретных целей, которые, однако, практически (за исключением вопроса о хане Али) и не были озвучены в представленной грамоте. Не было придано сколько-нибудь значения и походу 1492 года, а в целом доброжелательный тон дипломатических документов может свидетельствовать о равных отношениях между двумя государствами. Сей вывод не позволяет согласиться с имеющимися мнениями исследователей относительно желания Ибак-хана проводить «имперскую» политику или пытаться восстановить былое могущество Золотой Орды. В противном случае, тон переговоров был бы совсем иным. Занятие «трона Саин-хана» и указание на это, прежде всего, повышало статус самого хана в политических играх позднезолотоордынского времени.

Детально описаны в общерусской летописной традиции, в том числе в Никоновской летописи, военные походы Мамук-хана на Казань, а также его последующее правление [ПСРЛ, 1901, с.242–243]. Подобная тщательность повествования, на наш взгляд, вызвана чисто политическими мотивами. Казанское ханство в тот период находилось в орбите геополитических интересов Москвы, и любое посягательство на его целостность вызывало соответствующую реакцию. Исследовавший летописный отрывок А.В. Аксанов предположил, что он носил по большей части оценочный характер, описывая казанскую политику Мамук-хана [Аксанов, 2009, с.74–75]. Однако есть серьезные основания утверждать, что

столь подробное описание явилось результатом визита представителей казанской элиты в Москву, о чем упоминается и в тексте: ...«князь казанский Бараш-Сейт» «бити челом», чтобы «государь князь великий, нас пожаловал, Магамед-Амина царя к нам в Казань не посылал, понеже от него было великое насилие и бесчестие к ахунам нашим, и за то есмя ему изменили и прочь от него к Мамуку отъехали» [ПСРЛ, 1901, с.243]. Резонно предположить, что летописец при составлении свода просто воспользовался текстом отправленной грамоты, переработав ее в нужном идеологическом ключе. Сюжет получил наилучшее отражение в общерусском летописании [Летописец, 1781, с.158–159; ПСРЛ, 1901, с.242–243; ПСРЛ, 1921, с.213; ПСРЛ, 1994, с.170–171; Иоасафовская летопись, 1957, с.131–132 и др.]. Отметим, что северорусские летописцы (в частности, Вологодско-Пермская летопись) практически не обратили внимания на упомянутое событие, ограничившись лишь кратким комментарием [ПСРЛ, 1959, с. 290].

После переговоров 1493–1494 гг. и казанского похода Мамука дипломатические отношения между Тюменью и Москвой, видимо, прекращаются, поскольку на тот момент в их продолжении у самих московских правителей не было особого интереса. Указание на тюменских ханов фактически исчезает из русских источников. Редким исключением является упоминание об Агалаке царевиче «Мамуковом брате», чей неудачный поход на Казань упоминается в Никоновской и Софийской летописях [ПСРЛ, 1901, с.249–250; ПСРЛ, 1994, с.172]. В походе также принял участие и «князь Казанских князей» Урак, упоминавшийся в составе коалиции с Мамуханом как «казак Казанский». Вероятно, в изменении эпитета кроется и перемена статуса Урака, возглавившего оппозицию. Его упоминание в двух походах также свидетельствует и об устойчивости союза с Шибанидами. На наш взгляд, летописец специально акцентировал внимание на словах «измену чинящих Казанских казаках», дабы подробнее описать состояние местного сепаратизма. Интересен и тот факт, что Устюжско-Вологодская летопись не упоминает об этом походе, который, кстати, более представлял из себя обычный набег. Зато сохранилось упоминание о практически одновременном приходе на Казань ногаев, которые «стояша ... под Казанью три недели и, граду не успев ничто же, возвратишася во свояси» [ПСРЛ, 1901, с. 253; ПСРЛ, 1959, с.294], то есть вернулись в Тюмень. Факт ин-

тереса составителей общерусских сводов к походу Агалака мог быть связан с ранней неудачей его брата и традиционным интересом Москвы ко всем событиям в Казани, так или иначе угрожавшим ее интересам.

Несмотря на неудачу, поход нашел отражение и в Разрядных книгах. Причем, если по летописям количество походов не до конца ясно, то в разрядных книгах об отправлении русских воевод на его отражение указано, что походов было два. Один из них «лета 7007-го сентября... прислал к великому князю ис Казани Абделетиф царь, что Урак князь хочет быть х Казани с Салтаганом царевичем. И князь великий послал в Казань воевод своих беречь от Урака и от Салтагана». Для отражения набега были посланы войска под командованием князей С.И. Ряполовского и В.В.Ромодановского, а также воевод С. Карповича и А.Коробова [Разрядная, 1977, с.29]. Второй состоялся в августе 1499 (7007) г.: «Тово же году в августе... послал государь великий князь Иван Васильевич всеа Руси х Козани полем х царю козанскому беречь ево от Урака и от Солтогана, от шибанских царевичев, в конной рати воевод своих» [Разрядная, 1966, с.57].

Дальнейшая судьба Агалака может быть прослежена лишь на основании посольских документов в ногайских книгах. В 1507 г. он, его двоюродный брат Ак-Курт и сын последнего Ак-Девлет, находясь в Ногайском Орде, ведут переписку с московскими князьями Иваном III и Василием III в попытке получить казанский престол или выехать в Мещеру в «Андреев городок каменный», то есть перейти-ти на русскую службу. Источник указывает и лицо, которое от имени Шибанидов вело переговоры: «Телевло князь Куйат», то есть подтверждает нахождение при династах кыйатов, представители которых были при Шибанидах фактически с 1240-х гг. Не менее важно и то, что здесь мы встречаем указание на наличие титула царя у Агалака [Посольские, 1995, с.52–58, 72–77; Маслюженко, 2011 б, с.62–68]. Те же Разрядные книги позволяют проследить дальнейшую судьбу Ак-Девлета и его сына Шах-Али, которые первыми из Шибанидов выехали в Москву и указываются в составе московских войск с 1512/3 по 1541 гг. [Разрядные, 1977, с.131, 299].

Северорусское летописание содержит еще один интересный факт из внешнеполитической истории Тюменского ханства – о походе сына Ибак-хана Кутлука, который, видимо, сменил дядю Агалака на тюменском престоле, на приуральские территории: «А приехал в не-

дело цветную, а в понедельник на страстной недели рать пришли без вести ис Тюмени, Кутлук салтан Ивака царев сын з братьею и з детми. Города не взяли, а землю Нижнюю извоивали, а Усолье на Каме русаков вывели и высекли. И князь Василей Ковер на поле воде в погоню послал русаков в судех. И они догнали их в Сьлве на перевозе, заднюю заставу, да и побили» [ПСРЛ, 1982, с.99]. Практически идентичную информацию сообщает Вычегодско-Вымская летопись [Вычегодско-Вымская летопись, 1958, с.266]. Событие не несло в себе серьезного политического резонанса и отразилось только в региональном летописании; источником информации, очевидно, послужили местные сообщения. Вызывает интерес в сообщении статус Кутлук-салтана: если в Архангелогородском летописце он представлен лишь как «царев сын», то в Вычегодско-Вымской фигурирует как «сибирский царь».

В этих циклах летописей гораздо меньше информации о событиях второй половины XVI в. Общерусское летописание важно при анализе переписки сибирских князей Тайбугидов с московским царем Иваном IV, которая явно была заимствована из несохранившихся сибирских посольских книг [Государственный архив, 1978 б, с.471]. В Дополнениях к Никоновской летописи содержится информация о посольствах из Сибири в Москву и обратно между 1555–1563 гг., условиях переговоров, численности сибирского населения и ряде других деталей [ПСРЛ, 1904, с.248, 276, 285; ПСРЛ, 1906, с.313, 370]. Уникальным является сообщение этой летописи о том, что «... сибирские люди царю и великому князю изменили, дани государевым данщиком давати не учали и взяли к себе на Сибирь царевича» [ПСРЛ, 1906, с.370]. Хотя в ней тоже идет речь об убийстве Едигера, сам характер прихода к власти вступает в противоречие с рассказом о событиях 1563 г. в сибирском летописании, в котором речь идет о захвате престола Шибанидами [Ремезов, 1989, с.552; ПСРЛ, 1987, с.48]. Именно позиция последних летописей чаще становится основой для воссоздания событий 1563 г. и последующих годов.

Кроме того, в относящейся к северорусской традиции Вычегодско-Вымской летописи есть информация о походах Сибирских Шибанидов в Прикамье (на Пермь Великую и во владения Строгановых) в 1573 и 1582 г. [Вычегодско-Вымская, 1958, с.266, 267]. В совокупности с сообщениями Сибирских летописей они образуют корпус информации, легшей в основу о конфронтационной поли-

тике Сибирского ханства с Российским государством.

В отличие от общерусского и северорусского летописания сибирские летописи представляют собой самостоятельный источник известий, не зависящий от представленных выше традиций. Сибирское летописание крайне важно для понимания внутренних аспектов истории Тюменского и Сибирского ханства, поскольку содержит в себе три особенности:

1. Информация, содержащаяся в летописных списках, представляет фрагмент истории ханства, в основе которого лежат отношения Ибак-хана с кланом Тайбугидов.

2. Сложные взаимоотношения Тайбугидов и Шибанидов были составлены на основе устного предания группы сибирских татар. Судя по контексту сообщения, эта группа либо симпатизировала местному клану, либо являлась их прямыми потомками.

3. Именно на основании Сибирских летописей реконструируются и анализируются русско-сибирские отношения 1570-х гг., поход Ермака, борьба против него Кучума в начале 1580-х гг. и дальнейшие сибирские события. Влияние летописей, входящих в эту традицию, друг на друга, заимствование информации вызывает дискуссии исследователей, которые идут уже более 200 лет. Данная проблематика обросла колоссальным количеством литературы [обзоры по этой проблеме см.: Андреев, 1960, с.195–227, 245–259; Солонкин, 2010 а, 2012], а ее анализ напрямую влияет на построение концепта похода Ермака, его причин и последствий.

Еще С.В.Бахрушин предполагал, что «Сибирская история» С.У.Ремезова была основана и на местных татарских легендах [Бахрушин, 1916, с.3–8]. Влияние этих легенд может быть прослежено и в иных сибирских летописях, в частности, наиболее ранней Есиповской летописи, транслирующей тайбугидскую легенду. Помимо ангажированности этих легенд и происхождения информаторов из определенной группы, можно предположить, что летопись подверглась идеологической обработке составителем в русле побед русского оружия и христианского мировоззрения на территории Сибири [Маслоуженко, 2010, с.18–19].

Для удобства понимания этого аспекта темы приведен текст «тайбугидской легенды» целиком: «Река, глаголемая Ишим вниде устием своим в реку Иртыш, иже прежде именовался. На сей же реке Ишимо бе царь Моаметовя закону именем Он. И восты на него его же державы от простых людей имянем Чингис, и

шед на него, яко разбойник, с прочими, и уби царя Она, и царство сам примлет Чингис. Некто же от слуг царя Она соблюде от Чингисова убийства сына Она царя, ему же имя Тайбуга. По неколицех же летех уведано бысть царю Чингису про Тайбугу, яко сын есть царя Она, и примлет сего, и великою честью почте его, дарует же сему княжение и власть в людех.

По сем же князь Тайбуга прося у царя Чингиса отпущения: идеже хошет царь, он же да идет тамо с воинством. Царь же Чингис собрав воинство много и вооружено и отпусти его по реце Иртишу, идеже живяху чюдь. Князь же Тайбуга, шед с воинством, многия царю покори по реце Иртишу и по великой Оби живущих тамо и оттоле возвратися восвоися с радостию. Царь же Чингис, слыша от Тайбуги, яко покори ему многия и подручны сотвори, наипаче честь ему дарует. Паки же Тайбуга (проси) от царя Чингиса, ино да отпустит его, идеже хошет, тамо да пребывает. Царь же отпусти его: «Идеже, – рече – хощеси тамо да пребываеши». Изыде же князь Тайбуга со всем домом своим на реку Туру и тамо созда град, и наречен его Чингиден; ныне же на сем (месте) град Тюмень. Жит же Тайбуга во граде (сем) много лет: ту и умре.

(По нем же) княжил сын его Ходжа, по нем Ходжин сын Мар. (Маровы дети Адер и) Ябалак. Князь же Мар женат был на сестре казанского царя Упака. (Сей же казанский царь) Упак зятя своего Мара уби и градом облада, и владе много лет. Маровы же дети Ядер и Ябалак умре своей смертью. По сем Ядеров сын Мамет казанского царя уби Упака и град свой Чингиден разруши, и отиде оттуду внутрь Сибирския земли, и постави себе град на реке Иртише, и назва его град Сибирь, сий рече начальний. И живише в нем царь лета многа и умре. И оттоле (пресечеса) царство на реце (Ишиме)» [ПСРЛ, 1987, с.46–47].

Неизбежно встает вопрос об источниках летописи. Составитель текста Савва Есипов пишет следующее: «О царстве же Сибирском и о княжении написахом ино с летописца т[ата]рского...» [ПСРЛ, 1987, с.42]. Я.Г. Солодкин, рассматривая источники основной редакции Есиповской летописи, предполагает, что некоторые сюжеты (в частности, смерть Кучума) могут быть результатом устного предания [Солодкин, 2008, с.36]. Описанная ситуация приводит к необходимости выявлять идейную направленность «летописца татарского», в сюжете которого воплотились исторические предания, в частности, мифологическое происхождение династии Тайбугидов.

Встает вопрос и о степени доверия информации из сибирских летописей. Формулировка вопроса согласуется, прежде всего, с тем, что информаторы Саввы Есипова принадлежали к оппозиционным сибирским ханам княжеской династии Тайбугидов, которые могли исповедовать свою идеологию. На это в тексте есть указание о происхождении династии и о якобы его последующем легитимном правлении. Второй пункт связан с уже упоминавшимся выше успехом русского оружия в Сибири, что и было отражено в подробном описании похода Ермака и последующих действий русских войск. Для поиска ответа на столь злободневный вопрос, на наш взгляд, нужно разделять летописное известие на ряд блоков, в частности, отделять легендарный пласт от непосредственно исторических событий.

К известиям легендарного характера можно отнести вышеупомянутый эпизод из Есиповской летописи, а также сообщения о «Чингызе» и «Онсоме» и сопутствующих событиях, упомянутых в Ремезовской летописи [Сибирские летописи, 1907, с.318], а также у Г.Ф. Миллера [Миллер, 1999, с.186]. Очевидно, упор на происхождение Тайбуги и его династии, а также на мнимое родство натолкнули А.К. Бустанова на предположение о том, что легенда о Тайбугидах формировалась в первой половине XVI в. [Бустанов, 2010, с.34; Бустанов, 2011 а, с.46–47], в период существования княжества. Хотя более резонно предположить, что она могла быть востребована непосредственно в ходе столкновения Тайбугидов и Шибанидов после первого посольства 1555 г. и сепаратных переговоров князей с Москвой. Эта легенда идеологически обосновывала преимущественные права на власть сибирских беков перед Чингизидами. В этом контексте она могла быть в дальнейшем использована при обосновании русских прав на Сибирь из-за якобы имевшей место узурпации Кучумом престола и разрыва вассалитета с московскими правителями. Именно этими интересами, видимо, обосновывалось закрепление самой легенды в сибирском летописании.

Письменная культура княжества Тайбугидов находит свое отражение в летописании. В январе 1555 г. в Москву прибывает посольство «от Сибирскаго князя Едигеря и от всей земли Сибирской». В грамоте высказывалось предложение наложить на землю Сибирскую дань. Отметим, что после переговоров «царь и государь послал к ним посла своего» [ПСРЛ, 1904, с.248]. Ответное посольство Едигера в сентябре 1557 года, помимо дани, ознамено-

валось сопровождающей шертной грамотой «с княжею печатью» [ПСРЛ, 1904, с.285], что свидетельствует о развитом делопроизводстве при княжеском дворе. Все сказанное наводит на мысль о существовании собственной культурной традиции в Сибирском княжестве, в том числе и направленной на идеологическое обоснование существования обособленной политической власти.

Гораздо сложнее вопрос – как именно сохранилась «тайбугидская легенда» во время существования Сибирского ханства Кучума, особенно если учитывать, что именно Шибаниды вытеснили оппозиционную династию, хотя сам «Тайбугин юрт» сохранялся во владениях Шибанидов и после этого. Так, в грамоте царя Федора Ивановича Кучуму от 1597 года говорится о них: «на которых людех тебе была большая надежа» [Трепавлов, 2011а, с.74]. О сохранении домена Тайбугидов свидетельствуют сибирские летописи: «Слышав же сия князь Сейдяк Бекбулатов сын, яко атаман Ермак с товарищи на перекопи убииени быша, прочии же бежаш[а] из града, и яко облада градом царевич Алей Кучумов сын. И собрася со всем домом своим и с воинскими людми, и прииде ко граду Сибири, и град взя, и царевича Алея и прочих и изгна из града. Приемлет же сей отчину отца своего Бекбулата и тако пребываше во граде» [ПСРЛ, 1987, с.64]. Другими словами, по мнению летописца, поход Ермака в Сибирь привел к ослаблению политической власти Кучума и активизации оппозиционного клана.

В исследовательской литературе присутствует следующая точка зрения, выраженная в трудах Е.К. Ромодановской и А.Т. Шашкова. По мнению А.Т. Шашкова, первым зафиксировал «Тайбугидскую легенду» сподвижник Ермака Черкас Александров, получивший информацию от Сейдяка, плененного служилыми людьми тобольского воеводы Данилы Чулкова в 1587 году [Шашков, 2001, с.18]. По версии исследователя, Черкас Александров опирался на письменные татарские источники и фольклор; составление т.н. «Повести летописной» произошло в начале XVII в., а летопись Саввы Есипова является уже частичной переработкой уже имеющихся материалов [Шашков, 1996, с.132–133, 152]. Н.И. Никитин счел гипотезу интересной, однако воздержался от содержательных комментариев [Никитин, 2001, с.64]. Гипотеза получила аргументированную критику Я.Г. Солодкина [Солодкин, 2010 б, с.69–73]. К критике стоит добавить лишь следующее: если Савва Есипов пользовался при составлении свода трудом Черкаса Александрова, поче-

му он не упомянул о своем источнике, а сделал сноску лишь на «летописца татарского»?

К вопросу о поисках истоков «Тайбугидской легенды» примыкает и сообщение пожалованной грамоты царя Федора Ивановича Кучуму, датированное 1597 годом: «Из давних лет Сибирское Государство была вотчина прародителей наших, блаженные памяти Великих государей русских царей, как еще на Сибирском государстве был дед твой Ибак царь, и з Сибирские земли всякую дань давали нашим прародителем Великим государем царем; а после деда твоего Ибака царя, были на Сибирском государ[стве] князи Таибугина роду Магмет [князь], [по]сле его Казы князь, а после Казыя Едигер князь, и те все князи деду нашему, блаженные памяти, Великому государю царю и великому князю Василью Ивановичю всеа Руси, и отцу нашему, блаженные памяти, Великому государю царю и Великому князю Ивану Васильевичю всеа Руси, с Сибирские земли дань давали» [Исхаков, 2006, с. 187]. Текст грамоты, являющий собой широкий исторический контекст взаимоотношений Москвы с сибирскими правителями, намекает на необходимость мирного урегулирования продолжающегося конфликта. Примечательно упоминание Тайбугидских правителей в той последовательности, что и в сибирских летописях: этот факт явно свидетельствует о наличии единого источника информации. По предположению А.Т. Шашкова, им мог быть Сейдяк [Шашков, 2001, с.18]. Между тем упоминания о «Тайбугине роде» могли фигурировать и в дипломатической документации Едигера к Ивану IV, что наводит на мысль о возможной многовариантности происхождения легенды.

Можно заключить следующее. Источник, послуживший основой для составления Есиповской летописи, явно носил в себе легенду о происхождении династии Тайбугидов, служившую основанием для легитимизации рода – мнимое родство с Чингисханом. Несмотря на пристальное внимание летописца к Тайбугидам, трудно заподозрить в источнике антишибанидскую направленность. Тем не менее, в сюжете противостояния делается намек на разрыв естественного порядка вещей: линия правления Тайбугидских династов была прервана занявшими «град Чингиден» сибирскими Шибанидами, а именно «казанским ханом Упаком». Однако справедливость была восстановлена, и вскоре «хан Упак» был убит. Все это позволяет отнести исследуемый фрагмент к сюжетам регионального фольклора и усом-

ниться в историчности подобного исхода событий. Дело в том, что сообщение об убийстве Ибак-хана не имеет подтверждений в иных источниках, а сам факт его исчезновения со страниц летописей открывает широкий простор для интерпретаций его дальнейшей деятельности.

Столь подробное рассмотрение «тайбугидской легенды» обосновано ее значением в сибирской историографии в контексте построения различных версий о взаимоотношениях населения Сибирского княжества с Шибанидами, возможном восприятии Кучума как узурпатора и последовавшем длительном сопротивлении ему, приведшем в конечном итоге к ослаблению ханства перед набегом казаков Ермака. Однако богатство сибирского летописания ею не ограничивается. Есиповская, Ремезовская (с вариантом Кунгурского летописания), Строгановская и другие варианты этой летописной традиции, сформировавшиеся на протяжении XVII в., показывают контекст внешней политики хана Кучума в направлении Приуралья и строгановских владений, подготовку похода Ермака, основные военные столкновения с Кучумом и его племянником Мамет-Кулом, деятельность сына этого хана Али и последнего Тайбугида Сейдяка, позицию местной угорской и татарской аристократии в отношении Кучума и новой русской власти [ПСРЛ, 1987; Сибирские летописи, 1907; Сибирские летописи, 1991]. Несмотря на событийное сходство, летописи ставят многие проблемные вопросы, что связано с ангажированностью их авторов определенным политическим запросом. Например, авторы Строгановской летописи явно стремятся преувеличить военную опасность, исходящую от сибирского хана и его родственников, привязать к его политике максимальное число актов агрессии, чтобы тем самым подготовить почву для организации ответного похода. Ведь на тот момент он шел в разрыв с интересами Московского государства, столица которого чуть более 10 лет назад, по сути, на глазах послов Кучума была сожжена войсками Крымского ханства, а теперь оно было втянуто в затяжную Ливонскую войну и в результате oprичнины понесло значительный экономический ущерб. Помимо уже ставшего классическим «большим вопросом», то есть хронология и периодизация похода, к ним относятся и собственно проблемы Сибирского ханства, в частности причины сепаратных действий Али от Кучума, своеобразии политика Карачи, появление в Сибири Сейдяка и многие другие.

Для решения этих и некоторых других вопросов могут быть привлечены материалы посольской и делопроизводительной документации. Причем уже в 1580-х г. постепенно увеличивается значение именно последнего вида источников относительно истории Сибирского ханства, летописная традиция оказывается еще актуальной для событий 1570–1580-х, хотя и концентрируется в основном на истории русского освоения северной территории ханства.

В ногайских посольских книгах сохранились данные о том, что в 1563 г. в Москве в одно время были посольства как от Едигера, так и от Муртазы б. Ибака и его сына Ахмад-Гирея [Небольсин, 1849, с.35; ПДРВ, 1795, с.303, 323]. Сохранение этих данных в значительной степени меняет контекст самого спора за искерский престол, как и участие в переговорах ногайского бия Исмаила, чья дочь, жена Едигера, и внук оказались в Москве. По сути, двухсторонний вооруженный конфликт превращается в четырехсторонние переговоры. Эти же посольские книги для 1570-х гг. позволяют определить основных партнеров Кучума среди ногайских аристократов, с которыми были заключены брачные союзы [ПДРВ, 1801, с.189, 193, 222, 268–269]. Кроме того, по ним же известна еще одна попытка переговоров Кучума с Москвой, о чем в марте 1578 г. было сообщено ногайскому бию Исмаилу и принято решение отправить в Сибирь с жалованной грамотой дорогу Добычу Лачинова «и дань свою имать постарине» [ПДРВ, 1801, с.281].

Еще в XIX в. в «Собрании государственных актов и договоров» и «Актах исторических» были опубликованы грамота от Ивана IV к хану Кучуму и ответ на нее, отписка и ответная грамота царя земским боярам, речи князя Н.Ромодановского, проект шерги, которые свидетельствуют о начале переговоров между Сибирью и Москвой. Причем они были начаты в 1569 г. именно по инициативе последней с требованиями пушной дани [СГГД, 1819, с.63–64], которая была крайне необходима для московской казны. При этом А.К.Бустанов обратил внимание на то, что формула «Вольный человек» по отношению к Кучуму в начале его грамоты может свидетельствовать об отказе от продления шерги Едигера [Бустанов, 2011а, с.36]. Признание дани и подготовка шерги, возможно, были обоснованы сообщениями 1570 г. о «неупокоем» среди черных людей, а также информацией «...а нынче деи мне война с Казакцим

царем и одолее меня царь казацкой и сидеть на Сибири, ино и тот господарю дань учнет не давати» [Акты, 1841-а, с.340–341]. Именно на основании этих документов может быть восстановлен ход первых переговоров Кучума с Иваном Грозным с 1569 по 1572 г.

С прекращением переговоров и начавшимися нападениями сибирских войск на строгановские владения появляется в делопроизводительной документации жалованная грамота царя Ивана Васильевича Якову и Григорию Строгановым о разрешении строительства в Сибирской уkraine на Тачехи и Тоболе русские крепости и набирать людей для защиты от нападений и охраны ясачных людей [Миллер, 2005, с.332–334]. Во многом эта грамота стала юридическим обоснованием будущего похода Ермака, который, однако, был воспринят в соответствующей грамоте от 16 ноября 1582 г. как «задор» с сибирским султаном [Миллер, 2005, с.335]. Еще раз отметим, что с этого времени роль делопроизводительной документации как источника по истории Сибирского ханства стабильно возрастает, обладая значительным потенциалом по вопросам Сибирского ханства после похода Ермака и требует отдельного рассмотрения.

Интересным нюансом в контексте поиска «летописца татарского» является наличие татарских источников, появившихся уже в период вхождения части Сибирского ханства в состав Московии. Напомним, что рукопись известного сочинения хана Абулгази «Родословная история о татарах» была обнаружена подполковником шведской армии Ф.И.Т. Страленбергом в Тобольске и записана русским писцом со слов татарского переводчика. По мнению А.К. Бустанова, Г.Ф. Миллер мог предпринять во время своей сибирской экспедиции специальные и безуспешные поиски нарративов, в т.ч. созданных при дворе Кучума, что было характерно для среднеазиатской придворной историографии [Бустанов, 2011 б, с.51].

На данный момент наиболее известные тексты рассматриваемой категории связаны с Касимовым, где проживали некоторые потомки хана Кучума. Наиболее известным сочинением этого направления является «Сборник летописей» Кадыр-Али-бека джалаира, который долгое время считался сибирским карачей. Оно было написано около 1600 г. в Касимове. Несмотря на то, казалось бы хорошее знакомство с сибирской историей, автор приводит лишь дастаны о ханах 1420–1460-х гг. Хаджи-Мухаммаде, Абулхайре, Едигере, в

основном перечисляя, в некоторых случаях искаженные, имена их предков и потомков. М.А.Усманов считал, что «автор знал о сибирских ханах больше, чем написал», но сократил информацию о недавних врагах Москвы по политическим соображениям [Усманов, 1972, с.40, 86]. Недавнее открытие А.А.Селина и А.В.Белякова имени «Кошей карачин Маметев сын», а также его владений в землях Великого Новгорода [Беляков, 2014 б, с.63], заставляет с большим скепсисом подходить к изложенной выше классической точке зрения. По всей видимости, Кадыр-Али-бек был придворным из окружения казахского царевича Ураз-Мухаммада, с которым попал в плен, и в силу этого его информация о Сибири была действительно ограничена.

Гораздо большим информационным потенциалом по сибирской истории обладает сочинение Продолжателя Утемиша-хаджи, которое, судя по имеющимся параллелям именно с русскими источниками о Кучуме и его потомках, также могло быть записано в Касимове около 1610/11 г. Русский перевод фрагмента по Сибирским Шибанидам был опубликован в 2014 г. И.М.Миргалеевым. Автор дал пространный, хотя и запутанный, генеалогический обзор Сибирских Шибанидов, а также представил ряд уникальных сюжетов (например, о захвате Хаджи-Мухаммадом Туры, войнах Муртазы и Кучума в Мавераннахре и Туркестане, отношениях Али с ногаями) [Миргалеев, 2014, с.64–66; Маслюженко, 2015 в, с.117–134].

Известны татарские сочинения и в самой Сибири. Например, Д.М.Исхаков считает одним из возможных источников сибирского летописания дастан «Ильдан белен Голдан», в котором содержится информация из тайбугидской легенды [Исхаков, 2006, с.124–124]. В то же время неясно время создания этого сочинения, которое вполне может относиться к XVIII–XIX вв., то есть условно к тому же времени, когда тобольский ямщик Иван Черепнин создавал свою летопись, которая являлась в большей степени компиляцией из предшествующих сочинений. При этом отчасти она была основана на недошедшем до нас труде С.У.Ремезова «Описание о народах Сибири» [Андреев, 1960, с.183–186].

Значительный интерес представляют сочинения, изданные в конце XIX – начале XX века Н.Ф.Катановым. Это «Предание тобольских татар о Кучуме и Ермаке», «Предания тобольских татар о прибытии в 1572 году мухаммеданских проповедников в г. Искер» и «О религиозных войнах учеников шейха

Багауддина против инородцев Западной Сибири (по рукописям Тобольского губернского музея)» (т.н. Тобольская рукопись) [Катанов, 1897; 1904; 2004, с.145–167]. Эти три источника оказали значительное влияние на оценку деятельности хана Кучума и историю исламизации населения Западной Сибири.

Подытоживая вышесказанное, стоит отметить следующее: несмотря на относительную краткость летописных сообщений, мы можем многое почерпнуть из них для реконструкции политической истории государства Сибирских Шибанидов. Самобытными представляются сообщения сибирских летописей, в которых воспроизведена легенда о княжеской династии Тайбугидов, ее происхождении и отношении с Шибанидами. Для реконструк-

ции истории Тюменского ханства эти записи интересны вдвойне, поскольку содержат нигде более не известную информацию об обстоятельствах смерти Ибак-хана. Материалы посольских книг существенно дополняют и развивают данные русских летописей, позволяя понять всю сложность взаимоотношений между Тюменским ханством и Московским великим княжеством и попытаться определить роль первого в системе международных отношений тюрко-татарских государств. Тексты посланий содержат указания на особенности взаимоотношений Сибирских Шибанидов и Ногайской Орды. Описанный корпус источников, с учетом специфики его анализа, позволяет проанализировать основные элементы истории Тюменского и Сибирского ханств.

2.2. ВОСТОЧНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Среди корпуса письменных источников, затрагивающих основные аспекты истории Тюменского и Сибирского ханств, свидетельства восточных авторов являются самыми сложными в деле интерпретации излагаемых событий. Основное внимание уделялось активному участию Ибак-хана в нарастающем кризисе государственности ханства Абулхайра. Подобное положение дел стало возможным благодаря тому, что многие персоязычные и тюркоязычные сочинения XVI–XVII вв. посвятили немало страниц характеристике личности и деяниям Мухаммада Шейбани, внука Абулхайра, одними из антагонистов которого выступили Ибак-хан и его дядя Сайидек.

Ситуация в данном случае осложняется тем, что в источниках отсутствуют конкретные хронологические привязки описываемых событий (помимо даты смерти Абулхайра); кроме того, некоторые свидетельства («Фатх-наме», «Фирдуас ал-Икбал») представляют иную политическую картину, наблюдаемую после гибели Абулхайра, а также вопросов, связанных с избранием нового хана. Проще говоря, восточные авторы, касаясь рассматриваемых событий, в отличие от русских летописей либо материалов дипломатической переписки, не интересовались непосредственно Тюменским ханством, а упоминали его лидеров только в связи с конкретными историческими процессами, связанными с грядущей междоусобицей.

Этот же круг источников («Таварих-и гузида-йи нусрат-наме», «Бахр ал-асрар», «Ро-

дословная тюрков» Абулгази) также приводит генеалогические данные, позволяя уточнить родословную Сибирских Шибанидов.

Особняком стоят свидетельства Утемиша-хаджи, изложенные в его основном сочинении «Чингиз-наме» (полная версия которого именуется А.-З. Валиди Тоганом как «Тарих-и Дост султан» – прим.), к сожалению, до настоящего времени не переведенном на русский язык и доступном лишь в фрагментах.

Сообщения о Шибанидах также зафиксированы в османской историографической традиции середины XVIII в. (Сейид Мухаммад Риза, Хурреми, Абд ал-Гаффар Кырими), опирающейся во многом на сочинение Утемиша-хаджи. Отличительной чертой историографии явилось преимущественное внимание потомкам Кучук-Мухаммада, в то время как о представителях иных потомков Джучи упомянуто лаконично.

Первым документально зафиксированным внешнеполитическим актом Ибак-хана стало участие в убийстве сына Абулхайра в составе обширной коалиции. Наиболее подробно об этом сообщают четыре источника: «Таварих-и гузида-йи Нусрат-наме», «Фатх-наме», «Шайбани-наме» и «Бахр ал-асрар». Все источники, кроме последнего, были написаны в начале XVI века; сочинение Махмуда бен Вали датируется 1631–1641 гг. [МИКХ, 1969, с.322]. Главная задача авторов – возвеличивание деяний представителей генеалогического древа Абулхайра, особенно Мухаммада Шейбани. В литературе также имеется

предположение о составлении «Таварих...» лично внуком Абулхайра [МИКХ, 1969, с.10–11]. Этим фактом объясняется и хула в адрес врагов его дома, но неслестные характеристики были посвящены и Шайх-Хайдару (см., например, [МИКХ, 1969, с.362]). Краткое изложение обстоятельств гибели Шайх-Хайдара изложено в «Тарих-и Кипчаки», составленном в 20-х гг. XVIII века, но без упоминания Сибирских Шибанидов [МИКХ, 1969, с. 393].

Описание событий в вышеупомянутых источниках выглядит стандартизированным:

- перечисление «врагов» Шайх-Хайдар-хана, убийство последнего Ибак-ханом;
- бегство Карачин-бахадур с царевичами к Хаджи-Тархану, где правил Касим-хан;
- осада Ахмад-ханом, Ибак-ханом и мангытом Аббас-беком Хаджи-Тархана, выдворение Карачин-бахадур с царевичами из города;
- месть царевичей и их эмиров Ибак-хану спустя 80 дней после смерти Шайх-Хайдар-хана [МИКХ, 1969, с.19–20, 56–64, 99–100, 361–363; Шейбаниада, 1849, с.LVI].

Также стоит отметить и существование альтернативной историографической традиции, заложенной Моллой Шади в сочинении «Фатх-наме». Автором воспроизводится сюжет об убийстве Шайх-Хайдара и об участии Ибак-хана, однако события расположены в иной хронологической последовательности: после смерти Абулхайра престол государства занимает шибанид Йадгар, а после его смерти Шайх-Хайдар. О жизни Йадгара сообщают и более поздние авторы. Абулгази упоминает о смерти Йадгар-хана, и вскоре «после него умер и Абуль-хаир-хан» [Абуль-Гази, 1906, с.168–169]. Поздний источник «Фирдаус ал-Икбал» (70–80-е гг. XIX вв.) датирует начало правления упомянутого шибанида 862 г.х. (27.11.1457 – 15.11.1458 г.) [МИКХ, 1969, с.436].

Упоминание о правлении Йадгар-хана представляется важным в свете установления хронологии участия Сайидек-хана и Ибак-хана в коалиции против Шайх-Хайдар-хана. Приводимая хронология в «Фатх-наме» позволила Ж.М. Сабитову выдвинуть предположение о том, что убийство Шайх-Хайдара состоялось не ранее 1473 года [Сабитов, 2011, с.61–62].

Анализируя персидские и тюркские источники указанного периода, В.П. Юдин указал на значительную зависимость «Фатх-наме» от «Таварих...», допуская при этом, что автор использовал какие-то не дошедшие до нас источники, упоминающие о правлении Йадгара. Вероятнее всего, тот корпус дополнительных свидетельств, использованных Моллой Шади,

оказал последующее влияние на «Родословие тюрков» Абулгази и «Фирдаус ал-Икбал» Муниса и Агехи [Юдин, 2001, с.37].

Вышеупомянутый сюжет с участием Ибак-хана получил свое начало в «Таварих...» (дата составления 1502–1504 гг.), поскольку, по мнению В.П. Юдина, изучившего взаимосвязи текстов сочинений шибанидского круга, «Таварих...» являлся наиболее ранним источником (см. таблицу [Юдин, 2001, с.36]).

По мнению исследователя, «Таварих...» составлен либо самим Мухаммадом Шейбани, либо при его непосредственном участии [Юдин, 2001, с.34–35]. Этот факт объясняет столь пристальное внимание в сочинении к сыну Абулхайра Шайх-Хайдару.

Помимо чисто хронологической канвы событий «Таварих...» и «Шейбани-наме» сообщают важные данные и о статусе лидеров Сибирских Шибанидов. Так, в коалиции помимо Ибак-хана участвовал и его дядя Сайидек, причем оба в генеалогическом разделе представлены как ханы [МИКХ, 1969, с.37]. В «Шейбани-наме» автор произвольно соединил имена Сайидек и Ибак в одно, сообщив о «Сайидак-Айбак-хане» [МИКХ, 1969, с.99], повлияв на создание в историографии путаницы вокруг правильной интерпретации имени хана. Однако В.П. Юдин удовлетворительно объяснил создавшуюся проблемную ситуацию: по мнению исследователя, автор «Шейбани-наме» Бинаи допустил неточность при переписывании «Таварих...», в результате чего возникла досадная ошибка [Юдин, 2001, с.30–31]. Упоминание обоих династов в ханском звании для нас важно потому, что уже к концу 60-х – началу 70-х гг. XV века Тюменское ханство предстает политически обособленным, независимым государственным образованием.

Отметим и еще одно упоминание об Ибак-хане в «Таварих...»: «И с устья Сыра (т.е. Сырдарья – прим.) пришло много людей, ради него [Мухаммад Шайбани-хана] отделившись от Ибак-хана» [МИКХ, 1969, с.26]. Похожая информация также приведена и в «Шейбаниаде» [Шейбаниада, 1849, с.LX]. К сожалению, в связи с отсутствием конкретной хронологической привязки, трудно установить, при каких именно обстоятельствах произошел отток беков, и относились ли присырдарьинские территории к владениям Ибак-хана. В связи с отсутствием иных упоминаний о лидерах Сибирских Шибанидов в «Таварих...» и прочих сочинениях шибанидского круга, можно предварительно конста-

тировать неучастие Ибак-хана в каких-либо действиях против Мухаммада Шейбани либо его союзников.

Немало важной информации предоставляют также и данные генеалогии, приводимые авторами «Таварих...» и «Бахр ал-асрар». Помимо упоминания о ханском достоинстве Сайидека и Ибака, ханом назван также и отец последнего – Махмудек. Также упомянуты Ак-Курт, Мамук и Кулук, фигурирующие на страницах русских летописей и посольской документации [МИКХ, 1969, с.37]. В «Бахр ал-асрар» младшие сыновья Махмудека Агалак и Мамук отмечены с ханским званием, в то время как Кулук фигурирует без соответствующего титула [МИКХ, 1969, с.350]. Подобные данные могут косвенно свидетельствовать о кризисе государственности Тюменского ханства.

Смутные сообщения о Сибирских Шибанидах фиксируются в «Чингиз-наме» Утемиша-хаджи, краткая ташкентская рукопись которого была издана в 1992 г. Интересующие нас сведения приведены в более полной рукописи, находившейся в распоряжении востоковеда А.-З. Валиди Тогана и получившей название «Тарих-и Дост-султан» [Кавагучи, Нагаминэ, 2010, с.47]. Обстоятельства осложняются тем, что полный список в настоящее время не переведен и не опубликован на русском языке: частичные переводы были сделаны самим А.-З. Валиди Тоганом, впоследствии использованы в его труде, посвященном истории башкир. В нашем распоряжении имеется отрывок об Ибак-хане, в котором сообщается, что «он был знаменитым ханом, который правил всей киргизской и казанской страной» (цит по. [Мустакимов, 2010, с.28]).

В современной исследовательской литературе существуют разные точки зрения на то, считать ли «Чингиз-наме» историческим источником. В.П. Юдин считал, что «Чингиз-наме» является транслятором степной исторической традиции [Юдин, 1983, с.121]. Х. Кавагучи и Т. Нагаминэ стремятся вернуть сочинению репутацию исторического источника [Кавагучи, Нагаминэ, 2010, с.48–49]. А.В. Парунин счел возможным вернуться к позиции В.П. Юдина, учитывая при этом и критику сюжета «Чингиз-наме» со стороны А.Г. Юрченко [Парунин, 2015, с.52–53].

«Чингиз-наме» оказало влияние на османскую историографическую традицию, в частности, на труды сеида Мухаммада Ризы «Семь планет» (сост. в 1737 г.), а также на сокращение хроники Мухаммад Ризы, выполненную Хур-

реми-челеби Акай-эфенди во второй половине XVIII в. Оба автора сообщают о правлении сыновей Хаджи-Мухаммад-хана в Сибири, причем Мухаммад Риза уточняет, что «потомки Хаджи-Мухаммеда в области Сибири стали независимыми [правителями]» [Мустакимов, 2015, с.131–134]. Отметим, что оба автора поверхностно касались событий, связанных с правлением чингизидских династий, не уделяя никому значительного внимания. Тем не менее свидетельства османских авторов XVIII в. о наличии в Сибири независимого государства подтверждают сообщения прошибанидски настроенных авторов. При этом резонно предположить, что отдельно существовавшие историографические традиции не оказывали какого-либо влияния друг на друга.

Среди упоминаний о Ибак-хане и его потомках отдельно стоит выделить Кучум-хана как фактического основателя и лидера Сибирского ханства, восстановившего власть Шибанидов в регионе, сместив оппозиционную княжескую династию. Несмотря на успешную реставрацию легитимной власти в Сибири, эволюцию отношений с Российским государством, налаживание контактов с Бухарским ханством, имя Кучума и его детей осталось практически незамеченным на страницах восточных источников.

Наиболее полно о Кучуме повествует космограф Сейфи Челеби, умерший в 990 г.х. (26 января 1582 – 24 января 1583 г.), однако между датой смерти автора и временем окончательного составления его сочинения существуют определенные несоответствия [Зайцев, 2004 б, с.178, прим. 4]. В частности, установлена дата завершения книги – 3 джумада II 998 г.х. (9 апреля 1590 г.) [Султанов, 2005, с.255], что может свидетельствовать об использовании дополнительных материалов.

Информации о Сейфи Челеби известно очень мало, однако из контекста перевода отрывков его сочинения, касающихся Центральной Азии и Сибири, можно с уверенностью утверждать, что он был путешественником и некоторые события мог наблюдать воочию. Однако у нас нет достоверной информации для предположения, что османский путешественник был непосредственным очевидцем описываемых событий в Сибирском ханстве, но его информатор был неплохо осведомлен о противостоянии Кучума с русскими, о чем говорит следующий отрывок: «Однажды, когда Кучум-хан куда-то отлучился, ночью пришли неверные русы и захватили город Тура. Как только оповестили об этом Кучум-хана, он

обложил город и два года держал кафиrow взаперти. Ослабив их таким образом до крайности, он затем овладел Турой. Это событие произошло недавно. Однако, когда русы захватили Туру, они пленили сына Кучум-хана и отправили его в Москву» [Зайцев, 2004 б, с.177; Султанов, 2005, с.261]. Примечательно указание османского историка на тот факт, что «предки Кучум-хана господствовали над той страной со времени Чингиза» [Султанов, 2005, с.261], что сближает его позицию с вышеупомянутыми свидетельствами Мухаммада Ризи и Хурреми. Очевидно, в историческом сознании турецких авторов Сибирь была закреплена за потомками Хаджи-Мухаммада.

Схожую информацию о Кучуме сообщает Абулгази, чье сочинение «Родословная тюрков» относится к т.н. шибанидскому кругу источников: «У помянутого выше Махмудек-хана был сын Муртаза-хан, у этого сын был Кучум-хан. Кучум-ханом пресекался род этого дома. Кучум-хан сорок лет царствовал в Туране. Жизнь его была долга; под конец ея он ослеп. В тысяча третьем году (1595 Р X) Русские отняли Туран из рук Кучум-хана. Кучум-хан, убежав, скрылся у народа Мангкыт и там отошел к Божью милосердию» [Абуль-Гази, 1906, с.156]. Хивинский историк в своем сочинении обособил генеалогическое древо Кучум-хана, отождествив ее с Тураном. Судя по контексту упомянутых династов, речь шла о сибирской территории.

Исследовавший биографию и творчество Абулгзи А.Н. Кононов счел возможным утверждать, что «Родословная тюрков», также как и «Родословная туркмен» составлена при обширном использовании фольклорных материалов, особенно в начальной ее части, в родословной Огуз-хана [Кононов, 1958, с.22–23].

Абулгази уделяет основное внимание династам, правившим в Средней Азии,

в частности в Хиве и Бухаре, используя как фольклорные источники, так и имевшиеся в его распоряжении летописи. Сведения о предках Кучум-хана, по-видимому, могли быть заимствованы из официальных генеалогических источников, опубликованных его предшественниками в «Таварих...» и «Бахр ал-асрар», дополняемых более современными сведениями. По сообщению самого автора у него было «под рукою осьмнадцать свитков, в которых заключаются исторические рассказы о потомках Чингиз-хановых». Лаконичность повествования о Сибирских Шибанидах можно объяснить желанием Абулгази привлечь внимание в своем сочинении на ту линию рода Шибана, к которой он относился сам [Абуль-Гази, 1906, с.1–2].

Подводя итоги, отметим фрагментарность известий, так или иначе касающихся ханов из числа Сибирских Шибанидов. В источниках детали биографий Ибак-хана и его внука Кучум-хана приведены крайне не равномерно. К примеру, ряд тюркских и персидских сочинений XVI–XVII вв. коснулись лишь участия первого в убийстве Шайх-Хайдара – сына умершего в 1469 г. Абулхайра. Вероятно, личность самого Ибак-хана составителей летописных сведений не интересовала: лестная характеристика хану была составлена лишь автором «Чингиз-наме» Утемишем-хаджи. В противоположность Ибак-хану, его внук Кучум в восточных источниках показан как политический лидер независимого государственного образования (Туран, либо г. Тура – прим.), позволяющего трактовать ее как Тюмень. Причем изложение обстоятельств его правления практически полностью совпадает с имеющимся в русских источниках.

2.3. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ

Список археологических памятников, которые можно использовать для изучения сибирской средневековой тюрко-татарской государственности, можно сравнить с колоссом на глиняных ногах. С одной стороны, мы имеем несколько сот археологических комплексов, которые хронологически и территориально соотносятся с этими государственными образованиями. Многотысячные коллекции пред-

метов, связанных с историческими событиями этого времени в регионе, собранных на месте городов и поселений ханств и хранящихся в краеведческих музеях практически во всех городах Западной Сибири и сопредельных территорий. Письменные источники, которые содержат информацию о конкретных комплексах и дают общий исторический контекст для всего времени. Все эти источники во мно-

го раз превосходят коллекции и материалы для более ранних эпох, содержат значительно больший объем информации и, по идее, должны в комплексе воссоздать исторические процессы второй половины II тыс. н.э. Но мы имеем практически полное отсутствие датировки комплексов или в лучшем случае, плавающие границы их функционирования в пределах одного, а то и двух веков, что уступает датировке, например, комплексов раннего железного века. С большими оговорками определяется принадлежность поселений и могильников к определенным этническим группам населения Сибири или придумываются сложные полиэтнические конструкты. Для государственных образований, которые существовали на протяжении длительного времени и с которыми мы связываем определенные комплексы, нет маркеров государственности, то есть предметов, которые бы указывали на существование этих формирований. Кроме того у нас нет, за редким исключением, привязки археологических комплексов и материалов к конкретным историческим событиям. Это далеко не весь перечень проблем, с которыми сталкиваются ученые при изучении археологических древностей этого времени.

Ситуация, которую мы констатируем для археологических комплексов этого времени сложилась под влиянием целого ряда факторов, первым из которых является отсутствие интереса в исследовании археологических комплексов второй половины II тыс. н.э. у подавляющего большинства археологов научных центров Западной Сибири. Практически весь XX в. этим периодом занимались отдельные ученые (В.П. Левашева, А.П. Дульзон и др.) или раскопки поздних памятников были эпизодами научной деятельности исследователей (М.П. Грязнов, В.И. Матющенко и др.) и не нашли отражения в публикациях. Можно привести только два примера, когда вокруг лидера складывались коллективы, занимавшиеся интересующим нас периодом – это поисковые группы А.П. Дульзона в Томске и В.И. Соболева в Новосибирске. В обоих случаях произошел определенный научный прорыв в изучении как отдельных этнических групп населения по археологическим материалам, так и в изучении археологических памятников с позиции их принадлежности определенным государственным образованиям. К сожалению, после кончины обоих авторов эти направления исследований постепенно сошли на нет, и если в Барабинской лесостепи археологическое исследование поздних памятников

еще продолжается, то в Томском Приобье они практически заканчиваются. В других случаях, после переезда ученого или прекращения им научной деятельности, определенные территории оказывались брошенными – в таком положении оказалась Омская область после отъезда В.П. Левашевой.

Показательными в плане внимания исследователей к археологическим материалам этого времени являются две диссертации, посвященные изучению археологических микрорайонов: Е. Н. Волкова [2005] в Тюменской области и П.А. Сумина [2006] в Новосибирском Приобье. В этих диссертационных сочинениях древности второй половины II тыс. н.э. фактически не включены в общие хронологические шкалы микрорайонов вследствие слабой изученности комплексов этого времени. К сожалению, приходится констатировать, что такая ситуация сохраняется в данное время и в других районах Сибири – археологические комплексы второй половины II тыс. н.э. часто не включаются в общую линию исторического развития.

Значительные районы лесостепной полосы Западной Сибири в настоящее время остаются необследованными на предмет поиска средневековых памятников. В первую очередь, к ним относятся юг Челябинской и вся Курганская область, Тюменская область к югу от Андреевских озер и южная часть Омской области плюс район Крутинских озер, юго-запад Новосибирской области и западный берег Оби на всем ее течении по лесостепной зоне Западной Сибири. Но и территории, где велись работы по изучению археологических комплексов этого времени, также имеют большие лакуны. Так, в Прииртышье, несмотря на многолетние исследования, по сей день не найден ряд известных по письменным источникам городков Сибирского ханства – Ташетканский, Черный, Мерзлый и другие укрепленные пункты этого государственного образования.

На настоящий момент, оценивая корпус археологических источников, который сложился к середине второго десятилетия XXI в., мы можем нарисовать следующую картину. На всей территории лесостепной полосы Западной Сибири выделяются несколько районов сосредоточения археологических памятников второй половины II тыс. н.э. – Томское Приобье, среднее течение Оми в Барабинской лесостепи и система Чановских озер, Тарское Прииртышье на Иртыше, нижнее течение р. Ишим и долина Иртыша в районе г. Тоболь-

ска, район слияния Исети и Тобола и прилегающие к нему земли по Туре близ г. Тюмени.

В.И. Соболев выделил 135 памятников, которые соотносятся с границами и хронологией сибирских ханств, хотя в тексте он указывает гораздо больше: «На этой территории сейчас учтено более 200 памятников, относящихся к периоду сибирских ханств». Типологически он разделил их на поселенческие комплексы – городища и собственно поселения; могильники – грунтовые и подкурганные захоронения; культовые сооружения и клады [Соболев, 2008, с. 60–61]. Спустя двадцать один год с момента защиты им диссертации можно констатировать, что количество памятников и исследованных районов если и увеличилось, то совсем незначительно. Естественно, что некоторые памятники в ходе последующих исследований выпали из этого списка, например, городище Новоягодное II, после раскопок, проведенных К.Н. Тихомировым [Тихомиров, Михалев, 2007], другие еще требуют дополнительных исследований, но в целом ситуация не изменилась.

На наш взгляд, в дополнение к перечню памятников необходимо добавить археологические комплексы, которые нашли свое отражение в письменных источниках, по которым мы имеем определенную информацию об их расположении и времени функционирования, о связанных с ними исторических событиях и причинах их гибели. В условиях отсутствия четкой хронологической характеристики комплексов этого периода данные памятники должны стать своеобразными реперами материальной и духовной культуры этого времени. В первую очередь, это города и крупные административные центры сибирских ханств. При всей размытости описаний сибирских ханств именно города являются основными доводами в пользу государственного устройства этих образований и не дают скатиться к сравнению с полукочевыми племенными союзами кочевников.

Уровень социально-экономического развития Западной Сибири даже к моменту прекращения существования последнего тюрко-татарского государственного образования в Сибири – Сибирского ханства – был низок и не мог стать основанием для возникновения и развития городов в их традиционном понимании. Причины в отсутствии возможности развития ремесленного центра из-за слабых экономических связей между отдельными районами ханств и единой религии, которая бы консолидировала население этих объеди-

нений. По этим причинам города развивались как военно-административные и торговые центры ханств и их провинций (в качестве верховных ставок ханов и их наместников).

Письменные источники содержат сведения о времени возникновения этих городов и их роли в государственном образовании в соответствии с их статусом – столичные, военно-административные, торговые или другие. Из этих материалов мы знаем имена основателей и правителей этих городов, события связанные с их походами или, наоборот, с обороной их от набегов неприятелей и прекращением их существования. При всей отрывочности и неполноте этих сведений именно города должны стать основой для создания хронологической шкалы археологических комплексов периода существования сибирских ханств. Только при раскопках городов есть надежда выделения в археологических материалах временных маркеров для второй половины II тыс. н.э., которые позволят датировать другие поселенческие и погребальные комплексы. Также при раскопках городов существует большая вероятность фиксации маркеров конкретных государственных образований, что позволит, в случае обнаружения подобных предметов на других археологических памятниках, определить границы ханств или направления их связей с населением сопредельных территорий.

В связи с особой государственной значимостью эти комплексы имели ряд существенных отличий от обычных населенных пунктов ханств, что необходимо учитывать в ходе археологических исследований. Тюрко-татарские города Западной Сибири выделяются своими фортификационными системами, так как в отличие от обычных городищ и укрепленных поселений, которые большей частью использовали наличествующую в этих местах более раннюю фортификацию, для их защиты строились оригинальные системы обороны. Это очевидно по результатам раскопок столицы Сибирского ханства Искера А.П. Зыковым и приведенной им реконструкции крепостных стен [Зыков, 2008] и раскопок Тунуского городка в Прииртышье [Татауров, 2005]. Для Искера характерно сложное строение деревянного сегмента крепостной стены (рис.23), а для Тунуского городка – комбинированного кирпично-земляного предместного укрепления. В обоих случаях речь может идти о работе приглашенных мастеров из Поволжья и Средней Азии (рис.24). Некоторые элементы фортификации, не характерные для традици-

онной фортификации отмечаются и на других городищах Прииртышья – Безымянное III, Бергамак V, Айткулово IX и других, но специальной работы по изучению фортификации на комплексах второй половины II тыс. н.э. пока не проводилось. Таким образом, можно говорить об определенных фортификационных инновациях для Сибири, которые были применены при строительстве оборонительных систем городов, тем самым фиксация подобных черт на городищах и укрепленных поселениях лесостепной зоны Западной Сибири позволит связать эти комплексы с государственным центром.

Несколько сложнее обстоит ситуация с маркерами государственности сибирских ханств. Слабая централизация власти, неразвитость и малочисленность государственного аппарата, отсутствие денежных систем сибирских ханств нашли свое отражение в археологических материалах, в которых мы констатируем практически полное отсутствие государственной символики. Но и здесь следует признать, что конкретных исследований в этом направлении не проводилось. Раскопки последних лет татарских могильников К.Н. Тихомировым дали нам перстни, печатки которых использовались татарами в качестве заверителей документов [Татаурова и др., 2014, с. 139]. Вместе с подобными перстнями, хранящимися в государственных музеях и частных коллекциях, эта категория находок в настоящее время является основным подтверждением государственной организованности населения. Следует предполагать, что при анализе материалов к таким маркерам могут отойти оружие, культовые сооружения и т.д.

Города сибирских ханств могут и должны стать системообразующими центрами при дальнейшем изучении археологических памятников этого времени на территории тюрко-татарских государственных образований.

Еще одну категорию памятников, которую, на наш взгляд, следует выделить из всех археологических памятников этого времени – это городки. Небольшие, с хорошей фортификацией, комплексы были поставлены для защиты границ ханства. На настоящий момент известно примерно полтора десятка подобных объектов, но к хорошо исследованным можно отнести только Кошкуль IV и Тунуский городок в Тарском Прииртышье (рис.25). Мы уже отмечали, что они выделяются своей фортификацией. К этому следует добавить наличие на них легких переносимых жилищ – юрт и каркасно-столбовых построек. Подобные жи-

лища можно было быстро поставить и снять, что было оптимально для временных гарнизонов этих городков, так как они использовались только на период года, когда были возможны набеги и для периода сбора ясака с местного населения. На постоянных поселениях и городищах подобные жилые комплексы не фиксируются или имеют другую хозяйственную нагрузку. Важная черта, характерная для этих комплексов – структура питания. Военная специфика городков не предполагала побочных хозяйственных занятий, поэтому его обитатели питались в основном за счет привезенных запасов. Остеологические определения материалов Тунуского городка показали, что 90% мяса в структуре питания занимала конина. Исходя из размеров городка и количества остеологического материала, мы можем предположить, что эти оборонительные объекты использовались не более 3–4 месяцев в году при гарнизоне 25–30 человек.

Пограничные городки важны, в первую очередь, для определения границ государственных образований на определенных хронологических этапах их существования, а также для воссоздания систем фортификации, военного дела и материальной культуры их обитателей.

Городища и укрепленные поселения являются основной категорией населенных пунктов Тюменского и Сибирского ханств. Отличие между ними состоит в том, где проживает основная часть населения – внутри крепостных стен или снаружи, тогда к укрепленной части добавляется селище. В отличие от городов и городков фортификация на этих комплексах в основном строилась на уже имевшихся на данных местах укреплениях более раннего времени – рвах и валах эпохи раннего железного века и бронзы. Заново углублялись рвы, отсыпались валы и на этом строительство укреплений заканчивалось. Какой-то системности в планиграфии жилищных комплексов не наблюдается. Элементы уличной застройки зафиксированы нами на татарских поселениях XVII–XVIII вв., что связано с распространением у татар под влиянием русских, гужевого транспорта [Корусенко, Татауров, 1997].

Поселения без оборонительных сооружений в основном представляют собой летовки, то есть временные объекты, связанные с сезонностью хозяйства, а именно с отгонным скотоводством или с земледелием на более плодородных землях. В основном летовки использовало подавляющая часть тюркоязычного населения. Но, если элита общества во гла-

ве с ханом могла откочевать на юг, на берега Амударьи и там переждать зиму, то основное население встречало холода в своих городищах и укрепленных поселениях. После присоединения Западной Сибири к Российскому государству и захвата земель русскими переселенцами татары были вынуждены частично переселиться на свои летовки, превратив их в постоянные поселения.

Жилища на исследованных поселенческих комплексах представляют собой сравнительно небольшие 25–35 м², слегка углубленные или наземные каркасно-столбовые сооружения с чувалом для обогрева и приготовления пищи. Но практически на всех поселениях зафиксированы очаги и чувалы под навесами в стороне от жилищ и именно они в теплое время года использовались в кухонных целях. Различия в конструкции жилищ и их ориентации зависели, в первую очередь, от природно-географических условий и контактов с местным населением, у которых татары заимствовали печные сооружения. По мере продвижения тюркоязычного населения на север по долинам крупных рек в южнотаежную зону Западной Сибири – в конструкцию жилищ добавлялась древесина и уменьшалось использование кожи, тканей и других материалов, характерных для жилищ кочевников. Более низкие температуры требовали сохранения тепла, поэтому мигранты углубляли котлованы жилищ, иногда проводили дополнительные трубы от чувала для прохождения горячего воздуха, земляные или дерновые крыши заменяли на перекрытия из коры, дранки, бересты и т.д. Подобный процесс хорошо описан во второй половине XIX в., когда казахи были вынуждены мигрировать на север и, встретившись с низкими температурами, утепляли свои юрты. Они закапывали их целиком в землю, обкладывали бревнами, соломой, дерном и т.д., а уже к следующей зимовке строили свои жилища с учетом местной специфики домостроения [Татауров, Тихонов, 1998]. Но традиция использования юрт потеряна не была и знать использовала их при своих перекочевках. Останки юрты были зафиксированы нами при раскопках Тунуского городка в одном ряду с двумя каркасно-столбовыми жилищными постройками. В ходе раскопок поселений сибирских татар XVII–XVIII вв. фиксируется постепенный переход на принципы русского домостроения, что кардинальным образом меняет облик татарских поселений. Но традиционные жилища еще долгое время сохранялись в качестве хозяй-

ственных построек или на местах временного проживания.

Жилища тюркоязычного населения лесостепной полосы Западной Сибири от Приобья до Зауралья показывают нам определенное единство системы жизнеобеспечения в плане конструкций, размеров и систем обогрева. Это объясняется, с одной стороны, определенной схожестью природно-географических условий, общностью заселения тюркоязычным населением этой территории и, пусть и на начальном уровне, наличием социально-экономических и культурных связей между отдельными районами расселения. Подробный анализ жилищ для всей этой зоны еще не проводился, но очевидно, что вариативность в конструкциях, системах обогрева, планировке и т.д. зависела от местных условий, проживавшего на данной территории населения, наличия транспортных транзитных путей и т.д.

Наиболее показателен процесс изменения облика населения Западной Сибири, его материальной и духовной культуры в период тюрко-татарской государственности на материалах погребальных памятников этого времени. Основные черты погребального обряда тюркоязычного населения этого периода мы находим у ученых и путешественников XVII–XIX вв. Д.Г. Мессершмидта, П.С. Палласа, Г.И. Георги, В.В. Радлова и других [Георги, 1799; Новлянская, 1970; Паллас, 1786; Радлов, 1989]. В XX в. археологические [Дульзон, 1956; Молодин, Соболев, Соловьев, 1990; Соболев, 2008] и этнографические [Валеев, 1980; Томилов, Шаргородский, 1990] исследования позволили воссоздать погребальный обряд для тюркоязычного населения отдельных районов лесостепного и южнотаежного поясов Западной Сибири, показать их специфические особенности.

Археологические исследования погребальных памятников XIV–XVII вв. в Западной Сибири, проводимые в последние годы новосибирскими и омскими учеными [Позднесредневековые комплексы..., 2012; Матвеев, Татауров, 2008б] позволяют констатировать их несомненную близость. По всем основным параметрам – ориентация, глубина и размеры могильной ямы, труположение, сопроводительный инвентарь – погребения очень близки. Различия фиксируются только в локальных моментах, вызванных ситуационными факторами – наличием и составом дерева на окружающей территории, спецификой почвы и т.д.

Специфичность ситуации придает то обстоятельство, что мы не знаем уровень ис-

ламизации татар Прииртышья в этот период. «Вопросу исламизации населения западной Сибири в научной работе практически не уделялось внимания. В основном изучению подвергались проблемы традиционных религиозных обрядов и верований. Существующей ситуации есть вполне объективное объяснение – отсутствие в настоящее время широкой источниковой базы [Соболев, 2008, с. 140–142]. Местное население в этот период не имело отдельных мусульманских кладбищ, возможно, практиковалось выделение комплекса могил в планиграфии кладбищ, но это пока только предположение. Большинство захоронений этого времени совершены не по исламским канонам и содержат значительное количество сопроводительного инвентаря – оружие, посуду, бытовые предметы. М.А. Корусенко, объясняет это тем, что в Сибири был распространен «бытовой ислам», учитывающий значительную роль доисламской языческой культуры при периферийном географическом положении региона в исламском мире. Эта форма ислама позволяет гибко подходить к традиционным нормам и обычаям, в необходимых случаях допуская значительные отклонения от установок шариата [Корусенко, 2003].

В.А. Могильников, характеризуя археологические комплексы второй половины II тыс. н.э. в нижнем и среднем течении р. Тары, отмечал, что «присутствие данных вещей в подкурганых захоронениях и единичных грунтовых, как и обычай насыпания курганов, отражают переживание языческих традиций в погребальном обряде рядового населения Тарского Прииртышья того времени в условиях внедрения новой веры, восприятие которой фиксируется по распространению все большего числа безинвентарных могил под курганами, а затем и обряда бескурганых погребений без вещей (некрополь Окунево 3) [Могильников, 1997].

На наш взгляд, корни сосуществования на одном погребальном комплексе разных погребальных практик следует искать не только в языческом прошлом этого народа. Исламизация тюркоязычного населения Западной Сибири происходила по такому же принципу, что и распространение любой другой мировой религии на земном шаре. Сначала ее воспринимала знать, и затем она распространялась ее в среде обычного населения. Татарские могильники не подразделяются на мусульманскую и языческую части. Знать совершала погребения своих представителей с учетом мнения

всего населения. Если бы они отказались от всех черт традиционного обряда, то могли лишиться значительной части своей сакральной значимости. Представители элиты татарского общества погребались как борцы, погибшие за веру, и снаряжались для продолжения этой миссии в другом мире. Рядом с ними хоронили воинов, погибших вместе с ними. Это был определенный компромисс между новой религией и традициями тюркских воинов, во главе которых стояли вожди, шедшие впереди во всех сражениях и бывшие гарантами их жизни и благополучия их семей.

На могильниках в Прииртышье мы фиксируем захоронения, которые выделяются из общего ряда размерами и устройством надмогильного сооружения и погребальной камеры, сопроводительным инвентарем (комплект оружия и дополнительным инвентарем – конской сбруей, котлами и т.д.). Наиболее выразительное в этом плане захоронение №267 было исследовано В.И. Матюшенко при раскопках позднесредневекового могильника на Татарском увале у д. Окунево [Матюшенко, 2003]. Это погребение представителя знати, облаченного в железные пластинчатые доспехи с богатым набором оружия. Рядом с ним располагаются погребения воинов с оружием и конской упряжкой (мог. № 248, 260). Подобное захоронение мы зафиксировали и на могильнике Бергамак II – №41, выделяющееся тем, что умерший был положен на белый войлок и с богатым комплектом оружия, бронзовым котлом, конской упряжкой, украшениями и т.д. Рядом с ним располагались захоронения №№ 33, 34 с наборами оружия и конской упряжкой [Корусенко, 2003, с.166–167]. Такие же захоронения мы наблюдаем и в Барабе, где на могильнике Абрамово-4 выделяются захоронения с наборами оружия [Молодин, Соболев, Соловьев, 1990]. В этот период именно кладбища становятся религиозными центрами у сибирских татар, местом, где лежат воины, павшие за веру.

На погребальных комплексах XVIII в. практика захоронения умерших с оружием постепенно исчезает, могилы содержат гораздо меньше инвентаря, и можно констатировать, что основные параметры погребального обряда, в той части, что касается собственно захоронений, становятся ближе к нормам ислама. Религиозными центрами становятся мечети, где служители следили за соблюдением обрядов, проводили праздники, обучали детей и тем самым приводили общество к определенному культурному единству как в рамках

одного населенного пункта, так и в целом для всего региона.

Для периодов эпохи бронзы, раннего железного века или раннего и развитого средневековья в Западной Сибири керамика является основным маркером археологических образований. На основе форм и орнаментации сосудов выделено огромное количество культур, вариантов, типов и подтипов археологических памятников. На этом материале построены этнические процессы на протяжении всего периода палеометалла – направления миграций, культурные и экономические связи и т.д. Но для второй половины II тыс. н.э. использование керамики в качестве основного маркера не сработало. Возможно, причина кроется в недостатке внимания ученых к этому периоду истории Сибири, и мы уже отмечали, что поздние этапы существования археологических микрорайонов не включены в их общую хронологическую шкалу из-за недостатка имеющихся материалов. Возможно, в отказе от подхода к древностям этого времени как к удобному для более раннего времени культурному образованию «археологическая культура». Так или иначе, но в результате мы не имеем термина, характеризующего лесостепную зону Западной Сибири в этот период в археологическом плане. Процесс консолидации тюркоязычного населения шел на протяжении фактически всей второй половины II тысячелетия н. э. Создание единого культурного пространства закончилось к моменту присоединения Западной Сибири к Российскому государству. Выражаясь археологическим языком, сибирские татары представляли на этот момент единую историко-культурную общность с определенной близостью материальной и духовной культуры для всей территории лесостепной зоны Западной Сибири с локальными вариантами, тяготеющими к долинам крупных рек – Тоболу, Ишиму, Иртышу и Оби.

Керамика этого времени была систематизирована еще в 1926–1927 гг. В.П. Левашевой. На основе керамического материала Вознесенского городища она выделила несколько групп посуды, используя в качестве критериев способ нанесения орнамента, форму орнаментов и характер отпечатков [Левашева, 1928а]. В 1969 г. Р.Д. Голдина при описании материалов из раскопок памятников XIV–XVI вв., в том числе и Кучумова городища на Ишиме, ввела в научный оборот название «татарская керамика» [Голдина, 1969 б]. В.И. Соболев в своем диссертационном сочинении сделал подробный анализ керамики си-

бирских татар и систематизировал ее на основе материалов памятников Барабы [Соболев, 2008, с.125–146]. Но провести подобную работу для всей Западной Сибири помогут лишь раскопки памятников в Прииртышье, на месте расположения городов Чимги-Туры, Кизыл-Туры и т.д. В настоящий момент мы можем говорить об определенном единстве татарской керамики от памятников Приобья до Тарского Прииртышья, Чимги-Туры и Южного Зауралья (рис.26). В данном случае мы полностью согласны с А.П. Зыковым в том, что раннего слоя на Искере нет, а это керамика, сосуществовавшая с татарской и составляющая с ней единый комплекс посуды. Аналогичная ситуация зафиксирована при раскопках Турусского городка, когда в одном очаге были найдены два сосуда – один с традиционным для татар орнаментом, а второй был украшен фигурными штампами [Татауров С.Ф., 2013].

Приход тюркоязычного населения на территорию, где главенствовала фигурно штампованная керамика, привел к столкновению двух культурных керамических традиций, с одной стороны, высококачественная, богато украшенная фигурными штампами посуда и низкокачественная со сравнительно бедным орнаментом керамика пришельцев. Но практически во всех местах тюркоязычное население занимает привилегированное положение над аборигенами, вследствие чего получает приоритет в определении облика посуды. В результате мы имеем соединение черт местной и пришлой керамики при усреднении общего качества как в изготовлении, так и в орнаментации посуды. То, что к концу XVI в. татарская керамика становится фактически идентичной на всем лесостепном пространстве Западной Сибири, связано уже не только с близостью проходивших на этой территории этнокультурных процессов, но и с определенной объединяющей ролью государственности, регламентировавшей культурные и социальные факторы жизни населения.

В силу достаточно интенсивного общения между элитой локальных групп тюркоязычного населения Западной Сибири, определенной интегрирующей силой со стороны центральной власти сибирских ханств и достаточно высокого уровня развития торговых отношений, к середине XVI в. произошла определенная унификация для многих категорий предметов хозяйственного инвентаря, оружия и украшений.

Например, при раскопках городища Турусского городка в небольшом углублении

было найдено скопление металлических предметов – набор кузнечных инструментов, состоящий из щипцов и двух молотков (рис.27). Почти идентичный по составу предметов набор был найден при раскопках Зырянского курганного могильника XVI–XVII вв. в таежном Причутье в 1985 г. В раскопанном кургане рядом с одним из костяков были найдены щипцы, наковальня и два молотка [Беликова, 2003]. Такие же наборы в этот период были распространены и у татар в Поволжье. Поэтому можно говорить, что такой набор был определенным стандартом для кузнеца тех лет.

Предметы вооружения, которые получены в ходе археологических раскопок памятников второй половины II тыс. н.э. также имеют очень много общего, – в первую очередь, из-за того, что подавляющая часть оружия поступала в Сибирь из Средней Азии [Шлюшинский А.В., 2007]. Те предметы, что изготавливали местные кузнецы часто были выкованы по привезенным образцам.

Такая же ситуация обстояла и с хозяйственным инвентарем. Инновации в той или иной отрасли экономики достаточно быстро распространялись по всей лесостепной зоне Западной Сибири, поэтому можно с полным основанием говорить о высоком уровне унификации промыслового и другого инвентаря [Тюрки..., 1991].

В силу различных обстоятельств археологические материалы этого периода, полученные в ходе научных изысканий XIX–

XX вв. на памятниках сибирских ханств (особенно городских комплексов) оказались в музеях и научных центрах России и зарубежья. Поэтому необходимо задаться целью публикации имеющихся материалов, так как новых городов для раскопок уже не будет. Например, только в Омском государственном историко-краеведческом музее хранятся коллекции с более 50 памятников интересующего нас времени [Матвеев, Татауров, 2008 а]. На наш взгляд, только анализ всех имеющихся материалов позволит дать характеристику уровня развития тюрко-татарских государственных образований, их интегрированности в экономическую и политическую историю Северной Евразии.

В целом археологические источники по истории тюрко-татарских государственных образований, введенные в научный оборот вместе с еще не опубликованными коллекциями музеев России и других государств, в купе с материалами архивов, вполне достаточны для описания структуры этих государств и связанных с ними исторических процессов, реконструкции систем жизнеобеспечения и облика населения, воссоздания их материальной и духовной культуры. Но совершенно очевидно, что без серьезного археологического обследования ряда территорий по Южному Уралу, Приоболью и Пришимью, южному Прииртышью и Приобью эти исследования будут неполны. Необходима государственная программа по изучению дорусской тюрко-татарской государственности Западной Сибири.

3. ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

3.1. ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ И ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА

Становление сибирской государственности, связанной с правящей ханской династией Шибанидов, обусловлено не только выделением улуса их предку Шибану в 1242/3 г., но и дальнейшим ростом влияния его потомков в качестве «железных псов Батуидов» (по выражению В.П.Костюкова). В ходе Великой Замятни (смуты в Золотой Орде в 1360-1370-е гг.) их положение начинает постепенно изменяться. Привлечение Шибанидов на сарайский престол в условиях дезинтеграции государства вполне понятно с учетом длительной лояльности представителей этой семьи к ордынским династиям и наличия у них значительных военных сил. Прекращение династии Батуидов или потеря ими харизмы, связанное с их отрицательными личными качествами или недостойными деяниями [Почекаев, 2009 б, с.40], позволило потомкам Шибана вместе с потомками Орды-Ичена и Тука-Тимура принять участие в борьбе за сарайский престол.

Обращает на себя внимание то, что в ней участвовали в основном представители старших кланов династии: потомки Кадака б. Шибана (Хизр и его сын Кара-Ходжа) и потомки Бахадура б. Шибана по линии его правнука Минг-Тимура (один из его старших сыновей Иль-бек и его младший сын Каан-бай, младший сын Бекконди-оглана, основателя династии Сибирских Шибанидов, Хасан), а также Пулад, рассматривающийся как преемник Минг-Тимура, и его младший сын Араб-шах [Маслюженко, 2008, с.62-66]. По имеющимся данным, большинство из них владели престолом в Сарае ал-Джедид или Гюлистане в Поволжье, что подтверждается чеканкой там монет с их именами [Сидоренко, 2000, с.276], хотя известны монеты Ильбека чекана Сарайчика [Марков, 2008, с.49]. События Замятни выдвинули на первое место не только самого наследника престола, но и массу его родственников, что заложило основу для раскола между потомками Минг-Тимура и появления нескольких локальных династий Шибанидов. Еще В.В.Бартольд предполагал, что в условиях разложения династии прежние родовые связи трансформируются в территориальные [Бартольд, 1963, с.23-106]. Так, например, по дан-

ым Абулгази, уже сыновья Пулада Ибрахим и Арабшах, «разделив отцвы владения, вместе с одной земле и кочевали и имели свои станы; лето проживая при вершине Янка, а зиму при устье Сыра» [Абуль-гази, 1996, с. 162]. В целом маршрут их кочевания укладывается в имеющиеся представления о юрте Шибана, но при этом они имели отдельные «станы».

На данный момент не до конца прояснен вопрос о том, принимали ли участие в борьбе за Поволжье династы, проигравшие в собственном юрте, либо же, напротив, это были лидеры степных объединений, что позволяло им опереться на значительные военные отряды. По всей видимости, в каждом отдельном случае ситуация должна быть рассмотрена дифференцировано. Представляется, что для этого и последующих периодов вполне верно наблюдение В.В.Бартольда: «Менее всего затронутые городской культурой потомки Шибана остались более всего верны воинственным традициям кочевников и потому могли выступать в роли завоевателей в такое время, когда могущество династии Чингис-хана почти везде находилось в полном упадке» [Бартольд, 1968 а, с.135].

Именно в 1375 году впервые на карте Каталонского атласа появляется упоминание о Чинги-туре («Singui») (в тюркских источниках встречается только написание Чимги-Тура) как центре Тюменского (Туранского) вилайета [Белич, 2007, с.152]. Если это указание верно, то можно констатировать, что в период Великой Замятни на северо-восточной периферии владений Шибанидов, расколотых к этому времени на владения отдельных племён и шибанидских кланов, существовала особая территориально-административная единица, в рамках которой Чимги-тура была административным центром. Точное название этого вилайета по источникам неизвестно, и, скорее всего, Чимги-тура была центром Сибирской земли, как это видно из информации летописи об убийстве Тохтамыша («в Сибирской земли близ Тюмени»). По всей видимости, это название идентично «области Сибирь и Ибирь» в описании аль-Омари, арабского ученого, описывавшего границы Улуса Джучи периода правления хана Узбека [Золотая Орда, 2003, с. 106].

Обратим внимание на то, что венгерский монах Иоганка, который был в Приуралье в 1320-х гг., упоминал татар из Сибири, которые выполняли функции судей [Аннинский, 1940, с.91], то есть, возможно, были ордынскими наместниками. Резонно предположить, что расположенный на крайней северной периферии ордынского пространства город, должен был контролировать обширные лесные пространства как «сокровищницу пушной рухляди». При этом представители Чингизидов по линии Джучи (в том числе возможно и потомки Шибана), ведя кочевой образ жизни, сами не сидели в этом городе, а управляли северной периферией через наместников из числа клановой аристократии. Скорее всего, эти земли непосредственно не входили в состав владений Шибана и его потомков. В условиях распада единого политического и административного пространства Золотой Орды в конце XIV – начале XV в. контроль над этим центром мог перейти к тем кланам, из числа которых ранее и назначались хакимы (судьи и наместники).

Существует предположение, что в период Замятни к Шибанидам могли прийти племена, бежавшие из иных регионов под влиянием начавшихся процессов падения золотоордынской государственности в 1350–1360-е гг. Например, М.Иванич пишет о том, что по сведениям «Дафтар-и Чингиз-наме»: «Согласно шаджаре, буркуты перекочевали из Крыма в район Урала» [Иванич, 2001, с.318]. Возможно, что данные соображения позволили Ж.М.Сабитову утверждать, что буркуты не были коренным сибирским племенем (кланом), а прикочевали сюда лишь во второй половине XIV в. [Сабитов, 2010, с.35]. Еще при Шибане упоминается Тайбуга из буркутов, идентичный по имени с основателем известной сибирской княжеской династии, который мог остаться в Кырк-Йере, владение Шибанидов в Крыму, а затем его потомки в период правления темника Мамая из кыйятов откочевали на восток. В истории Тюменского ханства буркуты занимают важное место, поскольку в 1420-е годы именно их лидеры будут хакимами, то есть судьями-наместниками, Чимги-туры. В результате Кипчак-хан указывает «... область Тара, которая была родиной буркутов...» (имеется в виду Тура) [МИКХ, 1969, с.390]. Упоминание представителей этого клана или племени на столь разных территориях характеризует специфическую политику монгольских и золотоордынских ханов, которая привела к расколу изначальных племен и замене их клановой структурой, часто объединенной лишь верностью лидера.

С появлением в качестве претендента Токтамышша значительная часть Шибанидов поддержала его претензии, что, возможно, связано с определенными связями представителя этой династии с «хан-оглы» из Тука-Тимуридов [Зуев, 1998, с.45]. Изначально он обратился за помощью против кыйгата Мамая к летовавшему в местности Кокедей-Йисбуга (юг Западной Сибири или Северный Казахстан) старшему в роду Каан-баю б. Иль-беку [Утемиш-хаджи, 1992, с.117–118]. Любопытно то, что Иль-бек чеканил монеты в Сарайчике, что позволяет интересующую нас местность с некоей долей вероятности локализовать на Южном Урале и в Южном Зауралье, где были определены летовки Шибана. Само обращение подчеркивает сохранение представлений о старшинстве в роду и возможное существование единых клановых интересов. При этом можно отчасти согласиться с В.П. Костюковым в том, что «вследствие чрезвычайной разветвленности родов Шибана и Тука-Тимура, мозаичного расположения владений огланов одного линиджа, несовпадения актуальных интересов различных его ответвлений и других причин вряд ли есть большие основания оценивать Шибанидов и Тукатимуридов как сплоченные кланы, способные мобилизовать все силы и средства для продвижения своего кандидата на сарайский престол. Понятия клановой общности и клановой солидарности, разумеется, существовали, но не исключали ни ожесточенной внутриклановой борьбы, ни альянсов с группировками из другого клана» [Костюков, 2009, с.42–43].

Лишь после отказа Каанбая, захвата Сарая, где была прочитана пятничная хутба и Токтамыш стал ханом, а также победы над Мамаем новый хан получил помощь от сына Пулада Араб-шаха [Утемиш-хаджи, 1992, с.118], который также претендовал на золотоордынский престол. Араб-шах получил в управление правое крыло и фактически возглавил всех Шибанидов. Утемиш-хаджи об этом пишет: «[Тохтамыш-хан] много оказал разных милостей и сделал пожалований Араб-оглану и повелел: «Да соберется к тебе весь народ, принадлежавший Шайбан-хану, и где бы ни находился раб, бежавший от своего хозяина, и эль, бежавший от йасака...» [Утемиш, 1992, с. 118]. В составе военной элиты при Токтамыше периода его борьбы с Тамерланом также были также один из старших сыновей Минг-Тимура Джанта, не имевший наследников, старший сын Ильбека Ильяс и старший сын Бекконди Али [Костюков, 2009, с.41–42].

Таким образом, в окружении Токтамыша оказались представители ряда значительных ответвлений Шибанидов. Их владения, в том числе Притоболье, могли быть использованы в качестве резерва для накопления сил новой коалицией. При этом часть столкновений между войсками Токтамыша и Тимура произошли именно на территории юрта Шибанидов, что косвенно могло повлиять на их перемещение к северу и западу и занятие ранее не востребованных территорий Западной Сибири. Поддержка Шибанидами Токтамыша привела к тому, что последний после поражения на Ворскле отступил в Сибирь, где и был убит «в Сибирской земле близ Тюмени» в 1406 году ставленником мангытского бека Эдигея ханом Шадибеком [Устюжский, 1950, с. 70].

По всей видимости, одновременное существование на территории владений Шибанидов еще и уделов Тука-Тимуридов в лице Тохтамыша неминуемо вело к столкновениям и разочарованию первых в своем «протееже». В период войн между Токтамышем и Тамерланом во владениях Шибанидов располагаются бегущие от «железного хромца» племена из Средней Азии, в том числе аялынды [Маслюженко, 2008, с. 66]. Значительным фактором могло быть появление во владениях Шибанидов племен левого крыла во главе с мангытским беком Эдигеем, который, по мнению В.В.Трепавлова, в середине 1390-х гг. кочевал со своим элем в междуречье Яика и Эмбы [Трепавлов, 2002, с. 17]. По сути, эти кочевники пополнили людские ресурсы во владениях Шибанидов. С этого времени значительную роль в их деятельности играет поддержка ногайского лидера бека Эдигея, а затем и его потомков.

Впрочем, поражение Токтамыша и разочарование в нем Шибанидов стали важными факторами борьбы внутри самой династии. Нельзя не отметить, что еще в 1412–1413 годах Эдигей вместе с очередным ставленником Чекре из Тука-Тимуридов совершил поход в Сибирь. Современник и участник этого похода Иоганн Шильтбергер не упоминает о военных столкновениях. Напротив, он указывает, что наместник Сибири (должность, возможно, аналогичная судьям более раннего или хакимам более позднего времени, сидевшим в Чимги-Туре) прислал подарки (мужчину и женщину из местных дикарей) [Шильтбергер, 1984, С.34–35]. Видимо, этот поход был связан с интронизацией очередного династа, причем опять же из Тукатимуридов, и получением поддержки или лояльности от правителей отдельных улусов. При этом «после покорения

Сибири Едигей и Чакра вступили в Булгарию, которая ими также была завоевана» [Шильтбергер, 1984, с.34]. С этого времени сибирские и болгарские владения очень часто будут упоминаться в едином контексте, что отражало их тесные политические и экономические связи в XV веке. Возможно, что это связано не только с политическим наследием основателя династии Шибана, участвовавшего в завоевании Волжской Булгарии [Маслюженко, 2012, с.82; Исхаков, Тычинских, 2013, с.128-139], но и с пребыванием в Сибирской земле Тохтамыша. Последний назван на т.н. «камне Тимура», датированом 1391 г. «булгарским ханом» [Крамаровский, 2012 а, 65]. Несмотря на убийство Токтамыша под Тюменью при возможном попустительстве потомков Шибана, Тука-Тимуриды сохраняли определенные связи с Сибирью, в том числе могли рассматриваться в качестве ханов.

Лишь в 1420–1430-е гг., в новых условиях усилившегося распада Золотой Орды, в борьбе за «Улус Шибана» приняли участие Хаджи-Мухаммад (младший сын Али б. Бекконди), Джумадук (потомок четвертого сына Минг-Тимура Суйунч-Тимура), Махмуд-Ходжа (единственный сын Каан-бая), Абулхайр (потомок старшего сына Пулада Ибрахима) и ряд других [см.например, Ахмедов, 1965, с.43]. Эти правители в источниках упоминаются с титулом хана, что свидетельствует в пользу окончательного раскола когда-то единого «улуса Шибана» на конкретные клановые или семейные владения, в большинстве своем принадлежавшие потомкам Минг-Тимура. При этом, возможно, существовало представление о формальном старшинстве в роду, поскольку в источниках говорится о том, что лишь со смертью (а чаще убийством) действующего хана титул переходил к следующему претенденту. Борьба могла вестись не столько за территории, сколько за людей. Очевидно, что сильно увеличившийся род Шибанидов уже не имел единых интересов, и отдельные династы отстаивали, прежде всего, приоритеты собственных семей и поддерживающих их племенных лидеров, что и приводило к периодическим заговорам и военным столкновениям. В этих условиях значительное влияние в вопросах престолонаследия оказывает не только принадлежность к «золотому роду», но и личные качества претендентов, обеспечивающие поддержку беков, руководивших племенами и участвующих в процедуре утверждения хана на курултае. Увеличение роли племенной элиты в утверждении хана ясно

видно на примере прихода к власти Абулхайра [МИКХ, 1969, с.145], и, скорее всего, сохранялось в последующие десятилетия. Изменение самой структуры передачи власти, в том числе с использованием выборных процедур на курлтае, также привело к отказу от принципа прямого наследования. Во многом это отражало увеличивающуюся зависимость династов от поддержки племенной верхушки, обеспечивающих ханов войсками, но и ожидающих ответных подарков и доли в военной добыче.

Среди династов первых 1420-х гг. наибольшую активностью проявляли Хаджи-Мухаммад б. Али и Махмуд-Ходжа б. Каанбай, деятельность которых необходимо четко разделять. В историографии еще со времени работы М.Г. Сафаргалиева утвердился взгляд на них как одном хане, что не соответствует действительности [Маслюженко, 2011-а, с.88–101]. В ходе столкновений Эдигея с ханом Кадыр-Берди на реке Илек, притоке Яика, первый около 1420 года позвал к себе Хаджи-Мухаммад-оглана, сделав того предводителем войска. Данное приглашение было спровоцировано тем, что мангытский лидер постоянно имел при себе «марионеточных» ханов. Только новый чингизид мог легитимизировать его борьбу с потомками Токтамыша. Обращение именно к нему могло быть связано с тем, что брат и сподвижник Эдигея Иса, будучи беклярбеком при Токтамыше, участвовал в сражениях вместе с отцом оглана Али. Далее Кадыр Али-бек пишет, что после гибели бека в битве его сын Мансур около 1421 г. провозгласил Хаджи-Мухаммада ханом, а сам стал при нем беком [Валиханов, 1984, с.231–232]. Данная схема распределения полномочий использовалась неоднократно наследниками этого хана в отношении с ногаями / мангытами и однозначно фиксируется для его внуков Ибака и Мамука.

Причем Кадыр Али-бек пишет о том, что в ходе встречи Эдигея с Хаджи-Мухаммадом последний сказал: «Я иду в народ куральский» [Валиханов, 1984, с.230–231]. что схоже с названием «области Корел», отданной во владения Шибана Бату. Данный народ (и область) могут интерпретироваться не только как некие европейские владения (например, в восточных источниках «вилайетом Корал» называют, видимо, Польско-Литовское государство или «немецкий курал» [Валиханов, 1984, с.230; Утемиш-хаджи, 1992, с.96]), которые явно были в это время недостижимы для Шибанидов, но и как Булгарский вилайет [Арсланова, 2002, с.206]. По мнению И.А.Мустакимова, после

пресечения династии Бату г.Булгар и Булгарский удел могли считаться общеджучидским достоянием, которое могло рассматриваться в качестве «золотого», то есть царского, престола [Мустакимов, 2008, с.146-147]. Этим также мог быть обусловлен интерес Шибанидов как к этим владениям, так и позднее к трону Казанского ханства.

Скорее всего, к этому периоду жизни хана относится и сообщение Утемиш-хаджи: «после него ханом стал Хаджи-Мухаммад-хан. Контролировал Башкурт, Алатырь, Мохши и захватил находившийся в стороне Шехр-и Болгара знаменитый названием Шехр-и Тура территории мангытов и был великим падишахом» [Миргалеев, 2014, с.65]. Заметим, что в предлагаемом переводе есть значительные отличия от версии А.Валиди Тогана. В частности, в переводе источника не идет речи о подчинении этим ханом г.Булгар, о котором столь часто со ссылкой на работу З.В.Тогана пишут исследователи. Менее всего вызывает возражение то, что башкирские земли действительно периодически оказывались под контролем того или иного шибанидского династа, в том числе претендовавшего на ордынский престол. При этом о власти Шибанидов в период Золотой Орды или в постордынское время над иными землями из этого списка, тем более в Волго-Окском междуречье, в других источниках встречается также лишь косвенная информация, в том числе связанная с подчинением этой территории Монгольской империи и ее вхождении затем в состав Улуса Джучи, в котором мог участвовать основатель династии Шибан. Кроме того, в 1377-1378 гг. мордовские племена, которые находились на территории Мохши и Алатыря, были подчинены очередным претендентом на сарайский престол Араб-шахом б. Пуладом Шибанидом [Почекаев, 2010, с.152–153]. Мог ли на эти же земли претендовать и Хаджи-Мухаммад по другим источникам неизвестно [Маслюженко, 2011-а, с.88–101].

Наиболее любопытно для сибирской истории указание на захват Хаджи-Мухаммадом некоего «Шехр-и Тура территории мангытов». А-З.Валиди Тоган и И.М.Миргалеев склонны искать этот ногайский город на территории Башкирии [Миргалеев, 2014, с.65]. А-З.Валиди Тоган при этом считает, что «Тура означает Западную Сибирь и Башкурдистан», а туринские ханы правили в стране башкир и области «Ибир-Сибир», в которую входило и Прикамье [Валиди-Тоган, 2010, с.37–38]. Однако, расположение «Шехр-и Тура» в «стороне

не Шехр-и Болгара» еще не является основанием для локализации этого центра именно в Приуралье. В источниках по истории Улуса Джучи, в частности у ал-Омари и ибн Баттуты, описание «страны Сибирской» или «страны мрака» всегда с позиции расположения и организации торговли увязывается с Булгаром, что не является поводом искать эти земли в Приуралье [Золотая Орда, 2003, с.107, 137]. В турецкой рукописи по истории крымских ханов указывается, что «в Деште-же и Булгаре остались владствовать из рода Шейбанова ханы» [Негри, 1844, с.581]. Таким образом, Булгар с очевидностью был связан с Дештом и Сибирью, но не в территориальном, а в политическом плане. В то же время в названиях некоторых населенных пунктов Кавказа, Передней и Средней Азии термин «шехр-и» обозначает просто «город» (Шехр-и Азим Таргу, Шехр-и Татар, Шехр-и Фирух и многие другие). На просторах сибирской периферии постордынского пространства и в источниках шибанидской традиции таким городом была лишь Тура (Чимги-Тура, Тюмень русских летописей). В таком случае относительно политики Хаджи-Мухаммада речь идет о вполне традиционном в дальнейшем для ханов этой династии стремлении подчинить крупнейший оседлый центр на юге Западной Сибири. Таким образом, Хаджи-Мухаммад заложил одно из основных направлений политики династов, правивших в Тюменском ханстве. Дальнейшее обострение борьбы с ханом Бараком связано с его поражением от Улуг-Мухаммада и последовавшим отступлением на восток. Около 1426–1427 гг. хан Хаджи-Мухаммад и Мансур были убиты Бараком [Трепавлов, 2002, с.94].

В 1428/9 году братья Мансура Гази и Науруз убили Барака [Кляшторный, Султанов, 1992, с.210]. После этих событий в степи появляется новый шибанидский династ Махмуд-Ходжа, который возможно попытался вмешаться в борьбу за престол, что привело к его монетной эмиссии в Булгаре и Среднем Поволжье [Гаев, 2002, с.28-30]. В этом отношении политика Махмуд-Ходжи продолжала деятельность предшествующих Шибанидов. Однако отстоять свои интересы в Поволжье ему не удалось, и в результате этого он и оказался на юге Западной Сибири, между Ишимом и Тоболом [Ахмедов, 1965, с.39–41]. Связь Махмуд-Ходжи с югом Западной Сибири тем более хорошо заметна, если вспомнить, что здесь находились летовья его отца Каан-бая, местность «Кокедей-Йисбуга» [Утемиш-хаджи, 1992, с.117]. А.-З.Валиди-Тоган,

по данным Утемиша-хаджи, также указывает, что Махмуд-Ходжа совместно с родами Туранского вилайета воевал с туменами кунратов и салджиутов [Валиди-Тоган, 2010, с.40]. Очевидно, что, если эль Тура – это известная Чимги-Тура, то действия Махмуд-Ходжи приурочены именно к сибирским территориям. Обращает на себя внимание то, что «...тумен Кюйдей, [состоящий из людей] племени салджавут...» относился к изначальным владениям Шибана [Мустакимов, 2011, с.231]. Эта борьба могла вестись только в период 1429–1430 годы. После победы над кунратами и салджиутами хан «объединил вокруг себя всю страну», то есть, скорее всего, северную периферию улуса Шибана (возможно, что это был именно Тюменский вилайет).

Шибанидским лидером в степной зоне был еще один представитель этой династии – хан Джумадук – который, возможно, был ставленником Гази-бия, сына Эдигея. Около 1429 года бии буркутов, мангытов и нукусов, до этого убившие Гази и занявшие его место при дворе Джумадука, подняли восстание и против самого хана, в ходе которого он был разгромлен и убит. Возможно, лидером восставших был шестнадцатилетний племенник хана Абулхайр [МИКХ, 1969, с.390]. В результате этого в марте–апреле 1430 г. Абулхайр на курултае кочевой аристократии был провозглашен новым ханом [Маслоуженко, 2012, с.78–79].

В период лета–осени 1430 года его войска отправились на Чимги-туру – центр Туранского вилайета. Статус этого города в сибирских владениях Шибанидов predetermined выбор его в качестве «местопребывания трона государства и средоточия божьей помощи», по словам Кухистани [МИКХ, 1969, с.143–144]. На данный момент письменные источники свидетельствуют о том, что именно Абулхайра был первым шибанидским ханом, котрый согласно источникам занял престол в Чимги-Туру. С ним можно связывать становление Тюменского ханства как начального этапа Узбекского (Шибанского) ханства. Косвенность источников и индифферентность хронистов к вопросу времени образования государства, столь важною для построения современных исторических концептов, говорит о легкости перехода от собственно формально единых владений Шибанидов к государственности этой же династии. Для хронистов из их окружения важен был факт наличия самого ханского титула, особенно у их покровителя и его предков. В этом

отношении создателями Тюменского ханства могут считаться все шибанидские ханы 1420-х гг., поскольку это государство выросло именно из их борьбы за власть. Вряд ли возможно точно определить единственную фигуру основателя.

Немаловажной причиной отсутствия внимания хронистов к такой детали, как название государства, вынуждающего исследователей прибегать к различным процессам конструирования, может быть и то, что ханы были связаны именно со своей кочевой ставкой. Город или города в их владениях были местом сосредоточения торговли, ремесла и налогообложения, но не власти, центр которой был связан с фигурой хана. Формальные столичные центры были местом того, что в культуральной истории называют «политическим перфомансом», или презентацией власти, которые помогали хану и его окружению публично выражать, поддерживать и укреплять статус и авторитет правителя. Для кочевого лидера жизнь в таком городе чревата разрывом с поддерживающей его верхушкой родов и племен, но периодическое пребывание в нем важно для напоминания о его присутствии оседлым и полuosедлым группам ясачного населения.

Обратим внимание, что каким Чинги-Туры, буркут Адад-бек, и его родственник Кибек-Ходжа-бий «со всеми эмирами, вождами и прочими военачальниками», открыли ворота города и уступили власть хану. В дальнейшем представители буркутов занимают одно из первых мест в перечнях соратников хана. Кроме того, союз был скреплен брачным договором, поскольку первая жена Абулхайра, от которой родились Шах-Будаг-султан и Ходжа-Мухаммад, также была из буркутов [МИКХ, 1969, с.354]. Деятельность Абулхайра как тюменского хана началась с разгрома войск его соперника хана Махмуд-Ходжи в битве на р.Тобол весной–летом 1431 г. После поражения последний вместе с одним из сыновей был казнен. Ш.Марджани писал о том, что после убийства Махмуд-Ходжи Абулхайр «стал единовластным правителем Дешт-и Кипчака» [Марджани, 2005, с.131], которому платили ясак как жители Жанги (Чинги)-Туры, так и Булгара [Ахмедов, 1965, с.94; Хафиз-и Таныш, 1983, с.74], где последним ханом из Шибанидов и был Махмуд-Ходжа.

Большая часть деятельности хана Абулхайра была увязана с внешней политикой, ориентированной на установление его власти как над степной зоной, так и над выгодным

в экономическом плане присырдарьинским регионом. Б.А. Ахмедов со ссылкой на Махмуда бен Вали пишет, что после подчинения Улуса Шибана новый узбекский хан «объявил независимость своего государства от потомков» Тука-Тимура [Ахмедов, 1965, с.48], что еще раз говорит о сохранении владений этих династий в Западной Сибири даже после убийства Токтамыша. В частности, здесь могли быть владения уже упомянутого выше противника Хаджи-Мухаммада Шибанида хана Барака, после отступления последнего из Поволжья. С этим могут быть связаны и находки монет этого хана, чеканенных в Булгаре, в кладе на р.Исеть [Рева, эл.вариант]. В этом отношении показательна следующая цитата: «Так как держава Орды вследствие вражды между детьми Тохтамыша совсем ослабла, то некоторые из потомков Шибана... найдя случай удобным, склонили на свою сторону некоторых и восстали» [СМИЗО, 1941, с.212]. Консолидация улуса Шибана под властью одного хана позволила ему сосредоточиться на активной внешней политике, которая, однако, могла быть проведена лишь при поддержке кочевой аристократии.

Именно в связи с ней чаще всего указываются различные аспекты внутренней политики Абулхайра как в период пребывания на тюменском престоле, так и после расширения владений за счет присырдарьинского региона. Несмотря на исламизацию кочевой аристократии ханства, в повседневных и политических практиках сохранялось или восстанавливалось много тюрко-монгольских традиций, которые могли рассматриваться как адаты. Скорее всего, это не должно вызывать удивление, поскольку такие племена, поддержавшие на начальном периоде Абулхайра, как дурмен, найман, мангыт, уйгур, тюмен, уйшун, тубай, конграг, кыйат, масит, тангут, непосредственно связаны именно с существованием Монгольской империи и Улуса Джучи. Известный американский антрополог Эдвард Оллворт отмечал, что часть ханских ритуалов и форм поведения Абулхайра были в значительной степени ориентированы именно на кочевых лидеров [Allworth, 1990, p. 26]. Необходимо понимать, что сама опора в борьбе за власть в этих условиях на чингизидскую генеалогию «...означала также возвращение к монгольским традициям и системам права...», как это видно на примерах из истории среднеазиатских государств, исследованных Анке фон Кюгельген [фон Кюгельген, 2004, с. 45].

В свете этого значимы указания авторов относительно событий, произошедших в став-

ке хана после важного для Абулхайра разгрома Махмуд-Ходжи весной–летом 1431 года. Эмирам и воинам была роздана вся полученная после сражения военная добыча, которая включала в себя невольниц, лошадей, верблюдов, шатры, кольчуги, оружие и панцири. Однако Кухистани в связи с этим событием особо отмечал: «Всех высокопоставленных султанов и славных миров он отличил и [возвысил] вещами, поясом и высокими должностями» [МИКХ, 1969, с. 149]. Кипчак-хан в более краткой форме писал: «Хан-и Бузург вернулся победителем и устроил большой той» [МИКХ, 1969, с. 391]. Очевидно, что той – это большое празднество, которое сопровождалось коллективным пиром. Щедрость хана по отношению к воинам и представителям элиты была одним из показателей идеала правителя [Султанов, 2006, с. 77]. По сути, хан выступал редистрибутором, и в рамках престижной экономики эти подарки были важным инструментом влияния на кочевую элиту, отказ от которого мог повлечь центробежные тенденции. Аналогичные раздачи неоднократно упоминаются в источниках при описании деятельности Чингиз-хана и его потомков [Крадин, Скрынникова, 2006, с.281-295].

Однако раздачи подарков Абулхайром известны не только после военных действий, но и в иных значимых ситуациях, причем относительно отдельных лиц. Часть даров имели, скорее всего, статусный характер, в частности пояса и халаты. Кухистани упоминает ритуал одарения «дорогими халатами», который был проведен по отношению к Алаш-бахадару и его аймаку сразу после возведения на престол молодого хана в 1430 г. Именно в юрте Алаша скрывался Абулхайр последнюю зиму перед этим событием. Причем в источнике указывается, что в ведении бахадура после этого были оставлены «...[право] распоряжения страной и имуществом...» [МИКХ, 1969, с. 145], в дальнейших событиях он не упоминается. Очевидно, что наделение подобными предметами могло проводиться как для значительных групп степных аристократов в ходе общезначимых ритуалов, так и для отдельных людей за особые заслуги перед ханом или другими лидерами.

При этом данные ритуалы и раздачи часто были приурочены к летним или осенним месяцам, после которых хан отпускал воинов на места кочевий. Можно условно сравнить сроки проведения этих церемоний с принятыми датами курултаев в Монгольской империи, которые проводились в период августа–октя-

бря [Крадин, Скрынникова, 2006, с. 388–389]. При этом описание некоторых курултаев, например собранного кааном Угедеем в 1235 г., в значительной степени схоже с более поздними празднествами. По всей видимости, подобные мероприятия устраивались и в Улусе Джучи. Хорошо известен в литературе праздник, который посетил Ибн Баттута в июне 1334 года при кочевой ставке хана Узбека. Путешественник писал об этом, что по постановлению Чингиз-хана «...они должны собираться раз в год на пиршество, которое называется туй, или «день празднества». К этому дню съезжаются со всех концов страны потомки Чингиза – эмиры, хатуны и крупные военачальники» [Юрченко, 2012, с. 215].

Аналогичная церемония, в ходе которой хан «...удостоил падишахскими халатами и царственными подарками известных бахадуров и воинов...» была проведена и после разгрома ханов Махмуда и Ахмада между 1447–1449 годами. Именно после этого события Абулхайр занял «трон Саин-хана», с именем хана была прочитана хутба и затем проведен чекан монеты [МИКХ, 1969, с. 155]. При этом чтению хутбы однозначно придавалось большое значение в создании образа мусульманского правителя как в политических реалиях того времени, так и в используемом тексте источника. Такие события, как возведение на престол, разгром основного конкурента в лице дяди хана Махмуд-Ходжи, захват «трона Саин-хана» однозначно меняли политическое положение самого Абулхайра, что и требовало нового конструирования ханского окружения. При этом указания на тюменский престол, «трон Саин-хана», особые царские или падишахские халаты, пояса, а также царский шатер [МИКХ, 1969, с. 163] образуют своеобразную политическую символику ханской власти. Наделение некоторыми из этих предметов совпадает с указаниями о наделении получателей высокими должностями. Аналогии этому, на наш взгляд, следует искать в ритуалах периода Монгольской империи и Улуса Джучи, где халат и пояс выступали одним из внешних атрибутов статуса. Следует помнить, что старшее поколение «узбекской» элиты еще вполне могло помнить об их существовании, ведь, по сути, со времени пусть и формально единой Золотой Орды прошло всего несколько десятилетий. Сохранение ордынской идеологии объясняет и то значение, которое придавалось захвату Абулхайром Орду-Базара и трона Саин-хана в конце 1440–х гг. в легитимации власти хана.

Курултай в ханстве Абулхайра продолжали, по образцу более ранних, выполнять многочисленные функции: решение политических вопросов, перераспределение ценностей и должностей, проведение общих праздников и пиров. В конечном итоге подобные мероприятия были основой государственной идеологии, сплачивающей хана и его родственников с представителями племенной аристократии, укрепляющей их власть. Значительную роль совета кочевой знати в управлении государством кочевых узбеков подчеркивал и Б.А.Ахмедов [Ахмедов, 1965, с. 98–99]. Например, перед походом на Хорезм хан «вызвал для совещания и совета вождей войска и отважных [предводителей] победоносной рати, сливки сейидов... и других предводителей победоносного войска» [МИКХ, 1969, с. 149]. Аналогичное событие произошло и перед походом на Махмад и Ахмада: «... хан после совета с [эмирами и предводителями войска]...» [МИКХ, 1969, с. 153]. В условиях степных войн и роста роли в них племенных вождей без их поддержки ханы не только не могли проводить свою политику, но и вообще удержаться у власти, что и могло привести к реставрации таких более ранних институтов, как курултай. Таким образом, той 1431 г., по сути, мог быть аналогом курултая племенной военной аристократии и части Чингизидов, после которого Абулхайр считался избранным ханом. В ходе этого праздника каждый его участник, «кто имел место в системе управления, получал доступ к распределению ресурсов, реальных (например, пастбища) и символических (знаки власти)» [Юрченко, 2012, с.212].

Хан и кочевая аристократия в ходе этого события ежегодно подтверждали взаимный статус. Съезды знати были наследием общемонгольской политической системы, нормировавшей повседневную жизнь населения как империи в целом, так и отдельных улусов. При этом наделение поясом и халатом с очевидностью было внешним знаком наделения властными полномочиями и статусными отличиями, что отражало сложившуюся символику пояса и халата в монгольской культуре. З.В.Доде пишет, что «... в золотоордынских церемониях сохранялись имперские традиции, в которых почетный халат выполнял функцию государственного символа» [цит. по Юрченко, 2012, с. 189]. Имперская самоидентификация, по мнению М.Г.Крамаровского, осуществлялась в выборе ханами, нойонами и представителями местной аристократии соответствующих регалий, к которой относятся

костюм, прическа, головные уборы, детали конского снаряжения, парадная утварь и воинские пояса [Крамаровский, 2012 б, с. 201]. Примеры с раздачами Абулхайра показывают, что подобная символика халата и пояса сохраняла свое значение и среди кочевых узбеков во второй четверти XV века. При этом иные ранее известные регалии в текстах о деятельности шибанских ханов не упоминаются. По мере расширения среднеазиатской политики Абулхайра утрачивают смысл и раздачи поясов, но раздача халатов фиксируется и позднее. Следует согласиться с В.В. Трепавловым в том, что «в «постордынском» мире, в условиях угасания инерции государственного потенциала Золотой Орды, происходила реанимация архаичных учреждений» [Трепавлов, 2010, с.33].

Осень 1446 г. по возвращении из похода против хана Мустафы Абулхайр «решил отправиться для зимовки на завоевание Сыгнака», и именно в этом походе осенью 1446 года на первом месте выходит бий Ваккас, который, возможно, стал беклярибеком, подвинув кыйата Бузанджара на второе место [МИКХ, 1969, с.159]. В результате Сыгнак, Ак-Курган, Аркук, Сузак и Узгенд подчинились узбекам. При этом Сузак был отдан в управление ханскому племеннику, руководителю авангарда войска султану Бахтияру, Сыгнак – олану Мане (потомку сына Джучи Тангута), а Узгенд – бию Ваккасу. Это разделение показывает то, что Сыгнак нельзя считать полноценным политическим центром ханства в присырдарьинском регионе. Таковым оставалась кочевая ставка хана. Фактически после этого деятельность Абулхайра больше не связана с историей юга Западной Сибири. Хан и в дальнейшем был вынужден для привлечения лидеров кочевых элей вести многочисленные войны с соседями. Выбор направлений этих походов показывает, что Абулхайр продолжал политику предыдущих ханов из династии Шибанидов. Для него сибирские земли были важным, хотя и своеобразным «стартовым капиталом», позволявшим сплотить под своей властью «узбеков». Однако при успешной внешней политике западно-сибирская лесостепь становилась периферией, необходимой лишь для извлечения пушнины. Ханская ставка, а следовательно и все основные интересы смещались к западу или югу в более развитые, в том числе и земледельческие области, необходимые для существования государства.

По этим причинам самым сложным является вопрос о том, кто правил Тюменским

вилайетом в составе Узбекского ханства после ухода Абулхайра во второй половине 1440-х гг. Очевидно, что определенную роль здесь в период правления Абулхайра могли играть назначенные им четверо даруг Чинги-Туры или представители племени буркутов, в частности бек Адад. В историографии традиционно считается, что власть здесь была передана сыновьям Хаджи-Мухаммада – Сай-идеку и Махмудеку [Нестеров, 2003, с.111], однако мы должны признать, что подтвердить это предположение источниками невозможно, если, конечно, не считать упоминания о последовательности правления ханов в Тюмени [Марджани, 2005, с.130–131; Валиди Тоган, 2010, с.39]. Косвенным фактором может быть и указание на их ханское достоинство [МИКХ, 1969, с.19]. Однако с учетом наличия у Абулхайра титула Хан-и Бузург, который может являться калькой тюркского Улуг хан (Великий / Старший хан) [МИКХ, 1969, с.95], самостоятельное правление других Чингизидов было вряд ли возможным. Выход на политическую арену потомков Хаджи-Мухаммада следует связывать с началом центробежных тенденций после поражения узбеков от калмыков в 1457 году. Причем в этих источниках в качестве еще одного хана из Шибанидов упоминают правнука Араб-шаха Едигера, который взшел на престол в 862 / 1457–8 г. в результате сговора между его сыном Буреке и наследником Ваккаса Мусы. Появление нового государя связано с разрывом мангытов с Абулхайром после смерти бия Ваккаса [Трепавлов, 2002, с.100-102].

В 1468 году практически одновременно умирают два хана Восточного Дешта – Абулхайр и Едигер, что приводит к началу новой волны степных войн среди многочисленных Чингизидов [Трепавлов, 2002, с. 102]. События, последовавшие за смертью Абулхайра, показали, насколько глубок был степной кризис. Мирза Мухаммад Хайдар так пишет об этом: «После его смерти среди его людей начался разброд...» [Хайдар, 1996, с. 116]. Можно предположить, что Едигер правил чуть дольше, чем Абулхайр. В «Фатх-наме» Гулама Шади, придворного поэта Шейбани-хана, говорится, что после смерти «Хан-и Бузург» улус одобрил на ханство Едигера. Внуки Абулхайра успели даже некоторое время послужить в армии под руководством Буреке б. Едигера [Абуль-гази, 1996, с.109-110; МИКХ, 1969, с.54–56].

Политические лидеры были и среди детей Абулхайра [Хайдар, 1996, с.116, 117]. Так,

после смерти Едигера основным претендентом на объединение узбеков стал пятый сын Абулхайра, Шейх-Хайдар, что было связано со смертью старшего сына, Шах-Будага. Дети последнего, Мухаммад Шейбани и Махмуд, были спрятаны от противников. В сочинении «Таварих-и гузида-йи нусрат-наме» сказано: «Когда в его век перестали чтить достоинство и знатность великих беков и добрых родов его, могущество его стало от дня ко дню уменьшаться» [МИКХ, 1969, с. 19]. По всей видимости, новый хан не обладал данными своего отца и не мог удержать вокруг себя кочевников.

Среди наиболее активных противников Шайх-Хайдара источники называют следующих: из рода хана Хаджи-Мухаммада его старший сын хан Сайидек и внук Ибак (Айбак) б. Махмудек (скорее всего, сам хан Махмудек к тому времени умер); потомки золотоордынского хана Барака Джанибек и Кирей; из рода Едигера султан Буреке; из потомков бека Едигея лидеры Ногайской Орды беки Аббас, Муса и Ямгурчи [МИКХ, 1969, с. 19, 57, 99]. Таким образом, союз против узбеков включал в себя лидеров большинства крупнейших кочевых объединений восточной части Дешт-и Кипчака. Источники сообщают, что войска противников на протяжении 1469 г. сталкивались неоднократно, но, несмотря на большие потери, не могли одолеть друг друга. Наконец, «Айбак-хан, приведя с собой войско Ахмад-хана, внезапно напал на Шайх-Хайдар-хана», после чего тюменский хан лично убил узбекского хана [МИКХ, 1969, с.20, 99].

Последним совместным действием союзников было выступление в том же 1469 г. против Мухаммада Шейбани и Махмуда, которые находились на попечении Карачинбахадура и скрывались в Хаджи-Тархане (Астрахани) у хана Касима. Поход возглавили ханы Ахмад и Ибрахим (Ибак) и мангытский бий Аббас. Царевичам удалось спастись, и вскоре они решили отомстить за своего дядю Шейх-Хайдара. В результате было совершено нападение на лагерь Ибака, в ходе которого убили его младшего брата и младшего сына; также было совершено нападение на Ахмада [МИКХ, 1969, с. 20]. По всей видимости, около 1469 года Ибак (Ибрахим) стал тюменским ханом и мог считаться одним из наиболее влиятельных претендентов на роль объединителя всех Шибанидов и связанных с ним узбекских племен, что в дальнейшем и отражалось в его титуле «Шибанский царь». Сама титулатура этого хана, как сказано во введении, показывает, что он не мыслил себя лишь региональ-

ным тюменским лидером, что подчеркивается и большим территориальным размахом его внешней политики.

По всей видимости, одновременно с внешней политикой Ибрахим занимался решением внутренних проблем своего юрта. Скорее всего, в это время в качестве одного из методов внутренней стабилизации ханства были выбраны политический и брачный союзы с бывшими хакимами Чимги-Туры из буркутской династии беков Тайбугидов в лице князя Мара (скорее всего, имевшего мусульманское имя Умар / Омар). Однако вскоре хан «Упак зятя своего уби и градом облада» [ПСРЛ, 1987, с.47]. Таким образом, именно после убийства князя Мара Ибак получает в свои руки Чимги-Туру, которая становится столицей Тюменского ханства, причем указывается, что Ибак правил здесь «и влады много лет» [ПСРЛ, 1987, с.47]. Сыновья Мара находились в качестве аманатов при хане Ибаке: «Маровы дети Одер да Ябулак живящая во граде Чимгидене у казанского царя у Упака», причем отмечается, что умерли они своей смертью [ПСРЛ, 1987, с.47, 118].

Около 1473 г. ногаи, в частности Муса, после недолгого кочевания вместе с Шейбани, вернулись к идее союза с ханом Ибрахимом, которого русские летописи стали называть «царем ногайским» [ПСРЛ, 1901, с.203]. По всей видимости, подчинение ногаев было номинальным и необходимым лишь из-за низкого внешнеполитического статуса их орды [Трепавлов, 2002, с.110-111]. Судя по всему, союз был закреплен и брачными связями, в частности, дочь хана Ибрахима была первой женой Мусы, что делало его гурженом, то есть ханским зятем [Трепавлов, 2002, с.145].

Первой пробой нового союза, нашедшей отражение в источниках, стало нападение на кочевую ставку на Северском Донце, где находился их бывший союзник и лидер Большой Орды хан Ахмад б. Кичи-Мухаммад после неудачного стояния на реке Угре в 1480 году. Именно этот политический акт стал основой для сообщения в одной из летописей о том, что в 1480 г. беки Муса и Ямгурчи признали власть Ибрахима над ногайской Ордой [ПСРЛ, 1963, с.315]. В «Патриаршей летописи» говорится, что «егда же прибежа в Орду, тогда прииде на него царь Ивак Ногайский и Орду взя, а самого безбожного царя Ахмета убил шурин его Нагайский мурза Ямгурчей» [ПСРЛ, 1901, с.202–203; ПСРЛ, 1949, с.328]. По другим данным, в частности Вологодско-Пермской летописи, Ахмета убил сам хан [ПСРЛ, 1959, с.274]. Обратим внимание на то,

что согласно Архангелогородскому летописцу на начало этого похода или набега Ибрахим был еще «царем шибанским» [ПСРЛ, 1982, с.95]. Нападение состоялось в январе 1481 года, при этом зимнее время было идеальным, поскольку по сообщению летописца: «Ахмед хан, готовившись к перезимовке, отправил всех беков на свои земли» [Письмо, 1997, с.43–44], по другой летописи указывается, что Ахмад отпустил других султанов и «силы межи собой не билися» [ПСРЛ, 1982, с.95]. Одна из летописей вообще указывает, что хана Ахмада не было в это время в Орде, а Ибак убил его, когда тот попытался отбить своих людей [Книга, 1850, с.4].

Состав и распределение обязанностей в окружении хана Ибрахима фиксируется в сохранившемся в «Литовской метрике» письме крымского хана Менгли-Гирея к польско-литовскому королю Казимиру IV о событиях 1481 г.: «Генваря месяца у двадцать первые приход цар шибаньски а Ибак солтан его, а Макму князь, а Обат мурза, а Муса, а Евгурчи приход, Ахматову орду потоптали. Ахмата царя умертвили...» [Сборник, 1866, с.29]. С учетом политических реалий и специфики дипломатической переписки знаки препинания в этом письме должны быть расставлены по-иному: Ибак назван шибанским царем, его брат Мамук – султаном, то есть неправящим членом царского рода (возможно, как и иные близкие родственники ханов, он руководил определенным воинским подразделением), а следующий за ним Обат (т.е. Аббас) – князем (на этот момент он был лидером ногайского объединения).

После нападения хан Ибрахим «Орду взя», то есть кочевую ставку хана. Летописец пишет: «И стоял царь Ивак 5 дней на ахматове орде и поиде прочь, о ордобазар с собою поведе в Тюмень, не грабя...», остальной полон, названный литовским, он перевел за Волгу, к ногаям [ПСРЛ, 1982, 95]. Из этой цитаты следует, что тюменский хан забрал с собой всех людей из лагеря Ахмада и увел в свой юрт. Вологодско-Пермская летопись добавляет, что хан Ибак захватил и дочь Ахмада [ПСРЛ, 1959, 274]. Позволим себе предположить, что с помощью увода «ордобазара» Ибак стремился усилить военную и экономическую мощь своего юрта. Видимо, число людей у самого Ибака было ограничено; так, в «Архангельском летописце» указывается, что против Ахмада он «привел с собой 1000 казаков», в то время как Муса и Ямгурчи пришли с 5000 ногаев [ПСРЛ, 1982, с.95]. По этой причине

увод людей и части войска из ставки Ахмада был весьма актуален. Любопытно, что в 1489 г. от Ибака с посольством приезжает в Москву «Иваков слуга, а зовут его Чюмгур», который далее упоминается с титулом «базарьского князя» [Посольские, 1995, с.19].

С ордобазаром могла быть связана и, возможно, имевшая место чеканка монет хана Ибрахима, продолжающая вызывать различия исследователей [Бустанов, 2009 а, с.56–64; Нестеров, с.81–82; Пономарев, 2014 а, с.128–162; Пономарев, 2014 б, с.191–225; Рева, 2013, с.56–58; Чореф, 2015, с.17–23]. При этом, по мере изучения археологических памятников позднего средневековья на юге Западной Сибири, все более частыми становятся находки монет как ханов XIV–XV вв., так и русских князей, что говорит о наличии именно денежного обращения как во владениях, так и ханствах Шибанидов [Адамов, 2015в, с.13–16; Маслюженко, 2015 б, с.294–295; Пачкалов, 2011, с.39–41]. Это объясняет и способность позднее хана Кучума дать ногайскому мирзу Ураз-Мухаммаду при свадьбе на ханской дочери Карамыш ссуду в 5000 алтын [Трепавлов, 2002, с.372–373], для выплаты которых мурза в 1581 г. просил денег в Москве [ИКРИ, 2005, с.176]. Мнение об отсутствии денежного обращения в ханствах строится, скорее, на специфике имеющейся источниковой базы и может быть в значительной степени скорректировано при проведении целенаправленных археологических раскопок.

В 1483 году состоялся поход русских воевод на Пельмыское княжество, в ходе которого «воиводы великого князя оттоле пошли по Тавде реце мимо Тюмень в Сибирь» [ПСРЛ, 1982, с. 49]. Летописец имел в виду, что русские войска прошли мимо Тюменского ханства, т.е. за пределами его северо-восточной границы, которая, видимо, располагалась именно по Тавде, а далее к востоку располагалась уже «Сибирская земля» [Маслюженко, Рябинина, 2014 а, с.121–122]. Это позволяет нам установить условную, согласно взглядам русских летописцев, границу владений хана Ибрахима, то есть весьма условно Тюменское ханство можно локализовать как расположенное между реками Урал, Сырдарья (в ее низовьях), Тура и Тавда, хотя восточные границы остаются неустановленными.

В ханстве с 1489 г., возможно, вопреки традиционным связям, усиливается роль бежавшей из Казани группы: «нашего недруга Алегамовы люди царевы, которые от нас бегают, Алказый, да Тевекел Сеит, да Касым

Сеит, да Багиш с сыном с Утешом и иные их товарищи...» [Посольская, 1984, с.21]. Казанцы могли провести церемонию интронизации Ибака на казанский престол, что и привело к его наименованию в части летописей как «казанского царя» [Трепавлов, 2007 б, с.101]. Попытки Ибрахима захватить Казань и Астрахань, сложности во взаимоотношениях с ногаями и Москвой, периодические неудачи на иных направлениях внешней политики конца 1480-х – начала 1490-х г. вели к разочарованию кочевой элиты в его политике.

По материалам родословной башкир племени табын был сделан вывод, что они отступили из Тоболо-Иртышского междуречья после борьбы Ибрахима с Мухаммадом Шейбани в конце 1480-х гг. [Исхаков, 2002 в, с.177–178]. При этом вокруг Шейбани сложилась значительная группа его родственников из числа как родных братьев, так и потомков главного полководца Абулхайра Бахтияра б. Хизр-хана [МИКХ, 1969, с.101]. Это уводило конфликт от личного противостояния и местности на уровень крупного внутреннего столкновения между Шибанидами. Впрочем, этот конфликт не единственная версия, объясняющая уход табын. В шеджере говорится о том, что потомки основателя клана табын Асадибий и Шикари-бий «очутились под властью хана Шейбанида – Ибака, который приказал их умертвить, отчего они бежали на запад от Урала» [Усманов, 1982, с.81]. Определенные внутренние проблемы могут быть подтверждены и тем, что «и с устья Сыра пришло много людей, ради него [Мухаммед Шейбани-хана] отделившись от Ибак-хана» [МИКХ, 1969, с.26]. Кстати, эта фраза осталась без внимания историков, хотя она говорит о том, что в 1480–х гг. тюменский хан Ибрахим контролировал и земли на самом юге бывших владений Шибанидов в Приаралье, то есть действительно являлся «Шибанским царем». Ибрахим, видимо, в этом отношении был продолжателем политики Абулхайра, стараясь не выпускать из поля своего внимания земли присырдарьинского региона. Причем ушли от него представители дурманов – уйгуров, найманов и ички, а также тарханы потомки табунщика Кашлыка. Шейбани-наме позволяет как минимум представителей дурманов и тарханов связать с потомками тех людей, которые были при Абулхайре [Шейбанида, 1849, с. LX]. Обратим внимание на то, что относительно ички и тарханов до сих пор неясно идет ли речь о клановой или социальной группе.

Значимым признаком напряженных отношений с племенной аристократией мог быть и «заговор» Тайбугидов, упомянутый только в поздних Сибирских летописях. В результате переворота хан был убит сыном Адера Маметом: «князь Мамет воста после смерти отца своего с ближними своими на казанского царя Упака» [ПСРЛ, 1987, с.118], хотя А.В.Парунин сомневается в самом факте убийства [Парунин, 2011-б, с.75–76]. Смерть или убийство хана состоялись между 1493 и 1495 г. [Оксенов, 1888, с.15; Frank, 1994, p.14]. Дата условно определяется между последним посольством в Москву и началом деятельности, в частности, казанским походом, нового тюменского хана – его брата Мамука. Сомнения в интерпретации этого события связаны с пересмотром роли этой династии в сибирской истории. В историографии конца XX века было принято рассматривать Тайбугидов как независимую княжескую (а в работах Г.Л. Файзрахманова не совсем корректно, под влиянием Сибирской истории С.У. Ремезова, даже ханскую [Файзрахманов, 2007, с.116]) династию, при которой усиливается новый центр – г. Искер, столица Сибирского княжества [Нестеров, 2002, с.17–23]. Исследователи отмечают, что сибирские князья не были независимыми правителями, а являлись лишь беклярибеками [Бустанов, 2011 а, с.34], которые правили либо «от руки» казанского хана, либо, что более вероятно, какого-либо тюменского династа из Шибанидов [Трепавлов, 2009, с.386–387; Исхаков, 2011-г, с.252]. В таком случае события последующих десятилетий приобретают абсолютно иной смысл.

Классическая для историографии версия дальнейших событий, основанная на информации «Сибирских летописей», была изложена еще А.Оксеновым: «Мамет., чувствую себя достаточно могущественным, чтобы отделиться от Сибирского ханства, он ушел из города Чингидима на р.Иртыш, где и основал княжество...», хотя далее он в отличие от многих авторов XX века, писал «...если не совершенно независимое, то только номинально признававшее верховенство ханского Ибакова рода» [Оксенов, 1888 б, с.15]. При этом летописи указывают, что «по сем... Мамет... град свой Чингиден разруши» [ПСРЛ, 1987, с.47].

Однако в 1496 г. в Тюменском ханстве начинается подготовка и формирование объединенных ногайско-сибирских войск для похода на Казань во главе с ханом Мамуком, который был возведен на престол сразу же после смерти брата [Трепавлов, 1997, с.183]. Необходимо заметить, что при подготовке подобного похода

да Мамук, который в источниках, как и брат, именуется «ногайским» или «шибанским» царем, должен был знать о стабильности тыла. Следовательно, на тот момент, во-первых, столкновений с Тайбугидами не было, а, во-вторых, возникают сомнения в разрушении столичного центра Чимги-Туры, что было бы значительным ударом по авторитету местных ханов. К тому же этот город упоминается и в дальнейших событиях. Военные действия на казанском направлении во многом были спровоцированы казанскими князьями, лидерами восточной партии Кальметом, Ураком и другими [Книга, 1850, с.9]. В результате Казань была взята осенью 1496 года. Об этом сообщает «Патриаршая летопись»: «В мае 7004 (1496) казанский царь Магомед-Амина послал письмо Ивану Васильевичу о том, что движется на него Мамук Шибанский с ногайской ордой и с князьями Казанскими. Взял он Казань в лето 7005 (1496)» [ПСРЛ, 1901, с.242–243]. Однако выбор претендента был весьма не удачен, хан не справился с проблемами внутреннего управления в условиях, отличных от специфики Тюмени. Кроме того, он, видимо, проявлял жестокость по отношению к казанцам и даже своим бывшим союзникам [ПСРЛ, 1901, С.243]. Впрочем, новым правителем были довольны не только они, но и крымский хан Менгли-Гирей, который пишет в 1497 г. великому князю Ивану III о Мамуке: «Ино то нам лихое имя, а тебе брату моему великая истомма», а далее называют его «недругом» [Памятники, 1884, с.236]. Неудача Мамука под Арском в 1497 году позволила казанским князьям совершить переворот и не пустить хана обратно в города. В результате он был вынужден вернуться в Чимги-Туру с частью оппозиционеров во главе с казанским князем Ураком [Худяков, 1996, с.570], который затем будет в Тюмени при дворе нового хана Агалака. По всей видимости, на обратном пути хан Мамук умер: «вскоре поиде от Казани в свояси и на пути умре» [ПСРЛ, 1901, с.243].

После смерти Мамука новым тюменским ханом стал младший из братьев Агалак, о деятельности которого нам практически ничего не известно. Уже в марте 7007 (1498) года в Москву пришла весть о походе Агалака и Урака на Казань [Книга, 1850, с.15], причем в разрядных книгах указывалось «от шибанских царевичев» [Разрядная книга, 1966, с.57]. В Никоновской летописи под 1500 годом указано, что «... прииде весть к великому князю от Казанского царя Абдыл-Летифа, что на него идет Агалак царевич, Мамуков брат, да с ним

Урак князь Казанских князей. Слышавше же то князь великий и послал к Казани в помощь воевод своих... Агалак же и Урак слышав, что идут ни них воеводы великого князя с силою, и побегоша восвоиси, а воеводы великого князя возвратишася к Москве» [ПСРЛ, 1901, С.249-250]. По мнению А.В.Парунина, данный поход представлял, скорее, набег, нежели ставил перед собой реальную задачу захватить Казань, а его инициатором был Урак: «В лето 7008-го, марта, прииде весть к великому князю Ивану, что Урак привел на Казань Авалака царевича» [Продолжение хронографа, 1951, с.273; Парунин, 2011-а, с.107]. В русских летописях Агалак именуется лишь царевичем, однако в восточных источниках и позднейшей переписке он указывается с титулом «царя» [МИКХ, 1969, с.350; Посольские, 1995, с.72].

В 1505 году хан Агалак и его родственник Ак-Курт покидают территорию Тюменского юрта и оказываются в ногайских кочевьях. Личность Ак-Курта может быть идентифицирована с двюродным братом хана, сыном Сайидека б. Хаджи-Мухаммада [МИКХ, 1969, с.37], хотя в переписке он называется Агалака дядей, что, возможно, отражает политическую зависимость и старшинство. При поддержке ногайских мирз они ведут в период с 1507 по 1508 гг. безуспешные переговоры с московскими князьями Иваном III и его наследником Василием II, пытаясь получить во владения Казань, Мещерский городок или хотя бы Андреев городок в Мещере. Возможно, что некоторое время в начале переговоров, с учетом противоречивой политики русского ставленника на казанском престоле Мухаммад-Амина, Агалак реально мог рассматриваться в качестве возможной кандидатуры, которая могла бы примирить восточную и русскую партии. В ожидании этого Агалак скончался в 1507 или 1508 г., а сам Ак-Курт и тем более его сын Ак-Девлет уже не рассматривались в качестве сильных политических фигур. В целом эти дипломатические попытки говорят об ослаблении как самого Тюменского ханства, так и возглавлявшей его династии, оказавшейся «на обочине» международной политики. Впрочем, Ак-Девлету действительно удалось выехать на русскую военную службу, на которой он был первым представителем этой ханской династии. Ак-Девлет и его сын Шах-Али упоминаются в Разрядных книгах в период с 1512 по 1541 г. [Маслюженко, 2011 б, с.62–68].

Уход Агалака на юг мог быть связан с конфликтом внутри правящей династии. В

Вычегодско-Вымской летописи указывается, что «Лета 7014 (1505 или 1506 гг.) пришед из Тюмени на Великую Пермь ратью сибирский царь Кулуг Салтан и без вести приступиша» [Вычегодско-Вымская, 1958, с.264]. В Устюжских летописях уточняется, что войско из Тюмени пришло в 7013 году в «понедельник на страстной недели», то есть весной 1505 года [ПСРЛ, 1982, с.99]. Кстати, в целом выбор именно весны, в частности марта, для начала похода характерен для всех трех лидеров из числа Сибирских Шибанидов. Фактически время этого похода совпадает с предполагаемым уходом Агалака в ногайские степи. При этом для русских летописцев статус нового тюменского властителя Кутлука, сына хана Ибрахима, был неясен, о чем свидетельствует использование двойного титула. Знамательно то, что Кутлук указан именно как «сибирский царь», что может отражать его власть над Сибирской землей и правление там Тайбугидов от его руки (можно предположить, что это был Сибирский юрт/вилайет Тюменского ханства). При этом, как и ранее с Агалаком, в походе Кутлука участвовали его братья и дети [ПСРЛ, 1982, с.99]. Фактический провал внешней политики, в частности на казанском направлении, Мамука, Агалака и Кутлука мог привести к расколу правящей в Тюмени элиты. С.Г. Кляшторный и Т.И. Султанов предположили, что в 1510–1511 гг. дети Буреке б. Едигера, султаны Ильбарс и Бильбарс, увели свои улусы в Среднюю Азию [Кляшторный, Султанов, 2004, с.329–331]. С учетом наметившегося в результате успехов и затем смерти Мухаммада Шейбани стабильного оттока Шибанидов в Среднюю Азию, в нем могли участвовать и лидеры кланов / племен, в том числе связанных с тюменскими династиями тюркских и татарских групп, хотя эта версия пока не находит уверенного подтверждения в источниках. Скорее всего, это было связано с «малым ледниковым периодом», который значительно усложнил ведение традиционного кочевого хозяйства в северных регионах [Маслюженко, Рябинина, 2016, с.211–214].

Являются ли эти миграции признаком исчезновения самого ханства? При всей скудости источников на этот вопрос необходимо ответить отрицательно, в том числе и с учетом сохранения именно кочевого образа жизни в среде Шибанидов и их окружения. Прежде всего, в свете рассмотренных источников можно видеть политическую сущность т.н. «Сибирского (Искерского) княжества», которое, скорее всего, было лишь вилайетом, то

есть областью, Тюменского ханства. Еще в 1483 году летописи фиксируют т.н. «сибирского князя», который был частью угорского мира Западной Сибири. В середине 1490-х гг., приблизительно в период смерти Ибрахима, бывшие буркутские хакимы Чимги-Туры из Тайбугидов распространяют власть тюменских ханов к северо-востоку, вплоть до Иртыша, где ранее присутствовали Шибанидов не фиксируется. Скорее всего, они стали править в новых владениях от руки тюменских ханов. При этом их правление отнюдь не было спокойным. Сибирские летописи перечисляют местных правителей: «По князе же Мамете княжил Ябалаков сын Агиш. По нем же Маметов сын Казым. По нем Казымовы дети Едигер, Бекбулат» [ПСРЛ, 1987, с.48]. В Лихачевской редакции Сибирских летописей имеется сообщение о том, что Казыма убили собственные близкие люди, его дети сумели отомстить, разорили улусы убийц и стали править всеми [ПСРЛ, 1987, с.119].

Постепенное укрепление Тайбугидов могло быть связано с одновременным ослаблением связей тюменских Шибанидов с сибирскими владениями. К сожалению, источниковая база не позволяет нам досконально реконструировать события, происходившие в Тюменском юрте между 1510-ми и серединой 1550-х гг. Косвенная информация о начальных годах этого периода имеется лишь в иностранных источниках. Такие авторы, как венецианец Франческо де Колло, посол императора Максимилиана I, бывший в Москве в 1518–1519 годах, и итальянец Альберт Кампензе (письмо 1523 г.) единодушны в том, что Москва получает значительную пушную дань с северных областей, среди которых указываются «Княжество Югорское, Область Сибирь» или «Югра, Карелы, Башкиры и Черемисы» [Колло, 1996, с.61–64; Кампензе, 1836, с.27]. Практически в то же время (около 1525 г.) информацию в Москве получил Павел Иовий, который пишет: «Далее на Север от Казани живут Шибанские Татары (Sciabani), сильные по своему многолюдству и обширным стадам», но среди русских данников указывают только югру и вогулов [Иовий, 1836, с.28–31; Фоскарини, 1913, с.6]. Кстати, расположение шибанских татар в Сибири к северу от Казани было нормальным с учетом традиций картографии того времени (это видно, например, по карте России 1614 г. Гесселя Герарда) (рис.28).

Однако наиболее полная информация на этот счет содержится у дипломата на службе Габсбургов Сигизмунда Герберштейна, посе-

тившего Россию дважды в 1517 и 1526 г. Прежде всего, С. Герберштейн четко отделяет Тюмень от Сибири. Относительно Тюмени он пишет: «... Тюмень, которой владеют князья угорские, платящие, как говорят, дань великому князю» [Герберштейн, 1988, с.157]. Однако в то же время он делает замечание, что государь «царства Тюмень» татарин и «...он не так давно причинил большой ущерб Московиту, то весьма вероятно, что эти племена, будучи ему соседями, скорее, ему и подчиняются» [Герберштейн, 1988, с.161]. По всей видимости, это говорит о том, что в период между двумя поездками посла Чимги-Тура перешла из одних рук в другие, а Шибаниды и связанные с ними племена ушли в степи. В пользу этого свидетельствует сообщение, пришедшее в Москву в 1536 г., о том, что ногайский мирза Шейх-Мамай «детей отпускает к Асай-мырзе, да Кан-мурзу (возможно, старший сын Шейх-Мамай Хан. – Д.М.) Туру воевать» [Посольские, 1995, с.155]. При этом С.Герберштейн уточняет: «Область Сибирь ... не знаю достоверно, есть ли там какие-либо крепости и города. В ней начинается река Яик... Говорят, что эта страна пустынна вследствие близости татар, а если где и обитаема, то там правит татарин Ших-Мамай», а населена она тюменскими, шейбанскими и кайсацкими татарами [Герберштейн, 1988, с. 164, 181]. Интересным нюансом темы является указание на шибанских татар в Поволжье на картах Баттисты Аньезе 1525 г. и Джакомо Гастальди 1548 г. [Фоменко, 2013, с.87–88]. Это говорит об их возможном кочевании в составе Ногайской Орды или потенциальном сохранении владений шибанидских ханов в Волжско-Камском регионе.

Наличие на территории «Области Сибирь» шибанских и тюменских татар в совокупности с правлением здесь мирзы Шейх-Мамай, одного из наиболее мощных ногайских лидеров этого времени, говорит в пользу того, что и представители тюменской (шибанской) правящей семьи находились под его покровительством. Ногайский бек Шейх-Мамай являлся родственником этих династов по женской линии, поскольку родился в браке ногайского бия Мусы и дочери хана Ибака [Трепавлов, 2002, с.145]. В этой связи тем более следует учитывать информацию из письма старшего брата Шейх-Мамай Сеид-Ахмада 1536 г.: «княжое слово неправому верою Ивану ... Иваков царев сын (кто здесь имеется в виду неясно, – Д.М.) и тот нам повнился со всеми своими товарищами и слугами» [Посольские,

1995, с.130–131]. В источниках известно два сына Ибрахима помимо указанного выше Кутлука, Муртаза и Сары. При этом Продолжатель Утемиша-хаджи указывает, что «Муртаза султан... между (рек) Ирек и Сувнак Дерья-и Тур в домах Элифа (?) стал ханом» [Миргалеев, 2014, с.65; Маслюженко, 2015б, с.126]. Рискну предположить, что под этими реками могли пониматься притоки Урала Илек и Иргиз-сувук, которые указаны у Абулгази как изначальные владения Шибана. В таком случае Муртаза, как и многие из Шибанидов, стал ханом именно в Ногайской Орде.

Автор «Казанской истории» пишет об одной из жен Сафа-Гирея (казанский хан, правил с перерывами в период с 1524 по 1549 г.) как о дочери сибирского царя [Казанская история, 1954, с.83]. По всей видимости, на эту роль на тот момент претендует только Муртаза б. Ибрахим, которого ханом называет и автор «Джами ат-таварих» [Валиханов, 1984, с.231; Абуль-Гази, 1996, с.102]. При этом сыновья Муртазы Ахмад-Гирей и Кучум воспитывались при дворе Шейх-Мамая вместе с казахским царевичем Хакк-Назаром б. Касимом [Трепавлов, 2002, 199–201]. А.-З. Валиди-Тоган напрямую пишет о том, что в первой половине XVI века в Туранском ханстве правил сын Ибрахима Муртаза [Валиди-Тоган, 2010, с.39].

Именно в этих условиях в январе 1555 года в Москву прибывает первое посольство от сибирского бека Едигера, согласованное на курултае со «всей землей Сибирской». Посольство не только «здоровали» царя Ивана IV с покорением Казанского и Астраханского ханства, произошедшие в 1554 г., но и предлагало ему взять Сибирь под «свою руку» и наложить на нее дань. По восточным традициям, послы привезли в подарок шкуры белок и соболей [ПСРЛ, 1904, с.248]. В окружении Тайбугидов начинает конструироваться многоуровневая легенда, согласно которой именно власть этой династии в Сибири легитимна, в то время как Чингизиды в лице Шибанидов были не более чем узурпаторами [Маслюженко, 2010, с.9–21]. В ответ на это, причем в период нахождения в Сибири русского посла и даруги Дмитрия Курова сына Шепейцына с царским ярлыком от Ивана IV, происходит нападение на эту землю Шибанского царевича (одного из сыновей Муртазы). Информация об этом была сообщена в Москве в отчете русского посла, вернувшегося в ноябре 1557 года [ПСРЛ, 1904, с.276]. В сентябре 1558 г., то есть через два месяца после ногайского бия

Исмаила, Едигер заверил своей княжей печатью шертную грамоту [ПСРЛ, 1904, с.285], тем самым разрывая имевшиеся отношения с тюменскими династами. В дальнейших переговорах, которые продолжались с перерывами до 1563 года, участвовали послы князя Едигера, хана Муртазы и его сына Ахмад-Гирея, которые часто оказывались в Москве в одно время. По всей видимости, значительную поддержку претензиям Шибанидов оказывали лидеры Ногайской Орды из числа потомков Шейх-Мамая, в то время как Тайбугиды могли опереться на ногайского бека Исмаила, на дочери которого был женат Едигер [Маслюженко, 2014 а, с.51–55].

В сентябре 1563 года русский царь Иван IV именно Исмаилу выговаривал: «... зять твой был на Сибири на нашем юрте, и дань нам с того юрта не дает. И мы впредь хотим того юрта достигати, и за то ему мстити» [ПДРВ, 1795, с.323]. Кстати, любопытно, что Исмаил в равной степени заступается и просит отпустить из Москвы обоих сибирских послов Чибиченя (от Едигера) и Ташкина (от Муртазы и Ахмад-Гирея) [ПДРВ, 1795, с.303; ПДРВ, 1801, с.22]. Правда, Муртазе ставилось в вину и нанесение большого вреда русским данникам в Сибири [Небольсин, 1849, с.35]. Возможно, именно об этом идет речь в жалованной грамоте Строгановым 1564 года: «хвалитца деи сибирской салтан Ишибаны ити в Пермь войною, а преж деи сего он Камские Соли город дважды имывали...» [Дополнения, 1846, с.170].

Судя по всему, переход Сибирской земли под прямое управление Шибанидов произошел в период конца лета–начала осени 1563 года, поскольку Исмаил, умерший в конце сентября того же года, еще успел написать грамоту в Москву с просьбой организовать переговоры между сибирским и русским («белым») царем [ПДРВ, 1801, с.22]. Кроме того, князь Чигибень, посол Едигера, в сентябре 1563 года был отпущен, по просьбе Исмаила, вместе с ногайскими послами, что было связано со смертью сибирского бека, чей сын при этом оказался в Москве. Юридически данное событие вообще следует трактовать не как захват, а как присоединение к Тюменскому ханству Сибирских земель как по праву Чингизидов, так и по факту приглашения Шибанида на престол в Искере: «...сибирские люди царю и великому князю изменили, дани государевым данщиком давати не учили и взяли к себе на Сибирь царевича» [ПСРЛ, 1906, с.370]. По записанной Г.Ф.Миллером легенде, сибирское

посольство было отправлено к хану Большой Бухары Муртазе, который отправил своего сына Кучума [Миллер, 2005 а, с.192]. Участие именно этого сына Муртазы подтверждается и Сибирскими летописями [ПСРЛ, 1987, с.119]. У Продолжателя Утемиша-хаджи указывается, что Кучум воевал в Туркестане в стороне Отрара и с казахами. Автор указывает, что «Всевышний дал ему силы и помощь и он захватил их и раздал их имущество народу и стал великим ханом юрта Тау Буга Ишдеге (?) (Тау Буга йурты Ишдеге)» [Миргалеев, 2014, с.65]. Возможная версия интерпретация этого названия как состоящего из указания на юрт, имя его владельца Тайбуги и местное население – иштяки [Масложенко, 2015 в, с.126]. Обратим внимание на то, что такое наименование «Тайбугина юрта» имеется и в других документах. Например, в сибирских шежере, связанных с суфийской традицией упоминается «юрт Ичтак» на Иртыше или в его низовьях, а также с народом Ичтак, который бежал от шейхов и остался вне ислама [Бустанов, 2009 б, с.200, 216], который, видимо, позднее был занят и подчинен Тайбугой.

Под влиянием Сибирских летописей и легенд Г.Ф.Миллера сложилось мнение о том, что приглашенным в Сибирь Шибанидом был Кучум. Однако В.В. Трепавлову в уже указанном ранее письме от 22 сентября 1563 г. от Ивана IV бию Исмаилу, опубликованном еще в XVIII в., удалось вывить одну деталь. Оказывается, что в публикацию не попала последняя фраза документа: «А ныне на том юрте Ахмет Кирей царевич» [РГАДА, ф. 127, оп. 1, д. 6, л. 188–188 об.], то есть престол был занят не Кучумом, а его старшим братом Ахмад-Гиреем, что вполне логично, с точки зрения старшинства. Сын Едигера в это время оказался в Москве, сам князь Едигер либо скончался незадолго до этого, либо был убит вместе с братом Бекбулатом (точнее, беком Пуладом или князем Булатом [ПСРЛ, 1987, с.125]). Малолетний сын последнего (по другой версии, его беременная жена, родившая в дальнейшем Сейдяка) оказался в Бухаре у местного сейида [ПСРЛ, 1987, с.32, 48, 81; Миллер, 2005 а, с.192]. Князь и его родственники пострадали именно за попытку сепаратных переговоров, нарушавших имевшуюся традицию ведения внешней политики только ханами или их родственниками из числа Чингизидов. Сложно сказать, насколько здесь показательным для сибирских князей был пример соседей и родственников из Ногайской Орды, которая могла себе позволить подоб-

ную политику в силу военного могущества. В результате произошла смена клана сибирских беклярибеков, при этом потомки Тайбугидов оказались как в Москве, так и в Бухаре. В последнем случае он воспитывался не при дворе хана Абдуллы II, который в период становления Сибирского ханства не влиял на местные процессы, а при одном из суфийских сейидов. Влияние суфийских орденов на события в Бухарском ханстве и самого хана было весьма значительным [Дженкинсон, 1937, с.182].

Занятие Искера – номинальной северной столицы ханства – сместило важный политический акцент в истории ханства, лидеры которого с этого времени в меньшей степени ориентируются на традиционную столицу Чимги-Туру, к тому же некоторое время бывшую в руках у пельмских князей. Эта смена северных столиц ханства сформировала традицию называть новое государство, в котором между 1563–1582 гг. поочередно правили сыновья Муртазы Ахмад-Гирей и Кучум, Сибирским ханством (еще раз повторим, что в силу двойственности понимания термина «юрт» не считаем его использование адекватным в отношении местной государственности), хотя, как мы указывали во введении, с позиций восточных и татарских авторов речь должна идти о том же Туранском ханстве. Это объяснимо и сохранением традиций, согласно которым ханская ставка не была привязана к городу, тем более расположенному в таежной зоне, а оставалась кочевой [Масложенко, Рябинина, 2014 б, с.139–144; Масложенко, Татауров, 2015, с.135–144]. Ханы-братья могли выступать либо как соправители, либо один из них мог выполнять военные функции при хане (Бахтийяр при двоюродном брате Абулхайре, Мамук при брате Ибаке, Маметкул при дяде Кучуме), что традиционно для Шибанидов. Проследить периоды смены братьев на престоле достаточно сложно. По всей видимости, Ахмад-Гирей был ханом в 1563–1569 и 1574/5–1578 гг., а Кучум – между 1569–1574/5 гг. и затем с 1578 и до своей смерти.

Территория Сибирского ханства периода правления внуков Ибрахима Кучума и Ахмад-Гирея локализуется С.Ф.Татауровым и А.В.Матвеевым по данным археологии. Для этого были выявлены пограничные крепости, в культурном слое которых имеется специфическая для населения ханства второй половины XVI века керамика. Очевидно, что политика была в значительной степени ориентирована на строительство крепостей с небольшими гарнизонами, которые могли способствовать как защите от внешнего втор-

жения калмыков, так и контрольно над местным ясачным населением. Благодаря этому границы ханства были значительно раздвинуты в сравнении с периодом Тюменского ханства (рис.29). Во многом это связано с большим вниманием братьев Ахмад-Гирея и Кучума к вопросам внутренней политики, в том числе исламизации населения, которая должна была способствовать созданию единой государственной идеологии и культуры. К этому времени ислам под влиянием деятельности представителей суфийских тарикатов Средней Азии уже почти четыре столетия был известен в Сибири, но даже активная исламизация золотоордынского времени, скорее всего, затронула лишь слой политической элиты местных государств [Маслюженко, 2015 а, с.5–9]. В результате ханской политики на севере границы Сибирского ханства вышли к месту впадения Иртыша в Обь, среднему течению Туры и Тавды, на востоке – к низовьям реки Томи, притока Оби, на юге – до Чановских озер в Барабинской лесостепи, низовьев Иртыша, Ишимо-Иртышского и Ишимо-Тобольского междуречий, на западе – до верховьев р.Исеть [Матвеев, Татауров, 2011 б, с.74–76]. При этом западные части этих владений однозначно включали земли Тюменского ханства. За пределами этих границ, в северной таежной зоне, располагались хантыйские и мансийские княжества, большинство из которых находились в той или иной степени зависимости от Сибирского ханства. Значительное расширение территории ханства, в сравнении с тюменскими землями, ставило под вопрос возможность успешного управления ими и контроля над многочисленным и различным в этническом плане населением.

Наиболее сложно установить его юго-западные границы, где оно граничило с Ногайской Ордой и Казахским ханством, поскольку здесь проживали родственные племена, с которыми, за редкими исключениями, могли быть союзные отношения. Г.Х. Самигулов аргументированно доказал, что фактически все земли до верховьев Тобола, Миасса и Исети находились под властью сибирских ханов [Самигулов, 2012 б, с.32, 126–130; Матвеев, Самигулов, 2015, с.217], что не мешало ногаям в период ослабления Сибирского ханства кочевать даже по Исети. Недаром как при Кучуме, так и при его сыне и наследнике Али ногайские мурзы, в частности возможный беклярибек Кучума Али б. Ураз-Мухаммад [Трепавлов, 2012, с.132–134], имели юрты как по Иртышу, так и стабильно собирали ясак с

населения степного Южного Зауралья, Приисетья и даже Среднего Зауралья

Глубина проникновения «сибирской орды», известной по упоминанию в введении карте и указаниям С.У.Ремезова, в степную зону зависела от массы внешнеполитических факторов в отношениях с Ногайской Ордой, Казахским ханством, а позднее и с калмыками. Недаром Продолжатель Утемшиша-хаджи отмечал войны Кучума в районе Отрара на Сырдарье [Миргалеев, 2014, с.65]. В результате поражений Кучума в 1580-х гг. был утрачен контроль не над всеми землями, западные и южные земли Сибирского ханства продолжали оставаться под контролем как самого хана, так и его потомков, что не позволяет считать последних «бродячими царевичами» или «казаками». При этом они могли перемещаться в широком степном пространстве северного и западного Казахстана, которые были заняты в конце XVI века союзными ногайскими племенами. Это перемещение еще раз говорит об условности степных границ для государств постордынского мира.

Параллельно с расширением границ должны были проводиться и иные реформы: административно-территориальная, включающая организацию миграционной политики, военная, в том числе с системой охраны границ, создание государственных путей сообщения для торговли и движения воинского контингента [Матвеев, Татауров, 2009, с.112–117].

На территории Тюменского ханства юрты и улусы, видимо, в основном были закреплены за лидерами крупнейших кланов и племен. В Сибирском ханстве произошел значительный приток или возврат вместе с ханом людей из Центральной Азии и Ногайской Орды. Модель управления ими могла различаться в зависимости от множества факторов. Прежде всего, выделялись земли по Тоболу, которые в более поздних документах именуется «отдовскими кочевьями» [Трепавлов, 2012, с.197], то есть теми местами, где кочевал непосредственно ханский двор (ордубазар) Кучума. Они могли использоваться и в качестве курука, то есть ханских пастбищ или заповедников, выделенных для сбора и смотра войск, аналогичных таковым у бухарского хана Абдуллы II [Дмитриев, 2006, с.143–158]. Эти земли позволяли хану напрямую взаимодействовать с ногайскими родственниками и союзниками, а также по Тоболу и притокам выходить в степную зону. Местные племена долгое время сохраняли верность потомкам Кучума, а территория оставалась в руках его потомков до 1660-х гг.

Само наличие этих кочевий говорит о сохранении соответствующего престижного образа жизни для хана и его окружения. Северные столицы Аы, как Чимги-Тура и Искер, могли становиться лишь временными летовками хана для сбора ясака и иных престижных процедур в отношении северных племен.

А.В. Матвеев и С.Ф. Татауров выделяют четыре модели административного деления. Среди них, как они предполагают, в ханстве могли сохраняться вотчинные юрты и улусы местной тюркской и татарской знати, в том числе легшие в основу волостного деления этой территории в период ее вхождения в состав Русского государства. Значительные юрты получили сарты, расселенные вокруг Искера, родственники хана и представители ближайшего окружения (карача, беклярибек). Юрты и улусы служилой знати, скорее всего, были на правах пожалованных владений. В городках на территории угорских княжеств могли быть также расселены лояльные татары и назначенные наместники. Значительным могло быть переселение новых тюркских и татарских групп, в частности, аялындыев и ногаев в Прииртышье, где присутствие таковых до середины XVI века практически не фиксируется [Матвеев, Татауров, 2011, с.34–37]. Возможно, что Сибирское ханство, как и Казанское, было разделено на провинции – даруги [Трепавлов, 2012, с.16].

Не менее важным фактором внутренней политики была деятельность мусульманской «миссии» в Искере с 1572 г. и дальнейшее нахождение в окружении Кучума ее представителей. Влияние суфийских орденов на племенную аристократию из окружения Шибанидов прослеживается на протяжении всей истории Тюменского ханства, но при Кучуме и Ахмад-Гирее она, видимо, затронула и князей соседних угорских объединений, что фиксируется по их именам. При этом неясным остается влияние на рядовое население и собственно формирование уммы. По всей видимости, в исламе ханы видели возможность создания единой идеологии, которая могла бы скрепить хотя бы слой аристократии. Вероятно, предпринимались и иные меры внутренней политики в этом направлении, например, расселение лояльных ногаев, татар или сартов по всем приобретенным землям. Процессы расселения этих групп, их смешения с местным населением, внутренняя торговля привели к распространению единого «керамического комплекса западно-сибирских татар» [Матвеев, Татауров, 2013 б, с.130], который также свидетельствует о нарастающих процессах внутренней инте-

грации. Показательна в этом отношении мысль А.В. Матвеева и С.Ф. Татаурова: «При отсутствии единого принципа административно-территориального деления и всех сложностях во взаимоотношениях с местной родовой знатью практически вся территория государства была под контролем хана и его чиновников. Собранные налоги позволяли Кучуму содержать армию, достаточную для защиты своих границ и для ведения военных компаний на сопредельных и даже весьма удаленных территориях. Работоспособность и эффективность системы управления Сибирского ханства признала и русская администрация...» [Матвеев, Татауров, 2012 а, с.137]. Обратим внимание на то, что источники не подтверждают семилетнего сопротивления местного населения ханской власти [Бустанов, 2011 а, с.37, 39], хотя конкретно в 1570 г. Кучум действительно столкнулся с тем, что «люди черные не в упокое» [СГГД, 1819, с.52].

В 1572 и 1574 г. Кучум дважды обращался к своему родственнику и союзнику бухарскому хану Абдулле II с просьбой организовать мусульманские миссии в Сибирь. Мотивация этого была в желании Кучума получить наставников в вере, хотя миссионерская деятельность и женитьба одного из лидеров второй миссии Дин-Али-ходжи на дочери Кучума говорит о создании на основе ислама идеологии этого государства. При этом, хотя послы Кучума обратились непосредственно в Бухару, но миссия собралась в Ургенче, подчиненном на тот момент Хиве. По всей видимости, согласование миссии шло не по линии светской власти, а именно через суфийские братства. Бухарский хаким Ходжа-Якуб по просьбе хана обратился к своему родственнику ургенчскому хакиму Хан-сайиду-ходже. Возможно, что уже первую миссию сопровождал (или, по крайней мере, участвовал в подготовке) старший брат Кучума Ахмад-Гирей, который, впрочем, здесь пробыл не более года, уехав обратно по причине необходимости принять юрт умершего отца [Катанов, 1897, с.51–60; Миллер, 2005а, с.195]. Спустя два года после начала миссии приехавший хаким Ярым-сейид умер, а Шербати-шейх вернулся в Ургенч. В результате этого Кучум обратился в 1574 году в Бухару с новым письмом с аналогичной просьбой. В Ургенче вновь собрали миссию во главе с тем же Шербати-шейхом и Дин-Али-ходжой, младшим братом Ярым-сейида. В Бухаре они для защиты в связи с опасной дорогой получили в помощь 100 человек во главе с Ахмад-Гиреем [Катанов, 1897, с.51–60]. По предположению

М.Абдирова, Дин-Али-ходжа был постоянным послом бухарского хана Абдуллы в Сибири, в результате одна из дочерей Кучума была выдана замуж за ходжу [Абдиров, 1996, с.51, 57].

Сам бухарский хан Абдулла пришел к власти в 1557 году при прямой поддержке лидера суфийского тариката Накшбандий Мухаммада Ислама, известного также, как Ходжа Джуйбари [Мунши, 1956, с.59]. Резонно предположить, что в таком случае и мусульманские проповедники, посланные в Сибирь, должны были происходить из этого тариката, который был основан Мухаммадом Бахауддином Накшбанди аль-Бухари в конце XIV века под значительным влиянием идей братства Йасавийа [Бустанов, 2009 б, с.214]. Такому выводу о происхождении не противоречат и данные трактата «О религиозных войнах учеников шейха Багауддина против инородцев Западной Сибири», где поход был организован именно основателем этого тариката. По всей видимости, в середине XVI века связь между этими братствами была достаточно тесной, хотя накшбандийа постепенно оказывало все большее влияние на своего предшественника, в том числе и благодаря поддержке среднеазиатских Шейбанидов. При этом среди участников похода значительным было числа учеников Занги-бабы и Сайид-Ата из братства Йасавийа. Относительно Дин-Али-ходжи и Ярым-сейида в трактате «Шаджара Рисаласи» однозначно указывается на их происхождение от Сейида-Ата, то есть они отнесены к тарикату Йасавийа. А.К.Бустанов предположил, что они могли бежать в Сибирь к Кучуму именно в связи с конфликтом и расширением сферы влияния своих конкурентов [Бустанов, 2011 в, с.59]. Однако, источник не дает основания для подобного вывода, а напротив, говорит о согласованной позиции двух орденов по отношению к процессу исламизации населения Сибирского ханства в правление Кучума. К тому же, по данным Девина Де Виза, после смерти Ходжи Джуйбари накибом и шейх аль-исламом при хане Абдулле был наследник именно Сейида-Ата Хасан Ходжа [DeWeese, 1995, p.622]. Также, как при его деде хане Ибрахиме, при Кучуме могли находиться абызы, то есть учителя и толкователи Корана, из Казани, о чем сообщает «Ремезовская летопись», хотя Г.Ф.Миллер считает это сообщение сомнительным [Миллер, 2005 а, с.195]. Если признать это сообщение хотя бы частично отвечающим действительности, то следует предположить, что при дворе Кучума могли оказаться представители

мусульман, бежавшие от русских. В целом переориентация Кучума на Бухару и южные связи обучены были с поражением Москвы от Крыма и ослаблением ее позиций в степи как раз в то время, когда послы сибирского хана были в Москве и видели ее сожженной.

В период деятельности суфиев, в 1573 г., произошло первое столкновение сибирских войск с русскими на территории владений Строгановых и в Перми в 1573 году. Согласно жалованной грамоте Ивана IV Строгановым, а также Строгановской летописи эти действия начались с похода самого сибирского хана Кучума на места промыслов Строгановых, где были «побиты» остяки. Одновременно с этим Кучум принуждал перестать платить ясак в Москву данщиков из числа остяков, вогулов и югричей, дойдя до Чусовских городков: «А иных данщиков наших Сибирской имает, а иных и убивает, а не велит... наши дани в нашу казну давати» [Миллер, 2005 а, с.333; Строгановская, 1996, с.58]. В данном случае эти события следует рассматривать в контексте стремления Кучума вернуть себе ясачное население и обеспечить активное участие в пушной торговле с Бухарой.

С этим же походом связывается перевод на территорию Сибирского ханства Тахчеи. В источниках этот термин встречается в двух значениях: как территория или юрт (например, «на Тахчея и Тоболе») и как группа людей, улус (например, «посылал Сибирской через Тахчеи и перевел Тахчеи к себе; а прежнее Тахчеевы нам дани и в Казань ясаков не давали, а давали де ясак в Нагаи»). Подчеркивается, что они жили в окружении остяков, которые хотели платить дань в Москву и просили защиты, но при этом видимо отличались от них в этническом плане. Из жалованной грамоты 1574 года ясно, что территория Тахчеи и Тобола располагалась между Ногайской Ордой и Сибирским ханством [Миллер, 2005 а, с.332–333]. Наиболее убедительным видится точка зрения Е.Н.Шумилова, который считает, что Тахчеи – это территория в верховьях Чусовой, заселенная племенем терсяк, которые на протяжении XVI века покидают свои территории и уходят на юг в земли сальтово [Шумилов, 2011, с.141–143].

При этом столкновения 1573 года в основном шли вокруг двух основных политических пунктов: контроль над ясачным населением, а следовательно над самым важным сибирским товаром – пушниной, и над крупным торговым путем из Приуралья в Сибирь через верховья р.Чусовая. Краеугольным камнем всех этих

столкновений и основой экономической политики Сибирского ханства была пушнина, получаемая в виде ясака. Вопрос о том, чьи данщики жили в Зауралье, решенный Москвой с помощью Строгановых в свою пользу, отнюдь не был столь очевиден для Искера.

В 1577/8 г. сибирский хан Ахмад-Гирей был убит Шигаем, союзником и будущим наследником Хак-Назара [Кляшторный, Султанов, 1992, с.292-293]. Конкретные причины убийства Шигаем Ахмад-Гирея были, скорее всего, связаны с перманентным военным противостоянием Сибирского и Казахского ханств. После убийства брата престол вновь занимает Кучум, который активизирует традиционную для Сибирских Шибанидов деятельность в ногайском направлении. Летом 1577 г. его дочь вышла замуж за Ак-мирзу, который являлся лидером Шихмаевичей и играл значительную роль в ногайской политике. Тогда же старший сын Кучума Алей женился на дочери ногайского бия Дин-Ахмата. Летом того же года сам ногайский бий в письме в Москву также пишет о «сватовстве с сибирским царем Кучумом» и далее просит «и хто его будет посол, и тыбе его пожаловал почтил...» [ПДРВ, 1801, с.189, 193, 222]. В это же время, как ранее было указано, зятем Кучума стал и мирза Ураз-Мухаммад, будущий первый ногайский тайбуга. Он будет управлять ушедшим от Кучума в середине 1584 г. «Тайбугиным юртом», а его сын Али, возможно, станет последним беклярбеком Кучума [Трепавлов, 2011а, с.74; Трепавлов, 2012, с.134] Эти свадебные контакты восстанавливали традиционные связи Шибанидов с разными ветвями Эдигеевичей.

Несмотря на отдельные столкновения сибирского хана Кучума с активно расширявшими свои владения Строгановыми, они не предвещали событий 1582 г. и поражения ханства, нанесенное казачьим отрядом Ермака. Поражение Кучума могло быть предreshено особенностями Сибирского ханства, несоответствием между его внутренними возможностями и внешними запросами. Кризис ханства стал одним из звеньев постепенного расширения власти Москвы в лесостепной и степной зоне Западной Сибири. Причины поражения следует искать не в слабости сибирского войска и тем более не в нежелании оборонять якобы незаконного хана, а в том, что татары, вооруженные в контексте степных достижений, привыкли к традиционным войнам, не были готовы к иной тактике и необходимо-

сти модернизации в условиях распространения огнестрельного оружия [Худяков, 2000 а, с.268–271; Герасимов, Шлошинский, 2006, с.138; Матвеев, Татауров, 2012 а, с.222–224]. Не менее важным было то, что сибирские лидеры не смогли до конца провести запланированные реформы, в том числе создать единую идеологию на основе ислама. Слишком разное в этнокультурном плане население, часто расселенное на удаленных от ханских кочевий территориях, видимо, не до конца приняло идею и ханской харизмы. Возможно, вопрос был не в самом предложении новой идеологии, а в том, что Ахмад-Гирею и Кучуму просто не хватило времени на завершение реформ. Немаловажным фактором могли быть и слишком протяженные территории ханства, которые оказалось сложно контролировать. Ханство стало заложником внезапно и очень значительно выросшего спроса на пушнину, которая давала колоссальные прибыли и отчисления в государственную казну [Чернышов, 2013, с.105–108].

Таким образом, ханство Шибанидов, включавшее в себя земли на юге Западной Сибири, созданное в 1420-х гг., просуществовало на протяжении почти двух столетий. При этом 1582 г. вряд ли может считаться годом его окончательного исчезновения, скорее, это было лишь началом нового крайне непредсказуемого этапа его истории. Шибаниды утратили контроль над таежной зоной на севере ханства, но продолжали быть лидерами для многих степных и лесостепных групп, выходящая для них ханами, вне зависимости от признания этого титула иными, в том числе и Российским, государствами или внешними наблюдателями. Отметим, что отдельные бухарские и татарские авторы конца XIX–начала XX в. считали, что последними сибирскими ханами были сыновья Кучума Али и Ишим [Абд ал-Кадир, 2005, с.276; Марджани, 2005, с.130]. Однако хан Кучум и его потомки, несмотря на последующее почти вековое сопротивление, оказались обречены в контексте начавшегося общего кризиса степной государственности под давлением расширяющихся оседлых государств. Этот процесс был закономерен для исследуемого периода, и дальнейшая затянувшаяся агония Сибирского ханства стала одним из компонентов постепенного исчезновения феномена кочевого могущества в Евразии.

3.2. КЛАНОВАЯ СТРУКТУРА

Несмотря на достаточно продолжительное изучение тюрко-татарских политий XV–XVI вв., сложившихся в Западной Сибири в результате постепенного распада Золотой Орды, вопрос об их социально-политическом устройстве, имеющий прямую связь с клановой структурой позднелазоордынских сообществ этого региона, все еще остается недостаточно выясненным, в первую очередь, из-за существующих источниковых проблем [Исхаков, 2011б, с.52–55]. Трудности в исследовании данной проблематики этим не ограничиваются – серьезной преградой на пути к установлению основ государственного строя позднелазоордынских сибирских политий является неопределенность их размежевания друг от друга. Например, Сибирский юрт (Искерское княжество Тайбугидов) не вполне четко отделяется от позднего Тюменского ханства, по мнению некоторых исследователей, продолжавшего существовать параллельно с первым образованием до начала 60-х гг. XVI в. [Масложенко, 2008, с.111–118]. Не вполне ясными остаются взаимоотношения Сибирского (Искерского) княжества, затем и ханства (после 1563 г.), с Бухарским ханством, ибо в литературе высказываются мнения как о вассалитете Тайбугидов этому государству [Исхаков, 2006 а, с.117–118], так и Казанскому ханству [Трепавлов, 2007, с.101–102]. Наконец, Тюменское ханство в XV в., во всяком случае, в годы нахождения Шибанида Абулхайра в 1429/1430–1468/1469 гг. во главе Государства кочевых узбеков, частично или полностью «перекрывается» этой последней политией. Такая несколько необычная ситуация возникает не только вследствие источниковых пробелов, но и из-за того, что Шибаниды имели несколько ветвей, издавна правивших в своих традиционных уделах, но часто признававших власть над собой одного из представителей данного «дома», становившегося верховным ханом, правда, иногда достаточно номинальным [Почекаев, 2014, с.126–133]. Из-за подобной рассредоточенности власти во владениях Шибанидов в XV–XVI вв. возникают дополнительные сложности в определении кланового состава их населения, что затрудняет выяснение структуры административно-политического устройства этих политий, сопряженных с племенными образованиями, в совокупности составлявшими доминировавшие в сибирских тюрко-татар-

ских юртах этносословные общности, восходящие к лазоордынским «татамам».

Учитывая сказанное, исследование поставленной проблемы целесообразно проводить последовательно от Сибирского юрта (вначале княжества, затем ханства) – к Тюменскому ханству и к Государству кочевых узбеков, памятуя, однако, что в нижеследующем анализе удастся преодолеть не все трудности, связанные с вопросом о социально-политическом устройстве следовавших друг за другом или существовавших параллельно, сибирских тюрко-татарских политий. При этом одной из главных задач представляется установление преемственности или отсутствия таковой в государственном устройстве названных выше сибирских тюрко-татарских политий, включая и их клановые основания.

Сибирский юрт (Искерское княжество Тайбугидов) / Сибирское ханство. Искерское княжество Тайбугидов просуществовало с конца XV в. (1494–1495 гг.) по 1563 г., после интронизации там одного из сыновей Муртазы превратившись в Сибирское ханство, которое перестало быть полноценным юртом со времени гибели этого Шибанида около 1598 г. [История татар, 2014, с.221; Исхаков, 2009 а, с.140]

Применительно к Сибирскому ханству есть несколько разновременных источников, свидетельствующих о существовании в этом тюрко-татарском юрте системы карача-беев. Прежде всего, это, конечно, упоминание в «Сибирских летописях» между 1581–1586 г. «карачи-думного царева», имевшего собственный улус («карачин улус»). Этот карача командовал войсками и в 1584 г. осаждал «град Сибирь» во главе «многих воинских людей» [ПСРЛ, 1987, с.52, 59, 61, 67, 68]. Согласно двум совершенно самостоятельным тюркским источникам – преданиям сибирских татар [Катанов, 1896, с. 12] и «Сборнику летописей» Кадыр-Али бека, этот карача имел титул бия/бека и был из клана джалаир [Кадыр Гали бик, 2011, с.21–22, 32; Усманов, 1972, с.47]. Дополнительным подтверждением его статуса карача-бека является, как уже ранее указывалось [Исхаков, 1997, с.195; Исхаков, 2008 б, с.148], участие, после пленения в 1588 г. русскими, в церемонии возведения в 1600 г. султана Ураз-Мухаммада на престол Касимовского ханства в составе трех других карача-беев (из кланов аргын, кыпчак и мангыт). В то же время нельзя не отметить, что ценность этой информации

снижается, т.к. существует вероятность прихода карачи-бека из клана джалаир по имени Кадыр-Али (его отцом был Хусум/Касим бек) в Сибирский юрт вместе с казахским султаном Ураз-Мухаммадом из среды казахов, то есть он мог принадлежать к нетрадиционному для Сибирского юрта клану. Тем не менее некоторые косвенные данные против этого аргумента найти удалось. Речь идет о том, что у Рашид-ад Дина содержится известие о том, что племя джалаир состоит из 10 «больших ветвей, из которых каждая в отдельности стала многочисленным народом» [Рашид-ад Дин, кн. 1, 2002, с. 93]. Среди последних этот автор упоминает группы «гури» и «джат». Между тем, первое наименование весьма напоминает название «отряда» из войск хана Кучума, содержащееся в их преданиях [Катанов, 1896, с. 9–10], то есть группу «тураль». Название клана «джат», в тюркской передаче – «чат», с конца XVI в. известно среди сибирских татар в качестве наименования волости (Чатская волость, Чаты) [Исхаков, 2009 а, с. 81]. Далее мы еще увидим присутствие джалаиров в составе кочевых «узбеков», что повышает вероятность их нахождения в Сибирском юрте с более раннего времени. К тому же следует иметь в виду, что по казахской исторической традиции джалаиры были связаны с уйсунями [Исхаков, 2006 а, с.110–111], присутствовавшими в Тюменском ханстве и Государстве кочевых узбеков. Таким образом, нахождение в Сибирском юрте местного клана джалаир, составлявшего отдельный улус, оказывается вполне вероятным [Исхаков, 2008б, с. 148].

Еще одно свидетельство существования в этом юрте карача-беков содержится в «Ремезовской летописи», в рассказе о продвижении Ермака вверх по Иртышу. В ней сказано: «... и погребли вверх по Иртышу... и до большого князя Бегиша Княжева городка и ту учиниша великой бой со зборными Татараы и с Карачинцы» [Сибирские летописи, 1907, с. 341]. Можно допустить, что под «большим князем» (по тюрко-татарски – «улу бей») подразумевается Бегиш, или беклярибеком хана Кучума [Тычинских, 2010 а, с. 45] или, что вероятнее всего, более раннего времени. Группа же «Карачинцев» – это или сами карача-беки Сибирского юрта, или, скорее, улусники клана джалаир, члены названного выше «карачина улуса». Во всех приведенных случаях ясно видно участие «карача-думного» и «карачинцев» в боевых действиях. Между тем, в других синхронных тюрко-татарских государствах участие клановых ополчений во главе с кара-

ча-беями в боевых действиях было обычным явлением [Инальчик, 1995; Исхаков, 1998 а, с. 48–49; Исхаков, 2002 а, с. 329–366].

Обращает на себя внимание и присутствие в грамоте хана Кучума в Москву (1571 г.) выражения «лутчие люди сибирские руки свои приложили» [Исхаков, 2006 а, с.182]. В данном случае речь идет, скорее всего, о карача-беках, так как такого рода послания в других татарских ханствах (Казанском, Крымском) визировали именно карача-беки. В свою очередь, эта традиция восходила к периоду Золотой Орды [Исхаков, Измайлов, 2007 б, с. 134–135]. В этой связи следует заметить, что у Г.Ф. Миллера приводится эпизод [Миллера, 1999, с. 196], основанный на сибирско-татарских преданиях, рассказывающий о приглашении на престол Сибирского юрта после смерти «Сибирского князя» Едигера нового правителя по инициативе «знатных татар». В этом эпизоде есть ряд нюансов [Исхаков, 2006 а, с.118–119], в целом позволяющих, учитывая особую роль карача-беков в других ханствах в интронизации ханов, видеть в этих «знатных татарах» именно владетельных князей – карача-беков.

Приведем еще два наблюдения, позволяющих косвенно говорить о существовании института карача-беков в Сибирском юрте. Первое – это определение в «Сибирских летописях» Кадыр-Али бека из клана джалаир «думным-карачеем» хана Кучума. В данном случае подразумевается существование в этом юрте собрания высшей знати – «дивана». Между тем, из материалов по Крымскому и Казанскому ханствам известно, что ведущую роль в так называемом «диване» играли именно карача-беки, «думавшие» там о государственных делах [Сыроечковский, 1940, с. 3–71]. Второе наблюдение – о женитбе Тайбугида князя Мара (Омара/Гумера) на сестре «царя Упака», т.е. хана Ибрахима [Исхаков, 2008 б, с.152], явно свидетельствующее о браке карача-бека с представителем «Алтын Урука», что было характерно именно для государств Чингисидов.

Наконец, в русле рассмотренных данных надо трактовать и упоминание о грамоте, направленной в 1597 г. из Москвы хану Кучуму, о «Тайбугином юрте» [Исхаков, 2006 а, с.188]. В «Тайбугином юрте» следует, скорее всего, видеть одно из княжеств Сибирского юрта, состоявшего, возможно, из разных «улусов». Поэтому, когда в «Сибирских летописях» по отношению к владению Тайбугидов применяется выражение «весь дом и воинские люди» [ПСРЛ, 1987, с.35, 59, 61], очень похожее на

характеристику в этом же источнике владения карача-бека из клана джалаир – «иже бысть дому его», – возникает мнение, что мы имеем дело с двумя однопорядковыми владениями во главе с карача-беками.

В данном случае важно раскрытие клановых основ института «Сибирского князя», изначально владевшего этим юртом и, как уже установлено, представлявшем группу Тайбугидов. Так как этот вопрос нами уже изучался ранее [Исхаков, 2008 б, с.147–158; Исхаков, 2009 г, с. 117–121; Исхаков, 2009 д, с. 224–227], приведем лишь общие выводы:

1. «Сибирских князей» необходимо рассматривать в одном ряду с «Мещерскими» и «Болгарскими / Казанскими» князьями XIV–XV вв. В последних двух случаях мы имеем дело с беклярибеками (в первом – из Ширинов, во втором – из Кыятов [Исхаков, 1998 а, с. 190; Исхаков, 2009 в, с. 123–138]).

2. Носившие титул «Сибирских князей» Тайбугиды являлись беклярибеками или «старшими князьями» (улу бей) из клана буркут.

3. Этот титул существовал еще до отмеченного в «Сибирских летописях» конфликта Мамета Тайбугида со своим сюзереном «царем Упаком», то есть тюменским ханом Ибрагимом, закончившимся убийством последнего в конце 1494 – начале 1495 г.

4. Домениальным владением Тайбугидов являлся «Тайбугин юрт», локализовавшийся в середине XVI в. в бассейне р. Иртыш.

Следует также обратить внимание на предание сибирских татар, записанное в XIX в. Н.Ф. Катановым, рассказывающее о делении «войск» хана Кучума на «четыре отряда» – Кордак, Туралы, Аялы и Бараба, с пятой группой в виде пришедших с Кучумом «сартов» [Катанов, 1896, с.2–4], которое довольно точно моделирует 4-х клановую систему карача-беков (пятое образование – это, возможно, ханский домен). Однако в этом случае не совсем понятной оказывается связь этих групп с отмеченными выше конкретными кланами карача-беков. Объяснения тут, видимо, надо искать в том, что кланы карача-беков в своих княжествах-юртах к середине XVI в., скорее всего, являлись уже лишь правящим слоем, а сам «народ» каждого конкретного княжества (их было 4 или 5) по этническому составу мог быть более сложным [Исхаков, 2006 б, с.156]. Именно такому положению, на наш взгляд, соответствует встречающееся в «Сибирских летописях» описание прихода князя Сейдяка Тайбугида в 1584 г. из «Бухарские земли» в Сибирский юрт: «...собрался со всем домом

своим и с воинскими людьми» [ПСРЛ, 1987, с.186], где «дом» – это правящий клан, а «воинские люди» могли иметь иную племенную принадлежность.

Но этот вывод не снимает вопроса о первоначальных кланах карача-беков в Сибирском юрте. Как было показано, конкретно в этой политике можно говорить о кланах джалаир и буркут. Но к вопросу о буркутах следует вернуться еще раз, так как не исключено, что этот клан в ходе интронизации Кучума в Сибирском юрте мог откочевать на юг, где у буркутов в Бухарском ханстве имелись сородичи.

В частности, в грамоте, отправленной в 1597 г. из Москвы хану Кучуму, есть известие о том, что «ногайские улусы», которые «кочевали» с этим ханом в «Тайбугином юрте», от него «отстали ...», а иные пошли в Бухары и в Ногаи и в Казаккую Орду» [Бахрушин, 1955 в, с.153]. В данном случае следует обратить внимание на присутствие в Тайбугином юрте «ногайских улусов», свидетелем являющиеся о нахождении в Сибирском юрте мангытов, проникших туда явно раньше.

Дело в том, что согласно Сибирским летописям Кучум стал ханом в Сибирском ханстве, убив в 1563 г. правителей Сибирского юрта – князей «Тайбугина рода» (Едигера и Бекбулата) [ПСРЛ, 1987, с.48 и др.], хотя по преданиям сибирских татар, зафиксированным Г.Ф. Миллером, смена власти в Сибирском юрте произошла иначе. Согласно одной из версий этого события, после гибели Едигера и Бекбулата, в Сибирском княжестве стал править сын последнего – Сейдяк, которого Кучум и принудил бежать в «Бухару». По другой версии, после смерти Едигера осталась его беременная жена, но знатные татары, не договорившиеся между собой относительно того, кому править в Сибирском юрте, отправили «посольство к хану Большой Бухары Муртазе, прося прислать им в князя одного из своих сыновей» [Миллер, 1999. с.192]. В любом случае, согласно «Сибирским летописям», Сейдяк б.Бекбулат, «изведенный» от убийства со стороны Кучума в «Бухарскую землю», после поражения хана Кучума от войска Ермака в 1584 г. появился из «Бухарские земли» вместе со «всем домом своим» [ПСРЛ, 1987, с.48, 59, 64; Сибирские летописи, 1907. С.85.], но с султаном «Казачьей Орды» (это был Ураз-Мухаммад) [ПСРЛ, 1987, с.66]. Фактически это означает, что Сейдяк уходил в Бухарское ханство после событий 1563 г. со своим кланом, в результате буркуты после интронизации Кучума в Сибирском юрте могли быть

замещены на месте «Сибирского князя» другим кланом. Прежде всего, в этой связи на ум приходят джалаиры. Но тогда не вполне ясно, почему их глава – «карача думный» Кадыр-Али бек, – в период завоевания Ермака вел себя по отношению к потерпевшему поражение сюзеру недружественно, войдя в коалицию с пришедшим из Бухарского ханства Сейдяком б.Бекбулатом Тайбугидом, имевшем при себе казахского султана Ураз-Мухаммада, явного претендента на трон Сибирского ханства. Не говорит ли это о том, что улу-бекским (беклярибекским) кланом хана Кучума были не джалаиры, а иной клан, например, мангыты [О мангытах в Сибирском юрте см. также: Frank, 1994]. Напомним, что из известного послания хану Кучуму из Москвы от 1597 г. явствует, что «Тайбугин юрт» включал в свой состав и «некоторые ногайские улусы» [Исхаков, 2006 а, с.188]. Хотя В.В.Трепавлов объясняет появление в структуре высших должностей в Ногайской Орде степени «тайбуги» как результат отколевки после поражения хана Кучума в 1582 г. жителей «ханского домена» (так он определяет «Тайбугин юрт») в Ногайскую Орду, в рамках которой ногайский мирза Ураз-Мухаммад б.Дин-Ахмад получил в удел «Тайбугин жеребей» [Трепавлов, 2001, с.324–325], не исключено, что ранее группа ногайцев уже находилась в Сибирском юрте, точнее, в княжестве Тайбугидов. В этом случае стоит обратить внимание на тесные брачные связи хана Кучума с ногайской знатью. По крайней мере, четверо высокородных ногайских мирз были женаты на дочерях Кучума, а сам он в числе своих жен имел и ногайскую княжну [Трепавлов, 2001, с.373]. Скорее всего, приведенные факты говорят о нахождении клана мангыт в ближайшем окружении хана Кучума, в данном случае во главе Тайбугина юрта, т.е. в статусе беклярибеков. В связи с обсуждаемым вопросом надо также иметь в виду, что «ногайские улусы» в Сибирском юрте могли присутствовать и до прихода туда Кучума. В частности, уже сибирский князь Едигер Тайбугид был женат на сестре правителя Ногайской Орды бия Исмагиля [Трепавлов, 1997/1998, с.100], а дочь последнего вышла замуж за Едигера [Трепавлов, 2002, с.310; ПДРВ, 1795, с.323]. Необходимо отметить тесное взаимодействие с ногайцами в конце XV века было характерно уже для Тюменского ханства [Исхаков, 2006 а, с.104–108]. Поэтому у нас есть основание считать клан мангыт одним из основных – карача-бекских кланов Сибирского юрта.

Несмотря на то что для периода правления хана Кучума в Сибирском юрте обнаруживаются такие кланы, как буркут, джалаир, мангыт, мы не можем быть полностью уверены в их присутствии в данной политике, пока не будут рассмотрены более ранние материалы.

Тюменское ханство/ Государство кочевых узбеков. 1. Тюменское ханство. При крайней скудости информации о клановой структуре тюрко-татарского сообщества в Тюменском ханстве и невозможности отделения этой политики от Государства кочевых узбеков до его распада после 1469 г. или несколько ранее – в результате ухода части Шибанидов с подвластным им населением в лице «узбековцев» (узбекиан) около 1446 г. в Среднюю Азию (детальнее см.: [История татар, 2014, с.162–178]), вопрос о социально-политических основах этих двух государств приходится рассматривать в общем контексте, хотя более вероятно, что по составу кланов они имели определенные различия. Скорее всего, можно полагать, что позднее Тюменское ханство, которое следует рассматривать как часть более раннего Государства кочевых узбеков, состояло из определенного набора кланов из тех, что прежде входили в состав кланов кочевых «узбеков». Вопрос, однако, в том, каким был перечень этих кланов.

Относительно клановой структуры позднего Тюменского ханства конца XV–начала XVI в. в источниках совсем мало сведений, к тому же они все косвенные. Скажем, в 1507 г. в составе посольства от ногайского мурзы Алчагира б. Мусы и от царевича Ак-Курта б. Сайид-Ибрагима (по генеалогии последнего детальнее см.: [Маслюженко, 2011б, с.64]; мы же при установлении генеалогии этого султана опирались на сведения продолжателя Утемиша-хаджи – см.: [Миргалеев, 2014, с.65]) в Москву прибыл князь Телевлю, определенный в источнике как «Куйат», т.е. кыйат. [Посольские, 1995, с.94; Маслюженко, 2014а, с.63]. Так как он в послании тюменского султана Ак-Курта, называвшего Шибанида султана Агалака б. Махмуда своим дядей, считался «слугою» первого [Посольские, 1995, с.54–55], ясно, что за его спиной стоял клан кыйат, являющийся в состав Тюменского ханства.

Кроме того, из переписки тюменского хана Ибрахима с московским великим князем Иваном III в 1489–1491 гг. известно, что после интронизации в Казанском ханстве в 1487 г. при русской поддержке вместо прежнего хана Ильгама Мухаммада-Амина, целая

группа казанской знати бежала к тюменскому хану Ибрахиму. В числе их были князья Алгазый (Алгазый) и Бегиш с сыном Утешем [Посольские, 1995, с.21–22, 24–26, 35, 37, 39, 41]. Про последних из послания крымского хана Менгли-Гирея в Москву за 1509 г. известно, что они были Ширинами [Памятники, 1895, с.73; Исаков, 2002 а, с.364]. Согласно сохранившимся источникам, через некоторое время они вдвоем или только Утеш, что более вероятно, оказались во владениях московского великого князя, ранее их приглашавшего [Памятники, 1895, с.73], что, однако, не исключает возможности оседания бывших с ними «иных их товарищей» на территории Тюменского ханства, возможно, в пределах тесно связанных с этим Сибирским юртом ногайских улусов. Об этом может свидетельствовать название «Бегишева городка», сохранившегося на территории Сибирского ханства. Скорее всего, имея в виду определение в источнике Бегиша как «большого князя», в этом топониме можно видеть отражение былого проживания в Тюменском ханстве на рубеже XV–XVI вв. князя Бегиша из клана Ширин. Заметим также, что весьма вероятность мангытской клановой аффилиации указанного выше князя Алгазый [Исаков, 1998 а, с.18–19], про которого из послания ногайского мурзы Емгурчеза за 1491 г. известно, что он «...с Ибраимом (Сайидом-Ибрагимом – Д.И.) царем к Тюмени поехал,... у Ибраима царя в Тюмени живет» [Посольские, 1995, с.33].

Наконец, заслуживает внимания и локализация Продолжателем Утемиша-хаджи клана найман в «Тайбугиному юрте», в бассейне р. Иртыша [Kafali, 1976, p.44], что предпочтительно отнести к периоду Тюменского ханства, хотя не исключено, что эта информация может отражать и более поздний этап уже Сибирского ханства [Исаков, 2006 а, с.96].

Следует также учесть исторические предания башкир племени табын (род кара-табын), ранее уже анализировавшиеся [Исаков, 2006 а, с.29–42, 106–111]. Они позволяют высказать предположение о нахождении этого клана, точнее более крупного образования, из которого он выделился, – племени уйшын, в составе Тюменского ханства.

Таким образом, к рубежу XV–XVI вв. в Тюменском ханстве обнаруживаются кланы кыйат, мангыт, найман, уйшын, возможно, ширин. Но в последнем случае это под вопросом.

2. Государство кочевых узбеков. Попытки раскрыть клановую структуру «узбеков» времени правления хана Абулхайра предпри-

нимались и ранее (обзор источников и литературы по данной теме см: [Маслюженко, 2012, с.76–88]). Нам также приходилось обращаться к ней [Исаков, 2001 а, с.120–124; Исаков, 2006 а, с.10–68, 90–98, 100–114, 129–140; Исаков, 2009 а, с.24–26, 46–48; Исаков, 2011 б, с.52–58]. Но из-за уже отмечавшихся источниковых трудностей до сих пор не удалось добиться полной ясности в вопросе кланового состава тюрко-татарских групп, в том числе и их ведущего политического ядра в лице карачинских племен, объединившихся под руководством Шабанида Абулхайра в единое государство. Поэтому к этому вопросу следует обратиться еще раз.

Основную источниковую базу по данной проблеме составляют «Таварих-и гузида-йи нусрат-наме» Мухаммада Салиха (или Шайбани-хана) (1504г.), «Шайбани-наме» Камал ад-Дина Бинаи (1504-1510 гг.; доступная копия – 1568 г.), «Тарих-и Абул-Хайр-хани» Масуда б.Усмана Кухистани (1540-е гг.) [Материалы, 1969, с.9-43, 91-127, 135-172]). Эти источники взаимосвязаны, подвергались определенной корректировке и взаимозаимствованию (детально об этом см.: [Маслюженко, 2015г, с.44-46]).

Согласно данным «Шайбани-наме» Бинаи, во «времена казачества» будущего хана Абулхайра, то есть до 1429 г., среди находившихся при нем «обществ эмиров» были представители элей (племен) кушчи, найман, туман, конграт. В числе тех, кто пришел к Абулхайру после «завоевания стран», в том же источнике отмечаются знатные лица из «[племени] кыйат» и из конгратов [Материалы, 1969, с. 96–97].

В другом сочинении – «Тарих-и Абулхайр-хани» – Кухистани упоминается среди знатных лиц, собравшихся вокруг Абулхайра к 1429/30 г., опять отмечаются вожди кланов кыйат, кушчи, найман, конграт, туман, а также карлук [Материалы, 1969, с. 143–144]. Появляются и сведения о клане буркут. Во-первых, этот клан фигурирует в числе подразделений, ранее находившихся во владениях родственника и предшественника хана Абулхайра Шибанида Джумадук-хана [Материалы, 1969 с. 141]. Затем в рассказе о походе хана Абулхайра в 1429/30 г. на Чимги-Туру (Гару/Туру), помещенном в «Тарих-и Абу-л-хайр-хани», «со всеми эмирами, вождями и прочими военачальниками» этого политического центра упоминаются его «хакимы» (хакимы города) Адад бек буркут и Кибек-Ходжа бий буркут [Материалы, 1969, с. 144]. Ясно, что в этот

период в Чимги-Туре буркуты занимали особое положение. Все эти лица подчинились Абулхайру и далее оказались в составе его владений.

Следует отметить одно новое исследование казахстанского историка Ж.М. Сабитова, высказавшего весьма перспективную идею, позволяющую «склеить» информацию, связанную с Государством кочевых узбеков и Тюменским ханством. Основной его вывод заключается в том, что присутствующий в генеалогии Тайбугидов Мар – это Умар бий буркут, чьим отцом мог быть Кепек (Кибек) -Ходжа бий, в генеалогии Тайбугидов названный Ходжой. По мнению Ж.М. Сабитова, эта группа буркутов после присоединения их владения к Государству кочевых узбеков сохранила под своим управлением г. Туру (Чимги-Туру. – Д.И.) и «прилегающие земли» [Сабитов, 2010, с. 32–36]. Как видим, речь идет о вилайете Чимги-Тура. Показательно то, что по «Таварих-и гузида-йи нусрат-наме» одна из четырех (обратим внимание и на это число!) жен хана Абулхайра, скорее всего, первая, была из клана буркут [История Казахстана, 2006, с. 429], что подтверждает близость этой группы к правящему в государстве дому Шибанидов.

Заметим, что в «Шайбани-наме» среди тех, кто был назначен на должность даруги вилайета Чимги-Тура после его подчинения хану Абулхайру, называются представители кланов кушчи, найман, уйгур, кунграт, дурман, курлаут [Материалы, 1969, с. 96; Исхаков, 2001 а, с.121]. Если учесть, что даруги были тесно связаны с карача-беками то, эта информация заслуживает особого внимания.

Чтобы уточнить приведенные данные, можно обратиться и к более позднему периоду истории Шибанидов из Государства кочевых узбеков. Так, в «Таварих-и гузида-йи нусрат-наме» сообщается, что решение о пригодности малолетнего Мухаммада Шайбани для возведения на трон приняли «беки-карачи» или «старые беки, которые остались от великих ханов», – именно они поручили воспитывать Мухаммада Шайбани Дарвишу-Хусайну из клана кушчи (тот имел показательное прозвище «Карачин-бахадур» [Материалы, 1969, с.19]). В «Шайбани-наме» отмечены два «общества эмиров», одно из которых включало потомка кыйата Исатай бека Бузунджар бека, из потомков конграта Али бека – Мухаммед бека, из [группы] туман – Тангри-Берды бека, из людей [племени] мангыт – Идику бека и Кази бека [Ма-

териалы, 1969, с.96–97, 17]. Из источника не только отчетливо видна четырехчленная структура одного из «обществ» – скорее всего, крыла владения, но и принадлежность перечисленных лиц к «великим эмирам», то есть карачи-бекам. Не случайно, присутствовавшие на упомянутом совете по определению будущего статуса Мухаммада-Шайбани знатные лица названы «карачинскими эмирами» [Материалы, 1969, с. 98].

В одной из версий «Шайбани-наме» Мухаммада Салиха (ум. в 1534/35 г.) при описании похода Мухаммада Шайбани в 1503 г., в числе войск, состоявших из ополчений кланов, отмечены отряды кланов конграт, кыйат, мангыт, дурман, уйсун, ойрат (правое крыло), найман (левое крыло). Всего Мухаммад Салих отмечает в войсках «узбеков» 19 клановых подразделений (сихнут, т.е. салджигут, кыйат, конграт, буркут, мангыт, найман, дурман, ушун, т.е. уйшун, кушчи, джалаир, карлык, сулдуз, нукуз, тама, татар, адгу, адгуоглан, ички, ойрат). К сожалению, из текста источника видно, что не все перечисленные кланы были выходцами из Узбекского улуса [Султанов, 1982. С.10], что не позволяет делать окончательного заключения на основе этих сведений о племенном составе «узбеков» к началу XVI в., включая и определение тех из них, которые являлись карачинскими. Хотя при сравнительном изучении других источников данные Мухаммада Салиха оказываются полезными, тем более, если иметь в виду, что в позднесолотоордынских государствах клановые войска возглавлялись карача-беками. Это позволяет видеть в ополчениях в основном «карачинские» кланы.

Необходимо отметить, что из источников не совсем ясно подразделение владения Шибанидов XV-XVII вв. на два крыла. Из «Тарих-и Абулхайр-хани» явствует, что в левое крыло войск хана Абулхайра входили кланы буркут, кыйат, конграт, найман, кушчи [Материалы, 1969. С. 146]. Насчет найманов, правда, есть определенные сомнения. В частности, Б.А. Ахмедов на основе иных источников относит этот клан к правому крылу [Ахмедов, 1965, с.39]. В другом владении Шибанидов-Хивинском ханстве, – согласно Абул-Гази Бахадур-хану, зная из уйгуров и найманов садилась слева от хана, причем найманы сидели «выше», ибо являлись карачами [Абулгази, 1906. С. 163]. В период правления в этом государстве Аштарханидов, знатные лица из кланов конграт, кушчи и буйрак сидели слева от хана, тогда как найманы – справа

[Алексеев, 2006, с.145, 166-169]. О найманах, как видим, информация противоречивая. Не случайно то, что А.К. Алексеев указывает на отнесение в некоторых случаях найманов к сидящим слева от хана, а знати из группы кущчи—справа [Алексеев, 2006, с. 166]. Но все-таки известно, что в эпоху правления Аштарханидов главы старших придворных могли быть только из кланов дурман, курчи, найман, конграт, буйрак и кыйат [Алексеев, 2006, с.151, 166-169].

Присутствие в этом списке последних четырех кланов в числе «придворных глав» явно связано с их особым – карачинским – статусом в прошлом. А существующие в источниках разночтения, скорее всего, отражают постепенную утрату во владениях Шибанидов старых традиций. Тем не менее остатки «парного» деления у потомков кочевых узбеков сохранялись довольно долго. Доказательством является то, что в таком позднем источнике, как «Фирдаус-ал-икбал» Муниса (ум. в 1829 г.), есть сообщение об административной реформе хивинского хана Абулгази Бахадура, когда он разделил «узбеков» на «четыре группы» (тупз, т.е. тюба). В одной из них находились уйгуры и найманы, а в другой – конграты и кыйаты [Материалы, 1969, с.452]. В данном случае показательно не только четырехчастное деление «узбеков», но и нахождение найманов не в одной группе с конгратами и кыйатами. А это, скорее всего, отражает бывшее вхождение названных кланов в разные крылья более раннего владения Шибанидов.

Тем не менее приходится признать, что в Государстве кочевых узбеков группировка кланов по крыльям была иной, чем в Улусе Джучи. В частности, можно утверждать, что в Золотой Орде конца XIV в. конграты, кыйаты и найманы относились к правому крылу (Ак Орде) [Федоров-Давыдов, 1973, с.158-159; Исхаков, Измайлов, 2007 а, с.148-149, 153]. Однако начало изменений крыльевой принадлежности золотоордынских кланов, традиционно весьма устойчивое, наблюдалось уже во время второго прихода Тимура в Золотую Орду в 1395 г. [Исхаков, Измайлов, 2007 а, с.127], следовательно подобные изменения могли происходить и позже, тем более что при хане Абулхайре произошло объединение нескольких уделов во главе с разными ветвями Шибанидов, вероятнее всего, имевших собственные деления на крылья.

Теперь, когда были установлены базовые особенности государственного строя сибирских тюрко-татарских политий XV–XVI вв., а также их сопряженность с клановыми структурами, объединенными системой карача-беков, мы можем вернуться к вопросу о преемственности кланового состава и социально-политического устройства Государства кочевых узбеков, Тюменского и Сибирского ханств.

Прежде всего, есть основания заключить, что клановый состав «узбековцев» и тюменских татар имел определенные совпадения (племени кыйат, мангыт, буркут, найман, уйшын имелись в составе как тех, так и других), хотя в Узбекском улусе кланов явно было больше. Несмотря на то что нам практически ничего не известно о существовании в Тюменском ханстве системы карача-беков, присутствие в этой политике «карачинских» кланов (кыйат, мангыт, буркут, видимо, и найман) сигнализирует о том, что социально-политическая основа этой политики была сходной с устройством Узбекского улуса.

Нахождение в Сибирском юрте (в Искерском княжестве Тайбугидов, затем – в Сибирском ханстве) таких кланов, как буркут, джалаир и мангыт позволяет протянуть ниточку преемственности между ним и Тюменским ханством, а также Государством кочевых узбеков. Особенно ярко эта связь видна на примере «Сибирских князей» Тайбугидов из клана буркут. Несомненным является и базирование социально-политического устройства Сибирского ханства на той же самой системе карача-беков, что и в прежних сибирских тюрко-татарских политиях. Но для периода Искерского княжества Тайбугидов, в котором хан – Чингисид – вроде бы отсутствовал, хотя более вероятно, что он находился лишь на удалении, являясь номинальной фигурой, конфигурация властной системы могла быть и несколько иной, однако вряд ли сколько-нибудь отличной от традиционной карача-бекской структуры. В этой связи напомним, что и в Ногайской Орде, когда в более поздний период его существования хана не было, карача-беки существовали. Но следует признать, что детально описать преемственность клановых основ власти в Сибирском ханстве от предыдущих сибирских тюрко-татарских политий пока не представляется возможным.

3.3. АППАРАТ УПРАВЛЕНИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

Вопрос об аппарате управления Тюменского и Сибирского ханств в современной исторической литературе практически не изучен. Отдельные аспекты этой темы представлены в работах Д.М.Исхакова, в том числе по проблемам выделения института карачи-беков, а также А.В.Матвеева и С.Ф.Татаурова об административном делении государства (см. два предшествующих раздела книги).

В своих размышлениях мы исходим из нескольких базовых предпосылок. Во-первых, эта система государственности должна была наследовать монгольские и золотоордынские традиции предшествующего времени, хотя и корректироваться в связи с местными условиями. Во-вторых, следует согласиться с В.В.Трепавловым, что «в «постордынском» мире, в условиях угасания инерции государственного потенциала Золотой Орды, происходила реанимация архаичных учреждений» [Трепавлов, 2010, с.33]. В-третьих, на протяжении существования Тюменского и Сибирского ханств функционировали схожие органы государственного управления, связанные с наличием определенных политических традиций. Таким образом, западносибирские ханства во многом унаследовали основные черты аппарата управления и социальную организацию политий предшествующего времени.

Средневековая сибирско-татарская общность, как и население других постзолотоордынских государств, делилась на две страты – феодальную татарскую (служилую) и ясачную, имеющие различия в этническом происхождении. Слой служилых татар в своей основе имел золотоордынское «татарское» происхождение, при этом они были организованы по клановому принципу. В состав татарской знати Сибирского ханства, как отмечает С.В. Бахрушин, «пестрый по составу» [Бахрушин, 1955 в, с. 155], входили: хан, султаны, беки, мурзы, есаулы, представители мусульманского духовенства (сенды, шейхи, муллы, абызы и др.), сановники ханского двора – «думчий царев» – карача, «агальки», карача-беки, а также рядовые воины-казаки. Все они и представляли «собственно «татарский» слой сибирско-татарской этнополитической общности» [Исхаков, 2006 а, с. 66].

На первом месте в системе управления стояли ханы из династии Шибанидов. Уже в 1420-х гг. определилась основная линия наследования среди потомков хана Хаджи-Му-

хаммада б. Али б. Бек-Конди-оглан. В конце этого десятилетия она была прервана возведением на престол нескольких ханов из иных линий Шибанидов, а в 1429 г. избранием кочевой знатью на курултае в качестве хана Абулхайра. В 1430 году в качестве тронного места им была избрана Чимги-Тура. Сыновья Хаджи-Мухаммада признавали этого хана в качестве Хан-и Бузург, что может являться калькой тюркского Улуг хан (Великий / Старший хан) [МИКХ, 1969, с.95]. Лишь после его поражения калмыков в 1457 г. иные ветви Шибанидов стали проявлять сепаратизм. При этом вопрос наследования ханского престола мог быть решен различными способами.

В одной из работ Т.Дж. Барфилда указывалось, что «одновременное существование латерального и прямого принципов наследования создавало проблему» [Барфилд, 2009, с.132]. В данном случае имелось в виду, что в существовании в большинстве кочевых государств двух систем наследования власти, регулируемых обычным правом, было одной из причин дестабилизации внутренней политической структуры. Конфликт между братьями и сыновьями правителя потенциально мог уничтожить любое объединение номадов, поскольку также приводило к расколу поддерживающих их групп знати [Барфилд, 2009, с.217]. Выбор той или иной линии наследования зависел не только от авторитета конкретного кандидата, но и от сложившейся внешнеполитической обстановки. В некоторых кочевых объединениях, в частности у ранних хунну, в условиях кризиса или экстраординарных ситуаций власть передавалась по боковой линии среди старших членов рода, потенциально способных выполнять лидерские функции, в то время как в условиях стабилизации властные полномочия могли наследоваться по прямой линии [Барфилд, 2009, с.89–90]. В Монгольской империи и Золотой Орде эта система могла усложняться за счет привлечения принципа наследования власти по завещанию или младшим сыном как отчигином, а также не до конца изученной роли курултая [Барфилд, 2009, с.318–320; Почекаев, 2009 а, с.161–162].

Отметим, что принцип наследования власти младшим сыном особенно отстаивался Ю.Е. Варваровским. По его мнению, в XIII веке у монголов практика наследования подчинялась обычному правовому регулированию, в рамках которых существовали защитно-

правовые механизмы, закреплявшие за младшими сыновьями право наследия отцовского юрта. Однако с завершением «героического» периода старшие сыновья уже не могли себя обеспечить новыми улусами и следовательно старые принципы стали постепенно изживаться. Несмотря на это, младшие члены семьи продолжали претендовать на престол, пытались сместить или устранить старших конкурентов [Варваровский, 2008, с. 71].

После смерти в 1468 г. Абулхайра престол вновь стал передаваться по одной линии: дети Хаджи-Мухамада Сайидек и Махмудек, затем Ибрахим б. Махмудек и его братья Махмук и Агалак (Ал-Джагир). Около 1505 г. престол в ходе внутреннего конфликта с последним перешел к Кутлуку б. Ибрахиму, а после него – его брату Муртазе (Мусеке) [имена и генеалогия по: МИКХ, 1969, с. 37]. С 1563 г. на престоле были сыновья Муртазы Ахмад-Гирей и Кучум и в конечном итоге Кучумовичи.

Скорее всего, ханы приходили к власти не только на основании принадлежности к «золотому роду» Чингизидов как обладателей соответствующей харизмы, но и при поддержке большого числа кочевой аристократии, влияние которой в XV–XVI вв. постоянно росло. Это хорошо заметно по описанным в разделе 3.1 праздникам и церемониям, вписанным в курултай и ориентированным именно на элиту общества. С другой стороны, именно эта опора провоцировала ханов на частые и желательные победоносные войны с соседями, без которых невозможно было обеспечить стабильность власти [Трепавлов, 2010, с. 28]. Обратим, внимание на то, что такой орган, как курултай, хорошо виден по истории правления Абулхайра, но затем в источниках практически не встречается. Однако в 1555–1563 гг. князь Едигер вступил в дипломатические переговоры с Москвой, согласовав это со «всей Сибирской землей» [ПСРЛ, 1904, с. 248], а затем, видимо, фиксируется в образе «сибирских людей», которые пригласили на правление царевича из Шибанидов [ПСРЛ, 1906, с. 370]. Интерпретация этих двух летописных упоминаний достаточно сложна, но на данный момент ясно, что в экстренных случаях собирался совет аристократии различного уровня, который по своим функциям, видимо, был схож с курултаем более раннего времени.

В полномочия хана входили: 1) распоряжение всеми землями государства; 2) объявление войны и заключение мира; 3) переговоры с иностранными государями (нарушение

именно этого принципа Тайбугидами привело к соответствующим санкциям); 4) суд над всеми подданными; 5) издание законов и распоряжений [Султанов, 2006, с. 74; Почекаев, 2009а, с. 92].

С фигурой хана тесно связаны символы его власти, которые становились символами самого ханства. Для Улуса Джучи перечень таких потегстарных предметов довольно велик: золотой шатер, трон с «подушкой власти», зонтик, корона, государев флаг, государственная печать, пайцзы, воинский барабан, халаты с геральдическими символами, воинские пояса, булавы и жезлы [Юрченко, 2013, с. 87]. Не все они известны в источниках по истории сибирских государств.

Для периода Абулхайра на первом месте по частоте упоминания в источниках стоит некий трон, который чаще всего используется в иносказаниях типа «утвердился на троне могущества и престоле правления» [МИКХ, 1969, с. 141]. Такая фраза указывается как относительно мангытского бия Гази, так и описывает первое избрание ханом в 1429 г. Абулхайра («на троне государя и на престоле владетеля государства») [МИКХ, 1969, с. 144]. Летом-осенью 1430 г. хан Абулхайр сделал Чимги-Туру – центр Туринского вилайета (в восточных источниках) и Сибирской земли (по русским летописям) – местопребыванием «трона государства и средоточия божьей помощи» [МИКХ, 1969, с. 143–144]. В ходе второго события «могущественный султаны и высокопоставленные эмира и великие сеиды склонили голову повиновения... и все вместе, преклонив колена, совершили обряд приветствия... [Абулхайр] исполнил обряд и обычай, который при восшествии султанов правоверных на трон ханствования и престол правящего всем миром известен среди них» [МИКХ, 1969, с. 145]. Несмотря на типичную восточную велеличность источника, автор явно указывает на наличие вполне реального трона или престола (описание которого, впрочем, не сохранилось), а также на часть традиционной процедуры восшествия на престол в ходе соборания аристократов (курултай) и преклонения ими колен перед правителем, что говорило об их более низком статусе. Сама церемония восшествия Абулхайра на престол была изображена более чем 110 лет спустя на миниатюре к сочинению Масуда Усмана Кухистани «Тарих-и Абулхайр-хани». Хан изображен с короной на голове, в золотом опоясанном халате и сидит на «подушке власти», которая уложена на сиденье с четырьмя небольшими

ножками и задней спинкой. По левую руку от него коленапреклоненный придворный подает ему чашу с напитком [История Казахстана, 2010, рис.27] (рис.30). В целом сюжет очень близок к изображению праздничного пира ильханов [Юрченко, 2013, рис.29].

Однако в «Тарих-и Абулхайр-хани» имеется указание еще на два предмета, которые могли быть символами власти. В 1451 г. в ставку Абулхайра прибыл Тимурид Абу-Саид. Для встречи с ним и оказания уважения и почтения «поставили царский шатер и ограду и крытый двор для аудиенции» [МИКХ, 1969, с.163]. При встрече хан пожаловал Тимуриду царский халат и царский шатер, которые, скорее всего, тоже являлись символами власти, известными в «государстве кочевых узбеков» Абулхайра, частью которого был и Тюменское ханство. Процесс установки здесь «ханского шатра», по всей видимости, был схож с аналогичными процедурами подготовки известного «Золотого шатра» в Монгольской империи и Улусе Джучи. Именно внутри этого шатра находилось и само тронное место [Исхаков, 2014, с.184–187]. Сочинение Кухистани позволяет предположить и сохранение в качестве символов власти как хана, так и отдельных военных предводителей, разноцветных знамен, под которыми воины шли в битвы в период походов Абулхайра [МИКХ, 1969, с.147, 157, 165].

Таким образом, на раннем этапе существования Тюменского ханства, то есть в период правления здесь Абулхайра, с большой долей вероятности в качестве символов власти выступали ханский шатер с установленным внутри тронном (или «подушкой власти»), особый ханский халат и знамена. В целом этот перечень близок к основным инсигниям власти в предшествующее время, в том числе на территории Улуса Джучи.

Более дискуссионным является упоминание в период существования Тюменского ханства «трона Саин-хана», который чаще всего воспринимается не как реальный предмет, а лишь как образ, отражающий претензии на власть над всей территорией золотой Орды. В конце 1440-х гг. Абулхайр разгромил сыновей Кичи-Мухаммада Ахмада и Махмуда. Согласно Кухистани, разгром привел к захвату Орду-Базара, где располагался «трон Саин-хана», с именем хана была прочитана хутба и затем проведен чекан монеты [МИКХ, 1969, с. 155]. При этом чтению хутбы однозначно придавалось большое значение в создании образа мусульманского правителя в по-

литических реалиях того времени. По сути, для исламского правителя это мог быть еще один символ власти [Султанов, 2006, с.86–87], только выраженный в речевой форме.

Трон Саин-хана в тюменской истории упоминается и в период правления хана Ибрахима, при котором Тюменское ханство находилось на пике своего расцвета и влияния. Зимой 1481 г. он совершил набег вместе с ногаями на Орду-базар хана Большой Орды Ахмада, своего бывшего союзника по коалиции против потомков Абулхайра. В ходе этого похода хан был убит, его дочь была взята в плен Ибаком, а кочевая ставка (Орда-Базар) была отведена под Тюмень [ПСРЛ, 1982, с.95]. В 1493 г., после неудачного похода на Астрахань, от хана Ибака в Москву была привезена последняя из известных нам грамот этого хана: «Ибраимо-во слово Великому князю Ивану брату моему поклон». В письме говорилось о том, что Ибрахим «... Темир Кутлуева сына убивши, Саинский есми стул взял...» [Посольские, 1995, с.46]. В данном случае в письме, на наш взгляд, отражаются события именно 1481 года, о которых Ибак-хан напоминает русско-му князю. Обращает на себя внимание указание на тот же «саинский стул», уже известный нам по истории Абулхайра.

При этом «трон Саин-хана» мог быть как реальной инсигнией власти, связанной с периодом Золотой Орды [Юрченко, 2013, с.95–96], так и речевой формулой, выражавшей претензии ханов из династии Шибанидов на власть над бывшим Улусом Джучи. Д.М.Исхаков предположил, что под этим выражением подразумевается политический центр Большой Орды, то есть г. Сарай, или конкретное «тронное место» в нем [Исхаков, 2014, с.182]. Это выглядело бы вполне логичным, если бы в источниках указывалось на то, что Абулхайр или Ибрахим захватили именно Сарай. И в том и в другом случае вполне точно указывается на захват Орду-Базара. Под «ордобазаром» понимается кочевая ставка хана, включавшая как его семью, административный, в том числе финансовый, аппарат, а также обеспечивающих их функционирование торговцев и ремесленников. В данном случае речь шла о кочевой ставке ханов Большой Орды. Если ее локализация во времена Абулхайра вызывает значительные дискуссии (скорее всего, это кочевая ставка Бату и его наследников в Приуралье или на р.Як [4, с.85]), то нападение Ибрахима было направлено на зимовья Ахмада на Северском Донце. При этом и Д.М.Исхаков приводит примеры, когда трон монгольских правителей,

например Гуюка, мог быть перемещен из одного шатра в другой, а также о местонахождении этого предполагаемого трона не только в Сарае, но и в Сыгнаке [Исхаков, 2014, с.182, 187]. На наличие переносного «походного трона» или использование в качестве престола лежавшей на возвышении подушки в монгольских государствах указывает и Т.И.Султанов [Султанов, 2006, с.85–86].

С учетом всех этих факторов, речь в источниках может идти о вполне реальной инсигнии власти ханов Улуса Джучи в виде «походного трона». В качестве такого символа (наравне с неким иным тюменским троном) он мог использоваться и Абулхайром, при котором значительно увеличивается роль кочевой аристократии, восстанавливается курултай, раздача поясов и халатов как политических символов и ряд иных традиций и практик монгольского и ордынского времени. Судя по всему, трону Бату уделялось большое внимание в политических играх XV и начала XVI в.

Для Сибирского ханства периода правления хана Муртазы и его сыновей Ахмад-Гирея и Кучума, а также для сибирских князей Тайбутидов, в историографии уже сделаны попытки выделить отдельные символы власти. Авторы относят к ним княжеские и ханские государственные печати (миндалевидные и квадратные перстни-печати), «Сибирскую корону» (или военный головной убор-шлем Кучума) и тамгу [Исхаков, 2011в, с.195–196; Татауров, 2014, с.196–197]. Кроме того, возможно, к этим символам можно отнести и тулумбас (барабан), подаренный Кучуму бухарским ханом Абдуллой, который может быть как большим военным барабаном, так и атрибутом придворного ангуража [Трепавлов, 2012, с.46]. Об их использовании в военных действиях в Сибири известно по описанию битвы между ханами Абулхайром и Махмуд-Ходжой весной–летом 1431 г. [МИКХ, 1969, с.147].

Наиболее подробное описание шлема Кучума приведено в работе Е.В.Пчелова, который пишет: «Как можно думать, каких-то особых государственных регалий наподобие корон или венцов в Сибирском ханстве не существовало. Скорее всего, такие функции мог выполнять боевой шлем, безусловно имевшийся у хана Кучума. В коллекции Оружейной палаты хранится шлем из булатной стали иранского производства XVI в., который в описях государевой казны именовался «шапкой ерихонской кучумовской». Поверхность шлема декорирована изящным восточным растительным орнаментом, шлем имеет зо-

лотое эмалевое навершие (позади навершия расположена трубка для перьев) и украшен жемчугом и драгоценными камнями красного и синего цветов... при Алексее Михайловиче шлем однозначно воспринимался как военный головной убор Кучума, что послужило причиной его выдачи 27 января 1664 г. потомку Кучума сибирскому царевичу Алексею Алексеевичу» [Пчелов, 2009, с.14]. В то же время в истории Улуса Джучи и иных постмонгольских государств подобный символ власти неизвестен, как и в мире ислама, с учетом принадлежности к нему правителей Тюменского и Сибирского ханств. В связи с этим можно предположить, что шлем (чью принадлежность к хану Кучуму отрицать сложно) был использован в качестве потестарного символа именно в условиях Московского государства, в том числе и по причине отсутствия иных аналогичных предметов.

При хане постоянно находились его многочисленные родственники, которые, по мнению Р.Ю.Почекаева, вместе с гургенами (ханскими зятями) формировали своеобразный семейный совет [Почекаев, 2009 а, с.98]. Они кочевали вместе с ханской ставкой, что подтверждается данными о плененных и убитых родственниках Кучума после битвы на Оби 1598 г. [Акты, 1841, с.3–6]. Как правило, часть из них играла большую роль в военных делах, как предоставляя свои отряды, что хорошо видно по деятельности Абулхайра, так и участвуя в управлении войском и государством, возможно, в рамках феномена соправительства. Роль в управлении армейскими структурами заметна по фигурам Бахтийара при Абулхайре, Мамука при Ибаке, Маметкуля и позднее Али при Кучуме, а также, возможно, Ахмад-Гирея при Муртазе. Сложно сказать, насколько при этом руководители крупных войсковых подразделений могли рассматриваться как наследники (это однозначно в случае Мамука, Ахмад-Гирея и Али), хотя их связь с войсками и, следовательно, с их племенными лидерами могла стать немаловажным фактором.

Важнейшей фигурой в управлении ханством был беклярибек, который представлял одно из крупнейших племен и мог входить в состав совета карачи-беков, который подробно рассмотрен в предшествующем разделе Д.М. Исхаковым. По мнению Р.Ю. Почекаева, в период Золотой Орды беклярибек был верховным главнокомандующим [Почекаев, 2009 а, с.99], хотя, очевидно, что его функционал был гораздо шире. В рассматриваемых нами ханствах военная функция беклярибека

не всегда очевидна. Часто войска водили сами ханы или их родственники. При этом, если Бахтияр руководил лишь авангардом, то Мамук, Мамет-Кул, Али, возможно, Ахмад-Гирей и Кучум, самостоятельно водили войска. При этом в документах отнюдь не всегда упоминается находящийся при них беклярибек.

Согласно существовавшей традиции, выявленной В.В.Трепавловым, в качестве таковых при Шибанидах чаще всего выступали представители мангытов. Так, уже при Хаджи-Мухаммаде таковым был Мансур б. Едигей, а при Абулхайре длительное время этот пост занимал Ваккас б. Нур ад-Дин б. Эдигей [Трепавлов, 2002, с.91–92]. Обратим внимание на то, что при этом они могли не принимать прямого участия в управлении собственно Тюменским или Сибирским ханством. Мангытские мурзы в большей степени были заинтересованы в титуле для повышения своего политического статуса и представляемой ими Ногайской Орды. Они заметны лишь в тех случаях, когда организовывались военные походы на соседей. Возможно, по этой причине их реальная роль в структуре управления, собственно говоря, была невелика, что требовало некоторого перераспределения их функционала.

К тому же анализ списков сподвижников Абулхайра показывает, что сам Ваккас упоминается у Кухистани всего три раза: при возведении Абулхайра на престол (на 2 месте) и на 1 месте в походах на Сыгнак и ханов Махмуда и Ахмада. В походе на Хорезм Ваккас указан не в общем списке, а лишь в дополнительном, в котором говорится уже об отправлении войска. Здесь действительно он идет на первом месте сразу после сейидов и перед кыйатом Бузунджар-бием [МИКХ, 1969, с.150]. Возможно, что уже в этом походе между ханом и мангытским беком произошла какая-то ссора, которая привела к тому, что в следующий раз он указан в окружении противника Абулхайра – хана Мустафы, после поражения которого в 1446 году и до своей смерти между 1447–1450 гг. он и был, видимо, беклербеком в «государстве кочевых узбеков».

Между этими событиями Ваккас в окружении хана вообще не упоминается. По моему мнению, место того или иного степного аристократа в перечне показательно с точки зрения определения могущества как его самого, так и представляемого им омака (племени или клана). Фактически столько же раз как и Ваккас, но на первых местах, упоминаются представители буркутов (Умар-бий

и Адад-бек), которые уступили хану Чимги-Туру, ставшую местом расположения трона. Однако чаще всего (4 раза) почетное первое место занимает Бузанджар-бий кыйат, уступая главенство лишь два раза буркутам и два раза Ваккасу. При этом Бузанджар упоминается абсолютно во всех мероприятиях хана. В тех случаях, когда в перечне его отгесняются с первого места, он в 3 случаях упоминается на втором и лишь в одном на третьем месте (после мангытов и буркутов). Возможно, что за долгое правление Абулхайра беклярибек неоднократно сменялся, однако выбор омаков, из числа которых он выбирался, оставался сравнительно ограничен (мангыты, буркуты, кыйаты). Этот пример говорит о возможности сохранения традиции смены беклярибеков и в последующем.

Предпочтение кыйатов в лице Бузанджара могло объясняться их ранними связями с Шибанидами, в частности, в период Западного похода среди нукеров Шибана первым упоминается Бурулдай из кыйатов [Мустакимов, 2011, с.231], а также в ходе реформ Узбека [Утемиш-хаджи, 1992, с.93]. Представители этого клана были и в объединении во главе с Шибанидами на протяжении XV века, даже после постепенного уменьшения их влияния в иных постзолотоордынских государствах [Исхаков, Измайлов, 2007 б, с.132–133; Schamiloglu, 1986, p.202–203]. Например, из кыйатов был князь Телевлю, посол от царевича Ак-Курта в Москву в 1507 г. [Посольские, 1995, с.54]. Конграты, кушчи, найманы, буркуты, тюмени и некоторые другие также присутствуют в изначальном окружении Шибана [Мустакимов, 2011, с.231], что свидетельствует о значении этих кланов и племен в истории Тюменского ханства.

Ибрахиму, видимо, удавалось некоторое время дистанцироваться от могущественных лидеров Ногайской Орды. Хотя в «Литовской метрике» в письме крымского хана Менгли-Гирея к польско-литовскому королю Казимиру IV о событиях 1481 г., видимо, с титулом князя, назван брат Ваккаса и еще один сын Нур ад-Дина Аббас, который до 1491 г. руководил Ногаями [Сборник, 1866, с.29; Трепавлов, 2002, с.117]. В какой-то период (во время охлаждения отношений с ногаями) беклярибеком мог быть и представитель буркутов Умар (Мар) Тайбугид, убитый затем ханом. На эту же должность во время пребывания в Тюмени после 1491 г. мог претендовать и казанский князь Алгазый из Ширинов. Однако вскоре после смерти Аббаса ногайским бием стал Муса

б. Ваккас, которого признал беклярибеком Ибрахим [Трепавлов, 2002, с.118]. В походах на Казань в 1496 г. Мамука и 1498 г. Агалака с ними был казанский князь Урак [ПСРЛ, 1901, С.249–250; Худяков, 1996, с.570].

Выделить беклярибеков в XVI веке гораздо сложнее. В первой половине XVI века и до разломки с Шибанидами в 1555 г. ими стали вновь князья Тайбугиды. Д.М. Исахов полагает, что в «сибирских князьях» – Тайбугидах – надо видеть беклярибеков, или институт «старшего» князя Сибирского юрта наподобие правителя Ногайской Орды [Исахов, 2008 а, с.152]. Понятие «сибирский князь», которое встречается впервые в 1555 г. в Патриаршей (Никоновской) летописи, расшифровывается как «правитель (= князь, царь, начальник), контролирующий Сибирскую землю или государство (=вилаят, юрт) с центром в граде Сибирь» [Исахов, 2007, с. 46–47] и подчеркивает, что титул Тайбугидов практически во всех случаях в источниках называется как «князь»/ «сибирский князь». А «это позволяет рассматривать «сибирских князей» в одном ряду с такими известными из русских источников местными правителями периода распада Золотой Орды, как «мещерские князья» накануне образования Мещерского юрта (Касимовского ханства) и «болгарские/ казанские князья» перед возникновением Казанского ханства» [Исахов, 2008 б, с.151]. Таким образом, можно сделать вывод о том, что «в лице названных групп князей (мещерских, болгарских/ казанских и сибирских) мы имеем дело с потомками улусных князей периода Золотой Орды» [Исахов, 2008 б, с.152], что позволяет также выявить общие тенденции в развитии постзолотоордынской государственности. Таким образом, титул «Сибирский князь», применяемый в русских летописях в отношении Тайбугидов, соответствовал титулу «беклярибек» и его следует рассматривать в одном ряду с такими терминами как «Мещерский князь» и «Болгарский (Казанский) князь» XIV–XVI вв. Очевидно, что в результате событий 1563 г. клан беклярибеков должен был быть изменен.

Вопрос о том, кто был беклярибеком при Кучуме не имеет однозначного ответа. По мнению В.В.Трепавлова, им мог быть племянник хана Мамет-Кул [Трепавлов, 2012, с.134]. Д.М.Исахов предполагает, что это был известный из Ремезовской летописи «Большой князь Бегиш». Так, в рассказе о продвижении Ермака вверх по Иртышу говорится: «И погребли вверх по Иртышу... и до большого князя Бегиша Княжева городка и ту учини-

ша великой бой со зборным Татары и Карачинцы». Термин «Большой князь», считает Д.М. Исахов, наряду с упоминанием группы «карачинцев», не оставляет сомнения в том, что «мы в лице князя Бегиша имеем дело с беклярибеком хана Кучума» [Исахов, 2004, с.80]. Последним известным беклярибеком был опять-таки представитель Ногайской Орды Али б. Ураз-Мухаммад при своем тезке хане Али б. Кучуме [Трепавлов, 2012, с.134].

Помимо беклярибека, ведущую роль в управлении государством играл совет карачи-беков. Представляется, что в сибирской государственности в силу специфики частого выбора беклярибеков из соседней Ногайской Орды этим советом мог руководить кто-то из самих карача-беков. При Кучуме известен Карача, который оказал сопротивление Ермаку на Тоболе, а затем дважды пытался отбить Искер у казаков. По общепринятому мнению, им был джалаир Кадыр-Али бек. Однако, по аргументированному мнению А.В. Белякова, карачи, скорее, был Мамет (Мухаммад) [Беляков, 2014, с.63].

В Тюменском ханстве представители совета карачи-беков могли быть одновременно гургенами. Высокий статус, или, по крайней мере, необходимость, получения поддержки буркутов, мангытов и конгратов подчеркивались и выбором жен хана Абулхайра именно из этих кланов [МИКХ, 1969, с.354]. Очевидно, что в средневековье выбор жен предопределялся именно политической целью брака, предполагавшей дальнейшие союзнические отношения с кланами, поддержка которых была необходима в вопросах войны и мира. Система карачей представлена в предыдущем разделе Д.М.Исахова. Существование в Сибирском ханстве этой системы отложилось в исторической памяти сибирских татар. Обряд «поднимания хана» на священной кошме встречается у сибирских татар в этнографических наблюдениях. Так, вплоть до второй половины XX в. у татар Тобольского и Вагайского районов сохранялся обычай поднимать над женихом кошму или покрывало четырьмя друзьями – нукерами – во время свадьбы при провах жениха к невесте. Как считает известная собирательница сибирско-татарского фольклора Ф.В. Ахметова-Урманче, данный обряд сохранился со времен Сибирского ханства, когда «карачи являлись держателями священной кошмы, когда на ней поднимали новоиспеченных ханов». Сама она наблюдала последний раз свадьбу с проведением подобного обряда в 1959 г. в ауле Кукранде

(Чебурга) Тобольского района. По описаниям Ф.В. Ахметовой-Урманче, во время поднятия кошмы мощным мужским хором исполнялась обрядовая песня «Кияу типсэу» («Проводы жениха»), под аккомпанемент средневековых конусообразных барабанов «тип» которая подразумевала проводы жениха [Ахметова-Урманче, 2002, с. 343]. Этот обряд, по своей сути, мог повторять более ранние образцы реального поднятия хана на кошме. Скорее всего, он не был связан собственно с монгольскими традициями, а уходил корнями в тюркские политические традиции [Юрченко, 2013, с.63–64]. Его восстановление хорошо вписывается в реставрацию иных обрядов и ритуалов кочевых обществ, которое начинается при Абулхайре и, видимо, продолжается в последующее время.

Списки соратников позволяют выявить в окружении Абулхайра руководителей дивана (канцелярии), которые назначались ханом. В начале правления таковым был Ички-Иабагудиван уйгур, который участвует только в выборах хана, а в событиях 1440-х гг. упоминается уже без приставки «диван». Скорее всего, новым руководителем дивана стал Даулат-Ходжа-диван кушчи, что также подчеркивало значение этого клана в составе нового государства. Причем из других источников известно, что он был еще и кукельташем молодого хана [МИКХ, 1969, с.98]. Ясно, что при диване должны были быть и чиновники низшего статуса, в частности, отвечавшие за оформление документов. Так, во время переговоров 1600–1601 гг. в Уфу были присланы ярлыки Али и Азима, а находившийся в Уфе Ишим посылал к братьям «ярлык татарским письмом... за своим знаменем (тамгой? – Д.М., З.Т.)» [Миллер, 2000, с.195]. Оформление этих документов подразумевало наличие при ставках царевичей писца-битикчи [Абзалов, 2013, с.156], а также, возможно, толмача, который мог перевести грамоты, присылаемые русскими администраторами. Если эти лица сохранялись в начале XVII века, то резонно предположить, что они были и при ставках Ибрахима и Кучума, которые вели гораздо более обширную переписку. Тем более что Д.М. Исхаков не исключает существование в Сибирском ханстве «дивана», о чем может свидетельствовать наличие у карачи Кучума приставки «думный» [Исхаков, 2004, с. 80].

К высшим слоям управления мог также относиться т.н. «базарский князь». Под таким титулом в 1489 г. указан Чюмгур, который возглавлял посольство хана Ибрахима в Москву

[Посольские, 1995, с.19]. По всей видимости, этот человек каким-то образом связан с уведенным в Тюмень орду-базаром хана Ахмада и даже, скорее всего, руководил им. Кроме него в окружении ханов были беки, мурзы и бахадурь. Например, 4 сентября 1598 г. при разгроме хана Кучума погибло шесть беков и десять мирз [Акты, 1841 б, с.3–5].

Важную экономическую роль играли также даруги, то есть ханские наместники. Они известны нам по заголовку «Рассказ о пожаловании должности даруг Чимги-Турь» в историческом сочинении Кухистани, в котором ими указаны четыре человека из числа тарханов, дурменов и найманов [Мустакимов, 2011, с.233]. Кажется весьма симптоматичным совпадение числа этих даруг с числом карачи-беков, характерным для постордынских государств.

При ханской ставке должны были быть аталыки и кукельташи, то есть дядьки-воспитатели ханских сыновей. Так, уйгур Бай-Шайх-кукельташ был аталыком (воспитателем) наследника Абулхайра Шах-Будаг-султана, а затем ему были поручены на воспитание дети султана, в том числе будущий хан Мухаммад Шейбани [МИКХ, 1969, с.97]. Должность аталыка также была ханом доверена Хаким-Шайх-бахадру из кушчи. Возможно, это назначение произошло непосредственно после разгрома основного конкурента в лице другого представителя династии Шибанидов хана Махмуд-Ходжи весной–летом 1431 г. В ходе него именно кушчи Хаким-Шайх-бахадур и Кунгур-бай, чьи подвиги на поле боя также отмечены в битве против Махмада и Ахмада, произвели нападение и убили Мухаммад-Гази-султана и Судайдаш-султана [МИКХ, 1969, с.148]. Если личность первого автору не удалось идентифицировать, то второй однозначно может быть реконструирован как Сузандж-султан, третий сын хана – Махмуд-Ходжи. Убийство огланов Чингизидов показало личную преданность кушчи новому хану и подняло или укрепило их статус среди лидеров прочих кланов.

Аталыки позднее известны и при хане Кучуме, когда в битве на Оби погибло 5 аталыков [Акты, 1841 б, с.3–5]. В 1600–1601 годах в окружении Кучумовичей, в частности Азима, упоминается его аталык Козембердей и абыз Алебай [Миллер, 2000, с.195]. Примечательно, что соотносимо к структуре «двора» изгнанного Кучума и царевичей – Кучумовичей – В.В. Трепавлов приводит традиционную схему его организации, считая, что «организа-

ция жизни степных ставок была выработана столетиями истории кочевников». Среди наиболее приближенных к Кучумовичам в источнике неоднократно упоминаются аталыки (в русском обиходе – «дядьки») – воспитатели ханских сыновей. После возмужания своих подопечных аталыки сохраняли авторитет в их глазах и занимали престижное место рядом с тронном [Трепавлов, 2012, с. 133].

Высшими духовными лицами в тюрко-татарских государствах были сейиды. При хане постоянно находились представители суфийских орденов, в частности, при Абулхайре – Кул-Мухаммад-сейид и Кара-сейид [МИКХ, 1969, с.121–134]. При этом они принимали участие в военных действиях, то есть могли быть накибами [De Weese, 1995, pp.619–620]. Известны имена двух верховных сейидов в Сибирском ханстве – это Дин-Али сейид (начиная примерно с 1574–1575 и до завоевания ханства русскими), а до него – его дядя Ярым сейид (1572–1574 гг.). Как считает Д.М. Исхаков, не исключено, что и предки Ярым сейида, особенно его отец и дед, тоже являлись верховными сейидами в Искерском юрте [Исхаков, 2011 а, с. 170–171]. В сопровождении сейидов, приходивших из Центральной Азии, были и шейхи, например шейх Ширбети в 1570-х гг. Кроме сейидов и шейха, в Сибирском ханстве присутствовали и другие категории мусульманского духовенства: муллы, абызы (хафизы), муфтии и мударрисы.

Часть из них находилась и при Кучумовичах. В частности, в 1607 г. от Азима бежал находившийся при нем некий Сеит [Миллер, 2000, с.240], хотя В.В.Трепавлов и отмечает, что «сеиды не замечены... в окружении Кучумовичей» [Трепавлов, 2012, с.133]. Традиционно на абызов и сеитов возлагались обязанности по отправлению исламских обрядов, а на аталыков – воспитание наследников, но все это в сумме давало значительное влияние в целом на жизнь ставки. Будучи признанными авторитетами, они выполняли и дипломатические функции, а также собирали для Кучумовичей ясак и другие налоги. Племенная, клановая или территориальная принадлежность этих людей в XVI веке почти никогда не фиксируется в документах, хотя известно, что при Канае посланный в Москву абыз Безелек был из Чатов [Миллер, 2000, с.196]. Таким образом, с потомками Кучума кочевали небольшие дворы, вполне выполнявшие функции управления как в рамках ставки хана или султана, так и племенными ополчениями.

В.В. Трепавлов также отмечает, что хафизы / абызы кроме духовных обязанностей выполняли и чисто светские функции, связанные с управлением, дипломатией и т.д. Даже власти русских обращались к ним для разрешения имущественных и правовых вопросов среди подданных татар. Царевичи Али и Канай послали в Москву бить челом государю «из Чат человека своего Безелека абыза». В 1601 г. царевич Хаджим отправил к башкирам собирать «одежи и кормы» своего аталыка Хаджимберди («Козембердея») и хафиза Алибая. Тогда же от Хаджима и Каная ездил для переговоров в Тюмень хафиз Менглибай [Трепавлов, 2012, с. 133].

Помимо них, выделяется категория служилой знати, которая, скорее всего, могла обозначаться понятием «ички», то есть находившиеся при хане доверенные лица, имевшие право входить к нему и руководившие жизнью ставки и двора [МИКХ, 1969, с.493]. Таковых в перечнях соратников Абулхайра известно четверо (Ходжа-Амин-ички-мангыт, Сафар-Ходжа-ички, Йа'куб-ходжа-ички, Йусуф-Ходжа-ички украш-найман). Причем все они имеют почетную приставку «ходжа» и упоминаются только в процедуре возведения Абулхайра на престол, в дальнейших военных действиях участия не принимают. К привилегированной страте относились также и служилые люди при ханских дворах. Слой служилых татар не был многочисленным. Так, например, у правителя Тюменского ханства хана Ибрагима (Ибака) во время похода 1481 г. против Большой Орды, насчитывалось только 1000 человек собственных казаков. Думается, что и для периода Сибирского ханства это было характерно. Данное положение остается на уровне предположения, т.к. точных данных об общей численности татарского населения в период Сибирского ханства нет. Среди служилых татар назывались известные послы периода переговоров с московским царем: Таимас, Чибигень, Ташкин и др.

Как и в других татарских государствах, в Тюменском и Сибирском ханствах существовал институт тарханства. В тюрко-монгольских государствах тарханами обычно назывались лица, обладавшие определенным личным иммунитетом, а также рядом привилегий [Степанов, 1966, с. 95–96]. Термин был достаточно распространен на территории Сибирского юрта и свидетельствует о существовании в государстве особых привилегированных людей «тарханов». Категория тарханов упоминается и в дастане «Ильдан и

Гольдан»: «Иртешак убил поставивших Чангы бия тарханов и снова стал ханом в Кызыл Торе» [Илдан и Голдан, 2002, с. 29]. До настоящего времени в топонимике сибирских татар сохранились названия Тархан-кала, д. Тарханы и др. По мнению С.В. Бахрушина, сибирско-татарское служилое сословие произошло от феодалов-«тарханов» [Бахрушин, 1955в, с. 163]. Существовала даже особая Тарханская волость. «Тарханские остяки уверяют, что их родоначальники произошли от татар. Их предки живут в Тобольске, один из них был в этих краях тарханом» [Атласи, 2005, с. 67]. В определенной степени можно говорить о том, что прежние тарханские привилегии сохранялись и при власти русских.

Е.П. Мартынова отмечает существование в пределах Сибирского ханства так называемых «кыштымных» и «тарханых» отношений между правителями и подчиненными. Причем «кыштымы» находились в полном подчинении хана, «тарханы» же не обязаны были платить дань господину, но, в случае необходимости, должны были принимать участие в его походах. Что касается его людей, то, наравне с прочими, они должны были платить государю этой страны дань, хотя и более легкую. Скорее всего, как замечает Е.П. Мартынова, название хантгыйской Тарханской волости свидетельствует о существовании такого рода «тарханых» отношений между татарским ханом и остяцкими князьками и указывает на северную границу распространения военно-политического влияния Сибирского ханства [Миллер, 2005 а, с.241; Мартынова, 1998, с. 94].

Основную часть подвластного населения западносибирских ханств составляли ясачники – «кара халык», обязанные уплачивать дань государю.

В сибирско-татарском дастане «Илдан и Гольдан» описываются события, связанные с приходом на Сибирские земли (Силан) хана Ишима. Прогнав с берегов реки Сурай (Иртыш) «магулов», он построил здесь город Ишим. В дастане рассказывается о жестоком обращении с «черным» населением – «каралар», занявшего ханский престол после Ишим-хана его сына Ансама (вероятно, Онсом хан в «Сибирских летописях»). Очень многие из ясачных людей – «кара-халык», – не выдержав поборов Ансам хана, бежали в леса [Илдан и Голдан, 2002, с. 17].

«Охотимся на лосей, ловим рыбу
Не хватает на еду, не видим сытости,
Уходит все во дворец.

В год 10 раз платим большую дань,
И хоть берет большую дань, забирает все
пойманное нами,

но не насытится Ансам хан...» [Илдан и Голдан, 2002, с. 17].

Ясачное население, видимо, было организовано по волостям с особой системой управления. Однако известно, что сибирские татары жили не только «по волостям», но и «по улусам». Еще С.В. Бахрушин писал о том, что в Сибири для обложения местного населения ясаком русские воспользовались теми административными единицами, которые существовали до ее присоединения. «В ясачных волостях Тобольского и близлежащих уездов легко угадать «агарянские веси», входившие в состав прежнего Кучумова царства, а ближайшими агентами при сборе ясака явились те князья и старшины, отцы и деды которых служили Кучуму» [Бахрушин, 1955б, с. 52]. По всей вероятности, многие из прежних улусов также были преобразованы в волости. Как совершенно верно определяет С.В. Бахрушин, татарские волости бывшего Сибирского ханства и полунезависимые татарские княжества вошли в состав новых уездов в качестве ясачных волостей [Бахрушин, 1955б, с. 53].

Территория обитания тобольских, тюменских и тарских татар, вошедших в состав служилого сословия, в XVII в. первоначально не входила в пределы волостных образований. По всей вероятности, на определенной территории Сибирского ханства существовала улусная организация, аналогичная административно-территориальной системе, существовавшей в кочевнических обществах. Л.И. Шерстова определяет, что в «основе социальной структуры кыргызского общества было понятие «улус», т.е. держание, состоящее из зависимых людей, владение податными людьми, и лишь затем и вкпе с ними – территорией, на которой те в каждый данный момент обитают» [Шерстова, 2005, с. 27]. На наш взгляд, вполне правомерно связывать социальную структуру и часть сибирских татар, а именно служилых, с подобной организацией.

Известно, что первоначальная территория расселения тюменских служилых татар находилась по р. Тоболу «от устья Исети до устья Иски». Тобольские служилые татары занимали территорию вокруг Искера, в основном выше по Иртышу. Тарские служилые татары проживали по Иртышу вверх и вниз от города Тары. Томские служилые татары (эуштинцы) были расселены в селениях в низовьях Томи. Подобное расселение служилых татар,

за незначительными изменениями, сохраняется на протяжении всего последующего периода существования данной этносословной группы. Ареалом сосредоточения служилых татар в течение XVII–XIX вв., уже в составе Российского государства, оставались районы вокруг Тобольска (Искера), Тюмени (Чимги-Туры) и Тары (Ялы).

Территория расселения тобольских, тюменских и тарских служилых татар располагалась в треугольнике между реками Тоболом, Иртышом и Ишимом. Самой северной точкой этого треугольника был Тобольск (Искер). По всей видимости, в зоне влияния служилых татар тобольской группы находились северные татарские волости: Наддинская, Аремзянская, Карбинская, Ясколбинская и др., а также северные вогульские и остяцкие княжества.

Влияние тюменских служилых татар, скорее всего, распространялось на территорию Верхотурья, западные и юго-западные волости. Тарские служилые татары, вероятно, держали под контролем восточные и юго-восточные волости (Кулебинскую, Тунусскую, Барабинскую, Чойскую, Любейскую и др.).

В связи с этим вполне логично связать происхождение названия города Тюмень, которое в одном из вариантов переводится как «десять тысяч», именно с административно-территориальным делением на тысячи. В Верхотурском уезде, по данным С.В. Бахрушина, в основу деления на волости легли сотни и десятки, «на которые делилось покоренное татарами население бассейна Туры и Чусовой» [Бахрушин, 1955 б, с. 54]. Подобное деление существовало и в Кунгурском уезде. В Пельымском княжестве, подвергшемся сильному татарскому влиянию, сотни упоминаются в XV в. и позднее, уже под властью русских. Согласно Ремезовской летописи, звание «сотника» существовало и в Колпуховской волости. Деление на сотни в Верхотурском уезде, как считает С.В. Бахрушин, сохранилось с того времени, когда татары и пельымские «вогуличи» подчинили население, жившее на Туре и далее за Уралом, по Сылве. Звания «десятника» и «сотника», безусловно, являются реликтами во-

енно-административной системы Сибирского ханства. Так, в 1816 г. в Уватской, Коурдатской, Салинской и Супринской волостях Тобольского округа во главе всех юрт находилисьдесятники. В Тарском округе в Аялынской волости во главе деревень Устарской, Чиплярово, Инцисс, Бергамак, Черталы, Ельменева, Сеитова, Ашинской, Туралинской, Кузенева, Суюнчинской, Апталова, Ковинской и Уйской были выборные. Сотники были в Усть-Ишимском острожке, в деревнях Ильчибагиной, Ашеванской. Остальные селения Тарского округа возглавлялидесятники [Бакиева, 2003, с. 83]. По нашим этнографическим сборам, свидетельства о существовании в татарских селениях должностей десятника, старосты сохранились в исторической памяти населения Тобольского, Вагайского, Тарского районов вплоть до конца XX в. [ПМА, 1987–1990]. В обязанности десятников входил своевременный сбор ясака, а позже податей в сельской общине. Кроме того, они наделялись полицейскими полномочиями [Бакиева, 2003, с. 83–84].

Имеются сведения о том, что еще в XVIII в. сохраняется звание «ясаулов». Например, во главе татарских волостей в 1726 г. Тюменского округа стояли «ясаулы» Кучук Кырнав, Тогильды Куртбаков, Инестезяр Уртяков, а в Иленской волости – Окун Ишбулин. В 1782 г. в Тарском уезде во главе четырех волостей были «князцы»: в Коурдакской, Саргацкой, Тавско-Отузской и Аялынской. Во главе Подгородной и Остяцкой волостей в этот период стояли старшины. «Ясаулы» занимались непосредственным сбором ясака в селениях волости и находились в подчинении старшины.

Таким образом, аппарат управления и социальная организация Тюменского и Сибирского ханств были схожими с другими такими же органами татарских государств. Деление территории государства на улусы, которые в свою очередь, делились на тысячи, а те на сотни и десятки, имело происхождение от структуры Золотой Орды, которую унаследовали татарские ханства.

4. ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА И ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ

4.1. СИБИРЬ И ПОВОЛЖЬЕ

Многообразные связи между тюрко-угорским населением Поволжья и Западной Сибири существовали, по меньшей мере, с периода Волжской Булгарии (X–XIII вв.) [Белавин, 2000, с.162–178; История и культура, 2014, с. 85–95], получив новый импульс в рамках Улуса Джучи (XIII–XIV вв.), не в последнюю очередь потому, что из-за активного участия Шибана в «западном походе» 1236–1242 гг., включившего и завоевание болгарских земель, он, по всей видимости, приобрел права на часть территории Булгарского вилайета, а также на Южное и Среднее Приуралья [Исхаков, 2006, с.100–114; Исхаков, 2013; Исхаков, Тычинских, 2013, с.128–145]. О существовании контактов между «татарами» Приуралья – «Баскардии» и «страны Сибур» (Sibur) в первые десятилетия XIV в. свидетельствует письмо брата Иоганки из ордена миноритов от 1320 г., писавшего, что во время его нахождения в «Баскардии» туда прибыл посол от «татарского судьи» из «страны Сибур» к аналогичному судье «баскардов» [Аннинский, 1940, с.93]. Между тем не названный по имени «государь Баскардии» к тому времени, как отмечает Иоганка, уже «совершенно зараженный сарацинским заблуждением» и имевший в своем окружении «сарацинских ученых», вполне мог быть одним из Шибанидов.

О торгово-экономических связях Поволжья, в особенности Булгарского вилайета Улуса Джучи с населением Западной Сибири в первой половине XIV в., говорят данные ал-Омари, указавшего, что «купцы Булгарские ездят до Чульмана, а купцы Чульмана ездят до земель Югорских», с уточнением: «Сибирь и Ибирь» или «страны Сибирские и Чульменские... прилегают к Башгирдам», а путь купцов от «Булгара» вначале идет к городу Акикуль, затем – в «Сибирь и Ибирь» (видимо, восточный маршрут) или в «земли Чульмана» (северо-восточный путь) [Золотая Орда, 2003, с. 108]. Этот весьма старый торговый маршрут из Поволжья в Сибирь в XII в. отмечал и ал-Гарнати [Путешествие, 1971, с.32–34], единственно у него вместо «земли Чульман» по ал-Омари, значилась «область Вису», что и является Средним Приуральем (детальнее см.: [Белавин, 2000, с.32–33]).

Кроме того, если не считать довольно смутного сообщения Продолжателя Утемиша-хаджи о нахождении племени найман, ранее пребывавшего к западу от р. Волги, в бассейне Иртыша – в «Тайбугинном юрте», что могло случиться не ранее эпохи «великой зямтани» в Золотой Орде и что говорит об уходе этого клана, возможно после убийства золотоордынского хана Хызыра, являвшегося Шибанидом, из Поволжья в Западную Сибирь [Исхаков, 2009, с.38–39], мы не имеем до начала XV в. других прямых сведений относительно контактов тюрко-тагарского населения двух этих регионов. Но уже в 1405/1406 г. Едигей, контролировавший левое крыло Золотой Орды и до своей кончины в 1420 г. бывший фактическим правителем этого государства, совместно с султаном Чекре совершил поход в «страну Сибирь» [Шильтбергер, 1984. С. 35]; не исключено, что он преследовал бежавшего в район «Тулина» (скорее всего, г. Тюмени, т.е. Чимги-Туры) хана Токтамыша. Но в условиях, когда в сибирских владениях Шибанидов исламизация еще была далека от завершения, этот поход мог иметь и дополнительную легитимацию как «борьба за веру», особенно если учесть, что род Едигея находился в родстве с золотоордынскими сейидами [Исхаков, 2011, с.139–140]. На подобное заключение наталкивает высказывание Руи Гонсалеса де Клавихо, между 1403–1406 гг. совершившего поездку в Самарканд. Он отмечал: «...Едигей обращал и обращает татар в магометанскую веру, еще недавно они ни во что не верили, пока не приняли веру Магомета» [де Клавихо, 1994, с.144]. Так как Едигей и его племя мангыт вряд ли можно отнести к тем, кто к началу XV в. могли считаться принявшими ислам «недавно», в сообщении де Клавихо, скорее всего, речь идет о сибирских татарах, что позволяет предположить о начале в первых десятилетиях XV в. нового направления влияния, на этот раз связанного с распространением ислама, золотоордынских групп из Поволжья на этнически не вполне однородное население Западной Сибири.

Применительно к первой половине XV в. о политических контактах Булгарского вилайета и Шибанидов можно говорить более

уверенно (историографию см.: [Валиди Тоган, 2010, с.39–41; Исаков, 2006, с.100–114; Мустакимов, 2009а, с.185–189; Маслюженко, 2011 а, с.88–101]). Но из-за ограниченности круга источников, позволяющих осветить этот вопрос, некоторые аспекты данной проблемы нуждаются в пересмотре, прежде всего в связи с ссылками на работу А.-З. Валиди Тогана, по нашему мнению, допустившего отдельные внешнеисточниковые высказывания, позже повторенные некоторыми исследователями. Речь идет о том, что А.-З. Валиди Тоган, зависевший от продолжателя Утемиша-хаджи (начало XVII в.) (об этом источнике см.: [Миргалеев, 2011, с.14–20]) и Абд ал-Гаффара Кырыми (XVIII в.), высказал следующее мнение: Шибаниды Илбек (Илбэк) и его сын Каанбай «правили на башкирской стороне», а другой сын Илбека по имени Алибай был ханом «на стороне Булгара и Казани», причем сын Каанбая Махмудек-Ходжа и его дядя по отцу Гали, а также сын последнего – Хаджи-Мухаммад, «были ханами туринских и башкирских земель» [Валиди Тоган, 2010, с.39]. Согласно этому историку получается, что до прихода в Среднее Поволжье Улуг-Мухаммада, в Булгарском / Казанском княжестве, а также в Приуральско-Западно-Сибирском регионе (вопрос о территории «вилаята Тура» трактуется неоднозначно), правила Шибаниды, причем находившиеся между собой в близком родстве. На самом деле этот вывод следует проанализировать заново, опираясь на источники А.-З. Валиди Тогана, после двух публикаций ставших более доступными [Миргалеев, 2014, с.64-66; Кырыми, 2014].

Обнаружилось, что у продолжателя Утемиша-хаджи говорится лишь о том, что Хаджи-Мухаммад б. Гали «контролировал» [целиком] Башкурт, Алатырь, Мохшы и захватил находившийся в стороне Шехр-и Болгара знаменитую названием Шехр-и Тура территорию мангытов» [Миргалеев, 2014, с.65]. Но о том, где правили Илбек и его сын Каанбай прямых указаний в этом источнике нет. Более того, про последнего там сказано, что он являлся ханом «внутри своего зяля», а данный зль в источнике именуется как «Кукедей Йасбуга» [Продолжатель, в печати, с.45]. Это административно-территориальное образование известно также из «Чингиз-наме» Утемиша-хаджи. Там оно, скорее, выступает как местность, ибо в источнике сказано: Тохтамыш-оглан.. бежал и ушел на Кбкедай-Йисбуга.... В то время на Кбкедее летоовал, став ханом внутри своего зяля, [один] из внуков Шайбан-хана Кан-бай, сын Илфак-

хана» [Утемиш-хаджи, 1992, с.117]. Что касается Махмудек ходжи б. Каанбека, то он у продолжателя Утемиш-хаджи, скорее всего, связывается с «вилайетом Тура» [Продолжатель, в печати, с. 47]. Наконец, в рассматриваемом источнике есть сообщение о том, что Улуг-Мухаммад «стал ханом, забрав хитростью Казанский вилает у Асбая Алтын бая» [Продолжатель, в печати, с. 70], но нет ничего о родственных отношениях последнего с линией Каанбая б. Ильбека. У Кырыми местом правления Канбая б. Илгана (Ил-хана?) также указана территория под названием «Кукадай Йасбуга», но она признается отдельным юртом, где тот и являлся ханом [Кырыми, 2014, с.86, 90]. Новый в этом источнике – известие о приходе Улуг-Мухаммада в Среднее Поволжье. В нем сказано: «[Улуг-Мухаммед] хитростью забрал Казань у Алтунай султана из рода Шибана» [Кырыми, 2014, с.86, 90]. Видимо у продолжателя Утемиша-хаджи слово «Асбай» также означало «Шибана», но было искажено, а вот титул «султан» у рассматриваемой личности присутствует только у Кырыми, как и однозначное указание на то, что он являлся Шибанидом, да и его имя написано у него несколько иначе. [Улуг-Мухаммед] информации в рассмотренных выше источниках нет, что позволяет поставить под сомнение несколько заключений А.-З. Валиди Тогана.

Во-первых, это его вывод относительно правления Илбака и его сына Каанбая (Канбая) «на башкирской стороне». Как было уже отмечено, Канбай б. Илбек ханствовал где-то на территории юрта «Кбкедай Йасбуга», локализация которого остается неизвестной, но скорее всего, это не Приуралье (разбор проблемы см.: [Мустакимов, 2011, с.242]). Во-вторых, Алибай (Алтын бай/ Алтунай) хотя и правил в Булгарском /Казанском вилаете, его родство с Илбеком по вышеназванным источникам не просматривается, поэтому единственное, в чем мы можем быть уверены, это в принадлежности султана Алибая/Алтуная к Шибанидам. Но даже фиксация этого факта, впервые обозначенная И.А. Мустакимовым [Мустакимов, 2009 а, с.186], важна, так как к изучению проблемы поволжско-сибирских контактов в первой половине XV в. она позволяет привлечь новые источники поволжско-татарского происхождения (детальнее о них см.: [Мустакимов, 2009 а, с.185–189]).

Общий вывод И.А. Мустакимова, исследовавшего их, такой: один из двух «сыновей» (по татарской традиции это были «Галим-бек» и «Алтун-бек») легендарного правителя «Бул-

гара», т.е. Булгарского вилайета, периода нашествия Тимура в Поволжье – «хана Габдуллы» (специально о нем см.: [Исхаков, 2013, с.19–26]), на самом деле являлся султаном – Шибанидом [Мустакимов, 2009 а, с. 186]. В данном случае показательно то, что существует и версия поволжско-татарских хроник, рассказывающая о приходе эмира Тимура в Поволжье и уводе при этом названных выше двоих «сыновей» хана Габдуллы в Иске Казань для их спасения, содержащая однако следующее примечание: «... [Алим бек]... не возлюбив Казань ушел (речь идет о периоде после переселения из Булгара в Старую Казань – Д.И.) в Тобол Туру. Старая Тобол Тура построена им. Придя туда держал [там] юрт» [Рахим, 2004, с.579]. К сожалению, судя по тексту хроники, в этом месте источника есть какая-то перебивка текста, возможно, в нем пропущено предложение. Поэтому вовсе не исключено, что уход в «Старую Тобол Туру», под которой явно имеется в виду Искер, относился к Шибаниду Алтун-беку (Алтынбаю/Алтунау), а не к Галим (Алим)-беку, оставшемуся в Казанском княжестве (он, по некоторым русским летописям, известен как «вотчик Казанский Либей» вплоть до его убийства сыном Улуг-Мухаммада Махмутеком в 1445 г.–см.: [Исхаков, 2013, с.19–20]). К этому следует также добавить, что в некоторых версиях поволжско-татарских легенд есть стремление увязывать хана Габдуллу с потомством Джучи, в том числе и с Шибаном [Кавелин, 1847, с.57], что вряд ли случайно [про самого Габдуллу см.: Исхаков, 2006 б, с. 151–159; Исхаков, 2009 в, с.123–138]]. К тому же о присутствии Шибанидов в Булгарском/Казанской вилайете в конце 1420-х годов свидетельствует и сообщение, содержащееся в ряде русских летописей и рассказывающее о походе войск Казанского княжества в 1429 г. на города Галич и Кострому, когда в составе этих войск упоминается князь Али-Баба, которого можно отождествить с «казанским вотчиком» Ли (Гали/Галим)-беем, вместе с которым находился и не названный по имени «царевич», т.е. султан, которого, как было установлено нами, звали Махмуд-ходжа (о нем более подробно см.: [Исхаков, 2009, с.128]). Д.Н. Масложенко предполагает, что это был Шибанид Махмуд-ходжа б. Каганбек (Канбай) б. Илбек (Айбек/Ильфак) [Масложенко, 2011а, с.98; Масложенко, 2012, с.82], с чем можно согласиться, но с одним исключением – родство Махмуда-ходжи и Алибая, на которое со ссылкой на А.-З. Валиди Тогана указывает этот историк [Масложенко, 2011а, с.98], по источникам не устанавливает-

ся. В связи с упоминанием султана Махмуда-ходжи в составе войск Казанского вилайета в 1429 г., можно предположить, что он присутствовал в этом владении как представитель центрального владения Шибанидов или какого-то их юрта.

Кроме названного известия продолжателя Утемиша-хаджи о подчиненности Среднего Поволжья Хаджи-Мухаммаду б. Али (умер, скорее всего в 1426/1427 г.), в восточных источниках (в «Таварих-и гузидэ Нусрат-намэ», «Абдулла-намэ», «Бахр-ал-асрар») есть указание на подчиненность «Булгара» также хану Абулхайру [Ахмедов, 1965, с.71, 94], что могло случиться после того, как в 1429 г. Шибанид Абулхайр в Чимги-Туре был провозглашен ханом и получил поддержку Тайбугидов, а упомянутый выше Махмуд-ходжа был побежден весной 1430 г. на берегах р. Тобол этим ханом, взят им в плен и убит [Ахмедов, 1965, с.48]. Очевидно, после этого события и до перехода Казанского вилайета под власть Улуг-Мухаммада и его сына Махмудека в 1445 г. или несколько раньше, территория Среднего Поволжья подчинялась государству кочевых узбеков во главе с лидером Шибанидов ханом Абулхайром.

Несмотря на то что переход власти в Казанском ханстве в 1445 г. к Тука-Тимуридам, сопровождавшийся убийством Галим-бека, являвшегося Казанском (Булгарским) князем, представителем клана кыйат (обоснование см.: [Исхаков, 2013, с.35]), скорее всего прервал прежние отношения этой политики с объединенными в единое государство ханом Абулхайром владениями Шибанидов, притязания последних на Среднее Поволжье сохранилось, что стало ясно в период правления тюменского хана Ибрахима (Ивака).

В литературе уже высказывалось мнение о том, что тюменский хан Ибрахим на некоторое время – в конце 1470-х или в начале 1480-х годов, смог захватить власть в Казанском ханстве [Ахмедов, 1965. С. 61]. Из работы Б.А. Ахмедова однако, не видно, на основе каких источников он пришел к такому выводу. По-видимому, это было сделано на основе указания в «Сибирских летописях» на хана «Упака», т.е. Ибрахима / Ивака, как о «казанском хане» [ПСРЛ, 1987, с. 38, 47, 128, 236, 303–304, 357]. В связи с тем что «Сибирские летописи» – источник поздний, вывод Б.А. Ахмедова остается под вопросом. Но не исключено, что он мог опираться и на какой-то восточный источник. Дело в том, что у продолжателя Утемиша-хаджи также есть фраза:

«... из рода Бек Конды Айбак хан, который был знаменитым ханом и правил, объединив страны Кыркыз и Казань» [Миргалиев, 2014, с.64–65]. Конечно, можно было бы подумать, что данная фраза отражает политическую активность указанного Шибанида в Поволжье между 1471–1493 гг., в результате которой он вначале в союзе с ногайцами в 1481 г. разгромил Большую Орду, а к 1493 г. и вовсе «взял Санский стул» (тронное место в г. Сарай-см.: [Исхаков, 2014, с.175–190]), когда оказался «на отповом юрте», находившемся «на Волге» [Посольские, 1995, с.44, 46; Памятники, 1884, с.168]. Но в реальности все могло обстоять так, как сказано у продолжателя Утемиша-хаджи и в «Сибирских летописях», т.е. Ибрахиму удалось подчинить на некоторое время Казанское ханство. Точная дата этого события пока не может быть определена из-за состояния источников. Тем не менее более вероятным представляется период между 1481–1493 гг., когда Ибрахиму удалось достичь максимальных успехов в Поволжье. Но речь должна идти не о непосредственном занятии Ибрахимом казанского трона – он оставался «царем Шибанским» [ПСРЛ, 1982, с.95] или «царем Нагайским» [ПСРЛ, 1901, с.203; ПСРЛ, 2004, с.328], имея столицу в Чимгитуре (Тюмени), куда он, например, после разгрома Большой Орды в 1481 г. переехал «ордобазар» данного юрта, а о том, что Казанское ханство, где продолжали править потомки Улуг-Мухаммада, попало в какую-то зависимость от усиливавшегося после смерти в 1468/1469 г. хана Абулхайра тюменского хана, одержавшего победу также над его сыном и наследником Шах-Хайдаром, убитом лично им в 1469 г. О том, что у правителя Тюменского ханства Ибрахима существовали не вполне ясные связи с Казанским ханством, свидетельствуют два факта. Во-первых, после того как в 1487 г. при поддержке войск Ивана III на казанский престол был посажен Мухаммад-Амин, а его старший брат Ильхам (Алегам), занимавший этот трон после смерти своего отца Ибрахима, был уведен со своей семьей в Москву, Ибрахим-хан предлагал в своем послании от 1489 г. к московскому великому князю отпустить бывшего казанского хана к нему или восстановить его на казанском престоле [Посольские, 1995, с.19, 21]. Во-вторых, целая группа «Алегамовых людей царевых» (князь Алказый, сейиды Тевеккель и Касим, князь Бегиш со своим сыном Утешом и «иные их товарищи») в ходе русского похода на Казань в 1487 г. ушла вначале за р. Каму («в поле»), за-

тем оказалась в Ногайской Орде, а некоторые из них пришли к «Ибраиму царю в Тюмень» [Памятники, 1884, с.94; Посольские, 1995, с.18, 21–22, 24–26]. Этот поход мог быть связан с проногайско-шибанидской ориентацией казанского хана Ильгاما, недаром в ответном послании Ивана III тюменскому хану (1489 г.), про хана Ильгاما сказано, что он «на чем нам молвил и как с нами в грамотах записал, в том ни в чем не стоял, а нам не правил» [Посольские книги, 1995. С. 21]. Видимо, казанский хан «правил» Шибаниду Ибрахиму, за что тот и проявлял заботу о его освобождении. Когда переговоры с Москвой не увенчались успехом, Тюменское ханство в союзе с ногайцами стало вести военные действия против Мухаммада-Амина, который в письме к крымскому хану Менгли-Гирею в 1491 г. жаловался: «Ивак, да Мамук (брат первого – Д.И.), да Муса, да Ямгурчей (т.е. ногайцы – Д.И.) еже лет на меня войною приходят» [Малиновский, ф. 36, Оп.1, ед. хр. 83, л. 223]. Активные действия этой группы против Казани в конце 1480–начале 1490-х годов были явно связаны с нахождением у этой коалиции казанских эмигрантов весьма знатного происхождения [Исхаков, 2006, с.30–32]. Эти действия шибанидско-ногайской коалиции закончились тем, что в 1496 г. после смерти своего брата Ибрахима (был убит между 1493–1495 гг.) успевший занять тюменский престол хан Мамук захватил Казань, причем, когда он в мае пришел «со многую силою Нагайскою и со князи Казанскими под Казань» [ПСРЛ, 1901, с.243], «Казанские князья», т.е. карача-беки, «чинили измену» [ПСРЛ, 1901, с.242–243] в пользу Мамука, а когда Мухаммад-Амин послал за помощью в Москву, эти князья «выбегоша из Казани к царю Мамуку», однако тот, услышав о приближении московских войск, ушел из-под города, вместе с ним отошли и «Казанские князья», часть из которых явно были мангытами [Исхаков, 2006, с. 32–33]. Но узнав, что русские войска ушли, ибо в Казани «измена бысть... и вести к Мамуку ис Казани присылаху», Мамук «со многую силою Нагайскою и со князи Казанскими...», приступил ко граду... и взял Казань» [ПСРЛ, 1901, с.242–243]. Но хан Мамук на Казанском престоле закрепиться не смог, из-за противоречий с «Казанскими князьями» ему вскоре пришлось покинуть Казань, а на обратном пути он умер. При уходе хана Мамука или несколько позже к Шибанидам ушли и некоторые знатные казанские татары, в частности, князь Урак, бывший беклярибеком [ПСРЛ, 1901, с.77]. По сообще-

нию казанского хана Абдул-Латыйфа, в 1499 г. брат Мамука султан Агалак, наступавший при участии ногайских отрядов на Казань, с собой имел и князя Урака [ПСРЛ, 1901, с.250].

Указанные выше походы тюменских татар в Поволжье во второй половине XV в. не остались без последствий – часть их осела в Приуралье, некоторые даже в Среднем Поволжье [Исхаков, 2006, с.39–41]. Очевидно, и выходы из Казанского ханства могли остаться в Тюменском ханстве, ибо в исторических преданиях сибирских татар речь идет о нахождении в окружении «царя Упака», т.е. хана Ибрахима, «многих казанских татар» [Миллер, 1999, с.190]. В этот же период существовали и активные торговые связи казанских татар с тюменскими. В частности, в русских летописях под 1475 г. есть такое сообщение: «Татарове Казаньстии побили Устюжан в Каме, 40 человек, идучи к Тюмени к торгю» [ПСРЛ, 1901, с.158]. А в 1481 г. уже устюжане, воевавшие под Чердынем, «на Каму шедши, да встретили гостей и тюменских татар», которых они ограбили и «посекли» [Вычегодско-Вымская, 1958, с.263; ПСРЛ, 1982, с.95].

Контакты между Волго-Уральским регионом и Западной Сибирью продолжались и в XVI в. Для периода, начавшегося со времени ухода хана Мамука с территории Казанского ханства, и нового, не увенчавшегося успехом наступления его брата султана Агалака на этот юрт, было характерно отсутствие сколько-нибудь выраженных данных о действиях Шибанидов в районах своих прежних политических интересов в Волго-Уральском регионе. Правда, в Патриаршей (Никоновской) летописи 1500 г. датировано сообщение о приходе «нагайских татар» под «Казань-город» с большими силами и стоянии их там в течение трех недель [ПСРЛ, 1901, с.253], но мы не знаем, участвовали ли в этом походе Шибаниды. Затем, в 1505 г. (1506) г. последовало наступление на Пермь Великую рати «ис Тюмени Кулук салтана Иванова царева сына с братьею и з детьми» [ПСРЛ, 1982, с.99; Вычегодско-Вымская, 1958, с.264], не затрагивавшего, однако, основную территорию Казанского ханства, хотя преследовавшие тюменские войска русские отряды нагнали их на р. Сылве, где проходила восточная граница Казанского юрта [Исхаков, 1990, pp.386–391]. Около 1508 г. в Москву поступило обращение одного из Шибанидов Ак-Ккурта б. Сайидека (тюменского хана Агалака он справедливо именовал дядей), в котором содержалось пожелание, чтобы ему московская сторона предоставила

во владение «Мешерский городок», т.е. Касимовское ханство, или Казанское ханство [Посольские, 1995, с.72–73, 77], что свидетельствует о том, что старые устремления Шибанидов в Поволжье угасли не совсем. Но Москва этому Шибаниду дала вежливый отказ и после него следы каких-либо контактов тюменских Шибанидов с Казанским ханством в источниках надолго теряются. Возможно, это было связано с массовым уходом около 1511 г. Шибанидов в Среднюю Азию [Кляшторный, Султанов, 2000, с.210–211]. Не случайно, что сыновья Ибрахима Сары-султан и Муртаза-султан (отец Кучума), согласно продолжателю Утемиша-хаджи, отмечаются как личности, «подчинившие весь Мавераннахр», где Муртаза в местности «Ингряк и Сувняк Дарйа-и Тур», в «юртах Элифа», стал ханом [Миргалеев, 2014, с.64–65]. По всей видимости, тюменские Шибаниды, участвовавшие в общем деле по завоеванию Средней Азии, на довольно продолжительное время потеряли интерес к контактам с поволжскими юртами. Это, однако, не означает, что бывшие связи оказались прерванными полностью. О том, что некие связующие нити между тюменскими Шибанидами или Искерским княжеством Тайбугидов, и Казанским ханством в первой половине XVI в. продолжали сохраняться, может свидетельствовать указание «Казанского летописца», в котором есть сообщение о том, что после смерти казанского хана Сафа-Гирея, последовавшей в 1549 г., одна из его жен – «большая», т.е., видимо, старшая, по воле этого хана, выраженной ранее, «поиде в Сибирь, ко отцу своему Сиберскому царю» [ПСРЛ, 2000, с.56]. Обративший внимание на это известие В.В. Трепавлов сделал предположение, что этим царственным отцом данной царевны мог быть отец Кучума Муртаза [Трепавлов, 2009, с.386], что допустимо, даже если этот хан находился не в г. Чимги-Туре, а где-то на юге. Но следует иметь в виду, что это мог быть и кто-то другой из Чингисидов, находившийся при правящих Тайбугидских беках из Искерского княжества в качестве номинального хана. Однако, если исходить из предположения В.В. Трепавлова, высказавшего гипотезу [Трепавлов, 2007, с.101–102] о том, что Сибирские князья Тайбугиды, не поладившие с Шибанидами, приблизительно в конце XV в. стали вассалами казанских ханов (главным его аргументом в пользу данной точки зрения являлось практически одновременное с башкирскими биями обращение в 1555 г. Сибирского князя Едигера с просьбой принять его

юрт в московское подданство [Памятники, 1884, с.479–480]), то речь все-таки надо вести о контактах казанских ханов с тюменскими Шибанидами, сохранившими свой титул «сибирских царей», даже находясь в Средней Азии. Поэтому можно полагать, что вплоть до падения Казанского ханства определенные отношения между этим владением и сибирскими юртами продолжали сохраняться.

Есть основания полагать, что и при хане Кучуме, находившемся, по мнению автора, под верховным сюзеренитетом бухарских Шибанидов [Исхаков, 2006, с.65], какие-то связи между Сибирским ханством и татарами Волго-Уральского региона продолжали существовать, о чем, по нашему мнению, свидетельствует одно сообщение из «Ремезовской летописи». В ней речь идет о том, что «во второе лето [правления] ехав Кучюмь в Казань и дочь Казанского царя Мурата взять в жены и с нею многих Чювашь и абызь и русского полону людей, приехав на Сибирку пребываше славно» [Сибирские летописи, 2008, с.319–320]. Разбиравший это известие Г.Ф. Миллер в свое время уже отмечал, что оно является сомнительным, ибо во время правления хана Кучума в Сибири Казанского ханства уже не существовало. Поэтому он сделал допущение, что упомянутый Мурат, чью дочь Кучум-хан взял в жены, «был татарским мурзой», принадлежавшем «прежде к Казанскому царству и после завоевания его ... предьявлял еще на это царство свои притязания» [Миллер, 1999, с.193]. Под сомнение он поставил и приведение ханом Кучумом «из Казани» духовенства [Миллер, 1999, с.195].

Действительно, в приведенном выше сообщении (оно повторяется и в некоторых других сибирских летописях), скорее всего, отражающем исторические предания сибирских татар, элемент анахронизма есть и, в первую очередь, хронологического порядка. Однако это известие содержит определенное историческое ядро, подкрепляемое другой информацией из «Ремезовской летописи». Дело в том, что при описании битвы под «Чювашской градом», стоявшем на одноименной горе, в ханских войсках упоминаются 2 пушки, находившиеся у «чювашь» (это была реальная этническая группа, ибо в тексте данной летописи у Кучума упоминается «русского полону» «чювашенин», а в «Краткой Сибирской (Кунгурской) летописи» «чюваши» отмечены в составе войск хана [Сибирские летописи, 2008, с.334, 414]), сосредоточенных у «большого князя» хана Кучума Бегиша и, что са-

мое важное, они были «привезены из Казани» [Сибирские летописи, 2008, с.341]. А так как «чувашами» в русских источниках XVI–первой половины XVII вв. именовали не только этнические чувашей, но и ясачную страту казанских татар [Исхаков, 2012, 442–448], приведенные выше данные приобретают определенную историчность. Прежде всего, надо иметь в виду, что Кучум, окончательно закрепившийся в Сибирском ханстве в 1563 г., действия против Тайбугида Едигера-князя начал еще в 1556–1557 гг. [Исхаков, 2006, с.38], т.е. к тому времени он уже был вполне в дееспособном возрасте. Поэтому не исключено, что он женился на представительнице дома казанских ханов (но, скорее, не на дочери хана, если конечно бежавшие в 1552 г. из Казани знатные татары в эмиграции какого-то Чингиса не подняли на трон) еще будучи султаном. Кроме того, следует принять во внимание, что Кучум захватил сибирский престол, появившись откуда-то «ис Казачьи Орды» [ПСРЛ, 1987, с.48], между тем после падения Казани часть татар ушла с территории ханства именно в направлении Казахстана и Средней Азии. Во-первых, об этом сообщается в одной из татарских хроник, в которых сказано: «чтобы спастись от рук русских, разбежались в разные стороны... многие переселились на р. Джим и на Куан. Смешались с киргизами» (видимо, казаками – Д.И.) [Из татарской летописи, 1937, с.123]. Во-вторых, косвенно о таком направлении переселений казанских татар говорится и в послании Ивана IV ногайскому князю Исмагилю от 1556 г.: «... А которые люди Казанские беглые к вам придут или с какими речами... придут, и вы б... [их] велели побити, а живых не отпускали» [ПДРВ, 1793, с.217]. Поэтому не исключено, что часть казанских беженцев в конце-концов оказалась в числе подданных Кучума еще до его появления в Сибири. В этой связи отметим, что в ходе наших полевых исследований в Западной Сибири в 1990 г. в отдельных селениях сибирских татар тоболо-иртышской группы было обнаружено сохранение смутной памяти о переселении предков откуда-то с «запада», причем именно среди них фиксируются элементы традиционной культуры казанских татар, хотя в целом население уже ничем остальным от окружающего сибирско-татарского населения не выделяется [Исхаков, 2006, с.39]. Отсюда следует, что проникновение поволжских татар на территорию Сибирского ханства продолжалась и во второй половине XVI в.

То, что сибирские татары в годы правления хана Кучума достаточно активно действовали в районе Среднего Приуралья, видно из русских источников. В частности, в «Вычегодско-Вымской летописи» под 1573 г. отмечен приход султана Маметкула, «сына Сибирского царя», то есть хана Кучума, «ратью на Пермь Великую» [Вычегодско-Вымская, 1958, с.266]. Судя по тексту «Летописи Сибирской», в которой речь идет о том, что именно в том году «Сибирский Салтан», пришедший походом, «данных остяков Чагира с товарищи побил, а иных в полон взял, которые жили около Чусовских городков» [Летопись Сибирская, 1821, с.11], т.е. в Сылвенско-Иренском междуречье, данные о чем фигурируют и в других летописных сообщениях. Например, в той же «Вычегодско-Вымской» летописи под 1581 г. говорится: «... пришедшу Сибирский царь (т.е. хан Кучум – Д.И.) с вагуличи и югорцы на Пермь Великую на городки Сылвинские и Чусовские, вотчины Строганова пограбил» [Вычегодско-Вымская, 1958, с.67]. Аналогичные походы сибирских татар, затрагивающих и татарско-башкирское население Сылвенско-Иренского бассейна, имело место также в 1568 и 1570 гг., так как при обосновании необходимости строительства Чусовского, Сылвенского и Яйвинского городков Строгановы указывали, что они нужны для оберегания от «Сибирских и Нагайских людей» [Летопись Сибирская, 1821, с.6-7].

В данном случае самое важное заключается в том, что походы хана Кучума в Приуралье не ограничивались взятием материальных

богатств, включая сбор ясака у башкир в 1586 г. [Пекарский, 1871, с.20], а сопрягались и с уводом в плен татарско-«остяцкого» населения района рек Сылвы и Ирени, то есть предков пермских татар и башкир. Естественно, это усиливало этническую близость волгоуральских и сибирских татар.

В свое время видный российский тюрколог А.Н. Самойлович на основе анализа языковых материалов выдвинул гипотезу о существовании «окско-волжско-камско-тобольского» культурно-географического района, по его мнению, состоявшего из двух этнокультурных хронологических страт – булгаро-хазарского и слоя, связанного с кыпчаками, а также с населением «оседло-туркестанского района» [Самойлович, 1927, с.211–217]. Исторический материал, который был нами рассмотрен, свидетельствует о том, что этому исследователю еще в 1920-х гг. удалось обозначить некоторые базовые направления этнокультурных и политических контактов, происходивших между татарским населением Волго-Уральского и Западно-Сибирского регионов, в постоянном взаимодействии с которым находились и этнические сообщества Средней Азии, а также Казахстана, в первую очередь, ногайцы, кочевые узбеки и казахи. При этом, поволжско-приуральское направление этих связей, в рамках которого надо рассматривать и взаимодействие в XV–XVI вв. сибирско-татарских юртов с Ногайской Ордой, было весьма важным, если не сказать, решающим в ходе этнического становления сибирских татар.

4.2 СИБИРЬ И ГОСУДАРСТВА СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА В XV–XV ВВ.

Взаимоотношения Тюменского и Сибирского ханств и государств Средней Азии неоднократно становились предметом исследований отечественных историков, археологов и этнографов [Бахрушин, 1955в; Абусейтова М.Х., 1985; Исхаков, Измайлов, 2007 а; Соболев, 2008, Корусенко, 2011; Рябинина Е.А., 2011].

Начиная с эпохи раннего железного века, археологические материалы комплексов лесостепной и южнотаежной зон Западной Сибири указывают на постоянные взаимоотношения между этими регионами – от военных походов до сложения торговых путей и развития торговых отношений [Очерки по истории, 1995].

К формированию торгово-экономических связей в период развитого средневековья

добавляются политические факторы, приведшие к возникновению единого государственного пространства и укрепившие это торговое «союзнничество». После распада Золотой Орды постепенно налаживаются отношения между сибирскими и среднеазиатскими государствами образованиями.

Причиной постоянного интереса к северным территориям со стороны Средней Азии является поистине неисчерпаемый сибирский рынок. Помимо основных товаров – пушнины, моржовой и мамонтовой кости, – поставлялись самые разнообразные товары. Весь период средневековья мы наблюдаем рост товарооборота между этими регионами, что объясняется развитием государственных образований и установлением транзитной

торговли с достаточно удаленными районами Севера, с одной стороны, и с Китаем и Индией, с другой. На фоне все увеличивающегося спроса на пушнину практически во всех частях Старого Света торговля ценными шкурками стала одним из жизненно важных факторов существования и развития этих государств.

Вторым важнейшим для Средней Азии стимулом продвижения своего влияния в Сибирь стала религия. После потери Казанского ханства Западная Сибирь стала единственным вектором развития ислама на север. Причем оседлое население лесостепной полосы этого региона могло частично компенсировать потерю Казани среди народов Южного Урала, Приобья и северного Казахстана. Этим объясняется быстрое увеличение размеров Сибирского ханства с середины XVI в. и стремительная политика распространения новой для тюркоязычного населения религии.

Эти два фактора – торговля и религия – и предопределили, по нашему мнению, всю стратегию развития взаимоотношений между Западной Сибирью и Средней Азией во второй половине II тыс. н.э.

В связи с обширностью рассматриваемой проблематики считаем необходимым разделить ее на два основных аспекта, вначале рассмотрев политические, а потом экономические (торговые) связи.

§ 1. Политические связи

Прежде всего, напомним некоторые аспекты темы, которые уже рассматривались во введении. Наиболее полное описание владений младшего брата Бату Шибана, потомки которого правили Тюменским и Сибирским ханствам, было сделано уже в начале XVII века его потомком ханом Абулгази: «Юрт, в котором ты будешь жить, будет между моим юртом и юртом старшего моего брата, Ичена. Летом ты живи на восточной стороне Яика, по рекам Ирғиз-сувук, Орь, Илек до гор Урала; а во время зимы живи в Ара-куме, Кара-куме и по берегам реки Сыр – при устьях рек Чуй-су и Сари-су» [Абуль-Гази, 1996, с.104]. Исходя из этого зимовки династии изначально располагались в низовьях Сырдарьи. И.А. Мустакимов обратил внимание на то, что согласно «Таварих-и гузида – нусрат-наме» во владения Шибана Бату был отдан, среди прочих, тумен Янгикент (город в низовьях Сырдарьи) [Мустакимов, 2011, с.242]. Т.И.Султанов считал, что при сыне Шибана Бахадуре (то есть

не ранее конца 1240-х гг.) области между реками Или и Сырдарьей с городами Отрар, Сыгнак, Дженд и Сайрам перешли к потомкам Орды-Ичена [Султанов, 2006, с.218]. Однако, эта точка зрения не подтверждается источниками, как и принадлежность самих городов в среднем течении Сырдарьи к владениям Шибана. Абулгази указывает на то, что еще сыновья Пулази Ибрахим и Араб-шах (Арапша в русских летописях) в 1370-е гг. зиму проводили именно при устье Сыра [Абуль-Гази, 1996, с.105]. На данный момент проследить историю этих владений Шибанидов в период Золотой Орды достаточно сложно. В 1380-е гг. эти земли, видимо, были подчинены эмиром Тимуром. Однако в конце 1420-х гг. после гибели Барак-хана, в период борьбы между Шибанидами, земли к северу от Аральского моря между Эмбой и Сары-Су принадлежали Джумадуку б. Суфи, в войсках которого начал служить будущий узбекский лидер и внук указанного выше Ибрахима Абулхайр [Ахмедов, 1965, с.42–44]. Таким образом, несмотря на возможные потери при Тимуридах, в целом Шибаниды сохранили свои владения в Приаралье и нижнем течении Сырдарьи, которые и стали основой для дальнейшего продвижения в Центральную Азию.

Расширение владений по Сырдарье началось в период правления на севере в Тюмени (Туре) узбекского хана Абулхайра (1429–1468(9) гг.). Узбеки, как называли кочевое население Восточного Дешта, в том числе владений Шибанидов, достаточно часто совершали грабительские набеги на Хорезм, в частности, в 834 г.х. их разгромили эмиры Шахруха [История Казахстана, 2006, с.378; Бидлиси, 1976, с.112]. Согласно Фасиху Хавафи и Самарканди, поход узбеков во главе с Абулхайром на Хорезм можно датировать 839 г.х. (27.07.1435–15.07.1436) [Фасих, 1980, с.214]. Перечень его участников показывает, что были собраны все основные силы узбекских племен. В результате город был взят, но по таким причинам как «гнилость воздуха Хорезма» (по Кухистани, возможность «чумы и бедствия жары» [МИКХ, 1969, с.149–152]) и приближение многочисленного войска правителя Самарканда и Хорасана Тимурида Шахруха, вскоре был покинут. В «Таварих-и гузида Нусрат-наме» есть упоминание о том, что в возрасте 24 лет (840 г.х. / 16.07.1436–5.07.1437), то есть на следующий год после похода, узбекский хан получил от Шахруха «в удел Хорезм и создал свое государство в Дашт-и Кыпчаке» [Таварих, 1967, с.117].

Мирное сосуществование с соседями устраивало не всех представителей степной элиты, которая получала от активных внешних завоеваний значительную часть военной добычи. Под 844 г.х. (2.06.1440–6.06.1441) Самарканди сообщает о новом нападении узбекского войска, но при этом указывает: «... временами некоторые из войска узбекского, сделавшись казаками...» [История Казахстана, 2006, с.378–379]. Только после разгрома в сентябре 1446 г. на Атбасаре, притоке Ишима, своего конкурента и родственника хана Мустафы Абулхайра «решил отправиться для зимовки на завоевание Сыгнака», во время этого похода осенью 1446 года беклярибеком стал бий Ваккас [МИКХ, 1969, с.159]. В результате Сыгнак, Ак-Курган, Аркук, Сузак и Узгенд подчинились узбекам. При этом Сузак был отдан в управление двоюродному брату хана и руководителю авангарда султану Бахтийару, Сыгнак – оглану Мане (потомку сына Джучи Тангута), а Узгенд – бию Ваккасу. Сыгнак, видимо, стал формальной столицей Узбекского ханства Абулхайра, который значительную часть времени проводил в своей кочевой ставке. Огромное по размеру Узбекское ханство при Абулхайре не только считалось собственностью всей ханской семьи, но и было разделено на отдельные улусы Чингизидов, в том числе Тюменский юрт, что позволяло Абулхайру носить титул Хан-и Бузург [МИКХ, 1969, с.159–160]. В Узбекском ханстве были реставрированы многие политические и повседневные тюрко-монгольские традиции монгольского и золотоордынского времени [Маслюженко, 2014 б, с.121–138].

В 1450-х гг. Абулхайр вмешивается во внутренние усобицы Тимуридов Маверраханра, совершая походы на Бухару и Самарканд. В 1451 г. он поддержал претензии на власть здесь одного из Тимуридов Абу-Саида, что привело к поражению мирзы Абдаллаха, племянника Тимура, и женитбее самого хана на дочери внука Тимура и правителя Маверраханра Улугбека (умер в 1449 г.). После поражения у Сыгнака от ойратов (калмыков) в 1457 г. и заключения тяжелого мира власть хана несколько ослабла. Отдельные земли в Хорезме с центром в Ургенче отошли к Мустафе, который в битве против калмыков выступал союзником Абулхайра [Ахмедов, 1965, с.64–65]. Несмотря на это, присырдарьинские города, как и значительные территории Дешт-и Кыпчаке, оставались под его контролем до самой смерти в 1468/9 году. Среднеазиатская политика Абулхайра стала основой формирования

новых владений Шибанидов в Центральной Азии, расцвет которых приходится уже на последующий период существования Узбекского (Бухарского) и Хорезмского (Юргенцского; Хивинского) ханств. История этих государств является неотъемлемой частью борьбы за Центральную Азию нескольких ветвей Шибанидов, эмиров из династии Тимуридов, казахских и могольских ханов, а также иранских шахов из Сефевидов.

В 1470 г. при поддержке Тимуридов потомкам Абулхайра удалось удержать земли в Туркестане по Сырдарье с центром в Сыгнаке. Однако наследник Абулхайра Шайх-Хайдар не сумел сплотить силы всех узбекских племен для борьбы против коалиции тюменских ханов Сайидека и его племянника Ибрахима, казахских ханов Гирея и Джанибека, хана Большой Орды Ахмада, сына узбекского хана Едигера Берке и ногайских мурз Аббаса, Мусы и Ямгурчи [МИКХ, 1969, с.19]. В 1471 г. он погиб, и потомки Абулхайра утратили контроль над большей частью региона. Земли здесь были поделены между союзниками, в том числе низовья Сыр-Дарьи достались Шибанидам в Ибрахиму и Берке. В это же время были установлены и определенные отношения тюменских Шибанидов с казахскими лидерами.

Ситуация коренным образом изменилась в конце 1480-х гг., когда хан Шейбани и его брат – внуки Великого хана Абулхайра – стали новыми претендентами на объединение Дешта. Махмуд бен Вали пишет о том, что «... когда в областях Дашт-и Кыпчака возникли беспорядки, большая часть узбекских воинов ... собралась под знаменем могущества царевичей» [МИКХ, 1969, с.353]. В это время они разгромили потомков хана Едигера, в частности, Берке (Буреке). Сибирские легенды позволяют предположить, что тогда же был организован поход на Тюменское ханство, замаскированный под исламизацию. В легенде рассказывается, что против шейха Багауддина и воинов Шейбани-хана из Среднего улуса совместно выступили хотаны (татары), ногаи, кара-кыпчаки и остяки, то есть представители наиболее крупных племен юрта. Несмотря на это, война было проиграна, что могло привести к началу исламизации, при этом, однако, сам хан Мухаммад Шейбани ушел [Катанов, 1904, с.18–28]. По всей видимости, Шейбани, не получив поддержки сибиряков и не надеясь более на помощь среднеазиатских городов, вынужден был отступить. Несмотря на это, Ибрахим, видимо, частично утратил контроль над присырдарьинским регионом, в

частности «и с устья Сыра пришло много людей, ради него [Мухаммед Шейбани-хана] отделившись от Ибак-хана» [МИКХ, 1969, с.26]. В конце XV—начале XVI века здесь фиксируются лишь зимние кочевья потомков хана Едигера, в частности Берке [Абуль-Гази, 1996, с.109].

Фактический провал внешней политики наследников Ибрахима на тюменском престоле Мамука, Агалака и Кутлука, в частности на казанском направлении, мог привести к расколу правящей в Тюмени элиты. В этих условиях понятна причина возможного ухода шибанских и тюменских татар к детям Берке б. Едигера султанам Ильбарсу и Бильбарсу, которые затем в 1510–1511 гг. уведут их в Среднюю Азию, где в ближайшие годы к ним присоединятся иные родственники из Дешта [Кляшторный, Султанов, 2004, с.329–331]. Эта рабочая версия, как и многие другие размышления о судьбе Тюменского ханства в первой половине XVI в., опираются лишь на косвенные источники и этого времени. С учетом записок иностранных путешественников, в частности С.Герберштейна, становится все более понятным, что уход мог не затронуть всей массы местных шибанских и тюменских татар [Герберштейн, 1988, с. 164, 181], а, видимо, коснулся, прежде всего, элиты. При этом значительная ее часть могла осесть у своих постоянных союзников в Ногайской Орде. Дальнейшая миграция к югу могла провоцироваться явлениями малого ледникового периода позднего средневековья, которые стали сказываться на температурном режиме и влажности с 1550-х гг. [Жилина, 2010, с.206].

Фактически на протяжении всех 1550-х гг. в Бухарском ханстве шла тяжелая междоусобная война Абулхаиридов за власть. В этом отношении интересен рассказ Продолжателя Утемиша-хаджи о сыновьях Муртазы б. Ибрахима (Ахмад Гирей, Кучум, Чайлу, неназванный по имени сын в Казахских юртах). Автор уделяет внимание вопросу войн Муртазы и Кучума в Мавераннахре и Туркестане в районе Отрара, а также с казахами [Миргалеев, 2014, с.65]. В результате этих войн владения тюменских Шибанидов в условиях междоусобиц могли вновь появиться где-то в районе Отрара на Сырдарье. Немаловажным фактором было то, что с конца 1540-х гг. на Сырдарье оформляются постоянные ногайские кочевья Шихмамаевичей (Алтыулов), потомков внука тюменского хана Ибрахима по женской линии Шейх-Мамая [Трепавлов, 2011а, с.81]. Резонно предположить, что именно они могли оказать поддержку своим родственникам из

Шибанидов. Через подконтрольные потомкам Шейх-Мамая степи проходил важный торговый и посольский путь, который соединял Мавераннахр с Поволжьем.

В создавшихся условиях в борьбу за бухарский престол вступил Абдаллах (будущий бухарский хан Абдулла II). В начале 1550-х гг. султан Абдулла правил только небольшим городом Кермином на юге Узбекистана и имел немногочисленные военные силы. В первой половине 1550-х гг. он вел борьбу за Касбийский и Несефский вилайеты на левом берегу Амударьи, а также совершил поход на Бухару [Хафиз-и Таныш, 1983, с.135, 138–145]. По данным В.В.Бартольда, в 963/1555–1556 гг. султан был вынужден бежать из своих наследственных владений. Лишь в 1557 году, спустя год после смерти узбекского хана Науруз-Ахмада, при прямой поддержке лидера суфийского тариката Накшбандий Мухаммада Ислама (Ходжа Джубайри) Абдаллах окончательно захватил Бухару, контроль над которой с помощью суфиев с тех пор не терял. В 1561 году он провозгласил своего отца Искандера верховным ханом всех узбеков. До этого данным титулом обладал правитель Балха Пир-Мухаммад, дядя Абдуллы. Весь период правления бухарского лидера характеризуется постоянными войнами с иными представителями династии, особенно с правителями Ташкента Барак-ханом и его сыном Бабой, за объединение всех узбекских земель, завершившееся лишь в 1582 г. после гибели последнего [Бартольд, 1964 а, с.487–488; МИКХ, 1969, с.394]. Только в 1583 г., после смерти отца Абдулла сам занимает бухарский престол, на котором остается до 1598 года.

В 1563 г. Шибаниды стали править в Сибири, расширив подчиненную им территорию (при этом супруга сибирского князя Бекбулата оказалась в Бухаре в доме сейида, где родился последний Тайбугид Сеид-Ахмад). При этом нет ни одного источника, которые бы подтверждали факт оказания помощи Муртазе и его детям со стороны Абдаллаха II и дальнейшего вхождение Сибирского ханства в состав его державы [Трепавлов, 2012, с.44–45]. При необходимости сбора военных отрядов Сибирские Шибаниды опирались на традиционную поддержку ногаев, в том числе из Алтыулов, военные отряды из Приаралья и присырдарьинского региона, а также на собственных людей и лояльные сибирские отряды. Отметим, что одна из жен Кучума была родом из Шавран (скорее всего, крупный торговый город Сауран) [Миллер, 2000, с.33], что также

могло обеспечить определенный уровень поддержки. Эти связи поддерживались до начала XVII века, когда в результате краха бухарской династии аристократия отдельных городов пыталась получить шибанидских правителей из иных ветвей, в частности в Сауран приглашали править сына сибирского хана Кучума Каяна [Миллер, 2000, с.183–184].

Во второй половине 1560-х гг. Сибирское ханство стало активной стороной внешнеполитических отношений в восточных степях. Так, А.И.Исин, считает, что резко ухудшились отношения между сибирскими правителями и казахским ханом Хак-Назаром, а также его союзником Шигаи-султаном. Казахи начинают активную борьбу за башкирские улусы, ранее находившиеся под управлением ногаев и Кучума. В частности, в 1569 г. Хак-Назар и Шигаи совершили крупный поход на Ногайскую Орду, разгромив союзников Кучума Шихмамаевичей [Исин, 2002, с.96]. Весной 1570 (7078) г. в Москву через Пермь была доставлена грамота от сибирского царя Кучума: «ныне де дань собираю, господарю Вашему царю и Великому князю послов пошлю; а нынче деи мне война с Казацким царем и одолею меня царь казачкой и сидеть на Сибири, ино и тот господарю дань учнет не давати» [Акты, 1841а, с.540–541]. Позднее в том же году в Москву пришло еще одно письмо от Кучума, в котором указывается «...мы того недруга своего взяли» [СГГД, 1819, с.52]. В то же время степень проникновения Хак-Назара на территорию Сибири и власти над башкирами, ногайцами и сибирскими татарами, устанавливаемая по данным рассказа К.Мулакаева П.И.Рычкову [Рычков, 1896, с.69; Абусеитова, 1985, с.52], вызывает резонные сомнения [Трепавлов, 2002, с.367]. Возможно, конфликт мог быть исчерпан и при помощи брачных союзов; так, дочери Шигая стали женами Ахмад-Гирея и Кучума, а одна из жен Шигая была из чатских татар [Кляшторный, Султанов, 1992, с.292–293; Атыгаев, 2007, с.58–59; Катанов, 2004, с.148].

В мае 1571 года Москва была сожжена крымскими войсками, при поддержке ногаев, и осенью еще лежала в руинах. Бывшее там сибирское посольство с очевидностью должны были быть переданы Кучуму и стали признаком резкого снижения статуса Москвы в международных делах. С этого времени наблюдается переориентация Искера на Бухару и именно на южные связи. В 1572 году в Сибирь прибыла первая мусульманская миссия, собранная в Хиве по просьбе Бухары, кото-

рая показывает усиление позиций бухарского хана Абдуллы II [Катанов, 1897, с.51–60]. Скорее всего, в этой миссии, в том числе специфике ее сбора в Хиве, не подчиненной бухарскому хану, проявлялось влияние именно суфийских шейхов из тариката Накшбандийа. Как Абдулла, захвативший Бухару лишь в 1557 г. и провозгласивший отца ханом в 1561, так и Ахмад-Гирей, а позднее Кучум, могли опираться и на представителей этого богатого и могущественного тариката [Маслюженко, 2015а, с.5–9]. Именно ислам становился важнейшим медиатором дальнейших отношений. При этом, понятно, что у них была и экономическая подоплека. Известно, что государства Средней Азии в большом количестве покупали у русских купцов меха пушных зверей, мед и воск. Причем значительная их часть шла из Перми через Строгановых, в том числе это были и меха из Сибири и Югории, отчасти полученные в виде ясака, а отчасти купленные вымывами [подробнее см.: Фехнер, 1956, с.58–62]. В этой ситуации резонно предположить, что Бухара была крайне заинтересована в прямом получении этих товаров от Искера, что и могло спровоцировать некоторые связанные с этим процессы.

Около 1577/8 г. Ахмад-Гирей был убит своим тестем Шигаем, союзником и будущим наследником казахского хана Хакк-Назара [Кляшторный, Султанов, 1992, с.292–293]. Конкретные причины убийства Шигаем Ахмад-Гирея были, скорее всего, связаны с вновь обострившимся противостоянием именно в эти годы Шибанидов и ногаев с казахами. К 1570-м гг. Абдаллах превратился в крупнейшего правителя из династии Шибанидов, и по этой причине вполне резонным было обращение к нему Кучума за помощью в дальнейшем, что не подразумевало и не требовало вассалитета. В конце 1570–1580-х гг. хан Абдаллах значительное внимание уделяет не только подчинению всех своих родственников, особенно ташкентских, но и войнам против казахов и Сефевидов, которые велись на двух границах государства и значительно истощали его ресурсы. В борьбе против казахского хана Хак-Назара Абдулла II был лидером военного союза, в который входили ногайские бии Дин-Ахмад и Урус и сибирский хан Кучум [Трепавлов, 2002, с.373, 379]. После гибели Хак-Назара от рук бывшего союзника хана Бабы в 1580 г. новые казахские лидеры Шигаи, тесть сибирских ханов Ахмад-Гирея и Кучума, и Таввакул были ставленниками и вассалами Абдуллы II. В 1590-е гг. Кучум, видимо, ча-

сто опирался на Шихмамаевичей (Алтыулов), что позволяло хану Абдулле вмешиваться в вопросы ногайско-сибирских отношений. В связи с этим известно два послания Кучума своему бухарскому родственнику (1595 и 1598 г.). В одном из них Абдулла освещал вопросы сибирско-ногайских противоречий, а во втором – в ответ на просьбы Кучума в военной помощи писал, что «...если просил у нас рати, и мы в те поры были в войне, для того и не послали еся». К тому же в связи с поражениями Кучума многие его бывшие союзники уходили в Бухарское ханство. Несмотря на неудачу Кучума в этих переговорах о помощи, царь Федор Иванович извещал тарского воеводу в августе 1596 г., а за год до этого московские послы стремились получить поддержку казахского хана Таввакула против Бухары и Сибири [Трепавлов, 2012, с.23, 45–46].

Таким образом, политические связи тюменских и сибирских Шибанидов с государствами Средней Азии прошли длительный период развития, обусловленный несколькими факторами: наличием владений этих ханов; родственными связями как правящих семей, так и аристократов; миграционными процессами и, наконец, общностью религиозного поля – ислама. Гораздо более сложными были отношения с Казахским ханством, которые начинались в форме союза между тюменским ханом Ибрахимом и казахских ханов Джанибека и Гирея против наследника Абулхайра Шайх-Хайдара, а затем превратились в запутанный клубок противоречий между внуками этого хана Ахмад-Гиреем и Кучумом и потомками Джанибека Хак-Назаром и Шигаем. Очевидно, что политические и экономические отношения на позднезолотоордынском прострaнстве были частью одного процесса.

§ 2. Торговые связи

Торгово-экономические отношения между Средней Азией и Западной Сибирью были заложены самой природой уже на момент появления на этих землях первых человеческих коллективов. Меридиональная направленность рек Иртыша, Ишима, Тобола способствовала сложению вдоль них торговых путей, которые связали города государства Средней Азии и Западную Сибирь еще в раннем железном веке. Именно в этот период сложилась система торговых путей сообщений, просуществовавшая вплоть до присоединения Сибири к Российскому государству. Как писала Н.П. Матвеева «... объединившие под своей

властью почти всю лесостепь и часть южной тайги Западной Сибири саргатские племена создали прочное раннепотестарное объединение и взяли в свои руки контроль над караванной торговлей того времени» [Матвеева, 1994, с. 53]. Причем население саргатской культурно-исторической общности занимало территорию, практически идентичную Сибирскому ханству, поэтому мы находим множество совпадений по расположению ключевых населенных пунктов в раннем железном веке и во второй половине II тыс. н.э. В.И. Соболев отмечал, что наиболее прочными контактами Тюменского ханства, Сибирского юрта (XV–XVI вв.) были контакты с азиатскими странами. «В основе этого явления лежали: во-первых, общие корни экономического, социального и политического характера; во-вторых, принадлежность большинства правителей государств Западной Сибири к узбекскому дому «Шибанидов»; в-третьих, традиционный состав торговцев – выходцев из районов Средней Азии. Очевидно, не последнюю роль играло расположение водных артерий региона, их течение с юга на север» [Соболев, 2008, с. 218–219].

Основными транспортными артериями были Ишимский путь от столицы Сибирского ханства Искера до столицы Бухарского ханства – Бухары, Иртышский путь шел от Искера далеко на юг до озера Зайсан и далее на юго-восток. От этого пути шли ответвления к верховьям р. Ишим и далее к Бухаре [Матвеев, Татауров, 2011г, с. 95–101].

Сибирские ханства из-за неразвитости своего ремесленного производства во многом зависели от торговых отношений с сопредельными территориями, поэтому все тюрко-татарские города были расположены на пересечении торговых путей. В первую очередь это касалось столиц ханств. «Чимги-Тура неминуемо должна была стать центром многочисленных местных путей сообщения, по которым с периферии везли ясак, в обратную сторону двигались чиновники и военные отряды» [Исхаков, 2004 а, с.68]. Прекращение существования торгового пути означало трудный период для жизни города.

В.А. Могильников, делая выбор между Красноярским городищем и Новоникольским городищем «Голая сопка» в локализации их с Кизыл-турой, отдал приоритет последнему, так как среди костей животных была обнаружена кость верблюда, «что отражает существование караванной торговли со Средней Азией, путь которой применительно к данному месту мог идти вдоль Ишима, подобно

тому, как к Искеру путь шел вдоль Вагая...» [Могильников, 2001а, с. 261].

Наличие караванной торговли было гарантом стабильности не только для сибирских государств, но и для населения Казахстанских степей, так как они также зависели от товаров среднеазиатских ремесленников, как и их северные соседи. По этой причине торговые отношения были весьма устойчивы, и караваны шли, несмотря на меняющихся ханов или предводителей государственных или племенных образований.

Что же везли в Западную Сибирь?

В археологических материалах памятников этого времени среди среднеазиатского импорта примерно равнозначное положение занимают несколько категорий предметов: оружие, конская упряжь, украшения, одежда (ткани) (рис.31). В данной работе мы не будем обсуждать вопросы соотношения численности и значимости, поступавших в Сибирь товаров, это тема для дальнейших исследований. Отметим только, что практически ко всем найденным в ходе раскопок предметам подходит определение престижной вещи.

Постоянное полувоенное состояние сибирских ханств заставляло ханов содержать мобильную хорошо вооруженную армию. Ее содержание было очень затратным, так как ее основу составляли наемники. Оружие и доспехи, в силу неразвитости производства в Западной Сибири, приходилось покупать в Средней Азии. Поскольку основу армии составляла кавалерия, то лошади вместе с конской упряжью так же поступали с территорий среднеазиатских государств.

Наибольшую ценность и престижность в ханской армии имели доспехи. По всей вероятности, доспехи носил ее командный состав и наиболее заслуженные воины. В ходе раскопок в Тарском Прииртышье могильника Окунево VII в могиле 267 был найден целый панцирь, который по особенностям своей конструкции относится к среднеазиатским куякам [Худяков, Бобров, 1998Б с. 99–102]. Помимо панцирей археологические исследования памятников второй половины II тыс.н.э. лесостепной полосы Западной Сибири пополнили музеи коллекциями вооружения, кольчугами и шлемами также среднеазиатского происхождения [Худяков, Бобров, 1998, с. 99–102].

В значительной части воинских захоронений этого времени в сопроводительный инвентарь входит кинжал или нож, причем зачастую импортный [Татауров, Тихонов, 1996а, с. 58–84]. Интересную коллекцию импортных

ножей, в том числе метательных, собрал на месте Искера директор Омского краеведческого музея А.Ф. Палашенков [Татауров С.Ф., Татауров Ф.С., 2016]. Миниатюрный ромбовидный в сечении лезвие среднеазиатский кинжал был найден при раскопках Тунусского городка.

В захоронениях рядом с оружием находились предметы конской упряжи: удила, стремена, распределительные пряжки и т.д. По своей форме, декору и орнаменту многие из них также имеют среднеазиатское происхождение. Вероятно, упряжь поступала вместе с конем, так как среднеазиатские породы существенно отличались своей статью от местных сибирских лошадей, которые мало годились для боевых действий.

Большинство захоронений тюркоязычного населения этого времени лесостепной полосы Западной Сибири, невзирая на род и возраст умерших, содержат украшения, практически все импортные. Мужчины носили массивные перстни, большие подвески из полудрагоценных камней из опала, горного хрусталя, браслеты. У женщин вариативность украшений была значительно шире – наборы перстеньков и колечек дополняли серьги и подвески с вставками из полудрагоценных камней или стекла, наконечники украшений, состоящие из огромного числа бусин и бисера, браслеты.

Наиболее ценные украшения поступили из Средней Азии для элиты общества – это серебряные кольца и серьги с вставками из полудрагоценных камней, фигурные бронзовые и серебряные пряжки для ремней и для конской упряжи, наконечники украшений и наборные браслеты.

Для обычного населения привозились перстни без вставок с простыми рисунками с чистыми площадками, уже на месте на них наносился рисунок и сережки S-образной формы с небольшим камешком из яшмы или стеклянной пасты. Помимо этого встречаются заколки для волос, пуговицы из перламутра, стекла и кости, небольшие стеклянные зеркала из тонкого синего стекла (позднее их заменяют русские зеркала), бусы и ожерелья из стеклянной пасты, керамики, кости.

В захоронениях этого времени, на могильниках Тарского Прииртышья, найдены фрагменты шелка китайского и среднеазиатского происхождения [Татауров, Тихонов, 1996а, с. 58–84].

Весьма почитаемой была фарфоровая посуда. В одном из погребений могильника Черталы I была найдена большая пиала ки-

тайского производства (раскопки Б.В. Мельникова, отчет не написан). При раскопках поселения Бергамак III были найдены фрагменты фарфоровой посуды – чашек и тарелок и ручка от большого кувшина из синего стекла [Татауров, Татаурова, 1999, с. 101–119]. Ввозилась и металлическая посуда, в основном котлы [Вилков, 1967].

Помимо вышеперечисленных товаров в Западную Сибирь в больших количествах ввозились чай, специи, орехи (фундук), фрукты (сухофрукты), сладости, мука и другие продукты питания. Находки курительных трубок на археологических комплексах указывают на поступления в Сибирь опиума и табака.

Сибирские ханства, ощущая постоянную потребность в среднеазиатских товарах, активно осваивали местные ресурсы для регулирования товарооборота. В основе сибирских товаров лежала пушнина, причем в самом широком ассортименте. Для Тобольского уезда XVII в. О.Н. Вилков перечисляет шкурки: соболя, бобровые, лисьи, корсачьи, песцовые, барсучьи, горностаевые, беличьи, сурковые, заячьи, куницы, хорьковые [Вилков, 1962, с. 90]. В предшествующие века этот набор, думается, был не меньше, так как сибирские татары добывали так же таких пушных зверей, как медведь (относится к пушным животным), выдру, ласку. Ценились и волчьи шкуры.

Еще одним постоянным сибирским товаром были рабы. Здесь мы не можем согласиться с высказыванием В.И. Соболева о том, что «этот вид торговли не был широко распространен, поскольку отсутствовали определенные традиции, а рабство не было острой экономической необходимостью» [Соболев, 2008, с. 217]. Сибирские ханства, как любые раннефеодальные образования, не могли планомерно развиваться без притока военных трофеев, в том числе и рабов. Г.Ф. Миллер неоднократно указывает на то, что во время набегов на Пермь и Прикамье военачальники хана Кучума захватывали и увозили с собой полон [Миллер, 1999, с. 207, 232], такая же ситуация наблюдалась и в походах отрядов хана Кучума на те земли хантов и манси, с которыми у него не было союзных соглашений. После разгрома Сибирского ханства поток рабов из Сибири не иссяк, только вместо хантов и манси в полон стало попадать русское и татарское население [Матвеев, 2014 б, с. 39]. Рабы действительно в Западной Сибири не находили широкого применения в системе хозяйственных занятий, они как и пушнина шли

в уплату среднеазиатским купцам за оружие и другие товары.

Торговые люди из Средней Азии в период правления хана Кучума стали селиться в Западной Сибири вливаясь в группы местных татар или образуя собственные поселения, причем следует отметить, что переселялись не только выходцы из Бухары, но и из других городов и районов Средней Азии [Томилов, 1992, с. 80–87].

Можно сделать вывод о том, что торговые отношения во второй половине XVI в. были системообразующими факторами как для Сибирского ханства, так и (пусть в меньшей мере) для Бухарского ханства. Для Сибирского ханства торговля являлась единственным источником поддержания боеспособности армии как источник военного снабжения и финансирования ее содержания. Для Бухарского ханства торговля с Сибирью в это столетие стала приоритетным направлением из-за большого спроса на сибирскую пушнину, а также в связи с тем, что связи с западом и востоком по Великому шелковому пути были сильно осложнены нестабильной ситуацией в Западном Китае и Закавказье.

§ 3. Религия

Еще одним фактором, связывающим Западную Сибирь и Среднюю Азию в XV–XVI вв. стала религия. В последнее время появились работы, в которых декларируется раннее проникновение ислама (XIII в.) на достаточно северные территории, а именно в Томское Приобье [Водясов, Зайцева, 2013, с. 134–137; 2014, с. 368–370]. Соглашаясь с тем, что мусульмане стали посещать Сибирь еще в начале II тыс. н.э., мы придерживаемся точки зрения позднего распространения этой религии среди масс населения в Сибири, а конкретно в период Тюменского и Сибирского ханств, то есть XV–XVI вв.

В.И. Соболев на первый план в проблеме изучения проникновения и развития в Западной Сибири этой религии на первое место ставил «прямые свидетельства», а именно археологические данные и русскоязычные письменные документы, в которых конкретно указывалась вера предводителя ханства: «Закон же царя Кучума, иже под его властью Мохмеда» [Соболев, 1994, с. 140–142]. На основании археологических материалов Барабы (прежде всего могильников) В.И. Соболев время возникновения ислама в регионе относил к достаточно поздним XVIII–XIX вв., к тому

времени, когда в определенной мере сформировалась современная система расселения тюркоязычного населения Западной Сибири.

Татарская элита, приняв ислам в XIV – начале XV в., постепенно распространяла эту веру среди своего населения. Приход хана Кучума ускориł этот процесс, приезд среднеазиатских проповедников привел в конечном итоге к появлению мусульманских общин у сибирских татар, строительству храмовых и культовых сооружений, появлению погребальных памятников.

Неопровержимым фактом распространения мусульманства являются надмогильные сооружения. Они условно делятся на два блока – это мавзолеи и надмогильные камни с эпитафиями. Традиция возводить мавзолеи пришла в Западную Сибирь с юга вместе с миссионерами и переселенцами из Бухары и трансформировалась у них, вследствие отсутствия привычного строительного материала – камня – в устройство оградок, срубов и т.д. На настоящий момент нет работ, которые были бы посвящены этому аспекту духовной жизни сибирских татар. В рассмотренных выше рукописях, захоронения «павших за веру» называются мавзолеями [Селезнев и др., 2009, с. 103], но какие конструктивные детали астаны соответствуют традиционным мавзолеям, еще предстоит исследовать (рис.32).

Надмогильные камни с изречениями из Корана также являются прямым доказательством существования мусульманской общины. В Тарском Прииртышье самый ранний камень – кайрак – находится на кладбище д. Сеитово и датируется ранее XVII в. Подобные камни известны и в других районах Западной Сибири [Селезнев и др., 2009, с. 189]. Поскольку камня в лесостепной зоне Западной Сибири нет, то его привозили специально для

этих целей из Средней Азии, а после присоединения к Российскому государству подобные памятники стали изготавливать на Урале.

Распространение ислама и образование мусульманских общин привело к необходимости увеличения мулл для совершения молитв и обрядов. Поскольку Поволжье вошло в состав России, а последняя препятствовала распространению этой религии, то единственным источником пополнения числа священнослужителей стала Средняя Азия. Этому способствовал процесс переезда определенного количества бухарцев в Западную Сибирь. В Прииртышье саргатско-утузские татары сохранили историческую память о том, что позднее татар на Иртыше появились выходцы из Бухары – шейхи, которые стали обращать местное население в мусульманскую веру [МСЭЭ ОмГУ, 1978. к. 283]. С.В. Бахрушин писал, что с момента прихода в Сибирь хана Шейбана здесь возникла среднеазиатская (бухарская) колония, «сделавшаяся проводницей среди татар ислама и начатков мусульманской культуры» [Бахрушин, 1959, с. 207].

Подводя итог, можно сделать вывод.

Тюркоязычное население Западной Сибири благодаря географическому расселению обеспечивало доступ к основному богатству региона – пушнине – и могло контролировать его потоки. Здесь проходила северная граница, которая для кочевников казахстанских степей, являлась определенным сдерживающим фактором во внешней политике. В определенной мере они были направляющей силой в религиозном плане, так как сибирские татары участвовали в исламизации населения Северного Казахстана или иначе – с их помощью это обращение в новую веру совершили бухарские шейхи [Татауров, 2010 б, 2011 а].

4.3 СИБИРСКО-НОГАЙСКИЕ СВЯЗИ.

Одновременно с формированием Сибирского юрта в восточном Дешт-и Кипчаке происходило образование могущественной степной державы – Ногайской Орды. До конца 1460-х гг. ее ядро – Мангытский юрт в междуречье Яика и Эмбы – составлял часть рудиментарного ханства левого крыла Улуса Джучи и сам, в свою очередь, являлся правым крылом в так называемом государстве кочевых узбеков хана Абулхайра. Предводители ногаев, не

принадлежат к царственному роду Чингисидов/Джучидов, не имели прав и полномочий на самостоятельное правление. Поэтому они были вынуждены подыскивать покорного династа, который наделил бы главу мангытов высшим аристократическим рангом беклербека (бия) и не вмешивался во внутренние дела Орды.

Первоначально ногаи рассчитывали использовать в этой роли внука узбекского хана Абулхайра – Мухаммада Шейбани. Но стол-

кнущись с его независимым нравом и воинственностью, передумали и обратили внимание на тюменского хана Ибака. Впрочем, возможно, что Тюмень и до того времени уже входила в сферу ногайского влияния [Frank, 1994, с. 22], поэтому Ибак вполне мог оказаться одной из мангытских креатур. В русских источниках он зовется «царем ногайским» [ПСРЛ т. 12, с. 20, 23; т. 28, с. 315; Посольская книга, 1984, с. 25]. Данный титул обозначал не этническую или племенную принадлежность хана, а основной состав его войска и подданных. На самом деле Ибак мог распоряжаться по своему усмотрению лишь немногочисленным населением и небогатыми ресурсами собственного Сибирского юрта. Ногаи же входили в его ханство номинально, хотя и диктовали ему политическую стратегию. Сотрудничество правителей было скреплено женитьбой Ибака на дочери мангытского бия Ваккаса: в летописях сыновья Ваккаса, Муса и Ямгурчи, фигурируют как «шурья» Ибака.

Оценки степени взаимозависимости сибирского хана и мангытских предводителей в историографии неодинаковы – от полной подчиненности последних первому до равноправного союза. Наиболее приемлемой представляется точка зрения, высказанная А.Г.Нестеровым: ногаи «признавали лишь номинальное верховенство шибанидского хана», обладая фактической самостоятельностью [Нестеров 1988, с. 14].

Лидеры ногаев, братья Муса и Ямгурчи, вместе с Ибаком и казахским ханом Джанибеком в конце 1460-х гг. составили коалицию и оттеснили от власти наследников Абулхайра. После этого союз Ибака с мангытами расстроился, но был возобновлен около 1473 г. после провала интронизации Шейбани. Первое общее мероприятие хана и его мангытских соратников было направлено против их общего врага Ахмада, хана Большой Орды. Как известно, осень и зиму 1480 г. Ахмад провел в бесплодном и бессильном стоянии на берегу Угры, притока Оки, напротив московской армии Ивана III, не решаясь напасть на русских и тщетно поджидая союзное польское войско. В конце года изможденная и изголодавшаяся ордынская рать была отведена ханом восвояси на юг и распущена по улусам. В этом ослабленном состоянии его и настигли пришельцы из-за Волги.

В январе 1481 г. сибирско-ногайское войско разгромило ставку Ахмада, а самого хана убил мирза Ямгурчи. В некоторых летописях указывается, что Ахмада убил Ибак [ПСРЛ,

т. 26, с. 274; т. 28, с. 315; т. 33, с. 124]. Возможно, это разночтение может объясняться стремлением каждого из партнеров по коалиции приписать убийство хана себе [Горский, 2000, с. 177, 178]. В ряде случаев из фразы «безбожного царя Ахмата уби шурин его нагаиский мурза Ямгурчеи» можно заключить, что Ямгурчи доводился шурином Ахмаду, а не Ибаку. Именно так понял летописное сообщение анонимный автор «Казанского летописца» [см.: История 1903, с. 8, 203]. Однако «Летописец 6360–7106 гг.» при описании подготовки нападения сибиряков и ногаев на Большую Орду рассказывает, что Ибак, проходя через ногайские степи, «взвез с собою шурью свою из Нагаи, Мусу мырзу да Ямгурчеи мырзу» [Летописец, 1819, с. 188]. Этот же источник содержит и иные любопытные детали – численность сибирско-ногайской армии (16 тысяч), указание на убийство Ахмада рано поутру.

В Литовской метрике сохранилось письмо крымского хана Менгли-Гирея польскому королю Казимиру IV, в котором описываются эти события января 1481 г.: «Генвара месеца у двадцат первы пришед цар шибаньски а Ибак солтан его, а Макму князь, а Обат мурза, а Муса, а Евгурчи пришед, Ахматову орду подоптали, Ахмата цара умертвили, вси люди его и улусы побрали, побравши, прочь пошли» [Сборник Муханова, 1866, с. 29; Pułaski, 1881, с. 209]. Этот фрагмент отражает иерархию отношений между мангытами и сибирцами. После поправок явных искажений при переводе с тюрки выясняется, что на вершине властной пирамиды стоял Ибак (арабская транслитерация: айб.к – ср.: «а Ибаксолтан»), названный в крымской грамоте султаном, а в русских летописях царем, т.е. ханом. «Макму» – это брат Ибака Мамук, занимавший, как следует из текста, при хане пост беклербека («князя»). Мангытские предводители – тогдашний номинальный глава Мангытского юрта Аббас, фактический лидер ногаев Муса и его брат Ямгурчи – при этом раскладе представлены как просто мирзы. Кажется, Ибаку удалось сохранить некоторую дистанцию между собой и могущественным Мусой, поскольку на высшей военной должности он держал не мангытского сановника, а своего брата¹.

¹ Незнакомое тюркское имя Ибак литовские переводчики или, скорее, переписчики при копировании перевода набело, приняли за имя некоего султана, состоящего при «шибанском царе». Местоимение «его» после слова «солтан» в литовском переводе грамоты домыслено ошибочно. Из единодушных

Нежелание хана вручить беклербекство в своем юрте мангытам содержало несомненный конфликтный потенциал и могло побудить их в очередной раз сменить протезе. В октябре 1490 г. в Москву прибыл посол от дотоле неведомого «Абелек Еменека царя», который в тексте грамоты рекомендовал себя как «Абделфатт царь». Его сопровождали послы Мусы и Ямгурчи. Новый хан писал, в частности, что «великого князя дети (т. е. потомки золотоордынского беклербека Эдиге. – В.Т.) Апас князь, Муса, Ямгурчеи мырза и их дети и братия царем мя себе держат». Он самодовольно добавлял: «С мангыты из старины братья и товарищи есмь» [Посольская книга, 1984, с. 33]. Московское правительство приняло к сведению эту информацию и на переговорах с послами официально титуловало хана «царем ногайским» [Посольская книга, 1984, с. 36] (ранее так обозначался Ибак). Следовательно, ногайские бии Аббас и Муса сменили хана, хотя Ибак продолжал царствовать в Сибири: в привезенном вместе с посланием «царя» письме Мусы говорится о казанском князе Алгази, что бежал к ногаям и ныне «с Ыбреимом царем к Тюмени поехал... у Ибреима царя в Тюмени живет» [Памятники, 1884, с. 168].

Такой принципиальный шаг, как смена хана, мог произойти лишь по воле Мусы, и узбекский царевич Аминек определенно являлся его выдвигенцем. Судя по некоторым отголоскам в русско-ногайской дипломатической переписке, между «хакимом Дешт-и Кипчака» Мусой, с одной стороны, и его дядей Аббасом и братом Ямгурчи, с другой, в тот период возникли разногласия. Аминек в грамоте объявляет, будто его «держат царем себе» все трое из перечисленных персонажей. Но летом 1492 г. в Москву поступило донесение о кочевании Мусы на Эмбе, отдельно от Аббаса и Ямгурчи, и при этом «Опас... да Ямгурчеи с Мусою не вмиру» [Посольская книга, 1984, с. 46]. Очевидно, причиной ссоры была как раз фи-

известий русских летописей о сибирско-ногайском набеге на Большую Орду известно, что этим «царем» и был сам Ибак. Обычно он титулуется как «царь ногайский», однако есть упоминание о нем и как о «царе Иваке Шибанском» [Летописец, 1819, с. 187]. Никакой другой шибанидский хан не участвовал в описываемых событиях начала 1481 г. Правильный текст предположительно должен был бы выглядеть так: «...Приход цар шибанский Аибак солтан, а Макму князь, а Обат мурза...». Впрочем, возможна и другая интерпретация. Султаном, т. е. не царствующим членом ханского дома, в ряду перечисленных лиц являлся только Мамук. Тогда: «...Приход цар шибанский Аибак, а солтан его Макму князь, а Обат мурза...».

гура «ногайского царя», поскольку дальше в грамоте сказано: «Опас да Ямгурчеи послали в Тюмень по Ивака царя, а зовут его к себе». Сами же «ногаи кочуют под Тюмень противу Ивака. А Ивак... идет к ним по их речем, что по него посылали» [Посольская книга, 1984, с. 46–47]. Эти события вспоминал в 1497 г. и сам Муса: «На братью свою прогневавшись, в Туркмен ездил есмь, и здешние братья почали докучати, да и привели» (т. е. упростили вернуться) [Посольская книга, 1984, с. 50]. Об Аминеке с тех пор не слышно, а Ибак снова занял место номинального правителя Ногайской Орды.

В начале 1493 г. Муса и Ямгурчи задумали повторить триумф 1481 г. и повели сибирско-ногайское войско с Ибаком и Мамуком к Астрахани. Объектом нападения на этот раз оказались сыновья убитого двенадцать лет назад Ахмада, ханы-соправители Большой Орды Шейх-Ахмад и Саид-Махмуд. Однако по неясной причине (возможно, из-за неприбытия с запада союзного ногаям крымского войска), не дойдя до цели, ногаи развернулись и «назад к Тюмени покечевали» [Памятники, 1884, с. 168, 206]. Очевидно, в последний момент крымский хан Менгли-Гирей, вопреки договоренности, раздумал пособлять пришельцам с востока. Ведь на этот раз ногаи шли не просто пограбить Ахматовичей, но на их место «Ивака да Мамука цари учинити!» [Памятники, 1884, с. 168]. Перспектива появления в Большой Орде вместо ее слабых соправителей сибирских Шибанидов, опирающихся на могучую ногайскую конницу, не устраивала Крым. Муса же не пожелал выяснять отношения с Бахчисараем и в письме туда дипломатично объяснил неудачу кампании объективными обстоятельствами («Бог нам пособново пути не створил») [Памятники, 1884, с. 208].

Неудача не смутила Ибака. В следующем году он напомнил Ивану III, имея в виду убийство Ахмада в 1481 г., о занятии им, Ибаком, трона Бату и указал, в частности, что «великого князя деди (потомков Эдиге. – В.Т.) на княжение учинив, на отцов юрт к Волзе пришел, стою» [Посольская книга, 1984, с. 48–49]. На самом же деле стоять «на отцове юрте» ему не пришлось. Муса и Ямгурчи предпочли в дальнейшем менять большеордынских ханов без его помощи, а Ибак вернулся в Тюмень, где около 1495 г. был свергнут и убит Тайбугидами.

Престол «ногайского царя» освободился, и на него тут же был возведен Мамук. Поскольку после выступления Тайбугидов он лишился Тюменского юрта, требовалось искать для него

ханство. Ямгурчи настоял на взятии Казани. «Многая сила нагайская» в 1496 г. вошла в город; московский ставленник, хан Мухаммад-Амин, бежал в Россию [ПСРЛ, т. 12, с. 242, 243; Разрядная книга, 1966, с. 26; Разрядная книга, 1978, с. 50]. Мамук в течение года занимал казанский трон, но рассорился с местной аристократией и вынужден был уехать обратно за Волгу.

Муса с самого начала принял всю эту затею очень холодно. Он симпатизировал Мухаммад-Амину и даже послал вслед за Мамуком в 1496 г. своего сына с двухтысячным войском [Посольская книга, 1984, с. 50], но остановить авантюру не смог. После краха ханствования Мамук исчезает со страниц хроник: ногаи разочаровались в «царе»-неудачнике.² видимо, Муса к тому времени уже склонился к идее об избавлении от фигуры вышестоящего государя в принципе.

В 1530–1540-х гг. наиболее могущественным и влиятельным среди мангытских мирз был сын Мусы Шейх-Мамай. В соответствии с распределением компетенции и уделов в Орде, произведенным в 1536 г., ему как наместнику восточных кочевий достались в том числе функция связей с Сибирским юртом. При дворе мирзы воспитывались высокородные принцы – казахский царевич Хак-Назар б. Касим и сибирские султаны, внуки Ибака Кучум и Ахмад-Гирей. Это давало возможность Шейх-Мамаю в будущем посадить в соседних ханствах зависимых от себя монархов.

В одном башкирском предании говорится, будто правитель Башкирии «Акназар-султан» прибыл туда из Сибири. Это событие можно датировать приблизительно второй четвертью XVI в. С.Герберштейн сообщает об улусно-крыльевом разделении Ногайской Орды того времени, в соответствии с которым «частью Сибирской области и всей окрест лежащей страной» правил «Ших Мамай». Поскольку Сибирь в XV – первой половине XVI в. понималась как регион, главным образом, бассейнов Тобола и Иртыша (и, видимо, до Яика³), то можно рассматривать «Сибирь» башкирского источника как ногайский удел Шейх-Мамай. Акназар же соответствует казахскому султану и будущему хану Хакк-Назару [Трепавлов, 2011а, с. 110–113].

² «Мамуков царев сын» Ахмад прибился к ногаям летом 1502 г. и вместе с «нагайскими мырзинными людьми» ограбил крымское посольство, возвращавшееся из Москвы [Памятники, 1884, с. 472].

³ «Область Сибир... В ней начинается река Яик, которая впадает в Касийское море» [Герберштейн, 1988, с. 163–164].

Предание сибирских татар, зафиксированное Н.Ф.Катановым, гласит, что сибирский «Акмет Керей хан» был убит своим тестем, и затем воцарился его брат Кучум, которому исполнилось в ту пору двенадцать лет. Пока Кучум подрастал, его народом управлял султан Ногай [Катанов, 1896, с. 7, 8], что выглядит как собирательное обозначение ногайских правителей. У Г.Миллера названо имя тестя-убийцы: «бухарский князь Шигей» [Миллер, 1999, с. 196]. Шигей/Шегей действительно существовал. Это один из сыновей Мусы Шейх-Мухаммад; в разных источниках представлены различные диалектные варианты произношения имени: Саймагамет, Сагим, Шахим, Шигим, Шихим (общепринято в литературе) и числе Шигей. Но вряд ли он оказался в состоянии распространить свое влияние на Башкирию. Слишком непрочной и недолговечной оказалась его карьера. В конце 1510-х годов Шейх-Мухаммад, в числе прочих мангытских аристократов, отступил за Волгу, спасаясь от казахского нашествия, а в 1520 или 1521 г. был убит в Астрахани. Если допустить, что Кучум воспитывался у Шейх-Мухаммада до гибели последнего, то получается, что родился он около 1508 г. и ко времени рокового поражения в августе 1598 г. ему было девяносто лет. Но в тот период Кучум хан вел весьма активную политическую деятельность, трудно ожидаемую от столь древнего старца.

Если же усматривать в «Шигее» другого ногайского лидера – Шейх-Мамай – то вырисовывается более правдоподобная картина. Во-первых, Шейх-Мамай скончался в 1549 г., тогда получается, что Кучум родился приблизительно в 1537 г., а потерпел поражение и был убит ногаями (см. ниже) в вполне дееспособном шестидесятилетнем возрасте. Во-вторых, Шейх-Мамай также имел отношение к Сибири: как указывалось выше, этот край пребывал в его ведении. Кроме того, он осуществлял контроль над Казахским ханством, которым правил возвращенный им Хакк-Назар. В-третьих, прослеживается аналогия судеб Хакк-Назара и Ахмад-Гирея с Кучумом. Все они воспитывались в Ногайской Орде, из ногайской среды выделялся регент малолетних султанов. Сходной деталью является и породнение через брак. Шейх-Мамай через одну из своих дочерей породнился с Ахмад-Гиреем, также, как и с казахским царевичем.

Если допущение о регентстве Шейх-Мамай при сибирских Шибанидах верно, то роль Башкирии при данном повороте собы-

тий выглядит значительной и своеобразной. Едва ли можно счесть совпадением то, что и казахский, и сибирский «хан-заде» были направлены туда в качестве наместников. С учетом перспективы их царствования в соответствующих юртах, наместничество в Ногайской Башкирии резонно трактуется как управленческая тренировка, приобретение административных навыков будущими ханами. Источники умалчивают о жизненных перипетиях Ахмад-Гирея и Кучума в тот период. Если принять датировку А.П.Чулошниковой – 1546 г. как начало правления Ахмад-Гирея в Башкирии, то она целиком совпадает со временем отъезда предыдущего наместника, ногайского мирзы Исмаила, оттуда на Волгу, для управления правым крылом Ногайской Орды в должности нурадина.

Тайбугидские правители являлись беками (биями). Точно в таком же положении уже почти сотню лет находились к тому времени потомки Эдиге. Иерархическое различие между государями Ногайской Орды и Сибирского юрта исчезло. Можно полагать, что свержение Шибанидов в Сибири послужило одним из факторов государственного оформления Ногайской Орды, избавившейся наконец от вышестоящего сюзерена. Отношения между ногаями и Тайбугидами установились номинально равноправные, а практически – враждебные. В 1535 г. войска Шейх-Мамаия воевали Сибирский юрт [Посольские книги, 1995, с. 155, 166].

Первое время ногаи не оставляли надежд посадить на сибирский трон своего ставленника, который осывял бы законность их гегемонии в Деште. Однако попытки интронизации таких ханов (Мамука, Агалака и, возможно, Ахмада б. Мамука) оказались неудачными из-за очевидной слабости и малого политического престижа кандидатур. Во второй четверти XVI в. мангытская знать отказалась от практики возведения подставных ханов. Вместе с тем она не оставила и традиционную линию на поддержку Шибанидов, в частности внуков Ибака Ахмад-Гирея и Кучума, второго и третьего сыновей султана Муртазы [Сборник летописей, 1854, с. 156]. К этому располагали и дружеские связи ногаев с узбекской (среднеазиатской) ветвью этого клана.

Однако в конце 1550-х годов у ногайского бия Исмаила и тайбугидского бия Ядгара б. Гази нашлись общие интересы. Исмаил был известен в Дешт-и Кипчаке как союзник русского царя, и Ядгар, также искавший царской поддержки против шибанидской реставрации,

упросил ногайского правителя посредничать в установлении контактов между Сибирью и Москвой [РГАДА, ф. 127, оп. 1, д. 6, л. 215 об., 216; ПСРЛ, т. 36, с. 370]. Это сотрудничество было подкреплено взаимным курсированием посольств и торговых караванов. Ногайскую верхушку связывали с северо-восточными соседями родственные узы: сестра Исмаила в свое время стала одной из жен Ядгара отца, ее дочь и сестра Ядгара Султан-беки являлась племянницей бия ногаев [РГАДА, ф. 127, оп. 1, д. 6, л. 178; д. 7, л. 61; д. 8, л. 11 об.].

Тем временем сибирские Шибаниды вступили в вооруженную борьбу за возвращение себе престола, отнятого у их династии Тайбугидами. Приблизительно этим периодом, видимо, и следует ограничить башкирское наместничество Ахмад-Гирея. В 1563 г. Ахмад-Гирей и его брат Кучум при помощи ногайских и узбекских войск смогли отвоевать Сибирский юрт.

Утвердившийся у власти Кучум принял титул хана сибирского и тюменского, но, в отличие от своих предков, не стал «царем ногайским». Этому препятствовали, во-первых, угасание практики подобной инвеституры в Ногайской Орде, во-вторых, вассальное подчинение Кучума бухарскому хану Абдулле II. Сибирско-ногайские отношения установились на редкость стабильные. Документы отмечают «сылки меж ими для свойства, чтоб меж ими воины не было» [РГАДА, ф. 127, оп. 1, д. 7, л. 39, 39 об.; д. 9, л. 86 об.; 1587 г., д. 5, л. 22]. Стычки на границах возникали только по недоразумению и быстро гасились. По меньшей мере четверо высокородных ногайских мирз женились на дочерях Кучума, а сам он взял за себя ногайскую «княжну». Через ногайские степи пролегал безопасный для сибирских паломников путь хаджа в Мекку. В 1581 г. туда проследовала мать Кучума [Акты, 1841б, с. 5; РГАДА, ф. 127, д. 8, л. 11 об., 14 об., 43 об., 73 об., 74, 91, 92; д. 9, л. 86 об., 160, 165 об., 168; д. 10, л. 109 об., 110, 151; ф. 137, оп. 1, д. 137, л. 357]. Некоторые мангытские мирзы переселились в Сибирский юрт. В Лихачевской редакции Есиповской летописи говорится, что при подготовке отражения Ермака Кучум приказал собирать ополчения всех племен, «киже все под его властью, быша же у него в то время и нагайцов множество людей много» [ПСРЛ, т. 36, с. 121]⁴.

В основе такого тесного сотрудничества лежало не только отсутствие взаимных политических претензий, но и коалиционное

⁴ В других редакциях и видах этой летописи упоминание о «ногайцев множество» отсутствует.

партнерство. Кучум, Абдулла II и ногайские бии Дин-Ахмад, затем Урус объединили усилия в борьбе против казахского хана Хакк-Назара, который перестал подчиняться своим ногайским покровителям и начал оспаривать у них гегемонию в Дешт-и Кипчаке. Вплоть до гибели последнего в 1580 г. коалиция была прочной и действенной.

Естественным рубежом, разграничивающим два юрта, служил, очевидно, Иртыш в среднем течении: в документах конца XVI в. упоминается «ногайская сторона» этой реки, т.е. левый, западный, берег.

Еще одна важная посредническая функция Ногайской Орды заключалась в том, что через ее территорию шли на север торговые караваны из узбекских ханств. Правительство и сибирские воеводы настороженно следили за контактами пришлых коммерсантов с сибирцами. Власти опасались шпионажа в пользу Кучума. Всем был памятен трагический конец Ермака, которого заманили в татарскую засаду именно бухарские купцы (или некто сказавшийся посланцем от них), воззав о помощи против Кучума, который будто бы не пропускает их к Искеру [ПСРЛ, т. 36, с. 62, 63, 95, 113]. Кроме того, власти не желали, чтобы Кучум получал товары, продовольствие и лошадей и тем самым имел возможность продлевать свое беспокойное «казачество». В 1597 г. наместнику новой русской крепости Тары было приказано запретить бухарцам торговать со свергнувшим ханом, а против нарушителей посылать военные отряды [Материалы по истории, 1932, с. 299]. Столь же враждебно русская администрация относилась и к сибирско-ногайским торговым связям. Ограничения в товарообмене делали непростую жизнь скитальцев-«кучумлян» еще более тяжелой. В 1597(?) г. некий сибирский Байсеит-мирза прислал в Москву грамоту, умоляя царя разрешить бухарским и ногайским купцам свободно торговать в Сибири, поскольку без них «мы все скудны» [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1597 г., д. 1, л. 13].

После поражения под Искером Кучум лелеял надежды на солидарность окрестных тюркских владетелей в своей борьбе за реванш. Ближайшим и в то время довольно сильным соседом Сибирского юрта была Ногайская Орда. Бегство хана в степь русские порой воспринимали как уход «в поле к Нагайской орде» [Памятники, 1890, с. 364]. На протяжении 1580–90-х годов то и дело поступали сведения о его намерении отъехать «в Нагаи» [РГАДА, ф. 123, оп. 1, 1586 г., д. 1, л. 14; ф. 131, оп. 1, 1597 г., д. 1, л. 2]. На са-

мом же деле вплоть до последних лет XVI в. хан располагал ресурсами и пока недоступными для русских владениями, достаточными для автономного существования. Контакты с ногайскими правителями выражались главным образом в его посольских миссиях к ним с «великими поминками» и просьбами о военной помощи [РГАДА, ф. 214, кн. 11, л. 40; Материалы по истории, 1932, с. 108] – всегда безуспешными. Ногайские бии и мирзы не желали ввязываться в военные авантюры сибирцев и портить отношения с могущественной Москвой. Верховный бий Урус, скорее, искренне отрицал свою причастность к Кучумовым набегам [РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1586 г., д. 8, л. 9]. В них могли участвовать разве что мелкие улусные предводители ногаев, позарившиеся на военную добычу.

Кучум пытался укрепиться в южных и восточных районах своих бывших владений и при этом опираться на ногаев. Их поддержка выражалась, в частности, в шпионаже ногайских торговцев и лазутчиков в новых русских городах за Уралом; сам Кучум заявлял тарскому воеводе: «А с нагаи есмь в соединенье» [Материалы 1932, с. 298, 299; РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1597 г., д. 1, л. 8; СГД, 1819, с. 130]. Наиболее тесные отношения у сибирского правителя сложились с мирзой и будущим бием Ногайской Орды Ураз-Мухаммадом б. Дин-Ахмадом, которому он дал в жены свою дочь Карамыш и ссудил пять тысяч алтын [РГАДА, ф. 127, оп. 1, д. 9, л. 160, 165 об.; д. 10, л. 109 об.]. Именно этот мирза в 1587 г. выступил ходатаем за Кучума перед царем Федором Ивановичем – бил челом, чтобы тот «Кочуму царю Сибирь велел назад отдати, а на него что будет ясаку положишь, и он даст». Ногайский вельможа пытался также уговорить царя выдать ему ценного пленника Мухаммад-Кула [РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1587 г., д. 5, л. 22]. Эта инициатива наверняка исходила от Кучума, который, со своей стороны, тоже безуспешно пытался вызволить своего племянника из рук врагов.

Поскольку Кучум в 1563 г. сверг и изгнал Тайбугидов, их собственные подданные были вынуждены подчиниться ему. По терминологии позднего Дешт-и Кипчака, эти подданные считались юртом или улусом (уделом) Тайбуги. После разгрома хана казаками осенью 1582 г. они вновь должны были подыскивать себе сюзерена. Собственно, выбор оказывался небольшим: Россия, Ногайская Орда, казахи или калмыки. Первая и последние не принадлежали к миру ислама; казахский хан Шигай

был «коллегой» Кучума по бухарскому вассалитету. Но хан Абдулла не оказал поддержки Кучуму в самый тяжелый момент, чем фактически разорвал союз. Следовательно, тайбугинские улусники должны были или начинать самостоятельные переговоры с далекой Бухарой о перекочевке на юг, прочь от Ермака, или искать покровителя поближе.

Выбор, сделанный «Тайбугиным юртом», отражен в послании царя Федора Ивановича Кучуму около 1597 г.: «А которые нагайские улусы Тайбугин юрт, которые кочевали вместе с тобою, от тебя отстали – на которых людей тебе была большая надежа» [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1597 г., д. 1, л. 20; СГГД, 1819, с. 134]. Эта походя брошенная фраза при дефиците сведений привлекает внимание. Слова о кочевании вместе с Кучумом возможно трактовать как бывшее пребывание «юрта» в центре ханства, в домене, который до 1563 г. являлся сердцевинной тайбугидских владений. Когда Ермак занял Искер и прииртышские городки, хан ушел в южные степи, а его подданные со среднего Иртыша откочевали к Большим Ногаям. Вот почему в царском письме они предстают как «нагайские улусы».

Приток новых подданных заставил мангытских лидеров заняться их размещением и обустройством. На совещании мирз было решено выделить им наместника и обложить ясачной податью. Таким наместником стал Ураз-Мухаммад. По точной аналогии с оригинальными ногайскими номинациями нурадина и кековата, ему придумали титул по имени первого владельца их улуса Тайбути.

Весной или летом 1584 г.⁵ Ураз-Мухаммад написал царю Федору Ивановичу: «А нас... на Мангытском юрте третьим государем учинили и удел мне дали Тайбугинском жеребеи» [РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1585 г., д. 1, л. 8]. «Учинеие третьим государем» по торжественности формулировки демонстрирует, пожалуй, новизну ситуации – принятие под начало новых подданных и включение их в среду ногаев.

Удел «Тайбугинского жеребья» (т.е. наследия Тайбути) разместили где-то в северо-восточных пределах Большой Ногайской Орды. Ураз-Мухаммад в депеше, доставленной в Москву 30 августа 1586 г., упоминает о нем следующим образом: «[А бу]дет... с нами завоеужае и из Волги и из Яка воды не дашь,

а почаешь себе то, что мы отдалели в тайбугинскую страну, и наша шерть порушитца, и любовь наша до конца урветца» [РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1586 г., д. 9, л. 18]. – Ясно, что упоминаемая «страна» (в оригинале, вероятно, «юрт») находилась, во-первых, к востоку от Яка, во-вторых, на максимальном удалении от Европейской России – может быть, в верховьях Тобола и Ишима, поскольку еще восточнее кочевали калмыки и Кучум, южнее – потомки Шейх-Мамая, а севернее располагалось завоеванное казаками Сибирское ханство.

Кучум напал на русские поселения, пытался собирать ясак с татарских улусов. Воеводы неоднократно разбивали его отряды. Стремясь закрепиться подальше от них, хан основал ставку на территории левого крыла Ногайской Орды, во владениях рода Шейх-Мамая. Фактически он захватил часть ногайской территории. Это вызвало недовольство мирз левого крыла Орды. Не желая ввязываться в вооруженный конфликт с ханом, они известили бухарского хана Абдулла. Тот обратился к Кучуму с увещанием: «Слышали есмя, что вы взяли землю Авлия мирзину (Аулий б. Ака б. Шейх-Мамая. – В.Т.)... А годное было то, чтоб вам, помиряся, да у кафыреи («неверных», т.е. русских. – В.Т.) землю свою поимати. А толко по тому не станете делати, и кафыри вас осилеут и обеззастуют. А толко нас похотеи себе братственноюмети, и вы б с ним (Аулий. – В.Т.) помиряся, и землю ему отдал, и потом бы так не делати» [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1598 г., д. 1, л. 3]. В другом письме Абдулла объяснял свое неучастие в вооруженной борьбе сибирцев («А что еси просил у нас рати, и мы в те поры были в войне, для того и не послали...») [РГАДА, ф. 109, оп. 2, д. 2, л. 1]), но на самом деле он давно уже разочаровался в вассале-неудачнике и не видел пользы в помощи ему.⁶ Воевать с далекой Россией не входило в планы Абдуллы II, поэтому Кучум остался один на один с царскими войсками.

От хана стали уходить бывшие приверженцы – видимо, разочаровавшись в перспективах его борьбы и тяготясь скудной и опасной жизнью в далеких степях. Из источников известны направления этих исходов – «в Бухары и в Нагаи и в Казакшу Орду» [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1597 г., д. 1, л. 1, 20] (т.е. Бухар-

⁵ В цитируемом ниже послании мирза поздравляет адресата с воцарением и соболезнует о кончине его отца Ивана Васильевича. Она произошла 18 марта 1584 г., а на следующий день Федор был венчан на царство. Так что грамоту можно датировать весной – летом 1584 г.

⁶ Первая из цитируемых грамот Абдуллы подклеена к столбцам 1598 г., вторая к столбцам 1596 г. Однако на последней стоит пометка: «Выписано из бухарского столпа 1595 года» [РГАДА, ф. 109, оп. 2, д. 2, л. 2], поэтому переписку Абдуллы и Кучума следует отнести к середине 1590-х годов.

ское ханство, Ногайскую Орду и Казахское ханство).

При давних, тесных и многообразных связях Ногайской Орды с Сибирским ханством было бы логичным ожидать участия некоторых мангытских аристократов в партизанской эпопее Кучума. Особенно это стало заметным в 1590-х годах, когда во главе Орды встал давний партнер Кучума и бывший первый ногайский тайбуга Ураз-Мухаммад (1590–1598). «Вокняжение» зятя давало хану призрачную надежду на военный союз против России. В цитирувавшемся выше его послании воеводу 1597(?) г. говорилось, в частности: «А с нагаи есмя в соединенье. И толко с обеих сторон станем, и княжая (воеводская. – В.Т.) казна шатнетца» [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1597 г., д. 1, л. 8], т.е. угрожал набегами и грабежами.

Примерно с 1593 г. в воеводских отписках и царских наказах начинает фигурировать ногайский мирза с «нагайскими людьми», которые живут где-то («вверх по Иртышу») и представляют угрозу из-за возможности соединения с Кучумом. Причем упоминаются волости, которыми владеют Кучум и этот мирза [РГАДА, ф. 214, кн. 11, л. 36 об.; Миллер, 1999, с. 347] – впрочем, неясно, совместно или порознь. Постепенно в документах проясняется имя ногай – Али («Алей»). Его иногда путают с тезкой – сыном Кучума. На самом деле это был сын бия Ураз-Мухаммада. В юго-западных районах бывшего Сибирского юрта и северо-восточных районах Ногайской Орды имелось некоторое пустынное пространство, которое Али смог занять вместе со своими улусниками, очевидно, пользуясь расположением и разрешением «казачествующего» Кучума. В 1598/99 г. верхотурским воеводам было велено выяснить, «где ныне Алей мирза с нагаи кочуют на котором месте, и сколко с ним нагайских людей, и что его умышленье, и нет ли у него з бухарским сылки, и не чают ли от него к сибирским х которых городом и на волости приходу... (т.е. набега. – В.Т.)» [РГАДА, ф. 214, кн. 2, л. 99 об.].

Возможно, в призрачном «последермаковском» ханстве Кучума этот мирза занимал высшую аристократическую и военную должность беклербека. В 1593/94 г. в его пользу поступал ясак с некоторых татарских волостей и селений, которые формально должны были принадлежать к новообразованному Тарскому уезду: Мерзлый городок, Кирпики, Тураш, Малогородцы [Миллер, 2000, с. 286, 352]. Через год владения Али в Юго-Западной Сибири расширились. В царском наказе тарскому воеводе

Ф.Б.Елецкому цитируется отписка его предшественника на воеводстве, А.В.Елецкого, о том, что из Тары был послан отряд «воевати волостей: волость Чангулу, волость Лугуй, волость Любу, волость Келему, волость Тураш, волость Барабу, волость Кирпики. А те волости нам не служат и ясаку не давали... а были волости за Алеем мурзою нагайским» [Миллер, 1999, с. 362; РГАДА, ф. 214, кн. 11, л. 14 об.]. Все это – местности южнее Тары, по правому берегу Иртыша и далее на восток, в Обско-Иртышском междуречье. Охват «юрисдикции» Али таков, что создается впечатление, будто он контролировал большую часть тогдашнего Кучумова «ханства».

В сибирских кочевьях обретался и другой высокородный мангыт – внук бия Юсуфа Чин. Находясь в жесткой оппозиции к бию Исмаилу – убийце Юсуфа, потомки последнего стремились обрести приют в соседних государствах. Отец и дядя Чина, Эль и Ибрагим, с 1564 г. жили в Московском государстве. Чин же обосновался в Сибири. Очевидно, какое-то время он находился «в соединенье» с Кучумом. Проживавший в русских владениях крымский царевич Мурад-Гирей в качестве одного из возможных доказательств стремления Кучума к примирению с русскими называл выдачу последним в заложники Чина, который живет у него, Кучума [РГАДА, ф. 123, оп. 1, 1586 г., д. 1, л. 14]. Очевидно, убедившись в безнадежности борьбы за восстановление Сибирского ханства, мирза решил присоединиться к отцу, Элю. Решающим фактором здесь мог быть успешный поход тарских ратников в степные волости и их объясачивание в марте 1595 г.

Летом 1595 г. Чин со своими стадами и улусными людьми (и в сопровождении, кстати, матери царевича Мухаммад-Кула) подошел к Таре. Тарский воевода переправил прибывших ногаев и татар в Тобольск. В Москву была направлена челобитная Чина с просьбой разрешить ему поселиться в поволжском городке Романове – традиционном пункте размещения выходцев из Ногайской Орды. Царь повелел препроводить Чина в Романов к Элю, а скот его продать и вырученные деньги прислать в Посольский приказ. Посольские дьяки сочинили грамоту к Кучуму, где ставили хана в известность, что «наше царское величество пожаловали Чин мурзе городы и волосты и денгами, и ныне он нам служит» [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1596 г., д. 1, л. 1–10; 1597 г., д. 1, л. 20; СГГД, 1819, с. 134]. «Города и волости» – это, скорее всего, доля в Романовском

уделе, хотя до смерти отца Чин не выделялся имущественно из общих владений семьи.

Знатные ногаи окружали Кучума вплоть до его окончательного разгрома в 1598 г. Многолюдное ханское семейство включало в том числе двух жен: «царицу» Хандазу – дочь ногайского бия Дин-Ахмада и «царицу» Данай – дочь бия Уруса; при гареме находился и четырехлетний мирза Джан-Мухаммад («Зиен-Магмет») и его сестра Лалгатай – правнучки бия Исмаила [Акты, 1841б, с. 17, 18, 20, 22]. Сыновья Кучума Али и Канай также женились на ногайских «княжнах» – дочерях соответственно Дин-Ахмада и Уруса.

За недостатком сведений сложно судить, каким образом и на каких легитимных основаниях ногайская диаспора заняла столь заметное место на развалинах Сибирского юрта. Причем есть сведения и о переселениях к Кучуму рядовых ногаев (в 1598 г. – 100 человек «с лошедми» [РГАДА, ф. 214, кн. 11, л. 40]). Самозахват ими кочевий малочерокоцев, т.к. Кучум, как мы видели, находился с ногаями «в соединенье». Некоторый намек на ответ, возможно, содержится в часто цитируемой грамоте царя Федора Кучуму 1597 г.: «А которые нагайские улусы Тайбугин юрт, которые кочевали вместе с тобою, от тебя отстали – на которых людей тебе была большая надежда» [СГГД, 1819, с. 134]. Возможно, в распоряжение ногайских переселенцев были предоставлены земли, составлявшие родовые земли бекского клана Тайбугидов, которых Кучум и его родичи некогда отстранили от власти в борьбе за власть над Сибирью. В пользу новоселов-ногаев поступал ясяк с этих волостей.

На основе анализа «Тайбугинской легенды» (о родоначальнике Тайбуге и его потомках) исследователи предполагают, что этот родовой домен располагался в районе устья реки Ишим [Бустанов, 2010, с. 34]. Однако после постройки Тары данная местность оказалась в тылу русских владений и стала труднодоступной для Кучума. Поэтому если там какое-то время и расселились ногаи, то они были вынуждены «отстать» от хана – скорее всего, уйти обратно в свои южные степи.

Рассмотрение состояния Ногайской Орды на исходе XVI в. [Трепавлов, 2001, с. 383–389] показывает, что «соединенье» с ней, пожалуй, не смогло бы дать хану никаких преимуществ. В то время мангытская знать разделилась на враждующие группировки, возглавлявшиеся сыновьями покойных биев Дин-Ахмада и Уруса. Эти группировки изготовились к схватке за власть. Надвигалась кровавая смута, которая

началась в 1598 г. со страшной сечи на реке Сакмаре. В том бою полегло множество воинов с обеих сторон и сложил голову ногайский бий Ураз-Мухаммад. Через год при неизвестных обстоятельствах погиб его брат и преемник, бий Дин-Мухаммад. В Орде наступил период безвластия.

Русские власти были прекрасно осведомлены о начавшемся хаосе и кризисе среди ногаев. Именно этот исторический момент они решили использовать для окончательной расправы над Кучумом. Опасность нападения «кучумлян» на русские и татарские селения, угроза пленения ими тех, кто выбирался за пределы крепостных заслонов, все более подвигала к военному и окончательному решению застарелой проблемы хана-«казака».

20 августа 1598 г. на берегу Оби он потерпел окончательное поражение в сражении в русском отрядом из новой сибирской крепости Тара. Дальнейшее местопребывание хана источники связывают с Ногайской Ордой. Скорее всего, это были восточные ее провинции – кочевья Алтыулов, т.е. подданных семьи Шейх-Мамай. Средневековые авторы единодушны в описании враждебности, с которой ногаи встретили сибирцев. Мотивы вражды приводятся разные. Ремезовская летопись приписывает ногаям жажду мести Кучуму за притеснения ногаев, осуществленные когда-то его отцом Муртазой, и неприемлемостью опасного сосуществования с пришельцем: «Ведомой ты и славной вор, Муртазелеев сын, и отец твой нам много зла соделал, и ты, хотя и нищ, то же и нам учиниш, что протчие твои люди от тебя же убиты напрасно и озлоблены» [Сибирские летописи, 1907, с. 352–353].

Есиповская летопись объясняет разлад боязнью ногаев перед русскими. Причем в разных редакциях данного памятника имеются любопытные расхождения. В основной редакции враждебная реакция ногаев на появление Кучума представлена как результат их страха перед нападением русских: «Яко русские вое уведеют, яко ты zde пребываеши, да и нам такожде сотворят, яко ж и тебе» [ПСРЛ, т. 36, с. 69]. Забелинская же редакция отобразила опасение возможного уподобления Кучума Ермаку, бесчинств хана и его свиты в ногайских владениях: «Ты zde, царю, хош да

⁷ На основе этого летописного сообщения гибель Кучума иногда объясняется в литературе местью ногаев – или за какие-то прегрешения Муртазы [Миллер, 1999, с. 293], или за захват кочевий ногайского мирзы Аули [Абдиров, 1996, с. 57].

и нам тако ж, как Ермак з дружиною своею, сотворити, яко ж тебе» [ПСРЛ, т. 36, с. 116]⁸.

Впрочем, при этих разночтениях сама история появления Кучума в Ногайской Орде, кажется, содержит признаки бродячего фольклорного сюжета о бегстве и гибели разгромленного правителя. Правда, в большинстве текстов нет сведений о каких-то стычках и насильственной смерти хана⁹. Преклонный возраст, болезни и стресс от крушения всех надежд и перспектив уже сами по себе несли опасность для жизни. В конце концов старый, беспомощный, полуслепой и оглохший хан был убит ногаями. Произошло это около 1599 г.

В 1603 г. улус старшего из Кучумовичей, Али, получил пополнение и подкрепление в лице трехсот (по другим сведениям, пятисот или семисот) ногаев во главе с алтыульским мирзой Урусом. Выходцы из распадавшейся Ногайской Орды разместились по берегам рек Абуга, а затем Уй, неподалеку от кочевий царевича. Тот вместе с Урусом тут же принял строить планы совместных нападений на сибирские ясачные волости [Миллер, 2000, с. 28, 29, 179; Русская историческая библиотека, 1875, стб. 77, 78]. Правда, эти намерения не осуществились из-за слухов о возможном возвращении из Москвы в Сибирь части плененного Кучумова семейства во главе с сыном Али, царевичем Хансюером, попавшим в плен в 1598 г.

Переговоры о переходе Али в российское подданство не дали результата. Поэтому тюменский воевода М.М.Годунов решил устранить проблему военной силой. В марте и июне 1607 г. посланные им казаки разгромили станы Кучумовичей на р. Ишим. Али отправился «в Нагаи»; его братья выбрали другие маршруты откочевки [РГАДА, ф. 214, кн. 11, л. 116; Русско-монгольские отношения, 1959, с. 25].

Мангытская знать в то время раскололась на враждующие непримиримые группировки. Авторитет главы Орды, бия Иштерека, признавали далеко не все ногайские предводители-

ли. Али довелось на себе испытать накал этого напряжения. Он решил ехать к Иштереку, а брат и противник последнего, Яштерек, как раз для того, чтобы не допустить сибирца до бия, ограбил его. В итоге царевич приютился у Урмаметевых – сыновей бия Ураз-Мухаммада, а именно у своего тезки, который некогда был соратником Кучума. Теперь Али б. Ураз-Мухаммад, вернувшийся из Сибири на родину, смиренно жил в своем кочевье [Акты, 1914, с. 170, 175]. Урмаметевы в то время принадлежали к лагерю противников Иштерека; с ними были «единомышленны» многочисленные и воинственные мирзы Байтерековы – шурыя (родственники одной из жен) Али б. Кучума.

В апреле 1608 г. астраханские воеводы донесли в Посольский приказ, что «Алей Кучумов сын Сибирской... пропал без вести в ту пору, как астороханские люди их (ногаев Иштерека. – В.Т.) погромили, а четырех де сынов Алей отпустил в Юргеч... (т.е. в Хивинское ханство. – В.Т.)» [Акты... Шуйского, 1914, с. 162; РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1608 г., д. 1, л. 14]. Под погромом ногаев подразумевалось, очевидно, успешное нападение астраханских юртовских татар на улусы Иштерека, когда тот в феврале 1608 г. подкочевал к Астрахани для признания Лжедмитрия II законным царем (см. [Новосельский, 1948, с. 60]).

Тем временем пространство Дешт-и Кипчака все больше заполнялось мигрантами с востока – калмыками. Громя раздробленных и отступающих ногаев, они все увереннее занимали степи между Иртышом и Волгой, одновременно пытаясь захватить пастбища в Юго-Западной Сибири и на Южном Урале. Отряды калмыцких тайшей уходили в разведывательные рейды за Эмбу и Яик. Есть данные об участии в таких походах и Кучумовичей [Богоявленский, 1939, с. 61]. В 1622 г. калмыцкая рать числом восемьсот всадников, под командованием тайши Дюрэгчи-Кундулен-Убаши и Кучумова сына Ишима, ворвалась в район бывшей ногайской столицы Сарайчика, которая уже сорок лет как лежала в развалинах, и «погромила» тамошних оседлых жителей (*тумаков*) [История Казахстана, 2005, с. 283]. Впрочем, к тому времени ногайского населения в тех местах почти не осталось.

⁸ В любом случае нет резона сомневаться в факте «ногайской эмиграции» Кучума на том основании, что Ногайская Орда не могла, дескать, служить надежным убежищем от русских (см.: [Атласи, 1992, с. 135]).

⁹ См., например: [Сибирские летописи, 1907, с. 80 (Строгановская летопись: «бежав в Нагайскую землю и тамо зле окаянную свою душу изверже»); Абуль-Гази, 1906, с. 156 («укрылся у народа мангыт и там отошел к Божию милосердию»); Шакарим Кудайберды-улы, 1990, с. 100 («ушел в земли мангытов и там умер»); Яхин, 2009, с. 209 (родословие сибирских сеидов «Шеджере рисалеси»: «Кучум хан ушел из мира»)].

4.4. СИБИРСКО-МОСКОВСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Начало взаимоотношений Московского княжества и Тюменского ханства традиционно принято относить к 1481 году. Исходным пунктом стало посольство тюменского хана Ибака к князю Ивану III с сообщением об убийстве хана Большой орды Ахмада. В ходе развития данных отношений можно выделить несколько этапов, которые были напрямую связаны с изменением политической ситуации на постордынском пространстве. Развитие этих взаимоотношений между московскими Рюриковичами и тюменско-сибирскими Шибанидами в конечном итоге привело к падению Сибирского ханства при Кучуме и его наследниках. В отечественной историографии часто делается предположение о значительной роли в этом процессе агрессивной политики Шибанидов и ответной реакции русских властей. Как представляется, для средневековой эпохи становления евразийской государственности некорректно ставить вопрос о сравнении степени агрессивности политических объединений. Причин этого две: отсутствие совершенного научного инструмента для проведения такого сравнения и невозможность выживания миролюбивого государства в условиях средневековой цивилизации, во многом построенной на военной идеологии и постоянных спорах за различные ресурсы. По всей видимости, одним из таких ресурсов на тот момент могла быть пушнина. Контроль над ее источниками осуществляли те правители, которые одновременно контролировали и сибирские просторы. Кроме того немаловажным фактором во взаимоотношениях было столкновение интересов Москвы и поздnezолотоордынских государств за влияние над экономически выгодной территорией Поволжья. Некоторые аспекты этих отношений были рассмотрены авторами раздела ранее [Маслюженко, 2009, с.237–257; Маслюженко, Рябинина, 2009б, с.97–111; Маслюженко, Рябинина, 2012, с.213–222].

В связи с этим остановимся на основных вехах и этапах этих отношений. Необходимо понимать, что предки московских государей сталкивались с представителями династии Шибанидов еще в период истории Монгольской империи и Золотой Орды. Например, Шибан б. Джучи вместе с монгольским темником и своим аталыком (дядькой-воспитателем) Бурулдаем-кийатом участвовал в разгроме владимирского князя Юрия Всеволодовича в битве на р.Сити 4 марта 1238 г. [Костюков,

2008, с.49–50]. Его потомки были активными участниками событий периода Великой Замятни, занимая золотоордынский престол (Хизр, Пулад, Каан-бек, Арабшах и другие), и оказывая влияние или совершая походы на русские земли (например, походы Арабшаха на Нижегородское и Рязанское княжества летом и осенью 1377 года). Однако эти представители династии, как и известные ханы первой четверти XV века (Хаджи-Мухаммад, Махмуд-Ходжа, Абулхайр), если и сталкивались с русскими, как, например, Арабшах (Арапша в русских летописях), то лишь в рамках традиционного ордынского концепта прав ханской власти на управление и обложение данью русских земель. Очевидно, что иных вопросов не возникало по причине удаленности от московских границ сибирских владений Шибанидов, на основе которых выросло Тюменское ханство [Маслюженко, 2008, с.62–90]. К тому же вплоть до середины XV века Москва была лишь одним и при этом не самым активным игроком на позднезолотоордынской политической арене, для которой сибирские земли, отдаленные за иными татарскими ханствами, не представляли интереса, видимо, из-за плохой информированности о столь удаленных территориях [Рябинина, 2007, с.37–38].

Ситуация коренным образом меняется лишь с приходом к власти в Тюменском ханстве около 1469 г. хана Ибрахима (Ибака) и затем его родственников (братьев Мамука и Агалака и сына Кутлука). Именно с них начинаются первые упоминания о Шибанидах в русской посольской переписке, и возникает первый этап взаимоотношений. При этом для русских дипломатов они часто были связаны не с Тюменским ханством, данные о котором в Московии были крайне ограничены, а с Ногайской Ордой, формальными сюзеренами которой Шибаниды к взаимной выгоде выступали фактически на протяжении всего XV века. Формирование нового направления русской внешней политики можно связывать с появлением в Поволжье политической силы в лице тюменского и ногайского хана Ибрахима, который при поддержке ногайских биев Мусы и Ямгурчи 6 января 1481 г. разгромил своего бывшего союзника, хана Большой Орды Ахмада, и увел его орду-базар «в Тюмень». Это дало ему возможность заявить о своем праве на золотоордынский престол [ПСРЛ, 1982, с.95].

Предположение о тюменско-московских переговорах в предшествующее время и заключения союза против Ахмада не подтверждается источниками. Потенциально оно могло бы объяснить скорость реакции тюменских и ногайских правителей, которые узнали о ноябрьском отступлении хана с реки Угры, собрали войско, прошли с ним несколько сотен километров и напали на кочевую ставку Ахмада в начале января 1481 г. Однако вполне резонно предположить, что за столкновением на Угре следили многие заинтересованные стороны и информация могла быть получена не от далекого московского князя, а от более близких и союзных Тюмени лидеров Ногайской Орды.

Вероятно, частично с этим связан тот факт, что согласно летописям практически сразу после разгрома хана Ахмада Ибрахим направил посла к Московскому князю с извещением о своей победе и тем самым обозначил свое новое положение [ПСРЛ, 1982, с.95]. Разгром, с одной стороны, привел к уничтожению одного из главных противников Москвы, а с другой – поставил ее перед необходимостью определить относительно возможных претензий Ибрахима, которые он позднее пытался реализовать после неудачного похода на Хаджи-Тархан в 1493 г. В ответном посольстве из Москвы он получил «теш»-подарок [ПСРЛ, 1982, с.95].

Интересно то, что факт посольства, а также «теш» для Ибак-хана упоминается только в одном Архангелогородском летописце. В других, более ранних, летописях подробно описываются события на реке Угре и после этого приводятся пространные рассуждения о Божьем промысле в освобождении русского народа. Участие в дальнейших событиях тюменского хана ограничивается констатацией убийства Ахмад-хана, разграбления его Орды и увода ордабазара в Чимги-Туру. Причина подобного пренебрежения к событиям, связанным с посольством тюменского хана, скорее, заключается в том, что для летописца, описывающего историю страны в период ее освобождения от ордынской зависимости, более важным казалось подчеркнуть роль божественного предопределения победы русского народа и московских князей.

Тем не менее сам факт посольства, судя по дальнейшей переписке, имел место. На установление более или менее стабильных, в том числе торговых связей между Тюменским ханством Ибрахима и Московским государством Ивана III может намекать позднее

в своем письме Кучум к Ивану IV: «С нашим отцом твой отец гораздо помирился, и гости на обе стороны ход..» [СГГД, 1819, с.52]. В то же время употребление терминов родства не дает реальной хронологической привязки, поскольку является отголоском использования тюркского термина «ата» (отец) в значении «предок» в системе переписки тюркского мира. Примечательно здесь включение политических и торговых связей в единый контекст.

В свою очередь, после разгрома Большой Орды хана Ахмада Москва начинает выдвигаться наряду с кочевыми государствами позднеордынского мира на арену борьбы за политическое влияние на окружающие территории. Это выразилось, в частности, в походе 1483 года в Сибирь и активном вмешательстве в дальнейшем во внутренние дела Казанского ханства. Контакты кочевых позднеордынских государств с Москвой значительно активизировались, при этом в переписке властители этих политий, понимая большое значение убийства Ахмад-хана для русских, стремились всячески использовать этот факт в своих интересах. Этим могут объясняться несоответствия в летописях по поводу «авторства» ликвидации Ахмад-хана, так как каждый из союзников в переписке с Москвой, по всей видимости, стремился приписать эти события себе в заслугу [Горский, 2005, с. 177-178].

В 1483 году московские воеводы совершили поход на территорию Сибири, трактовка которого вызывает значительные разногласия в историографии. Существует версия, которая связывает причины и цели этого похода с формированием некоего единого агрессивного антимосковского фронта позднесредневековых татарских государств Джучидов и, в частности, с агрессивной политикой Тюменского ханства, которое использовало для своих целей подвластное таежное население Западной Сибири [Каргалов, 1983, с. 117–182; Шашков, 2001, с. 13]. По другой версии причины этого похода рассматриваются как следствие взаимных договоренностей московского князя Ивана III и его нового союзника тюменского хана Ибака, направленных на уничтожение противников Ибрахима сибирских князей Тайбутидов [Плигузов, 1993, с. 145]. Впрочем, ни одна из этих версий не подтверждается источниками. Формирование общего фронта позднесредневековых государств происходило позднее и связано с активизацией политики Москвы в Казани. Кроме того, несмотря на соседские отношения между сибирскими князьями (при этом не из будущей династии

беков Тайбугидов, а из югорской знати) и ханом Ибрахимом, очевидно, что территории к северу от Тюменского ханства на тот момент не входили в его состав, хотя и могли рассматриваться в качестве потенциального объекта грабежа и ясачных выплат. Тем более нет данных о возможном вассалитете угорских князей (в том числе, князя независимого Пельмского княжества) от Тюмени. Если говорить о Тайбугидах, то они в этот период не были связаны с Сибирью, являлись союзниками и родственниками хана Ибрахима. Возможность союза между Москвой и Тюменью также не находит убедительного подтверждения. На наш взгляд, этот поход напрямую не мог быть связан с московско-тюменскими отношениями. С гораздо большей долей вероятности источники позволяют реконструировать цели похода как локально-конкретные, связанные с противостоянием между Новгородом и затем Москвой с вогульскими и остячками князьями, в частности пельмскими лидерами Асыкой и Юмшаном, из-за вопросов пушнины, и отчасти, возможно, осложненные расширением процессов христианизации. Конкретно локальный поход на Пельм и Югру вследствие личного решения воевод привел к значительно большему охвату западносибирских территорий [Рябинина, 2007, с.37–38; Масложенко, Рябинина, 2014 а, с. 115–123]. Напротив, в этих условиях прямое вмешательство Москвы в сибирские дела могло привести к конфликту с Тюменью.

Следующий шаг, который предприняла Москва для укрепления своих позиций в регионе, был связан с вмешательством в казанские дела в 1487 г. и ссылкой казанского хана Ильхама (в русских источниках упоминается как «Алегам»). В результате казанский вопрос выдвигается на первый план и в московско-тюменских отношениях. О значимости казанского вопроса свидетельствует то, что именно с него начинается постоянная посольская переписка хана Ибрахима и Ивана III в 1489 году, связанная с возведением на казанский престол промосковски настроенного Мухаммад-Амина, что фактически давало русским контроль над регионом. Это непосредственно затрагивало интересы кочевых правителей, в том числе и хана Ибрахима, при этом конфликт мог дополнительно разжигаться частью ногайской и бежавшей казанской аристократии, которая находилась при дворе Ибак-хана. Кроме того, кочевые правители со времен распада Золотой Орды рассматривали на уровне политической идеологии Казанский престол в качестве «Тахт эли» [Исхаков, 2014, с.175–190].

Одна из главных причин интереса к Казанскому ханству со стороны Москвы заключалась в прекращении набегов со стороны Казани и укреплении южных и юго-восточных границ, безопасность и обеспечение потенциального контроля над территорией Волго-Камья, Перми и Северного Зуралья. Экономическая заинтересованность кочевников в Казани в данном случае служила способом достижения политического влияния для Москвы. По мнению А.М.Хазанова, оседлые государства, соседствующие с кочевниками, рассматривали торговлю с ними именно как инструмент внешней политики и давления [Хазанов, 2002, с. 334], что использовали великие князья в отношениях со степью и Сибирью. Примером этому может служить ответ Ивана III на посольства тюменского хана Ибака и ногайских мурз Мусы и Ямгурчя, в котором Москва недвусмысленно и жестко диктует свои условия для разрешения торговли ногаем в данном регионе [Посольская книга, 1984, с. 21–22].

Особенности московской политики в отношении золотоордынского наследия позволяли менять казанских ханов, не отступая, впрочем, от традиции ставить ханами Чингизидов и в рамках правящей династии. Причем во второй половине XVI в., уже после завоевания Казани, в публицистике и в посольских документах четко прослеживалась мысль, схожая с последующими высказываниями о Сибири, о том, что Казань была взята еще в 1487 году и «исстари наш юрт. А взял ево дед наш саблею», поэтому после воцарения в Казани Мухаммад-Амина Москва считала себя вправе ставить там и остальных ханов [Алишев, 1995 с. 88; Источники, 1993, с.66]. Иные же кандидаты на казанский трон, в том числе и тюменские Шибаниды, считались изменниками: «а после того на тот юрт казанских людей изменю многие цари и царевичи приходили» [Источники, 1993, с.66].

Протекторат над Казанью давал большие возможности и в проведении Москвой нужной политики в степях, в том числе диктовать свои условия, в жесткой форме, окружающим государствам. В качестве примера можно привести ответ Ивана III на послания хана Ибака и ногайских мурз [Посольская, 1984, с. 21–22]. С этой же целью Москвой использовалась и традиционная практика брачных союзов между кочевыми династиями. Так, по поводу свадьбы между казанским домом и ногаями, на которую Мухаммад-Амин просил разрешения у Ивана III, великий князь отвечал, что для того, чтобы добиться от ногаев выполнения условий,

поставленных в 1489 году «без моего бы ведома своей сестры не давал» [Памятники, 1884, с.87]. Впоследствии, дав согласие на брак, Иван III писал, что «наша мысль то, чтобы тебе наперед...у Мусы мырзы взятии за себя его дочерь; да опосля бы тебе...дати за Алач мырзу своя сестра» [Памятники, 1884, с.96–97].

Определение значения Булгарских (Казанских) земель во владениях Шибанидов в предшествующее время достаточно дискуссионный вопрос, хотя и имеется информация о претензиях на эти земли со стороны шибанидских ханов Хаджи-Мухаммада и Абулхайра. Ибрахим в течение своего правления не только обращался к московскому князю относительно судьбы казанского хана, но и поддерживал казанскую знать, несогласную с московской политикой и скрывавшуюся в тюменских владениях. Вмешательство Москвы в дела одного из крупнейших наследников Золотой Орды серьезно затрагивало интересы всех его соседей, в частности, разрывало единство торговых путей, необходимых для нормального функционирования большинства постордынских ханств.

Первое письмо от хана Ибака пришло в Москву в ноябре 1489 года, вместе с грамотами от ногайских муруз Мусы и Ямгурчя. В одном из изданий оно получило название «... о продолжении дружбы и союза» [СГД, 1894, с.6], что говорит о наличии предшествующей грамоты. В нем говорится: «От Брейма царя великому князю, брату моему, поклон. Яз – бесерменский государь, ты – христианский государь, от сех мест меж бы нас добродетель бы наша была» [Посольская, 1984, с.18]. Использование понятия «брат» подчеркивает равноправный статус Ибака и Ивана. Далее в письме излагается просьба вернуть еще одного «брата», то есть казанского хана Алегаму, причем в письме есть элемент угрозы: «впрок братом захочешь бытии, мне моего брата ко мне отпусти» [Посольская, 1984, с.18]. При этом в грамоте от 1489 года к Ивану III Ибак-хан пытается в качестве аргумента привести то, что в свое время именно Москва посадила «Алегаму» на престол Казани: «с Алегамом царем меж вас крепкая правда и слово было, тебя, к слову пряма, слышал есми; и яз ныне тех слов правду познаю...» [Посольская, 1984, с. 18]. Не менее осведомленным Ибак-хан оказывается и в вопросе о роли Москвы в воцарении брата Алегаму Мухаммат-Амина: «... оба одного отца дети. Один из них на тебя надеялся, х тебе пошол; и ты ся к нему смилвал...», то есть вернул царство [Посольская, 1984, с. 18].

Иван III отвечает, что Ильхам нарушил братство с русским царем, за что его и покарали. Москвой были выдвинуты обвинения по поводу укрывательства тюменским ханом и его союзниками беглых сторонников казанского хана и разграбления поволжских земель, находящихся под покровительством русской власти. В ответе сибирским послам говорилось, что «нашего недруга Алегамовы люди царевы, которые от нас бегают, Алказый, да Тевекел Сеит, да Касым Сеит, да Багиш с сыном с Утешом и иные их товарищи и тех людей Ивак царь да и мырзы у себя держат» [Посольская, 1984, с.21]. Причем указывается, что и хан Ибрахим Ибак с мирзами и с перечисленными выше людьми грабят казанские земли, находящиеся под русским покровительством: «...колько лиха те люди чинят нашим землям, моей да и брата и сына моего Магметь-Аминовой...землю...цареву и нашу воевали, грабили да и головы в полон понимали» [Посольская, 1984, с.21].

В Сопольском этим предлагается для продления союза все награбленное вернуть [Памятники, 1884, с.83–84], а также казнить казанцев: «а тех бы наших беглецов, Алказья...велели казнить, чтобы вперед такова лиха от них не было» [Посольская, 1984, с.22]. В письме указывается, что, если «Ивак царь захочет с нами дружбы и братства и с моим братом и сыном с Магмед-Амином царем, и мы с ним дружбы и братства хотим», то же самое говорится и в отношении ногайских мирз [Посольская, 1984, с.22,23].

Собственно эта тема была основной в посольских связях между Москвой и Тюменью. В грамотах от Ибака постоянно поднимается вопрос об освобождении пленника и звучит обещание не только дружбы: «Впрок братом захочешь быти, мне моего брата ко мне отпусти» [Посольская книга, 1995, с. 19], но и в грамоте 1493 года – военного союза: «После того твоему недругу недругом стою, и твоему другу его друг стою» [СГД, 1894, с.14]. Характерно, что последняя фраза практически в точности повторяет фразы из грамот ногайских мирз Мусы и Ямгурчи в 1489 году [Посольские, 1995, с.20]. И этого, учитывая многочисленную ногайскую конницу, которую номинально возглавлял хан Ибрахим, было уже немало, хотя, с другой стороны, отпустив хана Али, Россия не могла рассчитывать на выполнение предложенных обязательств.

Таким образом, первый виток переговоров сохранил тот «статус кво», который образовался после вмешательства Москвы в казанские дела. Однако было очевидно, что выход из ситуации продолжают искать как ты-

менские, так и ногайские дипломаты. Москва вполне понимала, за кем стоит реальная военная власть в степях, и предпочитала налаживать более тесные контакты именно с Ногаями, в частности путем брачного союза в 1490 году между своим ставленником – казанским ханом Мухаммат-Амином – и сразу двумя дочерьми предводителей Ногаев Фатимой (дочь Мусы) и Каракуш (дочь Ямгурчи), что было вызвано необходимостью заключения союза против агрессивных действий сыновей хана Ахмада [Памятники, 1884, с. 89]. Как объяснял свое решение Московский великий князь Мухаммад-Амину: «...чтобы тебе Муса прямой слуга и друг был.» [Посольские, 1995, с. 32]. Возможность сепаратного сближения ногаев и Москвы, в свою очередь могла вызвать напряжение в отношениях между Ногаями и тюменским правителем.

В октябре 1490 г. в Москву приезжают новые послы, причем среди них были представители тех же Мусы и Ямгурчи, но вместо хана Ибрахима «Абелек Аминец царя», то есть потомков узбекского хана Едигера. В грамоте Ямгурчи говорилось, что «Еще Алгазья просишь: Алгазья я не видал, с Ибраимом с царем к Тюмени поехал, от тех мест у Ибреима царя в Тюмени живет» [Посольская, 1984, с.33-34]. Из сообщения ясно, что хан Ибак кочует отдельно от ногаев у Тюмени вместе с частью казанцев. В связи с этими событиями существует версия о том, что казанцы могли провести церемонию интронизации Ибака на казанский престол, что и привело к его наименованию в части летописей как «казанского царя» [Трепавлов, 2007, с.101]. Причем под этим титулом он упоминается до своей смерти [ПСРЛ, 1987, с.118]. В то же время лишенный поддержки ногайской конницы тюменский хан не мог проводить успешную самостоятельную политику, в том числе и в отношении Казани, несмотря на усиленное давление безавшей к нему казанской знати.

В 1491 году ситуация, судя по материалам переписки, вновь изменилась. По сообщениям слободских татар, посланных Иваном III к Мусе, Опас-князь (Аббас, дядя Мусы) и Ямгурчей с мирзой Мусой («не в миру»). В результате первые «... послали в Тюмень по Ивака по царя, и зовут его к себе... Ногаи кочуют под Тюмень против Ивака. А Ивак... идет к ним по их речем» [Посольская, 1995, с.44]. Видимо, размовка между ногайскими лидерами была связана с разными подходами к решению казанской проблемы. В этот же период Москва вновь требует вернуть все награбленное

в Казани, к тому же привлекает к переговорам представителей крымского хана Менгли-Гирея [Памятники, 1884, с.128]. Невозможность решить вопрос дипломатическим путем привела и к военным конфликтам, о которых, в частности, указывается в грамоте Мухаммад-Амина Ивану III: «...Божиим изволением, на отца своего месте царем ся есми учинил: Ивак, да Мамук, да Муса, да Ямгурчей еже лет на меня войною приходят» [Памятники, 1884, с.146].

По мнению В.В.Трепавлова, вскоре после этих событий Аббас умер, и Муса вновь вернулся в Орду, но теперь уже в качестве старейшего из всех потомков Едигера. Он вновь обратился к хану Ибрахиму и даже, не желая ссоры с Москвой, сумел остановить совместный ногайско-сибирский поход на Казань, организованный Ямгурчи и Ибрахимом при посредничестве казанской оппозиции при тюменском дворе [Посольские, 1995, с.47; Трепавлов, 2002, с.118]

Не сумев осуществить свои притязания на казанский трон, Ибрахим в союзе с ногаями организовал поход на Астрахань в 1492 году [Посольские, 1995, с. 45-46]. В этом они неожиданно получают поддержку и от крымского хана Менгли-Гирея и формально от Ивана III. Как писал в своей грамоте великий князь к ногайским мирзам Мусе и Ямгурчею: «Менгли-Гирей...с вами хочет быти заодин на ваших и на своих недругов, на Ахматовых детей. И ты бы...с Менгли-Гиреем царем, да и с нами был заодин» [Посольские, 1995, с. 46]. Менгли-Гирей даже пообещал военную помощь [Памятники, 1884, т. 41, с 154]. Со своей стороны Москва, возможно, этим походом пыталась отвлечь внимание Ногаев и тюменских ханов хотя бы на время от Казани. Поход завершился неудачей, так как, по мнению В.В. Трепавлова, крымский хан не прислал обещанное войско. Причину этому он видит в желании ногаев утвердить на престоле Большой Орды тюменских ханов Ибака и Мамука вместе с поддержкой ногайской конницы, вместо слабых соправителей Ахматовичей [Трепавлов, 2002, с. 129]. Подобное расширение власти Ногайской Орды и тюменских ханов не могло устраивать ни Крымское ханство, ни Российское государство. Возможно, из-за провала этого похода, Ибрахим в переписке стремился лишь один раз подчеркнуть свой авторитет в глазах Москвы, используя прошлые успехи, и возобновил попытки укрепиться за счет решения казанского вопроса.

В 1493 г. от хана Ибрахима в Москву пришла еще одна (последняя из известных

нам) грамота: «Ибраимово слово Великому князю Ивану брату моему поклон». В письме говорилось о том, что Ибрахим «Санский... стул взял..., на отцов юрт к Волге пришед стою» [СГГД, 1894, с.14]. В данном случае в письме, на наш взгляд, отражаются события 1481 года, о которых Ибак-хан напоминает русскому царю. Обращает на себя внимание упоминание о «санском стуле». Рискнем предположить, что это предмет, захваченный лидером узбеков у Ахмада и Махмуда в конце 1440-х гг., затем вернулся после убийства Шейх-Хайдара в 1469 г. к Ахмаду, а в 1481 г. был вновь захвачен Ибрахимом. Судя по всему, трону Бату уделялось большое внимание в политических играх XV века. Кроме того, в послании содержалась уже традиционная просьба вернуть Алегама [СГГД, 1894, с.14]. Но, если в грамоте 1489 года ряд фраз можно трактовать как надежду на возможное благополучное разрешение вопроса по поводу Али, то есть его возвращение на Казанский трон самим Московским великим князем: «Ко мне его не восхошь пустити, и ты его на его вотчину отпустишь», то уже в грамоте от 1493 года присутствует только предложение о том, чтобы Алегама переправили в Сибирь («...Алягам царь стоит, того прошу у тебя. Да как его дашь нам...») [Посольские, 1995, с. 19, 46]. В ответной грамоте Иван III подчеркивал стремление продолжить переговоры и отправить посольство в Чинги-Туру: «и мы с твоим государем, с Ъваком царем, братства и дружбы хотим, а люди бы наши меж нас ездили нашего здоровья видети» [Посольские, 1995, с.47].

Тем не менее дальнейшей переписки и обмена посольствами не последовало. Вероятно, после провала похода, Ибак-хан потерял расположение ногаев и вынужден был вернуться в Тюмень, где у него были определенные проблемы с местной княжеской династией Тайбугидами. В летописях упоминаются сыновья убитого им тайбугида Мара Абдер и Ябалак, которые до самой смерти жили в Тюмени у Ибрахима, скорее всего, в аманатах, как гарантия лояльности Тайбугидов [ПСРЛ, 1987, с.118]. Если говорить о судьбе Ибака после возвращения в Тюмень, то в русских летописях упоминается только факт его гибели (между 1493-1495 гг.) от рук внука Мара князя Мамета: «Мамет ...царя Упака уби» [ПСРЛ, 1987, с.118].

С этого момента связи Москвы и Тюмени временно прекращаются. Наследник Ибрахима – его брат Мамук, – скорее всего, не представлял такого интереса для Москвы, как сам

Ибак, хотя и причинял много беспокойства, так как ногаи продолжали делать ставку на тюменских династов. После неудачи с воцарением на престоле Большой Орды и под давлением беглой казанской знати, предводители Ногайской Орды вернулись к идее посадить тюменского Шибанида на трон в Казани, особенно учитывая, что в самой Казани сформировалась новая оппозиция московскому ставленнику Мухаммад-Амину, про которую в летописи сообщается, что: «... измену чинят Казанский казак Калимет, Урак, Садырь, Агиш». В начале 1496 года Мухаммад-Амин просил помощи у своего покровителя Ивана III, так как «...идет на него Шибанский царь Мамук со многою силою» [ПСРЛ, 1901, с. 242]. Эта ситуация выразилась в последующих вторжениях на казанские территории братьев Ибрахима Мамука (1496 г.) и Агалака (1499 г.).

В 1496 году были организованы два похода нового тюменского хана Мамука, при поддержке части ногаев и казанской знати, которая находилась при тюменском дворе. Первый поход либо так и не состоялся, либо был неудачным, так как на помощь Казани были высланы русские войска под командованием воеводы Ряполовского [ПСРЛ, 1901, с. 243]. Тем не менее после их ухода в том же году Мамуку удалось захватить Казань: «Мамук же царь вборзе прииде ратию под Казань со многою силою Нагайскою и со князи Казанскими...и взя Казань понеже не бысть ему спротивника» [ПСРЛ, 1901, с. 243].

Мамук, в отличие от Ибрахима, не делал попыток установить дипломатические отношения с Москвой, вероятно, по причине недолгого царствования. О его деятельности известно только из летописей, переписки крымского хана и великого князя, а также из посланий ногайских биев. Мамук проявил себя не с самой лучшей стороны в плане внутреннего управления Казанским ханством, вызвав массовые недовольства своей политикой. Дело дошло даже до заключения в тюрьму главных ее представителей («...и князей Казанских ... с братиего изымал...») [ПСРЛ, 1901, с. 243]. Как пишет летописец, особое возмущение вызвало то, что он «гостей и земский людей всех пограбил», что, вероятно, было большим ударом для такого торгового города, как Казань. Поэтому, когда Мамук отправился в неудачный поход на Арский городок, обратно в Казань его уже не пустили. Мамук был вынужден оставить Казань и по дороге в Тюмень умер [ПСРЛ, 1901, с. 243].

В 1499 году совместными силами Тюмени и знатных казанских татар, был организован

очередной поход на Казань во главе с новым претендентом на престол – тюменским Шибанидом Агалаком, братом ханов Ибака и Мамука [ПСРЛ, 1901, с.249–250]. Среди казанцев в летописи особенно выделяется князь князей Урак, который известен по русским летописям как предводитель казанских войск в совместном с русскими походе на Вятку в 1489 году [ПСРЛ, 1982, с. 96]. Можно предположить, что его титул как беклярибека при Агалаке свидетельствует о возведении последнего заочно на казанский престол.

Ногаи не участвовали в этом походе и даже организовали свой собственный набег на Казань. В Никоновской летописи вместе с Агалаком упоминается только казанский князь Урак [ПСРЛ, 1901, с.250], а после этого – приход на Казань ногайских мурз Мусы и Ямгурчя, при этом без всякой связи с предыдущим [ПСРЛ, 1901, с.253]. Таким образом, можно предположить, что после неудачи с Мамуком ногаи решили оставить идею о посажении на казанский трон Шибанидов. Тем не менее, по мнению В.В.Трепавлова, позднее Алагак был возведен на ханский престол мирзой Хасаном, с целью получить от него беклярибекский титул и тем самым упрочить свое положение в Орде [Трепавлов, 2002, с. 144]. Не были лишены ногайского покровительства и другие тюменские Шибаниды. К примеру, царевич Ак-Курт, двоюродный брат Агалака, вел свою переписку с Василием II, находясь у Ногаев [Посольские, 1995, с. 54–77].

Возвращаясь к событиям 1499 года, следует признать вполне логичным то, что лишний мощной поддержки ногайских сил Агалак, в распоряжении которого были только тюменские войска и отряд казанского князя, так быстро отступил от Казани, едва услышав «..что идут на них воеводы великого князя с силою..». Ногайский поход также не увенчался успехом, несмотря на то, что Муса и Ямгурчи пришли «со многими людьми», а в Казани находились в это время только «князя великого воеводы...с малыми людьми». Тем не менее после трехнедельной осады Ногаи «..все вскоре отыдоша во свояси» [ПСРЛ, 1901, с.253].

Провал во внешней политике, вероятно, привел к расколу внутри тюменских Шибанидов и вынудил Агалака вместе с частью элиты уйти на юг в степи к ногаям около 1505 года. Неудача с казанским походом, по всей видимости, подтолкнула Агалака, добиться желаемого другим способом. В переписке царевича Ак-Курта с Василием II, упоминаются переговоры «всякого же году», которые вел Агалак

еще с Иваном III («..и мы тогда к вам грамоту посылали..») [Посольские, 1995, с. 54] по поводу принятия русского подданства в обмен на казанский престол: «..и дядя мой Агалак царь пошел и яз за ним же пошел, ...и как боярин твой пришел, и как того есмь не услышали, что нам Казань даешь...да х тебе не поехали..») [Посольские, 1995, с.72]. Переговоры в окончательном варианте имели негативный для тюменских правителей результат, хотя из Москвы писали, что «мы.. по вашей грамоте посылали к вам своего человека с своею грамотою, и тот наш человек вас не доехал» [Посольские, 1995, с. 59].

В ответ на просьбы о казанском престоле московские князья, с одной стороны, не желали от нее отказываться как от запасного варианта, но и не спешили однозначно согласиться, что и привело к уклончивому ответу: «и ты бы к нам поехал, а как у нас будешь, и мы тогда тебя братом и другом себе учиним, и место тебе в своей земле дадим...а которые люди с тобою к нам придут, и мы тех людей и тебя для жаловати хотим...» [Посольские, 1995, с. 59]. Смысл такой политики, по-видимому, заключался в том, что великий князь, с одной стороны, хотел обезопасить восточные границы России от беспокойных Шибанидов, приняв их под свое покровительство. С другой – Москва не особенно стремилась к усилению опасных и, по сути, бесконтрольных соседей, дав им во владение «проблемное», но от этого не менее значимое, Казанское ханство. Особенно если учесть, что за Агалаком и Ак-Куртом в это время стояли мало управляемые ногайские мурзы. Возможно, зная о проблемах России в Казанском ханстве и о предательстве Мухаммад-Амина, царевич Ак-Курт в 1507–1508 гг. через своего сына Ак-Девлета продолжал настойчивые попытки выпросить Казанское ханство или другой юрт (Андреев городок каменный в Касимовском ханстве) в обмен на подданство [Маслюженко, 2011 б, с.62–66].

В то же время не все тюменские Шибаниды стремились к миру с Москвой. Политику нападения в Приуралье («на Пермь Великую») продолжил в 1505 году новый тюменский лидер «царь Кулуг Салтан», то есть сын Ибрахи́ма – Кулук. В летописях упоминается его поход 1505 года из Тюмени на Великую Пермь: «..рать пришла без вести ис Тюмени, Кулук салтан, Ивака царев сын с братиею и с детьми ... а землю Нижнюю извоевали, а Усолье на Каме русаков вывели и высекли...» [ПСРЛ, 1982, с.99]. Поход был приурочен к событиям, которые происходили в Казани в это время,

когда «безбожный и зловерный царь Магамед-Амень Казанский ... забыв свое слово и преступи шертныа грамоты, великого князя посла поимал... и людей великого князя торговых поимал, да иных секл, а иных пограбив, розослал в Ногаи» [ПСРЛ, 1901, с.259]. В Архангелогородском летописце Кулук называется салтаном, то есть царевичем, хотя в других источниках он упоминается как сибирский царь Кулуг Салтан [Вычегодско-Вымская, 1958, с. 264]. Он пытался отвоевать у русских часть территории Казанского ханства, но был разбит [ПСРЛ, 1982, с.99]. Возможно, зная о проблемах России в Казанском ханстве и о предательстве Мухаммад-Амина, царевич Ак-Курт, дядя Кутлук-Султана, попытался воспользоваться ситуацией. Он предложил себя на место хана в Казани или в Касимове, в обмен на подданство и дружбу: «...и нынеча меня братом себе назовешь, пожалуйешь, и мы недруга твоего саблею сечь, а на другу твоему дружи, и коли пожалуйешь ис тех, из двух юргов, меня.» [Посольские, 1995, с.73].

Но в 1507 году конфликт с Казанью постепенно урегулировался и, как писал Василий III в ответной грамоте к Ак-Курту, на все его предложения о Казани или другом юрте: «казанской царь Махмет Аминь нынче нам друг и брат, а в Городке Мещерском Янай царевич, и те места оба не порожи и нам тех мест обеих не пригоже ему дати» [Посольские, 1995, с. 77]. Далее в грамоте упомянуто, что «грамоты князь велики к Аккурту царевичю не послали». Собственно на этом переговоры зашли в тупик и в дальнейшем об их продолжении ничего не известно. Если Агалак в начале переговоров, вероятно, еще мог рассматриваться в качестве возможной кандидатуры, которая могла бы примирить восточную и русскую партии, с учетом противоречивой политики русского ставленника на казанском престоле Мухаммад-Амина, то после его смерти в 1507–1508 году Ак-Курт и тем более его сын Ак-Девлет уже не рассматривались в качестве сильных политических фигур.

Таким образом, последняя по времени попытка Сибирских Шибанидов получить казанский престол при помощи переговоров с Москвой провалилась, также как и военные операции на этом направлении. Это говорит о крайнем ослаблении как самого Тюменского юрта, так и возглавлявшей его династии, оказавшейся «на обочине» международной политики. В дальнейшем сын Ак-Курта Ак-Девлет и внук Шах-Али стали первыми представителями сибирских Шибанидов, осевшими в Мо-

сковском царстве (возможно, в Мещере) в период с 1512 по 1541 г. [Масложенко, 2011 б, с.67].

В источниках нет сведений о сношениях московских князей и тюменских ханов после 1508 года, последние исчезают из русских источников. Возможно, после неудачного похода Кутлук-Султана в 1505 году, усугубившего предшествующие поражения, Шибаниды отступили в степную зону, в том числе в подконтрольные присырдарьинские степи. В Сибири они оставили правивших от их имени беклярибеков из рода Тайбуги. Но это не означало то, что Шибаниды потеряли контроль над территорией и населением. Так, по Герберштейну, в 1520-х годах среди жителей Сибири упоминаются не просто тюменские, но шибанские татары, что отчасти может свидетельствовать об их подчиненности Шибанидам или конкретно тюменским Шибанидам. Кроме того, он сообщает о нападении Шибанидов до второй половины 20-х годов XVI в.: «Тюменский царь... не так давно причинил большой ущерб Московиту» [Герберштейн, 1988, с.161]. Вероятно, контроль над территориями осуществлялся не только «дистанционно», но и непосредственно. Тем не менее неудачи Тюменского ханства в решении казанского вопроса в 1510-х гг. привели к его исчезновению как активной стороны внешней политики и последовавшему сворачиванию первого этапа московско-тюменских отношений.

В середине XVI века происходят два события, которые повлияли на расстановку сил в постзолотоордынском мире. Завоевание русскими Казанского и Астраханского ханств способствовало значительному повышению авторитета Московского государства на степной арене (возможное следствие перехода «Тахт эли» Казани к московскому правителю). Несомненно, что сам захват Казани был важен и для русской идеологии. В частности, в массовом сознании царское достоинство Ивана Грозного связывалось именно с покорением этого ханства, а в средневековой литературе было распространено представление о том, что можно стать царем только в результате завоевания царства [Горский, 2001, с.147]. В пользу этого свидетельствуют случаи обращения кочевых лидеров к русскому царю за покровительством и помощью против своих противников.

Новый (второй) этап взаимоотношений связан с обращением в Москву искерских князей из династии Тайбугидов. Первые послы от сибирского князя Едигера прибыли в январе 1555 года в Москву к Ивану IV с поздравлени-

ями в связи с покорением Казанского и Астраханского царств. Летопись рассказывает об этом событии следующим образом: «послы... от Сибирского князя Едигера и ото всей земли Сибирской Тягриул да Пантъяды; а здоровали государю царю и великому князю на царствах на Казанском и на Астраханском; да били челом государю... чтобы... взял во свое имя, и от сторон ото всех заступил и дань свою на них положил и дорогу своего прислал, кому дань собирать... со всякого черного человека по соболу, да дороге государеву... по белке с человека по Сибирской ... И царь... послал... посла своего и дорогою им своим жалованным ярлыком Дмитрия Курова сына Непейцына и велел Дмитрию князя Едигера и всю землю Сибирскую х правде привести и, черных людей переписав, дань свою сполна взять и з дорожскою пошлиною» [ПСРЛ, 1904, с.248]. Посольство по восточному обычаю в виде подарка привезло белок и соболей, которые в Москве были восприняты как дань [Небольсин, 1849, с.33].

По всей видимости, князь Едигер и «вся земля Сибирская» в это время пытались найти нового сюзерена в лице царя Ивана IV, предлагая платить ему дань, и дистанцироваться от тюменских ханов. Одной из уловок, которой воспользовались Тайбугиды для обоснования своих полномочий на передачу юрта в подданство Москвы, была фальсифицированная идеология. Согласно ей именно Тайбугиды имели исконные права на данные земли, а не Шибаниды [Маслоуженко, 2010, с.9-21]. В то же время, установление отношений между Москвой и Искером рассматривалось обеими сторонами совершенно с разных позиций, что в полной мере проявилось в проблемах с уплатой дани.

На позицию сибирского князя Едигера в признании подчиненности Москве могли повлиять его связи с бием Ногайской Орды Исмаилом, который считался одним из степных сторонников Москвы [Трепавлов, 2002, с. 310]. Исмаил мог способствовать началу официальных отношений между Московией и Сибирским княжеством, так как его послы прибыли практически одновременно с послами Едигера. Вероятно, это было связано с тем, что Едигер был женат на его дочери [Вельяминов-Зернов, 1864, с.396–397] или, по мнению В.В. Трепавлова, на его сестре [Трепавлов, 2002, с.310]. Исмаил стремился заручиться поддержкой Москвы в борьбе за власть в Орде с потомками Шейх-Мама и в конфликте с казахским ханом Хак-Назаром. Интересно объяснение Исмаила этого шага своему брату

Юсуфу, который стремился к союзу со среднеазиатскими государствами: «Твои люди ходят торговать в Бухару а мои ходят к Москве; и только мне завоеваться с Москвой, то и самому мне ходить нагому, да и мертвым не на что будет саванов шить» [Басин, 1971, с. 80–81].

Сомнительно, чтобы это обращение было непосредственно связано с нападением Муртазы или его сыновей Ахмад-Гирея и Кучума. Напротив, поход Шибанидов на Сибирь в 1556 г., скорее всего, был спровоцирован сепаратистскими стремлениями местных князей. Так, о нападении «сибирского царевича» на Едигера становится известно только в 1557 году, когда из Сибири возвращается Дмитрий Куров с неполной данью. В свое оправдание Едигер сообщает, что «что их воевал Шибанский царевич и людей поимал многих» [ПСРЛ, 1904, с. 276]. Хотя по сообщениям того же Дмитрия Курова: «что им было възможно сполна дань прислати, да не похотели». Сибирский посол был посажен «за сторожи сидети», а в Сибирь был отправлен служилый татарин с грамотой об исправлении этого [ПСРЛ, 1904, с.276]. В сентябре 1558 г., то есть через два месяца после ногайского бия Исмаила, Едигер заверил своей княжей печатью шертную грамоту: «грамоту шертную привезли с княжею печатью, что учинил князь в холодстве и дань на всю свою землю положил, и вперед ежегод беспереводно та дань царю и великому князю с всей Сибирьской земли давати» [ПСРЛ, 1904, с.285]. Таким образом, первая информация о нападении на Сибирь некоего царевича поступает в Москву только спустя два года после начала дипломатических отношений, что не подтверждает военной опасности как основной причины для обращения Едигера в Москву. В 1558 г. вместе с шертью была привезена как дань, так и дорожная пошлина. При этом В.В.Трепавлов указал, что шерть была личным соглашением между московским царем и правителем другого государства [Трепавлов, 2007 а, с.136], то есть не являлась в полном смысле межгосударственным договором. Уже спустя год отношения между Тайбугидами и Москвой были прекращены. Как считают некоторые исследователи, причиной было разочарование сибирских князей в возможности получения московской помощи, которую они просили против Шибанидов [Нестеров, 2002, с.22] и на которую очень рассчитывали, особенно в условиях сложной ситуации в Ногайской Орде из-за голода и междуусобиц [Дженкинсон, 1937, с.169–170; Посольские, 2006, с.294].

Именно с этого времени «Сибирь» выступает камнем преткновения Шибанидов и Рюриковичей. Спорный вопрос о принадлежности Сибири и Шибаниды, и Тайбугиды пытались решить именно в Москве, о чем свидетельствует одновременное присутствие в русской столице в 1563–1564 г. посольств обеих сторон [Масложенко, 2008, с. 122]. В 1563 году, посольство от Тайбугидов возглавлял Чигибень (в иных документах Чибичень князь), который привез дань и челобитную [ПСРЛ, 1906, с.370]. П.Небольсин приводит данные о том, что вместе с князьими прибыли послы от сибирских царевичей Шибанидов Муртазы и Ахмад-Гирея [Небольсин, 1849, с.35–36]. Данные о последнем посольстве могут быть косвенно подтверждены следующей записью: «Стольник Сибирской 7072 году (1563–1564 гг.), привозу к Москве сибирсково Муртазы царя татарина Ташкина» [Исхаков, 2006 а, с.150]. Одновременно с этим в письме Ивана Васильевича к князю Исмаилу от 22 сентября 1563 года сообщается, что Ташкин «... пришел к нам из Сибири в посольстве от Ахмет Кирея царевича» [ПДРВ, 1795, с.323]. По всей видимости, Москва не видела особой разницы между княжескими и ханскими посланниками. По крайней мере, в 1563 г. в московской тюрьме сидели одновременно послы Муртазы, Ахмад-Гирея и Едигера [Небольсин, 1849, с.35]. Всем им в вину ставилась неуплата дани, что может косвенно свидетельствовать о признании Москвой прав Шибанидов на сибирские земли, в частности, и на управление территорией Тайбугина юрта. Однако при этом русские дипломаты настаивали на необходимости получения разрешения на это от царя, то есть получении ярлыка на правление. Можно предположить, что в период 1559–1563 гг. Тайбугиды пытались найти новых покровителей, но активизация политики сибирских царевичей привела к возврату промосковской ориентации. Недаром в сентябре 1563 года русский царь именно Исмаилу выговаривал: «... зять твой был на Сибири на нашем юрте, и дань нам с того юрта не дает. И мы впредь хотим того юрта доступати, и за то ему мстити» [ПДРВ, 1795, с.323]. В 1563 г. «сибирские люди» пригласили на престол старшего сына Муртазы Ахмад-Гирея [РГАДА, ф. 127, оп. 1, д. 6, л. 188–188 об.].

Можно также предположить, что, уже зная о свершившейся реставрации, русское правительство хотело оставить за собой «последнее слово» на этом этапе сибирской политики. С этим можно связать следующую информа-

цию из письма Исмаилу: «А дочери твоей, которая была за Сибирским князем, и сына ее а твоего внука к тебе не отпустили... и внуком твоим промыслили, чтоб он вперед на том юрте был» [ПДРВ, 1795, с.323]. Кстати, данный факт вполне укладывался в политику Москвы по установлению марионеточных правителей на территории соседних ханств, что наиболее хорошо было отработано в Казани.

В отличие от приведенного выше документа, «Сибирские летописи» практически дословно трактуют поход Кучума как военный конфликт: «... прииде степью ис Казачи Орды царь Кучом Муртазеев со многими воинскими людьми, и град Сибирь взят, и князей поби» [ПСРЛ, 1987, с.32, 48, 81]. Однако следует учитывать, что в основе ряда сообщений этих летописей лежат источники татарского происхождения, возможно информаторов из окружения Тайбугидов. В то же время в Патриаршей летописи содержится иная информация, которая не позволяет свершение сибирских князей однозначно трактовать как военный конфликт. Так, в упомянутой летописи указывается, что «сибирские люди... дани государевым данщиком давати не учали и зяли к себе на Сибирь царевича» [ПСРЛ, 1906, с.370]. В данном случае говорится о факте приглашения царевича из династии Шибанидов на сибирский престол, причем это событие увязывается с нежеланием платить дань русским.

В результате происходит включение Сибирского юрта в состав Тюменского ханства и его превращение в единое Сибирское ханство со столицей в Искере. Приход к власти в Искере шибанидского хана, в условиях ведения Москвой Ливонской войны, не привел к значимым осложнениям во внешней политике этих государств. Хотя существуют упоминания в грамотах о возможных намерениях идти в поход на Пермь кого-то из Шибанидов в 1563–1564 году: «а слух его дошел от полоняников и от вогулич, хвалица деи Сибирской салтан Ишибаны идти в Пермь воиною, а преж деи сею он Камские Соли город двожды имывали» [Дополнения, 1846, с.170]. Но в источниках отсутствуют данные об этих набегах. В 1569–1571 гг. международная политика Москвы и Искера по отношению друг к другу характеризовалась как миролюбивая. В частности, хан Кучум, сменивший своего брата, уехавшего, видимо, в среднеазиатские владения, был готов выплачивать в Москву дань [СГД, 1819, с. 63–65], подтверждая тем самым договор Москвы с сибирским беком Едигером Тайбугидом, который получил ярлык от Ивана IV. Хотя Кучум, будучи Чинги-

зидом, и с учетом характера шерти как личного договора мог этого не делать.

В марте 1568 г. в грамоте царя Ивана Васильевича Якову и Григорию Строгановым указывалось, «коли наши послы поедут из Москвы в Сибирь или из Сибири к Москве», а далее оговаривались условия их проезда [Миллер, 2005, с.331]. Однако, переписка с Москвой началась, видимо, в 1569 году. В письме говорилось: «Кучуму царю Сибирскому слово наше то: преж сего Сибирской Едигер Князь на нас смотрел, и с Сибирские земли со всей, на всяк год, дань к нам присылал» [СГГД, 1819, с. 63]. Тем самым Москва первой решила напомнить о бывших обязательствах Сибири перед Российским государством. С этим письмом в Сибирь был отправлен выпущенный из тюрьмы татарин Аиса, который ехал в Сибирь через Пермь.

Уже весной 1570 (7078) г. в Москву через Пермь была доставлена грамота от сибирского царя Кучума, а также сообщения от управлявшего пермскими землями князя Ромодановского, в котором указывается, что в это время никакого «разору» от сибирских людей Перми не было. По всей видимости, мог быть значимым фактор участия сибирских войск в столкновениях с казаками Хак-Назара, о чем писал и новый сибирский хан Кучум [Акты, 1841а, с.340]. Война с казаками нанесла сильный удар по союзникам Кучума Шихмамаевичам, в результате чего Кучум срочно начал искать союзника в лице Русского государства. Сложность ситуации для Кучума отражена в грамоте князя Никиты Ромодановского: «ныне деи дань собираю, Господарю вашему Царю и Великому Князю послов пошлю, а нынеча деи мне война с Казацким царем, и одолеет деи меня царь Казацкой и сядет на Сибири, ино и тот Господарю дань учнет давати» [Акты, 1841 а, с.340].

Второй причиной могло быть продвижение сибирско-татарских отрядов на северные территории с целью подчинения основных центров добычи пушнины. О последнем позже Кучум сообщает в своем послании к русскому царю «..и ныне при нашем и при твоём времени люди черные не в упокое...» [СГГД, 1819, с. 52]. Это, возможно, было связано с его деятельностью по расширению своих владений: «и многие языцы повинны себе сотвори...дани и оброки со многих язык имаше» [ПСРЛ, 1987, с. 81–82].

В грамоте 1570 г. от Кучума было предложено прекратить взаимную неприязнь и быть в дружбе, а также отпустить кого-нибудь

из пленников. В письме говорится, что сибирский хан не присылал грамоты, поскольку был связан войной, теперь же «...мы того недруга своего взяли», что, скорее всего, указывает на одержанную победу над казаками. Однако хан оговаривается («...ныне похощь миру, и мы миримся, а похощь воеватися, и мы воюемся» [СГГД, 1819, с.52]. В целом, за исключением указанной фразы, схожей по настроению на грамоты деда Кучума тюменского хана Ибрахима к Ивану III, письмо имеет подчеркнuto миролюбивый характер и затрагивает вопрос дальнейшего продолжения обмена посольствами, одновременно с этим указывая на равноправный статус Сибирского и Русского государств.

В результате была продолжена переписка в стиле письма 1569 года о восстановлении дани. Кучум отправил посольство с Тамасом и Аисой с грамотой: «Кучум богатырь Царь, слов наше, да послал в том, чтобы его Царь и великий Князь взял в свои руки, а дань со всяя Сибирские земли имал по прежнему обычаю» [СГГД, 1819, с.63]. Дань была определена в тысячу соболей и сборщику дани тысячу белок. В Сибирь с проектом шерти в 1571 г. был отправлен Третьяк Чубуков для приведения Кучума [СГГД, 1819, с.64].

Резкое ухудшение отношений как начало третьего этапа произошло в 1571 году. Шертная грамота на подписание Кучуму была передана в Москве на государевом дворе сибирскому послу Тамасе и гонцу Аисе в октябре 1571 года. В перспективе это позволяло действительно считать сибирского хана «государевым изменником». Сама подписанная грамота не сохранилась. По всей видимости, дата получения этой грамоты стала решающим фактором в том, что ее условия не были соблюдены, а шерть из проекта так и не превратилась в реальность, то есть, скорее всего, и не была подписана. В мае 1571 года Москва была сожжена крымскими войсками при поддержке ногаев, и осенью еще лежала в руинах. Подобные наблюдения сибирского посольства с очевидностью должны были быть переданы Кучуму и стать признаком снижения статуса Москвы в международных делах.

Вторым фактором было влияние на сибирские дела бухарского хана Абдуллы II. По мнению ряда исследователей, одной из причин прекращения отношений с Москвой был нажим на Кучум-хана со стороны Абдуллы II, который не желал укрепления России в Сибири [Зияев, 1983, с. 19–23]. В 1572 году в Сибирь прибыла первая мусульманская миссия, собранная в Хиве по просьбе Бухары [Катанов,

1897, с.51–60]. Миссия имела цель не только распространение ислама среди местного населения, но также развитие торговли и организации поселений бухарцев в Сибирском ханстве. В связи с этим существует точка зрения, что с мусульманской миссией связано и прибытие в Сибирь большого количества бухарцев или сартов из Средней Азии [Миллер, 2005, с.196]. Попытки исламизации местного населения очень негативно воспринимались русской стороной. В русских летописях, описывающих завоевание Сибирского ханства Ермаком, постоянно подчеркивается отрицательное отношение к мусульманской вере хана Кучума: «Кучум бе веры бусурманские, кланяшася кумиром и жрущее скверно» или «закон же царя Кучума и иже под его областю быша держащее Моамета проклятого» [Сибирские летописи, 1907, с. 118, 319]. Сам же Кучум, в связи с этим, обвинялся в самых гнусных грехах: «пребываше беззаконно, яко имети ему 100 жен и юнош, тож девиц, тако ж и протчим агаряняном беззакорно...» [Ремезовская 1907, с.319].

На фоне этих событий с 1572 г. в Прикамье, во владениях Строгановых, начинаются восстания местных племен, в подстрекательстве к которым не всегда объективно обвиняли Кучум-хана [Миллер, 2005, с. 333]. Так, например, сообщение об участии в восстании сибиряков и Кучум-хана относится только к грамоте 1574 году о черемисах, тогда как в грамоте от 1572 года, непосредственно после похода в составе восставших упомянуты только «черемиса...да с ними де остяки и башкирцы и буинцы...» [Миллер, 2005, с. 207, 331, 333]. Впрочем, у Москвы были претензии к Кучум-хану и помимо этого: «да и прежде де того Сибирской же салтан ратью наших данных остяков Чагира с товарищи побил в тех же местах, где их Яковлев да Григорьев промысл. А иных данщиков наших Сибирской имает, а иных и убивает, а не велит... наши дани в нашу казну давати» [Миллер, 2005, с. 333].

Хан Кучум с очевидностью пытался не только установить четкий контроль на торговых путях через Урал и обеспечить прямое и активное участие в пушной торговле с Бухарой, но и вернуть или пополнить ясачное население. Классическим примером этого был увод Тахчеи. Как описывается в жалованной грамоте Строгановым: «меж Сибири и Нагаи, Тахчеи и Тобол река с реками и с озеры, и до вершин, где собираются ратные люди Сибирскова салтана...» [Миллер, 2005, с. 332]. По свидетельству этого источника во время восстания черемисов в 1572 году «как нам была

черемиса изменила» Кучум-хан воспользовался ситуацией нестабильности и «перевел Тахчеи к себе» [Миллер, 2005, с. 333].

В 1573 г. в эти места состоялся в начале поход сибирских войск Кучума, а вслед за ним в Пермь пришли войска ханского племянника и полководца Мамет-Кула: «пришедшу ратью на Пермь Великую, Маметкул ...городы и повости пограбил и пожег» [Вычегодско-Вымская летопись, 1958, с. 266]. По другой версии Мамет-Кул не дошел до Перми, а пограбил окрестности: «с Тобола реки, приходил...Маметкул, собрався с своими мурзами и уланами ратью на Чусовую реку дороги проведывати: куда бы ему итти ратью...и в Пермь великую, да в том приходе многих людей, данных остяков побили, а жены их и дети в полон повели» [Строгановская, 1821, с.10]. На пути набега оказалось посольство от Ивана IV к казахам Третьяка Чубукова, который был схвачен и, видимо, убит с частью сопровождавших его служилых татар племянником Кучума Мамет-Кулом в июле 1573 г. по дороге на Чусовские городки [Строгановская, 1821, с.10]. Интересно то, что в грамоте 1597 г. от царя Федора хану Кучуму убийство Третьяка Чубукова связывается не с его посольством к казахам, а тем, что он был «послан для дани» в Сибирь, от которой хан уже отказался [СГД, 1819, с.133]. Поход Мамет-Кула в данном случае хорошо вписывается в обострение сибирско-русских отношений. Ведь недаром в жалованной грамоте Строгановым от 1574 года указывалось, что Мамет-Кул пограбил многих остяков, как до того собирал дань с остяков, вогуличей и югры, ранее плативших ясак в Москву, увел черемисов, а на Пермь лишь дорогу спрашивал [Миллер, 2005, с.332–333]. На наш взгляд, в данном случае действия Мамет-Кула следует рассматривать не как стремление к прямому столкновению с Москвой, а как продолжение политики по обложению данью сибирского и родственного ему приуральского населения, которая, как уже об этом говорилось ранее, являлась неотъемлемой частью государственной идеологии Сибирского ханства.

Российское государство, которое к тому моменту вполне уверенно чувствовало себя на политической арене степи, начинает активные действия в отношении Сибирского ханства. На нападения Мамет-Кула в 1573 году Москва ответила наступлением на территорию Притоболья, которая находилась под контролем Сибирского ханства. Иван IV выдал в мае 1574 года грамоту Строгановым, которая расширяла данные им два года назад полномочия на на-

бор военных людей. Текст документа говорил о том, что земли на Тахчее и Тоболе передаются под их управление, им разрешалось строить там крепости для защиты русских данщиков от ногаев и сибиряков, а также насильно приводить последних к дани русскому царю. Это же относилось и к проникновению в Сибирь: «а кои остяки, и вогуличи, и юргичи от Сибирского отстанут, а почнут нам дань давати...и жены их и дети от сибирцов от ратных приходу беречи Якову да Григорию у своих крепостей» [Миллер, 2005, с. 333–334]. По сути, передавая эти земли, царь юридически подчеркивал то, что ими от его руки владели сибирские князья Тайбугиды, а Кучум рассматривался как незаконный, с точки зрения русских, правитель. К тому же в понимании русских эти земли вполне подходили под понятие пустых: «и прежде деи сего, на том месте, пашни не пахиваны и дворы деи не ставили, и в мою деи цареву и великого князя казну с того места пошлина никакая не бывала, и ныне не отданы никому...» [Дополнения, 1846, с.168].

Грамота подчеркивала: «в нашей отчине за Югорским камнем, в Сибирской Украине, меж Сибири и Нагаи, Тахчеи и Тобол река с реками и с озера, и до вершин, где збираютца ратные люди Сибирскова салтана да ходят ратью» [Миллер, 2005, с.332]. При этом, говоря о Сибири как о государственной вотчине, тем не менее признается тот факт, что эта территория вообще не входила в состав русского государства: «и прежде де сего Тахчеевы нам дани и в Казань ясаков не давали», а принадлежала Ногаям «а давали де ясак в Нагаи» [Миллер, 2005, с.332–333]. Несмотря на это, царь сознательно идет на конфликт и жалуется эту территорию для промышленного освоения Строгановым, ссылаясь на то, что местные остяки сами желают перейти в подданство России: «а которые остяки живут круг тахчеи, и те остяки приказывают, штоб им наша дань давати и от Сибирсково б ся им боронити за одно» [Миллер, 2005, с.333].

Подобные действия уже напрямую затрагивали интересы Сибирского ханства. Строгановым предписывалось «на Сибирское... збирая охочих людей ...со своими наемными казаки и с нарядом своим посылати воевати, и в полон сибирцов имати и в дань за нас приводити» [Миллер, 2005, с.334]. Из этой грамоты создается впечатление, что Москва, ведя тяжелую войну на западе, тем не менее не собиралась терять свои позиции в Сибири, тем более перед Кучум-ханом и Сибирским ханством. Тем более что со стороны государства

был вполне удачный и не затратный способ освоения и даже завоевания территории путем частной инициативы промышленников Строгановых. Все предписания по освоению земли и приведению в подданство, включая и возможные военные походы, делались за их собственный счет в обмен на беспощинную деятельность в течение двадцати лет [Миллер, 2005, с.333].

Подобные решительность и уверенность в своих действиях Российского государства, на наш взгляд, обусловливались несколькими факторами, один из которых было ослабление Ногайской Орды. Ногаи, сделав ставку на союз с Крымским ханством против России, оказались в результате без ее помощи и торговли в крайне невыгодном положении, учитывая неоднократные набеги со стороны Казахского ханства, которое, наоборот, выступало за союз с Москвой. Этот союз был выгоден для обеих сторон. Москва получала рычаг давления на Сибирское ханство, а казахи – свободную беспощинную торговлю в землях Строгановых [Миллер, 2005, с. 334].

В 1577 году, возможно после смерти брата-соправителя Ахмад-Гирея, тюменский и сибирский хан Кучум начинает восстанавливать отношения с ногаями, которые в это время стремились наладить отношения с Россией. Это не могло не отразиться на Сибирском ханстве, внешняя политика которого по отношению к Москве во многом определялась позицией окружающих ее политических объединений, в том числе и соседством с Казахским ханством. В 1577 году русским послам в Ногайской Орде сообщил присланный из Сибирского ханства Таиляк, что «...государь его Кучум хочет впердь Государю царю и Великому князю в дружбе бытии и вперед от государя не неотстагочну быть...и правду дати по своей вере...» [ПДРВ, 1801, с.189]. Была также оговорена выплата дани «по прежнему обычаю»: «Прислал Кучум царь к нам бити челом о том, которая наша дань была на Сибирской земле, издавна от наших прародителей, и он давать хочет, а нам гнев свой отложить и держать к нему свое жалованье...» [ПДРВ, 1801, с.281–282]. В марте 1578 г. ногайскому бию Дин-Ахмаду из Москвы сообщали: «И у нас летом посол Кучюма царя сибирского был. А присылал Кучюм царь к нам бити челом о том, которая наша дань была на сибирской земле издавна от наших прародителей, и он давать хочет, а нам бы гнев свой отложить и держать к нему свое жалованье». Было принято решение отправить в Сибирь с жалованной

грамотой дорогу Добычу Лачинова «и дань свою имать постарине» [ПДРВ, 1801, с.282].

Вероятно, это послужило причиной того, что в течение следующих четырех лет ни одна сторона не пыталась спровоцировать военные действия, Москва отказывалась и от поддержки претензий ногайского нурадина Хан-мирзы развязать конфликт с Кучумом [ПДРВ, 1801, с. 268-269]. Причем сам тон ответа и отказ в поддержке военного вмешательства в сибирские дела однозначно может свидетельствовать о нежелании русского правительства начинать в конце 70-х годов XVI века конфликт с Кучумом.

Более того, Москва крайне благожелательно отнеслась к династическим бракам между Ногайской ордой и Сибирским ханством. В частности, старший сын Кучума Алей женился на дочери Дин-Ахмада, а дочь Кучума вышла замуж за Ак-мирзу [ПДРВ, 1801, с.193]. Одобрение Москвы было связано с примирением не только с Ногаями, но и с Сибирью, о чем писал Иван IV в грамоте к Дин-Ахмаду: «а ныне для твоего письма что с тобою царь Кучум Сибирской учинился в сватовстве, хотим к нему держать свое жалование и больше прежнево» [ПДРВ, 1801, с. 282].

Кроме того, в установлении стабильных мирных отношений между Сибирским ханством и Москвой сыграл роль и внешнеполитический фактор. В 1579 году бухарский хан Абдулла II, будучи лидером антиказахского союза, идет на сближение с Хак-Назаром, и в результате уже следующий хан этого объединения и возможный убийца Ахмад-Гирея – Шигаи – был ставленником Бухары [Абусейтова, 1985, с.55]. Данное событие привело к окончательному превращению степного мира в единое пространство, лидером которого выступал бухарский хан, а военную силу контролировали ногаи. На этот момент основным объектом грабежа выступали казахи, но никто не желал обострения отношений с могущественным русским царем, несмотря на попытки ногаев несколько ужесточить русскую политику. В этом отношении Кучум как еще одна сторона степной политики выступал сторонником подобных действий, что, в частности, подтверждается расширением его связей с сыном Дин-Ахмада Ураз-Мухаммадом, который вскоре становится его зятем. В ногайской среде именно этот представитель правящей династии был промосковски настроен [Трепавлов, 2002, с.322–323]. Тем самым заключение мира не привело на южных границах к открытому столкновению с Мо-

сковой, поскольку в нем не был заинтересован никто из союзников Кучума.

В этом отношении события 1581–1582 гг. явно стоят особняком в международной политике. Их реконструкция в значительной степени затрудняется сложностью восстановления хронологии похода Ермака по сибирским летописям [Белич, 2014 а, с.56–64]. Летом 1581 года пельымский князь совершил нападение на строгановские владения: «приходил Деи войною Пельымской князь с вогуличи на их слободы, и деревни многие выжгли, и крестьян в полон емлют; и ныне ... стоит около Чусовского острогу» [Миллер, 2005, с. 335]. По данным Есиповской летописи, этим князем был Аблайгерим [Сибирские летописи, 1907, с.275]. В Строгановской летописи также указывается на поход в это же время вогульского мирзы Бегбелия Агтаков [Сибирские летописи, 1907, с.57]. По всей видимости, эти набеги стали одной из причин найма Строгановыми отряда казаков Ермака, которые не только отразили набеги, но и отправились за Урал, где с поздней осени стали на зимовку на Сылве [Сибирские летописи, 1907, с.313]. Отсюда они совершали набеги на вогулов, что привело к эскалации конфликта. Причины пельымских и вогульских набегов, помимо прочего, возможно, скрывались в деятельности самих промышленников Строгановых, которые, воспользовавшись многочисленными льготами от государства, начали грабить местное население, провоцируя их на ответные выступления. Это подтверждается и Строгановской летописью: «вы Вогулич и Вотяков и Пельымцев от нашего жалования отвели и их задрали и войною на них приходили...» [Сибирские летописи, 1907, с.14]. Кроме того, большая численность отряда казаков могла быть воспринята сибирским ханом Кучумом и угорскими князьями как прямое вторжение на их территорию.

В июле 1582 г. вогульский князь Бегбелия вновь пришел на Чусовские городки и под Сылвенский острожек [Сибирские летописи, 1907, с.58]. Погодинский летописец также сообщает, что в одно время с вогулами, летом 1582 г., мог совершить набег старший сын Кучума – Али, который на Чусовой столкнулся с Ермаком [Сибирские летописи, 1907, с.274–275]. В Вычегодско-Вымской летописи набег Али уже приписывается самому сибирскому хану: «Лета 7089 пришедшу сибирский царь с вогуличи и югорцы на Пермь Великую на городки на Сылвенские и Чусовские, вотчины Строгановы пограбил» [Вычегодско-Вымская, 1958, с.267]. Подобные расхождения в оценке

состава участников похода и в его предводительстве могут быть связаны с тем, что оба похода были организованы практически в одно время, что и объясняет неувязки в источниках. Так, например, в Вычегодско-Вымской летописи дальнейший поход пельмского князя упоминается до ухода казаков с Сибирь, что не согласуется с данными «опальной грамоты» [Вычегодско-Вымская, 1958, с.267].

1 сентября 1582 г. отряд Ермака ушел в поход. В это же время, но после ухода казаков, был совершен набег на пермские городки и Чердынь: «Пельинский князь с сибирскими людьми и с вогулич, приходил войною на наши Пермские места, и к городу к Чердыни к острогу приступал, и наших людей поболи, и многие убытки нашим людям починили» [Миллер, 2005, с. 335]. В Вычегодско-Вымской летописи изменилось описание сопровождения и упоминается имя пельмского князя: «Того же лета пельинский князь Кикек пришедшу с тотары, башкирцы, югорцы, вогулечи, пожегл и пограбил городки пермские Соликамск и Сылвенский и Яйвенский и вымские повосты Койгород и Волосенцу пожегл, а Чердыню приступал, но взята не взял» [Вычегодско-Вымская, 1958, с.267]. В Строгановской летописи говорится о том, что пельмский князь напал вместе с отрядом из татар, остяков, вогулов, вотяков и башкир. В то же время в отношении рассматриваемого события впервые уточняется, что в походе участвовали «мурзы и уланы Сибирской земли» [Сибирские летописи, 1907, с.66].

Следует учитывать, что авторы Строгановской летописи, в отличие от иных источников, уже строительство крепостей в 1558 году, как и в более позднее время, мотивировали постоянной агрессией ногаев и сибиряков [Сибирские летописи, 1907, с.48 и далее]. Таким образом, как сопровождение пельмского князя приписываются абсолютно разнородные силы, к которым примыкают мирзы и уланы, то есть командиры конных, в том числе ханских отрядов из Сибирского ханства. В итоге либо мы должны предположить, что под формальным руководством Аблайгерима были собраны силы как ханства, так и княжества, либо же летописец превеличивает важность этого набега для обоснования необходимости и правильности похода Ермака перед лицом опасности от объединенных сил сибирцев. К тому же Пельмское княжество было независимым от ханства Кучума и проводило вполне самостоятельную политику, в рамках которой

конфронтация с русскими продолжалась уже почти полтора столетия.

Таким образом, имеющиеся источники не подтверждают предполагаемого роста агрессивности политики Сибирского ханства в начале 1580-х гг. Напротив, подчеркивается, что нападения остяков и вогулов были связаны с деятельностью промышленников Строгановых, занимавшихся открываемым грабжом местного населения [Скрынников, 1982 с. 126]. В наиболее явной форме это фиксируется в «опальной» грамоте Ивана IV к Строгановым в ноябре 1582 году: «и то сделалось вашей изменой: вы вогуличь и вотяков и пельинцов от нашего жалования отвели, и их задирали и войною на них приходили, да тем задором с Сибирским салтаном ссорили нас» [Миллер, 2005, с. 335].

Судя по дальнейшим московским грамотам, поход Ермака в 1582 году рассматривался как немотивированная агрессия против независимого ханства, которая могла привести к длительному и нежелательному на тот момент конфликту, и не укладывался в общую концепцию геополитических устремлений России. В частности, это касалось восточного направления политики, в рамках которого с татарскими объединениями пытались искать мира и дружбы. К этому времени Москва уже достигла потенциально необходимого для целостности государства границ по Уралу и Сибири и, складывается впечатление, не была готова к выходу на обширные сибирские земли. В данном случае поход был инициативой конкретных людей, которые обладали значительным иммунитетом от государственной политики. На тот момент обе стороны не были заинтересованы в обоюдных военных действиях, а их развитие стало одним из проявлений случайности в историческом процессе. Скорее всего, военные действия 1582 года были во многом спровоцированы, с одной стороны, инициативой Строгановых, которые опирались на царские пожалования к востоку от Урала и, с другой стороны, казаками во главе с Ермаком, которые определили собственно направление похода, ставшего фатальным для Сибирского ханства.

Поражения от казаков стали основой для начала четвертого этапа взаимоотношений, который характеризуется попытками Кучума и его потомков Кучумовичей отстоять независимость своего государства. Его специфика заключалась в том, что теперь русская администрация не была отделена от сибирских дел Уралом, а пыталась разместиться непосредственно в бывших угорских и татарских

центрах. Потеря некоторых из них в условиях возможности сохранения кочевого образа жизни рядом сибирских аристократов, в том числе в окружении Кучума и его сыновей, не стала причиной для ликвидации местной государственности. Это видно и по сохранению за Кучумом и затем его сыном Али (Алей) титула сибирского царя [Трепавлов, 2012, с.67–69]. После пленения Али в 1608 году иные Кучумовичи уже имели в глазах русских администраторов только статус царевичей, что не мешало им претендовать на ханский титул при поддержке местной тюрко-татарской аристократии и даже использовать его в переписке с Москвой, как это делал в 1660-х гг. Кучук. Вплоть до 1670-х гг., а в некоторых случаях и позднее, они имели поддержку среди калмыков, отдельных групп ногаев, башкир и татар. Если первые использовали потомков хана Кучума в своих интересах, то вторые часто вы-

ступали под лозунгом восстановления сибирской государственности.

Таким образом, выявляется 4 этапа московско-сибирских отношений, которые охватывают период с 1481 по 1670-е гг. За почти два столетия отдельные провалы и ошибки во внешней политике Шибанидов, активное продвижение русских в Поволжье и Приуралье привели к прямому столкновению интересов сторон. Одной из возможных причин этого была борьба за сибирскую пушнину. Однако вторжение в Сибирь, как нам представляется, все же не было изначально частью целенаправленной государственной внешней политики. Москва, скорее, воспользовалась удобной ситуацией для расширения своего влияния, при этом сталкиваясь со значительными проблемами в системе административного контроля над вновь приобретенными территориями и населением.

4.5. ТАТАРСКИЕ ХАНСТВА И УГОРСКИЕ КНЯЖЕСТВА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Взаимоотношения угорских княжеств и татарских ханств Западной Сибири XV–XVI вв. является крайне интересным, но, к сожалению, до конца не изученным вопросом. Причиной сложившейся ситуации является отсутствие достоверных источников, касающихся данной проблематики. При этом мы должны учитывать то, что многовековое проживание угорских и тюркских групп на сопредельной территории не могло не отразиться на взаимовлиянии и взаимопроникновении одного народа в культурное пространство другого.

В силу последнего обстоятельства в отечественной историографии данный аспект сконцентрирован, в первую очередь, на культурном диалоге, история же политических контактов угров и тюрков сводится к поиску зависимых от Тюменского и Сибирского ханств аборигенных народов Обь-Иртышского бассейна. Еще Г.Ф. Миллер писал: «ногайскому хану Ону были подчинены остяки и вогуль», и далее «Сибири подчинены были остяки, жившие по Иртышу, остальные же за дальностью подчинены быть не могли» [Миллер, 1999, с. 194]. Практически такого же мнения придерживался И. Фишер, который пояснял, что хану Кучуму кроме татар были подвластны и южные остяки, в то время как вогулы Пельма и Березова в силу отдаленности их территории не могли быть подчинены Сибирскому государству [Фишер, 1774, с. 96–97]. Кроме того,

автор упоминает о неудачных попытках исламизации угорского населения, правда, в его труде даже не делается попытки объяснить неудачи религиозной политики Кучума.

А. Дмитриевым угорские княжества рассматривались как безусловная вотчина сибирского хана [Дмитриев, 1894, с. 30]. В доказательство своих доводов автор приводит царскую грамоту Строгоновым, в которой говорится, что угры, некогда подчиненные Москве, перешли под контроль Сибири. При этом автором поясняется, что «уштяками» изначально именовались остяки, входящие в соприкосновение и, видимо, в подчинение татарам [Дмитриев, 1894, с.17–18]. Об огромном влиянии татар на хозяйственную сферу обских угров писал В.И. Огородников: «Крупный рогатый скот остяки узнали от татар, при этом лошади они переняли намного раньше, то же касается злаков» [Огородников, 1920, с. 194].

Советская историография по данной проблеме сконцентрирована, в первую очередь, на фигуре выдающегося знатока истории Сибири С.В. Бахрушина, считавшего, что в XV–XVI вв. часть вогульских и остяцких княжеств попала в зависимость от татарских ханов, господствовавших у слияния Иртыша и Тобола [Бахрушин, 1935, с.38]. Такая зависимость определялась, в первую очередь, своевременной уплатой ясака и обязанностью военной помощи татарам. При этом влияние было столь

значительным, что в ряде княжеств складывалась административная система по примеру татарского государства.

Наконец, контролем угорских народов со стороны Сибирского ханства объясняется остановка восточного продвижения Москвы А.И. Плигузовым [Плигузов, 1984, с. 48]. Такого же мнения придерживается и Ж. Мартин. Автор приписывает Тюменскому ханству земли вогулов и Югры (остяков), которые мигрировали через Урал с территории Перми из-за христианизации [Martin, 1986, p. 79]. Покорение Югры Москвой, по мнению исследователей, повлекло за собой обострение отношений с Тюменским ханством и развитие антимосковской политики Шибанидов [Martin, 1986, p. 86].

Прежде чем непосредственно обратиться к истории политических отношений западно-сибирских татарских государств и угорских политий, логично остановиться на проблеме политических образований, названных русскими летописями, а вслед за ними и историками, «угорскими княжествами». При этом следует отметить, что среди современных исследователей стала популярной точка зрения, согласно которой давление тюрков сыграло роль «катализатора» в процессе формирования угорских «княжеств» [Пилипчук, 2014, с. 64]. В силу последнего мы не можем обойти данную проблематику, напрямую относящуюся к поставленным задачам.

В середине XIX в. А. Бушен утверждал, что угры XV в. жили отдельными родами, которыми управляли «природные князья» [Бушен, 1855, с. 174]. С.В. Бахрушиным была обоснована позиция, согласно которой к моменту первых проникновений московских войск в Западную Сибирь уже сложились государства, при этом существовали целые племенные союзы «князьков», подчиненных общему центру во главе с «большим князем» [Бахрушин, 1935, с. 37]. В доказательство своей версии историком был приведен князь Кодского объединения Молдан, которому, видимо, действительно подчинился целый ряд угорских родов. Такие политии, управляемые «маленькими феодальными сеньорами» [Бахрушин, 1935, с. 36], по мнению советского исследователя, более напоминали ранние феодальные государства Западной Европы. В то же время в западной литературе о государственности коренных народов Западной Сибири не говорится, а напротив, исследователи подчеркивают условность политических образований угров [Martin, 1986, p. 79].

В ранних летописных заметках о народах, населяющих северо-восточные территории, отсутствуют упоминания о туземной политической элите. Лишь в одном рассказе, повествующем о походе 1193 г., содержится сюжет о сговоре новгородца Савки с югорским князем [ПСРЛ, 1888, с.166–169]. Однако мы не можем с уверенностью говорить о реальности некоего «князя», исходя из данного содержания. В реалиях XII–XIII вв. вряд ли возможно представить новгородское проникновение на зауральскую территорию, к тому же это не подтверждается источниками (первое упоминание о новгородцах в Прибые относится к 1364 г. [ПСРЛ, 1848, с.64]). В то же время исследователями отмечается строительство в северном Предуралье торговых факторий, куда свозился товар из различных регионов, в том числе и Западной Сибири [Федорова, 2015, с. 75]. Вполне вероятно, что в походе 1193 г. новгородцы столкнулись именно с таким поселением, основанным Югрой.

Во время своего последнего похода 1445 г. новгородцы встретили упорное сопротивление со стороны югричей (летописец говорит о потерях следующее: «много добрых людей, детей боярских удалых людей избиша 80»). Однако в рассказе, повествующем о походе, нет упоминаний о том, что обороной руководил князь, а замечено: «они же Югриици<...> а в то время скопившиеся и ударившиеся» [ПСРЛ, 1888, с.246]. Такое изложение событий наталкивает на мысль о наличии среди югричей политической системы, близкой к военной демократии, нежели централизованной княжеской власти. Кстати, о наличии у остяков народных собраний, управляющих родами западносибирских аборигенов наряду с князем, говорит и былинная поэзия [Патканов, 1999, с. 72].

Русские летописи начинают выделять различные княжества на рассматриваемой территории только с момента перехода их в сферу интересов Московского государства, т.е. со второй половины XV в. (в предшествующий период доминирования Новгорода все народы, проживающие к северо-востоку от Печеры, именовались «Югрой»).

Первый поход в Югру москвичей состоялся в 1465 г. [ПСРЛ, 1982, с.46]. В летописях говорится о продвижении войск под командованием Василия Скрыбы в «Югорской земле», которое окончилось покорением югричей, приводом большого количества югорских «князьков» ко двору Ивана Васильевича и наложением на Югру дани. Войска вернулись с захваченными «князьками», под которыми, ви-

димо, следует понимать глав родовых общин или семей. Судя по всему, Югра дробилась на множество семейств (юрт) и не имела централизованного управления. Наиболее важные вопросы вполне могли решаться на собраниях, но в остальное время род управлял исключительно своей территорией (городком).

В 1483 г. московские войска проводят рейд по исследуемым территориям, главной целью которого, по всей видимости, стала попытка усмирения вогульского (пельмского) князя Асыки [Маслюженко, Рябинина, 2014 а, с.115].Отрывочно приведем содержание летописи: «Отпустил князь великий с Москвы на князя на Вогульского на Асыку воеводу своего Ивана Ивановича Салтыка, а с ним своих детей боярских до Вологжан. А другого воеводу князя Феодора Курского, а с ним своих детей боярских да Устюжан, да Вычегжан, да Вымич, да Великопермцев. <...> И побегоша-Вогуличи, Асыка и сын его Юмшан, <...> и поимаша князя Молдана на реце Оби, и княжих Екмычевых дву сынов поимаша. <...> и от все земли Кодские и Югорские и били челом о полоненных князех о Молдане с товарищи, чтоб государь смиловался, отпустил бы их в свои земли. И князь великий пожаловал тех князей полоненных, отпустил их в свою землю...» [ПСРЛ, 1959, с. 275–276].

В результате пельмский князь Юмшан (сын Асыки) с 1485 г. стал выплачивать новому покровителю дань [ПСРЛ, 1959, с. 277], а к титулу московского государя добавляется приставка «князь Югорский» [ПСРЛ, 1959, с. 286]. В летописном рассказе уже выделяются вогулы и югичи, Кодское и Югорское княжество. Поход привел к подчинению кодских угров и шерти московскому князю. Заметим, что впоследствии кодские остяки будут содействовать русским в деле покорения Сибири [Бахрушин, 1935, с. 49]. В описании договора между русским государством и уграми 1484 г. присутствует намек на создание военного союза против Ляпинского княжества, при этом договор был скреплен и символическим танцем с саблями – знаком подчинения московскому государю [Первалова, 2013, с.122, 126]. Судя по всему, централизаторские намерения Москвы заставили ввести административную систему, и в договоре с Кодой мы видим попытку закрепления такой системы.

Вероятнее всего, Асыка и Юшман принадлежали к вождям Пельмского объединения. Заметим, что пельмцы сами спровоцировали московский поход своей агрессией по отношению к Пермским владениям, что позво-

ляет сделать заключение об усилении и, возможно, объединении ряда родов вокруг Асыки. В то же время в источниках нет упоминаний об иных подобных объединениях. Возможно, Пельм, находясь между Москвой и Тюменью, был наиболее близок к созданию государственности. При этом следует учитывать, что именно Пельм, в силу своего агрессивного настроения по отношению к русским владениям в Предуралье, первым попал во внимание московской администрации, и если об иных угорских княжествах русские источники говорят только со второй половины XV в., то Пельмское княжество впервые упоминается уже в «Житие Стефана Пермского».

В источнике также указан род Екмычевых, владения которых расположены где-то в Приобье, правда, они не обозначены как княжество. «Князь» Молдан, за которого «отвсе земли Кодские и Югорские, и били челом», видимо, также является предводителем Коды. Заметим, что в данном отрывке присутствует замечание «стоварищи», что позволяет судить о наличии сразу нескольких «вождей», старшим из которых, видимо, был Молдан. Напомним, что в доказательство существования крупных племенных образований-княжеств обских угров, С.В. Бахрушин приводил именно этого правителя. В реальности же мы видим лишь старшего среди равных, чье имя вошло в источники в силу того, что он, по праву старшинства, управлял действиями остальных в момент московского похода. По этой же причине он и приносит шерть русскому государю и, видимо, был назначен Москвой князем среди кодских угров, а Кодская земля перешла в разряд «княжеств».

В доказательство вышесказанного можно привести данные этнографии: остячки былины повествуют о крайней степени децентрализации угорских племен [Патканов, 1999, с.71], поэтому этого кажется крайне маловероятным существование угорских княжеств в дорусский период. К слову, С.К.Паткановым были собраны сказания, из которых видно, что «князья» (о переводе остяцкого «урт», под которым исследователь понимал «угорского князя» см. далее) угров представляли собой, в первую очередь, военную элиту, в мирное же время они совещались, оставляли право решения или даже управление родом на «стариков» [Патканов, 1891, с.40–44]. «Князь» Молдан, участвовавший в сопротивлении московским войскам, таким образом, выступает лишь как руководитель остяцких сил. Статус правителя и роль покровителя ряда угорских племен официально

были приписаны ему текстом договора с Русским государством.

На рубеже XV–XVI в. военные действия москвичей возобновляются (поход под руководством Петра Ушаго и Семена Федоровича Курбского 1499 г.). При этом русское войско вновь проходит по вышеперечисленным землям, в том числе и кодским [ПСРЛ, 1959, с. 291]. Официально югорские земли влились в состав Чердынского наместничества [Пилипчук, 2014, с. 55]. Исходя из маршрута похода можно предположить, что под Югрой в данном контексте понимается территория за Уралом, вероятно там, где она фиксируется в тексте «Книги большому чертежу», то есть по течению Северной Сосвы [Книга..., 1838, с. 211–215]. Однако, как мы можем судить, такое подчинение было формальным. Заметим, что, несмотря на принесение шерти московскому государю, Кодское «княжество» также стало объектом нападения русских войск, а из этого следует, что либо московское владение было крайне формальным, и население Коды стремилось от него избавиться, либо Кода ко времени последнего похода вошла в сферу влияния Тюменского ханства. Следует при этом учитывать, что возникновение татарского государства в Западной Сибири само по себе сыграло роль сдерживающего фактора Москвы.

Текст Вычегодско-Вымской летописи поясняет, что причиной похода стало неповиновение угорских князей («а князей ослушников в Москву приведоша, да земских людем к целованью по их вере за князя великого») [Вычегодско-Вымская, 1958, с.261–262]. В таком случае мы должны признать эти территории независимыми от Тюмени, а московской поход связанным с прекращением вассальных отношений. Судя по всему, Кодское «княжество» выступает аморфной организацией, формальным союзом племен, чье появление в источниках связано с деятельностью Москвы. Минимальное изменение расстановки сил в таком союзе могло спровоцировать отказ от шерти, некогда данной русскому государю.

По мнению ряда исследователей, давление русского государства и татарского ханства сыграло решающую роль в окончательном формировании угорских «княжеств» [Дмитриев, 1894, с. 17–18; Пилипчук, 2014, с. 64]. В действительности мы можем констатировать социальное расслоение и возникновение племенных вождей, которых русские источники и именовали «князьями». Выделение властвующей прослойки вполне могло произойти в период активной торговли западносибирско-

го населения с Булгаром и Новгородом, когда определилось имущественное неравенство. Дальнейшее развитие хозяйства углубляет социальное расслоение [Патканов, 1891, с. 39]. Остязские сказания, показывают, что в рассматриваемый период в среде угров присутствовало рабство, главным образом базирующееся на военной добычи. Этот же источник подчеркивает гендерное неравенство в угорском обществе [Патканов, 1891, с. 40]. Простолюдны почитали не только самих «князей», но и «княжьчих», т.е. членов его семьи, причем выделяя «младших» и «старших». «Старшие» назначались главами родов (ух) и, видимо, являлись руководителями обществ. Такая ситуация породила присутствие сразу нескольких князей в одном городке, из-за чего русские летописи и вводят обозначение «большого князя». Однако Н.Н. Степанов по этому поводу замечает, что остязское «урт» примечательно к периоду XIV–XV вв. более верно переводить как «богатерь», значение же «князь» оно приобретает только в более поздний период [Степанов, 1936, с. 22–23].

Вероятно, обские угры вошли в орбиту интересов Московии и позднелазоордынских государств в момент, который можно охарактеризовать как «протогосударственный», наиболее четко выраженный в создании вождей, возглавляемых представителями военной элиты. Для таких политических образований уже характерны социальная иерархия, в которой статус определяется родством, усиление роли вождя, который рассматривается, в первую очередь, как военный лидер, и лишь потом его статус переходит в повседневные отношения, в то же время отсутствует постоянная централизованная власть, что способствует частому оттоку из центра, дестабилизации и сепаратизму. В силу последнего обстоятельства угорские политии представляли собой рыхлые конфедерации родов, стремящихся к обособленному существованию, о чем заметил еще С.К. Патканов.

С возникновением в Западной Сибири Тюменского ханства часть угорских объединений (наиболее близких к его границам) получили дополнительный импульс. Ряд родов впитывает административную систему тюрков (например, деление на сотни и выделение «мурз» в Пельме), представители «политической элиты» стали носить татарские имена (Юсуп, Емелдеш, Ак-Сейт, Аблегирым и др.) [Бахрушин, 1935, с. 75, 81]. Существует вполне обоснованное предположение, что в XV вв. Тюменское ханство взяло под свое покровительство ниже-

обских угров, руководитель которых получил звание тайши [История Ямала, 2010, с. 28]. Впоследствии представитель его рода по имени Тайша (при крещении получил имя Алексей) будет назначен князем Обдорской волости, а род впредь возьмет фамилию Тайшиных [Кардаш, 2013, с. 40]. Возможность трансформации татарских титулов «тайша» и «мурза», полученных, через остяков Коды, в фамилии влиятельных угорских родов рассмотрена Е.В. Переваловой [Перевалова, 2004, с.36]. В то же время нерешенным остается вопрос, являлись ли родоначальники династий представителями старых угорских родов или на их место были поставлены выходцы из среды приближенных к хану или тюркизированных угров. С другой стороны, многими исследователями подчеркивается, что влияние Тюменского, а вслед за ним Сибирского, ханства, выраженное, в первую очередь, в ясачных сборах, существенно замедлило развитие угорской государственности [Патканов, 1891, с. 27–28; Дмитриев, 1894, с. 30 и др.]. При этом отметим, что в последующий период закрепления Русского государства кровное родство угорской элиты являлось лишь формальностью, реальную власть («князьям») давали царские грамоты, за которыми приходилось ехать в Москву. Приведем данные жалованной грамоты князю Лугую, данной ему в 1586 г., согласно которой именно царь Федор Иоаннович признал его вотчиной города Куноват, Илчма, Ляпин, Мункос, Юил, Березов [СГД, 1819, № 54]. Этот же правитель, жалая князьям Алачевым их земли в вотчину, а также закрепляя за ними волости Емдырская, Ваховская и Вас-Пукольская, приписал «ясак с этих земель в государеву казну не платить» [Бахрушин, 1935, с. 47].

Таким образом, мы можем констатировать, что в XV–XVI вв. угорские народы находились на финальной стадии возникновения государственности. Аморфные политические образования, включающие представителей не только разных родов, но и этносов («князек» Обдорский, видимо, контролировал и некоторые самодийские роды), более похожи на оборонительные союзы. Присутствие огромного количества «князиков» при малой численности указанных ясачных людей наталкивает на мысль о реальной обособленности этих родов, возглавляемых богатырями. При этом главной функцией князей являлось выполнение мероприятий по обороне или организации походов, а их власть не была сакрализована [Мартинова, 1999, с. 150–151]. Такая ситуация порождает

ла конфликтность и сепаратные движения внутри угорских политий.

Возникшее Тюменское ханство фактически являлось независимым, обособленным государством. Территории, входившие в его состав (в частности, среднее течение р. Тобол и его притоки), непосредственно граничили с угорским ареалом, что само по себе провоцировало активные внешнеполитические действия и являлось фундаментом межкультурного диалога. К тому же заметим, что Улус Шибана изначально сформировался на территории со смешанным населением. В силу специфики местности татарские войска не могли проникать в глубь территории Западной Сибири, представленную таежной зоной с густыми лесами и заболоченной местностью. Однако контроль за данной территорией сулил татарам огромные выгоды. В силу этого уже с момента создания государственности в Западной Сибири следовало ожидать продвижения на север. При этом наибольшие выгоды ханы могли получать не в качестве военной добычи, а в виде дани с подвластного населения, для чего недостаточно было совершение разового похода. Напомним, что для большинства исследователей ясачные сборы являлись основным показателем подчинения угров. Еще С.Герберштейном было выдвинуто предположение о подчинении всех угров Тюменскому хану [Герберштейн, 2008, с.161]. Конечно, такое предположение кажется поспешным, особенно, имея в виду то обстоятельство, что структура угорских обществ была крайне непрочной, и любое изменение вполне могло способствовать прекращению выплаты ясака. Исходя из этого становится ясным, что тюрко-угорские контакты должны были быть не только постоянными, но и более обширными, нежели военные набеги с целью получения единовременной дани.

В ряде летописных рассказов, пересказанных Г.Ф. Миллером, содержится легенда, согласно которой князь по имени Тайбуга совершил поход по Оби и подчинил для хана Чинги живших там остяков [Миллер, 2000, с. 168]. Этим же автором приводятся рассказы о городах, в которых их предки прятались от татар [Миллер, 2000, с.194].

Археологические слои поселенческих памятников Западной Сибири фиксируют следы совместного проживания угров и татар еще с конца XIV в. При этом обилие материала позволило выделить памятники так называемого макушинского типа, которые ряд исследователей считают татарскими, ассимилировавшими на Средней Туре манси [финно-угры и бал-

ты..., 1987, с.165]. По мнению Д.М. Исакова, в качестве ясачного населения Сибирский юрт включал тюркизированных угров, которые обязаны были отдавать ясак пушнинной [Исаков, 2006 а, с.143]. Контроль над угорским населением, имеющим доступ к неограниченным пушным ресурсам Сибири, был принципиальным вопросом в силу того, что именно этот товар составлял основу торговли со средней Азией с конца XIV в. [Исаков, 2006 а, с. 147]. Мы же можем предположить, что многовековое совместное проживание стало залогом комплиментарных отношений и ассимиляция, вероятно, проходила мирным путем.

Проиллюстрируем нашу мысль. Из всего многообразия остяжских былин мы фактически не имеем сюжетов, связанных с войнами против тюркского населения. Лишь один рассказ, записанный С. Паткановым, повествует о походе на север двух остяжских князей из городка Т'апар-вош, впоследствии занятом татарами, создавшими там свою святыню. При этом даже в этой былине нет ни слова о покорении угров [Патканов, 1891, с. 27–28].

Оборонительные войны против татар, но уже в XVI в., упоминаются в сказаниях васюганских хантов [Томилов, 1989, с. 280], однако нам кажется уместным связать появление этих сюжетов с изменением политической ситуации в западносибирском регионе. Речь идет о возникновении Сибирского ханства. В период существования Тюменского государства, возглавляемого ханом Ибаком, произошло не просто объединение западносибирских народов в единое государство, но и его выход на международную арену. Предположительно, в 1481 и 1483 гг. между Тюменью и Москвой могли быть подписаны соглашения о дружбе и торговле [Маслюженко, 2008, с. 93]. В то же время в 1483 г. московскими отрядами был совершен рейд по ряду угорских территорий, приведший к формальному подчинению угорских княжеств Москве. Вероятнее всего, дружеские отношения сыграли свою роль, и реального подчинения угров мог добиться сам Ибрахим. Существует предположение, что поход был организован в благодарность хану за его помощь в окончательном уничтожении хана Ахмада. Так или иначе мы вынуждены признать, что фиктивное покровительство Москвы только укрепило структуру угорско-татарских отношений. Мнение, что в этот период угры были вынуждены выплачивать и дань Москве, и ясак Тюмени, кажется в таком случае необоснованным. Замечание же Вологодско-Пермской летописи о разовой выплате Юшманом дани

не может расцениваться как показатель вассальных отношений. Власть тюменского хана обосновывалась, в том числе и его родовым правом. Положение в корне изменилось после убийства Ибака (1495 г.) и отхода части татар под руководством Тайбугида Мамета на север [Маслюженко, 2008, с. 101]. Столицей княжества стал г. Искер, при этом легенда говорит о ее строительстве на месте остояцкого городка, хотя археологические исследования не подтвердили эти данные [Зыков, 2015, с. 21]. Очевидно, что исход Мамета на коренные угорские земли усложнил отношения с местным населением, что, вероятно, отобразилось в легенде.

В период сложностей в Тюменском ханстве часть угорских «князьков», не входящих в политическую элиту татарских государств, вполне могла организовать выход из подданства. В такую ситуацию удачно вписывается очередной поход московских войск 1499 г., в результате которого Югра и Кода окончательно перешли под контроль Москвы. Выше мы обратили внимание на то, что кодский «князь» к этому времени уже принес шерть русскому государю, что, впрочем, не оградило Коду от русского вторжения. Вероятно, реальное влияние на кодских угров оказывало ханство Ибака, после же его гибели эти территории стали окончательно расцениваться как вотчина Ивана III. Оговорим еще и возможность существования сразу нескольких «князей Кодских», часть которых могла признавать власть русского государя (известны сведения о помощи русским войскам со стороны местного населения), а другая – тяготеть к Тюмени, или же вовсе иметь сепаратной настрой. Однако в таком случае мы, во-первых, подтверждаем наш тезис относительно аморфности угорской государственности, во-вторых, – напрямую вводим историю угорских полities в контекст татарского государства.

В момент образования независимого Сибирского княжества (после 1511 г. [Маслюженко, 2008, с. 109–110]) представители новой элиты попытались подчинить ближайšie к ним угорские племена, вследствие чего в остяжских былинах и появляются замечания о войнах угров и татар.

Разумно предположить, что наиболее близкие к границам татарских государств угорские объединения были более вовлечены в орбиту интересов ханов, в то время как более северные племена, в том числе и кода, были обращены к Москве. Пользуясь северным путем, издавна проложенным зырянами, московская администрация собирала ясак с березовских

остяков [Миллер, 1999, с. 259]. Доказательством этого служит уже упомянутая нами грамота князю Лугуе 1586 г., в которой Федор Иванович удовлетворил просьбу направлять дань, как и раньше, на Вымь [СГГД, 1819, № 54], что говорит о длительных даннических отношениях. Влияние Москвы на севере было настолько велико, что в 1525 г. самоеды, «которые живут по реке Оби», жаловались московскому князю Василию III и просили у него помощи против югорского князя Кутыгея [Вершинин, 2005, с. 142].

Протагарская ориентация Пельма и подвластной ему Конды, на наш взгляд, базируется не только (и не столько) на расширении границ Московского княжества за счет сопредельных ему земель, но и на сопротивлении московской политики навязывания христианства. Угры крайне болезненно переносили данное мероприятие, стараясь всячески отстраниться от него, в то время как до периода правления Кучума татары религиозной политики не проводили. Конфликты с новокрещенными остяками у некрещенных фиксируются и в середине XVIII в. При этом у остяков и самоедов о новокрещенных складывается образ неподей [Головнев, 1995, с. 104–106]. С.Патканов, фиксируя наличие христиан среди остяков во второй половине XIX в., утверждал, что с основами христианства они незнакомы и продолжают оставаться идолопоклонниками [Патканов, 1999, с. 23–24]. Нежелание принимать новую веру, таким образом, сплотило вогулов и настроило их против русских.

Вероятнее всего, связь Пельма с Сибирским ханством была крайне тесной. Не исключено, что политическая элита пельмских угров формировалась, в том числе, и из татар [Томилов, 1989, с. 279]. Кроме того, среди верхушки манси начал распространяться ислам [Дмитриев, 1894, с. 44]. В Сибирской летописи по Толстовскому списку такая ситуация описывается следующим образом: «В земле сибирской многие народы бога не знающие, но держаще закон Моаметов и идолам своим поклоняющиеся и жертвыприносяще...Вогулы, остяки самоеды, пегая орда и иные» [ПСРЛ, 1987, с.60]. Тем временем в Есиповской летописи об этом не упоминается [ПСРЛ, 1987, с.111–112]. Вероятнее всего, летопись отражает не столько наличие мусульман в угорской среде, сколько их присутствие среди политической элиты Пельма и принятие административной системы по образу Сибирского ханства. В силу этого кажется вполне вероятным, что ведущую роль в Пельмском обществе занимали татары из

круга приближенных к Сибирскому султану. В свете этого при дальнейшем рассмотрении событий мы еще раз заостряем внимание на тюркских именах угорских князей, фигурирующих в летописях, в том числе в сюжетах, связанных с сопротивлением русским войскам.

Закрепление и дальнейшее продвижение интересов русского государства на восток сталкивается с упорным сопротивлением, возглавляемым верхушкой Пельма. Уже в 1570 г. Строгановская летопись отмечает строительство городков на путях ногайских и сибирских для защиты от остяков и вогулов [Сибирские летописи, 1907, с.4]. Принято считать, что примерно с этого времени (после 1571 г.) активизировался и Кучум, который начал подстрекать плавивших Москве дань остяков и черемисов, а с 1573 г. запретил платить дань царю и мобилизовал часть взрослого населения вогулов и остяков [Дмитриев, 1894, с. 44]. В 1572 г. происходит восстание черемисов по рекам Кама и Чусовая, в котором ряд исследователей видит влияние политики Кучума. Однако, насколько велико было влияние в этих событиях сибирского хана, говорить сложно. Вероятнее всего, источники пытаются показать хана в качестве виновника обострившейся ситуации, в то время как Пельм не был зависим от Сибири [Маслюженко, 2008, с. 136]. Заметим также, что до 1572 г. Кучум в силу подтвержденной им шерти исправно выплачивал дань Ивану IV, и лишь после успеха крымского похода в Москву отказывается от своих вассальных обязанностей [Маслюженко, 2008, с. 130].

Уже в 1573 г. Маметкул, племянник сибирского хана, совершает поход на Пермь, в ходе которого были убиты множество остяков, плавивших дань русским [Миллер, 1999, с. 206]. После этого наступает непродолжительный период затишья, который прекращается в 1580 г. походом против русских владений на Урале. Строгановская летопись возлагает вину на самого Кучума: «Сибирский салтан с ратию иных остяков Чагира побил жителей городков чусовских» [Сибирские летописи, 1907, с. 6].

Накануне похода Ермака пельмский князь Аблай-Керей напал на Пермь, об этом со ссылкой на Ремезовскую летопись пишет Г.Ф. Миллер [Миллер, 1999, с. 208], в том же году Строгановская летопись фиксирует: «1581 г. приходил под Чердынь вогульский мурза Бекбелей Актаков с собранием вогульским да остяским» [Сибирские летописи, 1907, с.9–10]. Позже в этой же летописи в составе войска пельмского мурзы перечисляются множество мурз, сылвинские, косвинские

и обвинские татары, остяки, вогулы, вотяки и башкиры [СЛ, 1907, с. 12]. Выгодско-Вымская летопись содержит следующие сведения: «Лета 7089 пришедшу сибирский царь с вогуличи и югорцы на Пермь Великую на городки на Сылвенские и Чусовские, вотчины Строгановы пограбил. Того же лета пельинский князь Кикек пришедшу с тотары, башкирцы, югорцы, вогулени, пожегл и пограбил городки пермские Соликамак и Сылвенский и Яйвенский и Вымские погосты, Койгород и Волосенцу пожегл, а Чердыню приступал, но взяти не взял» [Выгодско-Вымская, 1958, с.267].

Все летописи, несмотря на расхождения, единодушны в объединении угров и татар. Вероятно, образ общего врага в лице русских породил угро-татарскую коалицию, что, впрочем, закономерно, учитывая давние связи. Нам кажется вполне вероятным, что предводителями военных походов пельмцев стали ставленники сибирского хана, что в таком случае объясняет и наличие мусульман среди угров и татарские имена их предводителей.

С другой стороны, мы можем с уверенностью говорить и об эфемерности власти Кучума над подвластными ему уграми. В грамоте, данной Строгановым, говорится следующее: «Сибирский салтан не велит нашим Остякамъ и Вогуличамъ и Югричам наши дани в нашу казну давати, да и на рать емлет насильством в судах воевати Югрич те же, Остяковъ и Вогулич<...>. А кои Остяки и Вогулы и Югричи от Сибирского отстанут, а прочнут нам дань давати, и тех людей с данью послати к нашей казне самих (курсив мой-Н.П.)<...>» [Дмитриев, 1894, с. 30]. Кроме того, что эта грамота напрямую дает понимание о расценивании угорского населения как подвластного Москве, в документе отражается и процесс перехода ряда угров из покровительства Кучума в русское подданство. Причины этого явления неизвестны, однако мы можем предположить, что кроме ясачного гнета угорское население крайне беспокоила начавшаяся в Сибирском ханстве политика исламизации (об отношении угров к смене религии уже говорилось выше). Несмотря на определенные сложности, связанные с дальностью миссионерской деятельности и незнанием языка [Миллер, 2000, с. 195], такая политика фиксируется источниками. При этом сибирские татары продолжали попытки приведения остяков к исламу и после вхождения Сибири в состав Русского государства в XVII-XVIII вв. [Томилов, 1989, с. 279].

Вероятно, казаки Ермака пользовались помощью местного населения, в то время как в

войске Кучума оставались лишь вогулы с Конды [Миллер, 1999, с. 225]. Это же объединение, входящее в состав Пельма, оказало наибольшее сопротивление русским [Миллер, 1999, с. 236-237]. По оценкам исследователей, Кондинский «князь» Демьян для обороны своего городка от казаков собрал огромное по меркам того времени войско в 2000 человек [Головнев, 1995, с. 143].

Интересно, что оставшиеся верными Сибирскому правителю остяки при поражении Кучума под Чувашиным мысом (которое окончилось бегством хана) тут же покинули его войско [Миллер, 1999, с.226]. Строгановская летопись фиксирует бегство остяков, как только стало понятно о поражении Кучума [Сибирские летописи, 1907, с.24–25], при этом добавляет, что «на четвертый день после взятия Сибири пришел князь Бояр с подарками, с ним много остяков, а также татар с женами и детьми» [Сибирские летописи, 1907, с.26]. Внимание привлекает то, что угры разочаровываются ханом и отворачиваются от него. Из этого вроде бы логично предположить, что остяки только и ждали поражения Кучума, чтобы освободиться от татарского гнета. Однако дальнейшие события наталкивают на следующие размышления: еще Миллер замечал, «остяки поняли, что татарскому владычеству приходит конец и вскоре придется подчиниться новому хозяину. Вернувшись домой, рассказали, что в безопасности они будут только тогда, когда заслужат милость русских» [Миллер, 1999, с.229]. В действительности угры переменили подданство и вскоре признали власть нового хозяина, кроме того, за ними последовала и часть татар [Миллер, 1999, с. 229]. Здесь мы наблюдаем не только коренное подтверждение ясачной обязанности ханству, но и принятие его традиций. Нам кажется уместным предположить, что такое поведение спровоцировала утрата харизмы хана. Традиционно эта энергия обеспечивала благополучие обществу [Маслюженко, 2008, с.85], однако с ее утерей вождь терял и доверие подчиненных. Следовательно, угорское население ханства и, вероятнее всего, социумы, в него не входящие, но в силу обстоятельств, примкнувшие к нему, были настолько тесно связаны, что поддались традиционному восприятию правителя.

Дальнейшее продвижение русских войск вызвало сопротивление и самодийского населения. В 1595 г. произошло восстание, в котором участвовали ханты и ненцы под предводительством куноватско-ляпинского князя Шатрова Лягуева [Солодкин, 2001, с. 162], что приня-

то расценивать как попытку освобождения от русского подданства [Солодкин, 2001, с. 163]. За два года до этого остяки князя кондинского Игичея Алачеева совершили удачный поход на селькупскую Пегую Орду [Вершинин, 2002, с. 313], руководителя которой «князя» Воюю принято считать союзником Кучума. Самодейско-татарские контакты, по крайней мере, на фоне культурного взаимодействия, фиксируются этнографами [Шарифуллна Ф.Л., Кадырова Г.А., 2001, с. 169], однако, насколько тесными были политические контакты этих народов, говорить сложно. Заметим также, что часть угорского населения после вхождения Западной Сибири в состав Российского государства проявляла попытки выхода из подчинения русскому царю и поддерживала идею реставрации Сибирского ханства [Мартынова, 2002, с.295]. И опять среди заговорщиков нам встречается «князец» по имени Мамрук.

Недостаток источников о татарско-угорских политических связях, с лихвой восполняется этнографическими материалами, иллюстрирующими взаимовлияние их культур. Под влиянием татар частично изменяется хозяйственный уклад угорских обществ. В первую очередь, это связано с появлением злаковых культур у угров. Не имея собственных источников этого ресурса, остяки заимствовали его у соседей. При этом злаки входили в основу «остячковой браги», употребляемой богатырями [Патканов, 1891, с. 66–67]. Занятие земледелием сибирских татар обеспечивало их продуктом, который, видимо, шел, в том числе, и на обмен с уграми. Кроме того, остячкие былины содержат информацию и о других товарах, получаемых от татар. К таким, например, можно отнести шелковые ткани [Патканов, 1891, с. 52].

Интересным является появления в XIII в. среди коренного населения Западной Сибири элитарных захоронений по обряду кремации [Археологическое наследие..., 2006, с. 122], заметим, правда, что вопрос об их происхождении еще вызывает споры. Совместное проживание и ассимиляция привели к появлению отатарившихся угров, при этом в наибольшей степени это характерно для угров Кондинского края [Патканов, 1891, с. 47], т.е. именно тех, кто оказал наибольшее сопротивление русским войскам. Вероятно, политическая элита этих групп отчасти или полностью состояла из татар, приближенных к Кучуму (напомним о татарских именах «князьков»). К сожалению, данный аспект в настоящее время по причине недостаточности изученности не может быть

полностью подтвержден. Остановимся лишь на констатации того, что с момента продвижения монгольских групп в начале XIII в. часть тюркских племен была отгеснена на север, где вошла в соприкосновение с уграми. На протяжении существования Улуса Джучи в Западной Сибири формируются районы со смешанным населением. В этот период происходят изменения в угорском обществе, связанные с выделением правящей элиты, вероятно, тяготеющей к татарам, возможно состоящей из них. Такая ситуация наиболее ярко проявилась в группах кондинских угров и т.н. «заболотных татар». В то же время предметы, имеющие золотоордынское происхождение (в первую очередь, оружие и торовтика) пользовались популярностью и в более отдаленных районах [Белавин, 2000, с. 178–181]. При этом связи были настолько тесные, что на их основе появилось оригинальное сочетание ислама с «культom медведя» [Белич, 1999, с.88–89] или культom «священных рощ» [Валеев, 1999, с. 92], характерных для угров.

Подобные параллели встречаются и на уровне традиционных промыслов. Татарское население принимало традиции угров, практически полностью копируя их [Адаев, Рахимов, 2002, с. 248–450]. Татары заимствовали у угров методы охоты, рыбной ловли, обработки мехов, шитья меховой одежды, некоторые виды пищи и одежды [Валеев, 1999, с. 92]. По сути, мы можем говорить об ассимиляции в процессе адаптации татар к среде, характерной для угров, посредством, прежде всего, культурного обмена.

Таким образом, на протяжении существования татарских западносибирских государств наблюдаются крайне тесные культурные и политические связи с угорскими племенами. Вероятнее всего, под влиянием татар золотоордынского периода в угорском социуме формируется политическая элита. Наиболее близкие к Тюменскому ханству политики вошли в сферу интересов татар, что, возможно, касается и более северных групп (таких как «Кодское княжество»). В этот период, несмотря на летописные замечания, мы вряд ли можем говорить о влиянии Москвы на народы Западной Сибири, а соответственно, Тюмень являлась лидером и контролировала обширные территории. Ситуация резко изменяется в конце XV в. с началом кризиса в Тюмени и появлением Сибирского княжества. В этот момент происходит закрепление за Москвой северных территорий, что впоследствии сыграет важную роль в продвижении Российского государства в Сибирь. Остяки Коды станут прорусской силой и из-

влекут из этого выгоду (после покорения Пегой Орды, например, когда получают «нерымский» и «тымский» полон). В то же время верными союзниками Сибирского хана остаются остальные угры (в первую очередь Пелым и Конда), а также, вероятно, часть самодийских племен (Пегая Орда). Вопрос о появлении татарских имен среди угорской элиты и образованных от них фамилий княжеских родов (Тайшины, Алычевы и др.) пока остается открытым,

однако еще раз заметим, что большинство из них так или иначе были близки к Сибирскому ханству. Включение коренных народов Западной Сибири в орбиту интересов Русского и татарских государств способствовало временной консолидации сил внутри угорских родов. Выделение княжеских родов (власть которых была более видимой) следует связывать с административными стремлениями московского государя.

5. ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

5.1. ИСТОРИЯ И СПЕЦИФИКА ФОРМИРОВАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ (ДО СЕРЕДИНЫ XVI в.)

В литературе, посвященной позднезолотоордынским тюрко-татарским государствам Западной Сибири и прилегающих территорий, неоднократно высказывалось мнение об этнической многокомпонентности их населения [Бояршинова, 1960; Исахов, 2006а; Маслюженко, 2008; Матвеев, Тагауров, 2012а; История и культура, 2014]. В политическом пространстве распавшейся Золотой Орды это было явлением отнюдь не уникальным – практически все позднезолотоордынские политии были многоэтничными (детальнее см.: [Алишев, 1990; Хамидуллин, 2002; Исахов, 2009 а; История татар, т.IV, 2014]). Но государствообразующие их ядра везде составляли золотоордынские «татары», в некоторых случаях приобретавшие и иные этнонимы (ногаи/нугаи, шибанцы/шибанлыг и др.) [Исахов, 2009 а].

Несмотря на то что отмеченная выше специфика тюрко-татарских государств XV–XVI вв. в целом не подлежит сомнению, установление достоверного этнического состава их населения, а также этнических истоков тюрко-татарской его части, подчас вызывает трудности, главным образом связанные с недостатком источников, что особенно относится к сибирским юртам. В последнем случае у исследователей остаются разногласия даже в трактовке сохранившихся в некоторых русских летописях данных о числе «черных людей» – ясачников в Сибирском юрте времени правления Едигера Тайбугида, ибо в одних случаях их число определяется в 30,7 тыс. чел. [ПСРЛ, т.29, 1965, с.233], а в другом, – например, в грамоте Ивана IV того же периода, речь идет о 40 тыс. плательщиков ясака в этой политии [Томилов, 1980, с.42]. По мнению Н.А. Томилова, вторая цифра включает и численность угорских групп (хантов и манси), зависевших от Сибирского юрта. Но, по данным С.В. Бахрушина, к началу XVII в. их по обеим сторонам Урала насчитывалось не более 2,7 тыс. чел. [Бахрушин, 1935, с.8]. Следовательно, даже если признать, что угорские группы входили в состав Сибирского юрта, то это бесспорно обозначенная выше разница в данных по численности ясачников в этом государстве остается необъясненной. Скорее всего, дело в

том, что часть самих сибирских татар входила в состав плательщиков ясака, как, например, в Казанском ханстве [Исахов, 1998 а]. Но там эта группа в русских актовых материалах XVI–сер. XVII в. именовалась «ясачными чувашами», имея иные – булгарские – этнические истоки, тогда как политически доминировавшая страта татар в этом государстве была золотоордынского происхождения.

В этой связи возникает вопрос о том, являлась ли в сибирских юртах тюркская группа ясачников родственной их политической элите, имевшей золотоордынско-татарское происхождение. Ранее уже высказывалось мнение о том, что верхняя и нижняя («черная») страты тюрко-татарской части Сибирского юрта были разноэтничными [Исахов, 2002 б; Исахов, 2006 а; Тынчинских, 2010 а], что ставит проблему установления этнических истоков прежде всего последней группы. Большинство авторов предлагает видеть в ней тюркизованных угров, частично самодийцев (обобщающий вывод на этот счет см.: [Валеев, Томилов, 1996, с.25–27]). Несмотря на то что данная точка зрения имеет определенные основания, она до сих пор остается достаточно гипотетичной. Скажем, когда Б.О. Долгих пишет об «отатаривании» части «осяжков» и «вогулов» Западной Сибири по причине их соседства с татарами [Долгих, 1960, с.58 и др.], думается, что такой аргументации недостаточно. К тому же приходится учитывать, что в русских источниках XVI–начала XVII в. термин «осяк» далеко не всегда означал хантов, – как установлено, так могли именоваться и тюркоязычные, во всяком случае, к рубежу XVI–XVII в., группы Приуральско-Зауральской зоны (они позже распались на башкир и татар – пермских и сибирских), ранее, по нашему мнению, имевшие угорские этнические истоки [Исахов, 1998, с.114–140; Исахов, 2015]. Это касается и самодийского (селькупского и др.) компонента сибирских татар, прежде обнаруживаемого в основном у томской их группы, имевшей и иные этнические включения («белые калмаки» – телеуты и др.) как наследие уже исчезнувших к настоящему времени «обских татар» в составе зуштинцев и чатов [Бояршинова, 1960; Томи-

лов, 1981, с.218–228; Томилов, 1992, с.52–64]. Однако заметим, что само нахождение селькупов в Сибирском ханстве остается под вопросом [Бояршинова, 1960, с.116]. В целом же в последние годы возможность более широкого участия самодийского населения в формировании сибирских татар стала подчеркиваться многими исследователями (анализ см.: [Валеев, Томилов, 1996, с.26–27]), хотя по большей части подразумевается, что этническое смешение самодийцев с тюрками имело место еще в домонгольский период, т.е. можно вести речь только о ранних этнических процессах, имевших к татарам лишь косвенное отношение.

Так как домонгольский этап этногенеза предков сибирских татар, точнее, той их части, которая должна быть отнесена к ясачной страте, пока может быть описан лишь в общих чертах (см. например: [Валеев, Томилов, 1996, с.27–28]), требуется определенная модель, способная объяснить этническую ситуацию среди местного тюркского населения, вошедшего в улус Шибана, и его наследников, участвовавших потом в этногенезе татар этой зоны.

В опубликованных работах были предложены два подхода к выяснению этого весьма сложного вопроса.

Первый из них, разработанный по большей части Н.А.Томиловым и Ф.Т.Валеевым, заключается в выделении у сибирских татар максимального числа этнических составных – от древних тюрок, угров и самодийцев, кимачков и кыпчаков, монголов, алтайских тюрок (алтайцы, шорцы, телеуты, тувинцы и др.), узбеков, уйгуров (желтые уйгуры), таджиков, ногайцев, башкир, кыргызов, казахов до поволжских татар [Томилов, 1981; Томилов, 1992; Валеев, 1992; Валеев, Томилов, 1996]. Недостатком предложенной методологии является то, что при ее реализации сибирские татары как особая этническая общность начинают рассыпаться, точнее, никак не могут достичь стадии этнической консолидации, вплоть до начала XX в. фактически представляя собой некое рыхлое «метаэтническое» сообщество [Томилов, 1978, с.150–151; Томилов, 1992, с.212–213]. Для этнии, которая создала несколько политических объединений (Сибирский юрт, Тюменское ханство), рассматриваемая методология представляется не слишком удачной. Не случайно, что ее в пункте о степени консолидированности сибирских татар в средневековье не поддержали даже сторонники Н.А.Томилова о многоэтничности составных этой общности (см.: [Валеев, 1980, с.22, 44; Валеев, 1992, с.42]), не говоря уже о других

исследователях, предлагавших к изучению ее этнической истории подойти иначе [Исхаков, 2002 б; Тычинских, 2010 а].

Начало другому подходу было положено З.Я.Бояршиновой, которая, опираясь на работы своих предшественников, выдвинула гипотезу о существовании у сибирских татар ранней этнической основы в лице «народа шибир» (варианты: шибер/сыпыр/савир) угорского происхождения [Бояршинова, 1960, с.132–148]. Затем Д.М.Исхаковым и З.А.Тычинских было обосновано положение о том, что становление этнической общности сибирских татар, протекавшее в рамках Тюменского ханства и Сибирского юрта (княжества, ханства) в XV–XVI вв., следует изучать исходя из существовавшего в них этносословного деления их тюрко-татарского населения, когда его верхняя страта состояла из золотоордынских групп с клановым делением, т.е. из собственно «татар», а нижняя (ясачная) страта – из постепенно тюркизированных «сыпыров», в монголо-татарский период, не исключено, получивших общий этноним «иштэк» [Исхаков, 2002 б; Исхаков, 2006а, с.10–18; Тычинских, 2009; Тычинских, 2010 а]. Думается, что указанная методология не только позволяет рассматривать этнические процессы, происходившие в сибирских тюрко-татарских юртах, в общей системе других позднезолотоордынских государств, но и дает возможность выявить их общую динамику, приведшую к формированию средневековой общности сибирских татар, являвшейся одной из локальных групп распавшейся на рубеже XIV–XV вв. золотоордынского-татарской этнии [История и культура, 2014, с.184–198]. Кроме того, применение этого подхода способствует отказу от не вполне оправданного вычленения у сибирских татар в XV–XVI вв. позднезолотоордынских составных в лице ногайцев, узбеков, казахов, казанских татар и башкир как полностью обособленных этнических общностей в ситуации, когда их этногенез еще не был окончательно завершен. Скажем, хорошей иллюстрацией к отмеченному является высказывание Фазлаллаха б. Рубихана в «Михман-наме-ий Бухара» (1509 г.): «Три племени относятся к узбекам... одно [из них] – шибаниды... Второе племя – казахи... и третье племя – мангыты» [Ибн Рубихан, 1976, с.62]. Как видно, «узбеки» – государствообразующее ядро Узбекского (Шибанидского) ханства не только в XV в., – но и в начале XVI в., воспринимались еще как некое этнополитическое единство. То же самое надо

сказать и о башкирах, вплоть до начала XVII в. в некоторых зонах Среднего Приуралья и Зауралья имевших общее с сибирскими татарами «остяцкую» составляющую [Исхаков, 2015], а также ногайско-татарские включения этой же территории [Исхаков, 1998]. Это говорит о том, что во владениях Шибанидов в ряде случаев до конца XVI – начала XVII в. четко выраженные этнические границы среди тюркских групп еще отсутствовали, хотя определенные этногенетические линии уже существовали.

Исходя из изложенной концепции необходимо заново вернуться к вопросу о формировании этнической общности сибирских татар.

Как уже было показано, в Сибирском юрте и в его политическом предшественнике – Тюменском ханстве, – фиксируется присутствие ряда клановых групп золотоордынского происхождения (джалаир, буркут, мангыт, кыйат, найман, табын/уйшын, ширин). Несмотря на то что представители некоторых из них, например, ширины, могли попасть в Тюменское ханство волею случая, остальные группы должны рассматриваться как представители местного тюрко-татарского слоя населения сибирских политий. Этнические истоки названных кланов, прежде всего, уходят в среду племен, образовавших Государство кочевых узбеков и в более ранние политические объединения Шибанидов, в конечном счете, – в Улус Джучи, иногда и в домонгольскую этническую среду. Так, часть отмеченных выше клановых образований – мангыт и кыйат, – можно отнести к собственно монгольским племенам, другие (племена джалаир, найман, буркут, табын/уйшын) следует признать тюркскими или тюркизированными (уйшыны) группами Алтайской зоны, попавшими в состав Улуса Джучи в ходе завоевательных походов монголов в начале XIII в. [Исхаков, 2015]. Еще одна группа – кошчи (кошчы), непосредственно среди сибирско-татарских кланов не отмечаемая, известна в числе «остяцко»/«башкирских» волостей Среднего Приуралья в начале XVII в. и входит, очевидно, в число тех племен, которые контролировались Шибанидами вплоть до 1509–1511 гг., возможно и несколько позже [Исхаков, 1998, с.120–127]. Находясь в числе первоначальных кланов, бывших в подчинении у Шибана, это племя, скорее всего, являлось частью алтайских тюрков (см.: [Исхаков, 2009. С.47–48; Зариктуев, 2011, с.153; Исхаков, 2015]), попавших в зависимость от Джучи в начале XIII в. В этой связи необходи-

мо обратить внимание на присутствие в числе «подобных монголам» групп у Рашид ад-дина клана куштеми [Рашид ад-дин, т.I, кн. 1, 2002, с.122–123]. Ширины, массовое присутствие которых в составе сибирско-татарской элиты под вопросом, происходили от тюркизированных в домонгольский период среднеазиатских (хорезмских) асов, в этническом отношении первоначально бывших индоевропейского происхождения [Исхаков, 2009 б, с. 24–57].

В связи с тем что сейчас более уверенно можно говорить о вхождении таких кланов, как буркут, кыйат и уйшын (через связанную с последними группу туман/тумен [Исхаков, 2013, с.50–54], наименование которой отложилось в параллельном названии г. Чимгит-Тура –Тюмени) в ядро воинского контингента, находившегося в подчинении у Шибана в 1230–х годах [Исхаков, 2009 а, с.278; Мустакимов, 2009 б, с.214–232], а также о пребывании около него и клана кошчи, начало становления «татарского» компонента сибирских политий Шибанидов надо относить к золотоордынской эпохе. К сожалению, детали этнических процессов, происходивших в этих государствах, остаются неизвестными, но существующие источники свидетельствуют о том, что это сообщество, имевшее золотоордынско-татарское происхождение, даже в XVI в. оставалось еще клановым.

Теперь обратимся к анализу проблемы ясачной страты сибирских татар.

Для выявления этнической основы ясачного слоя сибирских татар, прежде всего, необходимо обратиться к отдельным средневековым источникам, маркирующим тюркское население Западной Сибири этнонимом иштэк. Скажем, в недавно введенной части сочинения продолжателя Утемиша – хаджи «Чингиз-наме» (вероятно, относящегося к рубежу XVI–XVII вв.) есть следующее определение владения хана Кучума, т.е. Сибирского юрта: «юрт Тай Буги Ишдэк» [Миргалеев, 2014, с.65]. Эта информация коррелирует с тем, что некоторые соседние народы, в частности казахи, в прошлом сибирских татар называли «уштяк», т.е. иштэк [Томилов, 1981, с.21]. Этот этноним бытовал и среди самих сибирских татар как родовое название (в группах тобольских и барабинских татар) и как топонимические данные [Тумашева, 1997, с.21; Тумашева, 1987, с.40], а также в виде исторической памяти о том, что предки происходили от «иштэков» [Исхаков, 2006 а, с.24]. Одно из возможных объяснений данного феномена – вхождение в состав сибирских татар, прежде

всего, в среду ясачного их слоя, угорского компонента. Но это явление нужно рассматривать на более широком историческом фоне, учитывая, что этнимом иштэк традиционно применялся казахами и ногайцами также по отношению к башкирам [Исхаков, 1998]. Причем в составе башкир существовала группа племен и родов, носивших общее наименование иштэк/иштэк (айлы, юрми, байлар, байкы, ирэк-тэ). Они расселились как в северо-восточной части современного Башкортостана (аялы, байкы), так и в северо-западной зоне (юрми, байлар, ирэк-тэ). Этим же этнимом русские источники в XVI – начале XVII в. именовали и предков пермских татар и башкир (в том числе группы гайна, терсяк, кошчи, сызгы, балыкчы и др.). Нами была высказана гипотеза о вхождении пермских групп «остяков» (включая и жителей Сылвенско-Иренского бассейна) в состав владений Казанского ханства как особой административно-территориальной единицы под названием «Костяцкая земля» [Исхаков, 1998]. В итоге получается, что в средневековье в Приуральско-Завральской зоне существовал обширный ареал, в котором бытовал этнимом иштэк (варианты уштэк/костяк/остяк). В этом же общем русле надо рассматривать и бытование среди сибирских татар исторической памяти о существовании в далеком прошлом народа «сыпыр», вошедшего затем в их состав. Показательно, что информаторы из сибирских татар, хотя и непосредственно, этот «народ» отождествляли с хантами, точнее, с «остяками». Далеко не случайно существование у сибирских татар волости Супра (XVII в.) [Долгих, 1960, с.57], а у северо-восточных башкир – этнима субра, наряду с тем, что этнимом супра известен и среди обских угров. Название г.Сибири (Искера), как и наименование «северных областей» «Ибир–Сибир» золотоордынского времени, явно связаны с этим этнимом, в конечном счете восходящем к уже упомянутому этниму «шибер/шибир», в свою очередь, выводящему от этнима савыр/савир/сувар [Исхаков, 2006 а, с.52–54].

Ранее уже был обоснован вывод о том (детальнее [Исхаков, 1998]), что начиная с раннебулгарского времени за счет передвижений тюрко-угорских групп из Западной Сибири в Волго-Уральский регион начинает формироваться этническая общность «иштэк». Она, постепенно трансформируясь, в Приуралье и, видимо, в Западной Сибири, просуществовала до рубежа XVI–XVII в., когда в результате ликвидации Сибирского ханства

и распада Ногайской Орды на территории бывшего Сибирского юрта возникли условия для завершения консолидации ясачного населения со служилыми сибирскими татарами в единую этническую общность.

Следует отметить, что самостоятельный кыпчакский, точнее кимаковский, этап в этногенезе предков сибирских татар, при нынешнем уровне разработанности этой проблематики пока не может быть раскрыт достаточно полно, хотя отдельные исследователи на основе изучения этнотопонимики сибирских татар пытались поставить этот вопрос [Тумашева, 1987], но при этом не были учтены два момента: во-первых, общность этих данных с материалами по Волго-Уральскому региону, во-вторых, в целом «растворенность» кыпчакского этапа в золотоордынском периоде становления этнической общности сибирских татар [Исхаков, 2006а, с.22–23] Тем не менее особая роль кыпчаков-кимаков в этническом становлении, скорее всего, субстрата сибирских татар – иштэков, – видна из записанных среди них исторических преданий, в одном из которых среди групп, живших в районе р. Иртыша, отмечается «народ» Кара-Кыпчак [Каганов, 1904, с.20–22], в данном случае подразумевающий восточных (кара – по традиционной цветосимволике тюрков и монголов – восток) кыпчаков, т.е. кимаков.

Несмотря на разноэтничное происхождение ясачного и феодального слоев сибирских татар, этнополитическая общность, образовавшаяся в рамках Тюменского и Сибирского ханств, обладала значительной консолидированностью. Об этом свидетельствуют ее устойчивые названия, известные по русским источникам в XVI в. Это такие наименования, как «страна Сибирская», «Сибирская земля» или «вся земля Сибирская» («Сибирские земли») «Сибирское царство», «царство бесерменское в Сибири» [ПСРЛ, 1987, с.47–48, 99, 119; ПСРЛ, 1904, с.248, 276, 285; ПСРЛ, 1906, с.370]. Причем «Сибирские летописи» подчеркивают, что «вся страна» была прозвана «по граду Сибирь» (т.е. по г. Искеру) на р. Иртыше. Так как г. Искер есть тот же самый город, что и «Сибирь», получается, что действительно «царство» (или «земля») свое наименование получило по столице. Точно такое же положение мы видим в других синхронных татарских ханствах.

В большинстве случаев государствообразующее, т.е. политически доминировавшее в данном ханстве этническое формирование, именуется в источниках «татарами»

(татарояв). Иногда оно определяется и как «бусурманы», «окаянные бусурманы», «поганные» или «нечестивые татары», что характеризует это сообщество в целом как исламское (несмотря на неполное усвоение некоторыми группами ислама в ханский период). Даже такая редкая форма, как выражение «Сибирские люди», являющееся политонимом или этниконом, обозначало на самом деле татарскую общность.

Таким образом, единообразие использовавшегося по отношению к сибирским татарам этнонима, признание этой общности в целом мусульманским формированием, указывает на то, что в XVI в. сибирско-татарская общность уже реально существовала. Что касается ее особенностей, то они сводятся к следующему: во-первых часть сибирских татар могла еще вести кочевой или полукочевой образ жизни. Во-вторых, клановые деления,

имевшиеся в Сибирском ханстве, особенно в верхней – татарской – страте, надо рассматривать, скорее, как территориальные кланы или даже феодальные «дома», правда, включавшие в рамках отдельных «улусов» или «юртов» (княжеств) и рядовых сородичей представителей правящих кланов. Как видим, этническая общность сибирских татар ханского времени по своей социальной структуре фактически не отличалась от других синхронных татарских общностей, формировавшихся в рамках своих государственных образований. Поэтому можно говорить о существовании в XVI в. сибирско-татарской народности феодального типа. Правда, эта народность была относительно немногочисленной и среди других позднесолотоордынских татарских этний, например, сопоставимой с астраханскими татарами.

5.2. НАСЕЛЕНИЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVI–XVII ВВ.

Образование Сибирского ханства в конце 60-х годов XVI в. оформило окончательную картину расселения тюркоязычного населения в лесостепной и южнотаежной зонах Западной Сибири. Это было связано с переселением ханом Кучумом определенного количества населения с Поволжья и Южного Зауралья преимущественно на земли в восточной части ханства – по Ишиму и Иртышу, где до этого тюркоязычное население было крайне немногочисленно. Об этом переселении ученые пишут достаточно много, но в действительности все опирается в сообщении С.У. Ремезова, которое проверить достаточно сложно: «Ехав Кучум в Казань и дочь казанского царя Мурата взял в жену и с нею многих чуваш и абыз и русского полуно людей и приехав на Сибирку, пребываше славно» [Ремезов, 1999, с.552]. Существенного значения это переселение в масштабах всей Западной Сибири не имело, но для Приишимья и Прииртышья оказалось весьма значимым, так как вызвало подвижки проживавшего здесь местного населения.

Можно констатировать, что во второй половине XVI в. сформировалось в определенном смысле единое этнокультурное пространство с тюркоязычным населением, которое Г.Ф. Миллер назвал татарами. Он писал: «Главнейшим народом Сибири являются татары, которые живут в южных местностях по

рекам Тоболу, Иртышу, Оби, Томи и Енисею и лежащих между ними степях» [Миллер, 2005 а, с.166]. Давая это описание ученый, вероятно всего, ориентировался на определенную языковую и культурную близость этого населения. Выражаясь археологическим языком, сибирские татары представляли в то время единую историко-культурную общность с определенной близостью материальной и духовной культуры для всей территории лесостепной зоны Западной Сибири с локальными вариантами, тяготеющими к долинам крупных рек – Тоболу, Ишиму, Иртышу, Оби и Томи. На этих реках стали обитать большие региональные этнические группы сибирских татар [Томилов, 1981], объединенные в начале последней трети XVII в. в границах одного государства – Сибирского ханства.

Процесс консолидации сибирских татар проходил в течение нескольких столетий. Прежде всего, из-за того, что процесс переселения отдельных групп тюркоязычного населения в Западную Сибирь растянулся на значительное время. Например, в Тарском Прииртышье первые такие группы, которые мы соотносим с процессом формирования сибирских татар, фиксируются в конце IX в. [Тагауров, Тихонов, Чудаков, 2001] (хотя вполне возможно, что отдельные проникновения были и в более ранний период). Последние переселенцы в рассматри-

ваемый нами период приходят вместе с ханом Кучумом на эту территорию в XVI в.

Немаловажными факторами, повлиявшими на длительность процесса консолидации, являлись природно-географические условия территорий, где селились мигранты, это, в первую очередь, долины крупных рек – Оби, Иртыша, Ишима и т.д., которые отделены друг от друга огромными труднопроходимыми болотными массивами. Эти болота серьезно ограничивали развитие социально-экономических отношений между отдельными группами. Обособленность районов приводила к тому, что они развивались в замкнутом пространстве, формируя системы жизнеобеспечения сообразно природным ресурсам места проживания.

Немалое значение имели и места выхода групп тюркоязычного населения, которые варьировались от предгорий Алтая до Средней Азии и Поволжья. Некоторые группы, например, с Южного Урала, фактически просто расширили свой район расселения и сохранили свои связи с прежним районом проживания, другие преодолели несколько тысяч километров и утратили связи с населением, которое осталось на месте их выхода. Чем дальше уходила группа, тем сложнее ей было сохранить свои традиции, свой культурный облик.

Все вышеперечисленные факторы существенно затрудняли процесс формирования единого этноса, но уравнивались единством на «родственном» «генетическом», уровне общей «истории» тюркоязычного населения Северной Евразии. Эта объединяющая идея впоследствии многократно умножилась после завоеваний Чингисхана и основания монгольского государства. С этого времени его сакральный облик, его кровь стали гарантом для его потомков на первенство во всех частях света, куда дошли его армии, и их положение равнялось той доли крови Чингисана, что текла в их жилах. Поэтому совершенно справедливо высказывание: «Создание в Улусе Джучи иерархии кланов во главе с джучидами трактовалось не просто как учреждение государства, а как акт социального творения, упорядочения микрокосма» [Исхаков, Измайлов, 2007 а, с.193]

Вхождение практически всей лесостепной и южнотаежной зон Западной Сибири в монгольское государство стало важным моментом для социально-экономического развития региона, однако трактовать его только как положительный фактор для консолидации тюркоязычного населения однозначно нельзя.

Этот факт вхождения в общую, более высокую по уровню связей государственную структуру был политическим актом и коснулся верхушки общества, не затронув общую массу населения и его образа жизни, став еще одним фактором социального расслоения общества. Однако социальное расслоение общества не означало этническое разделение татар на «белых» и «черных», – за исключением самой верхушки ханств локальные группы представляли собой к середине XVI в. достаточно единые в этническом плане общества. Этническое разделение тюркоязычного общества в Сибирском ханстве коснулось только управления этим государственным образованием, так как хан Кучум и его окружение было пришлым для Сибири.

С созданием Сибирского ханства практически прекратилась ассимиляция аборигенного населения, т.к. государственному аппарату был выгоден сбор налогов с хантыгского и мансийского населения как основных поставщиков пушнины. Исключение составляли земли по Иртышу и Ишиму, куда хан Кучум переселил население с сопредельных территорий и которые поглотили проживавшее на них население или выдавили его дальше на север.

Объединение значительных территорий Западной Сибири в рамках Сибирского ханства имело гораздо большее значение для всего тюркоязычного населения региона. В первую очередь, проведенные ханом Кучумом административные реформы превратили районы их проживания в систему провинций и улусов и закрепили за каждым подразделением ханства определенные размеры налогов и общественных повинностей. Появилась и определенная система надзора за поведением населения, исполнением им государственных повинностей, соблюдением правил шариата для тех групп, что приняли ислам. Тем самым возникли определенные общие требования для общества, которые распространились на все население ханства.

Создание единого государства во второй половине XVI в. стимулировало существенный подъем торговли – практически вся территория ханства оказалась связана торговыми отношениями. Причем следует отметить, что толчком для развития торговли стало поступление товаров из Средней Азии, а уже после этого стали развиваться местные рынки. Так среднеазиатские купцы принесли с собою единую систему мер и весов. В условиях преобладания натурального хозяйства, развитие торговли позволило восполнить недостаток

товаров необходимых для их жизни, – изделий из металла (оружия и хозяйственного инвентаря), тканей, лошадей, украшений и т.д. Торговые отношения способствовали установлению социально-экономических отношений между локальными этническими группами, что вкупе с развитием государственного управления привело к формированию единого этногосударственного пространства.

В литературе утвердилось мнение о делении татар на локальные группы, и это действительно так, но никто не поставил вопроса о том, насколько эти группы сблизились, консолидировавшись по своему языку, мировоззрению, материальной и духовной культуре за период нахождения в составе Сибирского ханства. Совершенно очевидно, это – период сложения сибирского татарского языка, что было чрезвычайно сложно, учитывая специфические лингвистические основы у каждой группы. Тем не менее, на наш взгляд, можно говорить об этом языке как средстве общения между всеми, без исключения, группами сибирских татар.

Принятие верхушкой общества ислама не создало определенных противоречий в обществе, зато означало постепенное принятие новых правил для всего населения. Несмотря на самые мягкие формы, новая религия требовала соблюдения определенных правил поведения, выполнения канонов и, в первую очередь, проведение коллективных мероприятий – молитв, отмечание знаменательных дат, обрядов, связанных с продолжением рода и т.д. Для этого в общине должен был быть мулла, храмовое здание и мусульманское кладбище. Далеко не всегда все эти правила соблюдались, но распространение комплексов «астана» частично замещало отсутствие мечетей, выделенных кладбищ и даже священнослужителей, которых заменяли смотрители за этими святыми местами. Любую религию необходимо демонстрировать и защищать, поэтому определенные правила поведения входили в жизненный уклад сибирских татар, пусть напрямую и не ассоциируясь с новой верой. Это же касается и защиты новых символов религии, которая проявлялась в возвышении святых мест и их обустройстве, наделении особого статуса священнослужителей в общине.

Консолидация тюркоязычных групп в рамках единого государства привела к появлению общих черт в материальной и духовной культуре всего населения ханства, что прослеживается по данным археологиче-

ских комплексов этого периода. Подробнее мы остановимся на этом вопросе в разделе, посвященном хозяйству сибирских татар. Отметим только, что общие черты фиксируются при анализе жилищ, керамики, производственного инвентаря, погребального обряда и т.д. Для второй половины XVI в. можно говорить не об этнических, а о хозяйственных различиях, что привело к формированию трех хозяйственно-культурных типов [Томилов, 1986, с.74–75]. Но этих различий стало гораздо меньше, нежели еще несколько десятиков лет назад, так как подавляющая часть населения перешла на оседлый образ жизни. Скотоводство вместо кочевого стало отгонным, расстояние между «летовками» и «зимовками» сократилось до нескольких сотен, а то и десятков километров. Единственная группа, которая сохранила прежний образ жизни, – это хан Кучум и его окружение. Хан зимовал на юге, в своих родовых землях, а с весны по осень проезжал по своим ставкам, которых у него было несколько – от Зауралья до Приобья, – «где у него хлеб сеян». Это позволяло ему иметь представление о положении во всей стране и оперативно вмешиваться в случае каких-либо конфликтов.

Процессы консолидации сибирских татар, проходившие в рамках и под эгидой Сибирского ханства, оказались настолько сильными, что выдержали все попытки российской администрации расколоть это формирующееся объединение. Встретившись в Западной Сибири с мощным сопротивлением, которое возглавили хан Кучум и его преемники, против ликвидации ханства и присоединения региона к Московскому царству, русская администрация стала проводить политику по расколу населения и появлению между группами определенных противоречий, которые препятствовали бы единым антигосударственным выступлениям.

Новая администрация по своему усмотрению провела административное деление в Западной Сибири, поделив ее на воеводства, уезды и волости без учета системы расселения сибирских татар, и тем самым поставив между группами дополнительные административные барьеры. Административные центры стали аккумулировать решение государственных и гражданских вопросов, сбор налогов, переориентировали торговлю на русский рынок и на свои центры, вытеснив среднеазиатских купцов и таким образом прекратив торговые-экономические связи между районами расселения сибирских татар. Следует заметить,

что эти административные границы серьезно сдерживали развитие связей между отдельными группами татар даже в период советской власти [Корусенко, Тагауров, 1995].

Воспользовавшись наличием антикучумовой оппозиции у тюменских татар, российская администрация приняла их на военную службу и практически сразу же отправила на проведение военных операций против отрядов хана Кучума. Сибирские татары стали биться друг с другом. Поход хана в 1588 г. по Притоболью и Прииртышью, когда он сжег несколько татарских селений – был ответом на эту политику, когда хан пытался наказать отступников и предателей, но склонить их снова на свою сторону не получилось.

Были предприняты меры для раскола абorigенного населения Сибири по религиозному принципу, и следует признать, что это русской администрации практически удалось. Тюркоязычное население потеряло своих союзников в лице угорского и самодийского населения. Еще в 70–80-х гг. XVI в. татарские и хантыйские отряды вместе совершали походы в Поволжье, участвовали в противостоянии с отрядом Ермака. Но обращение их в православие разорвало эти отношения и после этого никаких совместных походов или других действий уже не было. Попытки разделить по религиозному принципу предпринимались и с группами тюркоязычного населения, например, в Приобье были крещены чаты, в других районах сжигались мечети, изгонялись муллы [Томилов, 1992, с.142]. Эта политика в целом успехом не увенчалась, более того привела к определенным конфликтам и в итоге от планов обращения татар в православие русские отказались.

Раскол среди татарского населения привел к тому, что конфликты происходили даже внутри татарских семей. Е. Вершинин приводит такой любопытный случай: в 1605 г. ясачный татарин Бекбаклуй Барашев сообщил тюменскому воеводе об измене брата Янгузы, который, оказывается, был лазутчиком Алея и агитировал жителей Терсяцкой волости отъехать в кочевья царевича. Доносчик на родного брата, конечно, нехорошо. Но Янгуза и его сообщник заманили сначала Бекбаклуя на звериные промыслы, ограбили, связали, а затем уже поведали о своей шпионской деятельности. Хитрый Бекбаклуй пообещал забрать семью и примкнуть к Алею, а сам напрямик направился к тюменским властям [Вершинин, 1998б].

Часть татар в качестве противодействия российским властям стала покидать свои места проживания и переселяться за границу подвластных Москве земель. Так, татары, не желавшие оставаться в составе российского государства, переселились с Иртыша и Тобола на восток в Приобье и далее в Кузнецкую котловину, где они влились в состав местного населения. Аялыньские татары, проживавшие в Тарском Прииртышье и поддерживавшие Кучумовичей, переселялись на свою историческую родину, на Южный Урал, где они почти беспрепятственно селились рядом с другими группами тюркоязычного населения [Этнокультурная история, 2012, с.34–35]. Самым заметным было переселение барабинских татар за пределы российских земель, которое прекратилось только после постройки укрепленных линий, в том числе «Кольванской линии, протянувшейся от Усть-Каменогорска до Кузнецка [Андреев, 1960, с.168–169].

На момент присоединения Западной Сибири к Московскому царству тюркоязычное население делилось на несколько локальных групп, которые затем были выделены Н.А. Томиловым в группы сибирских татар [Томилов, 1981]. Но в период противостояния Москвы и Искера ситуация была несколько сложнее. Всю территорию ханства можно условно поделить на три части. К первой относятся земли заселенные тюменскими и тобольскими татарами. Это население сразу достаточно активно поддержало царскую администрацию и участвовало в военных походах против хана Кучума. В 1595 г. в гарнизоне г. Тюмени числились служилые татары [Тычинских, 2010 а, с. 46]. Попытка сплотить татарскую знать тюменских татар против русских вокруг Сейдяка, который на время захватил брошенный Искер, не увенчалась успехом из-за решительных действий Данилы Чулкова, который частично пленил, частично уничтожил окружение несостоявшегося хана [Миллер, 1999, с.270–271]. Русская администрация всячески стремилась привлечь к службе на нового государя и среди тюменских и тобольских татар эта политика была весьма успешной. Земли к западу от р. Вагай и проживавшее на них татарское население стали оплотом для московского царства в Сибири.

Несколько по другому сценарию проходили события в Приишимье и Прииртышье, где местные татары длительное время поддерживали хана Кучума и его преемников. Уже после окончательного разгрома хана на Ирменском лугу в Приобье татары неоднократно

но участвовали в восстаниях против русской администрации, а также в походах и осадах г. Тары, уходили вместе с сыновьями и внуками хана Кучума на неподвластные Москве земли. С.В. Бахрушин отмечает, что часть знати тарских татар пошла на службу новой администрации – «тарского князца Тынмамета Берделей-мурзина, его сыны Кучука Тынмаметова и внука Талайку Кучукова», в то время как есаулы хана Кучума Сеткулай и Мамык проявили самое активное участие в восстании 1607 г. и походе на г. Тару [Бахрушин, 1955в, с. 163–165]. Практически все поселенческие комплексы на этой территории, где проводились археологические исследования, имеют следы штурма – городище Кучум-гора на Ишиме (раскопки Р.Д. Голдиной), Тунусский городок на р. Таре (раскопки С.Ф. Татаурова), городище Кошкуль IV на р. Уй (раскопки А.В. Матвеева) и т.д. По некоторым из них имеются письменные описания взятия русскими отрядов. Например, в грамоте царя Федора Ивановича в Тару воеводе князю Федору Елецкому с товарищами по поводу тамошних дел и вестей о Кучуме и ногайцах от 16 августа 1595 г. В грамоте говорится, что при штурме Тунуского городка было встречено ожесточенное сопротивление, засевшие в нем татары сделали вылазку, в ходе которой – большая их часть была убита, а остальные татары взяты в плен. Раскол среди тарских татар произошел по религиозному принципу, т.к. пошедшие на службу татары приняли православие, большая же часть стала исповедовать ислам. Центром мусульманства в Прииртышье в конце XVI в. стало с. Сеитово, а затем в XVII в. подгородная Бухарская слобода в г. Таре.

Далее на восток в Барабе и Приобье ситуация развивалась по схожему сценарию с Прииртышьем, но в силу того что барабинские татары сохранили полукочевое хозяйство, они взяли на вооружение в борьбе против новой администрации такой прием, как периодические откочевки на неподконтрольные ей территории, возвращаясь обратно со своими союзниками калмыками. Так, в 1628 г. князец Когутай поднял восстание и сжег Барабинский и Убинский остроги, к нему примкнули айлыские татары во главе с князьком Кочашем Танатаровым и объединенный отряд осадил г. Тару, попутно разорив подгородные русские деревни. После неудачной попытки штурма города татары откочевали на Чановские озера, а Когутей еще дальше – к верховьям Каргата и Чульма [Волкова, 1965]. В Приобье взаимоотношения между русскими

и татарами носили менее напряженный характер. Как мы уже отмечали, недовольные политикой русской администрации уходили на свободные земли на восток и юго-восток. Местная знать, во главе с князем Тояном, была поддержана и обласкана новой властью, как следствие в Томске количество служивых татар было гораздо больше, по сравнению с Тарой [Тычинских, 2010а, с. 149].

С разгромом Сибирского ханства его население вошло в другое государственное образование – Московское царство, то есть один связующий государственный фактор был заменен на другой. Заменялись и люди, составлявшие государственный аппарат. Если при хане Кучуме эти функции исполняла татарская знать, над которой стоял ханский наместник, то после прихода русских она, после непродолжительного периода, когда местная русская администрация оставила ее во главе инородческих волостей для удобства сбора налогов, лишается своей власти. В частности, при хане Кучуме собирали ясак не только со своего тюркоязычного, но и с находящихся с ними в даннических отношениях хантыйских родов. Оставшись во главе инородческих волостей знатные татары, испробовали в прямом смысле «на своей шкуре», что значит служить новому царю. Так, тарские воеводы Ю.И. Шаховской и М.Ф. Кайсаров в 1628 г. потребовали у князьков Чойской, Таренинской, Барабинской и других соседних волостей сдать недомки за три года и «учели править... государев ясак на прошлые на три года и били де их правее разув» [Волкова, 1965, с. 118].

Татарской знати было необходимо компенсировать потерю власти над своими соплеменниками, и она нашла выход, который заключался в исламизации всего тюркоязычного населения Сибири. Именно татарская элита сформировала новое мусульманское духовенство и продолжила политику укрепления основ религии среди местного населения. Если в Сибирском ханстве хан Кучум стремился объединить вокруг этой религии все тюркоязычное население, укрепляя тем самым государственные устои и для этого из Средней Азии выписывались проповедники, строились мечети, создавались святые места (астана), то в конце XVI в. ислам стал фактически единственным фактором, который позволил родовой татарской знати сохранить свое влияние на своих сородичей. В течение XVII–XVIII вв. татарская элита продолжала укреплять основы ислама в Сибири. Это хорошо

иллюстрирует судьба мусульманской общины в г. Таре. Местная русская администрация неоднократно сносила мечети (или, по крайней мере, не способствовала их восстановлению после пожаров, которые в городе были очень частым явлением), но татары после просьб и челобитных их восстанавливали. После очередного такого акта в 1744 г. татары в очередной раз обратились с просьбой об ее восстановлении, подчеркивая в наказе, что они не язычники, – «мы во всевышнего Создателя, хотя и по магометанскому закону, веруем, ангелов и пророков всех почитаем и чувствуем» [Гончаров, Ивонин, 2006, с.62]. Тарские власти отступили, мечеть была восстановлена. Для нас особо значим тот факт, что мусульманскую общину в Таре на протяжении всего времени ее существования возглавлял род Айтикиных – потомков Дин-Али-ходжи, одного из первых проповедников ислама в Сибири. Знать, сменив светскую власть на духовную, сохранила за собой контроль над обществом и свое положение и, самое главное, взяла на себя продолжение процесса консолидации тюркоязычного населения Западной Сибири.

С разгромом Сибирского ханства изменилась и система расселения сибирских татар. Практически все тюрко-татарские города оказались разрушены, некоторые просто стерты с лица земли. Естественно, что были взяты штурмом или просто брошены все городища и укрепленные поселения. Несмотря на многократные опустошительные набеги калмыков

и других степняков татарам было предписано срыть все имеющиеся укрепления или переселиться на новые места. Вследствие этого татары стали постепенно переселяться в долины крупных рек и их основных притоков – поближе к русским городам или острогам, потеряв при этом значительную часть своих родовых земель и став полностью зависимыми от местной русской администрации.

В итоге тюркоязычное население Западной Сибири под влиянием преимущественно политических событий (а не экономических) оказалось достаточно организованным к последней трети XVI в., то есть готовым к дальнейшему сближению и превращению в единый этнос, но этот процесс стал развиваться уже в других условиях – после присоединения Западной Сибири к российскому государству в XVII–XIX вв. Ключевую роль в этом процессе сыграла татарская родовая знать и переселившееся мусульманское население из Средней Азии и Поволжья, а решающим фактором – исламизация всего тюркоязычного населения. К сожалению, следует констатировать, что в настоящее время эти важнейшие события в истории самого многочисленного в Сибири народа так и не описаны. Необходим целый комплекс исторических, этнографических, археологических и генетических исследований, чтобы совершенно точно выяснить, когда окончательно сформировался этнос – сибирские татары.

6. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

6.1. ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ УКЛАД

Вторая половина II тыс. н.э. в Западной Сибири характеризуется постоянным движением тюркоязычного населения на север, из степного пояса в лесостепь и далее, по долинам крупных рек в таежную зону. У этого процесса в отдельные периоды были различные мотивы. Это и уход от превосходящего по численности и вооруженной мощи народа или государственного объединения, которые выдавливали аборигенов с родных земель, с целью найти новые, безопасные для себя земли. Это и расширение своей территории проживания в связи с увеличением численности населения и поиском с этим новых природных ресурсов. В конце концов, это были просто грабительские походы. С течением времени количество причин, по которым степнякам был интересен север, только возрастало. Помимо стихийного продвижения добавилось планомерное наступление сибирских тюрко-татарских государственных образований, которые направляли свои отряды с целью расширения границ и сфер влияния. В результате этого продвижения к концу XVI в. вся лесостепная и южнотаежная зоны Западной Сибири практически полностью оказались заселены тюркоязычным населением. Эти районы, освоенные или включенные в его сферу влияния, можно условно разделить на три зоны.

В первую зону вошли районы, которые аборигенное население было вынуждено покинуть – это практически вся лесостепная зона. На этой территории тюркоязычное население, в связи с местными природными условиями, изменило структуру хозяйства, заимствовало некоторые черты материальной и духовной культуры у проживавшего здесь прежде автохтонного населения, но в целом продолжало себя отождествлять с остальным тюркоязычным миром.

Ко второй зоне следует отнести южнотаежные земли, где тюркоязычные группы в зависимости от численного соотношения либо ассимилировали местное население, либо расположились в непосредственной близости от их поселений, в результате чего сформировалась система чересполосного расселения с аборигенами. В настоящее время далеко не

всегда можно определить грань разделяющую, которая разделяла две области, вполне возможно, что со временем она исчезнет.

К третьей зоне относится территория, заселенная аборигенным населением и вошедшая в состав ханств, которая контролировалась временными или постоянно действующими укрепленными пунктами ханств. В этом случае поселение, где проживали татары, представляло собой форпост, некое управляющего органов, в функции которого входили сбор ясака с даннического населения района и контроль над развитием торговых отношений, прежде всего транзитной пушной торговли.

С появлением первых государственных образований в лесостепной полосе Западной Сибири движение на север стало более организованным. На первых этапах увеличение территории ханств за счет присоединения северных территорий диктовалось теми же причинами, что и в предыдущий период, то есть поиском земель для расселения новых переселенцев. Однако со временем положение меняется, в первую очередь, из-за постоянного роста средств на содержание аппарата ханств, армии, поддержания в порядке городов, которые еще не имели своей экономической базы. Поэтому основной задачей для сибирских ханов стало взятие под контроль рынка пушнины и торговых путей, связывающих этот регион с Европой, Средней Азией и Китаем, как основного источника пополнения своих средств. Именно это стало одной из причин переноса столицы из Чимги-Туры в Искер. Разместив ставку в Искере, правители Сибири стали контролировать весь поток «мягкой рухляди», шедший по Иртышу с низовьев Оби. Сибирское княжество Тайбугидов в буквальном смысле существовало только благодаря пушнине. Князь Едигер свою «землю» оценивал не серебром или табунами лошадей, а шкурами небольшого хищного зверька – соболя.

Освоение северной лесостепи и южной тайги привело к тому, что тюркоязычное население перешло на оседлый образ жизни, добавив к основе своего хозяйства – скотоводству – традиционные для этих территорий охоту, собирательство и рыболовство. В соответствии с природными условиями и контак-

тами с местным населением у них сформировалось три хозяйственно-культурных типа [ХКТ]:

1 – скотоводческо-рыболовно-земледельческий;

2 – рыболовно-скотоводческо-охотничий;

3 – охотнико-рыболовно-скотоводческий [Томилу, 1986, с.74–75].

Во всех случаях основу ХКТ в большей или меньшей мере составляло скотоводство. Даже на тех землях, где занятие этой отраслью хозяйства осложнено тяжелыми природными условиями и малорентабельно, как, например, в таежно-болотных районах Васюганья, заболотные татары разводили домашний скот. Во многом это определялось традиционностью этой отрасли хозяйства, которая на местах их первоначального расселения доминировала в их экономическом укладе. Несмотря на новые условия проживания и другие принципы хозяйственной жизни тюркоязычное население сохранило в своем фольклоре сказках, преданиях, песнях, обрядовой деятельности особое значение лошади. Например, в д. Иванкино, расположенной на р. Парабель в Томской области, жители которой считают себя «конниками», так как «конь в наших древних воспоминаниях почти божество, особенно конь черный, добытый в бою» и в древности связи их с «южаками-степняками» были более тесными, нежели в XIX–XX вв. [Коробейникова, Кудряшова, 2002].

Скотоводческое хозяйство имело мясную направленность, с преобладанием в стаде лошади и овцы, что подтверждают данные остеологических определений с памятников Барабы [Соболев, 2008, с.189] и Прииртышья [Матвеев, Татауров, 2012а, с.66]. В то же время переселение на территорию северной лесостепи и тайги заставило население отказаться от традиционных приемов скотоводства. Невозможность длительных и больших по расстоянию перекочевков, значительно меньший период содержания на пастбищах, низкие температуры и большое количество гнуса привели к реорганизации этой отрасли. Для его содержания понадобились крытые загоны, заготовка кормов на зиму, защита от гнуса и т.д. Сложности содержания отразились в резком сокращении количества животных на душу населения и ухудшении пород скота у населения таежных районов. Поэтому стала эффективной практика обмена лошадей и овец у более южного, степного, населения на свою продукцию – пушнину, продукты лесных промыслов и т.д.

Значение коневодства существенно повышалось из-за особой значимости лошади для военных сил ханств, основу которых составляла конница. По всей вероятности, в ханствах были специализированные хозяйства, которые занимались перегонкой и содержанием элитных лошадей из Средней Азии. На высокий статус всадника указывает помещение в могилу в качестве сопроводительного инвентаря конской упряжи – уздечек с удилами, стремян и т.д.

Находки земледельческих орудий на поселенческих комплексах второй половины II тыс. н.э. в некоторых районах лесостепной полосы Западной Сибири свидетельствуют о том, что население занималось этой отраслью хозяйства. Данные по земледелию приводит Г.Ф. Миллер, например, упоминание о сеяном хлебе ханом Кучумом. Атаман Брязга сообщает Ермаку о найденных татарских пашнях и отправляет Ермаку вместе с «мягкой рухлядью» хлеб [Миллер, 1999, с.236]. Андрей Воейков, преследовавший Кучума, писал, что хан «с черных вод ушел на Обь реку, с детьми и всеми людьми, где у него хлеб засеян...», то есть у хана Кучума были посевы хлеба между Иртышом и верхней Обью. «Татары сеяли быстрозреющие злаки, не требующие длительной обработки земли: ячмень, полбу и овес» [Бахрушин, 1955в, с.154].

На наш взгляд, в данный период земледелие для татар имело, в первую очередь, престижный характер – этой отраслью хозяйства занималась только элита татарского общества с целью демонстрации своего благосостояния и уровня развития своей экономики перед гостями из Средней Азии и Поволжья. Такой характер земледелия подтверждает то, что все орудия, связанные с этим занятием, были найдены при раскопках Искера, Тон-Туры (Вознесенского городища) и других центров ханств, то есть гороов или крупных населенных пунктов ханств. В основном бывало мотыжное земледелие – на небольших делянках сеяли ячмень, рожь, овес и другие культуры. По всей вероятности, некоторые татарские роды сеяли зерновые культуры в счет ясака, ханского налога, который был дифференцирован и собирался, в том числе и продуктами.

После присоединения сибирские татары повсеместно начали обрабатывать землю в мизерных количествах, – из принуждения как государству запашку, или из любопытства, но земля стала обрабатываться. Изменился и характер обработки – землю стали пахать. При раскопках Искера был найден наконечник

пахотного орудия, но никаких других свидетельств применения плуга у татар в XVII в. мы не знаем.

В целом мы не можем на настоящий момент точно определить значимость земледелия для сибирских татар до присоединения Сибири к Российскому государству, но, вероятнее всего, это занятие имело статусный характер, показывая определенную дистанцию между кочевым и оседлым образами жизни.

Осваивая новые для себя территории, тюркоязычное население по мере продвижения на север все больше начинало зависеть от местных источников пищевых ресурсов и, в первую очередь, от водных и лесных богатств, что стимулировало распространение у них присваивающих отраслей хозяйства – рыболовства и охоты. Еще одной причиной развития присваивающих отраслей хозяйства было влияние местного населения, у которого рыболовство и охота были основой экономики. Татары заимствовали приемы ловли рыбы, способы изготовления лодок и снастей, кулинарию. В ходе археологических раскопок были найдены рыболовные крючки, грузила и поплавки для сетей, костяные и железные гарпуны, то есть практически весь ассортимент приспособлений для ловли рыбы, распространенный у аборигенного населения на момент прихода на эту территорию тюркоязычного населения [Татауров, 2007].

Исследователи, отмечавшие распространение рыболовства у татар, по-разному оценивали уровень развития этой отрасли хозяйства у местного населения. С.В. Бахрушин отмечал, что «наряду с охотой значительное место занимала рыбная ловля: рыба, как и пушнина, являлась предметом ясака; аялыньские татары, ловили: «приходя на Бузюково озеро [Изюк], рыбу на Кучума» [Бахрушин, 1955 в, с. 154]. Ф.Т. Валеев указывает на разное значение этой отрасли хозяйства у отдельных групп сибирских татар в основном в селениях трех татарских востостей [Саргатской, Тарско-Утузской и Коурдакской], меньше занималось рыболовством население прииртышских аулов Аялыньской и Бухарской востостей» [Валеев, 1993, с.64]. И.А. Селезнева и А.Г. Селезнев отмечают большую роль рыболовства в хозяйстве татарского населения Прииртышья. При этом рыболовческий комплекс образует определенную пространственную и временную систему [Селезнева, Селезнев, 1995]. На наш взгляд, разность оценки зависит от того места, какое занимала эта отрасль хозяйства у определенных групп татар.

Рыболовство почти у всех групп татар (за исключением заболотных, где кроме этого промысла все остальные занятия связаны с большими трудностями) носило вспомогательный характер, восполняя недостаток пищевых ресурсов, и поэтому не являлось престижным занятием. Подтверждением этого служит то, что рыба никогда не занимала видного места в духовной культуре татар, например, она отсутствует на праздничных столах и в ритуальных блюдах [Тихомирова, 2006]. Но определенное место в жизни татар рыба стала занимать, и подтверждением этого служит погребение 36 на могильнике Бергмак II, где на перекрытии над могилой была поставлена берестяная лодка [Татауров, 2007].

Более значительное место в жизни тюркоязычного населения занимала охота. Этому было несколько причин. Во-первых, эта отрасль занимала довольно престижное место еще до переселения в Сибирь, о чем свидетельствует распространение соколиной охоты у элиты татар. Сохранились свидетельства того, что в окрестностях Искера несколько татарских родов занимались разведением ловчих птиц и ими платили ясак хану Кучуму [Бахрушин, 1955 в, с. 157].

Об охоте с ловчими птицами сообщает венецианский монах и путешественник Иософат Барбаро: «Татары прекрасные охотники с соколами, и у них много кречетов. Кречетов они носят на кулаке одной руки, а в другой держат посошок; когда устанут, потому что ведь [эти птицы] вдвое больше орлов, они подставляют посошок под руку. [Барбаро, 1971, п. 35].

Также из степей пришла практика загонной охоты, в ходе которой отстреливались лоси и косули, волки, медведи и другие, более мелкие, звери. В основном такой охотой занималась элита общества. Также как и скотоводство, эта отрасль хозяйства носила престижный характер. Только знатные люди могли позволить себе содержать ловчих птиц или организовывать достаточно большое количество человек на загонную охоту.

Во-вторых, для обычного населения охота играла одну из основных ролей в восполнении пищевых запасов и имела мясную направленность – основными объектами были лось и косуля, в меньшей степени медведь и барсук. Весомое место занимала охота на водоплавающую и боровую дичь. Все эти звери и птицы нашли свое отражение при анализе остеологических материалов татарских памятников этого времени, но еще раз отметим, сильно уступая костям лошади и овцы. При-

существуют на поселениях и кости пушных зверей – лисицы, волка, соболя, куницы, выдры и других, что свидетельствует о развитии этого направления охотничьего промысла.

Доказательством развития охотничьего промысла являются орудия этого промысла – срезни и листовидные наконечники стрел для охоты на птиц, деталей насторожек для ловушек мелких животных, найденные в ходе археологических раскопок комплексов сибирских татар практически на всей территории ханств.

В-третьих, охота была одним из основных источников снабжения военных отрядов ханств во время их походов. Особенно это касалось военных действий за пределами ханств. Для военных отрядов сибирских ханств, которые состояли полностью из конницы, огромное значение имела мобильность – это позволяло совершать стремительные набеги и полностью использовать эффект внезапности. По этой причине обозы татарские военачальники не использовали, а необходимую пищу восполняли за счет взятых с собой для этой цели лошадей и за счет охоты.

Также, как и в рыболовстве, многие приемы добычи зверя были переняты татарами у местного населения, особенно это касается пушной охоты, которой ранее они не занимались. Практически все стационарные виды ловушек на пушного зверя были заимствованы. То же самое касается и приспособлений для ловли птиц.

Естественно, что определенное место в рационе питания сибирских татар занимало и собирательство. Но какой-то специализации по определенным видам растений не было. В пищу или для других целей, например, медицинских использовалась вся пригодная для этого флора.

Тюркоязычное население не принесло с собой на север каких-то новых ремесленных занятий. Кочевой мир во многом ориентирован на приобретение недостающего инвентаря и предметов быта у оседлого населения, в частности для Западной Сибири все необходимое приобреталось на среднеазиатских рынках. Заняв лесостепную и южнотаежные зоны региона, население удалилось от торговых путей и было вынуждено наладить производство самых необходимых в хозяйстве изделий. Частично заимствовались навыки аборигенного населения, мы уже отмечали, что соединение местных традиций производства керамики с принесенной практикой изготовления посуды мигрантами привело к повсеместному пони-

жению качества изготавливаемой продукции и огрублению орнаментальных традиций.

Оторванность от прежних источников сырья базы привело к практически полному переходу использования орудий из металла на импортные изделия. Металлообработка осталась только на уровне изготовления самых простейших предметов – ножей, наконечников стрел и т.д. – и ремонта поломанных вещей [Татауров, 1997]. Такая же ситуация прослеживается и в качестве – население предпочитало покупные ткани. Например, в ходе раскопок могильника Бергамак II все полтора десятка найденных фрагментов ткани оказались среднеазиатским или китайским шелком и ни одного местного производства. Подобная картина отмечается и для производства украшений и оружия. Пожалуй, прогресс наблюдается только в косторезном промысле и деревообработке, что связано с влиянием аборигенного населения и с обилием сырья. Изделия из кости и дерева заменили многие металлические изделия в бытовом плане и для ведения хозяйства. Существенно расширилась практика использования костяных наконечников стрел, гарпунов, распределительных пружек и втулок для упряжи и т.д. Тюркоязычное население стало использовать посуду из дерева и бересты, берестяные вставки в одежде и обуви и т.д.

Оценивая экономику тюркоязычного населения Западной Сибири второй половины II тыс. н.э., следует отметить ее во многом натуральный характер, отсутствие развитой ремесленной базы, слабость экономических связей между отдельными районами. Но, с другой стороны, тюркоязычное население было значительно ориентировано на рынок, на приобретение недостающих для жизнеобеспечения товаров, и тем самым была создана благоприятная база для развития социально-экономических связей для всего этого региона, что в итоге и привело к объединению всей лесостепной и южнотаежной зоны в последующее тюрко-татарское государственное образование – Сибирское ханство. Это объединение привело к определенным изменениям экономики, что выразилось в необходимости уплаты ясака, который, следует отметить, взимался с учетом особенностей хозяйственных занятий определенных групп населения, поэтому население отдавало продукцию своего хозяйства – пушнину, скот, рыбу, продукты питания, изделия промыслов и т.д. Вследствие такой достаточно практичной налоговой политики хозяйство татар не претерпело

значительных изменений, но стало постепенно выходить на более высокий уровень торговых отношений, которые постепенно стали уменьшать натуральный характер хозяйства.

Присоединение Западной Сибири к Российскому государству привело к коренной ломке экономики тюркоязычного населения, переориентации на потребности нового государства и на новый рынок. К сожалению, из-за слабости археологических данных и малой информативности письменных источников экономисты тюркоязычного населения Западной Сибири воссоздают, опираясь на материалы периода российской истории региона. Это неправильно, так как политика Москвы и действия местной администрации в корне разрушили традиционное хозяйство сибирских татар, сломали их социально-экономические отношения между отдельными районами их проживания, переориентировали на российские товары.

Эта реорганизация экономики была достигнута за счет нескольких факторов, произошедших вследствие присоединения Сибири:

1) новое административное деление территорий, которое способствовало аккумулярованию жизни местного населения в новых российских городах и тем самым ликвидации или сильному осложнению прежних социально-экономических связей;

2) изъятие большей части земель, на которых было возможно ведение земледельческого-скотоводческого хозяйства, в пользу русских переселенцев привело к осложнению ведения этих отраслей хозяйства на оставшихся у татар землях;

3) обложение тюркоязычного населения пушным ясаком без учета особенностей их хозяйственной деятельности заставило сибирских татар переориентировать структуру своих занятий практически полностью на пушную охоту.

В новой для себя жизни отношение татар к России, к местной администрации было неоднозначным. Следует оговориться, что фактически мы уже говорим не об одном пространстве, заселенном тюркоязычным населением, а о нескольких административных районах и о проживавших в них группах татар. Поэтому в каждом районе ситуация в XVII в. складывалась с учетом многих объективных и субъективных факторов. Если тюменские татары в подавляющей массе пошли на службу новому государю, то прииртышские и барабинские группы татар длительное время подерживали хана Кучума и его преемников –

неоднократно поднимая восстания, участвуя в набегах на русские поселения и города или уходя на неподчиненные русским территории. Поэтому тюменские татары стали достаточно быстро поднимать земледельческое хозяйство по примеру русских переселенцев [Тычинских, 2013б], в то время как в Прииртышье и Барабе в это время шла настоящая гражданская война.

Не пошедшим на русскую службу татарам пришлось платить ясак русской администрации, а часто одновременно и сыновьям или внукам хана Кучума, что выразилось в научной литературе термином «двоедничество» и в результате недоимки в государеву казну с течением времени составили значительные суммы. В отличие от Притюменья и Притоболя, где русская администрация хотя бы для вида выдавала документы на владение родовыми землями, в Прииртышье русские переселенцы свободно селились на татарских землях и самовольно захватывали лучшие угодья. Еще одним инструментом в руках русской администрации стала защита татар от набегов калмыков и других кочевников со стороны казахстанских степей. Практически на протяжении всего XVII и большей части XVIII вв. татары Тарского уезда испытывали на себе набеги степняков. В одних случаях русские отряды их защищали, в других – нет, и тогда татарские деревни подвергались грабежу, а население уводилось в полон.

Недовольство татар было вызвано и самоуправством местной администрации, прежде всего в отношении сбора налогов. Трудно даже представить, какая часть ясака оседала в карманах местных чиновников. Проводившие следствия о наиболее крупных злоупотреблениях воевод «сыщики» и судьи Сибирского приказа обычно снисходительно относились к тому, что воевода «нажил правдой» – получил в виде «почестей» и «поминок». Существование такой практики позволило Е.В. Вершинину прийти к справедливому замечанию о том, что «злоупотребления администрации в Сибири... являлись органической частью всей системы местного управления» [Вершинин, 1998 а, с.55].

По этой причине реальные размеры налогов для ясачного населения установить практически невозможно. Мы приведем несколько данных. П.А. Словцов выделяет для XVII в. три типа ясака:

– податной по 10 соболей с женатого и впола с холостого, как будто и женщины зверолюствуют;

– десятинный, то есть десятый зверь всякой породы;

– поминочный или поклонный, которого количество определялось доброю волею и усердием приносителя к особе царской и наследнику престола [Словцов, 1886, с. 18].

С.В. Бахрушин десятинную мелкую ружьядь не считает формой ясака, по всей вероятности, из-за того, что десятинной были обложены незначительные группы местного населения, как правило, вблизи городов [Бахрушин, 1955 б, с. 67].

Более определенно по нормам ясака у тарских татар высказывается Н.Г. Аполлова: «Ясак взимался “с лука”, то есть с промышлявшего охотника в возрасте от 15 до 50. Сборщики ясака принимали ценную пушнину – соболя и черно-бурую лису, ... в Тарском уезде в 1624 г. ясак взимался деньгами по 2 рубля с человека.» Помимо этого автор упоминает поминочный и десятинный ясак, но никаких сведений об этом не приводит [Аполлова, 1976, с. 91.].

Сложность ситуации с ясаком заключалась в том, что этот налог во многом нарушил традиционные уклады жизни местного населения, что в конечном итоге привело к полной переориентации хозяйства аборигенов на русскую экономику. Постоянно уменьшающееся количество ценных пушных животных вынуждало татар напрягать все усилия для уплаты ясака. Приходилось отправлять лучших охотников за многие десятки километров или добывать большое количество менее ценных пушных зверьков. Большое количество недомок свидетельствует о том, что местное население не справлялось с заготовкой. Это послужило одной из причин перехода от ясака к денежной подати, что в свою очередь, стало толчком к развитию многих промыслов у татар (выделка шкур, заготовка леса и др.).

Сибирские татары утратили право собирать ясак с угорского населения. Они были вынуждены основное внимание уделять охоте, так как уже сами были вынуждены платить ясак, а, с другой стороны, развитие русской торговли вывело пушную охоту в самый доходный промысел, потому как часть пушнины шла в обход русской администрации, частично компенсируя убытки татар.

Ориентация на пушную охоту не способствовала развитию охоты в целом, так как лучшие охотники имели узкую специализацию, вследствие чего мясной охоте стало уделяться меньше внимания, о чем, видимо, говорит челобитная ясачных людей Тобольскому

воеводе в 1703 г.: ...«в разных волостях многие ясачные люди с голоду мерли», так как во время весеннего половодья «всякие звериные угодыя водою вытопило... А пашенных мест у них, ясачных людей, и скотины [нет], кормицца им oprичь рыбы нечем. И от большого голоду они... разбрелись врозь и кормятца меж русскими людьми и своею братьею, и ясаку заплатить ныне отнюдь нечем» [Аполлова, 1976, с. 92.].

В XVII в. помимо охотничьих угодий, которые непосредственно принадлежали татарским поселениям и находились вблизи их деревень был распространен промысел отдельными группами на удаленных территориях за много десятков и сотен километров. Например, тарские татары охотились как на севере, на р. Уй и далее на Васюганье, так и на юге – вдоль Иртыша, о чем свидетельствует сообщение: в 1649 году на зверовье на Иртыше калмыки ограбили одну «артель» аялыных татар [Бахрушин, 1955в, с. 159.].

Весьма сложными на протяжении XVII–XVIII вв. были взаимоотношения сибирских татар с русскими переселенцами. В литературе имеется масса письменных свидетельств о насильственном захвате русскими лучших татарских земель и основании на них своих поселений. Так, в 1644 году ясачные татары Туринского уезда жаловались верхотурскому воеводе на то, что слободы Ирбитская и Ницинская построены в их вотчинах, а в 1646 г. сын боярский С. Шарыгин сообщил, что на границе Верхотурского и Туринского уездов, на территории трех ясачных волостей расположились 33 деревни [265 крестьянских дворов] [Аполлова, 1976, с. 90.].

Существуют по этому поводу и этнографические данные. Интересные сведения в этом отношении приводит в своей работе А.В. Карнаухов о д. Чеплярово Большещеченского района Омской области. «Возможно, она была основана казахами, но с XVIII в. здесь проживали только татары. Долгое время татары старались не допустить на эти земли русских переселенцев, однако не смогли остановитъих. Среди местных жителей из поколения в поколение передавались истории о том, что русские буквально за одну ночь возводили стены своих домов, но утром татары их разрушали. Столкновения проходили не раз и не два. Возможно, имели место и человеческие жертвы. Все это продолжалось до тех пор, пока русские не поставили печи. А по татарским обычаям – это святыня, домашний очаг. После этого столкновения прекратились и об-

разовалась русская деревня Алексеевка, расположенная в 4–5 км от деревни Чеплярово» [Карнаухов, 1998].

Русские постоянно использовали в своих целях и промысловые угодья татар. Много таких свидетельств содержит дозорная книга 1701 года. «...в их угодьях в озерах, и в речках русские всяких чинов люди наезжают с неводами рыбу вылавливать и запоры... рыболовные ломают. И по лугам лучшие места насильством косят, и всякие обиды и тесноту чинят» [Бережнова, Корусенко, 2002].

Однако нельзя оценивать земельные взаимоотношения между русскими и татарами только с негативной стороны, более того письменные источники отражают, скорее всего, официальную сторону процесса перераспределения земель, в котором татары всегда выступают пострадавшей стороной. Прежде всего, это одно из самых распространенных объяснений ими причин неуплаты ясака и просьб уменьшения его размеров. В реальности татары были заинтересованы в переходе части своих земель русским на льготных для них условиях. Земельные угодья татар действительно уменьшились, но в основном за счет неиспользовавшихся территорий, К тому же значительная их часть отдана русским в аренду. В этот период аренда татарских земель русскими была обычным явлением. «Татары и бухарцы, владея по писцовым книгам лучшими угодьями, лесами, землями, озерами, урочищами ягодными, ореховыми, звериными, пользуясь льготой от рекрутства и довольствуясь доходами с угодий, не жили, а плесневели в беспечной ленности», – писал П.А. Словцов [Словцов, 1886, с. 65].

Заселение русскими Западной Сибири оказало и определенное положительное влияние на экономику сибирских татар. С конца XVI в. все отрасли хозяйства татар претерпели серьезные изменения. Одни из-за политики российской администрации в части определения размера и расположения угодий, другие в результате тесных хозяйственных контактов. Постепенно татары нашли свою нишу, и их хозяйство развивалось в единой системе товарно-денежных отношений России.

Наибольшие перемены произошли в присваивающих отраслях хозяйства. Ясак, состоявший из пушнины или, как было принято говорить, «мягкой рухляди» был основным интересом России в Сибири, поэтому до конца XVIII в., когда ясак окончательно был заменен денежным налогом, охотничьи промыслы всячески поощрялись со стороны

местной администрации. В конце XVIII в., в связи с сильной убылью пушного зверя, особенно таких ценных пород, как соболя, чернубурой лисицы, горностая охотники начинают ориентироваться больше на бобра (причем не только из-за шкуры, но и из-за бобровой струи), колонка, белку. Возрастает роль мясной охоты, значительная часть лосяного мяса, шкур реализовывалась в ярмарках.

У татар почти полностью утрачивается специализация охотников. Практически прекращается их выезд на сезонные промыслы на дальние территории. Охота приобретает эпизодический характер, в свободное от других занятий время. Обычно группа татар в два-три человека или просто небольшая семья на несколько дней выезжали на лошадях на свое излюбленное место, где занимались охотой на животных, живущих колониями, – бобров, барсуков – или специализированно на лосей, чтобы обеспечить себя мясом на зиму.

В период ориентации на пушную охоту в XVII–XVIII вв., – рыболовство становится одним из основных компонентов хозяйства сибирских татар: «На тех местах живем, зверя и рыбу промышляем... государев ясак платим, а рыбою с женщинами и детишками кормимся все годы». Рыба и «рыбий жир» были основным питанием татар, живущих по Иртышу и на больших, богатых рыбой озерах, как, например, Вазоково [Изюк] озеро в Тарском уезде, которое татарское население делило между собою по паям. Осенью ловили «ирювую» [юрювую] рыбу, весной – «духовую». Ловили ее запорами, чайдаулами и рыболовными сумганями» [Бахрушин, 1955 в, с. 158].

В XVIII в. в связи с сокращением пушнины, и особенно в XIX в. рыболовство начинает играть все более большую роль в экономике татар, как один из основных источников денежных поступлений. В этом нет ничего удивительного, если посмотреть на цены, которые оставались стабильными на протяжении этого времени. Ипполит Завалишин отмечает, что в XIX в. важнейший сбыт тарской рыбы производился на Ишимской Никольской ярмарке и на Крещенской в Абатской слободе в 60 верстах до Ишима. Рыба идет в Оренбургскую и Пермскую губернии, а частью в Москву [осетры и стерлядь]. Икрайной осетр до 2 пудов весу стоит на месте 3 рубля серебром, а пудовая и более стерлядь – 4 рубля серебром, прочие же рыбы почти ниючем [Завалишин, 1995, с. 35].

В результате развития товарного производства собирательство стало одной из важ-

ных статей дохода тюркоязычного населения, помогающей ему занять определенное место в системе товарно-денежных отношений в изучаемом регионе. Кедровый промысел занимал заметное место, орех использовали в пищу, продавали на ярмарках. Исследователи указывают на довольно высокую цену этого продукта, особенно в неурожайные годы; так, И. Словцов для XVII в. приводит эти цены – до 3,5 – 5 рублей за пуд [Словцов, 1892, с. 9]. Заготовкой ягод занимались преимущественно женщины и дети. В отличие от кедрового ореха ягоды стоили меньше и колебались в пределах 1 рубля за пуд [Валеев, 1993, с. 82].

Переход в конце XVIII – начале XIX в. к денежному обложению повлек за собой развитие скотоводства как одной из наиболее прибыльных отраслей. Для подтверждения этого приведем цены на продукцию этой отрасли в Тобольском уезде. Так, выделанная кожа крупного рогатого скота стоила от 4 до 5 рублей, конская кожа – 3,8 – 4,5 рублей, овчина – 40 – 70 копеек. Битая шерсть [1 пуд] стоила 8 – 9 рублей, мясо [1 пуд] – 1,5 – 2 рубля, сало [1 пуд] – 2,4 рубля [Скалозубов, 1895].

Гораздо меньшие изменения произошли в земледелии. Ф.Т. Валеев достаточно подробно описывает эту отрасль хозяйства сибирских татар XIX в., в том числе и размеры обрабатываемой земли в Аялынской волости, где она составляла 2,9% процента от общего количества удобной [!] земли [Валеев, 1993, с. 67–70]. Посевные площади у татар были ничтожно малы. Так, за Юртами Черталиньскими, где проживало 20 ясашных, были записаны пашенные и сенокосные земли с тремя бобровыми землями и лесом на площади длиной 20 и в поперечнике 28 верст. На этом пространстве правобережья Тары под пашню было освоено только 43, а под покосы только 10 десятин земли [Томилов, 1981, с.43].

На некоторых территориях татары из-за потери большей части земель были вынуждены значительное внимание уделять именно земледелию, что как «свидетельство о внедрении земледельческой культуры с приходом русских вполне допустимо интерпретировать и как вынужденную меру, сопровождавшую возросшую плотность населения и сокращение скотоводческих, охотничьих и рыболовных угодий» [Халиков, 2002, с.63].

По мере перехода к товарно-денежным отношениям у татар стали развиваться промыслы. Особенно лесозаготовка и деревообработка. Дерево служило основным материалом для строительства жилищ и хозяйственных

построек у населения лесостепной и таежной зон Западной Сибири. Быстрый рост числа русских деревень в этом районе требовал большого количества строевого леса, в связи с этим увеличивается число мест заготовки леса и путей его вывоза. Однако наиболее выгодным оказалось использовать уже имевшиеся у татар лесосеки. Это объясняется следующим: лучшие лесные угодья принадлежали татарскому населению, которое было заинтересовано в налаживании контактов с русскими. Поиск новых товаров вынудил татар заняться заготовкой леса на продажу. Татары заготавливали лес на своих участках и здесь же продавали его или, продавали лес на корню, не касаясь его заготовки. Стало практиковаться строительство домов по русскому образцу, что привело к быстрому исчезновению традиционных татарских жилищ.

К сожалению, изучению вопроса об промыслах исследователями уделялось недостаточно внимания. Например, З.А. Гафурова описывая типы хозяйства сибирских татар, ни слова не говорит об этой важной отрасли [Гафурова, 1991]. Ф.Т. Валеев упоминает только об изготовлении утвари и бытовых предметов из дерева и ничего не говорит о деревообработке в целом [Валеев, 1993, с. 84–85].

После основания вблизи татарских поселений русских деревень большие изменения произошли в керамическом производстве. Использование глины и керамики в торговых операциях между русским и татарским населением зафиксировано для достаточно позднего времени [Валеев, 1993, с. 84]. Приход русского населения и вместе с ним керамики лучшего качества за короткое время практически полностью уничтожил традиционное керамическое производство в Сибири. Однако месторождения глины большей частью остались на землях аборигенов, в нашем случае татар, отсюда и такая ситуация – татары везли глину в обмен на готовую керамику. Вместе с тем нельзя говорить о полном прекращении использования глины в хозяйстве татарского населения. Глина шла на обмазку печей, стен и полов в домах и хозяйственных постройках, изготавливалась и примитивная лепная посуда, но часто уже по новой русской технологии. Такая посуда встречена на поселении Бергам III, которое датируется XVII–XVIII вв. [Татауров, 1999].

Кужнецкое дело. В исследуемое нами время развитие русской торговли приводит к уменьшению роли этого занятия в жизнеобеспечении населения, так как налаживает-

ся бесперебойное поступление необходимых татарам металлических предметов – посуды, частей конской упряжи [стремян, удила], орудий труда. До середины XVII в., когда в непосредственной близости от татарских поселений еще не было русских деревень и когда существовали ограничения на продажу некоторых металлических изделий – ножей, стрел и другого оружия, – татары сами изготавливали эти предметы. Когда же появляются русские поселения, прекращается и эта деятельность. Во-первых, часть местного тюркоязычного населения становится служилыми и получает право на ношение и покупку оружия, а во-вторых, русские, в обход законов, изготавливали необходимые татарам предметы. Местное население ограничилось изготовлением простых изделий и мелким ремонтом, подтверждением этому служат находки при раскопках татарских поселений XVII–XVIII вв. большого количества шлака, спекшейся глины, не доведенных до конца проковок, что свидетельствует об обработке железа местным населением.

Кожевенное производство. Спрос на кожу на сибирских ярмарках дал толчок развитию этого производства в конце XVIII – начале XIX в., когда нехватка пушнины для уплаты ясака потребовала поиска новых источников доходов. На ярмарках высоко ценились именно выделанные шкуры. Высокая цена на кожу и изделия из нее привела к тому, что основная часть населения использовала упряжь, обувь из кожи собственной обработки. В то же время верхушка татар пользовалась привозными кожаными изделиями, преимущественно среднеазиатского происхождения.

Археологические источники свидетельствуют о развитии у татар в этот период и других хозяйственных занятий – ткачества,

косторезного производства, ювелирного дела и т.д., но они занимали в хозяйстве незначительное место.

Сравнивать уровень развития хозяйства у сибирских татар до и после прихода русских достаточно сложно. Одни из отраслей получили определенный импульс развития, другие, например металлообработка, не выдержала конкуренции с русскими товарами. Сложно оценивать и их благосостояние. Одним из показателей может считаться тот факт, что численность татар увеличивалась очень медленно, а в отдельных уездах наблюдалось ее уменьшение. Н.М. Ядринцев неоднократно указывал на все более ухудшающееся хозяйственное положение аборигенов Сибири, лишение их лучших земель и угодий, упадок промыслов из-за хищнического использования естественных запасов природы, на произвол и самовластие чиновников, русских купцов и кулаков, частое голодование и эпидемии [Сесюнина, 1974, с.106].

В результате русского управления у сибирских татар оказались разрушенными многие социально политические, экономические и культурные связи, «что способствовало развитию их обособленными группами, контактировавшими только с одним-двумя соседними татарскими образованиями» [Томилов, 1988, с. 117–130]. Единственное, что стало связывать отдельные группы татар – это религия. Под ее влиянием происходило осознание сибирскими татарами того факта, что другие группы татар-мусульман являются «своими», правоверными. Соблюдение определенных бытовых правил, соответствующих шариату, укрепляло представление сибирских татар об их единстве [Валеев, Томилов, 1996, с. 77].

6.2. ПУТИ СООБЩЕНИЯ И ТОРГОВЛЯ

В период позднего Средневековья на территории лесостепной зоны Западной Сибири сформировались тюрко-татарские государственные образования: Государство кочевых узбеков, Сибирское княжество Тайбугидов, Сибирское ханство. Каждое из них исходя из природы феномена «государство» должно было обладать системой путей сообщения, необходимой для осуществления эффективного административного управления, быстрой переброски военных отрядов, обеспечения сбора налогов, развития торговых отношений и

т.д. Уровень экономического развития, сила центральной власти, культура населения любого государства всегда определялись состоянием его путей сообщения.

Мы полагаем, что в Сибирском ханстве Кучума на основании действовавших в XIII–XVI вв. путей сообщения впервые сложилась государственная система сухопутных коммуникаций, которая стала показателем зрелости этого политического образования. Вместе с тем само возникновение средневековых государственных образований в Тоболо-Ир-

тышской лесостепи во многом было связано с задачами международной торговли и складыванием транзитных межрегиональных торговых маршрутов. В третьей четверти XIV в., когда всеобщая смута охватила Золотую Орду, постоянные военные столкновения сделали дороги через Маверанахр и Жетысу опасными для торговли. Опустошительные походы Тимура (Тамерлана) в Поволжье, Крым, Семиречье положили конец международной торговле по южным трансзиатским широтным маршрутам. К 1370 г. вся система этих путей пришла в полное расстройство [История Казахстана..., с.212]. В результате появилась острая необходимость освоения новых безопасных маршрутов для возобновления международной торговли. Уже в конце XIV–начале XV в. в результате легендарного военного похода из Бухары в Западную Сибирь (366 шейхов и присоединившихся к ним 1700 воинов хана Шейбана) произошел захват улусом Шейбани-хана меридиональных Иртышского и Ишимского путей. Рукописи сибирских татар прямо говорят: «После этого открылась религия, открылась дорога, по берегам р. Джирс (Иртыш) прошли караваны» [Селезнева, Селезнева, 2007, с.242]. В Тобольском Прииртышье этот меридиональный торговый маршрут смыкался с древним северным широтным торговым путем, шедшим из Поволжья на восток. В 1429 г. на перекрестках этих двух путей закономерно появилось Государство кочевых узбеков Шибанида Абулхайра со столицей в г. Чимги-Тура [Исхаков, 2004 а, с.25, 26, 40].

Известно, что северный трансевразийский широтный торговый путь шел из Поволжья через Уфимские степи до города Чимги-Туры и именовался Казанской дорогой [Бахрушин, 1955 а, с.109]. От Чимги-Туры он шел дальше на юго-восток через Прииртышье, Барабу, калмыцкие улусы в Китай.

Столица Государства кочевых узбеков была не только транзитным пунктом международной торговли и поставщиком сибирской пушнины. Чимги-Тура неминуемо должна была стать центром многочисленных местных путей сообщения, по которым с периферии везли ясак, а в обратную сторону двигались чиновники и военные отряды [Исхаков, 2004 а, с.68].

После переноса в 1446 г. столицы Государства кочевых узбеков далеко на юг, в г. Сыгнак в бассейн р. Сыр-Дарьи, территория Тоболо-Иртышской лесостепи стала северной окраинной территорией – вилайетом Чимги-

Тура. Вскоре система путей сообщения здесь потеряла прежний «столичный» характер; регулярность сообщений снизилась. Вместе с тем северный широтный торговый путь продолжал функционировать. Так, например, в ряде русских летописей говорится, что в 1475 г. «Татарове Казанстии побили устюжан на Каме 40 человек, идучи к Тюмени торгом» [Исхаков, 2004 а, с.75]. В 1481 г. устюжане, воевавшие под г. Чердынью, «на Каму шедши, да встретили гостей и тюменских татар», которых они «пограбили» и «посекли» [Исхаков, 2004 а, с.75]. Оба «торговых конфликта» состоялись на пути из г. Чимги-Тура в г. Казань, и подтверждают мнение Д.Н. Маслоуженко о том, что в это время между Московским царством и Сибирью шла активная торговля [Маслоуженко, 2008, с.93]. В конце XVI в. этот путь использовали для передвижения посольств и крупных воинских континентов. Так, в 1480 г. Ибак-хан увел в Тюмень из ставки хана Ахмата, расположенной на р. Северный Донец, «ордобазар» и часть разгромленных войск противника. В 1489 г. от Ибака в Москву прибыло посольство Чюмгура [Маслоуженко, 2008, с.93]. В 1495(6) г. тюменский хан Мамук провел к Казани многочисленное войско и взял город [Файзрахманов, 2002 б, с.43]. Если посольства могли довольствоваться тропами, по которым передвигался вьючный транспорт, то передвижения крупных воинских континентов должны были проходить по наезженным дорогам, способным обеспечить прохождение колесного транспорта обозов и переправы через реки.

В первом десятилетии XVI в. на востоке Тюменского ханства возникло Сибирское княжество Тайбугидов, претендовавшее на независимость [Исхаков, 2004 а, с.27, 77]. Столица нового государства переместилась из города Чимги-Тура на северо-восток в город Искер. Хорошие дороги должны были соединить периферийные области с центром княжества независимо от удаленности и неблагоприятного расположения естественных преград. Передвижение по дорогам должно было осуществляться на протяжении большей части года. Они должны были быть выделены на местности, иметь средства для переправ через крупные реки, государственные постоянные дворы в городах княжества: Чимги-Тура, Явлу-Тура, Искер, Кызыл-Тура, Бацик-Тура, Чувашский град, Абалак град и др. Сеть дорог должна была обеспечить быструю переброску войск на любую границу государства, провоз ясака, движение торговых караванов. Все это долж-

но было существовать в Сибирском княжестве Тайбугидов. Однако сведений о его системе путей сообщений ничтожно мало. Известно лишь несколько фактов. Так, в 1505–1506 гг. тюменские татары под предводительством царевича Кулук-салтана, сына Ибака, пришли в Великую Пермь, завоевали всю Нижнюю землю, разорили Усолье на р. Каме. В первой половине XVI в. пермичи ездили на Тюменский волок «со своим товаром торговати» [Бахрушин, 1955 а, с.99, 142].

В 1563 г., когда Шибанид Кучум на месте Сибирского княжества Тайбугидов основал Сибирское ханство, он не стал менять место расположения столицы и использовал сложившуюся к этому времени сеть дорог. Д.Н. Маслюженко и Е.А. Рябинина допускают, что ставка хана как политический и административный центр кочевала по территории государства по примеру Улуса Джучи [Маслюженко, Рябинина, 2014 б, с.139–144]. Если это действительно было так, то самим фактом своего передвижения по территории государства Кучум повышал статус ряда местных путей. Увеличивалась частота их использования, происходил неизбежный рост числа дорожных искусственных сооружений (мостов, перевозов, гатей, просек), ширины проезжей части, которая теперь должна была обеспечить прохождение колесного транспорта.

Известно, что в 1563–1572 гг. Хан Кучум провел в своем государстве административные, военные, религиозные преобразования, в результате которых территория Сибирского ханства существенно расширилась. Сеть государственных путей продвинулась на север в таежное Прииртышье до устья р. Иртыш, на юго-восток в Барабинскую степь, на юго-запад в южноуральские степи. Важной заслугой Кучума стало восстановление меридиональных международных торговых путей, запустевших в годы правления Тайбугидов. На юг вдоль рр. Ишим и Иртыш из Искера в Бухару и Туркестан повезли пушнину. Обратные караваны доставляли оружие и доспехи, металлическую посуду, ковры, ткани и одежду, обувь, чай, специи, сладости и т.д. Пушнину в качестве ежегодной дани Кучум отправлял и в казну Московского царя Ивана IV Грозного, который торговал ею с Европой.

Есть вероятность того, что ожившие при Кучуме северные международные торговые пути, послужили и причиной падения Сибирского ханства. С.В. Бахрушин утверждал, что «Открывшийся спрос на пушнину со стороны зарубежных рынков всколыхнул интерес рус-

ских промышленников и предпринимателей, толкнув их на открытие и захват новых «соболиных мест». Началось энергичное разведывание путей за Урал. В 1574 г. купцы Строгановы выступили с проектом захвата дороги в глубь Сибири путем постройки за свой счет на Тоболе, Иртыше и Оби ряда укрепленных пунктов. В конце 1570-х гг. по их поручению нидерландец Оливер Брюнелль обследовал путь на р. Обь как сушею, через страну самоедов и Сибирь, так и морем, на восток от р. Печоры. Под руководством О. Брюнелля Строгановы готовили экспедицию морем и Обью для открытия дороги в Китай» [Бахрушин, 1955 а, с.141]. Интерес Строгановых к пути в Сибирь, Среднюю Азию и Китай подтверждается предписанием астраханскому воеводе от 12 августа 1574 г. о пропуске строгановских людей «в Бухарию за товарами» [Введенский, 1962, с.37].

Таким образом, международные торговые пути были одной из причин возникновения в начале XV в. в Тоболо-Иртышском междуречье тюрко-татарских государственных образований. Эти же пути стали и одной из причин их падения в конце XVI в.

Сведения о состоянии сухопутных коммуникаций Сибирского ханства

Сеть дорог Сибирского ханства оставалась во многом неизменной до начала следующего государственного дорожного строительства, которое было инициировано Российской империей в Тоболо-Иртышской лесостепи лишь в 1730-е гг., Барабинской лесостепи – в 1750-е гг. До этого времени Российское государство использовало здесь имеющуюся сеть дорог. Основные торговые пути в Среднюю Азию и Китай русским в XVII–XVIII веках показали среднеазиатские купцы. В связи с этим исследование системы дорог Сибирского ханства возможно на основании анализа русских письменных источников XVI–начала XVIII в., картографических произведений XVII–начала XVIII в., данных этнографии и археологии, рассказывающих об устройстве традиционных элементов системы дорог сибирских татар XX века. Фрагментарные сведения о них содержат сибирские летописи. Интеграция доступных нам источников позволила сделать ряд выводов и предположений об устройстве системы дорог Сибирского ханства и главных ее маршрутах.

Транспорт

На близкие расстояния жители Сибирского ханства ходили пешком, а на отдаленные – передвигались при помощи лошади (от). Лошадь для верховой езды использовалась татарами в оседланном состоянии и без седла (яйтак). А.Г. и И.А. Селезневые отмечают, что современная терминология, относящаяся к верховому коневодству, у сибирских татар в основной своей массе общетюркская, а обозначающая средства гужевого транспорта (зимние и летние) – почти сплошь заимствована из русского языка. [Селезнев, Селезнева, 1999, с.66]. Мы считаем, что до массового, начиная с XIX века, использования русских четырехколесных телег, сибирские татары применяли для транспортировки грузов другие транспортные средства, происхождение которых следует связывать с регионами Средней Азии. Так, из русских летописей известно, что в 1595 г. ставка хана Кучума стояла вверх по Иртышу «меж двух речек, одернувся телегами» [Миллер, 1937, с.366–367]. Телеги, которыми Карача окружил в 1584 г. город Сибирь, изобразил С.У. Ремезов на страницах своей «Истории Сибирской» [Дергачева-Скоп, Алексеев, 2006. с.189–191]. Они представлены повозками с плоским кузовом и двумя большими колесами, расположенными по обеим сторонам от кузова, в районе его центра. Колеса имели толстые ободья и спицы. Оглобли были неподвижными и являлись продолжением бортов телеги (рис. 34). Ф.Т. Валеев также писал, что, возможно, самым ранним колесным транспортом татар была арба – двухколесная однокопная телега. Конструктивно она состояла из стана, оси, двух колес, кузова, двух оглобель (орыш) [Валеев, 1984, с. 151]. Большая Арбинская дорога упоминается жителями деревни Индские юрты (современный Муромцевский район Омской области) на Кайгашевом Красном яру в Дозорной книге Тарского уезда 1701 г. [Корусенко, 2006, с.121]. Для обозначения колесных дорог сибирские татары и сегодня используют термин «орба юл», что подтверждает наше предположение об устройстве позднесредневековых колесных повозок сибирских татар.

Как отмечал Ф.Т. Валеев, основными зимними экипажами у всех групп татар были сани-дровни (ат цана), сани-розвальни (крэслэ цана). Зимними легкими экипажами были кошевки (кашавай). Как в сани, так и в телеги запрягалась одна лошадь с дугой. Две лошади запрягались преимущественно летом при

отправлении в дальнюю дорогу. На свадьбах или при поездках в гости на отдаленные расстояния в кошевки иногда запрягали две лошади (гусем/кусем), одна впереди другой [Валеев, 1984, с. 153].

Зимние упряжки населения Сибирского ханства также изобразил на иллюстрациях к «Истории Сибирской» С.У. Ремезов (рис. 35). На рисунках отчетливо видно, что сборщик налогов Кутугай передвигался в саях-розвальнях, а казаки Ермака – в кошевках [Дергачева-Скоп, Алексеев, 2006. с.139–141, 177]. Очевидно, что казакам было некогда самостоятельно изготавливать сани, и они заимствовали их у местных татар. Несмотря на тот факт, что С.У. Ремезов рисовал свои иллюстрации в начале XVIII века, есть вероятность того, что упоминаемые нами колесные и полозные транспортные средства существовали в XVI в. Они являются устойчивым элементом материальной культуры, однажды приспособленным к условиям местного ландшафта и к характерным транспортным животным – лошадям.

Проезжая часть

Основным элементом дороги, предназначенным для непосредственного движения транспортных средств и человека, является видимая на поверхности земли проезжая часть. О наличии в системе дорог Сибирского ханства такого элемента, как «проезжая часть» сообщает Ремезовская летопись: «Кутугаю, же едущи сани, по пути возвещающе во всех Кучумовых городех...» [Сибирские летописи, 1907, с.321]. В августе 1581 г. после захвата отрядом Ермака города Карачина «Кучум же от великаго ужаса з бусурманы по всем дорогам до Карачина караулы несводные поставил» [Сибирские летописи, 1907, с.327] (рис. 36). «Казаком же ездящим по жилиям татарским и по промыслам смело не боящесе ничего» [Сибирские летописи, 1907, с.333, 336]. После поражения на Чувашском мысу и сдачи столицы «Кучуму же прибывающу на дорогах на урочищах Вагаю Куларова и Тархан в крепких местах» Сибирские летописи, 1907, с.339].

В.С. Синяев в своей публикации «Окончательный разгром Кучума на Оби в 1598 году» писал: «Идя по следам Кучума, Воейков мог в основном быстро двигаться по сравнительно прямым, уже наезженным дорогам» [Синяев, 1950, с.150]. Мы можем сказать больше – молниеносный поход тарского воеводы А.М. Воейкова из г. Тара к р. Оби мог

состояться только при наличии удовлетворительных сухопутных путей сообщения. Иначе чем можно объяснить тот факт, что расстояние около 300 км от озера Убинского до устья реки Ирмень по заболоченной Барабинской лесостепи конный отряд А.М. Воейкова преодолел за 5 дней?

Мы уже упоминали о том, что грунтовые дороги, по которым сибирские татары передвигались на повозках, они называли «орба юл», пешие пути – «кеше юл». В различные времена года они проходили по разным местам. От одного до другого населенного пункта нередко существовали две-три дороги, использование которых в каждом конкретном случае определялось природно-климатическими и погодными условиями, а также целью и характером путешествия. Многие зависело от разливов рек (прежде всего Иртыша) и обилия снегопадов. Зимой первый путь торили каждый раз заново, и затем его не меняли. Летнее передвижение колесного транспорта в ландшафтах Прииртышья в позднем средневековье выдвигало определенные требования к ширине и ровности пути и соответственно делало необходимым устройство проезжей части, которая со временем стала представлять собой расчищенную для движения повозок, пешеходов и конников полосу земли, устойчивую закреплению на местности [Магвеев, Тагауров, 2014 б, с.69]. Преграду путешественникам составляли леса, болота, реки, что неизбежно привело к появлению на территории Сибирского ханства участков проезжей части, проложенной в естественных коридорах или с помощью дорожных искусственных сооружений.

Естественные коридоры

Естественные коридоры – это участки микрорельефа, позволявшие человеку преодолевать препятствия в виде рек, болот, лесов без возведения искусственных сооружений или обходить эти препятствия. Естественные коридоры всегда были приурочены к наиболее энергетически ценным для передвижения участкам ландшафта, т.е. требующих от путешествующих по ним людям и транспортным животным меньших энергетических затрат. Это обстоятельство подметил и подробно изложил в ряде своих публикаций К.К. Шиклик. «Энергетическая выгодность сухопутных путей, – писал он, – зависит от их профиля, то есть от пересеченности местности, а также от степени лесопокрывности местности, увлажненности грунтов

и других факторов... При трассировании дорог населением учитывались и такие факторы, как наличие воды, дров, подножного корма для тягла и т.д. Но при прочих равных условиях всегда выбирали трассы с наименьшими энергетическими затратами. Следует помнить, что пешеход, всадник, особенно колесный экипаж без тормоза, увеличивают затраты энергии не только на подъемах, но и на спусках» [Шиклик, 1981, с.179].

Сибирское ханство располагалось на территории Прииртышья, Притоболья, Барабы и в Томском Приобье, где энергетически ценными для передвижения участками ландшафта являлись речные долины, поскольку в междуречьях там встречаются верховые водораздельные болота. Кроме того, междуречья, как правило, покрыты зарослями, затрудняющими ориентирование. Передвижение по коренной террасе обоих берегов рек позволяет легко держать нужное направление и оптимальную скорость передвижения [Мельников, Тагауров, Тихонов, 1992, с.112]. Часть населенных пунктов сибирских татар расположена на правом берегу Иртыша, на Иртышском увале. Энергетически ценными для передвижения участками ландшафта на нем являлись коренная и первая надпойменная террасы. Последняя удачно располагается между рекой и подтеррасными болотами.

Сибирским татарам приходилось путешествовать и в условиях заболоченных водоразделов рек (например, правых притоков Иртыша: рек Шиш – Уй, Уй – Тара, Тара – Омь). И здесь энергетически ценными участками были террасы притоков этих рек, по которым путники до верховьев максимально проходили в глубь водораздела, где затем использовали имеющийся естественный коридор или действующее дорожное искусственное сооружение. Непосредственными естественными коридорами в ландшафте проживания сибирских татар являлись и продолжают являться броды, гривы, спуски с террасы в пойму, проходы через водоразделы. В сумме с вышеозначенными энергетически ценными для передвижения участками ландшафта естественные коридоры образуют практически не меняющуюся во времени потенциальную сухопутную транспортную сеть, различные участки которой могли использоваться в разные исторические эпохи с разной интенсивностью.

Броды (ялга, сойлык). Для преодоления небольших рек, озерных проток чаще всего использовались естественные броды. Такие участки, несмотря на достаточную ди-

намичное изменение своих русел сибирскими реками, относительно постоянны и имеют точную привязку к конкретным природным объектам. Для брода использовали обусловленные геоморфологией каждой конкретной реки «перекаты» – участки, где имеются выходы твердых глин, в результате чего русло реки не углублено, а сток воды происходит за счет увеличения ширины. Наиболее показателен, например, для реки Тары (правый приток реки Иртыш на территории современной Омской области) Бергамакский перекат, где даже во время весеннего паводка в 1990-х гг. вода редко поднималась выше 1,2 м, а обычная глубина составляла 0,4–0,6 м. Перекаты следует различать на прямые, когда выход глины располагается поперек русла, в этом случае наблюдается сильное течение и для брода он не очень пригоден, и косые, когда выход твердой породы расположен под углом к руслу реки, в этом случае брод длиннее, но он более мелок и с небольшим течением, еще одним плюсом в таком случае является то, что спокойное течение не приводит к внезапным промоинам и не забивает брод выворотнями и топьями. Такой брод в 1991 г был зафиксирован С.Ф. Тагауровым в районе урочища Пристань Гомана (кстати, место расположения татарского поселения Бергамак III), где при ширине реки Тары в 60–70 м. брод имеет длину около 300 метров.

Практически у всех известных в настоящее время бродов на р. Таре есть места для отдыха, самые простые – это утопанные площадки со следами кострищ в тени крупных деревьев. На других есть землянки, навесы от дождя, другие временные хозяйственные объекты (загоны для скота, избушки пастухов и т.д.). Броды и связанные с ними места для отдыха могли существовать и во времена Сибирского ханства, поскольку ландшафт и природно-географическая ситуация определили принципы природопользования этих территорий сибирскими татарами еще в XVI в. Многовековое использование бродов и нагрузка на прибрежный ландшафт делала эти переходы хорошо заметными. Единичные путешественники и группы путешественников использовали те же места переправ, которые применялись для местных хозяйственных нужд – переправ стад крупного рогатого скота. Частые переправы скота приводили к тому, что подход к месту брода был ярко выражен – отсутствовал травяной и дерновый покров, подходы выровнены и местами углублены, представляя собой широкие каналы. Еще одним репером брода служил спуск с террасы в пойму. Для

этой цели использовали имевшиеся длинные пологие мысы или, наоборот, – пологие овраги. С течением времени овраги превращались в пологие каналы с сильно утопанным дном, что предотвращало их размыв, а мысы – изрезанными косыми спусками [Матвеев, Тагауров, 2014 б, с.62–63].

Дорожные искусственные сооружения (броды, гати, мосты, перевозы)

Искусственные броды в Сибирском ханстве строились на короткие промежутки времени, поскольку земля и лес были непрочным материалом и ежегодно смывались весенним паводком. Конструкцию легендарного искусственного брода описывает Ремезовская летопись в эпизоде, рассказывающем о трагической гибели отряда атамана Ермака. Казаки в поисках бухарского каравана «поворотились вниз до устья и остановились, не внимая назирателя Кучюма и Карачи, ведомых воров, стояще в прикрыте за речкою в трех верстах и менши, в темном и мокром суземье, при речке крутой и топкой велми; по ней же Кучюм учинил брод широкой, как в три или в четыре телеги проехать, водном месте камнем и песком засыпал плотно; а хто не угодает, утопае» [Сибирские летописи, 1907, с.343]. Конечно, большой вопрос вызывают летописные сведения о наличии у Кучюма достаточного объема строительного камня. Естественных месторождений камня в Тобольском Прииртышье нет. Вместе с тем летописный факт говорит нам о том, что сибирские татары в конце XVI века умели строить временные искусственные дорожные сооружения – насыпные броды.

Гати (сукмак – сиб. тат.). Простейшие пешеходные гати были знакомы сибирским татарам издревле. При их обустройстве на заболоченные участки клали бревна, размещая их по направлению движения, до тех пор, пока вертикальный ряд таких бревен не начинал выдерживать вес взрослого человека. Аналогичную действующую гать (сукмак) в 1999 г. автор зафиксировал к северу от д. Речачово Тарского района. 13 августа 1959 г. на территории Усть-Ишимского района омские историки и краеведы А.Ф. Палашенков и С.Р. Лаптев обнаружили «Кучюмову тропу», расположенную между выселком Курья Усть-Ишимского района Омской области и юртами Абаульскими Дубровного района Тюменской области. Тропа шириной до 2 м проходила по Уватскому болоту [Палашенков, 1980, с.100].

С.Ф. Татауров и С.С. Тихонов указывают на традиционный способ сибирских татар обустройства перехода через небольшие водоемы (бревенчатую гать), встречающийся в низовьях реки Тары и в настоящее время. В буерак, где нет постоянного стока воды, укладывают поперек дороги ряд толстых жердей, чтобы излишняя влага просачивалась и не скапливалась выше перехода. Сверху на жерди насыпают слой мелкого хвороста, также вдоль буерака, для того чтобы колеса не застревали и не было большой тряски. Иногда хворост покрывают слоем земли [Татауров, Тихонов, 1996в, с.109–110].

Просеки. О возможном наличии этого дорожного искусственного сооружения на территории Сибирского ханства косвенно говорит факт использования сибирскими татарами колесного транспорта. Для передвижения повозок необходимо было расчищать от деревьев и кустарников некоторые участки лесных массивов.

Мосты (кубэр, кубыр – сиб. тат., купэр – каз.). Население Западной Сибири издревле умело возводить мостовые сооружения, различные виды которых до настоящего времени присутствуют вблизи населенных пунктов. С.У. Ремезов в иллюстрациях к «Истории Сибирской», рассказывающей о походе отряда атамана Ермака, неоднократно изображал крупное мостовое сооружение через р. Иртыш, расположенное в районе Подчевашского мыса [Дергачева-Скоп, Алексеев, 2006. с.151, 156, 165–167, 169, 170]. До настоящего времени нам не известно ни одного исследования, посвященного изучению этого объекта. Ученые либо ошибочно считали его «засекой», которую приказал построить Кучум, либо вообще не упоминали о нем. На рисунке [43] 47 Ремезовской летописи отчетливо нарисован всадник, переправившийся по этому мосту с левого на правый берег р. Иртыш [Дергачева-Скоп, Алексеев, 2006. с.156] (рис. 37). На рисунке [38] 42 рядом с мостом расположены три строителя этого сооружения, вооруженные топором и лопатами [Дергачева-Скоп, Алексеев, 2006. с.151] (рис. 38). Сказать что-то еще о конструкции моста невозможно. Он мог быть и свайным, о чем свидетельствуют вертикальные столбы «перил», уходящие в воду, а также один из строителей, укладывающий на поверхность моста землю. С другой стороны, мост мог быть и наплавным, поскольку показан в виде плоской полосы, лежащей на воде. О технологии создания и использования таких наплав-

ных мостов кочевниками Казахстана в XIX в. писали Н.П. и М.Н. Ивлевы [Ивлев, Ивлев, 1995. с.30–35]. Так, например, они приводят описание истории создания одного из таких мостов, опубликованное неизвестным в газетной статье «Импровизированные мосты через Сыр-Дарью» в 1867 г.: «Во время службы в форте Перовский в 1853–1854 годах, мне не раз случалось слышать о мостах, устраиваемых киргизами через Сыр-Дарью... Хорошо зная инженерные средства киргиз и принимая в соображение ширину и быстроту течения Сыра (от 100 до 300 сажень), я сомневался в возможности этого дела и долго искал случая удостовериться лично в действительном существовании «импровизированных мостов». Наконец выпал случай видеть производство самой постройки этих мостов. 4-го декабря 1854 г. я был послан с командою казаков для наблюдения за порядком переправы киргизов Сибирской Орды, кочевавших на зимовки в пределы Хивы, через мост, который было предложено устроить через Сыр, верстах в восьми ниже форта. Прибыв на место, я нашел человек триста киргиз, готовивших камыш и кугу¹. На другой день приступили к постройке моста. Врыли в самый берег, в виде ворот, четырехугольную яму сажени две в квадрате... Пока одни рыли, другие скручивали камыш с кугою и вили канаты толщиной в руку, из них свили четыре каната еще толще, вершков шесть в поперечнике и сажень по тридцать в длину; на одних концах этих канатов сделали большие узлы и вложили их в яму: два у боковых стенок ямы и два по середине в равном один от другого расстоянии и крепко забили землей, причем по насыпи этой вместе с тем образовался и спуск на мост. Другие же оставшиеся свободными концы канатов протягивали вдоль берега против течения реки и наставляли их такими же канатами, чтобы длины их хватило через реку. Одновременно с этим готовилось и самое полотно моста таким образом: брали два пучка камыша, киргизы закладывали их вершинами один за другой на четверть всей длины пучков и, продолжая накладывать таким порядком один на другие, составляли большие пучки сажени две в объеме и несколько длиннее параллели канатов

¹ Куга – растение семейства осоковых, то же, что и озерный камыш. Растет по берегам озер, в плавнях рек. Губчатые стебли куги используют на плетение циновок, сумок и веревок, как упаковочный и набивочный материал (См. БСЭ, 2-е изд. – М.: Государственное научное издательство «Большая советская энциклопедия», 1953. Т. 23. С. 597).

(ширины уложенных канатов и промежутков между ними. – Авт.), взяли пучки в середине и по концам и, положив их поперек канатов, плотно привязывали к ним и связывали друг с другом. Через десять дней полотно моста приготовлено было на всю ширину реки, после чего большая часть киргиз переправилась на противоположный берег и стала готовиться там такую же яму, что и на первом. Из оставшихся человек двадцать с арканами, привязанными к свободному концу моста, спустились в лодки, а остальные киргизы осторожно свалили мост в воду. Быстрота течения реки не смяла упругого моста, но стала тихо поворачивать свободный конец его к противоположному берегу, чему содействовали тягою, арканами и пlyingшие в лодках. Когда этот конец подошел к противоположному берегу, все киргизы завивши арканами за вбитые в берег кольца, проворно вложили концы мостовых канатов в готовую уже яму, крепко забили ее землей. В предупреждении же того, чтобы переправляющийся скот не мог копытами разбить узлов связей моста, во всю длину его наложен был особо толстый слой камыша, и мост был готов. На другой день через этот импровизированный мост протянулись бесконечные нити верблюдов с полными вьюками и тысячи разного скота. Но мост почти не чувствовал этой тяжести, а следующий случай еще более доказал его прочность. 18-го декабря от случившегося холода, появился по Сыру плавающий лед и беспрерывно шел пять дней, ступаясь день от дня более и более. Казалось бы, масса льда неминуемо разрушит мост. Но этот живой мост был невредим и переправа орды благополучно совершилась в течение нескольких дней. Но все тленно под луною! 26-го декабря, часа в два по полудни мост с сильным гулом лопнул и был увлечен массою долго сдерживаемого льда. Смотри на постройку таких мостов, нельзя не подивиться ловкости киргиз, с какою они усвоили себе это дело и их терпению и неутомимости при этой трудной работе. Без сомнения, по таким мостам совершалось быстрое движение сотен тысяч воинственных орд из Азии в Европу и обратно в древние и средние века». Нельзя не разделить с автором статьи его восхищение слаженной работой многочисленного коллектива создателей камышового моста, их сноровкой, умением использовать себе во благо особенности режима реки. Арсенал инструментов и выбор строительных материалов был очень небогат: камыш, куга, веревки, ножи. Коллективом создателей моста руководили, не-

сомненно, опытные организаторы и знающие люди. Их трудом мост был сооружен всего за 14 рабочих дней!» [А.Ч., 1867, с.2].

В настоящее время ширина р. Иртыш в районе Подчевашского мыса (в районе современного г. Тобольска) составляет около 350 метров, что соответствует 164 саженьям и допускает возможность постройки наплавного камышового моста по описанной выше технологии.

Других сведений о существовании на территории Сибирского ханства иных мостовых переходов через р. Иртыш у нас нет. Рассказы об умении сибирских татар строить мосты содержатся в их устном фольклоре, в частности в народных сказках «Мост к счастью», «Мирьям и Хасан», собранных Н.А. Томиловым [Валеев, Томилов, 1996, с.166–167, 201–202]. Вместе с тем жители государства не могли обойтись без мостовых сооружений через небольшие притоки и притоки притоков Иртыша. Возможно, что конструкции простейших мостов, зафиксированных у населенных пунктов сибирских татар в 1990-е гг., отчасти позволят нам представить традиционные мостовые сооружения жителей Сибирского ханства. Подобная трансляция может быть связана с тем, что в конце XX века сибирские татары вновь самостоятельно, в условиях краха советского государственного дорожного строительства, общинно строили мосты.

Для проезда колесного транспорта через большие ручьи и небольшие реки, озерные протоки сибирские татары возводили сооружения разных конструкций. Наиболее распространенным был следующий способ. По берегам водотока на некоторой высоте от уровня воды делали поперек движения две канавы, в которые клали два бревна-лежки большого диаметра (30–70 см), и затем уже поперек них помещали длинные бревна-балки меньшего диаметра (20–40 см). Балки могли располагаться вплотную друг к другу, но обычно их было две или четыре. На балки, продольные по отношению к дороге, сверху перпендикулярно укладывали тонкие (диаметром 5–20 см) жерди, которые вплотную подгоняли друг к другу. Сверху насыпали слой земли, хотя известны случаи, когда земляная насыпь отсутствовала. Такие сооружения были обнаружены С.Ф. Татауровым и С.С. Тихоновым в 1990-х гг. на ручье Такмык, на дорогах Индисс – Кордон-Бергамак и Муромцево – Плотбище [Татауров, Тихонов, 1996 в, с.110] (рис. 39). Аналогичные балочные мосты были в то же время зафиксирова-

ны автором у д. Атачка Тарского района через рр. Атачка и Уразай. В конструкции этих мостов поверх жердей, расположенных на балках, был размещен дощатый настил. Земляная насыпь отсутствовала. Для безопасности передвижения по мосту параллельно движению по краям моста вместо перил были размещены два толстых и длинных бревна, аналогичные по размерам несущим балкам. На новом (1999 г.) мосту через р. Атачку поверх дощатого настила был размещен слой соломы, который по сведению местных жителей, необходим для того, чтобы скот не боялся ходить через новый мост.

Через речки и овраги с высоким уровнем воды возводили свайные сооружения. Наиболее распространенным был тип моста, напоминающий обычную балочную конструкцию, с одним исключением: вместо бревен-лежек на берегу оврага водотока вкапывали вертикальный ряд столбов, на которые клали поперечную балку, а на нее – ряд продольных по направлению дороги балок (рис. 40). Сваи позволяли поднимать полотно моста на любую высоту над водой.

Еще одна оригинальная конструкция свайного моста была знакома сибирским татарам. В 1940-е гг. жители д. Киргап Тарского района Омской области строили мост через р. Кильчейку. Сначала они подкапывали с обеих сторон берег и укладывали по направлению дороги горизонтальные балки из стволов сосны. Под балками посередине моста забивали четыре деревянные сваи, затем укрепляли горизонтальные балки укосинами [МАЭ ОмГУ, ф. I, д. 113-1-III, л. 113] (рис. 41). В д. Чеплярово Большереченского района в 1960-е гг. для переправы через р. Тилькиш был построен двухпролетный свайный мост аналогичной конструкции. При его постройке в русло реки на одной линии поперек движения дороги были вбиты четыре вертикальные сваи. Затем они были соединены сверху горизонтальной балкой, на которую от каждого берега реки были брошены четыре горизонтальные балки по направлению движения дороги. Перпендикулярно им поверх были уложены доски настила. [МАЭ ОмГУ, ф. I, д. 94-3-III, л. 54–55 рис.].

Сибирские татары для вбивания свай в землю применяли специальное приспособление «гукмак», аналогичное русской «бабе» [МАЭ ОмГУ, ф. I, д. 94-3-III, л. 55–56, рис.]. При строительстве мостов использовали также и деревянную кувалду (чѣкмен) весом 15–20 кг, рукоять которой обычно изготовляли из сосны, а ударную часть – из березы [МАЭ ОмГУ, ф. I, д. 84-4 – IV, л. 111].

Перевозы. В Сибирском ханстве пешие путники и транспорт преодолевали реки не только с помощью мостов, но и с помощью перевозов [Очерки истории, 1999, с. 292]. Существуют сведения о системе организованных в Сибирском ханстве переправ через крупные реки. В 1596 г. из города Тары «вверх Иртыша по перевозы в судех» были посланы Илья Беклишев и Треня Жареный с отрядом служилых людей для наблюдения за движением Кучумовичей. Отряд казаков провел проверку Каратура перевоза, Отчаира перевоза, Откмас перевоза, Казмы перевоза, расположенных в южной части Сибирского ханства на территории современной Омской области и Павлодарской области Республики Казахстан. На Казмы перевозе служилие люди погромили бухарский торговый караван, шедший к Кучуму [Материалы, 1932, с. 297].

«Перевозы», отмеченные С.У. Ремезовым на листах «Хорографической чертежной книги» (1697–1711 гг.), могли действовать и в XVI в. Они были обозначены сибирским картографом вблизи современных д. Епанчина Тобольского, с. Куларовского Вагайского района Тюменской области, в верховьях реки Оша на территории Крутинского района Омской области, в нижнем течении реки Омь [Remezov, эл. вариант, sequence 103, 114, 119].

Место расположения перевозов вблизи населенных пунктов на протяжении XVI–XX вв. было относительно постоянным. Визуальный осмотр мест таких переправ в Большереченском, Муромцевском, Тарском районах современной Омской области, Тобольском и Вагайском районах Тюменской области показал, что главным фактором, определявшим это постоянство, было наличие удобного подъезда к водной артерии. Именно по этой причине места летних паромных переправ совпадали с местами переправ зимних.

Средствами переправы габаритных грузов через р. Иртыш и его крупные притоки у сибирских татар служили плоты (сол / сал) и лодки (кима / киме). Для переправы транспортных средств использовали весельные паромы (поромы).

Лодки (кима / киме), на которых осуществляли переправу через р. Иртыш и его крупные притоки, были довольно большими и вместительными. Их изготавливали из осины, кедра. Управлялись такие лодки двумя парами весел и вешали несколько человек. Для переправы через притоки р. Иртыш использовали лодки-долбенки, которые татары

делали из осины. Управлялись эти долбленки однолопастным веслом [Валеев, 1984, с.152].

Плоты сибирские татары применяли для переправы в том случае, если рядом не было лодки. Для изготовления плота в качестве сырья использовали стволы деревьев, которые сначала рубили и очищали от веток. Затем 3–4 бревна длиной до 3-х метров укладывали в ряд, и зажимали по двум коротким боковым сторонам парой бревен сверху и снизу. Все бревна притягивались друг к другу корнем молодого дерева. Лучше всего для этого подходил корень молодого кедра (тапр). Таким плотом обычно пользовались 1–2 раза [МАЭ ОмГУ, ф.1, д.2–10, л.13].

Кроме плотов тарские татары для переправы через р. Иртыш использовали паромы лодочной конструкции. В первой половине XX века для их изготовления сначала строили две крупные дощатые лодки (бот / бат). Затем ставили их параллельно друг другу и скрепляли настилом из двух рядов деревянных плах или досок (тохта). Передвигался паром за счет работы четырех гребцов (крёсман), работавших по двое на двух веслах, закрепленных по бортам. При необходимости грести могли и по пять человек с каждой стороны. Управление таким паромом осуществлялось кормовым веслом, которое было зафиксировано в уключине на высокоом вертикальном деревянном черенке, размещенном по центру кормовой части (рис. 42) [МАЭ ОмГУ, ф.1, д.94-3, л.58–59, рис]. В более ранние исторические периоды в основе поплавок паромов наверняка применялись долбленые лодки. Паромы такой конструкции были широко распространены у аборигенных народов Сибири в позднем средневековье [Кызласов, 1980].

В сибирских летописях нет прямых сведений об использовании для переправ грузов крупных паромов. Однако есть упоминания о том, что «по Туре и по Тоболу живут татары, ездят в небольших судах и на конях» [Дергачева-Скоп, Алексеев, 2006, с.118]. Лодки сибирских татар были изображены на иллюстрациях к «Истории Сибирской» С.У. Ремезова [Дергачева-Скоп, Алексеев, 2006, с.118, 161, 162, 199, 219] (рис. 43).

Зимние переправы. Обычно у каждого населенного пункта сибирских татар было 1–3 таких переправы. На местности они выделялись наличием проторенного санного пути и рядом вешек, поставленных вертикально в снег с одной или с двух сторон от проезжей части. Во время бурана, даже в случае полного заноса санного пути, путешественники

могли сориентироваться по вешкам и проехать в нужном месте. Зимняя пешая переправа начинала действовать после того, как на реке устанавливался лед, который «не гнулся» под тяжестью человека. Первые смельчаки выходили на лед с длинной жердью в руках уже на 2–4 день после того, как лед вставал. На санях здесь начинали ездить после того, как толщина льда достигала 0,1–0,2 м.

В ряде случаев население могло ускорить начало использования зимней переправы. Как, например, это делали в начале XX в. сибирские татары – жители д. Киргап Тарского района Омской области. Они намораживали зимнюю переправу сообща, долбили на реке лунки и, черпая воду ведрами, проливали поперек реки Иртыш полосу шириной, необходимой для проезда саней [МАЭ ОмГУ, ф.1, д.113-1, л.107]. Такую первую искусственную переправу организовали лишь в одном месте. Остальные переправы в районе населенного пункта намораживались чуть позднее естественным путем.

Взвозы – дорожные искусственные сооружения, обеспечивавшие удобные спуски с высокой террасы в пойму и подъем в обратном направлении.

Для строительства взвоза население вырывало широкую пологую траншею в обрыве террасы. Обычно для этого старались использовать уже имеющийся овраг. Количество взвозов у каждой деревни сибирских татар было разным. Для подъема из поймы на террасу тяжелых, груженых телег и саней люди старались использовать самый пологий из взвозов.

Строительство взвозов у тарских татар наверняка имеет давнюю традицию, поскольку эти дорожные искусственные сооружения необходимы и для пешеходов, и для вьючного транспорта. Такие неширокие (1–1,5 м) косые взвозы, плано спускающиеся по краю террасы, фиксируются у некоторых городищ XIV–XVI вв. [Матвеев, 2014 а, с.165–169].

Обстановка дороги

В условиях пересеченной местности, обилия естественных преград (рек, болот и лесов) важное значение для путешествия имела система дорожного ориентирования. Первичными ориентирами являлись естественные природные объекты – реки, отдельно стоящие деревья, особенности рельефа и т.д. Эти природные объекты составляли систему недвижимых (постоянных) ориентиров. Кроме них сибирские татары ставили на дорогах переносные (временные) и сезонные знаки.

Некоторые из них описали в своей работе С.Ф. Татауров и С.С. Тихонов. «Для обозначения отводной дороги на нее клали жердь поперек или устраивали пирамидку из трех связанных жердей, две из которых ставили на основной дороге. Чтобы показать направление движения, делали одно- и двусторонние затесы длиной около метра. При передвижении в лесу с густым подлеском заламывали ветви по направлению движения» [Татауров, Тихонов, 1996 в, с.111]. У сибирских татар на охотничьих тропах завалы из веток указывали на опасность. Направление пути фиксировали с помощью засек на деревьях в виде стрел [МАЭ ОмГУ, ф.1, д.5-11, л.90].

Наиболее распространенным сезонным (зимним) дорожным знаком были уже упоминавшиеся вехи, которые представляли собой длинные, «в рост человека», ветки деревьев или пучки камыша, вертикально вставленные в снег по одной, реже двум сторонам зимнего пути. Иногда к верхней части вехи привязывали пучок соломы [МАЭ ОмГУ, ф.1, д.92-2, л.9; д.107-3, л.13, 25]. Вехи ставили на отдельных участках дорог через 200–500 м, на всех переправах через реки – через 20–50 м. Они служили для того, чтобы путешественник не потерял дорогу в сложных погодных условиях или в темное время суток. Летом вехи могли ставить на заболоченных участках дорог.

На дорогах существовали места для отдыха. На территории Сибирского ханства расстояние между населенными пунктами было невелико (10–40 км). Поэтому для поевки и отдыха путешественники обычно использовали дома родственников и знакомых.

Таким образом, источники позволяют нам зафиксировать функционирование на территории Сибирского ханства 1563–1598 гг. элементов системы дорог: проезжей части, колесного и полозного транспорта, естественных коридоров (бродов) и дорожных искусственных сооружений (гатей, перевозов). Этнографические сведения позволяют нам предположить устройство и специфику функционирования некоторых элементов системы дорог Сибирского ханства.

Главные пути сообщения Сибирского ханства (рис. 44)

I. Широтное направление

Важнейшим транспортным путем Сибирского ханства был северный широтный

трансевразийский путь, связывавший Казанское ханство, государство Кучума с калмыцкими землями и Китаем. От «Тюменских» ворот г. Казани [Бахрушин, 1955 а, с.93], через Большой Камень до г. Чимги-Туры, а затем и до г. Искера шли несколько дорог, которые в разное время использовались в торговых, дипломатических, военных и других целях.

Вишерско-Лозьвинский путь. Маршрут с Вычегды или с Камы до г. Чердыни, далее по рекам Вишере, Велсу, через верховья Лозьвы, и далее вдоль рр. Тавда и Тобол в Искер. По этому пути на восток против пельмских манси, живших на Тавде за Уралом, прошел в 1483 г. русский военный отряд Ф.С. Курбского (Черного) и И.И. Салтыкова-Травина. После боя на устье реки Пелым они пошли вниз по реке Тавде мимо Тюмени в Сибирскую землю. От Сибири они шли по реке Иртыш вниз. В XVI в. по этому пути в обратном направлении пельмские манси совершали военные походы на город Пермь. Этим путем после набега на Кайгород и Чердынь в 1581 г. возвращался в Сибирь из-под Усолья Камского мансийский пельмский князь. Путь из Сибири вверх по реке Тавда, через станы манси и Уральские горы был известен «вожам» Ермака [Бахрушин, 1955 а, с.94].

Дорога по Сылве и Чусовой через Уральский хребет, Тагильский волок по Тагилу и Туре до в г. Чимги-Тура. С.В. Бахрушин уточнил маршрут: «По р. Каме, р. Чусовой до устья впадающей в нее р. Серебрянки, по Серебрянке до Тагильского волока, волоком «25 «поприщ» на р. Журавля, из р. Журавли в Баранчу, из Баранчи в Тагил и из Тагила в Туру. Тагильский волок задолго до присоединения Сибири русскими носил название Тюменского... В первой половине XVI в. пермичи посылали «к волоку Тюменскому и в вогуличи и в Сылву своих людей с пермским всяким товаром торговати». Этим же путем в течение всего XVI в. зауральские народы производили набеги на пограничные волости Московского царства» [Бахрушин, 1955а, с.95]. В 1573 г. из Сибирской земли с Тобола на Чусовую приходил ратью царевич Маметкул «дорогу проведовати в Пермь. В 1580 г. разорил русские поселки на этих реках пельмский князь Бекбелий Агтаев» [Бахрушин, 1955 а, с.95, 99]. Этой же дорогой пользовалось и правительство Ивана Грозного для сношений с Зауральем: мимо Строгановских городков...ездили царские послы из Москвы в Сибирь и из Сибири в Москву. Так, например, в 1572 г. в Сибирь по этому пути шел Третьяк Чебуков.

На нем же он был убит в 1573 г. [Бахрушин, 1955 а, с.96].

Казанская дорога по р. Каме через уфимские степи на верховья реки Исети в Чимги-Туру и Явлу-Туру [Бахрушин, 1955 а, с.92, 109]. Мы ранее упоминали о торговых караванах, разгромленных на Казанской дороге в 1475 и 1481 гг. [Бахрушин, 1955 а, с.75]. В 1505 г. русские летописи отметили приход рати «ис Тюмени, Кулук салтана Ивака царева сына с братьею и з детьми» [Исхаков, 2004 а, с.27]. В 1586 г. для контроля над этим путем был построен город Уфа. В конце XVI в. российское правительство использовало эту дорогу для переброски войск в Сибирь. Так, в 1594 г. из города Казани в город Тобольск были отправлены войска против Кучума [Бахрушин, 1955 а, с.92, 109]. Примечательно, что этой же дорогой через Тюмень пользовались купцы из Бухары и Ургенча. На всем протяжении XVI–XVII вв. «Казанская» дорога оставалась одним из главных путей, соединявших Сибирь с Казанью. Так, в документе 1649 г. «Распросные речи тобольских служилых людей Федора Иванова и Байбагиша Якшигулова о посольстве в калмыцкие улусы к Ирдениконтайше, о сношениях с ним...», написано: «А с Уфы де их, Фетку и Баибагишка, воевода князь Дмитрий Долгоруков отпустил в Тоболеск по Казанской дороге, по которой ездят ис Тоболеска и с Тюмени русские люди и татарове в Казань с товары» [Миллер, 2005 б, с.329]. С.В. Бахрушин писал, что продолжительность этого пути определялась «лошадьми сухим путем» в 3 недели; зимним путем ходили на лыжах 5 недель [Бахрушин, 1955 а, с.109]. В 2007 г. челябинские исследователи Г.Х. Самигулов и В.М. Свистунов в специальной публикации подробно рассмотрели различные маршруты этой дороги [Самигулов, Свистунов, 2007.]. В 2008 г. В.М. Свистунов писал о том, что от города Уфы на восток эта дорога шла как минимум по трем направлениям. Первое – по речной долине реки Уфы, где в районе современных населенных пунктов Нязепетровск – Нижний Уфалей – Маук – Касли пересекала Уральские горы. Во втором случае дорога проходила по речным долинам рек Уфа, Ай, Большой Ик и по широте современных населенных пунктов Ункурда – Кыштым пересекала Уральский хребет. При этом горы Юрма, Большой Таганай и верховье р. Уфа, оставались несколько южнее. Третья сибирская дорога проходила по верховьям рек Сим, Юрюзань, Сатка, Ай. При этом труднопроходимые хребты Таганая, Юрмы и верхо-

вье реки Уфы оставались на севере [Свистунов, 2008, с.317].

Из г. Чимги-Тура дорога шла через г. Искер, вдоль р. Иртыш, через Барабинскую степь на восток в калмыцкие кочевья и Китай. Выйдя из города Искер дорога около 17–25 км шла по правому берегу Иртыша, вверх по течению реки, до переправ, которые в XVII в. на картах С.У. Ремезова названы «калмыцкими». Далее она переходила на левый берег реки, по которому вела далеко на юго-восток до устьев рек Вагай, Ишим, Тара. Недалеко от устья реки Тара, путь вновь переходил на правый берег реки Иртыш и далее удалялся от него вдоль южного левого берега реки Тара. В среднем течении реки дорога поворачивала на юго-восток, проходила рядом с озером Угуй и шла к реке Омь и городу Тон-Тура. От него дорога шла мимо Убинского озера в Среднее Приобье [Катионов, Кузнецова, 1997, с.48–49]. В 1583–1584 гг. по этому пути в юго-восточные пределы Сибирского ханства от Кучума отошел со своими людьми Карача. Есиповская летопись по Сычевскому списку сообщает «Карача же доиде до Юльмского озера, иже вверху реки Иртыша, меж реки Тары и реки Омь, и ту пребываше» [Сибирские летописи..., с.141]. В 1585–1598 гг. вдоль этого пути происходили боевые действия между военными формированиями Кучума и отрядами русских воевод. В 1594 г. по нему же из г. Тобольска шла пешим ходом основная часть отряда князя А.В. Елецкого ставить на Иртыше г. Тару [Колесников, Якушин..., с.57]. В 1596 г. из г. Тара «проведывать вестей от Кучума царя вверх по Таре реке до усть Тартаса реки и до Кирпииков» были посланы тарские юртовские татары Кумамет Улебашев да Чиняй Тонкотаров, которые за 15 дней совершили опасное путешествие протяженностью не менее чем 600 км. В 1598 г. по этой дороге за 16 дней военный отряд Андрея Воейкова числом 405 человек прошел из г. Тары к Оби реке путь длиною около 800 км, где и совершил «окончательный разгром Кучума» [Синяев, 1951, с.144–151].

II. Меридиональное направление

В.И. Соболев отмечал, что наиболее прочными контактами Сибирского княжества Тайбугидов, Сибирского ханства были контакты с азиатскими странами. «В основе этого явления лежали: во-первых, общие корни экономического, социального и политического характера; во-вторых, принадлежность большинства правителей государств Запад-

ной Сибири к узбекскому дому «Шибанидов»; в-третьих, традиционный состав торговцев – выходцев из районов Средней Азии. Очевидно, не последнюю роль играло расположение водных артерий региона, их течение с юга на север» [Соболев, 2008, с.218–219]. В XV–XVI вв. центрами развивающейся в Западной Сибири торговли были крупные города: Чимги-Тура, Искер, Кызыл-Тура, Явлу-Тура. К ним и вели основные меридиональные торговые маршруты, шедшие вдоль рек Ишим, Иртыш, Вагай, Тобол.

Ишимская дорога в XVII в. шла от г. Тобольска вверх по правому берегу р. Иртыш до расположенного у Шаншинских юрт Калмыцкого перевоза, где перейдя на левый берег реки, продолжала следовать по нему до устья р. Вагай. От него до находившейся немного южнее Атбашского острога переправы дорога проходила по левому берегу р. Вагай, пересекая на своем пути «многие грязные речки, луга, дубравы и боры». Перейдя реку Вагай, дорога пролегла «через зыбучия и мелкие болота» и выходила, «минув озеро Якишкеуль», на «Ишимские пади», на речку Карасунь. Отсюда, следуя «подле Ишима», дорога добиралась «до урочища бору Шанши-Карагая» и, переметнувшись на правый берег реки, выходила «на вершину Ишима реки, на Каменный брод» [Вилков, 1968, с.5–6]. Несмотря на то что дорога эта была малоподобной и пригодной лишь для движения «коньми и верблюдами», торговое движение по ней было большим, так как она обеспечивала идущих по ней пищей и кормом и была по сравнению с другими дорогами более безопасной от набегов кочевников. От Каменного брода дорога шла «прямо на зимний полдень» в сторону города Туркестана, не доходя которого 6 дней разветвлялась на две: одна к казахским владениям, другая – калмыцкая. Далее от города Туркестана в сторону бухарских владений эта дорога пересекала р. Сыр-Дарью и направлялась к колодцу Дерг-Кутук, оттуда через три колодца степью доходила до колодца Ашглы и заканчивалась у города Бухары. На переезд из Бухары в Тобольск тихим ходом тратили 78 – 84 дня [Вилков, 1987, с.200]. На северном участке этого пути в 1585 г. на р. Вагай искал роковой бухарский караван Ермак. Г.Ф. Миллер писал, что в середине XVII вв. «часто приходивших в Тобольск калмыцких послов обыкновенно встречали на Вагае, допрашивали, осматривали, конвоем до Тобольска и обратно провожали до того же места. В этих целях на большой дороге постоянно держали проезжую станицу» [Миллер, 2005 б, с.468].

«Пристойная дорога вешнего пути в Казачью орду» шла вверх по р. Тобол. На эту дорогу был путь и из города Искера, и из города Чимги-Туры. От последнего в верховья р. Тобол попадали степью через устья рек Обуги и Уй. Отсюда дорога направлялась через степь к той же р. Ишим, перейдя которую Большою Лукою, прозванной Улутагой, выходила к Каменному броду [Вилков, 1987, с.201]. Здесь она встречалась с Ишимской дорогой, лежащей «прямо на зимний полдень», и образовывала Туркестанскую дорогу. На это протяжение пути до соединения с Ишимской дорогой и возникновения Туркестанской уходило 10 дней. В целом все расстояние от Искера до границ Туркестана по этому Ордынско-Туркестанскому направлению, в отличие от Ишимо-Туркестанского, покрывалось, очевидно в 40 дней. В отличие от Ишимской дороги Ордынская проходила не через болота и горы, а через «ровную степь», где «людям и скоту было кормно». Недостатком этого пути было то, что он, совпадая в основном с «приходной Ордынской дорогой», не всегда уберегал торговые караваны от разграбления кочевниками [Вилков, 1968, с.6].

Иртышский путь, выводивший торговых людей к верховьям р. Ишим и к Туркестанской дороге, тянулся от города Искера далеко на юг по левому берегу реки Иртыш до реки Камышлов. Затем он поворачивал на юго-запад и, пройдя по степи солидное расстояние, появлялся в верховьях р. Ишим. Далее путь, переправившись через р. Ишим восточнее Каменного брода, встречался с Ишимской и Ордынскими дорогами, образовывая Туркестанскую дорогу [Вилков, 1987, с.201]». По Туркестанской дороге, маршрут которой подробно описан О.Н. Вилковым можно было отправиться в различные части Средней Азии [Вилков, 1968, с.6–7]. Вместе с тем Иртышский путь использовался для путешествия к калмыкам и в Китай. Для этого путешественникам, двигавшимся из Искера, необходимо было южнее устья р. Тара на Карташовском яру перейти с левого берега р. Иртыш на правый и двигаться далее по нему до самого Ямышевского озера. От последнего, кстати, существовало ответвление пути на запад степью до г. Туркестана. Однако основной маршрут шел на юг до озера Зайсан и далее на юго-восток.

Таким образом, во второй половине XVI вв. Сибирское ханство являлось местом пересечения трансевразийских меридиональных и широтных маршрутов, местных путей сообщения. По этим маршрутам проходили и

проезжали при помощи вьючного, колесного и полозного транспорта торговые караваны, посольства, крупные военные отряды, сборщики налогов, совершались многочисленные местные коммуникации. Маршруты были оборудованы дорожными искусственными сооружениями, в некоторых случаях имели выложенную на поверхности земли проезжую часть. О том, что в Сибирском ханстве была

устроена система государственных перевозок, говорит нам один из летописных текстов 1569 г. «Сибирские люди взяли трех Пермяков, Ивашка Поздеева с товарищи, и был Ивашко у царя в Сибири дён с десять, и отпустил его на подводах до Перми, а дву товарицев его оставил...» [Красинский, 1947, с.90]. Следует полагать, что Кучуму удалось создать в своем государстве систему сухопутных коммуникаций.

6.3. СТОЛИЧНЫЕ ЦЕНТРЫ

6.3.1. Чимги-Тура (Царево городище)

Раннее татарское государство, называемое Тюменским ханством, со столицей в Чимги-Туре (Чингидине) образовалось как периферийное владение Золотой Орды. Легенда связывает это название с Чингисханом, объясняя, что когда он занял Бухару, то один из подданных, Тайбуга, сын хана Мамыка, выпросил у него во владения земли по рекам Иртышу, Тоболу, Ишиму и Туре и поставил город в его честь [Миллер, 1998, с. 35–36]. В исторических источниках, на старинных картах имя «Тюмень» как синоним Чимги-Туры встречается с конца XIV в., в частности, в Каталонском атласе [Белич, 2006, с.152], однако полной уверенности в их тождественности у нас нет, под этим именем могла существовать и другая кочевая ставка. И.В. Белич предложил другой перевод названия Чимги-Тура, означающий «Дерновый город», «Крепость из дерновых кирпичей», согласующийся с одним из приемов строительства у татар [Белич, 2006, с.147]. Под 1406 г. Тюмень упоминается в Устюжской летописи как место, рядом с которым был убит золотоордынский хан Тохтамыш [Исхаков, 2009, с. 33].

Последующие упоминания о Чимги-Туре относятся ко времени распада Улуса Шибанидов в 1420-х гг. в контексте деятельности ханов Хаджи-Мухаммада и Махмуд-Ходжи. Возвышение города как центра вилайета началось с 1429/30 гг. во время правления Абулхайр-хана [Исхаков, 2009, с. 25]. В 1446 г. Абулхайр перенес столицу своей державы в Сыгнак на Сырдарье, откуда вел борьбу за объединение Средней Азии [Нестеров, 1993, с. 236], в Туре от его имени правили назначенные даруги, а в дальнейшем, возможно, сыновья Хаджи-Мухаммада, признавшие Абул-

хайра «ханом-и Бузург» [Маслюженко, 2011а, с.84]. Новый расцвет Чимги-Туры связан с деятельностью Ибрахим-хана (Ибака), чьим «юртом» были тюменские земли [Исхаков, 2009, с. 27–28]. Отличаясь удачей в военных операциях, он сумел разгромить узбекского хана Шейх-Хайдара б. Абулхайра и подчинить многие степные племена. В 1481 г. Ибрахим-хан, возможно по договору с Москвой, разгромил и убил хана Большой Орды Ахмада, что позволило ему претендовать на главенство над всем Джучидским государством. Сохранились сведения о московско-тюменской дипломатической переписке 1480-х–1490-х гг., показывающие, что Чимги-Тура стала столицей государства, куда были переправлены дань и имущество из орду-базара Ахмада [Нестеров, 2007, с. 80].

В 1490-е гг. у Ибрахима могли возникнуть разногласия с местными беками из династии Тайбугидов. В 1494/5 (?) г. был хан убит Мухаммад-беком, который затем ушел в Искер. С 1496 г. в Чимги-Туре правил брат Ибака Мамук и некоторые другие его наследники. Чимги-Тура продолжала существовать и позднее под руководством Шибанидов [Исхаков, 2006, с.61–62].

Таким образом, город был политическим центром сначала Тюменского вилайета, затем Тюменского ханства, через него проходил торговый путь из Средней Азии в сибирские земли. Сюда приходили караваны из Бухары и Самарканда, также велась торговля и с русскими купцами. Потом из центра политической жизни Чимги-Тура превратилась в рядовой город, с течением времени захваченный и разграбленный дружиной Ермака во время Сибирского похода [Миллер, 1998, с. 35–36].

Запустевшее пожарище получило название городища, а Тюменский острог был поставлен на новом месте.

Самое раннее описание руин Чимги-Туры сохранилось в примечаниях к архитектурному плану г. Тюмени 1766 г. В нем указано на наличие оборонительных сооружений, делаясь памятник на три площадки: Царево, Большое и Малое городища. Судя по схеме, площадь его была не менее 15 га (рис. 45-1). В XIX в. краевед Н.А. Абрамов отмечал, что укрепления татарского города состояли из нескольких площадок, разделенных валами и рвами. Первый ров с валом начинался от лога, ближайшего к ул. Спасской (озеро Лямино), и был самым длинным, второй – Вишневы – располагался против Большого городища на пространстве в 70 сажен. К городищу также примыкало неукрепленное селище [Абрамов, 1998, с.385]. Размеры фортификационных линий в различных источниках разнятся, колеблясь около 1,5–3,5 м. Можно констатировать наличие трехступенчатой эшелонированной обороны на протяжении 700 м. Память о расположении здесь татарской столицы и ее большой площади сохранилась в наименовании центра города его жителями «городищем» и в исторических названиях улиц, бытовавших до 1922 г.: Малая и Большая Царевгородищенские, пересекавшие руины с запада на восток, Первая, Вторая, Третья, Четвертая Царевгородищенские, проложенные им перпендикулярно, были еще Царевы переулки.

В настоящее время в рельефе местности площадка древнего города очерчивается с большим трудом, поскольку практически вся площадь памятника занята огородами и жилыми домами, а центр ее уничтожен строительством стадиона (рис. 45-2). Ни как археологический объект, ни как достопримечательное место памятник не охраняется, земля передана муниципалитетом в долгосрочную аренду или частную собственность. Историческое значение столицы Тюменского ханства отражено в принятых в генплане границах зоны исторической застройки Тюмени.

Первые попытки исследования сохранившейся части древнего города начались лишь в 2005 г. под руководством А.В. Матвеева, было установлено, что мощность культурного слоя Царева городища составляет 2–2,5 м [Матвеев, Измер, Молявина, 2006]. Аварийные работы на цитадели проводились в 2006 г. Т.С. Измер, затем в 2007 – 2009 гг. - Т.Н. Рафиковой [2011], в 2011 г. – Н.П. Матвеевой [Матвеева, Алиева, 2014]. Всего было заложено 5 небольших раско-

пов: один – в середине мыса на участке ул. Коммуны; два – на северном склоне мыса, на краю оврага, и пятый – напротив двух предыдущих – на дворовой площадке домовладения по ул. Энгельса, 12 (рис. 45-2).

На сегодня исследованы следы 35 разновременных построек. Коллекции эпохи Средневековья из раскопок содержат в основном материалы бакальской культуры. Напластования Нового времени – это следы от обитания в период Тюменского ханства. Последний хронологический горизонт – остатки полуземляночных и наземных русских домов вплоть до современных.

Остатки средневекового бакальского поселения обнаружены вдоль северного склона мыса, обращенного к оврагу и р. Туре. Они представляют собой котлованы маленьких землянок и полуземлянок, площадью 12, 14 и 16 м². Отапливались дома пристенными каминными-чувалами, сделанными в одном из углов или в стеновой нише из жердей, обмазанных глиной. Каркас дома состоял из столбов, оплетенных прутьями, вся конструкция также обмазывалась глиной, внутрь вела дощатая дверь. В каждом жилище было глубокое подполье для хранения продуктов, выстланное берестой или досками, и, видимо, деревянные полы, закрывавшие его (рис. 46). Подобные постройки с чувалами были обнаружены и на других памятниках бакальской культуры, например, на Малом Бакальском [Археологическое наследие Тюменской области, 1995, с. 197], Усть-Тюрсюском-1 городищах [Рафикова, 2011, с. 13] и на памятниках, оставленных сибирскими татарами, например, на Кучум-Горе [Голдина, 1969 б, с. 139].

С жилыми постройками и хозяйственными объектами связан и инвентарь. Посуда была вылеплена вручную из глины с примесью песка и битых черепков. Поверхность грубоватая – наблюдаются шероховатость, штрихи, отпечатки пальцев, асимметрия горловины, небрежность в декоре. По формам это круглодонные горшки и миски диаметром от 14 до 28 см. Орнаментация скудная, в основном, поясками глубоких ямок под венчиком, рядами наклонных резных линий, которые образуют на горловине или плечиках сетку, распространены вдавления, сделанные ногтем, защиты с ручками (рис. 47, 23-27). Найдены и обломки от кубшинов с ручками (рис. 47, 21, 26, 31). Аналогичная керамика найдена на многих памятниках бакальской культуры, таких как Коловское городище [Рафикова, Матвеева, Берлина, 2007, с. 81], Старо-Лыбаевское-1 городище [Овчин-

никова, 1988, с. 147], Малое Бакальское городище в Курганской области, Красноярское городище в Омской области [Данченко, 2008 а, с. 51] и др. Помимо бакальской посуды также встречены отдельные фрагменты кушанаренковской, карымской, юдинской керамики VI–IX вв., что указывает на культурные связи местного населения с северными соседями.

Анализ костей из пищевых отходов позволяет констатировать развитое скотоводство с преобладанием лошади, а также разведение крупного и мелкого рогатого скота, собак, охоту на мясных и пушных диких животных, птиц, рыболовство. Инвентарь характеризует бытовую жизнь населения: проколки из кости, ножи, пряслица, костяные наконечники стрел (рис. 47, 5–10). Свидетельством военных занятий является плоский, с упором, железный наконечник стрелы (рис. 47-1).

Судя по датам радиоуглеродного анализа древесины и угля из построек, селище при впадении Тюменки в Туру появилось в раннем средневековье и продолжало функционировать в течение нескольких веков с VII в. по XIII в., причем наиболее активно жизнедеятельность продолжалась в X–XIII вв. [Рафикова, 2010, с.96].

Период Тюменского ханства. Жилища татарского времени углублены в грунт незначительно – до 0,2 м, они каркасно-столбовые, многокамерные. Размеры помещений составляют около 4 х 6 м, 6 х 6 м и более, до 60 м². Они соединены между собой крытыми коридорами шириной 1,4 м. Полы двух из них были подсыпаны белым песком, как это практиковалось у татар, селившихся на городище Кучум-гора [Голдина, 1969 б, с.153]. Остатки построек говорят об их наземном характере и сравнительно большей площади, чем у малых землянок. Они принадлежали более зажиточному населению, так как строительство домов значительной площади и не углубленных в материк, требует больших затрат на материалы, рабочую силу и отопление в зимнее время. Интересен тот факт, что наземные строения занимали середину площадки цитадели, то есть могли принадлежать к отдельному кварталу или улице (рис. 46).

Предметы инвентаря представлены многочисленными треугольными в сечении наконечниками стрел с плоским черешком, удлинено-листовидной, треугольной и ромбической формы длиной от 9 см до 13,5 см, а также их заготовками, проколками, выполненными из метакарпальных костей животных; кочедыками для вязания и починки сетей; накладками на рукояти ножей, лепными и точеными из че-

репков пряслицами, скребками и ложилами из керамического боя, медным и железным ломом, точильными камнями (рис. 47). Находки свидетельствуют о занятиях населения скотоводством, охотой, рыболовством, гончарством, кожевенным ремеслом, прядением и ткачеством, металлообработкой.

Судя по костным остаткам, население практиковало выпас отдельных табунов, отар и стад, в том числе отгонный, сопровождение караванов, охоту на копытных и лис. Керамика татарского периода является результатом развития бакальской традиции, можно отметить увеличение доли мисок и сковород, обедненные узоры до пояса ямочных вдавлений. Присутствуют миниатюрные горшочки и кружечки с ручкой. Гончарная продукция обнаруживает с посудой других известных объектов сходство, заключающееся в довольно грубой технике лепки и наличии узора только из ямочных наколов и довольно грубых оттисков зубчатого штампа (рис. 47- 28,30). Похожую керамику можно встретить в коллекциях Кучум-Горы [Голдина, 1969 б, табл. 76], Малого Бакальского городища, Кызыл-Туры. Аналогичный декор из ямок и наколов обнаруживается и в материалах барабинских татарских городищ Бол. Чуланкуль-1, Богдановское, Вознесенское и др. [Соболев, 2008, с.132]. Упрощение орнамента и упадок качества местной гончарной продукции следует связывать с широким распространением привозной металлической посуды.

Именуются и материалы, которые подтверждают письменные источники, свидетельствующие о торговом значении Чимги-Туры во времена Тюменского ханства. В разных постройках обнаружены битые гончарные среднеазиатские кувшины с плоским дном, вылепленные из красной глины, покрытые светлым кремевым ангобом, горловина их узкая и короткая (рис. 47-22; 4-2). В переходной зоне от плечиков к тулову присутствует орнамент. Аналогичные изделия были распространены в Золотой Орде в XIV в. [Коваль, 2010, илл. 57-7]. Кроме того, на городище были найдены кости верблюдов, что также документирует караванную торговлю. Эти сооружения можно датировать золотоордынской монетой. Она найдена в одном из жилищ у очага. Монета бронзовая, частично окисленная и обгоревшая (рис. 48-1). По определению к.и.н. К.В. Карцова², она могла быть отчеканена либо до правления Джанибека (до 1340-х гг.), либо после правления Хизр-хана

² Зав. сектором нумизматики античного и средневекового периода стран Азии и Африки отдела нумизматики Государственного Эрмитажа

(после 60-х гг. XIV в), вполне возможно, что и времени Токтамыша. Другой исследователь средневековой нумизматики, М.М. Чореф³ полагает, что на лицевой стороне различимо слово *ناطلس* – «*султан*». Надпись была вписана в шестиугольный картуш. На оборотной хорошо читается: «برص» – «чекан/ديج/Нового». Судя по расположению надписей и по их обрамлению, монета была отчеканена в Сарае Новом при хане Кильдибеке (762–763 г.х., ? –1362 гг.). Монета такого типа из Булгара была издана С.А. Яниной [Янина, 1963, с. 159, № 92 б].

Наличие привозных вещей явно указывает на торговые связи с государствами Золотой Орды в XIV – XV вв., то есть подтверждает письменные источники о времени наиболее активного функционирования Чимги-Туры на исторической арене.

В целом вещевой комплексе из построек на Царевом городище характерен для населения Тоболо-Ишимья средневекового времени. Практически в неизменном виде такой типовой набор орудий встречается в культуре ишимских, тобольских татар, например, в материалах Кучум-Горы, Искера [Могильников, 2004, с. 116] и на памятниках, оставленных татарами в Барабе [Соболев, 2008]. Эти материалы коррелируют с радиоуглеродными определениями возраста древесины и угля из культурного слоя, полученными из шурфов, заложённых в ходе зонирования городища в 2005 г. и из раскопов 2007 – 2009 гг. Они дали хронологический диапазон 1280–1530 гг. н.э. Эти даты указывают на время бытования городища в татарский и предшествующий период, переходное время от бакальской культуры к культуре тюменских татар – с XIII в. н.э. до XVI вв. н.э. [Рафикова, 2011, с. 14, табл. 1].

Жилищные и хозяйственные остатки на Чимги-Туре можно признать остатками жизнедеятельности именно городского населения, так как вкуче с ранее имевшимися сведениями, можно сделать заключение об имущественном расхождении, ремесленном производстве и международной торговле как признаках государственного уровня социального развития.

На сегодняшний день известно около 200 памятников, относящихся к периоду сибирских ханств, представленных городищами, поселениями, могильниками [Соболев, 2008, с. 60]. Степень их изученности неравномерна, часто данные о результатах полевых работ, проводившихся на них, остаются неопубликованными. Многие памятники либо

частично разрушены (Царево городище, Кучум-Гора, Новоникольское и др.), либо уничтожены практически полностью – Искер, Явлу-Тура [Соболев, 2008, с. 64]. А памятников, материалы которых ярко отражали бы сложные процессы тюркизации местного автохтонного угорского населения и зарождения культуры сибирских татар, изучено немного (Малое Бакальское и Красноярское городища, Кучум-Гора, Пахомовский могильник), поэтому дальнейшее исследование Царева городища представляется весьма актуальным, т.к. позволит получить дополнительные данные для решения этого вопроса.

Пока на цитадели Чимги-Туры обнаружены напластования от аборигенного поселения бакальской культуры IX–XIV вв., а также города XIV–XVI вв. со следами многочисленных пожаров. Однако, два сторевших дома (№№ 3, 24) датированы еще более поздним интервалом 1520–1670 гг. [Рафикова, 2011, с. 14]. Таким образом, обнаружение следов пожара, связанного с взятием Чимги-Туры Ермаком, в будущем, при продолжении раскопных работ, возможно, хотя часть культурного слоя уничтожена из-за многочисленных перестроек территории в ходе развития русского города и современного благоустройства. Тем не менее поселенческие археологические материалы конца XVI в.⁴ нигде пока не были зафиксированы, несмотря на указание Кунгурской летописи на якобы имевший место факт пребывания в Чимги-Туре казаков [Сибирские летописи, 2008, с.413]. Поэтому зимовка дружины Ермака в этом месте представляется нам легендарным событием.

Самые ранние материалы русского периода обитания датируются XVIII в., они подтверждают сообщение Н.А. Абрамова о том, что на руинах Чимги-Туры долго никто не селился [Абрамов, 1998, с. 385]. Русский культурный горизонт с площадки цитадели относится к периоду XVIII – XX вв. На стратиграфии он отражен мешаными слоями с разнообразными включениями, линзами угля, прокала, древесины, чернозема с кирпичом и строительного песка. Эти напластования заполняли котлованы наземных срубных домов с подвалами для хранения продуктов и ям отдельно стоявших овощехранилищ. Находки из этого слоя представлены фрагментами керамической посуды, осколками изделий из фарфора, фаянса, стекла, а также бытовыми предметами – дверными петлями, подковами, обломками чугунок,

⁴ Как известно, Тюменский острог был заложен севернее, непосредственно на берегу р. Туры.

³ Письменное сообщение к.и.н. М.М. Чорефа

ножей, стамесок, гвоздей, монетами как советского времени, так и Российской империи – XVIII–XIX вв. Орудия труда и бытовая утварь весьма разнообразны и хорошо отражают хозяйственные занятия горожан. Керамическая посуда русского населения по цвету поверхности, связанному с характером обжига, делится на черноглиняную, сероглиняную и красноглиняную. В ней преобладают горшки размером по устью от 14 до 28–30 см. Найдены обломки кухонных сковород, больших мисок, использовавшихся для совместной еды, жбанов, предназначавшихся для хранения продуктов, а также кувшинов, служивших для подачи на стол напитков. Имеется и столовая поливная керамика темно-зеленого и коричневого цвета.

Такое разнообразие предметов утвари и форм керамических сосудов свидетельствует

в пользу отчетливой динамики ремесленного производства, указывает на рост благосостояния тюменцев. В целом коллекция артефактов обнаруживает сходство с материалами других русских памятников XVII–XIX вв., например, Тобольска [Матвеев, Аношко, Сомова, Селиверстова, 2008. С. 115, 116], Мангазеи [Визгалов, Пархимович, 2008, с. 85, 88, 120], Надымского острога [Кардаш, 2009, с. 168], Омска [Путинцева, 2008, с. 69], Москвы [Беляев, 1991, с.14–20; Кренке, 2009, с. 130] и других городов.

Таким образом, данные, полученные при работах на Чимги-Туре, свидетельствуют о трех хронологических этапах застройки территории города и о богатом его историческом прошлом, в целом подтверждая его огромную историческую роль в зауральском регионе.

6.3.2. ГОРОДИЩЕ ИСКЕР

Археологическое изучение городища Искер – столицы самостоятельного ханства в Сибири имеет, пожалуй, первостепенное значение для всей позднесредневековой археологии Зауралья. История изучения этого памятника весьма обширна. Искер стоит у истоков зарождения в России интереса к памятникам старины. Первое описание Искера было составлено уже в 1675 г. [Спафарий, 1882, с. 45], а в 1703 году впервые в России был снят и подробный план археологического памятника [Белич, 2010 в]. Весьма значительна и коллекция артефактов, происходящих с Искера.

Впервые находки стал собирать М.С. Знаменский – тобольский художник и краевед. По крайней мере, два года в середине 1880-х гг. Знаменский производил раскопки, но большую часть огромной коллекции, которая насчитывала до 2736 предметов, была им собрана на отдели Иртыша, после спада воды [Адамов и др., 2008, с. 18]. Эта коллекция после смерти М.С. Знаменского была продана и попала в Финский национальный музей [Tallgren A. M., 1917]. Справедливости ради, нужно отметить, что не все вещи из этой коллекции были собраны на Искере.

Другая коллекция археологических предметов стала формироваться в Тобольском губернском музее почти сразу же после постройки в 1888 г. специального здания для музея. Сюда передавали и продавали свои небольшие сборы тобольские краеведы [Ада-

мов, 2003]. Последним значительным пополнением коллекции Тобольского музея в дореволюционный период стали 334 находки, полученные в результате широкомасштабных раскопок на Искере в мае 1915 г., проведенных под руководством В.Н. Пигнатти [Пигнатти, 1915, с. 19]. Василий Николаевич организовал исследования на собственные средства, а все находки пожертвовал в музей. По подсчетам В. Н. Пигнатти, коллекция с Искера Тобольского губернского музея в 1915 году насчитывала 1218 предметов. Небольшая коллекция из 76 предметов, собранных на городище Искер И.Н. Бутаковым, была продана им в Омский музей, а еще одна небольшая коллекция, собранная студентом М.Д. Субботиным, хранилась в Казанском университете [Пигнатти, 1915, с. 19].

Следующий этап в формировании научного представления о городище связан с археологическими исследованиями Б.Б. Овчинниковой в 1968 г. [Овчинникова, 1996; 2015] и в 1988, 1993 году А.П. Зыковым [Зыков, 1998; 2015]. Ими была исследована основная часть сохранившейся площадки городища. Правда, полученный археологический материал был весьма скромным по сравнению со сборами конца XIX–начала XX века: в раскопе Б.Б. Овчинниковой было найдено всего несколько предметов [Овчинникова, 2015, с. 150], а в Тобольский музей из раскопок А.П. Зыкова поступило 52 ед. хранения.

В 2007 и 2008 г. работы на городище Искер производил и автор, исследуя в основном склоны и подошву оврага, отделяющие площадку городища с западной стороны. Здесь были обнаружены мощные слои культурных отложений и получен материал из почти 400 индивидуальных находок. Столь разительное отличие в количестве находок, по сравнению с количеством артефактов, обнаруженных на самой площадке городища в раскопах Б.Б. Овчинниковой и А.П. Зыкова, объясняется тем, что здесь интенсивно скапливался мусор (возможно, его сюда намеренно сбрасывали), а также использованием при производстве археологических исследований металлоискателя, который позволил обнаружить большое число медных и железных изделий. Нашими работами были выявлены и остатки укреплений, шедших по дну и склонам оврага [Адамов, 2013 а].

С 2006 г. мы стали проводить ежегодные сборы с отдели р. Иртыш у городища Искер с применением металлоискателя. В результате этого были собраны не менее пяти сотен артефактов (не считая множества фрагментов медных пластин), значительно пополнившие коллекцию вещей с городища Искер. Эти сборы позволили выявить новые категории находок, которые не встречались прежде, или представлены в других коллекциях единичными экземплярами.

Несмотря на достаточно солидную историографию и представительные коллекции артефактов, хранящиеся в разных музеях, загадок не становится меньше. Одна из них – хронология городища Искер. О чудских вещах, обнаруженных на городище, писал в свое время В. Н. Пигнатти, и рисунки сузгунской, потчевашской керамики, некоторых металлических и глиняных изделий вполне подтверждали правоту исследователя [Пигнатти, 1915, с. 20, табл. I; V].

Развернутую статью посвятил хронологии городища Искер В. А. Могильников [Могильников, 2004]. На основании статьи В. Н. Пигнатти, он выделил находки на городище, относящиеся к сузгунской, богочановской, потчевашской, усть-ишимской культурам [Могильников, 2004, с. 114, 115]; находки, датирующиеся XIII – XIV вв. [Могильников, 2004, с. 115]; группу находок, связанных с существованием столицы Сибирского ханства [Могильников, 2004, с. 115, 116], а также с присутствием на городище казаков дружины Ермака [Могильников, 2004, с. 117].

Столь развернутая хронология, казалось бы, убедительно объяснялась расположением памятника на удобном мысу, со всех сторон защищенного естественными преградами, что делало это место весьма удобным для проживания и устройства здесь городища. Однако в начале XXI века, в ряде статей, А. П. Зыков, опираясь на материалы собственных исследований, выступил категорически против широкой хронологии городища Искер [Зыков, 2012 а; 2015].

Проанализировав материалы М. С. Знаменского, В. Н. Пигнатти и собственные сборы с городища Искер, А.А. Адамов пришел к выводу о том, что памятник многослойный [Адамов, 2016]. Культурный слой складывался из разновременных напластований. Конечно, самый значительный слой образовался в XV – XVI вв. и связан с существованием столицы Сибирского ханства. Выделяются и более ранние слои, которые представлены материалами второй половины I тыс. н.э. (потчевашской культуры), возможно, слоем, одновременным кинтусовскому этапу нижнеобской культуры, и слоем XII – XIV веков. Причем последний был, пожалуй, самым мощным из ранних напластований [Адамов, 2016].

На сегодняшний день на основании находок, сделанных М.С. Знаменским, артефактов, хранящихся в Тобольском музее-заповеднике, из раскопок Б.Б. Овчинниковой и сборов и раскопок А.А. Адамова можно уже охарактеризовать материальную культуру населения XII–XIV вв., построившего городище на удобном мысу в устье р. Сибирки.

Систему укреплений на городище золотоордынского времени можно реконструировать на основании исследований А.П. Зыкова [Зыков, 1998; 2015] и А.А. Адамова [Адамов, 2013 а]. Вероятно, в первой половине II тыс. н.э. по дну оврага, отделяющего городище с западной стороны, вдоль его восточного склона, шел ров, затруднявший начало подъема по склону оврага [Адамов, 2013 а]. Западный край площадки городища, суда по всему, не резко обрывался уступом, а имел сначала покатый склон, где на двадцать метров ширины склона приходилось всего 3 – 4 метра падения высоты (на следующие 30 метров приходится уже до 16 м падения высоты). Сохранившиеся городища XII – XIV вв. в Тобольском Прииртышье имеют систему укреплений, с западной стороны состоявшую из нескольких рвов и валов (городища Долговское 1, Ярково-ское 1, Бегишевское 1). Поэтому у нас есть все основания предполагать, что

и городище в устье р. Сибирки по западному склону оврага было укреплено системой изорва и, возможно, вала, из которых сохранился только ров. По плану А.П. Зыкова – это первый строительный горизонт [Зыков, 1998, рис. 1; Зыков, 2015, рис. 4,1].

Посуда в XII – XIV вв. была представлена в основном медными котлами. Обломки котлов и их ушки – частая находка на одновременных городищах. Правда, сейчас разделить находки медных котлов, датирующихся XII – XIV вв., от обломков котлов XV – XVI вв. не представляется возможным. Еще только предстоит работа и по разделению немногочисленных фрагментов неорнаментированных лепных и гончарных сосудов на хронологические этапы и центры производства.

Без сомнения, в XII – XIV вв. на городище была широко развита цветная металлургия. Об этом свидетельствуют глиняные льячки, обнаруженные как М.С. Знаменским, так и нами и, по крайней мере, часть каменных литейных форм, известных по находкам с городища (рис. 53). Дополняют эти находки и многочисленные оплавленные кусочки меди и бронзы.

В материалах, собранных на городище Искер, представительную коллекцию составляют глиняные пряслица [История, 2014, цв. вкл. 20]. Однако в археологических коллекциях сибирских татар Верхнего Приобья [Плетнева, 1990, с. 92; Адамов, 2002 а] пряслица встречаются в единичных экземплярах. В Тобольском Прииртышье на памятниках XII – XIV вв. собрано большое количество аналогичных обнаруженным на Искере пряслиц [Адамов, Баллонов, 2015, с. 114]. Поэтому подавляющее большинство пряслиц с Искера (рис. 54,14,15) датируется именно этим временем.

Частой находкой на городище Искер являются костяные кочедыки, изготовленные из трубчатых костей животных, в большинстве изогнутых в одной плоскости и заостренных с одного края. У некоторых есть отверстия для подвешивания. Длина изделий, сохранившихся целиком, как правило, не превышает 15 см [Овчинникова, 2014, рис. 10,4]. Подобные находки известны из древнерусских древностей [Судаков, 1996, рис. 3,5], в Предуралья [Белавин, Крыласова, 2008, рис. 154,155]. В Тобольском Прииртышье аналогичные кочедыки использовались в XII – XIV вв. [Адамов. Баллонов, 2011, с. 125] и пока нет оснований связывать подобные изделия со слоем XV – XVI вв.

Из других поделок из кости к раннему времени относится часть костяных наконечников стрел (рис. 51), прежде всего, сделанных

наспех, иногда квадратного сечения, близкие аналогии которым мы находим на памятниках XII – XIV вв. из Тобольского Прииртышья [Адамов, Баллонов, 2015, с. 114]. Костяные разбивальники – ястные кости коня со следами кругового стирания [История, 2014, цв. вкл. 19,23], – служившие для разминания кожаных ремней, представлены и на памятниках Пермского Предуралья [Белавин, Крыласова, 2008, рис. 153.1,2]. Зубы животных (рис. 54,17) с отверстием для привешивания [История, 2014, цв. вкл. 19,131; Пигнатти, 1915, табл. II,13].

В сборах М.С. Знаменского и наших широко представлены бронзовые украшения, датирующиеся в пределах XII – XIV вв. Это обломок биякорковой подвески и обломок якорьковой шумящей подвески (рис. 54,18), которые известны из Вымских могильников XI – XIV вв. [Савельева, 1987, рис. 30,17,18,21,22].

Остатки двух арочных шумящих подвесок были найдены М.С. Знаменским, а одна подвеска и два звена цепочки – нами (рис. 54,2,3,9). Арочные подвески представлены из Вымских [Савельева, 1987, рис. 31,4-12,45] и Ликинском [Викторова, 2008, рис. 155,230,231; 163,309; 168,362] могильниках, восемь подобных подвесок найдены на Рождественском археологическом комплексе [Белавин, Крыласова 2008, рис. 188,1-8].

Бронзовая полая зооморфная пронизка, представляющая собой сильно стилизованную фигуру животного, стоящего на плоском основании, была обнаружена М.С. Знаменским, еще одна – нами (рис. 54,6,10). Близкие полые подвески известны по материалам Сайгатинского III могильника, где обнаружены в погребении XIII – XIV вв. [Зыков и др. 1994, с. 141, рис. 140], и Барсовского IV могильника, датируемые XIV – XV вв. [Зыков и др. 1994, с. 142, рис. 141]. В.И. Семенова выделяет их в тип 10-2 и считает, что более стилизованные изображения датируются в пределах XIII – XIV вв. [Семенова, 2001, с. 75]. Как отмечают исследователи, полые зооморфные подвески, начиная с XII века, теряют присущий им ранее реализм, постепенно превращаясь в сильно стилизованные колоколовидные украшения [Федорова и др., 1991, с. 140].

Из других находок нужно отметить найденную нами бронзовую стилизованную полую подвеску в виде уточки (рис. 54,11). Близкие аналогии известны из Сайгатинского III могильника, датируемые в пределах XIII – XIV вв. [Зыков и др. 1994, с. 142, №143]. В.И. Семенова относит близкие изделия к первому типу и считает, что они датируются

XIII – началом XVI в., однако подвески XIV – XV вв. отличаются большей схематичностью [Семенова, 2001, с. 73]. Существует еще находка – бронзовая подвеска в виде лунницы (рис. 54,12). Полные аналогии – из Ликинского могильника [Викторова, 2008, рис. 58] и средневекового могильника Юганского Приобья; В.И. Семенова выделяет их в вариант 2, группы 1, подгруппы 2 [Семенова, 2001, табл. 44], близкая подвеска – из Вымских могильников [Савельева, 1987, рис. 31,24] Э. А. Савельева, опираясь на мнение А.В. Успенской, датирует ее в пределах XI – первой половиной XII в. [Савельева, 1987, с. 111]. В Сургутском Приобье подобные лунницы и уточки встречались в погребениях второй половины XIII – первой половины XIV в. [Карачаров, 1991, рис. 1].

Судя по всему, XII – XIV вв. мы можем датировать и три шумящих пронизки из коллекции М.С. Знаменского (рис. 54,4,5,7). Такие пронизки известны из памятников устьишимской культуры [Адамов и др., 2008, рис. 22,19], Ликинского могильника [Викторова, 2008, рис. 140,60; 162,302,303], могильников Юганского Приобья [Семенова, 2001, табл. 48, 17-1 – 17-5]. В Прикамье подобные шумящие пронизки связаны с родановской культурой, в Вымских могильниках они встретились в погребениях XIII – XIV вв. [Савельева, 1987, с. 93, рис. 37]. В 2014 г. на Искере были обнаружены обломок бронзовой чаши с соллярным орнаментом и лапчатая подвеска [Адамов, 2015 а, рис. 3,6,9], широкое распространение которых приходится на этот же период [Семенова, 2001, табл. 59].

Обломки и целые металлические зеркала, собранные на Искере, представлены, в собрании М.С. Знаменского [История, 2014, цв. вкл. 17]. Но их датировка укладывается в золотоордынский период. Так, обломок зеркала с фигурой сфинкса [Адамов и др., 2008, рис. 28,24] имеет точные аналогии в коллекции городища Болгар. Такие зеркала Г.Ф. Полякова относит к типу В-II-16, подтипу В-А-16 а с тщательно проработанным рельефом фигур сфинкса и куфической благодетельной надписью по краю [Полякова, 1996, с. 232].

К XII – XIV вв. относятся и навесные железные цилиндрические замки. На Искере обнаружен как целый замок, так и обломки его частей, железные ключи. Они полностью аналогичны как древнерусским [Колчин, 1959], так и золотоордынским [Савченко, 1996, с. 42]. Кроме того, на Искере в 2015 г. был обнаружен и медный ключ [Адамов, 2015 а, рис. 3,5], судя по совсем небольшой рабочей

части, от медного зооморфного замка. Замок в виде лошадки или бычка был найден ранее на Искере [Пигнатти, 1915, табл. IV,10]. Такие замки и медные ключи к ним массово выпускались в золотоордынских городах Поволжья [Руденко, 2007, с. 49; Полякова, 1996, с. 250].

Из других находок М.С. Знаменского нужно отметить большое количество стеклянных многоцветных бус, подавляющая их часть хорошо датируется в пределах XII – XIV вв. и имеет аналогии из других памятников Тобольского Прииртышья [Адамов, Балонов, 2011, с. 125]. Этим же временем датируется и обломок литой бронзовой бусины [Адамов и др., 2006, рис. 1,7]. Близкие аналоги известны из Вымских могильников [Савельева, 1987, рис. 34,38,39].

Железные изделия из раннего слоя представлены как ножами с прямой спинкой и уступом при переходе к черенку, так и наконечниками стрел. Но отделить их от более поздних изделий пока не представляется возможным. Наиболее вероятно ранняя датировка овальных кресал [Пигнатти, 1915, табл. IV,8] и железных топоров [Пигнатти, 1915, табл. IV,5(правый); История, 2014, цв. вкл. 18,17]. Значительная коллекция подобных топоров собрана в Тобольском Прииртышье на памятниках первой пол. II тыс. н.э. Этим же временем, возможно, датируются железное тесло с плечиками и серп [Пигнатти, 1915, табл. IV,2,3]. Аналогичные изделия были обнаружены нами вместе с глиняным пряслицем на другом берегу р. Сибирки при разведочных работах 2006 года [Адамов и др., 2006, рис. 2,1,4,5], что свидетельствует о существовании здесь, кроме русской деревни Выходцева, поселения XII – XIV вв. Возможно, этим же временем датируются каменные жернова и их обломки, обнаруженные на Искере [Зыков, 2013, рис. 2; 4; 5]. Подобные жернова найдены при раскопках на Ярковском городище XII – XIV вв. [Адамов, Балонов, 2011, с. 125].

Достаточно многочисленные находки с городища Искер, датирующиеся XII – XIV вв., свидетельствует о существовании здесь в это время укрепленного поселения с мощным культурным слоем. Таких памятников в Тобольском Прииртышье, близ устья р. Тобол, насчитывается уже около двух десятков. Это городища, поселения, грунтовые могильники и даже культовое место. Материалы с данных памятников имеют многочисленные аналогии в памятниках Предуралья, что свидетельствует о приходе значительной группы населения из-за Урала. На основе местного и пришлого

населения сложилась близ устья р. Тобола яркая, своеобразная культура. Это компактная территория (только в рамках современных Вагайского и Тобольского районов), на которой была сооружена система хорошо укрепленных городищ. Их население отличалось разнообразной ремесленной деятельностью (изготовление железных, медных и бронзовых, серебряных изделий), вело комплексное хозяйство на основе придомного скотоводства и пашенного земледелия, имело развитые торговые связи, что позволяет высказать предположение о существовании здесь в XII – XIV вв. небольшого княжества. Исследование, проведенное на грунтовом могильнике близ с. Абалак, показало, что погребальный обряд населения Тобольского Прииртышья резко отличается от погребального обряда тюркоязычных насельников Сибири первой пол. II тыс. н.э. [Адамов, 2011, с. 69]. И надо полагать, что основу населения возникшего княжества составляло угорское население.

Искер в XV – XVI вв. На сегодняшний день от Искера осталось совсем небольшая полоса площадки городища в форме вытянутого треугольника, шириной всего несколько метров в западной части и до 20 м – в восточной. Длина этого треугольника доходит до 88 м. На городище выделяется нижняя площадка, идущая по краю оврага, отделяющего городище с напольной стороны, и приподнятая над ней до 3 м верхняя площадка (рис. 49; 2). После публикации плана городища, снятого С.У. Ремезовым в 1703 году [Белич, 2010 в] возможны достоверные подсчеты площади памятника времен Сибирского ханства.

Прежде всего, нужно установить как долго размывалась терраса, на которой расположено городище. Во времена С.У. Ремезова еще существовала петля напротив с. Абалак [Чертежная книга, 2003, л. 5]. Старица существует и сейчас: на ней расположено с. Араповская. Анализ космоснимка поймы Иртыша показывает, что эта петля существовала и гораздо раньше, двигаясь циклично в направлении с ЮВ на СЗ. При этом Иртыш всегда подмывал террасу, на которой и располагается городище. С большой долей вероятности можно предполагать, что Иртыш на всем протяжении II тыс. н.э. размывал террасу.

Городище Искер в 1703 году представляло из себя неправильный четырехугольник, длина которого составляла почти 147 м, а ширина сторон 71 и 130 м [Белич, 2010 в, рис. 2]. За 300 прошедших лет наибольшая ширина уменьшилась примерно на 110 м (по

36,6 м за одно столетие). Поэтому во времена Ермака наибольшая ширина городища составляла около 180 м. А в начале XV века – около 260 м. При этом длина городища вряд ли была больше, чем это зафиксировал С. У. Ремезов, так как р. Сибирка перпендикулярно впадала в Иртыш. Максимальные размеры столицы Сибирского ханства составляли: длина 150 м, ширина стороны, ближней к Сибирке около 200 м, а ширина западной стороны – 260 м. Таким образом, наибольшая площадь города составляла 34 500 кв. м или почти 3,5 га. Ко времени похода Ермака площадь города уменьшилась до 22 500 кв. м (2,25 га).

Столица Сибирского ханства располагалась в очень удобном для строительства мощного городища месте. Здесь в р. Иртыш впадает небольшая речка Сибирка. В месте их слияния образовался мыс подчетыреугольной формы. С трех сторон городище, расположенное на террасе р. Иртыша, возвышающейся над поймой до 50 м, защищено практически отвесными склонами. С напольной стороны площадку городища защищал овраг, образованный слиянием двух оврагов, один – со стороны р. Иртыш, другой – р. Сибирки. Его ширина, по подсчетам С.У. Ремезова, составляла не менее 130 м. Наименьшая глубина составляла 15 м. Чтобы проехать на городище с напольной стороны, нужно было сначала по съезду, идущему вдоль западного склона оврага, спуститься на его дно и пересечь дополнительную препятствие – размываемую часть оврага (вероятно, здесь находился мост), а затем вдоль восточного склона подняться на городище [Белич, 2010 в, рис. 1].

Укрепления на городище, как показали исследования А.П. Зыкова [Зыков, 2015] и А.А. Адамова [2013 а], состояли из ряда рвов и деревянных сооружений.

При строительстве укреплений столицы Сибирского ханства пологий западный склон площадки городища срезали, после чего образовались две площадки городища: верхняя и неширокая нижняя. По краю этих площадок возводились деревоземляные укрепления из башен и тарасных стен [Зыков, 2015, рис. 1,3,4]. По дну оврага сброшенным вниз материковым грунтом был насыпан вал и сформированы небольшие рвы по его краям. По гребню вала располагались деревянные рогатки, а по восточному склону оврага – надолбы [Адамов, 2013 а].

На Искере А.П. Зыковым были исследованы два полуземляночных жилища, одно из которых было подквадратной формы со сту-

пенчатым входом, в углу располагался глинобитный чувал [Зыков, 1998, с. 23]. Тобольский краевед М.С. Знаменский на основании своих наблюдений при сборе находок с городища, сделал вывод о существовании отдельных участков городища, где в центральной части располагались дома зажиточных горожан; выделены им и участки, где располагались дома слуг и рабов, расположенные бессистемно, это постройки ремесленников: кузнецов, ювелиров, чеботарев, косторезов [Адамов, Балюнов, Данилов, 2008, с. 10, 11].

Посуда представлена изделиями из металла и глины. Большое количество фрагментов медных котлов (рис. 56,9) свидетельствует о том, что в Сибирском ханстве медная посуда преобладала. Медная посуда представлена фрагментами стенок котлов, петлями, крышками от кувшинов [История, 2014, цв. вкл. 17] и куполами от крышек – кубами. На Искере обнаружены и небольшие фрагменты бронзовых импортных чаш с геометрической и растительной гравировкой. Широко распространены на Искере и обломки чугунных котлов (рис. 56,7), с г-образным краем и небольшими овальными ручками [Адамов и др., 2006, рис. 1,19]. О том, что в быту у сибирских татар использовалась деревянная посуда, свидетельствуют медные пластинки-обкладки с мелкими медными гвоздиками (рис. 56,8) – такие обкладки использовали для починки лопнувшей посуды [Адамов и др., 2006, рис. 1,14].

Глиняная посуда не имела широкого распространения в Сибирском ханстве. Найдено всего несколько фрагментов от лепных глиняных горшков (рис. 56,13). Они украшены традиционным для сибирских татар орнаментом: отпечатками палочки, гребенчатого штампа и угла палочки, пальцевидными вдавлениями [Адамов и др., 2006, рис. 1,20]. Такая посуда была широко распространена на Верхней Оби [Адамов, 2002; Плетнева, 1990, рис. 6,1-3; 8-10], представлена в Барабинской лесостепи [Молодин и др., 1900, рис. 30; 32; 33], встречается в Приртышье [Матвеев, Татауров, 2012, рис. 2,6,7]. На Искере собраны и фрагменты посуды, изготовленной на гончарном круге. Но вопрос о времени и месте ее изготовления остается открытым. Фрагменты белого фарфора с синим орнаментом были собраны как М.С. Знаменским; такие же хранятся в фондах Тобольского музея-заповедника. Фрагмент белого фарфора, расписанного красной и зеленой краской, был обнаружен нами при раскопках в 2008 году.

Предметы бытового назначения представлены широким спектром изделий. Форма и размеры железных ножей не изменялись на протяжении, по крайней мере, периода с XII по XVI в. и выделить среди них изделий XV – XVI вв. не представляется возможным. Но большая часть обнаруженных на городище ножей (рис. 55,13,14), конечно же, использовалась сибирскими татарами. Это ножи с прямой спинкой и уступом для черенка рукояти, лезвие часто сильно сточено. Для заточки ножей применялись каменные точила (рис. 55,11), находки которых встречаются на памятнике [Овчинникова, 2014, рис. 11,3,5]. Известны на Искере и находки костяных рукоятей для ножей. Безусловно, к XV – XVI вв. относятся медные упоры и затыльники (рис. 55,12) для ручек ножей. Они применялись для удержания наборной рукояти ножа из берестяных пластин. Такая рукоять на морозе не остывает и не морозит кисть руки.

Достаточно частой находкой на Искере являются железные ножницы (рис. 55,19), большая часть из которых мало отличается от современных [История, 2014, цв. вкл. 18; Адамов и др., 2008, рис. 25, 19]. Известны на Искере и шилья с четырехугольным черешком и круглым острием. Найденные железные кресала представлены как овальными экземплярами [Адамов и др., 2008, 25,11], так и калачевидными [Адамов и др., 2008, рис. 25,12]. Для позднесредневекового времени более характерны калачевидные (рис. 56,10), хотя на Руси подобные кресала широко представлены на памятниках первой половины II тыс. н.э. [Седов, 2007, с. 278–280].

Применение при археологических исследованиях металлоискателя позволило обнаружить и железные иголки. Найден целый экземпляр иголки с ушком для нитки, длиной всего 4 см, а диаметром 0,1 см. Из других находок были выявлены и железные небольшие гвоздики с широкой шляпкой и коротким острием. Вероятно, подобные гвоздики служили для обивочных работ.

Обычной находкой на Искере являются детали и принадлежности деревянных сундучков. Прежде всего, это небольшие железные проволочные ручки (рис. 55,25). Одна такая ручка была обнаружена с пробоями (рис. 52) М.С. Знаменским. К деталям сундучков относятся подвижные петли для навесных замков и сами железные навесные замки (рис. 55,17,18). Замки, обнаруженные на Искере, двух типов: навесные и врезные. Навесные замки подтреугольной формы относятся к

XV – XVI вв. [Адамов и др., 2008, рис. 25,18]. В Белоруссии навесные замки треугольной формы датируются XVI – XVII вв. [Археология Белоруси, 2001, с. 273]. В коллекции М.С. Знаменского собраны и врезные замки (рис. 52), а также ключи к ним. Замки как медные, так и железные. Найденные поворотные ключи (рис. 55,16) также железные и медные [Адамов и др., 2006, рис. 1,5].

В культурном слое Искера встречено большое количество сапожных подковок. В коллекции Тобольского музея-заповедника их насчитывается 28 экз. [Адамов, 2002, с. 117], а М.С. Знаменский собрал 58 экз. [Tallgren A.M., 1917]. Проведенная классификация обувных подковок позволила сделать ряд наблюдений и выводов [Адамов, 2002]. По форме подковки подразделялись на округлые и приостренные. Первые крепились на каблук (рис.56,4) вторые на носок обуви (рис. 56,2). Основная часть подковок, крепившихся на каблук, накладные, на шипах. Только 2 подковки (из 15) – врезные. Проведенный анализ показал, что у населения Сибирского ханства преобладала обувь на широких каблуках, высокие и узкие каблуки были редкостью [Адамов, 2002 б, с. 119]. Уникальными, характерными только для Искера, являются приостренные ладьевидные подковки на носок обуви (рис. 55,1,3). Форма подковок говорит о том, что они предохраняли от снашивания загнутые носки сапог [Адамов, 2002б, с. 118]. Сапоги с приподнятыми носками, на низком и широком каблуке были основной обувью в Сибирском ханстве [Адамов, 2002 б, с. 121].

На Искере был обнаружен и кочеды (рис. 55,20), изготовленный из кости округлой формы с отверстием почти посередине, с приостренной формой рабочего края и заточенным на конус насадом, который свидетельствует о том, что изделие крепилось на деревянную рукоять [Адамов и др., 2008, рис. 25,14]. Близкие изделия встречаются на памятниках XV – XVII вв. Новосибирского Прибыя [Адамов, 2002а, с. 15] и могут квалифицироваться как развязыватели кожаных ремней.

На Искере был найден и небольшой размером 4,4 x 3,5 см, медный гребешок в двумя повернутыми головками животных (?) в разные стороны и циркульным орнаментом. Близкие гребни известны в Томском Прибые [Плетнева, 1990, рис. 46,20] и на р. Большой Юган [Семенова, 2005, рис. 42,2].

За последние годы в результате сборов с городища Искер была получена коллекция металлических пуговиц, безусловно, относя-

щихся к XV – XVI вв. Они нескольких типов. Небольшие медные цельнолитые (рис. 55,24): в Сибири подобные пуговицы известны из памятника Частухинский Урий [Семенова, 2005, рис. 52,2,3], могильника Ендырский 1 [Зыков, Кокшаров, 2001, рис. 62,1,2], Казюлинского курганного могильника [Плетнева, 1990, рис. 45,12,15-17; 46,16-18]. Пуговицы медные, полые, спаянные из двух половинок, часто орнаментированные (рис. 55,23). Аналогии им – из памятника Частухинский Урий [Семенова, 2005, рис. 44,10], могильника Ендырский 1 [Зыков, Кокшаров, 2001, рис. 57,1-4; 60,1-4; 62,3-10]. Найдена на Искере и серия небольших орнаментированных оловянных (?) пуговиц.

Обломки и целые металлические зеркала, собранные на Искере представлены в собрании М.С. Знаменского [История, 2014, цв. вкл. 17]. Но их датировка укладывается в золотоордынский период. Еще одно металлическое зеркало (рис. 56,11) с растительным орнаментом и четырьмя парами лебедей находится в коллекции Тобольского музея-заповедника [Адамов и др., 2008, рис. 26,14]. Аналогии подобного зеркала известны из Барабинской лесостепи [Молодин, 1979].

Из сборов с городища Искер происходит большое количество украшений. Прежде всего, накладки на пояс. Кожанный пояс был непременно атрибутом сибирских татар. Он сшивался из двух слоев кожи, пряжки были железные или бронзовые, пояс украшали накладными бляшками. Плоские бронзовые накладки на пояс с циркульным орнаментом встречены на Искере [История, 2014, цв. вкл. 17]. Стекланные и каменные бусы – частая находка на Искере [История, 2014, цв. вкл. 19], известны простые медные серьги в виде знака вопроса [История, 2014, цв. вкл. 19], медные и серебряные перстни и кольца [Адамов и др., 2006, рис. 1,19].

Вооружение и военное дело в Сибирском юрте, пожалуй, относится к одному из мало изученных вопросов. Защитное вооружение татарских воинов эпохи Сибирского юрта состояло из нескольких видов, и было широко распространено, о чем свидетельствуют, прежде всего, наконечники стрел, большая часть которых представлена наконечниками с выделенной узкой боевой головкой [Зыков, 2012 б, рис. 3], специально предназначенными для пробивания доспехов воинов. На Искере была обнаружена тонкая железная пластина чуть изогнутой формы размером 4,6 x 5,1 см. Пластина крепилась на основу с помощью 4 заклепок. Детали подобного доспеха – куйка –

изредка встречаются на территории Западной Сибири. Были распространены и кольчуги, или, как их называли на Руси, панцири. Они плелись из железных колец, как украшения использовались медные кольца. Обрывки кольчуг и отдельные кольца были обнаружены на Искере. В раскопе 2008 года найден фрагмент из 8 плоских медных колец диаметром 1,4 см и толщиной до 0,1 см, скрепленные железными гвоздиками (рис. 56,5ё).

Основным видом вооружения татарско-го воина был лук со стрелами. Луки составные, клеенные из нескольких пород дерева, иногда их усиливали костяными или роговыми накладками. Тонкая пластина из кости, размером 24,1 x 2 см, была обнаружена при археологических исследованиях на Искере. Правда датировка и назначение пластины еще нуждаются в уточнении.

Стрелы снабжались железными и костяными наконечниками. Основным видом железных наконечников стрел, как показывают находки на Искере, были плоские проникатели, подразделявшиеся на ряд типов: боеголовковые с выделенной ромбоидальной остроугольной боевой головкой на длинной, округлой в сечении шейке (рис. 55,1-3); ромбические с широким плоским пером; двурогие с плоским широким пером и острием с двумя зубцами (рис. 55,5); удлинённо-треугольные. Стрелы с наконечником первого типа способны поражать тяжеловооруженных воинов, наконечники других типов и костяные применялись на охоте. О том, что у сибирских татар наряду с железными были распространены и костяные наконечники (рис. 55,6–9) свидетельствуют позднесредневековые могильники Барабы [Молодин и др., 1990, рис. 44–47]. Устоявшиеся типы наконечников стрел, возникших еще в золотоордынскую эпоху и просуществовавших до XVIII в., не позволяют выделить сейчас из имеющихся наконечников с Искера проникатели исключительно XV – XVI вв. Это наблюдение относится и к костяным наконечникам. Наконечники стрел хранили в колчанах. На Искере был обнаружен обломок костяной колчанной петли (рис. 55,10), украшенный циркульным орнаментом [Адамов и др., 2006, рис. 1,8].

Татарский воин эпохи средневековья – это, прежде всего, всадник. В снаряжение всадника входили железные удила. Кольчатые удила, обломки грызел и железные кольца известны среди находок с Искера (рис. 56,12). Седла были деревянными и поэтому не сохранились. Но на Искере известны их металли-

ческие составляющие: многочисленные подпружные пряжки, отличающиеся от поясных своими размерами, накладки на луку седла, служившие для украшения, седельные кольца, железные обивочные гвоздики.

У разных групп сибирских татар в хозяйственной деятельности, в зависимости от природных условий, преобладали различные составляющие. Для центральных районов Сибирского ханства в XV – XVI вв. одним из основных видов хозяйственной деятельности являлось скотоводство. В стаде преобладали лошади, разводили крупный рогатый скот, в меньшей степени мелкий рогатый скот [Косинцев, 2010, с. 243,244]. Это количественное соотношение доли скота в стаде сохраняется в некоторых населенных пунктах и в настоящее время, что мы смогли наблюдать, проводя археологические исследования близ с. Бегишевское в Вагайском районе Тюменской области в 2014 году. Другой важной частью производящего хозяйства у сибирских татар являлось земледелие. Сеяли, в основном, неприхотливые культуры, дающие высокие урожаи. Промывка культурного слоя Искера, проведенная П.А. Косинцевым, показала наличие зерен трех видов культурных злаков – овса (*Avena sativa*) (голозерного?), ячменя (*Hordeum vulgare*), пшеницы мягкой (*Triticum aestivum*) [Зыков, 2013, с. 142]. Земледелие было пашенным. На Искере был найден железный наральник [Зыков, 2013, рис. 1,1]. По форме он близок к наральникам, обнаруженным на памятниках XII – XIV вв. в Тобольского Прииртышья, отличаясь, судя по рисунку М.С. Знаменского, только своими значительными размерами.

Посевы жали в основном железными серпами или деревянными орудиями, которыми срывали колосья ячменя и овса так, что солома оставалась на земле. Железные серпы были обнаружены на Искере М.С. Знаменским [Зыков, 2013, рис. 1,2-4]. Урожай, возможно, хранили вблизи пашен на специально устроенных конструкциях из дерева. Вот как их описал И. П. Фальк: «На возвышенном твердом месте вкапывают 4 столба так, чтобы они отстояли от земли на 3 фута в высоту, а потом связывают их брусьями и делают таким образом четырехугольник длиной в 4 и шириной от 2,5 до 3 сажени. На брусья кладут жерди, для пшеницы и ржи прямо, а для ячменя и овса накрет, и так часто, как решетина» [Фальк, 1824, с. 391]. Орудиями переработки зерна являлись или деревянные ступы, или ручные каменные жернова. Целый экземпляр

такого жернова и обломки других были обнаружены на Искере [Зыков, 2013, рис. 2,4,5]. Правда, вопрос о датировке этих жерновов остается открытым.

Кроме производящих отраслей были развиты, особенно в южно-таежных районах, и присваивающие. На охоте широко применялся лук со стрелами, различные ловушки и петли. Развитой была и охота с собакой, кости которых – частая находка на Искере [Косинцев, 2010, табл. 1]. Как показывают определения костей животных с городища Искер, охотились в основном на лосей и косуль, из птиц – на глухарей. Кости других животных – северного оленя, медведя, волка, лисицы, зайца – встречены в единичных экземплярах [Косинцев, 2010, табл. 1].

Реки и озера Западной Сибири издавна славилась обилием и разнообразием рыбы. О том, что татары ловили рыбу, свидетельствуют не только письменные источники, но и археологические. На Искере было найдено скопление рыбьей чешуи [Овчинникова, 2014, с. 183]. Была обнаружена железная острога, которой ловили рыбу в неглубоких водоемах и старицах после спада воды [Пигнатти, 1915, табл. IV,6]. Рыбу ловили и ночью с лодок, используя свет костра. Для зимней ловли использовали самодовы с железными крючками (рис. 55,21). Лунки для подледного лова долбили железными пешнями [Овчинникова, 2014, рис. 11,1].

Важное место в жизни столицы Сибирского ханства занимала торговля. Купеческие караваны из Бухары, других районов Средней Азии постоянно приходили в Сибирь. Товары везли на верблюдах, кости которых найдены в культурном слое Искера [Косинцев, 2010, с. 245,246]. Купцы привозили материю, шелк, фарфор, изделия из металла, серебряные украшения, металлические зеркала, стеклянные и каменные бусы. На Искере найдены бронзовые коромысло (рис. 52) и гирьки от весов. Многочисленные находки с Искера свинцовых западноевропейских пломб [Адамов, 2015 а, рис. 1,2] свидетельствуют о массовых поставках иноземных товаров (в частности, из Германии). Здесь, надо полагать, тюки с различными товарами вскрывались, и в дальнейшем осуществлялась розничная торговля [Адамов, 2015 а, с. 298]. Отсюда купцы увозили меха, мамонтовую кость, изделия местных мастеров, ловчих птиц.

Широкие торговые операции нуждались в денежном обращении. Из письменных источников известно, что Шибанид Абулхайрхан осуществил, по крайней мере, два выпуска

монет: в 1429/30 г., после подчинения Чимги-Туры, и в конце 1440-х г., после разгрома правителя Большой Орды Ахмад хана и захвата его кочевой ставки Орду Базара. Однако прямых доказательств этому нет. Проведенная А. Г. Нестеровым атрибуция ряда монет и попытка выделить среди них монеты, чеканенные в Сибири [Несторов, 1994], вызвали серьезное возражение [Бустанов, 2009 а, с. 60, 61].

Сборы и археологические исследования XIX – XX вв. привели к обнаружению в центральном районе Сибирского юрта, только двух восточных монет XV – XVI вв. – дирхема И. Н. Бутакова [Протокол ..., 1915, с. 6] и монеты, обнаруженной Б. Б. Овчинниковой [Овчинникова, 2014, с. 187]. Только применение металлоискателя при сборах на отдели Иртыша (у городища Искер) позволило выявить значительное количество монет. Найденные первые три восточные монеты были определены А. В. Пачкаловым как «позднейшечидская серебряная монета (середина или вторая половина XV в.) и две медные среднеазиатские монеты второй половины XV – начала XVI в. (одна из них чеканена в Самарканде)» [Пачкалов, 2011, с. 40]. Однако наши находки не ограничили только тремя монетами. Всего на городище Искер было обнаружено три серебряных и, по крайней мере, семнадцать медных монет [Адамов, 2015 в].

Эти находки противоречат всем выводам, сделанным ранее как нами, так и другими исследователями. При этом двадцать монет были найдены нами на узкой полосе разрушенного культурного слоя городища, который относится уже к самой его периферии. А значит, таких монет в культурном слое городища были сотни, если не тысячи. И это только потерянные или намеренно спрятанные монеты.

Кроме восточных монет на городище были найдены и серебряные монеты Ивана Грозного. Три из них были обнаружены в раскопе и 50 – в осыпи на берегу Иртыша. Когда были найдены первые русские монеты, логично было предположить, что они потеряны казаками Ермака. Однако огромное количество таких монет, найденных на узком участке берега, доступном для поиска, в культурном слое городища, монеты, собранные М. С. Знаменским (а он нашел их без помощи металлоискателя) [История ..., 2014, дв. вкл. 17], наличие среди них 4 монет с отверстиями для пришивания на одежду – все это говорит о широком хождении русской монеты в Сибирском ханстве задолго до похода Ермака.

Таким образом, нужно отметить, что, судя по нумизматическому материалу городища Искер, в Сибирском юрте (по крайней мере, в столичном городе) было довольно развито денежное обращение. В обращении были как восточные, так и русские монеты, обслуживавшие торговые операции. То, что монеты использовались для денежных операций, а не как предметы для украшения местных красавиц, свидетельствует весьма низкий процент монет как восточных, так и русских, имеющих отверстия. Из 77 учтенных нами монет только у 6 имеются дырочки, говорящие, что они использовались в качестве украшений.

Итак, имеющиеся материалы достаточно полно характеризуют Искер как столичный город. Бесспорно, он являлся главным адми-

нистративным, политическим и духовным центром Сибирского ханства. Город включал обширную территорию, на которой проживали, по крайней мере, многие сотни жителей, оставившие мощные культурные отложения. Сюда осуществлялись оптовые поставки товаров из дальних стран, здесь производилась ремесленная продукция, предназначенная для торговли с севером. Для обслуживания оживленной торговли использовались как восточные, так и русские монеты. На сегодняшний день в Сибирском ханстве только Искер мы можем назвать настоящим городом [Адамов, 2013 б], именно он являлся объединяющим центром обширного государства в Сибири.

6.4. ГОРОДА И ГОРОДКИ

Кроме трех «столиц» в тюрко-татарских государственных образованиях Западной Сибири в XV–XVI вв. существовало много других городов и городков. Мы ответим на следующие вопросы: сколько их было, где они располагались, что из себя представляли, что из себя представляют сейчас? А также расскажем о результатах археологических исследований некоторых из них.

Сколько их было?

С одной стороны, известно, что Г.Ф. Миллер только в двух округах – Тобольском и Березовском – насчитывал более 100 «городков» угро-самодийского и тюркоязычного населения XIV – XVI вв. [Миллер, 1937, с.335]. В.И. Соболев писал о том, что «если учесть, что границы сибирских государственных образований включали и другие территории, то количество этих «городков» значительно возрастает» [Соболев, 2008, с. 226]. С другой стороны, К.Н. Сербина, автор «Карты Сибири XVI–XVII вв. (до 1618 г.)», подготовленной к изданию первого тома «Истории Сибири» Г.Ф. Миллера, нанесла в пределах Сибирского ханства только 29 городков татар, хантов и манси [Сербина, 1937б]. На «Схеме расположения памятников населения сибирских ханств», которую В.И. Соболев подготовил к своей докторской диссертации, этих городков 55 [Соболев, 2008, с. 62–63]. Современные этнографы упускают, но не показы-

вают на картах-схемах, порядка 50 укрепленных поселений в Сибирском ханстве [Томилов, 2005; Тычинских, 2010 б, с.54]. Наименования городков у исследователей разнятся. Авторы помещают эти городки совершенно в разных местах. По этой причине целью нашей работы стало упорядочение сведений о городках населения Сибирского ханства. В ряде случаев нам удалось соотнести легендарные объекты с известными памятниками археологии. Однако процесс этот еще не завершен и требует помощи коллег-археологов.

Мы свели воедино исторические сведения о местонахождении городов и городков (Приложение №1). Источниками для составления таблицы стали сибирские летописи [Сибирские летописи, 1907], а также известные произведения С.У. Ремезова [Дергачева-Скоп, Алексеев, 2006; Remezov, 1697-1711], Г.Ф. Миллера [Миллер, 1734; 1740; 1741], И.П. Фалька [Фальк, 1824], Хади Атласи [2005] и З.А. Тычинских [2010 б].

Наибольшую известность в литературе приобрели укрепленные поселения, которые в конце XVI века были атакованы отрядами атамана Ермака и впоследствии попали на страницы сибирских летописей. Городки, расположенные в восточной части Сибирского ханства, отражены в письменных источниках в меньшей степени. Летописи не содержат информации о Городке Кучумова брата на реке Туре, Черном городке и городке Тунус в Омском Прииртышье, сведения о которых

сохранились в отписках сибирских воевод. И.П. Фальк во второй половине XVIII в. описал в Барабинской степи остатки города Тон-Туры, который был «столицей некоего хана» [Фальк, 1824, с.341]. Позднее В.П. Левашева указала на то, что в городе жил наместник Кучума – Буян-Бий [Левашева, 1950, с.348]. Г.Ф. Миллер писал, что «в Томском уезде были населенные татарами укрепленные места, или так называемые городки, которые должны были служить защитой от калмыков.... неподалеку от города Томска, на острове на реке Томи, лежал Тоянов городок» [Миллер, 2000, с.106].

З.А. Тычинских считает, что большинство городков были резиденциями местной улусной знати. Располагаясь на стратегически важных рубежах ханства, они были снабжены надежными оборонительными сооружениями [Тычинских, 2010 б, с.55]. Вместе с тем мы полагаем, что функционал и статус населенных пунктов различался. Еще В.И. Соболев писал, что «большинство советских исследователей, как и русские историки, городами считают те населенные пункты, которые под этим термином зафиксированы в источниках» [Соболев, 2008, с.232]. Из имеющегося у нас перечня городов и городков мы выделили те, которые в источниках называются «городами», а также те, которые содержат в своем названии тюркское слово «тура» или арабское «кала» - город: «Город Кучумова брата», Тархан Кала, Явлу-Тура, Акцибар-кала, Город опасный есаула Альшая, город большого зборного князя Демайна, город Табура, старинный город Чубар-Тура, Кызым-Тура, Бичек-Тура (Бичик-Тура), Сусган (Сузгун-Тура), город князца Самара, Зубар-Тура, город мурзы Чангулы (Тунус), «заставный город на холме Ятман», Тон-Тура. Таким образом, кроме трех столиц в Сибирском ханстве было известно около 15 городов.

Где они располагались?

При помощи поисково-информационного картографического сервиса «Яндекс.Карты» мы создали активную карту «Города и городки Тюменского и Сибирского ханства» <https://maps.yandex.ru/?um=constructor:z1JGw41CeHv5ejPff0csCeOhh-Frbpa8&source=constructor>, на которой обозначили места нахождения более 60 городов и городков⁵. В настоящем издании приводим ее печатный вариант на слое «схема» (рис. 57).

5 Места нахождения объектов локализовали на основании имеющегося корпуса письменных и изобразительных (карты, чертежи) источников XVII –

Города и городки по реке Туре от верховий к устью

1. **Епанчин городок.** О реальном существовании этого укрепленного поселения говорить трудно. Он присутствует на страницах «Истории Сибири» Хади Атласи, в работах современных авторов [Атласи, 1994, с.134]. С.У. Ремезов в «Истории Сибирской», рассказывая о походе атамана Ермака по реке Туре через земли первого князя Епанчи, писал о том, что юрт его был там, где «идеж ныне Епанчин Усениново острог» [Дергачева-Скоп, Алексеев, 2006, с.123]. И ни слова о городке. Село Усениново и в настоящее время располагается на прежнем месте, в 17 км на запад от г. Туринска Свердловской области. Между этими населенными пунктами и находились в конце XVI в. по правому берегу реки Туры владения Епанчи. Г.Ф. Миллер и последующие историки писали о том, что юрт Епанчи находился там, где расположен город Туринск, а у Усениново состоялся первый бой. Однако и «отец сибирской истории» прямо не называл сожженное казаками поселение Епанчи городком [Миллер, 1937, с.221]. В Есиповской летописи по Погодинскому списку прямо сказано: «...и догребли до деревни до Епанчина, что ныне словет Туринский острог» [Сибирские летописи, 1907, с.276].

2. **Город,** принадлежавший «Кучумову брату» был следующим населенным пунктом на реке Туре, который миновали казаки атамана Ермака. Место его расположения упоминается в «Грамоте царя Бориса Федоровича в Туринск голове Федору Офанову о подведомственности ему ближних юртов и о заведении

XX вв. Большую помощь нам оказал картографический сервис Google Maps. На его странице существует функция «показать рельеф», что в целом ряде случаев упростило нам поиск высоких точек ландшафта, к которым в основном были приурочены укрепленные поселения тюрко-татарских государственных образований Западной Сибири. Опыт, приобретенный автором в ходе комплексной экспедиции «Омичи – Сибири» Омского регионального отделения Русского географического общества в 2012 году в Тюменской и Омской областях, помог осмысленно подойти к современной гидрографической ситуации рек Тура, Тобол, Тавда, Иртыш, Ишим, Вагай и «искать» городки с учетом возможных изменений русел за прошедшие 450 лет. В большинстве случаев нам не удалось установить точное место расположение остатков легендарного городка. Однако мы смогли локализовать территорию, на которой он находился или находится, если не был уничтожен в результате природного или антропогенного воздействия.

там пашни вместе уплаты ясака» 1601 г.: «от острогу (Туринского – А.М.) к Тюмени юрт Ебарков, от острогу верст с 5, поле десятин с 60, юрт Нагаев, юрт Аккана, юрт Небольсин, что было городище Кучюмова брата, юрт Берсегенев, юрт Девлетев, юрт Кабачин, и всего пашенных 12 юртов, да 2 юрта пашенных, и обоего 14 юртов» [Миллер, 1937, с.393]. На листе 50 «Хорографической книги Сибири» С.У. Ремезов на левом берегу р. Тура у места впадения в нее реки Аргамы изобразил городище (рис. 58). Оно располагается между стоящими на другом берегу реки Тура современными деревнями Молчаново и Коняшина Тюменского района Тюменской области [Remezov, эл.вариант]. Пока говорить о соответствии сведений письменного источника и листа карты С.У. Ремезова рано, однако они оба указывают на наличие на реке Туре городка.

3. Киньрский городок упоминается в трудах Г.Ф. Миллера: «Киньрцы же – первоначальные обитатели местности выше Тюмени по реке Туре, на северном берегу которой, в 13 верстах ниже устья реки Ницы, у них было укрепленное местечко, называвшееся Киньрским городком, который в позднейшее время совершенно исчез» [Миллер, 2000, с.15]. В другом месте Г.Ф. Миллер уточняет, что в 5 верстах ниже Киньрского городка в Туру с южной стороны впадает река Липка [Миллер, 2000, с.36]. Эти ориентиры определяют местонахождение Киньрского городка в пространстве между деревнями Городище и Шадринка Слободотуринского района Свердловской области. Поиски городка следует вести по коренной террасе левого берега реки Тура, принимая во внимание тот факт, что в конце XVI века ее течение могло проходить по современным старицам (оз. Каиново, оз. Подворное).

4. Город Чингида (Чимги-Тура/Чимги-Тура) состоял из трех частей, называвшихся «Царево городище», «Большое городище», «Малое городище» [Белич, 2009, с.393]. Культурные слои Чингиды лежат на значительной территории современного центра города Тюмени, ограниченной улицами Фридриха Энгельса, Герцена, Камышенской, Чернышевского, Восточной, Нагорной). Г.Ф. Миллер наблюдал «следы старой тагарской резиденции», которая находилась между двумя буераками Тюменки [Миллер, 1741, эл.вариант]. Это было «Царево городище». В 1950 г. его культурные слои были поставлены на учет как памятник археологии «Царево городище» [Измер, Молявина, 2005, с.153]

(на мысу, ограниченном улицами Фридриха Энгельса и Коммуны). В 2007–2009 гг. раскопки на территории памятника проводила Т.Н. Рафикова [Рафикова, 2010; 2011].

5. Чубар-Тура на реке Нице располагался, по сведениям Г.Ф. Миллера, «на возвышенности южного берега реки Ницы, в 68 верстах от ее устья». Позже местонахождение городка было названо Чубаровым городищем. В 1627 г. в 12 верстах от него была устроена Верхне-Ницынская слобода. В 1633 г. в 14 верстах от Чубарова городища вверх по реке Нице на южном берегу была основана Киргинская слобода [Миллер, 2000, с.88]. В настоящее время на месте городка находится село Чубаровское Ирбитского района Свердловской области.

Города и городки на реке Тобол от верховий к устью

6. Явлу-Тура располагался на месте современного города Ялуторовска. Остатки города впервые в 1658 г. осмотрели тюменские пашенные крестьяне Петрушка Ульянов и Елеська Гилев, а Тюменский воевода Федор Веригин описал их в своей «Отписке» царю Алексею Михайловичу: «...а где государь быть твоей великой государя слободе и острогу крепости тому Явлутуру городку, обошла с двух сторон Тобол река, а с третьей сторону озеро болшее Чат, от того, государь, озера с четвертую сторону того городка выкопаны два рва глубокие, мерою глубина по три сажени (6,39 м – А.М.), и меж теми рвами вал земляной и до Тобола реки, а въезд в тот городок одним местом дорогою через те рвы и вал земляной, а водяной звод в тот городок рвом от Тобола реки, а окроме де, государь, того въезду в тот городок въехать никоими мерами нельзя; а того де, государь, городка в длину семьдесят сажень, а поперек пятьдесят сажень; а под скотский де выпуск ниже того городка луг подле Тоболе реку версты на две и болши ...» [Дополнения к актам, 1851, с.152]. В 1861 г. остатки городка описал в Известиях Императорского Русского географического общества Н.А. Абрамов. «Местность города была длиною в 70, а шириною в 50 сажень (149х106,5 м. – А.М.). Она с двух сторон была окружена водою Тобола, с третьей – находилось озеро Чать, с четвертой – два рва, глубиною в три сажени, а между ними – земляной вал до р. Тобола. Для въезда в это укрепление была одна дорога – через рвы и вал, а водою через ров от Тобола» [Абрамов, 1861, с.222].

В конце XIX в. на памятнике побывал и составил его описание В.М. Флоринский [1894, с.236]. В монографии «Археологическое наследие Тюменской области» говорится о том, что степень сохранности укреплений и культурного слоя Ялуторовского городища неизвестна [Археологическое наследие, 1995, с.58].

7. «Тарханский пограничный городок» располагался на реке Тарханке – правом притоке реки Тобол. В 1628 г. рядом с ним был основан русский Тарханский острог. Располагался городок в промежуток между нынешними населенными пунктами Юртобор и Карбаны Яркового района Тюменской области. С.В. Бахрушин писал, что «несколько выше устья Туры стоял «заставный Кучумов городок», на месте которого на холме Ятман видны следы поселения» [Бахрушин, 1937 б, с.476].

8. «Укрепление на холме Цытырлы» было осмотрено И.Я. Словцовым в конце XIX века: «Близ впадения Туры в Тобол, около Карабанских и Тарханских юрт лежат два песчаных холма, в которых находят некоторый древности; один из них ближе к берегу, татары называют Цытырлы, а другое Ятман» [Словцов, 1890, с.7].

9. **Акцибар-кала.** И.Я. Словцов писал: «Около Варваринских юрт, в полуторах верстах на берегу реки Варваринки лежит городище, называемое Акцибар-кала. Вал его, имеющий в плане форму круга, высотой не более 2-х аршин (1,4 м – А.М.). Площадь внутри вала имеет 38 сажень (81 м – А.М.) в поперечнике. К северной и южной сторонам вала примыкают два пригорода, так же окруженные валом и рвом. Все городище внутри и снаружи, на полверсты по берегу Варваринки, изрыто глубокими ямами. В них, кроме обломков гончарной посуды, найдены несколько глиняных изделий, похожих на рыболовные кибасы, и небольшая лейка для плавления металлов» [Словцов, 1890, с.7–8].

10. «Кучумова есаула Алышная сторожевой городок» располагался на р. Тобол в урочище Караульный яр [Дергачева-Скоп, Алексеев, 2006, с.147]. Искать его следует в окрестностях села Караульнор Яркового района Тюменской области. Как раз севернее его находится устье реки Тавды, о котором в тексте «Истории Сибирской» далее упоминал С.У. Ремезов.

11. Город Карачин прекрасно изображен на миниатюре «Истории Сибирской» С.У. Ремезова [Дергачева-Скоп, Алексеев, 2006, с.157-158]. Он расположен на восточном

берегу старицы реки Тобол, ныне являющейся озером Карачинским, на берегу которого стоит село Карачино Тобольского района Тюменской области. Город неоднократно был изображен на страницах «Истории Сибирской» С.У. Ремезова (рис. 59). Г.Ф. Миллер писал, что «В этой местности на одной возвышенности еще сейчас видны следы бывшего татарского укрепления, где во времена сибирского хана Кучума жил знатный татарский мурза по имени Карача» [Миллер, 1741, эл. вариант, л.3]. Археологические изыскания 1982–1983 гг. С.Г. Пархимовича [Пархимович, 1986], 2014 г. Т.А. Алиевой и Н.П. Матвеевой не выявили на берегах озера и на территории с. Карачино культурный слой татарского городка конца XVI века [Алиева и др., 2014, с.6–10]. Поиски города Карачина, совершенные в 2012 году членами Омского регионального отделения Русского географического общества в Тюменской области в ходе комплексной экспедиции «Омичи – Сибири», также успеха не имели.

Города и городки ниже по течению реки Иртыш от устья Тобола

12. **Бицник-Тура,** в котором жил мурза Девлетим Бай [Дергачева-Скоп, Алексеев, 2006, с.130], находился на территории современного города Тобольска, за речкой Курдюмкой, на Панином бугре (в створе улиц Алябьева и Казачья). И.Я. Словцов в 1890 г. отмечал, ссылаясь на М.С. Знаменского, что городище совершенно уничтожено [Словцов, 1890, с.8]. А.А. Адамов, И.В. Балюнов и П.Г. Данилов также пишут о том, что все наземные признаки городища полностью уничтожены [Адамов, Балюнов, Данилов, 2008, с.31].

13. **Сузга-Тура.** Располагался на правом берегу р. Иртыш, в 5 км от северной окраины г. Тобольска, занимаая верхнюю площадку сопки Сузгэ-Тура («Лысая гора»). Сопка являлась громадным останцом высотой около 70 м с очень крутыми склонами. На его вершине располагались городище, укрепленное двумя рядами оборонительных рвов. Жилища были представлены остатками многочисленных землянок. В 1882 г. на городище работал К.М. Голодников. В 1890 г. И.Я. Словцов писал: «Городище Сузгун в 8 верстах от Тобольска, близ деревни Алемасовой, на чрезвычайно высоком живописном холме» [Словцов, 1890, с.9]. Под № 1 этот городок отметил на своей карте М.С. Знаменский. Он располагался на левом берегу реки Сузгунки⁶ (рис. 60). В 1948 г.

⁶ Выражаю благодарность А.А.Адамову за

на городище работал В.Н. Чернецов. Верхний горизонт культурного слоя содержал находки XIII–XIV веков. В конце 1960-х гг. городище было полностью уничтожено при строительстве железнодорожного моста через Иртыш [Адамов, Балюнов, Данилов 2008, с.33].

14. «Крепкий татарский городок» в устье р. Аримзянка упоминается и в «Ремезовской летописи» и в «Истории Сибирской краткой Кунгурской». В последней прямо сказано: «1582 года 5 марта послал Ермак в низовья Иртыша в Демьянские и Назымские крепости и в волости пятидесятника Богдана Брязгу с пятьюдесятью человеками...И приехав в ближнюю Аримзянскую волость, острожек укрепленный с боем взял» [Дергачева-Скоп, Алексеев, 2006, с.248]. Совсем недалеко от города Тобольска, ниже по течению реки Иртыш у села Панушкова Тобольского района Тюменской области расположено устье искомой реки. Однако устье это современное. Окружающий ландшафт говорит о том, что русло Иртыша здесь неоднократно менялось. По этой причине поиск городка следует вести по правобережной террасе р. Аримзянка от с. Абрамово до современного устья.

15. **Тургасское городище**, где казаки вновь вступили в бой, располагалось в районе устья правого притока реки Иртыш – реки Туртас. Устье реки Туртас находится сейчас в Уватском районе Тюменской области. Оно расположено как раз ниже по течению от села Надцы, которое во времена Ермака было центром Надцынской волости, без боя покорившейся ермаковцам. Поиски Тургасского (Туртасского) городища следует вести не в районе современного устья реки, а на продолжительном участке ее низовий, поскольку современная гидрография Иртыша и Туртаса здесь сложна для понимания ситуации конца XVI века. Г.Ф. Миллер остатков Туртасского городища не обнаружил [Миллер, 1937, с.241].

16. Город князька Демаяна «большой и укрепленный, а в нем в месте 2000 татар, и вогулов и остяков». Согласно «Истории Сибирской краткой Кунгурской» к городку казаки «пристали по три дни, не могли попасть в крепость горы». Г.Ф. Миллер искал остатки городка и по этому поводу сообщил, что «В устье реки Демьянки, где теперь находится село Демьянский ям, не выдать никаких следов старого остяцкого укрепления. По имени же Романа названа остяцкая деревня, находящаяся в 30 верстах ниже Демьянки. Так как против этой деревни на восточной стороне

возможность познакомиться с картой М.С. Знаменского.

реки Иртыша, на горе, можно видеть остатки какого-то старого остяцкого укрепления, то, я думаю, что это и есть старый Демьянский городок. Остязки называют теперь это место Чукас. Среди окружающей изменности это отдельно стоящая гора, которая не имеет никакого соединения с остальным высоким восточным берегом Иртыша, где горы значительно отошли от реки...у подножья она имеет в окружности около двух верст, а в высоту около 30 и более саженей (64 м – А.М.)» [Миллер, 1937, с.243].

И здесь «отец сибирской истории» всех здорово запутал. Самой положительной точкой ландшафта в этом районе действительно является крупный останец, расположенный в 19 км на северо-восток от окраины с. Демьянское Уватского района Тюменской области, на северном берегу старицы Иртыша, имеющей несколько наименований (Подчугасная протока, ручей Межевой, озеро Чугасный сор). Останец ориентирован по линии ЮЗ-СВ, имеет длину 1,4 км, ширину 750 м. В 1888 г. С.К. Патканов осмотрел в этом месте городище у деревни Власово (Глядень) [Гордиенко, 2009, с.87, 91]. Однако его датировка нам не известна.

Вместе с тем этот останец Чугас с городищем не может быть городом князя Демаяна, поскольку после него, согласно «Истории Сибирской краткой Кунгурской» дружина казаков, сплавляясь вниз по Иртышу, посетила Рачево городище. Городище же Рачево обозначено на листе 71 «Хорографической чертежной книги». Оно находится выше по течению от урочища Чугас [Remezov, 1697–1711, эл.вариант].

В 1982 г. А.В. Расторопов обнаружил и обследовал в окрестности села Демьянское городище Малый Яроч. Памятник занимает небольшой останец в правобережной пойме р. Иртыш, в 1,7 км вверх по течению от места впадения в нее р. Демьянка.

В 2006 г. Л.В. Карачарова (Носкова) осмотрела городище, составила описание его современного состояния, произвела сборы подъемного материала – фрагменты русской керамики, монеты, натальные кресты и др., в основном датированные XVI–XVIII вв. Этот факт позволил ей предположить соответствие городища Малый Яроч летописному Городу князя Демаяна [Карачарова, 2006]. В 2006 году высота останца над уровнем воды в реке Иртыш составляла около 15 м, высота откоса – до 10 м. По краям останец был нарушен карьером, с СЗ стороны он размы-

вался рекой Иртыш. Останец имеет трапециевидную форму с рваными краями, вытянут по линии ЮЗ-СВ, линейные размеры составляют около 100 м по линии ЮЗ-СВ и 33 м по линии СЗ-ЮВ. Ориентировочная площадь памятника составляет около 2 га, в нее, помимо самого останца площадью 1688 м², включена прилегающая территория, в том числе берег реки, где был собран подъемный материал. Карьерами разрушена значительная часть памятника, судя по всему, снесена часть площадки и все оборонительные сооружения. В многочисленных обнажениях отчетливо виден культурный слой, с западной стороны его мощность составляет около 40 см, с ЮВ стороны культурный слой городка перекрыт более поздними слоями – деревни или карьера [Носкова, 2007, с. 17].

17. **Рачево городище.** Г.Ф. Миллер не пишет о своих поисках городка. В его путевых дневниках присутствует лишь следующая запись: «Несколько ниже Демьянского яма находятся остяцкие Рачевы юрты и дальше от них, вниз по течению, впадает в Иртыш речка Рачевка. Все эти названия произошли, несомненно, от имени находившегося в этих местах идолоа Рача» [Миллер, 1937, с.244]. С.У. Ремезов указал на 71 листе «Хорографической книги Сибири» Рачево городище. В 1888 году С.К. Патканов лично осмотрел городище в районе нежилой деревни Рачева [Гордиенко, 2009, с.87, 91]. Мы предполагаем, что остатки городка следует искать на высокой правобережной террасе реки Иртыш в районе д. Рачево. Уточнить местонахождение Рачева городища помогут путевые заметки Н. Спафария [Спафарий, 1675, эл.вариант].

18. **Нарымский городок** располагался согласно Кунгурской летописи на Иртыше, выше реки Цингалы. С.У. Ремезов в «Истории Сибирской» называет его «Назымским городком» [Дергачева-Скоп, Алексеев, 2006, с.185]. В своем путевом дневнике 1740 г. Г.Ф. Миллер писал: «Немного выше Цингалских юрт на западном берегу (Иртыша – А.М.) имеется высокая гора, вокруг которой в старое время протекал вышеуказанный старый рукав р. Иртыш. Цингалское Старое городище, бывшая прежде остяцкая крепость на вершине предыдущей горы. От нее еще видны следы» [Миллер, 1740, эл.вариант, с.73]. В настоящее время к южной окраине д. Цингалы Ханты-Мансийского района Тюменской области примыкает высокий останец 2,5х1,2 км, на котором следует искать культурные слои Нарымского городка. Именно здесь в

1888 году С.К. Патканов обнаружил городище [Гордиенко, 2009, с.87, 91].

19. **Колпуховская крепость** располагалась в районе Колпуховских юрт, которые Г.Ф. Миллер в 1740 г. зафиксировал примерно в 11 верстах ниже по течению от деревни Батова (ныне село Батово Ханты-Мансийского района ХМАО). Место их расположения зафиксировал ранее и С.У. Ремезов. Однако никакого городка в этом районе оба исследователя не нашли [Миллер, 1740, с.73]. Н. Спафарий тоже не упоминает ни о каком городище. Может быть потому, что оно находилось на значительном удалении от русла Иртыша, на восточном берегу протоки Гришкиной. Именно здесь С.К. Патканов обнаружил и осмотрел некое городище [Гордиенко, 2009, с.87, 92].

20. **Городок Самар**, к которому казаки подплыли вплотную протокой. В 1675 г. Н.Г. Спафарий писал: «А Самаровский ям потому словет, что был Остяцкий князь в том месте, имянем Самары, так же и городок выкопан на высоких горах и шанцы по се время видятся» [Спафарий, 1675, эл.вариант]. Г.Ф. Миллер описал местонахождение этого городка, который он посетил в 1740 г. «Эти горы с давних пор называются по-русски Самаровыми горами, поскольку на них остяцкий князец по имени Самар, который жил во времена русского завоевания Сибири, имел свою резиденцию в маленьком укреплении. От упомянутого старого остяцкого укрепления еще очень отчетливо видны следы. Оно расположено в 1 версте выше указанной маленькой протоки Быстрой, недалеко от берега реки Иртыша, на самом вершине горы, высота которой, пожалуй, равна 30–40 сажням (65–85 м. – А.М.) и которая очень крута со всех сторон, так что попасть сюда можно не иначе, как с величайшими усилиями. Кроме того, эта вершина горы еще несколько подсыпана с тем, чтобы создать для пункта плоскую круглую площадку, размеры которой, однако, не превышают 10 сажней (21 м. – А.М.) в поперечнике, и, следовательно, она могла служить при вражеских нападениях для безопасности лишь местной знати. И действительно, здесь видны следы лишь двух бывших здесь остяцких жилищ, состоящие из ям, которые служат свидетельством того, что здесь стояли хижины, которые и сейчас употребительны у остяков, а именно когда над ямой глубиной в половину человеческого роста четырехугольником, несколько наклонно устанавливаются толстые доски, сверху перекрываются снова

досками и засыпаются землей. Остатки и сейчас еще называют это место в память о бывшем владельце Samar-wasch» [Миллер, 1740, эл. вариант, с.69]. В 1888 г. С.К. Патканов также осмотрел это городище [Гордиенко, 2009, с.88, 92]. В настоящее время археологический памятник «городище Самаров Городок» расположен на территории г. Ханты-Мансийска, на северо-восточной границе природного парка «Самаровский Чугас» – уникального геологического и природного комплекса, – и территории культурно-туристического комплекса «Археопарк» [Комова, 2014].

Городки на реке Тавде от устья к верховьям

21. **Лабутинский городок** казаки покорили на реке Тавде. Еще Г.Ф. Миллер полагал, что городок находился в районе устья левого притока Тавды реки Лабуга [Миллер, 1937, с.251]. В конце XIX века В.М. Флоринский наблюдал на речке Лабуге, впадающей в Тавду с левой стороны, обширную насыпь разрушенного городища [Флоринский, 1894, с.232]. В настоящее время здесь находится с. Антипино Нижнетавдинского района Тюменской области.

22. **Паченка**, как и все последующие поселения по реке Тавде, С.У. Ремезов в своей «Истории Сибирской» не называет городами или городками. Но по контексту можно с большой долей вероятности предположить, что он писал о городках. Одноименное с летописным Пачинкой село расположено на территории Нижнетавдинского района Тюменской области. При организации здесь поиска остатков культурных слоев XVI века следует иметь в виду не только побережье современного русла реки Тавда, но и высокие участки берега ее стариц.

23. **Кошущкий городок** и Кошущкая волость, по сведениям Г.Ф. Миллера, в 1734 г. были известны на реке Тавде [Миллер, 1937, с.251]. Поиски городка необходимо вести в районе сел Кошуки и Городище Тавдинского района Свердловской области на побережье современного русла и стариц р. Тавда.

24. **Чандырский городок** (Кондырбай?) описан в «Истории Сибирской краткой Кунгурской», располагался выше по течению реки Тавда от городка Кошуки [Дергачева-Скоп, Алексеев, 2006, с.245]. Возможно, его следует разыскивать на берегу правого притока реки Тавды речки Цындарья, вблизи по-

селка Чунь-Чеш Таборинского района Свердловской области.

25. **Город Табары** (городок Табарница Бия) располагался выше по течению от Чандырского городка. Вероятно остатки городка следует искать у села Таборы Таборинского района Свердловской области.

Городок на реке Вагай

26. **Агитский городок.** Согласно тексту «Истории Сибирской Краткой Кунгурской» Агитский городок на реке Вагай был последним населенным пунктом, который наблюдал атаман Ермак незадолго до своей смерти: «И прошли вверх по реке Вагаю, поспешая без устали к Агитскому городку, но никого не обнаружили» [Дергачева-Скоп, Алексеев, 2006, с.259]. В «Истории Сибирской» С.У. Ремезов пишет, что Ермак со своими соратниками на Иртыше, «в Агитской луке чрез волок перекоп учинил, и до устья Вагая реки дошел, а бухарцов не обрел, и вверх по Вагаю до Адбашу дойде, и оттоль возвратишась до перекопи» [Дергачева-Скоп, Алексеев, 2006, с.193]. Сведения двух источников принципиально разнятся. Первый говорит нам о местонахождении Агитского городка вверх по реке от ее устья. Второй не упоминает о городке, расположенном на устье Вагая на Иртыше в Агитской луке, а говорит о существовании другого городка или волости Адбаша также на некотором расстоянии от его устья. Г.Я. Солодкин внимательно изучил разногласия существующих письменных источников о маршруте последнего похода Ермака и места гибели отряда атамана. Он же указал на то, что Г.Ф. Миллер на Вагае сведений о существовании городка не нашел [Солодкин, 2009]. Река Агитка – правый приток Вагая, – попадает в него в районе современного села Копотилы Вагайского района Тюменской области в 70 км от устья реки. При проведении поисковых работ следует изучить террасы ближайших старичных озер и берега реки Щекуревка.

Города и городки выше по течению реки Иртыш от устья реки Тобол

27. В **Атинский городок** (городок Атика-мурзы) Ермак со стоварищи «погребли по Иртышу вверх (Иртыша) под прикрытием правого берега (правого для спускающихся по Тоболу судов и левого для самой реки Иртыш). Так их и изобразил на миниатюре

к своей «Истории Сибирской» С.У. Ремезов [Дергачева-Скоп, Алексеев, 2006, с.163]. На следующих миниатюрах Атинский городок показан на левом берегу реки Иртыш напротив Чувашского города [Дергачева-Скоп, Алексеев, 2006, с.163, 166, 167]. М.С. Знаменский литерой «5» обозначил на своей карте местонахождение этого городка в районе юрт Заостровных, чуть ниже по течению от Чувашского города (рис. 60). В.М. Флоринский, по-видимому, осматривал эту местность, поскольку написал: «В трех верстах от устья Тобола существовал небольшой городок, вероятно, укрепленный тыном (признаков валов здесь нет), где жил тогда татарский мурза Атик» [Флоринский, 1894, с.237]. Если местонахождение городка, как и юрты Заостровные не были смыты Иртышом, то искать его культурные слои следует между д. Медянки-Татарские и с. Бизино Тобольского района Тюменской области.

28. **Чувашский город** («Городок Махмет-Кула») – известный памятник археологии. Он расположен на мысу коренной террасы р. Иртыш на восточной окраине г. Тобольска (т.н. «Чувашская гора»), в 300 м к ЮВ от здания бывшего городского автовокзала. И.Я. Словцов писал: «Городище Махмет-Кула лежит на Чувашском мысу, в 3 верстах от Тобольска, где была битва Ермака с татарами. Укрепление это на мысу, имеющем 25 саж. Вышины (53 м – А.М.). Вал шириною 5 аршин (3,5 м – А.М.), вышиною $\frac{3}{4}$ аршин (0,5 м – А.М.); ров шириною 3 сажени (6,4 м – А.М.), глубиною 3 аршина (2,10 м – А.М.)» [Словцов, 1890, с.8]. Как «Городок Махмет-Кула» он обозначен и на карте М.С. Знаменского (рис. 60). В конце XIX века памятник осмотрел В.М. Флоринский [Флоринский, 1894, с.236]. В начале XXI в. А.А. Адамов так описал памятник: «Городище занимает треугольный мыс, образованный склоном надпойменной террасы и врезанным в эту террасу ложком, по которому идет подъем. Основание городища защищено двойным рядом валов и рвов, идущих по овалу от основания ложка до склона террасы. Внешняя система укреплений состоит из рва шириной до 6 м и глубиной до 1,5 м и сильно оплывшего вала. Внутренняя система укреплений проходит параллельно внешней, отступая от нее на 20–36 м и состоит из рва шириной 10 м и глубиной до 4 м и внутреннего вала шириной до 5 м и высотой до 1 м. Памятник датируется VI – первой половиной XIII века» [Адамов, Баллонов, Данилов, 2008, с.31].

29. **Город Искер** (Сибирь) располагался западнее устья реки Сибирки в Тобольском районе Тюменской области между п. Сибиряк и с. Преображенка [Белич, 2010в].

30. **Кызым-Тура** (Касым-Тура), по сведениям Х. Атласи, располагался на месте села Преображенское, которое находится в 18 км от г. Тобольска [2005, с.62]. М.С. Знаменский на своей археологической «Карте окрестностей Тобольска» также отметил Касым-Туру в районе с. Преображенского (ныне д. Преображенка Тобольского района Тюменской области), немного выше по течению р. Иртыш от городища Искер (Сибирь).

31. **Абалак**. М.С. Знаменский отметил его на карте на месте известного сибирского села Абалак и Абалакского монастыря. Н.А. Абрамов в 1838–1840 гг. наблюдал «с трех сторон настоящего Абалакского села заметные еще рвы и земляные валы бывшего там татарского укрепления, а с четвертой – обрывистый и крутой берег Иртыша» [Абрамов, эл.вариант]. В.М. Флоринский, видимо со ссылкой на Н.А. Абрамова, писал в 1894 году о том, что на месте села Абалакского на высоком берегу Иртыша в 1840-х гг. существовали рвы и валы, указывающие на то, что здесь тоже было городище [Флоринский, 1894, с.236]. Интересно, что С.У. Ремезов на листе 80 «Хорографической книги Сибири» изобразил остатки городища немного южнее села Абалак, на самом краю мыса коренной правобережной террасы (рис. 61). В 2012 году участники Омского регионального отделения Русского географического общества в ходе комплексной экспедиции «Омичи – Сибири» обнаружили на краю мыса действующее мусульманское кладбище. Следов городища на всем протяжении края террасы до села Абалак мы не нашли.

32. Большого князя Бегиша городок. В 1734 г. Г.Ф. Миллер записал в своем дневнике: «Городище, остатки старой татарской крепости», рядом с деревней Игнавевой, расположенной на Бегишевском озере, в 2 верстах от правого берега р. Иртыш [Миллер, 1734, эл.вариант, л.9об.]. «История Сибирская краткая Кунгурская», рассказывая о походе Ермака, прямо указывает на то, что в 1585 г. Иртыш тек у подножия Бегишевского городка. «...И гребли вверх по Иртышу до Сартезера и Княжева городка, знаменитого князя Бегиша, и здесь начали бой долгий со сборными (войсками) татар и карачинцев. У Бегиша же две пушки железные из Казани привезены, их же казаки умолвиша, и не мо-

гоша лунуть на казаков вдругорядь, и спехнуша их прямо въ Иртыш под гору» [Дергачева-Скоп, Алексеев, 2006, с.256]. В конце XVII в. С. У. Ремезов на 82-м листе «Хорографической книги Сибири» на месте современного Будановского озера отмечал озеро Бегишево. Получается, что гидрографическая ситуация в районе татарского Княжева городка Бегиша изменилась в промежутке между 1585 и 1700 годами. И бывшее русло реки Иртыш стало старичным озером. Остатки городка были обнаружены А.А. Адамовым на коренной террасе Бегишевского озера в 1990-х гг.

33. **Каурдак.** При виде казачьих стругов, недолго думая, «татары все попрятались в темный ельник и в болота» [Дергачева-Скоп, Алексеев, 2006, с.256]. Позднее здесь, «на восточном берегу, в 10 верстах от [аула] Karagai» возник Курдацкой острог (Kurdak-Kalla)⁷. В 1734 г. Г.Ф. Миллер указал, что он «построен четырехугольником и состоит из высоких кольев, вбитых в землю, которые посередине связаны поперечными бревнами. Живущие в этих местах татары раньше пребывали в нем зимой, чтобы быть в безопасности от набегов [киргизских] казаков. Однако уже 12 лет, как пункт совершенно не заселен. В остроге еще видны остатки мечети и 2 домов. Название Kalla означает по-татарски крепость». Г.Ф. Миллер дал еще несколько ориентиров для поиска Kurdak-Kalla. Так, существующая ныне речка «Tegisse (Тегис), впадает в Иртыш ниже по течению с восточной стороны, в 1/2 версте от острога... Между [аулом] Karagai и Kain-aul Иртыш образует излучину на восток. На ее крайнем выступе расположен вышеупомянутый Курдацкой острог» [Миллер, 1734, эл.вариант, д.13]. Ранее С.У. Ремезов изобразил острог на 84 листе «Хорографической книги Сибири» [Remezov, 1697–1711, эл.вариант]. В настоящее время местонахождение легендарного острога – западная окраина д. Большая Бича Усть-Ишимского района Омской области. В 2012 году члены Омского регионального отделения Русского географического общества в ходе комплексной экспедиции «Омичи – Сибири» культурный слой

городка не обнаружили. Вероятнее всего, он был смыт рекой Иртыш.

34. «Старости древнее поставление царя Саргачика Ишимского», которое казаки тоже взяли с боем. Этот городок располагался между Каурдаком и Тебендей. В 1734 году Г.Ф. Миллер зафиксировал здесь аул Saurgasch [Миллер, 1734, л.13]. В настоящее время это д. Саургачи Усть-Ишимского района Омской области. В 2012 году участники комплексной экспедиции «Омичи – Сибири» на северной окраине деревни на огородах обнаружили культурный слой поселения конца I тыс. н. э.

35. Тебендя. Нижняя крепость князя Елыгая. Г.Ф. Миллер писал, что в этом городке жил князец Елегай, потомок ишимского хана Саргачика. Войско его было невелико [Миллер, 1937, с.255]. В 1734 году ученый описал Тебендинской острог, расположенный на левом берегу р. Иртыш: «по-татарски Tebendin-Kalla, на западном берегу, в 6 верстах от [аула] Saurgasch. Имеет как раз те свойства, что были отмечены выше при Курдацком остроге, лишь с тем отличием, что здесь зимой обычно еще живут жители следующей деревни Tebendin-aul. Ученый конкретизирует место расположение острога следующей информацией «Озеро Тебендинское, сразу за предыдущим острогом и имеет исток в Иртыш ниже острога. В это озеро еще впадает маленькая речка Ilme, которая возникает на расстоянии в 6 верст из болота» [Миллер, 1734, л.15]. Озеро Тебендинское сегодня называется Мангулинское и в него впадает речка Ильма. С.У. Ремезов изобразил острог на 85 листе «Хорографической книги Сибири» (рис. 62), но почему-то выше, а не ниже по течению реки Иртыш от озера Тюбендя [Remezov, 1697–1711, эл.вариант]. Таким образом, культурные слои острога следует искать в районе современной деревни Хутор и западнее ее по коренной террасе р. Иртыш в направлении д. Саургачи Усть-Ишимского района Омской области.

36. **Ишимской острог,** «по-татарски Ischim-Kalla, на западном берегу, в 18 верстах от [аула] Kujundu и в 200 верстах от Тобольска, в версте ниже устья реки Ишим, от которой пункт имеет название. Старая татарская крепость, построенная четырехугольным палисадом, в чем она имеет те же свойства, что и вышеприведенные Курдацкой и Тебендинской остроги» [Миллер, 1734, л.16]. Зафиксирована как острог на листе 87 «Хорографической книги Сибири» С.У. Ремезова [Remezov, 1697-1711, эл.вариант].

⁷ История возникновения Каурдацкого, Тебендинского, Усть-Ишимского, Тавинского, Байбахтинского острогов в 1629–1631 гг. не совсем ясна. Несмотря на то что в литературе принято считать их русскими военными пунктами, в которые из Тобольска и Тары отправляли казаков-годовальщиков, история постройки острожков русскими вызывает определенные сомнения.

37. Град на Красном яру Кызыл-Тура.

Все на том же 87 листе «Хорографической книги Сибири» на правом берегу Иртыша, выше устья Ишима, изображен «город царя Иртышака». На развалинах Кызыл-Туры в 1771 г. побывал И.П. Фальк. Он видел разрушенную башню мечети и остатки каменного дома. В городище, по его сведениям, к тому времени уже никто не жил [1824, с.202]. В настоящее время остатки города Кызыл-Тура соотносятся с археологическим памятником городище Красноярка-II, открытым в 1961 г. В.А. Могильниковым в Усть-Ишимском районе Омской области [Архив ИА АН СССР, Р-1, № 2379, 2379 а, с.1–16]. В 1990–2000-х гг. исследованием Красноярского городища занималась археологическая экспедиция Омского государственного педагогического университета под руководством Е.М. Данченко. Совпадение топонимов «Кызыл-Тура» и «Красный Яр», по мнению Е.М. Данченко, также вряд ли носит случайный характер [Данченко, Грачев, 2003, с.277–278]. Во множестве разновременных культурных напластований Красноярского городища Е.М. Данченко и его коллегам удалось выявить комплекс предметов, соотносимый со временем Сибирского ханства. Коллекция находок эпохи средневековья включает глиняную и металлическую посуду, железные ножи и наконечники стрел, импортные бронзовые перстни, стеклянные бусы, бронзовые пряжки и обоймы, бронзовые фигурки, пряслица, изделия из кости [Данченко, 2008 б].

38. **Городок Кулары** известен тем, что Ермак пытался захватить его в течение пяти дней, но не смог. Городок описан Г.Ф. Миллером как место на западном берегу Иртыша, при озере Аусаклу. Деревня Kular-aul, уже в 1734 г. «встарь была острогом и сейчас еще служит зимним жильем жителям предыдущей и ближайшей следующей деревни» [Миллер, 1734, л.18 об.]. «Это место служило для защиты границ от нападения калмыков, а потому на укрепление его уделялось много внимания, и по всему верхнему Иртышу не было лучше укрепленного места» [Миллер, 1937, с.260]. С.У. Ремезов на 88 листе «Хорографической книги Сибири» изобразил «Куларской Иртышака царя береговой воинский городок», расположенный то ли на острове, то ли на мысу левобережной террасы реки Иртыш (рис. 63). Благодаря Г.Ф. Миллеру, который упоминал речку Кимерси и озеро Усаклы, месторасположение городка Кулары можно связать с окрестностями

дд. Комаровка и Малые Кулары (Нагорная) Тевризского района Омской области.

39. **Ташатканский городок** упоминается Г.Ф. Миллером при описании последнего похода Ермака. Историк сообщил, что жители городка сдались без боя и принесли Ермаку, все, что от них требовали. Г.Ф. Миллер соотнес место расположения городка с местом зимних юрт Ташаткан-аул, у озера Кулачек, на восточном берегу р. Иртыш [Миллер, 1937, с.260]. С.У. Ремезов изобразил и летнюю, и зимнюю деревню Ташаткан на восточном берегу озера «Ташатканское», которое может быть соотнесено с оз. Кулачек в Тевризском районе Омской области. Однако никакого городка он не обозначил. Тем не менее поиск культурных слоев городка в первую очередь следует вести здесь.

40. **Ялом.** Хади Атласи первым посчитал, что такой город существовал. Он писал: «В 1594 году царь Федор послал в Сибирь князя Андрея Елецкого, чтобы на месте татарского Ялома или где-то рядом, основал город» [Атласи, 2005, с.81]. С.Ф. Татауров обнаружил упоминание города Ялом в текстах двух документов («Наказ князю Елецкому с товарищами, отправленным в Сибирь для построения города на реке Таре. 1593–1594 гг.», «Грамота царя Федора Ивановича на Тару воеводе князю Федору Елецкому с товарищами о раздаче жалования служилым людям за взятие Черного городка. 1595 г.»). Исследователь полагает, что русский город Тара, основанный в 1594 г., был построен рядом с татарским городом Ялом, служившим административным центром аяльских татар [Татауров, 2011 б].

41. **Малый городок.** В начале XX века о татарском городке «Кечкене» (кечкен – тат. маленький) в Омском Прииртышье написал Хади Атласи [Атласи, 2005, с.85]. В 1937 г. благодаря статье С.В. Бахрушина под именем «Малый городок на Вузоюковом озере» этот населенный пункт вошел в официальную историографию [Бахрушин, 1937б, с.476]. В настоящее время озеро Изюк находится на правом берегу реки Иртыш, напротив д. Евгачино Большереченского района Омской области. Археологические разведки, которые проходили здесь в 2000-х гг. остатков татарского городка XIV–XVI вв. не выявили. В других источниках он не упоминается. Мы полагаем, что такого города не существовало.

42. **Черный городок.** Был основан позже других военно-административных центров Сибирского ханства, после того как русские вынудили Кучума покинуть Тар-

ское Прииртышье и отступить дальше на юг. Г.Ф. Миллер писал: «Кучум, узнав о намерении русских построить город на реке Таре, отправил царевича Алея к аялыным татарам, чтобы ввиду наступления русских отвести их в места более безопасные по верхнему Иртышу, где в то время находился сам хан. Алей собрал 150 человек этих татар и повел их на остров, называемый Черным, где они поставили небольшой городок, в котором с ними вместе зазимовали еще 50 человек малгородцев». В декабре 1594 г. русский отряд, состоявший из 276 человек, во главе с письменным головой Борисом Доможировым взял Черный городок [Миллер, 1937, с.288–289]. На 94 листе «Хорографической книги Сибири» С.У. Ремезов на правом берегу р. Иртыш, напротив Серебряного острова (в районе современного с. Серебрянное Горьковского района Омской области) указал «Городище кучумово» (рис. 64). В 1734 г. Г.Ф. Миллер, разыскивая этот городок, в 40 верстах ниже по течению Иртыша от «Чернолуцкой слободы» на высоком восточном берегу, немного выше Бекеинского острова, обнаружил место, где прежде находился татарский городок, остатки которого по-русски называются Черным городищем [Миллер, 1734, л.32]. На сегодняшний день существует несколько версий расположения Черного городка [Матвеев, 1997]. Однако ни одна из них не подкреплена находждением археологического памятника XVI в. Мы остановимся на версии С.У. Ремезова.

43. **Городок Тунус** известен нам благодаря «Грамоте царя Федора Ивановича в Тару воеводе князю Федору Елецкому с товарищами по поводу тамошних дел и вестей о Кучуме и нагайцах» от 16 августа 1595 г., переписанной Г.Ф. Миллером. Согласно этому документу в марте 1595 г. из Тары вышел в поход сборный российский отряд числом 483 человека под руководством письменного головы Бориса Доможирова. Целью похода было подчинение татар барабинских волостей Чангула, Лугуй, Люба, Келема, Тураш, Барма и Кирпики [Миллер, 1937, с.290]. Отряд атаковал Тунусский городок на реке Тара, который после захвата был сожжен. Таяние снегов и вскрытие рек сделали невозможным дальнейшее передвижение русского отряда в Барабу. С.Ф. Татауров соотносит городок Тунус с городищем Надеждинка VII, который располагается в 21 км на восток от районного центра Муромцево Омской области на левом берегу правого притока р. Тары р. Нижней Тунуски. Городище было обнаружено омским историком

А.Ф. Палашенковым. Городок был расположен на останце коренной террасы р. Нижняя Тунуска высотой 7 м., с крутизной склонов 40–70°. Он имел площадь около 1000 м², был разделен на две части рвом, ориентированным по линии северо-запад - юго-восток. Глубина рва 0,5–0,7 м, ширина 3–8 м. Он отделял основную часть городища от площадки, на которой был расположен вход в укрепление. С южной стороны памятника имеется сооружение, определить назначение которого с полной уверенностью пока не представляется возможным. Сооружение представляет собой «П»-образный вал, боковые стороны которого имеют длину 10 м, а фронтальная 35 м. Высота вала 0,7 м. Располагается он на подошве (в пойме) и сооружен из грунта, освобожденного в результате эскарпирования естественных склонов останца. Возможно, данное сооружение было возведено для прикрытия места, где производился забор воды в условиях осадки. В 2003–2006 гг. на памятнике работала экспедиция под руководством С.Ф. Татаурова. В ходе работ была исследована система укреплений и несколько объектов в центральной части городка. Материалы, полученные в ходе этих работ, подтверждают текст грамоты от 16 августа 1595 г. Все жилища городища Надеждинка VII были уничтожены пожаром, в очагах и рядом с ними зафиксированы целые и разбитые сосуды. Следов восстановления жилищ нет. Самыми многочисленными находками стали железные и костяные наконечники стрел, причем следует отметить, что последние сделаны второпях, без хорошей обработки и из самых различных костей животных, которые обычно не используются для этих целей – из ребер, небольших трубчатых костей и т.д. Керамический комплекс городища Надеждинка VII неоднороден. Здесь присутствуют группы и фигурно-штампованной керамики раннего железного века, и собственно татарской керамики. В то же время в процессе раскопок в центре одного из жилищ был зафиксирован очаг и в нем найдены развалы трех сосудов, два из которых орнаментированы продольными линиями и фигурным штампом, а один полностью покрыт горизонтальными рядами наклонных оттисков зубчатого и гладкого штампом. Еще одной интересной находкой стало присутствие в верхних слоях городища человеческих костей, многие из которых обожжены. Это позволяет предположить, что после штурма городка его защитники не были погребены [Татауров, 2005].

44. **Люба.** Хади Атласи вероятно ошибается, когда упоминает о существовании этого городка. Люба – название татарской волости в Барабинской лесостепи известна по многочисленным письменным источникам [Миллер, 1937, с.370].

45. **Мирзагали (Мерзлый городок).** О его существовании мы узнаем из «Наказа князю Елецкому с товарищами, отправленным в Сибирь для построения города на реке Таре. 1593-1594 гг.». В тексте сказано: «И только в той в волосте во Ялах станет город государев (Тара – А.М.), ино с тех волостей ясак учнет сходитца сполна. И Мерзлой городок, и Тураш, и Кирпики, и Малогородцы, что ныне за нагайским мурзою за Алеем, все будут к тому городу» [Миллер, 1937, с.361]. Исходя из контекста Наказа и географическим в нем топонимов, можно предположить, что Мерзлый городок располагался южнее Тары в пределах Омского Прииртышья или Барабинской лесостепи. Волости Тураш и Кирпики расположены в Барабе. Г.Ф. Миллер писал: «Название Мерзлый городок, должно быть, является переводом с татарского; оно не встречается в других архивных делах, и местоположение этого городка определить невозможно» [Миллер, 1937, с.292]. К.Н. Сербина не поместила его на свою знаменитую карту, поскольку не смогла приурочить городок к определенному географическому пункту [Сербина, 1937 б, с.573]. Мы тоже это сделать не смогли.

46. **Тон-Тура.** Его остатки в Барабинской лесостепи были описаны во второй половине XVIII в. И.П. Фальком. Город располагался на мысу и имел три укрепленных линии, состоящие из рвов и валов, которые защищали жилую часть, вытянутую в длину на 150 сажен (320 м – А.М.) [Фальк, 1824, с.336]. В 1925 г. Е.А. Клодт и А.М. Жихарев провели предварительную разведку Вознесенского городища. В 1926 г. П.А. Дмитриев и В.П. Левашева начали его систематические раскопки, которые дали материалы позднего средневековья. На городище было исследовано несколько жилищ и хозяйственных сооружений барабинских татар [Левашева, 1928 а]. В течение 1974–1976 гг. остатки этого татарского города, расположенные на левом берегу р. Омь, напротив села Вознесенское Венгеровского района Новосибирской области, исследовал отряд археологической экспедиции Новосибирского государственного педагогического института под руководством В.И. Соболева. Им было сделано подробное описание горо-

дища. На момент исследований сохранившаяся часть памятника имела протяжение в 500 метров. Тремя линиями рвов и валов городище было разделено на четыре участка. Между первым и вторым участками – мощная система укреплений, которая состояла из двух валов высотой до 1,5 м и шириной до 3 м и рва глубиной до 4 м и шириной до 19 м. По западному склону участка прослеживался въезд на городище. Длина участка достигала 145 м. Между вторым и третьим участками проходила вторая линия укреплений, состоявшая из вала высотой 0,77 м и рва глубиной 0,5 м. Третья система укрепления была удалена от второй на 110 м, представлена рвом глубиной 0,4 м и валом высотой 0,3 м. Четвертый участок длиной 138 м имел ряд западин [Соболев, 2008, с.234]. Материалы раскопок Вознесенского городища легли в основу коллективной монографии новосибирских ученых «Бараба в эпоху позднего средневековья» [Молодин, Соболев, Соловьев, 1990]. На сегодняшний день это городище является самым изученным и опубликованным населенным пунктом Сибирского ханства, в чем большая заслуга, прежде всего, В.И. Соболева.

47. **Тоянов городок.** В настоящее время культурные слои городка расположены на территории города Томска, на левом берегу р. Томь в районе Тимирязевского поселка, под и в непосредственной близости от здания Областного туберкулезного профилактория. Раскопки Тоянова городка периодически проводились с 1886 г. такими учеными, как А.В. Адрианов, С.К. Кузнецов, Ф. Мартин [Яковлев, 2009], Ж. де Бай, С.М. Чугунов, М.П. Грязнов [Барсуков, 2013]. Частично материалы раскопок М.П. Грязнова в 1976 г. опубликовала Л.М. Плетнева [Плетнева, 1976]. А.П. Дульзон считал, что Тоянов городок датируется примерно XVII в. и был оставлен чulyмско-томскими тюрками. Вместе с тем ученый также находил аналогии артефактам, обнаруженным в культурном слое городка, в материалах археологических памятников, связанных с историей Сибирского ханства [Дульзон, 1953, с.162]. В архиве М.П. Грязнова, хранящемся в фонде III Музея археологии и этнографии Омского государственного университета имени Ф.М. Достоевского, есть папка под № 26, в которой находится подборка материалов о раскопках Тоянова городка, Басандайки, Архиерейской заимки и др. памятников Томского Приобья в контексте их схожести с материалами прииртышских памятников позднего средневековья. М.П. Гряз-

нов так и не успел обобщить собранный материал.

В 2010 г. экспедиция НПЦ «Архаика» под руководством О. Зайцевой провела сборы на месте предполагаемого расположения Тоянова городка. Полученные материалы позволили предположить, что культурный слой этого памятника, несмотря на многочисленные строительные работы, сохранился до настоящего времени и представляет интерес для исследования.

В 2011 г. Я.А. Яковлев опубликовал каталог коллекций Ф.Р. Мартина, полученных им в 1891 г. при раскопках могильника Тоянова городка [Яковлев, 2009]. Великолепные фотоизображения артефактов, содержащиеся в каталоге, позволяют однозначно находить аналогии им в материалах археологических памятников XIV-XVI вв. Среднего Прииртышья. В 2012 г. А.В. Матвеев и С.Ф. Татауров на основании данных письменных источников, этнографии и археологии опубликовали работу, в которой обосновали вхождение населения Томского Приобья в состав Сибирского ханства. Проживавшие здесь в конце XVI века чаты и зуштинцы находились в зависимости от Кучума из-за угрозы нападений со стороны агрессивных соседей [Матвеев, Татауров, 2013а].

Таким образом, мы рассмотрели 47 городков сибирских татар, хантов и манси, упоминавшихся в письменных источниках и располагавшихся в Сибирском ханстве или на территориях, зависимых от хана Кучума (Нижнее Прииртышье, Томское Приобье). В существовании некоторых из этих укрепленных поселений мы сомневаемся (Епанчин городок на Туре, Малый городок на Вузоковом озере и городок Люба), считая их историкографическими казусами или центрами волостей, не имевших статуса «городок». Остальные легендарные городки уже стали или должны стать предметом поиска и изучения. За пределами нашего обзора остались Абугиновы городки, Городки по берегам оз. Кунда, Иленский, Черноярский, Катаргулов городок. Только в первом случае мы можем предположить, что Абугиновы городки получили свое название по реке Убаган – правого притока реки Тобол. Согласно «Истории Сибирской» возле этих городков кочевал сын Кучума Алей (Али). Узнав о том, что казаки после смерти атамана Ермака ушли из столицы, он занял ее [Дергачева-Скоп, Алексеев, 2006, с.198]. После того как Алей был изгнан из столицы своим противником Сейдяком, он в начале 1600-х

гг. снова кочевал на реке Абуге/Обаге (совр. Убаган) в верховьях Тобола. Об этом говорят письменные источники [Миллер, 2000, с.194, 211]. Сведения боярского сына Гавриила Артемьева, командированного в 1601 г. для поиска кучумовичей Азима и Каная, дает нам представление о том, как выглядел один из таких городков. «А кочуют де царевичи Канай да Азим меж Ишима и Обаги реки в дуброве, от устья Обаги реки 3 днища ездю конного вверх по Обаге: а поставлены де у них избы рублены в стену кругом, по смете де изб с полчетвертадесять; да у них же де, господине, обдернуто около изб телегами кочевными большими для крепости от приходом; а людей де, господине, с ними с двумя царевичи всяких человек 150, а все табынцы» [Миллер, 2000, с.196]. Н.А. Томилов считает, что перед нами поселок оборонительного типа [Томилов, 2005, с.25]. Он вполне мог быть назван городком. Происхождение других городков для нас остается загадкой, однако мы не отрицаем возможности их существования. Иленский и Черноярский городки упоминаются в документах начала XVII века, однако у нас нет уверенности в том, что они существовали в Сибирском ханстве.

Второй массив интересующих нас городков в первоисточниках XVI–XVII вв. не упоминается. Они были обнаружены в ходе научного поиска учеными последующих столетий.

Городки Сибирского ханства, выявленные в ходе археологического поиска

В 1740 г. во время путешествия из г. Тобольска в г. Тюмень Г.Ф. Миллер собрал сведения и осмотрел несколько «старых татарских городков».

48. На правом берегу р. Тобол в 1 версте от современной деревни Аксаринной Ярковского района Тюменской области, рядом с Шайтанскими юртами (ныне д. Шатанка) «в пределах видимости, видны следы старой татарской крепости».

49. В 2 верстах выше предыдущего городка «на восточном берегу реки Нерди имеется еще такая же старая крепость» [Миллер, 1741, л.7].

50. Следы старого татарского укрепления Г.Ф. Миллер обнаружил у маленького озера Городишного, располагавшегося недалеко от современной деревни Иевлева Ярковского района Тюменской области. Вероятно, городок прикрывал переправу через реку То-

бол, действовавшую в летнее время [Миллер, 1741, эл.вариант, л.8об.].

51. Возле современной деревни Борки Тюменского района Тюменской области Г.Ф. Миллер видел следы старого татарского укрепления Memet-tura, в котором когда-то жил татарский владетель по имени Memet-bi. Укрепления городка были представлены насыпанными в виде круга земляного вала и рвов. Уже во времена Г.Ф. Миллера внутреннее пространство укрепления было застроено хлебными амбарами и ригами [Миллер, 1741, эл.вариант, л.11].

В 1734 г. во время плавания по Иртышу от Тобольска вверх по течению Г.Ф. Миллер также обнаружил сведения о старых татарских городках и крепостях.

52. **Царево городище.** Городище Старый Погост («Кысым-Тура». Девичий городок). Г.Ф. Миллер писал, что к югу от Ермаковой перекопи (территория в районе устья реки Вагай) «виден на низком ровном лугу большой бугор... Он весьма крут и в высоту простирается на 10 саженей (21 м – А.М.)... а на верху его есть ровная площадка, имеющая в поперечнике около 30 саженей (63 м – А.М.). Тамошние русские называют его Царевым городищем... Татары же рассказывают, что бугор этот насыпан девушками, которые носили сюда землю в своих подолах. Они называют его поэтому Кысым-Тура, т.е. Девичьим городом или городком» [Миллер, 1937, с.257]. И.Я. Словцов указывал: «Касым-тура - городок в 50 верстах от Тобольска, вверх по Иртышу. Он лежит на холме в 8 сажен (17 м – А.М.) высоты, окружен рвами и валом; главный ров 7 аршин (5 м – А.М.) ширины и до 1,5 аршин (1 м - А.М.) глубины, вал шириною 2 сажени (4,5 м – А.М.) и вышиною 1 аршин (0,7 м – А.М.)» [Словцов, 1890, с.9]. В.М. Флоринский описал фортификационные сооружения городища в тех же размерах [Флоринский, 1894, с.237]. В 1888 г. городище у деревни Старый Погост осмотрел С.К. Патканов [Гордиенко, 2009, с. 86, 91]. В 1986 г. археологические исследования на этом памятнике, получившем название «Городище Старый Погост», и расположенном в 2,2 км на север-запад от деревни Старый Погост Вагайского района Тюменской области, провел В.А. Могильников [Могильников, 2001б, с.114–121]. Позже городище исследовали А.В. Матвеев, О.М. Аношко [Матвеев, Аношко, 2009]. Согласно современным данным городище занимает южную подтреугольную часть высокого (до 12 м) останца площадью около 1300 кв. м.

Площадка городища довольно ровная, слегка наклонена к югу и востоку, задернована и поросла высокой травой. С северной стороны она защищена двумя валами и двумя рвами. Высота первого, внешнего вала с напольной стороны 0,77 м, высота второго вала от дна рва – 1,55 м. Со стороны площадки имеется еще один, нечетко выраженный, третий вал или возвышение высотой до 0,2 м, образованное выкидом из рва в сторону площадки городища. Вдоль этого вала, на площадке городища, прослеживается несколько нечетких овальных западин диаметром 4–6×2–4 м, глубиной до 0,7 м, представляющих, возможно, следы древних сооружений [Могильников, 2001б]. Исследования археологов доказали, что самые верхние культурные слои городища связаны с населением Сибирского ханства.

53. **Тав-Калла.** Тот же Г.Ф. Миллер писал: «Tau-aul, бывший острог для пребывания зимой окрестных татарских деревень по примеру предыдущих острогов, называвшийся тогда Тавинским острогом, по-татарски Tau-Kalla, на западном берегу, в 10 верстах от [аула] Atschimet» [Миллер, 1734, эл.вариант, л.17об.]. В настоящее время на этом месте находится деревня Тавинск Тевризского района Омской области.

54. **Байбахта.** В районе современных деревень Журавлевка и Вознесенка Тевризского района Омской области, на правом берегу р. Иртыш, на берегу озера Летнее, следует искать зимнюю деревню Vaibachta, вокруг которой «в старину, когда эти местности еще испытывали опасность от [киргизских] казаков, был острог» [Миллер, 1734, эл.вариант, л. 20 об.].

Кучумово укрепление. М.С. Знаменский на своей археологической карте «Окрестности города Тобольска» указал в районе б.н.п. Яркова (Тобольский район Тюменской области) на северном берегу Архиерейского озера (ныне заболоченная старица Исток) Кучумово укрепление у места впадения в озеро речки Козловки. Со ссылкой на сообщение М.С. Знаменского эту информацию опубликовал И.Я. Словцов [Словцов, 1890, с.8].

В связи с развитием в XX веке отечественной археологии список городищ тюрко-татарских государственных образований Западной Сибири дополнился новыми объектами. Несмотря на то что их нельзя напрямую соотносить с известными по письменным источникам легендарными населенными пунктами Сибирского ханства, характерные артефакты (прежде всего, орнаментированная керамика) позволяют включить их в число

памятников населения позднесредневековых государств Западной Сибири⁸.

55. **Абрамовское городище.** В 1926 г. в 1,1 км к ЮЗ от с. Абрамово, к 3 от кладбища села, на правом берегу р. Омь Е.М. Бессер-Засецкий обнаружил Абрамовское городище (ныне Куйбышевский район Новосибирской области). Затем его исследовала В.П. Левашева, а в 1975 г. работы на городище провела экспедиция под руководством В.И. Молодина. Материалы раскопок этого и последующих археологических памятников Барабинской лесостепи легли в основу фундаментального труда новосибирских археологов «Бараба в эпоху позднего средневековья» [Молодин, Соболев, Соловьёв, 1990].

56. **Городище Чиняиха.** Расположено в 11,4 км к СВ от д. Тюменка, в 1,0 км к ЮВ от полуострова Тюменка, на острове Чиняиха озера Чаны в Купинском районе Новосибирской области. Сохранившаяся часть памятника имеет трапециевидную форму, стороны которой составляют 55x100x75x115 м. Городище окружено системой укреплений, которая включает ров шириной до 5 м, глубиной до 2 м и вал шириной до 5 м при высоте до 1,5 м. Городище разделено на две части внутренним рвом шириной до 6 и глубиной до 1 м. На всей территории городища имеются западины от жилищ. Жилища располагались и за пределами укреплённой части городища: северо-восточнее его, на пашне, был собран подъемный материал – кости животных и керамика. В 1926 г. В.П. Левашова провела первые раскопки городища. В 1978–1979 гг. на памятнике проводил раскопки Барабинский отряд Новосибирской археологической экспедиции под руководством В.И. Соболева [Молодин, Соболев, Соловьёв, 1990, с.6].

57. **Городище Тюменка.** Находится на одноименном острове, расположенном на оз. Чаны в Купинском районе Новосибирской области. Памятник расположен в его северо-западной части, в 2 км от одноименного села. Городище в плане прямоугольной формы, размерами 250x120 м. Вытянуто с юго-запада на северо-запад, с трех сторон окружено мощной системой обороны, которая состоит из очень хорошо сохранившихся двух рвов и вала. Внешний ров шириной от 2 до 5 м при глубине до 2,5 м от дневной поверхности. Четвертая сторона защищена высоким обры-

вистым берегом. В 1926 г. В.П. Левашова сняла план городища Тюменка. В 1978–1979 гг. оно было исследовано экспедицией под руководством В.И. Соболева [Молодин, Соболев, Соловьёв, 1990, с.6].

58. **Городище Крапивка II** было открыто в 1938 г. тарским краеведом А.В. Вагановым в 1,37 км на юг от д. Крапивка Тарского района Омской области. Оно прикрывало приустьевую территорию р. Уй (правый приток р. Иртыш) и располагалось на стрелке коренных террас рек Иртыша и Уя на северо-северо-западной оконечности мыса. Площадь городища – 912 м². Оно имело систему обороны, состоящую из рва (ширина – 5,3 м, глубина – 1 – 1,5 м) и вала (ширина – 4,2 м, высота – 1,8–2 м). В средней части вала сохранился вход шириной 1,5–2 м. С западной стороны к городищу примыкало обширное селище, представленное многочисленными жилищными западинами округлой и овальной формы. В 2006 г. экспедицией под руководством А.В. Матвеева на селище была исследована жилищная западина № 14, в заполнении которой получены артефакты, отражающие материальную культуру населения Сибирского ханства XVI вв. [Матвеев, Скандаков, 2008]. Западина представляет собой подземную часть жилища подпрямоугольной формы площадью 3 м². Камера жилища в западном углу имела коридорообразный выход на улицу, отделенный от пола помещения ступенькой. В жилище располагался очаг подпрямоугольной формы, расположенный в южном секторе ямы, справа от входа. Керамический комплекс, полученный в ходе работ 2006 г., представлен фрагментами посуды двух групп: «татарской» керамикой XIV–XVI вв., керамикой устьишимской археологической культуры (датируемой IX–XIII вв.). Характер культурного слоя не позволяет выделить в нем два культурно-исторических горизонта. Можно предположить, что население селища в XV–XVI в. культивировало обе керамические традиции. Материалы городища Крапивка II позволяют утверждать о генетической связи устьишимской посуды с «татарской» керамикой. Образцы посуды двух разных керамических традиций были обнаружены и в заполнении жилищной западины. Индивидуальные находки, обнаруженные в культурном слое селища Крапивка II, были представлены железным черешковым наконечником стрелы, фрагментами кольчуги, точильным камнем и т.д.

59. **Екатерининское V** (Ананьевское городище) было впервые исследовано в

⁸ Отсутствие методов точной датировки заставляет широко датировать известные археологические памятники периодом XIV–XVI вв. [Матвеев, Татауров, 2008 б].

1945 г. В.Н. Чернецовым [Чернецов, 1947]. Памятник площадью 2200 м² находится в 4 км на юг от с. Екатерининское Тарского района Омской области на остром подтреугольном мысу террасы правого берега р. Иртыш (рис. 65). Система укреплений городища представлена внутренним валом (высота – 1,75 м, ширина – 4–5 м), рвом (глубина до 1 м, ширина – 3–4 м.) и внешним валом (высота до 0,4 м, ширина – 3–5 м.). В 1962 г. В.А. Могильников провел на городище изыскания, которые позволили ему датировать верхний культурный слой городища XIII–XVI вв. Аналогии керамического комплекса городища Екатерининское V (Ананьевское) В.А. Могильников справедливо нашел в керамике Вознесенского городища XIV–XV вв. на р. Омь, керамике из верхних слоёв городищ Искер, Безьямное I, Чиняиха, которые могут быть датированы XIII–XVI вв. По материалам раскопок ученый опубликовал статью «Ананьевское городище и вопрос о времени тюркизации Среднего Прииртышья и Барабы» [Могильников, 1965]. В 2005 г. А.В. Матвеев в раскопе площадью 120 м² исследовал культурные слои пяти слабоуглубленных наземных жилищ с печами закрытого типа (чувалами), а также четырех хозяйственных построек. В ходе выборки культурного слоя были получены две группы керамики. Первая группа – посуда потчевашской археологической культуры VI–IX вв. Она имеет аналогии в материалах Логиновского городища на р. Ишим в Тюменской области и Новоягодного II городища в Знаменском районе Омской области. Вторая группа керамики – «татарская посуда» XV–XVI вв. Кроме фрагментов керамики на городище были обнаружены многочисленные кости животных, фрагменты металлургического шлака. Наблюдения за характером общей стратиграфии и закономерностями распределения находок позволяют датировать большинство исследованных сооружений (печей и ям) XV–XVI вв. [Матвеев, Татауров, 2006 б].

60. **Городище Большой Лог** расположено на восточной окраине г. Омска, в 7,8 км от устья р. Омь, на правом ее берегу, в 0,12 км на восток от железнодорожного моста. В.Н. Чернецов и В.И. Мошинская в результате раскопок 1949 г. установили, что «верхний слой городища Большой лог, к которому с уверенностью можно отнести ров и вал, принадлежит поселению, близкому по своему характеру к Вознесенскому городищу [Тон-Тура – А.М., С.Т.] на р. Омь, опубликованному

В.П. Левашевой в 1928 г. Характерными для оседлых жителей этого поселения жилищами являются наземные и полууглубленные мазанки с очагами типа чувалов» [Чернецов, 1951]. Памятник занимает пространство между двумя крутыми оврагами, выходящими к р. Омь. В.Н. Чернецов в 1951 г. писал: «Городище имеет почти треугольную форму, с основанием к обрыву р. Омь и вершиной к узкому перешейку между логами. Размеры городища: 80 м по основанию (по обрыву берега реки) и около 80 м от обрыва до перешейка. Площадь городища – не менее 3000 м². На перешейке имеется ров и вал длиной 25 м. Ширина рва в современном состоянии свыше 2 м, при разности высот между вершиной вала и дном рва около 1,5 м. В средней части вал имеет разрыв; видимо, в прошлом здесь находились ворота для въезда на городище. На расстоянии 75 м от рва, между оврагами, можно различить следы еще одного рва, однако менее широкого и глубокого, образующего внешнюю часть городища. Эта внешняя часть, ограниченная с двух сторон оврагами и с двух других – внутренним и наружным рвами, имеет вытянутую трапециевидную форму, с широким (около 40 м) основанием по внешнему рву: площадь не менее 2000 м²» [Чернецов, 1951, с.78]. В 1965 г. экспедиция Уральского государственного университета под руководством В.Ф. Генинга и Р.Д. Голдиной на городище Большой Лог в раскопе площадью 1625 м² вскрыла остатки наземных прямоугольных жилищ с очагами-чувалами на глиняных возвышениях и в обрамлении деревянных рам. Глиняная посуда, по заключению авторов раскопок, характеризуется грубостью изготовления и бедным, небрежно нанесенным орнаментом (ямки и треугольные вдавления, расположенные по всей поверхности сосуда). Кроме горшков, чаш и жаровен в культурном слое Большого Лога были обнаружены костяные наконечники стрел, накладки на лук, проколки, каменные жернова, железные топоры, ножи, обломки стремян, а также чугунных котлов [Генинг, Голдина, 1967]. Материалы, полученные в верхнем культурном горизонте городища Большой лог, характеризуют земледельческие занятия его жителей, торговые связи со Средней Азией. В статье, вышедшей по итогам полевых работ, В.Ф. Генинг и Р.Д. Голдина писали: «Поселение Большой Лог было одним из укрепленных городков Кучума в Прииртышье» [Генинг, Голдина, 1967, с.148]. В 1990-х гг. исследования городища Большой Лог были продолжены Б.А. Кониковым [Коников, Мо-

рев, Скандаков, 1992]. Никаких письменных или этнографических сведений о судьбе городка, известного нам как «городище Большой Лог», мы не имеем.

61. Городище Новоникольское I (Голая сопка). В 1961 г. Иртышский отряд Западно-Сибирской археологической экспедиции под руководством В.А. Могильникова осуществил раскопки на городище Новоникольское I (Голая сопка). Оно расположено в 0,2 км на восток от южной окраины с. Никольск Усть-Ишимского района Омской области. В культурном слое городища был выделен комплекс XIII-XIV вв. [Могильников, архив ИА АН СССР, Р-1, № 2379, 2379 а, с.1-16]. С.У. Ремезов на листе 86 «Хорографической книги Сибири» именно здесь, на правом берегу р. Иртыш изобразил некое городище.

62. Городище Кучум-Гора. В 1963-1964 гг. Р.Д. Голдиной были проведены исследования на городище Кучум-Гора рядом с с. Рогозино Ишимского района Тюменской области, на коренной террасе правого берега реки Ишим. Городище было прекрасно вписано в рельеф местности. Исследователю удалось получить характерную для данного типа памятников информацию о жилых и хозяйственных постройках, наборе инвентаря, типичного для коренного населения Западно-сибирской лесостепи. Среди материалов были обнаружены фрагменты керамики, изделия из кости, железа и т.д. Замечательным образом была дана датировка памятника. Автор доказала, что падение городка было напрямую связано с освоением края российским государством и сооружением на Ишиме Орлова городища. Результаты исследований позволили автору поставить памятник в один ряд с наиболее известными в тот момент археологическими комплексами Сибирского ханства [Година, 1969 б].

63. Городище Большой Чуланкуль. Оно расположено в 10,2 км к ЮВ от окраины с. Венгерова Венгеровского района Новосибирской области, в 9,2 км к ЮВ от моста через р. Тартас по этой дороге, в 7 км к Западу от западной окраины с. Туруновка, в 3,3 км к ЮЮЗ от южной окраины д. Зыково, в 900 м к ЮВ от южного берега озера Большой Чуланкуль, в 300 м к Югу от Московского тракта, на террасе урочища Таи. В 1978 г. В.И. Соболев провел стационарные исследования этого городища [Молодин, Соболев, Соловьёв, 1990, с.3-4].

64. Сперановское городище (Андреевка-3) было открыто В.И. Морозовым и А.Ф. Палашенковым на правом берегу р. Омь,

в 20 км от ее устья, в 2 км к юго-западу от с. Андреевка Омского района Омской области (рис. 66). Городище занимает поверхность высокого (до 20 м от уровня р. Омь) мыса. Площадка памятника, ограниченная с запада и востока оврагами, а с юга обрывом к реке. С севера городище ограничено оборонительным поясом в виде рва и земляного вала, имеющим проходы. Еще одна линия ров-вал располагалась на самом мысу в юго-восточной части памятника. Площадь укрепленной части городища составляет около 5000 м². В 1966 и 1967 г. В.А. Могильников провел здесь раскопки, которые указали на наличие в культурном слое памятника нескольких разновременных историко-культурных горизонтов. В 1992 г. экспедиция Омского государственного педагогического института под руководством Е.М. Данченко осуществила на городище небольшие спасательные раскопки. В результате раскопок был подтвержден факт многократного заселения территории городища в раннем железном веке – средневековье. Наиболее поздние находки, найденные на городище, Е.М. Данченко датировал поздним средневековьем. Среди них немногочисленные фрагменты керамики, остатки берестяных туесов, предметы утвари. В культурном слое были обнаружены и «характерные для барабинских татар очаги» [Данченко, 1992].

65. Городище Кошкуль IV (рис. 67) площадью 1100 м² было обнаружено И.Е. Скандаковым в 1992 г. в 2,8 км от д. Кошкуль Тарского района Омской области, в 1 км от городища Кошкуль I (XIII-XIV вв.), на высоком (до 30 м) мысу коренной террасы р. Уй. В 2003-2004 гг. на памятнике работала экспедиция, под руководством А.В. Матвеева [Матвеев, Трофимов, 2006]. Фортификация городища представлена рвом шириной 3-4,2 м, глубиной 0,15-0,35 м и валом шириной 3,9-4,2 м, высотой 1-1,5 м. На территории памятника расположены шесть насыпей подпрямоугольной в плане формы, которые были интерпретированы как остатки жилищ. Культурный слой городища содержит многочисленные фрагменты костей крупных и мелких копытных животных, орнаментированной и неорнаментированной керамики, обмазку, металлургический шлак. Керамика, обнаруженная в 2003-2004 гг., делится на две группы: керамика с пережиточными орнаментальными традициями местной лесной усть-ишимской культуры и посуда, имеющая аналогии в памятниках татарского населения южнотаежного Прииртышья и Барабы XVI-XVIII вв. Характер культурного слоя позволя-

ет предположить кратковременное существование городища.

66. **Городище Мальково-1** расположено в 3,5 км к северо-востоку от с. Малькова Чистоозерного района Новосибирской области. Памятник открыт П.Г. Тимошенко, обследован и описан в 1978 г. В.И. Соболевым. Городище имеет в плане подковообразную форму. С напольной стороны защищено рвом и валом, с противоположной – обрывистым берегом оз. Чаны [Молодин, Соболев, Соловьёв, 1990, с.5].

67. **Городище Новорозино-1** расположено в 2 км к юго-востоку от с. Новорозина Купинского района Новосибирской области. Городище расположено на высокой гриве, параллельной той, на которой находится село. Их разделяет залив под названием «Пропащая Курья». Расстояние от памятника до села (в объезд залива) составляет 7,5 км. Городище площадью 9450 м² имеет в плане подпрямоугольную форму, с трех сторон оно защищено рвом и валом, с четвертой – обрывистым берегом залива, в древности – самим оз. Чаны. Вся грива окружена старицами и заболоченными низинами, в предшествующие периоды она, очевидно, была островом. Система обороны состоит из рва шириной до 5 и глубиной до 2–2,3 м и вала шириной до 5 и высотой до 1,5 м. С юго-восточной стороны городища расположен въезд шириной до 5 м. Следов жилищных сооружений нет. В 1987 г. на памятнике произведены раскопки, вскрыта территория площадью 204 м². Памятник датируется XIV–XVII вв. [Молодин, Соболев, Соловьёв, 1990, с.5–6].

Таким образом, мы можем утверждать о существовании в Сибирском ханстве более 60 городков, из которых письменные источники выделяют около 15 городов. Наверняка в нашу выборку попали не все городки. Тому есть причины. Одна из них – проблема интерпретации топонимов в летописях. Так, К.Н. Сербина считала городками населенные пункты, которые в летописях написаны с большой буквы без добавления слова «волость» или «городок». В результате на ее карте городками стали Атбаш, Шамша, Рянчик, Залы, Ташаткан, Шиш-тамак. Мы, не имея твердого указания авторов летописи, городками их не посчитали. Вместе с тем, возможно, это не всегда верная позиция. Так, в Истории Сибирской краткой Кунгурской читаем: «А в Салах был малый бой» [Дергачева-Скоп, Алексеев, 2006, с.256]. Никакого упоминания о городке в тексте нет. Однако «Старый Салинский го-

родок» обозначен на 83-м листе «Хорографической книги Сибири» С.У. Ремезова (рис. 68). С.К. Патканов в районе населенного пункта Первые Салы (ныне Вагайский район Тюменской области) записал сведения о двух городках, одно из которых осмотрел [Гордиенко, 2009, с.86, 91].

Карта, которую мы создали, дает основу для целого ряда общих и частных выводов и умозаключений, вместе с тем она задает и массу вопросов. Например, стали видны значительные участки территорий, на которых городки почему-то отсутствуют. Так, например, на протяжении более 80 км, между старыми татарскими укреплениями, в устье реки Нерди (правый приток р. Тобол) до озера Карачинского, на котором стоял Карачин городок, никаких других укрепленных поселений мы не знаем. Там же на реке Тобол от Явлу-Туры до Тарханского пограничного городка более 80 км по дороге. На таком расстоянии обязаны были быть укрепленные городки. Их необходимо искать. Расстояние между двумя самыми восточными городками Сибирского ханства Абрамовским и Тояновым около 350 км по прямой линии. В реалиях государственного устройства Сибирского ханства XVI в. такого быть не могло. В этой связи следует либо активно разыскивать позднесредневековые городища на территории, прежде всего Новосибирской области, либо говорить о том, что союз Кучума с чатами и эуштинцами сложился в самом финале истории Сибирского ханства.

Наше исследование имеет обширную географию, посему, вероятно, в нем есть ошибки. Однако формат активной карты «Города и городки Тюменского и Сибирского ханства» на поисково-информационном картографическом сервисе «Яндекс. Карты» https://maps.yandex.ru/?um=constructor:zJGw41CehV5ejPffCsCeOhh-Fpbpa8_&source=constructor позволяет эти ошибки исправлять, а также вносить в карту дополнения. Следующим нашим шагом станет построение сети сухопутных коммуникаций между населенными пунктами Сибирского ханства на основании письменных источников XVII в., картографических материалов начала XVIII в. Для этого потребуются сначала представить на карте неукрепленные поселения жителей Сибирского ханства.

6.5. ПОСЕЛЕНИЯ СИБИРСКИХ ТАТАР

Первые сведения о поселениях сибирских татар стали известны по путевым дневникам путешественников XVIII – XIX вв. – А.В. Адрианова, В.И. Вербицкого, И.Г. Георги, Г.Ф. Миллера, П.С. Палласа, В.В. Радлова, Словцова П.А., И.П. Фалька, И.Э. Фишера, Н.М. Ядринцева. Эти описания часто субъективны, но они составили для следующих поколений представление о внешнем виде этих объектов жилищ и хозяйственных объектов, культовых комплексов. Поэтому совершенно не случаен тот факт, что ни один современный исследователь не может проигнорировать собранные ими материалы. Поэтому мы решили опубликовать ранее не известные для широкой общественности рисунки известного сибирского краеведа – исследователя Искера – М.С. Знаменского – во время его поездки на юг в Омск и казахстанские степи в 1866 г., а также хранящиеся в Омском областном музее изобразительных искусств им. М. А. Врубеля. На своих рисунках он изобразил поселения сибирских татар, их жилища, внутреннюю обстановку, внешний вид татар и т.д. (рис. 69–70).

Серьезное изучение поселений сибирских татар начинается с середины XX в., когда публикуются работы В.В. Храмовой, С.В. Бахрушина, А.П. Дульзона и др.

Но настоящий прорыв случился в последней трети XX в., когда была издана целая серия монографических работ Н.А. Томилова, Ф.Т. Валеева, Р.К. Сатлыковой, З.П. Соколовой и др.

В последнем десятилетии XX в. выходит в свет ряд обобщающих работ по поселениям и жилищам народов Сибири, в которых приводятся данные и по сибирским татарам. В частности, это том в серии «Очерки культурогенеза народов Западной Сибири», посвященный поселениям и жилищам, в котором в одной из глав описаны поселения и постройки дорусского населения [Лукина Н.В., Бардина П.Е., 1994].

В настоящий момент ощущается серьезный дефицит археологических исследований поселений сибирских татар. Исследователей, которые посвятили свои многолетние изыскания древностям сибирских татар совсем немного – это В.П. Левашова, А.П. Дульзон и В.И. Соболев. У всех остальных ученых археологические раскопки комплексов сибирских татар были не более чем эпизодами в их научной деятельности. По этой причине описание

поселений сибирских татар XVI в., к сожалению, весьма не полны и не точны, но это все, что мы имеем.

Система расселения тюркоязычного населения Западной Сибири во второй половине II тыс. н.э. постепенно трансформировалась под влиянием этнополитических процессов, происходивших в ходе формирования и распада государственных образований. Ослабление центральной власти в Золотой Орде и образование самостоятельных ханств привело к формированию нескольких центров развития тюрко-татарского мира. Один из них постепенно оформился в Западной Сибири в районе Чимги-Туры – Искерской дистанции, то есть на землях между двумя столицами сибирских ханств. Обладание этими землями было определяющим в пользу очередного правителя, поэтому именно здесь находились ключевые населенные пункты ханств – Тархан-городок, Карачин городок и т.д. Эти земли заселяли тюменские и тобольские татары – самые многочисленные и наиболее экономически развитые по отношению к другим локальным группам сибирских татар. Население вело оседлый образ жизни, опираясь на развитое комплексное хозяйство, в основе которого лежало скотоводство и земледелие. Исключение составляли, пожалуй, только самые южные группы тюменских татар, которые еще сохраняли к тому времени отгонный способ ведения хозяйства. Поселения находились непосредственно в долинах крупных рек – Туры, Тобола и Иртыша, поэтому населению было удобно заниматься рыболовством на реках и пойменных водоемах и охотой на мигрирующих по долинам этих рек копытным животным.

Эти группы татар – единственные в Западной Сибири к концу XVI в. достигли определенного уровня в развитии ремесленного производства – металлообработке, производству керамики, ткачеству, что позволяло им обеспечивать себя необходимым производственным и житейским инвентарем. В последующее время, в связи с переходом значительного количества земель к русским переселенцам, татары постепенно переселяются на более мелкие речки и озера.

Названия поселений сибирских татар, как правило, имели антропонимическую основу (по имени основателя деревни). Населенные пункты татар, появившиеся в конце XVIII – середине XIX в., стали носить назва-

ния, связанные с их расположением на берегах рек и озер – это более поздний вариант образования наименований деревень. Улицы и края в татарских деревнях нередко имели названия, в которых часто отражались этническая принадлежность, имена или прозвища проживавших там людей. В татарских деревнях встречались также названия, связанные с расположением или значимостью улицы для местных жителей [Титов, 2008].

Развитие земледелия предопределило расположение поселений с учетом свободных пространств для собственно земельных участков и содержания домашних животных. В соответствии с этим поселения находились сравнительно невысоко от уреза воды или имели подгорную часть для оптимального обеспечения своих и хозяйственных нужд водой. Сложность содержания скота на круглогодичном выпасе диктовало строительство временных укрытий для животных и заготовку для них кормов. По этой причине культурный слой на поселениях формировался достаточно быстро и хорошо фиксируется при археологических раскопках на подобных памятниках.

Еще одной особенностью расположения татарских поселений является их приуроченность к торговым путям. Для тюменских татар характерна их ориентация на Старую Казанскую дорогу, которая являлась основной широтной магистралью для лесостепного пояса Западной Сибири. По долинам Ишима, Тобола и Иртыша проходили меридиональные пути, связывающие Сибирь со Средней Азией.

Для больших поселений тюменских и тобольских татар, таких как Бицик-Тура, Суклема, Епанчины юрты, оборонительные системы (при их наличии) выполняли, скорее, статусную роль, подчеркивая положение правителя этих земель. При всех больших городищах фиксируется значительное селище, население которого в случае опасности не могло укрыться внутри этих укреплений. При анализе исследованных археологических комплексов заметно, что фортификационные системы поселений не играли какой-то определенной роли, а достались от более ранних археологических памятников. Имеются случаи, когда жилищно-хозяйственные комплексы располагаются частично на этих укреплениях – рвах и валах.

По планиграфии небольшие поселения не имели определенных принципов расположения жилищно-хозяйственных построек – в основном ряды этих комплексов повторяли

изгибы рельефа, вытягиваясь вдоль коренного берега рек, озер и других природных объектов. Расположение между жилищно-хозяйственными комплексами варьировалось от нескольких десятков до сотен метров. По всей вероятности, это объясняется размерами стада у владельцев этих комплексов – чем многочисленнее, тем больше усадебный комплекс.

Более значительные по размерам сельские населенные пункты приобретают либо уличную планировку, но с односторонним положением усадеб, либо квартальную, не соблюдая при этом строгость расположения кварталов, относительно друг друга – они могут отстоять друг от друга на довольно значительном расстоянии. По этой причине второй тип расположения весьма близок к «хуторской» системе планировки поселений. Следует отметить, что подобная планиграфия поселенческих комплексов наблюдается и у других групп сибирских татар, например, у тарских татар в Прииртышье [Корусенко, Татауров, 1997]. С принятием ислама и формированием мусульманских общин происходит некоторая перепланировка поселений. На самом видном месте – на берегу реки, на возвышенном месте или просто в середине деревни строилась мечеть – она выступала не только религиозным и общественным центром, местом общих собраний, но нередко несла центрообразующую функцию в планировке поселений. В советский период большинство мечетей было разрушено либо они изменили свое назначение, поэтому при анализе планировки татарских поселений не всегда понятен вектор их развития.

Для больших поселений было характерно устройство загонов и сооружений для содержания скота на некотором удалении от жилищ. Например, в юртах Шини-Тамакских на Иртыше скотные дворы были расположены достаточно далеко от жилой части деревни, а один хозяйственный комплекс стоял даже на другом берегу р. Шини [Татауров, 2006 б]. Следует отметить, что с течением времени при этих хозяйственных комплексах стали появляться помещения для содержания скота в особо холодный период – в основном для дойных животных и молодняка.

Для тюркоязычного населения Западной Сибири в конце XVI–начале XVII в. вторым, по отношению к тюменским татарам, центром развития стала территория Среднего Прииртышья и Барабы. Во многом это связано с тем, что именно здесь длительное время находился хан Кучум и отсюда он совершал походы

на занятые русскими земли, а впоследствии эту борьбу подхватили его сыновья и внуки. Татары на этих землях вели полукочевой образ жизни, практикуя отгонное скотоводство. В отдельных случаях практиковался сезонный переезд на сельскохозяйственные земли или на рыболовные или охотничьи угодья. В связи с этим их поселения подразделялись на зимовки – («кышлау») и летовки – («джейлау»). В зависимости от природных условий расстояние между зимними и летними комплексами варьировалось от нескольких десятков до нескольких сотен километров. Зимовки мало чем отличались от поселений тюменских татар, но в некоторых случаях татары в полном составе покидали их, забирая с собой или пряча все более-менее ценное. Поэтому в летнее время года зимние поселения представляли собой заброшенные, без окон и дверей постройки, как будто в них не жили несколько лет.

Летовки население проводило в легких жилищах – юртах или шалашах, редко строились каркасные сооружения. Летовки не всегда имели четкую привязку к определенному месту, их передвигали в районе определенного урочища, выбирая каждый год чистое место с достаточным количеством топлива. В связи с этим культурный слой на месте этих комплексов очень невыразителен, с небольшим количеством объектов и артефактов. Например, в урочище Темеряк, в Тарском Прииртышье фиксируются летние поселения, которые состояли из 90, 120 и более комплексов, при очень слабо насыщенном культурном слое. Приезжая в это урочище, татары ставили свои жилища рядом с прошлогодними, постепенно двигаясь по берегу вверх по реке. Позднее, после того как большинство земель перешло к русским поселенцам и перегоны скота по их землям стали затруднительны, традиция летовок исчезла. Они либо были брошены, либо превратились в постоянные поселения.

Как мы уже отмечали, жилища татар представляли собой каркасно – столбовые постройки с небольшим углублением на 0,3–0,5 м в землю. Наиболее серийно исследованы жилищные комплексы на городище Кучум-гора в Приишимье Р.Д. Голдиной [Голдина, 1969б] и А.В. Матвеевым на городище Екатеринбургское V (Ананьинское) в Тарском Прииртышье [Матвеев, Татауров, 2006б]. Небольшие по размерам жилища обогривались чучалами, на которых в зимнее время готовили пищу.

В теплое время года на постоянных поселениях была распространена традиция летних кухонь, когда приготовление и прием

пищи проводились под навесами, где строились либо открытые очаги, либо чучалы. Такой способ готовки пищи распространен до настоящего времени среди более северного к татарам хантыгйского и селькупского населения. Также отметим, что эти летние комплексы татары либо углубляли в почву на 30–40 см, либо нет. В Тарском Прииртышье на поселениях Черталы I и Бергамак III, в дополнение к летним печам, рядом под навесами были зафиксированы тандыры – полусферические печи для выпечки лепешек. Наличие таких печей указывает на заимствования подобных сооружений у населения Средней Азии [Мельников, 1996]. Как мы видим, в данном случае, относительно конструкции летних кухонь и тандыров наблюдаются два влияния – северное, связанное с хантыгйским и селькупским населением, и южное, привнесенное сюда бухарцами.

Существовал у татар еще один вид жилых объектов, которые с некоторой натяжкой можно отнести к поселенческим комплексам. Это временные хозяйственные – рыболовные или охотничьи стоянки. Чаще всего это одна или несколько полуземлянок, с шалашами, приспособлениями для сушки сетей и других снастей или помостами для разделки зверей, сушки шкур и т.д. Такие станы сооружались в непосредственной близости от охотничьих или рыболовных угодий. В них проживала небольшая артель промысловиков в сезон лова рыбы или добычи зверя. В зависимости от условий в жилищах хранился круглогодично или временно промысловый инвентарь (поэтому его отсутствие при раскопках поселений отнюдь не означает, что население этим промыслом не занималось). После присоединения Сибири к Российскому государству на картах такие станы вместе с летовками стали именоваться «Отхожими юртами» и оставались закрепленными за татарами, так как являлись основными местами добычи пушного зверя. Русские переселенцы в процессе освоения сибирских земель переняли этот способ хозяйствования, что отразилось в появлении заимок, устроенных по тому же принципу.

По определенному принципу относительно поселения располагаются кладбища-мазараты. У прииртыгйских татар они, как правило, находятся ниже по течению реки или на другом берегу речки, если она небольшая и через нее есть переход или мостик. Между поселением и могильником обязательно должна быть природная преграда, если ее нет то устраивали искусственную в виде небольшой

канавы, ограды и т.д. В зависимости от этнического состава татар у поселения может быть не один, а два и даже больше мазаратов. Например, у жителей юрт Шиш-Тамакских было два действующих мазарата и один, на котором захоронения уже не проводились. Длительное время сибирские татары не выделяли отдельных мусульманских кладбищ (за исключением городов), но при анализе внутренней планиграфии могильников фиксируется определенная системность в концентрации родовых и семейных захоронений, поэтому те семьи, которые приняли ислам, просто в рамках традиции хоронились отдельно [Корусенко, Тагауров, 1997].

В XVII в. под влиянием русских переселенцев в обиход сибирских татар входят срубные жилища, в которых сохраняются только некоторые элементы традиционных татарских жилищ – самцовые перекрытия, дерновые крыши, чувалы и т.д. [Селезнев, 1994]. Изменяется и планиграфия поселений – широкое использование гужевого транспорта приводит к распространению уличной застройки. К концу века татарские поселения по своему внешнему виду стали мало отличаться от русских деревень. Различия продолжали существовать только в хозяйственных частях усадеб, так как татары значительно позднее переходят к стойловому содержанию домашних животных, поэтому значительную часть жилищно-хозяйственных комплексов у татар продолжают занимать открытые или частично закрытые загоны.

Воссоздавая облик поселения сибирских татар конца XVI в., следует для начала представить двоячную или даже троячную систему их проживания в течение года: зимовка – летовка – временный промысловый стан. Причем практически для каждого крупного поселения эта система будет специфична в силу расстояния между этими комплексами и значения той или иной отрасли хозяйства в экономике этой группы. Так, например, у татар, основу хозяйства которых составляло скотоводство и земледелие, охотничьих и рыболовных станом могло и не быть. И, наоборот, у прииртышских татар летовки и были теми самыми промысловыми комплексами, на которых их хозяева проводили практически весь период открытой воды.

Такая же ситуация наблюдается и при изучении планиграфии самих поселений.

В больших селах в процессе распространения ислама центром населенного пункта становится мечеть, относительно которой закладывались новые дома или размечались целые улицы. В домусульманское время определенным центром поселения было культовое дерево, как правило, сосна, около которой совершались основные обряды. Далее идет жилищный или жилищно-хозяйственный комплекс и на окраине населенного пункта загоны для скота. За определенной природной или искусственной преградой располагалось кладбище – мазарат.

С течением времени изменялись и строительные материалы, которые использовали сибирские татары при возведении жилищ и хозяйственных объектов. Для XVI в. характерно использование дерновых и саманных кирпичей, различных плетеных конструкций, обмазанных глиной. Развитие каркасно-столбовых конструкций ведет к увеличению доли древесины при строительстве и, в итоге к появлению срубных оснований или стен в полуземлянках. С начала XVII в. наблюдается отказ от землянок и строительство наземных жилищ. В южнотаежной зоне эти жилища постепенно приобретают полностью срубную конструкцию, а на более южных землях использование дерновых и саманных кирпичей продолжалось очень долго. Их и сейчас можно встретить в развалинах старых хозяйственных построек.

Подводя итог, следует сказать, что приход русского населения принес огромное количество инноваций в жизнь тюркоязычного населения Западной Сибири. Под этим влиянием, а также в связи с деятельностью местных и центральных администраций, это население практически полностью изменило свой образ жизни. Традиционные жилища сменяют рубленые дома, отгонный способ скотоводства заменяется на придомное или стойловое содержание животных с заметно увеличивающейся долей земледелия. С потерей земель исчезают летние поселения, и население начинает вести полностью оседлый образ жизни. В связи с этим поселения все больше становятся похожими на русские деревни, и только мечеть, которая располагалась на главной улице деревни да язык, на котором общались жители, говорил о том, что в данном месте живут сибирские татары.

Таблица № 1. Упоминания о городках Сибирского ханства в источниках и научной литературе (к разделу 6.4)

№ п.п.	Ремезов С.У. «История Сибирская»	Летопись Сибирская краткая Кунгурская	Строгановская летопись по списку Спасского	Еспловская летопись по Бузуновскому списку	Ремезовская летопись	Хади Атгласи	С.В. Бахрушин	Г.Ф. Миллер, И.П. Фальк	З.А. Тычинских
1	Еланчин			Еланчин юрт	Яланчин городок			Еланчин	
2							Город, принадлежавший «Кучумову брату»?	Городище Кучумова брата (Небольсин юрт)	«Город Кучумова брата»
3	Томень./Чимги-Тура		Град Чингий	Городок Чингиди	Чингыд Град	Чинки-тура (Чинги-Тура)		Чимги-Тура	Чимги-Тура
4						Клынар-городок	Клынарский городок	Клынарский городок	Клынар-городок
5						старинный город Чубар-Тура	Зубар-тура (Чубарово городище)	Чубар-Тура	старинный город Чубар-Тура
На реке Тобол									
6						Явлу Тура	Явлу тура	Явлутура	Явлу-Тура
7	Тарханский городок			Тарханский заставной таможенный городок	Тархан-Кала	Тархан-Кала	Заставный Кучумов городок, Тарханский городок	Тарханский городок, Тархан-калла	Тархан-Кала Заставный городок на горе Ягман
8							Укрепление на холме Цыгырлы		Цыгырлы
9							Городище Акцибар-кале	Акцибар-кале	Акцибар-кала

						Город опасный есаула Альшая	Город опасный есаула Альшая	«Город опасный» есаула Альшая	
Кучумова есаула Альшая сторожевой городок						Город опасный есаула Альшая	Город опасный есаула Альшая		
Карачин городок						Городок Карачин	Город, принадлежавший Кучумову караче	Городок Карачин	Карачин
На реке Иртыш ниже устья р. Тобол									
Бицьяк-Тура						Бицьяк-Тура (Бицьяк-Тура)	Бицьяк-Тура	Бицьяк-Тура	Бицьяк-Тура
Сузга /Сузгун						Сузга /Сузгун	Сузгун (Сузгун-Тура)	Сузгун	Сузгун-Тура
Аремянский острожек							«Крепкий татарский городок» в устье р. Аримзянка		«крепкий татарский городок» на р. Аримзянке
		Тургаское городище				Тургайское городище	Городок Тургас	Тургаское городище	
		Город князя Демаяна				Город большого зборного князя Демаяна		Городок Демаяна	
		Рачево городище						Рачево городище	
		Нарымский городок				Нарымский городок		Нарымский городок	Нарымский городок
		Колпуховская крепость				Колпухов городок		Колпухов городок	
		Самар						Два города князя Самара	Городок Самара

На реке Тавле									
	Лабутинский городок			Лабутинский городок	Лобото		Лабутинский городок		Лабутинский городок
	Паченка								
	Кошуки								Кошутский городок
	Кондырбай	Чандырская крепость		Чандырский городок					Чандырский городок
	Табары				город Табура				Табаринский городок
На реке Вагай									
		Агинский городок							
На реке Иртыш выше устья р. Тобол									
	Городок Атики мурзы /Агинский городок		Городок Атик мурзы	Городок Атик мурзы /Агинский городок	Городок Атык мурзы	Городок мурзы Атика	Городок мурзы Атика	Городок мурзы Атика	Городок мурзы Атика
	Чувашский город			Город на горе Чуваской	Маленький городок на мысу Чуаш (Чуваши)	Городок на Чувашском мысе,	Чуваши	Чуваши	Чуваши
	Кашлык / Сибирь		Сибирь	Сибирь	Искер	Искер	Искер	Искер	Искер (Сибирь)
	Абалак				Кызыл-Тура			Абалак (Ебалак)	Абалак
		Бегитев городок		Большого князя Бегитша городок	Баш (Бикеш)	Городок князя Бегитша	Городок князя Бегитша	Городок князя Бегитша	«Княжев городок»

									Каурдак	
	Укрепление царя Саргачика				Древнее погребение царя Саргачика					
	Тобендя. Нижняя крепость князя Елыгая				Тобендя. Нижняя крепость князя Елыгая	Тибетде			Городок Тобенда (Тювенда)	
									Ишим-Кала	
Кызыл-Тура					Град на Красном яру Кызыл-Тура	Кызыл-Тура	Кызыл-Тура	Кызыл-Тура	Кызыл-Тура	Кызыл-Тура
	Крепость Куллары				Крепость Куллары городок	Коллар	Куллары	Куллары	Куларский городок	
	Ташатканская крепость				Ташатканский городок	Таш-Аткан	Ташаткан	Ташаткан	Ташаткан	Ташаткан
						Ялым				Ялым
						Кечкене	Малый городок на Вузокове озере	Малый городок на Вузокове озере		Малый город
						Кара-Атау			Черный городок	Черный городок
На реке Таре										
						Городок Тунус	Городок Тунус	Городок Тунус	Тунус, городок мурзы Чангулы	Тунус, он же Город мурзы Чангулы
В Барабе										
						Луба				
						Мирзагали				Мерзый городок

На реке Томи									
								Тон-Тура	
Не ясное местонахождение									
								Тоянов городок	
	Абугиновы городки								Обухов городок
							Городки по берегам оз. Кунда		
								Татарский городок Поменского уезда Ленский	Иленинский
								Татарский городок Поменского уезда Черноярский	Черноярский
									Катаргулов городок

7. ВОЕННОЕ ДЕЛО

7.1. НАСТУПАТЕЛЬНОЕ ВООРУЖЕНИЕ

Среди самых крупных татарских государств, образовавшихся в Западной Сибири после распада Золотой Орды, были Тюменское и Сибирское ханства. Эти государственные образования, сменив одно другим, просуществовали в течение эпохи позднего Средневековья, в течение XV – XVI вв. В дальнейшем сторонники восстановления государственности сибирских татар продолжали борьбу с российскими властями вплоть до конца XVII в. Татарское государство в Западной Сибири включало в свой состав различные этнические группы сибирских татар. В вассальной зависимости от правителей Сибирского ханства находились угорские и самодийские племена, населявшие таежные районы Западно-Сибирского региона. Они платили сибирским ханам подати пушнинной и предоставляли по их требованию свои военные отряды для участия в военных действиях в составе татарских войск.

Сибирское ханство находилось на обширной территории лесостепных и степных районов Западной Сибири, по которой пролегли важные торговые пути, связывавшие этот регион с Восточной Европой и Средней Азией. Во времена Сибирского ханства на его территории существовали татарские городки и другие оседлые поселения, которые были центрами ремесла, торговли и земледелия. В этом государстве получила распространение одна из ведущих мировых прозелитарных религий – ислам – и применялась арабская письменность. Правители Сибирского ханства поддерживали контакты с Казанским и Бухарским ханствами, Казахскими жузами и Ногайской Ордой. Во главе Бухарского ханства находились правители из правящего рода Шибанидов, потомков Чингиз-хана. Сибирское ханство имело выгодное географическое положение, располагало значительными людскими и экономическими ресурсами, владело боеспособными вооруженными силами. Данное государство обладало определенным потенциалом для своего развития. Однако среди правящей элиты этого государства существовали острые противоречия и борьба за власть.

Отношения тюменских и сибирских ханов с Московским государством были неравными. В отдельные периоды сибирские

правители признавали свою вассальную зависимость от московских великих князей или прерывали отношения и посылали свои войска через Уральский хребет, в Прикамье, где грабили местное население. После похода в Сибирь в конце XVI в. отряда русских казаков под командованием атамана Ермака начался процесс присоединения сибирских земель к Российскому государству, который в дальнейшем стал необратимым [Окладников, 1979, с. 5]. В XVII в., в течение последующего периода противостояния сторонников восстановления Сибирского ханства, возглавляемых потомками и наследниками хана Кучума, с российскими властями в Сибири, Кучумовичи пользовались поддержкой тюркских и монгольских кочевников, джунгар и телеутов [Уманский, 1995, с. 12–45].

Ряд ценных информативных сведений о военном деле, в том числе о наступательном оружии дистанционного и ближнего боя сибирских татарских воинов, содержится в исторических, иконографических, археологических и этнографических источниках. Среди европейских путешественников и ученых интерес к военной истории Сибирского ханства отчетливо проявился с XVII в., когда потомки и наследники хана Кучума продолжали бороться за восстановление Сибирского ханства. Некоторые сведения о событиях военной истории сибирских татар, содержащиеся в сочинениях европейцев, интересовавшихся торговыми путями в страны Востока или побывавших в Северной Азии в качестве дипломатов, военных специалистов и администраторов на российской службе в XVII – XVIII вв., были введены в научный оборот отечественными исследователями в XX в. [Алексеев, 1941, с. 322, 327; Зиннер, 1968, с. 15–23]. Отдельные сведения о сибирских служилых татарах содержатся в записках европейского дипломата на российской службе Э.И. Идеса [Идес, Бранд, 1967, с. 82]. Некоторые данные о военных действиях между русскими казаками и сибирскими татарами и древностях имеются в сочинении Н.К. Витсена [Витсен, 2010, с. 783–784; Зиннер, 1968, с. 16–23]. В этом сочинении содержатся информативные сведения о походе Ермака в Сибирь и об оружии сибир-

ских татарских воинов, в том числе о двух пушках, привезенных из Казани. В сочинении Д. Белла упоминается о том, что во время похода Ермака татарский хан собрал многочисленное войско конных и пеших воинов, вооруженных «луками, стрелами, копьями другими подобными оружиями» [Зиннер, 1968, с. 47]. В первой четверти XVIII в. развалины некоторых татарских крепостей в Западной Сибири осмотрел руководитель первой российской научной экспедиции Д. Г. Мессершмидт [Messerschmidt, 1962, s. 74–78]. В его сочинении отмечено, что барабинские татары использовали копьа с флажками в ритуальных целях [Messerschmidt, 1962, s. 58]. Основной фонд русских письменных источников по военной истории сибирских татар в период присоединения Западной Сибири к Российской империи был собран и изложен в фундаментальном труде по истории Сибири Г.Ф. Миллером [Миллер, 1999, с. 216–257]. В научном труде по истории Сибири приведены сведения об использовании татарскими воинами луков, стрел и других видов оружия [Миллер, 1999, с. 216]. Во второй половине XIX в. некоторые материалы о предметах вооружения из погребальных памятников сибирских татар были изучены В.В. Радловым [Радлов, 1989, с. 453]. В начале XX в. некоторые предметы вооружения из городища Искер были изучены В.Н. Пигнатти [Пигнатти, 2010, с. 212]. В 1925 г. информация о луке и колчане со стрелами сибирских татар была опубликована в статье Р. Карутца [Karutz, 1925, с. 70]. Городище Тон-Тура было исследовано В.П. Левашовой [Левашова, 1950, с. 341]. В 1955 г. сведения о сибирских служивых татарах в период присоединения Западной Сибири к Московскому царству были рассмотрены С.В. Бахрушиным [Бахрушин, 1955 в, с. 156–158, 165–166]. В дальнейшем события истории присоединения западносибирских земель, населенных сибирскими татарами, были проанализированы Р.Г. Скрынниковым [Скрынников, 1982, с. 155–159]. Предметы вооружения из раскопок позднесредневековых памятников сибирских татар в Барабинской лесостепи были изучены В.И. Молодиным, В.И. Соболевым и А.И. Соловьевым [Молодин, Соболев, Соловьев, 1990, с. 99–118; Соболев, 2008, с. 155–169]. Оружие дистанционного боя татарских воинов в Прииртышье было рассмотрено Б.А. Кониковым и автором настоящей статьи [Коников, Худяков, 1981, с. 184–188]. Изучение оружия дистанционного и ближнего боя сибирских татар было продолжено автором данной статьи и другими

исследователями [Худяков, 2000 б, с. 72–75; Худяков, 2001, с. 252–263; Бобров, Борисенко, Худяков, 2010, с. 30–54; Матвеев, Татауров, 2012 а, с. 173–204].

Сибирские татарские воины имели в своем распоряжении различные виды наступательного вооружения. Основным оружием дистанционного боя воинов Сибирского ханства на протяжении всего периода его существования и последующей борьбы за восстановление этого государства были луки и стрелы. Оценивая сведения о вооружении сибирских татарских воинов из русских письменных источников по Сибири, Г.Ф. Миллер, среди разных видов татарского вооружения, назвал луки и стрелы наряду с копьями и саблями – «обыкновенным оружием татар» [Миллер, 1999, с. 225]. В процессе раскопок позднесредневековых археологических памятников в Барабинской лесостепи были обнаружены косятные накладки и деревянные детали кибитей, среди которых было выделено несколько типов сложносоставных луков [Молодин, Соболев, Соловьев, 1990, с. 44].

К первому типу относятся луки со срединной фронтальной накладкой. Находки накладок от двух таких луков были обнаружены в ходе раскопок могильника Абрамово-10, погр. 57 в Барабе [Молодин, Соболев, Соловьев, 1990, с. 44]. Длина кибити лука по расположению одной срединной фронтальной накладки в не установлена. Срединные фронтальные накладки у луков этого типа были длинными, массивными с расширенными концами, поэтому называют вислообразными (рис. 71, 3). Луки подобной конструкции, с одной срединной фронтальной накладкой с расширенными концами появились на вооружении у кочевников Верхнего Прииртышья в завершающий период эпохи раннего Средневековья [Худяков, 1986, с. 208]. Однако наиболее широкое распространение среди кочевников Центрально-Азиатского региона такие луки получили в эпоху развитого Средневековья, в период монгольских завоеваний [Худяков, 1991, с. 99]. Поэтому в научных работах, посвященных истории оружия, их называют «монгольскими», или луками «монгольского типа» [Савинов, 1981, с. 161–162]. Находки подобных накладок в одном из памятников Барабинской лесостепи свидетельствуют о том, что сибирские татарские воины имели на вооружении подобные луки со срединными фронтальными накладками.

Ко второму типу относятся луки со срединными и плечевыми фронтальными наклад-

ками. Находки накладок от двух луков этого типа были обнаружены в памятнике Абрамово-10, погр. 48 и 112 в Барабинской лесостепи [Молодин, Соболев, Соловьев, 1990, с. 44, 148, 159]. Длина кибити лука по расположению накладок в могиле не устанавливается. Срединные фронтальные накладки от луков данного типа были длинными, массивными, с расширенными концами (рис. 71, 1, 2, 7). Плечевые накладки у одного из луков были широкие и массивные, у второго – длинные и узкие. Каждый из этих луков может быть отнесен к разным вариантам луков второго типа. Подобные луки применялись для прицельной стрельбы кочевниками Саяно-Алтая и Центральной Азии в эпоху развитого Средневековья [Худяков, 1997, с. 62]. Находки луков этого типа в памятниках сибирских татар свидетельствуют о том, что они продолжали использоваться в эпоху позднего Средневековья.

К третьему типу можно отнести луки без костяных накладок. Остатки деревянной кибити лука данного типа были обнаружены в могильнике Абрамово-10, в погр. 46 в Барабе [Молодин, Соболев, Соловьев, 1990, с. 44]. Судя по сохранившимся деревянным деталям, кибить данного лука была двухслойной, с вклеенной деревянной фронтальной накладкой и деревянными концами (рис. 71, 4). Деревянная кибить была обклеена берестяной обмоткой. В срединной части кибити одного из луков данного типа находилась металлическая скоба с загнутым концом. Исследователи высказали предположение о том, что данная деталь могла служить для направления полета стрелы в момент выстрела [Молодин, Соболев, Соловьев, 1990, с. 47]. Лук сибирских татар с цельнодеревянной кибитью, с расширением в центральной части и изогнутыми плечами, был изучен Р. Карутцем (рис. 71, 5) [Karutz, 1925, s. 70; abb. 15]. Луки со стрелами изображены в руках у многих сибирских татарских пеших и конных лучников на миниатюрах Ремезовской летописи [Сибирские летописи, 2008, с. 469, 472–474, 479, 492, 494, 496, 500, 519–521]. На этих рисунках луки воспроизведены с вогнутой серединой, выгнутыми в сторону стрельбы плечами и изогнутыми концами. У некоторых луков на концах показаны ушки – арочные вырезы для крепления петель тетивы. Как правило, луки показаны с натянутой тетивой и настороженной, готовой к выстрелу, стрелой.

Судя по изученным археологическим находкам и этнографическим материалам, сибирские татарские лучники имели на во-

оружии луки разных форм, включая широко распространенные типы и редкие своеобразные формамы оружия дистанционного боя. Это может быть свидетельством в пользу того, что сибирские татары не были в стороне от наиболее известных и значимых достижений в развитии данного вида оружия в кочевом мире в течение эпохи позднего Средневековья.

Сибирские татарские лучники носили свои луки в походном положении в специальных кожаных чехлах – налучьях, внутрь которых лук помещался с надетой тетивой. Налучье имело широкую открытую горловину и плавное сужалось к нижнему концу. Лук размещался внутри такого кожаного чехла примерно на половину своей длины. На миниатюрах Ремезовской летописи иногда показаны налучья, подвешенные к поясу воинов в наклонном положении, горловиной вперед, нижним концом назад [Сибирские летописи, 2008, с. 496]. На нескольких миниатюрах показан лук в походном положении, вложенным в налучье [Сибирские летописи, 2008, с. 273, 490, 497]. В эпоху позднего Средневековья внешняя сторона налучья нередко богато украшалась фигурными бляшками и накладками. Однако на изученных летописных рисунках такие детали не показаны.

На вооружении у сибирских татарских лучников были стрелы с широким и достаточно разнообразным набором железных и костяных наконечников. Все железные наконечники сибирских татар относятся к отделу черешковых. По сечению пера они подразделяются на несколько групп.

Группа I. Плоские наконечники. Насчитывает 8 типов.

Тип 1. Асимметрично-ромбические. К данному типу можно отнести 14 экземпляров из памятников: Искер, Кучум-гора, Малая Тебендя, Окунево – VII, Туруновка – 2, Абрамово – 10, к. 10, погр. 4; 16, 23, 322, 57 в Прииртышье, Пришимье, Барабинской лесостепи, к данному типу относятся некоторые случайные находки из Прииртышья. [Троицкая, Молодин, Соболев, 1980, табл. XXIII, 6; Коников, Худяков, 1981, с. 185; Коников, Худяков, 1983, с. 99; Худяков, 1985, с. 103; Соловьев, 1987, с. 30, табл. IV, 7; Молодин, Соболев, Соловьев, 1990, рис. 41, 5, 7–9; Худяков, 2007, с. 242, рис. 2, 17; Матвеев, Татауров, 2012 а, рис. 36, 44, 46, 48]. Длина пера – 5 см, ширина пера – 2, 5 см, длина черешка – 3 см. Наконечники с тупоугольным острием, асимметрично-ромбическим пером, полыми плечиками, упором (рис. 72, 1, 7, 9, 13; 3, 11, 14, 17). Подобные наконечники появились у кочевников Центрально-Азиатского историко-

культурного региона в хуннское время [Худяков, 1986, с. 103; рис. 7, 10]. Однако наиболее широкое распространение в кочевом мире они получили в период монгольских завоеваний в эпоху развитого Средневековья [Худяков, 1991, с. 105–106]. Подобные стрелы продолжали применяться номадами в последующие эпохи позднего Средневековья и этнографической современности [Михайлов, 1993, с. 59].

Тип 2. Удлиненно-ромбические. К данному типу можно отнести 8 экземпляров из памятников: Абрамово-10, БергамакII, Искер, Кип, ОкуневоVII, Усть-Ишим, Чепларово-27, Черталы – 3 в Прииртышье, Приишимье, Барабинской лесостепи, к этому типу относятся некоторые случайные находки из Прииртышья [Пигнатти, 2010, табл. III, 8; Конилов, Худяков, 1981, рис. 1, 9; 2, 2; Конилов, Худяков, 1983, рис. 3, 3; Конилов, 1987, рис. 1, 6; Молодин, Соболев, Соловьев, 1990, рис. 41, 5, 8; 42, 2, 4; Матвеев, Татауров, 2012 а, рис. 36, 28, 29, 32, 33, 42, 43, 45]. Длина пера – 7 см, ширина пера – 3 см, длина черешка – 4 см. Наконечники с остроугольным острием, удлиненно-ромбическим пером, пологими плечиками, упором (рис. 72, 2, 4–6, 8, 10, 12). Подобные наконечники стрел впервые появились в комплексе вооружения хуннских кочевников [Коновалов, 1976, табл. I, 3, 6, 7; Давыдова, 1985, рис. IX, 6; Худяков, 1986, с. 32–33]. В последующий период схожие по форме стрелы были на вооружении у сяньбийских воинов [Худяков, Юй Су-Хуа, 2000, с. 39]. Близкие по форме стрелы были на вооружении у кочевников Центральной Азии в древнетюркскую эпоху [Худяков, 1986, с. 147, 186]. Подобные наконечники продолжали применяться центрально-азиатскими номадами и в монгольское время [Худяков, 1991, с. 76, 113]. Они использовались тюркскими и монгольскими кочевниками в эпоху позднего Средневековья [Бобров, Борисенко, Худяков, 2010, с. 58, 73, 84, 101].

Тип 3. Боеголовковые. К этому типу можно отнести 24 экземпляра наконечников стрел из городища Искер, ОкуневоVII, Туруновка 2, из случайных сборов в Прииртышье и Барабинской лесостепи [Пигнатти, 2010, табл. III, 10, 11, 13; Конилов, Худяков, 1981, с. 184–185; Конилов, Худяков, 1983, с. 102; Молодин, Соболев, Соловьев, 1990, рис. 41, 2; Худяков, 2007, с. 242; Матвеев, Татауров, 2012 а, рис. 36, 16, 22, 24]. Длина пера – 6, 5 см, ширина пера – 1, 5 см, длина черешка – 2 см. Наконечники с остроугольным острием, выделенной боевой головкой, удлиненной шейкой, упором (рис. 72, 11). Боеголовковые на-

конечники получили широкое распространение в кочевом мире в эпоху развитого Средневековья [Худяков, 1980, с. 95; Худяков, 1991, с. 108–109; Худяков, 1997, с. 10, 35, 46, 65, 82]. В последующий период позднего Средневековья подобные стрелы продолжали широко применяться воинами тюркских и монгольских кочевых народов [Бобров, Худяков, 2008, с. 96–97; Бобров, Борисенко, Худяков, 2010, с. 58, 101]. Были на вооружении у кочевников Центральной Азии вплоть до этнографической современности [Дьяконова, 1966. С. 357].

Тип 4. Томары. К данному типу относятся 4 экземпляра наконечников из памятников: Абрамово-10, Искер, Туруновка 2, из случайных находок в Прииртышье и Барабинской лесостепи [Пигнатти, 2010, табл. III, 15; Троицкая, Молодин, Соболев, 1980, табл. XXII, 5; Конилов, Худяков, 1983, с. 100–101; Худяков, 2007, с. 242; Бобров, Борисенко, Худяков, 2010, с. 38]. Длина пера – 5, 5 см, ширина пера – 1, 5 см, длина черешка – 3 см. Наконечники с тупым острием, полуovalным пером, покатыми плечиками, упором (рис. 73, 16). Наконечники стрел с тупым острием впервые стали использоваться в Южной Сибири и Центральной Азии в I тыс. н. э. [Худяков, 1986, с. 72, 92, 112, 146]. В эпоху развитого средневековья подобные стрелы были на вооружении у тюркских и монгольских кочевников [Худяков, 1991, с. 76, 106–107; Худяков, 1997, с. 10–11, 35, 64–65, 108]. В эпоху позднего средневековья они появились на вооружении у сибирских татарских воинов [Конилов, Худяков, 1983, с. 100–101; Молодин, Соболев, Соловьев, 1990, рис. 43, 1].

Тип 5. Секторные. К этому типу плоских стрел относится 5 экземпляров из памятников: Абрамово-10, Туруновка 2 в Барабинской лесостепи и случайных находок в Омском Прииртышье [Троицкая, Молодин, Соболев, 1980, табл. XXIII, 7; Конилов, Худяков, 1983, рис. 4, 4; Молодин, Соболев, Соловьев, 1990, рис. 42, 14]. Длина пера – 4, 2 см, ширина пера – 2, 2 см, длина черешка – 2, 5 см. Наконечники с округлым острием, секторным пером, пологими плечиками, упором (рис. 73, 13, 15). Плоские железные наконечники с секторным пером впервые появились на вооружении у хуннов и сяньбителей [Коновалов, 1976, табл. I, 10; Худяков, 2005, с. 22, рис. IV, 19]. Такие стрелы применялись тюркскими и монгольскими кочевниками Центрально-Азиатского региона в раннем и развитом Средневековье [Худяков, 1986, с. 147, рис. 64, 41; Худяков, 1991, с. 36, 111–112]. В эпоху позднего Средневековья такие стрелы были на

вооружении сибирских татар, енисейских кыргызов и телеутов [Бобров, Борисенко, Худяков, 2010, с. 58, 84].

Тип 6. Вильчатые. К этому типу можно отнести 1 экземпляр наконечника из памятников: Искер, Усть-Ишим, из случайных находок в Прииртышье и Приишимье [Конилов, Худяков, 1981, с. 186; Конилов, Худяков, 1983, с. 101]. Длина пера – 4, 5 см, ширина пера – 4 см, длина черешка – 5, 5 см. Наконечники с раздвоенным острием, пологими плечиками (рис. 72, 3). Подобные наконечники получили распространение у тюркских и монгольских этносов Центральной Азии и племен таежной полосы Западной Сибири в периоды развитого и позднего Средневековья, вплоть до этнографической современности [Конилов, 1987, рис. 1, 10; Худяков, 1991, с. 76, 110; Худяков, 1997, с. 11–12, 35, 47, 66, 82, 109]. Подобные стрелы у некоторых народов Сибири считаются охотничьими [Гемуев, Соловьев, 1984, с. 41–45].

Тип 7. Вытянуто-пятиугольные. К данному типу относятся 2 экземпляра из городища Искер в Прииртышье [Худяков, 2007, с. 242]. Длина пера – 6, 5 см, ширина пера – 1, 2 см, длина черешка – 2, 3 см. Наконечники с остроугольным острием, вытянуто-пятиугольным пером и прямыми плечиками. Подобные стрелы в памятниках древних и средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии не выявлены.

Тип 8. Удлиненно-треугольные. К данному типу относятся 3 экземпляра из памятника Искер в Прииртышье [Конилов, Худяков, 1981, с. 186]. Длина пера – 5 см, ширина пера – 1, 5 см, длина черешка – 4, 5 см. Наконечники с остроугольным острием, удлиненно-треугольным пером и прямыми плечиками. Подобные наконечники у кочегово населения Центральной Азии не встречаются.

Все типы стрел с плоским сечением пера были предназначены для поражения легковооруженных противников, не защищенных металлическими доспехами.

Группа II. Линзовидные наконечники. Представлена одним типом.

Тип 1. Боеголовковые. К этому типу можно отнести 16 наконечников, найденных на городище Искер [Худяков, 2007, с. 242]. Длина пера – 6, 5 см, Ширина пера – 1, 5 см, Длина черешка – 2 см. Наконечники с остроугольным острием, выделенной боевой головкой, удлиненной шейкой и упором (рис. 73, 1, 4–7). Стрелы такой формы впервые начали применяться древними кочевниками хунно-сяньбийского времени в Саяно-Алтае [Худяков, 2005,

с. 29, 43, 47]. В эпоху развитого Средневековья близкое по форме стрелы были на вооружении у киданьских и монгольских воинов, а так же у восточных кыпчаков [Худяков, 1991, с. 114; Худяков, 1997, с. 109].

Группа III. Ромбические. Представлена двумя типами.

Тип 1. Боеголовковые. К данному типу можно отнести 1 экземпляр из памятника Бергамак II в Прииртышье [Матвеев, Татауров, 2012 а, рис. 36, 10]. Длина пера – 5 см, ширина пера – 1, 2 см, длина черешка – 2,5 см. Наконечник с остроугольным острием, выделенной удлиненно-ромбической боевой головкой, короткой шейкой и упором (рис. 73, 8). Подобные наконечники изредка встречаются в памятниках булан-кобинской культуры в Горном Алтае [Худяков, 2005, с. 36]. В эпоху развитого средневековья такие стрелы были на вооружении у киданьских и монгольских воинов, енисейских кыргызов, кыштымов и восточных кыпчаков [Худяков, 1991, с. 75, 114; Худяков, 1997, с. 12–13, 34, 110–111]. В эпоху позднего средневековья подобными стрелами поражали противников, помимо сибирских татар, енисейские кыргызы икыштыми [Бобров, Борисенко, Худяков, 2010, с. 59, 73].

Тип 2. Удлиненно-ромбические. К этому типу относится 2 экземпляра из памятника Бергамак II в Прииртышье [Матвеев, Татауров, 2012а, рис. 36, 9; Герасимов, 2013, рис. 1, 5]. Длина пера – 4, 5 см, ширина пера – 1, 2 см, длина черешка – 3 см. Наконечники с остроугольным острием, удлиненно-ромбическим пером, пологими плечиками и упором (рис. 73, 9). Подобные стрелы были на вооружении в эпоху раннего средневековья у кимаков [Худяков, 1986, с. 186]. В последующий период развитого Средневековья такие стрелы применялись киданями, монголами, енисейскими кыргызами, кыштымами и восточными кыпчаками [Худяков, 1991, с. 75, 114; Худяков, 1997, с. 12–13, 34, 110–111]. В позднем средневековье подобные стрелы использовали сибирские татары, енисейские кыргызы и кыштымы [Бобров, Борисенко, Худяков, 2010, с. 59, 73].

Группа IV. Четырехгранные. Включает 2 типа.

Тип 1. Боеголовковые. К данному типу можно отнести 2 экземпляра из памятника Искер в Прииртышье [Худяков, 2007, с. 242]. Длина пера – 5, 5 см, ширина пера – 1, 3 см, длина черешка 3, 7 см. Наконечники с остроугольным острием, выделенной удлиненно-ромбической боевой головкой, удлиненной или короткой шейкой, упором (рис. 73, 2,

12). Четырехгранные железные наконечники впервые появились на вооружении у хуннов [Худяков, 1986, с. 31]. В последующую эпоху раннего Средневековья подобные стрелы использовали древние тюрки, енисейские кыргызы, кимаки и телесские племена [Худяков, 1980, с. 147, 186; Худяков, 1991, с. 13, 35, 56]. Близкие по форме наконечники стрел применялись монголами и енисейскими кыргызами в развитом средневековье [Худяков, 1997, с. 13]. В эпоху позднего Средневековья такие наконечники были на вооружении у западных и восточных монголов, и сибирских татар [Бобров, Борисенко, Худяков, 2010, с. 37].

Тип 2. Вытянуто-пятиугольные. К этому типу относится 1 экземпляр из памятника Искер в Прииртышье [Худяков, 2007, с. 242]. Длина пера – 4, 3 см, ширина пера – 1, 4 см, длина черешка 1, 5 см. Наконечник стрелы с остроугольным острием, вытянуто-пятиугольным пером, упором (рис. 73, 3). Близкие по форме наконечники были у кочевников козальской культуры в Туве [Худяков, 1986, с. 71]. В период раннего Средневековья подобные стрелы применяли уйгуры и кимаки [Худяков, 1986, с. 172, 186]. В развитом Средневековье такие наконечники использовали енисейские кыргызы и восточные кыпчаки [Худяков, 1997, с. 33, 110].

В результате проведенного формально-типологического анализа установлено, что сибирские татарские лучники располагали достаточно широким спектром стрел с железными наконечниками, относящихся к различным типам. Среди них количественно преобладали стрелы с железными плоскими наконечниками, предназначенные для поражения легковооруженных противников, не располагавших средствами индивидуальной металлической защиты. В их числе преобладали разнообразные плоские наконечники сравнительно небольших размеров. Крупные плоские наконечники в археологических памятниках сибирских татар встречаются достаточно редко. Значительно менее представительным у сибирских татарских воинов был набор универсальных и бронебойных стрел. Вероятно, такой набор железных стрел сформировался в комплексе вооружения сибирских татарских воинов в процессе ведения военных действий против угорских и самодийских племен, населявших северные таежные районы Западной Сибири. Он вполне соответствовал сложившимся в эпоху позднего Средневековья военным нуждам сибирских татар. Однако такой набор оказался недостаточно эффективным в противостоянии с хорошо оснащенными ме-

таллическими доспехами и вооруженными огнестрельным оружием русскими казаками и служилыми людьми. Как отметил в своем сочинении по истории Сибири Г.Ф. Миллер, «бесчисленные стрелы», которыми татарские лучники обстреливали казаков причиняли им «мало вреда» [Миллер, 1999, с. 216, 221].

Кроме стрел с железными наконечниками сибирские татарские лучники имели в своем распоряжении костяные стрелы, которые могли использоваться для стрельбы по целям в боевых условиях по легковооруженному противнику. По способу насада все костяные наконечники относятся к отделу черешковых. По сечению пера среди них выделяется несколько групп.

Группа I. Трехгранные наконечники. По форме пера они относятся к одному типу.

Тип 1. Удлиненно-ромбические. К этому типу можно отнести 2 наконечника из памятника Искер, Кипо-Кулары, Кучум-гора в Прииртышье, Абрамово-10 в Барабинской лесостепи [Пигнатти, 2010, табл. II, 1, 3; Конилов, 1987, рис. 2, 1; Молодин, Соболев, Соловьев, 1990, с. 61]. Длина пера – 6, 5 см, ширина пера – 1, 4 см, длина черешка – 2, 8 см. Наконечники с остроугольным острием удлиненно-ромбическим пером, пологими плечиками, уплощенным черешком (рис. 74, 16, 17). Подобные наконечники были очень широко распространены на территории Северной и Центральной Азии в широком хронологическом диапазоне. Подобные наконечники встречаются в составе комплексов вооружения кочевников эпохи развитого Средневековья [Худяков, 1991, с. 116].

Группа II. Ромбические наконечники. Насчитывает два типа.

Тип 1. Удлиненно-ромбические. К данному типу относятся 10 наконечников из памятников Абрамово-10, Малый Чуланкуль-1, Бергамак-II, Искер в Барабинской лесостепи и Прииртышье [Пигнатти, 2010, табл. II, 6; Молодин, Соболев, Соловьев, 1990, с. 58; Матвеев, Татауров, 2012 а, рис. 37, 12, 14]. Длина пера – 6, 5 см, ширина пера – 1, 7 см, длина черешка – 3, 7 см. Наконечники с остроугольным острием, удлиненно-ромбическим пером пологими плечиками и уплощенным черешком (рис. 74, 1, 2, 4–9, 18). Подобные наконечники были распространены во многих древних и средневековых культурах Северной и Центральной Азии.

Тип 2. Боюголовковые. К этому типу можно отнести 2 наконечника из памятников Абрамово-10, Малый Чуланкуль-1 в Барабинской лесостепи [Молодин, Соболев, Соловьев,

1990, с. 58–59]. Длина пера – 9 см, ширина пера – 1, 2 см, длина черешка – 2, 8 см. Наконечники с остроугольным острием, выделенной боевой головкой, удлиненой шейкой и уплощенным черешком (рис. 74, 3). Подобных наконечников в древних и средневековых культурах Северной и Центральной Азии не выявлено.

Группа III. Шестигранные наконечники. Насчитывает несколько типов.

Тип 1. Удлиненно-ромбические. К данному типу можно отнести шесть наконечников из памятников Абрамово-10 и Искер из Барабинской лесостепи и Прииртышья [Пигнагги, 2010, табл. II, 8; Молодин, Соболев, Соловьев, 1990, с. 58–59; рис. 49, 9, 10]. Длина пера – 5, 5 см, ширина пера – 1, 5 см, длина черешка – 2, 5 см. Наконечники с остроугольным острием, удлиненно-ромбическим пером, пологими плечиками и уплощенным черешком (рис. 74, 11, 12, 13–15). Подобные наконечники в эпоху развитого Средневековья применялись кочевниками Забайкалья [Худяков, 1991, с. 117].

Тип 2. Удлиненно-треугольные. К этому типу можно отнести 1 наконечник из памятника Малый Чуланкуль – 1 в Барабинской лесостепи [Молодин, Соболев, Соловьев, 1990, с. 62; рис. 47, 1]. Длина пера – 1, 5 см, ширина пера – 1 см, длина черешка – 3 см. Наконечник с остроугольным острием, удлиненно-треугольным пером, прямыми плечиками, уплощенным черешком (рис. 74, 10). Подобных наконечников стрел в древних и средневековых культурах Западной Сибири не выявлено.

Группа IV. Прямоугольные наконечники.

Тип 1. Удлиненно-ромбические. К этому типу относится 1 наконечник из памятника Малый Чуланкуль-1 в Барабинской лесостепи [Молодин, Соболев, Соловьев, 1990, с. 60; рис. 46, 10]. Длина пера – 4, 5 см, ширина пера – 1, 5 см, длина черешка – 1, 3 см. Наконечник с остроугольным острием удлиненно-ромбическим пером, пологими плечиками и уплощенным черешком (рис. 74, 19).

Группа V. Плоские наконечники.

Тип 1. Срезни. К данному типу относится 1 наконечник из памятника Абрамово-10 в Барабинской лесостепи [Молодин, Соболев, Соловьев, 1990, с. 62; рис. 47, 5]. Длина пера – 3 см, ширина пера – 1, 7 см, длина черешка – 0, 8 см. Наконечник с косо срезанным острием, подтреугольным пером, пологими плечиками, упором (рис. 74, 20). По мнению исследователей, эта находка представляет собой «костяную имитацию железных наконечников» [Молодин, Соболев, Соловьев, 1990, с. 62; рис. 47,

5]. Среди костяных стрел древних и средневековых культур Северной и Центральной Азии не выявлено.

Сибирские татары изготавливали древки стрел из дерева. В ходе раскопок исследователям удалось проследить в раскопанных памятниках длину истлевших древков стрел, которая составляла около 60–70 см. Было выявлено, что они обклеивались узкими полосками бересты [Молодин, Соболев, Соловьев, 1990, с. 63]. Древки стрел сибирских татар имели на нижнем конце арочный вырез – ушко для натяжения тетивы и двухлопастное оперение, изготавливавшееся из птичьих перьев [Karutz, 1925, abb. 17].

Сибирские татарские лучники иногда снабжали стрелы с крупными железными наконечниками полыми костяными шариками-свистунками. Такие костяные детали имели вытянутую, грушевидную форму. На них располагались три радиально размещенные отверстия, прямоугольной или трапециевидной формы. Считается, что при вращении стрелы в полете свистунка издавала свист [Бобров, Борисенко, Худяков, 2010, с. 39]. Костяные свистунки начали широко применяться хунскими кочевниками для оформления стрел с железными трехлопастными наконечниками. Согласно сведениям ханьских летописей изобретателем свистунки был основатель державы Хунну, шаньюй Модэ [Бичурин, 1998, с. 46–47]. В хунно-сяньбийское время свистунки использовались сяньбийцами, которые крепили их не только к трехлопастным, но и к плоским наконечникам стрел. Они были в арсенале металлических стрел носителей улугхемской, таштыкской и кок-пашской культур; в комплексах айрыдашского типа свистунки изготавливались вместе с костяными наконечниками [Худяков, 2005, рис. I, 10, 24; IV, 21; VIII, 13; X, 7, 12; XI, 9, 10, 11, 12, 16, 17]. В памятниках кокзельской культуры деревянные модели стрел снабжались уменьшенными копиями свистунок [Худяков, 1986, с. 77–78]. В периоды раннего и развитого Средневековья свистунки использовались воинами многих тюркских и монгольских кочевых народов [Худяков, 1991, рис. 4, 5; 12, 15, 16; 14, 1; 15, 7, 11, 17, 18; 23, 10; 26, 10, 11; 28, 1–4; 36, 2, 26–29; 53, 1, 2; 54, 6, 7; 58, 2, 3; Худяков, 1997, рис. 16, 2, 3, 10; 18, 1; 20, 1, 8; 39, 5, 9, 12; 40, 5; 60, 4, 6; 61, 4, 5, 7, 8].

В некоторых случаях стрелы использовались сибирскими татарами, также как и угорскими племенами, не только для стрельбы по цели, но и в качестве условного символического знака. Для этого использовались стрелы с наконечниками, украшенными чеканным ор-

наментом. Во время восстания сибирских татар в 1630 г. один из сторонников этого выступления ездил верхом по татарским селениям в Западной Сибири с широкой стрелой без лука, которая сама по себе символизировала для них призыв к восстанию [Миллер, 2000, с. 121].

Сибирские татарские лучники хранили и носили стрелы в специальных чехлах – колчаных. По мнению исследователей, изучавших археологические памятники сибирских татар в Барабинской лесостепи, в эпоху позднего Средневековья у сибирских татарских воинов получили распространение «колчаны вычурной формы с фигурно вырезанным боком и устьем. Их поверхность богато декорировали тиснением, аппликацией, накладными бляшками. Стрелы в таком футляре помещали наконечниками вниз, так что они на треть длины веером выступали над срезом приемника» [Молодин, Соболев, Соловьев, 1990, с. 64]. В ходе раскопок памятника Абрамово-10 был обнаружен почти полностью сохранившийся кожаный колчан (рис. 71, 9). Он шит из двух частей, изготовленных из выделанной кожи. Днище укреплено деревом. Этот кожаный чехол имеет широкую горловину, сужающийся к днищу приемник с полукруглыми вырезами с одной стороны. Приемник скреплен и украшен металлическими бляхами [Молодин, Соболев, Соловьев, 1990, с. 64; рис. 48, 1]. Подобные колчаны использовались сибирскими татарами до этнографической современности (рис. 71, 8) [Karutz, 1925, abb. 17].

Сибирские татары носили такие колчаны на портупейных ремнях или на поясе, в наклонном положении, на правом боку, вверх горловиной.

Колчаны и налучья изображены на поясе у татарских лучников на миниатюрах Ремезовской летописи. Колчаны с вложенными в них стрелами показаны подвешенными к поясу с правой стороны у многих сибирских татарских конных и пеших воинов [Сибирские летописи, 2008, с. 479, 490, 492, 494, 498, 517].

Судя по русским изобразительным источникам, помимо луков и стрел, сибирские татарские воины использовали для нанесения ударов по противнику такое метательное оружие, как пращи. Они изображены в руках у сибирских татарских пращников на нескольких миниатюрах Ремезовской летописи [Сибирские летописи, 2008, с. 472–474, 492, 495, 498]. Судя по этим рисункам, пращи имели овальную емкость для размещения метательного снаряда и два длинных ремешка, с помощью которых воины раскручивали пращу над головой перед

тем, как отпустить один ремень и метнуть снаряд в противника. В письменных источниках об этом виде оружия не упоминается. В археологических памятниках сибирских татар каких-либо принадлежностей пращей также не обнаружено. Вероятно, в качестве метательных ядер для пращи использовались специально подобранные, хорошо окатанные камни. Татарские пращники использовали пращи для метания в противника не только в пешем строю, но и атакуя врагов верхом на лошадях [Сибирские летописи, 2008, с. 472, 473, 474].

Оружие дистанционного боя являлось основным в комплексе вооружения сибирских татарских воинов в период существования Сибирского ханства и последующей борьбы за его восстановление. Однако помимо лука и стрел они располагали различными видами оружия ближнего и рукопашного боя.

На вооружении у сибирских татарских воинов были основные виды древкового колющего оружия, копья и пики. По способу насада они относятся к отделу втульчатых. По сечению пера наконечника среди них выделяется две группы.

Группа I. Ромбические наконечники. Относятся к одному типу.

Тип 1. Удлиненно-ромбические. К данному типу можно отнести 2 наконечника из памятника Абрамово-10 и случайную находку из Венгеровского района Новосибирской области [Молодин, Соболев, Соловьев, 1990, с. 73]. Длина пера – 13, 5 см, ширина пера – 3, 5 см, длина втулки – 13, 5 см. Наконечники с остроугольным острием, удлиненно-ромбическим пером, покатыми плечиками, короткой или длинной шейкой, конической втулкой с валиком, или округлым отверстием (рис. 75, 7). Подобные наконечники были очень широко распространены во многих культурах средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии.

Группа II. Линзовидные наконечники. Относятся к одному типу.

Тип 1. Удлиненно-ромбические. К данному типу можно отнести наконечники из памятника Бергамак-II – случайную находку из Омской области [Матвеев, Татауров, 2012 а, с. 189; рис. 42, 3, 4]. Длина пера – 13 см, ширина пера – 5, 5 см, длина втулки – 14 см. Наконечники с остроугольным острием, удлиненно-ромбическим пером, покатыми плечиками, короткой или длинной шейкой, конической втулкой. У одного из наконечников вдоль сторон пера имеется по четыре округлых отверстия. На втулке имеется отверстие для кре-

пления к древку (рис. 75, 8, 9). Формы обоих наконечников имеют отличительные особенности. Отверстия по сторонам пера встречены на копье со Среднего Енисея [Бобров, Борисенко, Худяков, 2010, с. 62; рис. 4, 16].

Группа III. Четырехгранные наконечники. Относятся к одному типу.

Тип 1. Удлиненно-треугольные. К этому типу можно отнести три наконечника из памятника Искер в Прииртышье [Худяков, 2007, с. 244–245]. Длина пера – 8,5 см, ширина пера – 2,2 см, длина втулки – 6 см. Наконечники с остроугольным острием, удлиненно-треугольным пером, конической втулкой (рис. 75, 5, 6, 11). Вероятно, подобные пики были предназначены для пробивания металлических панцирных и кольчужных доспехов. Они использовались воинами многих кочевых этносов в эпоху развитого Средневековья [Худяков, 1997, с. 131]. Копья с массивными удлиненно-ромбическими наконечниками изображены в руках у многих сибирских татарских пеших и конных воинов на миниатюрах Ремезовской летописи. Иногда на древках копьев, под наконечниками показаны знамена с двумя косяцами или треугольные флажки – вымпелы [Сибирские летописи, 2008, с. 474, 479, 483, 492]. Судя по русским изобразительным источникам, сибирские татарские воины атаковали противника копьями в пешем и конном строю в ходе таранных атак в ближних боях.

Воины Сибирского татарского ханства имели на вооружении разные виды рубяще-колющего, клинкового оружия, в том числе палаша и сабли.

Палаша по сечению клинка относятся к одной группе с трехгранным клинком. По форме перекрестья среди них выделяется несколько типов.

Тип 1. С фигурной гардой. К данному типу можно отнести один экземпляр из городища Искер в Прииртышье [Худяков, 2007, с. 245]. Длина клинка – 64 см, ширина клинка – 4 см, длина черена рукояти – 9 см. Палаш с остроугольным острием, прямым однолезвийным клинком, съёмным напускным перекрестьем, отогнутыми в разные стороны окончаниями гарды, граненой обкладкой рукояти (рис. 75, 1). Аналогий данному палашу в памятниках культур средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии не выявлено.

Тип 2. Без перекрестья. К данному типу относится один палаш из городища Искер в Прииртышье [Худяков, 2007, с. 245]. Длина клинка – 90 см, ширина клика – 4 см, длина че-

рена рукояти – 12 см. Палаш с остроугольным острием, прямым однолезвийным клинком, с прямым череном рукояти (рис. 75, 2). Подобные палаша были очень широко распространены в культурах средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии.

Тип 3. С пластинчатым перекрестьем. К данному типу относится один экземпляр из памятника Бергамак II, погр. 33 в Прииртышье [Матвеев, Татуров, 2012 а, с. 183; рис. 38, 4]. Длина клинка – 80 см, ширина клинка – 3 см, длина черена рукояти – 12 см. Палаш с остроугольным острием, прямым однолезвийным клинком, пластинчатым перекрестьем овальной формы, прямым череном рукояти (рис. 75, 3). По мнению изучавшего эту находку исследователя Ю. В. Герасимова данный палаш мог быть изготовлен алтайскими или монгольскими мастерами, которые копировали клинки китайского производства [Герасимов, 2008, с. 209–212].

Сабли сибирских татарских воинов по сечению клинка относятся к одной группе – к трехгранным клинком.

Тип 1. Без перекрестья. К этому типу можно отнести саблю из памятника Искер в Прииртышье [Худяков, 2007, с. 245]. Длина клинка – 95 см, ширина клинка – 4,5 см, длина черена рукояти – 10 см. Сабля с остроугольным острием и елманыю, изогнутым клинком, без перекрестья, череном, плавню изогнутым в сторону лезвия (рис. 75, 4). Подобные сабли имели широкое распространение в культурах кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в позднем Средневековье [Бобров, Худяков, 2008.С. 274–283].

На некоторых миниатюрах Ремезовской летописи изображены сабли с изогнутыми клинками изображены в руках или вложенными в ножны и подвешенными к поясу у некоторых пеших и конных сибирских татарских воинов, сражающихся с русскими казаками [Сибирские летописи, 2008, с. 472, 473, 474, 479, 490, 492].

В наборе оружия ближнего боя сибирских татарских воинов были боевые топоры. По способу насада известную находку боевого топора можно отнести к отделу проушных. По сечению клина она относится к группе трехгранных. По форме клина и лезвия этот топор можно выделить в самостоятельный тип.

Тип 1. Вислобушные с расширенным к лезвию клином. К этому типу можно отнести 3 находки из могильника Абрамово-10, погр. 7 в Барабинской лесостепи, городища Искери могильника Бергамак II в Прииртышье [Мо-

лодин, Соболев, Соловьев, 1990, рис. 35, 2; Худяков, 2007, с. 245; Матвеев, Татауров, 2012 а, рис. 40, 2, 6]. Вислобушный топор с узким проухом и расширенным к скругленному лезвию клином (рис. 75, 12). Вероятно, сибирские татары использовали для боевых целей вислобушные топоры с широким лезвием русского ремесленного производства [Матвеев, Татауров, 2012 а, с.186–188]. Подобные топоры применялись в эпоху позднего Средневековья в качестве оружия не только сибирскими татарами, но и другими коренными народами Сибири [Соловьев, 1987, с. 93].

К числу редких видов оружия ближнего боя сибирских татарских воинов можно отнести кистени. По сечению боевой части он относится к группе шестигранных. По форме боевой части ее можно отнести к отдельному типу.

Тип 1. Бипирамидальные. Включает один экземпляр из памятника Кыштовка – 2, кург. 108 [Молодин, Соболев, Соловьев, 1990, с. 80; рис. 57, 1]. Длина кистени – 7, 7 см, диаметр – 4, 7 см. Кистень представляет собой шестигранную гирьку с приостренным концом и уплощенной петлей с прямоугольным отверстием для крепления к цепи.

Отдельные находки кистеней были обнаружены в памятниках сrostкинской культуры эпохи раннего Средневековья [Грязнов, 1956, табл. XIV, 6].

Сибирские татарские воины имели на вооружении кинжалы, которые использовали в рукопашных военных столкновениях. По сечению клинка кинжалы составляют две группы. К первой группе относятся кинжалы с линзовидным в сечении клинком. Они относятся к одному типу.

Тип 1. Без перекрестья. К данному типу относятся три экземпляра из городища Искер в Прииртышье [Худяков, 2007, с. 245]. Длина клинка – 12 см, ширина клинка – 3 см, длина черена – 4 см. Кинжалы с остроугольным острием, прямым двулезвийным клинком, без перекрестья, с прямым череном (рис. 75, 13). Подобные кинжалы были распространены в разных культурах древних и средневековых кочевников в Южной Сибири и Центральной Азии.

Ко второй группе относится кинжал с трехгранным в сечении клинком. Он выделяется в самостоятельный тип.

Тип 1. С обоймой. К данному типу можно отнести один экземпляр из городища Искер в Прииртышье [Худяков, 2007, с. 245]. Длина клинка – 8 см, ширина клинка – 1, 5 см, длина сохранившейся части черена рукояти – 2 см. Кинжал со скошенным острием, прямым

однолезвийным клинком, обоймой в области перекрестья, прямым череном рукояти (рис. 75, 10). Подобные кинжалы в памятниках культур средневековых кочевников не выявлены.

В целом набор наступательного оружия дистанционного и ближнего боя в составе комплекса вооружения сибирских татарских воинов был достаточно разнообразным и представительным. Он включал разные виды луков, стрелы железные и костяные, копья, сабли, боевые топоры, кистени и кинжалы.

Вероятно, сибирские татары должны были стремиться к освоению новых для своих воинов видов огнестрельного оружия и артиллерии. Известно, что в период своего правления сибирский хан Кучум приобрел в Казани и привез в Искер две чугунные пушки, которые он безуспешно попытался применить во время боя с русскими казаками под командованием атамана Ермака на Чувашском мысу. Однако среди татарских воинов не оказалось ни одного умелого артиллериста, поэтому им не удалось сделать ни одного выстрела. Пришлось хану Кучуму сбросить пушки в реку Иртыш, чтобы они не достались русским казакам. Возможно, что двумя пушками обладал и татарский мурза Бегитш. Правда, эти сведения вызвали сомнение у Г. Ф. Миллера [Миллер, 1999, с. 225, 254]. Во время похода отряда Ермака в ходе военных действий татарским воинам иногда удавалось захватывать у казаков пищали. После гибели Ермака воинам хана Кучума досталось несколько пищалей. Однако никаких свидетельств их применения для обстрела противников в ходе боев в сибирских летописных источниках нет. По мнению некоторых исследователей, это было обусловлено сложностью использования тогдашнего ручного огнестрельного оружия при езде верхом на лошадях и его недостаточной дальностью по сравнению с привычными луками и стрелами [Матвеев, Татауров, 2012 а, с. 181]. Вероятно, не меньшую сложность для эффективного применения огнестрельного оружия и артиллерии для сибирских татар представляло отсутствие возможности обеспечения такого оружия необходимыми боеприпасами. Продолжив борьбу за восстановление Сибирского ханства в течение последующих десятилетий XVII в., наследники и потомки хана Кучума так и не сумели организовать освоение новых видов оружия своими сторонниками.

Сибирские татарские воины предпочитали атаковать противника верхом на своих боевых конях в дистанционных боях, ведя их обстрел из луков, применяя традиционную для

кочевников тактику рассыпного строя, рассчитывая, прежде всего, на свое численное превосходство. Во время подобных атак они осыпали врагов стрелами. Однако эффективность таких обстрелов против хорошо вооруженных и защищенных металлическими доспехами русских воинов была невысока [Миллер, 1999, с. 225.]. В случае необходимости сибирские татарские воины могли атаковать вражеские отряды и в ближних боях, используя копья, клинковое, рубящее и ударное оружие. Вероятно, применение традиционной для кочевников военной тактики было достаточно привычным делом в противостоянии с другими тюркскими и монгольскими кочевниками и в военных столкновениях с таежными угорскими и самодийскими племенами. В то же время данная тактика оказалась недостаточно эффективной в борьбе с вооруженными огнестрельным оружием и артиллерией, защищенными прочными металлическими доспехами русскими казаками, которые, в отличие от сибирских татар, обладали большим опытом военных действий с различными тюркскими кочевниками в Поволжье, в том числе с казанскими и астраханскими татарами, и ногайцами [Скрынников, 1982, с. 155–157]. Сибирские татары умели противостоять противнику и в пешем строю. Они довольно умело могли контролировать продвижение противника, в удобных для внезапной атаки местах устраивали засады и внезапно нападали на врагов, т.е. заманивали противника в такие места из которых неожиданно, на него нападали и уничтожали. Во время одной из таких операций в западно попал и погиб сам предводитель казачьего отряда атаман Ермак.

Воины Сибирского ханства умели держать оборону своих фортификационных сооружений. Хан Кучум и некоторые татарские мурзы имели свои укрепленные резиденции – городки, обнесенные рвами, валами и стенами. Обычно они сооружались на естественно укрепленных местах, на возвышенностях, приречных мысах с обрывистыми берегами. Большая часть таких городков не была рассчитана на долговременную оборону с применением огнестрельного оружия и артиллерии. Однако некоторые крепости русские казаки, несмотря на многодневную осаду, не смогли взять. Крепость Куллары, расположенную на высоком мысу отряд под командованием атамана Ермака штурмовал пять дней подряд, но так и не смог взять. Важным преимуществом в ведении военных действий отрядами сибирских татарских воинов было хорошее знание мест-

ности на театре военных действий в Западной Сибири. Сибирские татары умело проводили разведки, в некоторых случаях умело дезинформировали своих противников. Опираясь на хорошее знание местности в районах своего проживания, они следили за передвижением войск противника и своевременно предпринимали необходимые активные действия. Они смогли обмануть и заманить в засаду отряд, во главе которого был сам атаман Ермак, который погиб в результате внезапного ночного нападения. Однако необходимо отметить, что сторожевая служба у сибирских татар была не на должной высоте. Из-за предательства Сенбашта-тагина казакам удалось скрытно подобраться к лагерю полководца Махметкула, внезапно напасть на него ночью, разгромить и захватить этого татарского царевича в плен [Бобров, Борисенко, Худяков, 2010, с. 47–48].

В целом уровень развития военного искусства воинов Сибирского ханства по своим основным параметрам, включая наступательное оружие дистанционного и ближнего боя, не уступал военному делу других тюркских и монгольских кочевых народов Центрально-Азиатского региона. В течение двух столетий правители Сибирского ханства могли успешно противостоять своим противникам в кочевом мире и удерживать в подчинении таежные угорские и самодийские племена. В то же время, опыт противостояния с русскими казаками наглядно продемонстрировал, что им трудно на равных бороться с вооруженными огнестрельным оружием и артиллерией, опытным противником, применяющим эффективную политику взаимодействия с коренным населением.

Не приходится сомневаться, что военные неудачи в ходе военных действий с русскими казаками и служилими людьми, способствовали обострению имевших место противоречий среди сибирской татарской правящей элиты, некоторая часть которой вышла из подчинения хану Кучуму, а другая часть – на службу к атаману Ермаку, а в дальнейшем и к российским властям [Тычинских, 2010 а, с. 49-51]. Представляется, что не только военно-техническое превосходство, но и эффективная политика привлечения на свою сторону части сибирского татарского населения обеспечила победы российским властям.

В течение последующих десятилетий конца XVI – XVII вв., после похода казачьего отряда атамана Ермака в Сибирь, потомки и наследники хана Кучума продолжали упорную вооруженную борьбу за восстановление Сибирского ханства. Однако неоднократно

предпринимавшиеся потомками – детьми и внуками – хана Кучума попытки насильственного переселения некоторых этнических групп сибирского татарского населения из мест их традиционного, привычного обитания за пределы владений Российского государства в южные степные районы Западной Сибири и увеличение податных сборов со своих соплеменников в пользу джунгарских правителей оттолкнули от потомков хана Кучума большую часть сибирского татарского населения

и способствовали переходу на российскую воинскую службу в отряды служилых татар, которые несли охрану границ российских владений и принимали участие в военных действиях против своих соплеменников в составе русских военных отрядов [Тычинских, 2010 а, с. 46]. Переход части сибирского татарского населения на сторону российских властей стал одним из факторов сохранения западных районов Сибири в составе Московского царства.

7.2. ЗАЩИТНОЕ ВООРУЖЕНИЕ

Эпоха позднего Средневековья и раннего Нового времени является самостоятельным и весьма важным этапом в процессе эволюции комплекса защитного вооружения народов таежного и лесостепного Зауралья в целом и Западной Сибири в частности [Бобров, 2011; Бобров, Худяков, 2008, с. 327–524, 673, 674]. Комплексный анализ вещественных, изобразительных и письменных источников свидетельствует о том, что если основная масса воинов Сибирского ханства была представлена легковооруженными конными и пешими лучниками, то знать, ее окружение, дружинники, а также зажиточные ополченцы обладали надежным и весьма разнообразным защитным вооружением. Уже в XV в. доспехи сибирских воинов были широко известны и высоко ценились далеко за пределами региона. Характерно в данной связи, что после разгрома ханом Абулхайром войск Махмуда-Ходжи у р. Тобол в 1428 г. «кольчуги, оружие разного рода, панцири» принадлежавшие сибирским латникам были отнесены к числу важнейших военных трофеев. Захваченные в ходе битвы доспехи «...все собрали к порогу, убежища властителей. Все это он (Абулхайр-хан. – Л. Б.) соизволил пожаловать эмирам и воинам» [Бобров, 2011, с. 110]. В 1472 г., после похода Федора Пестрого на Пермскую землю, воевода отправил в подарок Ивану III в Москву, наряду с драгоценными мехами, три панциря, шлем и две булатные сабли. В более поздний период сибирские доспехи активно приобретались и выменивались у местного населения, как центральноазиатскими кочевниками, так и русскими служилыми людьми [Бобров, 2011, с. 110–112, Бобров, Худяков, 2008, с. 357–359].

В конце XVI в. с сибирскими панцирниками столкнулись казаки атамана Ермака.

Судя по сообщениям современников, «одоспешенные» татарские и угро-финские воины играли весьма заметную роль в армии хана Кучума. Русские летописцы, повествующие о завоевании Сибири, живописуют сибирских татар данного периода как воинов, которые «одяены железом» или облачены в «железное одяение» [Бобров, 2011, с. 110]. Автор Есиповской летописи особо фиксирует внимание читателя на защитном вооружении («ратной збруе») воинов Кучума: «...одяение у них железное и медноцитницы и копейцики и железнострельцы...» (здесь и далее курсив наш. – Л. Б.) [Там же]. Перечень сибирских корпусных панцирей¹ конца XVI в. русский летописец вложил в уста татарина «царева двора» Таузака. Согласно сообщению последнего «ратная сбруя» дружинников Кучума включала: «куяки», «бехтерцы», «пансыри» и «кольчюги» [Сибирские летописи, 2008, с. 17]. Подлинные образцы западносибирского защитного вооружения XV–XVI вв. были обнаружены в Сузунском бору, на территории памятника Искер, Барабинской степи, Тарском Прииртышье и др.

Косвенным подтверждением достаточно широкого распространения доспехов среди воинов ударных подразделений армии Сибирского ханства является состав оружия дистанционного и ближнего боя населения Западной Сибири XVI в. Так, например, все три копейных наконечника, найденных на территории городища Искер в Прииртышье, имеют квадратное в сечении перо, предназначенное для поражения противника, одетого в метал-

¹ Здесь и далее под «панцирем» мы понимаем корпусный доспех вообще. Особая разновидность кольчатого доспеха, в котором кольца соединены шипом, именуется «пансырями» (см. ниже).

лический доспех. Стрелы с гранеными «бронбойными» наконечниками представлены в археологических памятниках сибирских татар данного периода и т.д. (см. выше).

Тактика ведения боя, применявшаяся воинами Кучума, свидетельствует о наличии в их отрядах конных и, возможно, пеших панцирников. После традиционного обстрела из луков всадники наносили удар по отрядам Ермака «копейным поражением», стремясь «смешать» ряды казаков: «...погани же противу нашедших крепце и немилостиво наступаху на конех, копейным поражением и острыми стрелами казаков уязвляют велми» [Там же, с. 20]. Большим ожесточением отличался и встречный рукопашный бой [Бобров, 2011, с. 111]. Учитывая тот факт, что воины отряда Ермака широко использовали защитное вооружение, противостоять им в рукопашной схватке сколько-нибудь длительное время могли только такие же воины-панцирники.

Вхождение Западной Сибири в состав Российского государства не привело к вытеснению панцирей и шлемов из военного обихода местных народов. На руках у служилого и ясачного населения региона в XVII в. находились сотни единиц доспехов с различной структурой бронирования. Так, в частности, в письменных источниках данного периода на вооружении служивых татар и хантов упоминаются «шишаки», «шеломы», «пансыри», «кольчюги», «байданы», «куяки», «наручи» и др. Некоторые представители сибирской знати являлись обладателями целых арсеналов, включавших шлемы и панцири, как местного, так и иностранного производства [Там же, с. 111–119]. В начале XVII в. «доспехи и пансыри» весьма активно использовали также зажиточные ясачные татары и «вогуличи» [Бобров, Борисенко, Худяков, 2012, с. 54, 55]. Русские служилые из Ирбитской слободы сообщали в 1662 г., что из 200 чел. татарского отряда, доспехами были снабжены 50 воинов, т.е. каждый четвертый [Дополнение к актам..., 1851, с. 206]. Проживавший в Тобольске до 1676 г. хорватский священник Ю. Крижанич характеризовал современных ему сибирских татар как «латников и копейщиков» и рекомендовал в случае военного конфликта не вступать с ними в рукопашный бой, а использовать против одетых в доспехи кочевников драгун и пищальников [Бобров, 2011, с. 111].

Металлические панцири широко применялись не только тюркским, но и угро-финским населением Западной Сибири, в частности, служивыми кодскими хантами. В церкви

Троицы в Кодском городке был развернут специальный княжеский арсенал, который насчитывал «40 панцирей, 4 лука бухарских и 50 панцирных (бронбойных–Л.Б.) стрел», а также некоторое количество шлемов. Собственниками арсенала выступали князья Алачевы. В случае мобилизации кодские ханты собирались у князя и получали из казны панцирное вооружение, а после окончания похода сдавали его в арсенал и расплачивались за аренду доспехов частью военной добычи [Бобров, 2011, с. 112]. Обычный численный состав отрядов служивых хантов не превышал 40–50 человек, то есть только княжеский арсенал мог практически полностью покрыть нужды воинов такого отряда в защитном вооружении. Однако панцири и шлемы хранились не только в княжеском арсенале, но и в домах рядовых служивых хантов. В 1636 г. остяки взбунтовались против князя Михаила и в количестве 120 человек выступили на Кармыш-Юган. Несмотря на то что княжеский арсенал был не тронут, ханты оказались прекрасно вооружены и двинулись в поход «со всею сбруею, в панцирях, в шлемах с луками» [Бобров, 2011, с.112]. Таким образом, в случае боевых действий, большая часть служивых хантов, выступала в поход облаченными в арендованные у князя или личные панцири.

Во второй половине XVII в. официальная Москва обязала администрацию Тобольска, Томска, Верхотурья и других городов выкупать кольчатые доспехи у местного населения и отправлять их в Москву. Тобольские и томские власти были должны одновременно купить 100 «самых добрых пансырей», а в дальнейшем приобретать их по мере возможности [Бобров, 2011, с. 111, 112]. Централизованная программа закупки защитного вооружения в Сибири свидетельствует, как о достаточно широком распространении панцирей у местного населения, так и об их высоком качестве.

Важным вопросом является выявление основных источников поступления доспехов в войска народов Западной Сибири рассматриваемого исторического периода. Анализ вещественных и письменных источников позволяет сделать вывод о том, что арсеналы панцирного вооружения сибирской знати XV–XVI вв. пополнялись за счет импорта доспехов из-за рубежа, а также собственного производства.

Вплоть до российского «взятия» Сибири основным импортером вооружения в регион были народы Средней Азии. Этому способствовали тесные политические и экономиче-

ские контакты среднеазиатской и сибирско-тагарской элиты, которые достигли своего пика в период правления хана Кучума. Связующим звеном в системе торговых отношений Сибирского юрта и Бухарского ханства были знаменитые «бухарские купцы», которые достаточно часто посещали сибирские «городки» и кочевья местных феодальных владельцев. Кроме того, некоторое количество доспехов поступало к сибирским татарам с территории Поволжья, Южной Сибири и Центральной Азии. Включение Западной Сибири в состав Российского государства и начало массовой миграции ойратов (калмыков) на запад в первой половине XVII в. стимулировали распространение в комплексе вооружения сибирских татар панцирей и шлемов российского и центральноазиатского производства [Бобров, 2011, с. 108–110, 119].

Особый интерес вызывают данные письменных источников о наличии собственного производства доспехов в Сибирском юрте. Так, например, корпусные панцири и «всякая ратная сбруя» во второй половине XVI в. изготавливались в улусе одного из вельмож хана Кучума, носившего титул «карачи» [Бобров, 2011, с. 110]. Весьма вероятно, что собственное производство доспехов существовало в Сибирском ханстве и в более ранний период. Есть основания полагать, что производством вооружения в Сибири занимались не только местные мастера, но и среднеазиатские («бухарские») оружейники, упомянутые в фольклоре сибирских народов [Бобров, 2013, с. 214, 215].

Перспективным направлением изучения защитного вооружения населения Западной Сибири конца XV–XVII в. является выявление основных структур бронирования корпусных панцирей, конструкции боевых наголовий и дополнительных защитных деталей. Полученная в ходе такого анализа информация позволяет не только проследить логику развития вооружения народов региона в рассматриваемый исторический период, но и зафиксировать место западносибирского доспеха в системе эволюции защитного вооружения народов Западной, Средней и Центральной Азии в эпоху позднего Средневековья и раннего Нового времени.

Комплексный анализ вещественных, письменных и изобразительных источников XV–начала XVIII в., позволяет сделать вывод о том, что населением региона применялись металлические корпусные панцири с ламеллярной, пластинчато-нашивной и кольчатой структурой бронирования, доспехи из орга-

нических материалов, клепаные и цельнокочеванные шлемы, миссюрки, наручи, а также дополнительные защитные детали. Рассмотрим данные предметы защитного вооружения более подробно.

Ламеллярные панцири, составленные из пластин подпрямоугольной формы, соединенные кожаными ремешками, являлись основной разновидностью металлических корпусных доспехов сибирских народов периода раннего и развитого Средневековья. Однако уже во второй половине XIV–XV вв., в силу различных причин, они стали активно вытесняться пластинчато-нашивными и кольчатыми панцирями. К моменту формирования Сибирского ханства лишь небольшая часть сибирско-тагарских воинов использовала доспехи с ламеллярной структурой бронирования. Единственный обломок ламеллярной пластины, который может быть датирован периодом позднего Средневековья, был обнаружен в разграбленном погребении 1 кургана № 6 могильника Малый Чуланкуль-1 (Венгеровский р-н Новосибирской области). Размеры сохранившегося фрагмента – 9,0 на 3,5 см. [Молодин, Соболев, Соловьев, 1990, с. 26, 77]. Есть основание полагать, что не позднее середины XVI в. ламеллярные доспехи вышли из широкого военного обихода воинов ханства.

Пластинчато-нашивные панцири (куяк, бригандина, берен). В рамках данной структуры бронирования, панцирные пластины приклепывались или подшивались (иногда использовались оба варианта крепления), обычно немного перекрывая друг друга, к плотной органической (кожаной или тканевой) основе с внутренней стороны так, что наблюдателю были видны лишь ряды головок заклепок. Подобный доспех появился в Китае VIII в., однако широкое распространение получил только в период развитого и особенно позднего Средневековья. В XIII–XV вв. пластинчато-нашивные панцири были распространены на огромных просторах Евразии от атлантического побережья до Желтого моря, и от сибирской тайги до Индийского океана.

Для бронирования доспеха в Сибири и Центральной Азии XV–XVIII вв. применялись две основные разновидности пластин: гладкие и рельефные. Гладкие пластины были проще в изготовлении. Однако *куяк* из рельефных пластин был более надежен: бортик по периметру не позволял оружию врага соскальзывать в межпластинчатые щели, а выпуклые «яруссы» на поверхности пластин выполняли функции ребер жесткости и пре-

дохраняли пластины от деформации при ударе. Внешнее матерчатое покрытие защищало пластины доспеха от влаги, а в жаркое время – от нагрева на солнце. Пластинчато-нашивной доспех уступал в эластичности кольчатому панцирю, но был значительно более надежен в качестве защиты от стрел, сабель, а также колющих копейных ударов.

Факты применения пластинчато-нашивных доспехов сибирскими татарами фиксируют письменные источники. Автор «Строгановской летописи», повествуя о походе атамана Ермака, отмечает «куяки» на вооружении воинов хана Кучума [Сибирские летописи, 2008, с. 17]. Воины региона продолжали применять подобные панцири и позднее. Служилые люди из Ирбитской слободы сообщали в 1662 г.: «...у них, татар, люду двести человек, а кучяного де одержного люду пятьдесят человек» [Дополнения, 1851, с. 291] и т.д.

На территории Западной Сибири найдены фрагменты пяти пластинчато-нашивных панцирей датированных XVI–XVII вв. Кроме того, целый доспех был обнаружен в могильнике Окунево VII в Тарском Прииртышье (рис. 78, 1, 2). Данный панцирь был бронирован гладкими пластинами прямоугольной, подпрямоугольной и квадратной формы (всего около 130 экз.). Численно преобладали прямоугольные пластины размером 10,0 на 7,0 см. (27 экз.) и 9,0 на 7,0 см. (70 экз.). Пластины соединялись с органической основой с помощью полусферических заклепок. Согласно реконструкции Ю.В. Герасимова панцирь представлял собой «корсет-кирасу» с боковым разрезом, который стягивался и фиксировался тремя кожаными ремешками с металлическими пряжками [Герасимов, 2013, с. 69–74].² Наиболее вероятно, что данный доспех был изготовлен среднеазиатскими или южносибирскими мастерами.

Фрагменты пластинчато-нашивных доспехов представлены пластинами с гладкой и рельефной поверхностью. Рельефные пластины снабжены выпуклыми бортиками по периметру (рис. 78, 3, 4). Ближайшие аналоги подобных пластин происходят с территории Южной Сибири и Центральной Азии. Возможно, что данные доспехи были приобретены сибирскими татарами и хантами у ойратов, шорцев или телеутов.

Кольчатые панцири. Для обозначения кольчатых доспехов в русском военном лек-

сиконе XVI–XVII в. применялись три основных термина: «кольчуги» («кольчюги», «колчуги»), «пансыри» («пандыри») и «байданы» («баданы»), а также их дериваты. Основное отличие между тремя разновидностями кольчатого доспеха заключалось в особенностях конструкции, размерах и системе оформления колец. Так, «кольчужные» кольца крепились с помощью специального гвоздя (рис. 78, 6), «пансырные» соединялись на шип (рис. 78, 7), а «байданные» имели плоское сечение (рис. 78, 8). Как правило, наименьший диаметр имели «пансырные», а наибольший «байданные» кольца. Русские авторы, описывая вооружение сибирских татар, отмечают все три разновидности кольчатого доспеха [Бобров, 2013, с. 215].

Судя по данным среднеазиатских хроник, кольчатые панцири достаточно широко применялись западносибирскими воинами уже в XV в. Кольчуги особо выделены среди трофейного вооружения захваченного Абулхайр-ханом в ходе битвы с Махмуд-Ходжа-ханом на р. Тобол [Бобров, 2011, с. 110]. Весьма активно использовали кольчатые панцири и воины хана Кучума. Характерно, что именно эта разновидность корпусных доспехов изготавливались мастерами Сибирского юрта во второй половине XVI в. Автор «Есиповской летописи» сообщает: «Сей же Карача думной бе царя Кучюма и любим ему был, *делал пансыри и кольчюги* и всякую ратную сбрую» [Бобров, 2013, с. 215]. Часть кольчатых панцирей, применявшихся воинами региона вносились в Западную Сибирь с территории Средней Азии. Не позднее первой четверти XVII в. их производство было освоено «кузнецкими татарами» (шорцами), которые продавали это защитное вооружение тюрко- и монголоязычным кочевникам [Бобров, Худяков, 2008, с. 351, 352].

После включения Западной Сибири в состав Российского государства кольчатые панцири продолжали широко использоваться юртовскими служилыми татарами, а также ясачными тюменскими, туринскими и верхотурскими татарами и вогуличами. Так, например, в 1604 г. русские торговцы сообщали верховотурскому воеводе, что: «ездят деитоторова и вогуличи на конех, а иные ходят в доспехах и *пансырех* неведомо для чего» [Бобров, Борисенко, Худяков, 2012, с. 54, 55]. Сведения письменных источников о применении кольчатых доспехов таежными воинами подтверждаются фольклорными материалами. Так, в рассказах остяков упоминаются «звенящая кольчуга из блестящих колец», «золотые коль-

² Судя по рисункам Ремезовской летописи, куюки (?) подобного покрова применялись в Западной Сибири и в более поздний исторический период (рис. 78, 5).

чуги», «кольчуги с торчащими рожками»³ и др. «Кольчуги» упомянуты на вооружении отборных селькупских воинов-«ляков». За такими воинами-панцирниками в ходе сражения укрывались бездоспешные селькупские лучники. Интересны эмоциональные описания процесса одевания и ношения железного панциря, зафиксированные сибирским фольклором. В одной из «былин» ощущения человека, одевшего кольчугу, сравниваются с опрокидыванием на голову «три ковша холодной воды». В то время как «...надевши кольчугу, богатырь гордо ходит по землянке, то маленькие дети в испуге пятаются назад от ледящего холода железа» [Бобров, 2013, с. 216].

Часть кольчатых доспехов, применявшихся сибирскими татарами, хантами и селькупками XVII в., имели русское происхождение. Царское правительство официально запрещало свободную продажу кочевникам и таежникам вооружения, которое было объявлено «заповедным товаром». На передачу союзным аборигенам оружия и доспехов требовалось специальное разрешение властей. Однако в реальности контрабандная торговля продолжалась на протяжении практически всего XVII в. Первые экземпляры панцирного вооружения русского производства попали в руки татар как боевые трофеи, захваченные в ходе боевых столкновений с отрядами Строгановых и корпусом Ермака. Один из ярких эпизодов применения татарами русских трофейных кольчужных доспехов связан со знаменитыми панцирями Ермака (рис. 78, 12, 13, 19–22).⁴ Один из них достался татарскому мурзе Кайдаулу, который носил его, уже находясь на службе российского государства. Позднее он завещал доспех своему старшему сыну: «заповедал старшему своему сыну под клятвенно, чтобы ему тем панцирем служить службу... великим государям, а никому его продавать не велел» [Там же, с. 216, 217]. Интересно, что русские, в свою очередь, охотно

³ Возможно, под этим названием скрывается разновидность кольчатого панциря, известного в российской документации XVII в. под названием «вострогвоздь».

⁴ Согласно описаниям современников, панцирь, принадлежавший Ермаку, имел двойное плетение (в каждое кольцо вставлялось не 4, а 5 соседних), на нагрудной части и между лопаток размещались золотые (по другой версии медные) «мишени» украшенные изображениями двуглавых орлов. Общая длина доспеха составляла 142, 24 см, ширина – 88,9 см. По краям подола и рукавов была пропущена «опушка» из медных колец шириной 13,3 см [Бобров, Борисенко, Худяков, 2012, с. 65].

приобретали кольчатые панцири у сибирского населения. Так, в частности, сохранились сведения о покупке русскими «пансыришки ветчаного» у обдорского ханта [Там же, с. 217]. Во второй половине XVII в. русское правительство инициировало массовые закупки кольчатых панцирей у населения Западной Сибири [Бобров, 2011, с. 111, 112]. В целом необходимо отметить, что, когда авторы конца XVI– XVII в. указывают структуру бронирования доспехов, примерно в 70 % случаев речь идет именно о «пансырях» и «кольчугах».

Сведения письменных источников о широком распространении панцирей из железных колец среди воинов Западной Сибири XVI–XVII в. подтверждаются вещественными материалами. В настоящее время нами собраны сведения о 35 доспехах западносибирских воинов данного периода (18 целых панцирей и 17 фрагментов), из которых 22 экз. представлены элементами и целыми доспехами с кольчатой структурой бронирования.⁵ Фрагменты кольчатых панцирей были обнаружены в Барабинской степи, Прииртышье и в городище Искер. К числу случайных находок относится целая кольчуга XV–XVI вв. с побережья Иртыша (между поселками Черлак и Большой Атмас). По сведениям путешественников и этнографов XIX–XX вв., на территории проживания народов Западной Сибири также были найдены целые образцы кольчуг. Особо отмечалось, что «при кумирах» таежных жителей «...панцеров множество обретаются, но вся сия ветхая». В 1947 г. М.К. Нестеров и Н. Лобаненко в «богатырском городе» у оз. Чемжель «откопали кольчугу с кольцами», которая впоследствии была утеряна [Бобров, 2013, с. 216].

Целые доспехи хранятся в музейных и частных собраниях России и Казахстана. Анализ данных образцов показал, что сибирскими воинами XVI–XVII в. применялись как собственно «кольчюги», так и «пансыри», а также «байданы» и «полубайданы» [Бобров, 2013]. Численно преобладают «пансыри», скрепленные в виде «рубахи» с нагрудным разрезом с подполком, рукавами до локтя или середины предплечья и подолом до середины бедра (рис. 78, 14, 15, 17). Некоторые образцы дополнены стоячим воротником (рис. 78, 10, 15, 17) и усиленным двойным подполком. Реже встречаются кольчатые доспехи покроя «куртка», снабженные сплошным осевым разрезом (рис. 78, 18). Панцири с территории

⁵ Речь идет лишь о панцирях, которые могут быть соотнесены с комплексом вооружения тюркского, угрофинского и самодийского населения Западной Сибири.

Западной Сибири хорошо вписываются в общую линию развития позднесредневекового западноазиатского кольчатого доспеха, который в рассматриваемый период доминировал во всем мусульманском мире от Северной Африки до Восточного Туркестана и оказывал значительное влияние на развитие русского защитного вооружения XVI – первой половины XVII в. В то же время в покрое панцирей серии встречаются элементы оформления, которые относительно редко наблюдаются за пределами Средней Азии и Западной Сибири, – широкие двойные и одинарные подполки треугольной и прямоугольной формы, стоячие воротники с боковым разрезом и др. [Бобров, 2013, с. 218–221].

Татарские и остяцкие кольчатые панцири изображены на картинах и книжных миниатюрах. На рисунках Ремезовской летописи (выполнены в начале XVIII в.), иллюстрирующих сражения русских казаков с отрядами хана Кучума в конце XVI в., большинство татар и остяков одеты в халаты и шубы. Достаточно часто этот факт трактуется современными исследователями как свидетельство слабого распространения среди сибирских воинов защитного вооружения. Однако вполне вероятно, что кольчуги просто поддеты под верхнюю одежду. Именно так их очень часто носили среднеазиатские воины XVI–XVII вв. [Бобров, Худяков, 2002, с. 116, 117]. Под «дорогими одеждами и под меховой [шубой?】 кольчугу скрывали остяцкие богатыри [Бобров, 2013, с. 220]. В пользу скрытого ношения кольчуг воинами Западной Сибири также свидетельствует сцена сбора трофеев русскими казаками после сражения с татарами на р. Туре. На миниатюре показан панцирник из отряда Ермака, добывающий копьем ограбленного и раздетого татарского воина. Казак уносит с поля боя (надев на палку) трофейную татарскую кольчугу, которая, возможно, принадлежала раздетому татарину (рис. 79). По своему покрою кольчуга весьма близка к упомянутым выше панцирям из музейных и частных собраний. Она скроена в виде «рубачи» с рукавами до локтя, округлым шейным вырезом и широким подольным разрезом. Кольчатые панцири угро-финских воинов зафиксированы на цветной картине «Битва остяцких племен». Оригинальным элементом покрою остяцких кольчуг являются фестоны по краю подола. При этом сам подол и рукава снабжены тканевой (?) оторочкой [Бобров, Худяков, 2008, с. 409, рис. 142, 1].

Подводя итог обзора письменных, вещественных и изобразительных источников, необходимо отметить, что на территории Западной Сибири XVI–XVII в. доспехи с кольчатой структурой бронирования являлись основной разновидностью корпусного металлического защитного вооружения. На наш взгляд, причины этого военно-исторического феномена обусловлены тремя основными факторами: спецификой снабжения, престижностью кольчатой брони в регионе и особенностями тактики ведения боя.

Для двух (из трех) основных импортеров вооружения в Западную Сибирь (Бухарского ханства, Московского царства) кольчатые панцири являлись основной разновидностью традиционных корпусных металлических доспехов [Бобров, Худяков, 2002, с. 122–124; Бобров, Борисенко, Худяков, 2012, с. 53, 54, 62, 110, 111]. Естественно, что именно эта разновидность доспехов, в первую очередь, и вывозилась в Западную Сибирь. Это хорошо прослеживается по материалам письменных источников первой половины XVII в. [Бобров, Борисенко, Худяков, 2012, с. 53, 54, 59, 62–65]. Большую роль в распространении «кольчуг» и «пансырей» среди воинов Западной Сибири сыграл и тот факт, что местные оружейники овладели искусством изготовления кольчатого доспеха. Сочетание импорта и собственного производства позволило создать благоприятные условия для продвижения кольчатых панцирей на оружейном рынке Западной Сибири.

Вторым фактором, способствовавшим росту популярности кольчатой брони в регионе, была престижность данной разновидности защитного вооружения. На протяжении нескольких десятилетий доминирующей военной и политической силой в Сибири были «кольчужники». Сначала ими были среднеазиатские воины Кучума, разгромившие ополчения Тайбугидов, а затем казаки Ермака, изгнавшие самого Кучума. В результате кольчатый доспех утвердился в сознании сибирских аборигенов как элемент оружейного комплекса победителей, представителей военной и политической элиты. В своем крайнем проявлении данная тенденция выразилась в почтении кольчатых панцирей, принадлежавших Ермаку, которым местные жители приписывали различные чудодейственные свойства [Бобров, Худяков, 2008, с. 334, 335].

Наконец, третьим (по порядку, но не по значению) фактором было то, что кольчатые доспехи оптимально соответствовали особенностям тактики ведения боя сибирских татар

и хантов XVI–XVII вв. Главным элементом этой тактики был дистанционный лучной бой, в котором западносибирские воины пытались поразить противника стрелами с железными и косяными наконечниками [Бобров, Борисенко, Худяков, 2010, с. 36–40]. Сибирские татары дополняли лучную перестрелку атакой в конном строю, в котором всадники применяли длиннодревковое (копья, пики) и длинно-клинковое оружие (сабли, палаши). Эластичная кольчуга не стесняла движений таежного стрелка или всадника-кочевника, но при этом служила неплохой защитой от стрел и рубящих ударов сабель противника.

Главной проблемой кольчатой брони была уязвимость от сильных колющих копейных ударов, разрывавших кольчужное «полотно». В традиционном военном искусстве народов Западной Сибири конный бой с применением копий и пик имел ограниченное распространение. Однако продвижение к границам региона племен ойратов, поднявших искусство копейной схватки на новую высоту [Бобров, Худяков, 2008, с. 295, 296], стимулировало развитие доспехов, способных выдержать удар граненого пера центральноазиатской пики. Поэтому неудивительно, что вторым по популярности видом корпусных панцирей сибирских татар стали доспехи с пластинчато-нашивной структурой бронирования. Если кольчатые панцири являлись доминирующей разновидностью доспехов, выполненных в рамках западноазиатской военно-культурной традиции, то их пластинчато-нашивные аналоги являлись основной металлической структурой бронирования в центральноазиатской военно-культурной традиции. Ее носителями в рассматриваемый период являлись южные и восточные соседи сибирских татар – ойраты, телеуты, енисейские кыргызы и др. [Бобров, 2011, с. 110, 111, 119].

Письменные источники наряду с кольчатой броней отмечают факты применения воинами хана Кучума кольчато-пластинчатых панцирей – «бехтерцев» [Сибирские летописи, 2008, с. 17]. Появление подобных доспехов у сибирских татар XVI в. мы связываем со среднеазиатским влиянием [Бобров, 2011, с. 109]. Не позднее первой четверти XVII в. производство «бехтерцев» было освоено «кузнецами татарами» (шорцами), которые продавали их телеутам и ойратам. До нашего времени дошли подлинные кольчато-пластинчатые доспехи южносибирского или джунгарского производства XVII–первой

половины XVIII вв. [Бобров, Худяков, 2008, с. 391, 392].

Определенное распространение среди татарских и финно-угорских воинов Западной Сибири имели панцири из органических материалов. Так, на территории Мангазеи были обнаружены фрагменты костяных доспехов. Один из сохранившихся щитков выполнен из рога лося и имеет трапециевидную форму. Высота – 40,0 см., ширина в верхней части – 27,0 см., нижней – 18,0 см. Толщина щитка – 0,7 см. По центру пластины проходит вертикальное ребро жесткости [Молодин, Соболев, Соловьев, 1990, с. 56]. Подобные щитки могли применяться в качестве одностворчатых кирас для защиты груди и живота воина. Возможно, что несколько таких пластин могли составлять целый костяной доспех, прикрывавший грудь, спину и бока таежного стрелка. Что касается сибирско-татарских воинов, то ими могли применяться мягкие стеганые панцири типа *чочкут* и *каттау*, весьма популярные среди тюркских кочевников Дашт-и Кипчак и народов Мавераннахра. Подобные стеганые панцири были известны русским служилым под названием *тягиляй* и *бумажник*.

Боевые наголовья воинов Западной Сибири XV–XVII вв. представлены шлемами (6 экз.) и миссюрками.

Самым ранним из шлемов серии является богато оформленное наголовье, обнаруженное в конце XIX в. в Сузунском бору, в 25 верстах от Сузунского завода, в окрестностях оз. Осинина [Ожередов, Худяков, 2007, с. 94]. По материалу изготовления шлем относится к классу железных, по конструкции тульи – к отделу клепанных, по форме купола – к типу сфероконических (рис. 80). Общая высота наголовья – 18,5 см, диаметр: 21,5–22,5 см. Тулья шлема склепана из двух пластин-секторов, стыки которых прикрыты плоскими железными накладками (ширина накладок – 1,3 см.) с ровным краем (сохранились фрагментарно). Накладки соединены с пластинами тульи двумя парами заклепок (рис. 80, 2, 3, 4). Дополнительным фиксатором пластин тульи является железный обруч (ширина – 5,0 см). Лицевая часть обруча выгнута в виде неширокого козырька. Вдоль края козырька вбиты пять массивных заклепок, которые, возможно, служили для крепления матерчатого подшлемника (рис. 80, 7). Венчает купол коническое подвершие со сквозным отверстием для трубки-втулки для плюмажа (не сохранилась). Пластины тульи соединены с подвершием тремя полусферическими заклепками

(рис. 80, 4). Вдоль нижнего края обруча вбиты три металлические петли (2 височные, 1 на левой стороне обруча), служившие для подвешивания бармицы (вероятно, первоначально шлем был снабжен 7–9 петлями). Значительный интерес представляют особенности декоративного оформления шлема. Боковые стороны пластин тульи украшены изображениями фениксов, выполненных в технике золотой насечки по металлу (рис. 80, 8, 9). На поверхности обруча фиксируются фрагменты изображений узких чешуйчатых тел (вероятно, драконов). Рисунок плохо сохранился и сильно затерт. Детальный анализ изображения позволяет предположить, что на тулье шлема помещались изображения четырех фениксов, а также жемчужин (?) и облаков. Обруч был украшен фигурами четырех драконов и жемчужин (рис. 80, 10, 11). Большая часть козырька и подвешивающая была покрыта позолотой. В подвешивающей вставлялась трубка-втулка для плюмажа. В качестве такового могли использоваться пара матерчатых лент (рис. 80, 10), волосной (рис. 80, 11) или перьевой султан. В петли на обруче шлема, вероятно, вставлялся металлический прут, к которому подвешивалась кольчатая, ламеллярная, пластинчато-нашивная или стеганая бармица (рис. 80, 10, 11). Учитывая тот факт, что бармица не была обнаружена вместе со шлемом, последний вариант представляется наиболее вероятным (рис. 80, 10). На основании особенностей конструкции и системы оформления «сузунский» шлем может быть датирован XIV–XV вв. Он мог быть выполнен оружейниками Центральной, Средней или Западной Азии. Судя по богатству отделки, он находился на вооружении весьма знатного и высокопоставленного воина (рис. 80, 10, 11).

Три других шлема рассматриваемой серии по конструкции купола относятся к отделу цельнокованых.

Шлем №4461/5420 хранится в фондах ТГИАМЗ (рис. 81, 1–6).⁶ По форме тульи он может быть отнесен к типу полусферических. Высота купола – 9 см, диаметр: лобно-затылочный – 21 см, височный – 18,7 см. Поверхность шлема украшена четырьмя медными ромбическими бляшками с зубчатым краем. На макушечной части наголовья пробито небольшое сквозное отверстие (рис. 81, 4, 6). К шлему подвешена комбинированная барми-

ца, состоящая из кольчужного сегмента, прикрывающего лицо воина до губ (длина – 19,2 см, ширина – 8,7 см), а также наушников и назатыльника «куячного» типа, бронированных рельефными пластинами южносибирского образца (рис. 81, 1–6). По всей видимости, наушники и назатыльник были срезаны (вероятно, еще в XVII в.) с ойратского шлема (хранящегося в том же арсенале) и подвешены к рассматриваемому наголовью с целью усиления его защитных свойств от рубящих ударов оружия противника. На основании анализа конструкции и системы оформления шлема установлено, что он был изготовлен в XVII в. и использовался представителями сибирско-татарской знати данного периода [Бобров, 2011, с. 113–116].

Второй цельнокованый шлем из ТГИАМЗ (ТМ №5422), найденный в районе Истяжских юрт (Тюменская обл.), по форме тульи может быть отнесен к типу сфероконических. Высота тульи – 16 см, диаметр лобно-затылочный – 22 см, височный – 21,7 см (рис. 81, 7; 5а). В верхней части купола проделано сквозное отверстие квадратной формы (рис. 82 б). Судя по особенностям выполнения, оно служило для крепления трубки-втулки или пиковидного навершия переднеазиатского типа. Тулья шлема снабжена отверстиями для крепления кольчатой, пластинчато-нашивной или «мягкой» (стеганной на вате) бармицы. Судя по наметкам, сделанным мастером (рис. 82 а), она должна была иметь сегмент для прикрытия верхней части лица (всего 23 отверстия), однако в конечном счете оружейник остановился на бармице «открытого типа» (14 отверстий). Такая бармица закрывала затылок, шею и уши воина. Ряд отверстий несколько крупнее остальных. Возможно, они служили для крепления наушей или фиксации подшлемника. Латунная пластина подвешивающая изготовлена в виде выпуклого прорезного диска, сплошь покрытого узором в виде растительного орнамента, выполненного методом чеканки и гравировки (рис. 82 б,в). Специальное исследование показало, что шлем был выкован позднесредневековыми среднеазиатскими, русскими или сибирскими оружейниками в XVII в. [Там же, 118, 117]. Узор на подвешивающей имеет аналоги среди мамлюкских материалов XV–XVI вв. Возможно, что именно североафриканские изделия послужили источником вдохновения для мастеров изготовивших подвешивающую.

Третий цельнокованый шлем в настоящее время хранится в собрании ПНИАЛ УрГУ.

⁶ Автор выражает благодарность и искреннюю признательность сотрудникам ТГИАМЗ и лично А.А. Адамову за возможность детально ознакомиться с предметами вооружения.

Он имеет низкую сфероконическую тулью, увенчанную коническим подвершием. Верхняя часть купола шлема украшена каплевидными желобками (рис. 81, 8). Вдоль нижнего края тульи пробиты отверстия для крепления бармицы и (или) подшлемника. На основании особенностей конструкции и системы оформления шлем может быть датирован XVI–XVII вв. и соотносен с комплексом вооружения сибирских татар данного периода.

В собрании ТГИАМЗ хранятся два железных ойратских шлема, которые попали в руки сибирских татар в XVII в. в качестве дипломатических подарков, или в ходе торгового обмена [Бобров, Худяков, 2008, с. 440–442]. Оба шлема по конструкции тульи – клепаные, по форме купола – сфероцилиндрические (рис. 83, 1–5, 8–10). Общая высота первого наголовья – 42,9 см, диаметр: 21,5 (лобно-затылочный) и 20,7 см (височный). Поверхность тульи украшена буддийской символикой (рис. 83, 1). К этому шлему, по всей видимости, относится упомянутая выше трехчастная пластинчато-нашивная бармица, которой сибирские татары усилили цельнокованное полусферическое наголовье (рис. 81, 1–6). Высота второго наголовья – 23,5 см, диаметр: 21,0 (лобно-затылочный) и 20,5 см (височный). Обруч украшен растительным орнаментом, выполненным в технике серебряной насечки (рис. 83, 7). Шлем снабжен трехчастной пластинчато-нашивной бармицей, бронированной гладкими пластинами с массивными заклепками в виде четырехлепестковых цветков (рис. 83, 8–10).

Письменные источники фиксируют факты применения сибирскими татарами миссюрюк,

состоявших из слабовыпуклого железного «наплешника» и кольчатой бармицы (рис. 83, 6). В музейных и частных собраниях Сибири хранятся более 20 экз. миссюрюк и их фрагментов [Бобров, Худяков, 2008, с. 470, рис. 194, 2]. Возможно, что некоторые из них могли применяться воинами Сибирского ханства.

Наряду с боевыми наголовьями и корпусными панцирями, воинами Западной Сибири применялись наручи и щиты. К сожалению, подлинные образцы данных предметов защитного вооружения пока не обнаружены. Можно предполагать, что сибирскими татарами могли использоваться створчатые железные наручи типа *базубанд* и *голчак* из 2–3 створок с ремненным или комбинированным (кольчато-ремненным) соединением. Подобные наручи были широко распространены среди состоятельных воинов Западной и Средней Азии, а также Восточной Европы XV–XVI вв. Что касается щитов, то это могли быть как плетеные из прутьев щиты типа *калкан*, так и их аналоги, выполненные из деревянных досок, твердой кожи или металла. Все эти разновидности щитов применялись воинами Средней Азии XV–XVI вв. [Бобров, Худяков, 2002, с. 135, 136, с. 152, рис. 13, 3–14].

Подводя итог, необходимо отметить, что сочетание в паноплии татар Западной Сибири пластинчато-нашивных и кольчатых панцирей, клепаных и цельнокованых шлемов позволяет отнести их комплекс защитного вооружения к числу симбиотических, сочетающих в себе элементы, присущие как центрально-, так и западноазиатской военно-культурной традиции при отчетливом преобладании последней.

8. РЕЛИГИОЗНАЯ КУЛЬТУРА

Важнейшим и, вне всякого сомнения, общецивилизационным феноменом дорусской государственности на территории юга Западно-Сибирской равнины явилось распространение и развитие мировой религии – ислама. Этот процесс завершился формированием анклава мусульман, являющегося неотъемлемой частью мировой исламской цивилизации. Основа специфики локального варианта ислама в регионе была заложена в эпоху сибирских ханств. Реконструкция процессов религиозного развития, имевших место в этот период, возможна на базе комплексного рассмотрения археологических, исторических и этнографических источников.

Мировой науке феномен ислама в Сибири долгое время был известен поверхностно. В книге, выпущенной в 2000 году, британский поэт, прозаик, драматург, переводчик и публицист российского происхождения, живший в Лондоне, Равиль Бухараев главу, посвященную исламу в Сибири, назвал «Тетра Incognita» [Bukharaev, 2000, p. 251 – 266]. Несмотря на то что статьи, главы монографий, материалы научных конференций, посвященные данной тематике, публиковались и ранее (См., например: [Белич, 1997; Валеев, 1992; Влияние ислама, 1998; Ислам, общество..., 1994; DeWeese, 1994; Inan, 1968, p. 331 – 338; Frank, 1994, и др.]), его метафора отражала тогдашний уровень знаний о Сибири в мировом исламоведении.

Однако рубеж веков знаменовался бурным ростом исследовательского интереса к феномену ислама в Сибири. В 2000 г. выходит специальный номер журнала *Cahiers du monde russe*, практически все статьи которого посвящены исламу в Сибири [Dudognion, 2000, p. 207 – 444; Селезнев, 2001]. Затем работы, так или иначе затрагивающие проблематику сибирского ислама, идут непрерывным потоком. Тематически эти работы включают в себя публикацию документов, историографические и источниковедческие очерки, исторические и антропологические исследования [Белич, 2005; Валеев, Томилов, 2006; Ислам в истории, 2004; Ислам на краю света, 2007; Исхаков, 2006 а; Исхаков, 2006 в; Исхаков, Измайлов, 2007 а; Корусенко, 2003; Рахимов, 2006; Селезнев, Селезнева, 2004; Файзрахманов, 2002а, и др.]. Подводя промежуточный итог в 2009 г., Стефан Дюдуаньон [Dudognion, 2009, p. 80–86], констатировал полноценное вклю-

чение сибирских материалов в мировой исламоведческий процесс. Автор отметил формирование двух подходов к изучению ислама в Сибири – исторического и антропологического, и наличие двух школ – в Омске (Россия) и в Блумингтоне (Индиана, США) – в изучении этого феномена.

Несколько позже была опубликована совместно с И.В. Беличем наша книга, посвященная культуре святых в сибирском исламе [Селезнев и др., 2009]. На следующий год выходит монография З.А. Тычинских, освещающая историю этносословной группы служилых татар и их роль в формировании этнической общности сибирских татар. Специальный раздел книги посвящен конфессиональной специфике служилого татарского сословия [Тычинских, 2010 а, с. 214 – 219]. В 2011 г. Д.М. Исхаков выпустил монографию, подводящую итог многолетнего исследования роли сословно-религиозной группы сейидов в Улусе Джучи и тюрко-татарских государствах XV–XVI вв. Значительное место в работе уделено анализу сибирского материала, а сибирские мусульманские источники составляют заметную долю использованного автором фонда исторических данных [Исхаков, 2011 а, с. 25 – 41, 159 – 180].

В 2012 г. свет увидело исследование А.А. Ярзуткиной, посвященное традиционным промысловым и производственным культам сибирских татар. Основной методологический подход автора – рассмотрение закономерностей функционирования этих культов сквозь призму религиозного (исламского) синкретизма [Ярзуткина, 2012, с. 7 – 9 сл.]. Таким образом, работа представляет собой серьезный вклад в изучение региональной формы ислама, получившей развитие в среде сибирских татар. Впрочем, оговорка о региональной форме в данном случае представляется излишней, ибо какой-либо иной формы религиозного дискурса, существенно отличной, отделившейся от народной среды, в обществе сибирских татар фактически не сформировалось.

Последнее положение в значительной мере подтверждают материалы еще одной книги, вышедшей в 2013 г. Работа посвящена анализу мифологических персонажей, символов, понятий, объектов традиционной духовной культуры, целью которой является систематизация обширного фонда источников по мировоззрению сибирских татар в XX – XXI вв.

[Корусенко и др., 2013]. Текст дает наглядное представление о том, насколько глубоко традиционное мировоззрение сибирских татар пронизано исламской символикой и образами. С другой стороны, данные материалы отражают также высокую степень трансформации исламских образов, их филигранную адаптацию к местным, региональным, традициям.

В числе важнейших исламоведческих работ необходимо специально выделить исследования роли бухарского компонента в истории и культуре сибирских татар. Ведь именно с бухарским влиянием связан мощный импульс развития ислама в сибирском регионе. Этот вопрос имеет длительную историографическую традицию, начало которой восходит к зарождению российской науки как таковой в XVIII столетии. Но коль скоро нас интересует ее самый последний этап, то упомянем в нашем обзоре две новейшие работы. Первая из них – книга выдающегося американского исламоведа Эллена Франка, посвященная роли Бухары в развитии ислама в России. Автор обсуждает такие аспекты проблемы, как суфизм, исламское образование и престижность исламской культуры Бухары для мусульманских общин России. Чрезвычайно важно то, что довольно существенный раздел работы посвящен влиянию Бухары на культурное и экономическое развитие сибирского региона [Frank, 2012, p. 45 – 50].

Во второй работе – книге С.Н. Корусенко – представлена история формирования и развития сибирских бухарцев как этносословной группы на протяжении всего периода ее существования. Работа основана на базе преимущественно письменных источников. Издание сопровождается подробным обзором различных аспектов сибирско-бухарских связей, включая их религиозную составляющую [Корусенко, 2011, с. 7 – 13 сл.].

Обзор литературы о сибирском исламе будет неполон без указания на работы, посвященные истории Сибирского ханства и средневековых сибирских татарских государств. Значительный вклад в решение этих проблем внесли указанные выше труды казанских историков. Однако и текущее десятилетие уже было отмечено крупными монографическими исследованиями в этой области [Костюков, 2010; Масложенко, 2008; Матвеев, Татауров, 2012а; Трепавлов, 2012].

Мы привели только монографические работы и крупные сборники, посвященные проблемам сибирского ислама, причем изданные после 2000 г. При этом мы отдаем себе

отчет в том, что перечень неполон, наверняка существуют книги, прошедшие мимо нашего внимания. Кроме того, мы не учитывали статьи и сообщения, число которых в совокупности таково, что их историографический обзор может (и должен!) стать предметом специального крупного и серьезного критического разбора. Отметим, что только за последние несколько лет число публикаций, затрагивающих исламскую тематику в Сибири, исчисляется десятками.

Занимаясь изучением различных аспектов исламской культуры в Сибири на основе этнографических материалов, мы пришли к важному, на наш взгляд, методологическому заключению, которое может быть ретроспективно отнесено к ранним историческим периодам, в том числе и ко времени существования самостоятельных дорусских государств. Суть состоит в том, что представления об этнической культуре групп сибирских татар (в наибольшей степени это касается тобольско-иртышской группы) были тесно связаны с исламским фактором и в значительной степени этнокультурная идентичность совпадала с исламско-религиозной идентичностью (Ср.: [Татауров, 2015б, с. 82 – 86]. Однако, в период научного изучения (XVIII и особенно XIX–XX вв.), формирование мусульманской религиозной культуры протекало в условиях отсутствия развитой теологической традиции, широкого религиозного дискурса, оформленности школ и течений. Фактически процесс сложения этноконфессиональной общности проходил на базе синкретичного по характеру, регионального, «народного» варианта ислама со сравнительно незначительной и тоже в общем-то фольклорной по происхождению письменной традицией (последний по времени отзвук полемики о феномене народной религии см.: [Напольских, 2014, с. 200, прим. 22]). Указанные процессы имели место в относительно близком прошлом, более того, эти процессы протекают и сейчас, являясь существенным фактором современного этнического развития сибирских татар.

В том случае, если имеет место синкретизм мировых профетических религий с религиозными воззрениями, характерными для традиционных сообществ (или так называемыми ранними религиозными верованиями), появляется особый вид религиозного синкретизма. Он может быть обозначен как народная (фольклорная) версия мировой религии: народное православие, народный католицизм, народный ислам и т.д. В этом

рядом изучение исламского синкретизма представляется актуальной научной проблемой, привлекающей внимание все большего числа исследователей [Israeli, 2002, p. 99 – 111; Schilder, 1990, 171 p.; Syncretistic religious Communities..., 1997 и др.].

В отечественном исламоведении сформировалось особое направление – этнографическое изучение народного (бытового) ислама, т.е. тех его реальных форм, которые сложились в конкретных исторических условиях в жизни разных народов. В рамках этого направления специальное внимание уделяется доисламским (внеисламским) традициям, принявшим мусульманизированный облик.

В зарубежной литературе народные формы ислама являются предметом исследования как этнографов и антропологов, так и представителей «классического» исламоведения. Концепция народного ислама (popular Islam) исходит из того, что:

«Ислам не только налагает на своих последователей моральные и ритуальные требования, но также обладает потенциалом адаптации к конкретным условиям жизни верующих. Историческим результатом взаимодействия идеала и реальности стала религиозная мозаика народного ислама. Последний обнимает всё из религиозных практик и верований, что не признается действительным и нормативным с точки зрения исламских элит. По сути, народный ислам имплицитен, конкретен, свободен от догм и формальных правил и не опирается на письменную традицию» [Schilder, 1990, p. 44 – 45].

Актуальность исследования региональных, народных форм именно ислама определяется отсутствием в этой конфессии официальной церковной организации, вселенских соборов, известной свободой культовой и обрядовой практики. Эти обстоятельства определили особенно широкую и многоцветную палитру проявлений региональных форм народного ислама.

Следует отметить особую роль мистического направления в исламе – суфизма, продемонстрировавшего удивительную пластичность, способность впитывать традиционные народные верования и представления и возвращать их народным массам уже в мусульманизированной форме. Положения суфизма как бы заполнили лакуну духовности, которая создалась в нормативном исламе и остро ощущалась в исламских общинах [Акимускин, 2002, с. 7].

При этом особо важно, что религиозный синкретизм всегда должен рассматриваться как цельное, нерасчлененное мировоззрение, как единая и в своем роде всегда стройная система взглядов и верований. В этой связи, практиковавшиеся некогда попытки выделения «доисламских», «дохристианских» и прочих элементов традиционного мировоззрения представляются нам методологически неверными.

Шаманистский комплекс в религиозной культуре тюркского населения Западно-Сибирской равнины

С древним шаманским мировоззрением связаны анимистические по своей природе представления, выраженные в форме промыслового культа духов-хозяев (иясы, есе). Выделяются духи-хозяева воды (су иясы), леса (пичин, пицин, урман-иясы), дома (ой иясы), огня (от есе) и другие [Корусенко, 2013; Корусенко, 2015; Корусенко, Дянова, 2011; Корусенко, Дянова, 2012; Корусенко и др., 2013; Ярзуткина, 2012].

В наиболее полной форме шаманистские представления сохранились у барабинских татар. Барабинские татары (барабинцы) – одна из немногих коренных тюркоязычных этнических групп Западно-Сибирской равнины, сохранивших к началу XVIII века шаманистское мировоззрение и шаманскую культовую практику. Распространение ислама среди барабинцев относится лишь ко второй половине XVIII века, хотя незначительное количество мусульман отмечено в Барабе (местности, где расселились барабинские татары) и в первые годы XVIII столетия. Это обстоятельство привлекло внимание специалистов к проблемам доисламских религиозных воззрений аборигенов Барабы. Различные аспекты барабинского шаманизма нашли отражение в трудах Д.Г. Мессершмидта, Ф.И. Страленберга, Я.И. Линденау, И.Г. Гмелина, В.В. Радлова, В. Диосеги, С.В. Иванова, Л.П. Потапова, З.Д. Титовой, И.В. Белича, А.Г. Селезнева [Линденау, 1983, с. 148 – 150; Dioszegi, 1978, p. 83 – 167; Селезнев, 1994, с. 41 – 42]. В ранних этнографических источниках конца XVII – начала XVIII вв., относящихся к доисламскому периоду истории барабинцев, приводятся подробные описания барабинских шаманов (камов), камланий, атрибутов шаманского культа, шаманистских обрядов и обычаев (рис.84).

Любопытно, что барабинские татары, будучи официально мусульманами, практически в течение всего XX в. сохраняли существенные элементы язычества. Приведем в качестве лишь одного примера описание древнего курганного захоронения, явно домусульманского, тем не менее зафиксированного Л.В. Дмитриевой в середине XX в.

«Если умирал какой-либо барабинец, то барабинцы каждый год, приходя с разных сторон, насыпали над ним землю (намогильный холм). Это являлось выражением почтительного отношения барабинцев к памяти умершего (человека). Этот намогильный холм назывался «оба», или «курган». Все вещи, которые имел умерший, закапывали вместе с ним: лопату, нож, топор, лук, плетку, седло, его одежду, посуду, золотые перстни» [Дмитриева, 1981, с. 29 – 30].

Как известно, культ оба (обо, оваа, ова) был широко распространен у тюркских и монгольских народов: алтайцев, тувинцев, хакасов, бурят, монголов. Этот культ отмечен в Тибете и Средней Азии. Слово «оба» в форме «опа» содержится в древнетюркской рунической надписи, сделанной в Киргизии; опа здесь – культовое сооружение. Оба в значении «куча камней», «курган» упоминается в кыпчакском памятнике начала XIV в.

У тувинцев оваа представляли собой сооружения из камней и веток на перевалах, возле которых каждый путник непременно останавливался и чествовал хозяина перевала, бросая в общую кучу камень или ветку. Нам тоже доводилось это делать, во время наших путешествий по Туве. Аналогичные сооружения и аналогичный обряд существовали у алтайцев. Они использовали свои обо в качестве мест, где совершались моления божествам, духам местности, ее хозяевам. И на Алтае мы имели возможность наблюдать такие обо. В Хакасии ова – это древние курганные могилы (преимущественно тагарского времени), огромное количество которых разбросано по просторам Минусинских степей. Современные жители используют их в своей культовой практике. В Монголии обо – кучи камней, святилища, соорудившиеся в честь духов хозяев местности, своеобразные маркеры родовой или этнической территории.

Анализ сооружений типа оба позволяет исследователям думать о том, что они символизировали жилища хозяина местности, созданные по типу жилищ, распространенных в свое время у местного населения. В то же время культу оба обнаруживает тесную связь

и с намогильными сооружениями, что и отражено в первоначальном значении слова оба – «курган» [Абаева, 1992, с. 66 – 87]. Таким образом, еще в XX веке в памяти и фольклоре барабинцев отложились очень древние представления, связывающие их с культурой большого числа народов Центра Азии, но уходящие далеко за пределы исламского мира.

Наиболее полную попытку анализа барабинского шаманизма предпринял знаменитый венгерский исследователь В. Диосеги [Dioszegi, 1978, p. 83–167]. Используя основательно проработанные письменные источники конца XVII – начала XVIII веков, автор разбил рассматриваемый им материал на ряд элементов и проанализировал их генетические связи с различными этнокультурными общностями. Выявились три группы сходных явлений. Первые включали в себя шаманскую атрибутику (конструкция шаманского бубна, колотушки, шаманские идолы) и находили себе аналогии только у народов Южной Сибири, точнее у тюрков Саяно-Алтая. Вторые объединяли животные жертвоприношения, воздушные захоронения, гадание на луке и встречались как у тюркских, так и у уральских народов Сибири, а часто и выходили за пределы данного региона. Третьи локализовались только в уральской среде. К ним автор отнес: хранение деревянных антропоморфных идолов в специальных футлярах, традицию перевозки идолов на специальных нарточках и обычай изготовления остроуголовых идолов.

Данные письменных источников о хранении барабинцами своих идолов в специальных ящиках находят подтверждение в сообщениях наших информаторов. Последние рассказывали о деревянных или матерчатых антропоморфных изображениях, которые хранились либо в доме, либо за пределами поселений в особой священной роще. Идолы помещали в специально вырытой яме или в устроенном для них специальном домике или амбарчике. Старики-информаторы вспоминали, что «кукол» (идолов-курчак) кормили, испрашивали у них разрешение на охоту, благодарили в случае удачи и т.д. По сообщению Исабрана Идеса (1692 г.), барабинцы одаривали своих идолов всем лучшим, что добывалось на охоте [Древняя, 1789, с.437.]. Аналогичную информацию об идолах (каурчак, камурчак) барабинских татар приводит В.Б. Богомолов. По его данным, основанным на полевых наблюдениях, во второй половине XIX века деревянные ящики-футляры для

хранения идолов уже не употреблялись и были заменены берестяными сосудами. Практиковался обычай устраивать туески с идолами на окраине поселения, в дупле священной березы или на ее ветках. Идолы кормили и производили жертвоприношения в виде разбрызгивания крови.

Внешний вид матерчатых идолов восстанавливается по образцам антропоморфной скульптуры барабинцев и их соседей тарских татар, имеющимся в музейных коллекциях. Фигурки были невысоки – 10–15 см. Их каркас составляли матерчатые или бумажные жгуты, на который надевались «одежды». В.Б. Богомолов сообщает, что одежду для идолов шили из обрезков каждой вновь купленной ткани, причем эта одежда копировала в миниатюре существовавший у соответствующих групп тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины комплекс традиционного костюма [Богомолов, 1992, с. 23–26].

Совершенно очевидно, что образы барабинских (как впрочем и всех сибирско-татарских) кукол-курчаков полисемантичны и полифункциональны. Они с одной стороны – символы духов-предков (включая и предков шаманов), с другой – образы сперва родовых, а затем семейных охранителей. С течением времени эти две (или больше) ипостаси соединились, сплелись и выступили в качестве единого целого и в таком качестве оказались зафиксированными первыми исследователями барабинских татар. Тем более трудно разделить эти ипостаси сейчас. Здесь уместно обратиться к аналогиям, как северо-сибирским (уральским), так и к южносибирским.

Священные амбарчики были распространены среди всех обско-угорских групп. Они являлись вместилищем зоо- и антропоморфных духов предков и располагались обычно на поселениях либо за его пределами на священных местах. Аналогичные амбарчики существовали у селькупов. Среди тюркоязычных народов Сибири амбарчики для хранения изображений духов предков зафиксированы у заболотных (ясколбинских) татар. З.П. Соколова считает институты священных мест явлением очень древним и общим для широкого круга уральских народов [Соколова, 1983, с. 117].

Аналогии барабинским изображениям остроголовых идолов В. Диосеги находит у хантов (пугос), манси (пубых, пупи), селькупов, ненцев [Dioszegi, 1978, p. 152 – 153]. В мифологических сказках обских угров острые головы зачастую являлись атрибутом

великанов-людоедов «менквов». Если обратиться к данным археологии Барабы, то следует отметить, что остроголовые деревянные идолы были обнаружены в культовом месте, находившемся в пределах уникального комплекса Сопка-2 в Венгеровском районе Новосибирской области. Датировано культовое место в пределах XIII – XVIII веков. Всего было обнаружено три фигуры. Две из них антропоморфные, остроголовые, с подчеркнутыми руками и ногами. Третья фигура антропоморфная, имеет подобный птичьему хвосту, фаллос, но также снабжена остройверхой головой [Молодин, 1990, с. 128 – 140, рис. 6, 7; Молодин и др., 1990, с. 177 – 183]. Святилище несомненно тяготеет к северному, таежному кругу культур и, по мнению авторов публикации, принадлежало угорскому населению.

Южносибирские (преимущественно Саяно-Алтайские) параллели отмечаются в атрибутике барабинских шаманов (камов) – шаманском бубне (тунгур) и идолах, выступающих в данном случае в качестве духов-помощников шаманов. Судя по сохранившимся изображениям, шаманские бубны барабинцев имели круглую форму, были снабжены антропоморфной рукоятью, на внешней стороне бубна отсутствовал какой-либо рисунок [Strahlenberg, 1736, p. 334, tab. VI] (рис.84). С шаманской атрибутикой, в том числе и с шаманскими бубнами, семантически связаны рассмотренные выше антропоморфные идолы барабинских татар.

Весьма важным источником является терминология, относящаяся к антропоморфным идолам барабинских татар. Несмотря на скудость материалов по шаманистским верованиям аборигенов Барабы, в ходе интервью с местными жителями удалось зафиксировать три термина для обозначения деревянных или матерчатых антропоморфных идолов: курчак, чалу, эттеней. Известно, что у тобольских татар термин аттаней/эттеней служил для обозначения скульптурных фигур семейных охранителей [Богомолов, 1992, с. 23]. По данным Ф.Т. Валеева, слово «эттеней» обозначало у некоторых групп сибирских татар большие деревянные изображения родовых духов, которым приносили жертвы [Иванов, 1979, p. 143–144]. Информаторами аттаней уверенно этимологизируется от тюркского «ата» – отец, что доказывает, между прочим, исходное представление об изображении именно духа-предка. Кроме того, по нашим полевым материалам, указанный термин в ряде мест (например, в деревне Тукуз Вагайского рай-

она Тюменской области) функционирует наряду с общераспространенным у тюрков Южной и Западной Сибири словом *Кудай* и означает «Бог», «божество». Сходство сибирско-татарского термина *ээттеней* // аттаней с барабинским словом *эттеней* не вызывает сомнения. Высказанное нами четверть века назад предположение о происхождении и функциях культового персонажа *эттеней*, в последнее время было подтверждено в специальной посвященной данному вопросу работе [Файзуллина и др., 2015, с. 96].

Антропоморфные идолы курчак также использовались практически у всех групп сибирских татар. Выполненный В. Диосеги этимологический анализ термина *курчак* указывает на связь рассматриваемого предмета с шаманскими бубнами и другими шаманскими атрибутами тюркских народов Южной Сибири: сибирско-татарск. *курчак* - идол; алтайск., сагайск., *курчак* – рама, обруч, обечайка шаманского бубна; телеутск. *курчу* – обечайка; алтайск. *курчу* – кольцо погребушки на шаманском костюме и т.д. [Dioszegi, 1978, p. 135; ср.: Функ, 1993, с. 226]. По другому варианту этимологии, слово *курчак* образовано от чагатайского (средневековый среднеазиатский) *кагур*, *кавур*, *кагурт* «тень; идол, дух» + *аффикс* – *чак*, который восходит к слову *чак* со значением ‘подобный, такой’ [Файзуллина и др., 2015, с. 96].

Наиболее широко на Алтае был распространен термин *чалу*, который обозначал самые разнообразные культовые предметы. Известно, в частности, что этим термином обозначались шаманские бубны алтайцев. В своем капитальном исследовании алтайского шаманизма покойный Л.П. Потапов выделил три разновидности бубнов, главным отличительным признаком которых являлись деревянные рукоятки, символизировавшие хозяина бубна (*чалу аззи*): *марс чалу*, *аки башту чалу* (двухголовый *чалу*) и *янгыс башту чалу* (одноголовый *чалу*). Шаманский бубен барабинских татар был наиболее близок к типу бубнов, рукоятка которых выполнена в виде одноголового антропоморфного изображения (*янгыс башту чалу*). Кроме барабинских татар, этот тип бубнов был распространен у телегитов, телесов, горно-алтайских телеутов, а за пределами Алтая – у кобдинских тувинцев [Потапов, 1991, с. 183 – 184].

По сообщению участника I Российской Академической экспедиции (30–40 годы 18 века) Я. Линденау, барабинские камы (шаманы) в 18 веке камлали с помощью бубна

тунгур (тунгир), в «середине» которого находилось изображение идола – *юезе* («иясе» – хозяин бубна. – А.С., И.С.). Барабинским камам был известен и термин *чалу*. Согласно Линденау так называли духа-прорицателя, через которого шаман узнает «много неизвестных вещей» [Линденау, 1983, с. 148 – 149].

Связь антропоморфных изображений с бубнами подтверждают материалы по алтайцам и телеутам. У алтайцев словом *чалу* назывались сам бубен, рукоятка бубна, изображающая предка шамана и хозяина бубна, маленький бубен, жгуты шаманской одежды (маньяк), тряпочки (ялама). Телеуты термином *чалу* обозначали шаманский бубен, неантропоморфную рукоять бубна, набор культовых предметов, включающий в себя миниатюрную модель бубна в память умерших предков шамана и антропоморфные изображения – *курмуши* и *амагандеры*. Наблюдения И.П. Фалька подтверждают, что телеутские божки *schalu* изображались в виде антропоморфных существ [Селезнев, 1994, с. 41 – 42].

Лексический материал подтверждает предположение о связи бубнов с антропоморфными изображениями идолов. Впервые на эту связь указал В.В. Радлов при обсуждении книги этнолога А.В. Анохина «Материалы по шаманству у алтайцев». Приводим соответствующий лексический материал по словарю Радлова: *чал* (уйгурск., османск., крымско-татарск., казанско-татарск., караимск.) – одним махом ударить, бросить, играть на музыкальном инструменте; *чалын* (караимск., османск., казанско-татарск.) – быть битым, быть тем, на чем играют; *чалу* (алтайск.) – шаманский бубен, идол. Таким образом, один семантический ряд составили термины, служащие для обозначения ударного музыкального инструмента (шаманского бубна) и антропоморфного изображения.

Приведенные материалы, свидетельствующие о генетической связи алтайского и барабинского шаманизма, позволяют наметить истоки общих шаманистских представлений. На Алтае антропоморфные изображения на рукоятках бубнов олицетворяли хозяев бубнов, хозяев отдельных местностей, покровителей охотничьего промысла. Аналогичные представления были свойственны и барабинским татарам. В системе традиционного мировоззрения барабинцев значительное место занимали представления, связанные с промысловыми охотничьими культурами. В рамках промысловых культов важную роль играл институт духов-хозяев местностей и стихий:

воды (су-иясы), земли (йярь-иясы), дома (уй-иясы), леса (бичен, урман-иясы) и т.д. Связь антропоморфных изображений чалу и курчаков с охотничьим бытом выражалась в обряде кормления идола кровью добытых на охоте животных. Представления об изображении на рукояти как о хозяине бубна подтверждаются прямым указанием Я. Линденау на то, что идол в барабинском бубне носил название «*юезе*» (иясе). Таким образом, общий пласт шаманистских представлений барабинцев и тюрков Саяно-Алтая сформировался в очень древней охотничьей среде.

Значительной архаикой характеризуются некоторые элементы традиционной культуры, в частности погребальной обрядности. Так, анализируя знаменитые орнаментированные намогильные столбы, устанавливавшиеся на кладбищах тоболо-иртышских татар, мы выделили ряд мотивов, обозначив их условными наименованиями «дом», «лестница в небо» и др. Один из таких мотивов мы назвали «копье и гребень». Дело в том, что по форме поперечного сечения намогильные столбы тобольских татар подразделяются на две группы: с прямоугольным сечением, плоские, выполненные из доски, и с круглым сечением, круглые по форме, вырезанные из ствола дерева. Явно антропоморфную форму имели плоские столбы, изготовленные из доски, однако, семантически антропоморфными являлись и круглые в сечении сооружения. При обследовании кладбища у деревни Второвагай Вагайского района удалось зафиксировать ряд плоских намогильных столбов (баган), в которых весьма отчетливо выражена антропоморфность: выразительно профилировано остроконечное навершие («голова»), плечикам придана подтреугольная форма («руки»; они по форме очень напоминают изображения рук, проработанных в ритуальной деревянной скульптуре алтайцев), нижняя часть, тулово, снабжена подпрямоугольной подставкой («ноги»). Схема вертикального членения, принятая на рассматриваемых изображениях и включающая в себя мотивы головы, рук, тулова, ног (иногда профилирована и шея) очень похожи на славянские антропоморфные надгробия и бытовые предметы, имеющие антропоморфный облик.

Однако еще более интересные материалы получены при обследовании кладбища у д. Юрт-Супринский Тобольского района. Здесь фиксируются намогильные столбы, круглые в сечении, с четким вертикальным делением по зонам. Особое значение имеют навершия столбов. В основном они выполнены в двух

формах: 1) остроконечные, в виде четырехгранной пирамиды с вершиной, направленной вверх и несколько закругленными гранями, а также конусообразные; 2) уплощенные, лопа-тообразные навершия, иногда завершающиеся тремя-четырьмя заостренными выступами, образующими подобие короны.

При опросе информаторов удалось выявить семантику этих изображений. Первый вид столбов символизирует копье (сунгы) или стрелу (ок); такие сооружения устанавливаются на мужских погребениях. Второй вид носит наименование тарак (гребень, гребенка) и устанавливается на женских могилах. Любопытно, что аналогичная семантика явно выраженного полового диморфизма намогильных изображений известна в самых различных культурах. Так, на Дальнем Востоке айны устанавливали намогильные столбы (кува или райкуру ни – «дерево умершего человека») в двух формах: мужские – с торчащим сучком или в виде копия, и женские – с полшариком на вершине, в котором просверливалось сквозное отверстие. А в Центральной Европе, на венгерских протестантских кладбищах, точно так же как и в Сибири, устанавливали намогильные столбы с навершием в форме копия (вспомним и выразительное название этих сооружений – *korjafak*), и в форме гребенки. Эти сооружения также отражали разделение на мужское и женское начала. Очевидно, что столь недвусмысленно выраженный половой диморфизм свидетельствует об антропоморфности и самих сооружений.

Особое значение имеет такой сугубо мужской символ как острое навершие. Остроконечное копье – символ, использовавшийся при погребениях еще телескими племенами раннего Средневековья (например, уйгурами), широко представлен и в настоящее время. И.В. Белич и Л.Т. Шаргородский, безусловно, правы, отмечая, что копье выступало в качестве вместилища души умершего мужчины. Такие представления имели место в мифологии и ритуале целой группы народов. Так, у казахов, как только умирал мужчина, в юрте в вертикальном положении устанавливалось его копье (найза), на конце которого привязывался платок, цвет которого указывал на возраст покойного. Через год копье переламывали, а обломок устанавливали на могиле умершего. Разновидностью копия мог быть шест, кол, просто палка. Такой шест или кол, выступавший заместителем копия, назывался «бакан» (!) [Белич, 1992, с. 20; Мустафина, 1992, с. 97; Савинов, 1984, с. 51, 18.].

С несколько иной этнокультурной средой связана остроголовость скульптурных изображений на татарских кладбищах, хотя и она последовательно сопрягается с мужской стихией. Археологи отмечают, что остроголовые культовые изображения только в Западной Сибири встречаются в чрезвычайно широком хронологическом диапазоне – от неолита до средневековья. При этом, начиная, как минимум, с рубежа эр, остроголовость в таежной зоне Западной Сибири стала символизировать мужское начало [Труфанова, 2001, с. 240 – 241]. По этнографическим данным, остроголовость – характерная черта ритуальной скульптуры народов уральской языковой семьи. Этой особенностью обладают изображения хантыйских и мансийских пугос (пубых, пупи), юнхов, иляней (юх-иляней, иу-еляней); селькупских лозей; ненецких сядав и т.д. В мифологических сказках обских угров остроголовыми рисуются лесные великаны – менквы. Остроголовые сяды последовательно связываются в ненецкой традиции с мужским началом, в то время как женские домашние духи круглоголовы. Вырезанная скульптура сядя укреплялась на нарте мужчины и подсказывала правильные действия. Остроголовость скульптур связана с устремлением вверх, полетом, идеей пробивания небесной тверди. Острое маркирует сферу мужского – это и остроконечные чумы богов на святилищах, и «знаки власти» в тундре с заостренным верхом, и хорей (тюр), вертикально установленный на могиле мужчины [Головнев, 1995, с. 223 – 230].

Но еще более поразительно сходство разбираемых изображений с татарских кладбищ с образом мансийского Мис-хума, лесного великана, внешне похожего на менквов, и, так же как последние, считавшегося предком фратрии Мось. Верхняя часть его головы выполнена в виде восьмигранной пирамиды с затесанными гранями. Новосибирские авторы убедительно связывают эту деталь на данном и многих других аналогичных изображениях с особенностями древнего вооружения: шлемами сфероконической формы, боевыми полумасками, налобными бляхами. При этом такое вооружение оценивается как символическое отражение принадлежности к военно-богатерской прослойке средневекового угорского общества.

Напротив, семантика гребня, гребенки отчетливо связана с женским началом. В славянской мифологии гребень символизирует женскую и эротическую стихию. В родиль-

ной обрядности гребень служил символом женской доли. Новорожденному мальчику перерезали пуповину с помощью топора, девочке – гребня. В девичьих гаданиях с помощью гребня узнавали суженого, ничего удивительного нет и в том, что на свадьбах девушке принято было дарить гребень. Гребень являлся существенным элементом погребальной обрядности, особенно тот, что использовался для расчесывания покойника. Его бросали в реку, чтобы поскорее уплыла смерть, либо клали вместе с остриженными волосами в гроб (ср. с обрядом захоронения остриженных волос у тоболо-иртышских татар). Интересно, что ханты и лесные ненцы гребни в могилу не клали, мотивируя это тем, что «в семье никого не останется, т.к. покойник зачесет родственников в могилу вместе с собой». Однако у лесных ненцев зафиксирована и обратная информация, согласно которой покойный «должен забрать свой гребень в могилу» (его клали в изголовье). На севере Сибири гребни также являлись женским атрибутом. Например, в легендах северных хантов каждое утро семь жен остяцкого богатыря Тек ики (Тегинского старика – покровителя юрт Теги, имевшего образ собаки и пышные волосы) расчесывали ему голову и заплетали семь кос. Высокий сакральный смысл гребней отмечен и для археологических материалов Западной Сибири эпохи Средневековья.

Чрезвычайно отчетливо связь гребня с погребальным ритуалом отражена в материалах археологических памятников Приуралья (бассейн р. Печпы) конца I – начала II тыс. н.э. Как и следовало ожидать, в могильниках гребни располагались только в женских или девичьих захоронениях. В могилах девочек гребни служили знаком их предназначения (увы, нереализованного) быть женщиной и матерью. Эти предметы несут в себе глубокий сакральный смысл. Декор гребней также весьма показателен и включает в себя ромбы и треугольники как символы плодородия. Весьма примечательным является частое украшение спинок гребней парными конскими головами, расположенными антиподально или навстречу друг к другу. Далее мы рассмотрим аналогии этим изображениям на нашем материале. В фольклорно-этнографическом наследии удмуртов ритуальное назначение погребальных гребней связано с репродуктивной сферой человеческой жизни. Гребни использовались во время трудных родов и были ритуально связаны с женскими волосами и головой.

В русских сказках гребешок сначала принадлежит Бабе Яге, а затем похищается у нее и используется в качестве магического оружия против нее же: во время погони гребешок бросают и он превращается в непроходимый лес. Декор русских средневековых бытовых гребней обязательно содержит идеограмму воды в том или ином облике, т.е. опять-таки сопоставим с женским началом.

Гребень – характерный атрибут русалок. Гребень забайкальской водяной «чертовки» – золотой или медный и имеет «магическую силу». Гребень «лешачих» – огромных размеров. Гребни фигурируют и в прядениях русалок.

Мотив расчесывания гребнем присутствует не только в славянской мифологии. Известная су анасы (хозяйка-мать воды) казанских татар также обладает гребнем, которым она расчесывает свои роскошные волосы. Лесная хозяйка (пицин, пичен или урман иясе) разных групп сибирских татар вычесывает гребешком вшей из головы, которыми и кормит случайно забредшего к ней охотника. Важнейшим атрибутом Су иясе (водяной хозяйки) тобольских татар является золотой гребень, о чем уже упоминалось в предыдущей главе. Аналогично золотым гребнем расчесывалась хозяйка воды в поверьях шорцев и кумандинцев. Гребень – решающий атрибут пермяцкой шишиги, функции которой аналогичны русалочьим. Для нашей темы важно то, что Д.К. Зелениным специально подчеркивается; ярко выраженный поминально-погребальный характер русальских обрядов.

Уникальные материалы, представляющие все разбираемые мифо-ритуальные явления в едином комплексе, содержатся в алтайской этнографии. В алтайских преданиях гребень принадлежит богине-матери Умай (Май-ана), которая живет на третьем слое неба рядом с водным источником жизни сутколь - «Молочным озером». Умай описывается так:

Омывшая грязь в озерной воде,
Обрезавшая пуповину (младенца) белой щепкой,
Имеющая питье в озере,
Имеющая игрища на Сурун-горе,
С гребневидными волосами Май-ана,
Среди сорока девиц чистая Май-ана!

Анализирующий этот текст А.М. Сагалаев отмечает:

«Плодородие небесной богини подчеркивается не только ее играми, но и такой деталью, как ее волосы. Упоминается, что Умай

имеет распущенные золотые или желтые волосы, и, видимо, расчесывает их гребнем... Символика распущенных волос, расчесывания их гребнем имеет прямое отношение к идее плодородия, избыточной жизненности» [Сагалаев, 1992, с. 85 – 86].

Таким образом, приведенный материал свидетельствует о том, что гребень в мифе – атрибут обитателей потустороннего мира: Яги, русалки, водяной хозяйки и т.д. С другой стороны, – это символ, без всякого сомнения, женский. И в этом смысле он явно составляет оппозицию мужскому символу копыя (стрелы). Важно и то, что гребень имеет ярко выраженную репродуктивную направленность, он не только символ смерти, но и, как это часто бывает, и символ зарождающейся жизни. Совершенно не случайно его связь с волосами, остриженными и захороненными тоже во имя будущего возрождения, а также с эротической и родильно-крестильной обрядностью.

Проблема хронологии и периодизации распространения ислама в Сибири

Одна из сложнейших для того или иного региона исторических проблем – хронология и периодизация распространения мировой религии. Источники, освещающие эти процессы, обычно составляются значительно позже описываемых событий, при этом они нередко перегружены идеологическими коннотациями, заведомо искажающими истину. К сожалению, и проблему распространения ислама в Сибири следует отнести к числу наиболее противоречивых и запутанных.

По-прежнему дискуссионна дата проникновения ислама на территорию Сибири. Сейчас уже совершенно очевидно, что в качестве отправной точки не может быть принята популярная в общественном дискурсе датировка конца XIV в. [Маслюженко, 2015 а, с. 5]. Мы неоднократно отмечали, что она основана на некритическом использовании группы источников, в которых указывается 797 г. Х. (1394 – 1395 г. н.э.) как время религиозной войны за распространение ислама в сибирском регионе. Эта группа источников носит характер зафиксированного письменно и таким образом глубоко сакрализованного [Frank, 2008, р. 368 – 369] народного предания и, конечно, не может выступать в качестве достоверного исторического источника. В некоторых списках при описании этих событий действительно указываются другие даты [Белич, 2014б, с. 481; Бустанов, 2009б, с. 203].

Ход мировой истории показывает, что распространение той или иной мировой религии – это сложнейший процесс, обусловленный целым рядом социально-экономических, этнических, культурных, политических факторов.

Среди историков нет единодушия в определении даты начального периода распространения ислама в Сибирском регионе. Согласно наиболее распространенной точке зрения ислам был введен в Сибирском ханстве как официальная религия в 70-е годы XVI века при хане Кучуме. Однако это мнение не является единственным. По-видимому, наиболее раннюю дату проникновения ислама в Сибирь предложил татарстанский этнолог Ф.Т. Валеев.

«...Можно предположить, – отмечает исследователь, – возможность распространения ислама среди предков сибирских татар непосредственно представителями арабского духовенства, прибывшими в X веке к волжским булгарам в составе посольства Багдадского халифата» [Валеев, 1992, с. 171-172].

Самую позднюю хронологию этого события предложил известный российский востоковед В.В. Бартольд. По его мнению, ислам среди тюрок Сибири распространился уже после прихода русского населения с севера по Иртышу [Бартольд, 1965, т.3, с. 366].

Тенденцию удревления ислама на территории Сибири поддерживают турецкий исследователь Абдулкадир Инан и американский ученый Аллен Франк. А. Инан уделяет внимание экономическим и культурным связям Сибири с преуспевающими центрами исламской культуры в Центральной Азии в предмонгольский период. Эта тенденция, по мнению автора, усилилась в собственно монгольское время, особенно когда Сибирь попала в состав Улуса Джучи и в Синюю Орду. Сибирь была исламизирована задолго до Кучума, сразу же после официального признания ислама в Золотой Орде при хане Узбеке (XIV в.) [Inan, 1968, p. 331 – 338].

Ряд работ, посвященных проблеме распространения ислама в Сибири, принадлежит перу А. Франка. Опираясь в основном на устную традицию и данные сибирских летописей (которые в качестве источника также используют материалы, полученные путем эдакого «пред-этнографического» опроса) автор важнейшую роль в распространении ислама отводит роду Тайбугидов, т.е. местной, а не пришлой династии. В этой связи начало исламизации Сибирских татар следует относить

к значительно более раннему сроку, нежели правление хана Кучума [Frank, 1994, p. 18 – 20].

Специальную статью А. Франк посвятил вопросам исламизации одной из групп сибирских татар [Frank, 2000, p. 245 – 262.]. В этой работе анализируются три вида источников, содержащих сведения об исламизации барабинских татар на протяжении XVIII – XX веков. Автор подчеркивает, что процесс принятия ислама барабинскими татарами представляет собой интересный пример распространения мусульманства среди отдельной этнической общности как в царской России, так и в регионе внутренней Азии в целом. Распространение ислама рассматривается сквозь призму официальных русских источников, определяющих формальный статус мусульманства у барабинцев. Собственные барабинские источники рассматривают ислам как фактор этнорелигиозного единства, ведущего свое происхождение из Бухары. Наконец, распространение ислама с точки зрения источников, составленных татарами – переселенцами из других регионов, – рассматривается как процесс принятия правильных религиозных норм и подобающего поведения.

Поскольку одному из авторов данной главы пришлось некоторое время заниматься проблемами происхождения барабинцев и их культурного облика, позволим себе отметить недостаток этой работы. Бросается в глаза отсутствие у А. Франка полевого опыта общения с барабинскими татарами, преобладание «нарративного» направления анализа источников. Полагаем, что живая экспедиционная работа позволила бы более осторожно относиться к некоторым положениям автора, в частности, к его, на наш взгляд, преувеличенной уверенности в глубоком и всестороннем восприятии ислама барабинцами, причем в очень ранний период.

Между тем не следует ни удревливать, ни преувеличивать роль ислама в жизни населения Западной Сибири. Равиль Бухараев, проанализировавший источники и историографию проблемы, сделал весьма симптоматичное заключение:

«Строго говоря, ислам как культурное явление пришел в Сибирь, по большому счету, только в 19 столетии». И в другом месте: «Для 16 в., таким образом, можно говорить только о небольших общинах мусульман вблизи городков и караванных станов, в то время как большинство населения следовало шаманскому вероучению своих предков» [Bukharaev, 2000, p. 266, 257 – 258].

Относительно барабинских татар и роли ислама в их жизни в XVIII веке мы писали выше. Любопытное свидетельство извлечено из полевых материалов руководителя Первой Академической экспедиции Г.Ф. Миллера, относящееся к 1742 году. Вот, что он писал о погребальном обряде т.н. туринских татар:

«Если кто-то умер, то они выносят его во двор, обмывают теплой водой и кладут во всей одежде в четырехугольный гроб, состоящий из досок, сбитых деревянными гвоздями. Поверх него в качестве крышки доска, которая, однако, не прибивается. Если это произошло рано днем и летом, то они погребают его уже в тот же день. Однако если уже поздно или дело происходит зимой и тогда им требуется много времени для приготовления могилы, то они откладывают погребение до следующего утра. Гроб с телом тем временем находится во дворе, подвешенный к жерди, положенной на два столба, с тем чтобы никакая собака или зверь не могли добраться до него.

Кладбища расположены в лесах поблизости от реки. Кладбище Епанчинских юрт было, например, за Перминовой, Ембаевых юрт – напротив Коркиной [слободы]; оба на северной стороне [реки] Туры. Зимой покойников подвозят на санях, летом – на лодках, а на той стороне, где кладбище (Masareth), – на телегах. Все жители деревни мужского пола сопровождают [покойника], в особенности зимой, чтобы помочь у могилы, так как ее начинают копать лишь тогда, когда здесь уже находится с покойником. Из лиц женского пола никто не сопровождает.

Могилу выкапывают в длину с юга на север и ставят гроб таким образом, что голова покойника расположена к северу, а ноги – к югу. Глубина могилы – по плечи человека. Гроб закрывается в могиле крышкой из доски. На крышку они клали различную утварь, которая могла пригодиться мертвому на том свете, как-то: нож, топор, огниво, котел, лук и стрелы и т.д. Женщине – иглы, ножицы, нож, огниво, котел и т. д. Затем могила перекрывается сверху бревнами, на них расстилается береста и насыпается земля. Собак, коней они не погребали с покойником.

Жители Санкиной волости относили покойников в лес и оставляли в гробу на земле без погребения, но все же большей частью устанавливали гроб на помост или лабаз, при этом часто тела пожирались дикими зверями, на что они не обращали внимания.

Когда сопровождавшие покойника возвращались домой, то кто-нибудь из юрты вы-

брасывал головню из камня навстречу в сени или во двор, через которую они должны были перешагнуть для очищения.

Юрта, в которой кто-либо умер, не считалась нечистой. А травяной коврик, на котором он умер, клался с ним в гроб. На этом коврике его и выносили из юрты.

Поминок, или поминальная трапеза проводилась дома на 3, 7, 40 и 100-й день и через год после смерти. Сороковой день был самым важным, когда на могилу приходили и женщины и брызгали брагой на нее. Людей, убитых громом, они хоронили так же, как и других» (Источник: РГАДА, ф. 199, портф. 509, д. 3, л. 177–178 об.) [Элерт, 2002, т. 5, с. 78–79].

Необходимо отметить, что юрты, о которых идет речь, – Ембаевские и Епанчинские – находятся недалеко от Тюмени. Можно предположить, что влияние мусульманских проповедников, центром которого Тюмень была с очень раннего времени, на эти юрты было весьма велико. Но, как видим, погребальный обряд, эта важнейшая составляющая культовой практики, не содержал практически никаких следов исламизированного ритуала, за исключением, пожалуй, наименования кладбища – мазарет. Пример, достаточно хорошо иллюстрирующий состояние исламской традиции в данном сообществе.

В последнее время полемика о времени распространения ислама в Сибири вспыхнула с новой силой. Предметом дискуссии стали археологические некрополи Обь-Томского междуречья XIII–XV вв. – Астраханцевский курганный могильник и могильник Шайтан II. Томские исследователи декларируют погребальный обряд, получивший распространение на этих памятниках, мусульманским, а сами археологические объекты – свидетельством проникновения ислама в южно-тажскую часть Сибири в столь ранний исторический период [Водясов, Зайцева, 2014; Зайцева, Водясов, 2013; Zaitceva, Vodyasov, 2015]. Эта точка зрения была подвергнута резкой критике со стороны С.Ф. Татаурова и М.А. Корусенко [Татауров, 2015 а; Tataurov, Korusenko, 2015, с. 799 – 801]. Они отметили, что в основании доказательной базы должны лежать представления о связи погребальных комплексов с конкретными сообществами людей – в данном случае – с мусульманскими общинами. С этой точки зрения, к мусульманским сложно отнести даже погребальные памятники XVII–XVIII вв., не говоря уже о более ранних. Авторы предложили свою периодизацию распространения ислама в Запад-

ной Сибири, выделив в этом процессе 4 этапа [Tataurov, Kogusenko, 2015, с. 804]:

– первый этап: конец XIII – начало XIV в. – знакомство верхушки общества с новой религией;

– второй этап (60 – 70-е годы XVI – конец XVI в. – время существования Сибирского ханства) – связан с деятельностью хана Кучума по принятию населением Сибирского ханства ислама в качестве государственной религии;

– третий этап (XVII–XVIII вв.) продолжилось формирование общин, вокруг крупных городов и в ряде сельских населенных пунктов;

– четвертый этап – XIX – начало XX в., во время которого происходит окончательная исламизация тюркоязычного населения Западной Сибири. Этот этап связан с массовым переселением в Западную Сибирь поволжско-приуральских татар.

Несомненно, эта дискуссия будет иметь продолжение. Не затрагивая специальный аспект археологической аргументации, подчеркнем, что ее участники справедливо заостряют внимание на двух методологических моментах. Решение проблемы лежит, во-первых, на пути комплексного использования данных различных научных дисциплин – истории, археологии, этнографии и др. и, во-вторых, оно возможно лишь при учете феномена народного, локального, синкретичного характера религиозного комплекса мусульман Сибири.

Нами был сделан вывод о том, что начало распространения мусульманства в Сибири находилось в общем контексте исламизации Золотой орды и постзолотоордынских государств и по своим результатам и культурным последствиям эти явления вполне сопоставимы [Селезнев и др. 2009, с. 153 – 154; Селезнев, Селезнева, 2004, с. 49]. Исходя из скудных сведений письменных источников и местных преданий, с высокой долей вероятности, можно говорить, что эти процессы связаны с династией Шибанидов в Центральной Азии. Начало было положено еще при деде основателя этой династии – Абулхайре. Наиболее же активная фаза прозелитической деятельности пришлось собственно на столетие правления династии Шибанидов (XVI в.), достигнув своего апогея при хане Абдулле II [Кляшторный, Султанов, 2004, с. 327].

К числу общих исторических обстоятельств развития рассматриваемого культа следует отнести роль суфийских братств и во-

обще суфизма в этом процессе. Именно с суфийским влиянием связывается формирование религиозной элиты сибирской исламской общины, сведения о которой фиксируются этнографически и в начале 21 в. Эти процессы связаны с развитием культа святых в исламе в Сибири, являющегося ключевым элементом религиозной культуры данного региона. На рассмотрении данного культа следует остановиться отдельно.

Культе святых в сибирском исламе

Культе святых – феномен – универсальный для всего исламского мира, – но при этом всюду жестко отторгаемый идеологами пуристских реформистских течений, является наиболее важным компонентом регионального варианта ислама в Сибири. Данный культ начал формироваться в эпоху сибирских ханств, более того есть основание утверждать, что именно он составил весьма существенный пласт религиозной культуры в рамках этих государственных образований. Этот феномен замечателен тем, что, с одной стороны, отражает этнокультурную специфику, с другой – связывает мусульман Сибири со всем исламским миром. Как и повсеместно в исламе, содержание культа составил комплекс ритуальных действий и представлений, связанных с почитанием священных могил и захороненных на них святых подвижников.

В Сибири культ святых в исламе включает в себя: 1) традиционные представления о древних миссионерах (йахшилар, аулийалар, амбийалар, хайбиреннер), распространивших исламскую веру среди сибирских язычников, погибших в борьбе с ними и похороненных в местах нынешнего расселения сибирских татар; 2) почитание мест этих легендарных захоронений (в Сибири они носят название астана) и паломничество к ним; 3) представления об исламских персонажах (Хаким-Ата, Занги-Ата, Хазыр-Ильяс, Хасан, Хусейн, Айша, Фатима и других), получивших в традиционной религии народную, форму и функции, а также культ внеисламских по происхождению религиозно-фольклорных образов, например духов-хозяев местности, промысловых покровителей и т.д.

Вполне естественно, что столь заметное культурное явление не могло не отразиться в источниках и не привлечь внимание исследователей. Если говорить о русских источниках, то одно из ранних указаний на существова-

ние у сибирских мусульман культа святых отражено в знаменитом атласе, созданном в 1697 – 1711 гг. картографом и историком С.У. Ремезовым – *Хорографической чертежной книге*. Специальное исследование позволило установить, что в данном случае имеется в виду один из самых замечательных и известных памятников религиозной культуры сибирских мусульман – Тюрменская астана (астана Бигач-Ата) [Селезнев, 2013], о которой речь подробно пойдет далее.

Великолепное издание материалов С.У. Ремезова, недавно выполненное по инициативе и при поддержке Общественного благотворительного фонда «Возрождение Тобольска», придало дополнительный импульс изучению творческого наследия знаменитого сибирского историка и картографа. Исследования затронули, в том числе, и тематику культа святых в исламе в Сибири. Так, И.В. Беличем ряд объектов, отмеченных на картах Хорографической чертежной книги, были опознаны как культовые комплексы астана сибирских татар [Белич, 2015].

Следует отметить, что в картографических трудах С.У. Ремезова объекты с названием астана и его производными встречаются неоднократно. На чертеже земли Тобольского города (лист 2 *Чертежной книги Сибири Ремезова*) астана отмечена на р. Тобол в районе татарских юрт Чочкиных (ныне с. Большое Чечкино Ярковского района Тюменской области) и места впадения р. Туры в Тобол [Ремезов, 2007, л. 2; Чертежная книга Сибири, 2007, с. 54] (рис.85). Речь идет, вероятно, либо об астане у старого селения Атиал (вблизи нынешнего с. Новоатъялово Ярковского района Тюменской обл.), либо об астане у ю. Варваринских того же района (См.: [Бустанов и др., 2011]. Астана на карте Ремезова показана в относительной близости от Евлуторовской (Ялуторовской) слободы. В этой связи уместно упомянуть, что в архивном документе 1681 г. в качестве межевого ориентира земель Ялуторовской слободы указано так называемое «Астаня городище» [Курлаев, 2002, с. 68].

Также на Тоболе показаны волость Астанинска и болота Астанинные вблизи юрт Аvezбакиных (ныне – Авазбакеева Ялуторовского района Тюменской области) на л. 16 (Глава 19. Река Тобол) *Хорографической чертежной книги*. Рядом с этими пунктами на карте отмечен культовый объект – мольбище [Хорографическая..., 2011, т. 1, л. 16; т. 2, с. 56]. Вероятно, данные топонимы также

имеют отношение к культу священным мест астана [Селезнев, Селезнева, 2015].

Однако, возможно, что еще более ранние упоминания о религиозных памятниках астана содержатся в оригинальных сибирских тюркских сочинениях, о которых речь пойдет далее.

История академического изучения культа святых в сибирском исламе берет свое начало в первой половине XVIII в., т.е. собственно в момент зарождения российской науки как таковой. Великий российский ученый, основатель сибирской историографии Г.Ф. Миллер, опираясь на сведения, полученные им из рассказов тобольских татар и бухарцев, впервые кратко описал этот культ, выделив его основную составляющую – почитание мест захоронений исламских святых. При этом вопросы функционирования данного культа четко увязывались автором с проблематикой распространения ислама в Сибири:

«Замечательным событием правления хана Кучума было, по рассказам тобольских татар и бухарцев, введение впервые в Сибири магометанской веры. Правда, и до него в Сибирь иногда приходили магометанские проповедники в надежде, что благодаря общности языка им удастся привести языческий народ к правой вере; впрочем, многие из них кончили за то свою жизнь мученической смертью. Один старый шейх, признававшийся ими святым, пришел во времена Кучума из Бухары в Сибирь и стал рассказывать: Господь ему открыл, что в Сибири покоится много святых, которые мученически покончили свою жизнь за распространение истинного учения о боге и что они заслуживают того, чтобы ежегодно в их память устраивали поминования. Он ходил по мазаретам или кладбищам и в различных местах показал могилы семи таких святых, называя их по именам. Они были с этих пор признаны таковыми, и их память еще до сих пор почитается татарами» [Миллер, 1999, с. 194].

Г.Ф. Миллеру принадлежит и первая в мире научная фиксация сибирских мусульманских святилищ астана. Летом 1734 г., в ходе знаменитого перехода по Иртышу сотрудников Первой Академической экспедиции, в полевом дневнике ученого появилась следующая запись:

«[Баиш-аул]..., у подножия восточного высокого берега (Иртыша. – Авт.), немного выше речки Шилеки. Жители живут здесь зимой, а в полутора верстах отсюда на той же стороне они имеют деревню с тем же названием, где живут летом... В полуверсте выше этой деревни находится Astuna (астана. – Авт.), где

погребен татарский святой» [Сибирь XVIII века... 1996, с. 80].

Астана святого Хаким-Ата у юрт Баишевских (ныне Вагайского района Тюменской области), расположенная в том же месте, где она указана у Миллера, и сейчас является главной религиозной святыней татар Западной Сибири (рис.86). По некоторым данным, паломничество к этому некутру (семикратное, трехкратное, или даже однократное) заменяет для верующих хадж в Мекку. Для темы настоящей главы крайне важна связь данного памятника религиозной культуры мусульман с такой знаковой для них фигурой, как Ермак [Корусенко, Томилов, 2013]. Напомним, что в *Истории Сибирской С.У* Ремезова, с опорой на местные легенды, повествуется, что после гибели Ермака татары: «...назвали его богом, и погребли по своему обычаю на Баишевском кладбище под украшенной («кудрявою») сосной... И собрали абзамам на поминки 30 быков, 10 баранов, и начали гадать по своему обычаю («чуниниша жрение по своему обычаю»)» [Дергачева-Скоп, Алексеев, 2006, с. 202] (рис.87). Кладбище Ермаково рядом с юртами Байшевыми и схематичным изображением «кудрявой» сосны отмечено Ремезовым и на листе 82 *Хорографической чертежной книги* [Хорографическая..., 2011, т.1, л. 82, т. 2, с. 104]. Так Ремезов связал в единый исторический узел исламское святилище с местом предполагаемого погребения знаменитого атамана, положив тем самым начало трехвековому спору о действительном месте захоронения Ермака [Адамов, 2015 б, с.13–15; Белич, 2015 а, с. 51 – 68; Белич, 2015 б, с. 37 – 41; Белич, 2015 в].

Надо отметить, что в XVII – XIX вв. эта группа памятников в наибольшей степени привлекала внимание путешественников и ученых. Так, комплекс мусульманских святилищ Искера и его округа упоминали в своих сочинениях Н.М. Спафарий-Милеску (XVII в.), И.П. Фальк (XVIII в.), Гр. Спасский (XIX в.) и др. О Цингалинских астане имеются письменные сведения И.С. Полякова, С.К. Патканова, К.Ф. Карьялайнена, Л.Р. Шульца, проводивших свои исследования в XIX – начале XX столетия.

На вторую половину XIX – начало XX в. приходится публикация оригинальных письменных памятников сибирских татар, содержащих информацию по различным аспектам культа святых, а также суфийскому влиянию на ислам в Сибири. Эти публикации, выполненные усилиями крупнейших российских

тюркологов В.В. Радлова и Н.Ф. Катанова, привлекли внимание научной и религиозной общественности к феномену сибирского мусульманства.

Начиная с 2000-х гг. группа исследователей выполняла специальный проект по изучению культа святых в исламе в Сибири. В итоге была издана монография [Селезнев и др., 2009] и серия статей [Белич, 2014 б; Белич, 2015 а; Белич, Бустанов, 2010; Селезнев, 2013; Селезнев, Селезнева, 2012 а; Селезнев, Селезнева, 2012 б, Селезнев, Селезнева, 2012 в; Селезнев, Селезнева, 2013; Seleznev, Selezneva, 2011]. Другие исследователи также обращались к проблематике культа святых в Сибири. Объектом их изучения стали святилища (астана) и сопровождающие их культ письменные памятники [Бахтиев, 2013; Сайфулина, Хасанова, 2008; Karabulatova et al, 2014; Karabulatova, Sayfulina, 2015; Khusnutdinova et al, 2015; Sayfulina et al, 2013, и др.]

Связь Сибири с остальным исламским миром демонстрируют святилища – астана, – являющиеся ключевым элементом культа святых в исламе в Сибири. Эти памятники распространены в основном в южных районах Тюменской и северных районах Омской области, а именно в Тобольском, Уватском, Вагайском, Ялуторовском районах Тюменской области, Усть-Ишимском, Тевризском районах Омской области. По информации, имеющейся на сегодняшний день, самый южный по расположению памятник астана фиксируется в деревне Лугово-Аевск (тат. *Тубэн-ой*) Тевризского района Омской области [Селезнев, 2012]. Обычно святилища находились на местах расселения тоболо-иртышской группы сибирских татар.

Внешне астана, как правило, представляет собой мавзолей в форме большого четырех-, шести- или восьмиугольного сруба в пять – девять венцов. Эти мавзолеи могут быть установлены на деревенском кладбище либо вблизи него, а могут занимать отдельное место, чаще всего на возвышенном живописном речном утесе или на необычайно красивом озере. Впрочем, многоугольный сруб – не единственный вариант внешнего оформления таких святилищ. Некоторые из них могли «приурочиваться» к каким-либо выделяющимся на местности природным объектам (например, большие деревья, камни, возвышенности и т.д.) или археологическим памятникам разных эпох. Однако какой бы ни была форма – содержание всегда одинаковое.

В сознании верующих астана – места захоронений мусульманских святых (*йахишлар, аулийалар, амбийалар и хайбиреннер*). Практически повсеместно сибирские татары сохранили легенды о древних миссионерах из Средней Азии (чаще всего Бухары), прибывших некогда в Прииртышье для распространения исламской веры. В преданиях повествуется об ожесточенной священной войне с местными язычниками, в ходе которой большая часть подвижников ислама была истреблена. Павших святых с почетом похоронили в тех местах, где они вели проповедническую деятельность. Эти захоронения и называются астана. Считается, что в каждом из них погребен один или несколько миссионеров.

Углубленные полевые исследования астана, расположенных на территории расселения тоболо-иртышских татар, показали, что, по сути, это не только и даже не столько видимый, овестьственный памятник, сколько сложный, поликомпонентный социально-религиозный институт, состоящий из ряда компонентов: мавзолея, ритуалов паломничества *тавап*, зрителей за гробницей (*астана-караулче/карулче, астана-курайте*), рукописных памятников *сызра* (шэджэрэ), содержащих более или менее полные сведения о местах захоронений и тех святых подвижниках, которые на них похоронены [Селезнев и др., 2009, с. 101–152].

С точки зрения определения места Сибири в мировом исламском пространстве, крайне важно следующее: слово «астана» персидского происхождения; родственные термины *астана, остон, астане* – довольно широко распространены в исламских общинах Казахстана, Средней Азии, Приуралья, причем везде они связаны с культом святых в исламе [Селезнев, Селезнева, 2009]. Наиболее полные аналогии имеют место на Памире среди местных исмаилитских ираноязычных групп, где места, к которым совершаются паломничества, или святилища, связанные с природными культовыми объектами (старыми деревьями, необычными камнями, источниками), обычно назывались *остон* [Васильцов, 2012 а, с. 208; Васильцов, 2012 б, с. 1173; Терлецкий, 2011, с. 146]. Аналогичная терминология со схожей семантикой функционирует в ритуальной практике ряда суфийских орденов: маулавийа, бекташийа. Кроме примеров, приведенных в специальной статье [Селезнев, Селезнева, 2009], в этом последнем значении данный термин получил распространение как непосредственно в Стамбуле и анатолийских

городах [Lifchez, 1992, p. 76; Şimşekler, 2007, p. 150–151], так и среди специфических исламских групп, например, гетеродоксных мусульман (бекташи и кызылбаш/алевиты) в Болгарии [Миков, 2007, с. 39].

Назвать точное число святых мест – астана в Западной Сибири не представляется возможным. Это связано с двумя обстоятельствами. Во-первых, работа по кодификации и картографированию данного вида памятников не проведена в полном объеме. Если в Тюменской области, в том числе при поддержке местных органов власти, ученом удалось существенно продвинуться в этом направлении, то в Омской области дело находится лишь на начальной стадии реализации. Во-вторых, нужно иметь в виду, что культ святых – явление живое и динамичное. Развитие процессов этнической и религиозной идентификации сопровождается «открытием» и явлением в мир новых святых и, таким образом, их число увеличивается.

Составленные на настоящий момент разными авторами списки культовых комплексов – астана (а эти списки охватывают в основном памятники, расположенные на территории Тюменской области) – насчитывают от полутора до двух с половиной десятков объектов (См., например, [Алишина, 1999, с. 114 – 188; Рахимов, 2006, с. 32 – 58]). Имеющиеся в краеведческой и околонучной литературе упоминания о 80 или даже 350 астана ничем не подтверждаются (Ср.: [Белич, 2014б, с. 484]). В своей книге мы привели информацию, касающуюся следующих культовых комплексов: группа памятников у Искера, Цингалинская астана, комплекс астана вокруг д. Большая Тебендя и рядом с д. Саургачи Усть-Ишимского района Омской области, Ташатканский камень, Тюрметягская астана, Баишевская астана, астана юрт Кобякских, д. Аллагулово и д. Еланка (тат. Кёмешли) Вагайского района Тюменской области, Большеульский комплекс культовых мест, «Эбаргульская сопка» и др. [Селезнев и др., 2009, с. 102 – 126]. Дальнейшее накопление и осмысление материала привело к публикации специальной статьи, посвященной Тюрметягской астане [Селезнев, 2013].

Важным проявлением культа астана является ритуал паломничества – *тавап*. Тавап проводился весной, после таяния снега и ледохода, чаще всего в начале мая. Это время ознаменовано еще одним праздником – днем памяти предков – цым (См.: [Уразманова, 2002, с. 130 – 131; Ярзуткина, 2012, с. 185 – 189].

Цым в разных деревнях отмечают в первой декаде мая. В этот день мужчины поправляют могилы на кладбищах и устанавливают срубные ограды (киртма, ульген-нярга-ый) и орнаментированные столбы (баган, столба) на тех могилах, которые появились в течение предыдущего года. На кладбище берут с собой яйца (обязательно нечетное количество), там их съедают или просто разбрасывают по могилам.

Через два-три дня после цыма назначался тавап. Например, ежегодный тавап совершался к астане д. Аллагулово Вагайского района Тюменской области. С утра множество людей из нескольких деревень (Карагай, Аксурка и др.) переправлялись через Иртыш. Мужчины поднимались к астане, расположенной на высоком, чрезвычайно живописном утесе (Уба). Женщины собирались в доме смотрителя за астаной – астана-караулче в Аллагулово – и готовили праздничное угощение. Мужчины поправляли памятник и чистили территорию, на которой расположена астана, после чего во главе с муллою совершалась коллективная молитва (дуга). Она обязательно включала в себя упоминание о 366 шейхах, которые принесли исламскую веру. Важной частью ритуала являлась раздача всем присутствующим милостыни–садаки. Затем все спускались в деревню и начиналась праздничная трапеза астана-ош.

Ритуал организовывал и проводил смотритель астана (иногда приглашался и мулла), в обязанности которого также вменялось: соблюдение могилы святого подвижника в чистоте и порядке, поправка и ремонт ограды и сруба; сбор денег и иных пожертвований (каир, сатака) и передача их в казну соборной мечети; ежегодное проведение дня поминовения «святого» (тавап), а также похороненных при его мавзолее жителей аула, умерших в минувшем году. В сознании верующих астана караулче находится по статусу выше мульты, чему он обязан своей принадлежностью к роду святого подвижника и, следовательно, генетически заложенным в нем качествам «положительного человека». Отсюда – передававшееся по наследству право смотрения за мавзолеем «святого» предка, удостоенное родословной грамотой (сэцэра), единичные образцы которых еще бытуют. Если их род пресекался или потомок оказывался недостойным такого права, то процедура обретенного статуса смотрителя могла быть различной. Весьма распространенным был случай, когда сам святой подвижник являлся смотрителем во

сне и указывал, кто должен стать следующим смотрителем. Кроме того, смотритель мог избираться на сходе общины верующих (ййылышы) и им мог стать мулла. Последнего часто можно лишь условно отнести к категории служителей культа, поскольку муллою нередко становится человек, лишь поверхностно усвоивший некоторые религиозные знания и арабскую грамоту и соблюдающий правила и обряды ислама.

Был зафиксирован чрезвычайно интересный вид паломничества к астане, связанный с адатом – обычным правом мусульман. В тех случаях, когда была совершена кража скотины, нанесен другой имущественный урон или причинен моральный вред, и у пострадавшего были определенные основания заподозрить в этом конкретного человека, вину которого невозможно было доказать, потерпевший обращался к астане, отправляя для святого пожертвование (астана сатака) в полной уверенности, что праведник аулийа так или иначе покарает виновного. И хотя «истец» отдавал себе отчет, что в случае ошибки это ложное подозрение «перейдет» на него – он сам будет наказан, традиция и вера были сильнее. Они, по сути, являлись «высшей судебной инстанцией», справедливый вердикт которой был неизбежен, святые подвижники лишь санкционировали его.

Церемония возведения намогильных сооружений и массовое паломничество к гробнице святого приурочены к весне и явно связаны с символическим возрождением природы, что лишний раз подчеркивается соответствием ритуалов времени ледохода. Традиция проведения погребально-поминальных церемоний именно в это время года известна с древности в разных культурах.

Одним из важнейших компонентов религиозной культуры сибирских мусульман является институт смотрителей (астана-караулче, астана-курайте) за священными могилами. Для проблемы исторического генезиса данного института весьма существенно, что и в преданиях, и в живой этнографической традиции всемерно подчеркивается связь смотрителя с кругом лиц, осуществивших некогда миссию распространения ислама в Сибири и получивших в результате статус святых подвижников. Эта связь может иметь как сугубо генеалогический характер, так и выступать в форме цепи духовной преемственности (силсила). Таким образом, вопрос о генезисе института смотрителей связан и фактически составляет часть более общей проблемы – формирования

круга высших духовных лиц в сибирском исламе.

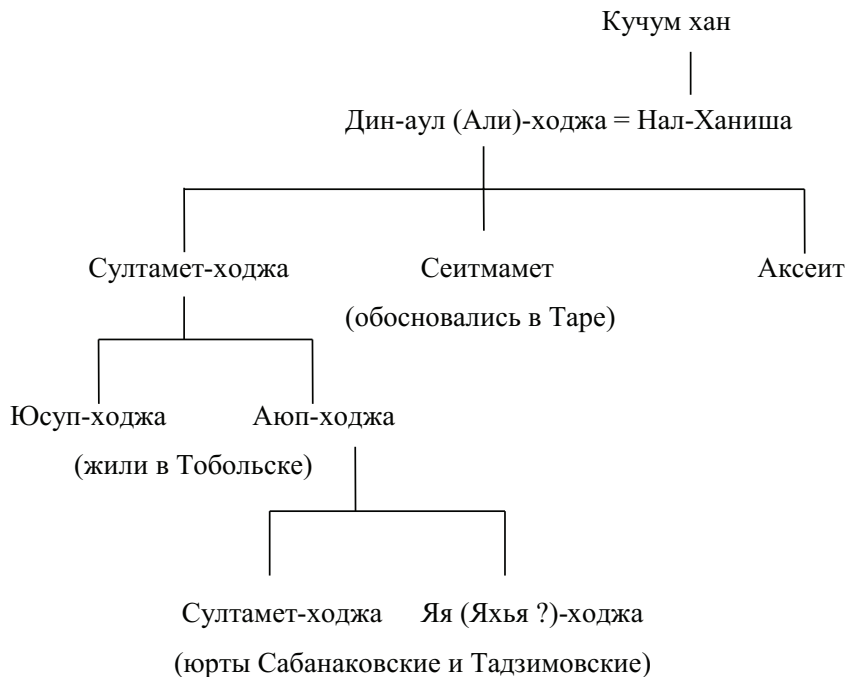
Интересные данные по этому поводу приводит И.В. Белич [Селезнев и др., 2009, с. 134 – 135]. Согласно его полевым материалам, «возле Тобольска находится астана авлии Аюп – хуча (ходжа) с тремя детьми». Точного места ее расположения выяснить пока не удалось. Однако имя этого «святого» ходжи оказалось известным в исторической литературе. Так, Г.Ф. Миллер будучи в 1734 г. в Тобольске писал, что «...в одной сеитской семье, которая живет недалеко от Тобольска в Сабанаковых и Тадзимовых юртах, сохранилось предание, что они ведут свой род от времени Кучума. Эта семья замечательна еще тем, что ее родоначальник Дин-аул-ходжа, родом из Ургенча,

был женат на дочери Кучума по имени Нал-Ханиша».

А далее историк приводит сообщенную ему родословную:

«<...>Дин-аул-ходжа имел трех сыновей: Султаммет-ходжу, Сеитмемета и Аксеита, которые обосновались в Таре; сыновья Султаммета – Юсуп-ходжа и Аюп-ходжа – жили в Тобольске. Сыновья же Аюп-ходжи – Султаммет-ходжа и Яя-ходжа – жили в мое время в вышеназванных юртах» [Миллер, 1999, с. 196; Фишер, 1774, с. 98].

Таким образом, генеалогия лиц, входивших в круг сибирских мусульманских духовных авторитетов (по Г.Ф. Миллеру), выглядит следующим образом:

Важно, что представления о принадлежности ряда местных родов к элитарным исламским группам ходжей и саййидов продолжают функционировать в среде сибирских татар до сих пор, несмотря на все перипетии атеистического 20 в. Специальные историко-этнографические и археографические исследования элитарных родов Имяминовых и Сиховых показали, что эти традиции сохра-

нялись на протяжении веков [Бустанов, Корусенко, 2010; Бустанов, Корусенко, 2014].

Довелось столкнуться с этой традицией и нам. В ходе этнографической экспедиции нам удалось взять интервью у Фархичамал Агатовны Ахметчановой, входившей по мужской линии в элитарный род Юмашевых [Селезнев и др., 2009, с. 143 – 145]. В процессе нашей беседы Фархичамал Агатовна показа-

ла нам запись генеалогической линии своих предков по мужской линии, насчитывавшую 14 колен и доходившую до 1644 г. Эти данные находят подтверждение в архивных материалах. Религиозный аспект состоит в том, что по существующему семейному преданию род Юмашевых принадлежит к духовному сословию шейхов – *шихляр* и, возможно, саййидов. Основатель рода – Саурчан – был шейхом (*ших*), прибывшим для распространения веры. Его сопровождали еще два шейха, но их имена неизвестны. Саурчан основал деревню, которая стала называться по его имени Саургачи.

Из этого рода выходили смотрители за священными могилами астана – *астана-курайте*. Во всяком случае, информатор твердо утверждает, что ее отец – Агад Картукович выполнял обязанности смотрителя и обладал *сэцэра*. С 1995 г. статус смотрителя стала выполнять сама Фархичамал Агатовна. Тенденции выделения элитарных религиозных групп являются отражением воздействия мусульманской культуры среднеазиатского региона, а также несомненным следствием суфийского влияния [Исхаков, 2011 а; Масложенко, 2015 а].

По полевым материалам, круг обязанностей смотрителей широк – это и сбор средств на установку и поддержание памятника, и организация ежегодного паломничества *таван*, и проведение поминальных молитв. Поминания святых борцов за веру, павших в старой религиозной войне, являются важной составной частью молитв и благопожеланий *тэляк*. Тексты молитв и благопожеланий произносятся в ходе различных семейно-религиозных обрядов, например поминалений предков — *хотым* или перед отправлением в дорогу — *юл хаир*.

Получение дара смотрителя является следствием определенных обстоятельств (например, явление захороненного святого во сне) и сопровождается специальными обрядовыми действиями. Право смотрителя легитимизируется представлениями о духовном (а иногда и реальном) родстве с похороненным в данной местности святым. Общение со святым подвижником было существенной частью процедуры передачи полномочий смотрителей в случае отсутствия прямых наследников по прямой линии. Обычно, когда прежний смотритель уже не был в состоянии исполнять свои обязанности, к нему во сне являлся похороненный на местной астане шейх и указывал, кому из односельчан следует передать *сэцэра* и соответственно все полномочия и обязанности *астана-карауче*.

Сновидения играют важную роль в общении святых подвижников с людьми. Подвижники во сне приходят в образе людей, но могут также присниться в образе лошадей белой масти или гусей. Во многих местах нам говорили, что появление во сне этих животных считается хорошим знаком, а место, где они являются, может быть захоронением подвижников. Более того, по сообщению информаторов, святые подвижники *аулия* могут выступать в роли покровителей и духов-хозяев (*иясе*) домашних и диких животных. Нам так и заявляли: «*Сангу-Баба* (дух-хранитель домашних животных. – *Авт.*) – *хозяин коров, а аулия* – *хозяин белых лошадей, лосей, лебедей и гусей*» (Зап. от Салимы Хайруллоны Шариповой, 1933 гр., д. Веселинская (таг. Пник) Вагайского района Тюменской области. Соб. И.А. Селезнева, А.Г. Селезнев, 2005 г. [МСИЭЭ // МАЭ ОмГУ, ф.1, 2005 г., пол. оп. 7, л. 22–23]. Аналогичное высказывание зап. от Биби-Сайтуны Мухаммед-Фаттаховны Хайдаровой (Шакировой), 1916 гр., д. Елань-Яр, Вагайского района, Тюменской области. Соб. А.Г. Селезнев, 2004 г. [МСИЭЭ // МАЭ ОмГУ, ф.1, 2004 г., пол. оп. 9, л. 4]). Так образы мусульманских подвижников легко «встраивались» в промысловые и производственные культы, в частности, в культ домашних охранителей.

В ряду случаев общения во сне особое значение имеют инициационные сновидения. З.А. Тычинских сообщает о духовном опыте, связанном с приобретением статуса *астана карауче* (смотрителя астаны). Пожилая жительница с. Тукуз рассказала ей следующую историю:

<...>*Сначала в деревне не хотели верить, что я смотрю астану. Мне во сне сказали, что мы своей женщине дали астану. Четыре года испытывали яхшылар (святые) меня прежде, чем дали смотреть астану. Аллах дает это не каждому человеку. Меня во сне водили к Уват-астане, к другой астане. Бибисара-ана Тухтар-кызы из рода мушаихов (потомков рода шейхов). Она мне все разъясняет. Биби-айша-астана была ей поручена, потом мне поручили. Я уже два года смотрю за этими астанами* [Тычинских, 2013 а, с. 24].

Актуальность изучения роли (сно)видений в исламской культуре была подтверждена в специальных исламоведческих исследованиях [Резван, 2009; Резван, 2011, с. 117–148; Felek, Knysh, 2012]. Согласно общей исламской традиции, сон – важнейшая область контакта с божеством [Резван, 2011, с. 120]. Излюбленным, часто повторяющимся мотивом в хорезмских

легендах о святых служат повествования о «чуждесных сновидениях»: тому или иному человеку во время сна является почивший святой, сообщает о месте своего захоронения (обычно забытого) и дает указание воздвигнуть здесь усыпальницу, чтобы люди являлись к ней со своими нуждами и просьбами. В Средней Азии существовали представления, что одной из причин болезней могло быть недовольство святого, наказавшего человека за неуважительное отношение к его могиле. В этом случае больным предписывалось ночевать у святынь ради исцеления от болезней: во сне святой излечит человека или скажет, что нужно сделать для выздоровления [Абашин 2007, с. 221; Басилов, 1992, с. 287; Рахимов, 2006, с. 326; Снесарев, 1969, с. 45 – 46; Снесарев, 1983, с. 48].

Несомненна связь мотива чудесного сна с суфизмом. Литература о суфизме и, в частности агиография, полна описаний роли сновидений в жизни людей и общества. Явление во сне Пророка, или ал-Хадира, считалось важнейшим доводом, позволяющим избранному обосновывать свое право на мистический путь [Тримингэм, 2002, с. 224–225]. В некоторых ответвлениях братства *кадирийя* неофит, желающий вступить в кадирийское сообщество, должен был увидеть во сне основателя братства Абд ал-Кадира, который мыслится как чудотворец, помощник страждущим и один из величайших «друзей Божьих» [Кныш, 2004, с. 213].

Одним из самых ярких и впечатляющих достижений сибирского исламоведения, безусловно, является открытие книжной культуры мусульман Сибири. Собственно говоря, это открытие также имеет длительную историю, восходящую к XVIII в. В XIX – начале XX в. сибирско-татарскими рукописями занимались выдающиеся тюркологи мирового масштаба В.В. Радлов и Н.Ф. Катанов. Во второй половине XX в. сбор археографических материалов возобновился. В начале XXI в. в рамках проекта по изучению культуры святых в сибирском исламе И.В. Белич, А.Г. Селезнев, И.А. Селезнева предприняли полевое этнографическое изучение сакральной функции книги и ее роли в формировании этнокультурной идентичности сибирских татар. Новейший этап исследований связан с именем Альфрида Бустанова. После ряда важных открытий и публикаций многочисленных статей А. Бустанов выпускает большую монографию, знаменующую итоговое состояние проблемы [Бустанов, 2013].

Несомненно, библиотеки арабграфических рукописных и печатных книг и свитков,

хранящиеся в деревенских домах среди глухой сибирской тайги, оказывают сильное впечатление. Эти собрания бережно собирались, сохранялись, передавались из поколения в поколение. Они и сейчас являются важным элементом культурной и религиозной самоидентификации мусульман Западной Сибири. Коллекции включают рукописные и старопечатные копии Корана, рукописные богословские сборники-хрестоматии, наставления по суфийским ритуалам и практикам [Бустанов, 2013].

Изначально носителями мусульманской книжности в Западной Сибири были бухарцы — разноэтничные (преимущественно узбеки, таджики) выходцы из Средней Азии. Как отмечалось, они составляли в Сибири в XVII–XVIII вв. особое сословие, обладавшее большими правами и привилегиями [Корусенко, 2011 а, с. 17–48; Burton, 1997, р. 397–399, 502–542; Frank, 2012, р. 45 – 50; Noack, 2000]. Бухарцы «... были более образованны, чем русские пришельцы. В XVII столетии они были единственными людьми в Сибири, в руках которых была книга. В XVIII столетии иностранцы, попавшие в Сибирь, нашли у них редкие рукописи» [Потанин, 1884, с. 41].

Особый интерес вызывают оригинальные сибирско-татарские сочинения, составленные в местной среде и излагающие собственную версию исламизации Сибири. Наиболее полная информация содержится в двух группах письменных памятников, каждая из которых известна к настоящему времени в нескольких вариантах. Первая группа текстов условно названа «*Шаджара рисаласи*» – «*Трактат о генеалогии*». Впервые текст был зафиксирован и опубликован В.В. Радловым, а к настоящему времени известно пять списков и две версии памятника [Радлов, 1872, с. 212 – 215, 217 – 220; Катанов, 1897, с. 51 – 61; Бустанов, 2009 в; Bustanov, 2011].

Введение в научный оборот второй группы памятников началось с публикации Н.Ф. Катановым в начале XX столетия сибирско-татарской рукописи (*Тобольской рукописи, или рукописи Катанова*, до сих пор еще в некоторых публикациях ошибочно именуемой по названию, данному Н.Ф. Катановым, «О религиозных войнах учеников шейха Багауддина против инородцев Западной Сибири», см., например, [Масложенко, 2015 а, с. 5]), хранящейся в Тобольском губернском музее (рукопись и ныне находится там же – в Тобольском государственном историко-архитектурном музее-заповеднике). К настоящему времени известно свыше десятка

списков данного текста в двух, созданных, вероятно, в разное время, редакциях – краткой и пространной. Один из списков, так называемая *Карагайская рукопись* (пространная редакция), был открыт в ходе экспедиции под руководством А.Г. Селезнева в ауле Карагай Вагайского района Тюменской области в 2004 году (рис.88). Манускрипт выполнен на татарском языке (сибирско-татарские диалекты) арабской графикой, почерком насх в стиле 18 в. Судя по колофону, текст был переписан муллой Гайнутдином Хилкат Йарканди. По заключению специалистов, *Карагайская рукопись* является протографом *Тобольской рукописи*.

Несмотря на имеющиеся различия, структура всех списков относительно одина. Текст состоит из двух частей в первой – излагается местная, легендарная в своей основе, версия религиозной войны и исламизации Прииртышья; вторая часть представляет собой каталог священных захоронений борцов павших за веру с указанием имен и мест их могил [Белич, 2005; Белич, 2014 б; Белич, Бустанов, 2010, с. 45 – 50 сл.; Бустанов, 2011 в, с. 50 – 60; Бустанов, 2013, с. 92 – 94, 181 – 182; Бустанов, Белич, 2010; Катанов, 1904; Рахимов, 2005; Селезнев, Селезнева, 2006; Селезнев и др., 2009, с. 42 – 47, 193 – 206, прил. 3]. Как показали современные полевые исследования, сведения, изложенные в текстах, во многом совпадают с распространенной среди татар Сибири фольклорно-этнографической традицией. Согласно манускриптам (в данном случае *Карагайской рукописи*, в 197 г. Х. (1394–1395 гг. н.э.) (как мы уже упоминали, дата условна, в некоторых списках приведена другая датировка событий) на берега Иртыша пришли 366 конных шейхов и выступивший с ними в союзе хан Шайбан с 1700 отборными воинами и учинили там «великое сражение за веру» с жившими по берегам Иртыша «язычниками» — народами хутун, нугай, кара кипчак и иштяк. Прибывшие в Сибирь мусульманские миссионеры считались учениками и последователями Худжи Багаутдина. В образе этого персонажа большинство интерпретаторов видят Ходжу Бахааддина Накшбанда (1318 – 1389), заложившего организационные основы суфийского тариката, названного по его прозвищу Накшбандийей. В результате религиозной войны местное население было обращено в ислам, но часть его бежала на север и в Китай. 300 шейхов и 1448 богатырей Шайбана погибли, «стяжав мученический венец», часть остались в Сибири для обучения

основам ислама, а остальные вернулись в Бухару. «После этого открылась религия, открылась дорога, по берегам реки Джирс (Иртыш) прошли караваны. Ученые, худжи, ишаны начали приходиться для обучения религии, все были из мистиков-суфиев». Важнейшей частью *Карагайской рукописи*, как и других версий текста, был каталог 30 мавзолеев-*астана* (مناظسا / منازسا) с указанием их расположения и имен захороненных там святых подвижников ислама. Полевые исследования уже давно установили соответствие сведений, содержащихся в этих источниках, с современными этнографическими материалами, что фактически документирует существование живой традиции почитания исламских подвижников верующими Сибири, несмотря на все известные трансформации религиозного сознания, имевшие место в России в 20 столетии.

Интересно, что ранние описания арабографических сибирско-татарских книг были выполнены по инициативе Русской православной церкви. Значительное количество материалов об этих книгах, датированных первой половиной XVIII столетия, сохранилось в архиве Тобольской Духовной Консистории. Появление этих материалов связано с попытками обращения в христианство сибирских татар-мусульман. Разумеется, эти материалы характеризует активная, хоть и весьма наивная антиисламская риторика. Но в то же время следует признать довольно высокий уровень описания внешнего вида «книжек», а также любопытные подробности их ритуального применения: ношение «на грудях», помещение «в могилку», использование «... от мертвых тел савана или покрывала обретенные лоскутки с ... заговорными на своем языке письмами...» и т.д. [ГУТО «ГАТ», ф. 156, оп. 1, д. 2001, л. 6, 111 об., 113 об., 109 об, 117 об; ф. 156, оп. 1, д. 772, л. 31]. Нам неоднократно приходилось держать в руках манускрипты, которые соответствуют архивным записям, в той, например, части, в котором говорится о маргиналиях, выполненных красными чернилами.

Подтверждаются современными материалами и ритуальные особенности функционирования манускриптов, связанная с ними обрядность, включенность их в религиозную культовую практику. Не является чем-то особенным обычай захоронения вместе с покойным священных религиозных текстов [Белич, Богомолов, 1991, с. 173]. Информаторы неоднократно сообщали нам, что в могилу необходимо класть листы с арабографиче-

скими текстами, причем именно в область груди погребенного. Жительница д. Ашеваны Усть-Ишимского р-на Омской области Хатира Вагитовна Алеева не только продемонстрировала нам свое погребальное одеяние (рубаху «очмок куйлек» и платок «яулак»), но и показала каким образом помещаются в могилу листы с арабографическими текстами. Она указала, что эти листы будут положены именно на грудь, чтобы покоящиеся под землей аулийалар смогли бумагу увидеть и написанное прочесть. Кроме того, информатор рассказала, что для духовного очищения необходимо съесть отрывающиеся кусочки бумаги с текстами (Зап. от Хатиры Вагитовны Алеевой, 1924 г.р., д. Ашеваны Усть-Ишимского района Омской области. Соб. А.Г. Селезнев, 2007 г. [МСИЭЭ // МАЭ ОмГУ, ф.1, 2007 г., д. 190-1, к. 55]). Аналогичные обрядовые действия были распространены весьма широко и носили, видимо, универсальный характер. Например, по традициям погребального ритуала польско-литовских татар, после того как тело покойного заворачивали в саван, рядом клали *далавары* – бумажные листы с текстами молитв [Гришин, 1995, с. 70].

Опыт структурного анализа памятника мусульманской культуры Западной Сибири: случай Тюрметякской астаны

Тюрметякская астана – уникальный памятник религиозной культуры сибирских мусульман. В едином комплексе оказались представлены различные компоненты культуры, весьма гетерогенные и разновременные. Этот культурный сплав открыл возможности структурного анализа памятника [Селезнев, 2013]. Наиболее рельефно в данном случае проявляются такие элементы, как *оформление сакрального пространства, сотворение локального мира, связь времен и поколений, легитимация включенности в сферу священного*. Рассмотрим каждый из этих элементов отдельно.

Оформление сакрального пространства. Начать следует с феномена сакрализации места, включения объекта в освященный пространственный контекст. Памятник расположен в 1,7 км к северу от деревни *Тюрметяки (Оль-бурень)* Усть-Ишимского района Омской области на берегу живописного озера с примечательным именем *Астана-бурень*. Это озеро известно также как Оллы-бурень, отсюда происходит неофициальное наименование деревни. Озеро является старшей Ишима, в центре его находится округлый полуостров

(в половодье превращающийся в остров), называемый местными жителями *Астана-утрау*. Озеро свято, по некоторым данным, в нем запрещено брать воду и рыbachить. Жители окрестных русских деревень также называют озеро *Святым*. Информаторы сообщают, что на берегу озера лежал большой камень, который был способен сам перемещаться с места на место. Говорят, что в 1960 – 1970-е годы властями было решено камень как объект религиозного поклонения вывезти, однако накануне он таинственным образом исчез.

Из деревни и со стороны дороги к астане ведет тропа, пролегающая через густой хвойный лес, вдоль всхолмлений, представляющих собой старые могилы или какие-то иные археологические объекты. Часть пути к святилищу проходит по кладбищу. Мы специально обращаем внимание на психолого-эстетический аспект: круглая чаша озера, округлые очертания полуострова в центре, густой сосновый бор, едва пропускающий солнечный лучи по берегам, – все это невольно создает у паломника особый эмоционально насыщенный настрой.

В настоящее время сооружение представляет собой четырехугольную ограду из штакетника. Астана располагается в пределах одного из двух деревенских кладбищ, протянувшегося вдоль берега озера. Второе кладбище деревни находится вдали от этих мест за дорогой. Интересно, что оба кладбища деревни Тюрметяки четко различаются по *тугумам* – родственным группам. Умерших из тугума с характерными названиями *йахшилар* или *астаналар* (т.е. имеющие отношение к святому месту, астане) хоронят на кладбище, рядом с которым находится астана.

Сотворение локального мира. Места вокруг астаны овеяны архаичными преданиями, объясняющими происхождение окружающих ландшафтных объектов: озер Астана-Бурень и Уват, реки Вертенис, выделяющегося на местности трапециевидного останца первой надпойменной террасы левого берега Ишима, примыкающего к священному озеру. По этим преданиям, данные объекты образовались из частей тел хтонических существ, пораженных в ходе древней эпической битвы.

Этот легендарный цикл относится к наиболее архаичным, архетипически восходящим к мифам о первотворении. Видимо, к этому же циклу надо отнести и мифологические рассказы о передвигающемся, бродячем камне.

Связь времен и поколений. Элементы ландшафта способствуют и *сакрализации исторического времени*, олицетворенного

в неразрывной связи с предшествующими поколениями людей. В таком контексте кажется не случайным, что кладбище и астана располагаются вблизи ряда археологических памятников разных эпох. Особенно заметно на фоне местного ландшафта городище Вертенис I (Тюрмetyяки VII). Оно расположено в 1,8 км к северу от д. Тюрмetyяки на упомянутом выше трапецевидном останце первой надпойменной террасы левого берега Ишима. Южный фас останца выходит непосредственно на озеро Астана-бурень (рис.89). В 1970-е гг. на городище были произведены археологические раскопки. В юго-восточной части зафиксирована система укреплений из двух валов и рва. В состав находок, обнаруженных в жилом помещении или мастерской, входили фрагменты глиняной потчевашской посуды, куски шлака, железные ножи, бронзовые проныжки и перстень, стеклянные бусы и костяные наконечники стрел [Конигов, 2007, с. 31, 46, рис. 50, 274]. Местные жители данные памятники осмысливают в своеобразном культурно-историческом контексте: «Это могилы наших предков времен Чингис-ханова-Мамаева побойща», – заявляют они.

Включение культового комплекса в реальный исторический, в том числе и политико-исторический контекст, засвидетельствовано еще одним уникальным источником. Речь идет о знаменитом атласе, созданном в 1697–1711 гг. картографом и историком С.У. Ремезовым – *Хорографической чертежной книге*. На листе 107 атласа изображено течение р. Ишим вблизи его впадения в Иртыш. На левом берегу, неподалеку от Ишимского острога, показан приток – река Урманка. Рядом изображено старичное озеро Баженково, а также имеются надписи «курганы» и «кладбище Она царя». И здесь же рядом с курганом и озером видно абсолютно четко читаемое слово «астана» под условным знаком, обозначающем кладбище [Хорографическая..., 2011, т. 1, л. 107, т. 2, с. 120].

Весьма вероятно, что речке Урманке на карте Ремезова на современных картах соответствует левый приток Ишима – Вертенис. Близко к действительности у Ремезова расположение правого притока Ишима – реки Тавы, известной на современных картах под именем Большой Тавы. Если эти отождествления верны, то озеро Баженково на карте Ремезова есть не что иное, как озеро Оллы-бурень (Астана-Бурень, Святое), давшее местное татарское название деревни Тюрмetyяки. Как мы видели, Тюрмetyякская астана действительно

расположена на кладбище и в ее окрестностях действительно имеются археологические объекты («курганы», по терминологии Ремезова).

То, что астана попала на карту Ремезова, не должно удивлять: как мы показали выше, сибирский картограф и историк этим исламским памятникам уделял особое внимание. Интригующим моментом является ассоциация астаны с загадочным «кладбищем Она-царя». Этот факт означает, что астана оказалась включенной в контекст политической истории сибирских ханств. В сибирских летописях Онцарь (хан Онсом) описывается как один из правителей мифического (?) Ишимского ханства. Так, в *Истории Сибирской С.У. Ремезова* перечислены «... имена самых первых верховных правителей басурманских: хан Онсом, кочуя по Ишиму, жил в устье Ишима реки, город <его> Кызыл-Тура с тремя рядами укреплений на Красном Яру; после хана Онсома – царь Иртышак <...> его завоевал Чингиз, царь Тюменский; после Иртышака царь Саргачик был вплоть до Кучума, и того Кучум привел в подданство» [Дергачева-Скоп, Алексеев, 2006, с. 125]. Хан Ансам (Онсом летописи Ремезова), сменивший на престоле Ишим-хана, упоминается в сибирско-татарском дастане Ильдан и Гольдан [Тычинских, 2010 а, с. 34–35]. Карта Ремезова не только документирует астану у д. Тюрмetyяки как один из наиболее ранних из зафиксированных источниками памятников сибирских татар, но и связывает ее с перипетиями ранней загадочной политической истории [Коблова, 2010; Маслюженко, 2010].

Представляется важным, что Ремезов во всех своих картографических трудах связывал участок на берегу Ишима в районе озера Баженкова (ныне – Астана-бурень) с местом погребения Она-царя. Разница состоит в том, что на серии мелкомасштабных карт, каждая из которых охватывает обширную территорию вокруг г. Тобольска, – на листе 163 *Хорографической чертежной книги*, на листе 2 *Чертежной книги Сибири* и на листе 29 *Служебной чертежной книги*, это место обозначено не как *кладбище*, а как *курган* Она-царя, и здесь не отмечена астана. Возможно, в этой корректировке заложен какой-то неясный пока смысл [Селезнев, Селезнева, 2015, с. 170].

Легитимация включенности в сферу священного. Всюду и всегда легитимация притязаний элиты на связь с областью сакрального осуществляется либо созданием длинных генеалогий (иногда в виде цепи духовной преемственности), восходящих к святому (перво) предку; либо апелляцией к сакральным тек-

стам, содержащим обоснования таких притязаний. В нашем случае налицо оба варианта.

Согласно полевым материалам на Тюрметьянской астане похоронен шейх Бигач-Ата. Он прибыл в Сибирь из Средней Азии для распространения среди местных язычников ислама. Прибывшим религиозным миссионерам приписывалась культурная функция: они научили местных жителей сеять хлеб, выращивать картофель и т.д. Кроме того, до 1990-х годов в деревне чаще всего, у муллы хранился и передавался из поколения в поколение деревянный жезл, который называют *сэцэра* (букв. «родословная»), на такие жезлы действительно наматывали свитки с рукописными текстами) или *укляв* (скалка). Предмет представлял собой деревянный цилиндр с двумя ручками и был украшен орнаментом.

Упомянутый информаторами свиток *сэцэра*, видимо, представлял собой рукопись, содержащую обстоятельства исламизации Сибири и списки святых мест. Во всех таких рукописях есть сведения о Тюрметьянской астане. Но, пожалуй, наиболее важное открытие, связанное с тюрметьянским культовым комплексом, было сделано буквально в последние годы. Оказалось, что в самом ауле Оллы-бурень существовала собственная традиция создания сакральных текстов. Один из таких списков, по-видимому, вариант упомянутого нашими информаторами свитка *сэцэра*, был обнаружен в архиве Института восточных рукописей РАН в Санкт-Петербурге. Название списка – *Аш-шаджарат ал-авлия'* *мин билад Мавара'аннахр* (*Родословная святых из страны Мавара'аннахр*). Переписчиком являлся местный мулла 'Абд ал-Гани сын Му'мина. По структуре текст похож на аналогичные документы сибирских татар. В традиционном каталоге святых могил среди прочих указан «В устье Ишима, в юрте Улуг-Бурян, Бигач-Ата-шайх. Из потомков господина Джалал ад-дина. В ногах <у него> лежат три камня. Один камень всегда перемещался (букв. совершал прогулки)» [Бустанов, 2009 б, с. 201]. Обратим внимание на практически дословное совпадение современных фольклорно-этнографических материалов с текстом приведенного письменного источника. Особенно это касается архетипически важного мотива бродячего камня.

Тюрметьянскому святилищу отводится особая роль в суфийской ритуальной практике. Источник излагает цепь духовной преемственности (*силсила*) «почтенного» Бигач-Ата, приуроченную именно к «юрту Турмадак»:

«Еще в юрте Турмадак хазрату Бигач-Ата лучинку (*чирог*) зажгли мы, жалкий бедняк из Туркестанской земли (*вилайат*), Афтал-шайх. По священному разрешению (*рохсам*) моего брата муллы Джалал ад-дин-шайха из Досточтимой Бухары я пришел в Сибирскую землю (*вилайат*), пройдя много стоянок (*мэра-хэллер тай килуб*). В упомянутом юрте Турмадак первые лучинку (*чирог*) зажег покоящемуся хазрату Бигач-Ата я, Афтал-шайх. Еще сын Афтал-шайха – Муса-шайх лучинку (*чирог*) зажег. Его сын Булуб-Берди-шайх. Его сын Алуркуш-шайх. Его сын – Бари-Мухаммад-шайх <...>» и т.д. [Бустанов, 2009 б, с. 202]. Возжигание священного светильника (*чирог*) – суфийский ритуал. Он имеет прямое соответствие в практике йасавийских смотрителей за священными могилами Южного Казахстана, которые так и называются *ширакчи* (служители священного светильника) [Frank, 2008, p. 369].

В этом же источнике помещена подробная генеалогия, насчитывающая 17 поколений, в которой и недвусмысленно заявляется свои права на «героическое» прошлое: «... в этих аулах Турмадак и Таутамак были со времен царя Кучума наши предки...». Текст, видимо, создавался в ту пору, когда границы сакрального пространства в представлении автора уже в значительной мере сузились. Так, ему не было известно о распространении священных захоронений по Иртышу выше Усть-Ишима («...от устья Ишима до верховий Иртыша [могил] святых нет...») [Бустанов, 2009 б, с. 200, 204–205; Бустанов, 2011 в, с. 41]), хотя в реальности такие памятники существовали и продолжают почитаться доньше [Селезнев, 2012, с. 58 – 61].

В этой ситуации нарочито «длинная» родословная была призвана упрочить притязания формирующейся религиозной элиты на духовное наследие в рамках конкретного локального сакрального пространства. Той же цели служат упомянутые в качестве духовных учителей крупнейшие религиозные авторитеты: основатель ордена Маулавия Джалал ад-дин Руми (1207–1273) и великий персидский поэт и философ-мистик Нур-эд-дин 'Абд-р-Рахман Джами (1414 – 1492) (о них см. подробно [Кныш, 2004, с. 178 – 187]). Через приобщение к сфере сакрального происходило формирование новой духовной элиты и новых культурно-религиозных идентичностей. Случай столь высокой концентрации в одном комплексе связанных сакральных объектов – святилище, рукопись, археологические па-

мятники, освященные природные объекты – привлекает, конечно, особое внимание.

* * *

Начало распространения мусульманства в Сибири находилось в общем контексте исламизации Золотой орды и постзолотоордынских государств и по своим результатам и культурным последствиям эти явления вполне сопоставимы. Можно констатировать длительный, противоречивый, драматичный процесс адаптации ислама в среде традиционной культуры, в результате которого сформировался синкретичный религиозный комплекс, которой, по аналогии с другими странами и народами, может быть назван региональным вариантом ислама в Сибири.

Особо следует отметить большую роль суфизма в формировании локального варианта ислама в Сибири. Одним из ярких проявлений является культ святых. Именно с суфийским влиянием связывается формирование религиозной элиты сибирской уммы. На основании сибирско-татарских источников, реконструируются родословные сибирских *сайидов*, *ходжей* и *шейхов* – выходцев из Средней Азии. К этому же кругу духовной элиты относились лица, осуществлявшие ритуалы, связанные с культом святых, прежде всего смотрители за святыми гробницами – *астана-караулче*. Общественный статус этой группы лиц подтверждается родословными, а также специфической способностью общаться с захороненными праведниками, например, посредством

сновидений. Реликтом суфийского влияния является практически вся терминология, связанная с рассматриваемым культом: астана, шейх, ата, ходжа, баба, аулийалар, амбийялар, хайбиреннер.

К общенсламским явлениям надо отнести и состав основных компонентов культа святых, получивших развитие на территории Сибири. Особое место занимают общенсламские персонажи – Занги-Ата, Хаким-Ата, Хазыр-Илийас, Айша-Фатима, Хасан-Хусейн и др. Их появление в религиозной культуре мусульман Сибири – также в значительной степени след былого суфийского влияния.

И еще одна важная проблема, о которой стоит сказать. Отметим значение этнографического источника и этнографического метода изучения рассматриваемых культурных явлений. В условиях отсутствия надежных письменных свидетельств именно этнографический метод изучения конкретных региональных проявлений мировых религий (особенно ислама!) способен предложить реальную перспективу дальнейших плодотворных исследований, в том числе и для реконструкции религиозной ситуации, сложившейся в эпоху сибирских ханств.

В работе использованы результаты, полученные в ходе выполнения проекта «Ислам в Сибири: археология, история, современность», в рамках Программы «Научный фонд им. Д.И. Менделеева Томского государственного университета».

9. ПРОЦЕСС ПАДЕНИЯ СИБИРСКОГО ХАНСТВА

9.1. ПОХОД ЕРМАКА И СУДЬБА СИБИРСКОГО ХАНСТВА

Поход Ермака и его военные столкновения с отрядами Сибирского ханства как значимый этап русского завоевания и колонизации региона имеет поистине неисчислимую историографию. Наша цель не столько реконструировать эти процессы, сколько показать собственно само Сибирское ханство в период между 1582 и примерно 1600 г., то есть в последние годы правления хана Кучума. По сути, именно эта проблема раскрыта в недавней книге В.В. Трепавлова «Сибирский юрт после Ермака: Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш».

Уже неоднократно в различных главах книги обращалось внимание на сложность и условность реконструкции хронологии похода, в том числе года его начала, который варьируется между 1579–1582 гг. Связано это с двумя концепциями похода, которые могут быть условно названы «длинной» и «короткой». Причем некоторые летописи прямо указывают на непродолжительный по времени поход. «Того же лета снарядиша Максим да Григорей Строгановы казацких ватаманов а с ними охотчие люди Сибирскую землю воевати и шесту тое казаки за единоелет всю Сибирскую повоевали, за князя великого привели» [Вычегодско-Вымская, 1958, с.267].

Согласно царской «опальной» грамоте ноября 1582 года поход Ермака начался 1 сентября того же года [Миллер, 2005 а, с.335]. Скорость ее подготовки может быть связана с тем, что информацию о Ермаке и его атаманах передал в Москву воевода Чердыни Василий Перепелицын. По всей видимости, он был осведомлен о ранней деятельности казаков на Волге. В 1581 г. он являлся послом к ногайскому бию Урусу. На обратном пути, когда он вместе с ногайским послом направлялся в Москву, сопровождающий их отряд ногаев был почти полностью уничтожен казаками, несмотря на протесты Перепелицына [Скрынников, 1982, 79–80; Трепавлов, 2002, с.330–331, 341]. В «опальной» грамоте напрямую указывается на эти события: «Писал к нам ис Перми Василий Пелепелицын...а волжских атаманов, к себе призвав, воров, наняли в свои остроги без нашего указу. А те атаманы и казаки преж того ссорили нас с Нагайскою ордуо, послов нагайских на Волге на перевозех побивали, и ордобазарцов грабили и побивали» [Миллер, 2005 а,

с. 335]. Судя по русским летописям, им особенно вменялась в вину деятельность во вред государству: «самовольныя казаки съ атаманом...многую пакость Московского государства всякаго чина людем деюще, до смерти убивающее...» [Сибирские летописи, 1907, с.368].

Согласно царским жалованным грамотам Строгановым разрешалось набирать воеинов для охраны их владений: «...прежде его Государево...повеление бысть по прежним его ...грамотам...людей воинских прибирать на Сибирскаго Салтана...» [Летопись сибирская, 1821, с.25–26]. Но необходимо отметить, что данные грамоты в основном относились к середине 70-х годов, в частности грамота от 1574 года, когда конфликт с Кучумом еще был в разгаре [Миллер, 2005 а, с. 334]. При этом контингент набираемых людей ограничивался показателем их благонадежности: «А людей называти неписьмяных и нетяглых; а воров им и боярских людей беглых з животы и татей и розбойников не называти...» [Миллер, 2005 а, с. 333]. Учитывая прошлые действия казаков Ермакова отряда, они вполне подходили под это описание. Показательно сообщение из Строгановской летописи, из которого видна осведомленность Строгановых о прошлом волжских казаков, и тем не менее сознательное решение призвать их: «...слышаху...от достоверных людей о буйстве и храбрости Поволских казаков и атаманов Ермака Тимофеева с товарищи, како на Волге, на перевозех Нагайцов побивают и Ардобазарцов грабят...» [Летопись сибирская, 1821, с.13].

Собственно, в истинном смысле это был не столько поход, сколько набег отряда, численностью от 540 до 840 казаков [Сибирские летописи, 1907, с.59, 275]. Причем его маршрутизация зависела не только от финансирувавших поход Строгановых, но и от казачьего круга, решение которого и определяло конкретные цели и задачи. По своей скорости он мог напоминать походы 1483 или 1499 г. Например, в первом из этих случаев поход длился от Вологды с 25 апреля по 9 ноября или от Устюга с 9 мая по 14 октября, то есть от 5 до 6,5 месяцев. При этом воеводы прошли почти тем же маршрутом до Сибирской земли, затем поднялись по Иртышу и Оби в Югру, чтобы вернуться в Вологду [ПСРЛ, 1959, с. 275–276;

ПСРЛ, 1982, с. 49]. Таким образом, скорость продвижения отряда по рекам Сибири не вызывает удивления. К тому же на протяжении предшествующего десятилетия Строгановы активно пытались налаживать торговые связи с угорскими народами Западной Сибири, конкурируя в этом с англичанами и голландцами [Головнев, 2015, с.401–403].

Несмотря на полученную информацию от пельымского князя о русском походе [ПСРЛ, 1987, с.120], набег, видимо, застал врасплох сибирского хана Кучума, поскольку после столкновения казаков с татарами под Епанчиным городком на Туре хан рассчитывал, что «он (Ермак) воротитца назад на Часовую» [Сибирские летописи, 1907, с. 276]. Вероятно, изначальное продвижение казаков было воспринято как обычный набег, после которого они должны были вернуться. Однако это не произошло. После боя под Епанчиным городком и, возможно, взятия бывшего столичного города Чимги-Тура (рис.90), значение которого в XVI веке сильно уменьшилось, отряд вышел из Туры в Тобол. На Тоболе им оказали сопротивление несколько местных князей, затем сибирский карача, который потерпел поражение и потерял свой улус, и, возможно, на урочище Бабасан с казаками сразился племянник Кучума Мамет-Кул [Сибирские летописи, 1907, с. 322–325]. Эти события вызвали уже сильное беспокойство со стороны сибирского хана. Кучум в спешном порядке собрал вокруг себя татар, остяков и вогулов: «В мале же времени собрашась к нему множество Татар и Остяков, Вогулич и инии языцы, яже под его властию». Кроме того, на Чувашском мысу успели построить линию обороны: «повеле засеку учинити...засыпати землю и многими крепостми утвердити» [Сибирские летописи, 1907, с. 277]. Подобная мобилизация военных людских ресурсов из подвластного населения свидетельствует о том, что в тот момент других военных сил, в том числе и ногаев, у Кучума не было. Это связывается исследователями с набегом сына Кучума Алея на строгановские владения на Чусовой незадолго до начала похода Ермака и поражением его от казаков [Солодкин, 2010 а, с.13; Трепавлов, 2012, с.12–13]. Руководство ополчением было поручено главному полководцу и племяннику хана Мамет-Кулу Алтыбуловичу. Несмотря на все предпринятые действия, в битве под Чувьшским мысом 23 октября 1582 г. татары вновь потерпели поражение [Сибирские летописи, 1907, с.276–277] (рис.91). Спустя 3 дня после этого казаки вошли в Искер.

Один из вопросов, связанных с завоеванием Сибири, это почему Кучум не защищал свою столицу, как бы это сделали большинство лидеров оседлых государств. Несмотря на то что Искер, по наблюдениям А.П. Зыкова, имел несколько линий мощных укреплений [Зыков, 1998, с.22–26], они, однако, так и не были использованы при обороне, поскольку Кучум покинул город еще до прихода русских. Ответ на поставленный вопрос дал еще первый исследователь остатков этого города В.Н. Пигнатти, который отметил отсутствие запасов воды и продовольствия, а также невозможность организации тайного отступления [Пигнатти, 2010, с.204]. В современной историографии итоги обсуждения даны в книге В.В.Трепавлова, посвященной Сибирскому юрту после Ермака. По данным летописей, он указывает на решающую роль огнестрельного оружия казаков, бегство остяцких князей и татарских воинов, а также повторяет первые два аргумента В.Н. Пигнатти [Трепавлов, 2012, с.11]. Хотя запасы продовольствия в крепости, видимо, были, поскольку казаки, войдя в Искер 26 октября, обнаружили в опустевшем городе, не только «богатства множества», но и «хлеба» [Трепавлов, 2012, с.30]. Однако этих запасов, очевидно, было не настолько много, чтобы дать даже казачьему отряду перезимовать, не испытав голода. Спустя 4 дня после взятия Искера запасы продуктов привез остяцкий князь Бояр, но уже 10 декабря казаки вынуждены были заниматься рыболовством [Сибирские летописи, 1907, с.72], а ранней весной атаман Богдан Бряза вынужден был выступить на сбор ясака [Сибирские летописи, 1907, с.333].

В этом отношении более сложен вопрос о численности населения этого города (не обсуждается здесь вопрос о применимости самого этого термина) и его достаточности для организации обороны от отряда казаков. Из общего числа казаков к этому времени не менее 100 могло погибнуть, то есть под Искером оказалось около 450 человек. Точный подсчет населения Искера и его окрестностей невозможен в связи с известным фактом разрушения значительной части городища. Хотя уже такие исследователи, как Г.Ф. Миллер и В.Н. Пигнатти писали, что размеры крепости не позволяли жить здесь кому-либо кроме хана, его семьи и людей, а также многочисленных знатных татар [Миллер, 2005 а, с.228; Пигнатти, 2010, с.203]. Приблизительные цифры могут быть выведены исходя из общей площади городища на основе разработок,

предложенных Н.П. Матвеевой и ее коллегами для городищ раннего железного века, расположенных в том же регионе. Укрепленная часть Искера, по данным И.В. Белича, была около 2 га [Белич, 2010 б, с.144], общую площадь неукрепленной части посада на данный момент подсчитать невозможно. По подсчетам тюменских археологов на Рафайловском городище, которое было центром экономической зоны, на площади 6 га, включавшей укрепленную часть и селище, проживало от 400 до 900 человек [Матвеева и др., 2005, с.172]. В нашем случае собственно за укрепленными стенами могло проживать от 150 до 300 человек, то есть действительно только семья, двор и гвардия хана. С учетом значительных потерь в предыдущих битвах и проживания в посаде лишь потенциальных ополченцев последствия организации надежной обороны Искера еще и при столь незначительном числе воинов непредсказуемы, даже с при возможных проблемах у Ермака со взятием надежных эшелонированных укреплений. Очевидно, что Кучум и его окружение в предыдущие годы не рассматривали возможности нападения на столичный центр, который был защищен системой пограничных крепостей. С учетом тактики и стратегии Сибирского ханства значительная часть воинов при этом ориентировались на более традиционные конные полевые столкновения в открытом поле, а не были подготовлены к обороне крепостей [Матвеев, Татауров, 2012 а, с.205–221, 223–224].

Однако, возможно, существовали и другие причины, связанные с менталитетом степной элиты, представителями которой, несомненно, были хан Кучум и его племянник и полководец Маметкул. Потеря Искера, как и других городков, в условиях возможности сохранения кочевого образа жизни рядом сибирских аристократов не стала причиной ликвидации местной государственности, хотя и могла ударить по статусу и авторитету местных династий. По мнению В.В.Трепавлова, потеря трона могла рассматриваться как утрата божественного благоволения, «царственно-го фарра», то есть поддержки хана высшими силами [Трепавлов, 2012, с.138]. Как отметил этот же исследователь, «переход хана к кочеванию произошел относительно безболезненно, ведь это был традиционный, завещанный предками и престижный образ жизни татарской аристократии» [Трепавлов, 2012, с.10]. Возможно, что захваченное в Искере казакми богатство («...злата и серебра и паволоки златых и камень многоценное и драгие куны

и соболи и бобры и лисы...») [Сибирские летописи, 1907, с.71]) были частью собранного ясака, который концентрировался в крепости перед отправкой хана и его двора на зимовку в присырдарьинский регион.

Взятие Искера стало основой для отправления казаками в Москву победных сообщений о взятии Сибири, которые в корне изменили отношение к этому походу собственно московской власти. В наказе послу Луке Новосильцеву в 1585 году в Литву сообщается: «преж сего на Сибирском царстве цари бывали из рук государей наших и дань давали...и нынешней Кучум царь посаженник был отца Государя нашего, да учал быть непослушен...и государя нашего отец за это...велел на него идти казакам своим Волжским и Казанским и Астроханским с вогненным боем.» [Памятники, 1851, с. 922]. Данный наказ представляет интерес с нескольких сторон. Помимо обычного констатирования давней зависимости Сибири от России, а также подчеркивания исключительно государственной инициативы в походе Ермака, обращает на себя внимание повеление казачьим отрядам, находящимся на царской службе, идти на Кучума. Та же идея просматривается и в наказе по поводу встречи посла германского императора в 1597 году: «посылал на Сибирь воевод своих и Волжских казаков» [Памятники, 1852, с. 466]. Интересно, что в ряде грамот к иностранным державам периодическое прослеживается тенденция к изменению степени государственного контроля над казаками. В наказе послам в Швецию от 1585 года царь «повелил на Сибирь идти казаком», то есть разрешил, позволил, что подразумевает их инициативу [Преображенский, 1972, с. 48].

Еще один спорный вопрос на данный момент в истории похода Ермака связан с причинами поражения Кучум-хана. Среди высказываемых предположений можно привести несколько и наиболее популярное – превосходство русского вооружения и опыта казаков перед примитивной техникой сибирских татар. Данная точка зрения особенно характерна для Сибирских летописей. Так, например, в Строгановской летописи, описывается эпизод, когда Таузак, один из сторонников Кучума, рассказывает ему как казаки демонстрировали стрельбу из ружей: «яко такови суть силини, егда из луков своих стреляют, тогда огонь пышет, и дым велик исходит и громко блескнет, аки гром на небеси; а как стрелы из луков их исходят, ино их не видять..... куяки и бахтерцы и панцыри и колчуги наши насквозь пробивают» [Сибирские летописи,

1907, с. 65]. В другом случае описывается путь казаков через засаду, организованную татарами возле Долгого яра, когда стрелы, летящие с берега, не могли причинить вреда казакам на стругах, что, правда, по летописи приписывалось божьей помощи [Миллер, 2005 а, с. 221, Сибирские летописи, 1907, с. 324]. В то же время, по мнению исследователей, и согласно некоторым летописям у Кучум-хана и некоторых его сторонников были пушки, которыми он не воспользовался, но это уже другой вопрос [Миллер, 2005 а, с. 254; Сибирские летописи, 1907, с. 330, 341; Трепавлов, 2012, с. 127–128]. Кроме того, артиллерия была уже давно в ходу в Бухаре, которая поддерживала связи с Сибирью, а ближайшие соседи Сибирского ханства – ногаи, иногда обращались к России с просьбами прислать «пищальников, да три пушечки и стрелцы» для ведения военных действий [Трепавлов, 2002, с. 279].

Скорее всего, в отличие от казаков у татар не было опыта в сражениях с огнестрельным оружием, поэтому они предпочитали тактику быстрых конных нападений небольшими отрядами, которая часто доказывала свою эффективность [Матвеев, Татауров, 2012 а, с. 180–182]. Кроме того, в противовес русскому оружию и доспехам, в местных татарских легендах подчеркивается мастерство татарских лучников и их храбрость, которые проявлялись в сражениях без специальной брони [Катанов, 2004, с. 151]. Хотя исследователями отмечается вера в магическую неуязвимость доспехов Ермака со стороны татар [Миллер, 2005а, с. 258–259]. По-видимому, это было связано с впечатлением о его непобедимости на фоне постоянных поражений Кучум-хана. Причем эта вера была распространена не только среди татар, но и у соседних племен, о чем свидетельствуют переговоры калмыцкого тайши Аблая с Россией по поводу получения доспехов Ермака для войны с казаками [Сибирские летописи, 1907, с. 347; Миллер, 2005 а, с. 259]. Таким образом, причина поражения войск Сибирского ханства от отряда Ермака заключалась, скорее всего, не совсем в военном превосходстве.

В связи с этим ряд исследователей выделяют несколько факторов, повлиявших на проигрыш Кучума в войне против Ермака, которые условно разделяются на внешние и внутрисполитические. К первым можно отнести практическую изоляцию Кучум-хана от помощи соседних политических объединений, которые выступали покровителями Сибирского ханства – Ногайская Орда и Бухар-

ское ханство. Причина этого заключалась в том, что они в тот момент сами испытывали затруднения в связи с внутренними проблемами в степи. Только в 1582 г. бухарский лидер Абдулла завершил затяжную борьбу с ташкентским Бабой-султан. Этот конфликт происходил на фоне массового притока населения из Казахского ханства, испытывавшего в это время внутренний кризис из-за гибели хана Хак-Назара. В свою очередь, он усугубился набегами на территорию казахов ногаев (в том числе и родственников Кучума Шихмамаевичей), которые также участвовали и в борьбе в присырдарьинском регионе. К тому же внутри самих ногаев назревал конфликт с Малой Ордой [МИКХ, 1969, с. 394; Исин, 2002, с. 112–113; Трепавлов, 2002, с. 369–374]. Кроме того, в Ногайской Орде в это время положение осложнялось внутренними распрями по поводу внешнеполитической ориентации правителей на Россию или на Бухару. Они проходили на фоне периодических и разорительных набегов казаков на столицу – Сарайчик и улусы, в том числе и в 1581 году, а также давления со стороны Москвы, которая перекрыла доступы к волжским переправам и настаивала на военной помощи в Ливонской войне [Исин, 2002, с. 112; Трепавлов, 2002, с. 369–371; ИКРИ, 2005, с. 176–178]. Отчасти этим может объясняться отсутствие ногаев в качестве военной силы у Кучума в момент битвы за Искер.

Другим немаловажным фактором поражения Сибирского ханства были внутренние причины, среди которых исследователи и источники отмечают, в частности, отсутствие (разгром) части войск, которые ушли в набег с сыном Кучума Али к Чусовой [Солодкин, 2010 а, с. 13], а также ранение во время сражения у Чувашского мыса главного военачальника Кучума Мамет-Кула [Сибирские летописи, 1907, с. 70].

Но главная причина, которая, по сути, и повлияла на поражение Кучум-хана, заключалась в особенностях внутреннего устройства Сибирского ханства. По мнению исследователей, Сибирское ханство представляло собой политическое объединение, состоящее из отдельных полунезависимых княжеств и улусов, которые возглавлялись беками и мурзами [Томилов, 1981, с. 29]. Связующим фактором между ними была выплата дани сибирскому хану и оказание военной помощи [Мартынова, 2002, с. 295]. В то же время существовал еще один элемент, без которого невозможно существование ни одного кочевого объединения – это объединяющий идеологический фактор.

Он основывается на восприятии подданными фигуры кочевого лидера, от правильности действий которого зависит не только благополучие людей в рамках одного коллектива, но и способность удерживать свою власть над этим объединением. Это достигалось несколькими способами и один из них связан с пониманием легитимности представителя правящей династии всеми группами населения. Для Сибирского ханства эта проблема могла усугубляться сохранением сторонников князей Тайбутидов, хотя в целом документы показывают, что Тайбутиг юрт был на тот момент еще на стороне правящего хана. Так, только в грамоте от 1585 года сообщается о появлении «Тайбутигского жеребья» среди ногаев [Трепавлов, 2011а, с. 74]. Определенный идеологический кризис в отношении кочевого лидера Чингисидов мог быть связан с тем, что Кучум-хан начал править не на землях своих предков в Тюменском ханстве, где издавна культивировались традиции почитания Шибанидов. Он пришел на новую, относительно слабо связанную с Чингисидами территорию. Положение, возможно, осложнялось и дополнительным разединением самой татарской общности из-за вытеснения части коренных жителей центра Сибирского ханства, пришедшим с Кучум-ханом смешанным населением [Томилов, 1981, с. 67]. Причем в дальнейшем, после разгрома Кучум-хана казаками, именно эта группа татар буквально разбежалась в разные стороны подальше от Искера [Томилов, 1981 с. 76; Сибирские летописи, 1907, с. 70].

Как поиски нового объединяющего фактора можно считать попытки исламизации Сибири Кучум-ханом, которые, впрочем, не успели принести особых результатов. Другим выходом из этого положения могла стать успешная политика, обеспечивающая потребности престижной экономики. Это достигалось демонстрацией щедрости хана к своим подданным, источником которой являлась развитие торговли и внутреннего налогообложения, а также активной внешней политикой, связанной с набегами. По свидетельству источников, существовали отдельные территории, фактически неподвластные сибирскому хану и полностью освобожденные от налогов, в частности упоминаемый в летописях Тарханный городок [Сибирские летописи, 1907, с. 321]. По мнению исследователей, правители этих областей стремились перейти на службу к русским, чтобы сохранить свое привилегированное положение [Томилов, 1981, с. 68]. В военных экспедициях Кучум-хан также не мог

похвастаться успехами, на фоне набегов ногаев на Казахское ханство. По всей видимости, его нечастые походы на русские пограничные слободы не смогли повысить его авторитет.

Таким образом, восприятие Кучум-хана населением Сибирского ханства как кочевого лидера с самого начала было связано с рядом проблем. Некоторым образом, эта ситуация отразилась и в татарских легендах, описанных у Г.Ф. Миллера и в Ремезовской летописи, в частности, в предании о сражении двух животных на острове, одно из которых предстает как Ермак, а другое как Кучум-хан [Сибирские летописи, 1907, с.328]. В данной легенде, вероятно, нашли отражение пораженческие настроения местного населения. С неверием в военную силу Кучум-хана можно связать и почитание татарами Ермака, который предстает как хитроумный и непобедимый полководец. Кучум-хан в этих преданиях сам признает свою слабость и добровольно уходит из Сибири под напором русских, а в других – по вилу рыбы предрекает приход и захват Сибири русскими людьми [Катанов, 2004, с.150–151].

Отсутствие объединяющего фактора в Сибирском ханстве выразилось и в отсутствии единства перед лицом внешней опасности как со стороны окружения Кучум-хана, так и иных местных лидеров. Если говорить о значении похода Ермака для Сибири, то, по сути, его главным значимым результатом было то, что он послужил толчком для начала крушения Сибирского ханства как политического объединения, показав его несостоятельность. Это выразилось в том, что после поражения на Чувашском мысу Кучум-хан не смог собрать силы для удара по зимующим казакам, что, скорее всего, не только принесло бы ему победу, но и повысило его авторитет как лидера. Тактика нападения отдельными отрядами явно не оправдывала себя, особенно в условиях явно крайне болезненно воспринятого пленения Мамет-Кула Ермаком на Вагае, причем после предательства татарина Сенбахты [Сибирские летописи, 1907, с. 138–139].

О российской позиции в отношении причин разгрома Сибирского ханства трудно судить объективно, так как информация об этом содержится, прежде всего, в летописных источниках и посольских документах. Причем если первые во многом отражали идеологическую позицию православия, то вторые были связаны с формированием геополитического концепта. Согласно летописям поражение Кучум-хана объяснялось, прежде всего, не столь-

ко превосходством русского оружия, а сколько победой православия над «бусурманской верой». В Сибирских летописях, нашла отражение заинтересованность в возвычении похода казаков, например можно, упомянуть постоянное подчеркивание миссионерской деятельности Ермака и значения завоевания Сибири как распространение православия на мусульманские и языческие народы. По сибирским летописям казаки предстают как «пострадавшие за православие» мученики, которых «посла Бог очистити место, где бытии святыне, и победити бусурманского царя Кучума, и разорити богомерзкие и нечестивые их капища и костелы...И от казаков поставишася грады и святые Божия церкви воздвигшася и благочестие просияша» [ПСРЛ, 1987, с.120]. При этом необходимо понимать, что в данном случае речь идет о создании идеологической концепции присоединения Сибирского ханства, а не о реальном христианско-исламском противостоянии. Последнее вряд ли возможно, при условии очень небольшого числа русского населения в Сибири на этот момент.

После поражения отдельные представители и группы угорского и тюркского населения ханства начинают покидать хана, в том числе переходя на сторону русских. Некоторые подобные примеры можно встретить и в местных легендах, когда от Кучум-хана, уходящего из Сибири под напором русских, отходят кордакские, аялыньские, туралские и барабинские татары [Катанов, 2004, с. 150]. При этом отдельные татарские и особенно угорские группы довольно спокойно восприняли смену правителя Искера, что, видимо, могло восприниматься просто как изменение адресата для выплаты дани. Как пример можно привести приход с продуктами остяцкого князя Бояра и возвращение татар, живших в окрестностях Искера. Также в летописях упоминаются представители кондинских татар, которые перешли на службу к казакам [Миллер, 2005 а, с.229–230]. Причем оба случая связаны с подчиненными когда-то Кучум-хану территориями по нижнему Иртышу и Конде. По мнению С.В. Бахрушина, более массовыми случаи перехода татарских и тюркских представителей становятся лишь после 1586 или даже в 1590-х гг. [Бахрушин, 1955,с.153–175]

При этом значительная часть населения предпочла откочевать подальше от русских на сторону Оби и ее притоков, причем исследователи отмечают, что большинство из них были с территории Тоболо-Иртышья [Томилов, 1987, с. 151, Томилов, 1981, с. 34]. Москва была в

курсе проблем Кучум-хана со своими подданными, о чем говорится в грамоте 1597 года царя Федора Ивановича к сибирскому хану, по поводу откочевки Тайбугина юрта: «Нагайские улусы Тайбугин юрт, которые кочевали вместе с тобою, от тебя отстали, на которых людей была тебе большая надежа» [СГГД, 1819, с. 134]. Примечательно, что возглавлять этот юрт поставили зятя и союзника Кучум-хана Ураз-Мухаммада [Трепавлов, 2002, с. 373].

В то же время нельзя однозначно говорить о том, что Кучум-хан совсем не пользовался никакой поддержкой у своих подданных. Источники сообщают, что с Кучум-ханом после сдачи Искера ушла часть знати и тобольских татар, проживавших вокруг столицы [Томилов, 1981, с. 76; Миллер, 2005 а, с.226]. Также по переписке сибирских воевод среди сторонников хана постоянно числились представители табынцев, аялыньцев и иных групп [Миллер, 2000, с.197, Татауров, 2011 б, с. 54]. Наличие у Кучума военных отрядов позволяло ему проводить самостоятельную военную политику. Она создавала сложную ситуацию на юге Западной Сибири вплоть до конца XVI века и заставляла признавать за Кучумом царский титул.

Завоевание Сибири позволило значительно повысить России свой статус на международной арене, что прослеживается в дипломатических документах. В частности, постоянно подчеркивается факт завоевания Сибири в наказах русским дипломатам, отправляющимся за границу. Причем упоминать об этом следовало настойчиво, даже если никто и не спрашивал. В наказе послу Ф.Д. Шестунову в Швецию указывалось: «А нешто спросят про Сибирь, а хотя и не спросят, а им в разговорех про Сибирь говорить...» [ИКРИ, 2005, с. 182]. Для посольских документов России в иностранные государства характерно изображение ситуации в Сибири, которое не совсем соответствовало действительности. Так, в наказах послам 1585 года ситуация в Сибири описывалась следующим образом: «...преж сего на Сибирском царстве цари бывали из рук Государей наших и дань давали...» [Памятники, 1851, с. 922]. Это было явным преувеличением, так как за всю вековую историю это относилось фактически только к шертям сибирских князей (но не царей) после походов 1483 и 1555 года, а также, возможно, к хану Кучуму в конце 1560–началу 1570-х гг. По сути, разрыв шерти (точнее отказ от ее окончательного подписания в 1572 году) со стороны Кучума позволял называть его в дальнейшем «царевым изменником».

Несоответствия имеются и по поводу покорности местного населения: «и Сибирская земля вся, и Югра, и Кондинской князь, и Пельмский князь, вогуличи и Остяки, и по всей Оби по великой реке все люди Государю добили челом и дань давать почали..» [Памятники, 1851, с. 922]. При этом еще во второй половине 1580-х–начале 1590-х гг. сопротивление русским продолжал оказывать не только хан Кучум и поддерживающие его тюркские группы населения, но и упомянутый в грамоте пельмский князь Аблайгерим [Миллер, 2005, с. 339–341].

В последующих грамотах 1586 года описываемые события обрастают еще большими подробностями, связанными со временем «взятия» Сибири и размером ясака: «А взял Сибирь великий государь...и великий князь Иван Васильевич всеа Руси.....царя Федора Ивановича прадед... и дань положил...А ясаку положил на Сибирское царство...на год имати на государя по 5 тысяч сороков соболей, по 10 тысяч лисиц черных, да по 500 тысяч белки ебольшие, сибирские и илецкие» [Преображенский, 1972, с. 49–50]. Интерес здесь представляют упоминание в отличие от грамоты 1585 года вместо семидесяти городов по реке Обь «на все городки на обские на девяносто и на четыре городь», а также построение русскими еще городков на месте Тюмени, в устье Иртыша и по Оби, где «государевы люди...сидят по тем городам и дань со свех тех земель емлют» [ИКРИ, 2005, с. 182; Преображенский, 1972, с. 49]. В грамотах 1585–1586 гг. могло присутствовать некоторое искажение действительности, так как при Иване III Сибирь еще не являлась подчиненной России. По всей видимости, Российское государство в данном случае для обоснования подобных заявлений опирается на факт признания подданства угорским князем Сибири в результате похода 1483 года.

В ситуации преувеличений в наказах и грамотах просматривается стремление Московия не только подчеркнуть богатство вновь приобретенного края [Бахрушин, 1955 а, с. 140]. Особенно убедительно подобные заявления звучали, когда они подкреплялись подарками в виде ценных шкур главам иностранных государств [Памятники, 1852, с.292]. Упоминание о многочисленных городках по Оби, в том числе и якобы вновь построенных русскими, можно связать со стремлением показать развитость оборонительной системы края, в условиях интереса к богатствам Сибири со стороны англичан и голландцев. Также это, вероятно, являлось отражением задач,

которые были поставлены перед посланным в Сибирь в начале 1586 года войском воевод Мясного и Сукина по постройке городов как опорных пунктов для контроля территории Сибири [Преображенский, 1972, с. 50].

Однако реальность середины 80-х годов XVI века состояла в том, что Сибирь еще не была покорена. На наш взгляд, также нет оснований говорить на данном этапе (до 1590-х годов) о мирном характере присоединения и массовых явлениях сотрудничества с русскими [Тычинских, 2010 а, с. 46–47]. В сибирских летописях и в работах Г.Ф. Миллера приводятся данные о том, что еще отряды казаков встречали на своем пути в Искер и позднее сопротивление местных жителей, правда, безрезультатное ввиду разрозненности их действий [Сибирские летописи, 1907, с.197–200; Миллер, 2005 а, с. 216–222, 236–237]. В пользу этого свидетельствует и то, что после убийства Ермака и большей части его отряда русские войска вынуждены были поспешно покинуть уже «покоренную» страну.

Наиболее сложная в этом плане история связана с деятельностью сибирского карачи и последнего Тайбугида князя Сейдяка, который поздней весной или летом 1583 г. пришел в Сибирь. После разгрома своего юрта карача отступил в Пельмскую землю. Затем думный карача Кучума выманил казаков атамана Ивана Кольцова из города и уничтожил весь отряд, после чего взял Искер в осаду и пытался его освободить «пришед Карача под Сибирь со многими вои и мноую гибелную поруху казакмо нанесе гибелно». В ответ на это Ермак совершил набег на его стан и убил двух сыновей. После этого Карача, видимо, объединился с Сейдяком, который до этого содержался в Бухаре у местного сейида и вряд ли мог ее покинуть без разрешения бухарского хана Абдуллы II. Чаще всего эти действия под влиянием летописцев описываются как постепенный уход от Кучума даже ближайшего окружения в процессе продолжающегося развала государства [Сибирские летописи, 1907, 73, 140, 340]. Однако, в 1584 г., по данным Ремезовской летописи, именно Карача, причем вместе с Кучумом, будет выманивать Ермака из Искера в засаду, в результате которой атаман и погибнет [Сибирские летописи, 1907, 341–343]. Представляется, что за этими событиями может лежать гораздо более сложная история, требующая дальнейшего изучения.

Одновременно с этими действиями борьбу за Искер вел и старший сын и наследник Кучума Али, уступивший город Сейдяку,

который «пришел во град и победив Алея и воинство его, и кровь отца своего Бекбулата отмстил, и прием отчину отцову, и пребываша во граде» [Сибирские летописи, 1907, с. 344–345]. По мнению Миллера, местные признали Сейдяка своим правителем и платили ему дань [Миллер, 2005 а, с.269].

В таких условиях в 1586 году, по мнению Г.Ф. Миллера, русским войскам пришлось практически заново завоевывать Сибирское ханство: «дело, правда надо было начинать сначала» [Миллер, 2005 а, с. 266]. По всей видимости, перед воеводами ставилась приоритетная задача закрепления русских на новой территории через построение крепостей и острогов для контроля над регионом, которая была ими выполнена соответственно изменившейся ситуации. Начало этому положил еще воевода И.Мансуров, который основал городок на Оби [Миллер, 2005 а, с. 265]. Воеводы В. Сукин и И.Мясной не пошли, как Ермак, напрямик захватывать Искер, они избрали другую тактику – планомерное и последовательное продвижение в сибирские земли с созданием опорных укрепленных пунктов – Тюмени, а воеводой Д. Чулковым – Тобольска [Миллер, 2005 а, с. 266–267, 269–270]. Причем по поводу последнего в летописях прямо указывается на царский наказ: «указ воеводе Даниле Чулкову: прислано 500 человек поставить град Тобольск» [Сибирские летописи, 1907, с. 349]. Именно появление после 1586 г. постоянных русских крепостей и начало процессов государственного освоения региона повлекло за собой переход местных татар на сторону Москвы с формированием на их основе служилых групп населения, что и стало более значимым фактором в решении вопроса присоединения территории Сибирского ханства.

В связи с этим необходимо остановиться на отношениях русских воевод с беком Сейдяком в Искере. В Сибирских летописях приводятся разные трактовки событий, связанных с пленением Сейдяка, казахского царевича Ураз-Мухаммада и Карачи. Согласно Строгановской летописи (по Толстовскому списку) Сейдяк выступает как защитник Сибири и независимости ее от русских: «князь Сейдяк Бекбулатов сын до Остяжской князь и с ними многое собрание Татар и Остяжков и Вогулич совокупишася вместе и умяслиша лестию и пришедше под град Тоболеск со множеством силы своея, хотящее во взяти и людей внем побити, рекуще тако: «Да не будут в нашей земли селитися Русстии людие»» [Сибирские летописи, 1907, с. 88]. Не совсем логичным в

дальнейшем выглядит согласие Сейдяка прийти на пир в крепость, причем в сопровождении немногих людей из окружения и безоружных [Сибирские летописи, 1907, с. 89]. Кроме того, вопрос вызывает и состав тех, кто был вместе с Сейдяком на подступах к Тобольску и на пиру. Так же вместе с Сейдяком был взят в плен некий Егитер, тогда как о казахском царевиче и Караче нет и упоминания [Сибирские летописи, 1907, с. 89–90], хотя именно они впоследствии оказались в Москве. По другой редакции Строгановской летописи Сейдяк напал на Тобольск и получил отпор от «Московстии же людие и Волсти казацъ», в результате чего, раненный был взят в плен во время вылазки, то есть здесь версия о пире и возможности мирных переговоров даже не рассматривается [Летопись сибирская, 1821, с. 64–65].

Существует и другая версия событий. Согласно Есиповской и Ремезовской летописям русскими было начато строительство Тобольска достаточно близко от Искера (в 12 верстах, по Есиповской летописи), что не вызвало видимых возражений со стороны князя Сейдяка и его приближенных. В летописях описывается, что в день пленения они забавлялись охотой с ястребами недалеко от Тобольска. Согласно Есиповской летописи вместе с Сейдяком было пятьсот человек военного сопровождения «воинских татар» или «воинских людей» [Сибирские летописи, 1907, с. 228, 257, 293, 304]. При этом в Есиповской и Ремезовской летописях, в отличие от одной из редакций Строгановской летописи, нет упоминания о присутствии остяков и вогулов, и даже «сибирских людей», также как и самого факта открытой агрессии в отношении русских. Возможно, присутствие значительного количества воинского сопровождения было своеобразной демонстрацией силы со стороны Сейдяка, чтобы разведать обстановку. Одновременно с этим публичная охота с хищными птицами, вероятно, могла служить дополнительным показателем власти [Пчелов, 2013, с.18–24], которую стремился продемонстрировать Сейдяк.

Сейдяк, а также его союзник Карача и казахский царевич Ураз-Мухаммад были взяты в плен на пиру, куда они приехали по приглашению Д. Чулкова, чтобы «жити им в мире...любезно да советуют и живут по братски заедино» [Сибирские летописи, 1907, с.350]. На основании данных фактов ряд исследователей делают выводы о том, что Сейдяк проявлял непростительную беспечность, доверяя русским, хотя это не вяжется с пред-

принятыми им мерами предосторожности, когда только на пир с сибирским князем поехали сто человек охраны, которую впоследствии разоружили [Сибирские летописи, 1907, с. 293, 350; Миллер, 2005 а, с.270]. Другие исследователи приписывают неосторожность Сейдяка тому, что у него были какие-то договоренности с русским правительством по поводу его правления в Сибири [Резун, Шиловский, эл.версия]. В связи с этим интересна точка зрения Н.А.Миненко по поводу того, что у Москвы имелись планы оставить наместником Сибирского ханства кого-то из прежних владельцев – Сейдяка или Кучум-хана – а после того как был выбран последний, Сейдяка обманом отправили в Москву [Миненко, 2000, с.65–66]. Хотя обе эти версии не подтверждаются источниками, тем не менее захват Сейдяка и расправа с его сопровождением позволили решить вопрос с одним из очагов потенциального сопротивления. Согласно Есиповской летописи после пленения Сейдяка оставшееся население Искера поспешно покинуло столицу: «Услышавшее же сия оставши... во граде Сибири, бежаху и сии невозвратным бегством страха ради великого и никтоже остана от них ни един» [Сибирские летописи, 1907, с. 231]. Причем согласно Ремезовской и Кунгурской летописям население бежало к Кучум-хану, который в это время находился на Вагае [Сибирские летописи, 1907, с. 350; Кунгурская летопись, 1880, с.34].

На наш взгляд, причина бездействия Сейдяка могла быть связана с тем, что при Едигере Сибирское княжество официально являлось вассалом России. На продолжение отношений в подобном статусе, возможно, и рассчитывал Сейдяк, идя, по приглашению, к Чулково. Факт захвата в плен Сейдяка и Карачи, также как и ранее Маметкула, использовался в русской дипломатии для создания нужного впечатления о России у представителей иностранных государств, как о великой державе, милостиво относящейся к знатным пленным врагам, которые добровольно переходят на службу к русскому царю.

В грамотах и наказах послам, начиная с 1585 года, обязательно подчеркивается этот факт. Например, в дипломатических документах по поводу Маметкула встречается следующая информация: «а его самого жива взяли и к Москве ко государю привели, и ныне сибирской царевич на Москве» и «у государя нашего служит» [ИКРИ, 2005, с. 182]. Причем Маметкул выступает в грамотах как опасный

противник с большим войском: «больши десяти тысяч», которых побили русские войска [ИКРИ, 2005, с. 182]. О его высоком положении в Москве говорит и то, что на приемах послов из иностранных держав он сидел по правую руку от царя [Памятники, 1852, с. 486]. В отношении Сейдяка и плененных с ним карачи и казахского царевича Ураз-Мухаммада, в дипломатических документах они упоминаются не так часто, но зато предстают не как пленные, а как добровольно перешедшие на службу к русскому царю, причем по собственной инициативе: «и Ураз-Магмет царевич и Сейтяк князь приехали ко государю нашему» [Памятники, 1851, с. 1121].

К сожалению, мы не располагаем данными о дипломатических отношениях Русского государства и Кучум-хана с 1577 по 1597 год. Это, возможно, связано с тем, что после переговоров между русским государством и сибирским ханом установился относительный мир, который без необходимости никто на тот момент не стремился нарушать. Впоследствии, уже после 1582 года, в связи с походом Ермака и набегам сибирских людей на Русское пограничье, Москва заняла выжидательную позицию в отношении самого сибирского хана, реагируя соответственно изменяющимся обстоятельствам. В то же время необходимо учитывать, что подчинение Сибири, хотя и не на момент похода Ермака, все-таки рассматривалось Русским государством как перспективное направление, о чем свидетельствуют щедрые пожалования земель Строгановым [Миллер, 2005 а, с.328, 331, 334]. Поэтому после разгрома Сибирского ханства казаками Ермака Москва вполне оперативно посылает в Сибирь воевод для установления жесткого государственного контроля. Также и после ухода русских войск из Сибири московское правительство предпринимает шаги повторного завоевания Сибири.

Примечательно, что после пленения Сейдяка и тем самым устранения возможных претензий с его стороны и даже гораздо ранее – при Ермаке – Россия не стремилась предпринимать какие-то действия по поимке Кучум-хана, видимо, считая его уже списанной политической фигурой, что неоднократно подчеркивается в наказах и грамотах к послам: «Сибирского Кучума царя побили и с Сибири согнали», а Кучум-хан «побежал в Казацкую орду» [Памятники, 1851, с. 922]. Характерно, что его жизнь после разгрома от казаков характеризовалась в международной переписке как «казачество» [Трепавлов, 2012, с. 11]. По

мнению В.В. Трепавлова, он стал кочевать на юге, где продолжал контролировать часть кочевых татар, своих улусных людей «..убежа не со многими людьми и добыже до улуса своего» [Трепавлов, 2012, с. 16].

Несмотря на то что он кочевал достаточно близко от новых русских владений, каких-либо активных действий против него в это период не предпринимали. Москва не стремилась возобновлять отношения с беглым ханом, который выступал в грамотах как «посаженик», «ослушник», и «изменник» [ИКРИ, 2005, с.182, 201, 202]. Тем не менее велась целенаправленная работа, чтобы любыми способами лишить Кучум-хана какой-либо поддержки со стороны местного населения. Это видно из текстов шерстных грамот для сибирского населения, относящихся еще к походу Ермака, в которых одним из обязательств было не вступать в контакты с беглым ханом: «и самем им не изменить, к царю Кучуму и в иные орды и улусы не отъехать» [Сибирские летописи, 1907, с.208; Конев, 2005, с. 176].

Как показали дальнейшие события, сибирский хан не собирался сдавать позиции, о чем свидетельствует активизация его деятельности в начале 90-х годов XVI века. Упоминания о его возвращении в бывшие сибирские владения относятся, по мнению исследователей, только к 1590 году, когда он попал на ряд татарских поселений возле Тобольска и на Каурдакскую и Салымскую волости [Миллер, 2005 а, с.272; Сибирские летописи, 1907, с.351]. Причина подобной задержки неизвестна, но можно предположить, что хан решил выждать и собраться с силами. А.В.Матвеев и С.Ф.Татауров высказывают предположение о том, что Кучум-хану также приходилось тратить силы для создания укрепленных поселений в Прииртышье [Матвеев, Татауров, 2012 а, с.205–221].

В этот период сибирскому хану, видимо, все-таки удалось найти союзников среди ногаев. Еще в 1587 году ногайский зять Кучум-хана Ураз-Мухаммад просил Москву «Кучуму царю Сибирь...назад отдати, а на него что будет ясаку платить и он даст» [Трепавлов, 2002, с.373, Кочекаев, 1988, с. 57]. Вместе с ногаями Кучум упоминается в грамотах и наказах с 1593 года, «..чтоб Кучум царь, собрався с нагайскими людьми..», «Кучумом и нагайского Алея мурзы» [Миллер, 2005а, с.347, 357]. В грамоте 1597 года к тарским воеводам он сообщает: «а с Нагаи есмья в соединенье» [СГГД, 1819, с.130].

В ответ на набеги Кучум-хана в 1591 году русскими воеводами был организован поход, в результате которого были захвачены его сын и две жены: «воевода князь... собрався с ратными и с тарскими и с Татарами... гна в след Кучумом... и нападоша... и побиша многих и взиша полону сына его и две жень». Далее упоминается, что Кучум с остатками войска и «не со многими Татарами», а также с остатками семейства «утече на Калмытской рубеж» в верховья Иртыша, Оши и Камышлова, где «живяше скрытно и пакостяше Руским и ясачным» [Миллер, 2005 а, с.273, Сибирские летописи, 1907, с. 351].

В грамоте Строгановым от 1592 года содержатся указания на опасность нападения сибирских людей на Пермь: «взяти ..для сибирских татар приходу, 100 человек ратных людей... отвести в Пермь Великую» [Миллер, 2005а, с. 338]. Несмотря на упоминания о сибирских татарах, на наш взгляд, вряд ли можно связать этот поход с Кучумом.

В следующей грамоте 1592 года упоминается о войне против Пельымского князя, и, судя по тексту документа, Москва предпринимает решительные шаги для усмирения возможного союзника Кучум-хана – Пельымского князя Аблегирима, – для чего на его землях строится город Пельым. С самим князем и его семьей предполагалось не церемониться: «приманить Пельымского князя Аблегирима, да сына его большаго Тагая, да племянников его да внучат...приманив, извести, и лутчих его людей, которые самые пушье, от которых смута была..», «и жоны и дети их и люди воевать и побивать, и городок его жечи» кроме младшего сына с его семьей, которые должны были стать аманатами в Тобольске [Миллер, 2005 а, с.340–341]. По всей видимости, в этом проявилось давнее желание русского государства навсегда успокоить беспокойное княжество.

Против самого Кучума также предпринимаются решительные действия. Как форпост для защиты ясачного населения от набегов Кучум-хана на реке Таре в 1594 году был построен Тарский острог, чтобы «Кучуму царя истеснить» [Миллер, 2005 а, с.347]. Необходимость подобных действий была вызвана деятельностью Кучума по притеснению и уходу ясачного населения. В грамоте 1593-1594 года, в которой, в частности, упоминается о фактах двойного ясачного обложения населения Тарской волости со стороны Кучум-хана и русских воевод: «а ясак с тех волостей дают половину на государя, а другую половину дают царю Кучуму, блю-

дяся от него войны» [Миллер, 2005 а, с. 352]. В 1595 году сын Кучума Алей увел ясачных татар Аялымской волости в верховья Иртыша в Черный городок, как только стало известно, что русские собираются строить там город. В результате чего русским пришлось сжечь Черный городок и с боем возвращать ясачных людей [Миллер, 2005 а, с. 358–359].

Таким образом, отношения, установившиеся между русскими воеводами и сибирским ханом, были достаточно враждебные с обеих сторон, хотя Москва не оставляла надежду мирным путем разрешить ситуацию. Это было вызвано, на наш взгляд, несколькими причинами, в том числе и стремлением избежать большого количества людских потерь, при наличии значительных сил у Кучум-хана, до окончательной постройки и укрепления Сибири. Опасения по поводу его нападения просматриваются на протяжении текстов грамот 1593–1595 годов: «им от Кучума царя иди с великим береженьем, и от него беречись, чтоб на них не пришло», «и от Кучума царя беречи накрепко», «от Кучума царя и от нагайских людей» [Миллер, 2005 а, с. 347–349, 359]. Кроме того, опасения со стороны русских были вызваны тем, что в 1596 году Кучум пытался заручиться поддержкой в Бухаре или у отдельных ногайских кланов, в результате чего мог сложиться трехсторонний бухарско-сибирско-ногайский союз, который не состоялся по причине разгрома Кучума в 1598 году и его смерти [Беляков, Масложенко, 2016, с. 235, 237].

Необходимо отметить, что Москва все-таки не оставляла надежд получить Кучум-хана в виде подданного, власть над которым значительно повысила бы авторитет России на международной арене, особенно учитывая постоянное подчеркивание покровительства Москвы над знатными сибирскими пленниками в международных дипломатических документах. Переход Кучум-хана в российское подданство также в какой-то мере решал проблему его вмешательства в ход дальнейшего завоевания и освоения Сибири русскими. Поэтому в документах 1593–1594 годов русским воеводам при строительстве города на реке Тара предписывалось не только опасаться набегов Кучум-хана, но и уговаривать его перейти в русское подданство: «...а будет добьет челом и договор станет, и сына царевича даст в заклад, и отпустит ко государю к Москве...» [Миллер, 2005 а, с. 348]. Причем продолжать это следовало, пока не будет окончательно укреплен острог и собраны необходимые силы для его окончательного разгрома: «А Кучуму

царю сперва приказывать...и его оплашивать, покаместа город укрепится», «а как город пойкрепят, и ...над Кучумом царем промышлять большими посылками» [Миллер, 2005 а, с. 348–349]. Причем предписывалось ослаблять силы сибирского хана, переманивая его «лучших людей» на русскую сторону: «а от Кучума царя лутчих людей отговаривать, чтоб ехали к государю служить...а государю им великое жалование будет» [Миллер, 2005 а, с. 349]. Этим же целям служили: перевод ясачного населения, платившего дань Кучум-хану, в полное подданство России, а также вытеснение его из других ясачных областей: «а которые ево волости по Иртышу ... и в те бы он волости царь однолично не вступался и их от Кучума царя беречи накрепко» [Миллер, 2005 а, с. 349, 352].

Успешные действия Москвы в Сибири не могли не обуславливаться и политической ситуацией в степях. Для достижения своих целей Московское государство стремилось использовать свое значение на этой политической арене. Как усиление московского фактора во взаимоотношениях с объединениями Дешт-и Кипчак можно рассматривать почти полное подчинение к концу XVI века Ногайской Орды. Это было обусловлено сильной экономической зависимостью от Москвы, которая фактически контролировала переправы и доступы на рынки; не последнюю роль сыграли также и периодические разорительные набеги казачьих отрядов [Трепавлов, 2002, с. 620], хотя окончательной зависимости Ногайской Орды Москве не удалось добиться. Об этом свидетельствует поддержка частью ногаев Кучум-хана, в частности мирзой Алеем, который, скорее всего, был недоволен русским наступлением на подвластные ему территории, возможно, пожалованные Кучумом в обмен на поддержку [Миллер, 2005 а, с. 52, 362]. Тем не менее в грамотах послов в Швецию 1585 года сообщается, что: «Казачие Орды царевы Акназаровы дети...приехали служить ко государю нашему. А Нагайская Орда в государя же нашего воле...» [ИКРИ, 2005, с. 183]. В грамоте присутствуют некоторые преувеличения, встречающиеся в подобного рода документах и призванные придать вес московским царям перед противником в Шведской войне: «и государю нашему нечего страшитца государя вашего», в частности, упоминание о том, что «люди нагайские ходят на государя нашего службу скольким тысячам велит», несмотря на это, грамота, скорее всего, отражала действительную ситуацию. Например, это

связано с восстановлением русско-казахских отношений с 1585 года, и особенно с 1594 года, в связи с завоевательной деятельностью бухарского хана Абдуллы II [Исин, 2002, с.117; Апполова, 1976, с.31; Басин, 1971, с.89]. Она вызывала беспокойство со стороны казахов: «а с бухарским царем теперь в ссылке и под его царскою рукою» [КРО, 1961, с.3]. Но им была необходима поддержка Москвы даже в виде подданства для решения данной ситуации: «...государь пожалует...примет...под свою царскую руку...и...даст...огненного бою и царь Тевкель и царевич станут воевать бухарсково царя» [КРО, 1961, с.3]. Естественно, что до согласования всех сторон договора переговоры велись в строжайшей тайне с обеих сторон [ИКРИ, 2005, с.200]. В данной ситуации русские дипломаты стремились использовать Казахское ханство для совместной борьбы с Кучум-ханом: «и вы с тою нашею ратью учнете над бухарским и надо всеми своими недругами и над нашим непослушником над Кучумом царем нашим делом промышляти» [История Казахстана, 2005, с.203]. Интересно то, что в дальнейших грамотах «непослушникам» назван и бухарский хан, не имеющий вассальных отношений с Москвой, которая тем самым стремилась повысить свое положение в глазах Казахского ханства [ИКРИ, 2005, с.205].

Дополнительной мерой убеждения являлся и проверенный способ воздействия через пленных родственников, в качестве которого выступал захваченный с Сейдяком «казацкий царевич» Ураз-Мухаммад, племянник казахского хана Таввакулла, и его семья [КРО, 1961, с.12]. В обмен на подданство и другого царевича в качестве аманата, царь обещает отпустить Ураз-Мухаммада вместе с семьей в Казахское ханство [ИКРИ, 2005, с.203]. Судя по грамотам высокое положение, которое занимал Ураз-Мухаммад при царском дворе, было одним из способов воздействия на казахского хана: «брат ваш Урусмагмет царевич у нас...пожалован по его достоинству многими вотчинами и поместья, и деньгами, как и иных великих государей дети цари и царевичи у нас...бывают пожалованы» [ИКРИ, 2005, с.202]. В частности, послом императора Рудольфа Николаем Варкачи отмечено, что при его аудиенции у русского царя в 1595 году: «от Государева места по правую сторону сидел Казацкий орды царевич Ураз-Магмет» [Памятники, 1852, с.91–92].

Но, ведя переговоры о подданстве, Русское государство не вполне доверяло будущим союзникам и опасалось возможных контактов

казахов с сибирским ханом. В наказе послу Вельямину Степанову, который ездил к казахскому хану, чтобы обговорить условия принятия подданства, было указано выяснить, есть ли какие-то отношения между казахами и Кучумом и бухарским ханом: «Да и того...приведати, с кем Тевкель царь и царевичи ныне в ссылке, с которыми государи, и от бухарского и от изюрского, и от Кучума царя к ним присылки нет ли и будет есть, и о чем ссылаются» [ИКРИ, 2005, с.201]. Опасения по поводу Кучума были и при отправке посольства в 1595 году к казахскому хану. Вызывала беспокойство возможность безопасного прохода по территориям, по которым кочевали Кучум-хан и ногаи: «которые места лутче, и от Кучума царя и от нагаи прой-ти безстрашно» [ИКРИ, 2005, с.199].

Принятие подданства Казахским ханством позволило еще больше повысить свой статус среди других государств. В 1595 году при встрече посла персидского шаха русским дипломатам велено было говорить, что «многие государства поклонились к государю нашему и учинились под его царскою рукою: Казацкая и Колмацкая Орда и иные многие государства» [ИКРИ, 2005, с.195].

Возвращаясь к Кучум-хану, нужно отметить, что он в это время оказался в невыгодном положении, так как реально не имел средств для того, чтобы удерживать своих многочисленных подданных в подчинении. Это было связано с той же системой престижной экономики, которую не могли обеспечить набег на ясачное население и окрестности русских городов. О его крайне бедственной ситуации свидетельствует то, что он захватил ряд территорий, принадлежащих его же покровителям Шихмамаевичам, что не могло не вызвать недовольства с их стороны. Об этом сообщается в увещательной грамоте Абдуллы II, который выступал посредником в данном конфликте и выдвигал идею о совместных действиях ногайско-сибирских сил против русского завоевания Сибири: «Слышали есмь что вы взяли землю Авлия мирзину. А годное было то, чтоб вам помиряся, да у кафыреи землю свою поимати. А толко по тому не станете делать, и кафыри вас осилеют и обезчествуют» [Трепавлов, 2002, с.374]. Возможно, с этим конфликтом могла быть связана откочевка с 1595 года некоторых представителей ногайской и сибирской знати от Кучум-хана, что еще больше осложняло его положение: «выехал в новый город на Тару Чин мурза и с женою, да с ним де выехала Маметкула царевича мать» [Миллер, 2005 а, с.361]. Об этом

же писал в своей грамоте русский царь к Кучум-хану в 1597 году: «а Чин мурза отъехал к нашему Царскому Величеству...а достальные твои люди от тебя пошли проч с Царевичи с Канаем да с Ыделином, а иные пошли в Бухары и в Нагаи и в казацкую орду, а с тобою ныне люди немногие» [СГГД, 1819, с. 134].

Кроме того, надежды Кучума на помощь не оправдал и его бухарский покровитель Абдаллах II, который не мог или не хотел оказывать таковую. Как писал Абдаллах II: «...а что еси просил у нас рати, и мы в те поры были в войне, для того и не послали есьмя...» [Материалы, 1932, с. 57, Трепавлов, 2002, с. 374].

В данном случае Кучум-хан оказался втянутым в конфликт Русского государства и Бухарского ханства, связанный со столкновением интересов как в сфере распределения влияния в степях, в том числе и по отношению к Сибирскому ханству, так и на конфессиональной почве. Первое проявляется в тайных переговорах Москвы с казахами по поводу нападения на Бухару и Кучум-хана и в одновременном призыве Абдуллы II к отвоеванию Сибири соединенными ногайско-сибирскими войсками. Второе просматривается в выражениях, которые используются обеими сторонами в дипломатической переписке с союзниками: упоминание о победе неверных в случае раздоров среди мусульман Абдуллою II в грамотах к ногаям и Кучум-хану [Трепавлов, 2002, с. 374]; и констатация покорения мусульманских ханств – Казанского и Астраханского – православными в переписке царя Федора Ивановича с Кучум-ханом: «ведаетшь и сам, какие были мусульманские..Государства, Казань да Астрохань, и те...з Божией помощью отец наш...поимал» [СГГД, 1819, с.134]. О значении подобного противостояния для мусульманских государств свидетельствует интерес, проявляемый, в частности, османскими хронистами к событиям в Сибири. В восприятии историка Сейфа Челеби Кучума никто не изгнал из Искера, он был взят кафирами (неверными) в отсутствие хана, и потом Кучум-хан вновь завладел Искером. Интересно, что в мусульманском мире владетелями Сибири признавались только Шибаниды: «Предки Кучум-хана господствовали над той страной со времени Чингиза» [Султанов, 2005, с. 261].

Тем не менее Москва продолжала опасаться возможных нападений со стороны Кучум-хана, что выражалось и в контроле за бухарскими и ногайскими купцами, которые приходили торговать в русские города Си-

бири. При этом существовала насущная необходимость установления торговых отношений для нормального функционирования хозяйственной жизни этих городов, поэтому желание купцов торговать приветствовалось и поощрялось, даже когда отношения между Русским государством и страной, откуда пришли торговцы, были напряженные, в данном случае с бухарцами. Тем не менее русские власти не забывали и об осторожности, указывая, чтобы во время прихода купцов у них создалось впечатление многолюдности и укрепленности городков, и, не допуская контактов купцов с местными жителями: «писали к нам из Сибири ... что Кучум царь с бухарцы и с нагайцы ссылается и умышляет вместе и хотя на наши на сибирские города приходи-ти» [Миллер, 2000, с. 176–177].

В 1595–1596 годах тарскими воеводами были совершены походы против Кучум-хана и подвластных ему улусов [Миллер, 2005 а, с.289–290, 362]; практически в это же время был разгромлен селькупский князь Пегой Орды Воня, который готовился к нападению на Сургут, и, является, по мнению исследователей, еще одним союзником Кучума [Головнев, 1995, с.98–99, Трепавлов, 2015, с.272]. После его поражения хан пытался найти поддержку в кочевьях чатов. В конце 1596 г. в Москве стало известно, что «Кучюм царь стоит в Чатах на Оби реке на острове, а с ним деи || людей его Кучюмова двора человек с 50, а надеетца деи Кучюм царь на чатских людей, а в Чатах де людей которые на конь сядятца человек с 1000-ю» [Материалы, 1932, с.298]. Интересно то, что ранее чаты поддерживали казахских ханов, при этом одна из жен убийцы Ахмад-Гирея хана Шигая была родом из чатских татар [Атыгаев, 2007, с.58–59]. Однако из этого союза также ничего не вышло, хотя один из чатских мурз Кожбахтыг еще пытался встретиться с Кучумом уже после его поражения в 1598 г. [Трепавлов, 2012, с.58].

Эта ситуация, скорее всего, вынудила Кучум-хана обратиться в Москву в 1597 году, судя по сведениям в грамоте от царя Федора Ивановича: «присылал еси... человека своего Магметя с грамотою». Исходя из текста грамоты, можно заключить, что Кучум-хан просил покровительства у Москвы, в обмен на возвращение Сибирского ханства: «чтоб нам...юрт твои тебе отдати, и племянника твоего отпустить к тебе, а ты в нашем Царском жалованье будешь под нашею Царскою высокою рукою» [СГГД, 1819, с. 133]. Русское государство с готовностью согласилось на эти

условия, причем предлагало или возврат Сибирского ханства, или наделение владениями в пределах России: «И мы... хотели тебя пожаловати устрои на Сибирской земле царем, как было тебе бити в нашем Царском жаловании вперед крепку и неподвижну» [СГГД, 1819, с.133–134]. Причем в грамоте 1597 года русский царь всячески подчеркивал свое благоволение и милость к Кучум-хану, покинутому своими людьми и родственниками. Подчеркивалось, что только из-за этого царь не отправил войска для его окончательного разгрома, надеясь на примирение; «а большие свои рати в Сибирскую землю на тебя, на Кучюма царя, послати есмя не велели для того, что ожидали есмя от тебя, от Кучюма Царя, обращения, чаяли того, что ты, зная свои вины и неправды... добьешь челом, и нашего Царского Величества жалованье на себе видети похочешь» [СГГД, 1819, с. 133]. Дополнительным стимулом для него, по мнению Москвы, должна была послужить грамота от его сына Абулхайра, который находился в плену в Москве. В этой грамоте царевич описывает милости к нему и Маметкулу русского царя и вкратце излагает московскую позицию по поводу предполагаемого сближения и условия, которые она при этом выдвигала: принятие подданства и посылание в аманаты другого сына [СГГД, 1819, с.131]. Но Кучум-хан, судя по словам Абулхайра, оставил ее без ответа – «и ты по той ... грамоте ничего не учинил» [СГГД, 1819, с.131], – несмотря на то, что к просьбам присоединялся и Маметкул.

Возможно, это было связано с невыполнением просьбы Кучум-хана, с которой он обращался к тарским воеводам. Подобное предположение можно сделать из его слов, когда он, проверяя истинность намерений Москвы на примирение с ним и возврата Сибирского ханства («Иртышского берегу»), просил вернуть ему лекарства, захваченные русскими с бухарским караваном, и некоторые вещи – «и вы ис тех вещей хоти и одну дадите, и ваше слово будет истинно; а будет не дадите, и слово ваше ложно» [СГГД, 1819, с.130]. Причем, он намеренно недвусмысленно оценивает свои взаимоотношения с Русским государством: «А от Ермакова приходу и по ся места пытался есмя встречно стояти; а Сибирь не яз отдал, сами естя звали. И ныне пытаем мирица, любо будет на конце лутче... и яз хочю правдою помирица, а для миру на всякое дело сходительство учиню» [СГГД, 1819, с.130]. Кроме того, судя по документам, в это период его активно поддерживал ногай-

ский мирза Аулия из Алтыулов, что вызвало реальные опасения со стороны русской администрации в возможности их совместного нападения [Беляков, Маслюженко, 2016, с. 237].

В 1597 году Кучум-хан совершает набег на барабинских татар, а в 1598 году, судя по сообщениям воевод, собиравшись напасть на Тарский город и его окрестности [Акты, 1841 б, с.1–2]. Для предотвращения этого против него был организован поход тарского воеводы Андрея Воейкова, который закончился полным разгромом Кучума 20 августа 1598 г. на р.Обь и захватом значительной части его семьи, позднее переправленной с большими почестями в Москву [Акты, 1841 б, с.1–20; Маслюженко, Рябинина, 2010; Маслюженко, Рябинина, 2011].

Необходимо отметить то, что Кучум-хан и после этого представлял большой интерес для России. Так, бывшему придворному сейиду Тул-Мамету, отправленному на переговоры с разгромленным ханом, было приказано убеждать Кучум-хана перейти на службу Русскому государству [Акты, 1841б, с.7]. Это было связано, скорее всего, с тем, что он продолжал представлять собой определенную опасность для продолжения освоения русскими Сибири в конце XVI века. Но Кучум-хан отказался от этого приглашения, видимо, не доверяя русским властям и подозревая их в обмане: «не поехал деи я к Государю, по Государеве грамоте, своею волею, в кою деи пору я был совсем цел, а за саблюю деи мне к Государю ехать не по что» [Акты, 1841 б, с.7]. Интересно, что Кучум-хан отправился именно к ногаям и послал своего сына в Бухару, к своим старым союзникам. Не исключено, что несмотря на свои заявления, что: «нынеча деи я стал глух, и слеп, и безо всякого живота» [Акты, 1841 б, с.7], он все-таки не оставлял надежды найти помощь, в том числе и военную, чтобы отвоевать свое ханство. Причем, возможно, что грамота 1598 года о смягчении ясачного сбора связана со стремлением не допустить перехода недовольных пельемских вогулов на сторону Кучум-хана [Миллер, 2000, с.180].

О дальнейшей судьбе Кучум-хана в источниках существуют разные сведения. Одной из первых в грамотах встречается версия, согласно которой Кучум после поражения 1598 г. либо утонул в реке Обь, либо переправился через нее и сбежал [Акты, 1841 б, с.3]. Другие сообщения показали, что первая версия не была правдивой, а хан действительно сбежал. Разброс точек зрения, встречающихся в источниках и у следующих за ними авторов, свидетельствует, о том, что однозначной ин-

формации о последних днях жизни Кучума не было уже в то время.

Некоторые исследователи придерживаются той точки зрения, что Кучум-хан бежал к калмыкам, где и был убит [Копылов, 1974, с.115]. Косвенно эта версия может подтверждаться информацией из грамот о том, что возле места, где был разгромлен Кучум и где находились «Кучумовы кочевья» в двух днях были обнаружены большие воинские силы калмыков [Акты, 1841 б, с.4]. По другим версиям, Кучум-хан «нашел свой бесславный конец среди башкир» [Атласи, 2005, с.93; Марджани, 2005, с.130]. В источниках мы находим другие сведения. Так, на расспросы посланного к нему сейда, Кучум-хан отвечал, что «нынеца деи я иду в Нагаи» [Акты, 1841 б, с.7]. Сибирские летописи также дают информацию о том, что после битвы 1598 года «Кучум царь утече с невеликими людьми...иде втай в Колмыцкую землю», где угнал у них лошадей, а далее «Царь же Кучум бежа в Нагаи» [Сибирские летописи, 1907, с.160–161]. Примечательно, что несмотря на разногласия с ногаями по поводу захваченных территорий, Кучум-хан все-таки надеется получить покровительство и помощь именно у ногаев, у которых уже до этого обосновались его дети Канай и Али [Трепавлов, 2002, с.375]. Их уход отдельно от Кучум-хана в Ногаи, возможно, свидетельствует о конфликте в ханской семье, так как в разговоре с сейдом Кучум-хан беспокоится только о своем сыне Асманаке, которого называет единственным кормильцем и промышленником [Акты, 1841 б, с.7], хотя в последнем бою Али был рядом с отцом, возможно, как и Канай, так как с Кучумовичами были захвачены их жены и дети [Акты, 1841 б, с. 3]. По всей видимости, они покинули Кучума уже после разгрома ставки в 1598 г: «Алей царевич с бою утек» [Акты, 1841 б, с.4].

Однако, по всей видимости, надежды Кучума на помощь не оправдались. Лидеры Ногайской Орды, не желая ссориться с Москвой по поводу сибирского хана, к которому у них и так уже имелись большие претензии, вероятно, решили воспользоваться случаем и избавиться от него, оказав тем самым услугу Русскому государству. Причем обе причины находят свое подтверждение в сибирских летописях: «ки тамо убиен бысть от нагаи, еже бо рекоша; «Яко русские вои уведают, яко ты аде пребываеши, да и нам такожде сотворят, яко ж и тебе» или согласно Ремезовской летописи: «ведомои ты и славной вор Муртазеев сын, и отец твой нам многа зла соделал, и ты, хотя и нищ, то же

и нам учинишь, что и протчие твои люди, от тебя же убиты напрасно и озлоблены» [Сибирские летописи, 1907, с 160–161, 352–353].

В историографии некоторыми авторами высказываются сомнения по поводу убийства ногаями Кучум-хана [Атласи, 2005, с.92–93]. Данное предположение подтверждается тем, что в дипломатической переписке с ногайскими биями нет никаких сведений об этом, несмотря на то что борьбе с Кучум-ханом уделялось столько внимания. При этом его старший сын Алей упоминается как хан только в 1601 году, то есть после смерти Кучум-хана [Миллер, 2000, с.196]. В любом случае после его ухода из Сибири Москва окончательно перестает воспринимать сибирского хана как перспективного партнера для переговоров, и отношения между ними прекращаются. В дальнейшем Сибирский юрт в начале XVII века в переговорах с Российским государством был представлен сыновьями Кучум- хана – Кучумовичами – Алеем и Ишимом. Поражение и смерть хана Кучума привели к началу постепенного южного продвижения русских, в частности, шерти подписали тюркские племена Приисетья. Тем не менее процесс присоединения и освоения русскими территории Сибирского ханства осложнялся потомками Кучум-хана еще на протяжении следующего XVII века.

В заключение можно сказать, что в отличие от развития отношений Российского государства и Сибирских Шибанидов конца XV века, данный период характеризовался значительными изменениями на международной политической арене степей. В частности, это проявляется на примере новых активных участников, например, Казахского ханства; а также перераспределением сил в пользу большего усиления влияния Российского государства. Отчасти с этим, помимо внутренних факторов, связано то, что Сибирские Шибаниды в этот период во многом потеряли то значение в политической жизни Дешт-и Кипчак, которое они имели во времена Ибрахим-хана. В данном случае борьба за лидерство в степях происходила в основном между Российским государством и Бухарским ханством. Можно сказать, что при этом Сибирское ханство и сибирские Шибаниды на наш взгляд становились причиной и способом разрешения различных спорных вопросов между этими двумя государствами.

9.2. КУЧУМОВИЧИ И ИХ БОРЬБА ЗА ВОССТАНОВЛЕНИЕ СИБИРСКОГО ХАНСТВА

Историю «бродячих царевичей» Кучумова дома нелегко назвать популярным объектом исследования интереса. С момента опубликования первой (и на данный момент – единственной) монографической работы по этой теме [Трепавлов, 2012], в которой автор был вынужден вместо внушительного историографического обзора ограничиться упоминанием пары-тройки статей, положение едва ли серьезно изменилось. Общий список статей, специально посвященных данной теме, не превышает и десятка [Васьков, 2010; Вершинин, 1998 б; Матвеев, Самигулов, 2015; Матвеев, Татауров, 2012 в; Почекаев, 2011; Сабитов, 2014; Трепавлов, 2011 б; Трепавлов, 2011 в; Трепавлов, 2011 г; Худяков, 2011]. И дело не в том, что мы, как правило, не любим изучать тех, кого считаем или считали врагами (слишком уж непривычно видеть в них людей), да, наверное, и не в том, что история безжалостна к проигравшим (а по факту – Кучумовичи проиграли). Мощная историографическая традиция приучила нас видеть в Кучумовичах лишь досадное (слава богу временное!) препятствие на пути уготованного самим ходом истории утверждения Российского государства в Сибири (ср.: «А что же Кучумовичи? Честно говоря, судьба потомков Кучума интересовала нас только как фрагмент российской истории, связанный с первыми десятилетиями освоения Западной Сибири» [Вершинин, 1998 б, с.63]). Царевичи Кучумова дома, как актеры давно идущей и всем уже порядком надоевшей пьесы, исправно играли несколько трагикомическую роль непримиримых борцов с русской властью, до самого конца не расстающихся с идеей восстановления независимой татарской государственности – Сибирского ханства.

Впрочем, уже первая монографическая работа, посвященная Кучумовичам, несмотря на ее вполне традиционно звучащее название (в связи с чем ее автору, В.В. Трепавлову, пришлось давать довольно обстоятельные разъяснения), постаралась отойти от заданного традицией канона. Будем считать, что наша работа – логическое продолжение начатого. Мы будем исходить из того, что царевичи – не борцы за идею, они, прежде всего, – люди. И история Кучумовичей – не история заранее обреченного на поражение, и потому героического или, в зависимости от установок, глупобессмысленного, сопротивления. Это история людей, попавших в особые обстоятельства, и

пытавшихся в этих обстоятельствах жить и действовать.

Еще одной особенностью данного варианта истории Кучумовичей является концентрация исследовательского интереса на характере отражения в источниках событий, связанных с именами царевичей, и попытке понять мотивы их поведения в тех или иных обстоятельствах.

Едва ли не первое, сохранившееся в делопроизводственной документации, упоминание Кучумовых детей является наказ кн. А. Елецкому на построение Тары, датированный приблизительно 1593-1594 гг. [Миллер, 1999, с.347–353]. Одной из главных задач, ставившихся перед Елецким советниками, было «Кучюма царя истеснить» [Миллер, 1999, с.347]. В этом контексте впервые появляются и его дети, пока лишь в качестве инструмента воздействия на поведение самого Кучума, в виде традиционного аманатства. Ему предписывалось говорить, будто «государь Кучюма царя хочет держать под своею царскою рукою, и сына к нему Облагаира (Абу-л-Хайра б. Кучума, захваченного в плен в 1591 году – В.П.) и людей [его], вперед пожаловав своим царским жалованьем, отпустит... А прислал [бы] Кучюм царь сына своего... царевича, чт[об] было не безчестно царю прислать к государю сына своего и с ним лучших людей дву-трех, а государь царь и великий князь тотчас пришлет ко царю к Кучюму сына его Облагаира и людей его с ним, котораго из Тобольскаго прислали» [Миллер, 1999, с.348]. Впрочем, правительство явно не рассматривало такой способ удержания Кучума от активных действий против русской колонии сколько-нибудь действенной мерой. Тот же наказ давал Елецкому возможность превентивных действий против Кучумова семейства: «А будет оплоша мочно над царем промышлять, и посылка больш[ая] с татарскими людьми послати, чтоб над Кучюмом и над его женами и над детьми промышлеть и извевати их накрепко» [Миллер, 1999, с.349].

Этот же наказ стал, по-видимому, одним из первых в ряду других актов того времени, предписывавших относиться с лаской и береженьем к инородцам, предоставлявшим важную информацию о Кучуме: «А которые князьки и таровые государю служат, и в город к воеводам приходят, и ясаки платят, и про всякие вести: про Кучюма царя и про его умышленье и про нагаи учнут приходя сказыв-

вати, и воеводе князю Федору и голове Василию тех татар поить и кормить государевым запасом, и береженье к ним и ласку держать великую и отпустить их к себе не задерживая» [Миллер, 1999, с.356]. По нашему мнению, именно в данной практике во многом заложена основа феномена «вестовых» заявлений от местных инородцев, создававших permanently тревожную психологическую обстановку в колонии. В целом же у сибирских татар и прочих инородцев не было веских причин идти за Кучумом [см.: Трепавлов, 2012, с.138–143].

До лета 1596 года царевичи, по-видимому, кочевали вместе со своим отцом, и о их самостоятельных действиях нам ничего не известно. Однако в конце июля того же 1596 года посланные для вестей вверх по Таре реке тарские юртовские татары принесли весьма любопытные известия: «был де у Кучюмовых людей с колматцкими людьми бой на Исек-Коле озере за то, что колматцкие люди хотели от Кучюма царя отъехать прочь, а было де колматцких людей у Кучюма царя человек с 30... и после де того погрому вскоре от Кучюма царя отъехали прочь 2 царевича, Канай да Иледен, а с ними де отъехали человек с 300 з женами и з детьми» [МИУТТ, 1932, с.297]. К сожалению, мы не имеем возможности узнать, находились ли эти события в непосредственной причинной связи друг с другом.

В течение следующего года положение Кучума явно выправилось. К нему вернулись оба отшедших царевича, а общее количество людей летом 1598 года языки оценивали в 500 человек [Акты, 1841б, с.2]. Полученная от них же информация о месте кочевания Кучума позволила тарскому воеводе А. Воейкову 20 августа совершить неожиданное, и оказавшееся весьма успешным, нападение на стан Кучума. В победной реляции воевода привел полный перечень своих «трофеев»: «Кучюма царя побил, и детей его царевичев и царич его поимал, и брата Кучюмова Илитен царевича, да сына Кучюмова Каная царевича, да двух царевичев, Алей царевича детей, на бою убили, да живых взяли Кучюмовых детей, пять царевичев Асманака, Шаима, Бибадша, Моллу, Кумыша, да восьм царич Кучюмовых жон, восьм царевых дочерей, да Осмей царевича... с сыном да с дочерью, да Чюрай царевича... Урус князя Нагайского дочь, с двумя дочерми, да лутчих людей Кучюмовых взяли на бою, князей и мурз пять человек, Байтерья мурзу с товарищи, да убили на бою шесть князей, князя Моймурата с товарищи, да десять мурз, Ахита мурзу с товарищи, да пять аталыков, Че-

гей аталыка, Кучюмова тестя, с товарищи, да полтораста человек служивых людей» [Акты, 1841б, с.3] В росписи взятым в плен членам Кучюмова семейства виден особый интерес к сыновьям Кучума, все они перечислены поименно, указан их возраст [Акты, 1841 б, с.4–5]. Удивляет то, что при наличии пристального внимания к плененным сыновьям Кучума, совершенно отсутствует видимый интерес к информации о не попавших в плен царевичах (это хорошо видно по перечню вопросов, которые должны были быть заданы пленникам) [Акты, 1841б, с.9]. Интерес к царевичам был не более чем интересом к трофеям. Сами по себе они субъектами отношений не воспринимались. Диалог собирались вести исключительно с Кучумом (ср. посылку сеита Тул-Мухаммада «сыскывать в Чаты и в Колмаки, и где он Кучюма царя найдет, и... говорить Кучюму царю, чтоб Кучюм царь ехал служить к тебе Государю» [Акты, 1841 б, с.3]).

Впрочем, некоторая информация о спасшихся от погрома Кучюмовичах стала известна от сеита Тул-Мухаммада, посланного осенью 1598 года к Кучуму с предложением выехать на государственную службу. По его информации вместе с Кучумом было три его сына (отсутствие их имен в отписке тарского воеводы еще раз показывает безразличие к оставшимся на воле царевичам; по идее в степи должны были остаться следующие сыновья Кучума: Алей~Али, Канай, Алтанай, Ишим~Иш-Мухаммад, Азим~Хаджим, Кедяй~Кедай, Кубей-Мурат, Чувак~Джувак~Шуак) и человек с 30 людей. Причем особое сожаление у Кучума вызвало пленение одного из старших его детей – царевича Асманака: «взяли деи у меня промышленника, сына моего, Асманака царевича; хотя бы деи у меня всех детей поимали, а один бы деи у меня остался Асманак, и яз бы деи об нем еще прожил; а нынеча деи я иду в Нагаи, а сына деи я своего посылаю в Бухары (скорее всего царевича Каная, мать которого жила в бухарском Сауране – В.П.)» [Акты, 1841 б, с.7].

К 1600 году исчезает какая-либо информация о деятельности Кучума (к этому времени он, видимо, умирает), но появляются сведения о самостоятельном кочевании Кучюмовичей, часто вместе с табынцами и сырянцами. Захваченный тобольскими юртовскими татарами на Ишине язык сообщил, что «они тобынцы, а ходят деи вместе с сырянцы; а сырянцов деи тобынцов бойца человек с полтретьяста, а с женами и с детьми человек с 300; да у них же де Кучюмовых детей 4 царевичи: Канай царевич, а иных де имена не сказывал»

[Миллер, 2000, с.183]. Этот же документ является, по сути, первым в длинной череде «вестей» о приходе царевичей под государевы волости: «у табинцов и у сырянцов ныне лошади худы, а как де у них лошади отъедятца, и он деи слышал у татар, что им приходить для добычи на тобольские да на тюменские волости» [Миллер, 2000, с.183]. Здесь же впервые фиксируется инициатива, исходящая от татар, по воеванию царевичей. Так, татарин Аиской волости Ураксул просил у уфимского воеводы М. Нагого людей на царевичей, а «сам де хотел нато на Белое озеро на царевичев вожевать», но получил отказ, в связи с тем, что «о том государева указу нет, что посылать за царевичи войною» [Миллер, 2000, с.184].

С начала XVII столетия происходит перераспределение сил на южной оконечности бывшего Сибирского юрта. Некогда могущественные ногаи, бывшие отчасти поддержкой Кучума, после кровавой междоусобной войны конца XVI века практически сходят с исторической арены [Трепавлов, 2012, с.63]. А новыми хозяевами западносибирских и южноуральских степей становятся ойраты, или калмыки, активно перекочевывавшие на эту территорию с востока. В этот сложный момент начинается и эпоха политических сношений русских властей с наследниками Кучума. Причем можно говорить, что именно в это время закладывалась основа тех процессов и событий, которыми будет определяться история взаимоотношений Кучумовичей с русской властью на протяжении большей части XVII столетия.

Осенью и в начале зимы 1600 года складывалась очень благоприятная ситуация для организации вполне мирных взаимоотношений с царевичами, причем сразу из нескольких центров русского присутствия в Приуралье и в Сибири – Уфы, Тобольска, Тюмени и, возможно, Тары.

Хронологически первой, если верить царевичу Канаю, была миссия некоего «Безелека абыза», посланного царевичами «ко государю из Чат... о себе бити челом, как государь их пожалует» не позже начала осени 1600 года, вероятно на Тару. Результаты ее неизвестны, поскольку по словам того же Канаю, «тот де человек их к ним назад не бывал» [Миллер, 2000, с.196].

Затем, видимо, инициатива переходит к Москве. Осенью 1600 года из Уфы были отправлены посланники звать царевичей «на государево имя». По результату этой миссии царевич Али «отпустил ко государю о себе и о братье своей бити челом государю брата сво-

его Ишима царевича, Кучумова сына» [Миллер, 2000, с.195].

Однако на этом весьма благоприятном для русской стороны этапе возникли первые признаки последующего обострения отношений с Кучумовичами. Видимо, той же осенью к царевичам были направлены и послы из Тобольска. В результате, по словам Канаю, «они де отпустили в Тоболск брата своего меньшова Кубей Мурата царевича (в отписке тобольского воеводы об отправке царевича в Москву тот назван Берди Муратом [Миллер, 2000, с.192]) на том слове, что, побывав де было царевичю в Тобольском городе и договор учиня о полону, и отпустить было царевича Кубей Мурата к ним назад на срок; и из Тобольского брата их Кубей Мурата царевича назад не отпустили, и тем де их ожестили, и они де ехати бояться» (В.В. Трепавлов полагает, что отправка Кубей-Мурата была хронологически первой, и ее крах привел к сворачиванию диалога [Трепавлов, 2012, с.65]; также он предполагает, ошибочно на наш взгляд, возвращение Кубей-Мурата в степь в следующем году [Трепавлов, 2012, с.77]).

Осенью-зимой 1600-1601 годов было осуществлено несколько посылок (как минимум две) и с Тюмени [Миллер, 2000, с.193–194, 196]. Однако, напуганные задержанием Кубей-Мурата, царевичи «в Тюменской город для того же не поехали, а послали... в Тюменской город лутчего человека своего Минлибая абыза ко государю о себе бити челом» [Миллер, 2000, с.196].

Кажется, что царевичи были готовы к новому формату взаимоотношений с Москвой в случае успешного завершения визита Ишима в Москву. Уфимский воевода убеждал царевича Ишима «чтобы они царевичи ко государю ехали безо всякого сумнения, а государь царь и великий князь Борис Федорович всеа Русии их пожалует своим государевым царским великим жалованием. И Ишим царевич... к братье своей с тем человеком своим, который его провожал до Уфы, приказывал и ерлык татарским письмом к ним за своим знаменем послал, чтобы они ехали все царевичи ко государю» [Миллер, 2000, с.195]. Царевичи, в свою очередь, не стали делать тайны из информации о месте своего зимовья (следовательно, не предполагали обострения отношений с Москвой), «а кочевать де им всем царевичам Кучумовым и наезжать себя велели на Тоболе реке, на Арал Карагае, от Каратабынские от башкирские волости ездю пять дниц» [Миллер, 2000, с.195]. При этом в Ка-

ратабынской волости устанавливалась некая контактная зона «для царевичевых приездов», где полагалось «стояти» уфимскому сыну боярскому Г. Артемьеву с татарами [Миллер, 2000, с.195]. Приехав в Каратабынскую волость, последние застали здесь четырех человек царевича Азима, включая его агалька Козембердея и Алебая абыза, которые просили «де ездя у башкирцев одежи и кормы» (либо ситуация с ресурсами у них была плачевная, либо, как полагает В.В. Трепавлов, здесь отражены мягкие формы ясачного сбора, осуществляемого царевичами с местного башкирского населения [Трепавлов, 2012, с.132]) [Миллер, 2000, с.195]. Уфимские посланники вместе с царевичевыми людмиотправились к царевичам Канаю и Азиму, которые кочевали в междуречье Ишима и Абуги со своими людьми табынцами [Миллер, 2000, с.196].

Однако готовность царевичей выехать на «государево имя» оказалась не столь твердой, ввиду того что «к ним де от братья их и от людей их, которых отпустили ко государю, вести никакие нет» [Миллер, 2000, с.196]. Отсутствие четких гарантий соблюдения условий «почетной капитуляции» (к чему, видимо, царевичи были в тот момент вполне готовы) русским правительством также налагало ограничения на готовность продолжать диалог. Уфимским посланникам Канай заявил, что «ему на Уфу на сей осени не езживати и брата своего Азима не отпускивати до тех мест до государева указу, как государь к ним пришлет указ свой, как им быти в государеве жалованье» [Миллер, 2000, с.196].

Ситуация определенной дезориентации царевичей в этот период хорошо маркируется сообщениями о каких-то трениях между ними, о рассмотрении ими возможных альтернатив русскому подданству, о потере людей.

Так, не совсем понятны взаимоотношения между царевичем Али и другими старшинами Кучумовичами. По сообщению уфимских посланников, «брат де их большой Алеий царевич Кучумов сын, а они де называют его царем, кочует от них в 5 дницах близко Сибири, к Тобольскому городу, а с ним де кочуют братья их меньшие и сырянцы и мякотинцы, а сказывают де с ним человек до 300 и больше, а зимуют де они в разни для того, что им, живучи вместе, прокормить нечем. И уфимские... татаровя Шугурда да Иселиман (посланники с Уфы к царевичам – В.П.) хотели ехати в зимовье к Алею царевичу, которого оне меж себя называют царем, а хотели де его звать на государево имя, и Канаю де да Азим царевичи их к боль-

шому к своему брату к Алею царевичу не отпустили, и вожей им не дали» [Миллер, 2000, с.196-197]. Это сообщение показывает, что наличие ханского титула у Али, нашедшее отражение в восточных источниках, а чуть позднее – и в сознании русского населения Сибири [Трепавлов, 2012, с.67–68], проистекало из распределения позиций старшинства у самих Кучумовичей. Однако, как мы видим, едва ли не первый же источник, фиксирующий ханское достоинство Али, показывает и весьма шаткое его положение в таком качестве.

К осени 1600 года относятся и едва ли не первые по хронологии известия о «выходцах» от царевичей (В.В. Трепавлов считает их выходцами от самого Кучума и связывает это событие с его смертью [Трепавлов, 2012, с.27]): «пришли де от Кучумовых детей в тое в Каратабынскую в башкирскую волость 20 семей башкирцев с женами и с детьми; а бывали де, господине, оне преже того тое же Каратабынские волости ясажные же башкирцы, были с Кучумом» [Миллер, 2000, с.197].

Рефреном последующего периода взаимоотношений царевичей с русской властью в 1601–1606 годах стали многочисленные «вести» об агрессивных планах «царевичей Кучумовых детей, Алея с братьею, и табынцев и сырянцев», намеревавшихся якобы приходить под города и на волости войною (интересно, что информаторы почти никогда не указывали конкретных целей предстоящих набегов царевичей, ограничиваясь абстрактными «городами» и «волостями») [Миллер, 2000, с.198, 209, 211–212, 221, 226]. При этом у нас нет ни одного документального свидетельства каких-либо агрессивных действий царевичей в указанный хронологический период. Поскольку в большинстве случаев источником «вестей» являлось ясачное население, можно предположить, что в основе данной практики лежали либо упомянутая выше материальная заинтересованность поставщиков «вестовых заявлений» (иногда сопряженная с прямыми доносами на своих соплеменников), либо, что более вероятно, – недалековидная психологическая обработка местного ясачного населения, производимая царевичами и их людьми при сборе ими ясака. Двоедничество зауральского тюркского населения, в виде ли полудобровольных платежей с юрт или «грабежа» ясачных на зверовьях, кажется довольно вероятным, несмотря на молчание источников [см. также: Боронин, 2002]. Адресность эпизодических нападений царевичей на ясачное население (почти всегда на определенные

юрты) также намекает на конфликты при сборе ясака. Угроза применения силы к ясачным, являвшимся теперь подданными Московского государя, заменяла Кучумовичам утраченную легитимность их требований. Все это искусственно создавало тревожную психологическую атмосферу в колонии и провоцировало русскую администрацию на мотивированно жесткое отношение к царевичам. Впрочем, панические настроения иногда охватывали и самих ясачных. Так, весной 1606 некий татарин, «Алеев человек», приехавший в Айскую волость Уфимского уезда «проведывать вестей», напившись пьян «сказывал, что Алей хочет приходить на уфинские волости ныне в весну в деловую пору или как трава с полколена будет; и Аиские де волости татарове и уфинские, слыша те весте, побежали в крепь с женами и с детьми, пометав свои животы, и за собою де пустили в степь пожары для следу» [Миллер, 2000, с.226].

Весь этот период, как свидетельствуют источники, царевичи продолжали поддерживать какие-то отношения с русскими властями. Характер этих отношений предполагал как посольские связи, так и отношения, напоминающие аманатство. В 1603 году упоминаются посланники царевича Али на Уфу и царевича Кедая в Тюмень [МИБ, 1936, с.154; Миллер, 2000, с.212]. Нерегулярность этих связей и проволочки со стороны русской администрации предопределяли необходимость получать актуальную информацию у местного ясачного населения. Такие посылки царевичей к ясачным, «для проведения вестей», в период 1603–1606 годов фиксируются неоднократно [Миллер, 2000, с.209, 212, 226; МИБ, 1936, с.154]. Интерес к связям с русской администрацией был связан с беспокойством царевичей за судьбу своих детей, братьев, жен и матерей, попавших в плен или отправленных «ко государеву жалованью» и находившихся ныне на территории Московского государства [Миллер, 2000, с.209, 223; МИБ, 1936, с.154]. Можно осторожно предположить, что во взаимоотношениях с Али использовались элементы аманатства. Так, в 1606 году, приехавший в Айскую волость «Алеев человек», «князем зовут», сокрушался, что «поехал де Алеев сын Араслан царевич к государю к Москве, а того де неведомо, жив ли он или умер, а брат де мой Барак в Тобольске, а Карлам Апас Азя на Тюмени умерли оба» [Миллер, 2000, с.226].

Может быть, именно с этим связана та осторожность, которой характеризуется поведение Али в это время. Оно разве что не

подчеркнуто предупредительное (ср.: «хотел де быть под Тюмень город Кедяй царевич, а с ним было де быть 100 человек, а проведать де было ему про посла своего Чирючая, и царевич де Алей Кедая брата своего унимал, а говорил де брату своему Кедяю Алей царевич: хотя де послать проведать про посланника своего про Чирючая, ино де послать человека с 2 или с 3» [Миллер, 2000, с.212]). Никак не прореагировал царевич Али и на ничем не мотивированное, по сути, нападение на своих людей в июле 1603 года. Незадолго перед этим появились слухи о намерении ногайского мирзы Уруса, зимовавшего «на Обуге реке близко Кучумова сына Алея с братьею», «приходить... войною ко государевым городом и на волости» [Миллер, 2000, с.209]. Повидимому, именно эти «нагайские люди» в первой половине июля 1603 года на речке Тогузак «побили Верхотурского уезда Терятской волости да Тюменского уезда Келдеманных детей и племянников», по собственной инициативе ходивших «за нагайскими людьми» [Миллер, 2000, с.210, 212]. Посланная 18 июля на это место проезжая станица, не доехав несколько верст до Уя, на речке Чарлаке обнаружила и разгромила сторожу царевича Али из 6 человек, взяв двух человек в качестве языков [Миллер, 2000, с.211].

Весной 1603 года вновь появилась информация о каких-то проблемах во взаимоотношениях царевичей. Информаторы из волостей Уфимского уезда сообщали, что «царевичи де Алей с братьею живут порознь, а Алей де кочует от Тюмени за 7 дней на борových на 5 озерах, а с ними де только сырнаныцы одне; а двор де Алеев, лутчие люди, с Канаем да с Азимом с царевичи; а Канай де живет на озере на Нарыме; а промеж де Канаем и Алеем ездю конем 5 дней; а двор де Алеев, лутчие люди, Алея царем не хотят звать, потому что мати его роду невеликого, а хотят де назвать царем Канаем» [Миллер, 2000, с.209]. Представляется, что истинной причиной потери царевичем Али авторитета у своего окружения и братьев были не обстоятельства его происхождения (ведь раньше они вроде особо не влияли на его положение), а его нерешительность во взаимоотношениях с русской властью, в каковых его братья и «лутчие люди», по-видимому, уже начали разочаровываться.

В этой связи представляет интерес информация, привезенная в октябре 1603 года посланными к царевичу Али с Тюмени «для вестей» конными казаками. Они сообщили сведения, якобы исходящие от аталыка Апаса

(аталыка с таким именем другие источники не знают; может быть он тождествен будущему аманату (?) царевича Али на Тюмени «Карламу Апасу Азе» [Миллер, 2000, с.226]): «сказывал де ему Степанку Апас аталык, что в царевичах шатость великая, а ждут де от государя царевича Кансувара да и цариц, а как де их государь пожалует, отошлет к ним царевича Кансувара да и цариц (по данным В.В. Трепавлова, царевич Ханчубар–Кансувар и «несколько насельниц ханского гарема») были отпущены в степь в том же 1603 году [Трепавлов, 2012, с.79]; возможно, тогда же вернулся в степь и царевич Ишим, – сохранилось фрагментарное упоминание весной этого же года о царевичах и царицах, «что едут с Москвы» [Миллер, 2000, с.209]), и царевич де Алей с братьею хочет отехать от царя дале, да и на государевы де ясашные волости и под города под Тюмень и под Тоболеск хочет быть войною сеи осени по первой пороше или весною в сев в яровой или в сноп» [Миллер, 2000, с.212]. Представляется крайне маловероятным получение именно такой информации от кого-то, близкого Кучумовичам, поскольку это по сути, развязывало руки воеводам в отношении царевичей, придавая любым их агрессивным действиям характер превентивной меры. Однако если целью этой акции было сознательное стремление обострить ситуацию, то она вполне могла исходить и из ближайшего окружения Али.

1607 год стал переломным моментом во взаимоотношениях Кучумовичей с русской властью. В марте на царевича Али был совершен поход с Тюмени (мотивы его нам не известны; возможно, он рассматривался в качестве превентивной акции по недопущению реализации агрессивных планов царевичей, известных по «вестям»), в результате которого в плену оказалась мать Али [Трепавлов, 2012, с.75], а источники фиксируют вынужденных «выходцев», выехавших на государево имя в Тюмень после погрома [Миллер, 2000, с.230–231]. Сам Али, ушедший на озеро Чигирлы, пригрозил «приходить воевати тобольские и уфинские и тюменские ясачные волости» [Миллер, 2000, с.231]. Царевичи получили весомый повод к обострению ситуации.

Вскоре угрозы царевича Али стали реальностью: в конце мая на ясачные татарские юрты Кынырского городка Тюменского уезда пришли «Кучумовы дети Азим да Ишим да Консювар царевичи, а с ними колматские люди и юрты их погромили, жены и дети их поимали... а то де он в разговоре у них слы-

шал, что Алей царевич стоит меж Кынырского городка и Кабычу, на речке на Липкине, а Канай да царевич да Пен мурза нагайской, а с ним 200 человек, пошли на тобольские волости» [Миллер, 2000, с.231]. По ближайшим городам и острогам были разосланы предостережения, а с Тюмени против царевичей были отправлены «литва», казаки, стрельцы и юртовские татары во главе с атаманом Дружиной Юрьевым [Миллер, 2000, с.231].

Пятым июля того же 1607 года датируются два события, очевидным образом находившиеся в прямой причинно-следственной связи. Первое – ложные вести о наблюдении людей царевича Али в непосредственной близости от Тюмени, второе – поход против Али тюменских служилых людей под командованием тюменского городского головы Н.М. Изъединова. Весть пришла «Тюменского уезду Катаргулова юрта от татар, будто перевозились Алеевы люди через Туру реку, ниже Тюмени... и мы по тем вестем послали на усть Тоболу проезжую станицу; и те весты пролгались, не бывало ничего» [Миллер, 2000, с.233]. Впрочем, ложность известий о приходе людей царевича Али под Тюмень отнюдь не стали препятствием для «ответных» действий со стороны сибирской администрации. В тот же день в поход против Али выступил с Тюмени голова Н.М. Изъединов со служилыми людьми. Найдя «Алея царевича и братьей его, жен и детей у Ишима реки, на бору Шамши, в кочевье», они взяли в плен «Алееву жену саму третью с детьми, да Азима царевича две жены да две дочери, да Алееву сестру... А Алея царевича с братьею в те поры в кочевье не было: ходил под Тару воевать, и пришел из под Тары, сошел меня на дороге на Кибирлы озере, и бился со мною по два дни, во весь день с утра до вечера, и после того шел подо мною три дни и воротился назад» [Миллер, 2000, с. 234]. Трудно сказать, насколько соответствует действительности информация о военных действиях Али под Тарой, сохранившиеся источники умалчивают об этом. Однако зная о том, что крупные акции такого рода обычно «находили повод» отложиться в источниках на протяжении десятилетий, молчание источников в данном случае кажется довольно красноречивым.

Вышедшие вскоре на Тару бывшие с царевичем Али татары сообщили, что «слышали де они у Алея з братьею, как де повоевали ево Алеев кош, жены и дети в полон взяли тюменские люди, и они де, Кучумовы дети Алей з братьею, поехали с того погрому – Алей в

Нагаи, а Озим в Казатцкую орду, а Ишим в Колмаки к тестю своему к Урлюку-тайши для людей, а хотели де бити войною осенью или весною на сибирские города на Тару и на Тюмень и на волости» [РМО, 1959, с.25]. Однако грандиозность перспектив не могла скрыть факта катастрофичности произошедшего.

Осенью того же 1607 года на государево имя в Тюмень и Тобольск вышло два десятка татарских семей и от царевича Азима (в том числе «царевича брата Азимова Чувака царевича тестя Евлубай Бекотин с женою и с детьми») [Миллер, 2000, с.239-240]. Имя его после этого исчезает из источников. Помимо Азима, в это время Сибирскую историю навсегда покидают и другие сыновья Кучума – Алтанай (по-видимому захвачен в плен), Канай (уехал в Бухару?), Ханчубар и Кедай (судьба их неизвестна).

Возможно именно то острое положение, в которое попали царевичи, заставило их все-раз обеспокоиться поиском новой опоры, которой стали ойраты (калмыки). Этот процесс хорошо отразился в отписке тобольского воеводы в том же 1607 году: «Кучумовы дети Алей царевич з братьею ссылаютца послы и сватаютца с колмаками и дары меж себя посылают многие, и тем чают вперед у них меж себя одиначества и свойства ближнева» [цит. по: Трепавлов, 2012, с.73].

По-видимому, весной 1608 года с Тары был совершен еще один поход на царевича Али. Царевича правда «не дошли», зато служилые люди погромили ряд калмыцких улусов, в том числе и улус торгоутского тайши Хо-Урлюка, где якобы были обнаружены вещи отправленных к нему и пропавших русских послов [РМО, 1959, с.29]. Если эта информация действительно отражает реальные факты, то убийство посланников вполне можно рассматривать как акт возмездия за набег русских людей на становище Али. Примерно в это время был захвачен в плен и сам царевич Али. Отрывочная информация об этом содержится лишь в поздних документах. Так, в челобитной 1622–1623 гг. тюменского конного казака Г. Иванова указано, что «его же де посылал на Алея царя боярин наши воевода Матвей Михайлович Годунов с воеводою с Назарьем Изъединовым, и того де Алея царя взяли и жон и детей поймали» [Миллер, 1999, с.447]. Однако весьма вероятное здесь совмещение реалей похода 1607 года с фактом пленения Али делает более заслуживающими внимания приведенные В.В. Трепавловым данные о пленении царевича Али тобольски-

ми конными татарами головы Ч. Александрова [Трепавлов, 2012, с.76].

С этого момента наблюдается определенное затишье в отношениях с Кучумовичами, вызванное, видимо, как состоянием источников, так и реальным уходом оставшихся царевичей «в тень» после случившейся с ними катастрофы 1607–1608 гг.

Следующий этап взаимоотношений с Кучумовичами связан с царевичем Ишимом и его детьми, а сами они оказались неразрывно связаны с новыми владыками степи – ойратами. Посольские связи московского правительства с последними и вывели царевичей из многолетнего забвения.

Весной 1616 года состоялось посольство «в Колмацкую землю» к «большому тайшо Богатырю Талаю-тайшу (Далай-Батыр – глава дербетов – одного из крупнейших ойратских племенных объединений – В.П.) и братье ево, и иным лучшим многим пашам, и Ишиму-царевичу Кучумову сыну», с приглашением их под «высокую государеву руку» и запретом на кочевание «блиско государевых сибирских городов без государева указа и без опсылки з государевым боярином и воеводою» [РМО, 1959, с.52]. Из расспросных речей в Посольском приказе русских посланников следовало, что «Ишим-царевич живет ныне в Колматцкой земле и кочует с колмаки. А колматцкие люди его почитают. А людей ево с ним только де 15 человек». Русских послов Ишим «чтил», а на их предложение выехать на «государево имя» говорил, «что он государской милости рад и пошлет к государю о том посла своего и к братье своей отпишет. Да как к нему от государя с послом ево милостивой приказ будет, и братья его к нему отпишут, и он де к государю будет тотчас» [РМО, 1959, с.53].

Впрочем, готовность к диалогу просуществовала недолго (В.В. Трепавлов предположил, что произошло это под давлением калмыков [Трепавлов, 2012, с.87]). Уже летом 1617 года, в ходе очередного посольства к Далай-Батыру, возглавляемого тобольским атаманом И. Савельевым, было упомянуто, что царевич Ишим «ныне учинился у государя в непослушанье и приходил на государевы волости войною» [РМО, 1959, с.71]. К сожалению, информация ни о причинах и обстоятельствах этой войны, ни о пострадавших в ходе нее государевых волостях, ни о доказательствах причастности к ней самого царевича Ишима в доступных нам источниках не отложились.

Можно предположить, что непосредственным поводом к обвинению Ишима в

«непослушании» стал случай, отраженный в государевой грамоте на Тюмень осенью 1616 года. Прибравший на Тару ясачный татарин рассказал, что «как де он ехал с зверовья назад, и не доехав до солянова озера за полтора днища на урочище на Каменных Мечетях взял его Махметка самово друга калмыцкие Ишимовы люди, и был де у них в полону три недели и ушел у них с рыбные ловли, а товарыщ де его остался у них; а кочуют де с Ишимом два тайши: Салбар да Кошур, а людей с ними воинских 500-т человек» [Миллер, 2000, с.274]. Эта грамота любопытна также титулованием Ишима царем («Ишим царь сего лета хочет итти войною под сибирские города и под Уфинской город и на уфинские волости»), в чем многие исследователи усматривают переход старшинства от Али к Ишиму. Впрочем, едва ли можно так однозначно трактовать этот факт. На подобное титулование могли повлиять если не описка, то неосознанное отождествление казахского Есима (Ишима) царя и Кучумова сына (сомневается в царском титуле Ишима и В.В. Трепавлов [Трепавлов, 2012, с.83]). В пользу данного предположения говорит и содержание последующих царских грамот на Тюмень, датированных октябрём-ноябрём, главным фигурантом которых является все тот же Ишим, однако теперь везде последовательно титулирующийся царевичем [Миллер, 2000, с.276, 278].

Эта же грамота позволяет предполагать, что одним из главных механизмов продуцирования тревожных вестей и соответственно общего уровня тревоги в пределах колонии, были конкурентные отношения между самими калмыками (в грамоте содержится донос тайши Тургеня о планах Ишима «с колмацкими людьми» воевать сибирские города и башкирские волости [Миллер, 2000, с.276]) или сознательная гиперболизация исходящей от царевичей опасности (с целью создания соответствующего имиджа).

Калмыцким тайшам была выгодна анонимность. В условиях постоянной угрозы со стороны монгольского Алтын-хана и столь же постоянных стычек с Казахской ордой и ногаями, башкирские и татарские ясачные волости на юго-западной окраине русской Сибири являлись едва ли не единственным относительно тихим и спокойным местом для кочевания, особенно в зимний период. Поэтому обострение отношений с «Белым царем» и его подданными калмыкам было крайне невыгодно. Обмен посольствами с Москвой явно рассматривался в калмыцкой среде в

качестве престижного, статусного признака. Но, поскольку никакого политического или военного единства среди калмыков не было, едва ли была возможность последовательного проведения по отношению к Москве и ее Сибирской колонии мирной со стороны калмыков политики. Постоянные калмыцкие набеги и не менее постоянное уверение со стороны «больших тайш» в мирных намерениях – не проявление традиционного восточного коварства и лицемерия, а логическое следствие характера политической организации ойратов.

Совершенно противоположным было положение и отношение к ситуации со стороны царевичей. Они были традиционно слабы, однако, как ни странно, были непосредственно заинтересованы в обостренности взаимоотношений с Москвой – неважно, явной или декларируемой (причем в последней явно больше, поскольку это не вынуждало Москву становиться в непримиримую по отношению к Кучумовичам позицию). Царевичи уже давно не были хозяевами территории бывшего Кучумова юрта, даже той ее южной части, где они в основном кочевали. Став своеобразными приживалами в своем же доме и отдавшись на милость новым хозяевам – калмыкам, – они пользовались тем обстоятельством, что для последних поддержание связей с наследниками Кучумова дома обладало характером престижного, хотя и, по большому счету, бесполезного свойства. Поддержка, хотя бы и чисто номинальная, со стороны калмыцких тайш давала царевичам возможность постоянно напоминать о себе как о действующих претендентах на Сибирское царство. Причем в большинстве случаев речь идет не о реальных враждебных действиях царевичей против русской колонии, сколько о практике взятия на себя ответственности за нападения, совершенные другими, или о мелких угрожающих действиях от своего имени, без перевода их в стадию жесткого силового противостояния. Следует понимать, что цель подобных манифестаций со стороны царевичей – вовсе не возвращение Сибири (полагаю, что для них самих и их приближенных иллюзорность этого была более чем очевидной), а стремление по-прежнему поддерживать в глазах Москвы свой образ непримиримых борцов за возвращение царства. Нагнетание страха у Москвы в отношении Кучумовичей (во многом действиями калмыков) позволяло царевичам запустить самоиндуцирующийся процесс увеличения их имиджевого статуса в глазах калмыков (русские посланники к тайшам в

соответствии со своими наказаниями должны были постоянно проводить намерения и места кочевков царевичей), что объективно было на руку царевичам. Причем Кучумовичи ничем не рисковали. Даже в случае попадания в московский плен они имели все основания надеяться (судьба плененных братьев и дядьев была им явно хорошо известна) на почетные условия своего содержания и сохранения (если не повышение) социального статуса.

Искусственное поддержание образа Кучумовичей как главных смутьянов в степи было выгодно и самим калмыкам. Это позволяло им иногда уходить от ответственности за нападения на ясачных людей, просто перекладывая ее на царевичей. Это также давало им возможность использовать факты тесных взаимоотношений царевичей с теми или иными тайшами в конкурентной внутрикалмыцкой борьбе. Кроме того, декларируемая возможность давления на царевичей являлась важным моментом при инициации посольских сношений калмыцких тайш с русским правительством.

Получается, что все вело к тому, что именно царевичам-Кучумовичам, волею их или неволею, выпала доля на время сжиться с образом главных возмутителей спокойствия в зауральской степи.

В 1618 году с тарытобольскими, тюменскими и тарскими служилыми людьми был совершен поход против неназванных калмыцких тайш и царевича Ишима («на Ишима-царевича Кучумова сына и на колмацких людей, которые, с ним сложаясь, воюют наши ясачные волости» [РМО, 1959, с.76]). Основным фигурантом этого нападения в представлении русской администрации, как мы видим, был царевич Ишим. В последовавших за походом посольских связях с Далай-Батыром, от последнего русским посланникам даже было велено требовать выдачи Ишима [РМО, 1959, с.77]. Скорее всего, пострадало население башкирских волостей Уфимского уезда, поскольку при обмене посольствами в октябре 1620 года основными вопросами были обмен пленными и шертование о ненападении именно на башкирские волости [РМО, 1959, с.102]. По итогам переговоров послы шертовали «за тойчи свои и за царевича Ишима, что им к Уфимскому городу и на Уфинской уезд на башкирские волости воевать не приходит и людей не посылать, и на зверовье башкирцев, не громить и не побивать, и быть под твоено государевою высокою рукою» [РМО, 1959, с.103]. Ненастойчивость русских посланников в выдаче царевича Ишима, сопряженная с острой за-

интересованностью калмыков в мирных взаимоотношениях с русскими (а в это время они оказались в очень сложном положении, их теснили монголы и казахи), показывают, что персональная ответственность царевича за это нападение была сильно преувеличена.

Распросные речи посланника к калмыкам П. Семенова, ведшего переговоры о размене полона и принесении шерги, дают хорошую возможность оценить как реальное положение Ишима в калмыцкой среде, так и степень ответственности за приписываемые ему факты нападения на ясачные волости. В тайной беседе с уфимским посланником царевич Ишим жаловался на свою судьбу: «А мое де житье видишь ты сам, здесь бы де лег, а при государской бы де милости встал, а то де слово на меня говорят ложно. Приходят на башкирские волости воевать колмацкие люди моим именем, а яз де с ними приходил на башкирские волости одно да и то неволею» [РМО, 1959, с.105]. Представляется, что это откровение Ишима – редкая возможность «услышать» самих Кучумовичей – позволяет осознать то неустойчивое и подчиненное положение, которое занимали Кучумовичи при новых хозяевах степи. Калмыки имели очень удобную возможность, ничем не рискуя, выставлять царевичей в качестве инициаторов и главных исполнителей нападений на ясачные волости Московского государства. О не столь уж завидном положении царевичей в калмыцкой среде говорит и такой вроде бы малозначимый факт, как упомянутая П. Семеновым информация о matrimониальных отношениях царевича Ишима: «женился Ишим-царевич у Оурлюка-тайчи... И та де ево жона покинула да шла без нево замуж» [РМО, 1959, с.105].

В следующие пару лет известия о взаимоотношениях с Кучумовичами отсутствуют, возможно из-за крайне острого положения калмыков, против которых была организована коалиция монголов, казахов и ногаев. «Большие» тайши, понимая свою уязвимость в этот момент, весьма жестко реагировали на агрессивные действия мелких тайш против ясачного населения русских волостей [Миллер, 2000, с.352]. Это могло, в принципе, стать и препятствием для активных действий царевичей, если бы у последних были для этого реальные силы и существенные мотивы. Впрочем, в ретроспективных известиях конца XVII столетия сохранилась информация (едва ли аутентичная, учитывая наличие анахронизмов и общий эпический характер известия), что «во 130-м (1621 или 1622 гг. – В.П.) году

приходил Кучумов внук Ишим царевич войною в Сибирь под остроги и на ясашные волости и многие места повоевал и людей в полон поимал, а татар де называл отца своего и своими природными холопи и говорил, как бы ему мочно своей вотчины доступить» [Самигулов, 2011 а, с.120]. Никаких подтверждений таким действиям царевича Ишима в близких по хронологии источниках обнаружить не удалось.

В последующем мы наблюдаем продолжение попыток калмыцких тайш представлять царевича Ишима главным возмутителем спокойствия. Так, зимой 1622–1623 гг., Уруслан-тайша, кочевавший по Тоболу в районе Илецкого бора, угрожал зверовавшим здесь татарам именем царевича Ишима: «наперед де вы его давявали ясак нагайцом, а ныне де [мне] дадите ясак, а... только де вы не учните мне ясаку давать, и вас де Ишим царевич учнет воевати» [Миллер, 2000, с.342]. Тою же зимой Куралай-тайша уверял русских посланников, что «Ишим-царевич с ними не в совете и кочует себе кочевьем, и Ишим де царевич с ними, тайши, говорит, что де мы, тайши, с Уфинским городом мирны и послов де наших к нам, тайшам, с Уфы отпустили, а его де Ишимов посол с Уфы и по сю пору не отпущен, и хочет де Ишим-царевич на Уфинской уезд приходить войною. А мы де, тайши, ему, Ишиму, ничем не подмогаем, нас де, колматцких людей, и самих потеснают войною чагары» [РМО, 1959, с.119]. Причем, как свидетельствует отписка уфимского воеводы в Посольский приказ, у Ишима были все основания быть недовольным позицией русской администрации. Посол от Ишима, прибывший в Уфу еще в 1620 году вместе с послами торгоутского Хо-Урлюка и хошеутского Чохура, и дававший вместе с ними шерть о ненападении на башкир и переходе «под государеву руку», был, по сути, арестован. Запросы уфимских воевод в Москву о дальнейшей судьбе Ишимова посла в течение нескольких лет оставались безответными [РМО, 1959, с.120].

В июне 1623 года Ишим царевич упоминается в ряду калмыцких тайш, кочевавших на Ишме и собиравшихся идти «войною на мугальских людей» [Миллер, 2000, с.355]. Впрочем, столь неподходящий для обострения отношений с русскими момент не стал препятствием для высказывания им о непримирности своей позиции: «похвалялся де Ишим царевич: сибирские де казаки отца ево Кучюма извели, а братью ево Алия и Азия тюменские служилые люди разорили, и ему де Ишиму приходить за то на государевы города

войною» [Миллер, 2000, с.365]. Однако характер этих деклараций хорошо передают сами информаторы – это всего лишь похвальба, пустая бравада, легкий способ зарабатывания авторитета.

Нарочитое выставление Ишима как буйного и неуправляемого заметно и в тексте шертной клятвы, которую летом 1623 года принес тайша Мангит «за себя и за братью свою колматцких тайшей... на том, что им, тайшам, быть под государевою высокою рукою и на Уфинской уезд на башкирские волости войною не приходити и улусных своих людей не посылать, ... а Ишима де царевича от того унимать. А будет де Ишим от того не уймаца, и его, Ишима, поймав, отдати в государевы города» [РМО, 1959, с.125]. Причем, судя по всему, текст шерты является изложением русского взгляда на царевича Ишима как главного возмутителя спокойствия в степи. Едва ли сами калмыки имели основания к выделению Ишима как самостоятельного игрока в русско-калмыцких взаимоотношениях и естественно не хотели, чтобы Ишим становился хоть сколько-нибудь значимым фактором этих взаимоотношений. Особенно хорошо последний момент отразился в русско-калмыцких посольских делах этого времени. Летом 1624 года русские посланники к детям дербетского тайши Далай-Батыра предложили выдать «государева изменника» Ишима, на что получили ответ, что «они их не научали, а унять немочно, потому что кочует всякой своим улусом, волен де с ними бог да государь, а они за вора не стоят» [РМО, 1959, с.136].

Вероятно, в том же 1624 году царевич Ишим и умирает [Трепавлов, 2012, с.88]. Весной 1625 года под руководством тобольского сына боярского Б. Аршинского датируется посольство к хошеутскому тайше Чохуру с целью «Ишима-царевича жену и детей призывать на государеву имя» [РМО, 1959, с.140]. Цели своей данная миссия не достигла, вдова Ишима (сестра Чохура) вместе с детьми – Аблаем–Аблайгеримом–Аблайгире ем, Тауке–Тявкой и Исламом – осталась жить в ойратских кочевьях [Трепавлов, 2012, с.88].

Вторая половина 1620-х гг. характеризуется отсутствием известий как непосредственно о действиях Кучумовичей, так и фонового их присутствия как фактора положения на границе со степью. Так, в коллективной челобитной ясачного населения Тюменского уезда на притеснения со стороны прикочевавших под Тюмень калмыков, и невозможности платить ясак в прежнем объеме, «потому что они ясач-

ные люди от колмацких людей в обиде живут по вся годы» [Миллер, 2000, с.395], нет ни слова о проблемах с царевичами. То же самое мы видим и в серии дел об изменных настроениях и действиях ясачных и подгородных юртовских служилых татар ряда уездов. Ни в одном из этих случаев царевичи не показаны как возможная опора изменившего татарского населения, нет и признаков апелляции к ним как «законным» носителям властных притязаний на территорию Сибири [Миллер, 2000, с.412, 415–417].

К концу 1620-х гг. вновь начинает поступать информация о царевичах. Аблай б. Ишим женился и «учал кочевать о себе» вместе с младшим братом Исламом. Тауке б. Ишим в то же самое время, видимо, перешел жить к двоюродному брату Девлет-Гирею б. Чуваку б. Кучуму [Трепавлов, 2012, с.88] (по данным А.Г. Нестерова, царевич Чувак являлся «ближайшим сподвижником» Ишима, а после его смерти «возглавил борьбу за Сибирский юрт» [Нестеров, 2002 б, с.210], однако известные нам источники не позволяют согласиться с этим мнением). Где-то в степи обитали и старшие дети царевича Ишима (скорее всего, от дочери тайши Хо-Урлюка, на что косвенно может указывать факт совместного кочевания зимой 1622–1623 года Ишима со своим бывшим тестем [РМО, 1959, с.120; Миллер, 2000, с.348, 350]) – Абугай-Бугай-Бука и Сулеса. Это первое поколение Кучумовичей, уже наполовину калмыков, демонстрирующее, по выражению В.В. Трепавлова, стихийный татарско-калмыцкий «бикультурализм» [Трепавлов, 2012, с.136–137]. Источники, упоминающие царевичей этого поколения, зафиксировали принесение ими клятвы по-калмыцки; они носили косички на калмыцкий манер; послам от царевичей было рекомендовано говорить «по татарски, а не по калмыцки», что подразумевало двуязычие самих царевичей, да и сами послы мимоходом назывались «калмыцкими» [см.: Трепавлов, 2012, с.137, 169, 171].

Выход на историческую сцену этого поколения Кучумовичей пришелся на стремительный процесс распространения протестных настроений инородческого населения колонии и резкого обострения русско-калмыцких отношений на рубеже 20–30-х гг. XVII столетия.

Имя царевича Аблая впервые появляется на страницах источников летом 1629 года, уже на том этапе восстания, когда тарские волостные и юртовские татары, изменив, приходили на деревни Тарского уезда, когда на них в ответ был совершен поход тобольских и тарских

служилых людей и юртовских татар, и на Чане озере многих изменников удалось побить и взять в плен, отбив лошадей и коров. Из отписки тобольского воеводы в Туринск следует, что лишь после всех этих событий один из изменников привел с собой «ис Колмаков царевича Ишимова племянника (sic!) Аблагирима, а с ним колмацких людей Кокшул да Урлюка тайшей да Байбигишевых людей 60 человек»; причем особо отмечено, что главная цель его прихода – сбор ясака с «государевых изменников с юртовских и с волостных татар и с барабинцов на тех тайшей, которых тайшей пришли с ним люди» [Миллер, 2000, с.418]. Несмотря на то что Аблай не участвовал в нападениях на Тарские волости, а роль его как сборщика ясака на калмыцких тайш не предполагала статуса самостоятельного игрока (тем более что ясак вроде как собирался им с государевых изменников), власть была серьезно обеспокоена его появлением. Беспokoйство это объясняется возможностью сношений между Аблаем и изменниками, с одной стороны, и склонными к «шатости» и измене уездными татарами, с другой. Серьезность этого беспokoйства показывает возрождение уже несколько подзабытой в Зауралье практики аманатства [см.: Миллер, 2000, с.418].

Летом того же 1629 года в Томском остроге от нескольких информаторов появилась информация (немного противоречивая в деталях) о том, что «воинские люди барабинцы и черные колмаки Кексешевы люди и белые колмаки и Ишима салтана сын да внук» (?) просили (или требовали) людей и лошадей у чатского мурзы Тарлава, «и звали де ево Тарлада с собою под Томской город войною» [Миллер, 2000, с.419–420]. Указания на то, что пришедшие в Чаты «воинские люди», видимо, во главе с царевичами, «побрали у Тарлада лошадей» и якобы принципиальная позиция Тарлава, ставшая препятствием для осуществления набега на Томский острог, говорит о том, что в действительности происходил банальный сбор ясака на калмыков, осуществлением которого, по-видимому, занимался уже известный нам в этой роли Аблай б. Ишим (возможно, со своим младшим братом Исламом). Косвенным подтверждением этого являются явные расхождения в описании обстоятельств прихода царевичей в Чаты. Если в информации, исходящей от самого мурзы Тарлава силы царевичей оценивались в 180 человек, а среди их людей упоминались и «белые колмаки», то по информации, полученной на месте служилыми людьми из

Томского острога, специально посланными для проводывания вестей, «белые де калмыки у него у Тарлада с теми воинскими людьми не были», а численность пришедших с царевичами людей оценивалась в 130 человек. Чатские информаторы также говорят о насильственном характере требований пришедших воинских людей. Понятно, что чатский мурза, вынужденный удовлетворить требования пришедших «воинских людей» и опасавшийся санкций со стороны русских властей, пытался представить дело в выигрышном для себя свете. Основным мотивом их прихода он указал планы по нападению на Томск, а свою принципиальную позицию по отказу в помощи царевичам поставил в качестве основной причины срыва этих планов.

Впрочем, тревожные настроения в Томском уезде, спровоцированные данными известиями, вскоре привели к реальному вооруженному столкновению «воинских людей» (калмыков и тарских изменников татар), представляемых царевичами, и русских служилых людей, посланных для оберегания острожков ряда чатских мурз. Причем эти события, имевшие место осенью–зимой 1629–1630 гг., являются практически первыми зафиксированными источниками, неспровоцированными нападениями Кучумовичей (представителями уже третьего поколения рода Кучума) на русских служилых людей (впрочем, стоит отметить, что целью нападений были все же нерусские люди и нерусские населенные пункты).

В конце октября – начале ноября 1629 года по Томскому и Нарымскому уездам прокатилась тревожная весть (в Томске в «сполошное время» даже разбили вестовой колокол [Миллер, 2000, с.433]), что изменивший государю «чацкой князец Тарлав и Кучюмов внук, а Ишимов сын, и украинские татарова сошлись в одном месте и стоят на Томском устье и в Томском уезде к остояцким городком и к острошком приступают» [Миллер, 2000, с.420]. Посланные по тем вестям в Чаты томские служилые люди и юртовские татары, «пришетчи под острожок, Ишимова сына с людьми ево от острошку отбили и за ними гонялись день» [Миллер, 2000, с.420]. Трудно сказать, насколько конфликт с русской властью изначально входил в планы царевичей и стоявших за ними калмыков. Наиболее вероятной кажется ситуация, когда ставшая уже традиционной практика сбора ясака с местного населения на калмыков неожиданно натолкнулась на едва ли не первую попытку русских властей встать на реальную защиту подконтрольного

ясачного населения. И дальнейшие события, случившиеся в волостях приобских уездов (калмыки взяли Мурзин и Нандрин – городки Томского уезда, убили служилых томских людей 20 человек, стоявших по караулам, и согласно «вестям» собирались придти под Томский, Нарымский, Кузнецкий и Тарский остроги [Миллер, 2000, с.421, 424–425, 429–430, 438]), стали всего лишь развертыванием этого завязавшегося в чатских острожках русско-калмыцкого конфликта («лицом» которого и стал царевич Аблай).

Вся сложность проблемы возложения ответственности за нападения на ясачные волости, особенно в контексте возможного участия в них царевичей, хорошо видна на примере отражения в источниках факта погрома Капкайской волости Тобольского уезда, а также Тебендинской и Коурдацкой волостей Тарского уезда поздней осенью 1631 года.

Первые вести об этих событиях были получены 18 ноября на Ишимской заставе от непосредственных участников – взятых в «языки» ясачных людей. Согласно этим известиям (довольно-таки подробно излагавшим последовательность событий) калмыки и тарские изменники (люди Кочаша Танатарова) взяли языков – ясачных людей, – которые навели их на Капкайскую, Тебендинскую и Коурдацкую волости. В результате нападения «большие мужики» были побиты насмерть, а жены и дети уведены в плен [Миллер, 2000, с.444]. Участия кого-либо из царевичей в этих событиях первые известия не фиксируют, вся ответственность возлагается на калмыков и тарских изменников. Чуть позже один из информаторов, «ясашной князец» Коурдацкой волости Бибахша Кавчоков, принес в Тобольск известие, что напавшие на Коурдацкую волость «воинские люди» перед самим ее «повоеванием» объявили, что «пришел де Ишима царевича сын Абалин» [Миллер, 2000, с.445]. Полученная еще позже от «утеклецов» информация подтвердила участие в нападении на волости царевича Аблая, правда, в составе довольно представительной и разношерстной компании. Ответственность за нападение приписывалась помимо царевича Аблая его двоюродному брату Девлет-Гирею («Ишима царевича племянник Девлет Кирей Чувак Салтанов сын» – это, пожалуй, первое упоминание в источниках этого царевича; В.В. Трепавлов относит первое упоминание Девлет-Гирея ошибочно к 1629 году [Трепавлов, 2012, с.91]), непоименованному тайше («гайшонок молод»), тарским изменникам Кочашу Танатарову, Кутлумергею Ясауло-

ву с товарищами и калмыкам [Миллер, 2000, с.446–447].

Информация, поступающая в последующие дни из Ишимского острога и полагавшаяся на вести от разных информаторов, позволяла возложить всю ответственность за нападение на «Ишимова сына» (видимо, Аблая) на калмыков и тарских изменников [Миллер, 2000, с.448]. Однако в тюменской отписке середины декабря 1631 года содержатся сведения, не позволяющие считать участие царевича Аблая в нападении на тарские и тобольскую волости в качестве твердо установленного факта. 27 ноября из поля был привезен ограбленный ясачный татарин Терсяцкой волости Тюменского уезда, который в расспросе сказал: «был де он на зверовье с тобольскими татарами Тарханские волости... меж Медвежьем озером и Кудруганом, от Тюмени в 8 дницах в одну сторону, и наехав де колмацкие люди, человек с 30, ограбили их... один сказываетца тайши Гушнев брат, а другой имянем тайша, того им не сказали» [Миллер, 2000, с.449]. Показательно, что чуть более поздние административные документы закрепили ответственность за данное нападение именно на царевича Девлет-Гирея, тарских изменников и калмыков улуса Далай-тайши [Миллер, 2000, с.454, 458]. Еще позже, при посольских сношениях с тайшой Хо-Урлюком, участником нападения вновь назван Аблай, а главным инициатором нападения – Далай-тайша [Миллер, 2000, с.465].

В любом случае едва ли можно события ноября 1631 года рассматривать как акцию именно царевичей, и акцию именно против русской власти в Сибири. Чисто грабительский характер этого нападения подробно описан источниками («а стояли де воинские люди в Коурдацкой волости мало не весь день, збирали, лошади и всякой скот, и навивши де живот на возы и полон, пошли назад в Тебендинскую волость перед вечером; а скота де, которое с собою поднять не могли, весь в Коурдацкой волости пересекли и перестреляли» [Миллер, 2000, с.447]) и принят в качестве основного мотива и русскими административными документами. Главными действующими лицами нападения были калмыки; именно их упоминают в качестве нападавших практически все очевидцы, именно с ними можно отождествить описание нападавших как

«куяшников» в «пансырех» [Миллер, 2000, с.448]. Другое дело, что для русской колониальной администрации калмыки представлялись некой персонифицированной массой, хотя и опасной, но не имевшей личных счетов к русским властям (в отличие от изменников и царевичей). В силу этого именно царевичи и изменники становились «лицом» противника, несмотря на очевидность второстепенного их участия в этих событиях.

Образ врага применительно к царевичам настолько стал привычным для представительской сибирской колониальной администрации, что возникал соблазн использовать их имена в качестве дополнительного довода как при возвышении собственных заслуг, так и при объяснении причин собственных неудач. При этом реального наличия царевичей как фактора административных действий даже не требовалось. Так, неудачу с заведением острога на реке Бие, посланный для этого дела в сентябре 1632 года томский сын боярский Ф. Пуштин, оправдывал так: «И послыша, государь, Абак (князь «белых калмыков»-телеутов – В.П.), что идут государевы люди вверх по Обереке и умысла своим воровством, не хотя государевых людей пропустить, собрався с великими людьми с черными колмаками и с царевичем с Кереем, с орчаками и с барабинцы, и сентября в 3 день выша Чумыша реки пришел сын ево Абаков Кока ж лучей ево улусной мужик Изекбей войною, не хотя нас пропустить, и с нами бился, и служилых людей переранили. И я, государь, стоял на месте 5 дней, и с ними бился по вся дни... и я, государь, воротился в Томской город, потому что людем не в силу, прилегли орды многие» [Миллер, 2000, с.460]. Однако, как свидетельствуют допросные речи Айдара, одного из участников этого плаванья, никакого многодневного боя не было, встреченные черные калмыки были вполне лояльны, никакого «царевича Керея» и в помине не было [Миллер, 2000, с.461–462]. После первого же ночного происшествия (по переднему стругу было выпущено два десятка стрел) Ф. Пуштин банально струсил и попытался придумать оправдание неудачному своему предприятию, куда во внушительный перечень препятствий, для «веса», включил и имя царевича Девлет-Гирея.

Ситуация с погромом ряда волостей Тарского и Тобольского уездов поздней осенью 1631 года повторилась в ноябре 1632 года, но уже в Тюменском уезде. Как и тогда, нападавшие в известиях обобщенно именуются

ся «колмаками», однако и теперь их «лицом» стал царевич Аблай и государевы изменники. В результате нападения пострадали Алибаевы юрты, были ограблены или уведены в плен находившиеся на зверовых промыслах ясачные люди разных волостей и уездов. Любопытно, что помимо банального грабежа нападавшие забирали с собой молодежь: «и колмацкие люди Алибая и жену его ограба покинули и взяли у Алибая 3 дочери девки да сына, да в тех же юртах тюменсково ясашново татарина Кусебердея жену ограбили, а сына да дочь взяли, да у Чагирбая Тюлькина; взяли жену да 2 сына да дочь и животы их все и добычно их мяхкую рухлядь, что добывали на ясак, понимали» [Миллер, 2000, с.464]. Для чего это делалось, для выкупа или продажи, или восполнения недостатка в людях, сказать сложно. Скорее второе, судя по ретроспективной оговорке об этом нападении, что «Кучюмовы ж внучата, а с ними государевы изменники тарские и уфимские татарова приходили в Тюменской уезд и громили Альбаевы юрты, ясашных людей и жон их и детей поимали, а иные, которые тотарова в те поры на юртах не были, и те и по неволе к ним за женами своими и за детьми, а иные своим воровством и изменю отъезжали, а они их к своему воровству принимали и ходили воевать в Уфимской уезд не по одно время» [Миллер, 2000, с.521]. То, что самим царевичем данная акция рассматривалась именно как лихой грабительский рейд, совершенно не преследовавший каких-то политических целей, говорят слова, сказанные им одному из пленников: «а Абла де ево допрашивал: далече ли до Тюмени и не будут ли на них с Тюмени государевы ратные люди, а хотя де и будет посылка за мною, и в три де ночи далече от Тюмени отъеду» [Миллер, 2000, с.464].

Подобные грабительские рейды, по видимому, проводились калмыками с участием царевичей и против волостей Уфимского уезда. Во всяком случае, весной или летом 1633 года с Уфы был осуществлен масштабный поход «на Аблу Ишимова и на колмацких воровских воинских людей» с участием ратных русских людей и татар (в том числе и ясачных) в количестве 1380 человек. Правда, царевича так и не нашли (интересно, что местонахождением царевича Аблая в то же самое время активно интересовались и томские воеводы [см. Миллер, 2000, с.473]), но «нашли за Еиком колмацких людей тайшу Тепшегена Шукдеева да тайшу Иркидетя Тейшеева, и они де тех тайш пограбили, животы и жен

и детей их в полон поимали, и тайшу Тепшегена убили, а Иркедет тайша ушел душою да телом» [Миллер, 2000, с.469]. Трудно сказать, имели ли пострадавшие тайши какие-либо прегрешения перед уфимцами, но показателен сам факт, что походы в степь стали не столько карательной мерой, сколько таким же по сути грабительским рейдом. И вообще, отнесенная частота походов против царевичей, жертвами которых становились калмыки, наводит на крамольную мысль о возможной заинтересованности воевод в показательной эскалации конфликтов с царевичами, что давало повод для походов в степь («задрать» калмыков было запрещено правительством).

В октябре 1633 года нападению, уже со стороны Девлет-Гирея, подверглись ясачные волости Уфимского и Тюменского уездов в Исетско-Пышминском междуречье. Близкие по хронологии «вести» сообщали о совместной зимовке Девлет-Гирея и Аблая и о каких-то трениях между ними [Миллер, 2000, с.478; Трепавлов, 2012, с.96].

Осенью 1634 года «выходец» от царевича Аблая сообщил, что «Абла похваляетца войною на государевых людей, покаместа он и жив будет; а людей де в войну им Кирею и Абле дает Гушей тайша; а кочюют де они Кирей и Абла и калмацкие тайши Талай и сын его Аблай и Гушин за Ишимом, блиско речки Колоты, друг от друга неподалеку, днища по полутора, а Гушей от них днищах в 5-ти» [Миллер, 2000, с.481]. По сведениям еще одного информатора, осенью 1634 года в кочевье Девлет-Гирея было 30, а у Аблая с братьями – всего 20 человек [Миллер, 2000, с.479]. В близких по времени известиях у Девлет-Гирея насчитывалось тарских изменников, калмыков, туркмен и казахов полторы сотни человек, у Аблая – человек 50–70 [Трепавлов, 2012, с.96]. Как мы видим, вопреки громким декларативным заявлениям у царевичей просто не было сил для осуществления своих планов. Они могли надеяться только на помощь калмыков. Связи царевичей с калмыками остро интересовали и русскую администрацию. В отписке тобольского воеводы в Москву около 1634–1635 годов особо отмечено, что «Кучюмовы внучата поженились в Колмаках у болших тайшей на ближнем племяни», а из калмыцких улусов поступали вести, что «Кучюмовым внучат[ам] колмацкие тайши людию подмогут. А Кучюмовы де внучата называют Сибирское государство своею землею и [хотят] де однолично сибирские города разорить без остатка» [цит. по: Трепавлов, 2012, с.85].

Тем не менее события осени 1634 года вроде бы полностью подтверждают наличие у царевичей возможностей для масштабных акций против русской власти в Сибири (причем это едва ли первый случай столь сложной военно-политической ситуации для русской колонии в Зауралье). В сентябре–ноябре этого года нападением подверглись Тарский уезд и сам город Тара (два раза – в сентябре и октябре), деревни и слободы Тюменского уезда и сам город Тюмень (в ноябре).

Однако вопрос об ответственности за эти события, также как и в ряде ранее проанализированных нами случаев, остается весьма запутанным. Если не считать декларативных заявлений самих царевичей, то их участие в нападении на русские поселения прямо фиксируется только двумя синхронными источниками (из примерно дюжины имеющихся в нашем распоряжении и освещающих данные события). Оба эти источника лишь упоминают «Кучумовых внучат» в общем перечне участвующих в нападении (калмыки (дети Куйши-тайши, люди Тархана-батыря), государевы изменники (люди Кочаша Танатарова)) [Миллер, 2000, с.479; РМО, 1974, с.67]. И еще пара источников дает косвенную информацию об участии в этой акции царевича Аблая, причем оба эти источника говорят лишь о пленении им нескольких десятков татарских (башкирских?) семей в волостях Уфимского и Тюменского уездов по реке Исети, и его возвращении после этого в свой улус (не исключен и их добровольный уход к Аблаю [см.: Устюгов, 1947, с.36]). Численность имевшихся в распоряжении Аблая сил оценивалась примерно в 40 человек [Миллер, 2000, с.492–493, 635–636]. Последующие взаимоотношения с калмыками показывают, что главным действующим лицом нападения на Тюменский уезд были «Талай тайшина улуса колмацкие воинские люди Тархан батырь с товарищи», и весь тот «полон в Талай тайшине улусе» [Миллер, 2000, с.538].

Весьма ограниченный характер участия в этой акции царевича Аблая (относительно действий Девлет-Гирея, к сожалению, столь подробных сведений нет, хотя по описке тюменского воеводы он действовал вместе со своим двоюродным братом [Миллер, 2000, с.485], да и в ретроспективных известиях об этих событиях главным героем из царевичей указывался именно Девлет-Гирей [Самигулов, 2011а, с.121; РМО, 1974, с.294; Миллер, 2000, с.565]) и крайне незначительные по численности его силы позволяют понять, почему для предста-

вителей колониальной администрации главными (а в большинстве случаев и единственными) фигурантами нападения на города и уезды в этот период были все-таки калмыки и государевы изменники [Миллер, 2000, с.479–480, 484, 486, 487–490, 558; РМО, 1974, с.67–68]. В этом плане любопытно то, что в пестрой компании нападавших каждый видел своего «главного героя» – для представителей колониальной администрации это либо царевичи, либо калмыки, для местного татарского населения – изменники (по воспоминаниям татар «во 143 году приходили под Тюмень калмыцкие воинские люди с Кучумовыми внучаты з Девлет-Киреем з братьею, потому что призывали их под Тюмень твои государевы изменники тюменские татарове Енбайко Янтурин с товарищи» [РМО, 1974, с.294]). «Повесть о городах Таре и Тюмени», написанная вероятно одним из участников событий 1634–1635 гг., также игнорирует Кучумовичей в качестве хоть сколько-нибудь значимых персонажей этой истории [Сперанский, 1932, с.13–32].

Весной 1635 года царевич Аблай вновь фиксируется на Исети собирающим людей. Захватив 27 семей ясачных татар Уфимского и Тюменского уездов, он грозился «как де будет трава... государевы слободы воевать» [Миллер, 2000, с.493]. 17 июня «пришли х Чубарове слободе ис степи воинские люди изгоню колмаки и твои государевы изменники тарские и Тюменские татарове з царевича с Ишимовыми детьми, и лошади и скот отогнали, а слободу выжгли, и которых де служилых людей и пашенных крестьян и их жен и детей захватили в слободе, побили, а иные в полон поимали... а по смете де их приходило человек с 400» [Миллер, 2000, с.499]. Трудно сказать, на основании чего был сделан вывод об участии в этом нападении «Ишимовых детей». Это могли быть какие-то не зафиксированные источниками точные указания, но могло быть и результатом ожиданий, – угрозы со стороны царевича Аблая в Чубарове были хорошо известны. В любом случае, ответственными за нападение власть посчитала именно царевичей. Летом того же года тобольскими, тарскими и тюменскими служилыми людьми был совершен поход против царевичей, изменников и «колмацких воинских людей» под руководством головы Б. Толбузина. В результате «они колмацких жон и детей поимали... а царевичей де Кучумовых внучат не сошли, потому что они кочюют с тайшами с Шухтеем да с Менрытаем во многих людех» [Миллер, 2000, с.500].

С конца лета 1635 года сразу от нескольких информаторов появились «вести» о намерении Девлет-Гирея «з братьею» «итти воевать в Уфинской уезд за Урал Камень уфинских ясашных татар и башкирцев» [Самигулов, 2011а, с.121]. Этот поход для царевичей закончился очередной катастрофой. В битве под Уфой были взяты в плен сыновья Ишима царевичи Аблай и Тауке (любопытно, что в посольской документации и царской грамоте конца 1630-х гг. Аблай и Тауке упорно именуются «языками», а в царской грамоте каргопольскому воеводе даже сказано, что царевичи были «взяты в языках в калмыцких улусех» [Трепавлов, 2012, с.162–164]). Пленные царевичи были отправлены в ссылку – Аблай на Белоозеро, Тауке – в Каргополь.

За плененных царевичей неожиданно вступился хошеутский тайша Туру-Байху (Куйша-тайша, Гуши-хан): «И только де ты, великий государь, пожалуешь, тех Кучюмовых внучат отдать ему велишь, и он де, Куйша-тайша, с твоими государевыми людьми помиритца крепким миром. А будет де ты, великий государь, не пожалуешь, Кучюмовых внучат отдать ему, Куйше-тайше, не велишь, и он де, Куйша-тайша, со всеми колмацкими воинскими людьми будет под Тару и под Тюмень и под Тоболеск войною» [РМО, 1974, с.27]. Появилась даже информация о том, что «хотя де колмацкие люди у соляных озер ухватить твоих государевых служилых людей человек 100 и другое для розмены на Кучюмовых внучат» [РМО, 1974, с.28]. Подобный напор даже несколько озадачил сибирскую администрацию [РМО, 1974, с.29]. Такое заступничество едва ли могло быть только следствием родственных отношений (мать Аблая, по-видимому, являлась сестрой Туру-Байху [Трепавлов, 2012, с.91]). Вряд ли оно также диктовалось заинтересованностью в царевичах, возможно исполнявших функции сборщиков ясака на Туру-Байху (есть указание на то, что Девлет-Гирей весной 1636 года приезжал к нему с ясаком [РМО, 1974, с.177]). Ультимативный характер требований, предъявленных Туру-Байху, и меры, направленные на запугивание русских властей (инспирирование слухов о планах массового захвата служилых людей для обмена на царевичей, или полученная якобы от самого Кочаша Танатарова секретная информация о планах Туру-Байху и Девлет-Гирея по захвату Тары, Тюмени и даже Тобольска [РМО, 1974, с.28, 177–188]), как раз показывают отсутствие подлинного желания Туру-Байху идти на диалог с русскими

властями и вернуть царевичей. Эти требования – не более чем престижный поступок, имиджевая по своей сути акция.

Впрочем, события 1637 года кардинальным образом поменяли расстановку сил. Выходцы от Девлет-Гирея в начале сентября 1637 года принесли на Тюмень информацию о разгоревшейся у калмыков междоусобной войне (в результате которой Туру-Байху был взят в плен Дайчином – сыном Хо-Урлюка), смерти Тархана-Батыря и малолетности «Девлеткиреева улуса» [Миллер, 2000, с.516–517]. А поскольку «под государевы города у колмацких людей приходится войною ныне силы нет, потому что у тех колмацких людей ныне меж ими война», сами служилые татары подали челобитную, что ныне самое время «на Девлеткиреевы улусы государевы ратным людем итти войною» [Миллер, 2000, с.516].

В этих условиях Девлет-Гирей счел за лучшее взять «дипломатическую передышку». В октябре 1637 года в Тару и Уфу от Девлет-Гирея были направлены посольства с челобитьем о желании его быть «под государевой высокой рукой», «государю служить и прямить», и «торговых людей бухарцов с товарах через колмацкие улусы пропускать в твои государевы сибирские города» [Миллер, 2000, с.518]. Тарский посланник предпринял все усилия, чтобы продемонстрировать миролюбивые намерения царевича. Так, он заявил, что якобы нынешней же осени Далаева улуса Тархан Батырь «звал ево Девлеткирея... под твои государевы сибирские города войною... и Девлеткирей де ему отказал, что под твои государевы города он Девлеткирей не идет и людей своих не даст» [Миллер, 2000, с.518]. Судя по поступившей ранее информации, Тархан Батырь к осени этого года уже умер [Миллер, 2000, с.516], так что Девлет-Гирей ничем не рисковал, приписывая ему инициативу набегов на сибирские города. Любопытно также, что посланник царевича попросил дозволения «ему зимовать на Таре для того, что у него лошади худы, зимою де Девлеткиреевых улусов ему не доехать» [Миллер, 2000, с.518]. Однако тарский воевода после стандартного увещевания к царевичу, чтобы тот «с улусом своим ехал на твое государево царского величества имя в Тоболеск или на Тару или в которые твои государевы города будет ему податись, ничего не опасаясь», по распоряжению тобольского воеводы велел выслать посланника с его людьми «в колмацкие улусы итти тотчас безо всякого задержанья зимним путем». И впредь принимать посланников от

Девлет-Гирей не велел до государева указа [Миллер, 2000, с.518]. Мотивация посольства от Девлет-Гирея из имеющихся в нашем распоряжении документов, к сожалению, не вполне ясна. У царевича явно серьезные проблемы, активный отток людей от него (всплеск «выхода» от него является косвенным на это указанием) является как признаком этого, так и дополнительным фактором (будучи источниками информации о месте кочевания и силах царевича, они могли представлять серьезную для него самую опасность). Таким образом, само посольство могло и не преследовать каких-либо определенных целей, а являлось, скорее, лишь способом оттянуть время, упредить возможный поход на него. Может быть именно с этим связано направление послов в основные очаги возможной опасности – Тару и Уфу. Этим же можно объяснить и просьбу посла остаться в русских городах на зиму, т.е. оставить ситуацию неопределенной до весны, когда Девлет-Гирей снова станет более или менее свободным в своих действиях. Интересно, что в колонии во многом именно в этом ключе этот акт и восприняли.

Летом 1638 года из Уфы к Девлет-Гирею и жене царевича Аблая Чигиндар было направлено посольство «звать их под государеву высокую руку». Посланники привезли с собой косу волос с головы Аблая в знак того, что с ним все в порядке. Однако, заявив, что «волосы де они знают, что прямо Аблы царевича, а того они не ведают, живы ли царевичи или нет», царевич с княгиней просили (чтоб государь пожаловал, велел послом их царевичей показать» [Трепавлов, 2012, с.182]. Девлет-Гирей также проявил готовность бить челом, «чтоб государь пожаловал, велел ему з детми и с улусы своими кочевать по Еику и по Тоболу и по Ишилоу рекам, где кочевали отцы их и деды, как были под государевою рукою» [Трепавлов, 2012, с.183]. Причем, как такового челобитья не было, было лишь продемонстрировано такое желание.

Зимой 1638–1639 годов послы от Девлет-Гирея и жены царевича Аблая Чигиндар были приняты в Уфе и отправлены далее, в Москву [Трепавлов, 2012, с.158–159]. Цели этого посольства выглядят также весьма странно. Посланники в отсутствие грамот (их взял в Уфе воевода кн. П. Волконский) должны были изъясняться о целях своего визита устно (впрочем, пересказ содержания присланных в Москву царевичевых грамот в целом совпадает со словами посланников, кроме просьбы освободить его плененных братьев [Трепавлов, 2012,

с.196]). Девлет-Гирей приказывал бить челом, «что деды их и отцы искони вечные холопы были царского величества и служили ему, государю, и прямили до своей смерти неотступно и государскую милость к себе видели многую. А он, Девлет Гирей царевич, з братьею своею с Аблою царевичем да с Тевкою царевичем остались после отцов своих молодты. И с молодости царского величества милости отбыли и от его государевы высокие руки откочевали в дальние кочевья и приходили на его государевы украинны войною, хотя тем свою бедность пополнить» [Трепавлов, 2012, с.161]. И главная цель этой дипломатической миссии для Девлет-Гирея якобы состояла в том «чтоб его пожаловал государь, велел вину ево ему отдать и принял бы ево под свою царскую высокую руку по прежнему. И пожаловал бы государь, велел ему с улусом своим кочевать где он, государь, изволит» [Трепавлов, 2012, с.161–162]. Т.е. никаких сколько-нибудь существенных оснований к этой миссии со стороны Девлет-Гирея мы совершенно не видим.

На первый взгляд, более основательными выглядят мотивы осуществления этого посольства у «княини» Чигиндар. Она «велела царскому величеству бить челом, чтоб пожаловал государь, велел им, послом, Аблу царевича показать. А будет де Абла царевич жив, и она де и з детми своими к мужу своему к Абле царевичу приедет тотчас» [Трепавлов, 2012, с.162]. Однако этот мотив выглядит уже не столь убедительным в свете того, что, как в ответ было заявлено в Приказе, «присылала де ко царскому величеству бить челом Чигиндар княиня наперед сево, чтоб пожаловал государь, позволил мужу ее Абле царевичу к ней для уверенья прислати косу волосов своих. А как она увидит волосы мужа своего, и она к мужу своему хотела тотчас приехать. И она волосы мужа своего видела, а к мужу своему не поехала» [Трепавлов, 2012, с.162]. Отговорившись тем, что «коса де мочно у мужа ее и у мертвого отнять да к ней прислать» [Трепавлов, 2012, с.162], Чигиндар настаивала на том, чтобы послам были показаны царевичи Аблай и Тауке. Безрезультатность этого разрешения (послы убедились в том, что царевичи живы и здоровы, однако Чигиндар с детьми к своему мужу и отцу так и не приехали) также лишний раз демонстрирует отсутствие реальной заинтересованности в результатах этих дипломатических сношений со стороны Девлет-Гирея. Ему был важен сам факт временной передышки.

По данным, приведенным В.В. Трепавловым, русские посланники из Уфы, вернувшиеся с царевичевыми послами, привезли Девлет-Гирею государеву грамоту с шертной клятвой о переходе его в русское подданство и условиями освобождения Аблая и Тауке из тюрьмы. Однако заявив, что «он у государя в холопстве быть не хочет, а хочет быть в миру и ссылаться послы», Девлет-Гирей выдвинул ответные требования – отпустить на родину царевича Тауке в обмен на княгиню Чигиндар и ее детей. В противном случае, обещался воевать сибирские города и башкирские волости [Трепавлов, 2012, с.102]. Это также демонстрирует отсутствие искреннего желания договориться с Москвой.

Однако следующие несколько лет во взаимоотношениях царевичей с русской властью оказались достаточно спокойными. Фоновое присутствие Девлет-Гирея и других царевичей в этот период ощущалось во многом лишь в контексте русско-калмыцких связей. Обещание не помогать «Кучумовым внучатам» по-прежнему входит в состав шертных обязательств калмыцких тайш [Миллер, 2000, с.529]. Русским посланникам тайши неизменно рассказывают о своем твердом отказе помогать царевичам людьми (несмотря на их якобы просьбы об этом) [Миллер, 2000, с.533, 536]; а иногда прямо доносят (как правило, безосновательно) о якобы агрессивных намерениях Кучумовичей против государевых городов и волостей [Миллер, 2000, с.555, 571–572, 575, 577–578; Миллер, 2005 б, с.396, 399; РМО, 1974, с.245–246]. Продолжают стабильно поступать «вспошные вести» с упоминанием имен царевичей и по неофициальным каналам – от ясачных, «утеклецов» и «выходцов», а также от «полоняников» [Миллер, 2000, с.559, 563, 571]. Все эти «вести», судя по имеющимся источникам, оказались, как тогда говорили, «прогавшимися».

Примерно в это же время царевичи становятся лобопытным способом воздействия ряда калмыцких тайш на русские власти с целью убедить их в необходимости поддержания с ними посольских отношений. Так, в декабре 1648 года дербетский тайша Даян-Омбо попытался передать через своих послов письмо царю Алексею Михайловичу с предложением воздействовать на царевичей: «А только царевичи государевы улусы станут воевать, и государь бы рати на них не послал, чтоб ко мне посла о том прислал, а я царевича поймал, к вам отдам... А тот царевич у меня за холопа места» [РМО, 1974, с.335]. Впрочем, это пред-

ложение, видимо не особо воодушевило русскую администрацию к поддержанию отношений с Даян-Омбо; его посла в Москву так и не пропустили. В начале 1652 года послы жены хошоутского тайши Туру-Байху Гунджи, заинтересованные в том, чтобы их пропустили в Москву, передавали ее слова о том, «хочет де она царевича Девлет-Кирея с людьми взять к себе и держать его в крепких местах, а государевых сибирских городов воевать ему не даст» [РМО, 1974, с.376]. На этот раз прием сработал, в Посольском приказе послу от Гунджи заявили, «чтоб она, Гунжа, тем царскому величеству послужила, того Девлет-Кирея-царевича, поймав, прислала к его царскому величеству к Москве, и то б было верно и служба б ее была явна, а царское де величество за то ее, Гунжу, пожалуй своим царским жалованьем» [РМО, 1974, с.378]. Едва ли есть основания серьезно относиться к этим словам. Гунджа умерла весной 1653 года, не предпринимая никаких попыток воплотить свои обещания, поддерживая при этом тесные контакты с царевичем. Любопытно, что в Тобольске еще некоторое время всерьез рассматривали возможность заключить такое же соглашение относительно поимки Девлет-Гирея с возможными преемниками Гунджи [РМО, 1974, с.395–396].

В начале ноября 1645 года фиксируется необычная акция демонстративного дружелюбия со стороны Девлет-Гирея (следствие перехода Московского правительства к практике силового воздействия на калмыков? [см.: Устюгов, 1947, с.50]). На тюменских юртовских служилых татар, зверовавших на Нижней Алабуге, «наехали... Девлеткирей царевич с племянники з Бугаем да с Кучюмом, а с ними де было всяких людей калмацких и татар изменников человек 40». Испуганных зверовщиков успокоили, пригласили переночевать с ними и просили «сказать от них на Тюмени воеводе великое челобитье, ныне де у меня (Девлет-Гирея – В.П.) послы в Тобольску, а впрядь де пошло послов своих на Тюмень бити челом государю» [Миллер, 2000, с.591]. Необычность ситуации хорошо просматривается в наказной памяти тюменскому сыну боярскому К. Чеглокову, посланному по этим вестям из Тюмени к царевичам. Стремление наладить отношения с Девлет-Гиреем сочетается с явным страхом перед ним [Миллер, 2000, с.591–592].

И в следующие несколько лет Девлет-Гирей сохранял внешнее миролюбие и продолжал поддерживать посольские отношения с русской администрацией. Так, в период резко-

го обострения русско-калмыцких отношений летом–осенью 1647 года, находившиеся в Тобольске послы от Девлет-Гирея (решавшиеся ими вопросы нам, к сожалению, не известны), узнав, что их хотят поставить на один двор с послами Дайчина, заявили, что «ныне де Тайчин-тайша к вашему царскому величеству послов своих прислал обманом. Сказывают де послы ево, что Девлет-Кирей-царевич ворует, а Девлет-Киреева де воровства нигде не бывало. Да и вперед де Девлет-Кирей-царевич вашему царскому величеству послужити и прямити хочет и послов безпрестани в Тобольск присылати учнет» [РМО, 1974, с.325].

Как ни парадоксально, это внешнее миролюбие было сохранено им и весной 1648 года, когда «на святой неделе повоевали уфинские волости царевичи Бугай да Кучюк, а взяли де в полон уфинских людей человек з 20 и больши». Как продолжает тот же источник, «и Кирей де царевич, Бугаев да Кучюков дядя, ездил на зверовье и сказывали де уфинским ясашным людем, что племянники де ево Бугай да Кучюк не слушают, как де трава поспеет хотят итти войною под государевы городы» [Миллер, 2000, с.613]. Трудно сказать, что перед нами – реальные разногласия между разными поколениями царевичей или передача эстафеты поддержания имиджа непримиримых борцов с русской властью.

К той же весне 1648 года относится известие, сообщенное пленным казанским татаринном, бежавшим от калмыков, что «приехал к Девлету-Кирею-царевичу Ирденей-контайша и звал ево с собою под государевы городы и на уезды войною. А царевич де ему Девлет-Кирей сказал. Меня де государь жалует и призывает к своей государьской милости, я де под государевы городы войною не иду. И он де ему учал говорить. Я де тобя связал с собою, сильно возьму» [РМО, 1974, с.329]. Любопытно, что в отписке тюменского воеводы в Тобольск этот сюжет подан таким образом, что как будто Девлет-Гирей угрожал контайше силой удержать его от нападения на государевы города, что демонстрирует психологическую готовность представителей сибирской колониальной администрации к положительной оценке царевича [Миллер, 2000, с.614].

В 1649 году, узнав о крещении Аблая в «православную крестьянскую веру» и пожаловании его в связи с этим «царским большим жалованьем», Девлет-Гирей повел переговоры с уфимской администрацией о возможности поездки царевича Кучука в Москву для свидания с отцом [Устюгов, 1947, с.48]. Летом

1650 года к царевичу Девлет-Гирею прибыло посольство из Москвы. Однако теперь от его бывшего дружелюбия не осталось и следа. Выбежавшие от царевича «русской человек да татарин», сопроводившие московского посла, сообщили, что «собираютца Кучумовы внуцата Девлеткирей да Бугай с племянники войною итти вскоре под государевы сибирские под 5 городов и под Уфу, а прошают воинских людей у тайшей в прибавку, а государева де посла морят; дают ему корму с кашеваром на месяц по барану» [Миллер, 2005б, с.336]. Причиной такого недружелюбия (но не более) наверняка стала весть, сообщенная тогда же царевичу, о смерти царевича Аблая. Однако в результате этих вестей были резко усилены меры предосторожности: «на Уфе поставлено на стороже наших русских людей и татар 600 человек, а из Уфимского уезду пошло против Кучумовых внуцат навстречу татар, башкирцов и кипчаков 800 человек... а жены их и дети и татара живут в ретких местах в хоромах» [Миллер, 2005 б, с.336–337]. Результаты этого похода нам неизвестны, однако мы снова видим, как страх пересиливал все разумные резоны и вызывал жесткую и немотивированную реакцию властей на любые сведения об инициативах царевичей. Не исключено, что цепь последующих событий непосредственно связана с этими действиями русских властей.

Тем же летом 1650 года тарские посланники к калмыкам утверждали, что слышали «от русских полоняников и от киргизцов, что Юрлюков сын Тайчин, да Кунделен, да Доев Онбо, тайша де Девлеткирей, да Бугай царевичи хотят приходить на государевы сибирские городы и на слободы и на Уфу войною» [Миллер, 2005б, с.338]. Косвенные данные (выход к государевым людям на Ямыше озере «утеклецов» от царевичей 22 человек тарских и тюменских татар, захваченных «во 159-м году под Тарою войною» [Миллер, 2005б, с.396]) позволяют предполагать какие-то военные действия царевичей в Тарском уезде.

Однако наиболее интересным и до сих пор не в полной мере ясным вопросом, связанным с царевичами, стали события сентября–ноября 1651 года – погром Успенского монастыря в Присетье и нападение на Аялыньскую волость Тарского уезда. Пожалуй, это по-настоящему первый случай самостоятельных и скоординированных (?) действий царевичей против русской колонии. Однако вопрос об ответственности за эти нападения, равно как и о их мотивах, остается не до конца проясненным.

8 сентября 1651 года был сожжен и разграблен Успенский Исетский монастырь, убито и сожжено в избах около двух десятков человек, еще примерно столько же было взято в плен. Старец Сергий, находившийся в момент нападения в монастыре и даже на короткое время попавший в плен к нападавшим, сообщил, что «приходили в тот монастырь воинские царевичевы люди человек с 100» [цит. по: Самигулов, 2011 а, с.106]. Как важную подробность обстоятельств нападения тот же старец отметил, что «преж де приходу на Успенской монастырь воинских людей приезжал в тот монастырь тобольской татарин Третьейко Кривой (далее в документе представлен как «изменник тобольской захребетной татарин Торбинских юрт Третьейко Ковчижку»; в другом документе он поименован как «Тетейко Колчиков» [Миллер, 2005 б, с.354]) и сказывал им, чтоб жили бережно, что будет де на Успенской монастырь калмыцкие воинские люди (далее в документе указывается, что это были «Аблины дети»; в другом документе ему приписаны слова, что это был «Девлеткирея царевича племянник Аблин сын Кучюк» [Миллер, 2005 б, с.354]), а как Третьейко от монастыря съехал, и того ж де дни воинские люди на монастырь и приехали» [цит. по: Самигулов, 2011 а, с.107]. Тот же Т(р)етейко утверждал, что Кучук шел войною «под Тюмень на Пышминские Токмаметевы юрты, и он де, Тетейко, ночью на стану у Кучюка Аблаева украл 4 ево кони лутчие и от него ушел и бежал на Исецкой монастырь, и на Миесе реке нагнал ево Тетейка Кучюк Аблин с воинскими людьми, и он де за тое реку у них ушли, и он, Тетейко, прибежал в монастырь, сказывал, что де идут за ним воинские люди и будут скоро» [Миллер, 2005 б, с.355]. Эта информация позволяет отвергнуть демонстративный характер нападения на монастырь. Что стало конкретным поводом для нападения – бежавший от Кучюка изменник, или слухи о том, «что на Исети де Успенского монастыря у старцов всяких животов много» [Миллер, 2005 б, с.351] – не столь уж и важно. Чисто грабительский характер этой акции, совмещенной также с разгромом (возможно с участием царевича Сулеси [Самигулов, 2011 а, с.121]) татарских юрт Уфимского и Тюменского [Миллер, 2005 б, с.354] уездов, более чем очевиден.

Участие Кучюка в нападении на Успенский монастырь было подтверждено позднее тобольскими посланниками к тайшам, которые на обратном пути на Ишиме реке встретили «царевича, Аблаева сына, Кучека с воин-

скими людьми и с полоном, которой они взяли в Исецком Успенском монастыре, а полону де у них человек з 20» [Миллер, 2005 б, с.353]. По не известным нам основаниям к нападению на монастырь В.В. Трепавлов посчитал причастным и Девлет-Гирея [Трепавлов, 2012, с.104].

17 сентября 1651 года состоялось нападение на Биргамакову деревню Аялынской волости Тарского уезда, в результате которого были захвачены четыре человека ясачных с женами и детьми. В отписке тарского воеводы в Тобольск четко обозначено, что это «приходил Бугай царевич с воинскими людьми» [Миллер, 2005 б, с.352], хотя принесший на Тару информацию о нападении ясачный татарин лишь сообщил, что «повоевали де их деревню над Большим озером царевичевы люди татарове, а не калмыки... а приходили де они обманом, сказався от послов, а всего де их приходило человек с 30» [Миллер, 2005 б, с.352]. Отправленные против царевича служилые люди погромили улусных людей Далай Абаша тайши и тайши Гепкепа [Миллер, 2005б, с.356], утверждавших, что «за Бугаем царевичем они государевых ясачных людей и юртовских татар не воевали и не грабывали, а грабили де юртовских и ясачных татар Чагана тайши люди» [Миллер, 2005б, с.361].

20 ноября произошло еще одно нападение на Чипкулярово деревню все той же Аялынской волости. Был убит конный казак, и взяты в плен трое татар [Миллер, 2005, с.365]. Выбравший из плена аялынский татарин сообщил, что «приходили де войною на их Аялыную волость Девлеткирей царевич с сыном своим да с тарскими изменники с татары, а не калмыцкие люди» [Миллер, 2005 б, с.362]. Посланный с Тары против Девлет-Гирея отряд под командованием ротмистра А. Кропотова на одном из урочищ наехали «калмыцких Абулаевых послов 2 человек да 5 человек бухарцов, идут на Тару», сообщивших, что «повыше де того урочища в займище царевич Девлеткирей, идучи войною под Тарской город, оставивал с ними своих людей 20 человек с лошадьми и с запасы и для тово, чтоб их не пустить в город до тех мест, покамест он, Девлеткирей царевич, поверотит назад (на обратном пути люди Девлет-Гирея погромили караван, побив и переранив людей и отогнав скот – В.П.)» [Миллер, 2005 б, с.364].

Осенью 1653 года царевичи Абугай, Кучук и Хансюер с «воинскими людьми, человек с 60», грабят ясачных людей в Тоболо-Ишимском междуречье, воя с собою ясачных же татар в качестве языков [Миллер, 20065, с.380].

Угрозы царевичей поступать так и впредь фиксируются вестями, полученными от выбежавших летом 1654 года из плена от Девлет-Гирея татарок и русских посланников к тайшам [АИ, 1842а, с.229; Миллер, 2005 б, с.382–383]. В августе 1655 года возвращавшиеся из калмыцких улусов тобольские посланники и калмыцкие послы встретили «воинских людей 50 человек», которые сказали, что «гонят их де они за зверовщиками, да их же де воинских людей 3 царевича пошли под Тюмень, а с ними 500 человек, и наехали Индерские юрты и ясашных людей погромили, взяли в полон, а иных побили» [Миллер, 2005 б, с.385]. Совершенно очевидно, что акция царевичей – всего лишь часть более широкой практики давления на ясачное население сибирских уездов, за которой стояли калмыцкие тайши.

Очень сложным вопросом является факт участия царевичей (или степень такого участия) в событиях, произошедших в восточных волостях Тарского уезда зимой 1659–1660 годов. В результате нападений пострадало ясачное население Тунусской, Кулебинской, Любайской, Чойской и Барабинской волостей – убито около 60 человек и около 700 захвачены в плен. Первое, самое крупное, нападение, видимо, произошло в первых числах декабря. Первые же «утеклецы» назвали главных виновников нападения – «царевичи Кучюм[овы внучата Чючюлень] да Урлюков лутчий человек Дайкошучи», а также «калмыцкие воинские многие люди Урлюкова сына Улузана тайши, да с ними де были дурбетцы, Ишкеповы люди, а с теми де людьми тайша был Алдар» [Миллер, 2005б, с.406, 408]. Несмотря на то что данные известия отнюдь не позволяют считать царевичей в качестве инициаторов и главных участников этой акции, именно царевичи стали основной целью выступивших в поход тобольских и тарских служилых людей. Результатом похода стало уничтожение группы «калмыцких воинских людей за Омыю рекою 50 человек» и захват одного из них живьем в качестве языка. В расспросе и с пытки тот сказал, что «люди де они... [Улу]за[на] тайши Урлюкова сына, а с царевичи де они не были, а были де с царевичи дербенцы Ишкеша тайши люди, 600 человек, да царевичевых людей 200 человек, а шли де войною Тарского уезду на волости мимо их Урлюковы улусы, а как де они, царевичи, войною пошли Тарского уезду, и товарищи де ево калмыцкие люди, которых тарские служилые люди побили, собрав 50 человек людей, пошли за царевичи без тайшина ведома, и от улусных людей утаеся, и шли де

они за царевичи их шляхом, государевых ясачных волостей» [Миллер, 2005 б, с.408–409]. Речь языка прекрасно демонстрирует то, как задаваемые вопросы формируют ответ. Именно царевичи, как можно полагать, были главными фигурантами задаваемых вопросов и волей-неволей язык давал интересующую русских интерпретацию событий с царевичами в качестве главных фигур.

Участие царевичей (по-видимому, Абугая, Кучука, Хансюера и Чучелея, кочевавших вместе, о чем упоминают многие источники [Миллер, 2005 б, с.422, 411, 415–416]; особенно стоит информация, полученная от томских воевод, о том, что «Тарсково уезду ясашные люди барабинцы и кулебинцы повоеваны, а воевал их Кучюмов внук Керей» [Миллер, 2005 б, с.425]) в нападении на тарские волости сомнений не вызывает. Однако степень этого участия, как она прослеживается по источникам, выглядит преувеличенной.

Еще ранее второй половины июня 1660 года от «утеклецов» была получена информация о том, что «приезжали к царевичем и к Улузану тайше от Абулая тайши посланники, забрали царевичев Девлеткирея, и Бугая, и Кучука, Челея, и Кансурея з женами и з детьми и со всем кочевьем да и полон тот государевых волостей, которой был у царевичев в улусе, весь к Абулаю забрали; да Улузану тайше те же посланники приказывали, чтоб Улузан тайша не кочевал блиско государевых волостей» [Миллер, 2005 б, с.432]. Для тайши Аблая этот акт представлял возможность доказать расположение к русскому государю, добровольно вернув пленных [РМО, 1996, с.77]. Для русской администрации, напротив, это было равносильно соучастию в совершенном нападении [Миллер, 2005 б, с.432]. Несколько лет спустя, в письме тайши Чагана (сына тайши Аблая) царю Алексею Михайловичу, по сути отрицается участие царевичей в нападении на тарские волости, а виновником его назван тайша Улузан [РМО, 1996, с.192].

Летом 1661 года, в результате похода из Тобольска, на притоке Иртыша речке Железенке, силы царевичей были разбиты и рассредоточены [Устюгов, 1947, с.63]. В начале сентября в Катайский острог вышли 8 семей тюменских ясачных татар и 214 (sic!) семей уфимских ясачных башкир, заявивших, что «отошли де мы от Кучюмова внука от Девлеткирея Чювакова с Кучюмовыми ж внучаты з Бугайком Ишимовым и с племянником ево боем с Иртышу от Краснове яру; а у Девлеткирея де осталось воинских людей 200 чело-

век; а Тобол де мы переехали выше Царева городища с теми ж с Кучюмовыми внучаты з Бугайком да с Чючюлемом да с Качюяром с Аблаевыми, и тут де мы от Кучюмовых внучат от Бугайка с товарищи отбились, и он де Бугайко с товарищи пошли вверх по Тоболу, а с ними де воинских людей 60» [Миллер, 2000, с.635–636]. Этот документ, видимо, последний, упоминающий царевича Девлет-Гирея как действующего персонажа Сибирской истории.

Как бы то ни было, эпизод этот положил начало следующему этапу взаимоотношений царевичей с русской властью. Его главными героями становятся царевич Кучук и его наследники, а контекстом – башкирские восстания второй половины XVII – начала XVIII столетия.

В декабре 1661 года из Катайского острога пришла тревожная информация о том, что «выходцы» (уфимские башкиры, вышедшие в сентябре 1661 года от царевичей), во главе с Сары Мергенем (бывшим когда-то ближним человеком царевича Тауке [см.: Трепавлов, 2012, с.176]) собираются воевать Катайской острог и Далматову пустынь [МИБ, 1936, с.159]. В начавшемся вслед за этим восстании все тот же Сары Мерген и его ближайшие родственники играют ведущую роль на территории Зауралья, объединяют силы восставших, «воюют» остроги и слободы в Исетско-Пышминском междуречье, и даже обращаются за помощью к калмыцкому тайше Дайчину, «чтоб он Тайчин прислал к нему Сарымергенку начального человека на помоч с ратными людьми идти под Тюмень войною» [МИБ, 1936, с.161–163]. Один из информаторов особо отметил (видимо, в качестве ответа на вопрос): «А царевичи де с теми изменники под слободами и нигде не были и о измене де у них с ними и с ыными тюменскими татары ссылки не бывало» [МИБ, 1936, с.162].

Какого-либо участия царевичей мы здесь не замечаем («догадку» Н.В. Устюгова о заранее спланированной царевичами операции по переброске в Башкирию своих сторонников во главе с Сары Мергенем для осуществления подрывной деятельности [Устюгов, 1947, с.63] можно считать приметой времени и смело выносить за рамки историографического анализа; его же доводы об участии царевича Кучука в начальном периоде восстания [Устюгов, 1947, с.77] считаем необидительными). Тем не менее именно в 1663 году администрация колонии в очередной раз оказывается в плену болезненной фобии. В Тобольске на полном

серьезе воспринимали слухи о масштабной «шатости и измене» во всех городах Тобольского и Томского разрядов, инициированной царевичем Девлет-Гиреем: «А положили де они (Девлет-Гирей, калмыки, татары, башкиры и даже ханты с селькупамы – В.П.) на том все и ссылались на том во все города, что в нынешнем во 171-м году летом придти подо все сибирские города и города взять, а служилых людей побить... договорились на том, что быть де царевичу Кучюмову [Девлет Кирею] в Тобольску и владать ему всею Сибирью, и ясак де платить со всех городов сибирских тому царевичу Кучюмову» [цит. по: Трепавлов, 2012, с.110–111]. И едва ли здесь уместно предаваться конспирологическим спекуляциям и искать в этих событиях реальные происхождения бухарцев или самих царевичей. В истории Западной Сибири было немало случаев, когда информационные химеры подобного рода возникали, что называется, на пустом месте, но вызывали вполне настоящую «охоту на ведьм» [Пестерев, 2005, с.67–94].

Зимой–весной 1663 года появляются первые свидетельства о контактах восставших башкир с царевичем Кучуком, договаривавшихся «меж себя не воеватца и от русских людей друг друга оберегать» [Устюгов, 1947, с.64, 81–82]. И только осенью того же года мельком отмечается, что «Айских волостей башкирцы великому государю иные и шертовали, да в том же часе сибирского царевича к себе призвали», что стало поводом для их «повоевания» [МИБ, 1936, с.165; Устюгов, 1947, с.88].

С ноября 1663 года царевич Кучук становится одной из главных фигур башкирского вопроса. Для башкир Кучук – знамя восставших, гарант защиты их интересов, именно ему передаются все полномочия по выстраиванию взаимоотношений с русской администрацией. И хотя на первом этапе восстания Кучук не более чем символ (активные действия в это время он ведет, видимо, лишь в пределах Верхотурского уезда [Самгулов, 2011 а, с.122; Дополнения, 1851, с.385]), именно он считается главным условием серьезного восприятия требований восставших [МИБ, 1936, с.170].

На первых порах, относительная неактивность Кучука вызывала у многих восставших обоснованное недоверие к нему самому (вплоть до подозрения в связях его с русским правительством и отрицания самого факта его приглашения), и желание найти новую, более активную в своих действиях, опору своему движению и, прежде всего, в лице калмыцких тайш – Дайчина и Аюки [МИБ, 1936, с.170,

172–173, 175]. Впрочем, и сам Кучук не был склонен рассматривать свое положение среди башкир как исключительное. Это хорошо видно из содержания его ярлыка башкирским начальникам, охраняющим их от насилия при сборе продовольствия, в котором Кучук называет тайшу Дайчина своим отцом [МИБ, 1936, с.180]. И не важно, что перед нами – признак распределения сфер влияния между тайшами и Кучуком или, что вероятнее, указание на подчиненный статус царевича, для русской администрации такое положение вещей было более чем очевидным. Косвенно это подтверждается наличием увещательных памятей уфимских воевод к восставшим башкирам с требованием «и от калмытцкого Дайчина и от Аючая тайшей отстаньте», без всякого упоминания кого-либо из царевичей [МИБ, 1936, с.181, 183, 189] (версию о распределении симпатий башкир разных дорог к калмыкам или царевичам считаем необоснованной). Даже те памяти, которые упоминают имя Кучука (в форме «Султук Кучюк салтан», намекающей на наличие у царевича прозвища, с не вполне ясной этимологией), совершенно не показывают его в качестве активной фигуры, он пассивен, а его руководство восставшими чисто номинально [см. напр.: МИБ, 1936, с.184–185]. В одной из тайных памятей уфимской администрации восставшим башкирам делается такое предложение: «а будет то учините, Султяка салтана Кучюка изымете, привезете на Уфу, от бога милость получите, а от великого государя премногую милость увидите, и детям вашим и внучатам навеки милость государская будет» [МИБ, 1936, с.186]. По сути, выделение Кучука как возможной разменной фигуры дополнительно указывает, что для уфимской администрации шаткое его положение было весьма очевидным.

Странная пассивность царевича в событиях этой фазы башкирского восстания может быть объяснена предположением, что здесь имеется в виду не сын Аблая, а сын самого Кучука. В докладной записке из дел Сибирского приказа 1700 года содержится ретроспективное упоминание о событиях 1664 года, когда в пыточных своих речах башкирские «лутчие люди» признавались, что они «царевича Кучюкова сына Кочука с братом и с людьми подзывали воевать государевы слободы» [ПСИ, 1882, с.83]. На тот момент ему едва ли могло быть больше 16–17 лет, что и объясняет некоторую его пассивность. Косвенными доводами в пользу данной версии является наличие у него прозвища (для различения двух одно-

именных персонажей), а также упоминание о гибели Кучука б. Аблая около 1678 года [МИБ, 1936, с.238–239] и в то же время ханство некоеро Кучука (скорее всего, Кучумовича) у каракалпаков в начале XVIII столетия [МИБ, 1936, с.251, 269; ПСИ, 1882, с.374, 381 и др.].

Уже на стадии спада башкирского восстания летом 1664 года впервые заявляет о себе царевич Азан б. Девлет-Гирей (возможно именно он и указан в качестве брата «Кучюкова сына Кочука» из вышеприведенного источника; В.В. Трепавлов считает Азана сыном Аблая [Трепавлов, 2012, с.109]). В конце июля на Невьянскую волость приходили «воровские тотара царевичь Азан Киреев сын з башкирцы с подкаменными... да закаменная уфинская башкирь, да верхотурского ясаку вогуличи» [МИБ, 1936, с.193–194; Дополнения, 1851, с.385]. По показаниям взятого вскоре языка, «с царевичем силы 1000, а бойца де 600, а куявника де 100»; «утеклецы», бежавшие из плена рассказывали, что «тотара меж собою говорят, нам то де еще что видели, у нас де коней мало было, поднятца де было всем не на чом, а ныне де у вас коней взяли много, ждите де нас опять вскоре к себе, не токма на деревни и на остроги» [МИБ, 1936, с.194]. В середине сентября нападению «воровских воинских людей с тюменскими ясанными татарь» и непоименованных царевичей подверглись деревни и слободы по рекам Пышме и Исети [Дополнения, 1851, с.385–386]. В октябре или ноябре имя царевича Азана (вместе с калмыками Аюки и башкирами) всплывает и в описании погрома деревень Мурзинской и Киргинской слобод, находившихся в южной части Верхотурского уезда [Самигулов, 2011 а, с.122].

В декабре 1664 года в Тобольск прибыли послы царевича Кучука. От имени самого Кучука и от имени измучивших башкир они просили «им вины их отдать» и выражали готовность вернуться под «самодержавную высокую руку» [Устюгов, 1947, с.107]. Результатом этих сношений стало приостановление активных действий восставших башкир против ясачного населения и русских людей. Один из «утеклецов» из башкирского плена сообщил: «русские послы пришли к царевичю, а заказ де от царевича им башкирцом крепко, чтоб де башкирцы отнюдь русских людей и ясашных татар не побивали и не грабили; и они де ездят, укратчися от царевича, чтоб де царевич их не знал» [МИБ, 1936, с.195]. Причиной такого поведения царевича, можем предположить, стало пленение его брата Хансюера, обстоятельства которого, к сожалению,

не нашли должного отражения в источниках [Трепавлов, 2012, с.120, 209]. Еще один «утекле» летом 1665 года сообщил, что зимовал царевич (скорее всего, Кучук) «за Еиком на Кызыле, на Красной реке», признаков каких-либо тесных его контактов с башкирами сообщенные им данные не содержат [МИБ, 1936, с.197]. По данным Н.В. Устюгова, тем же летом Кучук совершил нападение на Киргинскую слободу [Устюгов, 1947, с.107].

В мае 1667 года, в результате массового ухода башкирского и татарского населения Терягской волости Уфимского уезда от царевича (судя по дальнейшим событиям, имеется в виду Кучук б. Аблай), последний грозился «итти войною тотчас на сибирские города и на слободы и на их де башкирцов, которые от него отъехали и от измены отстали» [МИБ, 1936, с.198]. В июне стало известно, что «Кучук царевич стоит за Тоболом в Еитцких вершинах... а с ним де калмытцких тайшей четыре человека, а воинских де людей с ними тысяча с двадцать, а наряжаютца де идти под государевы города и слободы войною» [Дополнения, 1853, с.288–289]. В конце августа некие воинские люди, побывавшие и имавшие в плен русских людей под Тарой, предупредили, что «идет де под Тару царевич, а воинских с ним людей татар, и калмыков, и изменников башкирцов две тысячи человек» [Дополнения, 1853, с.289]. По всей видимости именно эти события были позже приписаны русской администрацией на счет Кучука и предъявлены ему при возобновлении посылских сношений с ним осенью 1668 года [Трепавлов, 2012, с.208]. Впрочем, сам Кучук не отказался взять на себя ответственность за факт повоевания русских людей под Тарой, объяснив это тем, что его послов не отпустили с Уфы в Москву [Трепавлов, 2012, с.213].

Непримиримая позиция царевича Кучука и его опора на башкир как стереотипное восприятие его русскими людьми хорошо видны в сообщении неизвестного иностранца, датированном приблизительно 1666 годом: «Еще жив сын упомянутого выше царя, называемый царевич (Zarewitz), который до сих пор объявляет себя врагом и ни под каким видом не хочет вступить в подданство русскому царю... он имеет при себе немного людей, именно башкиров, и тем не менее каждый год, примерно во время жатвы, делает он набеги на границы, в Сибири. Там, где он в состоянии это сделать, уводит он много людей и скота, сколько только может... Этот царевич выдает себя за наследника этого края и

никогда не отдастся добровольно. Иногда ему удается перетянуть на свою сторону башкиров, тогда он делает из этого большой шум» [Алексеев, 1941, с.347–348]. Особые отношения, связывавшие царевича и башкир, тот же автор склонен объяснять тем, что «прежде этих людей он всегда употреблял для своей службы» [Алексеев, 1941, с.362]. Состояние перманентной войны с «московитами» и опора на «верных людей» в лице башкир, как характерные черты стереотипного восприятия царевича Кучука содержатся также в сочинении Альбрехта Доббина, изданном в 1673 году [Алексеев, 1941, с.395]. Склонность к преувеличению мощи Кучука видна и в картографии. На копии С.У. Ремезова, сделанной с чертежа П.И. Годунова 1667 года (на нее обратил наше внимание Д.Н. Маслоуженко), пределы улуса «Кучуковы[х людей]» в верховьях Тобола охватывает пространство, едва ли не превышающее по отдельности территории «Калмыков», «Урлюковы[х людей]», «Ногаев» и «Башкирцев» [Кивельсон, 2012, с.179].

Вышедшие от царевича в сентябре 1667 года башкиры сообщили о Кучуке, что «Абла де тайша у него царевича атаманов (так в тексте – В.П.) взял в том, чтоб он не ходил безвестно на государевы города и слободы воевать, а царевич де сего лета нукуды войною не бывал» [Дополнения, 1853, с.289; см. также: АИ, 1842а, с.374]. Позже послы Очирту Цецен-хана (старшего брата тайши Аблая) в Москве утверждали, что именно в результате вмешательства их патрона «тот Кучук-царевич, убоясь ево, воевать перестал и государевых пленных людей, которые не проданы, отпустил и послов своих на Тару присылал» [РМО, 1996, с.213]. Примерно в это же время сын Аблая тайша Цаган в письме к Алексею Михайловичу заявил: «Кучук-ханне нашево де улусу. А я де никакой силы ему не прибавлю. Он, Кучук, от нас збежал и тепере от нас далеко живет. Потому будет он с силою пойдет, и мы ево не отпустим... Будет вам он недруг, а мы отселе силы вам прибавим, а будет станет с нами воеватца, и вы силы нам дайте также, будет лутчи меж нами» [РМО, 1996, с.191–192].

В начале августа 1668 года на Тару пришел посол царевича Кучука. В поданной им грамоте от царевича было сказано, что «посылал де он, Кучук, на Тюмень дву послов да в Тоболеск посла для миру. И те де послы задержаны. И для де тово война ево не пережакетца. А ныне де послал он четвертаго своего посла для миру» [Трепавлов, 2012, с.207]. В Тобольске посланник Кучука был обнаружен

в тюрьме, куда был брошен, по-видимому, еще в конце 1664 года, когда «за тем посольством царевич Кучюк з башкирцы и с своими людьми приходил войною под... сибирские слободы»; следов Кучуковых посланников в Тюмень так и не удалось сыскать [Трепавлов, 2012, с.207]. Посольские сношения с Кучуком были возобновлены. В ноябре 1668 года его посланники в Тобольске просили отпустить их в Москву «проведать про царевичева брата про Канцера царевича, какова к нему ваша государская милость...А как де Кучюку царевичю про брата ево ведомо будет и брат ево к нему отпишет, и Кучюк де царевич з братьями и с улусными своими людьми учнет вам, великим государем, бить челом в подданство» [Трепавлов, 2012, с.209]. До отпуска посланников в Москву, Кучук не соглашался ни шертовать государю, ни обмениваться пленниками [Трепавлов, 2012, с.211–212]. Впрочем, царевич был явно открыт для диалога. Он не скрывал наличие у себя русских пленников («муского и женского полу человек з дватцать») и был явно готов его вернуть или обменять при условии продолжения диалога. Попытки тобольских посланников к Кучуку тайно подговаривать находящегося у него в улусе башкир вернуться под государеву руку не только не встретили препятствий со стороны царевича, но даже напротив, послужили поводом к предложению Кучука обеспечить возможность свободного перехода людей, «чтобы о том ссоры и задоров не было» [Трепавлов, 2012, с.212].

Настроенность на продолжение диалога хорошо видна и в отправленной с тобольскими посланниками грамоте от Кучука, адресованной царю Алексею Михайловичу. В ней царевич (впервые представленный царским (т.е., по-видимому, ханским) титулом – «Кучюк Баатырь царь»; в близких по хронологии источниках ханское достоинство Кучука указано также в письме сына Аблая тайши Цагана Алексею Михайловичу [РМО, 1996, с.191]) проявляет явное желание с «сей поры правдою истинною помириться, чтоб меж нами послы ходили без престани. И как с калмыцкими тайшами мирно живу, и с великим белым царем так ж бы мирно жить и прежнее дуровство отставить» [Трепавлов, 2012, с.210]. Послы в Москву, в связи с отсутствием соответствующего указа, так отпущены и не были. Прожив в Тобольске до конца мая 1669 года, они были вынуждены вернуться в Кучуков улус [Трепавлов, 2012, с.213–214]. Вместе с ними из Тобольска были отправлены послы «к Кучюку царевичю с братьями с государевым жалованьем, с сукны»

[Дополнения, 1853, с.432]. В начале октября 1669 года Кучук предпринимает еще одну попытку отправить своего посланника в Москву [Трепавлов, 2012, с.214–215], вероятно, также безуспешную. После этого имя Кучука перестает фиксироваться источниками.

В сентябре 1678 года, в соответствии с полученной от калмыков и бухарцев у озера Ямыш информацией, царевич Дюдюбак б. Аbugай б. Ишим был отпущен правителем Джунгарии хунтайджи Галданом Бошокут-ханом, у которого находился до этого в плену, и более того якобы был сделан им «надо всеми дурбецкими тайшами владетелем, и во всем им, тайшам, ему, царевичю, быть послушным, и кочевать ему на старинных ево кочевьях по Ишиму-реке, где кочевали дед и отец ево. И велел им Галдан итти на башкирцев войною» [РМО, 1996, с.321]. Когда в марте следующего года в Посольском приказе послу от Галдана Бошокут-хана был задан вопрос о достоверности данной информации, тот выразил вполне обоснованное сомнение, «чтоб того Дюдоку Галдан, из неволи свобода, владельцем учинил» [РМО, 1996, с.324].

Впрочем, через какое-то время Дюдюбак уже кочевал, по-видимому, самостоятельно. Весной 1683 года башкиры Сибирской дороги оказались взволнованы тем, что «калмыцкой царевич Дюдюбак Бокаев с воинскими людьми, с калмыки зимовал, от их башкирских волостей в пяти днищах, подле озера Чертанлы, а с ним калмыков сорок тысяч», и якобы «с Оюкаем тайшею у них сосланысь, что им нынешнею весною на государевы города и на уезды войною итти вместе» [АИ, 1842 б, с.177]. В августе этого же года по южноуральским волостям прокатилась весть, что «Уфинской де город в осаде от калмыков, иные де идут с войною за Камень, в Сибирскую сторону» [АИ, 1842 б, с.178]. Станичниками Катайского острога были получены сведения, что «воинские люди калмыки пришли под Уфинской город, тайша Аюка, а царевича де он послал Асана (Азана б. Девлет-Гирея? Хасана б. Аблая?) с воинскими людьми в Сибирскую сторону, а ныне он царевич Асан стоит на Чебаркуле озере, от Катайского за два дни» [Дополнения, 1867, с.393]. Какие-либо действия их против колониального населения сохранившиеся источники не отражают.

По сути, эти последние поименные упоминания царевичей-Кучумовичей в источниках. Все дальнейшие известия об оставшихся в степях потомках дома Кучума так или иначе связаны с каракалпаками (у которых Кучук б.

Аблай становится основателем новой ханской династии [Сабитов, 2014, с.88]) и башкирами (по-прежнему являвшимися их опорой и целью воздвизения). С этого же момента царевичи перестают быть объектом самостоятельного интереса представителей русской администрации, сливаясь с безликим обозначением их как «каракалпаков».

Эта анонимность мешает адекватно воспринимать события конца XVII – первой половины XVIII столетия в Сибири и Приуралье в их возможной связи с Кучумовичами. То военное давление, которое начинают испытывать русские поселения в Зауралье с 90-х гг. XVII века и которое традиционно связывается с киргиз-кайсаками (казахами), имеет столько же оснований быть связанным и с каракалпаками, а значит потенциально и с Кучумовичами.

Так, есть серьезные основания полагать, что главным контрагентом в одном из крупнейших сражений в Сибири конца XVII века – битве у озера Семискуля 27 июля 1693 года – были не казахи, а каракалпаки. Когда в 1696 году русские послы предъявили казахскому Тауке-хану претензии по поводу этого события, он заявил, что «прежде под слободы и под деревни в Тобольской уезд приходили войною каракалпаки, а не его Казачьи Орды татаре; а в 201 году у Семискуля озера Василья Шульгина с ратными людьми побили каракалпаки ж, а его де Тевкихановых людей было малое число»; при этом от оповещения его людьми Шипицыной слободы он вовсе не отказывался, рассматривая это как месть за захват русскими его посланников у озера Ямыш [Дополнения, 1867, с.379–380]. Кроме того, именно до каракалпакских улусов, как то явствует из показаний пленников, везли захваченных в результате сражения на Семискуле русских людей [Самигулов, 2011 а, с.123].

Помимо собственно каракалпаков в этом сражении действительно участвовали казахи, тобольские татары и даже башкиры. Более того, в соответствии с показаниями русских пленников, «Уфинского уезду башкирцы в Каракалпаках, которые изменили с Кучюк царевичем, и те де башкирцы ходят под государевы города и слободы в вожак у Казачьей Орды, и с каракалпаками и с Казачью Ордою государевы слободы вместе разоряют, и людей побивают, и в полон емлют и руской полон продают в Бухары и в Хиву» [Дополнения, 1867, с.390; см. также: Самигулов, 2011 а, с.123]. Тесную связь башкир с каракалпаками и казахами отмечают и тобольские отписки в Москву [ПСИ, 1882, с.82].

Следующий этап противостояния Кучумовичей и русских властей оказался связан с очередным башкирским восстанием начала XVIII столетия. Главными героями этого этапа стали царевичи (султаны) или провозглашавшие себя таковыми, напрямую связанные с каракалпакской ханской династией.

Наиболее известным из них стал некий Султан-Мурат, по его собственным словам – сын «каракалпакских и киркиских народов хана» Кучука [МИБ, 1936, с.231] (В.В. Трепавлов почему-то его генеалогию выводит из совершенно фантастической «родовой росписи» некоего Карасакала – авантюриста-самозванца середины XVIII столетия [Трепавлов, 2012, с.123]). Хотя в историографии и не сложилось единого мнения относительно его происхождения (все еще популярной является версия о нем как о башкире-самозванце), распросные речи его в Астраханской приказной палате после пленения, в которых он довольно подробно описал свой жизненный путь, выглядят весьма правдоподобно. Именно из его рассказа сегодня извлекается информация о времени смерти хана Кучука б. Аблая, он же упомянул об обстоятельствах пленения русскими царевича Сунчелея (видимо Чучеля б. Аблая). По его словам, к башкирам он попал давно, еще до перерастания их недовольства в восстание. Однако вся его деятельность в качестве «владельца» башкир свелась, исходя из его показаний, к попытке обратиться с ними в подданство к крымскому хану, «чтоб крымской хан за вышеписанные обиды и разоренье от русских приблещиков принял их к себе под владенье» [МИБ, 1936, с.239]. Как минимум с 1706 по начало 1708 года Султан-Мурат занимался осуществлением этой миссии (это следует из его собственного рассказа) и больше на территории башкирских востостей до своего пленения не появлялся (он был захвачен в плен при попытке захвата Терской крепости в феврале 1708 года и вскоре казнен в Казани). Таким образом, в острой фазе башкирского восстания ему поучаствовать так и не довелось.

В историографии до сих пор иногда идет смешение Султан-Мурата с другим (другими?) предводителем башкир, известным по источникам осени 1707 – весны 1708 года, и также именующимся «Салтаном».

По-видимому, одно из первых упоминаний об этом загадочном персонаже относится к октябрю 1707 года (Султан-Мурат в это время был в Чечне или на Кубани). По словам одного из башкирских информаторов, «стоит

де наш царь Салтан под Уфинским городом... в 3000-х... и прислал де к ним в вотчины башкирские свое знамя и коня, и велит под знамя нам башкирцом всем збиратца, и пригити к себе в войско под Уфинской город... и хочет Уфинской город взять и уездные деревни вырубить, и хвалитца итти на сибирские слободы и деревни, и говорит де такие речи, я де вашь прямой царь и не берет де меня ни огонь ни вода, и хочет в сибирских слободах и деревнях жить» [МИБ, 1936, с.212]. В донесении казанского коменданта от 1 января 1708 года сказано, что «Уфинские воры башкирцы, пригнав себе вора кубанца и назвали ханом, весьма ныне воруют, разоряют Казанской уезд, которые места смежны с ними, русские села и деревни жгут и людей побивают» [МИБ, 1936, с.212–213]. Кубанцем этого «хана» называют и другие источники [МИБ, 1936, с.223, 225, 232–233], в том числе и единственный источник, прямо разделяющий этого таинственного «кубанца» и Султан-Мурата, который был захвачен под Терком [МИБ, 1936, с.236].

Поступавшие позже известия четко выводят прибывшего хана «ис Каракалпак», именуют его «Салтан-Хозя» (в одном случае – «Ибраим ханом») и описывают особые формы поклонения ему («все башкирцы за святого его почитают и воздают ему честь. Батыри и лутчие башкирцы целуют ево в полу, а иным целовать не дают») [МИБ, 1936, с.225, 258]. В марте 1708 года он предъявил некие «листы» от имени своего отца, каракалпакского «Гаип-Маметь-Богатырь-хана», где значится: «Которой к вам приехал хан Хозей и князя по совету 7-ми юртов согласясь с совету послан ис 700000 людей... Сей, которой к вам приехал сын мой и что слов и старших, которые с ним приехали, буде ослушны учинись, отнюдь прощения не будет» [МИБ, 1936, с.265]. Его дальнейшую судьбу известные нам источники не отражают.

В феврале 1709 года от башкирских информаторов были получены сведения о том, что «из каракалпаков» на Ногайскую дорогу пришел посол «Тобурчюков сын Каип салтан, 25 лет, а с ним 56 человек каракалпаков», у которого «многие куран целовали на том, что вместе в Сибири слободы и деревни воевать» [ПСИ, 1882, с.376]. Вероятно, этот «посол» привез с собой, или обговорил приезд еще одного царевича.

Весной 1709 года в присетских слободах и острогах от башкирских информаторов было получено известие, что «приходил к ним на сибирскую дорогу каракалпакской ханской

сын Размаханбет Бошай салтанов сын, а с ним де каракалпаков толко 50 человек; а ростом де он невелик, лицом калмаковат, толко 17 человек (описка, видимо, «лет» – В.П.)» [ПСИ, 1882, с.373]. По словам одного пленного башкира, они «того де ханского сына не почитают ни во что», а пригласившие царевича башкиры утверждают, что «того ханова сына из Каракалпаков прислал к ним на нагайскую дорогу с малыми людьми вышепи-санной дядя его Кучюк (Кучюк б. Кучюк б. Аблай б. Ишим б. Кучум (?) – В.П.) хан для проведыванья, что все ль башкирцы пойдут к нему в подданствии, и велел де ему о том к себе писать» [ПСИ, 1882, с.373–374]. В доношении казанского губернатора от февраля 1709 года содержатся сведения о возможном близком родстве Рыс-Мухаммада и Султан-Мурата, – что к башкирам приехал «ис Каракалпак некакой вор, бутто ханов сын, тому де, что у нас кажнен, дядя или брат; и преж де до меня у них ввали, бутто он пришел в 20000, а ныне я подлинно проведаль, что с ним меньше 100 человек» [МИБ, 1936, с.252]. Впрочем, в послании Аюки-хана великому везиру 1710 года их родство невно отрицается. Там сказано, что после того как «один султан из племени эштеков» (башкир) был взят в плен и казнен московским царем (имеется в виду Султан-Мурат), «племя эштеков, каракалпаки и киргиз-казаки – эти три племени, три рода, все – мусульмане, объединившись, определили эштекам султана из каракалпаков» [Новые документы..., 2006, с.55–56]. Имеется информация о достаточно активных действиях Рыс-Мухаммада вплоть до мая 1709 года [ПСИ, 1882, с.377, 379, 381–384], после чего он был выдан российским властям на Уфу [Азнабаев, 2014, с.18].

Последним штрихом полуторавековой эпопеи взаимоотношений Кучумовичей с русской властью стал один из эпизодов башкирского восстания 1737–1739 гг. По показаниям башкира Сибирской дороги Ягафера Елдашева, данным им в Уфимской Провинциальной Канцелярии осенью 1742 года, одна из ключевых фигур недавнего восстания – таинственный Карасакал (Черная Борода), называвший себя также Шуной, сыном джунгарского хана, – на самом деле представитель рода Кучума. Однако данная им в качестве доказательства «родовая роспись» Карасакала, представлявшая его как Бай-Булата Хасянова якобы правнука царевича Девлет-Гирея [МИБ, 1936, с.488–491], выглядит весьма не правдоподобно. Скепсис в отношении этой

генеалогической схемы не позволяет всерьез воспринимать и выводимые из нее Ж.М. Сабитовым подробности династической линии каракалпакских ханов-Кучумовичей, доведенной им едва ли не до XIX столетия [Сабитов, 2014, с.90–91].

Главным выводом большинства работ о Кучумовичах является несколько парадоксальный тезис о ничтожности их силы и в то же время о серьезном дестабилизирующем их воздействии на военно-политическую ситуацию в регионе, где они кочевали (по сути, на южной оконечности бывшего Сибирского

юрта [Матвеев, Самигулов, 2015]). Однако беспристрастный и вдумчивый анализ позволяет понять, что демонологизация образа царевичей в административных документах того времени (а в силу этого и в историографии) – всего лишь следствие того, что Кучумовичам, самим фактом их происхождения, просто было предуготовано стать «ответственными за угрозу». Может быть, желанием избавиться от этого реноме и продиктован несколько апологетический характер данной версии истории царевичей Кучумова дома.

10. СУДЬБЫ НАСЕЛЕНИЯ СИБИРСКОГО ХАНСТВА В ПРОЦЕССЕ ПРИСОЕДИНЕНИЯ К РУССКОМУ ГОСУДАРСТВУ

10.1 ТОБОЛЬСКИЕ, ТЮМЕНСКИЕ И ТАРСКИЕ ТАТАРЫ

Уже в рамках Тюменского и Сибирского ханств в XV–XVI вв. сформировалась этнополитическая общность, обладавшая определенной целостностью, свидетелем которой является устойчивость ее наименований [Исхаков, 2001 а, с.124]. По русским источникам XVI–XVII вв., она известна как «страна Сибирская», «Сибирская земля» или вся земля Сибирская («Сибирские земли»), «Сибирское царство», «царство бесерменское в Сибири». На татарском языке это «царство» называлось в XVI в. «Искер йорты». Ядром этого наименования является название столичного центра «царства» – «град Сибирь» (Искер). В большинстве источников государствообразующее, т.е. политически доминировавшее в данном ханстве этническое формирование именуется «татарами». Иногда в русских документах оно определяется как мусульмане: «босурмане», «окаянные бусорманы», «поганые», «нечестивые татары». Несмотря на неполное усвоение ислама некоторыми группами сибирских татар в ханское время, приведенные характеристики указывают в целом на исламский облик этого сообщества.

Средневековая сибирско-татарская общность делилась на две этносословные страты – ясачных и служилых. Возможно, эти группы вели разный образ жизни (служилые – полукочевой, ясачные – оседлый), и именно кочевой или полукочевой образ жизни части татар помешал окончательной консолидации сибирско-татарского этноса в XVI в. [Исхаков, 2002 б, с. 7–15].

Видимо, в «ясачных татарах» Сибирского ханства следует видеть более раннее население тюркского и тюркизированного угорского происхождения («иштяки», «сыпырь») [Исхаков, 2003, с.113–116]. Что касается служилых татар, то этот слой в своей основе имел золотоордынское «татарское» происхождение [Исхаков, 2002 б, с. 8].

После включения Сибирского ханства в состав Русского государства произошли определенные изменения в структуре общности.

В XVI–XVII вв. татарское население Западной Сибири составляли такие категории, как служилые, ясачные и захребетные тата-

ры. Небольшую группу представляло исламское духовенство. В основу деления сибирско-татарского населения легли социальные различия, которые выражались обычно в отношении к государственным повинностям. Выделение данных социальных групп сибирско-татарской общности было унаследовано от прежней, сложившейся еще в составе Сибирского ханства, стратификации на ясачное «черное» население и феодальную верхушку – «татар», которые в новой исторической ситуации преобразовались в этносословные группы ясачных и служилых татар [Исхаков, 2002 б, с.7–16; Исхаков, 2004 б, с.25–28; Тынчинских, 2010 а, с.33–34].

Служилые татары. После завоевания Сибирского ханства Московским государством в конце XVI в. значительная часть оставшейся в живых татарской феодальной верхушки, также как и в других татарских ханствах, переходит на службу к новому правительству в качестве служилого сословия «йомышлы».

До присоединения Сибири они составляли военно-служилую элиту Сибирского ханства. Среди них С.В. Бахрушин называет князя Енбулата, служившего в Тобольске в 90-е годы XVI в., его сына князя Кутука и внука Аллагур-мурзу, мурзу Кайдаула Байсеитова, его сыновей Мамета, Читя и Аиткула Кайдауловых, тарского князца Тынмамета Берделей-мурзина, его сына Кучука Тынмаметова и внука Талайку Кучукова [Бахрушин, 1955 в, с.164–165]. Среди татарских мурз начала XVII в. известен тюменский служилый татарин «князь Аткачарко Ахманаев» [РИБ, 1875, с. 349], тюменские «юртовские служилые татарове лучшие люди» Девей Иртышов, Буйдак Емачтаев, Тугока Келементеев, Моюмас Азехматов, Казад Енгильдеев, Устемир Канчюрин [Миллер, 1941, с.159].

С.В. Бахрушин отмечал, что звание служилого татарина было наследственным. В 1622 г., по ходатайству тобольских служилых татар, царским указом было предписано «на... татарские выбылые места... верстать в нашу службу детей их и братью и племянников новишным окладом» [Бахрушин, 1955 в, с.165]. В 1629 г. тарские служилые татары до-

бились даже того, что их сыновья и другие родственники были поверстаны сверх оклада. Но в связи с тем, что было установлено твердое число штатных окладов, молодежь версталась по мере освобождения мест.

В течение всего XVII в. состав татарского служилого сословия пополнялся, иногда и со стороны, благодаря наплыву знатных иноземцев. В тюменской окладной книге 1626–1627 гг. среди служилых татар упоминаются один табынец, один сарт и два бухарца. В Таре в 60-е годы XVIII в. служил «выезжий юртовский служилый татарин Чолбар Кочашов, сын Зайсана» (кальмышко дворянина), а после него его сын Иткучук Чолбаров сын Зайсанов [Бахрушин, 1955 в, с.165]. С середины XVII в. среди тюменских, а затем тобольских служилых татар появляется касимовский мурза Семеней Аганин. Число служилых татар, кроме того, пополняли и представители духовной знати, в том числе высшей, как, например, тарский юртовский татарин сеид Тенелей Берелев. Как считает Д.М. Исхаков, Тенелей Берелев есть не кто иной, как сын ходжи Миралия сеид Дин-Али [Исхаков, 1997, с. 58]. Иногда в служилые зачислялись и выходцы из Средней Азии, т.н. «бухарцы», которых, «привлекала свобода от податей и самая служба, почетная и небезвыгодная» [Венюков, 1874, с. 5].

В конце XVI в. из служилых татар были сформированы команды, сосредоточенные в Тобольске, Тюмени и Таре. Позже подобные подразделения появились в Томске, Кузнецке и Красноярске. Сумев привлечь на свою сторону татарскую аристократию, Москва получила в их лице профессионально подготовленный военный контингент, не требующий значительных затрат на обучение и вооружение, который играл важную роль в процессе дальнейшей колонизации Сибири. В XVII в. служилые татары успешно выполняли возложенные на них функции, связанные, прежде всего, с несением конной службы. Татарская военная знать, как отмечал С.В. Бахрушин, «безболезненно перешла на царскую службу, переменяв без резкого перерыва одного господина на другого» [Бахрушин, 1955 в, с.165]. В конце XVI – начале XVII в. служилые татары по-прежнему считаются «лучшими людьми», за ними сохраняются их «вотчинные угодья», даются различные привилегии.

По данным С.В. Бахрушина число служилых татар в XVII в. составляло в Тобольске около 250 человек, в Тюмени – 75, на Таре – 36 человек [Бахрушин, 1955 в, с.163].

Подобная же ситуация наблюдалась и в других покоренных Москвой постзолотоординских государствах – Казанском, Астраханском ханствах. Татарским феодалом после завоевания Казанского ханства, когда мошь знати была сломлена, также пришлось всецело ориентироваться на политику московского правительства. Те феодалы, которые проявили лояльность по отношению к русскому правительству, были оставлены на своих местах. За это они должны были служить новой власти. Их стали называть мурзами и служилыми татарами [Алишев, 1984, с.53]. За службу они получали земли, денежное и хлебное жалованье, а также некоторые привилегии в торговом-ремесленных занятиях.

Захребетные татары. Особую категорию среди сибирского населения конца XVI – XVII вв. составляли захребетники, или захребетные татары. Данная категория, наряду со служилыми татарами, была выделена из состава татарского населения Сибири после вхождения в Московское государство. В Русском государстве в XV–XVII вв. под захребетниками понимали феодально-зависимых людей, не имевших своего хозяйства, живших и работавших во дворах крестьян или посадских людей [Толковый словарь русского языка, 1935]. Видимо, по аналогии с русскими феодально-зависимыми людьми, захребетниками стали называть зависимое от прежней феодальной знати Сибирского ханства население. Как считают исследователи, захребетные татары составляли единую этническую общность со служилыми татарами того уезда, к которому относились [Долгих, 1960, с.62].

Как и их сюзерены, служилые татары, захребетники не платили ясак. Служилые татары добились освобождения от ясака как для себя, так и для захребетников еще при правлении Б. Годунова. За это захребетники должны были выполнять некоторые повинности, возложенные на служилых татар. «Коли де им (служилым татарам) лучится быть на службе, и они де дворы их берегли» [Бахрушин, 1955 в, с.170–171]. По всей видимости, они работали на пашне служилых татар, поскольку те были отвлечены службой от своего хозяйства. Служилые татары переложили на захребетников и подводную повинность, которая до тех пор лежала на них самих. Кроме того, среди тюменских татар существовала еще категория т.н. гоньбных татар, для которых ясак был заменен выполнением ямской гоньбы.

В положение «захребетников» служилых татар попадали и обедневшие сородичи,

которые по тем или иным причинам не вошли в разряд служилых. «Служили, государь, – заявляют Тюменского города юртовских служилых татар дети и братья и племянники, – царю Михаилу на Тюмени отцы наши и дядья тебе, государю, всякие службы..., а мы, сироты твои, после отцов своих остались малы, и скитаясь меж юрт... кормимся и по ся места черною работою». Кроме того, в состав захребетников, как считает С.В. Бахрушин, вошла значительная масса чужеродцев, поселившихся в деревнях служилых татар [Бахрушин, 1955 в, с.170]. Ф.Т. Валеев приводит сведения о том, что в XVII в. среди захребетников сибирских служилых татар встречались поволжские татары, которые работали на пашне у своих хозяев и исполняли подводную повинность [Валеев, 1978, с.154].

Первоначально выделялись отдельные волости захребетных татар. По мнению Б.О. Долгих, татарские волости были связаны с традиционными локальными группировками аборигенов. Он пишет, что «тюркоязычное татарское население Тобольского уезда можно разделить на две большие части: на юртовских служилых татар с примыкающими к ним волостями их бывших захребетников, которые занимали южную часть уезда, и остальных татар, вероятно, отатарившихся вогулов и остяков, живших в северной части уезда по соседству с вогулами и остяками» [Долгих, 1960, с.58–59].

К волостям «захребетников» тобольских служилых татар Б.О. Долгих относит большую часть населения Тобольского уезда. Такими являлись волости Ашша (Лаймы), обе Бабасанские, Кречатников, Индьерь, Уват и Супра. Как считает исследователь, население этих захребетных волостей представляло собой единую этническую общность со служилыми татарами уезда [Долгих, 1960, с.58].

В начале XVII в. указанные «захребетные» волости были положены в ясак. Уделы, в которых сидели мурзы, после присоединения к России образовали некоторые из волостей Тобольского и соседних уездов. Во главе этих захребетных волостей стояли вассалы хана Кучума. Владения Бабасан-мурзы образовали Бабасанскую волость. По-видимому, такого же происхождения были и другие волости Тобольского уезда, во главе которых еще в XVII в. стоят мурзы и бай, например, волость Супра, в которой упоминается в 1629 г. мурза Гултаев Табер; в Тарском уезде волости Оялы, Тураш, Тереня, Кирпицкая, Барабинская – все бывшие составные части Сибирского ханства.

В конце XVI – XVII вв. служилые татары и их захребетники проживали в Тобольском, Тюменском, Тарском и Томском уездах. Н.А. Томилов приводит сведения о численности служилых и захребетных татар в XVII в. по уездам. По Тобольскому уезду в конце XVI – начале XVII в. он называет следующие цифры: служилых татар здесь было 261 человек, захребетных – 200. На середину XVII в. (1650–1652 гг.) численность служилых составляла 250 человек, захребетных – 200 человек, к концу века (1697–1700 гг.) служилых татар было 263 человека, захребетных – 200 [Томилов, 1981, с.82–83].

Искеро-тобольские татары, центральная подгруппа тобольских татар, сложились в основном из коренных тюрков – потомков древнего тюркоязычного населения этой территории, пришлых ногайцев и среднеазиатских тюрков [Томилов, 1981, с. 82–83]. Большинство населения здесь составляли юртовские служилые татары, их родственники и захребетники, которые не платили ясак. Определенная часть их была занята военной службой, а часть – ямской гоньбой по дорогам, ведущим из Тобольска [Томилов, 1981, с.68]. В начале XVII в. число служилых татар Тобольского уезда вместе с семьями составляло 1330 человек. Захребетных тобольских татар было около 200 человек, а вместе с семьями – 1020 человек. Б.О. Долгих, вслед за С.В. Бахрушиным, считал, что тобольские служилые татары – это «прямые потомки господствовавшего татарского ядра Сибирского ханства», которые вместе со своими захребетниками представляли определенное этнографическое единство [Долгих, 1960, с.61].

Общая численность служилых и захребетных татар в начале XVII в. составляла 460 человек, а вместе с семьями их было 2350 человек. Численность служилых татар и захребетных татар к концу XVII в. почти не изменилась.

Б.О. Долгих показывает расселение тобольских юртовских служилых татар и их захребетников в районе впадения Тобола в Иртыш и вверх по Иртышу до границ Тарского уезда [Долгих, 1960, с.61].

По мнению исследователей, среди толо-иртышских татар тюменские татары были одними из наиболее ранних тюркских насельников этих мест. С их именем связано наиболее раннее государственное образование сибирских татар – Тюменское ханство. Относительно обособленными они оставались и в составе Сибирского ханства [Томилов, 1981, с.17]. В начале XVII в. (1627 г.) численность тюмен-

ских служилых татар составляла 117 человек, захребетных – 106. Кроме того, некоторое время у тюменских татар существовала категория гонемых татар. Таковых было 61 человек. В середине столетия (1644 г.) служилых татар было 108 человек, захребетных – 105, в конце века (1699 г.) – служилых 119, захребетных – 105 человек [Томилов, 1981, с.44].

Н.А. Томилов показывает, что тарские служилые татары и их захребетники имели свои собственные селения, которые располагались по Иртышу вверх и вниз от г. Тары. «При нанесении на карту юрт аялыньских татар сразу же бросалось в глаза, что между ними и саргатско-утузскими татарами в Прииртыше существовал небольшой территориальный разрыв, т. е. как бы имелось пустое, не занятое татарами место. Эта территория располагалась по Иртышу вверх и вниз от г. Тары. Но именно здесь-то как раз и жили служилые татары и их захребетники» [Томилов, 1981, с. 139]. В XVIII в., когда многие из них оказались в составе ясачных татар, здесь возникает отдельная Подгородная волость. Б.О. Долгих полагал, что тарские служилые татары происходили из волости Аялы [Долгих, 1960, с.49], однако с этим мнением не согласен Н.А. Томилов. Опираясь при этом на данные переписной книги г. Тары и Тарского уезда 1698 г., он указывает на то, что «тарские служилые татары со своими захребетниками жили в отдельных от аялыньцев селениях ясачных». К населенным пунктам служилых и захребетных татар Долгих относит юрты Кыргакские, Туралинские, Аиткуловы, Атацкие, Шиховы, д. Иткучакова, Атацкая, Бабина, Сеитова, Батуганова [Томилов, 1981, с.140].

По подсчетам Н.А. Томилова, в конце XVI в. тарских служилых татар насчитывается 57, захребетных татар – 60, на середину XVII в. (1645–1646 гг.) – служилых 45, захребетников – 45 и на конец XVII в. (1698 г.) – 57 служилых и 61 захребетный татарин [Томилов, 1981, с.147].

В первой половине XVIII в. (1736 г.) все захребетные татары были переведены в разряд ясачных татар. В последующий период данная группа практически не встречается, а в ряде документов появляются такие категории, как староясачные и новоясачные татары.

Ясачные татары. В конце XVI – XVII вв. основную часть тюркоязычного населения Тоболо-Иртышья составляли ясачники – прежде «черное» население («кара халык») Сибирского ханства. Д.М. Исхаков предлагает видеть в них более раннее население как

тюркского, так и тюркизированного угорского происхождения [Исхаков, 2002 б, с. 9–10].

Согласно архивным материалам (1598 г.) при хане Кучуме существовали татарские волости: Курпицкая (Кирпицкая), Турашская, Любарская, Чойская, Куромская (Курома), Барабинская (Бороба большая), Ялынская, Каурдатцкая, «Чатская» (Чаты) и «Колмакская» (Колмаки) [Исхаков, 2004 а, с. 81; Акты, 1841 б, с. 2–4]. Прежние волости и улусы бывшего Сибирского ханства вошли в состав новых административно-территориальных единиц – уездов – в качестве ясачных волостей.

Ясачное население, как и в предшествующий период, облагалось податями – ясаком. В Сибири ясак взимался в XVII в. в основном пушиной, иногда хлебом, рыбой, изделиями из железа и т.д. Ясачное население приводилось к шерти, т.е. давало присягу в том, что не будет уклоняться от уплаты ясака. В качестве методов принуждения населения к уплате ясака использовалась система аманатства. Общине обычно приходилось платить ясак также за умерших, беглых, увечных.

Ясак назначался отдельно для каждой волости. Размеры ясака определялись обычно количеством соболиных шкурок – от 1–2 до 10 шкурок соболей в год. По мере истребления соболя ясак могли брать и другим зверем. Ясаком в XVII в. облагались мужчины от 18 до 50 лет. Ясак имел два вида – окладной и неокладной. Окладной ясак взимался с каждого ясачного человека, имя которого заносилось в ясачную книгу. Неокладной ясак был ненормированными, он взимался с кочевников. Постепенно плательщики неокладного ясака также перешли в категорию плательщиков окладного ясака. Для учета ясачного населения правительство проводило переписи. Самыми древними документами землепользования сибирских татар являлись «ясачные книги» начала XVII в. Земли и угодья ясачных татар считались государственными, но предоставлялись в пользование инородцам за уплату ясака.

По подсчетам Б.О. Долгих, в начале XVII в. среди коренного населения Тобольского уезда было 872 плательщика ясака (м.п.). Общее же число ясачного татарского населения им определяется в 3500 человек. В конце XVII в. число ясачных татар составляло 1243 человека, а всего ясачного населения было 4970 человек [Долгих, 1960, с.59].

Тарский уезд выделялся из других западносибирских уездов наибольшим количеством ясачного татарского населения. Как подчеркивают исследователи, отличительной чертой

тарских татар является большее сохранение в их хозяйственной деятельности животноводства, поэтому есть основания полагать, что в период Сибирского ханства и позже эта группа еще вела полуседельный образ жизни. Кроме того, родоплеменная номенклатура тарской группы (коурдак, тав, карагай, аялы и др.) показывает ее связь с кочевниками Дешт-и-Кыпчака (особенно этническая близость наблюдается с северо-восточными группами башкир – племенем ай и др.). Если среди ясачного татарского населения были группы иного (угорского, самодийского) происхождения, то к концу XVI – началу XVII в. они были, по всей видимости, полностью тюркизированы. Б.О. Долгих называет следующие цифры: на начало XVII в. плательщиков ясака Тарского уезда было 1262 человека, всего же ясачного населения было 5050 человек. К середине XVII в. численность плательщиков ясака составляла 762 человека, а вместе с семьями их было 3050 человек. К концу столетия насчитывается 985 плательщиков ясака. Общая численность ясачного населения волостей Саргач, Коурдак, Аялы, Бараба и «Калмыки» составляла 3940 человек. Следует заметить, что существенное сокращение численности ясачного населения Тарского уезда в середине XVII в., по сравнению с началом столетия, объясняется постоянным оттоком тарских татар к кучумовичам, результатами восстания тарских татар в 1628–1629 гг., постоянными военными стычками с калмыками, а также уходом части населения от обложения ясаком [Долгих, 1960, с. 49; Томилов, 1981, с. 148–149].

По приводимым Б.О. Долгих данным, в 8 волостях Тюменского уезда (Кынырский городок, Бачкырская, Терсяцкая, Иленский городок, Шикчинская, Каскаринская, Пышминская и Исетская) в начале XVII в. проживало 293 ясачных татарина, всего же ясачного населения в этот период было 1170 человек. Относительно численности населения Тюменского уезда в середине и конце XVII в. Б.О. Долгих приводит следующие данные: число плательщиков ясака по 9 волостям, включая, кроме вышеназванных, еще и Искинскую, составляло 389 человек, всего же ясачного населения вместе с семьями было 1550 человек [Долгих, 1960, с. 43].

В результате русской колонизации феодальная верхушка Сибирского ханства быстро утратила свою экономическую основу и превратилась в послушное орудие Московского государства. С другой стороны, благодаря этому сибирские феодалы (в отличие от фео-

далов других завоеванных татарских ханств) избежали прямого экономического и конфессионального давления.

После потери государственной самостоятельности феодальное сословие перестало быть объединяющей политической силой. Ясачное население стало подчиняться непосредственно Русскому государству. Структура сибирско-татарской этнической общности, вместо вертикальной, основанной на этносословных стратах, какой была в период ханства, стала горизонтальной, базирующейся на территориальных этнокультурных подразделениях. Разрушение вертикальной социальной структуры сибирско-татарского этноса положило начало процессу стирания граней между этими стратами.

Служилые татары играли во-многом интегрирующую роль в формировании сибирско-татарской этнической общности, именно вокруг центров расселения данной страты формируются впоследствии центры территориальных групп с самоназваниями «тоболык», «туманнек», «тарлык». Наблюдается довольно высокая степень взаимосвязанности различных групп сибирских татар друг с другом, которая создавала возможность для развития консолидации этих групп. Однако значительная территориальная разобщенность сибирских татар не дала возможности для завершения данного процесса.

Постепенная утрата в рамках новых политических обстоятельств служилыми татарами привилегированного положения, которым они первоначально обладали, привела к тому, что реальные социальные различия между служилыми и ясачными татарами оказались несущественными. Данное обстоятельство способствовало дальнейшей внутритнической консолидации сибирско-татарской общности.

Несмотря на сохранение вплоть до конца XIX в. у высшей татарской служилой знати некоторых черт традиционной культуры, присущих общетатарской золотоордынской верхушке, основная часть служилых татар в этнокультурном плане нивелировалась с ясачными татарами, не различаясь особо ни в хозяйственном укладе, ни в образе жизни.

В связи с тем что слой служилых татар был относительно немногочисленным, в этническом развитии этнической общности сибирских татар важную роль сыграло ясачное «черное» население – «кара халык» Сибирского юрта. В дальнейшем рост численности ясачного населения значительно превышал рост служилого сословия, который сдержи-

вался внешними факторами: фиксированной численностью татарских казачьих команд.

В целом, несмотря на ряд особенностей, можно определить, что схема развития сибирско-татарской этнической общности в общих чертах была схожа с аналогичными процессами этнических общностей других постзоотоордынских тюркских государств и этнических общностей татар. Причем не только в «ханский» период, но и в период российской колонизации. Московское государство явилось своеобразным катализатором этнических процессов. Как и в Поволжье, оно в определенном смысле стало для сибирско-татарской общности «формообразующим» началом.

Включение в XVI в. обширных полиэтничных территорий в состав Московского царства требовало особого внимания правительства к аборигенному фактору. По мнению известного сибирского историка А.С. Зуева, в основе инородческой политики в Сибири на протяжении конца XVI – начала XVIII в. лежало сочетание сотрудничества (в первую очередь, с нерусскими военно-политическими элитами) и прямого насилия и администрирования [Зуев, эл.вариант].

Для управления коренными народами Западной Сибири русские власти первоначально сохранили в своей основе старое административное деление, в т. ч. и механизм сбора ясака. Родоплеменная знать была освобождена от уплаты ясака и за ней сохранялись прежние привилегии. В процессе колонизации административные образования инородцев – «улусы», княжества – приводились в русское подданство в качестве ясачных волостей [Балок, 1997, с. 26–27]. Опираясь на сведения «Сибирских летописей», Д.М. Исхаков сделал предположение о том, что в Сибирском ханстве татары делились на 2 категории: тех, кто жил по улусам и тех, кто жил по волостям. Живущими по волостям он определяет ясачных татар, по улусам, – прежде всего, служивых татар [Исхаков, 2002 б, с.9].

В 1593–1594 г. упоминаются татарские ясачные волости Курдак, Соргач, Отуз, Тав, Урус, Токуз, Супра, Аялы [Миллер, 1999, с.352]. В 1595 г. известны еще волости Чангул, Лугуй, Люба, Келема, Тураш, Кирпики, Бараба, а также Малогородская волость [Миллер, 1999, с.358, 362]. В самом начале XVII в. называются еще некоторые другие татарские волости: Киньрская, Теренгульская, Бачкурская, Терсяцкая, Иленская, Япанчинская, Купкозинская и Ядринская [Миллер, 2000, с.184, 194, 198, 209, 221, 274]. Проблема, однако, в

том, что ряд названных волостей вначале упоминаются или как городки, или как отдельные деревни. Поэтому не вполне понятно, какие из них были настоящими волостями. Но ясно, что ряд из них в реальности были волостями, обычно это крупные образования, где насчитывалось несколько сот ясачных людей.

На начало XVIII в. известны следующие волости сибирских татар. По Туринскому уезду: Япанчина, Куртумова, Илясова, Индричеева; по Тюменскому уезду: Киньрский городок, Бачкурская, Терсяцкая, Иленский городок, Шикчинская, Каскаринская, Пышминская и Исетская; по Тарскому уезду: Саргач, Тебендя, Котлубахтина, Я-Иргиш, Отуз, Тав, Тав-Отуз (Куллары), Коурдак, Аялы; по Тобольскому уезду: Ясколба и Лоймытомак, Вачиер, Аремзян, Карбина и Ук, Би-Туртас, Кул-Туртас, Уват, Надцы, Лобутан, Калым, Кошуки, Ашла (Лаймы), Бабасан (на Нерде), Бабасан (Отдельная), Кречатники на Ашле, Кречатники на Вагае (Капканы), Кречатники (без указания места жительства), Индьерь, Уват, Супра [Долгих, 1960, с.59]. Тогда же ряд туземных волостей Тобольского уезда были объединены русской администрацией. Так, к 1629 г. в одну волость были объединены Би-туртас, Кул-туртас и Уват, Ясколба и Лаймы-томак – в другую, Карбина и Ук – в третью [Долгих, 1960, с.59]. Как можно заметить, число волостей, называемых на начало XVIII в., по сравнению с предыдущим столетием, значительно увеличивается. Вероятно, причина этого в том, что в наиболее ранних документах были указаны именно волости. Но известно, что сибирские татары жили как «по волостям», так и «по улусам».

В результате колонизации в основном сохранилось прежнее территориальное деление аборигенов. Еще С.В. Бахрушин писал о том, что в Сибири для обложения местного населения ясаком русские воспользовались теми административными единицами, которые существовали до ее присоединения. «В ясачных волостях Тобольского и близлежащих уездов легко угадать «агарянские веси», входившие в составе прежнего Кучумова царства, а ближайшими агентами при сборе ясака явились те князья и старшины, отцы и деды которых служили Кучуму» [Бахрушин, 1955 в, с. 52]. Функцию основной фискальной единицы стала выполнять волость. По всей вероятности, многие из прежних улусов также были преобразованы в волости. Русское государство после присоединения Сибири стремится «полностью охватить всех аборигенов Сибири сбором ясака и всемерно увеличить его по-

ступление в государственную казну» [Файзрахманов, 2002 а, с.227].

В населении присоединенных территорий государство видело прежде всего плательщиков ясака и лишь затем представителей иной веры и другой этнической принадлежности. Главной целью на начальном этапе формирования аборигенной политики являлось обложение ясаком, который имел не только финансовое значение, обеспечивая пополнение казны пушниной, но и политическое, выступая главным показателем подданства и признания русской власти. Обе эти составляющие ясака, на наш взгляд, имели равное значение.

Приводясь к «шерти», аборигены должны были платить ясак и хранить верность, взамен этого российский государь предоставлял им право проживать и хозяйствовать в районах их исконного обитания, а также обещал держать их «в своем царском милостивом призрении» и «оберегать накрепко». Русская сторона трактовала шерть как признание аборигенами своего подданства, те же могли воспринимать ее в зависимости от своей военной силы и характера взаимоотношений с русской властью как равнозначный союз или мирный договор [Зуев, эл.вариант].

Большое значение уделялось организации системы ясачного сбора. Для Московского государства данный вопрос имел первостепенное значение, в связи с чем сибирским воеводам предписывалось: «...а как учнут разбирать государеву ясачную и поминочную соболиную казну и всякую мягкую рухлядь, после приемных цены разбирать лучшие соболи к лучшим соболям, а худые соболи к худым соболям, ... а разбирая ценить Сибирскую прямою ценою, а недорогою, чтоб Государеве всякой мягкой рухляди на Москве по Московской цене перед Сибирскою ценой была прибыль, а убыли в цене не было; а разобрав и оцены, присылать тое Государеву ясачную и поминочную всякую мягкую рухлядь ко Государю царю и Великому князю Михаилу Федоровичу к Москве за своими печатями, а ценовые росписи той всякой мягкой рухляди за своими руками и рухлядь подписывая, с которой волости и с кого именно та рухлядь взята и на которой год...

А будет на Таре учнут торговые люди Государеву ясачную и поминочную и всякую мягкую рухлядь ценить дорогою ценою, а по московской цене будет у которой мягкой рухляди перед Сибирскою ценою убыль: и Государь за тое Сибирскую мягкую рухлядь по

Сибирской цене велит деньги доправить на них на князя Федора и Неупокою и на ценовщиках, которые тое рухлядь ценят...». [ПСЗ, 1830 б, с.571].

В период службы на должности тобольского воеводы Юрия Сулешева в 20-е гг. XVII в. была проведена перепись ясачных людей, что значительно повысило поступление в государственную казну «мягкого золота» [ПСЗ, 1830 б, с.572].

Назначенным воеводами в Тару князю Федору и Неупокою было предписано «с ясачных людей ясачную и поминочную мягкую рухлядь собирать неоплошно с великим радением». Сборщикам ясака, направляемым в ясачные волости полагалось переписывать в ясак захребетников и недорослей, которые пока не были записаны в ясак, но на «лешие промыслы» ходили. Также было предписано, что если будут поступать жалобы и недовольства переписчиками, которые могут записывать в ясак малолетних и старых и увечных, т.е. тех, кто от ясаку отбыли и на лесные промыслы уже не ходят, то «таких малых и старых увечных ясачных людей велети ставити перед собой, их досматривать самим и, сверх своего досмотра, про таких ясачных людей сыскивать и ясачным лучшим людям про них допрашивать, мочно ли тем ясачным людям ясак платить или не мочно». Сверх того, что таких людей осматривали воеводы, «про таких ясачных людей велено посылати из Тобольска для сыску и осмотра письменных голов, а письменным головам те обыски велено привозити в Тобольск, и с Тобольску те Воеводские и письменных голов сыски и досмотры присылати к Государю к Москве». [ПСЗ, 1830 б, с.572].

Малочисленность русских вооруженных сил в Сибири, значительная территориальная дисперсность военно-административных пунктов, существовавшие в течение всего XVII в., постоянная угроза отпадения Сибири от центра, объявляли Российское правительство предпринимать меры по установлению прочных административных, политических и экономических связей с «дальней сибирской вотчиной».

Тобольск с конца XVI в. являлся связующим звеном между новой государевой вотчиной и центром, объединяя сибирские города под своим началом [Коньков, 2001, с. 78]. Центральные власти стремились назначать на должность главного сибирского воеводы особо доверенных лиц. Не случайным было назначение на должность тобольского воево-

ды Ю.Я. Сулешева. При этом учитывалось и его татарское происхождение, которое «могло способствовать решению проблем аборигенного населения», а также «его организаторские способности, личные качества, проявленные боярином на государственной службе в предшествовавший период...» [Балок, 1997, с.87].

Еще в период борьбы с ханом Кучумом русские власти стремились ослабить силы сибирского хана, переманивая его «лучших людей» на русскую сторону: «а от Кучума царя лутчих людей отговаривать, чтобы ехали к государю служить ...а государеву им великое жалование будет» [Небольсин, 1849, с. 118]. Привлечение на свою сторону татарской военно-служилой знати для Московского государства имело огромное значение. Поэтому действия местной власти были направлены на то, чтобы выполнять установку центрального правительства. Для этих целей привлекались и уже перешедшие на русскую службу тобольские татары. Была предусмотрена система поощрений и льгот: «...а которые от царя приедут и тех жаловать, и сукна давать и хлеба. И которые князьки и Татарове государю служат и в город к воеводам приходяти ясаки платят, и про всякие вести про Кучума царя, и про его умышление и про Ногай, учнут приходя сказывать – и тех татар поить и кормить государевым запасом и береженье к ним и ласку держат великую и отпускати их к себе домой не задерживая» [Небольсин, 1849, с. 118]. Формирование татарского военно-служилого контингента отвечало нуждам колонизаторской политики московской власти, которая «для продвижения в глубь Сибири и объясачения жителей», использовала бывших вассалов хана Кучума, «предоставив им за это ряд прав и преимуществ» [Бахрушин, 1955 в, с. 163]. Как отмечал С.В. Бахрушин, татарская военная знать «безболезненно перешла на царскую службу, переменяв без резкого перерыва одного господина на другого» [Бахрушин, 1955 в, с. 165]. Наградой для бывших сибирских мурз, теперь «лутчих людей», становится сохранение привилегированного положения тарханов и выдача государева жалования (денежного и хлебного). За это служилые татары несли военную службу новому сюзеру – московскому государю. Характер условно прямого подчинения служилых татар царю подчеркивался возможностью и правом их прямого обращения через челобитные с жалобами и просьбами. В ответ обычно верховной властью было гарантировано заступничество.

Конечно, на первых порах не все складывались отношения с новой властью ровно и гладко. Так, Г.Ф. Миллер сообщает, что в 1595 г. «с Тюмени ушли 50 человек служилых татар с женами и детьми», которые, захватив с собой еще 30 ясашных татар, живших в уезде, направились в область, лежащую по верхнему течению Тобола. Для возвращения татар из Тюмени был отправлен отряд русских и татар во главе с Семейкой Вязьминим и служилыми татарами Какшарой, Майтмасом и Бахтураской. Им было поручено уговорить беглецов возвратиться, «чтоб они ехали на Тюмень и жили по своим юртом и по волостям по–прежнему, и нашу службу служилые татарове служили, а ясашные люди ясак платили по–прежнему, и велим им дати вперед наше денежное жалование...» [Миллер, 1941, с. 148]. Посланные казаки встретили этих людей на реке Исети, однако все усилия их вернуть были напрасны. Виновным за свой уход татары называли толмача Митю Токманеева, будто бы сказавшего, что в Сибирь едут новые воеводы и везут царский указ о том, чтобы 12 самых богатых и знатных татар убить, других же с женами и детьми сослать на Тару, а всех остальных заставить пахать пашню. С таким ответом 26 июня 1595 г. посланники возвратились в Тюмень. Виновник происшествия толмач М. Токманеев за то, что «смуту и ссору в служилых людех и ясашных татарех учинил», был сурово наказан [Миллер, 1941, с. 12, 149]. В 1609 г. «за приставы» были посажены лучшие служилые татары – Янбулат, Тохтамыш и Кизылбай. У них было «поимано» оружие – луки и стрелы. В 1626 г. служилый татарин Аткачарко Ахманаев вместе с другими служилыми людьми бежал из Тюмени и вскоре он внезапно напал на Тюменский уезд и отогнал у ясачных татар лошадей.

Однако, как отмечает С.В. Бахрушин, на открытую измену служилые татары решались редко. Двойственное положение, в котором пребывали вчерашние вассалы хана Кучума, а затем и их потомки, отражают отношения служилых татар с Кучумовыми царевичами на протяжении всего XVII в. С одной стороны, они служили информаторами Кучумовичам: «от тобольских татар пересылки к царевичам многие бывают, а царевичи за пересылки подарки многие присылают» [Бахрушин, 1955 в, с. 174]. С другой стороны, они добросовестно информируют русскую администрацию о планах и действиях сибирских царевичей и «изменников». А в 1661 г. тарские служилые и захребетные татары даже предлагали свои

услуги для того, чтобы «поимать» царевича Давлет-Гирея [Бахрушин, 1955в, с. 174].

На первых порах государство всячески старалось поощрять служилых татар и оберегать их интересы, в том числе и от представителей местной власти. Когда в 1598 г. воевода Ефим Бутурлин «мимо государеву указу» наложил на юртовских татар ясак по 10 соболей с человека и «не в меру, но по большому окладу» наложил ясак на тобольских «кречатников», которые прежде «за ясак давали кречеты», а после обложения ясаком «государю изменили, побежали», то служилые татары обратились к царю с челобитной, в которой жаловались, что «у них вотчин никаких нет и соболями не промышляют» и прежде ясака с «них не имали». Царь освободил юртовских татар от вояска, а новым воеводам предписал произвести розыск об этих незаконных действиях Ефима Бутурлина и велел «за то на Ефима опалу свою государеву положить». Из Москвы поступило предписание воеводам «льготить и беречи...» юртовских татар, и чтобы «...они б жили в государевом жалованье безо всякого сумнения и юрты свои полнили» [Бахрушин, 1955 в, с. 167]. Так продолжалось до конца XVII в. «Имянной указ» царей Ивана и Петра Алексеевичей от 21 января 1696 г. гласил: «будет по розыску явится, что ясачные люди разбрелись в дальние страны и изменили от вояска, а новым воеводам, которые по совершенным уликам будут тому вины – за то самих казнить смертью же» [Оглоблин, 1900, с. 314].

Особое внимание власти обращали на предотвращение возможных вооруженных выступлений, для чего предпринимались различные меры предосторожности. Так, еще в августе 1596 г. воеводе Г. Долгорукому в Тюмень была направлена особая грамота, в которой был оговорен порядок торговли бухарцев и ногайцев в Тюмени: «...а торговати бы есте им велели за городом в посаде или за посадом... А того есте за ними смотрели и берегли накрепко, чтоб они заповедным товаром: доспехи, и панцири, и саблями и ножи и топоры с юртовскими и ясашными татары не торговали... велели смотреть... опричь торговли, никаких разговорных речей не говорили...» [Оглоблин, 1900, с. 220]. Подобная грамота была направлена в 1596 г. и во вновь построенный город Тару. В грамоте предписывалось «с приходящих на Тару бухарских и ногайских торговых людей (с лошадьми и разным товаром) не брать никаких пошлин, но наблюдать за ними, чтобы они «в городе

никаких крепостей и людей не росматривали и не лазучили, и с русскими людьми с татары опричь торговли никоторых разговорных речей не говорили, и нужи б сибирской никоторые не ведали» [Оглоблин, 1900, с. 220].

В раскрытии заговоров, подобных событиям 1609 г., большую роль играли доносы. В 1609 г. ясачный татарин Туринского острога Баигара Кензин доносил тюменскому воеводе Матвею Годунову на тюменского служилого татарина Бекмаметку Казанкина и на ясачного татарина Туринского острога Янгурчу, что «тот татарин Бекмаметко Казанкин приезжал к ним Янгурче с товарищи, а говорил де им: у вас де лошади и сайдаки и сабли готовы ли, а у них де у тюменских все готово, а умышльене де их то: хотят государю изменить...» [Миллер, 1941, с. 209].

В течение XVII в. служилые татары постоянно использовались для подавления выступлений среди ясачного и служилого населения. Перешедшая на службу к новому хозяину сибирская военно-служилая элита не только верой и правдой исполняла свои обязанности, но и принимала деятельное участие в пресекании «шатости и измен» как путем дипломатических переговоров, так и вооруженным путем.

На протяжении длительного периода (с конца XVI по конец XVII в.) постоянную угрозу для сибирских волостей представляли набеги калмыцких отрядов, которые грабили русские и татарские поселения, захватывали пленников. Высочайшими указами из Москвы тобольскому, тюменскому и тарскому воеводам было приказано оказывать вооруженное противодействие калмыкам и держать их на известном расстоянии от русских пределов [Миллер, 1941, с. 30]. Для этих целей из казак и татар (как служилых, так и ясачных), а также из русских «охочих» людей было собрано войско. Весною 1607 г. это объединенное войско нанесло калмыкам значительный урон, хотя, как замечает Г.Ф. Миллер, «и не такой, который заставил бы их уйти от близкого соседства с русскими» [Миллер, 1941, с. 30]. Особо напряженная ситуация складывалась в отношении с калмыцкими улусами в первой половине XVII в. Как замечает Г.Ф. Миллер, при господствовавшей в то время в Московском государстве смуте такое большое число внешних врагов могло легко привести к общему восстанию сибирских народов, если бы против этого своевременно не принимались меры [Миллер, 1941, с. 32].

Уже в первой половине XVII в. в Тобольском и Тарском уездах была организована система застав и острогов для отражения набегов калмыков. Калмыки, как мы уже видели, часто объединялись с сыновьями, затем и с внуками Кучума и совершали совместные походы на тобольские и тюменские волости. Они направляли свои силы главным образом в сторону рек Иртыша и Тобола. Для защиты от набегов Кучумовичей и калмыков были организованы отряды казаков и служилых татар. Около 1631 г. для защиты от набегов калмыков и Кучумовичей были построены в Тарском уезде остроги Каурдатский, Тебендинский, Ишимский, в Тобольском – Вагайский и Тарханский. Тарханский острог «был укрепленным местом у сибирских татар и назывался Тархан-кала» [Тобольские губернские ведомости, 1859, № 4, с. 4]. На месте древней татарской крепости Чубар-тура в 1624 г. была построена слобода Чубарова. В эти остроги из Тобольска направлялись казаки-годовальщики. Крупные партии годовальщиков направлялись из Тобольска в Тару, которая в первые десятилетия XVII в. находилась в наиболее опасном из всех сибирских городов положении. Так, в 1632 г. из Тобольска в Тару было послано 100 человек во главе с сыном боярским Иваном Шульгиным: 40 литвы и конных казаков и 60 юртовских служилых татар. Несколько позже туда было направлено еще 50 человек: 20 стрельцов и пеших казаков и 30 юртовских служилых татар. В 1661 г. в Атбашский острог сроком на один год был отправлен отряд, который состоял из 40 человек литвы, новокрещенных, конных казаков и татар [Пузанов, 2005, с. 109]. А в 1669 г. туда же на годовую службу было послано 40 тобольских служилых людей – 28 литвы, казаков и новокрещенных и 12 служилых татар. В Чубаровскую слободу из Тюмени ежегодно направлялось по 10 стрельцов и пеших казаков, а с ними 10 конных казаков [Пузанов, 2005, с. 111].

В целом исследователями выделяются три района Западной Сибири, куда обычно направлялись годовальщики. Первый район – в треугольнике трех русских крепостей Томск–Кузнецк–Красноярск, где на протяжении всего XVII века шла борьба с енисейскими киргизами, за которыми стояли монголы и ойраты. Во-вторых, это Тарский уезд, где русским приходилось воевать с Кучумовичами и ойратами. В-третьих, это юго-запад Сибири – Верхотурский, Туринский, Тюменский и Тобольский уезды, где происходили столкновения с Кучу-

мовичами и ойратами, а позднее – с башкирами и вогулами [Пузанов, 2005, с. 116].

По всей видимости, именно дипломатическими расчетами и политической дальновидностью московской власти объясняется и то, что активных насильственных мер по христианизации татар, в т.ч. и бывшей военно-феодалной знати – служилых татар, – в Сибири, в отличие от Казанского ханства, не предпринималось. Генеральную линию конфессиональной политики Московского государства в течение XVII в. в отношении сибирских инородцев можно определить словами из указа царей Иоанна и Петра Алексеевичей, направленного тобольскому воеводе П.С. Прозоровскому, а также из грамоты на имя митрополита Павла от 5 апреля 1685 г. В указанных документах говорилось: «Для того, что Сибирь государство дальнее и состоит меж бусурманских иных вер многих земель, чтоб тем тобольских татар и бухарцев и иных земель приезжих иноземцев не ожесточить...» [Андреевич, 1889, с. 331–333]. По всей видимости, именно исходя из этих установок, сибирские служилые татары остались мусульманами.

Высочайшими грамотами тобольским митрополитам было предписано «неволю никаких иноземцев крестить не велеть». Однако на месте эти распоряжения часто не соблюдались. В связи с этим от тобольских татар и бухарцев поступали многочисленные жалобы на местную духовную власть, стремившуюся всеми способами увеличить паству. В ответ на эти жалобы государи приказали воеводам взять под свое наблюдение, «чтоб неволю в православие иноземцев не обращали».

Во главе противодействия активной христианизации татар вставали служилые татары под началом Авазбакея Кульмамметева. Так, по челобитью тобольских служилых, захребетных, ясачных татар и бухарцев Авазбакея Кульмамметева с товарищами в 1686 г. из Москвы было направлено предписание о том, чтобы желающие принять православие подавали прошения сначала в приказную избу, и лишь после рассмотрения их воеводой, направлять эти прошения к митрополиту для обращения в христианскую веру. Самому митрополиту было запрещено принимать эти прошения, а также приказано «не дождався из приказных избы памяти – тех людей не крестить» [Андреевич, 1889, с. 331–333]. Эта мера была вызвана тем, что для привлечения в православие тобольский митрополит принимал тех людей, которые, совершив какое-либо преступление, бежали от

единоверцев с тем, чтобы, изменив веру, избавиться от наказания или от прежней кабалы.

В наказе тобольскому воеводе от 1697 г. в очередной раз подтверждаются распоряжения о недопустимости насильственного обращения в православие: «насильством никого не крестить».

С начала XVIII в. наступает новый этап колонизации Сибири, который А.В. Головнев назвал «эпохой Филофея Лещинского», или эпохой конфессионального захвата [Головнев, 1995, с. 90]. В первой четверти XVIII в. начинается активно проводиться политика массовой христианизации сибирских народов. В целом она определялась внутренней политикой Петра I, который «ставил перед церковью на первый план практическую задачу: средствами религиозного воздействия на верующих служить делу укрепления самодержавной власти» [Огрызко, 1941, с. 27]. В 1706 г. Петр поручает митрополиту Филофею Лещинскому ехать к остякам и вогуличам с «проповедью Евангельскую», для того, чтобы «все кумиры и кумирницы, где только будут найдены, сожигать и истреблять, и на их местах строить церкви, часовни и ставить иконы». Самых остяков и вогулов было велено «от мала до велика крестить». В итоге миссионерской деятельности Ф. Лещинского, его сподвижников и последователей к 40–70-м годам XVIII в. основная часть остяцкого и вогульского населения Березовского края была крещена [Огрызко, 1941, с. 48; Миненко, 1975, с. 265]. Наряду с вогулами, остяками, якутами указ 1714 г. предписывал крестить и татар [Щеглов, 1883]. При тобольском и сибирском митрополите Филофее Лещинском были крещены в 1718–1720 гг. туринские татары, а в 1720 г. – обские и чулымские татары. По приводимым Ф.Т. Валеевым данным, за 10 лет (с 1749 по 1758 г.) в Тобольской губернии было обращено в христианство 2500 человек обоего пола [Валеев, 1993, с. 173–174].

Служилые татары оказывали активное противодействие насильственному крещению. В 1724 г. Ф. Лещинский писал в Синод о том, что татары «подъезжают к новокрещенным и, смущая, велят именем своего начальника Сабанака церкви жечь, попов и причетников до смерти побивать и кресты побросать» [Огрызко, 1941, с. 68]. В.П. Клюева приводит сведения о том, что сохранились челобитные на имя митрополита Павла от новокрещенных Павла Крупенина «с товарищи» (16 человек), перешедших в православие в 1755 г., с жалобой на татарского голову Са-

банакова и бухарского старшину Алимова «...Восприяли мы, низжайшие, православную христианскую веру. А понеже на нас по восприятии святого крещения по происку и домогательству татарского головы Азбакея Сабанакова и, да бухарского старшины Муллы Алимова положен неумеренной яsak. А именно по 2 рубля в год. Которой они с нас спрашивают с немалую строгостию, ...угрожают держать под караулом...» [ГУТО «ГАТ», ф. 156, оп.2, д. 265, лл. 3-3об.; Клюева, 2002, с. 186–188]. В этой же челобитной говорится: «При чем они, Сабанак и Алимов, производят и такие еще к поруганию христианской веры речи, что де хотя мы и крестились, а испод их власти не вышли, и что де хотят, то с нами новокрещеными, они и делают, и впредь делать будут» [ГУТО «ГАТ», ф. 156, оп.2, д. 265, лл. 3-3об.].

Таким образом, татары-мусульмане в Сибири оказывали упорное сопротивление насильственному крещению. Во то же время нельзя не отметить, что этап «конфессионального захвата» в отношении сибирских татар в целом и служилых татар в частности, проходил гораздо мягче, чем в отношении служилых татар Поволжья, и менее успешно, чем в отношении языческих народов Сибири. В этот же период, как известно, проходила активная кампания по христианизации служилых татар в бывших Казанском и Касимовском ханствах. Политика насильственной христианизации в Поволжье была направлена на устранение инородческого служилого землевладения, на котором была основана социальная мощь татарской служилой аристократии [Степанов, 1964, с. 55]. «Мягкость» же в отношении сибирско-татарского служилого сословия, на наш взгляд, была обусловлена рядом причин, и, прежде всего, тем, что в Сибири не сложилось дорусское служилое землевладение, отсутствовал класс феодалов-землевладельцев, который мог бы представлять реальную социальную силу. Кроме того, играли роль такие факторы, как сравнительно малочисленность служилых татар, необходимость для власти как социальной, так и военной поддержки татарской аристократии, значительная отдаченность от центра огромной по размерам сибирской вотчины, постоянная угроза ее отпадения, необходимость в татарской коннице в борьбе с «башкирцами и киргис-кайсаками» даже в XVIII в.

Русская колонизация также стала важным социально-политическим фактором, определившим дальнейшее экономическое

развитие сибирских народов. На смену прежней системе отношений постепенно приходили новые, хотя в определенной степени, на первых порах, продолжавшие прежние традиции. Московское государство, будучи земледельческим и стремящимся внедрить земледелие на присоединенной территории, сыграло существенную роль в трансформации хозяйственно-культурного облика сибирских народов. Наиболее значительные изменения наблюдались в отношении феодальной верхушки бывшего Сибирского ханства. Феодальный слой Сибирского государства лишился своих господствовавших позиций, сравнительно немногочисленный контингент татарской военно-служилой знати был преобразован в служилое сословие. Происходили существенные изменения в хозяйственном укладе служилых татар.

Военно-служилая знать Сибирского ханства в период Тюменского и Сибирского ханств вместе со своими улусными людьми вела полукочевого образ жизни, что во многом сказало на непрочности внутригосударственных отношений Сибирского юрта. Если в других татарских государствах (особенно Казанском ханстве) социальная мощь феодальной знати была основана на землевладении и связанной с ним военной службе хану, то в Сибирском юрте «землевладение» больше подразумевало под собой владение промысловыми угодьями, а также занятие военными набегами с целью обложения данью соседние племена.

Таким образом, вотчинные владения сибирско-татарской знати были основаны не на оседлом земледельческом хозяйстве, а на своеобразном синтезе полуседлого скотоводческо-охотничье-земледельческого хозяйства. Думается, что во многом по этой причине проблемы, связанные с закреплением земельных владений и землепользованием, встали перед сибирско-татарской знатью уже с приходом в Сибирь русских.

Ситуация с сибирской татарской элитой в результате колонизации Москвой Сибирского ханства была несколько иная, чем в Поволжье. Прежняя татарская знать осталась на верхах аборигенного общества, однако, как верно заметил С.В. Бахрушин, «связь их с прежними улусами, которые они некогда возглавляли, порвалась» [Бахрушин, 1955., с. 163]. Так, один из основателей известного рода служилых татар Кульмаметевых – Келмаммет, – пришел на русскую службу, «оставя в отечестве своем вотчины и заводы» [ГУТО «ГАТ», ф. 329, оп. 13, д. 7, л. 98]. В другом до-

кументе сообщается о свидетельстве «в сыску 1333 человек старожилов, беломесных казаков и крестьян» о том, что земли, на которых был построен 9 русских острогов и слобод, «те земли и угодья были сибирского царя Кучума улусных людей; и после царя Кучума и взятыя Сибири, истари теми землями владели тобольские и тюменские служилые и ясачные татары для промыслов...» [Памятники Сибирской, Кн. 1, 1882, с. 79-80].

Некоторые же «вотчинные» земли татарских «владельцев» к новым хозяевам переходили по поступным. Так, например, тобольский служилый татарин Бекмаммет Кайдаулов в 1666 г. поступил митрополиту Устюга Великого Архангельского Пахому за тридцать рублей «на Исете реке своею вотчиною и пашенною землею и санными покосы по речке Бешкиле с рыбными ловлями и всякими угодьями...» [РГАДА, ф. 199, д. 481, ч. 6, л. 57]. На приобретенных монастырем землях были поселены крестьяне.

Наградой для бывших сибирских мурз, теперь «лутчих людей», становилось сохранение привилегированного положения тарханов и выдача государева жалованья (денежного и хлебного). За это они и несли военную службу новому сюзеру – московскому государю.

С завоеванием Сибири становится актуальным вопрос о правовом закреплении земельных наделов и угодий. До этого в Сибири, где плотность населения была невелика, по данным П. Будинского, в начале XVII в. число ясачных людей «...в семи уездах не превышало и 4000 человек» [Будинский, 1999, с. 25–26], а в земельных ресурсах не было недостатка, вопрос о закреплении угодий не стоял так остро. Вполне правомерен вывод Н.А. Халикова о том, что «свидетельство о внедрении земледельческой культуры с приходом русских вполне допустимо интерпретировать и как вынужденную меру, сопровождавшую возросшую плотность населения и сокращение скотоводческих, охотничьих и рыболовных угодий» [Халиков, 2002, с. 63].

С увеличением численности населения и становлением земледелия как одной из ведущих отраслей хозяйственной деятельности татар Прииртышья, проблема правового закрепления земельных наделов требовала решения. Поэтому можно говорить о том, что становление татарского служилого (и инородческого) земледержания происходило одновременно с формированием системы служилого землевладения в Сибири в целом.

На первых порах держание земли служилыми людьми правительством не регламентировалось, хотя с самого начала государственная политика была направлена на то, чтобы служилых «в пашню вваживать, чтоб себе пашню пахали и впредь бы с Руси хлебных запасов посылати меньше» [История казачества, 1995, с. 179]. Уже начиная с конца XVI в. в царских указах предписывалось выделять участки для хлебопашества прибывшим на постоянное жительство казакам и стрельцам. Подобной политики насаждения земледельческой практики правительство придерживалось и по отношению к инородческому населению. Так, узнав о том, что татары около Тюмени и в Табаре по р. Тавде занимаются пашней, Борис Годунов в 1599 г. назначил Тагильские юрты на пашню с тем, чтобы вместо ясака с них взимать хлебом «для казенных житниц». Однако татарам «пашня не полюбилась». Уже по вторичному прошению табаринские татары были освобождены от пашни и причислены в ясак, некоторые же из тюменских татар от новой повинности даже бежали в Исетскую степь [Словцов, 1838, с. 2–21].

Естественно, что земельные и прочие наделы вновь прибывшим русским казакам выделялись из земельных угодий, ранее принадлежавших татарам. Несмотря на то что некоторые исследователи отмечают, что поселившиеся в Сибири «по указу» или «по прибору» казаки получали землю лишь «порозжую», т. е. «ту, относительно коей татары не могли показать фактическое пользование» [Андроников, 1911, с. 3] и «местные власти при отводе пахотных и сенокосных угодий для русского населения стремились, по возможности, не затрагивать земельные интересы татар» [Бакиева, 2000, с. 21–22], на деле возникали многочисленные споры по определению границ участков, самовольному захвату наделов и т. д. По наблюдению В.И. Шункова, если в начале XVII в. русские слободы и деревни находились в окружении огромных территорий ясачных волостей, то уже к концу XVII в. «...ясачные волости попали в окружение русских слобод» [Шунков, 1946, с. 6]. Как отмечает Н.А. Томилов, процесс этот сопровождался со стороны русских захватом угодий. На Тоболе русские на промысловой территории татар занимались охотой, собирали хмель, снимали орлиные гнезда, а защиточные слободчики сгоняли татар с пашни, отнимали сено, ломали двери у юрт. В связи с этим царскими властями не раз указывалось, что «...в монастыри русским служи-

лым и никаким людям, и татарам и остякам никаких земель, и сенных покосов, и никаких угодий в вклад давати и продавати не велено» [Томилов, 1981, с. 35]. Известны был случаи, когда в результате судебного разбирательства тюменским и тобольским татарам, а также бухарцам возвращали земли, занятые русскими. Продажа и аренда земли у татарского населения вплоть до начала XIX в. была запрещена. Тем не менее процесс перераспределения земель между татарами и русскими продолжал развиваться. Около городов татары теряли свои угодья быстрее, чем в отдаленных местах. Особенностью заселения территории русскими, как отмечает Н.А. Балюк, является образование части русских поселений в местах, давно и прочно обжитых татарами. Так, русская деревня Карачинская расположилась близ Карачина городка, где находился улус думного советника Кучума. Близ юрт Буйдалинских, Медянских, Тоболтуринских, Турбинских возникли русские деревни: Медянская, Турбинская, Буйдалинская и др. Близ городка князя Бегиша уже в конце XVI в. русские переселенцы возводят Бегишевский погост. Подобные примеры можно привести по городкам князей Абалака, Аремзяна, где впоследствии были основаны русские деревни [Балюк, 1997, с. 42].

Татары подавали многочисленные челобитные, в которых указывали на притеснения. Часто для защиты прав на свои земли служилые татары обращались непосредственно к верховной власти. В результате в начале XVIII в. «Высочайшими грамотами от великих князей царей и государей...» было предписано «живущим в деревнях вверх и вниз по Иртышу и Тоболу рекам домами тобольским служилым татарам владеть своими землями со всеми угодиями, а русским людям никому в те их земли и во всякое угодие не вступать, и никаких обид им не чинить а которые живут в Тобольске под горою на нижнем посаде меж русскими людьми тем жить в тех же местах по-прежнему, чтобы им от переводу лишней тягости и разорения не было» [ГУТО «ГАТ», ф. 329, оп. 13, д. 7, л. 103об.]. По уложению 1697 г. предписывалось «мурзам и татарам своих поместий не пустошить, и самим из тех своих поместий в иные города и в села и в деревни никуда не бегать, а жить в своих поместьях и вотчинах, и владеть им мурзам и татарам всякому своим поместьем, где кто помещается по дачам» [ГУТО «ГАТ», ф. 329, оп. 13, д. 24, л. 2]. По правительственному указу 1708 г. определялось, что «буде кто вла-

деть иноземскими землями хотя по каким указам и грамотам, или по каким крепостям и данным, и те все земли взять и отдать им иноземцам во владение по-прежнему» [ГУТО «ГАТ», ф. 329, оп. 13, д. 24, л. 2].

Таким образом, формально государство оберегало права на земли и уголья инородческого служилого и ясачного населения. Делалось это для того, чтобы «ясачных людей от государева жалованья не отгонять и тем бы их не оскорбить», и чтобы «нашей государеве службы и подводные гонбы не отбыть» [Андроников, 1911, с. 39, 56].

Согласно правительственным указам вся земля за Уралом считалась собственностью государства. Как русских крестьян, так и сибирских инородцев закон рассматривал как «водворившихся» на казенных землях. Причем собственность государства была не номинальной. Верховная власть не только декларировала, что в «Московском государстве и в Сибири с земель служилые всякого чина служат Наши, Великого Государя, службы, а крестьяне пахут десятинные пашни и платят оброки, а даром землями никто не владеет» (указ 20 июня 1701 г.), но и на деле осуществляла права собственника. Условием владения землей у служилых людей было несение ими службы с одновременным лишением всего или части хлебного жалованья [История казачества, 1995, с. 182].

Владение землей для служилых татар, как и для русского служилого сословия, осуществлялось на основании несения службы. Во многих документах, закреплявших земельные права, подчеркивалась условность характера владения землей. Так, в них говорилось, что «дачи пожалованы предкам... служивым татарам от казны вместо хлебного жалованья и фуража» [ГУТО «ГАТ», ф. 329, оп. 13, д. 7, л. 279 об.]. Государство закрепляло за служилыми татарами их «вотчинные земли и уголья», но одновременно оговаривало, что условием владения этими вотчинными землями является служба. Как отмечает И.Н. Андроников, «все обязанности покоренных по отношению к покорившей их Москве... заключались в «службе»: под видом ли обработки земли для пополнения царских житниц, под видом ли ясака, вносимого пушниную, а затем деньгами, или же, наконец, в виде действительной службы в царском войске» [Андроников, 1911, с. 2–3].

Первые планы на сибирские земли были составлены правительственными органами еще в конце XVI – начале XVII в. Границы

землепользования определялись в ходе оформления писцовых и переписных книг, выписи из которых выдавались переписчиками на руки. При всех спорах на протяжении XVIII – начала XX в., выписи служили для татар доказательством их прав на землю. Границы угодий обозначались в записях естественными урочищами: озерами, болотами, колками и т. д. Вплоть до XVIII – начала XIX в. правительство рассматривало «данные» на татарские земли как документ, закрепляющий за землевладельцами право спокойного и прочного владения землей, которой до того времени владельцы эти пользовались фактически, по обычному праву, но без ограждения от посторонних притязаний правом формальным. «Данные» выдавались и на земли «порозшие», никем не занятые. В XVIII – начале XIX в. правительство предоставляло татарам право свободного распоряжения занятыми землями. Земли татар считались «вотчинными», исстари состоявшими в их владении. Единственным ограничением в распоряжении татар землей было запрещение ее продажи русским. Между самими татарами никаких препятствий по купле-продаже, закладу земель правительство не ставило и акты на эти сделки совершались фактически беспрепятственно, однако при условии, что право на владение землей было закреплено «данными» [Андроников, 1911, с. 58]. По указу Сибирской губернской канцелярии от 26 июля 1732 г. предписывалось: «впредь русским людям на татарских и других иноземцов землях на которых они живут и промысел имеют жить татарам и другим иноземцам таковые свои земли русским людям продавать запрещено» [ГУТО «ГАТ», ф. 329, оп. 13, д. 24, л. 2].

В конце XVI – начале XVII в. официально фиксированные нормы отвода земель служилым людям отсутствовали, поэтому величина участков в хозяйствах служилых сильно варьировала. В первой половине 1620-х годов в Западной Сибири она колебалась от 0,75 дес. до 121 дес. на один двор [История казачества, Т.1, 1995, с. 180]. Н.А. Баллок приводит сведения, что в среднем на двор русских служилых приходилось 15,7 дес. пашенных земель [Баллок, 2002, с. 15].

Уже в начале XVII в., по реформам тобольского воеводы Ю.Я. Сулешева (1623–1625 гг.), служилое землевладение в значительной мере ставится под контроль властей. Земельные участки служилым людям стали отводиться, как правило, в размерах, которые соответствовали их хлебному окладу. В дальнейшем официальные нормы отвода земли уменьшаются.

Так, в 1696 г. было предписано «сибирских городов служилым людям за хлебные оклады» отводить: дворянам и детям боярским – по 10 дес. пахотных угодий в одном поле (30 дес. в трех полях) и сенных покосов на 600 копен (что составляло около 30 дес.), конным казакам – по 6,5 дес. в поле и покосов на 200 копен. С 1732 г. по указу Сибирской губернской канцелярии конным казакам стали отводить надел пахотной земли в 5 дес., хотя на практике часто допускались отступления от установленных норм [История казачества, 1995, с. 180].

Что касается служилых татар, то по «Дозорной книге г. Тары» (первая четверть XVII в.) можно наблюдать размеры земельных владений тарских служилых татар в XVII в. [РГАДА, ф. 214, оп. 1, д. 1182, л. 284 об.- л. 352 об.]. Размеры запашки, производимой тарскими служилыми татарами, были незначительными. В целом они не превышали 6 десятин (по 2 дес. в трех полях). Средний размер пашни, приходившийся на 1 двор служилых татар, был около 3 десятин. Все тарские служилые татары несли службу «с пашни» и получали только денежное жалованье. Однако были нередки случаи завладения татарскими угодьями русскими казаками. Служилые направляли челобитные к царю с жалобами на причиненные обиды. Так, «тарские служилые татаровья Талайко Кучуков Копландейко Черегеев с товарищами... подали челобитную, а в челобитной их написано с прошлых лет поле дедов и отцов своих владеют они татаровья пашенною и непашенною землею в межах подле речки Великую Кыртищу реке а по другую сторону с пашни казакам Миткою Косаревым и подле болота... А в нынешнем ж... году по челобитной Тарского отставного конного казака Анички Кузнецова отдана та их вышеписанная татарская земля ему Аничке без розыску...» [РГАДА, ф. 214, оп. 1, д. 1182, л. 349 об.]. Часто прибегали к свидетельству однообщинников о владении землями «исстари», что и являлось основанием для дальнейшего владения угодьями. Так же было и в этом случае. В итоге «по указу великого государя... велено вышеписанною пашенною и непашенною землею владеть служилым татарам Талайке Кучукову и Копландейке Черегееву с товарищи по-прежнему» [РГАДА, ф. 214, оп. 1, д. 1182, лл. 349-350 об.].

Пашенные угодья томских служилых татар были также небольшими. Размеры пашни, обрабатываемой томскими служилыми

татарами Малой Байкульской волости, проживавших вверх на реке Томе, на Черной речке, в XVII – начале XVIII в. в среднем были немногим больше 1 десятины на двор [Малиновский, 1999, с. 449–456]. Томские служилые татары указывали, что владели своими угодьями они «без крепости», т.е. с этих владений не платили в казну денежных и хлебных податей.

«Переписные книги» сына боярского Ф. Бовыкина 1672 г. позволяют рассмотреть размеры пашенных угодий в XVII в. тобольских служилых татар на примере татар юрт Турбинских, по которым видно, что на 1 хозяйство служилых татар юрт Турбинских Тобольского уезда приходилось в среднем по 5 десятин земельных угодий, из которых обрабатываемой пашни было 4,5 десятины. Средний размер возделываемой пашни захребетных татар юрт Турбинских составлял около 3 десятин. Кроме того, в совместном владении служилых и захребетных татар находилось более 30 десятин земельных угодий близ юрт Турбинских, которыми они владели «без крепости», а также многочисленные сенные угодья, которые также состояли в общем держании [Андрионов, 1911, с. 7–10].

В XVII в. происходят кардинальные изменения и в хозяйственном укладе сибирских татар. Эти изменения были связаны, прежде всего, с русской колонизацией Сибири и государственной ориентацией хозяйства юга Сибири как земледельческого. Несмотря на то что земледелие существовало у татар еще в дорусский период, оно не играло значительной роли в хозяйственном комплексе сибирских татар даже в благоприятном для земледелия южных районах. Татарское хозяйство в XVII в. продолжает оставаться многоукладным, но «в экономике нерусского населения Сибири земледелие принимает все более устойчивый характер» [Андрионов, 1911, с. 7–10]. В XVII в. начинает формироваться система инородческого земледержания, при которой верховным собственником земли выступает государство, дающее земли татарам либо «за службу», либо «за уплату ясака».

Таким образом, с конца XVI в. начинается формироваться государственная политика, направленная на политическую, административную, экономическую интеграцию вновь присоединенных сибирских территорий и татарского населения Сибири в Московское государство.

10.2. ТЮРКСКИЕ ГРУППЫ ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ

Южное Зауралье, в широком понимании этого географического термина, является контактной территорией западного анклава сибирских татар и одновременно восточного – зауральских башкир. Несмотря на это, в исследовательской литературе по тюркской и татарской истории Западной Сибири периода русского освоения эти группы освещены достаточно слабо. Обзорные данные по ним даны лишь в обобщающих работах по истории сибирских татар (С.В. Бахрушин, Н.А. Томилов, З.А. Тычинских) и зауральских башкир (Р.Г. Кузеев). Отдельные аспекты данной темы в последнее время рассмотрены В.В.Трепавловым при освещении роли Кучумовичей на юге Западной Сибири, В.Д. Пузановым – в контексте русско-калмыцких отношений [Трепавлов, 2012, с.62–82; Пузанов, 2002, с.19–31]. Небольшая работа, в которой впервые ставятся многие вопросы начального этапа русского освоения и истории тюркских волостей, была написана Г.Х. Самигуловым [Самигулов, 2011 б, с.127–131], им же рассмотрены отдельные аспекты волостного деления и изменения границ некоторых тюркских волостей Южного Зауралья в XVII–XVIII вв. [Самигулов, 2013 а]. Самое основательное до сегодняшнего дня исследование, включающее обзор тюркских волостей по Исети, принадлежит Б.О. Долгих [Долгих, 1960]. Многие из его выкладок получили подтверждение при анализе дополнительных материалов. В краеведческой литературе, по сути, все исследования по тюрко-татарской истории региона сосредоточены лишь на проблемах формирования доминирующей сейчас группы ичкинских татар, при этом не учитывается их многокомпонентный характер; одновременно с этим наблюдается стремление удревить их появление на территории региона. По имеющимся документам, ичкинцы получили земли на Исети и Тоболе не ранее 1678/9 г. [Самигулов, 2014, с.162–167], в то время как в работах краеведов не совсем корректно эту дату стремятся отнести к периоду Сибирского ханства Кучума или даже Узбекского ханства Абулхайра [Байрамова, 2013, С. 165–218]. Подобная тенденция легко объяснима с позиций стремления малых этнических групп к созданию и мифологизации собственной истории.

При рассмотрении вопроса расселения/передвижения групп тюркского населения Южного Зауралья нами были использова-

ны различные источники. В первую очередь, это документы, опубликованные в сборниках и работах предшественников. Здесь особенно надо упомянуть «Историю Сибири» Г.Ф. Миллера, хотя этим изданием круг опубликованных материалов далеко не исчерпывается. Для реконструкции ситуации изучались материалы средневековых документов, хроник, летописей; источники, относящиеся к рассматриваемому периоду, а также данные более позднего времени, которые способствовали интерпретации имеющихся материалов. В некоторых случаях лишь использование данных всех трех временных срезов позволяет достаточно уверенно трактовать отдельные проблемы.

Рассматриваемый период играет важную роль в процессе этногенеза местных тюркских групп. На протяжении XV–XVI вв. население Южного Зауралья входило в состав связанных с позднесолотоордынской политической традицией Тюменского и Сибирского ханств, во главе которых находились ханы из династии Шибанидов, потомков внука Чингиз-хана. Значительную роль здесь играли союзники и родственники этих ханов из числа аристократии Ногайской Орды. После поражения в 1598 г. на Оби сибирского хана Кучума и его убийства около 1601 г. роль местных политических лидеров начали выполнять его потомки, которых в русской литературе принято называть Кучумовичами. Вплоть до конца 1670–начала 1680-х гг. они продолжали вести традиционный кочевой образ жизни на южных территориях бывшего Сибирского ханства в Тоболо-Ишимском междуречье. Несмотря на то, что в русской литературе они рассматривались в качестве «бродячих» и только за первыми наследниками Кучума Али и Ишимом русские власти признавали ханский статус, часть местных племен признавали их в качестве политических лидеров. Это позволяло им не только сохранять легитимность власти на своих землях, но и претендовать на ханские титулы, которые могли быть получены Чингизидами при поддержке местной аристократии (например, царем именуется себя в 1668 г. Кучук в грамоте царю Алексею Михайловичу [Трепавлов, 2012, с.209]). Несмотря на незначительность собственных военных сил, поддержка местных племен, ногаев и калмыков делала их серьезной военной силой, дестабилизирующей попытки русских

воевод расширить границы Московского государства к югу.

В литературе существует мнение о том, что вотчины служилых татар на рассматриваемой территории были даны им русской администрацией «после Сибирского взятия» [Пузанов, 2002, с. 17]. Однако более резонно мнение В.В.Трепавлова, который считает, что ясачные волости в Сибири организовывались преимущественно по принципу расселения местных родов и племен, хотя имелись случаи игнорирования этого деления на начальном этапе формирования русской администрации [Этнический..., 2012, 73]. Аналогичного мнения придерживается и Г.Х. Самигулов [Самигулов, 2011 б, с.128]. При необходимости стабильного ясачного обложения, важного для пополнения государственной казны, только опора на местную аристократию, перешедшую в статус служилых татар и управлявшую юртами и волостями, способствовало выполнению этой задачи. Таким образом, вотчины должны были быть лишь подтверждены соответствующими актами (скорее всего, шертными грамотами), которые, однако, для изучаемой территории не сохранились. По сути, на протяжении всего этого периода тюрко-татарские группы по Исети выступали своеобразным буфером между Кучумовичами и русскими поселениями в низовьях Тобола, на Туре и Тавде. Ситуация коренным образом начала меняться после появления на Исети в 1650–1660-х гг. 7 русских слобод, поражения восстания 1662–1664 гг., передач земель по Тоболу во владение тобольским служилым татарам Сейдяшевым/Кульмаметевым, ставших первыми лидерами ичкинских татар, и постепенного «спуска» русских поселений по Тоболу в конце 1670-х гг.

Таким образом, татарские волости Южного Зауралья, в частности на Исети, могли отражать определенную этнонимию местных племен, живших на этой территории до русского завоевания и в той или иной мере признавших власть «Белого царя». При этом границы волостей в первой половине XVII века по источникам слабо определимы [подробнее об этом: Самигулов, 2011б, с. 127–130]. Это связано с влиянием как военного фактора (перемещения Кучумовичей и их союзников, лояльность местных племен), их периодическим перераспределением между Уфимским, Верхотурским и Тюменским уездам, так и с имевшими место переходами представителей племен из одной волости в другую, в том числе и при наличии военной опасности. При условии полукоочевого или кочевого харак-

тера жизни части из этих племен, границы явно могли носить только условный характер, что вполне осмысливалось русскими администраторами, если не затрагивался вопрос сбора ясака в пользу того или иного уезда. Исследовательница феномена башкирской волости Ф.А. Шакурова выделяет как минимум три значения слова «волость» для Башкирии: земельная организация, наделенная правами собственника, административно-территориальное образование и волость как обозначение рода [Шакурова, 1992. С. 41–44]. В идеале все три значения совпадали. Волость как территориальная единица далеко не всегда была монолитна. Иногда она объединяла несколько участков, включенных в разные этапы хозяйственного цикла и располагавшихся на значительном расстоянии друг от друга. Мы можем с полным основанием распространить эти выводы на тюркские волости Зауралья в целом, поскольку система землепользования тюркских скотоводческих племен Урала и Зауралья XVII в. представляла собой вариации в рамках одной системы. Некоторые сюжеты статьи подтвердят эти тезисы.

При этом изначально единая территория одной волости (улуса одного родо-племенного сообщества) могла, в условиях Российского государства, оказаться «разбита» на части, относящиеся к ведению разных уездов. Более того, некоторые угодья, используемые одной или несколькими группами местного населения, могли остаться за пределами территорий, формально входивших в состав уездов Российского государства. В качестве яркого примера можно привести ситуацию с Теряжской волостью, которая будет подробно разобрана ниже. Здесь же мы можем предварительно сказать, что территории хозяйствования терсяж оказались в составе Верхотурского и Тюменского уездов. Огромные территории в верхнем течении Тобола, нижнем течении Миасса (Илетский бор), по Ишиму составляли общие охотничьи угодья для разных групп населения Зауралья. Причем это были именно охотничьи угодья. Как писали в 1656 г. ясачные люди Тюменского уезда: «Калмыцкие люди и Кучумовы внучата Девлеткирей з братью и с племянники от Тюмени города и Тюменсково уезду волостей кочюют днищах в дву и в трех, и по которым местам ясашные люди преж сего белку илет по бором добывали, и бобры, и ярцы, и кошлоки по вотчинным своим землям, а лисицу на зверовье в степе промышлял, и ныне по тем местам зверуют калмыцкие люди и Кучумовы внучата, и им, ясашным людем

зверовать не дают. И Илецкие боры по вся годы выжигают, и на зверовьях их, ясашных людей, гремят и в полон емлют, и побивают, и на промыслех грабят, лошади и всякой зверь и платье отимают, и приходят в юрты пеши» [СПФ АРАН, ф.21, оп. 4, д.8, л.172 об.]. Ключевой здесь, пожалуй, является фраза о том, что калмыки ежегодно выжигают «Илецкие боры» – пал, пускаемый для выжигания сухой прошлогодней травы, это способ обновления пастбищ. Для охотничьих угодий палы представляют немалую опасность, поскольку в пожарах, вызванных палами, гибнет молодняк промысловых животных и птиц. Сложно сказать, были ли охотничьи территории по Тоболу и Ишиму разделены между разными тюркскими волостями, либо являлись землями общего пользования, где действовали некие неписанные правила взаимоотношений и взаимодействия. Некоторые предварительные выкладки по этому поводу будут даны дальше.

Источники позволяют выделить следующие волости (при описании их от низовьев к верховьям Исети): Исетская и Пышминская, Терсяк(т)ская, Бачкирская (Пускурская), Китайская, Сы(н)рянская, частично в верховьях реки и на Миассе между Багаряком и Миассом, на горных озерах (Иртяш, Нанога, Алабуга, Бердениш и др.) располагалась Мякотинская (Бикатинская) и Салжиутская (салют), но вопрос с последней не так прост, что будет показано ниже. Кара-Табынская волость занимала значительную часть земель по Миассу, практически по всему течению Уя, в верховьях Яика (Урала), и, возможно, с запада подходила к Тоболу. Пример границ этой волости достаточно показателен, с точки зрения указанного выше фактора смещения. Следует учитывать, что, по материалам Г.Ф. Миллера, эти волости начинают упоминаться не ранее 1600 г. (Киньрская, Бачкирская, Салжиутская, Кара-Табынская), 1601 г. (Терсятская, Китайская), 1603 г. (Сынрянская), позднее всех между 1610-ми и 1626/7 г. Исетская и Пышминская (возможно, на месте разоренной Киньрской). Представляется, что даты этих упоминаний очерчивают время включения их территорий в состав Российского государства. При этом оно достаточно четко увязывается со временем смерти хана Кучума и переходом ханского титула его сыну Али, что, видимо, оказало влияние и на позицию тюркских племен Присетья.

В 1601 г., согласно «Отписки уфимского воеводы Михаила Нагого тюменскому воеводе князю Луке Щербатому о сношениях с ца-

ревичами Алеем, Азимом, Кубеем и Канаем» на поиски царевичей были отправлены послы из Уфы. По результатам переговоров царевичи «наезжать себя велели на Тоболе реке, на Арал Карагае, от Каратабынские и от башкирские волости ездю пять днищ» [Миллер, 2000, с.195]. Название Арал–карагай, очевидно, носила территория, которая сегодня находится на Брединский район Челябинской области и Кваркенский район Оренбургской области и вплоть до впадения Синташты в Тобол. Там и сейчас есть остатки бора, а одна из малых речек, приток реки Синташты, называется Арал-Карагай. Описание пути еще одного посольства: «от Уфинского города до Каратабынской башкирской волости 10 днищ, а от нее до царевичевых кочевий 8 днищ. А кочуют де царевичи Канай да Азим меж Ишима и Обаги реки в дуброве, от устья Обаги реки 3 днища ездю конного вверх по Абаге...» [Миллер, 2000, с. 196]. Из документа следует, что в то время граница Каратабынской волости была в 5 днях пути от Арал-Карагая. Даже если считать, что в документе подразумевается та часть бора, которая прилегала к р. Тобол, то Каратабынская волость в рамках Уфимского уезда тогда располагалась приблизительно на территории нынешнего Учалинского района Республики Башкортостан. При этом используется выражение «Каратабынская дальняя волость» [Миллер, 2000, с.195], иначе говоря – крайняя, пограничная в рамках уезда. В «Отписке тюменских воевод Федора Бобрищева-Пушкина и Михаила Елизарова тобольскому воеводе боярину Матвею Годунову» 1623 г. сообщается, что: «... большие де их тайши Байбагиш с товарищи прикочевали со всеми своими улусы по Тоболу реке меж Тюмени, от Уфы за два днища от Уфинской волости от Ератабыни, где кочевал наперед сего сибирской Кучум царь, а Ишим де царевич кочует ныне с тестем своим Урлюком тайшею с товарищи вместе» [Миллер, 2000, с.350]. Ситуация довольно сильно отличается от той, что описана выше, – от лагеря тайши, расположенного к востоку от Тобола до Ератабынской (с большой долей вероятности, Каратабынской) волости всего два дня пути. То есть между 1601 и 1623 г. восточные границы этой волости Уфимского уезда значительно придвинулись к Тоболу. Уже по документу 1692 г. территория волости включает в себя, в том числе земли по реке Тобол, от впадения в нее р. Уй и выше, и, безусловно, – реку Уй в нижнем и среднем течении, Санарка, Увелка, а также Миасс в его верхнем течении [Материалы, 1936, с.80].

По всей видимости, в конце XVI – начале XVII в. территория традиционных кочевков Кучумовичей, очевидно, признавалась де-факто землями, принадлежащими Сибирскому ханству. Граница этих земель проходила по р. Исеть и по восточному склону Уральского хребта. К 1623 г. опора Ишима б. Кучума на калмыков подтолкнула многих представителей местных племен к русской власти, что и изменило ситуацию. Насколько можно судить, верховья Тобола и Ишим оставались за Кучумовичами, а позже – в большей степени за калмыками, но границы Уфимского уезда в Зауралье были существенно раздвинуты. В результате граница Каратабынской волости оказалась в 2 днях пути от р. Тобол, в то же время в составе Уфимского уезда оказалась Китайская волость на Исети. Есть все основания полагать, что она представляла собой летнюю территорию хозяйствования китайцев, а зимние их становища были в Уральских горах, на тех землях, которые они в XVIII в. продали или сдали в аренду под заводы [Самигулов, 2012 а, с. 49–50]. Можно предположить, что помимо восточной Китайской волости в состав Уфимского уезда вошли также территории бакатин, или Мякотинская волость, и ряд других территорий.

В отличие от прочих упомянутых тюркских волостей, Исетская и Пышминская волости названы по географическим приречьям. Эти волости, локализовались согласно данным Б.О. Долгих в нижнем течении Пышмы и в самых низовьях Исети, она упоминается в документах с 1631 г., причем Борис Олегович утверждает, что, согласно его источникам, населяли эту волость «уфимские пришельцы» [Долгих, 1960, с. 42, 48]. Его выводы подтверждаются данными документов. В 1663 г. в росписи ясачной и поминочной мягкой рухляди Тюменского города сначала констатируется, что нескольких жителей Пышминской и Исетской волости «не стало без вести», а потом вернувшийся из побега Аллагул Баишев сообщил, что «те де Пышминские волости татарова, которые в сыску писаны и они де живут ныне все с ызменники около Ариятша (Аиретяша) озера з башкирцы вместе» [СПФ АРАН, ф.21, оп.4, д.8, л.215 об.–216]. Название «Аретяш» с большой долей уверенности можно интерпретировать как Иртяш, а это озеро входило в вотчинные владения бекатин. В 1734 г. старшина Мякотинской (бекатин) волости Янгильда Самангулов Бигишев писал: «В Уфимском де уезде в башкирской степи имеет он у себя деда и отца своего Бигишева старин-

ную вотчину в Мякотинской волости, в деревне Редяшевой. А в той же ево вотчине имеецца владений ево озера: Илтяш, Кызылташ, Сунгуль и другие озера» [ГАСО, ф.24, оп.1, д.1092 а, л.110б.]. Есть и еще одно обстоятельство, в начале XVIII в., видимо, в период восстания 1705 – 1709 гг. сам Янгильда Бигишев уехал в Сингульские скиты, где и прожил не менее 10 лет, а затем вернулся в д. Редяшеву (она же Иртяшская) [ГАСО, ф.24, оп.1, д.1092 а, л.277]. Б.О. Долгих соотносил Пышминскую и Исетскую волость с более поздней Сингульской волостью Ялуторовской округи [Долгих, 1960, с. 42, 48]. Очевидно, Пышминская и Исетская волости были образованы при переселении в низовья Исети и Пышмы тех представителей бекатин, которые до какого-то времени кочевали с Кучумовичами, а затем решили уйти от них и «осесть». При этом контакты между двумя группами бекатин поддерживались и спустя практически 100 лет, хотя одна группа вошла в состав формировавшегося башкирского народа, а другая – сибирско-татарского.

Этот пример с бекатин является, скорее, обычным, чем исключительным. Жители Бушкурской (Башкирской, Бачкырской, Пускурской) волости практически во всех документах ясачного сбора XVII в. упоминаются вместе с ясачными Киньрского городка и Терсякской волости [СПФ АРАН, ф.21, оп.4, д.8, л.96, 135 об., 168, 210]. При этом в XVIII в. группа тюрков Бушкурской волости жила в деревне Ураскильдиной на оз. Пороховом, на стыке территорий Мякотинской и Салжеутской волостей [ГАСО, ф.24, оп.1, д.1092 а, л.338 об.]. Относительно расположения Терсякской и Бушкурской волостей особых разночтений не возникает, Б.О. Долгих описывает их так: «Терсяцкую волость мы показываем на карте по Исети вверх от Пышминской и Исетской волости, в районе впадения в Исеть речки Терсяк...мы помещаем Бачкырскую волость между Исетью и Пышмой в бассейне речки Беляковский и оз Атяж» [Долгих, 1960, с. 47]. В более позднее время (XVIII–XIX вв.) территория этих волостей вошла в состав Шадринского уезда. Мы полагаем, что бушкурцы и терсяки приняли участие в формировании группы ичкинских татар. В документах встречаются примечательные детали, которые позволяют предположить, что состав населения разных волостей мог быть смешанным. Можно привести такой фрагмент: «приезжал де из Киньрские волости ясачный татарин Кудабердей сырянец, в Теренгульскую волость к

татарину к Мангуту с сыном свататься на дочерь...» [Миллер, 2000, с. 198].

Группа терсяк, как и некоторые другие тюркские группы, имела значительный «разброс» территории расселения. На северо-западе они занимали территории в районе озера Аят и по реке Реж, а также по Чусовой. На востоке их угодья находились в среднем течении Исети. Охотничьи угодья, как и у большинства тюркских сообществ Зауралья, в верхнем течении Тобола с притоками и по Ишиму. Естественно, все это являлось единой территорией хозяйствования для терсяков. Но после вхождения Зауралья в состав Российского государства их земли оказались разделены между разными уездами – Тюменским и Верхотурским. И одно и то же население было разделено на две группы, одна из которых платила ясак в Верхотурье, а другая в Тюмени.

Между этими двумя уездами происходили «миграции» терсяков, что было совершенно естественно, поскольку в реальности это были части одной волости, единой территории, использовавшейся для жизнеобеспечения. Переходы с востока на запад и обратно были вполне обычным явлением, но после образования уездов подобные переходы были затруднены, в связи с «припиской» населения к конкретному уезду. Очень хорошо иллюстрирует эту ситуацию документ первой трети XVII в.: «...в прошлом во 138 году до вашего на Верхотурье приезде, сошло из Аятской, и из Сосвинской, и из Лозвинской, и из Косвинской волостей, в Тюменский да в Чердынский ясак двадцать человек... И для тех Аятских ясачных Татар, которые сошли в Уфимский уезд, посылал ты ... и тех беглых Аятских Татар сыскал подъячей Михайло Сартаков только трех человек, которые живут в Тюменском ясаке, а иные ясачные люди сошли на зверовье, а сказывали про них, что те ясачные люди платили ясак на Тюмень» [Акты, 1841 в, с. 313]. Были обратные ситуации: «...да верхотурского ясаку татарова Купердей Кокутлугильдеев, Бекмурза Курмамеев, а тот Бекмурза преж сего был тюменской ясашной татарин» [СПФ АРАН, ф.21, оп.4, д.8, л. 216]. А при расспросе выяснилось, где жили эти люди: «жили де с Бикмурзою, з женами и з детьми от Верхотурья вверх по Режу» [СПФ АРАН, ф.21, оп.4, д.8, л. 219 об.]. Соответственно жили они на территории Аятской ясачной волости Верхотурского уезда, населенной терсяками. Это документы 1663 г.

Существует устойчивое мнение о том, что терсяки Верхотурского уезда после

1630-х гг. ушли в Тюменский уезд. Наиболее сжато и полно эта точка зрения высказана в книге «Уктус: Уктусский завод и его окрестности в XVII – XVIII вв.»: «Верховья Пышмы и Исети заселяли, вероятно, так называемые «сырянцы», «зырянцы». С запада с бассейном Уктуса непосредственно соседствовала Терсяцкая («Верхние Терсяки») ясачная волость Верхотурского уезда. Вместе с вогулами терсяки жили, видимо, в располагавшейся севернее «сырянцев» Аятской волости того же уезда. Другая Терсяцкая волость, тюменского подчинения, находилась ниже по течению Исети. Сюда к соплеменникам в 1630 г. бежали верхотурские терсяки. В 1625/1626 г. среди них числилось 16 взрослых и 3 подростка – плательщиков ясака. Впрочем, и после бегства терсяков название «Терсяцкая волость» за их бывшими землями сохранилось» [Байдин, Грачев, Коновалов, Мосин, 2011, с.7–8]. Выше мы уже показали, что на территории Аятской волости терсяки жили и в 1660-х гг. Представления о том, что терсяки (как и жители Чусовской ясачной волости) ушли в Тюменский или Уфимский уезд основывается на недостаточной изученности материала, что мы и постараемся показать ниже.

Но если мы посмотрим на ситуацию первой половины – середины XVIII в., то окажется, что значительная часть этих территорий была занята группами, которые относили себя к башкирам. В частности, земли по Чусовой с притоками принадлежали башкирам Терсятской, Салзавтской и Сырянской волостей [Корепанов, № 7]. Можно добавить, что в начале 1730-х гг. Н. Демидов купил у башкир Терсятской волости земли под Ревдинский и Сергинский заводы [ГАСО, ф.59, оп.7, д.115] [Свистунов, Меньшенин, Самигулов, 2007, с. 30], а позже, в 1755 г., терсяки продали землю Е.Я. Яковлеву, граничившую с землями Полевского, Нязепетровского и Сергинских заводов [ОГАЧО, ф.И-172, оп.1, д.7, л.205–206]. Представляется, что в действительности не было переселения ясачных людей Терсяцкой волости Верхотурского уезда на территорию других уездов. Терсяк и оставались на своих вотчинных землях, просто перестали платить ясак в Верхотурье и стали выплачивать его в Уфимском уезде. Поэтому информация о терсяках, как о населении Верхотурского уезда в документах второй половины XVII в. практически отсутствует, поскольку они не платили подати в тамошнюю Приказную избу. Более развернуто такая схема будет показана на примере Сырянской волости.

В продолжение рассмотрим более подробно Сыррянскую, Катайскую и Салзаутскую (сальют) волости. Уже отмечалось, что информация о сыррянах отсутствует в известных источниках до конца XVI в. Вполне возможно, что сырряны пришли в Зауралье именно в XVI в. Но об этом чуть позже.

Границы Сыррянской волости, зафиксированные в 1673 г. со слов сыррян: «181 (1673–1674 гг.) году в переписных ясяшных вотчинных книгах переписи уфимские приказные избы подьячего Ивана Жилина да иноземского списку Наума Ногаतिकова написана ... Вотчина де у них у сенгирянцов у всех вопче за Урал горою, на степной стороне, а межа той вотчине с вершины речки Багаряк и до устья, а от той речки с вершины речки Елганды (совр. Боевка – Г.С.) и до устья, а от устья той речки по речку Казиганды до вершины и до устья, да на вершины речки Уйлабасты и до устья, да через речку Сесер (Сысерть – Г.С.) на сосняг а с того соснягу на вершины речки Исеть и с вершины Исети на речку Уктус, с устья и до вершины» [ГАСО, ф.24, оп.1, д.1092, л.81; Самигулов, 2013 а]. Эта территория (верховья Исети) отмечается как «Сенгирянская волость» и в более раннее время. В мае 1663 г. вернулись в Тюменский уезд, на Пышму «Киньрского городка и Бачкурские волости ясяшные татарова, которые были в отъезде у сенгирянцов башкирских татар». А отъехали они опасаясь расправы, «к усегирянцам башкирским татаром з женами и з детьми и жили они у сенгирянцов в Уфимских уездах с вершин Исетских» [СПФ АРАН, ф. 21, оп.4, д.8, л.216–217].

Но, как выяснилось, помимо земель в верховьях Исети и по Сысерти, Синаре, сырряны являлись вотчинниками других участков территории, в том числе по Чусовой и на р. Азяш (приток Уфы в верхнем ее течении), на стыке Шуранской, Чирлинской (сызгы) и Айлинской волостей. Земли эти были проданы Демидовым в 1750-х гг. [ОГАЧО, ф. И-172, оп.1, д.7, л.140 об.-141 об., 199]. Создается ощущение постепенной подвижки с запада на восток. Кроме того, в 1738 г. под доношением старшин и рядовых башкир В.Н. Татищеву о притеснениях, чинимых им местными русскими должностными лицами, одна из подписей: «Нагайской дороги: ... Сенирянской волости сотника Сафара Илашева тамга» [Материалы, 1936, с. 140–143].

Таким образом, территориально основная часть земель Сыррянской волости, в верховьях Исети, находилась на территории

сначала Тюменского уезда. В 1598 г., с образованием Верхотурского уезда, земли в верхнем течении Исети и Пышмы отошли к нему [Буцинский, 1889, с. 7]. В 1671 г. было проведено межевание земель Верхотурского и Тобольского уезда по р. Исети, в результате территория по Исети, включая земли Сыррянской волости, практически полностью оказалась в ведении Тобольского уезда [РГАДА, ф.111, оп.1, д.89, л.44–49]. При этом, как упоминалось выше, с 1630-х гг. сырряны платили ясак в Уфу. То есть с точки зрения фискальных органов сначала Верхотурского, а позже Тобольского уезда, сырряны не существовало, поскольку они не являлись податным населением этих административных единиц. Поэтому у исследователей сложилось мнение, что земли в верхнем течении Исети были пустыми, а сырряны («сыррянцы») переселились на другие территории [Байдин, Грачев, Коновалов, Мосин, 2011, с.7–8]. В реальности сырряны оставались в пределах своего традиционного расселения, что подтверждается прошением, направленным ими в Уфимскую приказную избу в 7205 (1687–1698) г.: «да на их же вотчинников земли поселились русские многие люди четыре слободы Ремянская Камышенка Колчедан и Багаряк и в тех слободах населено дворов по триста и по четыре ста и больше и те русские люди всякой зверь в той их вотчине повыбили и отогнали и вотчинами их завладели и от того им Великого Государя ясак промышлять стало негде а они де люди степные безпашенные кормятца всяким уловным зверем а ныне де оне за себя в казну Великого Государя ясак платят с великою нуждою...» [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д.1092 а, л.80]. Сырряны сообщали, что на их землях образованы Арамилевская (Ремянская), Камышевская и Багарякская слободы и Колчеданский острог. Это достаточно четкое подтверждение сказанного нами выше. Хочется добавить, что понимание того, что была возможна показанная нами двойственность положения целых ясяшных волостей, позволяет несколько иначе взглянуть на историю населения некоторых уральских и зауральских территорий, в частности, Верхотурского уезда.

Что касается сальют (салджиутов, салджигутов и т.д.), то исходя из приведенной выше информации о том, что они упоминаются в Юго-Западной Сибири с начала XV в., было бы логично предположить, что в XVII в. мы имеем дело с потомками тех самых «салджигутов». Р.Г. Кузеев полагал, что «Уход катайцев и сальютов с Чусовой, с верховьев Исети и

вообще с северных земель находится в тесной связи с двумя крупными событиями: с одной стороны, с активизацией русской политики по освоению Пермского края и Сибири...; с другой – с ослаблением и падением Сибирского ханства. <...> Массовый уход башкир с северных земель относился, однако, ко второй половине и даже к концу XVI в. <...> Первыми откочевали на юг салюты. Они поселились к югу от Исети, локализуясь в бассейнах рек Синара и Теча. Китайцы вновь разделились. Основная их часть сдвинулась на юг, <...>. Другая часть катайцев след за салютами направилась в Зауралье; там они в основном заселили междуречье Синары и Течи в их верхних течениях» [Кузеев, 1974, с.238].

Между тем Китайская волость в Принсестье явно располагалась ниже впадения Синары в Исеть. Можно привести два фрагмента документов из «Истории Сибири»: «...приезжали те воинские люди к нему Козюбайку к юртам (на Исети выше устья Течи – Г.С.) от Билягиля да пошли назат к Билягилю ж в Китайские волости» [Миллер, 2000, с.468] (Билягиль – оз. Беликуль в нынешнем Красноармейском районе Челябинской области); 1651 г., в розыске о нападении на Далматов монастырь, сказано: «те воинские люди приходили к Успенскому монастырю из за Исети реки пониже Китайского бору да тою же де сакмою и назад пошли» [Миллер, 2005 б, с. 348–349]. И так, к 1651 г. уже существовала топонимика, связанная с племенным названием «катай». Северная часть Китайской волости (Улу-Катай и Бала-Катай) в XVIII в. располагалась в горной части (нынешний Белокаятский район Республики Башкортостан, часть современного Нязепетровского района и т.д.) [ОГАЧО, ф.И-172, оп.1, д.6, л.180; Там же, д. 8, л.2]. Судя по всему, в XVII в. они располагались там же. Территории катай по Исети мы можем интерпретировать как летние пастбища (летовки), в то время как горные территории служили зимовками, хотя и сохраняются вероятность того, что катай на Исети были потомками тех «хытай», которых мы встречаем в документах более раннего периода, но эта вероятность очень мала. Еще в XVIII в. существовала так называемая «кошевая» дорога, которая вела из горной части Урала на равнинную территорию Зауралья. Шла она как раз из района северной (горной) Китайской волости, проходила через Мякотинскую волость и уже в равнинной части раздваивалась – одна ветвь шла на юг, к Ую и Тоболу, а другая на восток, к Исети. На карте, составленной в 1741 г.

Ф. Санниковым, эта дорога подписана как ««Дорога большая которою башкирцы ездят в Уральские горы кочевать», небольшой обзор этих дорог был сделан в недавней статье [Самигулов, 2013 а].

Сальют, судя по всему, пришли в междуречье Течи и Синары достаточно поздно. Еще в 1673 г. территория салютов лежала по Чусовой, а с юго-востока Салжеутская волость граничила с Сырнянской [ГАСО, ф.24, оп. 1, д.1092, л.81; Самигулов, 2013 а]. Более того, в 1721 г. салюты объясняли: «А между своим вотчинам сказывают по сю сторону Чусовой-реки с Багарякского озера на Арамильскую вершину и ниже Курганской деревни» [Корепанов, эл.ресурс, №2], а в 1724 г.: «По Чусовой-де реке и которые речки [в]пали во оную Чусовую – вотчина-де истари их, Челжеутской, да Терсятской, да Сениренской волостей Башкирцев» [Корепанов, эл.ресурс, №7].

Очевидно, на Чусовой находились зимние юрты, а летовки у салютов были на юге – на Уе и в верхнем Тоболе. Однако два фактора – калмыцкая угроза и стремительное русское расселение в Зауралье, – сокращали возможности летних кочевков. В этих условиях салюты начали «осваивать» территорию междуречья Течи и Синары. Произошло это, видимо, в конце XVII в. Есть косвенные свидетельства, подтверждающие это предположение. В 1740-х гг. проходило следствие по поводу земельного спора салют, терсяк и сырнян с крестьянами Багарякской слободы и Колчеданского острога о землях по р. Синаре. В числе прочих допрашивали и ясачных татар, живших в Усть-Багарякских юртах, в деревнях Усманово, Нижнесинарская, Новая, Ключики. Оказалось, что жители деревни Усманово, которая была основана примерно в 1675 – 1685 гг. не платили оброка башкирам Салзатской волости, а жители деревень Нижнесинарской, Новой, Ключики, которые были основаны уже в начале XVIII в. (самые ранние переселенцы туда пришли лет за 40 до составления документа, то есть до 1745 г.), платили башкирам Салзатской волости оброк по 20 копеек с двора [ГАСО, ф.24, оп.1, д.1092 а, л.307–321].

В материалах того же следствия есть и опросы салют, то есть башкир Салзатской волости, разных деревень. Объяснение о времени основания деревень звучало так: «Булат Мамаков с товарищи в допросе сказали оную де деревню поселились в давных годах деды их а сколько тому лет подлинно показать не могут понеже не токмо они но и отцы их родились во оной Салзатской вотчине где

ныне помянутой деревней Булатовой живут ибо та земля по переписным ясашным книгам и до того старинная той волости вотчинная с которой земли платят в казну ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА ясак» [ГАСО, ф.24, оп.1, д.1092 а, л.335–335 об.]. В тексте есть явное противоречие между утверждением о том, что эта земля старинная вотчинная и признанием факта, что пришли на эту землю их деды, а они и их отцы родились уже здесь. А сальюты деревни Темиревой сообщили, что «тою деревнею поселились назат тому тридцать лет, пришед Сибирской же дороги с Аю реки сами собою без указу понеже то место Салзаутской волости башкирцов в том числе и их» [ГАСО, ф.24, оп.1, д.1092 а, л.338].

Таким образом, возникает еще одна «ветвь» – сальюты, жившие вблизи р. Ай. В отписке тюменского воеводы Матвея Годунова от 1606 г. цитируется рассказ тюменского ясачного татарина Исенки Бетикова: «был де он Исенка в Уфинском уезде в волости в Челзеуте у ясачного татарина у Ендоски, и приехал де в Челзеутскую волость Уфинского уезда Аиские волости татарин от татарина от Телпяка ... ныне де Алей и царевичи хотят итти под государевы города с сее весны, а того де подлинно не ведает, под которой город хотят итти; и Уфинского де уезду ясачные татарове и башкирцы Аиские и Челзеутские волости, слышачи те весты, побежали с женами и детьми в крепю, пометав животь» [Миллер, 2000, с. 226]. «В нынешнем во 119-м году сентября в 18 день прибежали на Тюмень тюменские служилые люди конной казак Гриша Пушников с товарищи, а сказали мне в расспросе, что ездили они в Уфинский уезд, в Катай, для своей нужи; и как поехали они из Катай назад на Тюмень и приехали в Челзеутскую волость, в Тулубаевы юрты, на Бендыш озеро, и прибежал к ним Челзеутской волости татарин, Бесоргеном зовут, Ендосов брат, а сказал им Грише с товарищи, что пришли в Челзеутскую волость воинские люди нагайцы, и брата его Ендоса со всем юртом повоевали и его Бесоргенову жену и детей помали, а идут де воинские люди многие по Миеси реке вниз к Исети прямо к Тюмени» [Миллер, 2000, с. 255–256]. Сложно соотнести оз. Бендыш с каким-то конкретным озером в современной Башкирии или Челябинской области, но из текста документа ясно, что речь идет не о районе Чусовой или Течи, – ни с Чусовой, ни с Течи было бы неудобно идти вниз по Миассу к Исети реке, проще – вниз по Исети. Если учесть, что северная Китайская во-

лость еще в 1740-х гг. располагалась к северу от р. Ай [ОГАЧО, ф.И-172, оп.1, д.7, л.90–91] (часть этой территории сегодня входит в Белокатайский район Республики Башкортостан), то вполне логично предположить, что путь тюменских служилых людей из «Катая» в Тюмень пролегал рядом с р. Ай и верхним течением Миасса. Еще одно необходимое примечание – вероятность того, что в процитированных документах имелись в виду сальюты, жившие на Чусовой, исчезающе мала потому, что абсолютно преобладающая часть течения р. Чусовой относилась к Верхотурскому уезду. И реку Ай и Чусовая находятся на приличном расстоянии друг от друга.

«Лета 7143 (1635) года июня в 20 день по государеву цареву и великаго князя Михаила Федоровича всея России указу память Федору Ивановичу Коловскому да с ним уфинцом детям боярским и конным стрельцом ехати им по Сибирской дороге в Куштинскую и в Балькатайскую и в Челзоутскую и в Каратабынскую и в Айскую волости за Урал гору и приехав им в те волости велети выслать башкирцев по сю сторону Урала горы кочевати в крепкие места...» [Новиков, 1879, с. 214].

Мы не знаем, существовали ли в начале XVII в. две части Салзаутской волости, в районе р. Ай и на Чусовой, или же большая часть сальют перешла на Чусовую уже в XVII в. Но мы знаем, что ушли они с Чусовой лишь в 1723 г., когда у них забрали земли для строительства заводов (Корепанов, № 6). После этого сальюты переселяются в междуречье Синары и Течи и начинают вести борьбу за расширение своих угодий. При этом, как мы видели, с р. Ай последние сальют перешли в междуречье Течи и Синары уже в самом конце XVII или начале XVIII в.

Судя по всему, Р.Г. Кузеве достаточно точно определил пути миграции сальютов и катаев с запада на восток, но удревил этот процесс на 100 – 150 лет. Причина этого довольно понятна: Равиль Гумерович основывался в значительной степени на устных источниках информации, которые имеют свою специфику. При этом повторяем, в целом сам ход миграций реконструирован верно. В связи с этим возникает вопрос – имеют ли отношение те сальюты и катай, о которых мы читаем в документах XVII в., к салдживутам и хытаям документов XV в.? Или же это разные группы одних племенных образований, жившие в разных территориях в пределах бывшего Улуса Джучи?

На самом Тоболе и в озерном краю, прилегающем к этой реке с востока в Тоболо-

Ишимском междуречье, волости не упоминаются. Отчасти это связано с расположением здесь зверовий тюменских ясачных татар, отчасти с кочеванием Кучумовичей с ногайскими муразами и калмыкскими тайшами в первой половине XVII века. Возможно, в период существования Сибирского ханства по среднему течению Тобола находились собственно ханские кочевья Кучума [Миллер, 2000, с.350; РМО, 1959, с.120]. В грамоте царя Михаила Федоровича в 1639 г. по отношению к наделению кочевьями Девлет-Гирея б. Чувака б. Кучума земли по Тоболу также именовались «отцовскими кочевьями» [Трепавлов, 2012, с.197]. Они могли использоваться в период ханства в качестве курука, то есть ханских пастбищ или заповедников, выделенных для сбора и смотра войск [Дмитриев, 2006, с.143–155], подобно тем, которые существовали при бухарском хане Абдаллахе II Шибаниде. В таком случае здесь могли кочевать лишь представители ханской ставки и связанные с ними роды и кланы.

Население большинства этих волостей в русской делопроизводственной документации упоминается именно как татары, что коррелируется с источниками XVI века. Прежде всего, этот этноним отражал этносословную характеристику, связанную с местной аристократией. В документах начала XVII века, по сути, важнейшим принципом этнонимии, была принадлежность к конкретной волости (бывшему племени или клану). При этом в качестве обобщения могло использоваться название «тюменские ясачные татары», что отражало принадлежность волости к определенному уезду и обязанность татар платить ясак [Миллер, 2000, с.394]. По сути, только к Каратабынской волости уже в первых ее упоминаниях с 1600 г. используется слово «башкирская» [Миллер, 2000, с.185]. Вопрос о том, насколько при этом отдельные представители местных племен на самом деле осознавали свою связь с татарами или башкирами, в источниках не находит ответа. Складывается впечатление, что для большинства из них отнесение к племени, роду или клану было гораздо более важным. Классическим может быть пример именованная «башкирец же да татарин Елтура» [Миллер, 2000, с.175], то есть татарин из племени башкир. В то время как обобщающая терминология в рассматриваемый период, скорее, отражала позицию русских администраторов, причем татарами чаще назывались племена, отнесенные к ведению Тюмени, Тобольска или Верхотурья, а оказавшиеся в ведении Уфы упоминались как

башкиры [Самигулов, 2011 б, с.128]. При этом необходимо понимать, что этот принцип не обязательно соблюдался; так, даже отнесение Катайской волости к Уфимскому уезду не мешало называть ее жителей татарами [Миллер, 2000, с.342]. Таким образом, попытки четкого отнесения тех или иных родов, кланов и племен только к сибирскотатарским или башкирским отражает именно и только современное положение этих групп, но не сложившуюся в рассматриваемое время ситуацию. В связи с этим более резонно использовать общее наименование «тюрокские группы».

Одним из сложнейших вопросов в этногенезе является проблема соотношения титульных кланов отдельных волостей с группами населения, которые известны по истории Тюменского и Сибирского ханств. Лучшего состава кланов известен по деятельности и окружению первого тюменского «узбекского» хана Абулхайра [Маслюженко, 2015 г, с.44–60]. Исследования по вопросам клановой структуры позднесредневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири на данный момент позволяют говорить о корреляции группы табын с хорошо известными по более ранней истории кланами уйшун, тюмень и, возможно, дурмен, которые были в окружении Шибанидов еще с середины XIII века. Башкиры явно связаны с т.н. «чимги башгыртами», подчиненными тому же Абулхайру, и, возможно, являются одним из собирательных названий для западно-сибирского населения [Мустакимов, 2011, с.236–244]. Абд ал-Гаффар Кырмыи упоминает о двух племенах «башкурт» и «тюмень» [Кырмыи, 2015, с.212], что, вероятно, отражает две крупнейшие группы местного населения. Салджиуты упоминаются на юге Западной Сибири с конца 1420-х гг., когда они вместе с конгратами были противниками Шибанида Махмуда-Ходжи [Валиди-Тоган, 2010, с.40]. Катаи, скорее всего, родственны клану хытай из окружения тюменского и узбекского хана Абулхайра в 1430–1450-х гг. Кроме того, Р.Г. Кузеев считает, что катаи были родственны найманам и салджиутам [Кузеев, 2010, с.215–225], при этом найманы также упоминаются в связи с Тюменским ханством с 1430-х годов. Аналогична позиция и титульного клана расположенной к северу от терсяков по Тоболу Тарханной волости, поскольку представители тарханов также упоминаются еще в окружении хана Абулхайра в 1430-х годах. Именно представители тарханов, дурменов и найманов стали новыми друзьями Чимги-Турь после во-

царения там хана Абулхайра, что позволяет отнести их к родам туранских татар.

В свете указанной выше проблемы модернизации этнической истории вопрос о происхождении трех оставшихся племен (терсяк, сынрян, бикотин) до сих пор не имеет своего решения. При этом в документах сынрянцы до 1620-х гг. четко отделяются как от башкир, так и татар, что говорит и о специфике их происхождения, возможно связанного с угорским корнями [Миллер, 2000, с.342, 492; МРО, 1959, с.117]. Р.Г.Кузеев предположил, что первые два племени появились на Исети около 1630 г. [Кузеев, 2010, с.230]. Однако по русским документам складывается иная картина, при том что до 1596 г. рассматриваемые группы и территории в документах не упоминаются. Резонно предположить, что это связано с их поддержкой сибирского хана Кучума, в войсках которого, в частности, фиксируются табынцы и аялынды [Трепавлов, 2012, с.26–28]. Ранее всех в 1596 г. на Исети упоминаются киньрыцы и башкирцы [Миллер, 2000, с.174], в 1600 г. – табынцы, сынрянцы, мякотинцы и салджиуты [Миллер, 2000, с.183], в 1603 г. – катайцы и терсяки [Миллер, 2000, с.203, 211–212]. Часто представители этих групп действовали совместно, что приводило к их перемещениям. Кроме того, с 1632 на территории юртов и волостей появлялись переселенцы из Приуралья, в частности, вместе с тюменскими татарами на Тоболе фиксируются казанские татары и новокрещены [Миллер, 2000, с.463].

Таким образом, племена, давшие названия волостям в рассматриваемом регионе, с той или иной степенью вероятности связаны с историей, предшествующей шибанидской государственности на юге Западной Сибири. В то же время сами даты, скорее всего, говорят, с одной стороны, о времени фиксации каких-либо проявлений русской власти на Исети, с другой – о появлении отдельных представителей этих групп в окружении Кучумовичей. Весьма сомнительно, несмотря на упоминание илецкой белки еще в наказе 1586 г. [Пузанов, 2002, с.13], что до стабилизации линии русских крепостей по таежной зоне в конце 1590-х гг. местные группы находились в какой-либо стабильной зависимости от Московского государства. Например, в 1596 г. Семейка Вязин со служилыми татарами должен был вернуть бежавших киньрцев и башкирцев из Тюмени, скрывавшихся на острове на Исети у татарина Килдемана. В результате тюменцы были схвачены и ограблены [Миллер, 2000, с.174]. Возможно, что отчасти илецкая

белка могла использоваться в качестве ясака группами тюменских татар, которые зверовали к югу от Исети и по Тоболу. Возвращаясь к сынрянам и терсякам, о которых выше было сказано, что их не удалось соотнести ни с одним племенем, известным по документам более раннего периода, по мнению Р.Г. Кузеева, эти группы мигрировали на восток из Приуралья одновременно с сальютами и катаями. Нам представляется, что они пришли в Зауралье все же раньше, чем сальюты, но версия их прихода с запада вполне объясняет отсутствие сведений о них в документах, касающихся Юго-Западной Сибири XV–XVI вв.

В связи с этим возникает вопрос, насколько далеко к югу распространялись вотчины этих племен. Еще в документе 1695 г. указывалось, что все земли и угодья по Исети и притокам «были сибирского царя Кучума улусных людей», а после Ермака многие татары были подведены в «государской ясашной платеж». На их «земли в угодья приезжали тобольские и тюменские служилые и ясашные татары для промыслов и владели теми землями по займкам» [Материалы, 1936, с.87–88]. Более конкретные претензии на эти территории по Тоболу и его притокам выражали представители отдельных родов. В 1631 г. «Терсяцкие волости ясашной татарин Янгит Бангучатов да захребетный татарин Якшурза Бахтуразов да били челом государю... что отняли де от них коматцкие люди их оброчные реки Кадамыш, да Ермамыш, да Лабугу и иные их вотчинные речки и озера, на которых оне речках бобры добывали, и боры на которых борах белку, и лисиц, и куницы, государев ясак, добывали...». Аналогичная жалоба от терсяков на калмыков, с указанием вотчин на обоих берегах Тобола, поступила и в 1632 г. [Миллер, 2000, с.450, 455]. Под речками вполне четко понимаются притоки Тобола на территории современной Курганской области: Куртамыш, Юргамыш и Алабуга. Судя по наименованию их вотчинами, эти земли принадлежали терсякам хотя бы в течение нескольких поколений. Косвенное подтверждение этого можно найти в более ранних документах. В 1603 г. ногаи побили на станах на притоке Уя Тузаке Килдемановых детей и племенников, то есть наследников того самого Килдемана, который был на Исети за 7 лет до этого. При этом в одном документе они указаны как принадлежащие к Терсяцкой, а в другом – к Башкурской волости, но при этом во втором случае вместе с ними был Терсяцкой волости татарин Менлыбай [Миллер, 2000, с.210, 212]. Аналогичный

случай совместных зверовый ясачных татар из Терсяцкой и Тарханной волостей упоминается в 1632 г. [Миллер, 2000, с.455], что говорит о близости тарханов, терсяков и бачкырцев. В целом у представителей терсяков были весомые основания утверждать о нахождении в Среднем Притоболье своих вотчин. В 1652 г. ясачные люди тюменских волостей называли своими «вотчинные их места и уголья по Ишиму, и по Тоболу, и по Исете» [Материалы, 1936, с.92]. В 1675 г. о своих вотчинах на Тоболе говорили представители Айской волости Сибирской дороги [Материалы, 1936, с.202], то есть потомки аялынцев (тарских татар), кочевавших с Кучумом и Кучумовичами. Эти примеры ясно показывают, что одновременно несколько тюрко-татарских племен считали земли по Тоболу и притокам своими вотчинами. С учетом того что здесь находился Илецкий бор (Илет Карагай документов первой половины XVII в.), – один из источников пушнины того времени, – претензии эти вполне объяснимы.

Отчасти вотчины могут быть определены и по расположению зверовый этих племен. В 1616 г. каратабынцы зверовали по обеим сторонам Миасса, переехав Тобол к Арал Карагаю [Миллер, 2000, с.274]. В 1620 г. тобольский воевода М.М.Годунов описывал, что по всему Тоболу ездят на зверовья ясачные люди» [РМО, 1959, с.101]. В 1623 г. катаяйцы зверовали «верх Тобола река на Илет Карагае», а ясачные татары Тюменского города – на Среднем Юртыке (Утыке), притоке Тобола [Миллер, 2000, с.341, 348]. В 1628 г. тюменские татары находились на зверовьях у р.Черной, притоке Тобола. В 1630 и 1632 г. ясачные татары Терсяцкой и Тарханной волостей были на зверовьях на оз.Медвежем и Кушкуле за Миассом [Миллер, 2000, с.449, 455]. В том же году на притоке Тобола Среднем Утеке (Утыке) были тюменские ясачные татары Пышминской волости [Миллер, 2000, с.455]. Тогда же киньрцы были на охоте на р.Кизыке (Кизаке), притоке Емуртлы, который входит в водную систему Тобола, а тюменские татары – на рыбной ловле и зверовьях на Тоболе недалеко от впадения Исети [Миллер, 2000, с.462]. С середины 1640-х гг. фактически не упоминается больше клановая или племенная принадлежность татар, в лучшем случае указывается их отнесение к юрту, волости и уезду (исключением является случай упоминания Денметько Терсяка в 1648 г. [Миллер, 2000, с.613]). В 1645 г. тюменские юртовские служилые татары зверовали за Тоболом на Нижней Алабуге [Миллер, 2000,

с.591], а в 1647 г. – за Тоболом в верхних Суери [Миллер, 2000, с.609]. В 1649 г. тюменские ясачные татары зверовали в бору на Миассе [Миллер, 2005 б, с.330], а также на урочищах за Тоболом [Миллер, 2000, с.380; Миллер, 2005 б, с.329]. Таким образом, земли Илецкого бора (Илет Карагай), связанных с ним Арал Карагай и Хама (Кама) Карагай, между Миассом и Тоболом, а также озера и урочища к востоку от Тобола использовались в качестве зверовья табынцами, катаяйцами, терсяками, киньрцами и иными группами ясачных татар на протяжении всей первой половины XVII века. В расположении этих зверовый заметно два нюанса. Во-первых, наиболее южные из них на Кама Карагае располагались в районе впадения рек Убагана в Тобол, где и сейчас расположены значительные боровые террасы. Во-вторых, складывается впечатление о том, что собственно все эти земли не использовались ими для постоянного проживания, поскольку юрты чаще всего располагались по притокам Исети Миасса, Ая, подгорным озерам и т.д.

В 1647 г. ясачные люди разных волостей Тюменского уезда объясняли: «...и кочуют калмыцкие люди и Кучумовы внучата Тюменского уезду близко и зверуют по которым местам преж сего они ясачные люди зверовали и ясак добывали по Ишиму и по Тоболу и по Исети и по иным рекам и в степи и по лесом, а они ясачные люди по тем местам зверовать ходить не смеют потому что их на зверовье калмыцкие люди и Кучумовы внучата грабят и побивают и оттого они ясачные люди оскудали стали без животных и бес промыслов...» [СПФ АРАН, ф.21, оп.4, д.8, л.138 об.]. В 1644 г. ясачные татары Киньурского и Иленского городков, Терсяцкой, Бушкурской Пышминской и Исетской волостей объясняли: «...и по которым местам ясачные люди преж сего белку илет по бором добывали и бобр и ярцы и кошлоки по вотчинным своим речкам, а лисиц на зверовье в степе промышали и ныне по тем местом зверуют калмыцкие люди и Кучумовы внучата и им де ясачным людям зверовать не дают и Илецкие боры по вся годы выжигают...» [СПФ АРАН, ф.21, оп.4, д.8, л.138 об.].

В ходе этих зверовый ясачные татары неоднократно сталкивались с Кучумовичами и поддерживающими их представителями тюрко-татарских, ногайских и калмыцких групп, являясь, особенно терсяки и башкурцы [Миллер, 2000, с.212, 223], важными информаторами для русских администраторов о потенциальной степной опасности. Причем, несмотря на угро-

зу со стороны Кучумовичей, ногаев и калмыков, они продолжали использовать эти богатые зверовья. Их сообщения позволяют определить зону кочевания потомков Кучума и поддерживающих их групп, в том числе исетских волостей, а тем самым выявить изменения в составе тюркских групп населения на юге рассматриваемого региона. Эта информация имеет значительные хронологические лакуны в те годы, когда прямых столкновений местных тюрко-татарских групп со степняками не было, как и походов последних под русские слободы.

С 1593/4 г. аманаты от сырянцев содержались в Тюмени и Тобольске, что позволяло русским опираться на их верность и использовать при строительстве Тары в 1596 г. [Миллер, 2005 а, с.282, 351]. Эта дата совпадает с указанным выше временем появления тюменских служилых людей на Исети и, видимо, говорит о начале процесса включения исетских юртов в состав Московии. Несмотря на это, уже в 1600 г. упоминается о потенциальной опасности от сырянцев и ногаев для бывшего Епанчина юрта, на месте которого началось возведение г.Туринск [Миллер, 2005 а, с.375]. Судя по описке тюменского воеводы князя Луки Щербатова, сырянцы действовали не только вместе с ногаями, но и были в окружении Кучумовичей, в частности, в 1600 г. на Ишиме с Канаем и его братьями [Миллер, 2000, с.183]. Весной 1601 г. сырянцы и ногаи были при хане Али и его братьях в 5 днях от Тюмени в Тоболо-Ишимском междуречье, где хан на пяти боровых озерах держал свой кош [Миллер, 2000, с.196, 198, 211]. Сырянцы оставались при Али в тяжелом для него 1603 г., когда лучшие его люди ушли к братьям Азиму и Канаю, которого хотели назвать ханом; в том же году именно сырянцы проводали в Салжигутской волости Уфимского уезда вести о возвращении из Москвы плененных царевичей и царик [Миллер, 2000, с.209, 226]. Оставались они при Али и в 1606 г. [Миллер, 2000, с.226].

С 1601 г. в документах в окружении Каная и Азима упоминаются табынцы. При этом, очевидно, что табынцы были с Кучумом и Кучумовичами и раньше, поскольку в описке говорится: «каратабынские волости ясашные же башкирцы были с Кучумом». Одновременно в источнике указывается, что 20 семей от Кучумовых детей отступили и ушли в Каратабынскую волость [Миллер, 2000, с.197-198]. Они были в окружении Али в 1606 г. [Миллер, 2000, с.226]. Вскоре после пленения русскими Али в 1608 г. табынцы, видимо, покинули Кучумовичей, уйдя в свою волость [Трепавлов,

2012, с.81]. Однако в 1623 г. их пытался вернуть из Уфимского уезда брат Али Ишим, причем они именовались «старых своих людей табынцев» [Миллер, 2000, с.342]. Фактически последний раз они указываются в 1632 г. уже вместе с калмыками в окружении сына Ишима Аблая, причем они спасли от грабежа пленных тюменских татар и приказали им предупредить тюменского воеводу о грядущем нападении калмыков [Миллер, 2000, с.463].

Также в 1601 г. вместе с сырянцами в окружении Али указываются и мякотинцы [Миллер, 2000, с.196]. Причем в 1607 г. один из их лидеров Евлубай Бекотин был зятем царевича Чувака, хотя их отношения, видимо, не сложились, поскольку он увел свои семьи на Убаган (Обага река), где их ограбил дядька царевича Алтаная Боишан с калмыками [Миллер, 2000, с.239–240].

Приведенные примеры показывают то, что, вопреки имеющейся точке зрения табынцы и сырянцы оказались в степях у Кучумовичей не в 1615 г. [Миллер, 2000, с.638], а как минимум на 15 лет раньше. Напротив, после поражения Кучумовичей весной 1607 г. и ухода Али «в Ногаи» количество упоминаний о представителях тюрко-татарских племен при Кучумовичах практически сводится к нулю, за исключением табынцев. Ясно, что отдельные представители этих племен оставались в окружении Кучумовичей, но они, скорее всего, уже не воспринимались или не идентифицировались как представители рода или клана. Таким образом, из всех групп рассматриваемого региона в составе отрядов Кучумовичей упоминаются только сырянцы, табынцы и мякотинцы. Иные группы в той или иной степени были лояльны к русской власти, особенно в условиях дальнейшей калмыкской экспансии, которая составляла угрозу не только для русской власти, но и для пограничных тюрко-татарских групп. Кроме того, после начала восстания в Таре в 1629 г. в окружении Кучумовичей и калмыкских тайш оказалось много тарских татар и бухарцев [Миллер, 2000, с.463], а с 1647 г. на Тоболе были и «уфимские изменники» [Миллер, 2000, с.609], среди которых могли быть и табынцы.

Отдельные случаи возмущений местных групп фиксируются в источниках, но не всегда находят свое объяснение.

Одним из наиболее ранних является случай в Кара-Табаньской волости, относительно которого можно говорить о том, что русские сами подталкивали табынцев к сопротивлению. В июле 1600 года пришла отписка уфим-

ского воеводы Михаила Нагого тюменскому воеводе князю Луке Щербатову. По его информации, в августе 1596 года сын боярский с 50 стрельцами и татарами из Тюмени воевали деревню Игибахтину Каратабынской волости и взяли много полону, который был продан. Об этом поступила челобитная царю Федору Ивановичу, но, поскольку ситуация не разрешилась, в июле 1600 года представители ясачных башкир Каратабынской волости «били челом» Борису Федоровичу. Башкиры жаловались на то, что до сих пор не могут вернуть полон, кроме того, тюменцы продолжают им угрожать войной, что приводит к невозможности добычи государева ясака. По царскому приказу в Тюмень через Уфу был с ними отправлен толмач для помощи в возврате пленных, а также грамота о прекращении угроз [Миллер, 2000, с.185–186].

Еще одним случаем была измена служилых и ясачных татар Теряцкой волости в 1615 г., которая, видимо, была быстро подавлена и не имела значимых последствий [Миллер, 2000, с.284]. В 1630-х гг. также в окружении Аблая б. Ишима были изменившие русским тюменские татары, например, выехавший в Тюмень еще от хана Али Алабердей [Миллер, 2000, с.449]. По всей видимости, иные случаи измен могли выражаться не в виде конкретного сопротивления, а в форме традиционного ухода к конкурентным властителям, в данном случае к Кучумовичам. Причины этих измен, как правило, остаются за границами источников, но по косвенным данным, могли быть связаны с изменениями в ясачной политике и с конфликтами между татарами и русскими за ясачные земли [Бахрушин, 1937 а, с.72]. Для калмыков и Кучумовичей такие перебежчики выступали в качестве проводников.

Наиболее показательным является случай, история которого раскрывает малоизвестную сторону ранней истории Далматова монастыря (Исетской пустыни), оплота христианства на Исети и одного из первых русских поселений в среднем течении этой реки. Традиционно в исторической литературе рассматривается житийная история добровольной передачи земли Далмату местным татарским мурзой Илгиеем около 1646 г. [Плотников, 1906, с.7–8]. В 1647 г. на притоке Исети–Суварыше–калмыки прошли вниз по Исети от Катайской волости и повоевали юрт тюменского татарина Илгия Атиулова [Миллер, 2000, с.606, 609]. По всей видимости, это Илгий и есть татарский мурза житийного текста. В 1649 г. тюменские ясачные татары

Устьбердиевых юрт сообщили в Нижнюю Илдинскую слободы, что калмыки на Миассе у бора пограбили тюменских ясачных татар «Илгийку Аткулова с товарищью» [Миллер, 2005 б, с.330]. После этого мурза больше не упоминается в источниках. 7 сентября 1651 г. в Тюмень прибежал старец Далмат, поскольку монастырь был сожжен, а люди либо убиты, либо пленены (причем как жившие на монастырских землях, так и в соседних татарских юртах). Проведенные расследования тюменским сыном боярским Дмитрием Текутьевым и Ильей Бакшеевым показали, что набег был совершен из-за Исети, реку перешли выше монастыря в Катайском бору, а обратно ушли на Уй. Дмитрию Текутьеву удалось у выживших старцев выяснить, что приходили «царевичевы люди» (численность их по донесениям варьируется от 100 до 500), а с ними был «Тюменского уезду ясачной татарин Илгийтеков брат» [Миллер, 2005 б с.347–350]. Вопреки житию, набег совершили не калмыки, а кочевавший с дядей Девлет-Гиреем Кучук б. Аблай б. Ишим б. Кучум [Плотников, 1906, с.9–11; Миллер, 2005 б, с.353], который в конце 1650-х – середине 1660-х гг. станет одним из лидеров антирусского сопротивления. При чем выкупленные свидетели указывали, что с Кучуком были татары, а не калмыки [Миллер, 2005 б, с.353, 355]. Представляется, что указанный в источнике брат Илгия был не просто проводником, а и одним из инициаторов похода, возможно недовольный произошедшим переделом земли. Известно, что и позднее старцы монастыря, в частности Филарет, пытались получить в управление татарские вотчины по притокам Исети, в чем им было отказано тюменским воеводой Иваном Шадриным [Миллер, 2005 б, с.395].

Важным фактором формирования этнической карты региона в рассматриваемое время является пребывание в его южных районах вместе с Кучумовичами ногаев, калмыков и ряда иных групп, хотя после 1610 г. ногаи были вытеснены калмыками из Восточного Дешта и не упоминаются в событиях на рассматриваемой территории. Это время фактически совпало и с указанным выше прекращением упоминания представителей большинства тюрко-татарских племен в окружении Кучумовичей которые, видимо, оказались более заинтересованы в укреплении связей с Московским государством. В этом проявлялись и последствия смены политики нового сибирского хана Ишима, который в большей степени ориентировался на связи с калмыками.

Таким образом, в первой четверти XVII в. поселения тюркских групп (терсяки, бачкирцы, сырянне, катайцы, табынцы, бикотины) исследуемого региона концентрировались на реках и озерах в лесостепной и лесной ландшафтной зонах – по Исети, Синаре, Тече, верхнему течению Миасса и т.д. Территории в верхнем течении Тобола с притоками, по Ишиму, среднему и нижнему течению Миасса использовались в качестве зверовий. Характерно, что это были условно общие охотничьи территории тюркского населения Зауралья, – там охотились и представители тех групп, которые вошли в состав башкир Уфимского уезда и татары Тюменского уезда. Большинство местных кланов и родов, закрепили за собой земли кочевья, которыми они владели еще в период Тюменского и Сибирского ханств, в историю которых уходят истоки их этногенеза. В первое десятилетие XVII в. представители этих групп еще участвуют в сопротивлении русским вместе с кочевавшими к югу ногаями и сыном Кучума Али, после этого сопротивление носит узко локальный или индивидуальный характер. На протяжении этого периода,

особенно после 1620-х гг., в источниках по ясачному населению Тюменского уезда постепенно исчезают клановые и родовые названия, которые заменяются на обобщенное наименование «татары». Надо отметить, что для Тюменского уезда в целом было характерно наименование волостей как по родо-племенному признаку (терсяк, бачкыр), так и по «географическому» – Киньирская и Иленская волости именовались по названиям городков, Пышминская и Исетская по рекам. В Уфимском уезде названия волостей в целом определялись родо-племенными номинациями. В дальнейшем, к концу XVII в., наряду с общим наименованием «башкиры» сохраняются и обозначения волостей (родов, племен). Вполне возможно, что расширение территории Уфимского уезда в Зауралье происходит постепенно, в течение первой четверти XVII в. По крайней мере, информация источников позволяет реконструировать такую ситуацию. Значительную роль в подталкивании тюркских групп к Москве сыграла угроза от калмыков, опора на которых со стороны Ишима была основой его политики.

10.3. КУЧУМОВИЧИ В РОССИИ

Заявленной темой занимались немногие исследователи. Пальма первенства в этом вопросе по праву принадлежит Г.Ф. Миллеру, введшему в научный оборот значительное число документов, связанных с историей Сибири конца XVI – начала XVII в. Исследователь не занимался проблемой проживания Кучумовичей в европейской части России, но многие сюжеты по их пленению (выходу) и вывозу в Москву затрагиваются им [Миллер, 2005 а; Миллер, 2000; Миллер, 2005 б]. Следующим свой вклад внес П.В. Долгоруков, занявшийся генеалогией сибирских царевичей. Но, несмотря на значительный объем собранной информации, его работа содержит большое количество лакун. Важно отметить, что, находясь в дальнем родстве с касимовскими царевичами, он, в частности, использовал в работе семейные предания [Долгоруков, 1856, с. 53–54]. Знаковой вехой в изучении жизни сибирских царевичей в Московском государстве XVII в. стало исследование В.В. Вельяминова-Зернова, посвященное касимовским царям и царевичам. Автор собрал и проанализировал все имеющиеся сведения о Чинги-

сидах, в том числе и Кучумовичах, в России XV–XVII вв. На долгие годы данное исследование стало главным справочником для всех исследователей по вопросам жизни в России XV–XVII вв. татарских царей и царевичей [Вельяминов-Зернов, 1866; Вельяминов-Зернов, 1887]. Эти данные были несколько расширены в конце XIX в. касимовским краеведом Н.И. Шишкиным. В основу его исследования легло значительно сокращенное сочинение В.В. Вельяминова-Зернова, дополненное некоторыми новыми, в том числе архивными, материалами [Шишкин, 1999].

В начале XX в. выходит исследование С.В. Любимова, посвященное генеалогии Кучумовичей XVII–XIX вв. Автору удалось обобщить значительное количество фактов, опубликованных ранее в различных изданиях. До настоящего времени это наиболее точная и полная генеалогия сибирских Шибанидов. Данная работа остается единственной в которой затронута генеалогия рода середины XVIII– конца XIX в. [Любимов, 1915]. Более поздние публикации родословий Кучумовичей восходят именно к данной работе [Князевские

роды, 1996, с. 103–104]. Очередной всплеск интереса к сибирским Шибанидам в России начался в начале XXI в. В это время выходит ряд работ, затрагивающих различные аспекты их жизни [Беляков, 2003 а; Беляков, 2003 б; Беляков, 2005; Беляков, 2006; Беляков, 2009; Беляков, 2010; Беляков, 2011 а; Беляков, 2012; Беляков, 2014 а; Беляков, 2015; Масложенко, Рябинина, 2010; Масложенко, Рябинина, 2011]. Итоги длительному изучению данной проблемы были подведены в исследовании А.В. Белякова, посвященном истории Чингисидов в России XV–XVII вв. [Беляков, 2011 а] В последнее время возрос интерес к Кучумовичам, оказавшимся после своего пленения в тюрьмах городов русского севера [Трепавлов, 2012; Беляков, 2016]. Эти исследования показали, что круг источников по истории рода очерчен и исследован еще далеко не полно. Данная работа призвана обобщить весь накопленный опыт по данной проблеме и исправить отдельные неточности, допущенные ранее.

К концу XVI в. в России был накоплен богатый опыт по содержанию и использованию в своих целях многочисленных потомков Чингисхана (Чингисидов) [Беляков, 2011 а]. Поэтому появившиеся в конце XVI в. в Московском государстве многочисленные сибирские царевичи, потомки хана Кучума (Кучумовичи), быстро были встроены в систему служилых иноземцев. Хотя здесь не обошлось и без определенных трудностей. Дело в том, что в Москве просто не могли воспринять тезис о равноправии всех Чингисидов и стремились к выстраиванию известных представителей разветвленного рода в определенную генеалогическую систему и на ее основе создать аналог привычного для московского служилого человека местного счета. В соответствии с данными построениями наибольшим почетом в России обладали выходцы из Большой Орды (астраханские цари). Далее следовали крымские и казанские Чингисиды [Родословная книга, 2011, с. 22–23]. Сибирь конца XVI в. находилась далеко на периферии внешнеполитических контактов с государствами – осколками Золотой Орды. Поэтому в Москве просто не знали, как построить сибирских Шибанидов в стройную систему служилых Чингисидов в России. Данное затруднение, однако, разрешилось благодаря пресечению в начале XVII в. остальных родов.

У современных исследователей возникает другая проблема. Дело в том, что в определении круга лиц, о которых далее пойдет речь, как Кучумовичей заложена значительная тер-

минологическая неточность. Ведь мы будем говорить не только о потомках последнего сибирского хана, но и о его племянниках, женах снохах, внуках и пасынках. При этом с точки зрения генеалогии, мы не можем назвать многих их сибирскими Шибанидами. Ведь многие женщины вообще не имели отношения к Чингисидам. Поэтому в данном случае Кучумовичи – это не совсем корректно, но все же оптимальное обозначение группы людей родственными и брачными узами связанных с ханом Кучумом.

Для начала рассмотрим их выезды (выезды) в хронологической последовательности. При этом затронем вопросы их генеалогии.

Племянник Кучума Мухаммад-Кул б. Атаул был захвачен в плен в 1582 г. [Вельяминов-Зернов, 1866, с. 48; Шашков, 2007] Д.Н. Масложенко, обращая внимание на отчество царевича, отказывает ему в происхождении от Чингисхана, и скорее, готов видеть в нем представителя ногайской знати на службе у Кучума [Масложенко, 2010, с. 10]. В.В. Трепавлов делает предположение о том, что отчество племянника Кучума царевича Мухаммад-Кула – Алтаулович (Атаулович) – следует рассматривать как прозвище, доставшееся ему от отца (скорее всего, Ахмад-Гиря), воспитывавшегося, по-видимому, при дворе ногайского бия Шейх-Мамая. Тот умер в 1549 г., оставив шестерых сыновей. Их обиходное ногайское прозвище алты улы («шесть сыновей») распространилось на улусных людей этих мирз. В таком случае прозвище Алтаулович – Атаулович, унаследованное от отца, является признаком давней связи с семейством Шейх-Мамая и левым крылом ногаев, ближайшим к сибирскому Юрту [Трепавлов, 2012, с. 13–14]. В 1586/87 г. к Мухаммад-Кулу в Россию выехала жена [РГАДА, ф. 141, оп. 1, 1589 г. д. 24, л. 1], в 1595 г. (1596 г. [Миллер, 2005 а, с. 291]) – 1866, с. 49; РГАДА, ф. 131, оп. 1. 1595 г. д. 1.]. Вместе с ними в России появились и его родственники [РГАДА, ф. 141, оп. 1, 1589 г. д. 24]. Судя по всему, уже в России у него родилась дочь [РГАДА, ф. 141, оп. 1, 1623 г. д. 10, л. 6; ф. 134, оп. 1, 1630 г. д. 1, л. 41].

Собственно Кучумовичи появляются в России в 1591 г. Тогда у озера Чили-Кула взяли в плен сына сибирского хана Кучума б. Мургазы и царицы Чепшан Абулхайра (Андрея) (1575 г. р.) с двумя «царницами» (их личности и судьба неизвестны) [Акты, 1841 б, с. 21; Сибирские летописи, 1907, с. 351]. Я.Г. Солодник ставит под сомнение датиров-

ку пленения. По его мнению, это могло произойти между 1587 и 1594 г. [Солодкин, 2014]. У него известно четверо детей: сын князь Василий [Любимов, 2015, с. 55–79] и дочь Евдокия [РГАДА, ф. 1209, оп. 4, д. 613, л. 82 об. – 87, 263–270 об; ф. 396, оп. 2, д. 221, л. 106 об. – 107; Маясова, 2004, с. 308–309], а также умершие в младенчестве Андрей (сентябрь 1620 г.) и Федор (3 мая 1621 г.) [Беркович, Егоров, 2014]. Детей, однако, могло быть несколько больше. Сохранилась запись рода царевича в синодике Ярославского Спасского монастыря: «Род ц(а)р(е)в(и)ч(а) кн(я)з(я) Андреа Кучумовича. Кн(я)з(я) Андреа вж; схим(...) Ираиды; кн(я)з(я) Феодора гж; кн(я)з(я) Емелиана; Феодосии; Евдокии; кн(я)з(я) Георгия; кн(я)г(и)ни Анны; схим(...) Елены; кн(я)з(я) Михаила; кн(я)г(и)ни Анастасии; схим(...) Анисии; Марии; Ульянии» [ЯМЗ, ед. хр. 15458, л. 46]. На настоящий момент мы можем с высокой достоверностью идентифицировать в этом списке самого князя Андреа Кучумовича, его жену княгиню Ирину Федоровну Ноготкову-Оболенскую (схимница Ираида), сына князя Федора и дочь Евдокию (в браке Стрешнева). Другие имена могут принадлежать детям, умершим во младенчестве. Но здесь нет имен других его известных детей. У Василия Андреевича также отмечено двое детей: сын князь Роман и дочь княжна Анастасия [Любимов, 1915, с. 55–79].

Следующего царевича следует назвать «Кучумовичем» с определенными оговорками. Летом 1588 г. Тайбугид Сеид-Ахмад (Сеитяк) б. Бекбулат и казахский царевич Ураз-Мухаммад (Ораз-Мухаммед, Розамет, Урамет) б. Ондан [Беляков, 2007 б] отправились на соколиную охоту на так называемый Княжий луг. Узнав об этом, тобольский воевода Д.Д. Чулков пригласил их к себе в Тобольск. Во время обеда князя и царевича взяли в плен. 10 сентября 1588 г. пленников отправили в Москву [Вельяминов-Зернов, 1864, с. 97–98, 337–338, 362–365, 384, 399–400]. В.В. Вельяминов-Зернов приводит следующую родословную царевича Ураз-Мухаммада: Ураз-Мухаммад б. Ондан б. Шигаи б. Ядик б. Джанибек б. Барак б. Куйручук б. Урус [Вельяминов-Зернов, 1864, с. 119]. Однако в одном из документов 1600 г. сообщается, что казахский царевич являлся пасынком жены Кучума царицы Сюим (Сюйдеджан). У царицы указаны три дочери. Дочь Кучума Камыз (Кумыз) здесь же названа двоюродной сестрой Ураз-Мухаммада [РГАДА, ф. 131, оп. 1. 1600 г. д. 1, л. 1–2]. Царевич признавал дочерей царицы

Сюим своими сестрами. Нам известно две из них. Ак-ханыш стала супругой шарманшанского царевича Шихима б. Мухаммада [Беляков, 2011а, с. 77; Зайцев, 2013, с. 21–23]. Другая, имя которой неизвестно, являлась женой мирзы Сафар-Али Изламова [Беляков, 2011 б]. Но нам неизвестно кто являлся отцом царевен. Получается, что между сибирскими и казахскими Шибанидами имелись тесные родственные связи. Мать Камыз приходилась родной сестрой либо матери Ураз-Мухаммада, либо его отцу, царевичу Ондану. Мать Ураз-Мухаммада являлась дочерью казахского царевича Булат султана б. Усяк хана. Формально Ураз-Мухаммад был приемным сыном Кучума и при смерти всех прямых наследников (детей и внуков сибирского хана) мог претендовать на его наследство. Однако следует отметить, что Кучума не интересовала судьба пасынка в русском плену [РГАДА, ф. 131, оп. 1. 1597 г. д. 1]. Постепенно вокруг царевича стала собираться его семья. Документы подтверждают, что до 1594 г. к нему выехали его бабка (Ази царица), мать (Алтын-ханым), тетки, Бохты Сеиткулова дочь Шепелева (известен казахский царевич Сеит-Кул сын Шигаи хана) и Кунь [Беляков, 2007б; РГАДА, ф. 122, оп. 1. 1594 г. д. 1]. Относить их к Кучумовичам нельзя ни в коем разе.

20 августа 1598 г. в плен попала большая группа жен, детей и внуков Кучума. После этого в Москву вывезли пять сыновей Кучума: царевичи Асманак (ок. 1568 г. р.), Шаим (ок. 1578 г. р.), сын царицы Салтаным, Бибадша (ок. 1586 – 1590 г. р.), Кумыш (ок. 1593 г. р.), Молла (Молта) (ок. 1593 г. р.); восемь жен: царицы Салтаным, Сюйдеджан, Яндевлет, Актулум, Ак-Сюйрюк, Шевлель, Кубул, Чепшан; жена царевича Каная б. Кучума царица Данай, дочь ногайского бия Уруса б. Исмаила, с двумя дочерьми; жена царевича Али, царица Хандаза (дочь ногайского бия Дин-Ахмада) с сыном Янсюером (1594 г. рождения), царевич Арслан (Алп-Арслан, Арслан) (около 1590 г. рождения) (Г.Ф. Миллер считает, что отец сам отправил сына в Москву в 1605 г.) [Миллер, 2000, с. 35], от другой жены и дочь; восемь дочерей Кучума: царевны Кумыз (ок. 1584 г. р.), дочь царицы Актулум Гуленфат (ок. 1584 г. р.), дочь царицы Ак-Сюйрюк Акханум, дочь царицы Шевлели Азеп-салтана (ок. 1587/88 г. р.), дочери царицы Сюйдеджан Дерпадша (ок. 1588/89 г. р.) и Мулдуз (1592/93 г. р.), дочь царицы Салтаным Тулун-беке (ок. 1595/96 г. р.), дочь царицы Ак-Сюйрюк Ка-

раджан (ок. 1595/96 г. р.), дочь царицы Лилипак Нал [Акты, 1841 б, с. 1–21].

Следует заметить, что в настоящее время в научной литературе подсчеты пленников и их персональный состав значительно разнятся. Так, под сомнение ставится пленение Арслана б. Али [Маслюженко, Рябинина, 2010; Нестеров, 2002 б]. Тогда же вывели малолетних внуков Кучума Зен-Магмета и Лалтак, детей одной из дочерей хана и ногайского мирзы Бегая (Бай) б. Ханбая б. Смайла (Исмаила). Его мать следует искать среди пленных царич [Акты, 1841 б, с. 5, 17, 18]. Данные дети не являлись Чингисидами, но отметить их мы обязаны. Позднее в России оказался и сам Бегай мирза, а также другой его сын (по-видимому, от другой жены) Сыры и некоторые иные родственники, известные как мирзы (в крещении князья) Смайлевы [Трепавлов, 2003, с. 331–332]. Скорее всего, вместе с царицей Нал выехали часть ее детей.

Следует особо остановиться на упомянутом царевиче Янсюере б. Али. Ряд авторов и архивные источники приводят имена еще двух сыновей Али – Хансюера и Канчуvara (Кансувар). В.В. Вельяминов-Зернов считает, что это только искаженная передача имени Янсюер (Джансюер) [Вельяминов-Зернов, 1866, с. 198–200]. Но документы, в которых Хансюер и Янсюер упоминаются одновременно, снимают вопрос об их тождестве. При этом мы с высокой степенью достоверности можем утверждать (по размерам поместного и денежного окладов), что Хансюер был старшим среди них [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1619 г. д. 2, л. 4, 6; 1638 г. д. 4, л. 2].

Хансюер дважды попадал в Россию. В 1613 – 1615 гг. он находился под Смоленском с братом Янсюером и тремя дядями в полку воевод князя Д.М. Черкасского и князя И.Ф. Троекурова, откуда с боя отъехал «с пьяна» в Литву. Не получив там желаемого содержания (находился «бес приюта... и жалованья»), перебирается в Крым. Весной 1628 г. во время очередного крымского династического кризиса царевич вынужден был бежать в приазовские степи, где по дороге на Северный Кавказ его захватили донские казаки и отправили его в Москву. В итоге, в марте 1630 г. его сослали в Соликамск в специально построенную для него тюрьму. В 1635 г. стало известно, что его двоюродный брат, сибирский царевич Аблай б. Ишим, призвал калмыков совершить поход на Соликамск и освободить Хансюера. Так как «город погнил, худ», свинца и служилых людей мало, царевича переве-

ли в Устюг. В 1638 г. его отец, сибирский царь Али, упросил Михаила Федоровича отпустить сына в Ярославль на поруки. Поручицу запись подписали царь Али и царевич Алтанай б. Кучум [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1631 г. д. 2; 1635 г. д. 1; 1638 г. д. 4; Описание, 1990, с. 328].

Следует заметить, что Г.Ф. Миллер считает Канчуvara сыном Кучума. Такой царевич действительно был [Миллер, 2000, с. 35, 36, 212, 231]. В таком случае он попал в плен в царствование Бориса Годунова и тогда же, судя по всему, был отпущен. Скорее всего, с этим следует согласиться. Путь куда ведет свое начало с В.В. Вельяминова-Зернова [Вельяминов-Зернов, 1866, с. 198–199]. Он, в свою очередь, ссылается на сочинение И.Е. Фишера [Фишер, 1774]. Г.Ф. Миллер подтверждает наличие четырех сыновей Али б. Кучума в России. Четвертым сыном Али был Кутлуган, умерший 2 октября 1623 г. В 1619/20 г. он получал поденный корм в Ярославле в 15 копеек, с 1622/23 г. – 25 копеек [РГАДА, ф. 130, оп. 1, 1623 г. д. 10, л. 7–8; ф. 131. Оп. 1, 1627 г. д. 1, л. 57]. Судя по всему, Кутлуган и Хансюер – это те царевичи, которых взял в плен 24 июля 1607 г. тюменский воевода М.М. Годунов [Миллер, 2000, с. 37, 243]. Однако в литературе можно встретить утверждение, что Янсюер после 1599 г. был отпущен в Сибирь. Здесь он принял активное участие в ряде набегов на русские поселения и вновь попал в плен в 1607 г. [Маслюженко, Рябинина, 2010, с. 81–102] Скорее всего, это еще один пример, того когда два брата, Янсюер (Янсур) и Хансюер, а также их дядя Канчуvar предстали как один человек.

У Янсюера в России родился сын – царевич Янбек (Джанбек, князь Калинин Джансюеревич). У Калининна известно двое сыновей: князья Богдан и Федор. У князя Федора – два сына: князья Иван и Лука [Любимов, 1915, с. 55–79]. У Хансюера, возможно, была незаконнорожденная дочь.

В 1601 г. царевич Ишим б. Кучум добровольно приехал сначала в Уфу, а затем в Москву. Вместе с ним отправили царевича Кубей-Мурада (Берди-Мурад) б. Кучума [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1601 г. д. 2, л. 3], чтобы подготовить почву для своего полного подчинения России, здесь находились его старшие братья Алей, Канай и Азим. Но тобольский воевода решил не отпускать его к братьям. Однако в 1607 г. Ишим упоминается в Сибири, где он провозгласил себя ханом [Миллер, 2000, с. 32, 192–196].

В апреле 1601 г. в Москву водным путем из Самары была отправлена некая дочь хана Кучума с сыном и мамкою. Еще в январе сармарские воеводы писали в столицу о том, что царица с сыном больны и просят, чтобы им разрешили перезимовать в городе [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1601 г. д. 1, л. 1; Беляков, 2014 а]. Вывозы пленных Кучумовичей в европейскую Россию проходили по приблизительному одному и тому же пути: Уфа – Казань – Ярославль – Ростов – Переславль-Залесский – Москва. Почему же здесь упоминается Самара? Перед нами редкий случай, когда представители семьи последнего сибирского хана выехали в Россию добровольно. Выезд состоялся из Большой Ногайской орды. Логичнее всего было бы предположить, что перед нами одна из четырех дочерей Кучума, выданных за знатных ногайский мирз.

Выезд царицы описывается как явное бегство. Ее прибытие в Самару посреди зимы с маленьким ребенком говорит именно об этом. Царица вышла из ногайских улусов именно на Самару, а не пришла в город из Астрахани. Поэтому нам следует обратиться к ногайским событиям этого периода. После убийства бия Уруса б. Исмаила Малыми Ногаями в 1590 г. Большеногайским бием провозглашается Ураз-Мухаммад б. Дин-Ахмад б. Исмаил. В.В. Трепавлов считает, что это произошло при явной протекции Москвы, стремившийся контролировать беспокойные ногайские степи. Около 1598 г. его сменил младший брат, Нурадин Дин-Мухаммад. В это время в степи разгорелась очередное междоусобие, поводом для которого стала кровная месть: «Урмамет князь от Урусовых детей умер; за то и Тин Махмет князь умер; за то ж и Байтерек мурза от тех же недрузей за то ж умер». На этом фоне Джан-Арслан б. Урус, возглавивший наследников Уруса, начал борьбу за главенство над Большими Ногаями. Москва вынуждена была вмешаться в конфликт и поддержать своих ставленников, родственников только что убитого бия Дин-Мухаммада. Царь приказал послать в степь рать с огненным боем. Тюменский воевода в 1601 г. докладывал, что Джан-Арслан собрался разместить свою семью и улусников на реке Исети (Средний Урал), а сам собирался кочевать в Северной Башкирии. Однако мирза попал в плен к астраханским стрельцам и был увезен в Москву. Власть над сильно потрепанной и ослабленной Большой Ногайской ордой оказалась в руках у Иштерека б. Дин-Ахмада [Трепавлов, 2002, с. 382–385, 388–390].

Упоминаемая в Самаре зимой 1601 г. дочь Кучума с сыном, это, скорее всего, жена ногайского мирзы Джан-Арслана. После пленения супруга и окончательной победы в степи мирз Урмаметевых и Тинмаметевых она вынуждена была искать безопасное место как для себя, так и для своего сына. Добровольный отъезд в Россию, по крайней мере, гарантировал им жизнь и высокое положение.

Имя царицы нам не известно. Что касается имени внука Кучума, то известны трое сыновей Джан-Арслана – Урак (убийца Лжедмитрия II князь Петр Арасланович Урусов), Зорбек (Александр) и Тук (Иван). Тук крестился довольно поздно, не ранее 1614 г. [Трепавлов, 2003, с. 336, 338]. По нашему мнению, именно он более всего подходит на роль упомянутого малолетнего сына.

Большая группа Кучумовичей попала в Россию в 1608–1609 гг. Часть из них захватили «с бою», остальные выехали добровольно. В марте 1607 г. в плен взяли мать Али б. Кучума, 24 июля захватили жену Али, двух его сыновей (Кутлуган и Янсюер), две жены Азима (Хаджим, Чувак?) с двумя дочерьми (среди них – мать и дочь Карачай (Карачаца и Алтын) [РГАДА, ф. 141, оп. 1, 1615 г. д. 4, л. 18; ф. 131, оп. 1, 1628 г. д. 9; Трутовский, 1891] и сестру Али. 15 ноября 1607 г. в Тюмень вышел тесть царевича Чувака б. Кучума Евбулай с женой и детьми. Летом 1608 г. в Тюмень вышел Алтанай б. Кучум (сам царевич утверждает, что вышел в Тобольск [Беляков, 2005]) [Миллер, 2000, с. 37]. Приблизительно в это же время оказались захваченными царь Али и его брат Азим [Миллер, 2000, с. 42].

В 1634/35 г. попал в Россию царевич Аблай б. Ишим (князь Василий Ишимович) и его брат Тюге (Тявка, Тауке) [Фишер, 1774, с. 325–329, 420–425; Трутовский, 1891; Кобеко, 1894]. В 1649 г. в Уфе велись переговоры о выезде сына Аблая царевича Кучука и брата царевичей Девлет-Гирея б. Чувака. Но стало известно о смерти Аблая, к тому времени уже Василия, что послужило возобновлению военных действий Кучумовичей в Сибири против русских войск [РГАДА, ф. 141, оп. 2, 1649 г. д. 110]. У Василия известно двое детей: князь Василий и княжна Гордея [Любимов, 1915, с. 55–79].

В боярской книге 1658 г. отмечено, что стольнику Ф.И. Сомову за уфимскую службу 169–172-го годов (1660–1664 гг.), «что по ево посылке взяты сибирской Кан-Сюю царевич з женою и з сыном, и с племянницею, да сибирского ж царевича Чичилея жена» [Боярская,

2004, с.45]. Речь идет о правнуках Кучума, детях Аблая, царевичах Чигилее (Ачилай, Чу-чудей, Чичель) и Канзуаре (Кансуер, Калсуер, Кансурел, Хансюер?). В плену они оказались, судя по всему, не ранее 1661 г. [Миллер, 2000, с. 635; Миллер, 2005 б, с. 34, 36, 438, 439]

Утверждение, что большинство из перечисленных потомков Кучума, «в Москве живучи, перемерли некрещены» и не оставили продолжателей рода, истинно только отчасти. Часть из них приняла православие, и еще большее число оставило свое потомство. Судя по всему, многие дети, родившиеся в России, умерли в младенчестве; о многих из них сведения не сохранились. Известны дети касимовского царевича Арслана б. Али – от Фатимы-салтан, дочери касимовского сеида: царевич Сеит-Бурхан (Василий), царевна Салтыкай; от вдовы царевича Азима – Карачацы Алма-бике. Царевич Василий, в свою очередь, имел восемь или девять детей (разночтения вызваны тем, что отдельные авторы ставят под сомнение существование царевичей Федора и Василия, признавая, однако, при этом наличие шестерых сыновей): Федор (? – не ранее 1682 г.) (впервые отмечен в 1670 г., В.В. Вельяминов-Зернов считает данное упоминание ошибкой писца, который должен был написать Василия Васильевича или Михаила Васильевича) [Вельяминов-Зернов, 1866, с. 413; Любимов, 1915, с. 72]; Василий (? – не ранее 1676 г.) (впервые упоминается в связи с приемом после крестин сына царя Алексея Михайловича царевича Петра 30 июня 1672 г.) [Вельяминов-Зернов, 1866, с. 372–373]; С.В. Любимов считает, что такого царевича не было [Любимов, 1915, с. 56–79]; Никифор (? – ок. 1680 г.) (впервые упомянут 1 сентября 1667 г.) [ПСЗ, 1830 а, № 649], Иван (? – ок. 1728 г.) (впервые упомянут 28 февраля 1690 г., но, судя по всему, стал принимать в них участие несколько раньше) [Вельяминов-Зернов, 1887, с. 113–114]; Михаил (? – 1678/79 г.) (впервые упоминают 11 сентября 1673 г.) [Вельяминов-Зернов, 1866, с. 379–380]; Яков (? – 7 января 1677 г.); Семен (? – 1691/92 г.) (впервые назван 28 февраля 1690 г., но, судя по всему, стал участвовать в них несколько раньше.) [Вельяминов-Зернов, 1887, с. 113–114; РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1695 г. д. 1], Евдокия (? – 11 апреля 1691 г.); Домна (? – до 1728 г.). Мы однозначно можем утверждать о существовании пяти царевичей, о которых известно по иным источникам, кроме дворцовых разрядов. Это Иван, Михаил, Яков, Семен и Никифор. Также следует отметить, что у двух братьев

(Михаила и Никифора) полностью совпадают имена супруг (княгиня Анна Григорьевна). [Любимов, 1915, с. 53–79]. Возможно, Никифор и Михаил – это одно лицо, в таком случае ошибкой должно признано написание «Никифор». Для окончательных выводов требуются дополнительные архивные изыскания. Датировки смерти царевичей Федора и Никифора необходимо несколько скорректировать. Дело в том, что после смерти их отца, царевича Василия Араслановича, ему наследовали только Симеон и Иван [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1695 г. д. 1]. Таким образом, Федора и Никифора умерли не позднее 1679 г. Не все понятно с царевичем Яковом. Вполне возможно, что это ребенок от первого брака Василия Араслановича, о котором на настоящий момент свидетельств не сохранилось, рожденный еще до принятия царевичем православия. В настоящее время он почитается как местночтимый святой (страстотерпец) [Беляков, 2010]. В следующем же поколении династия касимовских царевичей пресеклась. У царевича Ивана Васильевича известен только один сын – Василий (? – 1715 г.) [Любимов, 1915, с. 55–79]. Сохранилась запись рода царевича Василия Араслановича. В ней упоминаются имена царевичей, не встречающихся в иных документах: царевичи младенцы Федор, Иван, княжна Ирина младенец. Помимо этого, здесь дважды упомянуты царевичи Василий и Андрей [РГАДА, ф. 188, оп. 1, д. 49, л. 108]. Скорее всего, это дети и внуки Василия Араслановича.

У сибирского царевича Алтаная б. Кучума известно два сына – Дост-Мухаммад (Петр Алексеевич) (? – 1673/74 г.) и Иш-Мухаммад (Алексей Алексеевич), имеется упоминание еще об одной дочери. У Алексея, в свою очередь, было пятеро детей: Григорий (? – 1685 г.), Василий (? – ок. 1718 г.), Дмитрий (? – до 1713 г.), Алексей (? – после 1689 г.), Прасковья. Имелись и другие внуки и правнуки Алтаная, умершие в младенчестве и раннем детстве. О них нам известно по собственноручной поминальной записи царевича Василия Алексеевича («по родителям ево», поданной в церковь Живоначальной Троицы Новоспасского московского монастыря. Большинство из перечисленных в ней лиц не поддаются точному отождествлению. С высокой степенью достоверности можно утверждать, что упоминаемые в записи царевичи младенцы Дмитрий, Иаков (Яков), Михаил, Иоанн и княжна Анна – это дети Василия Алексеевича сибирского от первого брака с Анной Семеновной Грушец-

кой. Среди указанных в синодике титул царевич еще имеют: Василий, Михаил, Симеон, Иаков (Яков), Матвей, Симеон, Василий (Василий Алексеевич). Однако их поместье в конце синодика позволяет предположить, что они родились уже в XVIII в. [Любимов, 1915, с. 79]. У Василия Алексеевича известны и иные дети. Но они были рождены уже в XVIII в. (Сергей Васильевич (1710 – после 1738 гг.), Яков Васильевич (1711 – после 1729 гг.), Федор Васильевич (1717 – 19.09.1758 г.) [Любимов, 1915, с. 74–75].

Кучумовичи оказавшиеся в Москве, со временем приняли православие. Первый обряд крещения произошел 23 сентября 1599 г. Тогда крестили сибирского царевича Абулхайра б. Кучума (Андрей Кучумович). Церемонию на Москве-реке «у Водяных ворот под Большою башнею» проводил архимандрит кремлевского Чудова монастыря Пафнутий. Восприемниками были боярин князь Ф.А. Ногитков-Оболенский и дьяк В. Тараканов [Анхимок, 2003, с. 396].

В разное время в России приняли крещение три сына ногайского мирзы Джан-Арслана б. Уруса: Урак (Петр), Зорбек (Александр) и Тук (Иван) [Трепавлов, 2003, с. 336]. Тук предположительно был сыном одной из дочерей хана Кучума. Его братья приходились ей пасынками [Беляков, 2014 а].

7 сентября 1633 г., после того как находился под началом в Чудовом монастыре, крестился сибирский царевич Янбек (Джанбек) б. Джансюер (Янсюер) б. Али. Теперь он стал стольником, князем Калининком Джансюеревичем Сибирским. Именно эту дату следует рассматривать как начало зарождения общего родового прозвища сибирских Шибанидов в России [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1631 г. д. 2; 1633 г. д. 14; 1651 г. д. 5, л. 17–19].

9 марта 1645 г. в Кирилло-Белозерском монастыре крестили Аблая б. Ишима [РГАДА. Ф. 196. Оп. 2. Д. 25, 26, 27, 28, 31, 32]. Он стал царевичем князем Василием Ишимовичем.

В 1653 г. в Москве, судя по всему, по совместной инициативе царя Алексея Михайловича и патриарха Никона, было принято решение подтолкнуть к принятию православия знатных татар, проживавших в России. В первую очередь, это касалось ногайских мирз и сибирских царевичей. Для этих целей их вызвали в Москву, впервые после вступления на престол Алексея Михайловича. В апреле 1654 г. принял православие сибирский царевич Дост-Мухаммад б. Алтанай (Петр Алексеевич). Крестным отцом стал царь Алексей Ми-

хайлович. После апреля крестился сибирский царевич Иш-Мухаммад б. Алтанай (Алексей Алексеевич) [Иероним, 1891, с. 71–72]. Приблизительно в это же время крестилась жена Иш-Мухаммада, Салтан-бике, в крещении Анастасия Васильевна [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1654 г. д. 3]. Их отца, царевича Алтаная б. Кучума, и двух его жен, ханым Джан тата Алееву, дочь мирзы и Девлет пачу Смолянову, оставили в покое.

С касимовским царевичем Сеит-Бурханом б. Арсланом все пошло не так гладко. После того как (не ранее апреля 1654 г.) царевича огласил патриарх Никон и его собирались отправить под начало в монастырь, он отказался от обещания поменять веру. Но в том же году, судя по всему, крещение состоялось. Теперь царевич стал Василием Араслановичем [Иероним, 1891, с. 71–72]. На этом процесс христианизации Кучумовичей завершился.

Как смена веры повлияла на положение сибирских царевичей, наглядно показывает их брачная политика. Рассмотрим по отдельности браки некрещеных и крещеных членов семьи.

Став касимовским царем, Ураз-Мухаммад б. Ондан женился на дочери романовского мирзы Али б. Кутума Салтан-бике, вдове предыдущего касимовского «правителя» Мустафы-Али б. Абдулы. Данный брак был заключен по праву левирата, как его понимали в России. Вместе с рукой вдовы Ураз-Мухаммад «получил» и Касимов. Вероятно, у него были и другие жены, но о них источники молчат. Постепенно, как мы уже писали, к Ураз-Мухаммаду в Россию выехали его мать, тетка, сестры. Одну из сестер выдала за «шарманшанского» царевича Шихима (Шейх-Мухаммад б. Мухаммад), другую – за мирзу Сафар-Али Изламова [Русский, 2012, с. 121, 122]. В 1626 г. в Ярославле упоминается меньшая супруга «шарманшанского» царевича, царица Ханыш с дочерью [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1626 г. д. 4, л. 4].

Применение права левирата отмечается и в XVII в. У последнего касимовского царя Арслана б. Али известно несколько жен. В первую очередь, это та же Салтан-бике, уже в третий раз вышедшая замуж. У Кучумовича были и другие жены: Фатима-салтан, дочь касимовского сеида Ак-Мухаммада сеид Белек сеид Шакулова (брак заключен около 1605 г.) [Беляков, 2006, с.20]; Карачай (Карачаца), дочь абыза Ибердеея, вдова сибирского царевича Азима (Хадумма, Хаджима) б. Кучума (не ранее 1615 г.) [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1628 г.

д. 9] и тетка своего второго мужа; Наг-салтан (Нагел, Нагал) Карамышева дочь Мусаитова, родная сестра сибирских татар Исинея Карамышева и сводная Бахтураза Карамышева, зятя сибирского царевича Мухаммад-Кул б. Атаула. Известно, что Исинея Карамышев являлся имелдешем [Беляков, 2014 а]. Однако его отец, Карамыш Мусаитов, ни разу не назван аталыком. Следовательно, статус имелдеша Исинея, скорее всего, получил через мать, являвшуюся кормилицей одного из сибирских Чингисидов. В 1619/20 г. московский царь по неизвестным причинам сослал Исинея Карамышева в Нижний Новгород. Но в Касимове известно надгробие Исинея датированное 1618 г. Тогда же Арслан отослал жену к родственникам в Ярославль. Но развода, скорее всего, не последовало. Можно утверждать, что Наг-салтан до этого была замужем за Мамаем мирзой Семендеревым. По крайней мере, Муस्ताфа мирза Мамаев сын Семендерев в 1634 г. называет ее своей матерью [РГАДА, ф. 1209, оп. 4, кн. 5980, л. 493–516; кн. 6002, л. 7 об.]. По-видимому, ее мать происходила из рода пророка Мухаммада. В одном из переводных татарских документов она именуется сеит царицей Наг-салтан [РГАДА, ф. 1209, оп. 4, кн. 5980, л. 495 об.]. Данный факт позволяет нам сделать предположение о том, что Наг-салтан приходилась правнучкой хану Кучуму. Дело в том, что в Сибири второй половины XVI в. не имелось большого количества потомков пророка Мухаммада, основная их часть – из Бухары. Их посылали специально для пропаганды ислама и обращения в него языческого населения Сибири. С 1574/75 г. таким сеидом был выходец из Ургенча Дин Али ходжа (Дин-аул-ходжа) [Миллер, 2005 а, с. 196]. Здесь он занял очень высокое положение. Следует упомянуть, что хан выдал за сеиду одну из своих дочерей (Нал-ханиша, дочь Лайли-ханыш). Судя по всему, дочь от этого брака и стала одной из жен Карамыша Мусаитова (в настоящее время мы можем выделить трех [Беляков, 2014 а]). Имеются косвенные данные, позволяющие считать пятой супругой царя мать прежнего касимовского царя Ураз-Мухаммада, царицу Алтын-ханым, дочь Булат султана б. Усяк хана. В разных документах царевна Ай-ханыш, сестра Ураз-Мухаммада, называется то дочерью, то падчерицей Арслана. Имеются сведения о том, когда она стала называться дочерью «ногайского царя Ондана» – [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1630 г. д. 1, л. 7, 31; 1650 г. д. 6, л. 1]. Следовательно, данный брак заключен в 1613 – 1614 гг. Это согласно

левирату закрепляло права сибирского царевича на титул касимовского царя и обязывало заботиться о содержании Ай-ханыш и ее родственников. К тому же данный брак позволял Арслану «наследовать» двор своего предшественника.

К сожалению, не о всех царевичах имеется полная информация. Нередко она ограничивается констатацией самого факта заключения брака в России. В 1613/14 г. в Ростове женился царевич Молла б. Кучум [РГАДА, ф. 134, оп. 1, 1630 г. д. 1, л. 41]. В 1618 г. в Ярославле (?) его брат Алтанай б. Кучум женился на дочери царевича Мухаммад-Кула б. Атаула [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1623 г. д. 10, л. 6; ф. 134, оп. 1, 1630 г. д. 1, л. 41]. Это был не единственный брак царевича. В документах второй половины XVII в. упоминаются две его вдовы: ханым Джан тата Алеева мирзина дочь [РГАДА, ф. 130, оп. 1, 1678 г. д. 1] и Девлет-пача Смолянова [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1671 г. д. 1, л. 3]. В свою очередь, незадолго до декабря 1618 г. (год смерти) Мухаммад-Кул женился на дочери касимовского царя Арслана б. Али и Фатимы-салтан Алма-бике [РГАДА, ф. 141, оп. 1, 1626 г. д. 59, л. 89-93.] и падчерице Арслана, сестре Ураз-Мухаммада б. Ондана Ай-ханыш [РГАДА, ф. 141, оп. 1, 1624 г. д. 1; ф. 134, оп. 1, 1630 г. д. 1, л. 7, 31].

В 1628/29 г. по инициативе и выбору московского царя принимается решение о женитьбе ургенчского царевича Авган-Мухаммада б. Араб-Мухаммада хана на падчерице касимовского царя Арслана б. Али Алтынсач, дочери сибирского царевича Азима (Хадумм, Хаджим) б. Кучума и Карачай (Карачаца), дочери абыза Ибердея. Свадьбу сыграли 8-10 мая 1630 г. [Беляков, 2007а, с. 103-104; РГАДА, ф. 134, оп. 1, 1630 г. д. 1].

Следующие известия относятся к середине XVII в., когда сибирский царевич Алтанай б. Кучум женил своих сыновей. Иш-Мухаммад б. Алтанай (Алексей Алексеевич) первый раз женился в 1649 г. [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1649 г. д. 1]. Брак оказался недолгим, супруга вскоре умерла. В 1650 г. царевич женился второй раз на некоей Салтан-бике [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1650 г. д. 2; 1654 г. д. 3]. После принятия православия ее стали звать Анастасией Васильевной [Любимов, 1915, с. 66-67]. Дост-Мухаммад б. Алтанай (Петр Алексеевич) женился впервые до принятия православия в 1653 г. [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1653 г. д. 7.]. К 1656 г. он уже овдовел. Документы однозначно указывают на то, что разрешение на

брак давал лично московский царь [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1653 г. д. 7, л. 1 об.].

Царица Молдур, дочь Кучума и царицы Суюлдедан, в Ярославле вышла замуж за ногайского мирзу Девлета Яналеева сына Шейдякова. Это произошло после ее переезда из Касимова в Ярославль в 1627 г. Она овдовела в Великий пост 1646 г. [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1650, д. 6, л. 1; 1652 г. д. 9, л. 3; ф. 141, оп. 2. 1646 г. д. 113 а, л. 73].

Другими сведениями о браках служилых Чингисидов мы не располагаем. Правда, документы дают нам право с уверенностью утверждать о свадьбе царевича Джансюера (Янсюера) б. Али. Он попал в Россию ребенком, здесь же у него родился сын Джанбек (Калинник Джансюеров) [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1633 г. д. 14]. Неизвестно, был ли женат его брат Хансюер, но в Соликамске у него упоминается его незаконнорожденная дочь [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1631 г. д. 2, л. 2].

Также следует упомянуть об одном несостоявшемся браке. В самом начале 1613 г. ногайский мирза Кара Кель-Мухаммад б. Ураз-Мухаммад просил отпустить в Ногайскую Орду некую Дойдур-пашу, обещая за нее щедрый «окуп» [Акты, 1915, с. 82]. В.В. Трепавлов отождествляет ее с одной из дочерей Кучума – Дерпадшой (Тур-пача), плененной в 1598 г. Данный факт указывает на то, что дочери сибирских Шибанидов сохраняли «династическую ценность» (по определению В.В. Трепавлова) и после падения Сибирского ханства [Трепавлов, 2012, с. 39].

Таким образом, для Кучумовичей, продолжавших исповедовать ислам, было сложно найти себе партнера для брака. В первую очередь, это происходило из-за ограниченного выбора. Невесту или жениха, за редким исключением, можно было найти только в проживающих в России семьях служилых Чингисидов, знатных ногайских и сибирских мирз, а также сеидов. Ногаи сразу заняли в этом вопросе особый статус. Постоянно прибывающая ногайская знать занимала видное положение на новой родине. К тому же ногайские мирзы издавна являлись привычными брачными партнерами. В.В. Трепавлов отмечает, что братья жен из Ногайской орды было в обычае у тюркских государей, они даже получили особое название: «Всех своих жен, взятых из мангытских принцесс, правители называют бийим (биким, бегим, бике)» [Трепавлов, 2002, с. 376].

Также бросается в глаза тот факт, что Кучумовичи на протяжении долгого времени

предпочитали искать брачных партнеров в своем ближайшем окружении, как правило, это были дети пленных сибирских Шибанидов либо дети их имелдешей и аталыков.

Как же обстояло дело с крещеными представителями рода? Не ранее 1600 г. царевич Андрей Кучумович (Абулхайр б. Кучум) женился на княжне Ирине Федоровне Ноготковой-Оболенской, дочери боярина князя Ф.А. Ноготкова-Оболенского. Интересно, что тесть царевича был одновременно и его восприемником при крещении [Анхимков, 2003, с. 396]. Это уникальный случай, православная церковь запрещала браки между ближайшими родственниками, в том числе и по крещению. Вполне возможно, что данный брак следует рассматривать в общей цепочке мероприятий по нейтрализации рода бояр Романовых, проводимых Борисом Годуновым. По крайней мере, родство Ноготковых-Оболенских с Кучумовичами могло в местническом споре 1600 г. несколько нивелировать матримониальные связи Романовых с Иваном Грозным [Козляков, 2011, с. 211; Павлов, 1992, с. 73; Эскин, 9, с. 112–113].

В мае 1635 г. князь Калинник Джансюерович женился на дочери князя Василия Козловского Марии [РГАДА, Ф. 131, оп. 1, 1635 г. д. 2, л. 1; ф. 210, оп. 6ж, д. 138, л. 54 об.].

В феврале 1637 г. дочь царевича князя Андрея Кучумова княжну Евдокию выдали за родственника царя Михаила Федоровича по женской линии комнатного стольника Василия Ивановича Стрешнева [РГАДА, ф. 1209, оп. 4, д. 6013, л. 82 об.–87, 263–270 об; ф. 396, оп. 2, д. 221, л. 106 об.–107; ф. 137, Москва, д. 2, л. 43–52].

Князь Василий Ишимович (Аблай б. Ишим) был женат на княгине Ефимье. Свадьба была сыграна, скорее всего, в 1648 г., когда он приехал в Москву из Кирилло-Белозерского монастыря [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1695 г. д. 1, л. 23].

Царевич Василий Андреевич, сын Андрея Кучумовича, был женат на княгине Ульяне Филипповне [Любимов, 1915, с. 65; ф. 210 (Столбцы приказного стола), д. 1022, л. 18].

Касимовский царевич Василий Арасланович (Сейт-Бурхан б. Арслан) после 1653 г. женился на княгине Марии Никифоровне, дочери дворянина по московскому списку Никифора Юрьевича Плещеева и его супруги Марфы [Шишкин, 1999, с. 106, 124–125].

В 1656 г. царевич Петр Алексеевич (Дост-Мухаммад б. Алтанай) женился на Анастасии Васильевне Нагой [Вкладная, 1987, с. 71, 281].

Царевич Григорий Алексеевич был женат на Анне Григорьевне.

Царевич Василий Алексеевич был женат на Анне Семеновне Грушецкой, сестре царицы Агафьи Семеновны (супруга царя Федора Алексеевича).

Царевич Дмитрий Алексеевич был женат на Ксении Владимировне Долгоруковой, дочери боярина князя В.Д. Долгорукова и его жены княжны М.В. Пушкиной.

Княжна сибирская Прасковья Алексеевна была замужем за стольником царицы Натальи Кирилловны И.Я. Вольнским [Любимов, 70–72].

Касимовский царевич Никифор Васильевич был женат на княгине Анне Григорьевне [Вельяминов-Зернов, 1866, с. 416; РГАДА, ф. 1190, оп. 1, д. 6, л. 75-78].

Касимовский царевич Михаил Васильевич женат на княгине Анне Григорьевне [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1695 г. д. 1, л. 21, 23; ф. 9, отдел 2, д. 92, л. 21].

Касимовский царевич Семен Васильевич женился в 1690/91 г. на княжне Марии Юрьевне Трубецкой, дочери боярина князя Ю.П. Трубецкого [РГАДА, ф. 210 (Столбцы Белгородского стола), стб. 988, л. 100; ф. 1209, оп. 1, кн. 231, л. 101; ф. 522, оп. 1, д. 83, л. 33-37 об.].

Княжна касимовская Евдокия Васильевна замужем за комнатным стольником Петра I, боярином (с 1689/90 г.) Мартемьяном Кирилловичем Нарышкиным (1665 – 1697 гг.) с 1683/84 г. [Любимов, 1915, с. 72; РГАДА, ф. 159, оп. 2 (Посольский приказ), д. 2080, л. 9, 11]

Княжна касимовская Домна Васильевна была замужем за комнатным стольником Петра I, генерал-майором князем Юрием Яковлевичем Хилковым.

Князь Богдан Калининвич, был женат на княжне Елене Никитичне Барятинской, дочери князя Н.В. Барятинского.

Князь Федор Калининвич, был женат на некоей Евдокии Герасимовне (1689–1740. 09. 16).

Царевич касимовский Василий Иванович, был женат на Анастасии Федоровне (Александровне) Салтыковой, сестре царицы Прасковьи Федоровны (Александровны), супруге Ивана V Алексеевича [Любимов, 1915, с. 73–74, 76].

Мы видим, что в нашем распоряжении довольно часто имеется отрывочная информация о браках крещеных Кучумовичей. Но и она позволяет нам сделать определенные выводы. Среди брачных партнеров явно преобладают выходцы из первостатейной московской знати, а также родственники московских

царей по женской линии. Тем самым они органично входили в состав придворной знати и даже ближнего круга русских царей и становились завсегдагатами дворцовых церемоний.

Кучумовичи принимали активное участие в различных придворных церемониях. В первую очередь это, конечно же, прибытие самих татарских царевичей в Москву как при выезде так и при вызове их из городов, назначенных для проживания, в столицу. Они регулярно фиксируются вплоть до середины XVII в. [Вельяминов-Зернов, 1866; Беляков, 2006]. После крещения всех представителей «золотого рода» в 1654 г. церемонии приезда прекратились. Видоизменилась и форма первого представления того или иного царевича государю. Оно стало проходить в рамках других придворных действ [Дворцовые, 1852; Дворцовые, 1855; Дополнения, 1854].

Присутствие Кучумовичей при приеме иностранных посольств зафиксировано на протяжении конца XVI – XVII вв. При перечислении этих случаев мы считаем возможным упомянуть и о казахском царевиче, затем касимовском царе Ураз-Мухаммаде в тех случаях когда он однозначно не выступает как представитель казахских Шибанидов.

1586 г., апреля 10 – касимовский царь Мустафа-Али б. Абдула и царевичи, крымский Мурад-Гирей б. Мухаммад-Гирей и сибирский Мухаммад-Кули б. Атаул, присутствовали на приеме польского посланника Михаила Гарабурды [Вельяминов-Зернов, 1863, с. 374].

1590 г., мая 10 – нововеязжий шарманшанский царевич Шихим (Шейх-Мухаммад б. Мухаммед) принят после персидских послов, с которыми добирался до Москвы. На приеме отмечены царевичи: астраханский Арслан-Али б. Абдула и казахский Ураз-Мухаммад б. Ондан [Памятники, 1890, с. 120-121, 125].

1594/95 г. – при приеме царского посла Михаила Варкича присутствовали астраханский царевич Арслан-Али б. Абдула и казахский царевич Ураз-Мухаммад б. Ондан [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1659 г. д. 1, л. 1].

1596/97 г. – на приеме царского посла Авраама Будграда присутствовали царевичи астраханский Арслан-Али, сибирский Мухаммад-Кул б. Атаул и казахский Ураз-Мухаммад [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1659 г. д. 1, л. 2]. Скорее всего, речь идет о приеме 22 мая 1597 г. посла бургграфа Донавского [Шишкин, 1999, с. 37].

1598 г., весна-лето – по татарским вестям, в походе против несостоявшегося крымского прихода участвовали царевичи: астраханский

Арслан-Али, казахский – Ураз-Мухаммад, сибирский Мухаммад-Кул, шарманшанский Шейх-Мухаммад б. Мухаммад. Позднее царевичи присутствовали в Серпухове при встрече крымских посланников Алея мирзы с товарищами [Разрядная, 1994, с. 46–47].

1599 г., январь – въезд в Москву большой группы сибирских царевичей, царь и царевен совместили с въездом императорского гонца [Юзефович, 1988, с. 88–89].

1601 г., март – касимовский царь Ураз-Мухаммад б. Ондан присутствовал на отпуске польского посла Яна Сапеги.

1602 г., сентября 11 – Ураз-Мухаммад присутствовал на приезде датского принца Иоанна Фредериковича [Разрядная, 2003, с. 16].

1604 г., октября 11 – существует смутное упоминание, позволяющее предположить, что за обедом, данным в честь английского посла Томаса Смита, царю Борису Годуну прислуживал кто-то из сибирских царевичей – предположительно, Арслан б. Али [Сэра Томаса Смита, 1893, с. 36, 40]. Однако мы не можем упоминаемых татарских князей однозначно отождествлять с сибирскими царевичами.

1605 г., июнь (?) – еще одно смутное упоминание. Томас Смит был приглашен в шатер к Лжедмитрию I до его вступления в Москву на обед (пир) в честь некоего татарского хана (касимовского царя Ураз-Мухаммада б. Ондана?) [Сэра Томаса Смита, 1893, с. 93].

1605 г., июня 21 – Лжедмитрий I принял Ураз-Мухаммада в один день со шведским царевичем Густавом и крымским гонцом Ян-Ахмет-Челибеом [РГАДА, ф. 123, оп. 1, 1604 г. д. 2, л. 173].

1614 г., октября 30 – касимовскому царю Арслан б. Али велено присутствовать при приеме датского посланника Ивервинта. Прием состоялся без касимовского царя, он сказался больным [РГАДА, ф. 53, оп. 1, 1614 г. д. 1, л. 162–166; ф. 131, оп. 1, 1614–1621 г. д. 1, л. 1–4].

1616 г. – царь Арслан принят в один день с английским посланником Джоном Мериком [Дворцовые, 1850, стб. 220–222].

1617 г., ноября 18 – царь Арслан присутствовал при приеме послов персидского шаха Аббаса Коя Салтана и Булан-Бека. «А сидел от государя по правую сторону, пропусая от государя на другой стороне первое окошко» [Дворцовые, 1850, стб. 304–306].

1638 г., апреля 18 – у государя на отпуске были сибирский царь Али б. Кучум и царевич Алтанай б. Кучум, а также купец персидского шаха Агасана [Дворцовые, 1851, стб. 569–570].

1655 г., декабря 19 – на приезде шведского посла Густава Белки присутствовали царевичи: касимовский Василий Арасланович (первое упоминание касимовского царевича после принятия православия), сибирские Петр и Алексей Алексеевичи [Дополнения, 1854, стб. 16].

1656 г., мая 4 – на приеме царского посла Алгарета де Алегретуса присутствовали (были у стола) сибирские царевичи Петр и Алексей Алексеевичи и касимовский царевич Василий Арасланович [Дворцовые, 1852, стб. 492].

1658 г., июня 6 – на приезде грузинского царя Теймураза Давыдовича у стола присутствовали царевичи касимовский Василий Арасланович и сибирские Петр и Алексей [Дворцовые, 1852, стб. 497, 501].

1667 г., октября 20 – на приеме польских послов Станислава-Казимира Беневского и Киприана Павла Берестовского присутствовали царевичи касимовский Василий Арасланович и сибирские Петр и Алексей Алексеевичи [Дворцовые, 1852, стб. 675–677].

1668 г., июня 5 – на отпуске антиохийского патриарха Макария находились царевичи касимовский Василий Арасланович и сибирские Петр и Алексей Алексеевичи, «а сидели повыше бояр на той же лавке, а не в том месте, где садятся, а были в золотах» [Дворцовые, 1852, стб. 763].

1675 г., января 11 – царевичи сибирский Алексей Алексеевич и касимовский Михаил Васильевич присутствовали на приеме шведского гонца [Дворцовые, 1852, стб. 1176].

1675 г., февраля 3 – царевичи сибирский Алексей Алексеевич и касимовский Михаил Васильевич присутствовали на приеме кизылбашских послов [Дворцовые, 1852, стб. 1216].

Это, судя по всему, далеко не все случаи, хотя можно найти свои закономерности. Первоначально Кучумовичи и Ураз-Мухаммад активно использовались для поддержания престижа государей, ощутивших непрочность своих позиций (Борис Годунов, Лжедмитрий I, начало правления Михаила Федоровича). Далее традиция постепенно сходит на нет.

Вспомнили о прежней практике только после 1654 г., после крещения всех наличных царевичей. Но если раньше в данных церемониях участвовали Чингисиды, проживавшие в Москве или специально вызываемые для этого в столицу, и преимущественно мусульмане, то теперь данный обряд превратился в одну из разновидностей придворной службы крещеных царевичей. Однозначно о его су-

ществовании можно говорить только до конца правления Алексея Михайловича. В дальнейшем, судя по всему, от него отказались. Скорее всего, не последнюю роль в этом сыграла болезнь Федора Алексеевича и определенный кризис власти после его смерти. При других условиях Чингисиды могли играть роль статистов во время приема дипломатов еще некоторое время.

Участвовали Кучумовичи и в других дворцовых церемониях. 22 января 1671 г. на свадьбе царя Алексея Михайловича и Натальи Кирилловны Нарышкиной присутствовали сибирский царевич Петр Алексеевич и касимовский царевич Василий Арасланович, «сидячие с государеву сторону»; сибирский царевич Алексей Алексеевич, «сидячие с государыни царицыну сторону». Их жены – сидячие боярыни в том же порядке [Дворцовые, 1852, стб. 873].

1 сентября 1667 г. при объявлении царевича Алексея Алексеевича присутствовали касимовские царевичи Василий Арасланович и Никифор Васильевич, сибирские царевичи Петр и Алексей Алексеевичи [Полное, 1830, № 649].

В венчаниях московских государей на царство татарские царевичи, по всей вероятности, начинают принимать участие только в конце XVII в. Любые попытки удревить данную практику не подкрепляются документально. Известно только два упоминания. 18 июля 1676 г. на венчании на царство Федора Алексеевича касимовский царевич Василий Арасланович трижды осыпал его золотыми деньгами [Вельяминов-Зернов, 1866, с. 402]. 27 апреля 1682 г. – сибирские царевичи Григорий и Василий Алексеевичи осыпали царей Петра и Ивана золотыми по выходе их из Успенского, Архангельского и Благовещенского соборов и по вступлении их на Красное Крыльцо [Любимов, 1915, с. 70].

По известным причинам, данная традиция не получила и не могла получить дальнейшего развития. Ее появление было закономерным и вполне логичным для мироощущения царя Алексея Михайловича. Здесь мы очевидно видим, что идеи отца были подхвачены и развиты его сыном, царем Федором Алексеевичем.

Возможно, некий религиозный подтекст имели и приемы некрещеных царевичей, осуществляемые государем в дни крупных церковных праздников. Так, Михаил Федорович принял у себя касимовского царевича Сеит-Бурхана б. Арслана в Вербное воскресенье

(1633 г., 14 апреля) до церемонии «вождения осляти», что и было особо отмечено в приказной справке [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1653 г. д. 4, л. 8–9]. Точно также в 1638 г. встреча по приезду сибирского царя Али б. Кучума и его брата царевича Алтана б. Кучума была в Вербное воскресенье (18 марта) [Дворцовые, 1851, стб. 563]. С одной стороны, Чингисид должен был видеть толпы любопытствующего народа, собравшегося насладиться ежегодным зрелищем. Но и народ наблюдал за приездом татарского царевича. Можно предположить и иную интерпретацию приемов татарских царей, особенно в дни крупных религиозных праздников. Возможно, тем самым московские государи символически как бы повторяли отдельные эпизоды земной жизни Христа, в данном случае – приход волхвов (восточных царей) к новорожденному Спасителю. Хотя подобная интерпретация более подходила бы для празднования Рождества Христова, по неизвестным нам причинам этот обряд закрепился в празднике Входа в Иерусалим.

Начиная с 1654 г. Чингисиды становятся постоянными участниками придворных церемоний, – они бывали во дворце практически ежедневно; регулярно присутствуют на различных религиозных церемониях с участием московского государя. Дворцовые разряды фиксировали далеко не все события, но, несмотря на это, мы имеем возможность проследить определенную закономерность в их «использовании» в тех или иных обрядах. Если классифицировать все известные нам упоминания, то представляется следующая картина. В своей основе это были крестные ходы. При этом все царевичи одновременно принимали участие в тех или иных действиях достаточно редко. Вероятно существовал некий «скользящий график». Когда подросли дети Василия Араслановича и Алексея Алексеевича, они стали замещать своих престарелых отцов. Так, Михаил Васильевич касимовский начал регулярно появляться в разрядах с 1674 г., и тогда же из них исчезает его отец.

Можно предположить, что в ряде случаев царевичи своим присутствием как бы замещали московского государя и освящали данную церемонию. В дворцовых разрядах можно прочесть: «А выходу великому государю к действию не было. А быти у действия по указу великого государя: касимовской царевич Василий Арасланович...» [Дворцовые, 1852, стб. 713].

Нужно отметить, что сюда же следует отнести и многочисленные упоминания о

присутствии крещеных Чингисидов за столом патриарха Никона. Судя по всему, это был один из многочисленных пунктов программы патриарха по возвышению своего положения. Тем самым он подкреплял свои права на вселенскость, с одной стороны, а с другой – как минимум равенство своего положения царскому [Дополнения, 1854, стб. 16–127].

После смерти Алексея Михайловича участие Чингисидов в подобных церемониях постепенно сходит на нет, прекращаются приглашения к царскому и патриаршему столам. Упоминания об участии Петра I в крестных ходах со временем значительно сокращается, он был занят иными заботами. Со временем (конец 90-х гг. XVII в.) даже создаются специальные росписи участников придворных чинов (в том числе и царевичей) в тех или иных крестных ходах на несколько недель или даже месяцев вперед [Дворцовые, 1855, стб. 1048–1053]. Это становится обычной практикой.

Необходимо сказать, что нам порой сложно разграничить придворные и государственные церемонии. К тому же в большинстве государственных церемоний в той или иной степени присутствует и определенный религиозный фактор, они переплетены между собой. Поэтому имеет смысл, по крайней мере, сказать о некоторых иных церемониях, упоминаемых в дворцовых разрядах, в которых участвовали Чингисиды. В первую очередь это, конечно же, относится к именинам членов царской семьи, рождению царских детей, празднованию «новогодия» (1 сентября). В данном случае мы можем говорить только о крещеных Кучумовичах. При Алексее Михайловиче, например, сибирские царевичи становятся постоянными участниками всевозможных торжеств. Так, в 1648 г. сибирский царевич Василий Ишимович становится за всегдатаем придворных церемоний. Этому он был обязан пожалованием ему чина кравчего. К тому же московский царь Алексей Михайлович испытывал к нему определенную привязанность. Известно, что во время «московского смятения» в июне 1648 г. он неотлучно был «вверху» у государя [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1648 г. д. 11]. Начиная с 1654 г., в столице постоянно находились крещеные царевичи, которых можно было использовать в этих целях.

По формальным признакам ц церемониальным процедурам можно отнести и номинальное участие Кучумовичей в руководстве полками во время военных действий. Это касается конца XVI и второй половины XVII в.

Мухаммад-Кул и Ураз-Мухаммад участвовали в Серпуховском походе царя Бориса Годунова 1598 г. [Разрядная, 1994] В данном случае это была определенная военно-политическая демонстрация, призванная повысить престиж нового государя.

В эпоху Смутного времени татарские царевичи также использовались в военно-идеологических целях. Однако документов об этом сохранилось мало. К тому же это не носило столь яркий и демонстративный характер. При Михаиле Федоровиче об этом забыли вовсе.

Об идеологической востребованности имен татарских царевичей во время военных кампаний вспомнили при Алексее Михайловиче. Но это было лишь слабым отзвуком прежней традиции XV–XVI вв. Во второй половине XVII в. зафиксированы три подобных случая (1656, 1664, 1678 гг.). При этом в 1656 г. царевичи находились только в свите московского царя. Иностранцы в своих записках более чем реалистично оценивают их значение в принятии конкретных решений, считая, что у них осталось только имя. Говорят об этом и делопроизводственные документы московских приказов [Малов, 2006, с. 389, 390, 392, 499, 500].

Участвовали царевичи и в похоронных церемониях. В 1670 г. на похоронах царевича Алексея Алексеевича мы видим касимовского царевича Федора Васильевича и сибирских царевичей. 1676 г. в похоронах царя Алексея Михайловича принимали участие (шли за телом) царевичи касимовские Василий Арасланович, Василий Васильевич и сибирский Петр Алексеевич. При этом они шли сразу же за царем Федором Алексеевичем [Дворцовые, 1852, стб. 1643]. 27 апреля 1682 г. сибирский царевич Алексей Алексеевич прошался с телом царя Федора Алексеевича [Древняя, 1791, с. 283]. Скорее всего, Чингисиды присутствовали и на иных похоронах тех или иных представителей царской семьи, так как находились в свойстве с представителями правящих династий.

Помимо этого нам известно, что во второй половине XVII в. ряд жен касимовских и сибирских царевичей называются «приезжими боярынями» московских царей. Они время от времени упоминаются как участницы церемоний во дворце, как правило, присутствовали у столов [Вельяминов-Зернов, 1866; Любимов, 1915, с. 70–75].

Следует сказать и об имущественном положении Кучумовичей. К концу XVI в. в России система содержания знатных выходцев с

Востока, в первую очередь Чингисидов, была уже хорошо разработана и зависела от статуса конкретного человека и доходов с городов, поместий, ежегодных денежных выплат, поденного корма и питья, разовых натуральных выплат.

На рубеже XVI–XVII в. возникла идея нового порядка вознаграждения Чингисидов т.н. поместными окладами и денежным жалованием. Для установления их возможных размеров в центральных приказах создали справочные выписи, в которых были указаны реальные размеры землевладения татарских царей и царевичей в предшествующую эпоху. Таким образом, размеры поместных окладов зависели от объемов реального землевладения. При этом на практике поместья чаще всего были на несколько сот четей больше нежели указывалось в окладе [Беляков, 2011 б, с. 307–238, 339–342]. В таком случае денежное жалование могло представлять собой трансформированный «выход» XV – первой половины XVI в. [Беляков, 2011б, с. 259–262].

Благодаря такому маркированию московским властям удалось создать для сибирских царевичей нечто похожее на систему старшинства, опирающуюся в своей основе на привычную для себя систему местничества. Это следует также рассматривать как попытку построить татарских царей и царевичей в общую структуру служилого сословия. При этом им сразу же придали особый статус, установив максимум в 2000 четей поместного оклада и 200 рублей годового денежного жалования. К примеру, максимальный поместный оклад у московских чинов по указу 1619 г. установлен в 1000 четей [Станиславский, 1985].

Размеры пожалования конкретного Чингисида зависели от нескольких факторов: наличие царского титула, заинтересованность Москвы именно в нем, порядок выезда в Россию, а также простое старшинство в роде между дядьями и племянниками. Впервые подобные оклады зафиксированы у царевича Ураз-Мухаммада б. Ондана до пожалования ему титула касимовского царя и царевича Мухаммад-Кула б. Атаула. Им полагалось по 2000 четей и 200 рублей. Сибирскому царевичу Азиму б. Кучуму назначили оклад в 2000 четей и 170 рублей. Его меньшему брату Молле б. Кучуму назначили 1500 четей и 150 рублей (по другим данным, в 1613/14 г. его годовой оклад составлял только 90 рублей [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1649 г. д. 1, л. 5]). Абулхайр б. Кучум (Андрей Кучумов) получил 1000 четей и 100 рублей [РГАДА, ф. 130,

оп. 1, 1618 г. д. 1, л. 6]. 20 апреля 1615 г. к его денежному годовому окладу добавили 50 рублей [Смутное время, 1912, 308]. Хотя, по косвенным данным, в 1619 г. его годовой оклад составлял только 120 рублей. 5 марта 1619 г. из ярославских доходов царевичу велено дать 10 рублей жалованья «в оклад» [Приходо-расходные, 1912, стб. 750]. Документ можно интерпретировать как выдачу денег за один месяц, 1/12 годового оклада. По другим данным, в 1619 г. его оклад составлял 2000 четей и 200 рублей [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1629 г. д. 2, л. 4]. Можно предположить, что оклад Чингисиду повысили между 1618 и 1619 г., или же перед нами – очередной пример недобросовестного исполнения своих обязанностей автором первой по хронологии выписи. Последнее больше похоже на истину. Ведь имеется еще одна выпись, в ней указаны 1500 четей и 200 рублей [РГАДА, ф. 134, оп. 1, 1622 г. д. 1, л. 79]. Остается открытым вопрос: когда ему был назначен оклад? Скорее всего, это произошло не ранее его крещения в сентябре 1599 г. В отличие от иных служилых царевичей конца XVI в. он, по косвенным данным, находился в «нятстве». Можно предположить, что все три выписи истинны и подьячие просто пользовались данными за разные периоды. Абулхайр – единственный, кто не упоминается ни в одном военном походе. Самаркандский царевич Шейх-Мухаммад б. Мухаммад имел оклад в 1000 четей и 100 рублей [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1619 г. д. 2, л. 6]. Сибирскому царевичу Хансюеру б. Али до 1613 г. пожаловали поместный оклад в 1050 четей и 120 рублей [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1619 г. д. 2, л. 4–6]. По другим данным, Хансюеру назначили 120 рублей годового оклада [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1623 г. д. 1, л. 3]. Его брат Янсюр б. Али имел оклад 1000 четей и 100 рублей. На основании этого мы вправе утверждать, что он был младшим [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1619 г. д. 2, л. 6].

10 апреля 1619 г. сибирскому царевичу Алтаню б. Кучуму дали оклад 1500 четей и 150 рублей, при этом, например, ему привели дачи его старшего и младшего братьев, Азима и Молю [РГАДА, ф. 130, оп. 1, 1618 г. л. 3–7; Беляков, 2005, с. 35].

В сентябре 1633 г. князю Калиннику Джансюеревичу Сибирскому после крещения назначили поместный оклад в 600 четвертей и годовой в 40 рублей [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1633 г. д. 12, л. 6–19; д. 14; 1651 г. д. 5, л. 17–19]. В Боярской книге 1646/47 г. значится его поместный оклад, 750 четей, денежное жалование 52 рубля. За литовскую службу 1660/61 г. ему на-

значили придачу в 120 четей и 10 рублей [Боярская, 2004, 150]. Однако следует помнить, что перед нами уникальный случай. Калинин стал единственным зафиксированным примером, когда Чингисид при крещении потерял все свои привилегии, положенные ему по факту рождения, и начавший службу как крепкий выходец из среды дворян по московскому списку. Кстати, его дети также находились в несколько «приниженном» положении по отношению к иным представителям рода.

В 1648 г. Василий Ишимов получил поместный оклад в 1500 четвертей и 150 рублей годового оклада [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1654 г. д. 2, л. 18]. После этого подобные пожалования не фиксируются.

Но это, скорее, указание на статус того или иного Кучумовича. А что они получали в действительности? На рубеже XVI–XVII в. Москва взяла курс на отказ от пожалований Чингисидам доходов с того или иного города. Однако отдельные царевичи успели получить за службу города. Касимовским царем с 1600 по 1610 гг. являлся Ураз-Мухаммад б. Ондан [Беляков, 2007 б]. До этого ему, возможно, принадлежали доходы с Бежецкого верха. С 1614 по 1626 г. касимовским царем значится Арслан б. Али. После его смерти «титул» царя касимовского уже больше никому не даровался. Сын Арслана, Сеит-Бурхан (в крещении Василий) и его дети именовались касимовскими царевичами. Сеит-Бурхан унаследовал от отца касимовские доходы, правда, в несколько урезанном виде. Со временем его полномочия и доходы сократились еще больше [Вельяминов-Зернов, 1866; Вельяминов-Зернов, 1887; Беляков, 2006]. Имеются косвенные данные указывающие на то, что доходы с городов также принадлежали царевичам Мухаммад-Кулу б. Атаулу и Абулхайру (Андрей) б. Кучуму [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1597 г. д. 1]. Однако здесь все не до конца ясно. Возможно, в Бежецком Верху просто имелись поместья царевичей. Наличие доходов с города у Абулхайра вызывает наибольшие вопросы. Здесь следует отметить, что в том же уезде где находился пожалованный город царевичам принадлежали еще и поместья.

За исключением Кучумовичей, «владевшими» городами, все остальные делятся на поместных и кормовых. Первые получали в поместья обширные дворцовые волости. Они фиксируются практически у всех царевичей в первой половине XVII в. [Беляков, 2011 а, с. 307–329]. Исключением были Алтанай б. Кучум и его дети, женщины и царевичи сидев-

шие в тюрьмах. Они имели статус кормовых иноземцев. Им полагались регулярные поденный корм и питье, дачи на корм лошадей, дрова, свечи, избное строение, одежду, свадьбы и похороны [Беляков, 2011 а, с. 342–352].

На размеры содержания влияло большое количество факторов: семейное положение, количество людей во дворе, иерархическое положение среди иных царевичей, настойчивость того или иного человека и, наверное, самое главное – отношение к нему московского царя. Поденный корм и питье далеко не всегда выдавались вместе. В документах порой упоминаются только денежные выплаты. Но это далеко не всегда означало отсутствие поденного питья. В ряде случаев, к примеру, во время приезда в Москву кормового царевича, назначался временный поденный корм в натуральном, а не денежном исчислении. В этом случае питье автоматически включалось в общую дачу.

Мы можем проследить рост «корма» царевича Алтанай б. Кучума. Примерно в 1615 г. Алтанай назначили «корм» 10 копеек на день, его людям, двум человекам, по 3 копейки, хмельными напитками 3 чарки вина, 3 кружки меда, 4 кружки пива на день. Все в том же 1614/15 г. денежное содержание повысили, царевичу до 20 копеек, а одному из его людей — до 5 копеек [РГАДА, ф. 134, оп. 1, 1622 г. д. 1, л. 33]. Позднее «корм», возможно, вновь повысили, в документах встречается две суммы — 9 и 10 рублей в месяц с «кормом» его людей [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1623 г. д. 10, л. 5–7]. Вскоре, в том же 1619 г., поденный «корм» увеличивают до 20 рублей в месяц. Поденное питье (на год 6 3/4 ведра вина, 136 1/4 ведра меда и 182 1/2 ведра пива) по просьбе царевича также перевели в денежное исчисление, но его размеры неизвестны [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1626 г. д. 1, л. 12; 1623 г. д. 10, л. 5–7]. Позднее в документах будут округлять общее количество годового питья до 7 вёдер вина, 136 вёдер меда, 182 ведра пива [РГАДА, ф. 134, оп. 1, 1622 г. д. 1, л. 80]. В 1637/38 г. месячный корм увеличили до 30 рублей, а поденное питье до 5 чарок вина, 6 кружек пива, 5 кружек меда [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1640 г. д. 2]. В 1643/44 г. царевич за 15 рублей из месячного корма испомещен в деревнях в Ярославском уезде. Больше увеличений, скорее всего, не было. Алтанай первоначально получал дачу на конский корм и дрова в виде натуральной дачи, ее размеры неизвестны. Но в 1619 г. она переводится в денежное исчисление (1 рубль 20 копеек в месяц) [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1626 г. д. 1, л. 12; 1623 г. д. 10,

л. 5-7]. В 1653 г. ему стали давать дополнительно по 3 воза дров на неделю (всего 6 возов летом и 9 зимой) [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1653 г. д. 5, л. 39–44].

Следует особо остановиться на поденном «корме» цариц и царевен. Дело в том, что именно он указывает на их место в иерархии. Статус жен и дочерей Чингисидов находился в прямой зависимости от статуса их отцов, а затем и мужей. В случае выхода не за Чингисида представительница «золотого рода» все равно в русских документах именовалась царицей и сохраняла высокий статус. Если у того или иного царевича отмечено несколько жен, то размеры их поденного «корма» также показывают степень их старшинства. При выходе замуж «корм» цариц приплюсовывался к «корму» их мужей, если те не получали доходы с городов или не обладали крупными поместьями. В случае выхода за не-Чингисида они сохраняли свой «корм». Размеры поденного содержания женщин были значительно меньше, нежели мужчин Чингисидов и примерно равен «корму» мужей не-Чингисидов из знатных ногайских, сибирских и крымских мирз. Вдовам также назначался поденный «корм» в том случае, если им не давались прожиточные поместья из земельных владений их супругов. Трудно сказать, сохранялся ли поденный «корм» у вдов, купавших вотчины.

О размерах поденного «корма» Чингисидов, находящихся в «нятельстве», у нас имеется меньше упоминаний. Сибирский царевич Хансуер б. Али, посланный в 1629 г. в Соликамск (позднее был переведен в Устюг Великий), получал поденный корм в 4 копейки (14 р. 66 к.) [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1635 г. д. 1; 1638 г. д. 4]. Другой Кучумович, Аблай б. Ишим, находясь в Казани зимой 1635/36 г. получал на день 6 копеек и 4 чарки вина. Когда его перевели в Белозерск, то на содержание оставили деньги. Царевич жаловался, что «тем ему сыту быть нечем» [РГАДА, ф. 1107, оп. 1, д. 722, л. 10]. Тогда из Москвы пришло распоряжение давать ему на день по 5 чарок вина и кружке меда. Всего на 5 копеек в день. Однако из местных особенностей (недостаток меда) мед заменили двумя кружками пива [РГАДА, ф. 1107, оп. 1, д. 722, л. 12 а, 15].

Следует сказать несколько слов о статусе Кучумовичей. Как и все Чингисиды, он был выше боярина и уступал только московскому царю и его детям. Г.К. Котошихин писал: «Да в царском же чину царевичи сибирские, касимовские, крещены в христианскую веру. Честию они бояр выше; а в думе ни в какой не

бывают и не сидят, потому что государства их и они сами учинились в подданстве после военского времени, недавне, да и не обычай тому есть; так же и опасение имеют от них всякое. А служба их такова: как на празники идет царь к церкви, и они его ведут под руки, да на всякой день бывают перед царем на поклонении. И даны им поместья и вотчины немалые, так же поженились на боярских дочерех, а имали их за себя с великими пожитками и с поместьями и с вотчинами; а за которым поместья мало, и ему в прибавку идет царский корм денежной, помесечно» [Котошихин, 1906, с. 27].

Это соответствует истине. Чингисиды «честию» действительно стояли выше любого представителя московской знати. Летом 1679 г. зафиксирован единственный случай местничества с участием царевичей. Боярин князь Михаил Алексеевич Голицын неудачно местничал с сибирским царевичем Григорием Алексеевичем. Тогда князь отказался участвовать в крестном ходе из-за сибирского царевича, и был найден в кирпичных сараях на берегу Москвы-реки спрятавшимся «меж кирпичю». По мнению исследователя, данное дело стало «последней каплей», предпринявшей отмену института местничества [Эскин, 2009, с. 188].

Мы можем выделить два периода особого интереса московских царей к Кучумовичам. Это, конечно же, эпоха Бориса Годунова, когда с их помощью хотели поднять престиж новой династии и царствование Алексея Михайловича, когда происходит своеобразное возвращение к традициям XVI в., с постоянным участием Чингисидов в многочисленных дворцовых церемониях и регулярном упоминании их качестве номинальных глав полков в действующей армии. К середине XVII в. военное значение дворов Кучумовичей полностью сошло на нет. В этом плане они заняли положение, идентичное русскому дворянству. Во второй половине века они даже в ряде случаев не давали даточных людей со своих поместий. В определенный момент их содержание потеряло какой-либо смысл. Они все проживали в Касимове или Ярославле и почти не появлялись в столице.

Казалось, история подошла к своему логическому завершению. Но здесь произошла очередная метаморфоза. Московский царь стремился возродить традиции прошлого, в первую очередь времен Ивана Грозного, так, как он их понимал или же мог представить по специально подготовленным для него выпискам из летописей, разрядных и посольских книг. Но полностью воссоздать ситуацию вековой давности было невозможно. К тому же у Алексея Михай-

ловича имелся свой взгляд на данную проблему. Поэтому приняли решение, прежде всего, подтолкнуть всех наличных царевичей-мусульман к смене веры. К тому же это должно было показать всем мусульманам серьезность экспансии идей православия на территории России.

После этого они стали навсегда дворцовых дипломатических, религиозных и придворных церемоний. Помимо того Чингисидов вновь стали назначать номинальными полковыми воеводами. Однако это была всего лишь имитация прошлого, которая никого не могла обмануть. Это видно из сообщений иностранцев второй половины XVII в. Они достаточно уничижительно отзывались об институте служилых Чингисидов. «...городок Касимгород (Касимов), уступленный царем Годуновым на правах подданства татарскому царьку, а теперь владеет им сын его, недавно крещенный в

московскую веру, и такой маленький владделец называется тоже величавым именем царя. Если и ныне есть подленькие льстецы, то пусть себе назовут и его императором, коли придет им такая охота» [Мейерберг, 1997, с. 129]. Но Алексей Михайлович не обращал на это внимания. Для него было важно ощущение себя царем царей, подлинным наследником Константина Великого и Соломона, единственным истинным правителем единственного истинно христианского государства, в чьи руки Господь отдал судьбы неверных народов.

После 1718 г. Сибирские царевичи окончательно становятся князьями. Теперь это один из многих знатных выезжих родов в Российской империи. Они еще время от времени встречаются на страницах отечественной истории. Но к рубежу XX в. род пресекается [Любимов, 1915].

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

Архивные дела

Российский государственный архив древних актов (РГАДА)

- Ф. 9 – Кабинет Петра I и его продолжение
- Ф. 53 – Сношения России с Данией
- Ф. 109 – Сношения России с Бухарой
- Ф. 111 – Верхотурская приказная изба.
- Ф. 122 – Киргиз-Кайсацкие дела
- Ф. 123 – Сношения с Крымом
- Ф. 127 – Сношения с ногайскими татарами
- Ф. 130 – Сибирские дела
- Ф. 131 – Татарские дела
- Ф. 134 – Сношения России с Хивой
- Ф. 137 – Боярские и городовые книги
- Ф. 188. – Рукописное собрание ЦГАДА
- Ф. 141 – Приказные дела старых лет
- Ф. 196 – Рукописное собрание Ф.Ф. Мазурина
- Ф. 199 – Портфели Г.Ф.Миллера
- Ф. 210 – Разрядный приказ
- Ф. 214 – Сибирский приказ
- Ф. 396 – Оружейная палата
- Ф. 522 – Лебедянская воеводская канцелярия
- Ф. 1107 – Белозерская приказная изба
- Ф. 1190 – Златоустовский мужской монастырь (г. Москва)
- Ф. 1209 – Поместный приказ

Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске» (ГУТО «ГАТ»)

- Ф. 156 – Тобольская духовная консистория.
- Ф. 329 – Тобольское Губернское правление

Государственный архив Свердловской области (ГАСО)

- Ф.24 – Уральское горное управление
- Ф.59 – Чертежи Уральского горного управления

Музей археологии и этнографии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского (МАЭ ОмГУ)

- Ф.1 – Материалы этнографических экспедиций.

Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО)

Ф.И-172 – Главное управление Кыштымских горных заводов; Кыштымский завод Екатеринбургского уезда Пермской губернии ([1809]–1917)

Санкт-Петербургский филиал архива Российской академии наук (СПФ АРАН)

Ф.21 – Миллер Герард-Фридрих (Федор Иванович) (1705–1783), историк, академик, конференц-секретарь АН

Ярославский музей–заповедник

Рукописи

Конилов Б.А. Охранные работы на курганной группе у д. Кип Тевризского района и поселения у д. Верхнее Аксеново Усть-Ишимского района Омской области в 1985 году // Архив ИА АН СССР, Р-1, № 7945, 7945 а, 7945 б.

Малиновский А. Историческое и дипломатическое собрание дел, происходивших между российскими великими князьями и бывшими в Крыму татарскими царями с 1462 по 1533 год. (1793г.) // Архив С.-Петербургского отд. Ин-та российской истории РАН. ф. 36. Оп.1. Ед. хр.83.

Могильников В.А. Отчет о работах Иртышского отряда Западно-Сибирской археологической экспедиции в 1961 г. // Архив ИА АН СССР, Р-1, № 2379, 2379 а. – С. 1–16.

Носкова Л.В. Археологическое обследование Демьянского городка (Мало-Ярковского городища) в Уватском районе Тюменской области в 2006 году: отчет о НИР / МУ НР «Центр историко-культурного наследия»; рук. работ Карачаров К.Г.; отв. исп. Носкова Л.В. Нефтеюганск, 2007. 78 с. // Архив Ассоциации «Северная археология». Ф. 1. Д. 205.

[Продолжатель Утемиша-хаджи]. Кара-тарих. Устные сказания по истории Улуса Джучи второй половины XVI столетия. Рукопись Ризаэтдина б. Фахретдина. Оренбург, 1919 (Находится на стадии подготовки к печати в Институте истории им. Ш. Марджани АН РТ).

ОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

Абд ал-Кадир, 2005 – Абд ал-Кадир ибн Мухаммад-Амин Маджма ал-ансаб ва-л-ашджар // История Казахстана в персидских источниках Т.П. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. 692 с.

Абуль-Гази, 1906 – Родословное древо тюрков. Сочинение Абуль-Гази, хивинского хана. Пер. и предисл. Г.С.Саблукова. Казань: Тип. Имп. ун-та, 1906. 352 с.

Абуль-Гази, 1996 – Абуль-Гази-Бахадур-хан. Родословное древо тюрков / Пер. и предисл. Г. С.Саблукова // Абуль-Гази-Бахадур-хан. Родословное древо тюрков. Иоакимф. История первых четырех ханов дома Чингисова. Лэн-Пуль Стэнли. Мусульманские династии. М.; Ташкент; Баку, 1996. С. 3–186.

Акты, 1915 – Акты времени междоусобия (1610 г. 17 июля – 1613 г.). М.: Типография Г. Лиссиера и Д. Совко, 1915. 264 с.

Акты, 1914 – Акты времени правления царя Василия Шуйского (1606 г. 19 мая – 17 июня 1610 г.). Ред. А.М.Гневушев. М.: Имп. О-во истории и древностей российских при Моск. ун-те, 1914. 439 с.

Акты, 1841 а – Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. I. 1334–1598 гг. СПб.: Тип. Экспедиции заготовления гос. бумаг, 1841. 596 с.

Акты, 1841 б – Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. II: 1598–1613. СПб.: Тип. II-го Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1841. 472 с.

Акты, 1841 в – Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. III: 1613–1645. СПб.: Тип. II-го Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1841. 538 с.

Акты, 1842 а – Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. IV: 1645–1676. СПб.: Тип. II-го Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1842 а. 597 с.

Акты, 1842 б – Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. V: 1676–1700. СПб.: Тип. II-го Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1842 б. 567 с.

Алексеев, 1941 – Алексеев М.П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. Введение, тексты, комментарий. XIII–XVII вв. М.: ОГИЗ, 1941. 612 с.

Аннинский, 1940 – Аннинский С.А. Известия венгерских миссионеров XIII–XIV вв. о татарах в Восточной Европе // Исторический архив. Т. III. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1940. С. 71–112.

- Анхимюк, 2003* – Анхимюк Ю.В. Разрядная книга, 1598 – 1602 годов // Русский дипломатический. М.: Древлехранилище, 2003. Вып. 9. С. 361–413.
- Барбаро, 1971* – Барбаро И. Путешествие в Тану. М.: Наука, 1971. 384 с.
- Березин, 1851* – Березин И.Н. Татарский летописец. Современник Борис Федоровича Годунова // Московитянин. 1851. № 24. Кн.2. С.540–554.
- Бидлиси, 1976* – Шараф-хан ибн Шамсадин Бидлиси. Шараф-наме. Т.2. М.: Наука, 1976. 351 с.
- Бичурин, 1998* – Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Алматы: ТОО «Жалынбаспасы», 1998. Т. I. 390 с.
- Боярская, 2004* – Боярская книга 1658 г. М.: ИРИ РАН, 2004. 335 с.
- Валиханов, 1984* – Валиханов Ч.Ч. Извлечения из Джами ат-таварих. Сб. летописей // Собр. соч. Т.1. Алма-Ата: Гл. ред. Казах. советской энциклопедии, 1984. С.228–254.
- Витсен, 2010* – Витсен Н. Северная и Восточная Татария, включающая области, расположенные в северных и восточных частях Европы и Азии. Амстердам: Pegasus, 2010. N. 2. С. 623–1225.
- Вкладная, 1987* – Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М.: Наука, 1987. 439 с.
- Вычегодско-Вымская, 1958* – Вычегодско-Вымская (Мисаило-Евтихиевская) летопись // Историко-филологический сборник Коми филиала АН СССР. Вып.4. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1958. С.241–270.
- Георги, 1799* – Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. Ч.2. СПб: Императорская Академия Наук, 1799. 116 с.
- Герберштейн, 1998* – Герберштейн С. Записки о Московии / под ред. В.Л.Янина. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1998. 420 с.
- Герберштейн, 2008* – Герберштейн С. Записки о Московии. Том I. Пер. А.И.Малеина, А.В. Назаренко. М.: Памятники исторической мысли, 2008. 776 с.
- Дворцовые, 1850* – Дворцовые разряды. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1850. Т. I. 656 с.
- Дворцовые, 1851* – Дворцовые разряды. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1851. Т. II. 496 с.
- Дворцовые, 1852* – Дворцовые разряды. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1852. Т. III. 841 с.
- Дворцовые, 1855* – Дворцовые разряды СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1855. Т. IV. 586 с.
- Дергачева-Скоп, Алексеев, 2006* – Дергачева-Скоп Е.И., Алексеев В.Н. Ремезовская летопись: История Сибирская, Летопись Сибирская краткая Кунгурская: Исследование, текст, перевод. Научно-справочный аппарат факсимильного издания рукописи БРАН (СПб.). Тобольск; Верона (Италия): «График», 2006. 270 с.
- Дженкинсон, 1937* – Дженкинсон Э. Путешествие в Среднюю Азию. 1558–1560 гг. // Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. М.: Соцэкгиз, 1937. С.168–192.
- Дополнения, 1846* – Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т.1. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1846. 400 с.
- Дополнения, 1851* – Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. IV. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1851. 445 с.
- Дополнения, 1853* – Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. V. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1853. 535 с.
- Дополнения, 1867* – Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. X. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1867. 511 с.

Дополнения, 1854 – Дополнения к Т. III. Дворцовых разрядов. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1854. 246 с.

Древняя, 1789 – Древняя российская вивлиофика. Т.IX. СПб.: В Типографии Типографской компании, 1789. 494 с.

Древняя, 1791 – Древняя российская вивлиофика. Т. XV. М.: В Типографии Типографской компании, 1791. Т. XV. Вып. 2. 445 с.

Есиповская летопись, эл. вариант – Есиповская летопись. Основная редакция. О Сибири и сибирском взятии. по списку Ундольского. Приложение 2. Статья, предшествующая Есиповской летописи [электронный ресурс]. <http://www.newchron.narod.ru/texts/esip.html#39> Дата обращения 10.01.2015 г.

Зиннер, 1968 – Зиннер Э.П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых XVIII в. Иркутск: Вост.-Сиб. книжн. изд-во, 1968. 247 с.

Золотая Орда, 2003 – Золотая Орда в источниках. Т.1. Арабские и персидские сочинения / Сост. Р.П.Храпачевский. М.: ППП «Типография «Наука», 2003. 448 с.

Идес, Бранд, 1967 – Идес Э.И., Бранд А. Записки о русском посольстве в Китай (1692–1695). М.: Гл. ред. вост. лит., 1967. 404 с.

Иероним, 1889 – *Иероним (Алякринский И.С.)* Рязанские достопамятности, собранные архимандритом Иеронимом с примечаниями И. Добролюбова. Рязань: Типо-литография Н.Д. Малашкина, 1889. 129 с.

Из татарской летописи, 1937 – Из татарской летописи, переписанной Нурмухамметом сыном Азмедзяна // История Татарии в документах и материалах. М.: Соцэкгиз, 1937. С. 122–124.

Илдан и Голдан, 2002 – Илдан и Голдан. Дастан // Мирас. 2002. № 8. С.17–31.

История Казахстана, 2005 – История Казахстана в русских источниках. Т.1. Посольские материалы Русского государства (XV–XVII вв.). Сост. А.И.Исин. Алматы: Дайк-Пресс, 2005.704 с.

История Казахстана, 2006 – История Казахстана в персидских источниках. Т.IV. Сб. материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Алматы: Дайк-пресс, 2006. 619 с.

История Казахстана, 2010 – История Казахстана в восточных миниатюрах X–XIX вв. / Составители М.Х. Абусейтова, Л.Н. Додхудоева. Алматы: Дайк-Пресс, 2010. 264 с.

Иовий, 1836 – Иовий П. Посольство от Василия Иоанновича, великого князя Московского, к папе Клименту VII // Библиотека иностранных писателей о России. Т 1. СПб., 1836. С.12–55.

Иоасафовская, 1957 – Иоасафовская летопись. М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1957. 243 с.

Источники, 1993 – Источники по истории Татарстана (XVI–XVIII вв.) Казань: ИЯЛИ АН Татарстана, 1993. 162 с.

Кадыр Гали бик, 2010 – Кадыр Гали бик. Жамигыт-тэварих//Мирастан биш сэхифэ. Казан: Тагар. кит.нәшр., 2011.С.7–36.

Казанская история, 1956 – Казанская история / Подг. текста, вступ. ст. и примеч. Г. Н. Моисеевой. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. 195 с.

Казахско-русские, 1961 – Казахско-русские отношения в XVI–XVIII в. Сб. документов и материалов. Алма-Ата: Наука, КазССР, 1961. 746 с.

Кампензе, 1836 – Кампензе А. Письмо к Его Святейшеству Папе Клименту VII о делах Московии // Библиотека иностранных писателей о России. Т 1. СПб., 1836. С.10–55

Де Клавихо, 1990 – Де Клавихо Р.Г.. Дневник путешествия в Самарканд ко двору Тимура (1403–1406). М.: Наука, 1990. 211 с.

Книга, 1838 – Книга большому чертежу или Древняя карта Российского государства, повеленная в разряд и списанная в книгу 1627 года. Издание второе. Спб: типография Императорской Российской Академии, 1838. 294 с.

Книга, 1850 – Книга, глаголемая Летописец Федора Кирилловича Нормантского // Временник Императорского Московского общества истории и древностей Российских. Кн.5. М., 1850. I-IV+1-148 с.

Колло, 1996 – да Колло Ф. Донесение о Московии. М.: Наследие, 1996. 85 с.

Кононов А.Н. Родословная туркмен. Сочинения Абулгази (хана хивинского). М.:Л.: Академия Наук СССР 1958. 192 с.

Котошихин, 1906 – Котошихин Г.К. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб.: Типография Главного Управления Уделов, 1906. 214 с.

Краткая Сибирская, 1880 – Краткая Сибирская летопись (Кунгурская) со 154 рисунками. СПб.: Типография Ф.Г.Елеонского и К., 1880. 108 с.

Кырыми, 2014 – Кырыми Абдулгаффар. Умдет ал-ахбар. Книга 1: Транскрипция, факсимиле. Транскрипция Дерья Дерин Пашоглу; отв. ред. И.М. Миргалеев. – Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2014. 420 с.

Кырыми, 2015 – Кырыми Абдулгаффар. II. Из истории крымских ханов (правление Хаджи Гирая, Менгли Гирая, Мухммед Гирая I и Саадет Гирая I) // Золотоордынское обозрение. 2015. № 4. С.207–213.

Летописец, 1781 – Летописец, содержащий в себе Российскую историю. М., 1781. 196 с.

Летописец, 1819 – Летописец, содержащий в себе российскую историю от 6360 (852) до 7106 (1598) года, то есть по кончину царя и великого князя Феодора Иоанновича. М.: Московская тип., 1819. 230 с.

Летописи, 1991 – Летописи Сибирские / сост. и общая ред. Е.И.Дергачевой-Скоп. Новосибирск: Новосиб. кн.изд-во, 1991. 272 с.

Летопись, 1821 – Летопись Сибирская: Изд. с рукописи С VII в. СПб., 1821.

Материалы, 1899 – Материалы по истории русской картографии / под ред. В.Кордта. Вып. I. Карты всей России и южных ее областей до половины XVII века. Киев, 1899. 15 с., 32 табл.

Материалы, 1932 – Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Ч. I. Торговля с Московским государством и международное положение Средней Азии в XVI–XVIII вв. Тр. историко-археологического института и института Востоковедения. Материалы по истории СССР. Вып. 3. Л.: АН СССР, 1932. 521 с.

Материалы, 1936 – Материалы по истории Башкирской АССР / Отв. ред. А. Чулошников. Ч. I. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1936. 632 с.

МИКХ, 1969 – Материалы по истории Казахских ханств XV–XVIII веков (извлечения из персидских и тюркских сочинений) / Сост. С.К. Ибрагимов и др. Алма-Ата: Изд-во «Наука» КазССР, 1969. 652 с.

Мейерберг, 1997 – Мейерберг А. Путешествие в Московию // Утверждение династии. М.: РИТА-ПРИНТ, 1997. С. 43–184.

Миллер, 1740 – Миллер Г.Ф. 1740 г. Путешествие от Березова вверх по рекам Оби и Иртышу до Тобольска. // Центр охраны культурного наследия // Архив и библиотека // Записки путешественников [электронный ресурс]. <http://http://iknugra.ru/upload/text/2014/07/21/zapiski-puteshestvennikov-o-yugre.pdf> Дата обращения 02.03.2016.

Миллер, 1741 – Миллер Г.Ф. 1741 г. Путешествие от Тобольска до Тюмени // Восточная литература. Средневековые исторические источники Востока и Запада [электронный ресурс]. http://www.vostlit.info/Texts/rus16/Miller_4/text19.phtml Дата обращения 02.03.2016.

Миллер, 1743 – Миллер Г.Ф. 1743 г. Описание городов, крепостей, острогов, слобод, сел, деревень, островов, рек, речек, озер и других достопримечательностей на реке Иртыше и воз-

ле него вверх от города Тобольска. // Drevlit.ru. Библиотека древних рукописей [электронный ресурс]. http://drevlit.ru/texts/m/Miller_4/text4d6be.php Дата обращения 02.03.2016.

Мунши, 1956 – Мунши Мухаммед Юсуф Мукум-ханская история / перевод и прим. А.А.Семенова. Ташкент: Изд-во АН УзССР «Фан», 1956.

Негри, 1844 – Негри А. Извлечения из турецкой рукописи общества, содержащей историю крымских ханов // Записки Одесского общества истории и древностей. Т.1. Одесса, 1844. С.579–592.

Новиков, 1879 – Новиков В.А. Сборник материалов для истории Уфимского дворянства. Уфа: Печатня Н.Блохина, 1879. 269 с.

Новые, 2006 – Новые документы по истории Волго-Уральского региона начала XVIII в. // Эхо веков. 2006. №2 (45). С. 49–57.

Паллас, 1786 – Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. СПб: Императорская Академия Наук, 1786 Ч.2. Кн. 2. 424 с.

Памятники, 1851 – Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Т.1. Памятники дипломатических отношений с Римской империей (1488–1594). СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1851. 1620 с.

Памятники, 1852 – Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Т.2. Памятники дипломатических отношений с Римской империей (1594–1621). СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1852. 1542 с.

Памятники, 1884 – Сборник Русского исторического общества. Т.41. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Ногайскою ордами и с Турцией. Т.1. СПб.: Типография Ф.Елеонского и Компании, 1884. 631 с..

Памятники, 1887 – Сборник Русского исторического общества. Т. 59. Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. 5. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством, Ч. 2 (годы с 1533 по 1560). СПб.: Типография Ф. Г. Елеонского и Ко, 1887. 630 с.

Памятники, 1890 – Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. Т.1. СПб.: Т-во пар. Скоропечатня Яблонский и Перотт, 1890. 916 с.

Памятники, 1895 – Сборник Русского исторического общества. Т.95. Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Т II. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымом. Нагаями и Турциею (1508–1521 гг.). СПб.: Печатня С. П. Яковлева, 1895. 766 с.

Памятники Сибирской, 1882 – Памятники Сибирской истории XVIII в. Кн. 1. 1700–171 гг. СПб.: Тип. МВД, 1882. 551 с.

Памятники Сибирской, 1885 – Памятники Сибирской истории XVIII в. Кн. 2. 1713–1724 гг. СПб.: Тип. МВД, 1885. 542 с.

Письмо, 1997 – Письмо золотоордынского хана Ахмеда турецкому султану Фатих Мехмеду // Гасырлар авызы – Эхо веков. 1997. № 3–4. С.34–35.

ПСЗ, 1830 а – Полное собрание законов Российской империи. СПб.: Тип. 2 Отд-ния Собств. е. и. в. канцелярии, 1830. Т. I. 1072 с.

ПСЗ, 1830 б - - Полное собрание законов Российской Империи. Собрание первое (1649–1825). В 46 т. Т.III. (1689–1699) / под ред. М. М. Сперанского. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1830 б.

ПСРЛ, 1848 – Полное собрание русских летописей. Т. IV. Новгородская IV летопись. Издание Археографической комиссии. СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1848. 370 с.

ПСРЛ, 1888 – Полное собрание русских летописей. Т. III. Новгородская летопись по Синодальному харатеиному списку. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1888. 572 с.

- ПСРЛ, 1901* – Полное собрание русских летописей. Т.12. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. СПб: Типография И. Н. Скороходова, 1901. 266 с.
- ПСРЛ, 1904* – Полное собрание русских летописей. Т.13. Первая половина. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновской летописью. СПб.: Типография Н.Ю.Скороходова, 1904. 303 с.
- ПСРЛ, 1906* – Полное собрание русских летописей. Т.13. Вторая половина. Дополнения к Никоновской летописи. СПб.: Типография Н.Ю.Скороходова, 1906. 234 с.
- ПСРЛ, 1921* – Полное собрание русских летописей. Т. 24. Типографская летопись. Петроград: Археографическая комиссия, 1921. 275 с.
- ПСРЛ, 1949* – Полное собрание русских летописей. Т.25. Московский летописный свод конца XV века. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 464 с.
- ПСРЛ, 1959* – Полное собрание русских летописей. Т.26. Вологодско-Пермская летопись. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 416 с.
- ПСРЛ, 1963* – Полное собрание русских летописей. Т.28. Летописный свод 1518 г. (Уваровская летопись). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. 411 с.
- ПСРЛ, 1965* – Полное собрание русских летописей. Т.29. Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича. Александро-Невская летопись. Лебедевская летопись. М.: Наука, 1965. 390 с.
- ПСРЛ, 1977* – Полное собрание русских летописей. Т.33. Холмогорский летописец. Двинская летопись. Л.: Изд-во «Наука», 1977. 251 с.
- ПСРЛ, 1982* – Полное собрание русских летописей. Т.37. Устюжские и вологодские летописи XVI—XVIII вв. Л.: Наука, 1982. 235 с.
- ПСРЛ, 1987* – Полное собрание русских летописей. Т.36. Сибирские летописи. Ч.1. Группа Есиповской летописи. М.: Наука, 1987. 383 с.
- ПСРЛ, 1994* – Полное собрание русских летописей. Т. 39. Софийская Первая летопись по списку И.Н. Царского. М.: Наука, 1994. 209 с.
- ПСРЛ, 2000* – Полное собрание русских летописей. Т.19. История о Казанском царстве (Казанский летописец). М.: Языки русской истории, 2000. 329 с.
- ПСРЛ, 2004* – Полное собрание русских летописей. Т.25. Московский летописный свод конца XV века. М.: Языки славянской культуры, 2004. 470 с.
- ПСРЛ, 2007* – Полное собрание русских летописей. Т.18. Симеоновская летопись. М.: Знак, 2007. 328 с.
- Поло, 1997* – Поло М. О разнообразии мира // Путешествия в Восточные страны. М.: Мысль, 1997. С.192–380.
- Посольская, 1984* – Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой. 1489–1508 гг. / Подгот. текста, вступ. ст. М.П.Лукичева и Н.М.Рогожина. М.: Ин-т истории СССР АН СССР, 1984. 99 с.
- Посольская, 2003* – Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой (1576 г.). М.: Институт российской истории РАН, 2003. 94 с.
- Посольские, 1995* – Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1489–1549 гг. / Подгот. текста Н.М.Рогожина. Махачкала: Дагестанское кн. изд-во, 1995. 356 с.
- Посольские, 2006* – Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1551–1561 гг. Публикация текста / Сост. Д.А.Мустафина, В.В.Трепавлов. Казань: Татарское книжное издательство, 2006. 391 с.
- Приходно-расходные, 1912* – Приходо-расходные книги московских приказов. М.: Синодальная типография, 1912. Т. I. 520 с.

- ПДРВ, 1793* – Продолжение древней российской вивлиофики. Ч.IX. СПб.: При Императорской Академии наук, 1793. 315 с.
- ПДРВ, 1795* – Продолжение древней российской вивлиофики. Ч.X. СПб.: При Императорской Академии наук, 1795. 327 с.
- ПДРВ, 1801* – Продолжение древней российской вивлиофики. Ч.XI. СПб.: При Императорской Академии наук, 1801. 315 с.
- Продолжение хронографа, 1951* – Продолжение хронографа редакции 1512 года // Исторический архив. Т.VII. М.-Л., 1951. С.254–299.
- Протокол, 1915* – Протокол обыкновенного общего собрания г.г. членов Тобольского губернского музея 14 октября 1915 года // Ежегодник Тобольского губернского музея. Вып. XXV. Тобольск, 1915. С. 1–7.
- Путешествие, 1971* – Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131-153 гг.). М.: Главная редакция восточной литературы, 1971. 136 с.
- Радлов, 1989* – Радлов В.В. Из Сибири: Страницы дневника. М.: Наука, 1989. 749 с.
- Разрядная, 1966* – Разрядная книга 1475–1598 гг. Подгот. текста, вводн. ст., ред. В.И.Буганова. М.: Ин-т истории СССР АН СССР, 1966. 614 с.
- Разрядная, 1977* – Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 1. Ч. 1. М.: Ин-т истории СССР АН СССР, 1977. 610 с.
- Разрядная, 1994* – Разрядная книга 1475–1605 гг. М.: ИРИ РАН, 1994. Т. IV. Ч. 1. 140 с.
- Разрядная, 2003* – Разрядная книга 1475–1605 гг. М.: Памятники исторической мысли, 2003. Т. IV. Ч. 2. 144 с.
- Рахим, 2004* – Рахим А. Новые списки татарских летописей // Проблемы истории Казани: современный взгляд. Сб. статей. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани, 2004. С. 555–594.
- Рашид ад-Дин, 2002* – Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. Т.1. Кн. 1. М.: НИЦ «Ладомир», 2002. 340 с.
- Ремезов, 1989* – Ремезов С.У. История Сибирская // Памятники литературы Древней Руси. XVII в. Кн.2. М.: Детская литература, 1989. С.550–582.
- Ремезов, 2007* – Ремезов С.У. Чертежная книга Сибири [Рукопись] : факс. воспроизведение рукописи Рос. нац. б-ки (Санкт-Петербург). Тобольск: Возрождение Тобольска, 2007. 96 с.
- Родословная, 2011* – Родословная книга по списку князя М.А. Оболенского // Памятники истории русского служилого сословия. М.: Древлехранилище, 2011. С. 10–170.
- Ибн Рузбихан, 1976* – Ибн Рузбихан Исфохани Фазоаллах. Михман-наме-йи Бухара (Записка бухарского гостя). М.: Наука, гл. ред. восточ. лит-ры, 1976. 448 с.
- РИБ, 1875* – Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссией. Т.II. Акты, касающиеся событий со второй половины XIV в. до половины XVII в. СПб.: Тип. братьев Пантелеевых, 1875. 657 с.
- Русский архив, 2012* – Русский архив Яна Сапеги 1608-1611 годов. Волгоград: Изд-во Волгоград. филиала ФГБОУ ВПО РАНХиГС, 2012. 688 с.
- РМО, 1959* – Русско-монгольские отношения. 1607–1636. Сб. документов / Отв. ред. И.Я.Златкин, Н.В.Устогов. М.: Изд-во восточной литературы, 1959. 552 с.
- РМО, 1974* – Русско-монгольские отношения, 1636–1654. Сб. документов. М.: Изд-во восточной литературы, 1974. 468 с.
- РМО, 1996* – Русско-монгольские отношения, 1654–1685. Сб. документов. М.: Восточная литература РАН, 1996. 560 с.
- Сборник летописей, 1854* – Сборник летописей. Казань: Тип. Губ.правления, 1854. 178 с. (Библиотека восточных историков, издаваемая И.Н.Березиным, т. 2, ч. 1).

- Сборник, 1866* – Сборник Муханова (Документы по русской истории). Второе изд., доп. СПб.: Типография Э.Праца, 1866. 799 с.
- СМИЗО, 1884* – Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды В.Тизенгаузена. Т.1. Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884. 555 с.
- Сибирские летописи, 1907* – Сибирские летописи. Изд. Имперской Археографической комиссии. СПб.: типография И.Н.Сороходова, 1907. 462 с.
- Сибирские летописи, 2008* – Сибирские летописи. Краткая сибирская летопись (Кунгурская). Рязань: Александрия, 2008. 688 с.
- Сибирь, 1996* – Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г.Ф.Миллера. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1996. 310 с.
- Смутное время, 1912* – Смутное время Московского государства, 1600 – 1613 гг. М.: Синодальная типография, 1912. Вып. 9. 400 с.
- СГГД, 1819* – Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. Ч. 2. М.: Тип. Н.С.Всеволожского, 1819. 643 с.
- Спафарий Н. 1675.* Книга, а в ней писано путешествие Царства сибирского от города Тобольска и до самого рубежа государства Китайского, лета 7183 месяца мая в 3-й день. // Восточная литература [электронный ресурс] <http://www.vostlit.info/Texts/rus15/Spafharij/text1.phtml?id=1755> Дата обращения 07.03.2016.
- Спафарий, 1882* – Спафарий Н. Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 году // Записки ИРГООЭ. СПб., 1882. Т. X. Вып. 1. 214 с.
- Строгановская, 1996* – Строгановская летопись // На стыке континентов и судеб. Этнокультурные связи народов Урала в памятниках фольклора и исторических документах. Ч.1. / отв. ред. Н.А.Миненко. Екатеринбург: «Екатеринбург», 1996. 236 с.
- Сэра Томаса Смита, 1893* – Сэра Томаса Смита путешествие и пребывание в России. СПб.: Типография С.П. Белишева, 1893. 124 с.
- Таварих, 1967* – Таварих-и гузида Нусрат-наме / иссл., критический текст А.М.Акрамова. Ташкент: Фан, 1967. 135 с.
- Устюжский, 1950* – Устюжский летописный свод.(Архангелогородский летописец) / Под ред. и с предисл. К.Н. Сербиной. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 128 с.
- Утемиш-хаджи, 1992* – Утемиш-хаджи. Чингиз-наме (Тарих-и Дост-султан) / Факсим., пер., транскр., текстолог. примеч., иссл. В.П. Юдина. Коммент. и указат. М.Х. Абусеитовой. Алма-Ата: Гылым, 1992. 296 с.
- Фальк, 1824* – Фальк И.П. Записки путешествия от С.-Петербурга до Томска // Полное собрание ученых путешествий по России. Т.6. СПб: Императорская Академия наук, 1824. 560 с.
- Фасих, 1980* – Фасих Ахмад ибн Джалал ад-Дин Мухаммад ал-Хавафи. Фасихов свод. Ташкент: Фан, 1980. 346 с.
- Фоскарينو, 1913* – Фоскарينو М. Донесение о Московии второй половины 16 века // Императорское общество истории и древностей Российских. М., 1913. С.2–28.
- Хайдар, 1996* – Мирза Мухаммад Хайдар. Тарих-и Рашиди. Ташкент: Фан, 1996. 728 с.
- Хафиз, 1983* – Хафиз-и Таныш Бухари. Шараф-наме-йи шахи (Книга шахской славы). Т.1. М.: Наука, 1983. 155 с.
- Хорографическая, 2011* – Хорографическая чертежная книга Сибири Семена Ульяновича Ремезова. Т. 1. Факсимиле. Т. 2. Исследования, текст, научно-справочный аппарат факсимильного издания рукописи. Тобольск: Общественный благотворительный фонд «Возрождение Тобольска, 2011. 692 с.

Чертежная, 2003 – Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 году. Т.1. Факсимильное изд. М., (б.и.), 2003. 48 л.

Чертежная, 2007 – Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 году. Т.2. Исследования. Перевод. Комментарии. Указатели [Текст]. Тобольск: Возрождение Тобольска, 2007. 206 с.

Шейбаниада, 1949 – Шейбаниада. История монголо-тюрков, изданная И.Березиным. Казань: Университетская типография, 1849.

Шильтбергер, 1984 – Шильтбергер И. Путешествие по Европе, Азии и Африке с 1394 года по 1427 год / под ред. А.З.Бунятова. Баку: Элм, 1984. 88 с.

Karutz, 1925 – Karutz R. Die Volker Nord – und Mittelasiens. Stuttgart: Franche Verlaghandlung, 1925.97 s.

Messerschmidt, 1962 – Messerschmidt D.G. Forschungsreise durch Sibirien. 1720–1727. Berlin: Akademie-Verlag, 1962. Theil. I. 379 s.

Pułaski, 1881 – Pułaski K. Stosunki z Mendli-Girejem, chanemtatarówperekopskich (1469–1515).KraKów; Warszawa: DrukarniaWł. Łozińskiego, 1881. 451 s.

Remezov, эл.вариант – Remezov, Semën Ui'ianjvich, 1642-са. 1720. Khorograficheskaya kniga [cartographical sketch-book of Siberia]. MS Russ 72 (6) // Houghton Library, Harvard University, Cambridg, Mass [электронный ресурс]. <http://pds.lib.harvard.edu/pds/view/18273155?n=103&imagesize=2400&jp2Res=0.5&printThumbnails=no> Дата обращения 03.01.2016.

АВТОРЕФЕРАТЫ

Бахтиев, 2013 – Бахтиев Р.Ф. Шеджере сибирских татар (по списку Н.Ф. Катанова) как языковой источник: автореф. дисс...канд. филол. наук. Казань, 2013. 23 с.

Коблова, 2009 – Коблова Е.Ю. Государственные образования Шибанидов и Тайбугидов Западной Сибири в отечественной историографии (середина XVIII–начало XXI в.): автореф. дисс... канд. ист. наук. Тюмень, 2009. 21 с.

Муратулы, 2010 – Муратулы М.К. Историография истории Сибирского ханства в XVII – XX вв.: автореф. дисс... канд. ист. наук. Алматы, 2010. 27 с.

Нестеров, 1988 – Нестеров А.Г. Государства Шейбанидов и Тайбугидов в Западной Сибири в XV–XVI вв.: археология и история: автореф. дисс... канд. ист. наук, 1988. 20 с.

Титов, 2008 – Титов Е.В. Поселения и усадьбы татар Тарского Прииртышья середины XIX – начала XXI в.: автореф. дисс... канд. ист. наук, Омск: ОмГУ, 2008. 31 с.

ДИССЕРТАЦИИ

Волков, 2005 – Волков Е.Н. Комплекс древних и средневековых памятников Ингальская долина: Хронология культур, принципы взаимодействия человека и окружающей среды в контексте тематики изучения археологических микрорайонов: дисс... канд. ист. наук, Тюмень/Россия, Институт проблем освоения Севера Сибирского отделения РАН, 2005. 267 с.

Сумин, 2006 – Сумин В.А. Крохалёвский археологический микрорайон как источник комплексного изучения жизни древнего населения Верхнего Приобья: дисс. канд. ист. наук, Новосибирск/Россия, Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН, 2006. 176 с.

Шлюшинский, 2007 – Шлюшинский А.В. Вооружение и военное дело тюркоязычного населения Западной Сибири XIII–XVIII вв.: дисс... канд. ист. наук. Барнаул: Алт. гос. ун-т, 2007. 333 с.

ЛИТЕРАТУРА

- А. Ч., 1867* – А.Ч. Импровизированные мосты через Сыр-Дарью // Уральские войсковые ведомости. 1867. № 23. С. 2.
- Абаева, 1992* – Абаева Л.Л. Культ гор и буддизм в Бурятии. М.: Наука, 1992. 140 с.
- Абашин, 2007* – Абашин С.Н. Национализм в Средней Азии: в поисках идентичности. СПб.: Алетейя, 2007. 304 с.
- Абдиров, 1996* – Абдиров М. Хан Кучум: известный и неизвестный. Алматы: Жалын, 1996. 176 с.
- Абзалов, 2013* – Абзалов Л.Ф. Ордынская канцелярия. Казань: Татар. книж. изд-во, 2013. 333 с.
- Абрамов, 1854* – Абрамов Н.А. Слобода Царево Городище до переименования ее городом Курганом // Вестник Императорского Русского географического общества. Ч.11. СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1854. С. 99–104.
- Абрамов, 1858* – Абрамов Н. Город Тюмень // Тобольские губернские ведомости. 1858. № 50. Отдел II. Ч. неофициальная. С. 712–715.
- Абрамов, 1861* – Абрамов Н.А. Курганы и городища в Тюменском, Ялуторовском и Курганском уездах Тобольской губернии // Известия Императорского Археологического общества. Т.2. Вып. 4. М., 1861. С. 220–228.
- Абрамов, эл.вариант* – Абрамов Н.А. Абалакский Знаменский монастырь // Город Тюмень: из истории Тобольской епархии // Электронная библиотека тюменского писателя [электронный ресурс] <http://writer-tyumen.ru/online.php?pid=1> Дата обращения 02.03.2016.
- Абусеитова, 1985* – Абусеитова М.Х. Казахское ханство во второй половине XVI века. Алма-Ата: Издательство «Наука» Казахской ССР, 1985. 104 с.
- Адаев, Рахимов, 2002* – Адаев В.Н., Рахимов Р.Х. Тюрко-татарские параллели в традиционных промыслах // Тюркские народы: материалы V-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск-Омск: ОмГПУ, 2002. С. 248–250.
- Адамов, 2000 а* – Адамов А.А. Новосибирское Приобье в X–XIV вв. Тобольск-Омск: ОмГПУ, 2000. 256 с.
- Адамов, 2000 б* – Адамов А.А. Послесловие публикации статьи М.С. Знаменского «Укрепление Махмет-Кула на Чувашском мысу» // Сибирская столица. Историко-краеведческий иллюстрированный альманах. Тобольск, 2000. №1. С. 30–32.
- Адамов, 2002 а* – Адамов А. А. Тюркские древности Новосибирского Приобья // Тюркские народы: материалы V-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» Тобольск-Омск: ОмГПУ, 2002. С. 12–16.
- Адамов, 2002б* – Адамов А.А. Обувные подковки с городища Искер (по материалам Тобольского музея-заповедника) // Тюркские народы. Материалы V-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» Тобольск-Омск: ОмГПУ, 2002. С. 116–122.
- Адамов, 2003* – Адамов А. А. История археологических исследований в Тобольском музее // Ежегодник Тобольского музея-заповедника. Вып.1. Тобольск, 2003. С. 138–156.
- Адамов, 2011* – Адамов А.А. Предварительные итоги исследования грунтового могильника близ с.Абалак // Тобольск научный-2010: материалы VIII Всероссийской научно-практической конференции. Тобольск: Полиграфист, 2011. С.68–69.
- Адамов, 2013 а* – Адамов А. А. Археологические исследования 2007 – 2008 годов на городище Искер // Историческая судьба Искера: материалы Всерос. науч.-практ. конф. «Историческая судьба Искера». Тобольск: «Принт-экспресс», 2013. С. 39–44.
- Адамов, 2013 б* – Адамов А. А. К вопросу о городах Сибирского ханства // V Международный Болгарский форум «Политическое и этнокультурное взаимодействие государств и

народов в постзолотоордынском пространстве (XV–XVI вв.)). Тез. докл. Симферополь, «Крокс», 2013. С.5–9.

Адамов, 2015 а – Адамов А. А. Археологические исследования на Кучумовом городище (Искере) в 2014 году // Поволжская археология. 2015. № 4 (14). С. 291–300.

Адамов, 2015 б – Адамов А.А. Поиски могилы Ермака: Археологические исследования // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015 б. № 9 (59). Ч. 1. С. 13–15.

Адамов, 2015 в – Адамов А.А. Новые данные о денежном обращении в Сибирском юрте // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 12 (62): в 4-х ч. Ч. I. С. 13–16.

Адамов, 2016 – Адамов А. А. Хронология городища Искер (анализ имеющихся материалов) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. (в печати)

Адамов, Балюнов, 2011 – Адамов А.А., Балюнов И.В. Археологические исследования на Яркомском городище // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: материалы итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2011 г. Т.XVII. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2011. С. 124–126.

Адамов, Балюнов, 2015 – Адамов А.А., Балюнов И.В. Археологические исследования Ярковского городища в 2015 г. // Тобольск научный–2015: материалы XII Всерос. науч.-практ. конф. (с международным участием). Тобольск: Принт-Экспресс, 2015. С. 113–115.

Адамов, Балюнов, 2011 – Адамов А.А., Балюнов И.В., Данилов П.Г. Разведочные работы в устье реки Сибирки // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2006 г.). Т.XII. Ч.1. Новосибирск, 2006. С. 242–248

Адамов, Балюнов, Данилов, 2008 – Адамов А.А., Балюнов И.В., Данилов П.Г. Город Тобольск. Археологический очерк. Тобольск, 2008. 114 с.

Азнабаев, 2014 – Азнабаев Б.А. Возобновление Российского подданства башкир в 1722 году // Панорама Евразии. 2014. №2 (13).С. 16–23.

Акимущкин, 2002 – Акимущкин А.Ф. Суфийские братства: сложный узел проблем // Трингэм Дж.С. Суфийские ордены в исламе. М.: «София», ИД «Гелиос», 2002. С.3–7.

Аксанов, 2009 – Аксанов А.В. Русские летописцы о московско-казанских отношениях в 1496 году // Вестник Тюменского государственного университета. 2009. № 7. С.71–75.

Алексеев, 2006 – Алексеев А.К. Политическая история Тукай-Тимуридов. По материалам персидского исторического сочинений Бахр ал-асрар. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2006. 229 с.

Алиева, 2014 – Алиева Т.А. В поисках городка мурзы Карачи // Присоединение Сибири к России: новые данные: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с международным участием. Тюмень: Изд-во Тюмен. гос-го ун-а, 2014. С. 6–10.

Алишев, 1984 – Алишев С.Х. Социальная эволюция служилых татар во второй половине XVI – XVIII вв. // Исследования по истории крестьянства Татарии дооктябрьского периода. Казань: Академия наук СССР (Казанский филиал), 1984. С. 52–69.

Алишев, 1990 – Алишев С.Х. Исторические судьбы народов Среднего Поволжья начала XIX в. М.: Наука, 1990.

Алишев, 1995 – Алишев С.Х. Казань и Москва: межгосударственные отношения в XV–XVI вв. Казань: Татар. кн. изд-во, 1995. 160 с.

Алишина, 1999 – Алишева Х.Ч. Ономастикон сибирских татар. Ч.1. Тюмень: ТюмГУ, 1999. 240 с.

- Андреев, 1960* – Андреев А. И. Очерки по источниковедению Сибири. Вып.1. XVII век. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 280 с.
- Андриевич, 1889* – Андриевич В.К. История Сибири. Ч. 2. СПб.: тип. и лит. В.В. Комарова, 1889. 487 с.
- Андроников, 1911* – Андроников И.А. Материалы по землевладению и экономическому быту оседлых инородцев Тобольской губернии Тобольск: Губ. тип., 1911. 396 с.
- Аполлова, 1976* – Аполлова Н.Г. Хозяйственное освоение Прииртышья в конце XVI – первой половине XIX в. М.: Наука, 1976. 372 с.
- Арсланова, 2002* – Арсланова А.А. Остались книги от былых времен... Персидские исторические сочинения монгольского периода по истории народов Поволжья. Казань: Татар. кн. изд-во, 2002. 239 с.
- Археологическое наследие, 1995* – Археологическое наследие Тюменской области: Памятники лесостепи и подтаежной полосы / А.В. Матвеев, Н.П. Матвеева, А.Н. Панфилов, М.А. Буслова, В.А. Зах, В.А. Могильников. Новосибирск: Наука, 1995. 240 с.
- Археологическое наследие, 2006* – Археологическое наследие Югры. Пленарный доклад II Северного археологического конгресса. Екатеринбург-Ханты-Мансийск: «Чароид», 2006. 152 с.
- Археологія Беларусі, 2001* – Археологія Беларусі. Т. 4. Помнікі XIV – XVIII стст. Минск: «Беларуская навука», 2001. 597 с.
- Атласы, 2005* – Атласы Х.М. История Сибири. Казань: Татар. кн. изд-во, 2005. 96 с.
- Атыгаев, 2007* – Атыгаев Н.А. Хронология правления казахских ханов (XV–середина XVI в.) // Тюркологический сборник. 2006. М.: Вост.лит., 2007. С.50–62.
- Ахмедов, 1965* – Ахмедов Б.А. Государство кочевых узбеков. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1965. 196 с.
- Бакиева, 2000* – Бакиева Г.Т. К вопросу о политике государства в отношении землепользования сибирских татар и русских (XVII – начало XX в.) // Материалы III Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири: Русские старожилье». Тобольск-Омск: ОмГПУ, 2000. С. 21–22.
- Бакиева, 2003* – Бакиева Г.Т. Сельская община тоболо-иртышских татар (XVII – начало XX в.). Тюмень-Москва: Изд-во ИПОС СО РАН, 2003. 258 с.
- Балюк, 1997* – Балюк Н.А. Тобольская деревня в конце XVI – XIX вв. Тобольск: Типография ЗАО «Штрих», 1997. 224 с.
- Балюк, 2002* – Балюк Н.А. Развитие земледельческого хозяйства Западной Сибири (конец XVI – начало XX в.) Тюмень: ТюмГНГУ, 2002. 180 с.
- Барсуков, эл. вариант* – Барсуков Е.В. Археологические изыскания в окрестностях Томска в дореволюционный период: «Тоянов городок // Заметки краеведа // Статьи // Главная // ОГАУК «Центр по охране памятников» [электронный ресурс] <http://memorials.tomsk.ru/articles/2013/04/06/gorodok.html> Дата обращения 02.03.2016.
- Байдин, Грачев, Коновалов, Мосин, 2011* – Байдин В.И., Грачев В.Ю., Коновалов Ю.В., Мосин А.Г. Уктус, Уктусский завод и его окрестности в XVII – XVIII вв. Екатеринбург: ООО «Грачёв и партнерь», 2011. 68 с.
- Байрамова, 2013* – Байрамова Ф.Ф. Степная Атлантида или История ичкинских татар. Казань: Аяз, 2013. 344 с.
- Бартольд, 1918* – Бартольд В.В. Улугбек и его время. Петроград: Типография Российской академии наук, 1918. 188 с.
- Бартольд, 1963* – Бартольд В.В. Очерк истории Семиречья // Сочинения. Т.2. Ч.1. М.: Изд-во восточной литературы, 1963. С.23–108.

- Бартольд, 1964 а* – Бартольд В.В. Абдулла б. Искендер // Сочинения. Т.2. Ч.II. М.: Наука, 1964. С.487–488.
- Бартольд, 1964 б* – Бартольд В.В. Абулхайр // Сочинения. Т.2. Ч.II. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1964 б. С. 489–490.
- Бартольд, 1965* – Бартольд В.В. Бараба // Бартольд В.В. Сочинения. Т.3. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1965. С. 366.
- Бартольд, 1968 а* – Бартольд В.В. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии // Сочинение. Т.V. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1968 а. С.19–194.
- Бартольд, 1968 б* – Бартольд В.В. Кучум-хан // Сочинения. Т.V. Работы по истории и филологии тюркских народов. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1968 б. С.554–55.
- Барфилд, 2009* – Барфилд Т.Дж. Опасная граница. Кочевые империи и Китай (221 г. до н.э. – 1757 г.н.э.). СПб: Факультет филологии и искусств СПбГУ, Нестор-История, 2009. 488 с.
- Басилов, 1992* – Басилов В.Н. Шаманство у народов Средней Азии и Казахстана. М.: Наука, 1992. 324 с.
- Басин, 1971* – Басин В.Я. Россия и Казахские ханства в XVI – XVIII вв. Алма-Ата: Наука, 1971. 575 с.
- Бахрушин, 1916* – Бахрушин С.В. Туземные легенды в «Сибирской истории» С.Ремезова // Исторические известия, изданные Историческим обществом при Императорском Московском университете. № 3–4. М., 1916. С.3–8.
- Бахрушин, 1922* – Бахрушин С.В. Исторический очерк заселения Сибири до середины XIX века // Очерки по истории колонизации Севера и Сибири. Вып.2. Петроград: Редакционно-издательский комитет народного комиссариата земледелия, 1922. С.18–83.
- Бахрушин, 1935* – Бахрушин С.В. Остяцкие и вогульские княжества в XVI–XVII веках. Ленинград: Изд-во ин-та народов Севера ЦИК СССР, 1935. 89 с.
- Бахрушин, 1937* – Бахрушин С.В. Сибирские служилые татары в XVII в. // Исторические записки. Т.I. М.: Изд-во АН СССР, 1937. С.55–79.
- Бахрушин, 1937 б* – Бахрушин С.В. Примечания // Миллер Г.Ф. История Сибири. М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1937. Т. 1. С.476.
- Бахрушин, 1955 а* – Бахрушин С.В. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI–XVII вв. // Бахрушин С.В. Научные труды. Т. III. Избранные работы по истории Сибири XVI–XVII вв. Часть первая. Вопросы колонизации Сибири в XVI–XVII вв. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1955. С.15–163.
- Бахрушин, 1955 б* – Бахрушин С.В. Ясак в Сибири в XVII в. // Научные труды. Т.III. Избранные работы по истории Сибири XVI–XVII вв. Ч.2. История народов Сибири в XVI–XVII вв. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1955. С.50–85.
- Бахрушин, 1955 в* – Бахрушин С.В. Сибирские служилые татары в XVII в. // Научные труды. Т.III. Избранные работы по истории Сибири XVI–XVII вв. Ч.2. История народов Сибири в XVI–XVII вв. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1955. С.153–175.
- Бахрушин, 1959* – Бахрушин С.В. Сибирь и Средняя Азия в XVI и XVII в. // Бахрушин С.В. Научные труды. Т. 4. М., 1959. 300 с.
- Белавин, 2000* – Белавин А.М. Камский торговый путь. Средневековое Предуралье в его экономических и культурных связях. Пермь: Изд-во Перм. гос. пед. ун-та, 2000. 200 с.
- Белавин, Крыласова, 2008* – Белавин А. М., Крыласова Н. Б. Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск. Пермь: Изд-во Перм. гос. пед. ун-та, 2008. 608 с.

Беликова, 2003 – Беликова О.Б. Комплекс с палеорастительными остатками из таежного Причумылья // Экология древних и современных обществ. Докл. конф. Тюмень: Изд-во ИПОС РАН, 2003. Вып.2. С.104–109.

Белич, 1997 – Белич И.В. Мавзолеи мусульманских святых в районе Искера // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 1997. Вып. 1. С.92–97.

Белич, 1999 – Белич И.В. К культуре медведя у сибирских татар // Обские угры. Материалы II-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск-Омск: ОмГПУ, 1999. С. 86–90.

Белич, 2005 – Белич И.В. О религиозных войнах учеников шейха Багауддина против иноземцев Западной Сибири (к 100-летию публикации Н.Ф. Катановым рукописей Тобольского музея) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2005. № 6. С. 153–171.

Белич, 2007 – Белич И.В. К этимологии, семантике и истории происхождения средневекового имени г.Тюмень // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2007. № 7. С.143–157.

Белич, 2009 – Белич И.В. Чертеж г. Тюмени рубежа XVII–XVIII вв. и топография «Царева городища» (Чимги/Цымги-туры) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2009. вып. № 11. С. 143–163.

Белич, 2010 а – Белич И.В. К историографии городища Искер // Искер – столица Сибирского ханства. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2010. С. 72–93.

Белич, 2010 б. – Белич И.В. К 300-летию составления первого русского географического атласа Сибири: чертеж «Кучумово Городище и Старая Сибирь» из «Хорографической чертежной книги» С.У. Ремезова // Искер – столица Сибирского ханства. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2010. С. 122–158.

Белич, 2010 в – Белич И.В. Чертеж «Кучумово городище и Старая Сибирь» из «Хорографической чертежной книги» С.У. Ремезова. К 300-летию составления первого русского географического атласа Сибири // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2010. №1 (12). С. 141–155.

Белич, 2014 а – Белич И.В. Размышления о начале сибирского похода Ермака // Присоединение Сибири к России: новые данные: материалы Всерос. науч.-практич. конф. с международным участием. Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2014 а. С.56–64.

Белич, 2014 б – Белич И.В. Особенности ислама у сибирских татар // История татар. Том 4. Татарские государства XV–XVIII вв. Казань: Институт истории АН РТ, 2014 б. С. 480–487.

Белич, 2015 а – Белич И.В. «Знаменья, почем познавать в чертеже какие места» (к вопросу о местонахождении могилы Ермака) // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история. Новосибирск: Изд. «СибАК», 2015. С. 51–68.

Белич, 2015 б – Белич И.В. К вопросу о местонахождении могилы Ермака: «Бегишево/Баишево/кладбище или Бегишев погост»? // Евразийский союз ученых. 2015. № 7 (16). Ч. 7. Исторические науки. С. 37–41.

Белич, 2015 в – Белич И.В. О месте захоронения Ермака по акварели Михаила Степановича Знаменского // Universum: Общественные науки : электрон. научн. журн. 2015. № 12 (21) . URL: <http://7universum.com/ru/social/archive/item/2864> (дата обращения: 26.01.2016).

Белич, Богомолов, 1991 – Белич И.В., Богомолов В.Б. Погребальный ритуал курдакско-саргатских татар // Экспериментальная археология. Тобольск: ТГПИ, 1991. Вып. 1. С. 158–178.

Белич, Бустанов, 2010 – Белич И.В., Бустанов А.К. Заметки о суфийских традициях в Западной Сибири // Pax Islamica. 2010. № 2 (5). С. 39 – 58.

Белич, Шаргородский, 1992. – Белич И.В., Шаргородский Л.Т. Семантика надмогильных сооружений у тоболо-иртышских татар // Этническая история тюрк. народов Сибири и сопредельных территорий (по данным этнографии): материалы Всерос. конф. Омск: ОмГУ, 1992. С.16–21.

Беляев, 1991 – Беляев Л.А. Керамический комплекс из собора Богоявленского монастыря. // Московская керамика: новые данные по хронологии. – М.: Ин-т археологии АН СССР, 1991. С.14–20.

Беляков, 2003 а – Беляков А.В. Касимовский царь Араслан Алеевич и православное население его удела // Тюркологический сборник. 2002. М.: Восточная литература, 2003. С. 189–199.

Беляков, 2003 б – Беляков А.В. Царь Араслан Алеевич и посад Касимова в начале XVII в. // Рязанская старина. 2002. Вып. 1. М.: ЭПИцентр Интеграл-Информ, 2003. С. 56–64.

Беляков, 2005 – Беляков А.В. Участие сибирского царевича Алтана ибн Кучума в событиях Смутного времени и его судьба // Мининские чтения: 2004. Н.Новгород: Изд-во ННГУ, 2005. С. 21–36.

Беляков, 2006 – Беляков А.В. Араслан Алеевич – последний царь касимовский // Рязанская старина: 2004–2005. Рязань: Край, 2006. С. 8–30.

Беляков, 2007 а – Беляков А.В. Царевич Авган-Мухаммед ибн Араб-Мухаммед в России первой половины XVII в. // Тюркологический сборник: 2006. М.: Восточная литература, 2007. С. 95–112.

Беляков, 2007 б – Беляков А.В. Ураз-Мухаммед ибн Ондан // Мининские чтения: 2006. Н.Новгород: Изд-во ННГУ, 2007 б С. 29–60.

Беляков, 2009 – Беляков А.В. Политика Москвы по заключению браков служилых Чингисидов // Тюркологический сборник: 2007–2008: История и культура тюркских народов России и сопредельных территорий. М.: Восточная литература, 2009. С. 35–55.

Беляков, 2010 – Беляков А.В. Касимовский царевич Яков (Иаков). Мифологизация образа // Пятые Яхонтовские чтения. Рязань: Изд-во РИАМЗ, 2010. С. 89–94.

Беляков, 2011 а – Беляков А.В. Чингисиды в России XV–XVII веков: просопографическое исследование. Рязань: Рязань-Мир, 2011. 512 с.

Беляков, 2011 б – Беляков А.В. Крещение Чингисидов // Российская история. 2011. №1. С. 107–115.

Беляков, 2012 – Беляков А.В. Исинея Карамышев сын Мусаитов – неизвестный герой Смутного времени // Вестник Нижегород. ун-та им. Н.И. Лобачевского. 2012. №6. Ч. 3. С. 82–87.

Беляков, 2014 а – Беляков А.В. Новый документ о ранней истории г. Самары // Изв. Саратов. ун-та. Новая серия. Серия история. Международные отношения. 2014. Т. 14. Вып. 1. С. 82–85.

Беляков, 2014 б – Беляков А.В. Как звали большого сибирского карачу? // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири: материалы II Всерос. науч. конф. (Курган, 17–18 апреля 2014 г.) / Отв. ред. Д.Н.Маслюженко, С.Ф.Татауров. Курган: Изд-во Курган. гос.ун-та, 2014. С.63–64.

Беляков А.В. В поисках инсигний служилых Чингисидов в России XVI–XVII в. // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2015. № 1 (59). С. 50–59.

Беляков, 2015 – Беляков А.В. Кучумовичи в России XVII в. Три поколения одной семьи // История народов России в исследованиях и документах. М.: ИРИ РАН, 2016. Вып. 7. С. 44–65.

Бережнова, Корусенко, 2002 – Бережнова М.П., Корусенко С.Н. Евгашина, она же Елгашина, она же Изюк: ранний период истории старинного сибирского села //Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск-Ханты-Мансийск: Изд-во ОмГПУ, 2002. С. 184–187

Беркович, Егоров, 2014 – Беркович В.А., Егоров К.А. Новые материалы о потомках хана Кучума (по результатам охранных исследований в историческом центре Москвы) // Проблемы сохранения и использования культурного наследия: история, методы и проблемы охранных археологических исследований. Екатеринбург; Нефтеюганск; Ханты-Мансийск, 2014. С. 296–301.

Бобров, 2011 – Бобров Л.А. К вопросу о защитном вооружении татар Западной Сибири последней четверти XVI – XVII в. // Материалы Круглого стола, проведенного в рамках Международного Золотоордынского форума. Казань, 30 марта 2011 г. Казань, 2011. С. 106–120.

Бобров, 2013 – Бобров Л. А. Кольчатые доспехи в комплексе вооружения воинов Западной Сибири конца XVI–XVII века // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. 2013. Т. 12. Вып. 7. С. 213–222.

Бобров, Борисенко, Худяков, 2010 – Бобров Л.А., Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Взаимодействие тюркских и монгольских народов с русскими в Сибири в военном деле в позднее Средневековье и Новое время. Учеб. пособие. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2010. 288 с.

Бобров, Борисенко, Худяков, 2012 – Бобров Л.А., Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Русские воины на южных рубежах Сибири в конце XVI – XVII в. Вооружение и военная организация: Учеб. пособие. Новосибирск: НГУ, 2012. 128 с.

Бобров, Худяков, 2002 – Бобров Л. А., Худяков Ю. С. Защитное вооружение среднеазиатского воина периода позднего Средневековья // Военное дело номадов Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 2002. С. 106–168.

Бобров, Худяков, 2008 – Бобров Л. А., Худяков Ю. С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и Нового времени (XV – первая половина XVIII в.). СПб.: Фак. филологии и искусств СПбГУ, 2008. 770 с.

Богомолов, 1992 – Богомолов В.Б. Скульптура сибирских татар XIX – первой трети XX вв. // Этническая история тюркских народов Сибири и сопредельных территорий (по данным этнографии). Омск: ОмГУ, 1992. С. 21–26.

Боговяленский, 1939 – Боговяленский С.К. Материалы по истории калмыцкого народа в первой половине XVII в. // Исторические записки. Т. 5. М.: АН СССР, 1939. С. 48–102.

Боронин, 2002 – Боронин О.В. Двоеданичество в Сибири XVII – 60-е гг. XIX в. Барнаул: Азбука, 2002. 220 с.

Бояршинова, 1960 – Бояршинова З.Я. Население Западной Сибири до начала русской колонизации (Виды хозяйственной деятельности и общественный строй местного населения). Томск: Изд-во Томского ун-та, 1960. 152 с.

Бустанов, 2009 а – Бустанов А.К. Денежное обращение в Сибирском улусе // Тюркологический сборник. 2007–2008: История и культура тюркских народов России и сопредельных стран. М.: Вост.лит, 2009. С.56–66.

Бустанов, 2009 б – Бустанов А.К. Манускрипты суфийских шейхов: туркестанская традиция на берегах Иртыша // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. Т.11. Омск: Издат. дом «Наука», 2009. С.195–229.

Бустанов, 2009 в – Бустанов А.К. Фамильная хроника сибирских сайидов: Шаджара Рисаласи (текст, перевод, комментарии) // Ислам в современном мире. 2009. № 1–2 (13–14). С.45–61.

Бустанов, 2010 – Бустанов А.К. Тайбугиды, Кучум и среднеазиатские улемы в сакральных текстах сибирских мусульман // Мир ислама: история, общество, культура. Тез.докл. II междунар. науч. конф. М.: Рос.ун-т дружбы народов; Фонд Марджани, 2010. С. 33–35.

Бустанов, 2011 а – Бустанов А.К. Деньги и письма сибирских ханов. Опыт источниковедческого исследования. LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. 60 с.

Бустанов, 2011 б – Бустанов А.К. Что искал и так не нашел Г.Ф.Миллер? Обзор мусульманских исторических нарративов из Западной Сибири // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири: материалы междунар. науч. конф. Курган: Изд-во Курган. гос. ун-та, 2011. С.51.

Бустанов, 2011 в – Бустанов А.К. Суфийские легенды об исламизации Сибири // Тюркологический сборник. 2009–2010. Тюркские народы Евразии в древности и средневековье. М.: Вост.лит., 2011. С.33–78.

- Бустанов, 2013* – Бустанов А.К. Книжная культура сибирских мусульман. М.: Изд. дом Марджани, 2013. 264 с.
- Бустанов, Белич, 2010* – Бустанов А.К., Белич И.В. К наследию сибирских суфиев // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск: ИД «Наука», 2010. С. 211–216.
- Бустанов, Белич, Гумеров, 2011* – Бустанов А.К., Белич И.В., Гумеров И.Г. Прошлое и настоящее в рукописях сибирских мусульман: отчет об археографических работах в 2011 г. // Тобольск научный – 2011: матер. VII Всерос. науч.-практ. конф. Тобольск: «Альфа Принт», 2011. С. 35–38.
- Бустанов, Корусенко, 2010* – Бустанов А.К., Корусенко С.Н. Родословные сибирских бухарцев: Имяминовы // Археология, этнография и антропология Евразии. 2010. №2 (42). С. 97–105.
- Бустанов, Корусенко, 2014* – Бустанов А.К., Корусенко С.Н. Родословные сибирских бухарцев: Шиховы // Археология, этнография и антропология Евразии. 2014. №4 (60). С. 136–145.
- Буцинский, 1999* – Буцинский П.Н. Заселение Сибири и быт первых ее насельников / П.Н. Буцинский. Сочинения в 2-х томах. Т.1. Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 1999. 328 с.
- Бушен, 1855* – Бушен А.Б. Опыт исследования о древней Югре // Вестник Императорского Русского географического общества. Ч.14. Кн.4. СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1855. С.167–190.
- Бычков, 2009* – Бычков С.П. Об особенностях проблематики русской церковной историографии в Западной Сибири второй половины XIX–начала XX в. // Вестник Омского университета. 2009. № 3. С. 95–101.
- Валеев, 1978* – Валеев Ф.Т. Об этнокультурных связях западносибирских татар с другими народами во второй половине XIX – начале XX в. (По данным одежды тарских, тобольских и тюменских татар) // Этнокультурные явления в Западной Сибири. Сб. науч. ст. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1978. С. 150–158.
- Валеев, 1980* – Валеев Ф.Т. Западно-сибирские татары. Казань: Татар. кн. изд-во, 1980. 232 с.
- Валеев, 1992* – Валеев Ф.Т. Сибирские татары: культура и быт. Казань: Татар. кн. изд-во, 1992. 206 с.
- Валеев, 1993* – Валеев Ф.Т. Сибирские татары. Культура и быт. Казань: Татар. кн. изд-во, 1993. 208 с.
- Валеев, 1999* – Валеев Ф.Т. К вопросу об этнических и этнокультурных контактах сибирских татар с обскими уграми // Обские угры: материалы II-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск-Омск: ОмГПУ, 1999. С.91–92.
- Валеев, Томилов, 1996* – Валеев Ф.Т., Томилов Н.А. Татары Западной Сибири: история и культура. Новосибирск: Наука, Сибирская издательская фирма РАН, 1996. 224 с.
- Валеев, Томилов, 2006* – Валеев Ф.Т., Томилов Н.А. Сибирские татары // Тюркские народы Сибири. М.: Наука, 2006.
- Валиди-Тоган, 2010* – Валиди Тоган А. История башкир. Уфа: Китап, 2010. 352 с.
- Варваровский, 2008 – Варваровский Ю.Е. Улус Джучи в 60-70-е гг. XIV века. Казань: Институт истории АН Республики Татарстан им. Ш. Марджани, 2008. 128 с.
- Васильцов, 2012 а* – Васильцов К.С. Природные места поклонения Западного Памира // Центральная Азия: традиция в условиях перемен. Вып. 3. СПб.: МАЭ РАН, 2012. С. 205 – 243.
- Васильцов, 2012 б* – Васильцов К.С. Шииты в Центральной Азии: почитание природных объектов среди исмаилитов Бадахшана // Orta Asya'da İslâm: Temsilden Fobiye / ed.: Muhammet Savaş Kafkasyalı. Ankara; Türkistan: Hoca Ahmet Yesevi Uluslararası Türk-Kazak Üniversitesi, 2012. Cilt. 2. С. 1167 – 1206.

Васьков, 2010 – Васьков Д.А. Потомки Кучума в XVII в. и их роль в организации антирусских выступлений на Южном Урале и в Западной Сибири // Вторые Ермаковские чтения «Сибирь: вчера, сегодня, завтра»; материалы научной конференции, 20–21 ноября 2009 г. Новосибирск, 2010. С. 153–158.

Васьков, 2013 – Васьков Д.А. «Тот улус отца моего и деда, и тот улус у тебя, государь, в руках» // Исторический архив. № 2. 2013. С. 156–168.

Введенский, 1962 – Введенский А.А. Дом Строгановых в XVI–XVII вв. М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1962. 308 с.

Введенский, 1883 – Введенский И. Исторические сведения о Сибири до покорения ее Ермаком // Тобольские губернские ведомости. 1883. № 3. С. 1–15.

Вельяминов-Зернов, 1863 – Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовски царях и царевичах. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1863. Ч. 1. 558 с.

Вельяминов-Зернов, 1864 – Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовски царях и царевичах. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1864. Ч. 2. 498 с.

Вельяминов-Зернов, 1866 – Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовски царях и царевичах. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1866. Ч. 3. 502 с.

Вельяминов-Зернов, 1887 – Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовски царях и царевичах. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1887. Ч. 4. 178 с.

Венгеров, 1889 – Венгеров С. А. Абрамов, Николай Алексеевич // Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала русской образованности до наших дней). СПб.: Семеновская Типо-Литография (И. Ефрона), 1889. Т. I. С. 19–20.

Венюков, 1868 – Венюков М. Путешествия по окраинам Русской Азии и записки о них. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1868. 532 с.

Венюков, 1874 – Венюков М. Краткие статистические сведения о сибирских инородцах по отношению их к всеобщей воинской повинности // Приложение к № 1 Известий И.Р.Г.О. на 1874 г. – СПб.: Тип. В. Безобразова и К°, 1874. 19 с.

Вершинин, 1998 а – Вершинин Е.В. Воеводское управление в Сибири [XVII век]. Екатеринбург: Муниципальный учебно-методический центр «Развивающее обучение», 1998. 204 с.

Вершинин, 1998 б – Вершинин Е.В. Неверность «бродячих царевичей». Зауральское степное пограничье в XVII веке // Родина. 1998. №1. С. 60–63.

Вершинин, 2000 – Вершинин Е.В. Об обстоятельствах покорения селькупской Пегой Орды // Северный археологический конгресс. Тез. докл. Екатеринбург-Ханты-Мансийск: Академкнига, 2002. С. 312–314.

Вершинин, 2005 – Вершинин Е.В. Надымский городок в письменных источниках XVII–XVIII вв. // Русское освоение Ямала до XX века (документы и исследования). Екатеринбург: Банк культурной информации, 2005. С. 134–150.

Визгалов, Пархимович, 2008 – Визгалов Г.П., Пархимович С.Г. Мангазея: новые археологические исследования (материалы 2001 – 2004 гг.). Екатеринбург – Нефтеюганск: Магеллан, 2008. 296 с.

Викторова, 2008 – Викторова В. Д. Древние угры в лесах Урала (страницы ранней истории манси). Екатеринбург: Изд-во Квадрат, 2008. 208 с.

Вилков, 1962 – Вилков О.Н. Промышленность нерусских народов Тобольского уезда в XVII в. // Сибирь в XVII–XVIII вв. Новосибирск, [б.и.], 1962. С. 84–96.

Вилков, 1967 – Вилков О.Н. Название: Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII веке. М.: Наука, 1967. 324 с.

Влияние ислама, 1998 – Влияние ислама на культуру народов Сибири (к 600 – летию ислама в Сибири): материалы науч.-прак. конф. Тюмень, 18–19 февраля 1995 г. Тюмень: Б.и., 1998. 136 с.

Водясов, Зайцева, 2013 – Водясов Е.В., Зайцева О.В. Признаки мусульманской погребальной обрядности в Обь-Томском междуречье // Вестник Томского государственного университета. История. Томск, 2013. №3 (23). С. 134–137.

Водясов, Зайцева, 2014 – Водясов Е.В., Зайцева О.В. Время появления ислама в Томском Приобье по археологическим данным // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Казань: Отечество, 2014. Т. III. С. 368–370.

Волкова, 1965 – Волкова К.В. Восстание татар Тарского уезда 1628–1631 гг. // Сибирь периода феодализма. Новосибирск: Наука, 1965. Вып. 2. С. 112–127.

Вяткин, Вяткин, Матвеев, 2012 – Вяткин И.А., Вяткин Я.И., Матвеев А.В. Предварительные результаты комплексных историко-геоморфологических изысканий на участке Тобольск – Усть-Шиш в долине р. Иртыш экспедицией «Омичи – Сибири» в 2012 г. // Известия Омского регионального отделения Всероссийской общественной организации «Русское географическое общество», 135 лет Омского отделения РГО в 300-летней истории г. Омска. Выпуск (12) 21. Омск: Изд-во «Амфора», 2012. С. 197–226.

Гаев, 2002 – Гаев А.Г. Генеалогия и хронология Джучидов. К выяснению родословия нумизматически зафиксированных правителей улуса Джучи // Древности Поволжья и других регионов. Нумизматический сборник. Вып. IV. Т.3. Нижний Новгород, 2002. С.9–55.

Гафурова, 1991 – Гафурова З.А. Типы хозяйства сибирских татар Нижнего Прииртышья // Экспериментальная археология. Выпуск I, Тобольск: Изд-во ТГПИ, 1991. С.108–117.

Гемуев, Соловьев, 1984 – Гемуев И.Н., Соловьев А.И. Стрелы селькупов // Этнография народов Сибири. Новосибирск: Наука, 1984. С. 39–55.

Генинг, Голдина, 1967 – Генинг В.Ф., Голдина Р.Д. Поселение Большой Лог у г. Омска // V Уральское археологическое совещание. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1967. С.145–148.

Герасимов, 2008 – Герасимов Ю.В. К проблеме культурно-исторической принадлежности палаша из могильника Бергамак II // Интеграция археологических и этнографических исследований. Новосибирск; Омск: Изд. дом «Наука», 2008. С. 209–212.

Герасимов, 2013 – Герасимов Ю.В. Предметы вооружения XVI–XVII веков из могильника Окунево VII в Тарском Прииртышье // Военное дело средневековых народов Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2013. С. 67–74.

Герасимов, Шлюшинский, 2006 – Герасимов Ю.В., Шлюшинский А.В. Комплекс защитного вооружения татар XV–XVII веков (по материалам этнографо-археологических комплексов Прииртышья) // Интеграция археологических и этнографических исследований. Красноярск; Омск: Красноярский гос. пед. ун-т, 2006. С.135–139.

Голдина, 1969 а – Голдина Р.Д. Перечень работ уральской археологической экспедиции в 1963 г. // Вопросы археологии Урала. Вып.8. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1969. С.7–29.

Голдина, 1969 б – Голдина Р.Д. Городище Кучум-Гора // Вопросы археологии Урала. Вып.8. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1969. С. 138–158.

Головнев, 1995 – Головнев А.В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург: УрО РАН, 1995. 607 с.

Головнев, 2015 – Головнев А.В. Феномен колонизации. Екатеринбург: УрО РАН, 2015. 592 с.

Гончаров, Ивонин, 2006 – Гончаров Ю.М., Ивонин А.Р. Очерки истории города Тары конца XVI – начала XX века. Барнаул: Азбука, 2006. 188 с.

Гордиенко, 2009 – Гордиенко А.В. Археологические исследования С.К. Патканова в Тобольском округе Тобольской губернии // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого: сб. стат. / Отв. ред. А.Я. Яковлев. Вып.7. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Томского ун-та, 2009. С. 80–105.

Государева, 2002 – Государева Оружейная палата. СПб.: Атлант, 2002. 407 с.

Государственный архив, 1978 а – Государственный архив России XVI столетия. Опыт реконструкции / подготовка текста и комментарии А.А.Зимины под ред. Л.В.Черепнина. Ч.1. М.: Институт истории СССР АН СССР, 1978 а.

Государственный архив, 1978 б – Государственный архив России XVI столетия. Опыт реконструкции / подготовка текста и комментарии А.А.Зимины под ред. Л.В.Черепнина. Ч.3 М.: Институт истории СССР АН СССР, 1978 б.

Горский, 2000 – Горский А.А. Москва и Орда. М.: Наука, 2000. 214 с.

Горский, 2001 – Горский А.А. «Всего еси исполнена земля русская...». Личность и ментальность русского средневековья. Очерки. М.: Языки славянской культуры, 2001. 176 с.

Горский, 2005 – Горский А.А. Москва и Орда. М.: Наука, 2005. 214 с.

Григорьев, Фролов, 2002 – Григорьев А.П., Фролова О.Б. Географическое описание Золотой Орды в энциклопедии ал-Калкашанди // Тюркологический сборник 2001: Золотая Орда и ее наследие. М.: Вост.лит., 2002. С.261–302.

Гришин, 1995 – Гришин Я.Я. Польско-литовские татары (наследники Золотой Орды). Казань: Татар. кн. изд-во, 1995. 195 с.

Грязнов, 1956 – Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ Большой Речка: материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.: Изд-во АН ССР, 1956. № 48. 227 с.

Давыдова, 1985 – Давыдова А.В. Иволгинский комплекс (городище и могильник) – памятник хунну в Забайкалье. Л.: Изд-во Лен.ун-та, 1985. 111 с.

Данченко, 1992 – Данченко Е.М. Сперановское городище на Оми // Памятники истории и культуры Омской области: проблемы выявления, изучения и использования. Омск, 1992. С. 31–32.

Данченко, 2008 а – Данченко Е.М. К характеристике историко-культурной ситуации в Среднем Прииртышье на рубеже раннего железного века и средневековья // Проблемы бакальской культуры: материалы науч.-практич. сем. по проблемам бакальской культуры. Челябинск: ООО «ЦИКР «Рифей», 2008. С. 45–60.

Данченко, 2008 б – Данченко Е.М. К изучению Кизыл-Туры // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2008. С. 221–224.

Данченко, Горькавая и др., 2001 – Данченко Е.М., Горькавая О.Е., Грачёв М.А., Колесникова И.М. Некоторые итоги и перспективы изучения Красноярского археологического комплекса на севере Омской области // Гуманитарное знание. Серия «Преемственность». Омск, 2001. Вып. 5. С. 76–89.

Данченко, Грачев, 2003 – Данченко Е.М., Грачев М.А. К вопросу о локализации Кизыл-Туры // Культура Сибири и сопредельных территорий в прошлом и настоящем: Материалы Всерос. 43-й археол.-этнограф. конф. молодых ученых. Томск: Изд-во ТГУ, 2003. С. 277–278.

Дмитриев, 1894 – Дмитриев А. Покорение угорских земель и Сибири // Пермская старина. Сб. ст. и материалов преимущественно о Пермском крае. Вып. V. Пермь: Типография П.Ф.Каменского, 1894. XII, 220, IV с.

Дмитриева, 1981 – Дмитриев Л.В. Язык барабинских татар. Л.: Наука, 1981. 224 с.

Дмитриев, 2006 – Дмитриев С.В. Среднеазиатские куруки в эпоху Шибанидов (по материалам XVI в.) // Тюркологический сб. 2005: Тюркские народы России и Великой степи. М.: Вост.лит, 2006. С.143–158.

Долгих, 1960 – Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1960. 622 с.

Долгоруков, 1856 – Долгоруков П.В. Российская родословная книга. СПб.: Тип. Карла Вингебера, 1856. Ч. 3. 524 с.

- Дульзон, 1953* – Дульзон А.П. Поздние археологические памятники Чулыма и происхождение чулымских татар // Тр. Томск. гос. пед. инс-та. Томск: ТГПИ, 1953. Т.10. 346 с.;
- Дульзон, 1956* – Дульзон А.П. Остяцкие могильники XVI и XVII века у села Молчаново на Оби // Ученые записки Томского государственного педагогического института. Томск: ТГПИ, 1956. Т. XVI. С. 97–154.
- Дульзон, 1960* – Дульзон А.П. Этнический состав Западной Сибири по данным топонимики. М.: Наука, 1960. 180 с.
- Дьяконова, 1966* – Дьяконова В.П. Поздние археологические памятники Тувы // Тр. Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. М.; Л.: Наука, 1966. Т. II. С. 348–362.
- Жилина, 2010* – Жилина Т.Н. Малый ледниковый период как одно из колебаний климата в голоцене и его последствия в Западной Сибири // Вестник Томск. гос. ун-та. 2010. № 340. С.206–211.
- Завалишин, 1995* – Завалишин И.И. Описание Западной Сибири. Гл. X // Омская старина. Омск: ИПК «Омич», 1995. №3. С. 21–35.
- Загидуллин, 2005* – Загидуллин И.К. О Хади Атласи и книге «История Сибири»// Атласи Х.М. История Сибири. Казань: Татар. кн. изд-во, 2005. С. 4–10.
- Зайцев, 2004 а* – Зайцев И.В. Астраханское ханство. М.: Восточная литература, 2004. 303 с.
- Зайцев, 2004 б* – Зайцев И.В. Между Москвой и Стамбулом. Джучидские государства, Москва и Османская империя (начало XV – первая половина XVI в.). Очерки. М.: Рудомино, 2004. 216 с.
- Зайцев, 2013* – Зайцев И.В. Потомки Чингисхана в Москве и Стамбуле: сравнительный анализ / Чингисиды в России: «золотой род» после падения Золотой Орды // Российская история. 2013. №3. С. 21–23.
- Зариктуев, 2011* – Зариктуев Б.Р. Актуальные проблемы этнической истории монголов и бурят. М.: Издательская фирма «Вост. лит.» РАН, 2011. 277 с.
- Зияев, 1983* – Зияев Х.З. Экономические связи Средней Азии с Сибирью в XVI–XIX вв. Ташкент: ФАН, 1983. 166 с.
- Золото, 2007* – Золото. Металл богов и царь металлов. М.: УНОПРИНТ, 2007. 72 с.
- Зуев, 2007* – Зуев А.С. Отечественная историография присоединения Сибири к России. Новосибирск: НГУ, 2007. 120 с.
- Зуев, эл. вариант* – Зуев А.С. Аборигенная (инородческая) политика / Историческая энциклопедия Сибири <http://bsk.nios.ru/enciklodediya/aborigennaya-inorodcheskaya-politika> [электронный ресурс].
- Зуев, 1998* – Зуев Ю.А. О формах этно-социальной организации кочевых народов Центральной Азии в древности и средневековье: Пестрая Орда, согня (Сравнительно-историческое исследование) // Военное искусство кочевников Центральной Азии и Казахстана (эпоха древности и средневековья). – Алматы, 1998. – С.49–100.
- Зыков, 1998* – Зыков А.П. Городище Искер: исторические мифы и археологические реалии // Сибирские татары: материалы I Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Омск: Изд-во ОмГУ, 1998. С. 22–24
- Зыков, 2008* – Зыков А.П. Археологические исследования городища Искер // Уральский исторический вестник, 2008. № 3(36). С. 145–153.
- Зыков, 2010* – Зыков А.П. Городище Искер – остатки города Сибирь // Искер – столица Сибирского ханства. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2010. С. 112–122.
- Зыков, 2012 а* – Зыков А.П. Археологические исследования городища Искер // Уральский исторический вестник Екатеринбург: ИИА Ур.О РАН, 2012. № 3 (36). С. 145–153.

Зыков, 2012 б – Зыков А.П. Железные наконечники стрел городища Искер конца XIV – XVI вв. // Игорь Геннадьевич Глушков: сб. науч. ст. Ханты-Мансийск: ООО «Печатный мир г. Ханты-Мансийск», 2012. Ч. 3. С. 110–117.

Зыков, 2013 – Зыков А.П. Земледелие сибирских татар в эпоху позднего средневековья (конец XIV – XVI в.) // Уральский исторический вестник (Екатеринбург: ИИА Ур.О РАН, 2013. № 2 (39). С. 137–144.

Зыков, 2015 – Зыков А.П. Итоги раскопок 1988 и 1933 г. городища Искер // Сибирский сборник: сб. ст. Вып.3. Курган: Изд-во Курганс. гос. ун-та, 2015. С.18–33.

Зыков, Кокшаров, 2001 – Зыков А.П., Кокшаров С.Ф. Древний Эмдер. Екатеринбург: Волот, 2001. 320 с.

Зыков, Кокшаров, Терехова, Федорова, 1994 – Зыков А.П., Кокшаров С.Ф. Терехова Л.М., Федорова Н.В. Угорское наследие. Древности Западной Сибири из собрания Уральского университета. Екатеринбург, 1994. 159 с.

Ибрагимов, 1958 – Ибрагимов С.К. Сочинения Ма'суда бен Османи Кухистани «Тарихи Абулхаир-хани» // Известия АН Казахской ССР. Серия истории, археологии и этнографии. № 3 (8). Алма-Ата, 1958. С.86–102.

Иванич, 2001 – Иванич М. «Дафтар-и Чингиз-наме» как источник по истории кочевых обществ // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223–1556. Казань: Институт истории АН РТ, 2001. С.314–328.

Иванов, 1958 – Иванов П.П. Очерки по истории Средней Азии (XVI – сер. XIX в.). М.: Изд-во Восточной литературы, 1958. 248 с.

Иванов, 1979 – Иванов С.В. Скульптура алтайцев, хакасов и сибирских татар. Л.: Наука, 1979. 194 с.

Измайлов, 2011 – Измайлов И.Л. Татары в империи Чингиз-хана: триумф побежденных // Золотоордынское наследие. Вып.2. Материалы второй Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды». Казань: ООО «Фолиант», Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2011. С.38–54.

Измер, Молявина, 2005 – Измер Т.С., Молявина Е.Ю. К вопросу о перспективности археологического изучения городища Чимги-Тура // Словцовские чтения–2005: материалы XVII Всеросс. науч.-практич. конф. / Под ред. Т. М. Исламовой и др. Тюмень: Издательство ТюмГУ, 2005. С. 152–154.

Инальчик, 1995 – Инальчик Х. Хан и племенная аристократия: Крымское ханство под управлением Сахиб-Гирея // Панорама – Форум. 1995. № 3. С. 73–94.

Исин, 2002 – Исин А. Казахское ханство и Ногайская Орда во второй половине XV–XVI в. Семипалатинск: Тенгри, 2002. 139 с.

Искер, 2010 – Искер – столица Сибирского ханства. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2010. 228 с.

Искусство, 2008 – Искусство Блистательной Порты: Каталог. М.: АзБука, 2008. 212.

Ислам, 2004 – Ислам в истории и культуре Тюменского края. Тюмень: ИПЦ «Экспресс», 2004. 137 с.

Ислам, 2007 – Ислам на краю света. История ислама в Западной Сибири, 1, Источники и историография. Тюмень: Колесо, 2007. 424 с.

Ислам, 1994 – Ислам, общество и культура. Омск: Б.и., 1994. 205 с.

История и культура, 2014 – История и культура сибирских татар (с древнейших времен до начала XXI в.): краеведческое пособие для студентов и учащихся старших классов общеобразовательных школ. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ; Изд-во «Артефакт», 2014. 440 с.

- История казачества, 1995* – История казачества Азиатской России. Т. 1. Екатеринбург: УрО РАН, 1995. 318 с.
- История Казахстана, 1997* – История Казахстана с древнейших времен до наших дней в пяти томах. Алматы: «Атамұра», 1997. Т. 2. 620 с.
- История народов, 1947* – История народов Узбекистана. Т.2. От образования государства Шейбанидов до Великой Октябрьской социалистической революции. Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1947. 512 с.
- История Сибири, 1968* – История Сибири. Т.2: Сибирь в составе феодальной России. Ленинград: Наука, 1968. 535 с.
- История татар, 2014* – История татар с древнейших времен в семи томах. Т. IV. Татарские государства XV–XVIII вв. Казань. Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014. 1080 с.
- История Ямала, 2010* – История Ямала. Том I: Ямал традиционный. Кн. 2: Российская колонизация/ Под редакцией И.В. Побережникова. Екатеринбург: Изд-во Баско, 2010. 324 с.
- Исхаков, 1980* – Исхаков Д.М. Расселение и численность пермских татар в XVIII – начале XX в. // Историческая этнография татарского народа. Казань: ИЯЛИ КФ АН СССР, 1980. С. 5–30.
- Исхаков, 1986* – Исхаков Д.М. К вопросу об «остячком» компоненте пермских татар и его связи с носителями Сылвенской культуры // Проблемы средневековой археологии Урала и Поволжья. Уфа: БФ АН СССР, 1986. с. 114–122.
- Исхаков, 1990* – Исхаков Д.М. Остяцкая земля: локализация и население в XV—XVII вв. // Congress septimus internationalis Finno-Ugristarum. V.4. Sessiones sectionum dissertationum. Ethnologica et folclorica. . Debrecen, 1990. pp.386–391.
- Исхаков, 1997* – Исхаков Д.М. Сеиды в позднесолотоордынских татарских государствах. Казань: Изд-во «Иман», 1997. 78 с.
- Исхаков, 1998 а* – Исхаков Д.М. От средневековых татар к татарам нового времени (этнологический взгляд на историю волго-уральских татар XV–XVII вв.). Казань: Мастер-Лайн, 1998. 276 с.
- Исхаков, 1998 б* – Исхаков Д.М. Сеиды в Сибирском ханстве // Сибирские татары: материалы I Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (14–18 декабря 1998 г., Тобольск). Омск, 1998. С.195.
- Исхаков, 2001 а* – Исхаков Д.М. Этнополитические и демографические процессы в XV–XX вв. // Татары. Отв.ред. Р.К.Уразманова, С.В.Чешко. М.: Наука, 2001.С. 101–161.
- Исхаков, 2001 б* – Исхаков Д.М. О сибирских татарах // Соседи, № 6–7 (май–июнь), 2001.
- Исхаков, 2002 а* – Исхаков Д.М. Родословные и эпические произведения как источник изучения истории сословий Улуса Джучи и татарских ханств // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223–1556. Казань: Институт истории АН РТ, 2002. С. 329–366.
- Исхаков, 2002 б* – Исхаков Д.М. О методологических аспектах исследования проблемы становления сибирско-татарской общности // Сибирские татары /Сб. ст. под ред. Сусловой С.В. Казань: Институт истории АН РТ, 2002. С.7–16.
- Исхаков, 2002 в* – Исхаков Д.М. К проблеме этнических и политических связей тюрок Западной Сибири и Волго-Уральского региона в XV в. // Тюркские народы: материалы V-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (9–11 декабря 2002 г., Тобольск). Тобольск-Омск: ОмГУ, 2002. С.173–181.
- Исхаков, 2002 в* – Исхаков Д.М. Некоторые итоги исследования этнополитической истории Сибирского ханства в XV–XVI вв.// Сулеймановские чтения – 2002: тезисы докладов и сообщений науч.-практ. конф. / Под ред. Ф.С. Сайфуллиной. Тюмень, 2003. С.113–115.
- Исхаков, 2004 а* – Исхаков Д.М. Тюрко-татарские государства XV–XVI вв.// Научно-методическое пособие. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2004. 132 с.

Исхаков, 2004 б – Исхаков Д.М. Введение в этнополитическую историю сибирских татар // Сулеймановские чтения – 2004: материалы VII межрегион. науч.-практ. конф. Тюмень: Издательско-полиграфический центр «Экспресс», 2004. С. 25–28.

Исхаков, 2006 а – Исхаков Д.М. Введение в историю Сибирского ханства. Очерки. Казань: Ин-т истории им.Ш.Марджани АН РТ, 2006. 196 с.

Исхаков, 2006 б – Исхаков Д.М. Еще раз о казанских князьях рубежа XIV–XV вв. // Источники и исследования по истории татарского народа: материалы к учебным курсам в честь юбилея академика АН РТ М.А. Усманова / Сост. Д.А. Мустафина; науч. ред. И.А. Гилязов. Казань: Казан. гос. ун-т им. В.И. Ульянова-Ленина, 2006. С. 151–156.

Исхаков, 2006 в – Исхаков Д.М. Ислам в позднезолотоордынских татарских ханствах // Ислам и мусульманская культура в Среднем Поволжье: история и современность. Казань: «Фэн», 2006. С. 89–132.

Исхаков, 2007 – Исхаков Д.М. О титуле «Сибирский князь» // Сулеймановские чтения: материалы X Всеросс. науч.-практич. конф. (Тюмень, 18–19 апреля 2007 г.) / Под. ред. А.П. Яркова. Тюмень: СИТИ-пресс, 2007. С. 46–47.

Исхаков, 2008 а – Исхаков Д.М. Институт «Сибирских князей»: генезис, клановые основы и место в социально-политической структуре Сибирского юрта // Сулеймановские чтения: материалы XI Всеросс. науч.-практич. конф. по теме «Проблемы сохранения этнического самосознания, языка и культуры сибирских татар в XXI в.» (г. Тобольск, 16–17 мая 2008 г.). посвящается 70-летию со дня рождения Б.В. Сулейманова. Тобольск, 2008. С. 219–222.

Исхаков, 2008 б – Исхаков Д.М. Институт «Сибирских князей»: генезис, клановые основы и место в структуре Сибирского юрта // Гасырлар авазы. Эхо веков, 2008. №2. С. 147–158.

Исхаков, 2009 а – Исхаков Д.М. Тюрко-татарские государства XV–XVI вв. Казань: Татар. кн. изд-во, 2009. 143 с.

Исхаков, 2009 б – Исхаков Д.М. Исторические очерки. Казань. Изд-во «Фэн» АН РТ, 2009. 164 с.

Исхаков, 2009 в – Исхаков Д.М. Булгарский вилайет накануне образования Казанского ханства: новый взгляд на известные проблемы // Гасырлар авазы. Эхо веков, 2009. № 2. С. 123–138.

Исхаков, 2009 г – Исхаков Д.М. Новые данные о клановой принадлежности «Сибирских князей» Тайбугидов // Золотоордынская цивилизация: сб. ст. Вып. 2. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2009. С. 117–121.

Исхаков, 2009 д – Исхаков Д.М. Новые данные о клановой принадлежности «Сибирских князей» Тайбугидов // Этнос. Общество. Цивилизация: II Кузеевские чтения: материалы Международн. науч.-практич. конф., посвященной 80-летию Р.Г. Кузеева. Уфа, 17–19 апреля 2009 г. Уфа: Уфимский полиграфкомбинат, 2009. С. 224–227.

Исхаков, 2011 а – Исхаков Д.М. Институт сейидов в Улусе Джучи и в позднезолотоордынских тюрко-татарских государствах. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2011. 228 с.

Исхаков, 2011 б – Исхаков Д.М. Позднезолотоордынская государственность тюрко-татар Сибирского региона: в поисках социально-политических основ // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири: материалы Международн. конф. (Курган, 21–22 апреля 2011 г.) / Отв. ред. Д.Н. Маслюженко, С.Ф. Татауров. Курган: Изд-во Курган. гос. ун-та, 2011. С. 52–58.

Исхаков, 2011 в – Исхаков Д.М. О культуре государственной жизни в Сибирском юрте в XV–XVI вв. // Сибирский сборник. Вып. 1. Казань: Изд-во «Язь», 2011. С. 190–196.

Исхаков, 2011 г – Исхаков Д.М. Проблема политического статуса Сибирского юрта с конца XV в. по 1563 г. // Сибирский сборник. Казань: Изд-во «Язь», 2011. С. 248–253.

Исхаков, 2012 – Исхаков Д.М. К проблеме ясачных чувашей Среднего Поволжья середины XVI–XVII вв. // Хозяйствующие субъекты аграрного сектора России: История, экономика, право: сб. материалов IV Всероссийской (XII Межрегион.) конф. историков-аграрников

Среднего Поволжья (г. Казань, 10–12 октября 2012 г.). Казань: Ин-т Татар. энциклопедии АН РТ, ГБУ «Республиканский центр мониторинга качества образования» (ред. - изд. отд.), 2012. С.442–448.

Исхаков, 2013 – Исхаков Д.М. Между Булгаром и Казанью: этнополитические процессы в Булгарском/Казанском вайляете в 60–70-х годах XIV–40-х годах XV в. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2013. 68 с.

Исхаков, 2014 – Исхаков Д.М. Золотоордынская этнология татар: 1. Эпический и исторический «золотой трон» («алтын тэхэт») // Золотоордынское обозрение. Golden Horde Review, 2014. № 3(5). С. 175–190.

Исхаков, 2015 а – Исхаков Д.М. К вопросу об этнической принадлежности «остяков» Приуральско-Зуральской зоны в XVI–XVII вв. // Наш след в истории. Без тарихта эзлебез. Барда, 2015 а.С.44–51.

Исхаков, 2015 б – Исхаков Д.М. Образование Золотой Орды и формирование средневекового татарского атласа // История и культура татар Западной Сибири. Монография. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2015 б. с. 122–157.

Исхаков, Измайлов, 2007 а – Исхаков Д.М., Измайлов И.Л. Этнополитическая история татар (III – середина XVI в.). Казань, РИЦ «Школа», 2007 а. 356 с.

Исхаков, Измайлов, 2007 б – Исхаков Д.М., Измайлов И.Л. Клановая структура улуса Джучи // История и культура Улуса Джучи. 2006. Бертольд Шпулер «Золотая Орда»: традиция изучения и современность. Казань: Фэн, 2007 б. С.108–143.

Исхаков, Тычинских, 2013 – Исхаков Д.М., Тычинских З.А. О шибанидском «следе» в Булгарском вайляете Улуса Джучи // Золотоордынское обозрение. 2013. № 2. С.128–145.

Кавагучи, Нагаминэ, 2010 – Кавагучи Т., Нагаминэ Х. Некоторые новые данные о «Чингиз-нама» Утемиша-Хаджи в системе историографии в Дашт-и Кипчаке // Золотоордынская цивилизация. Сб. ст. Вып. 3. Казань, 2010. С.44–52.

Казакова, 1979 – Казакова Н.А. «Татарским землям имена» // Куликовская битва и подъем национального самосознания. Л.: Наука, 1979. С.253–256.

Карамзин, 1998 – Карамзин Н.М. История государства Российского. Кн. 3. Т. 9–12. СПб.: Кристалл, 1998. 783 с.

Карачаров, 1991 – Карачаров К. Г. Погребальная керамика Сургутского Приобья XIII – XV вв. // Исследования по средневековой археологии лесной полосы Восточной Европы. Ижевск: Изд-во Удмурт. ИИЯЛ УрО АН СССР, 1991. С. 205–218.

Каргалов, 1983 – Каргалов В.В. Сибирский поход 1483 года и его последствия // Вопросы истории. 1983. № 11. С. 177–182.

Кардаш, 2013 – Кардаш О.В. Полуийский мысовый городок князей Тайшиных. Обдорские городки конца XVI– первой XVIII в. История и материальная культура. Екатеринбург-Салехард: Магеллан, 2013. 380 с.

Карнаухов, 1998 – Карнаухов А.В. К проблеме расселения и совместного проживания различных этнических групп на территории Тарского Прииртышья [по материалам полевых исследований] // Этническая история тюркских народов Сибири и сопредельных территорий. Омск: Изд-во ОмГПУ, 1998. С. 241–244.

Катанов, 1896 – Катанов Н.Ф. Предания тобольских татар о Кучуме и Ермаке // Ежегодник Тобольского губернского музея. Вып. 5. Тобольск, 1896. С. 1–12.

Катанов, 1897 – Катанов Н.Ф. Предания тобольских татар о прибытии в 1572 году мухаммеданских проповедников в г. Искер // Ежегодник Тобольского губернского музея. Вып. VII. Тобольск, 1897. С. 51–62.

Катанов, 1903 – Катанов Н.Ф. О религиозных войнах учеников шейха Багаутдина против инородцев Западной Сибири // Ученые записки Казан. ун-та. 1903. Кн. 12. С. 133–146.

- Катанов, 1904* – Катанов Н. О религиозных войнах учеников шейха Багауддина против инородцев Западной Сибири (по рукописям Тобольского губернского музея). Казань, 1904. 24 с.
- Катанов, 2004* – Катанов Н.Ф. Предание тобольских татар о Кучуме и Ермаке // Тобольский хронограф. Вып. IV. Екатеринбург: Уральский рабочий, 2004. С.145–167.
- Катионов, Кузнецова, 1997* – Катионов О.Н., Кузнецова Ф.С. Московский тракт и его эксплуатация на территории Новосибирской области // Вопросы краеведения Новосибирска и Новосибирской области: Сб. науч. тр., посвященный 60-летию Новосибирской области /Под ред. Л.М. Горюшкина, В.А. Зверева. Новосибирск: СО РАН, НИЦ ОИГГМ, 1997. С. 48–58.
- Кивельсон, 2012* – Кивельсон В. Картографии царства: Земля и ее значение в России XVII века. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 360 с.
- Клосс, 1976* – Клосс Б.М. Вологодско-Пермские летописцы XV в. // Летописи и хроники 1976. М.Н.Тихомиров и летописеведение. М.: Наука, 1976. С. 264–282.
- Клосс, 1980* – Клосс Б.М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков. М.: Наука, 1980. 313 с.
- Клюева, 2002* – Клюева В.П. К вопросу о деятельности Следственной о татарах и бухарцах комиссии (сер. XVIII в.) // Тюркские народы: материалы V Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск-Омск: ОмГПУ, 2002. С. 186–188.
- Кляшторный, Султанов, 1992* – Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Казахстан. Летопись трех тысячелетий. Алма-Ата: Рауан, 1992. 377 с.
- Кляшторный, Султанов, 1992* – Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы евразийских степей. Древность и средневековье. СПб.: Петербургское востоковедение, 2000. 324 с.
- Кляшторный, Султанов, 2004* – Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы евразийских степей. Древность и средневековье. СПб.: Петербургское востоковедение, 2004. 368 с.
- Кныш, 2004* – Кныш А.Д. Мусульманский мистицизм: краткая история. М.; СПб: Диля, 2004. 464 с.
- Княжеские роды, 1996* – Княжеские роды Российской империи. СПб.: ИПК Вести, 1996. Т. III. 280 с.
- Кобеко, 1894* – Кобеко Д.Ф. Еще о надгробных надписях в Касимове // Тр. Рязанской ученой архивной комиссии. Рязань: Тип. Губ. Правл., 1894. Т. IX. Вып. 1. С. 63–64.
- Коблова, 2010* – Коблова Е.Ю. Ишимское ханство в источниках и историографии // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып.2. Казань: Изд-во «Ихлас», 2010. С.36–40.
- Коваль, 2010* – Коваль В.Ю. Керамика Востока на Руси. IX–XVII века. М.: Наука, 2010. 269 с.
- Козляков, 2011* – Козляков В.Н. Борис Годунов. М.: Молодая гвардия, 2011. 311 с.
- Колесников, Якушин и др., 1997* – Колесников А.Д., Якушин Н.Г., Сербин А.И., Вязгин С.И. От тропы к тракту (из истории дорожного строительства Сибири) // Тр. Сибирского автомобильно-дорожного института. Гуманитарные, социально-экономические и естественнонаучные исследования. Омск, 1997. Ч. 2. С. 56–66.
- Колчин, 1959* – Колчин Б. А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого: материалы и исследования по археологии. №65. Тр. Новгородской археологической экспедиции. Том 2. М.: АН СССР, 1959. С.7–119.
- Конев, 2005* – Конев А.Ю. Шертоприводные записи и присяги сибирских «иноземцев» конца XVI–XVIII в. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. № 6. 2005. С.172–177.
- Конилов, 1984* – Конилов Б.А. Некоторые вопросы раннесредневековой археологии таежного Прииртышья (в связи с исследованиями поселения и курганной группы у д. Кипо-Кулары Омской области) // Проблемы этнической истории тюркских народов Сибири и сопредельных территорий. Омск: ОмГУ, 1984. С. 77–99.

Коников, 1987 – Коников Б.А. О вооружении прииртышского населения начала II тыс. н. э. (по материалам Омской области) // Военное дело древнего населения Северной Азии. Новосибирск: Наука, 1987. С. 163–171.

Коников, 1992 – Коников Б.А. Основы средневековой археологии Западной Сибири. Омск: ОГПИ, 1992. 103 с.

Коников, 1993 – Коников Б.А. Таежное Прииртышье в X–XIII вв. н.э. Омск: ОГПИ, 1993. 176 с.

Коников, 1995 – Коников Б.А. Позднесредневековые памятники лесного Прииртышья // Средневековые древности Западной Сибири. Омск: ОмГУ, 1995. С. 50–64.

Коников, 2007 – Коников Б.А. Омское Прииртышье в раннем и развитом средневековье. Омск: Изд-во ОмГПУ: Наука, 2007. 466 с.

Коников, Морев, Скандаков, 2007 – Коников Б.А., Морев И.В., Скандаков И.Е. Городище Большой лог // Памятники истории и культуры города Омска. Омск: Упрполиграфиздат, 1992. С. 11–17.

Коников, Худяков, 1981 – Коников Б.А., Худяков Ю.С. Наконечники стрел из Искера // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1981. С. 184–188.

Коников, Худяков, 1983 – Коников Б.А., Худяков Ю.С. Железные наконечники стрел из лесостепного и таежного Прииртышья // Этнокультурные процессы в Западной Сибири. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1983. С. 94–104.

Коновалов, 1976 – Коновалов П.Б. Хунну в Забайкалье (погребальные памятники). Улан-Удэ: Бур. кн. изд-во, 1976. 248 с.

Коньков, 2001 – Коньков Н.Л. Тобольские воеводы конца XVI – начала XVIII века. М.-Тобольск: Изд-во ОФ «Возрождение Тобольска», 2001. 118 с.

Комова, эл.вариант – Комова Н.Г. Городище Самаров городок // Центр охраны культурного наследия // [электронный ресурс] <http://iknugra.ru/upload/text/2014/02/26/gorodische-samarov-gorodok-informatsionnaya-statya.pdf> Дата обращения 02.03.2016.

Копылов, 1974 – Копылов Д.И. Ермак. Свердловск: Средне-Уральское кн. изд-во, 1974. 118 с.

Корепанов, эл.вариант – Корепанов Н.С. «Горная власть» и башкиры. [Электронный ресурс] // <http://book.uraic.ru/elib/Authors/korepanov/Sait3/111b2.html> (Дата обращения – 29.09.2015).

Коробейникова, Кудряшова, 2002 – Коробейникова И.А., Кудряшова Т.К. Татары глазами селькупов: историческая память и этнические стереотипы // Тюркские народы: материалы V Сиб. симп., «Культурное наследие народов Западной Сибири», г. Тобольск, 9–11 дек. 2002 г. / Тобол. гос. ист.-архит. музей-заповедник [и др.]; [редкол.: А.В. Нескоров и др.]. Омск – Тобольск: ОмГУ, 2002. С. 277–281.

Корусенко, 2003 – Корусенко М.А. Погребальный обряд тюркского населения низовьев р. Тара в XVII–XX вв.: Опыт анализа структуры и содержания. Новосибирск: Наука, 2003. 192 с.

Корусенко, 2013 – Корусенко М.А. Душа/жизненная сила в традиционных представлениях западносибирских татар: проблема исторического генезиса // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. №4 (24). С. 57–62.

Корусенко, 2015 – Корусенко М.А. Традиционные представления сибирских татар о душе: терминология и образы // Вестник Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. 2015. Т. 14, вып. 5: Археология и этнография. С. 77–89.

Корусенко, Диянова, 2011 – Корусенко М.А., Диянова А.М. Традиционное мировоззрение барабинских татар во второй трети XX – начале XXI в.: представления о духах-хозяевах освоенных пространств // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2011. № 1 (16). С. 186–195.

Корусенко, Диянова, 2012 – Корусенко М.А., Диянова А.М. Традиционное мировоззрение барабинских татар во второй трети XX – начале XXI в.: представления о духах-хозяевах «чужих» пространств // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2012. № 1 (16). С. 83–91.

Корусенко, Ожередов, Ярзуткина, 2013 – Корусенко М.А., Ожередов Ю.И., Ярзуткина А.А. Мифология сибирских татар в символах образов и вещей (опыты прочтения). СПб.: Петербургское востоковедение, 2013. 256 с.

Корусенко, Татауров, 1995 – Корусенко М.А.. Татауров С.Ф. Влияние административно-территориального деления Омской области на развитие культурных процессов // Урбанизация и культурная жизнь Сибири. Омск: Ом. гос. ун-т, 1995. С. 228–229.

Корусенко, Татауров, 1995 – Корусенко М.А.. Татауров С.Ф. Планиграфия и ориентация татарских поселений и могильников в низовьях р. Тары // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума (культура тарских татар). Т.2. Новосибирск: Наука, 1997. С. 91–118.

Корусенко, 2006 – Корусенко С.Н. Этносоциальная история и межэтнические связи тюркского населения Тарского Прииртышья в XVII – XX веках. Омск: ООО «Издательский дом «Наука»», 2006. 218 с.

Корусенко, 2011 – Корусенко С.Н. Сибирские бухарцы в начале XVIII века. Омск: Издат. дом «Наука», 2011. 248 с.

Корусенко, Томилов, 2013 – Корусенко С.Н., Томилов Н.А. Легенды и исторические предания сибирских татар // Традиционная культура. 2013. № 3. С. 111 – 120.

Косинцев, 2010 – Косинцев П.А. Костные останки из раскопок городища Искер в 1915 году // Динамика экосистем в голоцене: материалы Второй Российской науч. конф. Екатеринбург, Челябинск. Рифей, 2010. С. 243–246.

Костюков, 1998 – Костюков В.П. Улус Шибана в XIII–XIV вв. (по письменным данным) // Проблемы истории, филологии, культуры. 1998. Вып. VI. С.210–224.

Костюков, 2008 – Костюков В.П. «Железные псы Батуидов» (Шибан и его потомки в войнах XIII века) // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2008. №1. С.43–97.

Костюков, 2009 – Костюков В.П. Шибаниды и тукаимуриды во второй половине XIV века // Вестник Челябин. гос. ун-та. История. Вып.34. 2009. № 28 (166). С.39–43.

Костюков, 2010 – Костюков В.П. Улус Шибана Золотой Орды в XIII–XIV вв. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2010. 200 с.

Кочекаев, 1988 – Кочекаев Б.-А.Б. Ногайско-русские отношения в XV–XVIII вв. Алмата: Наука КазССР, 1988. 268 с.

Крадин, Скрынникова, 2006 – Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д. Империя Чингис-хана. М.: Вост. лит., 2006. 557 с.

Крамаровский, 2012 а – Крамаровский М.Г. Человек средневековой улицы. Золотая Орда. Византия. Италия. СПб.: Евразия, 2012 а. 496 с.

Крамаровский, 2012 б – Крамаровский М.Г. Два вектора формирования культуры монгольской элиты XIII–XIV вв. // История и культура средневековых народов степной Евразии материалы III Международного конгресса средневековой археологии евразийских степей. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2012. С.200–203.

Красинский, 1947 – Красинский Г. Покорение Сибири и Иван Грозный // Вопросы истории. 1947. № 3. С.80–99.

Кренке, 2009 – Кранке Н.А. Археология Романова двора: предыстория и история центра Москвы в XII–XIX веках (Материалы охранных археологических исследований). Т.12. М.: ИА РАН, 2009. 524 с.

Кузеев, 2010 – Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. Этнический состав, история расселения. Уфа: ДизайнПолиграфСервис, 2010. 560 с.

Курлаев, 2002 – Курлаев Е.А. Тюркские памятники археологии Урала и Западной Сибири в исторических источниках XVII – XVIII вв. // Тюркские народы. Тобольск; Омск: ОмГПУ, 2002. С. 67–69.

Кызласов, 1962 – Кызласов Л.Р. Начало сибирской археологии // Историко-археологический сборник М.: Изд-во МГУ, 1962, с. 49. 368 с.

Кызласов, 1980 – Кызласов Л.Р. Паромные переправы в средневековой Хакассии (Из истории средств передвижения) // Вопросы археологии Хакассии. Абакан, 1980. С. 121–127.

Фон Кюгельген, 2004 – фон Кюгельген А. Легитимация среднеазиатской династии мангитов в произведениях их историков (XVIII–XIX вв.). Алматы: Дайк-пресс, 2004. 516 с.

Левашева, 1928 а – Левашева В.П. Вознесенское городище Барабинского округа, Спаского района, на левом берегу р. Оми // Известия Государственного Западно-Сибирского музея. Омск, 1928. №1. С. 87–98.

Левашева, 1928 б – Левашева В.П. Предварительное сообщение об археологических исследованиях Зап.-Сибирского музея за 1926–27 гг. // Известия Государственного Западно-Сибирского музея. Омск, 1928. №1. С. 157–161.

Левашева, 1950 – Левашева В.П. О городищах Сибирского юрта // Советская археология. Т. XIII. М., 1950. с. 341–350.

Линденау, 1983 – Линденау Я.И. Описание народов Сибири (первая половина XVIII века). Магадан: Магадан. кн. изд-во, 1983. 176 с.

Лукичев, Рогожин, 1984 – Лукичев М.П., Рогожин Н.М. Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой 1489–1508 гг. как исторический источник // Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой. 1489–1508 гг. М.: Институт истории АН СССР, 1984. С.7–10.

Любимов, 1915 – Любимов С.В. Опыт исторических родословий. Гундоровы, Жижемские, Несвицкие, Сибирские, Зотовы и Остерманы. Пбг.: Тип. Андерсона и Лойцянского, 1915. 108 с.

Малиновский, 1999 – Малиновский В.Г., Томилов Н.А. Томские татары и чулымские тюрки в первой четверти XVIII века: хозяйство и культура (по материалам Первой подушной переписи населения России 1720 года). / Культура народов России; Т. 3. Новосибирск: Наука, 1999. 536 с.

Марджани, 2005 – Марджани Ш. Извлечение вестей о состоянии Казани и Булгара. Ч. I. Казань: Иман, 2005. 199 с.

Марков, 2008 – Марков А.К. Монеты Джучидов: Золотая Орда, татарские ханства. Казань: Институт истории АН РТ, 2008. 120 с.

Мартынова, 1991 – Мартынова Е.П. Волостная организация хантов // Экспериментальная археология. Вып. 1. Тобольск: Изд-во ТГПИ, 1991, 1991. С.128–139.

Мартынова, 1998 – Мартынова Е.П. Очерки истории и культуры хантов. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1998. 235 с.

Мартынова, 1999 – Мартынова Е.П. Обские угры в середине II тыс. н.э. (к вопросу о социально-политической организации в «дорусский период») // Обские угры. Материалы II-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск-Омск: ОмГПУ, 1999. С.149–152.

Мартынова, 2002 – Мартынова Е.П. Татарско-угорские политические связи в XIV–XV вв. // Тюркские народы. Материалы V-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск-Омск: ОмГПУ, 2002. С. 294–296.

Маслюженко, 2008 – Маслюженко Д.Н. Этнополитическая история лесостепного Приобья в средние века. Курган: Изд-во Курган. госун-та, 2008. 168 с.

Маслюженко, 2009 – Маслюженко Д.Н. Легитимизация Тюменского ханства во внешнеполитической деятельности Ибрахим-хана (вторая половина XV в.) // Тюркологический сборник. 2007–2008. История и культура тюркских народов России и сопредельных стран. М.: Востлит, 2009. С.237–257.

Маслюженко, 2010 – Маслюженко Д.Н. Сибирская княжеская династия Тайбугидов: истоки формирования и мифологизация генеалогии // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып.2. Казань: Ихлас, 2010. С.9–21.

Маслюженко, 2011-а – Маслюженко Д.Н. Ханы Махмуд-Ходжа и Хаджи-Мухаммад, или «улус Шибана» в первой четверти XV века // Вопросы истории и археологии средневековых кочевников и Золотой Орды: сборник научных статей, посвященных памяти В.П.Костюкова / Д.В. Марыксин, Д.В. Васильев [отв. ред. и сост.]. Астрахань: Астраханский гос. ун-т, Издательский дом «Астраханский университет», 2011 а. С.88–101.

Маслюженко, 2011 – Маслюженко Д.Н. Политическая деятельность Сибирских Шибанидов в первой четверти XVI века (по переписке Ак-Курта с Москвой) // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири: материалы междунар. конф. / под ред. Д.Н.Маслюженко, С.Ф.Татаурова. Курган: Изд-во Курган. гос.ун-та, 2011. С.62–68.

Маслюженко, 2012 – Маслюженко Д.Н. Политическая история становления ханства Абулхайра на юге Западной Сибири // Тюрко-татарские государства. Вып.4. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани, 2012. С.76–88.

Маслюженко, 2014 а – Маслюженко Д.Н. Ногайский фактор в московско-сибирских переговорах 155-1563 гг. // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири: материалы II Всеросс. науч. конф. (Курган, 17–18 апреля 2014 г.) / Д.Н.Маслюженко (отв.редактор), С.Ф.Татауров. Курган: Изд-во Курган. гос.ун-та, 2014. С.51–55.

Маслюженко, 2014 б – Маслюженко Д.Н. Тюрко-монгольские традиции в «государстве кочевых узбеков» хана Абулхайра // Золотоордынское обозрение. № 3 (5). 2014. С.121–138.

Маслюженко, 2015 а – Маслюженко Д.Н. Деятельность суфийских орденов на территории Тюменского и Сибирского ханств // Вестник Томского государственного университета. История. 2015. № 2 (34). С.5–9.

Маслюженко, 2015 б – Маслюженко Д.Н. Выявление памятников золотоордынского времени на территории лесостепного Приоболья: постановка проблемы // Этнические взаимодействия на Южном Урале: материалы VI Всероссийской научной конференции. Челябинск, 2015. С.292–298.

Маслюженко, 2015 в – Маслюженко Д.Н. Сообщение Продолжателя «Чингиз-наме» Утемиша-Хаджи как источник по истории Сибирских Шибанидов // Золотоордынское обозрение. № 4. 2015. С.117–134.

Маслюженко, 2015 г – Маслюженко Д.Н. Поименные списки соратников Абулхайра как источник по изучению политической истории Юго-Западной Сибири второй четверти XV в. // Сибирский сборник / под ред. Д.Н.Маслюженко, З.А.Тычинских. Вып.3. Курган: Изд-во Курганского гос.ун-та, 2015 г. С.44–60.

Маслюженко, Парунин, 2016 – Маслюженко Д.Н., Парунин А.В. Сибирские татарские государства в системе позднезолотоордынского мира (рецензия на «История татар с древнейших времен. Т.IV. Татарские государства XV–XVIII вв.». Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014. 1082 с.) // Золотоордынское обозрение. 2016, № 1. С.208–228.

Маслюженко, Рябинина, 2009 а – Маслюженко Д.Н., Рябинина Е.А. Ситуация в Сибири и Тюмени в конце XV – начале XVI века по данным иностранных путешественников // Емельяновские чтения: материалы Всеросс. науч.-практич. конф. Курган: Изд-во Курган. гос.ун-та, 2009. С.170–171.

Маслюженко, Рябинина, 2009 б – Маслюженко Д.Н., Рябинина Е.А. Реставрация Шибанидов в Сибири и правление Кучум хана во второй половине XVI века // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып.1. Казань, 2009. С.97–111.

Маслюженко, Рябинина, 2010 – Маслюженко Д.Н., Рябинина Е.А. Прибытие Кучумовичей в Россию осенью 1598 – зимой 1599 г. (особенности статуса и повседневной жизни пленных Чингисидов) // История народов России в исследованиях и документах. М.: ИРИ РАН, 2010. Вып. 4. С. 81–102.

Маслюженко, Рябинина, 2011 – Маслюженко Д.Н., Рябинина Е.А. Особенности повседневной жизни пленных Кучумовичей в Московском государстве осенью 1598 – зимой 1599 гг. // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып.3. Казань: Ихлас, Институт истории им.Ш.Марджани АН РТ, 2011. С.75–93.

Маслюженко, Рябинина, 2012 – Маслюженко Д.Н., Рябинина Е.А. Москва и Искер в 1569–1582 гг. в контексте международной политики // Тюрко-татарские государства. Вып.4. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани, 2012. С.213–222.

Маслюженко, Рябинина, 2014 а – Маслюженко Д.Н., Рябинина Е.А. Поход 1483 г. и его место в истории русско-сибирских отношений // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2014. № 1 (24). С.115–123.

Маслюженко, Рябинина, 2014 б – Маслюженко Д.Н., Рябинина Е.А. Почему Кучум не стал защищать Искер? // Присоединение Сибири к России: новые данные: материалы Всеросс. науч.-практ. конф. с международным участием. Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2014 б. С.139–144.

Маслюженко, Татауров, 2015 – Маслюженко Д.Н., Татауров С.Ф. Искер как мифологема Сибирского ханства // Золотоордынское обозрение. № 4. 2015. С.135–144.

Матвеев, 1997 – Матвеев А.В. Легендарные городки аялыньских татар (историографическое исследование) // IV Исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Омск: Изд-во ОмГУ, 1997. С. 80–84.

Матвеев, 2014 а – Матвеев А.В. История сухопутных путей сообщения Омского Прииртышья (Средневековье – Новое время): монография / А.В. Матвеев; отв. ред.: С.С. Тихонов, Н.А. Томилов. Омск: Издательский дом «Наука», 2014. 268 с.

Матвеев, 2014 б – Матвеев А.В. Тара и тарские служилые люди на защите рубежей Российского государства в XVII–XVIII вв. // Тара в XVI–XIX веках – российская крепость на берегу Иртыша. Омск: Амфора, 2014. С. 38–66.

Матвеев, Аношко, 2009 – Матвеев А.В., Аношко О.М. Раскопки городища Старый Погост // Археологические открытия 2006 года. М: Наука, Институт археологии РАН, 2009. С. 615.

Матвеев, Аношко, Сомова, Селиверстова, 2009 – Матвеев А.В., Аношко О.М., Сомова М. А., Селиверстова Т.В. Исследование объекта с частоколом и подземным ходом на территории Тобольского посада // Культура русских в археологических исследованиях. Омск: Апельсин, 2008. 440 с.

Матвеев, Измер, Молявина, 2006 – Матвеев А.В., Измер Т.С., Молявина Е.Ю. Некоторые итоги археологического изучения исторической части Тюмени // Сулеймановские чтения–2006: материалы IX Всерос. конф. Тюмень: ИПЦ «Экспресс», 2006. С. 62–64.

Матвеев, Самигулов, 2015 – Матвеев А.В., Самигулов Г.Х. К вопросу о юго-западных границах Сибирского ханства (данные топонимики и картографии) // Интеграция археологических и этнографических исследований: сборник научных трудов. Барнаул; Омск: Изд. дом «Наука», 2015. С. 212–218.

Матвеев, Скандаков, 2008 – Матвеев А.В., Скандаков И.Е. Работа Омского музея просвещения по сохранению памятника археологии «городище и селище Крапивка II» XIV–XVI вв. // Культура и народы Северной Азии и сопредельных территорий в контексте междисциплинарного изучения: Сборник Музея археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского. Томск: Томский гос. ун-т, 2008. Вып. 2. С. 350–360.

Матвеев, Татауров, 2006 а – Матвеев А.В., Татауров С.Ф. Некоторые итоги полевых работ на археологических комплексах XIV–XVI вв. в Среднем Прииртышье // Современные проблемы археологии России: Сб. науч. тр. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2006. Т. II. С. 154–156.

Матвеев, Татауров, 2006 б – Матвеев А.В., Татауров С.Ф. Средневековое городище Екатерининское V в Тарском районе (итоги работ 2005 г.) // Тарское Прииртышье и проблемы сохранения историко-культурного наследия малого исторического города России: материалы истор.-краевед. конф., посвященной памяти А.В. Ваганова. Омск: Изд-во ОмГАУ, 2006. С. 65–66.

Матвеев, Татауров, 2008a – Матвеев А.В., Татауров С.Ф. Коллекции фонда археологии Омского государственного историко-краеведческого музея – источник по истории сибирских ханств // Музейные ценности в современном обществе. Омск: ОГИК-музей, 2008. С. 73–77.

Матвеев, Татауров, 2008 б – Матвеев А.В., Татауров С.Ф. Проблемы культурно-хронологической интерпретации памятников XIV–XVI вв. в Среднем Прииртышье // Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: проблемы интерпретации и реконструкции: материалы Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2008. С. 149–152.

Матвеев, Татауров, 2009 – Матвеев А.В., Татауров С.Ф. Сибирское ханство Кучума царя. Некоторые вопросы государственного устройства // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 1. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2009. С. 112–117.

Матвеев, Татауров, 2011 а – Матвеев А.В., Татауров С.Ф. К вопросу об административно-территориальном устройстве Сибирского ханства // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири: материалы Междунар. конф. Курган: Изд-во Курган. гос.ун-та, 2011. С. 33–37.

Матвеев, Татауров, 2011 б – Матвеев А.В., Татауров С.Ф. Границы Сибирского ханства Кучума // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири: материалы Междунар. конф. Курган: Изд-во Курган. гос.ун-та, 2011. С. 70–78.

Матвеев, Татауров, 2011 в – Матвеев А.В., Татауров С.Ф. Карта Сибирского ханства: политическое, экономическое и этническое наполнение // Средневековые тюрко-татарские государства. Сб. ст. Вып. 2. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. С. 57–65.

Матвеев, Татауров, 2011 г – Матвеев А.В., Татауров С.Ф. Пути сообщения сибирских ханств // Вестник Омского университета, 2011. № 3. С. 95–101.

Матвеев, Татауров, 2012 а – Матвеев А.В., Татауров С.Ф. Сибирское ханство: военно-политические аспекты истории. Казань: Фэн АН РТ, 2012. 260 с.

Матвеев, Татауров, 2012 б – Матвеев А.В., Татауров С.Ф. К вопросу о восточных границах Сибирского ханства // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 4. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2012. С. 89–93

Матвеев, Татауров, 2012 в – Матвеев А.В., Татауров С.Ф. Еще раз об отношении отечественной истории к сибирской государственности // Сулеймановские чтения (XV): материалы Всерос. науч.-практ. конф. Тюмень: Изд-во ТГУ, 2012. С. 105–111.

Матвеев, Татауров, 2013 а – Матвеев А.В., Татауров С.Ф. К вопросу о восточных границах Сибирского ханства // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 4 (24). С. 78–82.

Матвеев, Татауров, 2013 б – Матвеев А.В., Татауров С.Ф. «Татарская керамика» Западной Сибири: появление и эволюция термина // Интеграция археологических и этнографических исследований: сб. науч. тр. В 2 т. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2013. Т.1. С. 127–134.

Матвеев, Татауров, 2014 а – Матвеев А.В., Татауров С.Ф. Города и городки Сибирского ханства // История татар с древнейших времен. Т. IV. Татарские государства XV–XVIII вв. Казань: ООО «Фолиант», 2014. С. 391–405.

Матвеев, Татауров, 2014 б – Матвеев А.В., Татауров С.Ф. Сухопутные коммуникации // Этнографо-археологические комплексы народов Тарского Прииртышья: природная среда, этнос, источники: монография / М.Л. Бережнова, С.Н. Корусенко, А.В. Матвеев, С.Ф. Татауров, Л.В. Татаурова, К.Н. Тихомиров, С.С. Тихонов, Н.А. Томилов. Омск: Издательский дом «Наука», 2014. С. 58–73.

Матвеев, Трофимов, 2006 – Матвеев А.В., Трофимов Ю.В. Исследования городища позднего средневековья Кошкуль IV в Тарском Прииртышье в 2003–2004 гг. // Труды по археологии и этнографии ОГИК-музея. Омск: ОГИК - музей, 2006. С. 69–86.

Матвеев, Яворская, 2003 – Матвеев А.В. Яворская Л.Я. Территория современной Омской области на листах «Хорографической чертежной книги Сибири» С.У. Ремезова 1697–1711 гг. // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. Омск, ОГИК музей, 2003. Т. 10. С. 147–162.

Матвеева, 1994 – Матвеева Н.П. О торговых связях Западной Сибири и Центральной Азии в древности // Западная Сибирь – проблемы развития. Тюмень: РАН, Сибирское отделение, Институт освоения Севера, 1994. С. 45–55.

Матвеева, Алиева, 2014 – Матвеева Н.П., Алиева Т.А. Исследование памятника Царевو городище в исторической части Тюмени в 2011 г. // Тр. IV Всерос. археол. съезда. Т. III. Казань: Отечество, 2014. С. 640–645

Матвеева и др., 2005 – Матвеева Н.П., Ларина Н.С., Берлина С.В., Чукунова И.Ю. Комплексное изучение условий жизни древнего населения Западной Сибири. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. 228 с.

Матвеева, Матвеев, Зах, 1994 – Матвеева Н.П., Матвеев А.В., Зах В.А. Археологическое путешествие по Тюмени и ее окрестностям. Тюмень: ИПОС СО РАН, 1994. 190 с.

Матющенко, 2001 – Матющенко В.И. Триста лет истории сибирской археологии. Омск, Изд-во Омск. ун-та, 2001. Т. I. 179 с.

Матющенко, 2003 – Матющенко В.И. Могильник на Татарском увале у д. Окунево (ОмVII). Раскопки 1998, 1999 годов. Омск: Изд-во ОмГУ, 2003. 64 с.

Маясова, 2004 – Маясова Н.А. Древнерусское лицевое шитье: Каталог. М.: Красная площадь, 2004. 496 с.

Мельников, 1996 – Мельников Б.В. Поселение Бергамак III: Предварительное сообщение // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. Новосибирск: Наука, 1996. Т. 1. С.84–91.

Мельников, Татуров, 1992 – Мельников Б.В., Татуров С.Ф., Тихонов С.С. Пути и возможности миграций в условиях таежной зоны // Экспериментальная археология. Тобольск: Изд-во ТГПИ, 1992. Вып. 2. С. 108–111.

Менщиков, 2012 – Менщиков В.В. Николай Алексеевич Абрамов: к 200-летию со дня рождения // X Зырянские чтения: материалы Всероссийской научно-практической конф. Курган: Изд-во Курган. гос. ун-та, 2012. С. 5–6.

Менщиков, 2014 – Менщиков В. Творчество Николая Абрамова // Альманах «Тобольск и вся Сибирь». Курган. XXIII том. Тобольск: Издательский отдел Общественного благотворительного фонда «Возрождение Тобольска», 2014. С. 213–215.

Миллер, 1750 – Миллер Г.Ф. Описание Сибирского царства. СПб., 1750. 457 с.

Миллер, 1937 – Миллер Г.Ф. История Сибири. Кн.1. М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1937. 662 с.

Миллер, 1941 – Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 2. М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1941. 535 с.

Миллер, 1998 – Миллер Г.Ф. Описание Сибирского ханства и всех происшедших в нем дел от начала. А особливо от покорения его Российской державе по сии времена Кн.1. М.: Либрея, 1998. С. 35–36.

Миллер, 1999 – Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 1. М.: Изд. фирма «Вост. лит-ра» РАН, 1999. 630 с.

Миллер, 2005 а – Миллер Г.Ф. История Сибири. Т.1. М.: Восточная литература РАН, 2005. 630 с.

Миллер, 2000 – Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 2. М.: Изд. фирма «Вост. лит-ра» РАН, 2000. 796 с.

- Миллер, 2005 б* – Миллер Г.Ф. История Сибири. Т.III. М.: Восточная литература РАН, 2005 б. 598 с.
- Миненко, 1975* – Миненко Н.А. Северо-Западная Сибирь в XVIII – первой половине XX в. Новосибирск: Наука, 1975. 308 с.
- Миненко, 2000* – Миненко Н. Хожение за «Камень» (Начало Азиатской России: новое время) // Родина. 2000. № 5. С.64–71.
- Миргалеев, 2011* – Миргалеев И.М. «Чингиз-наме» Утемиша-хаджи: перспективы изучения // Золотоордынская цивилизация. Вып. 4. Казань: ООО «Фолиант», Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. С. 14–20.
- Миргалеев, 2014* – Миргалеев И.М. Сообщение Продолжателя «Чингиз-наме» Утемиша-хаджи о поздних Шибанидах // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири: материалы II Всерос. науч. конф. Курган: Изд-во Курган. гос.ун-та, 2014. С.64–66.
- Мирзоев, 1970* – Мирзоев В.Г. Историография Сибири (домарксистский период). М.: Мысль, 1970. 391 с.
- Михайлов, 1993* – Михайлов В.А. Оружие и доспехи бурят. Улан-Удэ: Изд-во ОНЦ «Сибирь», 1993. 71 с.
- Могильников, 1965* – Могильников В.А. Ананьевское городище и вопрос о времени тюркизации Среднего Прииртышья и Барабы // Советская археология. 1965. №1. С. 275–282.
- Могильников, 1967* – Могильников В.А. Исследования в лесном Прииртышье // Археологические открытия 1966 г. М.: Наука, 1967. С.151.
- Могильников, 1968* – Могильников В.А. Лесные племена Прииртышья и Нижнего Приобья в I – начале II тыс. н.э. // История Сибири. Л.: Наука, 1968. Т.I. С.264–265.
- Могильников, 1973* – Могильников В.А. Археологическая разведка на севере Омской области // Краткие сообщения Институт археологии. 1973. Вып. 136. С. 92–99.
- Могильников, 1984* – Могильников В.А. К проблеме характеристики культуры сибирских татар XIV-XVI вв. // г. Тара 400 лет: материалы науч.-практ. конф. Омск: Изд-во Ом ГПУ, 1984. С. 120–128.
- Могильников, 1997* – Могильников В.А. Позднесредневековые материалы из комплекса памятников у дер. Окунево в Тарском Прииртышье (к проблеме происхождения тарских татар) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 1997. № 1. С.51–64.
- Могильников, 2001 а* – Могильников В.А. О локализации Кизил-Туры // Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея. Тюмень: Тюмень, 2001. С. 258–261.
- Могильников, 2001 б* – Могильников В.А. Предметы бронзового литья с городища Старый погост // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2001. Вып. 3. С. 114–121.
- Могильников, 2004* – Могильников В.А. О времени заселения городища Искер // Тобольский хронограф. Вып. 4. Екатеринбург: Уральский рабочий, 2004. С. 113–119.
- Молодин, 1979* – Молодин В.И. Кыптовский могильник. Новосибирск: Наука, 1979. 182 с.
- Молодин, 1990* – Молодин В.И. Культурные памятники угорского населения лесостепного Обь-Иртышья // Мировоззрение финно-угорских народов. Новосибирск, 1990. С. 128–140.
- Молодин, Соболев, Соловьев, 1990* – Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьёв А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья. Новосибирск: Наука, 1990. 262 с.
- Молодин, Новиков, Поздняков, Соловьев, 2012* – Молодин В.И., Новиков А.В., Поздняков Д. В., Соловьёв А.И. Позднесредневековые комплексы на озере Крючное (Средняя Тара). Новосибирск: : ИАЭТ СО РАН, НГУ, 2012. 162 с.
- Морозов, Пархимович, Шашков, 1995* – Морозов В.М., Пархимович С.Г., Шашков А.Т. Очерки истории Коды. Екатеринбург: Волот, 1995. 192 с.

Мустакимов, 2008 – Мустакимов И. Термин «Золотой престол» в Поволжье по данным арабографичных источников // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2008. № 1. С.142–157.

Мустакимов, 2009 а – Мустакимов И.А. К вопросу об истории ногайского присутствия в Казанском юрте // Национальная история татар: теоретико-методологическое введение. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2009. С. 185–189.

Мустакимов, 2009 б – Мустакимов И.А. Владения Шибана и Абулхайр-хана по данным «Таварих-и гузида- Нусрат-наме» // Национальная история татар: теоретико-методологическое введение. Казань: Ин-т истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2009. С.214–232.

Мустакимов, 2010 – Мустакимов И.А. Владения Шибана и Шибанидов в XIII–XV вв. по данным некоторых арабографичных источников // Средневековые тюрко-татарские государства. Сб. ст. Вып.2. Казань: Изд-во «Ихлас», 2010. С.21–32.

Мустакимов, 2011 – Мустакимов И.А. Сведения «Таварих-и гузида - Нусрат-наме» о владениях некоторых джучидов // Тюркологический сборник. 2009–2010: Тюркские народы Евразии в древности и средневековье. М.: Вост.лит, 2011. С. 228–248.

Мустакимов, 2015 – Мустакимов И.А. Еще раз к вопросу о цветообозначениях орд в Улусе Джучи (Термин Боз-Орда в источниках XVI–XIX вв.) // Золотоордынское обозрение. 2015. №2. С.129–149.

Мустафина, 1992 – Мустафина Р.М. Представления, культы, обряды у казахов в контексте бытового ислама в Южном Казахстане. Алматы: Каз.ун-ті, 1992. 173 с.

Мухамедьяров, 1973 – Мухамедьяров Ш.Ф. Юрт // Советская историческая энциклопедия. Т.14. М.: Гос. науч. изд-во «Советская энциклопедия», 1973. С. 828.

Мухамедьяров, 2002 – Мухамедьяров Ш.Ф. Еще раз об установлении правильного названия династии Сибирские Шибаниды (Сыбаниды), а не Шейбаниды // Тюркские народы. Материалы V Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск-Омск: ОмГПУ, 2002. С.200–201.

Назаров, 1969 – Назаров В.Д. Зауральская эпопея XVI века // Вопросы истории. 1969. № 12. С.103–116.

Напольских, 2014 – Напольских В.В. Рец. на: Сирина А.А. Эвенки и эвены в современном мире. Самосознание, природопользование, мировоззрение. М.: Восточная литература, 2012. 604 с., илл. // Этнографическое обозрение-Online. 2014. № 2. С.193–201.

Небольсин, 1849 – Небольсин П. Покорение Сибири. СПб.: Типография И.Глазунова и Ко, 1849. 264 с.

Нестеров, 1994 – Нестеров А.Г. Монеты сибирских Шейбанидов // II Берсовские чтения: материалы науч. конф. Екатеринбург: Банк культурной информации, 1994. С. 57–63.

Нестеров, 2002 а – Нестеров А.Г. Искерское княжество Тайбугидов (XV–XVI вв.) // Сибирские татары. Казань: Институт истории АН РТ, 2002. С.17–23.

Нестеров, 2002 б – Нестеров А.Г. Династия Сибирских Шейбанидов // Тюркские народы: материалы V-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (9–11 декабря 2002 г., г. Тобольск). Тобольск-Омск, 2002б. С. 205–214.

Нестеров, 2003 – Нестеров А.Г. Формирование государственности у тюркских народов Урала и Западной Сибири в XIV–XVI вв. // Дешт-и Кипчак и Золотая Орда в становлении культуры евразийских народов: материалы междунар. науч.-практ. конф. М.: ИСАА при МГУ, 2003. С.111–114.

Нестеров, 2004 – Нестеров А.Г. Документы Сибирских Шейбанидов XV–XVI вв. // Восток-Запад: диалог культур Евразии. Проблемы средневековой истории и археологии. Вып.4. Казань, 2004. С.280–281.

Нестеров, 2007 – Нестеров А.Г. Тюменское ханство: Государство Сибирских Шейбанидов в XV веке // Уральское востоковедение. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2007. Вып. 2. С. 78–84.

- Никитин, 2001* – Никитин Н.И. Соратники Ермака после «сибирского взятия» // Проблемы истории России. Вып. 4: Евразийское пограничье. Екатеринбург: Волот, 2001. С. 51–87.
- Новлянская, 1970* – Новлянская М.Г. Даниил Готтлиб Мессершмидт и его работы по исследованию Сибири. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1970. 184 с.
- Новосельский, 1948* – Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. 452 с.
- Носкова, эл. вариант* – Носкова Л. Работы на Демьянском городке (городище Малый Ярок) в Уватском районе Тюменской области // Наши экспедиции // Ассоциация Северная Археология [электронный ресурс] http://www.northarch.ru/exp2006_3.htm Дата обращения 07.03.2016.
- Овчинникова, 1988* – Овчинникова Б.Б. Старо-Лыбаевское поселение // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. Свердловск: УрГУ, 1988. С. 141–152.
- Овчинникова, 1996* – Овчинникова Б. Б. Загадки столицы Сибирского юрта // Древности Урала. Очерки истории Урала. Екатеринбург, 1996. С. 101–109.
- Овчинникова, 2015* – Овчинникова Б.Б. Искер – Кучумово городище (археологические исследования 1968 года) // Поволжская археология. 2015. №4 (14). С. 166–193.
- Оглоблин, 1900* – Оглоблин Н.Н. Обзорные столбцы и книг Сибирского приказа (1592–1768 гг.). Ч. 3. М: Университетская типография, 1900. 396 с.
- Огородников, 1920* – Огородников В.И. Очерк истории Сибири до начала XIX столетия. Ч. 1. Введение. История дорусской Сибири. Иркутск: Тип. Штаба Воен. Округа, 1920. 289 с.
- Огрызко, 1941* – Огрызко И.И. Христианизация народов Тобольского Севера в XVIII в. Л. Учпедгиз, 1941. 148 с.
- Ожередов, Худяков, 2007 – Ожередов Ю.И., Худяков Ю.С. Сузунский шлем // Археология, этнография и антропология Евразии. 2007. № 1 (29). С. 93–99.
- Окладников, 1977* – Окладников А.П. Из истории Академии наук и ее деятельности в дореволюционной Сибири // Академия наук и Сибирь. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1977. С. 10–18.
- Окладников, 1979* – Окладников А.П. Открытие Сибири. М.: Молодая гвардия, 1979. 223 с.
- Оксенов, 1888* – Оксенов А. Сибирское царство до Ермака // Томские губернские ведомости. 1888. № 14. С.14–16.
- Оксенов, 1889* – Оксенов А.В. Сибирь до эпохи Ермака по сведениям западноевропейских писателей и путешественников// Томские губернские ведомости. 1889. № 2. С. 1–43.
- Опись, 1977* – Опись архива Посольского приказа 1626 года. Ч.1. М.: Наука, 1977. 416 с.
- Опись, 1990* – Опись Архива Посольского приказа, 1673 г. Ч. 1. М.: Главное Архивное Управление, 1990. 526 с.
- Очерки истории, 1997* – Очерки истории города Омска. Дореволюционный Омск / Под ред. А.П. Толочко. Омск: ОмГУ, 1997. Т. 1. 291 с.
- Очерки культурогенеза, 1994* – Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Томск: ТГУ, 1994. Т.1. Поселения и жилища. 480 с.
- Очерки по истории, 1995* – Очерки по истории обмена и торговли в древности на территории Западной Сибири. Омск: Изд-во ОмГУ, 1995. 216 с.
- Павлов, 1992* – Павлов А.П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове, (1584–1605 гг.). СПб.: Наука, 1992. 280 с.
- Палашенков, 1980* – Палашенков А.Ф. Материалы к археологической карте Омской области // Археология Прииртышья. Томск: Изд-во Томского университета, 1980. С. 100–147.
- Парунин, 2011 а* – Парунин А.В. Походы Сибирских Шибанидов на Казань в конце XV в. // Вопросы истории и археологии средневековых кочевников и Золотой Орды: сборник

научных статей, посвященных памяти В.П.Костюкова / Д.В. Марыксин, Д.В. Васильев [отв. ред. и сост.]. Астрахань: Астрахан.гос. ун-т, Издательский дом «Астраханский университет», 2011 а. С.102–109.

Парунин, 2011б – Парунин А.В. Дискуссионные моменты гибели лидера Сибирских Шибанидов Ибак-хана // XIV Сулеймановские чтения: материалы Всероссийской научно-практической конференции (Тюмень, 13–14 мая 2011). Тюмень: Универсальная типография «Альфа Принт», 2011б. С.72–77.

Парунин, 2011 в – Парунин А.В. Посольские книги как источник по истории Тюменского ханства // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири: материалы междунар. науч. конф. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2011. С.42–44.

Парунин, 2013 – Парунин А.В. Русские летописи как источник по истории Тюменского ханства // Средневековые тюрко-татарские государства. Сб. ст. Вып. 5. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2013. С.57–63.

Парунин, 2015 – Парунин А.В. Сведения об Ак-Орде и Кок-Орде в свете устной исторической традиции // Золотая Орда: история и культурное наследие: сборник научных материалов. Астана: ИП «BG-print», 2015. С.51–61

Пархимович, 1986 – Пархимович С.Г. Некоторые итоги изучения памятников русской колонизации Восточного Урала и Западной Сибири (XVI–XVII вв.) // Проблемы урало-сибирской археологии. Свердловск: УрГУ, 1986. С. 138–143.

Патканов, 1891 – Патканов С.К. Тип Остяцкого богатыря по остяцким былинам и героическим сказаниям. СПб.: Типография С.Н. Худекова, 1891. 81 с.

Патканов, 1999 – Патканов С.К. Очерки колонизации Сибири // Сочинения в двух томах. Т. II Под ред. С.Г. Пархимовича. Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 1999. 320 с.

Пачкалов, 2011 – Пачкалов А.В. Новые находки средневековых мусульманских монет в Сибири и на Урале // История, экономика и культуры средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири: материалы междунар. конф.. Курган: Изд-во Курган. гос.ун-та, 2011. С.39–41.

Пекарский, 1872 – Пекарский П. П. Когда и для чего основаны города Уфа и Самара? // Сборник отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. Т. X. №5. 1872. С. 1–29.

Первалова, 2004 – Первалова Е.В. Северные ханты: этническая история. Екатеринбург: УрО РАН, 2004. 414 с.

Первалова, 2013 – Первалова Е.В. Шерть, «медвежья присяга» и пляска с саблями // Уральский исторический вестник. № 4(41). 2013. С.120–131.

Пестерев, 2005 – Пестерев В.В. Организация населения в колонизируемом пространстве (Очерки истории колонизации Зауралья конца XVI – середины XVIII в.). Курган: Изд-во Курган. гос. ун-та, 2005. 237 с.

Пигнатти, 1915 – Пигнатти В. Н. Искер (Кучумово городище) // Ежегодник Тобольского губернского музея. Тобольск, 1915. Вып. XXV. С. 1–43.

Пигнатти, 2010 – Пигнатти В.Н. Искер (Кучумово городище) // Искер – столица Сибирского ханства. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани, 2010. С. 186–226.

Пилипчук, 2014 – Пилипчук Я.В. Сибирь и Великая Пермь в политике Рюриковичей и Джучидов // Научный Татарстан. № 2. 2014. С.51–67.

Плетнева, 1976 – Плетнева Л.М. Тоянов городок (по раскопкам М.П. Грязнова в 1924 г.) // Из истории Сибири. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1976. Вып.19. С. 65–89.

Плетнева, 1990 – Плетнева Л. М. Томское Приобье в позднем средневековье (по археологическим источникам). Томск: Изд-во Томского ун-та, 1990. 133 с.

Плетнева, 1997 – Плетнева Л.М. Томское Приобье в начале II тыс.н.э. Томск: ТГУ, 1997. 350 с.

Плигузов, 1987 – Плигузов А.И. Первые русские описания Сибирской земли // Вопросы истории. 1987. № 5. С. 38–49.

Плигузов, 1993 – Плигузов А. Текст-кентавр о сибирских самоедах. М.; Ньютонавилль: Археографический центр, 1993. 156 с.

Плотников, 1906 – Плотников Г.С. Описание Далматовского Успенского общежительного третьеклассного монастыря и бывшего приписным к нему женского Введенского монастыря. Екатеринбург: Типография газеты «Урал», 1906. 99 с.

Позднесредневековые комплексы, 2012 – Позднесредневековые комплексы на озере Крючное (Средняя Тара) / В. И. Молодин [и др.]; отв. ред. Ю. С. Худяков; Новосибирск: Ин-т археологии и этнографии СО РАН, 2012. 162 с.

Полякова, 1996 – Полякова Г. Ф. Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар: Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань: ИЯЛИ, 1996. С.154–268.

Пономарев, 2014 а – Пономарев А.Л. Ибрагим, сын Махмудека: вхождение во власть и кошельки (первая часть) // Золотоордынское обозрение. 2014а. № 1. С.128–162.

Пономарев, 2014 б – Пономарев А.Л. Ибрагим, сын Махмудека: вхождение во власть и кошельки (вторая часть) // Золотоордынское обозрение. 2014б. № 2. С.191–225.

Потанин, 1884 – Потанин Г.Н. Завоевание и колонизация Сибири // Живописная Россия. 1884. Т. 11. С. 31–48.

Потапов, 1991 – Потапов Л.П. Алтайский шаманизм. Л.: Наука, 1991. 320 с.

Почекаев, 2009 а – Почекаев Р.Ю. Право Золотой Орды. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2009. 260 с.

Почекаев, 2009 б – Почекаев Р.Ю. К вопросу о переходе власти в государствах Чингизидов (4). Золотая Орда в 1358–1362 гг.: династический кризис и феномен самозванства // Золотоордынская цивилизация: Сб. ст. Вып. 2 / Ред. к. и. н. И. М. Миргалеев. Казань: Фэн, 2009. С.39–48.

Почекаев, 2010 – Почекаев Р.Ю. Цари ордынские. Биографии ханов и правителей Золотой Орды. СПб.: Евразия, 2010. 408 с.

Почекаев, 2011 – Почекаев Р.Ю. Сибирские Шибаниды XVII в.: претензии, статус, признание // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири: материалы Междунар. конф. (Курган, 21–22 апреля 2011 г.). Курган: Изд-во Курганск. гос.ун-та, 2011. С. 100–104.

Почекаев, 2014 – Почекаев Р.Ю. Многовластие в государстве Шайбанидов (опыт комплексного анализа) // Нумизматика Золотой Орды. Golden Horde Numismatics. 2014. № 4. С. 126–133.

Преображенский, 1964 – Преображенский А.А. Русские дипломатические документы второй половины XVI в. о присоединении Сибири // Исследования по отечественному источниковедению. Сборник статей, посвященный 75-летию профессора С.Н.Валка. М.-Л.: Наука, 1964. С.383–389.

Преображенский, 1972 – Преображенский А.А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI–начале XVIII в. М.: Наука, 1972. 392 с.

Пузанов, 2002 – Пузанов В.Д. Военно-административная система России в Южном Зауралье (конец XVI – начало XIX в.) // История Курганской области. Т.7. Курган: Зауралье, 2002. С.7–200.

Пузанов, 2005 – Пузанов В.Д. Служба годовальщиков в Западной Сибири XVII в. // Славянский ход. 2005: материалы и исследования. Альманах. Вып. 2. Ханты-Мансийск, Сургут: Изд-во «Цветпринт», 2005. С.106–118.

- Пузанов, 2010* – Пузанов В.Д. Военные факторы русской колонизации Западной Сибири. Конец XVI–XVII вв. СПб.: «Алетей». 2010. 432 с.
- Путинцева, 2008* – Путинцева И.В. История формирования коллекций периода освоения Сибири русскими в Омском государственном историко-краеведческом музее // Культура русских в археологических исследованиях. Омск: Апельсин, 2008. 440 с.
- Пчелов, 2009* – Пчелов Е.В. Символы Сибирского царства // Известия Уральского государственного университета. 2009. № 4(66). С. 13–22.
- Пчелов, 2013* – Пчелов Е. О символике сокола и соколиной охоты на Руси в связи с западными и восточными параллелями // Труды русской антропологической школы. 2013. Т.13. С.18–24.
- Радлов, 1872* – Радлов В.В. Образцы народной литературы тюркских племен. Ч. 4. Наречия барабинцев, тарских, тобольских и тюменских татар. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1872. 412 с.
- Радлов, 2012* – Радлов В.В. Образцы народной литературы тюркских племен. Т. 4. Казань: Татар. кн. изд., 2012. 517 с.
- Рафикова, 2010* – Рафикова Т.Н. К вопросу об этногенезе сибирских татар (по материалам Царева городища) // Сулеймановские чтения: материалы Всерос. науч.-практич. конф. «Сулеймановские чтения» (Тюмень, 18–19 мая 2010 г.). Тюмень: Издательско-полиграфический центр «Экспресс», 2010. С. 95–99.
- Рафикова, 2011* – Рафикова Т.Н. Результаты изучения Царева городища (2007–2009 гг.) // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири: материалы Междунар. конф. (Курган, 21–22 апреля 2011 г.). Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2011. С. 11–15.
- Рафикова, Матвеева, Берлина, 2007* – Рафикова Т.Н., Матвеева Н.П., Берлина С.В. К вопросу о хронологической позиции бакальской культуры (по материалам исетских городищ) // ABORIGINE: Проблемы генезиса культур Сибири. Тюмень: Изд-во Тюменс. гос. ун-та, 2007. С. 76–99.
- Рахимов, 2006* – Рахимов Р.Р. Центральная Азия: мировоззренческие системы и их влияние на социальную реальность // Этнокультурное взаимодействие в Евразии. М.: Наука, 2006. Кн. 1. С. 321–331.
- Рахимов, 2005* – Рахимов Р.Х. Грамота хранителя Юрумской Астаны (Новый источник об исламизации Сибири) // Земля Тюменская.: Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея: 2004. Вып. 18. Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2005. С. 178–191.
- Рахимов, 2005* – Рахимов Р.Х. Астана в истории сибирских татар: мавзолей первых исламских миссионеров как памятники историко-культурного наследия. Тюмень: Печатник, 2006. 76 с.
- Рева, 2013* – Рева Р.Ю. Монеты Шибанидов XV века // Тезисы XVII Всероссийской нумизматической конференции. М.: ГИМ, Триумф-Принт, 2013. С.56–58.
- Рева, эл.вариант* – Рева Р.Ю. Мухаммад Барак и его время. Обзор нумизматических и летописных сведений // URL: <http://www.history-state.kz/ru/kazakh-handigy-article4.php> (доступ свободный, время доступа – 25 февраля 2016 г.).
- Резван, 2009* – Резван М.Е. Герменевтика сновидения в контексте общемусульманской сновидческой реальности (на примере сновидений о Коране) // Центральная Азия: традиция в усложняющемся мире. Вып. 2. СПб.: МАЭ РАН, 2009. С. 48–75.
- Резван, 2011* – Резван М.Е. Коран в системе мусульманских магических практик. СПб.: Наука, 2011. 218 с.
- Резун, Шиловский, эл.вариант* – Резун Д.Я., Шиловский М.В. Сибирь, конец XVI – начало XX века: фронт в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов// <http://sibistorik.narod.ru/project/frontier/ch1.html>
- Руденко, 2007* – Руденко К. А. Волжская Булгария в XI – начале XIII в.: поселения и материальная культура. Казань: Школа, 2007. 244 с.

- Рычков, 1896* – Рычков П.И. История Оренбургская. Оренбург: Оренбургский губернский статистический комитет, 1896. 95 с.
- Рябинина, 2007* – Рябинина Е.А. Сибирский поход 1483 г.: к проблеме взаимоотношений России с Тюменским ханством // Емельяновские чтения. Материалы II Всероссийской научно-практической конференции. Курган: Изд-во Курган. гос.ун-та, 2007. С.37–38.
- Рябинина, 2011* – Рябинина Е.А. Внешняя политика Кучум-хана в 1582–1598 гг. // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири: материалы междунар. конф. (Курган, 21–22 апреля 2011 г.) Курган: Изд-во Курганс. гос.ун-та, 2011. С. 90–95.
- Сабитов, 2010* – Сабитов Ж.М. Тайбугиды в ханстве Абулхайр-хана // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып.2. Казань: Ихлас, 2010. С.32–36.
- Сабитов, 2011* – Сабитов Ж.М. О хронологии событий в Восточном Дешт-и Кыпчаке в 60–90-е годы XV века // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2011. С.58–62.
- Сабитов, 2014* – Сабитов Ж.М. Кучумовичи в Восточном Дешт-и Кыпчаке в середине XVII – начале XIX века // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири: материалы II Всерос. науч. конф. (Курган, 17–18 апреля 2014 г.). Курган: Изд-во Курган. гос.ун-та, 2014. С.88–91.
- Савельева, 1987* – Савельева Э. А. Вымские могильники XI – XIV вв. Л.: Изд-во ЛГУ, 1987. 200 с.
- Савинов, 1981* – Савинов Д.Г. Новые материалы по истории сложного лука и некоторые вопросы его эволюции в Южной Сибири // Военное дело древних племен Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1981. С. 146–162.
- Савинов, 1984* – Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л.: ЛГУ, 1984. 174 с.
- Савченкова, 1996* – Савченкова Л.Л. Черный металл Болгара. Типология // Город Болгар: Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань: ИЯЛИ, 1996. С.154–268.
- Сагалаев, 1992* – Сагалаев А.М. Алтай в зеркале мифа. Новосибирск: Наука, 1992. 176 с.
- Сайфулина, Хасанова, 2008* – Сайфулина Ф.С., Хасанова М.С. Язык тоболо-иртышских татар. Фонетический аспект (на материале фольклора сибирских татар). – Тобольск: ТГПИ им. Д.И. Менделеева, 2008. 176 с.
- Самигулов, 2011 а* – Самигулов Г.Х. От Далматова монастыря до Чебаркульской крепости. Челябинск: «Книга», 2011. 344 с.
- Самигулов, 2011 б* – Самигулов Г.Х. Тюрки Южного Зауралья в конце XVI – первой половине XVIII века: консолидация / разделение – к постановке вопроса // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири: материалы междунар. конф. Курган: Изд-во Курган. гос.ун-та, 2011. С.127–131.
- Самигулов, 2012 а* – Самигулов Г.Х. Территория Сафакулевского района в XVII – начале XIX века // Этнокультурная история населения Сафакулевского района (с древнейших времен до начала XX века). Монография / под ред. Д.Н.Маслюженко. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2012. С. 38–70, 83–97.
- Самигулов, 2012 б* – Самигулов Г.Х. К вопросу о границе Ногайской Орды и Сибирского Зауралья // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып.4. Казань: Институт истории им.Ш.Марджани, 2012. С.126–130.
- Самигулов, 2013 а* – Самигулов Г.Х. О тюркских волостях Южного Зауралья XVII–XVIII вв. // Этнические взаимодействия на Южном Урале: сб. науч. тр. / отв. ред.: А.Д. Таиров, Н.О. Иванова. Челябинск: Рифей, 2013. С. 314–334.

Самигулов, 2013 б – Самигулов Г.Х. Дорога: часть и целое: осмысление дороги в разных масштабах восприятия // Научный диалог. № 6 (18): История, социология, этнография, 2013. С. 75–87.

Самигулов, 2014 – Самигулов Г.Х. Сейдяшевы и Кульмаметевы – попытка реконструкции // Присоединение Сибири к России: новые данные: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с международным участием. Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2014. С.162–167.

Самигулов, Свистунов, 2007 – Самигулов Г.Х., Свистунов В.М. Что такое старая Казанская дорога? // Интеграция археологических и этнографических исследований: Сб. научных трудов. Одесса; Омск: ОмГПУ, Наука, 2007. С. 66–71.

Самойлович, 1927 – Самойлович А. Н. К истории культурных и этнических отношений в Волго-Уральском крае // Новый Восток. 1927. № 3. С. 210–217.

Сафаргалиев, 1996 – Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды // На стыке континентов и цивилизаций. М.: Инсан, 1996. С.280–529.

Свистунов, 2008 – Свистунов В.М. К вопросу о чуждских копиях и сибирско-казанских дорогах Южного Урала // VII исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова: сб. научных трудов. Омск: Изд-во ОмГУ, 2008. С. 312–322.

Свистунов, Меньшенин, Самигулов, 2007 – Свистунов В.М., Меньшенин Н.М., Самигулов Г.Х. Первые демидовские заводы на Южном Урале / Гл. ред. С.Г. Боталов. Челябинск: Областной дом печати, 2007. 224 с.

Седов, 2007 – Седов В. В. Изборск в раннем средневековье. М.; Наука, 2007. 413 с.

Селезнев А.Г., 1994 – Селезнев А.Г. Барабинские татары: Истоки этноса и культуры. Новосибирск: Наука, 1994. 176 с.

Селезнев А.Г., 2001 – Селезнев А.Г. Об одном успешном международном проекте Омского филиала Объединенного института истории, филологии и философии СО РАН (к выходу в свет книжки *En islam siberian*. Paris: Edition de l'EHNESS, 2000. Pp. 341–356. (Cahiers du monde russe, 41/2-3) // История и культура Сибири. Омск, ОФ ОИИФФ СО РАН, 2001. С. 120–128.

Селезнев А.Г., 2012 – Селезнев А.Г. К распространению исламских сакральных комплексов Сибири: астана деревни Лугово-Аевск Тевризского района Омской области // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития. Омск: ООО «Издательский дом «Наука», 2012. Ч. II. С.58–61.

Селезнев А.Г., 2013 – Селезнев А.Г. Исламские культовые комплексы астана в Сибири как иеротопии: сакральные пространства и религиозная идентичность // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2013. № 2 (21). С.111–119.

Селезнева, Селезнев, 1995 – Селезнева И.А., Селезнев А.Г. Система рыболовства в окрестностях деревни Чеплярово Большереченского района Омской области // Интеграция археологических и этнографических источников. Омск: Омская книга, 1995. С.37–43.

Селезнев, Селезнева, 1999 – Селезнев А.Г., Селезнева И.А. Предметы хозяйства и средств передвижения сибирских татар в коллекциях музея археологии и этнографии Омского государственного университета // Хозяйство и средства передвижения сибирских татар в коллекциях Музея археологии и этнографии Омского государственного университета. Новосибирск, 1999. С. 60–67.

Селезнев, Селезнева, 2004 – Селезнев А.Г., Селезнева И.А. Сибирский ислам: региональный вариант религиозного синкретизма. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2004. 72 с.

Селезнев, Селезнева, 2006 – Селезнев А.Г., Селезнева И.А. Священные манускрипты: к изучению культа святых в сибирском исламе // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2006 г. Т. 12. Ч. 2. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2006. С. 165 – 171.

Селезнев, Селезнева, 2007 – Селезнев А.Г., Селезнева И.А. Культ святых и суфизм в Сибири как объекты этнографического исследования // История и культура Сибири: сб. науч. тр., посвященный 15-летию Омского филиала Объединенного института истории, филологии и философии Сибирского отделения Российской академии наук. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2007. С. 240–242.

Селезнев, Селезнева, 2009 – Селезнев А.Г., Селезнева И.А. Концепт астана и культ святых в исламе // Тюркологический сборник 2007–2008. История и культура тюркских народов России и сопредельных стран. М.: Вост. лит., 2009. С.338–359.

Селезнев, Селезнева, 2012 а – Селезнев А.Г., Селезнева И.А. Культ Святых как Фактор формирования этнорелигиозной идентичности мусульман Западной Сибири // *Orta Asya'da İslâm: Temsilden Fobiye* / ed.: Muhammet Savaş Kafkasyalı. Ankara; Türkistan: Hoca Ahmet Yesevi Uluslararası Türk-Kazak Üniversitesi, 2012. Cilt. 2. С. 1207 – 1267.

Селезнев, Селезнева, 2012 б – Селезнев А.Г., Селезнева И.А. Исламские сакральные комплексы астана в Сибири: социальные и символические функции // Религиозная жизнь народов Центральной Евразии. М.: ИЭА РАН, 2012б. С. 216 – 229.

Селезнев, Селезнева, 2012 в – Селезнев А.Г., Селезнева И.А. Исламские сакральные комплексы астана в Сибири: социальные и символические функции // Религиозная жизнь народов Центральной Евразии. М.: ИЭА РАН, 2012в. С. 216 – 229.

Селезнев, Селезнева, 2013 – Селезнев А.Г., Селезнева И.А. Ритуальные практики в сибирском исламе: элиты, книги, сны // Традиционная культура. 2013. № 3. С. 120 – 132.

Селезнев, Селезнева, 2015 – Селезнев А.Г., Селезнева И.А. Мусульманские культовые комплексы Сибири в картографических материалах Семена Ульяновича Ремезова // Вестник Омского университета. Сер. «Исторические науки». 2015. № 4 (8). С. 165–173.

Селезнев, Селезнева, Белич, 2015 – Селезнев А.Г., Селезнева А.И., Белич И.В. Культ святых в сибирском исламе: специфика универсального. М.: Изд. дом Марджани, 2009. 216 с.

Семенов, 1954 – Семенов А.А. К вопросу о происхождении и составе узбеков Шейбанихана // Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии. Вып.1. Сталинабад: Изд-во Академии наук Таджикской ССР, 1954. С.2–37.

Семенова, 2001 – Семенова В.И. Средневековые могильники Юганского Приобья. Новосибирск: Наука, 2001. 296 с.

Сербина, 1937 а – Сербина К.Н. Замечания к историко-географической карте Сибири // Миллер Г.Ф. История Сибири. М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1937. Т. 1. С. 573–574.

Сербина, 1937 б – Сербина К.Н. Карта Сибири XVI-XVII вв. (до 1618 г.) // Миллер Г.Ф. История Сибири. М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1937. Т. 1. Приложение.

Сергеев, 1959 – Сергеев В.И. К вопросу о походе в Сибирь дружины Ермака // Вопросы истории. 1959. № 1. С.118–131.

Сергеев, 1970 – Сергеев В.И. У истоков сибирского летописания // Вопросы истории. 1970. № 12. С.45–61.

Сесюнина, 1974 – Сесюнина М.Г. Г.Н. Потанин и Н.М. Ядринцев – идеологи сибирского областничества [К вопросу о классовой сущности сибирского областничества второй половины XIX в.]. Томск: ТГУ, 1974. 137 с.

Сидоренко, 2000 – Сидоренко В.А. Хронология правления золотоордынских ханов 1357–1380 гг. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. VII. Симферополь: Сонат, 2000. С.267–288.

Синяев, 1951 – Синяев В.С. Окончательный разгром Кучума на Оби в 1598 году // Вопросы географии Сибири. 1951. № 2. С. 141–156.

Скалозубов, 1895 – Скалозубов Н.Л. Опыт обзора крестьянских промыслов Тобольской губернии // Ежегодник Тобольского губернского музея. Тобольск, 1895. С. 1–97.

- Скрынников, 1982* – Скрынников Р.Г. Сибирский поход Ермака. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1982. 256 с.
- Скрынников, 1986* – Скрынников Р.Г. Ермак. М.: Просвещение, 1986. 160 с.
- Слобода, 2015* – Слобода Царево Городище на Тоболе (1679–1782 гг.). Монография / под ред. Д.Н.Маслюженко, В.В.Менщикова. Курган: Изд-во Курган. гос.ун-та, 2015. 254 с.
- Словцов, 1838* – Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири (1585–1742). Кн. 1. М.: Тип. А. Семена, 1838. 583 с.
- Словцов, 1886* – Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири. Кн.1: С 1585 по 1742 год. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1886. 23, [1], VIII, 326, IV с.
- Словцов, 1890* – Словцов И.Я. Материалы о распределении курганов и городищ в Тобольской губернии. Томск: Типолиитография В.В. Михайлова, П.И. Макушина, 1890. 22 с.
- Словцов, 1892* – Словцов И. В стране кедр и соболя // Записки Западно-Сибирского отдела Императорского русского географического общества. Вып. I. Кн. XIII. Омск, 1892. С.1–42.
- Снесарев, 1969* – Снесарев Г.П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М.: Наука, 1969. 356 с.
- Снесарев, 1983* – Снесарев Г.П. Хорезмские легенды как источник по истории религиозных культов Средней Азии. М.: Наука, 1983. 210 с.
- Соболев, 1978 а* – Соболев В.И. Вознесенское городище - памятник середины II тыс. н.э. // Археология Западной Сибири и Алтая. Новосибирск: Изд-во «Наука», 1978. С.179–181.
- Соболев, 1978 б* – Соболев В.И. Памятники железного века и позднего средневековья // Памятники истории и культуры Сибири. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1978. С.182–186.
- Соболев, 1994* – Соболев В.И. Распространение ислама в Сибири // Ислам, общество и культура: материалы Международной научной конференции: Исламская цивилизация в преддверии XXI века (К 600-летию ислама в Сибири). Омск: ТОО «Репро-текст», 1994. С.140–142.
- Соболев, 2008* – Соболев В.И. История сибирских ханств [по археологическим материалам]. Новосибирск: Наука, 2008. 356 с.
- Соколова, 1983* – Соколова З.П. Социальная организация хантов и манси в XVIII – XIX вв. М.: Наука, 1983. 325 с.
- Соловьев, 1896* – Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. II. Т. 6. СПб.: Товарищество «Общественная польза», 1896. 871 с. (1726 стлб.).
- Соловьев, 1987* – Соловьев А.И. Военное дело коренного населения Западной Сибири. Эпоха железа. Новосибирск: Наука, 1987. 193 с.
- Солодкин, 2001* – Солодкин Я.Г. «Самоедь» в антирусских выступлениях (конец XVI–начло XVII в.). // Самодийцы: материалы IV Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск-Омск: ОмГПУ, 2001. С.161–163.
- Солодкин, 2008* – Солодкин Я.Г. О происхождении одного уникального известия Есиповской летописи // Шатиловские чтения: материалы XII краевед. конф. 5 ноября 2008 г. Нижневартовск: МУ «Нижневартовская типография», 2008. С.34–38.
- Солодкин, 2009* – Солодкин Я.Г. Последний поход Ермака (историко-географический комментарий) // История и экология: Сб. науч. тр. / Отв. ред. Ф.Н. Рянский, О.Ю. Вавер. Нижневартовск: Изд-во Нижневарг. гуманит. ун-та, 2009. Вып. 3. С. 12–17.
- Солодкин, 2010 а* – Солодкин Я.Г. Ермаково взятие Сибири. Загадки и решения. Нижневартовск: Изд-во Нижневартовского гуманит. ун-та, 2010. 170 с.
- Солодкин, 2010 б* – Солодкин Я.Г. Об источниках оригинальных известий Погодинского летописца (к истории книжной культуры Сибири XVII в.) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2010. № 3 (июль–сентябрь). С.69–73.

- Солодкин, 2014* – Солодкин Я.Г. Было ли сражение на Ишиме в 1591 г. // Военно-исторический журнал. 2014. №2. С. 60–62.
- СОЮЗ, 2010* – Союз. Этнографический словарь / Составители М.Н. Губогло, Ю.Б. Симченко / Ю.Н. Квашнин (новая редакция). М.: ИЭА РАН; Тобольск: ИПОС СО РАН, 2010. 282 с.
- Спасский, 1818* – Спасский Г.И. Картина Сибири // Сибирский вестник, 1818. Ч. 1. С. 28–30.
- Сперанский, 1932* – Сперанский М.Н. Повесть о городах Таре и Тюмени // Труды Комиссии по древнерусской литературе. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1932. Т. I. С. 13–32.
- Станиславский, 1985* – Станиславский А.Л. Указ об ограничении землевладения столичного дворянства, 1619 г. // Теория и методы источниковедения вспомогательных исторических дисциплин. М.: МГИАИ, 1985. С. 72–77.
- Судаков, 1996* – Судаков В. В. Изделия из кости из Переяславля Рязанского // Археологические памятники Окского бассейна. (Выпуск посвящен 135-летию со дня рождения В.А.Городцова), Рязань: НПЦ по охране и использованию памятников истории и культуры Рязанской области, 1996. С.179–186.
- Степанов, 1936* – Степанов Н.Н. К вопросу об остяцко-вогульском феодализме // Советская этнография. Вып. III. 1936. С.19–35.
- Степанов, 1964* – Степанов Р.Н. К вопросу о служилых и ясячных татарах // Сб. аспирантских работ. Право, история, филология. Казань: Изд-во КГУ, 1964. С.52–70.
- Степанов, 1966* – Степанов Р.Н. К вопросу о тарханах и о некоторых формах феодального землевладения // Сб. научных работ. Казань: Изд-во КГУ, 1966. С. 95–96.
- Султанов, 1982* – Султанов Т.И. Кочевые племена Приаралья XV–XVII вв. (вопросы этнической и социальной истории). М.: Наука, 1982. 134 с.
- Султанов, 2005* – Султанов Т.И. Известия османского историка XVI в. Сейфи Челеби о народах Центральной Азии // Тюркологический сборник 2003–2004. Тюркские народы в древности и средневековье. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 2005. С.254–272.
- Султанов, 2006* – Султанов Т.И. Чингиз-хан и Чингизиды. Судьба и власть. М.: АСТ, 2006. 445 с.
- Сыроечковский, 1940* – Сыроечковский В.Е. Мухаммед-Герай и его вассалы // Ученые записки Московского ун-та. Вып. 61. Т.2. М., 1940. С. 3–71.
- Татауров, 1995* – Татауров С.Ф. Погребение № 36 могильника Бергамак II // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск: Омская книга, 1995. Ч.1. С.80–83.
- Татауров, 1997* – Татауров С.Ф. История двух котлов // Четвертые исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Омск: ОмГУ, 1997. С.144–148.
- Татауров, 2000* – Татауров С.Ф. Проблемы исторической археологии Западной Сибири // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв. Ижевск: Издат. дом «Удмуртский университет», 2000. С. 336–344.
- Татауров, 2005* – Татауров С.Ф. Тунус – последний город Сибирского ханства // Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных сообществ Западной Сибири и сопредельных территорий: материалы XIII Западно-сибирской археолого-этнографической конференции. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2005. С. 210–212.
- Татауров, 2006 а* – Татауров С.Ф. Производственные клады на археологических памятниках в низовьях р. Тары // Интеграция археологических и этнографических исследований: Сборник научных трудов. Красноярск; Омск: «Изд. дом «Наука»», 2006. С.274–276.
- Татауров, 2006 б* – Татауров С.Ф. Из истории поселка Усть-Шиш // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития: материалы VI междунар. науч.-практ. конф. 30–31 марта 2006 г.: в 3 ч. Ч.1. Омск: Изд-во ФГОУ ВПО ОмГАУ, 2006. С. 135–139.

Татауров, 2007 – Татауров С.Ф. Рыболовство в Нижнетарском археологическом микро-районе // Рыцарь сибирской археологии: Сб., посв. памяти В.И. Матющенко. Омск: ОмГУ, 2007. С. 255–275.

Татауров, 2010 а – Татауров С.Ф. История археологических исследований сибирских татар и проблемы этнической интерпретации // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск: «Изд. дом «Наука», 2010. С. 27–31.

Татауров, 2010 б – Татауров С.Ф. Купцы Айтикины: несколько страничек к истории семьи // Актуальные вопросы историко-культурного и природного наследия Тарского Прииртышья: материалы V науч.-практ. конф., посвященной памяти А.В. Ваганова. Тара: Изд-во А.А. Аскаленко, 2010. Т.П. Архивная секция. С.78–87.

Татауров, 2011 а – Татауров С.Ф. Город Тара: некоторые факты из истории мусульманской общины // Этническая история и культура тюркских народов Евразии: сб. научных трудов. Омск: Издатель-Полиграфист, 2011. С. 390–394.

Татауров, 2011 б – Татауров С.Ф. Город Ялом (К вопросу о месте расположения) // Сибирский сборник. Казань: Изд-во «Язь», 2011. С. 51–62.

Татауров, 2013 – Татауров С.Ф. Керамика тюркоязычного населения Западной Сибири XII–XVI веков: от поиска к стандарту // Творчество в археологическом и этнографическом измерении: сб. научных трудов. Омск: Изд. дом «Наука», 2013. С.212–217.

Татауров, 2014 – Татауров С.Ф. Маркеры государственности для Сибирского ханства в археологических материалах // Присоединение Сибири к России: новые данные: материалы всерос. науч.-практ. конф. с международным участием. Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2014. С.193–200.

Татауров, 2015 а – Татауров С.Ф. Археологические мифы о распространении ислама в Западной Сибири // Интеграция археологических и этнографических исследований : сборник научных трудов. Барнаул ; Омск : Изд. дом «Наука», 2015. С.45–49.

Татауров, 2015 б – Татауров С.Ф. Основные факторы консолидации и исламизации тюркоязычного населения Западной Сибири в XVI–XIX веках // Золотоордынское обозрение. 2015. № 3. С. 77 – 90.

Татауров, Татаурова, 1999 – Татауров С.Ф., Татаурова Л.В. Раскопки поселения Бергамак III в Муромцевском районе Омской области летом 1997 года. // Новое в археологии Прииртышья. Омск: ОмГУ, 1999. С. 101–119.

Татауров, Татауров, 2016 – Татауров С.Ф., Татауров Ф.С. Археологические коллекции с Искера: новый взгляд на памятник // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень, 2016. (в печати).

Татауров, Тихонов, 1996 а – Татауров С.Ф., Тихонов С.С. Могильник Бергамак II // Археолого-этнографические комплексы: проблемы культуры и социума (культура тарских татар). Новосибирск: Наука, 1996. Т.1. С.58–84.

Татауров, Тихонов, 1996 б Татауров С.Ф., Тихонов С.С. Археологические источники для этнографо-археологических исследований в низовьях р. Тары // Археолого-этнографические комплексы: проблемы культуры и социума (культура тарских татар). Новосибирск: Наука, 1996. Т.1. С.91–106.

Татауров, Тихонов, 1996 в – Татауров С.Ф., Тихонов С.С. Система путей сообщения в низовьях р. Тары // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. Новосибирск: Наука, 1996. Т. 1. С. 109–110.

Татауров, Тихонов, 1998 – Татауров С.Ф., Тихонов С.С. К вопросу об оседании кочевых казахов // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума (культура тарских татар). Новосибирск: Наука, 1998. Т.3. С.148–151.

Татауров, Тихонов, Чудаков, 2001 – Татауров С.Ф., Тихонов С.С., Чудаков Д.В. Могильник Алексеевка I // Материалы по археологии Обь-Иртышья. Сургут: СурГПИ, 2001. С.114–127.

Татаурова, Татауров, Тихомиров, Тихонов, 2014 – Татаурова Л.В., Татауров С.Ф., Тихомиров К.Н., Тихонов С.С. Адаптация русских в Западной Сибири в конце XVI–XVIII веке (по материалам археологических исследований): монография. Омск: Издатель-Полиграфист, 2014. 374 с.

Терлецкий, 2011 – Терлецкий Н.С. Остон «разрешающий затруднения» (некоторые сведения об одном из мест паломничества и поклонения Западного Памира) // *Иран-наме*. 2011. №1(17). С. 146 – 158.

Тихомиров, Михалев, 2007 – Тихомиров К.Н., Михалев В.В. Новые работы на городище Новоягодное II // *Археологические материалы и исследования Северной Евразии. Древности и средневековья*. Томск: ТГУ, 2007. С. 301–315.

Тихомиров, 1979 – Тихомиров М.Н. Русское летописание. М.: Наука, 1979. 387 с.

Тихомирова, 2006 – Тихомирова М.Н. Культура питания татар Среднего Прииртышья: проблемы формирования этнокультурных связей. Омск: «Издательский дом «Наука»», 2006. 232 с.

Токарев, 1939 – Токарев С. Поход Ермака и завоевание Сибирского царства // *Исторический журнал*. 1939. № 1. С.94–102.

Толковый словарь, 1935 – Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. Т. 1. М.: Советская энциклопедия; ОГИЗ, 1935. 1567 с.

Томилов, 1978 – Томилов Н.А. Современные этнические процессы среди сибирских татар. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1978. 206 с.

Томилов, 1981 – Томилов Н.А. Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI – первой четверти XIX в. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1981. 276 с.

Томилов, 1986 – Томилов Н.А. Хозяйство барабинских татар в XIX – начале XX в. // *Генезис и эволюция этнических культур в Сибири*. Новосибирск: Наука, 1986. 192 с.

Томилов, 1987 – Томилов Н.А. Чулымские тюрки в конце XVI-первой четверти XIX в. // *Проблемы происхождения и этнической истории тюркских народов Сибири*. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1987. С.145–176.

Томилов, 1988 – Томилов Н.А. Некоторые этнические аспекты социальных связей сибирских татар в XVII–XVIII вв. // *Социально-экономические проблемы древней истории Западной Сибири*. Тобольск, 1988. С. 117–130.

Томилов, 1989 – Томилов Н.А. Этнические контакты угров и тюрков Западно-Сибирской равнины в XVI–XX вв. // *Материалы VI международного конгресса финно-угроведов*. Т.1. М.: Наука, 1989. С.278–281.

Томилов, 1992 – Томилов Н.А. Этническая история тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины конца XVI – начала XX в. Новосибирск: Наука, 1992. 271 с.

Томилов, 2005 – Томилов Н.А. Поселения сибирских татар в трудах ученых и путешественников конца XVI–XIX в. // *Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума*. Омск: Наука, 2005. Т. 8. С. 21–36.

Томилов, Шаргородский, 1990 – Томилов Н.А., Шаргородский Л.Т. Погребальный обряд барабинских татар // *Обряды народов Западной Сибири*. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1990. С.116–131.

Трепавлов, 1992 – Трепавлов В.В. Соправительство в Монгольской империи (XIII в.) // *Archivum Eurasiae Mediaevae*. T.VII (1987–1991). Wiesbaden, 1992. P. 249–278.

Трепавлов, 1993 – Трепавлов В.В. Государственный строй Монгольской империи в XIII веке. Проблема исторической преемственности. М.: Востлит, 1993. 168 с.

Трепавлов, 1997 – Трепавлов В.В. Сибирско-ногайские отношения в XV–XVIII вв. (основные этапы и закономерности) // *Взаимоотношения народов России, Сибири и стран Востока: история и современность: Докл. II междунар. конф. Кн.2*. М.; Иркутск; Тэгу: Иркутск. гос. пед. ун-та, 1997. С. 180–186.

- Трепавлов, 1997/98* – Трепавлов В.В. Тайбуга. «На Мангытском Юрте третий государь» // *Tatarica*. №1 (зима). 1997/98. С.96–107.
- Трепавлов, 2001* – Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. М.: Восточная литература, 2001. 752 с.
- Трепавлов, 2002* – Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 2002. 752 с.
- Трепавлов, 2003* – Трепавлов В.В. Российские княжеские роды ногайского происхождения (генеалогические истоки и ранняя история) // *Тюркологический сборник*: 2002. М.: Восточная литература, 2003. С. 320–353.
- Трепавлов, 2007 а* – Трепавлов В.В. «Белый царь»: образ монарха и представления о подданстве у народов России XV–XVIII вв. М.: Востлит, 2007. 255 с.
- Трепавлов, 2007 б* – Трепавлов В.В. Московское и казанское «подданство» Сибирского юрта // Сулеймановские чтения: материалы X Всерос. науч.-практ. конф. Тюмень: СИТИ ПРЕСС, 2007. С.101–102.
- Трепавлов, 2009* – Трепавлов В.В. Родоначальники Аштарханидов в Дешт-и Кипчаке (заметки о предыстории бухарской династии) // *Тюркологический сб.* 2007–2008: История и культура тюркских народов России и сопредельных стран. М: Восточная литература, 2009. С.370–395.
- Трепавлов, 2010* – Трепавлов В.В. Большая Орда – Тахт эли. Очерк истории. Тула: «Гриф и К», 2010. 112. с.
- Трепавлов, 2011 а* – Трепавлов В.В. Тюркские народы средневековой Евразии. Избранные труды. Казань: ООО «Фолиант», 2011. 252 с.
- Трепавлов, 2011 б* – Трепавлов В.В. «Качество» Кучумовичей: жизнь в скитаниях // *Средневековые тюрко-татарские государства*. Сборник статей. Выпуск 3. Казань: Ихлас, 2011. С. 141–154.
- Трепавлов, 2011 в* – Трепавлов В.В. Кучумовичи и калмыки: геополитический мезальян // *Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН*. 2011. №1. С. 22–35.
- Трепавлов, 2011 г* – Трепавлов В.В. Сибирский хан (?) Али // *История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири: материалы Междунар. конф.* (Курган, 21–22 апреля 2011 г.). Курган: Изд-во Курганского гос.ун-та, 2011. С. 95–100.
- Трепавлов, 2012* – Трепавлов В.В. Сибирский юрт после Ермака: Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш. М.: Востлит., 2012. 231 с.
- Трепавлов, 2015* – Трепавлов В.В. Судьба Сибирского ханства и борьба Кучумовичей за независимость в конце XVI–XVII вв. // *История и культура татар Западной Сибири*. Казань: Институт истории им.Ш.Марджани, 2015. 728 с.
- Тримингэм, 2004* – Тримингэм Дж.С. Суфийские ордены в исламе. М.: «София», ИД «Гелиос», 2002. 480 с.
- Троицкая, Молодин, Соболев, 1980* – Троицкая Т.Н., Молодин В.И., Соболев В.И. Археологическая карта Новосибирской области. Новосибирск: Наука, 1980. 184 с.
- Троицкая, Соболев, 1996* – Троицкая Т. Н., Соболев В.И. Наш край в древности и Средневековье: учеб. пособие. Новосибирск: Студия Дизайн ИНФОЛИО, 1996. 128 с.
- Трутовский, 1891* – Трутовский В.К. Надгробные надписи из текии Афган Мохаммед Султана в г. Касимове // *Труды Рязанской ученой архивной комиссии за 1890 г.* Рязань: Тип. Губ. Правл., 1891. Т. V. С. 149–153.
- Труфанова, 2001* – Труфанова Ж.Н. К вопросу об остроголовом и плоскоголовом персонажах в западносибирской изобразительной традиции // *Самодийцы: материалы IV-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири»*. Тобольск-Омск: ОмГПУ, 2001. С. 240–241.

- Тумашева, 1977* – Тумашева Д.Г. Диалекты сибирских татар. Опыт сравнительного исследования. Казань: Изд-во Казанского гос. ун-та, 1977. 264 с.
- Тумашева, 1978* – Тумашева Д.Г. Этнические связи западно-сибирских татар (по материалам топонимии и антропологии) // Советская тюркология. 1987. №2. С.38–51.
- Тычинских, 2009* – Тычинских З.А.. Историкографический аспект проблемы формирования сибирско-татарской этнической общности // Национальная история татар: теоретико-методологическое введение. Казань: Ин-т истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2009. С.100–116.
- Тычинских, 2010 а* – Тычинских З.А. Служилые татары и их роль в формировании этнической общности сибирских татар (XVII–XIX вв.). Казань: Изд-во «ФЭН» АН РТ, 2010. 288 с.
- Тычинских, 2010 б* – Тычинских З.А. К вопросу о материальной культуре сибирских татар периода Сибирского ханства // Искер – столица Сибирского ханства. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2010 б. С. 47–62.
- Тычинских, 2011* – Тычинских З.А. Д.М.Исхаков – сибиревед // Сибирский сборник. Казань: Изд-во «ЯЗ», 2011. С.107–132.
- Тычинских, 2013 а* – Тычинских З. А. О формировании земледельческого хозяйства у служилых татар Западной Сибири в XVII в. // Уральский исторический вестник, 2013 а. №2[39]. С.32–40.
- Тычинских, 2013 б* – Тычинских З.А. Роль института астана в формировании и сохранении сакрального пространства сибирских татар // Историческая судьба Искера. Тобольск: «Принт-экспресс», 2013 б. С. 21–25.
- Тюрки таежного Причудья, 1991* – Тюрки таежного Причудья: Популяция и этнос: Монография. Томск: Изд-во ТГУ, 1991. 246 с.
- Уманский, 1995* – Уманский А.П. Телеуты и их соседи в XVII – первой четверти XVIII века. Барнаул: Барнаул. гос. Пед. ин-т, 1995. Ч. 2. 221 с.
- Уразманова, 2002* – Уразманова Р.К. Годовой цикл традиционных обрядов и праздников сибирских татар // Сибирские татары. Казань: Институт истории АН РТ, 2002. С. 126–142.
- Усманов, 1982* – Усманов А.Н. Добровольное присоединение Башкирии к Русскому государству. Уфа: Башк. кн. изд-во, 1982. 335 с.
- Усманов, 1972* – Усманов М.А. Татарские исторические источники XVII–XVIII вв. Казань: Изд-во КГУ, 1972. 223 с.
- Усманов, Шайхиев, 1978* – Усманов М.А., Шайхиев Р.А. Образцы татарских народно-краеведческих сочинений по истории Западной и Южной Сибири // Сибирская археография и источниковедение. Новосибирск: Наука, 1979. С. 85–103.
- Устюгов, 1947* – Устюгов Н.В. Башкирское восстание 1662–1664 гг. // Исторические записки. Т. 24. М.: Изд-во АН СССР, 1947. С. 30–110.
- Уханов, 1996* – Уханов И.С. Рычков. М.: Молодая гвардия, 1996. 235 с.
- Файзрахманов, 2002 а* – Файзрахманов Г.Л. История сибирских татар (с древнейших времен до начала XX в.). Казань: Изд-во «ФЭН» АН РТ, 2002. 488 с.
- Файзрахманов, 2002 б* – Файзрахманов Г.Л. Взаимоотношения Сибирского и Казанского ханств // Казанское ханство: актуальные проблемы исследования. Казань: Изд-во «ФЭН», 2002. 488 с.
- Файзрахманов, 2007* – Файзрахманов Г.Л. История татар Западной Сибири: с древнейших времен до начала XX века. Казань: Татар. кн. изд-во, 2007. 431 с.
- Файзуллина и др., 2015* – Файзуллина Г.Ч., Карабулатова И.С., Фаттакова А. А., Ермакова Е. Н., Сайфулина Ф.С. Этнокультурное содержание междометия этгәнэй и его генезис в языке сибирских татар // Социально-экономические и гуманитарно-философские проблемы современной науки Т. 3. Языковая жизнь социума и мировоззренческие трансформации. Москва; Уфа; Ростов-на-Дону: Уфим. гос. ун-т экономики и сервиса, 2015. С. 90–100.

- Федорова, 2015* – Федорова Н.В. Северный широтный ход в XI–XV вв.: постановка проблемы // Уральский исторический вестник. № 2(47). 2015. С.73–82.
- Федорова и др., 1991* – Федорова Н. В. Зыков А. П., Морозов В. М., Терехова Л. М. Сургутское Приобье в эпоху средневековья // Вопросы археологии Урала. Вып. 20. Екатеринбург, Изд-во УрГУ, 1991. С. 126–145.
- Федоров-Давыдов, 1973* – Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1973. 180 с.
- Фехнер, 1956 – Фехнер М.В. Торговля Русского государства со странами Востока в XVI веке // Тр. Гос. истор. музея. Вып.31. М.: Госкультпросветиздат, 1956. 138 с.
- Финно-угры и балты, 1987* – Финно-угры и балты в эпоху средневековья. Археология СССР / под общ. ред. Б.А. Рыбакова. М.: Наука, 1987. 510 с.
- Фишер, 1774* – Фишер И.Э. Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания земли российским оружием. СПб.: при Императорской Академии наук, 1774. 631 с.
- Флоринский, 1894* – Флоринский В.М. Первобытные славяне по памятникам их доисторической жизни. Опыт славянской археологии. Т.1. Общая вступительная часть // Известия Императорского Томского университета. Отд. II. Кн. 7. Томск, 1894. 361 с.
- Флоря, 1967* – Флоря Б.Н. Коми-Вымская летопись // Новое о прошлом нашей страны. Памяти академика М.Н. Тихомирова. М.: Наука, 1967. С.218–231.
- Фоменко, 2013* – Фоменко И.К. Наследие Золотой Орды в европейской картографии XV–XVIII вв. // Золотоордынское обозрение. 2013. № 1. С.82–95.
- Функ, 1993* – Функ Д.А. Бачатские телеуты в XVIII – первой четверти XX века: историко-этнографическое исследование. М.: ИЭА РАН, 1993. 325 с.
- Хазанов, 2002* – Хазанов А.М. Кочевники и внешний мир. Алматы: Дайк-Пресс, 2002. 604 с.
- Халиков, 2002* – Халиков Н.А. Этнокультурные особенности хозяйства западносибирских татар // Сибирские татары / Сб. статей под ред. Сусловой С.В. Казань: Институт истории АН РТ, 2002. С.59–85.
- Хамидуллин, 2002* – Хамидуллин Б.Л. Народы Казанского ханства: этносоциальное исследование. Казань: Татар. кн. изд-во, 2002. 271 с.
- Худяков, 1985* – Худяков Ю.С. Железные наконечники стрел из Монголии // Древние культуры Монголии. Новосибирск: Наука, 1985. С. 96–114.
- Худяков, 1986* – Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1986. 268 с.
- Худяков, 1991* – Худяков Ю.С. Вооружение центрально-азиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. Новосибирск: Наука, 1991. 190 с.
- Худяков, 1997* – Худяков Ю.С. Вооружение кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху развитого средневековья. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1997. 160 с.
- Худяков, 2000 а* – Худяков Ю.С. Комплекс вооружения воинов Сибирского татарского ханства // Средневековая Казань: возникновение и развитие: материалы конференции. Казань: Изд-во «Мастер-Лайн», 2000. 268–271 с.
- Худяков, 2000 б* – Худяков Ю.С. Хан Кучум и его воины // Родина, 2000. № 5. С. 72–75.
- Худяков, 2001* – Худяков Ю.С. Лук и стрелы сибирских татар // Восток-Запад: диалог культур Евразии. Вопросы средневековой истории и археологии. Изучение и сохранение историко-культурного наследия. Казань: Изд-во ТГГИ, 2001. Вып. 2. С. 252–273.
- Худяков, 2005* – Худяков Ю.С. Вооружение центрально-азиатских номадов в II – V вв. // Военное дело номадов Центральной Азии в сяньбийскую эпоху. Новосибирск: Новосиб. Гос. Ун-т, 2005. С. 19–55.

Худяков, 2007 – Худяков Ю.С. Военное дело Сибирского ханства в позднем Средневековье (в аспекте взаимодействия с русскими) // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. 2007. Т. 6. Вып. 3. Археология и этнография. С. 238–254.

Худяков, 2011 – Худяков Ю.С. Борьба за восстановление Сибирского ханства в XVII веке // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири: Материалы Международной конференции (Курган, 21–22 апреля 2011 г.). Курган: Изд-во Курганского гос.ун-та, 2011. С. 104–108.

Худяков, Бобров, 2011 – Худяков Ю.С., Бобров Л.И. Реконструкция комплекса вооружения позднесредневекового сибирского татарского воина // Этническая история тюркских народов Сибири и сопредельных территорий. Омск: ОмГПУ, 1998. С. 99–102.

Худяков, Юй Су-Хуа, 2000 – Худяков Ю.С., Юй Су-Хуа. Комплекс вооружения сяньби // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2000. № 5. С. 37–48.

Чернецов, 1946 – Чернецов В.Н. Основные этапы истории Приобья с древнейших времен до X в. н.э. (Тезисы кандидатской диссертации, защищенной на заседании Ученого совета исторического факультета МГУ 27 мая 1942 г.) // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Вып. XIII. М.: Изд-во АН СССР, 1946. С. 153–156.

Чернецов, 1947 – Чернецов В.Н. Результаты археологической разведки в Омской области // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Вып. XVII. М.: Изд-во АН СССР, 1947. С. 83–85.

Чернецов, 1960 – Чернецов В.Н. Древнейшие периоды истории народов уральской (финно-угро-самодийской) общности // Научная конференция по истории Сибири и Дальнего Востока. Иркутск: б.и., 1960. С. 53–59.

Чернецов, Мошинская, 1951 – Чернецов В.Н., Мошинская В.И. Городище Большой лог // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Вып. XXXVII. М., 1951. С. 78–87.

Чернышов, 2013 – Чернышов С.А. Присоединение Западной Сибири к Русскому государству в XVI–XVII вв.: торгово-экономический аспект // Вестник Томского гос. ун-та. 2013. № 370. С.105–108.

Чореф, 2015 – Чореф М.М. К вопросу о наличии денежного обращения в Сибирском ханстве // Пять столетий Югры: проблемы и решения, итоги и перспективы. Ч. V. Нижневартовск: Изд-во Нижневартов. гос. ун-та, 2015. С.17–25.

Шакарим, 1990 – Шакарим Кудайберды-улы. Родословная тюрков, киргизов, казахов. Династии ханов. Пер. и примеч. Б.Г.Каирбекова. Алма-Ата: Дастан, 1990. 120 с.

Шакурова, 1992 – Шакурова Ф.А. Башкирская волость и община в середине XVIII – первой половине XIX века. Уфа: БНЦ УрО РАН, 1992. 136 с.

Шарифуллина, Кадырова, 2001 – Шарифуллина Ф.Л., Кадырова Г.А. Следы самодийцев в традиционной культуре татар // Самодийцы: материалы IV Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск-Омск: ОмГПУ, 2001. С.169.

Шашков, 1996 – Шашков А.Т. Погодинский летописец и начало сибирского летописания // Проблемы истории России. [Вып. 1]: От традиционного к индустриальному обществу. Екатеринбург: Волот, 1996. С.116–161.

Шашков, 1997 – Шашков А.Т. Сибирский поход Ермака: хронология событий 1581–1582 гг. // Известия УрГУ. 1997. №7. С.35–50.

Шашков, 2001 – Шашков А.Т. Начало присоединения Сибири // Проблемы истории России. Вып. 4: Евразийское пограничье. Екатеринбург: Волот, 2001. С. 8–51.

Шашков, 2007 – Шашков А.Т. «И нарекоша имя ему Тоболеск...» // Документ. Архив. История. Современность. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2007. Вып. 7. С. 88–97.

Шерстова, 2005 – Шерстова Л.И. Тюрки и русские в Южной Сибири: этнополитические процессы и этнокультурная динамика XVII – начала XX века. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. 312 с.

Шилик, 1981 – Шилик К.К. Влияние природных условий на выбор трасс древних транспортных путей // Взаимодействие общества и природы в процессе общественной эволюции. М.: Наука, 1981. С. 179–180.

Шишкин, 1999 – Шишкин Н.И. История города Касимова с древнейших времен. Рязань: Благовест, 1999. 216 с.

Шумилов, 2008 – Шумилов, Е.Н. О местонахождении Тахчеи // Вопросы истории. 2008. № 9. С.141–143.

Шунков, 1946 – Шунков В.И. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII – начале XVIII в. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1946. 228 с.

Щеглов, 1883 – Щеглов И.В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири (1032–1882 гг.) / И.В. Щеглов. Иркутск: Восточно-Сибирский отдел ИРГО, 1883. 778 с.

Щеглов, 1983 – Щеглов И.В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири. 1032–1882 гг. Сургут: Северный дом, 1993. 463 с

Элерт, 2002 – Элерт А.Х. Болезни, смерть и погребальные обряды у тюрков Сибири XVIII в. (по экспедиционным материалам Г.Ф. Миллера) // Этнографо-археологические комплексы. Проблемы культуры и социума. Новосибирск: Наука, 2002. Т.5. С. 78–79.

Эскин, 2009 – Эскин Ю.М. Очерки истории местничества в России XVI–XVII вв. М.: Квадрига, 2009. 512 с.

Этнический и религиозный, 2012 – Этнический и религиозный факторы в формировании и эволюции российского государства / Отв.ред. Т.Ю.Красовицкая, В.А.Тишков. М.: Новый хронограф, 2012. 448 с.

Этнокультурная история, 2012 – Этнокультурная история населения Сафакулевского района (с древнейших времен до начала XX века) / под ред. Д.Н.Маслюженко. Курган: Изд-во Курган. гос. ун-та, 2012. 102 с.

Юдин, 1983 – Юдин В.П. Орды: Белая, Синяя, Серая, Золотая... // Казахстан, Средняя и Центральная Азия в XVI–XVIII вв. Алма-Ата. Изд-во «Наука» Казахской ССР, 1983. С.106–165.

Юдин, 2001 – Юдин В.П. Центральная Азия в XIV–XVIII веках глазами востоковеда. Алматы: Дайк-Пресс, 2001. 384 с

Юзефович, 1988 – Юзефович Л.А. «Как в посольских обычаях ведется...». (Русский посольский обычай конца XV – начала XVII в.). М.: Международные отношения, 1988. 216 с.

Юрченко, 2012 – Юрченко А.Г. Хан Узбек. Между империей и исламом (структуры повседневности). Книга-конспект. СПб.: Евразия, 2012 а. 400 с.

Юрченко, 2013 – Юрченко А.Г. Элита Монгольской империи: время праздников, время казней. СПб.: Евразия, 2013. 432 с.

Яковлев, 2009 – Яковлев Я.А. Могильник Тоянов Городок: Каталог коллекции Ф.Р. Мартина 1891 г. Из фондов Государственного Исторического музея (г. Стокгольм). Томск-Сургут: Изд-во Том. ун-та, 2009. 348 с.

Янина, 1963 – Янина С.А. Общий обзор коллекций джучидских монет из раскопок и сборов Куйбышевской экспедиции в Болгарах // Материалы и исследования по археологии. № 111. 1963. С.153–178.

Ярзуткина, 2012 – Ярзуткина А.А. Ритуалы достатка: традиционные земледельческие, скотоводческие и промысловые культы сибирских татар. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2012. 311 с.

Яхин, 2009 – Яхин Ф.З. Опыт восстановления «Генеалогического древа саидов Сибирского ханства» и проблемы средневековой истории Тобольского региона // Национальная история

татар: теоретико-методологическое введение / науч. ред. Д.М.Исхаков. Казань: Ин-т истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2009.С. 198–213.

Allworth, 1990 - Allworth A.E. The Modern Uzbeks. From the Fourteenth Century to the Present. A Cultural History. Stanford: Hoover Institution Press, 1990. 410 p.

Атласи, 1992 - Атласи Т. Себертарихы. Сөөн-бикә. Казан ханлыгы (тарихыясэрләр). Казан: Татарстан китапнәшрияты, 1992. 448 с.

Bukharaev, 2000 - Bukharaev R. Islam in Russia: the Four Seasons. Richmond: Curzon Press, 2000.

Burton, 1997 - Burton A. The Bukharans: A Dynastic, Diplomatic and Commercial History 1550-1702. Richmond: Curzon Press, 1997. 664 p.;

Bustanov, 2011 - Bustanov A. The Sacred Texts of Siberian Khwaja Families, The Descendants of Sayyid Ata // Journal of Islamic Manuscripts. 2011. Vol. 2. Pp. 70-99.

DeWeese, 1994 - DeWeese D. Islamization and native religion in the Golden Horde: Baba Tukles and conversion to Islam in historical and epic tradition. Pennsylvania, University Press. 1994. 638 p.

DeWeese, 1995 - DeWeese D. The Descendants of Sayyid Ata and the Rank of Naqib in Central Asia // Journal of the American Oriental Society. 115. 4 (1995). Pp.612-634.

Dioszegi, 1978 - Dioszegi V. Pre-Islamic Shamanism of the Baraba Turks and some Ethnogenetic Conclusions // Shamanism in Siberia. Budapest, 1978. P.83- 167.

Dudognion, 2000 - Dudognion S.A. (ed.) En islam Siberian // Cahiers du monde russe. 2000. N 41/2-3. Pp.297-340.

Dudognion, 2009 - Dudognion S.A. Islam in Siberia: Historical and Anthropological Aspects // Asiatic Russia: Partnerships And Communities In Eurasia. New Delhi: Shipra, 2009.

Felek, Knysh, 2012 - Felek Ö., Knysh A.D. (eds.) Dreams and visions in Islamic societies. Albany, NY: State University of New York Press, 2012. 301 p.

Frank, 1994 - Frank A. The Siberian chronicles and the Taybughid biys of Sibir // Papers of Inner Asia. № 27. Bloomihgton, Indiana, 1994. PP.1-27.

Frank, 2000 - Frank A.J. Varieties of Islamization in Inner Asia: the case of the Baraba Tatars, 1740-1917 // En islam Siberian. Paris, 2000. P.245 – 262.

Frank, 2008 - Frank A. (Rev.) Rakhimov Rishat Khalitovich, Astana v istorii sibirskikh tatar: mavzolei pervykh islamskikh missionerov kak pamiatniki istoriko-kul'turnogo naslediiia [The Astanas in the History of Siberian Tatars: The Mausolea of the First Missionaries of Islam as Monuments of Historical and Cultural Heritage], Tiumen: Pechatnik (Tiumenskii oblastnoi kraevedcheskii muzei), 2006, 76 p., ill., bibliography // Central Eurasian Reader. 2008. N 1. P.367- 369.

Frank, 2012 - Frank A.J. Bukhara and the Muslims of Russia: Sufism, Education, and the Paradox of Islamic Prestige. Leiden, Boston: Brill, 2012. 215 pp.

Inan, 1968 - Inan Abdülkadir. Sibiry'a da islâmiyetin yayılışı // Türk Tarih Kurumu Yayınlarından. 1968. Ser. 7. Sa. 50. P. 331 – 338.

Israeli, 2002 - Israeli R. Islam in China: Religion, Ethnicity, Culture, and Politics. Lanham, MD: Lexington Books, 2002. 352 p.

Kafali, 1976 - Kafali M. Altın orda Hanlığının kuruluş ve yükselis devirleri. İstanbul, 1976. 769 p.

Karabulatova et all, 2014 - Karabulatova I.S., Ermakova E.N., Shiganova G.A. Astana the Capital of Kazakhstan and Astanas in Siberia as a Linguistic Cultural Aspect of the National Islam of Eurasia // Terra Sebus: Acta Musei Sabesiensis, Special Issue. 2014. P. 15-30.

Karabulatova, Sayfulina, 2014 - Karabulatova I.S., Sayfulina F. S. Mytholinguistic Interpretation of Sacral Toponym Astana in Sociocultural Practice of the Siberian Tatars // Asian Social Science. 2015. Vol. 11, No. 5. P.303-310.

Khusnutdinova et al, 2014 - Khusnutdinova L.G., Galiullina S.D., Ivanova O.M., Bilalova L.M., Sayfulina F.S. An Ideal World in the Medieval SUFI Literature of Siberian Tatars // Mediterranean Journal of Social Sciences. May 2015. Vol. 6. No 3. S4. P. 207-211.

Lifchez, 1992 - Lifchez R. The Lodges of Istanbul // The Dervish lodge: architecture, art, and Sufism in Ottoman Turkey. Berkeley: Univ. of California Press, 1992. P.73-29.

Martin, 1986 - Martin J. The Tiumen' khanate's encounters with Muscovy// Turco-Tatar past soviet present. Studies presented to Alexandre Bennigsen. Louvain-Paris, 1986. P.80 -87.

Миков, 2007 - Миков Ј. Култова архитектура и изкуство на хетеродоксните мюсюлмани в България (XVI–XX век). София: Академично издателство «Проф. Марин Дринов», 2007. 579 с.

Noack, 2000 - Noack Ch. Die sibirischen Bucharioten – eine muslimische Minderheit unter russischer Herrschaft // Cahiers du monde russe. 2000. N 41/2-3. S. 263-278.

Sayfulina et al, 2013 - Sayfulina F. S., Karabulatova I.S., Yusupov F.Yu., Gumerov I.G. Contemporary Issues of Textual Analysis of Turkic-Tatar Literary Monuments of Western Siberia // World Applied Sciences Journal 27 (Education, Law, Economics, Language and Communication). 2013. P.492-496.

Schamiloglu, 1986 - Schamiloglu U. Tribal politics and social organization in the Golden Horde. Columbia University, 1986. 286 p.

Schilder, 1990 - Schilder K. Popular Islam in Tunisia: A regional Cults Analysis. Leiden: African Studies Centre, 1990. 171 p.

Seleznev, Selezneva, 2011 - Seleznev A., Selezneva I. The Cult of Saints within Siberian Islam: Anthropological Approach to Studying of Pre-Soviet Tradition and Post-Soviet Transitions // Communities, Institutions And Transition In Post-1991 Eurasia. New Delhi: Shipra Publications, 2011. P.425-435.

Şimşekler, 2007 - Şimşekler N. The Spread of The Mawlawiyya and The Reasons for Its Spread in The Aegean Region in The XVth Century // Journ. of Rumi Studies. 2007. N 1. P. 143–158.

Strahlenberg, 1736 - Strahlenberg Ph. J. fon. An Histori-Geographical Description of the North and Eastern Part of Europe and Asia; but more particularly of Russia, Siberia and Great Tartary; both in their Ancient and Modern State. London, 1736.

Syncretistic religious Communities in the Near East / Ed. Kristina Kehl-Bodrogi, Barbara Kellner-Heinkele, Anke Otter-Beaujean. Leiden-New-York-Koln, 1997. 252 p.

Tallgren, 1917 - Tallgren A. M. Catalogue de la collection de M. Znamenski : Antiquités de la Sibéria occidentale conservées au Musée national de Finlande // Suomen Muinaismuistoyhdistyksen aikakauskirija. XXIX, 4. Helsinki : Puromies, 1917. 28 s.

Tataurov, Korusenko, 2015 - Tataurov S.F., Korusenko M.A. The History of Islam in Western Siberia: Interdisciplinary Approach to Chronology and Periodization // Bylye Gody, 2015, Vol. 38, Is. 4. Pp.798-807.

Zaitceva, Vodyasov, 2014 - Zaitceva O.V., Vodyasov E.V. Spread of Islam in the North-Eastern Periphery of the Golden Horde in the Light of New Archaeological Evidence // Bylye Gody. 2014. № 34 (4). Pp.504-509.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ДАИ – Дополнения к актам историческим

ИКПИ – История Казахстана в персидских источниках

ИКРИ – История Казахстана в русских источниках

КРО – Казахско-русские отношения

МИБ – Материалы по истории Башкирской АССР

МИКХ – Материалы по истории казахских ханств

МИРК – Материалы по истории русской картографии

МИУТТ – Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР

МСЭЭ ОмГУ – Материалы Сибирской этнографической экспедиции Омского государственного университета

МСИЭЭ – Материалы Средне-Иртышской этнографической экспедиции Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского и Омского филиала Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН, 2001 - ..., руководитель А.Г. Селезнев.

ОГИКМ – Омский государственный историко-краеведческий музей.

ПДРВ – Памятники древней российской вивлиофики

ПСИ - Памятники Сибирской истории

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей

РМО – Русско-монгольские отношения

СГГД – Собрание государственных грамот и договоров

ПУБЛИКАЦИЯ ИСТОЧНИКОВ

№1

1586 г. ноября 15. – Отписка астраханских воевод кн. Федора Михайловича Лобанова-Ростовского с товарищами о событиях в Астрахани, Ногайской Орде, Крыму и приездах к царевичу Мурад-Гирею ногайских мирз.

(л. 11) Ноября в 5 день ели, // (л. 12) государь, у царевича Ак-мирза да Ак-Дербиш князь, да Урусовы послы Ишторе-багатыру с товарищи, да Ибреим-мирзин человек Кечя. И говорил им царевич за столом: государь деи меня пожаловал, отпустил для нашего дела в свою государеву отчину в Асторохань, да дал деи мне воевод своих и ближних и великих людей, да дал деи мне волю над Волгою и над Терком, и над Яиком, и над Доном, и казаком велел быти в моей воле, и в тех городех, которые государь поставил, мне ж приказал. А я деи вам // (л. 13) говорю правду по своей вере, по мусульманской, Урус деи князь простотует, а говорит, что которые города поставлены и те города велит разорить. А города деи стали по моему челобитью к государю, что писал ко мне Урус князь, что ему от воров от казаков теснота великая. И я деи государю бил челом, и государь де для моего челобитья и Уруса князя оберегаючи, и мирз всех, и хотя видети Уруса князя так как Исмаила князя, да велел поставити города на Самаре город да на Белой Воложке на Уфе город, да и впредь государю города ставити, хочет на Терке и где государю надобен. И Урус деи князь для чего города велит разорити, и то деи он не гораздо говорит, а от государевых городов убытков ему нет, а прибыли много – казаки иво ни чем не тронут, то деи на мне положи. Только // (л. 14) деи Урус князь надобен перед государем оправдатися и правду свою показати. Да пришли деи ко мне Урус князь сына своего, Янарслана-мирзу, чтоб он жил у нас во дворе. А то деи Урусова перед государем неправда, государь деи иво жалует своим великим жаловааньем, а он деи государевых послов бесчестит, грабит и у себя их задерживает, то деи иво правда ли? Я де вам скажу всю истинную, что Урус делает не гораздо, я деи сам мусульманской государь, да и чин весь ведаю и обычеи, он деи хвалитца Крымом или турским или бухарским. И я де ведаю, там де Урус князь не добре похвален. А жите ево и богатство все великим князем московским белым царем. Говорю деи вам правду, не дуруй де Урус князь. Да и вы, я де сам ведаю, буди Урус в государеве воле и в нашей, а старую дурость отстав // (л. 15) ля, де Уруса не добре добиваюся государевым де жаловааньем. Есть у меня здесе многая рать вогнуеново бою, и хто деи будет в государеве воле и нас станет слушоти, и где велит быти, тут будет готов и государь ево велит оберегати. А и то де вам говорю правду, которой будет не в правде и к государю деи не отпишу, да велю разорить. И послы, государь, царевичу говорили: Ведает государь, Бог да ты, что государь ни повелит даи вы, так и зделаем, буди повеленье государево и ваше. Да говорили, государь, у царевича на пиру Урусовы послы про сибирсково про Кучома царя, что он хочет ехати в Нагаи, а юрта своего, Сибири, отостави. И царевич Мурат-Кирей говорил послом: Дурует деи царь, что так волочитца, добро де ему бить челом государю, велите деи ко мне прислати человека, и я деи за него стану государю // (л. 16) бити челом, и государь деи для моего челобитья ево пожалует; а в закладе б прислал ко государю племянника своего, кили у него живет, Иль мирзин сын, и он деи иво ко мне пришли, а я ево ко государю пошлю, а тот минян на мне, что для моего челобитья государь ево пожалует, а вы деи как будете у себя прикажите к нему подлинно.

РГАДА. ф. 123, оп. 1, 1586 г. д. 1, л. 11–16.

№2

Б/д. – Запись о присылке ложных сведений об измене сибирского князя Сеид-Ахмеда б. Бекбулата и казахского царевича Ураз-Мухаммеда б. Ондана.

¹...побили, животы пограбили. А взяли живота их больше трех тысяч рублей. А² писали еси к нам ³ ложно будто Сеитяк князь и царевич Уразмамед нам хотели изменить, Ивана побить ⁴ в городи. А с ними пришли были многие ево люди в город⁴. И мы про то сыскали подлинно, что ⁵ учинили, есте Сеитяка князя и царевича Уразмаметя звали к сибестии да их п[⁶]лали.

РГАДА. ф. 141, оп. 1, 1589 г. д. 2, л. 1 об.

*Примечания:*¹ в ркп. утрата текста; ² в ркп. написано поверх буквы п; ³⁻³ в ркп. зачеркнуто: все; ⁴⁻⁴ в ркп. над строкой: в городи, а с ними пришли были многие ево люди в город; ⁵⁻⁵ в ркп. зачеркнуто: вы нам измену; ⁶ в ркп. не читается 1-2 буквы.

Публ.: Беляков А.В. Ураз-Мухаммед ибн Ондан // Мининские чтения: 2006. Н.Новгород, 2007. С. 60.

№ 3

1588 г. – Челобитная выезжего сибирского татарина Бахтураза Карамышева сына Мусаитова о пожаловании поместным жалованием и денежным окладом

Царю, государю и великому князю Федору Ивановичу всеа Русси, бьет челом холоп твой, государев, нововыезжий сибирской Бахтураз мурза Карамышов. Выехал, государь, яз, холоп твой, на твое царское имя в девяносто в пятом году со царицою Маматкула царевича сибирского. А в своей земле оставя отца своего и мать, и род, и племя, и все имяние свое. А тебе, государю, царю, хочю верою и правдою служити. И ты, государь, царевича и царицу пожаловал своею царскою со всем великою милостью. А яз, государь, царевичу шюрин, а твоим царским жалованьем денежным и поместьем не верстан и неустроен, шатаюся и волочюся меж двор, в конец погиб. Милостивый царь, государь, покажи милость, пожалуй меня, холопа своего, своим царским денежным жалованьем и поместьем, вели, государь, устроити как ты, государь, жалуешь нашу братью иных нововыезжих иноземцев, чтоб яз, холоп твой, меж двор волочюся не пожалован без твоего государева жалования в конец не погиб и твоей царской бе службы перед своею братьею не отбыл. Царь государь смилуйся, пожалуй.

На обороте:

Из Казны государевой дать ему шубу под сукном [...] а денежного жалованья из Юмаковских доходов, поденной корм покаместа поместья устроят ему же у царевича, у зятя у своего.

РГАДА. ф. 141, оп. 1, 1589 г. д. 24, л. 1. (Подлинник)

Примечания: ¹ в ркп. неразборчиво.

№4

1588 г. ноября 12. – Память казначею Ивану Васильевичу Траханиотову о пожаловании шубой выезжего сибирского татарина Бахтураза Карамышева сына Мусаитова

Лето 7097-го ноября в 12 день память казначею Ивану Васильевичу Траханеотову. Бил челом государю царю и великому князю сибирского¹ царевича шюрин¹ Бахтураз мурза Карамышов. В прошлом деи во 95-м году выехал он на государево имя с царицою сибирского царевича Магметкула, оставя в своей земле отца и мать, и род весь, хотя государю служить верою и правдою. А государевым деи жалованьем и по ся места не пожалован. И государь бы его пожаловал своим государевым жалованьем выходным. И по государеву указу бояре приговорили ему дати государева жалованье выходного шубу белью² под сукном в четыре рубли. И казначею Ивану Васильевичу велети ему дати государева жалования за выход шубу белью³ под сукном в четыре рубли.

РГАДА. ф. 141, оп. 1, 1589 г. д. 24, л. 2. (Отпуск)

Примечания: ¹⁻¹ в ркп. над зачеркнутым: нововыезжий; ² в ркп. зачеркнуто; ³ в ркп. зачеркнуто.

№5

1595 г. октября – Указная грамота ц. Федора Ивановича о государевом жаловании людем сибирской царицы Ак-тутай, матери царевича Мухаммед-Кула б. Атаула

... людем государева жалованья не дано [...]. И царь и великий князь Федор Иванович всеа Русии ее пожаловал, велел мамке ее и людем дати свое государево жалованье.

Мамке Кадызе шюбка белья да сукно 4 3 руб.

3-м жонку по пол 2 рубли да по сукну по тое ж цене.

2-м [дев]ком по 2 рубли да по сукну.

По скрепам.

РГАДА. ф. 131, оп. 1, 1595 г. д. 1, л. 2. (Отпуск)

№6

**1595 г. октября в 5 – Указная память боярину князю Ивану Васильевичу Сицкому о
государевом жаловании людям сибирской царицы Ак-тутай, матери царевича Мухам-
мед-Кула б. Атаула**

Лета 7104-го октября в 5 день по государеву, цареву и великого князя Федора Ивановича всеа Русии, [у]казу память боярину князю Ивану Васильевичу Сицкому. Била челом государю, царю и великому князю Федору Ивановичю всеа Русии, царевичева Магметкулова мать Актутай царица. Дано де еси государево жалованье ¹, а мамке деи ее и людем государева жалованья не дано. И государь бы, царь и великий князь Федор Иванович всеа Русии, ее пожаловал, велел мамке ее и людем дати свое государево жалованье. И по государеву, цареву и великого князя Федора Ивановича всеа Русии, указу бояре приговорили дати государева жалованья Актутай царицине мамке три рубли денег, двум человеком по два рубли ² человеку, трем жонкам по рублю ³ жонке. И боярину князю Ивану Васильевичю [Сиц]кому [по] государевой, царевой и великого князя Федо[ра Иванович]а всеа [Русии] а все...

РГАДА. ф. 131, оп. 1, 1595 г. д. 1, л. 1. (Отпуск)

Примечания: ¹ в ркп. зачеркнуто: на приезде; ² в ркп. над строкой: по полутора; ³ в ркп. над зачеркнутым: полутора рубли.

№ 7

**1598 г. – Перевод с грамоты царю Федору Ивановичу и боярину Борису Годунову
сибирских чатских князя Куземенкея и мурз Тохташа и Кожбахтея**

(л. 1) От жагакщих мурз Белому князю челобитье, а боярину служба, слово. Наперед сево служивали есми Урус царевым детем, а после сложились с Кучюмом царем, а после зговорили, и шертъ про та у нас была, что в миру учинились, будет¹ смерть, и²но у³мереть, а будет⁴ пропасть, ино пропасть. На то уклонились есмя. И то стало не от нас, от Бога. А последнее от самого учинилось. Первое к царю послов послал, а после к нам прислал. И царь тех послов чтил, которые у него. А мы своих послали для тово, чтоб он их розпросил. И он был ⁵ государь их побил. И вы тово не мните от нас, мните от Бога. А мы тех послали, которые у нас были. И будет похотите с нами в згорове быть, и нашево племяни две души попали к вам. И вы бы их к нам прислали. И мы тому по// (л. 2)верим. А после Хошбахты мурза будет. Вот моя ⁶. До моих рук дойдет и что ни попросите, и мы дадим. А будет доч моя до меня не дойдет, и яз не могу дать. А будет нам и дать ⁷, и нам самим ехать нельзя. А послали есмя ходжу. И все слово у ходжи будет. Послов к нам пошлете, и вы б ходжи не покинули, тому мы поверим.

Молитва и поклон в том месте, где был царь, не говорили есмя и не мирились. И ныне к мирному месту пришли есмя. И мы с кем ни станем ⁸ миритца, ложно не станем говорить вперед. Богом правду учнем говорить. А ныне б, естя на нас не побранили, лехкой поминок послали есмя, сорок соболей.

РГАДА. ф. 131, оп. 1, 1597 г. д. 2, л. 1-2.

Примечания: ¹ в пкп. над зачеркнутым: колько; ² в ркп. исправлено из ранее написанного; ³ в ркп. исправлено из ранее написанного; ⁴ в пкп. над зачеркнутым: токо; ⁵ в ркп. зачеркнуто: в те по; ⁶ в ркп. зачеркнуто: ко мне; ⁷ в ркп. зачеркнуто: живота; ⁸ в ркп. зачеркнуто: згова.

Публ.: СГГД. М., 1819. Т. II. С. 128.

№8

**1600 г. ноябрь – Выпись на доклад по челобитью сибирских цариц об определении их на
жительство к касимовскому царю Ураз-Мухаммеду б. Ондану и сибирскому царевичу
Маметкулу б. Атаулу**

Бьют челом государю, царю и великому князю Борису Федоровичю всеа Русии, сибирские царицы. Просятца жить х касимовскому царю к Ураз-Магмето:

Кучюма царя царица Сюим, касимовскому царю мачеха, а у нее 3 дочери да служащая.

Кучюмова ж Зендевет царица стара, да Кучюмова дочь Камызяк царевна, царю касимовскому двоюродная сестра. У ней 2 жонки служащие.

Да к Маметкулу к сибирскому царевичю просятца жить:

Кучюмова Салтаным царица. У нее дочь да служащая.

Актулум царица. У ней сын Мулла царевич да дочь, да служащая.

Аксюрюк царица. У ней дочь да внучата, Енмамет мурза с сестрою, Бегей мурзины дети, да служащая.

Кучюмова Шевлей царица. //

(л. 2) Да сибирской татарин Текей аталык, да татарин Байтерек з женою да з дочерью.

А касимовской царь и сибирской царевич об них государю, царю и великому князю Борису Федоровичю всеа Русии, били челом, просят их к себе.

И государь, царь и великий князь Борис Федорович всеа Русии, царя касимовского Урозмаметя и сибирского царевича Маметкула пожаловал, которые царицы з детьми и с племянники, и со внучаты бьют челом к ним, и тех государь велел к ним отпустить.

РГАДА. ф. 131, оп. 1, 1600 г. д. 1, л. 1-2.

Примечания: ¹ у исправлено из ранее написанного.

№9

1600 г. – Список сибирских цариц с детьми и людьми, отправленных к касимовскому царю Ураз-Мухаммеду б. Ондану и сибирскому царевичу Мухаммед-Кулу б. Атаулу

109-го ноября в 2 день отдана царю касимовскому рю¹ сибирские царицы, царя Кучюма ст[] Сююнджан², а у нее три дочери, Тюрчюк царевна да Мандур царевна, да Карачай царевна, да Кучюмова ж царица Зендевет царица, да Кучюмова дочь Кумыз царевна, да три жонки служащие.

Ноября в 13 день отпущены царевичю сибирскому Маметкулу сибирские царицы царя Кучюма Салтаным царица да дочь Тулумбек царевна, Актулум царевна, да сын ее Мулла царевич, да дочь его царевна, Аксюрюк царица да дочь ее Ах-ханым, да внучата ее, Бегей мурзины дети Енмамет мурза да сестра его Нал-хадийш, Шевлель царица да 4 жонки служащих, да сибирские татаравы² Байтерек з жоною да з дочерью, да Текей аталык.

РГАДА. ф. 131, оп. 1, 1600 г. д. 1, л. 3.

Примечания: ¹ так в тексте; ² в ркп. над строкой; ² в ркп. перевернутая на 180° припись: 108-го февраля в 27 день писано государю.

№10

1600 – Список сибирских цариц, их детей и людей, оставшихся в Москве, и положенный им корм

На Москве остались:

Сибирскова царя Кучюмова Левкал царицы да Кучюмовых детей Алея царевича Кондазе царице, Тинохметове дочери, да сыну ее Янгашу царевич, ¹6 лет¹, да Каная царевича Танай царице, Урусове дочери, да дочери ее Каны царевне, да имилдешеве дочери ², да трем женкам служащим, да двум роботом, всего одинатцеть человеком, поденного корму на хлеба и на калачи по девети денег на день, на мелкоя по четыре денги на день, по дво[е] куров да погривенке [м]асла на день, да на три дни четверик муки пшеничной, да на три ж дни пол четверика круп, овсяных, да на шесть день яловица.

РГАДА. ф. 131, оп. 1, 1600 г. д. 1, л. 4.

Примечание: ¹ в ркп. над строкой; ² в ркп. оставлено место для вписания имени.

№11

1600 ноября 13 – Указная грамота ц. Бориса Федоровича (приказа Казанского Дворца?) сибирскому царевичу Маметкулу б. Атаулу о посылке к нему на жительство сибирских царик

От царя и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии сибирскому царевичу Маметкулу Атауловичю. Прислали к нам бить челом, чтоб нам тебя пожаловать, велеть к тебе отпустить царик, невесток твоих, сибирского Кучюмовых царевых царик с детьми. И мы тебя пожаловали, велели к тебе отпустить сибирских Кучюмовых царевых царик с Третьяком с Корсаковым: Салтаным царицу з дочерью Тулунбай, Актулу царицу с сыном, с царевичем с Моллою да з дочерью, с царвеною с Чеумом, Аксюрюк царицу з дочерью, с царвеною с Ак-ханымом да со внуком, Енмамет мурзою, да со внукою, с Деналеей, да Шевлелей царицу с их людьми. ¹

Лета 7109-го ноября в 13 день. И как к тебе ся наша грамота придет, а Третьяк Корсаков с царичами и з царевичем и с царвнами приедут, и ты б ² царик и царевича, и царевен, и с людьми взял и держал царик...

РГАДА. ф. 131, оп. 1, 1600 г. д. 1, л. 5. (Отпуск).

Примечания: ¹ в ркп. зачеркнуто: Писан на Москве лета; ² в ркп. зачеркнуто: у нево.

№12

1600 ноября 13 – Наказная память Третьяку Григорьевичю Корсакову, посланному в Бежецкий Верх в с. Есково к сибирскому царевичу Мухаммедкулу б. Атаулу с сибирскими царичами и их детьми

(л. 6) Лета 7109-го ноября в ¹ день по государеву, цареву и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии, указу память Третьяку Григорьевичю Корсакову. Ехать ему в Бежецкой Верх в село Есково к сибирскому царевичю к Магметкулу. А с ним отпущены к царевичю, к Магметкулу, сибирские четыре² царича да царевич, да три царвны, да мурза с сестрою ³ с людьми. Всево осмнатцать человек. И Третьяку, едучи с ними дорогою, береженье к ним держати, чтоб им ни от кого в дороге безчестье небыло, и корм им едучи дорогою велети покупати ⁴ на те деньги, что взял им на корм из Большово приказу⁴ денег. А приехав к царевтню, сказати ему, царевичю, государово, цареву и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии, жалованье. Присылал ⁵ к государю, царю и великому князю Борису федоровичю всеа Русии, он, царевич Магметкул, бил // (л. 7) челом, чтоб ево государь пожаловал, велел к нему отпустить невесток ево ⁶ и племянниц⁶, царевых Чучюмовых жон и детей⁷. И государь, царь и великий князь Борис Федорович всеа Русии, его пожаловал, прислал к нему с ним, Третьяком, царевых Кучюмовых царик царицу Салтаным царицу с дочерью, Актулом царицу с сыном, с царевичем с Моллою, да з дочерью, с царвною Чеумом, Аксюрюк царицу с з дочерью, с царвною с Ак-ханымом да со внучаты, с Делмамет мурзою, да со внукою, с Ноалеем, да Шевлей царицу, и с их людьми ⁸ А изговоря Третьяку царевичю речь, и отказав ему царик и царевича, и царевен, и мурзу, и с их людьми⁸, ехать к царю и к великому князю Борису Федоровичю всеа Русии к Москве. А на Москве явить в Посольском приказе печатнику и посольскому диаку Василью Яковлевичю Щелкалову.

А дано царичам 15 подвод. А в них 10 с санми и с проводники.

О сибирских царичах

РГАДА. ф. 131, оп. 1, 1600 г. д. 1, л. 6-7. (Отпуск). На обороте помета XVII в.: О сибирских царичах.

Примечания: ¹ в ркп. не читается; ² в ркп. приписано по левому полю; ³ в ркп. зачеркнуто: да люд; ⁴⁻⁴ в ркп. над зачеркнутым: а на корм дано ему; ⁵ в ркп. зачеркнуто: он, царевич; ⁶⁻⁶ в ркп. над строкой; ⁷ в ркп. над зачеркнутым: дочерей; ⁸⁻⁸ в ркп. над зачеркнутым: да сказать царевичю Маметкулу: царик и царевича, и царевен, и мурзу с сестрою. И с их людьми возмет, и Третьяку.

№13

1600 ноября 14 – Выпись о поденном корме положенном сибирским царицам с детьми и их людьми посланным из Москвы к сибирскому царевичу Мухаммедкулу б. Атаулу в Бежецкий Верх

Ноября в 14 день оставил Третьяк Корсаков у толмача у Семена у Гарасимова сибирским царицам на поденой корм ноября с 14 числа декабря по 1 число, на семнатцать ден, на день, на хлебы и на колачи по 9 денег, на мелкое по 4 деньги, на дрова по 4 деньги, на масло, на гривенку, по 3 деньги, на муку, три дни четверик, по девяти денег, того иметца на день по 3 деньги, да на три ж дни пол четверика кр[уп], и того иметна на день по деньге. И всех денег на день по четыре алтыны. И всего на семнатцать ден два рубли восемь денег, оприч куров. А за куры Третьяк дал деньги царицам сам на день ноября месяца за двое куров по алтыну на день.

РГАДА. ф. 131, оп. 1, 1600 г. д. 1, л. 8.

№ 14

1601 г. – Выпись на доклад по челобитью сибирских цариц о даче им денег на зимнее и летнее платье

(л. 1) Написано в доклад.

Бьют челом государю, царю и великому князю Борису Федоровичю всеа Русии, сибирские царицы, Кучюмова царева Шопшан царица, Кучюмова большого сына Алей царевичева царица Кандаза с сыном с царевичем с Янсюерем, Кучюмова ж сына Ханай царевичева царица Тотай з дочерью, с царвеною с Сакнышем и с людьми, что де им ни дадено государева, царева и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии, жалованья, денег на зимние и на летние платье, и то де и они все поизносили. И государь, царь и великий князь Борис Федорович всеа Русии, их пожаловал, велел им свое, государево, жалованье дати на летнее платье как государю царю и великому князю Борису Федоровичю всеа Русии Бог известит. //

(л. 2) А в прошлом в 107-м году дано им государева, царева и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии, жалованья платья на приезде, как они приехали.

Кучюмове царева Шопшан царице шуба, бархат цветной, на хрептех на белых да 3 рубли денег. Да в 108-м году дано ей на зимнее платье 4 рубли.

Кучюмова царева большого сына Алей царевичева царице Кандазе дано в 107-м году шуба, отлас цветной, на хрептех на белых да 3 рубли денег. Да в 108-м году дано ей на зимнее платье 4 рубли.

Алей царевичеву сыну Янсюерю царевичю в 107-м году дано ферези, сукно лундышь, на хрептех на белых, кафтанец, камка двоелична адамашка, на черевех на белых, шапка бархат червчат, сапоги сафьяны желты да денег 3 рубли. Да в 108-м году дано ему на зимнее платье 4 рубли. //

(л. 4) Кучюмова ж царева сына Каная царевичева Тотай царице дано в 107-м году шуба, отлас цветной, на хрептех на белых да 3 рубли денег, да дочери ее Акнышу рубль. Да в 108-м году дано ей на зимнее платье 4 рубли, да дочери ее рубль.

Да жонкам их дано:

Аталыкова дочери Атаулу-3 рубли;

Царевичеве Янсюереве няньке з дочерью пол-3-я рубли;

Кутлубию да Уразлыню – по 2 рубли;

Сыну Кутлубиеву – 20 алтын.

Государь пожаловал, велел дать против 108-го году на зимнее платье.

РГАДА. ф. 131, оп. 1, 1601 г. д. 2, л. 1-2, 4.

№15

1601 августа 1 – Указная память Андрею Арцыбашеву о даче денег на зимнее и летнее платье сибирским царицам и их людям

Лето 7109-го августа 1 день по государеву, цареву и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии, указу памяти дьяку Ондрею Арцебашеву.¹ И государь, царь и великий князь Борис Федорович всеа Русии, с сибирских цариц² пожаловал, велел им свое, государево, жалованье дати на³ летнее и на зимнее платье⁴ Кучумове царевице⁵ Шошан царице⁶ Кучумова большого сына Алей⁶ царевичеве царице Казаде⁷ с ыном Янсюерем,⁸ Кучумова ж сына Хана царевичеве⁸ царице по четыре рубли человеку. Тотаеве дочери царевне Акняшу рубль. Жонкам их: аталыковой дочери Атаулу три рубли; царевичева Янсюерева няньке з дочерью полтретья рубли; Кутлубию да Уразлыю по два рубли, сына Кутлубию дватцать алтын. И дьяку Ондрею Арцыбашеву государево, цареву и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии, жалованье сибирским царицам и царевичю и царевне⁹ на летние и на зимние платья¹⁰ по сей памяти¹⁰ велел дати.

РГАДА. ф. 131, оп. 1, 1601 г. д. 2, л. 5. (Отпуск)

Примечания: ¹ в ркп. зачеркнуто: Били челом государю царю и великому князю Борису Федоровичу всеа Русии сибирские царицы Кучумова царева Шопшан царица, Кучумова большого сына Алей царевичева царицы Кандаза с сыном с царевичем с Янсюерем, с Кучумова ж сына Хана царевичева царицою Тотай з дочерью с царевною с Сакнышеш и с людьми, чтоб государь царь и великий князь Борис Федорович всеа Русии их людей и служащих пожаловал своим государевым жалованьем на летнее платье, как государю Бог известит; ²⁻² в ркп. зачеркнуто: и их служащих; ³ в ркп. зачеркнуто: «зи»; ⁴⁻⁴ в ркп. над строкой; ⁵ в ркп. над строкой и зачеркнуто: против; ⁶ в ркп. над строкой; ⁷ в ркп. зачеркнуто: царице; ⁸⁻⁸ в ркп. приписано по левому полю; ⁹ в ркп. зачеркнуто: по сей памяти; ¹⁰⁻¹⁰ в ркп. над строкой.

№16

1601 г. Дело о назначении поденного корма сибирской царице с сыном и служанкой

Сибирскому царевичю Берди-Мурату Кучумову с людьми с пятью человеки на корм по 4 алтын на день.

Сибирскому ж царевичю Ишиму з двумя человеки на корм и на дрова по 3 алтын на день. Дано 10 денег за поденный корм.

А царевна¹ сама третья – сын да служанка.

РГАДА. ф. 131, оп. 1, 1601 г. д. 2, л. 3.

Примечания: ¹ так в ркп.

№17

1601 г. июня 10 - Отписка самарских воевод Саввы Дмитриевича Щербатова и Федора Ивановича Бирдюкина-Зайцева об отпуске в Москву сибирской царицы с сыном и мамкою

Государю царю и великому князю Борису Федоровичу всеа Русии холопи твои Савка Щербатай да Федько Бирдюкин-Зайцов челом бьют. В нынешнем, государь, в 109-м году генвоя в 11 день писали мы, холопи твои, к тебе, к государю, по твоей государеве грамоте: веленно нам, холопом твоим, Кучумову дочь с сыном да с мамкою прислати к Москве, к тебе, государю, с кем пригож. И кучумова дочь была челом тебе, государю, а сказала, что она сома немочна и сын ее немочен же, и для стужи ехати нельзе, и тебе б, государю, пожаловати, велети отпустить к Москве, к тебе, государю, воденным путем. И мы, холопи твои, провели подлинно, что она с сыном немочна, велели ей быти в Самарском до полые воды. И как, государь, ныне Волга вскрылося, и мы, государь холопи твои, Кучумову дочь с сыном и с мамкою к Москве, к тебе, государю, отпустили апреля в 28 день с самарским жильцом с Яковом Авлампеевым. И корм ее в дорогу дали до Москвы по твоему государеву указу на день по осми денег. И в Козань о том к воеводе и к дьяку писали.

На обороте:

Государю царю и великому князю Борису Федоровичю всеа Русии. 109 году июня в 10 день с сомарским жильцом с Яковом Авлампеевым.

РГАДА. ф. 131, оп. 1, 1601 г. д. 1, л. 1-1 об. (Подлинник)

Публ.: Беляков А.В. Новый документ о ранней истории г. Самары // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия история. Международные отношения. 2014. Т. 14. Вып. 1. С. 84-85.

№18

1601 г. – Указная память дьяку Посольского приказа Василию Щелкалову о поденном жалование выезжего сибирского татарина Янглича Безелек Бегичева с сыном Мурзашом

(л. 1) Лета 7110-го декабря в 10 дней по государеву, цареву и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии, памяти посольскому дьяку Василию Шелкалову. Бил челом государю, царю и великому князю Борису Федоровичю всеа Русии, татарин Янглич Безеляк Бегечев. Он с сыном своим, с Мурзашом, от царевичей от Кучюмовых детей, от Алея з братьею, на государеву, цареву и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии, имя. А жена де его живет у сибирских Кучюмовых цариц на Москве. И государь бы, царь и великий князь Борис Федорович всеа Русии, его пожаловал велел ему жити и с сыном у сибирских Кучюмовых цариц з женою своею в Маскве. И государь, царь и великий князь Борис Федорович всеа Русии, татарина Янглича Безеляка пожаловал, велел ему жить у сибир// (л. 2)ских цариц. И по государеву, цареву и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии, указу посольскому дьяку Василию Шелкалову татарину Янгличю Безеляку с сыном жити у сибирских у Кучюмовых цариц. А государева, царева и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии, жалованья давано ему с сыном корм по осьми денег да по две чарки вина, да по полуведра меду. А дан им корм декабря с 18 числа да по [генва]рь по 15 число. Нечай Федоров.

Принес толмач Иван Федоров.

РГАДА. ф. 131, оп. 1, 1601 г. д. 3, л. 1-2. (Подлинник)

№ 19

Б/д - Выписи из жалованной грамоты касимовскому царю Арслану б. Али 1614 г. на судебные пошлины с суда над татарами царева двора и сеитова полка

В жалованной грамоте, какова дана касимовскому царю Арслану Алеевичу на город на Касимов и на села, которые ему даны во 122-м году написано:

Пожаловал государь, царь и великий князь Михайло Федорович всеа Руси, касимовского царя Арслана Алеевича касимовских князей и мурз, и татар царева двора и сеитова полку судом, как кому лучитца чево искати меж себя, и их судят во всем касимовские воеводы да касимовскова царя Арслана Алеевича приказные люди, потому ж как было при касимовском царе Уразмете. А судные пошлины имать на царя Арслана. А которые люди учнут касимовсково города дети боярские и вольные, и уездные люди, и иных городов бити челом на татар касимовсково уезда на касимовских ямщиков и на пушкарей, и на затинщиков, и на воротников, и в церковных делех на попов, и на церковном причете, и на уездных всяких людех, которые у него в государеве жалованной грамоте написаны, и тех всех велено судити касимовским воеводам и приказным людем, и пошлины збирают на государя.

РГАДА. ф. 141, оп. 1, 1622 г. д. 8, л. 57.

№20

**1622 г. июля 18 – Выпись из жалованной грамоты касимовскому царю Арслану б. Али
1614 г. и из дозорных книг 1613/14 г. Михаила Беклемишева о поместьях в Касимовском
и Елатомском уездах**

(л. 50) Лета 7130-го июля в 18 день по государеву, цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси, указу боярину князю Ондрею Васильевичу Ситцкому да Якову Михайловичу Боборыкину, да дьяком Ондрею Верееву, да Ивану Грязеву в Посолской приказ к дьяком к думному к Ивану Грамотину да к Саве Раманчукову в память за твоею, Ивановою, приписью написано: Велети б выписати ис писцовых и из дозорных книг, и из вотчинных дачь в Мещерском уезде за касимовским царем за Арасланом Алеевичем, что в поместье и в вотчине сел и деревень, и починков, и пустошей, и селищ, и займищ, и в них четвертные пашни и всяких угодей порознь. Да та б выпись прислати к нам в Помесной приказ. И сыскано в Посолском приказе в списке з государева жалованья грамоты, что прислана ис Казанска дворца в Посольской // (л. 51) приказ за приписью дьяка Федора Опраксина, какова дана касимовскому царю Араслану Алеевичу за приписью думново дьяка Олексея Шапилова 122-го году марта в 6 день: написано за касимовским царем за Арасланом Алеевичем в поместье в Елатомском уезде сельцо Ермолово да сельцо Котуково, да село Беляково, а Царево тож, да село Вежи и деревня Уланова Гора, деревня Чеботова, деревня Колосово, деревня Селища, деревня Скрыбино, деревня Власово с пашнею и с сенными покосы и со всякими угоды, что к тем селам исстари всяких угодей было, чем пожалован был наперед сево касимовский царь Ураз-Магмет. А по дозорным книгам Михаила Беклемишева с товарищи в тех селех и в деревнях сошново письма в живущем пол-пол-трети сохи без семи чети и без пол-пол-полтретника. А вытей в живущем шесть вытей без получети, а что в тех селех и деревнях сошново письма и четвертные пашни в пустее и того в дозорных книгах не написано // (л. 53) Да за касимовским же царем Арасланом Алеевичем в Касимовском уезде дворцовое село Ерахтур с приселки и з деревнями и со всякими доходы. А по дозорным книгам Михаила Беклемишева 122-го году в том селе Ерахтуре з деревнями и с пустошами пашни паханые и перелогу и лесом поросло 1328 чети с получетверником в поле, а во дву потомуж, оприч старые пустошы. Да в государевой жалованной грамоте, какова дана касимовскому царю написано: Пожаловал государь, царь и великий князь Михаил Федорович всеа Руси, касимовского царя Араслана Алеевича касимовских князей и муруз и татар царева двора и сеитова полку судом, как кому лучитца чево искати меж себя, и их судят во всем касимовския воевода да касимовского царя Араслана Алеевича приказные люди. А судные пошлины велено имать на царя Араслана Алеевича.

РГАДА. ф. 141, оп. 1, 1622 г. д. 8, л. 50–51, 53.

№ 21

**Ранее 1619 г. апреля 10. – Челобитная сибирского царевича Алтаная Кучумова царю
Михайлу Федоровичу о поверстании помесным окладом и денежным жалованием**

Царю, государю и великому князю Михайлу Федоровичу всеа Руси бьет челом холоп твой [] сибирской царевич Алтанайко Кучумов. Не верстан я, холоп твой, государевым твоим [цар]ским жалованьем помесным и окладом денежным жалованьем, милосердный государь, царь и великий князь Михайло Федорович всеа Руси, пожалуй меня, холопа своево государева, вели, государь, стати своим царским жалованьем помесным окладом и денежным жаловань[ем]...²

РГАДА. ф. 130, 1618 г. д. 1, л. 2. (Подлинник)

Примечания: ¹в ркп. утрачено 2–4 бутвы; ²конец ркп. утрачен.

Публ.: Участие сибирского царевича Алтаная ибн Кучума в событиях смутного времени // Мининские чтения: 2004. С. 33.

№22

Ранее 1619 г. апреля 10. – Повторная челобитная сибирского царевича Алтаная Кучумова царю Михаилу Федоровичу о поверстании помесным и денежным окладами

Царю, государю и великому князю Михаилу Федоровичу всея Руси бьет челом холоп твой сибирской царевич Алтанайко Кучумов. А челом тебе государю, царю и великому [князю Ми]хаилу Федоровичу всея Руси [] и что я, холоп твой, государь не верстан. И ты государь меня пожаловал, велел выписати на пример с нашею братьею царевичами, и де то государь писано, лежит в Посолском приказе перед твоим государевым дьяком Савелием Романчу[ко] вым друганацатую неделю. Мило[се]рдный государь, царь и великий князь Михайло Федорович всея Руси, пожалуй меня, холопа своево, вели государь, дело перед своими государевыми бояры положити и свой государев указ учинити, чтобы я, холоп твой, волочась меж дворы, вконец не погиб и перед своею братьею в позоре не был Царь, государь смилуйся, пожалуй.

На обороте:

Внести дело к бояром.

РГАДА. ф. 130, оп. 1, 1618 г. д. 1, л. 1. (Подлинник)

Примемания: ¹ в ркп. утрачено 5-6 букв.

Публ.: Участие сибирского царевича Алтаная ибн Кучума в событиях смутного времени // Мининские чтения: 2004. С. 33–34.

№23

1619 апреля 10 – Дело о поверстании сибирского царевича Алтаная Кучумова поместным и денежным окладом

(л. 3) Написано в доклад:

Бьет челом государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всея Русии сибирской царевич Алтанай Кучумов. А сказал: государевым де он денежным жалованьем и помесным окладом и по ся места не верстан, а которые де и ево братья царевичи, и те де и государевым жалованьем помесным и денежным окладом поверстаны. И государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всея Русии царевич Алтанай Кучумов бьет челом, чтоб ево государь пожаловал, велел поверстать своим государевым жалованьем помесным и денежным окладом как государю бог известит.

А у выписки царевич Алтанай Кучумов сказал: В прошлом де и во 116-м году выехал он на государево имя² в Тобольской город при царе и великом князе Василие Ивановиче, и тобольской де и воевода князь Роман Троекуров отпустил его к Москве. И как де он проехал на Вологду, и в те де поры стоял под Москвою Тушинской Вор, и ему де и в те поры к Москве проехать // (л. 4) было нельзя. И как де был в Новгороде боярин и воевода князь Михайло Васильевич Шуйской, и ему де и велел ехать к себе в Новгород. И он де и с Вологды приехал в Новгород и был в Нове Городе до тех мест как немецкие люди город взяли. А как де и немецкие люди взяли Новгород, и его де и взяли тут же в полон, и был в полону у немецких людей. А из Нова де и Города от немецких людей хотел был побежати к государю к Москве с новгородцы со князем Федором Оболенским с товарищи, и его де немецкие люди поймали и к пытке приводили, и сослали в Ъвангород, и в Ъване де Городе сидел он в тюрьме. И государь де и ево пожаловал, велел ево у немецких людей выменять на немецково воеводку на Волмеря. И дали де и его немецкие люди на обмену во Гдов, и как де и он был во Гдове, и в теж де и поры немецкие люди Гдов осадили, и во Гдове де и сидел в осаде восемь недель. А как де и город взяли, и он де и изо Гдова ушел во Псков душею да телом, а изо Пскова де и отпустили его к государю к Москве. И по ся места де и он государевым жалованьем помесным и денежным окладом не верстан. //

(л. 5) И сыскано в Посолском приказе как сибирской царевич Алтанай Кучумов приехал изо Пскова к государю к Москве, и государь ево пожаловал, велел ему видети свои царские очи, а после того как он увидел государевы очи бил челом государю чтоб ево государь пожаловал за выезд и на платье как государю бог известит. И на выписке его помета думного дьяка Петра Третьякова: написано царевичу Алтаная Кучумовичу велено дать государева жалованья за выезд и на платье: ковш в 3 гривенки, бархат гладкой, камка куфтерь, отлас гладкой, сорок

соболей в 30 рублей, сукно доброе, 50 рублей денег, да из государевой конюшни конь. И по той ему помете государево жалованье дано все. И только государь царь и великий князь Михайло Федорович всея Руси сибирского царевича // (л. 6) Алтаная Кучюмова пожалует, вели его поверстать своим государевым денежным жалованьем и поместным окладом.

И выписаны на пример царевичи, что им государева жалованья поместные и денежные оклады.

Царевичи

По 2000 чети, денег по 200 рублей

Казашкие орды царевич Ураз-Магмет, которой был на Касымове царем

Сибирский царевич Мамет-Кул Атаулов

2000 чети, денег 170 рублей

царевич Азим Кучюмов, а ему, Алтаная царевичу, брат родной большой.

1500 чети, денег 150 рублей

царевич Малла Кучюмов, а ему, Алтаная царевичу, брат родной меньшей //

(л. 7) 1000 чети, денег 100 рублей

царевич Абдул-Хаир, во крещенье Ондрей Кучюмов.

Мурзы

1300 чети, денег 200 рублей

Теникей мурза Аксаров сын Шейдяков

по 1050 чети, денег по 120 рублей

Алей мурза да Каплан мурза Тугановы дети Шейдякова

1000 чети, денег 150 рублей

Шебан мурза Казыев

850 чети, денег 80 рублей

Канай мурза Еналеев сын Шейдяков

800 чети, денег 90 рублей

Келмамет мурза Тиналеев сын Шейдяков

127-го апреля в 10 государь, царь и великий князь Михайло Федорович всея Руси пожаловал царевича Алтаная, велел ему учинить государева жалованья поместный оклад 1500 четей, а денежно жалованья 150 руб.³

РГАДА. ф. 130, оп. 1, 1618 г. д. 1, л. 3-7.

Примечание: ¹ в ркп. утрата текста; ² В ркп. написано над строкой; ³ в ркп. дьяческая припись является скрепой между листами 3-7 и несохранившимся листом с лицевой стороны.

Публ.: Участие сибирского царевича Алтаная ибн Кучума в событиях смутного времени // Мининские чтения: 2004. С. 34-36.

№ 24

1619 – Челобитная сибирского служилого татарина Степанка Кошакова сына Маметева поместным окладом и денежным жалованием

Царю, государю и великому князю Михаилу Федоровичу всея Руси, бьет челом холоп твой, выезжево сибирсково служивово тотарина сын Кошаков сын Маметев Степашко Кошаков Маметев. Отец, государь, мой, Кошак корачин сын Маметев выехал из Сибири на Ваше царская имя со князем Сеентяком Бекбулатовичам, блаженные памяти при государе, царе и великом князе Иване Васильевиче всея Руси, и служил прежним государем и тебе, государю, всякие твои, государевы, службы зимние и летние. А твоего, царского, жалованья поместного оклад был отцу моему пятьсот чети, а денежно жалованья дватцать рублей. Милосердный осударь, царь и великий князь Михаил Федорович всея Руси, пожалуй меня, холопа своего, за отца моего выезд и за службу, и за кровь, вели, государь, меня, холопа своего, поместным окладом и денежным жалованьем поверстать, как тебе милосердному государю Бог известит, чтоб, я, холоп твой, волочась з голоду не умер и в конец не погиб, и твоей бы царской службы впрдь не отбыл. Царь, государь, смилуйся, пожалуй.

РГАДА. ф. 131, оп. 1, 1619 г. д. 3, л. 1. (Подлинник)

№25

1619 г. – Дело о поверстании сибирского служилого татарина Степана Кошкакова сына Маметева поместным окладом и денежным жалованием

(л. 2) А у выписи татарин Степан Кошкаков сказал: В Сибири де отец иво был служилой татарин. А как выехал ис Сибири в Московское государство, государю служить, вместе со князем Сеитяком Бекбулатовым, и по государеву де указу ведали отца его, Кошкака, со князем Сеитяком же вместе в Посолском приказе, и давали поденной корм. А государева де жалованья отцу его было поместного окладу 500 чети, денег 20 рублев. И отца де иво не стало до Московского разоренья. А он де, Степанко, после отца своего остался мал и жил у родимцов в Ярославле.

А знали де отца иво, Кошкака, и ведают про то подлинно, что отец его выехал ис Сибири государю служить вместе со князем Сеитяком, и в государеву // (л. 3) службу был верстан, и корм был указан ис Посолского приказу царевич Михайло Арасланев Кайбулин, князь Борис Пашай мурзин сын Куликов, Посолского приказу татарские переводчики Суналей Мананаив, Семен Ондреив, толмачи Иван Альшев, Василей Дасаив. И ево де, Степанка, они подлинно знают же, что он, Степанко, того Кошкака Маметева сын.

И сказали в Посолском приказе царевич Михайло да князь Борис Куликов и переводчики и толмачи Суналей Мананаив с товарищи, что они Степанкова отца, Кошкака, и деда его, Карачюру Маметевых знали и ведают про то подлинно, что они выехали ис Сибири блаженные // (л. 4) памяти при государе, царе и великом¹ князе Иване Васильевиче сеа Русии, и в государеву службу верстаны, и ведали их во всем в Посолском приказе. А тот де малой Степанко Кошкака карачюрина сына Маметева сын. А что де отцу его, Кошкаку, было государева жалованья, поместного и денежного окладу, того де подлинно не упомяят. А в службу де отец иво и дед были верстаны. И мочно де было отцу его, Степанкову, в том окладе в 500 четьях дать в 20 рубля быть.

И государю, царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии, татарин Степанко Кошкаков бьет челом, чтоб государь пожаловал, велел иво поверстать своим государевым жалованьем поместным и денежным окладом, как государю Бог известит. // (л. 5) И только государь, царь и великий князь Михаил Федорович всеа Русии, пожалует его, Степанка, велит поверстать своим, государевым, жалованьем поместным и денежным окладом.

И написаны на пример из романовского служилого списка служилые романовские татарове с меньшие статьи² и новики², что им государева жалованья поместные и денежные оклады. Меньшая статья по списку, по 300 чети, по 8 рублев.

Алабердей Ишеев
Уразгилдей Уразев
Ураз Вашуков //

(л. 6) Новики
По 200 чети, по 7 рублев.

Алшай Беликов
Сарман Митюков
По 200 чети, по 6 рублев.

Колушь Беликов
Ахмет Байчиков
100 чети, 4 рубли.
Екмокайко Енсарыков

127-го году августа в 7 день учинить новичные статья 200 четвертей, 7 рублев.

На обороте:

Ярославским мурзам и татаром оклад.

РГАДА. ф. 131, оп. 1, 1619 г. д. 3, л. 2–6, 6 об.

Примечания: ¹ в ркп. 2 раза; ²⁻² в ркп. над строкой.

№ 26

1620 г. – Жалованная грамота касимовскому царю Арслану б. Али на елатомский кабак за Московское и Касимовское осадное сиденье 1618 г. прихода царевича Владислава

(л. 134) От царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси касимовскому царю Арслану Алеевичю. Присылал еси к нашему царскому величеству бити челом, чтоб нам тебя пожаловать, ¹ велети б дати тебе² в Елатмье на посаде кабака со всеми кабацкими доходы или б ³ пожаловать тебя³ в Володимирском уезде нашими дворцовыми селы Овчюхи да Борисовским, да Брутовским. И за тобою нашего царского ⁴ жалованья и так не умалено. Даны тебе город Касимов со всеми доходы и касимовские кабаки и тамга, и мыт, и перевоз. Да за тобою ж нашего царского жалованья в Касимовском же уезде в поместье и наших дворцовых сел и из черных волостей село Ерахтур с приселки и з деревнями, место великое, и иные наши дворцовые села и черные волости с рыбными ловлями и с верховыми медвеными оброки, и з бобровыми гоны, и со вспуды и с перевеси, и со всякими угоды. Да ты ж пожалован нашим царским // (л. 135) жалованьем в Касимове татарским судом, и с суда пошлины велено тебе иметь на себя. ^{5 6} тебя, царя Араслана Алеевича ^{7 8} пожаловали ⁹ елатомской кабака. И наш царский указ в Елатмю к приказным людем велели есмя послать. А велено тот кабака отказать тебе ¹⁰. А в нынешнем в 128-м году тот елатомской кабака был в откупе за елатомским за посацкими людьми, а откупа с него шли в нашу царскую казну на год // (л. 136) сто тритцать два рубли сестнатцать алтын четыре деньги. И ты б, видя к себе наше царское жалованье, нам, великому государю, служил и премил и нам жалованьем людей своих строил, чтоб у тебя люди где велим ¹¹ быть на нашей службе были готовы со всею службою, конны и нарядны. ¹² А с кабака б еси, с Елатомского, велел доход иметь с того числа как тебе воевода откажет.

РГАДА. ф. 141, оп. 1, 1622 г. д. 8, л. 134-136. (Оттиск)

Примечания: ¹ в ркп. *зачеркнуто*: за твою к нам службу и за московское и за касимовское осадное сиденье; ² в ркп. *над строкой*; ³ в ркп. *над стокой*; ⁴ в ркп. *зачеркнуто*: величества; ⁵ в ркп. *зачеркнуто*: И того нашего царского жалованья за тобою перед прежними цари касимовскими и так много. Да мы, великий государь, по прошению отца нашего, великого государя светейшего патриарха Филарета Никитича Московского и всея Руси; ⁶ в ркп. *не читаемая* *припись между строк*; ⁷ в ркп. *зачеркнуто*: за твою службу и за московское осадное сиденье; ⁸ в ркп. *не читаемая* *припись между строк*; ⁹ ркп. *зачеркнуто*: велели тебе дати; ¹⁰ в ркп. *зачеркнуто*: царю Арслану Алеевичю; ¹¹ в ркп. *написано над строкой и зачеркнуто*: тебе; ¹² в ркп. *зачеркнуто*: А татаром бы еси за посмех денег не роздавал, чтоб тебе было чем нашу службу служить.

№ 27

1621 г. – Дело об злоупотребления касимовского царя Арслана по отношению к населению посада г. Касимова

(л. 7) Бил челом государю, царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Руси, касимовской царь Арслан Алеевич. А к нему прислал на касымовцов, на посадских людей, на старосту на Софонька Шириява да на Пос// (л. 8)ника Поздина, да на Миколку Аляничкова и на всех касымовских посадских людей челобитную. И он ту касымовского царя челобитную прислал ко государю ¹ с отпискою своею вместе. А в челобитной касымовского царя написано: Пожаловал де иво государь городом Касымовым и касымо²вскими посадскими людьми со всеми доходы, как были пожалованы прежние касымовские цари. И в нынешнем де во 129-м году февраля в 7 день приходили к нему, к царю, на двор касымовцы // (л. 9) посадские люди староста Софонька Ширияев да Посничко Поздин, да Микитка Аляничков с товарищи, со многими людьми. И он де, услыша их приход, что оне пришли к нему зговором, выслал к ним говорити приказного своего человека Ахметя сент Белякова и велел их про их приход спросити: для оне чего ходят к нему скопом и заговором, и что их до него дело. И оне де учили того его приказного человека лаять матерным и всякою лаено, и его учили позорить и бесчестить, и ему угрожали и отказали от него совсем, и не в чем слушать не почали. И челобитную де // (л. 10) оне свою к нему принесли с отказом, и владеть собою не велели, неведомо по какому умыслу ³. Да оне ж

де, поедучи ис Касымова к Москве, сожгли его, цареву, мельницу. И от того де их воровства и ослушанья винокурня его и кабаки стали. Да касымовские ж де таможенные и кабацкие целовальники и чюмаки, на которых // (л. 11) дан был выбор за их, посадских людей, и за отцов их духовных руками, взяли воровством его, царевых, таможенных и кабацких денег, что было у них в зборе, пятьсот рублей и розделили по себе. А как де те посадские люди, староста Офонька Ширяев с товарищи приходили к нему, царю, с отказом, и в те поры был у него воивода Ми// (л. 12)кита Полтев. И государь, царь и великий князь Михаил Федорович всеа Руси, пожаловал бы его, касымовского царя, велел ему с теми касымовскими посадскими людьми в их воровстве, что они его бесчестили, а приказново человека лаели⁴ и в таможенных и в кабацких⁵ деньгах и в пожженных мельницах⁵ своей, государев, указ учинить.

А в отписке касымовского воиводы Микиты Полтева написано:

Нынешнего де 129-го году февраля в 7 день приходили х ка// (л. 13)сымовскому царю на двор при нем, при Миките, касымовской посадской староста Софонька Ширяев со всеми касымовскими посадскими людьми шумом и на царя при нем шумели бездельем.⁶ И в каком [] про что ты о том ко государю не отписал⁶.

А касымовские посадские люди, староста Софонька Ширяев да Посничко Поздеев, да Микита Алянчиков, и в товарищей своих⁷, во всех касымовских посадских людей место, на Москве⁸, и в Посольском приказе⁹, с царевыми людьми, с Ахмет сеитом с товарищи, по отписке ис Ка// (л. 14)сымова воиводы Микиты Полтева, и по челобитным касымовского царя роспрашиваны про все статьи, что в отписке и в челобитных написаны. А в роспросе сказали, что¹⁰ оне, посадские люди,¹¹ живут у касымовского царя на дворе всегды, и делают на него всякое изделье. А шумом де оне и заговором к царю на двор ни коли¹² не прихаживали и его не позоривали, и не бесчещивали ничем, и приказного де царева человека Ахмета сеит Белякова оне не лаивали, и челобит// (л. 15)ной¹³ своей таковы¹³, что царя не слушатца, царю¹⁴ не подаывали и не уграживали ему ничем, и не отказывались от него николи, и мельниц не жигали, и хто жог, гоге не ведают, и денег де оне ис царевых ис таможенных и ис кабацких доходов ни чего не имали // (л. 16) и по себе не деливали. И имать де было их, царевых денег, и по себе делить нельзя потому, что збирали де на царя все годы всякие¹⁵ царевы денежные доходы ис посадских людей выборные годовые целовальники, а у отчоту де сидели всегды, и ныне сидят, царевы люди¹⁶, и относят де всегды всякие денежные доходы к царю царевы люди¹⁷ с целовальники вместе помесечно. А на целовальников де оне, посадские люди, выборы свои давали все на тех людей кого царю велить к денежным своим збором в целовальники взять. А переменяли тех же кого царь велит переменить. И ящик де, в которой денги збирают жи деи все за царе// (л. 17)вою печатью. И у них де царевых денег никаких нет¹⁸. А воивода де Микита Полтев писал на них то, что бут-то оне, посадские люди, при нем к царю на двор приходили шумом и на царя шумели¹⁹, по цареву веленью, ²⁰-норовя царю²⁰ потому, что де он всегды с царем пьет и ест, и на них стоит задин мимо государевых указов. Да оне ж, касымовские посадские люди, в нынешнем, в 129-м году, за две недели до Масленицы били челом государю, царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Руси, на касымовского царя, // (л. 18) а воиводе Миките Полтеву подали известную свою челобитную в том, что правил на них, на посадских людех, царь восемьдесят рублей денег мимо государеву указу своим изволением. И воивода де, Микита Полтев, норовя царю, им отказал тем, что он за них с царем в ответу быть не хочет. Да били челом государю, царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Руси, и великому государю светейшему патриарху Филарету Никитичю Московскому и всеа Руси, касымовцы, посадские люди староста Софонька Ширяев²¹ да Посник Поздин, да Микита Алянчиков, и во всех посацких людей место, а сказали: Пожаловал де государь касымовского царя // (л. 19) Араслана Алеевича городом Касымовым и ими, посадскими людьми. И им де от царя Араслана Алеевича во всем налоги великие. Правит де на них царь себе великие денежные подати и хлебные запасы, и всякие многие доходы²² по вся годы немерными правежи, своим изволением, мимо государское уложение. И государевы грамоты им не покажет. А исстари де з города с Касымова плачивали оброки в государеву казну по государеву уложению по тридцати по семи рублев по дватцати по шести алтын по четыре денги на год. И прежним де касымовским царем, которые преж сего // (л. 20) бывали на Касымове, царю Шигалею и царю Мустофалею и царю Саин-Булату, и царю Розмамету плачивали тот же оброк, что и государю в казну по уложению, платили по тридцати по семи рублев по дватцати по шти алтын по четыре денги²³ на год. И при тех де царех было в Касимове²⁴ на посаде тяглых дворов с триста и болши. А ныне

де в Касымове на посаде осталось всего тяглых и вдовьих, и бобьльских дворов с пятьдесят, и те де бредут розно, а иные разбрелись безвестно от царевых от немерных податей // (л. 21) и от налогов, что стало не против их силы. И правит де на них царь всякие денежные доходы и хлебные запасы, и куры, и гуси, и яйца, и масло коровье мимо того денежного оброку, что истары плачивали и ныне указано. А оне де люди бедные и не пашенные, никаких за ними угодей нет. Да оне же де на царя делают изделье всякое, жнут и сено косят, и возят, и ставитца де ими в том на всякой год рублей по сту и болши, оприч того, что всякое дворовое изделье делают, и луб, и воду возят, и хоромы ставят, и сторожою на дворе стерегут. // (л. 22) Свои покабалили в великих долгах. А в таможе и по кабаком, и на винокурне сидят над ними иво, царя²⁵, приказные люди, и всякие денежные зборы собирают оне. Да у них же де, у посадских людей, емлет царь из лавок на себя всякие товары²⁶ и лошади добрые²⁷, и коровы, и овцы, и всякую животину безденежно. А которые де их братья, посадские люди, учнут ему бити челом о деньгах за товары и за лошади, и за животину, и он де за то велит бить плетьми и багоги, и мучит насмерть. А прежде сего он же, царь,²⁸ доправил на себя на посадском человеке, на Дружинке Исаиве восемьдесят рублей денег. И тот де²⁹ посадской человек, Дружинка, от того его немерного правежо збрел ис Касымова безвестно, а жена иво и дети // (л. 23) []

[]³⁰ человек по дватцать и болши, и толкут, и мелют, и хлебы пекут во все годы. А прежним де касымовским царем оприч того денежного оброку, что указ бы с Касымова³¹ иных ни каких податей на них не имывали, и сторожи не стерегали, и никакого на них дворового изделье не дельвали, и повозов не важивали. Да из них же де, ис посадских из лутчих людей выбирает царь во // (л. 24) всякие свои службы, в таможно и на кабаки, и на винокурни, и к хлебной отдаче человек по пятинатцати и болши. Да на тех же де на выборных людех правит царь на поваренные и на кабацкие заводы рублей по десяти и по пятинатцати со всякого человека ежегодь. И как де те выборные люди отслужат, то де и на тех же де людех правит царь на себя памятные денги своим изволением, рублей по десяти и болши. И что де на кого ни наложит, то правит немерным³² правежем: бьет ослопы насмерть, от утра до вечера, а на ночь разводит по приставем, по людем своим, и велит ковать. И приставе де их мучат, и емлют от того посуды великие. И оне де, посадские люди, многие от того жены и дети // (л. 25) волочатца помиру. И которой де посадской человек вымрет или от его, царевых, налогов збжеит, и он де тех людей животы емлет на себя, а дворы их развозит на кабаки и на винокурню, и велит жечь. А которые де на посаде мастеровые люди, плотники и окончики, и сапожники, и епанче// (л. 26)ники, и крашенинники, и царь тех мастеровых людей емлет на себя делать всякое дело безденежно. Да касымовской же де царь держит у себя на дворе новокрещеных нагайских татар Кичейка да брата его Богданка, да Енмаметка, да Сенгурку да Молланка, да Аллагулка с матерью. А ныне де оне у царя бусурманены и веруют бусурманскую веру. А от истинные де от православные христианские веры оне отведены царевым прельщением. А новокрещенку де Аллагову мать выдал царь у себя во дворе за некрещенного татарина за абыза. Да царь же отнял у касымовского у посадского // (л. 27) человека, у Савки Потапова, руску[ю] девку и у себя ее во дворе бусурманил. Да у царя ж де была руская жонка з дочерью, а сказывалась с Москвы, боярская. И он де тое жонку и з дочерью велел посадить в воду ерахтурским мужиком, неведомо за што.

Да государь ж, царь и великий князь Михаил Федорович всеа Руссии, и великий государь святей патриарх Филарет Никитич всеа Руссии, бил челом и извещал на касымовского царя касымовской служилой татарин Буга Кудеяров. А сказал: Живут де у касымовского царя во дворе но// (л. 28)вокрещены Кичейко з женою да з братом, з Богданкою, да Енмаметкою, а в крестьянской вере имя ему Федька, да Сигурко, а в крестьянской вере имя ему Ивашко, да Молланко, да Аллагулко с матерью. А все де те люди были крещены в истинную православную хрестьянскую веру. И царь де их всех ввел в бусурманскую веру. А от истинные православные христианские веры их отделе. А новокрещенку де Аллагулкову мать выдал за татарского абыза. Кичейка де с матерью держит ныне царь в чеши и в железех за то, что он бусурманница не холел. Да царь же де в Касымове отнял у служилого татарина у Мол// (л. 29)товского у Беликова сына девку рускую, и, обусурманя ее, продал темниковскому татарину Зенмаметю Башмакову. Да у царя ж де есть татарин, Шихом зовут, ворожит во многих мерах. А царь де его ворожбы держитца.

А касымовского царя люди, Ахмет сеит с товарищи, били челом. А скази: Что колмацкой татарин Кичейко з братом своим, з Богданком, били челом³³ служить до тех мест, как еще государь их на Касымове царем не был. Ис тех де мест служат оне у царя и по ся места. А веруют бусурманскую веру. А до тех де месте как ещо оне царю не служивали, были крещены или

нет, того он не ведает. // (л. 30) А царь де их не бусурманивал.³⁴ А татарин де Кичейко и брат его, Богданко, да татарка, зовут ее Авнасалтанкою, сидят у царя за приставом за то: как де³⁵ касымовской царь сидел на Москве в осаде, в королевичев приход под Москвою, и у царя де тому Кичейку приказано было во дворе в казне, а брату де иво, Богданко, перед царем еству ставил. И тот де Кичейко с тою татаркою, с Авнасалтанкою, своровали – окормили царя кореньем. И ныне де то их коренье у царя в сыску, и у них вынято. И от того де коренья царю учини// (л. 31) лаяса болезнь великая.

И воеводу Обросиму Ивановичю Лодыженскому, приехав в Касымов и росписався с воеводою с Микитиою Полтевым во всяких государевых делах, обыскать про то касымовских и иных городов уезды, которых го// (л. 32) родов уезды Касымовским уездом сошлись, их Касымову подошли, большим сыском³⁶ во всех станех и во всех в селех и в погостех, и в деревнях³⁷ от города версты по две и по три,³⁸ и по пяти,³⁹ и по десяти, и по пятнатцати, и по дватцати,⁴⁰ и по тритцати, и по сороку, и по пятидесяти, и больши, всеми людьми, оприч Касымова городу и посаду, и оприч касымовского воеводы Микиты Полтева и касымовских стрельцов и пушкарей, и затинщиков // (л. 33) и всяких жилецких городских и посадских людей, и оприч касымовского царя друзей, которые в челобитье касымовцов посадских людей написаны,⁴¹ Ишея Сеитбекова,⁴¹ абыз Миняя Акбулатова,⁴¹ князя Алыша Баянов,⁴¹ Бажена мурзы Нагайбекого,⁴¹ Исенгилдея мурзы Теребердеива,⁴¹ Курмаша Ахметева,⁴¹ Терегула мурзы Сююшева,⁴¹ Алтабая Исенгилдеевца,⁴¹ Невера мурзы Сунтаива,⁴¹ Кайкея Карамышева,⁴¹ абыз Сафар Ишкининева,⁴¹ Егула абыза,⁴¹ Ишима мурзы Идебердеева,⁴¹ Баубека // (л. 34) мурзы Яумова,⁴¹ Муртей абыза,⁴¹ Уразай Исминиева,⁴¹ Садакай мурзы Дасаива,⁴¹ Еликбей Ишимова,⁴¹ Ишея Енбулатова,⁴¹ Енбулат мурзы Крымского,⁴¹ Ураза Утешева,⁴¹ князь Кугуша мурзы Гилдеива,⁴¹ Уразлея Кучукова,⁴¹ Тенебек мурзы Семенеива,⁴¹ Ураз мурзы Емашева,⁴¹ Ишея абыза подлипского.⁴² Архимадрит и игумены, и протопопы, и попы, и дьяконы по све// (л. 35) ству. А дворяны и детми боярскими, и всякими помещики, и государевых дворцовых и монастырских, и боярских, и дворянских, и детей дворянских, и всяких помещиков поместных и вотчинных⁴³ прикащики и старосты, и целовальники, и крестьяне, и всякими людьми по государеву, цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руссии, крестному целованью,⁴⁴ а татаром по их вере, по шерти⁴⁴, в нынешнем 129-м году февраля в 7 день в Касымове к царю на двор касымовцы посадские люди, староста Сафонько Ширяев да Посник Поздин, да Микита Алянчиков с товарищи, со многими людьми, зговором приходили ль, и каков царю позор и // (л. 36) безчестье учинили ль, и чем царю грозили, и⁴⁵ что его ни в чем⁴⁶ слушать⁴⁷ ни хотят⁴⁷ отказывались ль. И приказного царева⁴⁸ человека Ахметка сеита Белякова матерны и всякою лаею лаяли ль. Будет лаляли, и за што лаляли, идучи ис Касымова к Москве посадские люди цареву мельницу жглили ль, и будет жгли, и хто именем посадские люди цареву мельницу жгли и для чего жгли те царевы мельницы, а то момо посадских людей жжог, и хто именем жег, и зачем у касымовского царя ныне перед прежним винокурня и кабаки стали от посадских людей ослушанья, и какое в том // (л. 37) перед царем посадских людей ослушанье.⁴⁹ Как выбирают, сами, или по указке царя, (л. 38) и как старост и цело[вальник]ов переменяют, по[годно] ли все годы, или кого царь переменит, тех и переменяют, а собою тем ни[] без царева веленья не владе[]⁵⁰; и ящик с деньгами за царевой печатью или посадской...

РГАДА. ф. 141, оп. 1, 1622 г. д. 8, л. 7–38.

Примечания: ¹ в ркп. зачеркнуто: к Москве; ² в ркп. зачеркнуто: вым и; ³ в ркп. зачеркнуто: своему заводу; ⁴ в ркп. наз зачеркнутым: бранили матерны; ⁵⁻⁵ в ркп. над строкой; ⁶⁻⁶ в ркп. над строкой; ⁷ в ркп. зачеркнуто: место; ⁸ в ркп. зачеркнуто: стали же; ⁹ в ркп. зачеркнуто: оно; ¹⁰ в ркп. зачеркнуто: все; ¹¹ в ркп. зачеркнуто: все; ¹² в ркп. зачеркнуто: они; ¹³⁻¹³ в ркп. над строкой; ¹⁴ в ркп. над строкой; ¹⁵ в ркп. зачеркнуто: его доходы; ¹⁶ в ркп. над зачеркнутым: прикащики; ¹⁷ в ркп. над зачеркнутым: прикащики; ¹⁸ в ркп. зачеркнуто: и не по чему быть; ¹⁹ в ркп. зачеркнуто: бездельем; ²⁰⁻²⁰ в ркп. над строкой; ²¹ в ркп. зачеркнуто: с товарищи; ²² в ркп. зачеркнуто: доходы; ²³ в ркп. зачеркнуто: на день; ²⁴ в ркп. зачеркнуто: было; ²⁵ в ркп. над строкой; ²⁶ в ркп. зачеркнуто: безденежно; ²⁷ в ркп. зачеркнуто: и всякую животину; ²⁸ в ркп. зачеркнуто: добр; ²⁹ в ркп. зачеркнуто: Дру; ³⁰ в ркп. зачеркнуто: во все годы не ходят с двора; ³¹ в ркп. зачеркнуто: иметь; ³² в ркп. над строкой; ³³ в ркп. зачеркнуто: государю; ³⁴ в ркп. зачеркнуто: А тот де; ³⁵ в ркп. зачеркнуто: хосударь их; ³⁶ в ркп. написано и зачеркнута над строкой не читаемая фраза; ³⁷ в ркп. зачеркнуто: всем людем; ³⁸ в ркп. зачеркнуто: и по четыре; ³⁹ в ркп. зачеркнуто: и по шти; ⁴⁰ в ркп. зачеркнуто: и по полутретцати; ⁴¹ в ркп. зачеркнуто: оприч; ⁴² в ркп. зачеркнуто: и оприч

см[]ный детей боярских, воюды Микиты Полтева друзей: оприч Федор Полтев, оприч Иван Зубов, оприч Федор Битяговский, и оприч их поместий и вотчин; ⁴³ в ркп. *зачеркнуто*: сел и деревень; ⁴⁴ в ркп. *над строкой*; ⁴⁵ в ркп. *зачеркнуто*: чем царю; ⁴⁶ в ркп. *зачеркнуто*: не; ⁴⁷ в ркп. *над строкой*; ⁴⁸ в ркп. *зачеркнуто*: человека; ⁴⁹ в ркп. *зачеркнуто*: Толико от посадских людей у царя винокурня и кабаки стали, или каким иными мерами у царя винокуренные и кабацкие доходы стали, а не от посадских людей ослушанья учинился или иные цареви винокурни и кабаки попрежнему, а ни за чем ничего не стали; ⁵⁰ в ркп. *зачеркнуто*: ничем.

№ 28

1628 г. – Роспись русским людям, служащим касимовскому царевичу Сеит-Бурхану б. Арслану

(л. 10) Роспись русским людем каторому русскому человеку по государеву, цареви и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии, указу велена в Косимове у косимовского царевича у Сеит-Бурхана жить и ходить ему на Москве за царевичевы дела, а иным русским людем велена жить за царевичем в Косимове в бобылях по прежнему в своих дворех, а в нынешнем во 136-м году про тех про русских людей в Комимове воюде Ивану Гавриловичю Бобрищеву-Пушкину в обыску сказали косимовския посадские люди, что будто те руские люди служат в Косимове у царевича у Сеит-Бурхана, а хто именем, и кокие те руские люди, и то писана в сей росписи.

По государеве, цареви и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии, грамоте за приписью днака Миксима Магюшкина у касимовского у царевича у Сеит-Бурхана служит сын боярский Иван Елизарьев сын Авинов. А живет он на Москве, и ходит за царевичевы дела. А жена ево живет в Косимове в деревне.

В Косымове ж за царевичем за Сеит-Бурханом живут бабыли в своих дворех.

Левка Остафив сын, сапожников. Делает он на царевича сапоги. А царевич ему за те сапоги акроме дела доет деньги. И тем он, Левка, своим ремеслом кормитца.

Ивашко Еремеив сын, кузнец, з братом своим з Демкой. Делают ани на царевича всякое кузнешная дела в царевичевам железе. А кормятца они тем своим ремеслом. //

(л. 11) Дарофейка Олексеев с сыном Филькою. Живут они за царевичем в огородниках, и приспевают на царевича всякой огородной овощь. А сами они кормятца огородным же авощем и всякою своею работою.

Филька Максимов, партной мастер. Делает на царевича партное дела. И кормитца он тем своим ремеслом.

Федько, плотник. Делает на царевича временем плотницкая дело. И кормитца он плотнишным ремеслом. А как у царевича дела лучитца, царевич ему дает хлеб, чем ему в то время быть сыгу дома з женою иво.

А под теми царевичевы бобыли, под двары их, места белые. И в тегле в Комимове на посаде те их дворовые места не написаны.

Да в обыску ж написан Федосей Кошанин. Будто служит у царевича. И тот Федосей Кашанин живет своим двором подле пятницкого попа Ивана Маркова на Новам посаде. А пишет приходя у царевича временем всякие иво, царевичевы, дела. А царевич ему за письмо дает деньгами и хлебом, потому, что царевичо без подьячева быти не мочна. А он, Федосейко, преж сего был в томожне в подьячих, а в посаде небыл.

Мельник Гришко Петров с племянником своим с Петрушкою. А живут ани у мельницы на речке на Сынтоле, на тотарской помесной земле, от царевичева двора версты з две, и от посада с версту. А люди ани не тяглые, для того, что ани живут на царевичеве мельнице. //

(л. 12) Да в обыску ж посадских людей написаны Ивашко Гаврилов с матерью и з братом. Будто они служат у царевича. И тот Ивашка Гаврилов с матерью и з братом у царевича не служит. А живет он в Косимове на посаде. И в писцовых книгах написаны ани в посаде. А царевичо да них дела нету.¹

РГАДА. ф. 131, оп. 1, 1628 г. д. 11, л. 10–12.

Примечание: ¹ в ркп. *рукоприкладство на татарском языке*.

1627 г. – Челобитная касимовского царевича Сеит-Бурхана б. Арслана о возвращении ему доходов с посада г. Касимова, как было при его отце – касимовском царе Арслане б. Али

(л. 1) Царю, государю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии и великому государю светлейшему патриарху Фелорету Никитичю Московскому и всеа Русии. Бьет челом холоп ваш косимовской царевич Сеит-Бутханко Аросланов. Было вашего государьского жалованье за многие ваши государьские службы за отцом моим за касимовским царем Аросланом Алеевичем: город Косимов и посад, и косимовское томга, и кобаки, и мельницы, и перевозки, и рыбные ловли, и всякие косимовские денежные доходы, и елатомской кабак, да косимовских князей и мурз, и служилых тотар царева двора и сеитова полку с¹ их судных дел пошлины. А сходило, государи, с того с вашего государьского жаловонья, с тех доходов, отцу моему рублев по тысячи и больше. И отец мой с тово с вашего государьского жаловонья служил ваши всякие государьские службы везде летние и зимние своею головою. Да отец же, государи, мой по вашему государьскому указу посылан на ваши государьские службы з бояры и с воеводы под Смаленск и под Даругубуж, и под Вязму, и под Можаяск по двотцети человек служивых людей конных и вооруженных. И в прошлом, государи, во 134-м году апреля вторы день судом божьм отца моего царя Арослана в животе не стало. И после, государи, отца своего смерти бил челом я, холоп ваш, вам государем, в прошлом во 135-м году а той, отца своего, выслуге, что было за отцом моим вашего государьского жалованья, чтоб вы, государи, пожаловали после отца моего тем своим государьским жаловоньем отца моего выслугою меня, холопа своего. А мне, холопу вашему, довать было по вашему государьскому указу на всякие ваши государьские службы в полк против ваших государьских недругов ратных даборныхлюдей по тридцати людей конных и вооруженных, покаместа я, холоп ваш, поспею своею головою на вашу государьскую службу. И вы, государи, меня, холопа вашего, за службу отца моего всею выслугою не пожаловали, что было вашего государьского жалованья отца моего выслуги Косимов город и посад, и косимовское томьгу, и кобаки, и мельницу, и перевозки, и рыбные ловли, и елатомской кобак, и косимовских князей и мурз, и служилых тотар с судных дел пошлины и всякие данежные доходы, что было вашего, государьского, жалованья за отцом моим велено у меня, холопа вашего, взять и отписать на вас, государей, оприч государи отца моего помещьных сел и деревень. А которы, // (л. 2) государь села и деревни, что было вашего государьского жалованья, отца моего выслуги, и теми селы и деревнями пожаловали вы, государи, меня, холопа своего. А велено мне, холопу вашему, по вашему государьскому указу с того вашего с государьского жалованья для вашии государьские службы строить служилых своих людей ис тех же сел и деревень. И в пршлому, государи, во 135-м году по вашему, государьскому, указу присланы были в Косимов писцы Петр Воейков да подьячий Посник Раков писать и мерить, и косимовской доход, что было за отцом моим вашего государьского жалованья, смечать. И те, государи, писцы Косимов город и посад, и всякой косимовской доход, что за отцом моим было сел и деревень писали и мерили, и косимовской всякой доход смечали и описали. Государь, тое отца моего выслугу измерев написали в книги. И те книги положили в Посольском приказе перед вашими, государьскими, дьяки перед думным перед Ефимом Телепневым да перед Моксимом Мотгошкиным. И ныне, государи, у меня, холопа вашего, родная моя матушка царица Фотма-Салтан да меня же, холопа вашего, отца и моих сторинных служилых людей человек с тридцать и больше, которые служили с отцом маим всякие ваши государьские службы, акромья их братьев и детей их, и племянников, и их служилых людей. И ныне я, холоп ваш, тех отцовских и своих сторинных людишек, проча их впред для вашии, государевы, службы, чая к себе ваше государьской милости и не хотя их розно роспустить, которые к вашей государьской службе и мне, холопу вашему, годны, пою и кормлю, и на одежду денежное жалованье дою. А ныне, государи, тех своих людишек строил по вашему государьскому указу ис тех же своих помещьных земель помещьными дворнишками. И в том я, холоп ваш, стал скуден и одолжал великими долги. А то перво мне, холопу вашему, тех своих людишек пожаловать ставитца не в силу потому, что ваше государьское жаловонья, а отца моего выслуга, город Косимов и посад, и всякой денежной доход² взят и отписоны на государя. А как я, холоп ваш, поспею на вашу государьскую службу, и мне, холопу вашему, без тех служилых людишек быть невозможна. И притчею, государи, велитя спросить на мне, холопе своем, служилых людей и мне, холопу

вашему, в те поры // (л. 3) для вашиех государьских службъ взять будет тех людей вскоре негде. А руские, государь, люди, которые служили у отца моего и после отца у меня, холопа вашего, и ныне, государи, по вашему государьскому указу тем руским людям быть и впредь не велено. А иных, государи, отца своего старинных людей которые служили у отца моего и у меня, холопа вашего, в своей скудости распустив заплаков потому, что мне их стало пожаловать и строить поместными землями нечим. А что, государи, вашего государьского жалованья поместных сел и деревень за мною, холопом вашим, и мне с того вашего государьского жалованья денежного доходу взять немочно потому, что бабылишка бедные, и земли, государь, худые и хлебы не родитца, и животины скудны, и все то мне, холопу вашему, идет с того с вашего государьского жалованья всякого доходу рублей с полтора. И то перво мне, холопу вашему, что то ваше го государьского жалованья с тех поместных сел и деревень свою матушку и з достальными людишками прокормитца и одетца, и обутца сто невозможна. И достольные, государь, людишка хотят от меня, холопа вашего, с ногаты из босаты бресть розно. Толька не взыщется вашей государьской милости и возрения надо мною, холопом вашим, и мне, государи, холопу вашему, бедному и беспомощному в своей молодосте в конец погибнуть. Милосердный царь государь и великий князь Михайло Федорович всеа Руси и великий государь светейшой патриарх Фелорет Никитич Московский и всеа Руси пожалуйте меня, холопа своего, беспомощного с моей родной матушкою за службу отца моего и за кровь своим государьским жалованием, а отца моего выслугою, чем вас, государей, Бог по сердцу уложит косимовским денежным таможенными кабацким доходом, чтоб я, холоп ваш, с своими людишками без вашего государьского жалованья и без денежного дохода оставаясь не разорился и впредь без людей в конец не погиб, и достольные, государь, людишка с ногаты и з босаты от меня, холопа вашего, розно не разбрелись. А я бы, холоп ваш, впредь от вашей государьской службъ не отстал и в конец не погиб. Государи, смилуйтесь, пожалуйте.

РГАДА. ф. 131, оп. 1, 1627 г. д. 1, л. 1–3.

Примечания: ¹ в ркп. дважды; ² в ркп. над строкой.

№ 30

1627 г. – Выпись на доклад из Посольского приказа, о чем бьет касимовский царевич Сеит-Бурхан б. Арслан

(л. 4.) Написано в доклад

В прошлом 134-м году апреля в 2 день касимовского царя Араслана Алеева не стало. А после его остался сын его царевич Сеит-Бурхан по третьему году да дочь десети лет, да падчерица, да три жены, да три тетки, да людей его служилых 51 человек. А государева царева и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси жалованья за касимовским царем за Арасланом было город Касимов, посад со всеми доходы и таможенная пошлина и кабаки, и перевозки, и мельницы, и рыбные ловли, и сенные покосы, и всякие доходы.

А по дозорным книгам Михаила Беклемишева с товарищи 122-го году с Касимова с посаду с посадских людей и с лавок оброку и таможенных и кабацких доходов и с мельниц, и с перевозов оброков 479 рублей, 10 алтин, 5 денег. // (л. 5.) Да с царем же Арасланом было в Елатомском уезде сельцо Ермолово да сельцо Котурово, да село Беляково, Царево тож, да село Вежи з деревнями и со всеми угоды. А по дозорным книгам Михаила Беклемишева 122-го году в тех селех и в деревнях сошного письма в живущем пол-пол трети сохи без пол-пол-пол третника. А вытей в живущем – 6 вытей без получети выти. А сколько в тех селех и деревнях четвертные пашни, и того в Михайловых книгах Беклемишева не написано. А преж сего касимовской царь Араслан ведом был со всем в Казанском дворце.

И ис Посольского приказу посылана в Казанской дворец к боярину ко князю Дмитрею Мамстрюковичю Черкасскому да к диаком к Ивану Болотникову да к Ивану Грязеву память, чтоб они отписали в Посольской приказ к диаком к думному к Ефиму Теплепневу да к Максиму // (л. 6.) Матюшкину в Елатомском уезде в сельце Ермолове да в сельце Котурове, да в селе Белякове з деревнями, что было за касимовским за Арасланом Алеевым. Сколко четвертные пашни и сколько в тех селех и в деревнях крестьян и бобылей, и что в живущем вытей, и что к тем селем и деревням написано каких угодей рек и озер, и лесов поверстных и всяких угодей.

И ис приказу Казанского дварца в памяти за приписью диака Ивана Грязева написано, что тех сел писцовых книг и отпусков никаких о том нет и выписать нечего, потому что в 134-м году в Казанском дворце книги и всякие дела в пожар згорели.

Да за касимовским же царем за Арасланом Алеевым было в Касимовском уезде дворцовое село Ерахтур с приселки и з деревнями, и со всякими угодья. // (л. 7.) А по дозорным книгам Михаила Беклемишева 122-го году в том селе Ерахтуре з деревнями и с пустошми четвертные пашни 1328 чети с полчетвертиком в поле, а в дву потому ж, oprич старые пустоши.

Да за касимовским же царем был в Елатье кабак. А по памяти из Большого приходу за приписью диака Петра Овдокимова 128-го году с того кабака откупу было 122 рубли 16 алтын 4 деньги.

Да на касимовского ж царя иманы пошлинные деньги с судных дел с касимовских князей и мурз, и с татар царева двора и сеитова полку. А сколько тех пошлин на год имано, и того не ведомо потому, что ис Касимова Арслан царь и воеводы, и царевы приказные люди о том ко государю к Москве не писывали и книги не присылавали. //

(л. 8) И в прошлом, во 134-м году бил челом государю, царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси касимовского царя Арасланов сын царевич Сеит-Бурхан. После де отца его смерти касимовцы, посадские люди, и в селех и в деревнях крестьяня его, царевича, ничем не слушают. И государю б его пожаловать: велети ему в том указ учинити и посадским людям и крестьяном его слушати велети по-прежнему.

И в прошлом же, 134-м году апреля в 14 день по государеву, цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси, указу послана государева грамота в Касимов к воеводе к Олексею Чюбарову. А велено касимовским посадским людем и в селех и в деревнях крестьяном, которые были за касимовским царем за Арасланом царя, Арасланова сына царевича Сеит-Бурхана слушать во всем. Пошню пахати и изделья делати, и доходы всякие платити прошлого 134-го году до 135-го году. // (л. 9) А вновь, на нынешней, на 135-й год доходов никаких збирати ему с посаду и с сел не велено до государева указу, oprич кабаков и тамги. А кабаки и тамги велено царевичю ведать по-прежнему до государева указу, как о том государев указ будет, чем его с матерью и с сестрами вперед пожалует. А почему царь с касимовских и с елатомского кабаков и с тамги, как их давал в откуп, имал откуп, и того в Посольском приказе неведомо.

А ныне государю, царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси, и отцу его, государю, великому государю патриарху Филарету Никитичю Московскому и всеа Руси, касимовского царя Арасланов сын Сеит-Бурхан // (л. 10) бьет челом как де было государеву жалование за отцом его, за Арасланом царем, город Касимов со всеми доходы и елатомской кабак, и села, и деревни. И отец де его посылал на государевы службы ратных людей по дватцати по пяти человек. И ныне б его, царевича Сеит-Бурхана, государь пожаловал, не велел у него отца его выслуги, города Касимова и села, и деревень, и кабаков, и перевозов, и рыбных ловель, и всяких доходов отнять. А только де его государь пожалует, того всего чем владел отец его отнять у него не велит, и он де учнет на государевы службы давать ратных людей по тритцати человек. И только государь, царь и великой князь Михаил Федорович всеа Руси, касимовского царевича Сеит-Бурхана пожалует.

РГАДА. ф. 131, оп. 1, 1627 г. д. 1, л. 4-10.

№ 31

1627 – Распросные речи в Посольском приказе Ахмет сеита Белек сеита сына Шакулова о доходах касимовского царя Арслана б. Али

(л. 13) А на Москве касимовской Ахамет сеит Белек сеитов сын Шакулов роспрашиван: сколько на касимовского царя, на Арслана, касимовских таможенных и кабацких, и перевозных, и мельничных денег и с рыбных ловель, и с сенных покосов оброчных денег и всяких касимовских доходов збиралось, и сколко збиралось с елатомского кабака кабацких денег, и кто те касимовские доходы и елатомские кабацкие деньги на царя збирали.

И Ахамет сеит в роспросе сказал:

На касимовского царя на Арслана Алеевича касимовские всякие доходы и с елатомского кабака кабацкую прибыль збирали на веру касимовские посацкие люди. А в том что тем по-

садским людям всякие доходы збирать вправду, привожены были к крестному целованью. А над ними смотрели и дозировали царевы приказные люди. А иные де доходы касимовской царь давал откупщиком в откуп.

А збирался де на царя Араслана тех касимовских доходов на веру таможенных¹ и мытных и перевозных¹ денег по 500 и по 600 рублей на год. А в ъном де году збирано и больши того. А по меншому де окладу пошлин збирано // (л. 14) на год по четыреста рублей. А менши де четырехсот рублей таможенных денег не бывало. А в откуп де таможенной пошлины николи никому не отдавали.

С касимовских с посадских с трех кабаков, оприч бражного кабака, збирано на веру по 400 и по 500 рублей на год. Да в Касимове ж де кабак, а на нем держат одну брагу просяную. И царь де Араслан тот бражной кабак отдал жене своей, царице Салтанаяу Алееве дочери. А сколько на нее с того кабака збирано прибыли, и он того не ведает. А при прежнем де касимовском царе, Ураз-Магмете, с того бражного кабака збирано прибыли и на откупщикех имано откупку по 15 и по 20 рублей на год.

Да в Касимовском де уезде кабак Толстукской с перевозом, да кабак Ахматов, да кабак Столбище с перевозом. И те де кабаки Араслан царь отдавал в откуп по все годы, потому, что на веру с тех кабаков преж того збирывано менши того, что давали откупщики. А имали // (л. 15) с тех кабаков у откупщиков откупку с Толстукского кабака с перевозом по 10 и 12 рублей на год; с Ахматовского по 8 и 10 рублей; с Столбицкого с перевозом по 8 ж и по 10 рубли. А в прошлом де 131-м году касимовские кабаки, что в Касимове на посаде и в Касимовском уезде, оприч одного бражного кабака, Араслан царь отдавал в откуп откупщиком москвитину гостиние сотни торговому человеку Ивану Григорьеву сыну Цылибееву да Гороховлейского уезду посадцкому человеку Микифору Васильеву сыну Ширяеву с товарищи на год. А откупку с тех касимовских и с уездных со всех кабаков, оприч одного бражного кабака, что в Касимове на слободе, взял на тех откупщикех Араслан царь на год 1150 рублей. Да к тем же де кабаком Араслан царь тем же откупщиком за тот же откуп отдавал мельницу. А с той де мельницы оброку и откупку имано 6 рублей на год. А после де того, на другой год, те откупщики кабаков в откуп не взяли. // (л. 16) А давали де откупку всего 500 рублей. А больши того откупку не давали. А царь де им те кабаки хотел отдать за 700 рублей. И они де семисот рублей не дали. И после де тех откупщиков кабацкие деньги збирали на царя на веру царев дворовой князь Тахамет Шамарданов. А сколько собрал, и он того не ведает потому, что де князь Тахамет приходных книг царю не отдавал. И по ся места в тех кабацких денгах не считыван. ²У Тахаметя велеть взять книги и по книгам честь.²

Да в Касимовском же де уезде были три кабака: кабак на Селище, кабак на Болтаеве, кабак в Казанове. И те кабаки ныне пусты потому, что на тех кабаках питухов не живет.

Да за царем же де на Синтоле были две мельницы. И с тех де мельниц платят оброк касимовской посадцкой человек Сергейко Потапов з братьею. С высней мельницы по 3 рубли на год, а с нижней мельницы платят Петрушка да Гришка Офонасьевы племянники Максимова, а чьи дети и того не упомню, 6 рублей // (л. 17) на год. А платят де они с тех мельниц оброк по все годы без наддачи. И тех мельниц, оприч их в откупе и на оброке из наддачи никому не отдают потому, что те мельницы зделаны новые, и ныне поделывают те ж откупщики Сергейко с товарищи, оприч того, что отдана была одна мельница, нижняя, для кабацкого откупку в прошлом во 131-м году.

Да за касимовским же де царем, за Арасланом на реке Оке, от высшего, от Бабинского острова, на низ, до Толстукского острова, по обе стороны Оки реки, были рыбные ловли. И с тех де рыбных ловель имано на царя у рыбных ловцов, у Минки Васильева да у Клеща Малаева с товарищи оброку 7 рублей на год, оприч того, что те ж ловцы ловили рыбу на царя шестью связками, а в Касимове де те связки зовут бабыкою. А ловили де те ловцы теми связками рыбу на царя в одно время, в осень, белые рыбицы и стерлядей, и всякой белой рыбы по возу и по два воза на год. А больши де того на царя рыбы не лавливали. И оброку больши 7 рублей николи не плачивали. //

(л. 18) Да в Касимове ж де 52 лавки. А оброку с тех лавок по окладу имано на царя по 8 алтын и по 2 деньги с лавки. И того на год по 13 рублей.

Да с хлебников де и с калачников оброчных ясачных денег збирался по 5 и по 6 рублей на год. А збирано де с человека по 2 гривны на год.

Да в Касимове же анбар, а везят в том анбаре торговые люди соль. И с того де анбару имал Араслан царь у соловолоков у Мишки Кривцова с товарищи, откупу по 3 рубли на год.

Да в Касимове ж де 92 двора посадцких и бобыльских. И с тех де посадцких и з бобыльских дворов имал царь на себя со всякого двора по гривне. И того по 9 рублей и по 6 алтынов по 4 денги на год.

Да в Касимове ж де на посаде воскобойня. А взял де ту воскобойню на откуп великие государни инокини Марфы Ивановны Новой Слободки крестьянин Панфилю Ефремов во 131-м году // (л. 19) на пять лет бес перекупу. А платить ему окупу на всякой год по три рубли. А во тех де месте воскобойни не бывало, и откупу с того неболю ж.

Да на касимовских же де на посадцких людех имал касимовский царь наметных денег по 10 и по 15, и по 20 рублей и больши, в то время как посылал на государеву службу под Смоленск и под Дорогобуж людей своих.

Да с посадцких же де людей имал касимовской царь ис Касимова до Москвы под запас по 10 и по 15 подвод на год. А касимовские де посадцкие люди те подводы наинмали. А давали до Москвы от лошади по 20 и по 25 алтын, и по рублю, сколько подвод доведетца дать.

Да касимовские ж де посадцкие люди и бобыли ходили к царю на двор на всякое изделье³ по 5 и по 6, и по 10, и по 20 человек на день.

Да касимовские ж де посадцкие люди и бобыли все по вся годы летом жали на царя хлеб по 6 ден.

Да в Касимове ж де имано с мастеровых людей, с сапожников, оброку по рублю по шти влтын по четыре денги на год. //

(л. 20) А сенных де покосов в Касимовском уезде по Оке реке было 1500 копен. И те де сенные покосы все косили на царя. А оброку с них не имано. Да за прежним де касимовским царем были сенные покосы по Оке ж реке, повыше Касимова, пять верст, Гуские волости, луг Царевской. И с тех де сенных покосов прежний касимовской Шигалей царь имал оброку по 15 рублей на год. А после де царя Шигалей тот луг взят на государя. А касимовской Ураз-Магмет царь и Арослан царь тем лугом не владели.

Да в Касимове ж де на посаде винокурня. А в ней котел железной да десять кубов, да десять труб медных и 2 чаны мерники, и всякие поварские суды. И тот де винокуренный завод весь был государев.

Да в прошлом де во 128-м году пожаловал государь, царь и великой князь Михаил Федорович всеа Руси, касимовского царя Араслана // (л. 21) Алеевича, велел ему дати в Елатые кабака. И Арослан де царь тот кабака отдавал в откуп за 100 рублей. А после де того збирали на царя касимовские посадцкие люди и Елатомского уезду села Ермолова крестьяна на веру. А сколько збиралося на веру, и он того не ведает. А ныне де тот елатомской кабака касимовской царевич Сеит-Бурхан отдал в откуп с Семеня дни вешнего 135-го году до Семеня дни 136-го году муромцу, торговому человеку, Меркулю Игнатьеву сыну Клепикову. А откупу взять 170 рублей. И того де откупу на Николине дне осеннем царевич взял 70 рублей. А достальные де денги заплатит ему на два срока: на Евдокеи день – 50 рублей, а другую половину августа 1-го числа, до срока за месяц. А на том де елатомском кабаке поставлены кабацкие избы и анбары, и погребы, и жит// (л. 22) ницы, и винокурня, и тчаны. И тот де кабацкой и поваренной завод весь был царя Араслана Алеевича. А винные кубы и котел железной кабацкого откупщика муромца Меркурья Клепикова.

Да на касимовского ж де царя на Араслана збирали пошлинные денги с судных дел с касимовских князей и мурз, и тотар царева двора и сеитова полку, и с касимовских посадцких людей. А сколько де тех пошлинных денег на год збиралося, и он того не ведает. И тех де пошлинных денег, которые иманы на татарех, касимовской царь Араслан отдавал двум теткам своим, Турпадше ханышу да Мундур ханышу. А с касимовских с посадцких людей судные пошлины имал на себя. //

(л. 23) Да касимовской же Ахмамет сеит Белек сеитов сын Шакулов сказал, что за царем же Арасланом было государева жалованья, оприч города Касимова и касимовских всяких доходов и елатомского кабака, в Касимовском уезде дворцовое село Ерахтур с приселки и з деревнями, и со всякими угоды, и с луги, и з бортными ужожи, и с верховым медвеным оброком, и с рыбными ловлями, и з бобровыми гоны, и со вспуды, и с перевесу, и со всякими угоды, как к тому селу и к деревням которые угоды под тем селом и под деревнями исстари были по писцовым книгам. А крестьян де в том селе Ерахтуре и в деревнях 264 человека. А четвертные

пашни 1328 чети с получетвериком в поле, а в дву потому ж, оприч старые пустоши. А имал де Араслан царь с того села Ерахтура да с сельца Мышца, оприч деревень, по 300 четей всякого хлеба да по 40 полоть мяса свиного, да // (л. 24) по 30 баранов на год. Да с них же имал в году на четыре срока – на Велик день, на Петров день, к масленице, да на четвертой татарской праздник – по 7 пудов меду пресного, по 3 пуда масла коровья, по 33 барана на всякой срок. Да они ж де косили на царя сена по 3000 копен на лето. Да то сено возили в Касимов. А косили то сено от города 30 верст. Да они ж де на царя возили дрова, сколько надобно на год. Да они ж де ходили к царю на двор на всякое изделие. Да с них же имал царь под запас и под людей к Москве и в Ярославль, к отцу и к братье, подвод по пятидесяти и больше. Да царь же имал с них столовые запасы, сколько ему в год всяких столовых запасов надобно. Да они ж деловали на царя рыбу на ерахтурских озерах, подледную и духовую, в году по двжды, возов по пяти и по шти, и по семи, и по осми мелкой рыбы. //

(л. 25) Да касимовский же царь Араслан имал с верхового медвеного оброку по 29 пубов меду пресного на год. А в прошлом де во 133-м году обложил Араслан царь села Ерахтура и мышецких крестьян, что с них имати сверх годового хлеба и праздничных запасов, на год по 150 рублей. И те деньги на 133-й год на них взяты сполна. А на 134-й и на нынешней 135-й год тех денег на них не взято потому, что крестьяне Арасланова царева сына ослушаютца.

А оприч де села Ерахтура и сельца Мышца, того села Ерахтура деревни все розданы были касимовским царевым сеитом и дядьке, и князем, и мурзам, и царевым же служилым руским людем. А кому которую деревню касимовской царь дал, и то писано ниже сего. //

(л. 26) Да за касимовским же де царем, за Арасланом, было в Елатомском уезде сельцо Ермолово да деревня Котурова, да село Беляково, Царев тож, да сельцо Вежи з деревнями и с пустоши, с пашнею и с сенными покосы, и со всякими угоды, что к тем селам истари всяких угодей было, чем пожалован был прежней касимовской царь Ураз-Магмет. А сколько в тех селех четвертные пашни, и того де он не ведает. А крестьян в тех всех селех 95 человек. А пахали де те все крестьяне на царя Араслана пашню. А сколько пахали, и тово он не ведает. Да на них же де имал столовые всякие запасы и наметные деньги. А поскольку имал наметных денег и столовых запасов, и тово де не ведает же. Да они ж де косили на царя по 1500 копен сена и делали всякое изделие. Да на них же де имал по 15 баранов на год. // (л. 27) Да у них же де имал подводы под запас к Москве и в Ярославль, сколько надобно.

А что де за касимовским же царем за Арасланом было села Ерахтура и сельца Мышца деревни, и те деревни все розданы были касимовским царевым сеитом и дядьке, и князем, и мурзам, и царевым же служилым руским людем. А кому что роздано, и сколь давно хто у царя служил, и что кому дадено на год царева денежного жалованья и отсыпного хлеба, и которые царевы ж служилые холостые люди ели за столом, и тому роспись: //

(л. 28.) Ишмамет сеит Белек сеитов сын Шакулов. Касимовец. А царю де он бил челом в то время как царь приехал в Касимов. А за ним де было села Ермолова деревня Уланова Гора. А сколько в той деревне четвертные пашни, и того не написано, и он, сеит, про то не ведает. А денежной годовой оклад был ему 20 рублей. И те де жалованные деньги имал он по вся годы сполна.

А он де, Ахмамет сеит Белек сеитов сын Шакулов, касимовец же. А государеву службу учал служить со 119-го году, в то время, как Араслан царь был под Москвою з бояры в царевичех. А как де Араслан царь приехал в Касимов, и ему дал села Ерахтура деревню Большие Пекселы. А сколько в той деревне четвертные пашни, и того не написано. А за денежное де жалованье имал он у царя из таможенных доходов, что збирано на царя, с рубля по ченьуре алтына. А другой де год служил без денежного жалованья. А сходилося де ему тех таможенных денег по 40 и по 60, и по 70 рублей на год.

Царев Арасланов дядька Келмамет аталык Агилдеев. Родом сибирской татарин. А вышел из Сибири сцарем Арасланом вместе. А царева жалованья было за ним в Касимовском уезде села Ерахтура деревня Шоста да деревня Малой Пексел. А денежного де жалованья // (л. 29) имал он у царя по 50 рублей на год, а на иной год по 40 рублей.

Князь Тохмамет Шамарданов. Родом нагайской татарин Казыева улуса. А царю Араслану бил челом в то время как царь был пожалован городом Касимовым. А царева дежалованья было за ним села Ерахтура половина деревни Куземкины. А за денежное де жалованье имал он села Ерахтура с вагажных с рыбных ловель на год по 40 рублей.

Аликей мурза Акаев сын Тенишев. Бил челом Араслану царю во 119-м году, как еще Араслан царь был в царевичех. А царева жалованья было за ним села Ерахтура половина деревни Шишкины. А денежной годовой оклад был ему 20 рублей. И то де царево жалованье деньги имал он по вся годы сполна.

Кутушай сеит Янмаметев. Родом касимовец. Служит у царя десятой год. А царева жалованья давано ему по вся годы по 20 рублей денег да хлеба по 15 чети ржи по 15 чети овса на год.

Сара Еломанов. Родом нагайской татарин Казыева улуса. Служит царю 12 лет. А царева жалованья было за ним села Ерахтура половина деревни Куземкины, да денег по 20 рублей // (л. 30) на год. Давано сполна.

Иштерек Байтереков. Родом сибирской татарин. Служит царю 12 лет. А царева жалованья было за ним села Ерахтура деревня Мосеева да денег ему давано по 20 рублей на год.

Иван Елизарьев сын Овинов. Служит царю 13 лет. А царева жалованья было за ним села Ерахтура половина деревни Шишкины. Да ему ж давано по 20 рублей денег на год.

Новокрещен Кондратей Иванов. Родом колмак. Служит царю 7 лет. А царева жалованья было ему по 10 рублей денег. Да ему ж давано за поденной корм по 7 рублей и по 10 алтин. И обоего, годовой и за поденной корм, давано ему по 17 рублей и по 10 алтин на год.

Баймамет Зенчаков. Родом сибирской татарин. Вышел из Сибири с царевичем Келмаметем Кучумовым. А как царевича Келмамета литовские люди убили, и он бил челом царю Араслану и служил у царя с 15 лет. А царева жалованья было ему по 12 рублей да хлеба по 12 четей ржи и овса тож, да по 4 пуда соли на год. //

(л. 31) Деум Бехтемиров. Родом сибирской татарин. Служит у царя 11 лет. А царева жалованья давано ему по 10 рублей денег. А в хлеба место дана была ему пашня. А сколько дано было пашни, и того он не ведает.

Исенгилдей Янгилдеев. Родом сибирской же татарин. Бил челом царю после Азима царевича. А царева жалованья было ему по 12 рублей на год. Да ему ж дана была пашня. А на сколько четей дано было, и того не ведает. //

(л. 48.) Кичей Чоров сын. Родом колмак. Служил царю до него, сеита, за много лет. А откуда он царю добил челом, и того не ведает. А царева жалованья было ему по 12 рублей денег да хлеба по 12 четей ржи и овса, да по 4 пуда соли на год.

Касимовой абыз Сафар Ишканиев. А царева жалованья давано ему по 10 рублей денег. А в хлеба место была за ним пашня. А на сколько чети, и того не ведает. // (л. 49) Да ему ж давано по 4 пуда соли на год. А бил де челом царю служить в то время как царь приехал в Касимов.

Малей Еналеев. Родом касимовец. Бил челом царю как царь приехал в Касимов. А царева жалованья было ему по 10 рублей денег да по 3 пуда соли. Да ему ж дана была пашня. А сколько чети, того не ведает.

Абдула абыз Асанов. Родом крымский татарин. Бил челом царю тому ныне 8-й год. А преж сего у князя Михаила Канаева. А царева жалованья было ему по 10 рублей денег да по 3 пуда соли. Да ему ж дана была пашня. А сколько чети, того не ведает.

Емикей Бибилушев. Родом московских татар. Служит царю с московского разоренья. А царева жалованья было ему по 10 рублей денег да по 3 пуда соли. Да ему ж дана была пашня. А на сколько четей, того не ведает.

Тохтар Янгилдеев. Касимовец. Служит царю от московского разоренья. А царева жалованья было ему по 10 рублей денег да по 3 пуда соли. Да ему ж дана была пашня. //

(л. 50) Сунчалей Исаков. Родом касимовец. Бил челом царю как царь приехал в Касимов. А царева жалованья было ему по 8 рублей денег да хлеба по 6 чети ржи, овса тож, да по 3 пуда соли.

Елмамет Баймаметев. Родом нагайских татар. Бил челом царю в московское разоренье. А царева жалованья было ему по 8 рублей денег да хлеба по 6 чети ржи, овса тож, да по три пуда соли.

Билял Безергенов. Родом сибирской татарин. Служит царю 6 лет. А царева жалованья было ему по 8 рублей. А хлеба не было. И пашни не дано. Потому, что был человек холостой и ел за столом.

Муса Асанов. Родом турченин. А бил челом царю до него, сеита. А царева жалованья было ему по 7 рублей денег да по 3 пуда соли. Да ему ж дана была пашня.

Молла Чепанов. Родом колмак. Прислал де ево к Араслану царю ис Сибири отец ево Алей царь. А царева жалованья было ему по 7 рублей денег, хлеба по 6 четей ржи, овса тож, да по 3 пуда соли на год.

Бай бахта Байнеив. Родом касимовец. Служит у царя 6-й год. А царева жалованья было ему по 7 рублей денег да по 3 пуда соли. Да ему ж дана была пашня. //

(л. 51) Утей абыз Аликеив. Родом касимовец. Бил челом царю с московского разоренья. А царева жалованья было ему по 7 рублей денег да хлеба по 6 чети ржи, овса тож, да по 3 пуда соли на год.

Василей Чадаив. Родом нагайских татар. Бил челом царю 10-й год. А царева жалованья было ему по 7 рублей денег да по 6 чети ржи, овса тож, да по 3 пуда соли на год.

Макар Олферьев сын Нелидов. Угличенин, сын боярской. Бил челом царю во двор тому лет с 10. А царева жалованья было ему по 8 рублей денег да по 2 пуда соли. Да ему ж дана была пашня.

Асан Тенибеков. Родом касимовец. А царева жалованья было ему по 7 рублей денег. Да ему ж дана была пашня, а сколько чети, и того не ведает.

Фома Суворов. Бил царю четвертой год. А царева жалованья было ему по 8 рублей да хлеба по 6 чети ржи, овса тож, да по 3 пуда соли на год.

Анлагун Теребердеив. Родом ногайских татар. Бил челом царю как царь приехал в Касимов. А царева жалованья было ему по 8 рублей денег. А хлеба ему не было и пашни не дано, потому, что был человек холостой и ел за столом. //

(л. 52) Иван Жилин. Касимовец. Бил челом царю как царь приехал в Касимов. А царева жалованья было ему по 7 рублей денег да хлеба по 6 чети ржи, овса тож, да по 3 пуда соли на год.

Боранай абыз Кудашев. Родом ногайских татар. Бил челом царю в московское разоркнье. А царево жалованье было ему по 7 рублей денег, хлеба по 6 чети ржи, овса тож, да по 3 пуда соли.

Ишкой Танин. Родом касимовской татарин. Бил челом царю как царь приехал в Касимов. А царева жалованья было ему по 7 рублей денег да по 6 чети ржи, овса тож, да по 3 пуда соли на год.

Айбахта Баенеив. Родом касимовец. Бил челом царю как царь приехал в Касимов. А царева жалованья было ему по 7 рублей денег. А хлеба ему не было, и пашни не дано, потому, что был холост и ел за столом.

Тугей Ишеев. Родом касимовец. Бил челом царю как царь приехал в Касимов. А царева жалованья было ему по 6 рублей денег, да хлеба по 6 чети хлеба, овса тож, да по 2 пуда соли на год. //

(л. 53) Да царева ж двора неверстаных людей 10 человек. А жили де они у царя вверху. А платье на них клал царь. А поскольку на год платья и того не ведает. А ели у царя вверху:

Алмакай мурза князь Алышев сын. Бил челом царю лет с пять. Родом касимовец.

Кутнай Енаков. Служил царю с московского разоренья.

Анлагун Иванов сын абзюзов да Ишмаммет Енмаматов, да Уразай Азеев, да Кермай Данилов. Бил челом царю как царь приехал в Касимов.

Моян князь Бетин да Едигер Шамаив. Царевы Араслановы старинные люди, у царя и по-родилися.

Тумак Тохмамметев. Родом сибирской тотарин. Служит царю лет з 10.

Кулабердей Аллабардеив. Нагайских татар. Бил челом царю года с 3. А преж сего служил у царева брата родного у Култугана царевича.

Да у Араслана же де у царя был в ключниках Девлеткилдей Пилев. Бил челом царю как царь приехал в Касимов. А царева жалованья было ему по 6 рублей денег да хлеба по 6 чети ржи, овса тож, да по 2 пуда соли на год. //

(л. 54) Байречюр. Ключник же. Бил челом царю как царь приехал в Касимов. А царева жалованья было ему по 6 рублей денег да по 6 чети ржи, овса тож, да по 2 пуда соли на год.

Повар Мартьяшь. Родом литвин. Взял иво царь в полон под Москвою. А царева жалованья было ему 11 рублей денег. А ел за столом.

Конюхи:

Айтюш Мосеев. Бил челом царю как царь приехал в Касимов. А царева жалованья было ему по 5 рублей денег да по 6 чети ржи, овса тож, да по 2 пуда соли на год.

Бичюра Мартынов. Родом касимовец. А царева жалованья было ему по 4 рубля денег да по 6 чети ржи, овса тож, да по 2 пуда соли.

Уракай Мартынов. Касимовец. Бил челом царю как царь приехал в Касимов. А царева жалованья было ему по 4 рубли да по 6 чети ржи, овса тож, да по 2 пуда соли на год.

Топай Мартынов. Касимовец. Бил челом царю третий год. А царева жалованья было ему по 4 рубли денег. А ел за столом. //

(л. 55) Малтабар Болдырев. Бил челом царю как царь приехал в Касимов. А царева жалованья было ему по 4 рубли денег да по 3 чети ржи, овса тож, до по пуду соли на год.

Семен Пойкин. Бил челом царю как царь приехал в Касимов. А царева жалованья было ему по 4 рубли денег да по 3 чети ржи, овса тож, да по пуду соли на год.

Сафар Григорьев сын Серебряник. Касимовской жилец. Бил челом царю как царь приехал в Касимов. А царева жалованья было ему по 7 рублей денегда по 6 чети ржи, овса тож, да по 2 пуда соли на год.

Да у царя ж были во дворе деловые люди и купленные латыши:

Микита Азеив з женою и з детьми;

Лакашко Балоченской, латыш, з женою и з детьми;

Бурнашко з женою и з детьми;

Ишкилдай Мамакаивской з женою и з детьми;

Тисекой з женою и з детьми;

Тенишко Кутляев з женою и з детьми

Тумалко з женою и детьми;

Чюрайко Микитин з женою и детьми;

Онешка з женою и детьми;

Зевер – воротник, родом араплинин з женою и з детьми.

Да деловых же холостых // (л. 56) людей:

Теребердейка, прозвище Дениска

Едигерка Пешнак

Молла Зеликеивской

А дано де тем всем деловым людям и латышам зимою месечный отсыпной хлеб, а летом те все люди живут на пашне и на сенокосе, и на иных изделиях, и кормят их за столом.

А всего по роспросу касимовского Ахмет сеита Белек сеитова сына Шакулова касимовских всяких доходов и с елатомского кабака кабацких денег на касимовского царя на Араслана збирали и на откупщиках имано по большому окладу по 1992 рубли по 13 алтин по 2 денги на год, а по среднему окладу по 1158 рублей и по 13 алтин по 2 денги на год, а по меньшому по 158 рублей и по 13 алтин по 2 денги.

А служилых людей у царя Араслана было тех которые денежным окладом верстаны 46 человек. // (л. 57) А царева жалованья было им всем по окладу 550 рублей. И тем де служилым людям царево жалованье дано иным сполна, а иным в полы ис касимовских доходов и ис тех денег которые иманы с сел с Ерахтура с товарищи. //

(л. 58) ⁵ //

(л. 59) Да касимовской же Ахмет сеит Белек сеитов сын Шакулов в роспросе⁶ сказал:

Было де за касимовским царем за Арасланом жена Исенея Карамышева сестра родная, Нагел-салтан. А взял де ее царь за себя в прошлом во 122-м году. И была де она за царем со 122-го году по 128-й год. И как де Исинея Карамышева по государеву указу сослани в Нижней, и царь де тое жену свою послал в Ярославль, к родимцом ее, для того, что на Исинея была государева опала. А царь Араслан в том же деле по государеву указу был на Москве и в той своей жене, в Исенееве сестре, боялся и чаял на себя государевы опалы. И после де того царь Араслан той жены своей, а Исенеевы сестры, и по свою смерть из Ярославля к себе в Касимов не имывал для того, что мало любил. Да и потому де ее из Ярославля к себе не взял, что царевы Араслановы жены все той Исенеевы сестры ненавидели. И ныне де та Араслана царя жена, Наг-салтана, живет в Ярославле у родимцов.⁷

РГАДА. ф. 131, оп. 1, 1627 г. д. 1, л. 13–31, 48–59.

Примечания: ¹⁻¹ в ркп. над строкой; ²⁻² в ркп. притиска; ³ в ркп. зачеркнуто: на день человек; ⁴ в ркп. рукоприкладствона татарском языке; ⁵ в ркп. рукоприкладство на татарском языке; ⁶ в ркп. над строкой; ⁷ в ркп. рукоприкладство на татарском языке.

№ 32

1628 – Челобитная кормовых ярославских сибирских царевен о злоупотреблении Ак-Мухаммеда сида Белек сеида Шакулова и об определении их на жительство из Касимова в Ярославль

Царю, государю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси, бьют челом рабы твои, государевы, касимовсково царя Араслана Алиевича тотки Нал беке царевна, Трупадша царевна, Молдур царевна, царя Кучюмовы дочери, да касимовсково же царя Араслана Алиевича дочеришка Салтыкай царевна, да царя ж Араслана Алиевича патчерица Алтын царевна, царевича Азимова дочь. Пожалованы мы, рабы твои, государевы, в Ярославле твоим государевым жалованьем поденным кормом. А живем в Касимове на царя Арасланаве на заднем дворе, по своим хоромам, которые нам поставил царь Араслан Алиевич. И ныне нам, рабам твоим, от послуживца своего, от Охмамет сеита Белек сеитова з братьею, насильство и обида великая. Людишек наших побивают и нас позорят. А нас на заднем дворе запер. Которые людишка живут у нас на дворе, и их з двора не спускают, а коорые, государь, людишка живут своими дворами, и тех людишек к нам на двор не пушает. И мы, рабы твои, государевы, смотря на твое, государево, жалованье с тужи и з голоду в конец погибли, хлеба и дров купити некому. А которые, государь, людишка наши дал нам царь Араслан Алиевич при своем живото, старинные купленные, и купчие, государь, на тех людей нам, рабам твоим, поотдавал, и ныне, государь, тот наш послуживец, Охмамет сеит Белек сеитов з братьею, насильство нам чинят великое, старинных наших и купленных людей и сенных девок, и женок у нас отнимают. А которые, государь, добровольные наши людишка, помнячи государя нашево, царя Араслана Алиевича, хлебосол живут у нас, и он тех имает насильством и вымучивает на них крепости. Отнял у нас вольного человека нашего Бичюрка Мартинова и держит иво у себя в чеи и в железех, и вымучивает на него кабалы. И мы, рабы твои, от того послуживца своего, от Охмаметя сеит Белек сеитова, от многие его обиды и истеснения, и от насильства великово вконец погибли. Милосердный царь, государь и великий князь Михаил Федорович всеа Руси, пожалуй нас, раб своих, вели, государь, нас, раб своих, ис Касимова отпустить в Ярославль, где ты, государь, пожаловал свое царское жалованье, корм указал. И тово, государь, человека нашего, Бичюрка Мартинова от нево, Охмамет сеита, вели, государь, освободити, чтоб нам, рабам твоим, от того Охмамет сеита з братьею ото многие их обиды и стеснения и досталь в позоре не быти и в конец не погибнуть. Царь, государь, смилуйся, пожалуй.

На обороте:

Государь указал отпустить их в Ярославль, а в Ярославле дать им дворы.

РГАДА. ф. 131, оп. 1, 1628 г. д. 10, л. 1. (Подлинник)

№33

1628 – Челобитная кормовых ярославских сибирских царевен о даче им судов с гребцами и толмача для переезда из Касимова в Ярославль

Царю, государю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси, бьют челом рабы твои, касимовсково царя Араслана Алеевича тетки Нал-бек да Турпача, да Молдур царевны, царя Кучюмовы дочери, да царя Араслана Алеевича дочеришко, Салтыкай царевна, да царя Араслана Алеевича патчерица, Алтын царевна, царевича Азимова дочь. Били челом, мы, рабы твои, тебе, государю, от насильства от послуживцов своих, Охмаметка сеита з братьею, чтоб ты, государь, велел нас перевезть ис Касимова в Ярославль, где нам твое царское жалованье, указан поденной корм. И ты, государь, нас, раб своих, пожаловал, велел нас ис Касимова отпустить в Ярославль. И нам, рабам твоим, поднятца ненаем, подводок у нас нет. Милосердный царь, государь и великий князь Михаил Федорович всеа Руси, пожалуй нас, раб своих, вели, государь, нам дати ис Касимова до Ярославля суды и гребцов, чем бы нам, рабам твоим, поднятца, и толмача, чтоб нам, рабам твоим, от своих послуживцов без толмача в утеснение не быть. Царь, государь, смилуйся, пожалуй.

На обороте:

Государь пожаловал, велел их отпустить в Ярославль и суды дать, как мочно поднятца.
РГАДА. ф. 131, оп. 1, 1628 г. д. 10, л. 2. (Подлинник)

№ 34

1628 – Челобитная кормовых ярославских сибирских царевен об оставлении за ними людей и платья, пожалованных им касимовским царем Арсланом б. Али

Царю, государю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии, бьют челом рабы твои, касимовского царя Араслана Алиевича тетки, Трупатца да Молдур царевны, царя Кучюмовы дочери, да царя Араслана Алиевича дочеришко Салтыкайко царевна, да царя Араслана Алиевича патчерица Алтын царевна, царевича Азимова дочь. По твоему, государеву, указу велено нам, рабам твоим, в Посольской приказ прислати роспись людей и платья, чем нас пожаловал при своем животе царь Араслан Алиевич. И мы, рабы твои, по твоему, государеву, указу роспись людем и платью прислали. И ныне, государь, та роспись отдана в Посольской приказ твоему, государеву, думному дяком Ефиму Телепневу да Максиму Матюшину. Милосердный государь, царь и великий князь Михаил Федорович всеа Руссии, пожалуй нас, раб своих, не вели, государь, у нас благословенья царя Араслана Алеевича, тех людишек и платья, отнять, чтоб нам, рабам твоим, без людишек и без платьишка с наготы в конец не сгинуть. И вели, государь, нас ис Касимова от Охмаметева насильства и истесненья отпустить в Ярославль. Царь, государь, смилуйся, пожалуй.

На обороте:

Государь, пожаловал, велел отпустить.

РГАДА. ф. 131, оп. 1, 1628 г. д. 10, л. 3. (Подлинник)

№35

1628 мая 12 – Подорожная, данная сибирским царевнам от Касимова до Ярославля водным путем

Список с подорожной слова в слова:

От царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии по ямом ямщиком, а иде ямов нет, всем людем без омены, чей хто ни будь, чтоб есте давали касимовского царя Араслана Алеива теткам и дочерям от Косимова до Муром, и до Нижнего Новогорода, и до Юрьивца Повольского, и до Кинешмы, и до Костромы, и до Ерославля водяным путем, в готовыя суды кормщика да пятнатцать человек гребцов везде, не издержав ни чесу, без прогонов.

РГАДА. ф. 131, оп. 1, 1628 г. д. 10, л. 20.

№ 36

1628 июня 14 – Отписка касимовского воеводы Ивана Бобрищева-Пушкина о дозволении ярославской кормовой сибирской царевне Нале-бике остаться на жительство в Касимове

Государю, царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии, холоп твой, Ивашка Бобрищев-Пушкин челом бьет. В нынешнем, государь, во 136-м году июня в 14 день била челом тебе, государю, а ко мне, холопу твоему, в Касимове в съезжею избу прислала челобитную Нале-бек царевна Кучюмова дочь, посольского приказу с толмочем с Васильем Досаевым. А в челобитной ее написана, чтоб ты, государь, пожаловал, велел ей, царевне Нале-беку жить в Касимове у племянника своего, у касимовского царевича у Сеит-Бурхана. И я, холоп твой, против тое челобитной царевны Нале-бека посылал х царевичю, к Сеит-Бурхану, тотарского пристава Курмашка Кутлугозина. И того ж, государь, числа, в Касимове, в съезжею избу касимовской царевич Сеит-Бурхан прислал ко мне, холопу твоему, Охмамета сеита Шакулова. И тот Охмамет сеит Шакулов против того челобитья царевны Нале-бека написав скаску дал

мне, холопу твоему, за своею рукою. И я, холоп твой, челобитную царевны Нали-бека и Ох-мамета сеита Шакулова скаску за своею рукою послал к тебе, ко государю, подклея под своею отпискою.

На обороте:

Государю, царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии.

136-го июня в 14 день с касимовским пушкарем с Мекифоркой Терентьевым.

РГАДА. ф. 131, оп. 1, 1628 г. д. 10, л. 21-21 об. (Подлинник) На обороте помета почерком XVII в.: В Посольской приказ.

№37

1628 г. июня 14 – Челобитная кормовой ярославской сибирской царевне Нал-беке о дозволении остаться жить в Касимове у своего племянника касимовского царевича Сеит-Бурхана б. Арслана

Царю, государю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии, бьет роба твоя, горькая вдовица, Нолибечка царевна Кучюмова дочь. В нынешнем, государь, во 136-м году посылали сестры мои родныя, Турфотша царевна да Мулдур царевна, Кучюмовы дочери, да племянницы мои, Алтын царевна, Азимова царевичева дочь, да Салтыкай царевна, Арасланова дочь, человека своего, Исенгилдейка Янгилдеяво, били челом тебе, государю, чтоб ты, государь, велел их свесть ис Косимова в Ерославль. И по твоей, государеве, грамоте воевода Иван Гаврилович Бобрищев-Пушкин тех моих сестер и племянниц, и меня, рабу твою, высылает ис Косимова в Ерославль с ними всесте. И мне, рабе твоей, ехоти ис Косимова в Ерославль с ними вместе невозможна. А ныне я, раба твоя, живу в Косимове у племянника своего, у касимовского царевича Сеит-Бурхана Араслановича, себе избенкою, потому, что мне от него никакой тесноты и налоги нет. И мне бы, рабе твоей, умерети в Косимове у родителей своих. Милосердный царь, государь и великий князь Михаил Федорович всеа Русии, пожалуй меня, робу свою, вели мне жити в Косимове у племянника моего, у царевича Сеит-Бурхана Араслановича, чтоб мне, рабе твоей, у родителей своих в Косимове умерети. Государь, смилуйся, пожалуй.

РГАДА. ф. 131, оп. 1, 1628 г. д. 10, л. 22. (Подлинник)

№38

1628 г. июня 14 – Распросные речи человека касимовского царя Сеит-Бурхана б. Арслана Ак-Мухаммеда сеида Белек сеидова сына Шакулова о дозволении остаться жить в Касимове сибирской царевне Нал-беке

Лета 7136-го июня в 14 день в Касимове в съезжей избе перед воиводю перед Иваном Гавриловичем Бобрищевым-Пушкиным касимовского царевича Сеит-Бурхана Охмамем сеит Шакулов сказал: Присылал де ты, Иван Гаврилович, к царевичю, к Сеит-Бурхану Араслановичю, касимовского тотарского пристава Курмашка Кутлугозина, что бьет челом государю Нал-бек царевна Кучюмова дочь, чтобы государь ее пожаловал, велел ей жити в Касимове у царевича. И будет де ее, царевну Нал-бека, государь пожалует, а велит ей жить в Касимове у царевича, а корм поденной денежной велит, государь, довати по прежнему своему, государеву, указу, и царевич де Сеит-Бурхан по государеву указу ей, царевне Нал-беку, жить у себя велит. А кормить деи и поить, и одевать, и обувать тое царевны Нал-бека царевичю нечем.

РГАДА. ф. 131, оп. 1, 1628 г. д. 10, л. 23.

Примечание: в конце рукоприкладство Ак-Мухаммеда сеит Шакулова на татарском языке.

№ 39

1628 г. – Челобитная касимовской царицы Салтан-беке Алеевой дочери Кутумова о пожаловании ей поденного корма на прожиток после смерти своего мужа касимовского царя Арслана б Али

(л. 19) Царю, государю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Руси, бьет челом раба твоя, государева, касимовского царя Арасланова женишко Салтан-бечка царица Алеева дочь Кутумова. В прошлом, государь, во 134-м году, судом Божиим мужа моего, касимовского царя Арослана, в животе не стало, а я, раба твоя, осталась вдовою. И с тех мест и по ся месте поил и кормил, и одевал, и обувал, по твоему государеву указу, ис твоево государева жалованья касимовской царевич Сеит-Бурхан. И ныне, государь, стало ему меня поить и кормить, и одевать, и обувать нечем, потому, что по твоему, государеву, указу было за отцом ево и за моим мужем, за касимовским царем Арасланом, твоево, государева, жалованья всякою касимовсково денежново доходу, и тот касимовской всякой денежной доход у него взят и отписано на тебя, государя. И ныне я, раба твоя, помираю с людишками своими голодною смертию, и одетца, и обутца стало нечем. А иным, государь, касимовским царевым женам и теткам по твоему, государьскому, указу указан из ярославских доходов поденной денежной корм. А преж сево я, раба твоя, была за касимовскими за прежними за двумя мужами за царем Мустафолеем да за царем Урозмаметем. И после, государь, царя Мустафолея жалована была я, раба твоя, твоим, государьским, жалованьем, поместецем на прокорм, потому, что у царя Мустафолея детей не осталось. А нынече, государь, после касимовсково царя сын ево, царевич Сеит-Бурхан пожалован государевым жалованьем помесными селами и деревнями пожалован. Милосердный государь, царь и великий князь Михайло Федорович всеа Руси, пожалуй рабу своим государевым жалованьем поденным кормом чем ты мне рабе твоей было с людьми своими прокормица. А людишек моих человек с пятнатцать. Царь, государь, смилуйся.

РГАДА. ф. 141, оп. 1, 1626 г. д. 59, л. 19. Подлинник.

№40

1636 г. января 19 – Указная грамота ц. Михаила Федоровича (приказа Галицкой чети) в Белозерск воеводе Илье Карповичу Грушецкому и подьячему Василию Шишкину об отправке в город из Казани сибирского царевича Абля б. Ишима и постройке для этого особой тюрьмы

(л. 1) От царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси на Белоозеро воеводе нашему Илье Карпов[ичю] Грушецкому да подьячему Ва[силью] Шишкину. В Галицкую четь в памяти ис Казанского Дворца за приписью дьяка нашего Микифора Шипулина написано: Указали мы сибирского царевича Аблу, которово взяти в Уфимском уезде уфимские ратные люди, послати ис Казани с сыном боярским да з десятью человеки стрельцами на Белоозеро. А на Белоозере указали мы для того царевича зделати избу о двух мостах по тюремному, и окна перебить железом толстым, и огородить тыном в паз, и укреп[ить] накрепко, и поверх тыну положить охлупки большого дерева, и прибить гвоздми, чтоб было крепко, и быти у него в приставех для береженья каким людем пригож, и беречи ево с великим береженьем, и чтоб никакие люди к нему не приходили, и чтоб тот царевич, Абла, не утек и дурна над собою никакова не учинил. А поденново корму указали мы тому царевичу, Абле, давать по два алтына на день. А которово числа и скем именем того царевича Аблу ис Ка// (л. 2)зани на Белоозеро пришлют, и как по нашему указу устроят, и кому именем для береженья у него быть велят, и о том о всем указали мы отписать к нам, к Москве, в приказ Казанского Дворца. А провожатым, казанцу сыну боярскому и стрелцом, велели мы дати о приезде их и об отпуске з Белоозера в Казань к боярину нашему и воеводам к Ивану Петровичю Шереметеву с товарищи отписку. И как к вам ся наша грамота придет, и вы б велели на Белоозере для сибирского царевича Аблы зделати избу о двух мостах, по тюремному, и окна велели велели перебить железом толстым, и огородить тыном в паз, и укрепить накрепко, и поверх тыну велели побить охлупни большого дерева, и прибить гвоздми, чтоб было крепко. А как по нашему указу ис Казани боярин наш и

воеводы Иван Петрович Шереметев с товарищи того сибирского царевича Аблу на Белоозере пришлют, и вы б того царевича Аблу взяв велели посадить в тое особную тюрьму, и велели у него быть для береженья каким людем пригоже, и бей (л. 3) реч ево велели с великим береженьем, чтоб никакие люди к нему не приходили, и чтоб не утек и дурна над собою никакова не учинил. А корм ему давали по два алтына на день. А которо число сибирского царевича Аблу и с кем именем ис Казани на Белоозере пришлют, и кому именем, и кольким человеком для береженья быть у него велите, и какова особная тюрьма крепостью всякою будет зделана, и вы б о том отписали к нам, к Москве, тотчас. А отписку велели подати в приказе Казанского Дворца боярину нашему князю Борису Михайловичу Лыкову да дьяком нашим Федору Панову да Микифору Шипулину. А провожатых казанских, сына боярского и стрелцов, отпустили з Белоозера в Казань по приезде и об отпуске, отписали с ними в Казань, к боярину нашему и воеводам к Ивану Петровичу Шереметеву с товарищи.

Писано на Москве лета 7144-го генвоя в 19 день.

На обороте:

На Белоозере воиводе нашему Илье Карповичу Грушетцкому да подьячему Василью Шишкину.

154-го февроля в 1 день привез сее государеву грамоту Ондрей Замарин

РГАДА. ф. 1107, оп. 1, д. 722, л. 1-3. (Подлинник)

Примечания: по склейке скрепа: диак – Тимофей Голосов. Следы черновосковой печати.

№41

1636 г. марта 7 – Отписка Белозерского воеводы Петра Звенигородского и подьячего Василия Шишкина о приезде из Казани сибирского царевича Аблая б. Ишима и постройке для него особой тюрьмы

(л. 8) Государю, царю и великому князю Михаилу Федоровичу всея Руси, холопи твои, Петрушка Звенигородской, Васка Шишкин, челом бьют. В нынешнем, государь, во 154-м году февраль в 1 день в твоей, государеве, цареве и великого князя Михаила Федоровича всея Руси, грамоте из Галицкие чети за приписью диака Тимофея Голосова писано к воеводе к Илье Грушетцкому да ко мне, холопу твоему, Васке. А велено на Белоозере для сибирского царевича Аблая, которого взяли в Уфимском уезде уфимские ратные люди, послати ис Казани с сыном боярским да з десятью человеки стрельцов на Белоозере. А на Белоозере велено нам, холопом твоим, для того царевича зделать избу о дву мостах, по тюремному, и окна перебити железом толстым, и огородить тыном в паз, и укрепить накрепко, и поверх тыну положить охлупки большого дерева и прибить гвоздми, чтоб было крепко. И быть у него велено в приставех для береженья каким людем пригоже, и беречи ево велено великим береженьем, чтоб к нему никакие люди не приходили, и чтоб тот царевич Абла не утек и дурна над собою никакова не учинил. А поденного корму велено ему давать по два алтына на день. А которо числа и хто именем тово царевича Аблу ис Казани на Белоозере пришлют и как // (л. 7) по твоему, государеву, указу устроим и кому именем для береженья у него велим быти, и о том о всем велено нам, холопом твоим, отписать к тебе, государю, к Москве, в приказ Казанского Дворца. Провожатых казанцов, сына боярского и стрельцов велено дати о приезде их и об отпуске з Белоозера в Казань к твоему, государеву, боярину и воеводам к Ивану Петровичу Шереметеву с товарищи отписка¹. И февраль, государь, в 23 день писали к нам, холопом твоим, ис Казани твой, государев, боярин Иван Петрович Шереметев с товарищи и прислали ис Казани сибирского царевича Аблу с казанцом с Васильем Хохловым да с провожатым, а с ним десять человек стрельцов. И по твоей, государеве, грамоте мы, холопи твои, у казанца у Василья Хохлова и у провожатых сибирского царевича Аблу на Белоозере взяли и Василия Хохлова и провожатых отпустили мы, холопи твои з Белоозера в Казань тово ж числа. И по твоему, государеву, указу того царевича Аблу посадили в ² тюрьму. А тюрьма крепостью изба в тыну трех³ сажень, а в ней четыре окна зделаны по тюремному, о дву мостах, и побиты окна железом толстым накрест, а с надворья запирают железною цепью, ⁴а тын вверх трех сажень, и на тын положен охлопок и прибит гвоздми⁴. А до твоего, государеву указу велели у того царевича для береженья быти посадчим двум человеком, Ондрюшке Басаргину да Сеньке Васильеву, да дву

человеком целовальником, Треньке Романову да Проньке Пименову, да толмочю новокрещену // (л. 8) Савиньку Козловскому. И велели быти им в тюрьме с царевичем безотлучно, днем и ночью, чтоб было бережно, чтоб опричь тех людей миновать некем, детей боярских отставных на Белоозере нет, а дворяном, белозерским помещиком, сказана твоя, государева, служба, а стрельцов нет же, караулить у тюрьмы некому. А пушкарей и розсыльщиков десять человек, и те у твоей, государевы, пороховой казны, стерегут и беспрестанно для твоих, государевых, дел в розсылке. А корм⁵ царевичю велели давать до твоего, государева, указу посадским и уездным людям на время, // (л. 10) что в твое, государеве, грамоте о том нам, холопом твоим имянно не написано ис каких из белозерских доходов корм давать царевичю. А на Белоозере твой, государев, кабак, и кабацкой збор отвозят кабацкие головы к тебе, государю, к Москве, в Новую четь. А таможенные и четвертные деньги по твоим, государевым, грамотам дают на Белоозере в твое, государеве, в годовое жалованье ружником в собор протопопу з братьею да в Ниловский старцом, да Воскресенского девичья монастыря в горы игумень Евразье да сорока двум старцам. А стрелецкой збор посылают к тебе, государю, к Москве, в стрелецкой приказ. А ямской збор – в Ямской приказ. А больши, государь, того на Белоозере твоих, государевых денежных доходов никаких нет.

Да бил челом тебе, государю, царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии сибирской царевич Абла. Как де он сидел⁶ в Казани⁷ в тюрьме⁷, и в Казани де давали ему корму по два алтына да по четыре чарки вина на день. А на Белоозере только шлют ему целовальники и посадские люди по два алтына на день, а вина не дают. Тем де ему сыту быть нечем. И о том нам, холопом твоим, как ты, государь, укажешь.

На обороте:

(л. 6 об.) 144-го марта в 7 день такова отписка послана с пушкарем с Екункою Ивановым. РГАДА. ф. 1107, оп. 1, д. 722, л. 6–8, 10. Отпуск.

Примечания: ¹ в ркп. над строкой; ² в ркп. зачеркнуто: готовую; ³ в ркп. над зачеркнутым: дву; ^{4,4} в ркп. над строкой; ⁵ в ркп. зачеркнуто: государь; ⁶ в ркп. над зачеркнутым: был; ⁷⁻⁷ в ркп. над строкой.

№42

1636 г. марта 19 – Указная грамота ц. Михаила Федоровича (приказа Галицкой четверти) на Белоозере воеводе Петру Никитичу Звенигородскому и подьячему Василью Шишкину о поденном питье сибирскому царевичу Аблаю б. Ишиму

(л. 15) От царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии на Белоозере воиводе нашему князю Петру Никитичю Звенигородскому да подьячему Василью Шишкину. В Галитцкую четь в памяти из приказа Казанского Дворца за приписью дьяка нашего Микифора Шипулина написано: В нынешнем, во 144-м году, писали вы к нам, что февраля в 23-й день по нашему указу прислан на Белоозере ис Казани сибирской царевич Абла. И вы того царевича по нашей грамоте посадили на Белоозере в тюрьму. А корму ему велели давати по нашему указу по два алтына на день. И бил нам челом царевич Абла: Как он сидел в Казани, и ему де сверх корму давано по четыре чарки вина на день. А на Белоозере ему вина не дают. И ему де одним кормом сыту быть нечем. И нам бы иво пожаловать, велети ему на Белоозере давати вино. И мы указали тому сибирскому царевичю Абле сверх денежного поденного корму давать на Белоозере по пяти чарок вина да по крушке меду на день.

И быти у него беражамым в ызбе скольким человеком пригоже. А ножей и никакова железа и дерева в те избы не носить, и тому царевичю Абле не давати. А сторожам быть на дворе безпрестанно, чтоб ему никакие нужи // (л. 16) небыло и без людей бы тому царевичю Абле сидеть было не вскучно.

И как к вам ся наша грамота придет, и вы б сибирскому царевичю Абле сверх денежного поденного указного корму давали на Белоозере по пяти чарок вина да по крушке меду на день. А бережатым велели у него быть в ызбе, а ножей и никакова железа и дерева к нему в тюрьму носить и ему, царевичю, давать не велели. А сторожем велели быть на дворе, чтоб ему никакие нужи небыло и без людей ему сидеть было не скучно.

Писан на Москве лета 7144-го марта в 19 день.

На обороте:

(л. 15) На Белоозеро воиводе нашему князю Петру Никитичю Звенигородцкому да подьячму Василью Шишкину.

144-го апреля в 18 день привез пушкаръ Емелька Пушкаръ.

РГАДА. ф. 1107, оп. 1, д. 722, л. 15–16.

Примечания: Следы черновосковой печати. По склейке скрепа: диак Тимофей Голосов.

№43

1636 г. сентября 2 – Память белозерских кабацких голов Первого Пузина и Ивана Бабина о поденном питье сибирскому царевичу Аблаю б. Ишиму

154-го апреля в 10 числа по государеве, царе и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии, грамоте из Галецкие чети за приписью диака Тимофея Голосова, по памяти в Галитцкую четь ис Казанского Дворца, за приписью диака Никифора Шипулина, и по памяти воеводы князя Петра Никитича Звенигородцкого да подьячево Василья Шишкина белозерские кабацкие головы вологжанин Первой Пузан да белозерец Иван Бабин давали с погреба сибирскому царевичю Абле государева жалованья поденного питья по пяти чарок вина, да вместо меду по две крушки пива на день по погребной цене. И того вина и пива сходило на всякой день ему, сибирскому царевичю Абле, по десети денег. И всего государева питья, вина и пива, сошло с погреба ему, сибирскому царевичю Абле, с апреля с 10 числа 154-го до сентября по 2-е число 155-го году по погребной цене на семь рублей на восемь алтын, на две денги.

На обороте:

К сей памяти вместо кабацких голов вологжанина Первого Пузина да белозерца Ивана Бабина, по их веленью, Елизарко Тимохов и руку приложил.

РГАДА. ф. 1107, оп. 1, д. 722, л. 12а–12а об. Подлинник

№44

1636 г. – Челобитная сибирского царевича Аблая б. Ишима царю Михаилу Федоровичу о дозволении креститься в православную христианскую веру

Царю, государю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии, бьет челом ис темницы твой, царской, полоняник сибирской царевич Абличка¹. В прошлом, государь, во 143-м году ходили мы в твою государеву вотчину в Сибирь под Чюбарей острог Чимгя города з братом своим с Таушком да з дядею з Девлет-Киреем и с мурзами. И у тово, государь, острошка Чюбарья посады выжгли и людей побили, и в полон поимали. И с тем, государь, полною дядя наш, Девлет-Кирей салтан, с мурзами пошли к себе в колмаки. А я, Аблий, з братом своим, с Таушком, да с нами татар девяносто человек остались в степи для изгону. И итти было нам на твою, государеву, вотчину в Уфимского уезду на Апчай село. И Божим и, государь,² изволением и твоим, государь, счастьем и плен есми православных крестьян кровь нас, бусурман, твоим государевым воинским людем Бог выдал. И ныне³, видя я милость Божию и твое, государское, жалованье, оставя свою бусурманскую веру, хочю креститца в сущую православную крестьянскую веру. Милосердный государь, царь и великий князь Михаил Федорович всеа Русии, пожалуй меня, заключеново полоняника, вели, государь, меня крестить,⁴ чтоб мне за многое согрешенье в бусурманской вере не умереть, а тебе, государю, послужить. Царь, государь, смилуйся, пожалуй.

РГАДА. ф. 1107, оп. 1, д. 722, л. 26. Отпуск

Примечания: ¹ в ркп.: Аблика; ² в ркп. зачеркнуто: милост; ³ в ркп. зачеркнуто: государь; ⁴ в ркп. зачеркнуто: штобы я.

№45

1636 г. августа 4 – Указная грамота ц. Михаила Федоровича (приказа Казанского Дворца) на Белоозеро воеводе князю Петру Никитичу Звенигородскому и подьячему Василию Шишкину о содержании Сибирского царевича Аблая б. Ишима в особой тюрьме попрженему

От царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии на Белоозеро воеводе нашему князю Петру Никитичу Звенигородскому да подьячему Василию Шишкину. В нынешнем, во 144-м году, писали есте и прислали к нам, к Москве, в приказ Казанского Дворца, под своею отпискою сибирского царевича Аблы челобитную. А в челобитной ево написано, чтоб нам ево пожаловать, велети ево крестить в нашу православную христианскую веру. И как к вам ся наша грамота придет, и вы б по прежнему нашему указу и по сей нашей грамоте сибирскому царевичу Абле велели быти не Белеозере в особой тюрьме за крепким береженьем. И бережатым велели у него быти в тюрьме в день и в ночь безотступно. Чтоб он ис тюрьмы не утек и дурна никакова над собою не учинил.

Писан на Москве лета 7154-го августа в 4 день.

На обороте:

На Белоозеро воеводе нашему князю Петру Никитичу Звенигородскому да подьячему Василию Шишкину.

145¹-го сентября в 4 день привез сее государеву грамоту пушкарь Василий Бубнов.

О сибирском царевиче

Справил Якушка Сахаруков

РГАДА. ф. 1107, оп. 1, д. 722, л. 27-27 об. Подлинник

Примечания: ¹ в ркп. исправлено из: 144. Желтовосковая печать. На обороте пометы почерком XVII в.: О сибирском царевиче. Справил Якушка Сахаруков

№46

1637 г. марта 12 – Указная грамота ц. Михаила Федоровича (приказа Казанского Дворца) на Белоозеро воеводе князю Петру Никитичу Звенигородскому и подьячему Василию Шишкину о

(л. 35) От царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии на Белоозеро воеводе нашему князю Петру Никитичу Звенигородскому да подьячему Василию Шишкину. В нынешнем, во 145-м, году писал к нам с Уфы стольник наш и воивода князь Петр Волконской. Посылал де он в Уфинской уезд в Башки// (л. 36)рские волости по Сибирской дороге сына боярского Федора Тарбеива да для письма подьячево Гришку Погорельского, да толмача Федьку Сокуру. И сын боярской Федор Тарбеев и подьячей, и толмач, приехав на Уфу сказали ему: Наехали де они в Уфимском уезде в Айской волости за Оралом в в деревне Суня Озера жонку башкирку Елчибику Окзюрину. И та де жонка в роспросе им сказала: Вышла де она из калмацких улусов в нынешнем во 145-м году, как снег пал. А послала де ее на Русь из калмац// (л. 37) ких улусов Аблы царевича жена, княиня Чегандара, которой взят на Уфе в прошлом, во 143-м году. И будет де Обла царевич жив, и он бы де к матери своей прислал весть. И она де, княиня Чегандара будет к нему, к Абле царевичу, з детьми своими и с улусными людьми.

И мы указали вам царевича Аблу про мать иво и про жену, и про детей, и про улусных людей роспросити, и дать роспросные речи иво, велели прислати к нам, к Москве. Для того послан нарочно курмышенин¹ Петр Шипилов. И как к вам ся наша грамота придет, и вы б Аблу царевича роспросили накрепко тем именем мать у него Хирилтя и жена княиня Чагандыря, и дети, и улусные у него калмыцкие люди ест ли, и будет есть и где они, и в которых местах кочают, и сколько с ними человек иво служилых² улусных и черных людей, и как у нево детей // (л. 38) зовут, и сколько сыновей и дочерей, и хто в сколько лет. Да что Абла царевич про то про все в роспросе вам скажет, и вы б те иво речи велели написать подлинно порознь по статьям да о том отписать и роспросные речи Аблы царевича за иво, или ты, подьячей Василей, за своею рукою прислали к нам, к Москве, с Петром Шипиловым тотчас, не мешкая ни часу, и велели

подать в приказе Казанского Дворца боярину нашему князю Борису Михайловичу Лыкову да дячком нашим Федору Панову да Сергею Матвееву.

Писан на Москве лета 7145-го марта в 12 день.

На обороте:

На Белоозеро князю Петру Никитичю Звенигородскому да подьячему Василью Шишкину. (л. 38 об.) Справил Якушка Сахаруков.

145-го марта в 18 день подал государеву грамоту Петр Шишилов.

РГАДА. ф. 1107, оп. 1, д. 722, л. 35–38.

Примечания: ¹ в ркп. между строк; ² в ркп. между строк. Черновосковская печать с двуглавым орлом. По слейке скрепа: диак – Сергей – Матвеев.

№47

1637 г. марта 18 – Распросные речи сибирского царевича Абля б. Ишима о семье и людях, оставшихся в калмыках

145-го марта в 18 день по государеве, царе и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси, грамоте воевода князь Петр Никитичъ Звенигородский да подьячей Василей Шишкин допрашивали царевича Аблы: Жена у тебя¹ ² ³-него и мать, и дети³ есть ли, и как мать ⁴ и жену⁴, и детей ⁵, и как их имяны зовут, и сколько твоего улусу людей⁶ и черных ⁷ дворов людей?

И в допросе царевич Абла сказал воеводе князю Петру Никитичю Звенигородскому да подьячему Василью Шишкину: Мать де иво⁸ зовут Херелта, а отец ⁹ матери иво⁹ Ханак Чшута, а жену де иво¹⁰ зовут Чагандара мурзина дочь Укатова. А детей де у меня два сына. Сын Кучук шести лет, другой, Белекей, четырех лет. А в улусе де моем служилых людей тысяча триста человек, да черных людей восемьсот человек. А улусы де у нас не росписаны, где мы придем, тут и кочуем. А жонка де у меня такова башкирка Илчебика¹¹ добрая есть. А у брата де моего, Тевка салтанов, что в каргополе сидит ¹² в тюрьме¹², вместе у него з дядею, з Девлет-Керей салтаном, улусы у них свои. А служилых у них людей полторы тысячи, да черных людей тысяча человек. А кочуют де они по своим улусом порознь.

РГАДА. ф. 1107, оп. 1, д. 722, л. 40.

Примечания: ¹ в ркп. подчеркнуто; ² в ркп. зачеркнуто: Чагандара и мать у тебя; ³⁻³ над строкой; ⁴⁻⁴ в ркп. над зачеркнутым: зовут; ⁵ в ркп. зачеркнуто: у тебя сколько; ⁶ в ркп. над строкой; ⁷ в ркп. зачеркнуто: слу; ⁸ в ркп. над зачеркнутым: мою; ⁹ в ркп. над строкой; ¹⁰ в ркп. над зачеркнутым: мою; ¹¹ в ркп. над строкой; ¹²⁻¹² в ркп. над строкой.

№48

1637 г. мая 13 – Указная грамота ц. Михаила Федоровича (приказа Казанского Дворца) на Белоозеро воеводе князю Петру Никитичю Звенигородскому и подьячему Василию Шишкину о письме царевича Абла б. Ишима к своей жене княгине Чагандаре

(л. 42) От царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси на Белоозеро воеводе нашему Петру Никитичю Звенигородскому да подьячему Василью Шишкину. В нынешнем, во 145-м году, писали есте и прислали к нам, к Москве, с курмышенином сыном боярским, с Петром Шишиловым, сибирского царевича Аблы про иво мать и про жену, и про дети, и про улусные люди поспросные речи. И нам то по вашей отписке и по роспросным речам ведомо. И ныне, по нашему указу, того сибирского царевича Аблы жены ево, княгини Чагандары, волосы, которые прислала к нему, царевичю Абле, жена ево, Чагандара, урезав косы своей, посланы на Белоозеро с уфимцом с сыном боярским с Кирилом Нармацким. И как к вам ся наша грамота придет, а уфинец сын боярской Кирило Нормецкой на Белоозеро придет, и вы б ему те волосы велели отдать // (л. 43) царевичю Абле и велели ему сказать, что те волосы прислала к нему жена ево, княгиня Чагандара. Да будет царевич Абла похочет к жене своей послать писмо, и вы б то писмо сыну боярскому Кирилу Нармацкому велели у него взять и привести к нам, к Москве. А будет царевич Абла учнет говорить, чтоб ему указать послать от себя к жене иво человека ис тех людей, которые с ним взяты на бою, и вы б ему велели в том отказать. Да о том

бы есте о всем отписали к нам, к Москве, с тем ж уфинцом сыном боярским с Кирилом Нармацким точес. А отписки велели подати в приказе Казанского Дворца боярину нашему князю Борису Михайловичу Лыкову да дьяком нашим Федору Панову да Сергею Матвееву.

Писан на Москве лета 7145 мая в 13 день.

На обороте:

На Белоозеро воиводе нашему князю Петру Никитичю Звенигородцкому да подьячему Василию Шишкину.

145-го мая в 25 день положел сее государеву грамоту уфинской сын боярской Григорей Нарманский

Справил Якушко Сахаруков

РГАДА. ф. 1107, оп. 1, д. 722, л. 42–43. (Подлинник)

Примечания: Печать белого воска.

№49

1637 г май 26 – Грамота сибирского царевича Абляя из Белозерской тюрьмы к сибирскому царевичю Девлет-Гирею

(л. 48) Даикушино еиго чогорнача чьяком. Девлет-Кирей салтан Чюваговичю Аблай салтан царевич¹ челом бьет. Я на Белеозере, государя, царя и великого князя Михаила Федоровича, жалованье маяя по 26-е число, дал Бог здоров. Да и брат мой, Таукан, в Каргополе, дал Бог здоров же. Да государыне моей матушке, Корелти, да жене моей, Чягандар, да детем моим, Кочюку да Чючюлею, да брату моему Сламе салтану, да Дайгуше Девлет-Кирей, да Ченту: Мы в государеве жалованье, дал Бог, сыты и пьяны, и одеты, и обуты, и некоторые нам от него, государя, тесноты нет. И вам бы Дайкуша и Девлей-Кирей и Чюнулей над нами смилоствитица, чтоб вам бити челом государю, царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси, вечным миром. А об нас били бы челом. А для мирново поставленья дати заклад моево, Аблина, сына. А в братнем ст брата. А будет вы тово миру не учнете, и закладу под нас не дадите, и нам на своей земле не бывать, воля государская. А ты моя государыни мати и жена тому ведайте, что я здоров. Послал² к вам з головы своей кекел. А поруки ни [] // (л. 48 об.) к вам. А твое здоровье, жена моя, Чягандара, коса твоя до меня дошла. И яз жавиде, к себе в пазуху положил. А твоему³ вам челом бью, будет меня хотите у собя на земле видете.

РГАДА. ф. 1107, оп. 1, л. 722, л. 48-48 об. (Отпуск)

Примечания: ¹ в ркп. над строкой; ² в ркп. зачеркнуто: наш; ³ в ркп. зачеркнуто: тебе.

№50

1638 г. августа 20 – Отписка Уфимского воеводы Петра Волконского о посылке в калмыцкие улусы к Девлет-Гирею царевичю и к жене Абляя царевича, княгини Чагандар, посланников толмача Васьки Киржатцкого и стрельца Мишки Касимова и их возвращении с послами от царевича

(л.1) Государю, царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси, холоп твой Петрушка Волконской челом бьет. В нынешнем, государь, во 146-м году по твоему, государеву, указу и по грамоте посылал я, холоп твой, в калмыцкие улусы к Девлет-Кирею царевичю в улус и к Аблаевой жене, княгине Чагандаре, уфимского толмача Васку Киржатцкого да стрельца Мишку Касимова, а с ними по твоему, государеву, указу послал я, холоп твой, к Аблаевой жене, княгине Чагандаре, косу воловов Абляя царевича, что прислана в прошлом, во 145-м году. И велел им, толмачю Васке и стрельцу Мишке, косу волосов Абляя царевича отдать жене ево, княгине Чагандаре, и говорить Девлет-Гирею царевичю и Аблаевой жене, княгине Чагандаре, и промышлять всякими мерами, чтоб Девлет-Гирей царевич и Аблаева жена, княгиня Чагандары, шли под твою, государеву, высокую руку к братьям своим, а княгиня Чагандары к мужу своему, к Аблаю царевичю, безовсякого опасенья. А ты, государь, их пожалуешь, велишь им быти под своею, государскою, высокою рукою, где оне похотят.

И в нынешнем, государь, во 146-м году июля в 23 день, приехали на Уфу из калмытцких улусов от Девлет-Гирея царевича и от Аблаевы жены, княини Чагандары, посланники, толмач Васка Киржатцкой, стрелец Мишка Касимов, // (л. 2) и сказали мне, холопу твоему, что они у Девлет-Гирея царевича и Аблаевы жены, княини Чагандары, в улусе были, и косу волос Аблая царевича княине Чагандаре отдали, и по твоему, государеву указу Девлет-Гирею царевичю и Аблаевой жене, княине Чагандаре, твое, государево, милостивое слово сказывали. И говорили им, чтоб оне шли под твою, государеву, высокую руку безовсякого опасенья. И Девлет-Гирей де царевич, и Аблаева жена, княиня Чагандары, им, толмачю Васке и стрельцу Мишке, сказали: Волосы де мы знаем, что волосы Аблая царевича, а подлинно де про Аблая и про Тявку не ведаем, живы ли оне или нет. Посылали де мы послов своих, Сару да Нур-Маметя ко государю, к Москве, чтоб им видети Аблая и Тявку. И послы де наши приехали ис Уфы, а на Москве не были, Аблая и Тявки не видали. И мы де посылаем с вами ко государю, к Москве, других послов, Купланку Досбагина да Ишей Астаева. И как де послы наши будут на Москве, и увидят Аблая и Тявку царевичев, и к нам приехав скажут, что оне прямо живы, и я де, Девлет-Гирей царевич, Аблаеву жену, княиню Чагандару, отпущу тотчас к мужу ее, к Аблаю царевичю, а сам де учну государю бити челом, чтоб государь пожаловал, велел мне быти под своею, государевою, высокою рукою, и велел бы де государь нам кочевати по Яику и по Тоболу, и по Ишилю рекам, где кочевали отцы и деды наши.

И подали мне, холопу твоему, посланники, толмач Васка, стрелец Мишка, доезду своего память за своими руками. А послы, государь, Девлет-Гирея царевича и Аблаевой жены, княини Чагандары, Купланды Досбагин да Ишей Астаев, пришли на Уфу с твоими, государевыми, посланниками, с толмачем с Васкою Киржатцковым вместе июля в 23 день же. А с ними людей их два человека, Урус да Аюсары. И июля, государь, в 25 день велел я, холоп твой, Девлет-Гирея царевича и Аблаевой царевича жены, княини Чагандары, послом, Купланде да Ишею, быти к себе в съезжею избу, и им говорил: Присылали Девлет-Гирей царевич и Аблаева жена, княиня Чагандары, послов своих, Сару да Нурмаметя, бити // (л. 3) челом государю, чтоб им быти под государевую высокую рукою. И с ними послы посыланы к Девлет-Гирею царевичю и к Аблаевой жене, княине Чагандаре, з государевым милостивым словом посланники толмач Васка да стрелец Мишка. Да с ними ж, посланники, посылаю к Аблаевой жене, княине Чагандары, признака, коса Аблая царевича волосов. И Девлет-Гирей царевич и Аблаева жена, княиня Чагандара, государево милостивое слово у толмача и у стрельца выслушали. И Аблаева жена, княиня Чагадары, мужа своего, Аблая царевича, косу волос взяла. И на своем слове не устояли, под государеву высокую руку не пошли. И ныне для чево вас прислали?

И послы Девлет-Гирея царевича и Аблаевой жены, княини Чагандары, Купланда да Ишей, выслушав мою, холопа твоего, речь и сказали мне, холопу твоему: Послали де нас Девлет-Гирей царевич и Аблаева жена, княиня Чагандары, ко государю, к Москве, в послах. И велели де нам бити челом осударю, чтоб нам видети Аблая и Тявку царевичев. Да с ними же от Девлет-Гирея царевича ко государю, царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси, грамота, а другая де грамота от Девлет-Гирея царевича к тебе. И подали мне, холопу твоему, одну грамоту.

И я, холоп твой, послов Капланду и Ишей допросил: Х кому та грамота прислана. И послы, государь, Купланда да Ишей, сказали, мне, холопу твоему, что та грамота ко мне, холопу твоему. И я, холоп твой, тое грамоту у них не взял. А говорил им: Сказали вы у себя от Девлет-Гирея царевича ко государю грамоту, и выдайте тое грамоту. И послы, государь, Купланды // (л.4) и Ишей мне, холопу твоему, от Девлет-Гирея царевича грамоты, которая прислана к тебе, государю, отдать не хотели. А говорили: Велено де та грамота подать на Москве государю, а на Уфе де давать тебе ее не велено. И о том стояли долгое время, и пошли было из съезжей избы вон. И я, холоп твой, послом Купланде и Ишею сказал: Не подадите грамоты, что прислана ко государю, и вы поедите назад. И послы государь, Девлет-Гирея царевича, Купланды да Ишей, грамоту, что прислана к тебе, государю, и другую грамоту, что прислана ко мне, холопу твоему, мне, холопу твоему, отдали. И после грамот говорили речью: Будет де государь пожалует, велит нам быти на Москве и будет де увидим Аблая и Тявку царевичев, и в улус к Девлет-Гирею царевичю и княине Чагандаре приедем, и скажем, что Аблая и Тявку видяли, и Девлет-Гирей царевич будет под государеву высокую руку и з детьми тотчас, а Аблаева жена и з детьми своими будет к мужу своему, к Аблаю царевичю, тот же.

Да послы же, государь, Купланды да Ишей, сказали мне, холопу твоему: С нами же де прислал Девлет-Гирей царевич и Аблаева жена, княгиня Чагандары, государю дары. Девлет-Гирей царевич прислал ко государю // (л.5) в дар конь гнед, семи лет, белогуб, во лбу звезда да полаз бухарской, цветной. А Аблаева жена, княгиня Чагандары, прислала ко государю в дарех четыре бобра, бобр черн, три бобра карих, да полаз бухарской цветной. И я, холоп твой, послал Девлет-Гирея царевича и Аблаевой жены, княгини Чагандары, до твоего, государева, указу велел быти на Уфе. И велел дати на посаде двор. И велел у них быти в приставях сотнику стрелетцкому Дементью Шепелеву да толмачю Ондрюшке Дербышелееву и стрельцом для караулу. И велел им давати корм против прежнево обычая. Послом по четыре деньги на день, а людем их по три деньги на день. А даров, государь, лошади и бобров, и полазов, без твоего, государеву, указу принять у них не смею.

А грамоты, государь, Девлет-Гирея царевича я, холоп твой, уфимскому переводчику Ахматку Байчюрину казал. И переводчик, государь, Ахматку, тех грамот перевесть не умел, а сказал, что грамоты писаны бухарским писмом. И я, холоп твой, Девлет-Гирея царевича грамоту, что прислана к тебе, государю, и другую грамоту, что прислана ко мне, холопу твоему, послал к тебе, государю, зашив в столбце, запечатав твоею, государевою печатью июля в 29 день с уфинцом сыном боярским с Овдокимом Лопатиным. И доездную память посланников колмача Васки Киржатцкова, стрельца Мишки Касимова, за их руками послал к тебе же, государю, под сею отпискою. И о послех, государь, и о дарех вели мне, холопу своему, свой, государев, указ учинить. А другие, государь, посланники, сын боярской Степан Якимов, стрелец Васка Мещеряк, которые посланы в улус к Девлет-Гирею царевичю и к Аблаевой жене, княгине Чагандаре с признакою, с волосы, на Уфу июня по 29 день не бывали. А будет ты, государь, укажешь послов Девлет-Гирея царевича и Аблаевой жены, княгини Чагандары, Купланду и Ишея, отпистити назад с Уфы, и о том, государь, мне, холопу своему, вели свой, государев, указ учинить, дождался ли твоих, государевых, посланников от Девлет-Гирея царевича Степана Якимова их отпустить или их с Уфы отпустить не дожидаясь на Уфу твоих, государевых, посланников и с ними послать иных посланников к Де(л.б)влет-Гирею царевичю послать ли, или нет? И для промыслу на Девлет-Гирея царевича нынешнею осенью посылать ли? И дождался ли твои, государевых, посланников от Девлет-Гирея царевича послать для промыслу? А ратных, государь, людей на Уфе уфинцов детей боярских шестьдесят человек, сто человек стрелцов, казанцов детей боярских шестьдесят шесть человек, да иноземцов казанских трицать восемь человек. И ис тех многих в поход не будет. А к башкирцом, государь, посылал я, холоп твой, многожды, чтоб были на службу готовы. И они де многие поехали на зверовье.

На обороте:

(л.1 об.) Государю, царю и великому князю Михаилу Федоровичю всея Руси.

146-го августа в 20 день подал уфимец сын боярской Овдюшка Копатов.

Государь, слушав сей отписки и доезжие памети, указал Девлет-Гирея царевича и Аблаевы жены грамоты перевесть переводчику и по переводу доложить себе, государю.

РГАДА. ф. 119, оп. 1, 1638 г. д. 1, л. 1-6. (Подлинник)

№51

1638 г. июля 24 – Доезжая память уфимского толмача Василия Киржатцкого и стрельца Михаила Касимова о посылке в улус к сибирскому царевичу Девлет-Гирею

(л. 7) Лета 7146-го июля в 24 день память доездная уфинскова толмача Васки Киржатцкова да стрельца Мишки Касимова.

По государеву, цареву и великого князя Михаила Федоровича всея Руси, указу и по казной памяти стольника и воеводы князя Петра Федоровича Волконсково послан уфинской толмач Васка Киржатцкой да стрелец Мишка Касимов в улус Девлет-Гирея царевича. А с ними посылаю Аблаеве жене, княгине Чагандаре признаки, коса волосов Аблая царевича. А по государеву указу велено нам приехав в улус к Девлет-Гирею царевичю отдати Аблаеве жене, княгине Чагандаре, мужа ее, Аблая царевича косу волосов. И велено нам Девлет-Гирею царевичю и княгине Чагандаре сказати государеву, цареву и великого князя Михаила Федоровича всея Руси, милостиво[е] слово, и говорити им, чтоб они, Девлет-Гирей царевич и княгиня Чаган-

дары, шли под государеву высокую руку безвсяког¹о опасенья, государь их пожалует своим государевым жалованием, чево у них и на разуме нет. Да нам же, Ваське и Мишке, велено говорить Девлет-Гирею царевичю о грабеже государевых посланников, сына боярского Степана Якимова с товарищи, что их грабили в Талаеве улусе.

И мы, Васька и Мишка, пришли к Девлет-Гирею царевичю в улус на первой неделе Петрова поста, в четверг. А наехали Девлет-Гирея царевича улус за Мунчаком озером во днище, на Сетке озере. И были у Девлет-Гирея царевича и у Блаевы жены, у княини Чагандары на посольстве. // (л. 8) И по наказу Девлет-Гирею царевичю и Аблаеве жене, княине Чагандаре, говорили государеву милостивое слово, и Девлет-Гирею царевичю и княине Чагандаре сказали и косу волос Авляя царевича жене ево, княине Чагандаре отдали. И девлет-Гирей царевич и Аблаева жена, княиня Чагандары, выслушав речи и взяв волосы нам говорили: Деды де наши и отцы государевы холопи, и братье де мои, Аблай и Тявка, ныне у государя. А мы де посылали ко государю, к Москве, послов своих, Сару да Нур-Маметья, а с ними посылали государю грамоту и дары, и к Аблаю и к Тявке царевичем платье. И велели де послом своим бити челом государю, чтоб государь пожаловал моих, Девлет-Гиревых, братью, а моего, княини Чагандары, мужа Аблу и деверя Тявку, послом нашим велел показать. И государь де нас не пожаловал, послов наших к Москве взять с Уфы не велел, и Авляя и Тявки послы наши не видали. И нам де потому верити нечему, что вы говорите, и ехати под государеву руку не смеем потому, подлинно про Авляя и про Тявку не ведаем, живы ли они или нет. А Аблаева жена, княиня Чагандары, волосы мужа своего узнала и на них глядя плакала, и волосы мужа своего пришла к шапке, и говорила те же речи, что б де послы наши видели мужа моего, Аблу царевича, и яз бы де тотчас ехала к нему з детьми своими, а топеречи ехати не смею, не ведаю про мужа своего прямой вести, жив ли или нет. И сказали нам, Ваське и Мишке, Девлет-Гирей царевич и Аблаева жена, княиня Чагандары: Посылаем де мы с вами ко государю, к Москве, других послов, Купланду да Ишей, з грамотою, а другую де грамоту посылаем на Уфу к воеводе. И велели де бити челом государю, чтоб государь пожаловал, велел // (л. 9) послам нашим братью мою, а моего, княини Чагандары, мужа, Аблу, да деверя, Тявку, показали. Да с ними ж, послами, посылаем ко государю дары. А прежние де дары у послов у наших принял воевода на Уфе, и послал де их к Москве, ко государю, или нет, того мы не ведаем. И против де наших даров, государьской милости, к нам нет, не прислана нам ничево. А как де послы наши, Купланды да Ишей, с Москвы к нам приедут и скажут нам, что братья моя, а мой, княини Чагандары, муж, Аблай, и деверь, Тявка, прямо живы, и я де, Девлет-Гирей царевич, тотчас буду под государеву высокую руку и учну государю бити челом, чтоб государь пожаловал, велел мне кочевати по Яику и по Тоболу, и по Ишилю рекам, где кочевали отцы наши и деды. А я де, княиня Чагандары, тотчас поеду з детьми своими ко государю и к мужу своему, к Аблаю.

А про грабеж Степана Якимова нам сказали: Грабили де государевых послов в Талаеве улусе, а не у меня в улусе. А я де государевых послов отпустил с честью. А нам де Талаеве жене не указати, они де тайши большие.

И держал нас Девлет-Гирей царевич у себя в улусе пять недель. И у него и у Аблаевы жены, у княини Чагандары, бывали безпрестанно. И говорили нам они речи: Будет послы наши будут у государя на Москве и увидят Авляя и Тявку царевичев, и к нам приедут и про них скажут, что они прямо живы, и мы де тотчас будем под государеву³ высокую руку.

А улусных людей у Девлет-Гирея царевича в улусе человек з двести. А кочюет он, Девлет-Гирей царевич, от Талалтаева улуса от Чурасов днище в трех и в дву, и в днищ[е]. // (л. 10) А отпустил нас Девлет-Гирей царевич с Ыремеля речки. А та Ирмель речка за Мульчаком озером в трех днищах. А с нами прислал послов своих, Купланду да Ишей. А ехали мы от Девлет-Гирея царевича улусу до Уфы станишною ездою четыре недели, а только ехати полковым ходом, и ходу будет до ево улусу от Уфы недель шесть и больши. А отпустил нас, Девлет-Гирей царевич с Ыремеля речки покочевал по Иртышу речке вверх, в степь. А как мы у него были, и у него безпрестанно были сторожи от улусу в днище и больши. А блюдетца приходу на себя ис Сибири и с Уфы. Да мы ж слышали в улусе от Девлет-Гиревых людей и от башкирцов, которые у Девлет-Гирея, что де Девлет-Гирей царевич дождетца послов своих с Москвы и будет де сведает, что братья ево, Аблай и Тявка, живы, и он де под государеву руку будет тотчас. А будет де послов ево к Москве не пустят, и он де, дождався послов, пойдет любо под государеву руку или ж Бухары. А тут де ему не прокочевать потому, что безлюден, опасаетца на себя приходу. А иных мы вестей, будучи в улусех, никаких не слышали.

Да как мы ехали назад, на Уфу, и видели по сю сторону реки Тоболу калматцких людей зверовщиков, и с ними говорили. Сказали нам что они Шумкея тайши улусу. А про Тайчина тайши улус сказали нам те зверовщики, что он прокочевал, Тайчин тайша, по Ишиму реке вверх. А иных мы воинских людей никаких не видали, и вестей никаких не слышали.

А доездную память писал уфинской стрелец Мишка Касимов сын Жукова, которой послан был к Девлет-Гирею царевичю. Руку ротложил.

На обороте:

(л.7 об.) К сей доездной

РГАДА. ф. 119, оп. 1, 1638 г. д. 1, л. 7–10. (Подлинник).

Примечания: ¹ в ркп. г исправлена из в; ² в ркп. клякса. *На обороте скрепа:* К сей доездной – памяти – Василей Киржатцкой.

№52

1638 г. – Перевод грамоты сибирского царевича Девлет-Гирея царю Михаилу Федоровичю

(л. 11) Перевод з гратоты Девлет-Гирея царевича.

Великому князю белому царю Девлет-Гирей царевич о здоровье послал Капланея да Ишея.

У великого князя, у белого царя, предки наши, деды и отцы, были под вашею высокою рукою. А мы тако ж под вашею ж руки. Да у вас, великого князя, белого царя, я, Девлет-Гирей царевич, прошу Аблая да Тевку. Вели государь и великий князь. У нас чесние ст[]. Велишь прощать, и мы дадим. Только вели[кой] государь и великий князь нас пожалуешь, и мы из их повеленья не выйдем.

Да великому государю и великому князю яс, Девлет-Гирей царевич, в прошлом году с сыном боярским, с Степаном, Сарея да Пухмагметя послал вместе. А к великому государю и великому князю я, Девлет-Гирей царевич, послал с ними поминков, иноходец сер, седло оправлено серебром, узда и похди серебряные, три бобра. А то послано при Федоре Федоровиче. А мать послала к дву сыном два кафтана миткальных. А к великому государю и великому князю послала поминков иноходец пег, два бобра. Послано того Аблаю шуба кунья, шапка соболья. Тевке послано шуба.

А приезжал сын боярской Степан. И поехал назад здорово. А мы, почтив великого князя иня, послали с ним посла своего. Потому нашу б правду великий князь ведал. А которой караван пришел из Бухары, и я с ним послал посла своего. А ис Сибири с тем моим послом посла не прислали. Великий государь и великий князь, по тому нашу правду ведал. Я, Девлет-Гирей царевич, великому государю и великому князю послал коня да полас с Капландеем. // (л. 12) Да Чагандарей послала к великому государю и к великому князю полас, четыре бобра с послом своим, с Ышеем. Летошнее пишу слово великому государю то. И нынешнее наше слово тож. Бог де даст, да он, государь. С тем, мы грамота писала.

Переводил переводчик Мустафа Тевкелев да Имралей Кашаев.

РГАДА. ф. 119, оп. 1, 1638 г. д. 1, л. 11–12.

№53

1638 г. – Перевод грамоты сибирского царевича Девлет-Гирея уфимскому воеводе

Перевод с татарского письма, что пишет Девлет-Гирей царевич.

Девлет-Гиреево царевичево слово. Присла[л] подо первую посла, почтив здорово его, пустили. Да Капландыя, да Ишея, послали. И посла б нашего почтил. И послов наших, что послали к великому князю довести летошной. Ишо посол ле дошел, чтоб нынешние посла довести ему. Я доброту учинил. А как меж нами послы учнут ходить, и ему добро, и нам добро. Тем грамота писана.

Переводил переводчик Мустофа Тевкелев да Имралей Кашаев. А писал Имралей.

РГАДА. ф. 119, оп. 1, 1638 г. д. 1, л. 12.

№54

1638 г. октября 17 – Отписка Уфимского воеводы Петра Волконского о послых сибирского царевича Девлет-Гирея Купланде Досбагине и Ишее Астаеве

Государю, царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии, холоп твой, Пётрушка Волконской челом бьет. В прошлом, государь, во 146-м году, июля в 29 день писал я, холоп твой, к тебе, государю, с уфимцом сыном боярским с Овдокимом Лопатиным о указе, что в прошлом же, государь, во 146-м году, июля в 23 день приехали на Уфу ис калмацких улусов от Девлет-Гирея царевича и от Аблаевы жены, княини Чегандары, с твоими, государевы, посланники, с толмачом с Васкою Киржатцким да с стрельцом с Мишкою Касимовым, послы Купланды Досбагин да Ишей Астаев. А в роспросе, государь, мне холопу твоему, сказали: послали де их Девлет-Гирей царевич и Аблаева жена, княиня Чегандары, в послех к тебе, государю, к Москве. И велели де нам бити челом государю, чтоб нам видети Аблая и Тявку царевичев. Да с ними ж, государь, с послы, прислал Девлет-Гирей царевич к тебе, государю, царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии, грамоту, а другую грамоту прислал Девлет-Гирей царевич ко мне, холопу твоему. Да к тебе ж, государю, прислал Девлет-Гирей царевич в дарех конь гнед да полаз бухарской, цветной. Да Аблаева жена, княиня Чегандары прислала к тебе, государю, бобр черн, три бобра кари, да полаз бухарской цветной. И я, холоп твой, те грамоты Девлет-Гирея царевича послал к тебе, государю, с уфимцом ж сыном боярским с Овдокимом Лопатиным. И о калмацких, государь, послех ко мне, холопу твоему, нынешнего 147-го году октября по 17 день твой, государев, указ не бывал. А послы, государь, калмыцкие бьют челом тебе, государю, а ко мне, холопу твоему, присылают безпрестанно, чтоб их отпустить к тебе, государю, // (л. 14) к Москве, или назад, в свои улусы. И о калмацких, государь, послех вели мне, холопу своему, свой, государев, указ учинити. К тебе ли, государю, к Москве, послов отпустить, или их назад, в свои улусы, отпустить? И посланников с ними посылать ли? А твой, государев, посланник уфинец Степан Гласкова да стрелец Васка Мещеряк, что посланы в прошлом, во 146-м году в улус к Девлет-Гирею царевичю и к Аблаеве жене с волосы Аблая царевича, на Уфу октября по 17 день не бывали. А будет, государь, вскоре твоего, государева, указу о тех послых ко мне, холопу твоему, не будет, и тем, государь, послам зимовать будет на Уфе. А зимою их с Уфы никакими мерами отпустить будет в их улусы не мочно.

На обороте:

Государю, царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии.

147-го ноября в 25 день подал уфимец сын боярской Сергей Трусов.

Взять к прежней отписке из калмыцкие отписки. Выписать в прежнюю ж выписку, в доклад.

РГАДА. ф. 119, оп. 1, 1638 г. д. 1, л. 13–14. (Подлинник).

№55

1638 г. декабря 3 – Указная грамота ц. Михаила Федоровича (приказа Казанского Дворца?) на Уфу воеводе стольнику Петру Федоровичю Волконскому о послых сибирского царевича Девлет-Гирея Купланде Досбагине и Ишее Астаеве

(л. 15) От царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии на Уфу, стольнику нашему и воеводе князю Петру Федоровичю Волконскому. В прошлом, во 146-м году, писал еси к нам, и прислал под отпискою доездную память уфинского толмача Васки Киржацкого да стрельца Мишки Касимова, которых ты по нашему указу посылал с Уфы в колмыцкие улусы к сибирскому к Девлет-Гирею царевичю для нашего дела, да Девлет-Гирея царевича две грамоты, писаны татарским писмом. А в отписке твоей написано: По нашему указу посылал ты с Уфы в колмыцкие улусы к сибирскому к Девлет-Гирею царевичю для нашего дела уфинского толмача Васку Киржацкого да стрельца Мишку Касимова. И тот толмач Васка Киржацкой и стрелец Мишка Касимов ис калмыцких улусов от Девлет-Гирея царевича на Уфу к тебе приехали. А с ними Девлет-Гирей царевич прислал на Уфу послов своих, Капленду да Ишея, а сними людей их, два человека. А в роспросе тебе те Девлет-Гирея царевича послы, Капланда,

// (л. 16) Ишей, сказали, что Девлет-Гирей царевич послал их к нам, к Москве, да с ними ж послали нам челом ударить Девлет-Гирей царевич конь гнед да полаз бухарской цветной. Да Облы царевича княиня Чагандары четыре бобра да полаз бухарской цветной. И подали тебе от Девлет-Гирея царевича две грамоты. И ты те грамоты послал к нам, к Москве. А послом, Капланде и Ишеею, велел быть на Уфе до нашего указа. И велел им и людем их корм давать¹ против прежнего обычя. А лошади и бобров, и полозов без нашего указа принять у них не смеешь. А что в доездной памяти толмача Васки Киржацкого и стрельца Мишки Касимова, и в грамотах Девлет-Гирея царевича написано, и то нам ведомо.

И как к тебе ся наша грамота придет, и ты б сибирского Девлет-Гирея царевича послов, Капланду и Ишею, дав им корм в дорогу, отпустил к нам, к Москве, ²в Казань², с кем пригож с провожатыми, примерясь к прежним нашим отпускам. // (л. 17) И в Казань, к боярину нашему и воиводам, к Ивану Васильевичу Морозову с товарищи, о том от себя отписал. А от нас к ним о том как им тех послов ис Казани отпустить к нам, к Москве, писано. А которого числа ты тех Девлет-Гирея царевича послов, Капланду и Ишею, к нам, к Москве, отпустишь, и кого именем с ними в приставех пошлешь, и бы б о том отписал к нам, к Москве. А отписку велел подать в приказе Казанского Дворца боярину нашему князю Борису Михайловичу Лыкову да дьяком нашим Федору Панову да Сергею Матвееву. А не доезжая до Москвы, велел бы еси тому приставу, кову с теми послы пошлешь, прислать к нам, к Москве, с вестью, наперед себя, в приказ Казанского ж Дворца.

Писан на Москве лета 7147 декабря в 3 день.

РГАДА. ф. 119, оп. 1, 1638 г. д. 1, л. 15–17. (Отпуск)

Примечания: ¹ в ркп. над строкой; ^{2,2} в ркп. над зачеркнутым: каза.

№56

1638 г. – Челобитная царю Михаилу Федоровичу сибирского царя Али б. Кучума об освобождении своего сына Хансюера из Устюжской тюрьмы

Царю, государю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Ру[сии], бьет челом халоп твой сибирской царь Алейко Кучюмов. Были, государь, м[еня, хо]лопа твоего четыре сына. И извале[нием], государь, Божьим за грехи, государь, за мои померли. И сын царевич Ха[н]сюерка, не помня тваю, царьскую, мил[о]сть к сабе, сваровал, отгехол было в Литву. И твоя царьская милость не попустила, а маи слезы, его с путов, взяли, государь, ево, Хансюерка, тваи, государевы, люди в степи и привели к тебе, государю, к Москве. И ты, праведный великий государь, не помня иво страданию вину, дал ему в смерти место живот. И по твоему, государеву, указу послан он к Соли Камской. И ныне, государь, за свою вину сидит он в тюрьме. А я, холоп твой, при старости и в сваих scarбях са слез, с кручины, чюдь жив. Милосердный государь, царь и великий князь Михайло Федорович всеа Руси, пожалуй меня, халопя своего, для моей старости и слез, и нужи, вели, государь, таго моего сынишка, Хансюерка, ис темницы выкинуть и взять к Москве, к сваей царьской светлости. Царь, государь, смилуйся, пожалуй.

РГАДА. ф. 131, оп. 131, оп. 1, 1638 г. д. 4, л. 1. (Подлинник)

№57

1638 г. – Дело по прошению сибирского царя Али б. Кучума об освобождении своего сына Хансюера из Устюжской тюрьмы

(л. 2) А о чем, государю, царю и великому князю Мих[аилу] Федоровичю всеа Руси, сибирской царь Алей Кучюмов бьет челом. И в Посольском при[казе] выписано:

В прошлом во 137-м году июля в 26 [день] писали ко государю, царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси, з Дону донские атаманы и казаки. И прислали с атаманом с Ываном Косым с товарищи дву человек языков. И языки в роспросе сказались. Один сказался: зовют ево Хансюер царевич, сибирсково царя Алея Кучюмова сын, которой ныне в Ярославле. И были они з братом своим, с Янсюер царевичем, на государеве службе под Смоленском з бояры со князем Дмитрием Мамстрюковичем Черк[а]ским да со князем Иваном Федор[о]

вичем Троекуровым. И ис под Смол[е]нска з бою отъехал в Литву [] и его де посл[али] был он, государь, [бес] приюту. Жалованья ни[какова] ему не было. И он де отъе[хал в Крым]. // (л. 4) при Джанбек-Гирее царе. И был пр[и] царе. А как турской Джанбек-Гирея царя переменял, а прислал на ево место Магмет-Гирея царя, и он жил при Магмет-Гирее царе и по та места, как ему учинилось перемены. А как пришел на Крым опять Джанбек-Гирей царь, а Магмет-Гирей царь и калга Шан-Гирей побежали ис Крыму, и он бы[л] с Магмет-Гиреем ж царем и в запорогах у черкас. И нынеш[ней] весны собрались с Магмет-Гиреем царем и с калгою Шан-Гиреем запоросских черкас тритцать ты[сяч] и казыевских татар с Аллакуват [мур] зою Азамат музриным [] чю человек. И паш[ли бы]ло [] доступать в мае месяце. А в которое время того не ведают. И в апрели деи царя и калгу Шан-Гирея между [] и Перекопи крымской калга Девлет-Гирей царевич да Кантемир князь Дивеев, а с ними де было людей тысяч сорок и больше. И был меж татар и черкас бой. И на том бою Магмет-Гирея царя и калгу Шан-Гирея, и черкас многих побили. И черкасы де отабарились табары и стояли три дни. И воды де у них неболю нисколько, место где // (л. 3) стояли сухое. А на четвертой де день без воды стали изнемогать. И побежали назад. И калга де Девлет-Гирей и Кантемир побили их наголову. Да и сами д[е] черкасы меж себя внеце все пересеклись, друг-друга не вздевал. И татар, которые были с Магмет-Гиреем царем, казыивцов, побили ж. А царя Магм[ет-Гирея]]сы с сердца, что []. И калга де Шан-Гирей [] и побежал было в кабак до [ка]зьев кабаке, ко племени св[оему], х казыиву сыну х Катажук мурзе. И как де приехали на урочище на Тюгульник, и он де, Хансюер, учал говорить, чтоб Шан-Гирей ехал в Астрахань. И тут де у них учинился спор. И на них де пришли донские казаки и их побили. И иво, Хансюера, взяли, а калгу Шан-Гирея ранили. И ушел д[е] калга сам пять. А людие с ним в то время было, с Шан-Гиреем 19 чел[овек], как побегал ис Крыму, а с ним, [с] Хансюерем, 7 человек. И побегал де Шан-Гирей в казыев кабак в Кабаву. //

(л. 5) И государь указал того сибирског[о царевича], Хансюера Ал[е]ева царева сына], послать к Соли [Камской] в тюрьму до своего, государева, [указу]. В тюрьме у Соли Камской с 137-го году по 144-й год.

А во 147-м году по государеву указу сибирского царевича Хансюера от Соли Камской, по вестем калмыцким, переведен на Устюг Великой. И ныне он сидит на Устюге Великом. А по-денного ему корму дают по 8 денег на день.

И государю, царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии, бьет челом сибирской царь Алей Кучюмов, чтоб его государь пожаловал для его старости и нужи, велел сына его, Хансюера цар[евича] ис тюрьмы выпустить и взять к Москве.

Хансюер царевич ис тюрь[мы от]пустить и дать на поруки е[го] отцу [] царю и [дяде]]. Запись взята, что [] и ему, государь, не [] и [].

РГАДА. ф. 131, оп. 131, оп. 1, 1638 г. д. 4, л. 2–5.

№58

1638 г. – Указная грамота ярославскому воеводе Перфирию Ивановичу Секирину и дьяку Алексею Ивлеву о переводе на житье из Устюга Великого в Ярославль сибирского царевича Хансюера б. Али

(л. 6) От царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии в Ярославль воеводе нашему Перфирию Ивановичу Секирину да дьяку нашему Алексею Ивлеву. Бил нам челом сибирской царь Алей Кучюмов, ¹ что² по нашему указу ³сослал за вину³ сына иво, царевича Хансюера, ⁴ к Соли Камской, а от Соли ⁵ переведен на Устюг Великий⁶ и на Устюге ныне сидит в [тюрьме] // (л. 7) И нам бы иво [пожаловать], велети с[ына его, Хансюера] царевича, ис тюрем[ы] выпустить. И мы царя Алея Кучюмова⁷ пожаловали ⁸, сына его, Хансюера, ⁹ на Устюге ¹⁰ис тюрьмы¹⁰ выпустить ¹¹и к отцу ево в Ярославль¹¹ отпустить ¹²велели¹³ с приставом, с кем пригоже и отдать // (л. 8) ¹⁴отцу его, царю Алею К[у]чюмову. ¹⁵А царю Алею да брату его, царевичю Алтаная Кучюмовым велети есмь по нем принести запись по царевиче Хансюере поручную запись. А в записи велеть указать царевичю Хансюеру прежна служить и измены никакой не чинить. И как к вам ся наша грамота придет, а сибирского царевича Хансюера с Устюга в Ярославль пришлют, и вы б того царевича Хансюера отдали ¹⁶отцу ево¹⁶, сибирскому

царю Алею да брату его, царевичю Алтанаю Кучумовым. А царю Алею да брату его, царевичю Алтанаю, велели нам [шертг] принести по царевиче Хан[сюере] поручную запись взять. // (л. 9) А в той записи [] что ему [] нам, великому государю служить, воровства и измены никакова не учинить, в Литву и в Крым, и в иные ни в которые государства ни х которым государем не отъехати. А будет он, царевич Хансюер, за их поруюко нам учинит вперед какую измену или воровство вперед учинит, и их головы будут в его головы место. А взяв у царя Алея и у царевича Алтанаю Кучумовых по царевиче Хансюере поручную запись к нам [к] Москве. И велели отдать в Посолском приказе дьяку думному Федо[ру]

РГАДА. ф. 131, оп. 1, 1638 г. д. 4. Л. 6–9. (Отпуск)

Примечания: ¹ в ркп. зачеркнуто: сослан; ² в ркп. над строкой; ³⁻³ в ркп. над строкой; ⁴ в ркп. зачеркнуто: за измену; ⁵ в ркп. зачеркнуто: Камской; ⁶ в ркп. между строк; ⁷ в ркп. над строкой; ⁸ в ркп. зачеркнуто: для его челобитья и прошения велели; ⁹ в ркп. зачеркнуто: ис тюрьмы; ¹⁰⁻¹⁰ в ркп. над строкой; ¹¹⁻¹¹ в ркп. между строк; ¹² в ркп. зачеркнуто: с Устюга в Ярославль; ¹³ в ркп. между строк; ¹⁴ в ркп. зачеркнуто: дать с вашего // (л. 8) ведома; ¹⁵ в ркп. зачеркнуто: А царю Алею да брату его, царевичю Алтанаю Кучо[мовым] велети принести по царевиче Хансюере поручную запись. А в записи велено им [по царевичю] Хансюере ручатца [] царевичю Хансюер[у]]крепка служить и измены никакие не учинить; ¹⁶⁻¹⁶ в ркп. над строкой.

№59

1638 г – Указная память дьяку Пантелею Чирикову о переводе на житье из Устюга Великого в Ярославль сибирского царевича Хансюера б. Али

(л. 10) Лета 7146-го апреля в 21 день по государеву, цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии, указу память дьяку Пантелею Чирикову. Бил челом государю, царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии, сибирской царь Алей Кучумов: по государеву указу послан ¹ сын иво, царевич Хансюер, за вину к Соли Камской, а от Соли Камской переведен на Устюг, и на Устюг[е сидит] в тюрьме. [И государь царя] ² пож[аловал, велел] ³ сына его, царевич Хансюера царев[ича], ⁴ ис тюрьмы выпустить и взять к Москве. // (л. 11) И государь, царь и великий князь Михайло Федорович всеа Русии, сибирского царя Алея Кучумова пожаловал, сына ево, царевича Хансюера велел⁵ ис тюрьмы выпустить. ⁶Велети бы тебе выпустить⁶ ис Устюга в Яросла[вль] к отцу его, ⁷к нему⁷, ⁸ царю Алею ⁹. ¹⁰А отпустиги его Устюга¹⁰ с приставом, с кем пригоже ¹¹. И по государеву, цареву и великого князя Михаила Федоровича [всеа] Русии, указу дьяку Пан[телею Чи]рикову по[ослана грамота государя, царя] и великого княз[я Михаила Федоровича]в[ича] всея Р[усии, указу на] Устюг к воеводе. А велети сибирского // (л. 12) царевича Хансюера ис тюрьмы выпустить и, дав ему от Устюга до Ярославля корм и подводы, как ему мочно подонята, отпустить с Устюга в Ярославль ¹²с провожатым, с кем¹² пригоже ¹³. А приехав в Ярославль велети его отдати с воевод[ы] ведома отцу его, сибирскому царю Алтанаю Кучумову []

РГАДА. ф. 131, оп. 1, 1638 г. д. 4, л. 10–12. (Отпуск)

Примечания: ¹ в ркп. Зачеркнуто: де; ² в ркп. зачеркнуто: Алея; ³ в ркп. зачеркнуто: того; ⁴ в ркп. зачеркнуто: на Устюге Великом; ⁵ в ркп. над строкой; ⁶⁻⁶ в ркп. над строкой; ⁷⁻⁷ в ркп. над строкой; ⁸ в ркп. зачеркнуто: к нему; ⁹ в ркп. зачеркнуто: Кучумову; ¹⁰⁻¹⁰ в ркп. над строкой; ¹¹ в ркп. зачеркнуто: отпустить веле[л]; ¹²⁻¹² в ркп. над зачеркнутым: А в приставех велели с ним послати кого; ⁶ в ркп. зачеркнуто: в провожатых.

№60

1640 г. – Доездная память уфимцев сына боярского Федора Тарбеева, толмача Василия Киржацкого и конного стрельца Григория Погорельского, посланных в посольство к сибирскому царевичю Девлет-Гирею для приведения его к шерти

(л. 3) Лета 7147-го июля в 20 день по государеву, цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии, указу и по грамоте ис Посольского приказу за приписью дьяка Григория Львова посылан уфинец Федор Тарбеев да толмач Васка Киржатцкой, да с ними ж посылан для

письма вместо подьячево конной стрелец Гришка Погорельской в колмыцкие улусы к Девлет-Гирею царевичю и к Облаевой жене, княине Чегандаре [] прошлово 147-го году июля в 14 день [] вы на Уфу Девлет-Гирея царевича да Облаевы жены, княини Чегандары, послы Купланды да Ишей, с ними, Федором Тарбе[ев]ым да с толмачем Васьюю Киржацким. По государеве грамоте велено Девлет-Гирея царевича да Облаевой жены, княини Чагандары, [по]слы, Купланду да Ишея, отпустить с Уфы к Девлет-Гирею царевичю и к Облаевой жене, [к]няине Чегандаре, с ними же, Федором Тарбеевым и с толмачем Васьюю Киржацким. Да с ними ж послана была государева, царева и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии, грамота, писана татарским письмом, за ево, государево, печатью да запись за дьячьено приписую, по чему привести к шерти Девлет-Гирея царевича, да пятно Обля царевича, а по их тамга, да Тявки царевича коса волосов, у послов их, у Купланды да у Ишея. И Федору Тарбееву, и толмачю Васьюе Киржацкому, приехав к Девлет-Гирею царевичю и к Облаевой жене, кяине Чегандаре, и Девлт-Ги// (л. 4)рею велено подать государеву, царево и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии, грамоту и сказати Девлет-Гирею царевичю и Облаевой жене, княине Чегандаре, государево, царево и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии, [жалов]альное слово и тамгу Абля царевич[а и] косу волосов Тявки царевича велено отдати Девлет-Гирею царевичю и Облаевой жене, [кн]яине Чегандаре, и говорити Девлет-Гирею [царе]вичю: Присылали вы, Девлет-Гирей царедич [да кн]яиня Чегандары, послов своих, Купланду [д]а Ишея, бити челом государю, царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии, чтоб ему, Девлет-Гирею царевичю, быти под государевою высокою рукою в хололстве по прежнему, как были отцы их и деды под государевою высокою рукою, и братьев бы Девлет-Гирея царевича, Абля и Тявку царевичев, показати послом ево, Копланде и Ишею. А как де послы их, Купланды и Ишей, к нему, Девлет-Гирею царевичю, и к Облаевой жене, княине Чегандаре, приедут и скажут, что братья ево, Обля и Тявка царевичи, здорово, и он де, Девлет-Гирей царевич тотчес будет под государевою высокою рукою, а Облаева жена, княиня Чегандары и з детьми тотчес будет к мужу своему, к Обляю царевичю. И августа в 14 день // (л. 5) Федор Тарбеев и толмач Васка, и стрелец Гришка Погорельской приехали в колмыцкие к Девлет-Гирею царевичю, [да к Абля] евой жене, к Чагандаре, [и в т]у пору Девлет-Гирея царевича в улусе дома небыло, ездил на зверовье со всеми своими улусными людьми. И августа ж в 19 день приехали к Девлет-Гирею царевичю в улус колмыцкие люди Буян тайши со многими колмыцкими людьми. А были колмыцкие люди Бурлюка тайши и Дайчина тайши, и Елдения тайши с триста человек. И нас у Девлет-Гирея царевича в ызде осадили. И мы сидели в осаде полтора дни. И те колмыцкие люди, Буян тайша с колмыцкими // (л. 6) людьми, взяли нас сильно и водили нас по степи три недели. И вода нас по степи хотели побить. И ездил с нами Девлет-Гирея царевича жена, княиня Кирелти. И она нас у тех колмыцких людей от смерти упросила. И они нас отпустили назад, к Девлет-Гирею царевичю, а животишка наши пограбили. И во 148-м году сентебря в 8 день приехали мы к Девлет-Гирею царевичю в улус и к Облаевой жене, к Чегандаре, а Девлет-Гирей царевич з зверовья приехал. Он, Федор Тарбеев, и толмач Васка Киржатцкой и стре[лец Гришка] Погорельской Девлет-Гирею цареви[чу царя] и великого князя Михаила Федо[ровича в]сеа Русии грамоту за ево, государевою, [печатью] да пятно Абля царевича, а по их тамга, и косу волосов Тявки царевича, что бы[л]а у послов их, у Купланды да у Ишея, [Д]евлет-Гирею царевичю подали. И Девлет-Гирей царевич у меня, Федора, государеву, царево и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии, грамоту за ево, государевою, печатью да пятно Абля царевича, а по их тамга, [да] косу волосов Тявки царевича принял. //

(л. 7) И сказал Девлет-Гирей цревич, что де у меня государевы грамоты прочесть некому ныне, абызов нет. И я де тое государеву грамоту повезу прочитат к большим тайшам, к Урлюку и сыну ево Дайчину.

И по государеву указу и по грамоте Федор Тарбеев и толмач Васья Киржатцкой Девлет-Гирею царевичю по государеву указу и по наказу говорили: Присылали вы, Девлет-Гирей царевич и княиня Чагандары, послов своих, Купланду да Ишея, бити челом государю, царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии, чтоб государь пожаловал тебя, Девлет-Гирея царевича, братью твою, Абля и Тявку царевичев, послам твоим, Купланде да Ишею показати велел. И государь царю и великий князь Михайло Федорович [всеа Русии] я Девлет-Гирея царевича [да княиню Чаган]дару пожаловал, послам [т]воим, Купланде да Ишею, Аблу и Тявку [ца]ревичев показати велел. И ты б, Девлет-Ги[р]ей царевич, с братьею своею и с племянники [с]воими, и со всеми своими улусными [л]юдьюми передомною, Федором, и перед толмачем

Ваською Киржатцким государю, царю и великому князю Михайлу Федоровичу всеа Русии [н]а Куране шерть дал по записи, какова [м]не, Федору, дана с Москвы запись за дьячь[ею] приписью. А шертьовав, шол бы ты, Девлет-Гирей царевич, с своими братьями и с племянники, и со всеми своими улусными людьми к Уфинскому городу безовсякого опасенья, и был под государевую высокою рукою в прямом холопстве навеки, как были отцы ваши // (л. 8) и деды под государевую высокою рукою. А государь, царь и великий князь Михайло Федорович всеа Русии, тебя, Девлет-Гирея царевича, пожалует своим государьским жалованьем, велит тебе быти под своею, государьскою, высокою рукою в милостивом призренне и в оборони. А сноху б свою, Облаеву жену, княиню Чагандару, и з детьми ты б, Девлет-Гирей царевич, отпустил к мужу ее, к Облаю царевичю, со мною, Федором и с т[о]л[маче]м [с В]аською Киржатцким. А ты б, [княиня Чагандара ц]аревич и з детьми своими [ехала к мужу с]воему к Облаю царевичю бе[з]овсякого опасенья. А государь, царь и великий [князь] Михайло Федорович всеа Русии, тебя [кня]иню Чагандару, пожалует своим государь[ским] жалованьем, велит быти тебе с мужем [свои]м вместе в своем, государьском, милостивом [п]ризренне.

И Девлет-Гирей царевич против [госу]дарева царьского имени не встал. И государеву [гр]амоту принял. И говорил сидя. И на Ку[ра]не по записи, какова запись дана ис По[сольско]во приказу за дьячьёю приписью шерти не дал. А сказал Девлет-Гирей царевич мне, Федору Тарбееву и толмачю Ваське Киржатцкому: У государя де я в прямом холопстве быть не хочу. А хочу де быть з государем в миру и послами ссылатца. И пошлю де на весну послов своих к Москве бити челом государю, чтоб государь пожаловал меня, отдал бы мне Тявку царевича. И будет де государь меня пожалует, отдаст мне Тявку царевича, и я де выпущу ко государю Облаеву жену, княиню Чагандару, // (л. 9) з детьми с ее, с тремя царевичи, с Кучюком, да с Куенсюерем, да с Чючелем, с Облаевыми детьми. Да пошлю де на весну послов к государю. И многие тайши, Урлюк тайша и Дайчин [тайша, и] многие тайчи били челом государю, [и государь бы пожал]овал, отдал бы мне Тявку [царевича]вет де государь не пожалует, не [отд] аст мне Тявку царевича, и я де отпущу [к] государю Облаеву жену, гняиню Чагандару []нов. А детей ее, трех царевичев, не отпущу. А сам де я зберуся с колматцкими тайшами [з] Урлюком тайшею и з Дайшином тайшею, и [с] ынными со многими колматцкими людьми, а пойду де войною на государевы на сибирские города и на Уфинской город, и на Уфинской [у]езд, на башкирские волости. И стану де ст[]ов Уфимским городом три года. И государь де мне Тявку царевича отдаст и от неволит.

Да Девлет-Гирей царевич против посольства сказал: Как де быти мне под государевую высокою рукою в холопстве? Я де от государя даров и платья ничево не видал. Коли де в прежних годех царь призывал под свою высокою руку отцов наших и дедов, и в те поры государь тогда присылал отцом нашим и дедом дары великие, и запасы, и платья зимнее и летнее. А что де у меня есть еще речи, и я де на весну пошлю ко государю послов своих, и речи де будут с ними, с послами.

А противу посольства Федору Тарбееву и толмачю Ваське Киржатцкому сказала Облаева // (л. 10) [жена, княиня Чаган]дары: Я дехотела ехать с вами [всесте] к Облаю царевичю, и я де отпраш[ивалась у] деверя своего, у Девлет-Гирея царевича, чтоменя отпустил к мужу моему, к Облаю [царе]вичю. И Девлет-Гирей царевич ныне [сказал], я тебя не отпущу к Облаю царевичю для то[го] де. Пошлю на весну ко государю послов своих присити Тявки царевича. И как де тебе ехать¹ к Облаю царевичю, а Аблай де и сам в тюрьме. [] которые колматцкие улусные люди говорят: [] сибирских городов и Астрахани не бо[]]. А были де мы под Астраханью войною, и ударилсь о город. И нам деи из Астрахан ничево не учинили, с нами не бились. Боимся де мы Уфимского уезду башкирцов. И мы де с теми башкирцами переведаемсы ныне на весну, будем однолично за послами, а для Тявки царевича войною.

Да со мною ж, Федором, да с толмачем Ваською Киржатцким послана Облая царевича коса волосов, против присылки что прислала к нему, облаю царевичю, платья с прежними послами, с Сарою да с Нормаметем. И мне Федору, и толмачю Васькетакова волосов велено б дати Облаевой жене, княине Чагандаре. И я, Федор, и толмач Васка тогож числа как были на послованье у Девлет-Гирея ца[ревича, Абла]я царевича косу волосов жене [его, княине Чаган] даре отдали. И княиня Чего[ндара косу волосов] Облая царевича у нас взяла []рсив того ничего не сказала, и от[вет] не дала.

А которые государевы посланники // (л. 11) [по]сланы с Уфы в 145-м году, толмачь Яков Сок[у]ров да площадной подьячий конской стрелец [Логин]ко Еринов в колмыцкие улусы к

Велдене [т]айше с их колматцким посланником, и тот колматцкой посол сказал: Тех государевых посланников, толма[ча] Якунка Сокурова и стрельца Логина Еринова [до]ехав до калмыгцких улусов на Яике реке []. А другие государевы посланники, которые [посланы] с Уфы во 146-м году, сын боярской Степан Гладков да конной стрелец Васья Мещеряк, в колмыцкие улусы к Девлет-Гирею царевичю и к Аблаевой жене, Чегангаре с волосами, с косою Аблая царевича, и тех посланников, Степанка Гладкова да стрельца Васью Мещеряка, не доехав колматцких улусов, за Ишимом рекою, на речке Борлуке, в ночи побили колматцкие люди Дайшина тайши улуса, а Аблая царевича шурья, Дары Поклуева братья.

А отпустил нас Девлет-Гирей царевич из улусу от себя октября в 2 день. И оставил он, Девлет-Гирей царевич, у себя в улусе наших двух человек, казансково жильца Микифорка Жилку да Курпентабынской волости башкирца Исенейка Коксечева. И мы почели говорить Девлет-Гирею царевичю: Для чего он наших дву человек [И Дев]лет-Гирей царевич сказал нам: Я де [] дву человек, с ними де на весну [пошло послов] своих, а многие де тайши колматцкие с ними ж, государю послов своих тонше.

А доезд писал уфинской площадной [подьяче]й Куприянко Куземин.

Приложил. Приложил.

РГАДА. ф. 119, оп. 1, 1639 г. д. 1, л. 3–11. Подлинник.

Примечания: ¹ в ркп.: хать. На обороте две скрепы: К сему доезду – к сему – доезду – уфинской – уфинца Федора Тарбеева; [] – по семи от – весто сына своего – духовна.

№61

1644 г. мая 26 – Указная грамота ц. Михаила Федоровича (приказа Большого Дворца) в Кирилло-Белозерский монастырь игумену Антонию с братьею об определении под начало сибирского царевича Аблая б. Ишима

От царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси на Белоозеро, в Кирилов монастырь, богомольцом нашим, игумену Антонию да келарю старцу Саватью Юшкову, да старцу Феоктисту Колединскому з братьею. В нынешне¹м во¹ 152-м году мая в 18 день писал к нам з Белоозера стольник наш и воевода князь Офонасей Козловской и прислал под отпискою челобитную сибирского царевича Облы Ишимова. Сидит де он на Белоозере в тюрьме девятой год. И ныне, покиня свою бусурманскую веру, желает быть в православной христианской вере. И нам бы ево пожаловать, велети б ево в православную христианскую веру крестить. И мы, слушев челобитные, указали его взять з Белоозера в Кирилов монастырь. И в Кирилове монастыре держати под началом, и поросмотрети, крепок ли он будет в православной христианской вере. А без нашего указу крестить ево не велели. И как к вам ся наша грамота придет, а сибирского царевича Облу з Белоозера стольник и воевода князь Афонасей Козловской в Кирилов монастырь пришлет, и вы б ево велели взять и отдати под начало к старцу добру и искусну, и велели ево рассматривати, гораздо прямо ли он желает в православную христианскую веру креститься, и крепок ли он будет в христианской вере. Да и сами б его гораздо рассматривали². А рассматря подлинно отписали о том к нам, к Москве. А отписку велели подать в приказе Большого Дворца боярину нашему князю Алексею Михайловичю Львову да дьяком нашим Ивану Федорову да Максиму Чирикову. А без нашего указу крестить ево не велели. ³И велели его беречи накрепко, чтоб он из монастыря не ушел³.

На обороте:

Писано на Москве лета 7152-го мая в 26 день. //

На белоозеро в Кирилов монастырь богомольцом нашим игумену Антонию да келарю старцу Саватью Юшкову, да старцу Феоктисту.

152-го году июня в 5 день привез монастырской служка Петр Судописец. ⁴

РГАДА. ф. 196, оп. 2, д. 25, л. 1.

Примечания: ¹⁻¹ в ркп. по ранее написанному; ² в ркп. над строкой; ³⁻³ в ркп. между строк;

⁴ в ркп. пространный заголовок почерком середины XIX в. с изложением дела. Следы крепления восковой печати.

№62

1644 г. августа 5 – Указная грамота ц. Михаила Федоровича (приказа Большого Дворца) в Кирилло-Белозерский монастырь игумену Антонию с братьею об оставлении сибирского царевича Аблая б. Ишима под началом еще на полгода

(л. 1) От царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии на Белоозеро, в Кирилов монастырь, богомольцом нашим, игумену Антонию да старцу Феоктисту Колединскому, да келарю старцу Саватею Юшкову з братьею. Писали есте к нам, что по нашему указу велено вам в Кирилове монастыре отдать по начало сибирского царевича Аблу и ево розсматривать, крепок ли он будет в православной христианской вере. А без нашего указа крестить ево не велено. И вы сибирского царевича Облу отдали под начало черному попу Еуфимью, и приказали иво розсматривать. И сами над ним досматриваете. И царевич Обла у церкви стоит со страхом, и в келье у старца живет с великим послушанием, и в православной христианской вере быти желает со усердием, и нам бы о том велети, наш указ учинить. И как к вам ся наша грамота придет, и вы б сибирскому царевичу Облу еще велели побыть под началом // (л. 2) до нашего указа, и велели ево розсматривати, и сами надзирали почасту с великим испытанием, прямо ли он желает в православной христианской вере быти, а не от нужи какие, чтоб ево в вере христианской утвердить гораздо, и в предь бы ему в христианской вере быти было навично. Да будет в православную христианскую веру он прямо желает, и вы б спустя с полгода о том отписали к нам к Москве. А отписку велели подать в приказе Большого Дворца боярину нашему князю Алексею Михайловичу Лвову да Максиму Чирикову. И по отписке нашей указ о том будет.

Писан на Москве лета 7152-го августа в 5 день.

На обороте:

На Белоозеро в Кирилов монастырь богомольцом нашим, игумену Антонию да старцу Феоктисту Колединскому, да келарю старцу Саватею Юшкову з братьею.

152-го августа в 19 день привез старец Иона Палицын

Правил Юшка Собакин

РГАДА. ф. 196, оп. 2, д. 26, л. 1-2 об.

Примечания: в ркп. скрепа по ставке: диак Максим Чириков. Следы черновосковской печати. В ркп. пространный заголовок почерком середины XIX в. с изложением дела.

№63

1645 г. февраля 20 – Указная грамота ц. Михаила Федоровича (приказа Большого Дворца) в Кирилло-Белозерский монастырь игумену Антонию с братьею о крещении сибирского царевича Аблая б. Ишима

(л. 1) От царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии в Белоозерской уезд, в Кирилов монастырь, богомольцом нашим, игумену Антонию да старцу Феоктисту Колединскому, да келарю старцу Саватею Юшкову з братьею. В прошлом во 152-м году послана к вам наша грамота по челобитью сибирского царевича Аблы. Велено иво в Кирилове монастыре отдати под начало старцу добру и искусну, и розсматривать его гораздо, прямо ли он желает креститца в православную христианскую веру, и крепок ли будет в православной христианской вере, да и самим вам велено его розсматривати гораздо. А [о том] смотря подлинно отписати к нам, к Москве. И в прошлом же, во 152-м году, писали вы к нам, что царевич Абла в Кирилове монастыре отдан под начало черному попу Еуфимью, и его розсматривали гораздо. И царевич Абла у церкви божини стоит // (л. 2) со страхом, и в келье старца живет с великим послушанием, и желает быти в православной христианской вере со усердием. И по той отписке послана к вам наша грамота, велено сибирскому царевичу Обле в Кирилове монастыре под началом побыть еще, и ево розсматривать, и самим надирать по часту с великим испытанием, прямо ли он желает в православной // (л. 3) христианской вере быти, а не от нужи какие, чтоб иво в вере христианской утвердить гораздо, и впредь бы ему в хрестьянской вере быти навично. Да будет в првославную христианскую веру он прямо желает, и о том велено отписать к нам, к Москве, спустя с полгода. И в нынешнем, во 153-м году, писали вы к нам, что царевич Абла у

церкви божьи стоит со страхом, и в келье у старца живет с великим послушанием, и желает в православной хрестыянской вере быть со усердием. И мы указали сибирского царевича Аблу в православную хрестыянскую веру крестить. И как к вам ся наша грамота придет, и вы б сибирского царевича Аблу в православную хрестыянскую веру крестили, и ево почитали, и велели ево покоить по иво достоинству. А для крещенья наше жалованье прислано к нему будет вскорее. А как иво крестите, и что ему во // (л. 4) крещении будет руское имя, и вы б о том отписали к нам, к Москве. А отписку велели подать в приказе Большого Дворца боярину и дворецкому нашему князю Алексею Михайловичю Лвову да дьяком нашим Ивану Федорову да Максиму Чирикову, чтоб нам про то было ведомо.

Писан на Москве лета 1653-го февраля в 20 день.

На обороте:

В Кирилов монастырь, богомольцом нашим игумену Антонию да старцу Феоктисту Колединскому, да келарю старцу Саватею Юшкову з братьею.

153-го году марта в 1 день привез подьячей Иван Нифантин Большого Дворца.

Правил Юшка Собакин.

РГАДА. ф. 196, оп. 2, д. 27, л. 1–4.

Примечания: в ркп. скрепа по сставке: диак Максим Чириков. Следы черновосковой печати. В ркп. на обороте пространный заголовок почерком середины XIX в. с изложением дела.

№64

1645 г. марта 20 – Указная грамота ц. Михаила Федоровича (приказа Большого Дворца) в Кирилло-Белозерский монастырь игумену Антонию с братьею об изготовлении на монастырские казенные деньги православного платья на крещение сибирского царевича Василия Ишимова (Абляя б. Ишим)

(л. 1) От царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси в Белозерский уезд, в Кирилов монастырь, богомольцом нашим, игумену Антонию да старцу Феоктисту Колединскому, да келарю старцу Саватею Юшкову з братьею. Писали вы к нам, что вы по нашей грамоте сибирского царевича Аблу ко крещению огласили, молитву ему говорили по правилам святых отцов, и имя ему нарекли Василей, и х крещению велели ему поститься третью неделю Великого поста. А как Бог благоволил, и вы иво марта в 9 день, в третью неделю великого поста крестите. И мы, слушав ваши отписки, указали: на монастырские казенные деньги сделать новокрещеному царевичю кафтан камчат, ферези тафтяные, однорядку малинов цвет сукна доброго аглинского з завяски и с плетенком золотным, шапку бархатную черную з душкою, штаны багрецовые, сапоги сафьянные, две рубашки шитые добрые, двои порты, два пояса шолковые. И как к вам ся наша грамота придет, и вы б то платье против сего нашего указу велели зделать // (л. 2) тотчис на монастырские казенные деньги и отдали новокрещеному царевичю Василию. А как царевича Василия в православную хрестыянскую веру крестите, и во што платье станет, и вы б о том отписали к нам, к Москве имянно. А отписку велели подать в приказе Большого Дворца боярину нашему и дворецкому князю Алексею Михайловичю Лвову да дьяком нашим Ивану Федорову да Максиму Чиркову. И царевичю наше жалованье будет на Москве, как увидит наши царские очи. А покаместа он в Кирилове монастыре побудет. И вы б ево покоили не скудною пищею и почитали по ево достоинству с великою честью.

Писан на Москве лета 7153-го марта в 20 день.

На обороте:

В Кирилов монастырь богомольцом нашим, игумену Антонию да старцу Феоктисту Колединскому, да келарю старцу Саватею Юшкову з братьею.

153-го году апреля в 20 день монастырской служка Степан Козин.

Правил Юшка Собакин.

РГАДА. ф. 196, оп. 2, д. 28, л. 1-2.

Примечания: скрепа по сставке: диак Иван Федоров. Следы черновосковой печати. В ркп. на обороте пространный заголовок почерком середины XIX в. с изложением дела.

№65

1647 г. ноября 26 – Указная грамота ц. Алексея Михайловича (приказа Большого Дворца) в Кирилло-Белозерский монастырь игумену Антонию с братьею о выдаче сибирскому царевичу князю Василию Ишимову 30 рублей на платье

(л. 1) От царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси на Белоозеро, в Кирилов монастырь, богомольдом нашим, игумену Антонию да старцу Феокисту Колединскому, да келарю старцу Саватею Юшкову з братьею. Бил нам челом сибирской царевич князь Василий Ишимов. В прошлом во 153-м году по нашему указу крещен он в православную христьянскую веру. И за крещенье дано ему тридцать рублей денег да на платье дано ему ж, на смиренное, тридцать рублей. А больши де того ему нашего жалованья не даывано. И нам бы иво пожаловать, велеть ему дать на платье ж. И как к вам ся наша грамота придет, и вы б сибирскому царевичу князю Василию Ишимову на платье дали ему из монастырские казны казенных денег тридцать рублей. А те денги по нашему указу, что велено вам дать сибирскому царевичю, даны на Москве // (л. 2) из нашии казны ис приказа Большого Дворца, вашего Кириллова монастыря строителю старцу Офонасью. А как те денги сибирскому царевичу дадите, и вы б для ведома отписали к нам, к Москве. А отписку велели подать в приказе Большого Дворца боярину и дворецкому нашему князю Алексею Михайловичю Лвову да дьяком нашим Ивану Федорову да Давыду Дерябину, да Смирному Богданову.

Писано на Москве лета 7156-го ноября в 26 день.

На обороте:

На Белоозеро в Кириллов монастырь богомольцом нашим, игумену Антонию да старцу Феокисту Колединскому, да келарю старцу Саватею Юшкову з братьею.

156-го году декабря в 12 день подал старец Конапатко.

РГАДА. ф. 196, оп. 2, д. 31.

Примечания: скрепа по ставке: диак Иван Федоров. Следы черновосковской печати. В ркп. на обороте пространный заголовок почерком середины XIX в. с изложением дела.

№66

1647 г. февраля 28 – Указная грамота ц. Алексея Михайловича (приказа Большого Дворца) в Кирилло-Белозерский монастырь игумену Антонию с братьею о посылке сибирского царевича князя Василия Ишимова к Москве и даче для этого ему монастырских лошадей и служек

(л. 1) От царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси на Белоозеро, в Кирилов монастырь, богомольцом нашим, игумену Антонию да старцу Феокисту Колединскому, да келарю старцу Саватею Юшкову з братьею. По нашему указу прислан в Кирилов монастырь и крещен в православную христьянскую веру сибирской царевич князь Василей Ишимов. И велено ему в Кирилове монастыре быть у вас до нашего указа. И мы царевича князя Василья пожаловали, велели ему быти к нам и видети наши очи на Москве. А лошади под него и под запасы дать монастырские, и проводить от монастыря до Москвы монастырским служкам. А запасу отпустить с ним, чем до Москвы мочно доехать. И как к вам ся наша грамота придет, и выб царевича князя Василья из Кирилова монастыря отпустили к нам, к Москве. А лошади под него и под запасы велели дать монастырские, и проводить ево от монастыря до Москвы велели монастырским служкам, коlichem человеком будет пригож, чтоб ему до Москвы доехать // (л. 2) не позорно и от воров безстрашно. А которого числа ис Кирилова монастыря царевича князя Василья к нам, к Москве, отпустите, и о всем отписали б есте к нам подлинно. А отписку служкам велели подать и про приезд ево объевить в приказе Большого Дворца боярину и Дворецкому нашему князю Алексею Михайловичю Лвову да дьяком нашим Ивану Федорову да Давыду Дерябину, да Смирному Богданову.

Писан на Москве лета 7156-го февраля в 1 день.

На обороте:

На Белоозеро в Кирилов монастырь богомольцом нашим игумену Антонию да старцу Феокисту Колединскому, да келарю старцу Саватею Юшкову з братьею.

156-го февраля в 28 день привез Вольнец Скобеев.

Справил Шумилко Некрасов.

РГАДА. ф. 196, оп. 2, д. 32, л. 1-2.

Примечания: ¹ в ркп. пропуск. Скрепа по ставке: диак Иван Федоров. Черновосковская печать. В ркп. на обороте пространный заголовок почерком середины XIX в. с изложением дела.

№ 67

1653 г. – Приезд касимовского царевича Сеит-Бурхана б. Арслана Москву для приведения его к шерти на верность московскому царю Алексею Михайловичу

(л. 15) 161-го году августа в 2 день указал государь, царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Руси, быть у себя, государя, на дворе на приезде и видети свои, государские очи, касимовскому царевичю Сеит-Бурхану Араслановичю. И по тому государеву указу послан по него, и в город с ним ехал, пристав его, Лука Зиновьев, по левую руку. А перед ними ехали конюхи на государевых лошадах, 10 человек. А лошадь под царевича посылана з государевы конюшни, а сказано от думного диака от Лариона Лопухина.

А как царевич был в городе, и в то время, по государеву указу, в Кремле, были стрельцы, пять приказов, в чистом платье.

А приехав, царевич, в город дожидался государева выходу // (л. 16) на Казенном дворе, в Печатном приказе, в Малой полате, где сидит печатник. Наряжена была коврами с Казенного двора.

А как касимовской царевич приехал в город и вошел в Печатную полату, и по государеву указу позвали его вверх, в Ответную полату, к шерти, шол с Казенного двора рундуком¹, мимо Благовещенья на среднюю лесницу, да около Золотой полаты, в Ответную полату. И в Ответной полате шертовал после сибирского Алтаная царевича при боярех,² при князе Григорье Семеновиче Куракине да при окольникем при князе Дмитрее Петровиче Львове, да при думном дьяке при Ларионе Лопухине, стоя, а не на коленках. И ожидал государева выходу в ответной же полате. А как царевич шертовал, и в то время у думного диака по записи речь переводил переводчик Михайло Кашаев, а Куран держал переводчик Билял // (л. 17) Байцын. А после царевича людей его, шти³ человек, которым за ним быть при государе, приводил к шерти в Посольском приказе диак Андрей Немиров, по той же записи. Переводчик был Билял же Байцын.

⁴А шертовали ⁵: приказной сеит Ахмамет Белек сеитов сын Шакулов,⁴//

(л. 17 об.) да сын его сеит Тениш,

да люди царевичевы ж:

Алмакай мурза князь Алышев

Досай сеит Кутум сеит сын Шакулов

Тюгей Ишеев сын Кангулов

Каргай Данилов

А государь, царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Руси, в то время был в Золотой в Средней полате. Сидел в меньшем месте. А платно было на государе бархатное золотное петьчатое, да шапка горлотная. А бояре и окольные, и думные люди были в чистом платье. //

(л. 17) А как позвали ко государю царевичей, и сперва был у государя сибирской Алтанай царевич з детьми, а после их был у государя касимовской Сеит-Бурхан царевич особною статьею. А чин был по сему дню:

Как сибирской царевич пошел из Золотой полаты, и в то время позвали ко государю касимовского царевича из Ответные полаты. И царевич шол ко государю из Ответные полаты мимо Золотой полаты крыльцом, что Благовещенье, да в проходные сени и в Золотую полату. А с ними шел по левую руку пристав Лука Зиновьев. // (. 18) А как царевич вошел ко государю в полату, и явил его государю, челом ударити, думной диак Ларион Лопухин. А молыл:

Великий государь, царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Русии самодержец и многих государств государь и обладатель, касимовского царя Араслана сын царевич Сеит-Бурхан Вам, великому государю, челом ударил.

А царевич в то время стоял на коленках. И государь пожаловал царевича, велел ево позвать к руке, и велел, государь, спросить царевича о здоровье думному диаку Лариону Лопухину. И царевич на государеве жалованья бил челом и поздравил.

А молил: // (л.19) Божею милостью великой государь, царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Русии самодержец и многих государств государь и обладатель, дай Господь Вам, великому государю, Вашему царскому величеству, на своих великих и преславных государствах Российского царства многолетнее здравие, счастливое пребывание и государствам Вашим прибавление, и на недругов Ваших одоление. //

(л. 20) А после того явил государю от царевича дары думной же диак Ларион Лопухин.

А молил: великой государь, царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Русии самодержец и многих государств государь и обладатель, царевич Сеит-Бурхан Вам, Великому государю, челом бьет:

2 кубка серебряны золочены с кровлею

суляя турецкая, шита золотом волооченным, ⁶в гнездах вставляны яшмы, а в них врезываны каменя⁶

бархат золотной турецкой

отлас золотной, турецкой

2 сорока соболей, ⁷один в 90 рублей, другой в 70 руб⁷

конь сер, ⁸8 лет⁸

иноходец бур, ⁹7 лет⁹.

И государь пожаловал, велел дары принять казенным диаком, а лошади отослати на коюшно. А царевича пожаловал, государь, велел ему сесть против окна // (л. 21) середнего на подушке бархатной золотной, и колодка была поставлена. А посидев немного, велел государь мольти царевичю речь и сказати свое, государеву, жалованье думному диаку Лариону Лопухину.

И Ларион молил: Царевич Сеит-Бурхан, великой государь, царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Русии самодержец и многих государств государь и обладатель, велел тебе говорить: Пожаловали мы, великий государь, велели тебе быти к нам, великому государю, к Москве и видети наши, царского величества, очи. И тебе б, видя к себе нашу, царьского величества, милость и жалованье, великому государю служить и прямити, и добра хотети, и во всем нашего царьского величества повеленье исполняти по своей шерти, на чом нам, великому // (л. 22) государю, нашему царскому величеству, ты шерть учинил на Куране. А мы, великий государь, учнем тебя держати в нашем, царского величества, милосивом жаловании.

А после того явил государеву жалованье.

А молил: Царевич Сеит-Бурхан, великой государь, царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Русии самодержец и многих государств государь и обладатель, жалует тебя своим царским жалованьем:

шуба, отлас золотной на соболях

шапка лисья

А после того думной диак Ларион Лопухин сказал царевичю государеву жалованье, стол.

А молил: Царевич Сеит-Бурхан, великой государь, царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Русии самодержец и многих государств государь и обладатель, жалует тебя своим государским жалованьем // (л. 23) от своего царьского стола еству и питье. И отпустил его на подворье. //

(л. 28.) К шерти приведены в приказе августа в 17 день, оприч Досая, 23 мая ¹⁰, потому, что того к шерти привели наперед сего, как шертовали царевичи:

Досай сеит да Шемай сеит Кутушай сеитовы дети Шекуловы

Досмомет сеит Ишмометив сын Шакулов

Чюрай мурза Тенебеков

Нагай имелдеш Исинеев

Арослан мурза Ишкеев

Кодралей мурза Баубеков

Еней мурза Тенебеков

Кермай имеддеш Данилов
 Тюгтей Ишеив
 Кутлусеят Кутушев
 Токай Бичюрин
 Ишумомет Енмометев
 Сюней Тохтаров
 Булат мурза Шен
 Шемей Сафаров
 Исай Теребердеев
 Кидаш Иштеев
 Сюнчелей Тохтаров
 Тюгеш Сюнчелеев
 Енолей Елгутин
 Сюняй Баронаев
 Утей Сюнчелеев
 Маммет Именяев
 Джанюк Тохтаров
 Сырмомет Кермаев
 Алмакай Томлаков
 Бакбура Ангилдеев
 Ирмаммет Байбохтин
 Асай Урозаев
 Емакай Богданов
 Урокай Тиняив
 Ишерек Танин //
 (л. 29.) Бектимир Елгутин
 Сафар Тлешев
 Ирзеп Мусин
 Ишпулат Ишмаев
 Урозай Исинеев
 Ишей Пиляев
 Раман Ишеев
 Чюрай Кутлусеятов
 Федяй Девлеткилдеев
 Байтерек Танин
 Бекбулат Мамелеев
 Сафар Тенишев Сафар Ахметев
 Котлобукай Бигозин
 Барекай Сафаров
 Бакней Утикеев
 Сапай Кутлосеятов
 Сапай Пиляв
 Коней Тоташев
 Тенгилдей Лакашев
 Кулуш Тумосов //
 (л. 30.) Касимовского царевича ¹¹ конюхи приведены ¹²к шерти¹² в приказе августа в 18

день:

Янмаммет Емикеев
 Ишбердя Баронаев
 Курманалей Токсанов
 Нуркай Тохтаров
 Нагай Ишеив
 Анисим Гарасимов
 Бекай Зеликеев
 Кутуш Актулушев
 Латай Байрешев

Алык Сафаров
 Досай Урозаев
 Урозай Янмамметов
 Токбулат Тохтамьшев
 Бавкей Иванаев
 Урозай Петров
 Микифор Исаев
 Барамолей Бектемиров
 Уразгилдей Сунтаев
 Ищерек Леляив
 Сафар Ахметев
 Урозай Степанов

РГАДА. ф. 131, оп. 1, 1653 г. Д. 4, л. 15–18, 20–23, 28–30.

Примечания: ¹ в ркп. над строкой; ² в ркп. над строкой написано и зачеркнуто: не; ³ в ркп. над строкой; ^{4,4} в ркп. вписано между строк; ⁵ в ркп. зачеркнуто: люди их; ⁶⁻⁶ в ркп. приписано по левлму полю; ⁷⁻⁷ в ркп. приписано по левлму полю; ⁸⁻⁸ в ркп. приписано по левлму полю; ⁹⁻⁹ в ркп. приписано по левлму полю; ¹⁰ в ркп. слово не читается; ¹¹ в ркп. зачеркнуто: люди; ¹²⁻¹² в ркп. над зачеркнутым: изена.

№ 68

1661 г. сентября 6 – Запись касимовского царевича Василия Араслановича, данная игуменье Московского Новодевичьего монастыря Миланье на владение мельничным берегом на речке Сетунь

Се аз царевич Василий Арасланович касимовской дал еси на себя запись Новодевича монастыря игуменьи Меланьи да намеснице старице Анастасии с сестрами, что в прошлых годех была их, монастырская, мельница в Московском уезде на реке на Сетуне под селом Волынским берег Пречистые Богородицы Новодевича монастыря, а другой мой, царевича Василия Араслановича. И за тот мой берег давали из монастырской казны мне от мельнишного берека оброку по два рубли на год. И с прошлаго, со ста шездесят второго году, с морового поветрия, та их монастырская мельница запустела. И ныне я, царевич Василий Арасланович, поговора полюбовно и сыскався Новодевичева монастыря с игуменьею Меланьей да с намесницею старицею Анастасиею с сестрами, в том мельнишном берегу, которой на моей стороне, что тот мельнишной берег старинной дому Пречистые Богородицы Новодевича монастырю по старым межам и граням. А будет того мельнишного берегу старые грани отнили и ямы с признаками звыспались, мне, царевичю Василию Араслановичю, от своей вотчинной земли тот их старинной монастырской мельнишной берег по старым межам и граням, покамест мельнишной пруд быть и где исталотину зекляимать отмежевати, столбы з граньми поставить и ямы с признаками поставить. А будет я, царевич Василий Арасланович, того их старинного монастырского берега по старым межам не отмежую, или отмежевав в преть или жена моя, или дети, или род мой, или племя, или стороны хто о том их старинном монастырском берегу во владенье на них, игуменью Меланью и на наместницу старицу Анастасию с сестрами, или впредь по них инзе игуменьи с сестры будут, учинит великому государю, и государь от бояром и окольничим, и приказным людем бить челом, и им, игуменье Меланьи и намеснице старице Анастасии с сестрами, впредь которые иные игуменьи с сестры будут, взять на мне, царевиче Василии Араслановиче, и на жене моей, и на детех, и на воушщиках, хто станет в тот их старинной монастырской мельнишной берег, которой на моей стороне, вступатца и бить челом, по сей записи тысячу рублей денег. А на то послуси: Федос Губарев, Полуехт Муромцов, Зот Секачев, Макар Григорьев. А запись писал Ивановские площади подьячей Федько Зыкин лета 7 сто семдесят третьего сентебря в 6 день.

На обороте:

1

Послух Федоско руку приложил.
 Послух Полунка и руку приложил.

Послух Зотка руку приложил
РГАДА. ф. 281, оп. 13, 1661 г. № 7286. Л. 1–1 об.

Примечания: ¹ рукоприкладство на татарском языке. К документу приклеен лист бумаги XVIII в. с пометами того же времени: Москва №326. Москва №327. 7170. № 121.

№69

1685 г. апреля 6 – 1689 г. февраля 4 – Выпись из дел Посольского приказа, чем владели касимовский царь Арслан б. Али и его сын касимовский царевич Сеит-Бурхан (Василий Арасланович).

(л. 9) В государственном Посолском приказе выписано:

Во 122-м году блаженные памяти великий государь, царь и великий князь Михайло Федорович всеа Руси самодержец пожаловал сибирского царевича Араслана, велел ево учинить на Касимове царем и владеть городом Касимовым посадом со всеми доходы и таможенною пошлиною и кабаками, и мельницами, и рыбными ловли, и санными покосы, и перевозами. И жалованная грамота ему, царю, дана.

А как во 134-м году касимовского царя Араслана не стало, и после ево смерти касимовской посад с таможеню и кабаком и со всеми доходы отписали на великого государя.

И всяких доходов с касимовского посаду и кабацких и таможенных пошлин збиралось по 1927 рублей по 4 алтына по пол 3 деньги на год на великого государя по 144-й // (л. 10) год. А те денги иманы в Посолской приказ.

А во 144-м году по докладной выписке, а по челобитью касимовского царя Араслана сына ево, царевича Сеит-Бурхана, касимовские денежные оброчные¹ доходы и таможенные, и кабацкие ж доходы, и посад отданы ему, царевичю, попрежнему, как владел отец ево, со всеми доходы. И жалованная грамота ему дана. И владел он, царевич, теми всеми доходы по 162-й год.

А во 162-м году у касимовского царевича Василья Араслановича касимовской и елатомской, и тех городов уездов кружечные двory взяты на великого государя. И с тех кружечных дворов питейную прибыль имали в Посолской приказ по 178-й год.

А в 178-м году те кружечные касомовской и елатомской и уездные двory отосланы ис Посольского приказу в Казанской приказ. // (л. 11) А касимовской царевич Василей Арасланович со 162-го году по 187-й год, также и после ево смерти жена ево и дети, владели городом Касимовым и Касимовским уездом и доходы таможенными пошлинами и мельницами, и рыбными ловли, и всякими оброчными доходы по 189-й год, кроме кружечных зборов, которые взяты у царевича во 162-м году и ведомы были в Посолском приказе по 178-й год.

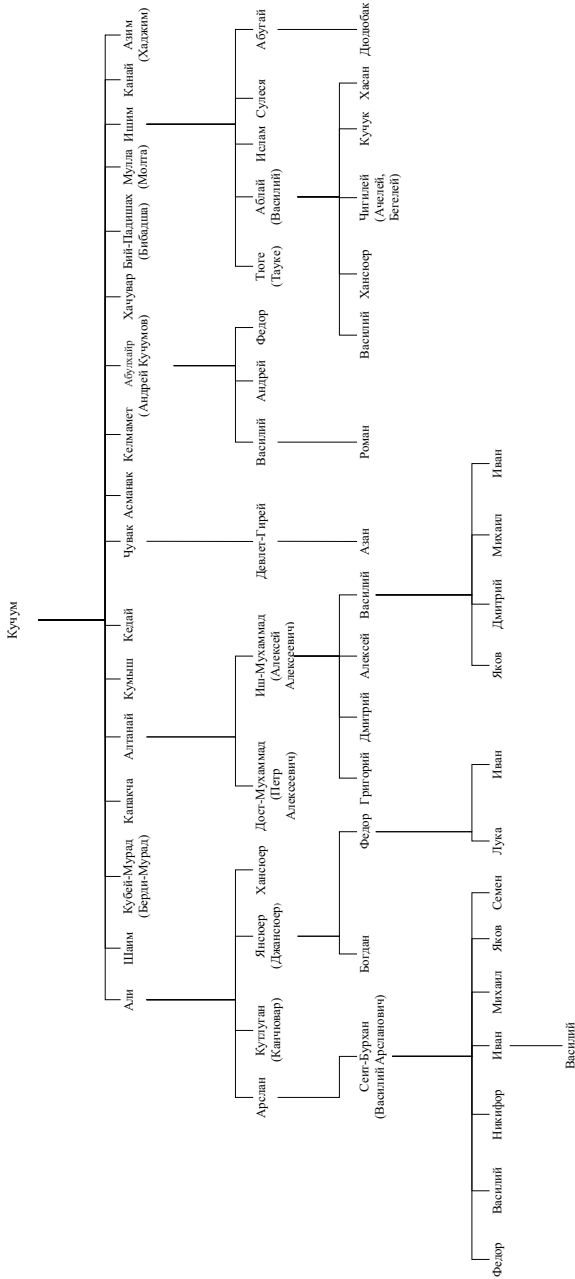
А в прошлом во 189-м году июня в 29 день блаженные памяти великий государь, царь и великий князь Федор Алексеевич всеа Великия и Малыя и Белья России самодержец, слушав докладной выписи, какова дана по челобитью касимовского царевича Василия Араслановича жены и детей ево, царевичей Ивана да Семена, указал и бояре приговорили касимов// (л. 12) ской посад и таможеню с перевозы и со всякими угоды, что к посаду изстари належит, взять на себя, великого государя, и ведать в приказе Большова дворца.

А царевичам Ивану и Семену Васильевичам владеть вотчинами и селы, и деревни в Касимовском и в Елатомском уезде, чем владел дед и отец их. ²Выписку и указ закрепил думной дяк Ларион Иванович Иванов².

И по тому великого государя указу из Посолского приказу в приказ Большого дворца память³ послали в прошлом во 189-м году июня в 30 день. Велено касимовской посад и таможеню с перевозы и со всякими угоды, чем владел касимовской царевич, ведать и всякие доходы збирать в приказе Большого Дворца.

РГАДА. ф. 159, оп. 2, № 2993, л. 9–12.

Примечания: ¹ в ркп. над строкой; ² в ркп. вписано позже; ³ в ркп. над строкой.

Генеология Кучумовичей (до начала XVIII в.)
(указаны только потомки мужского пола)

ИЛЛЮСТРАЦИИ

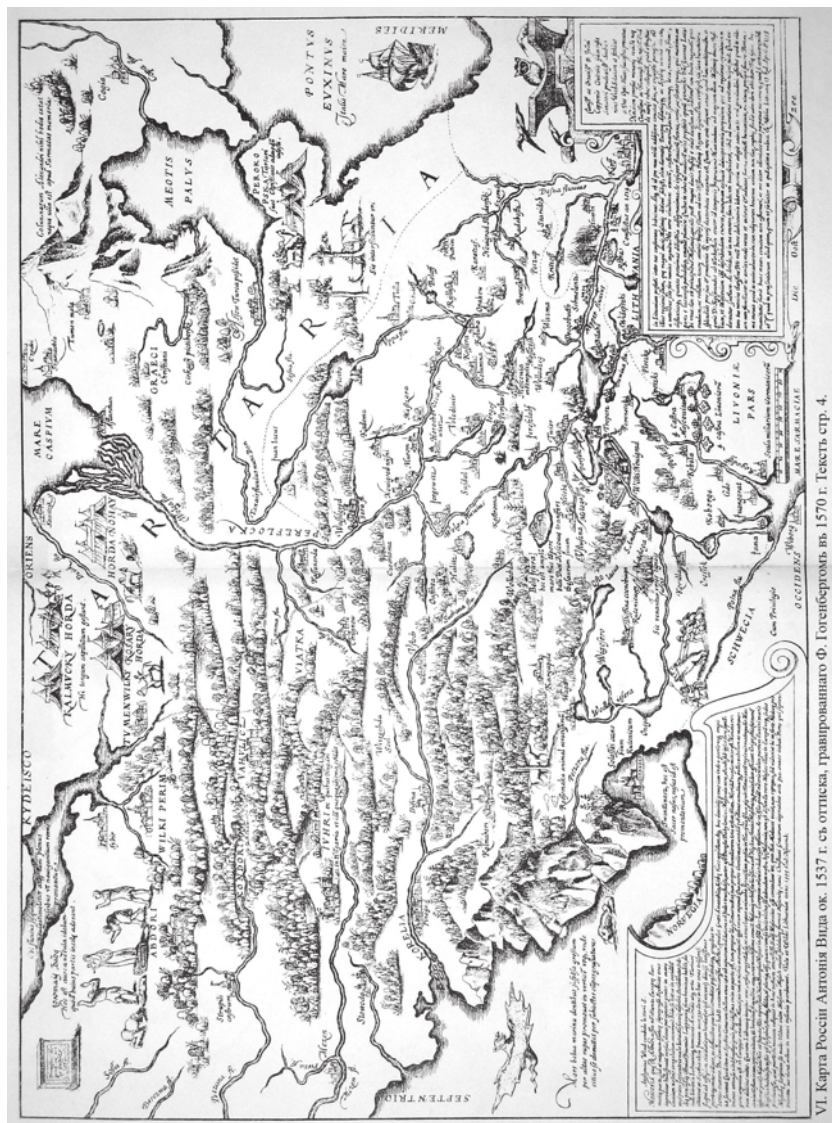

Рис. 1. Карта Ангония Вида 1537 г.

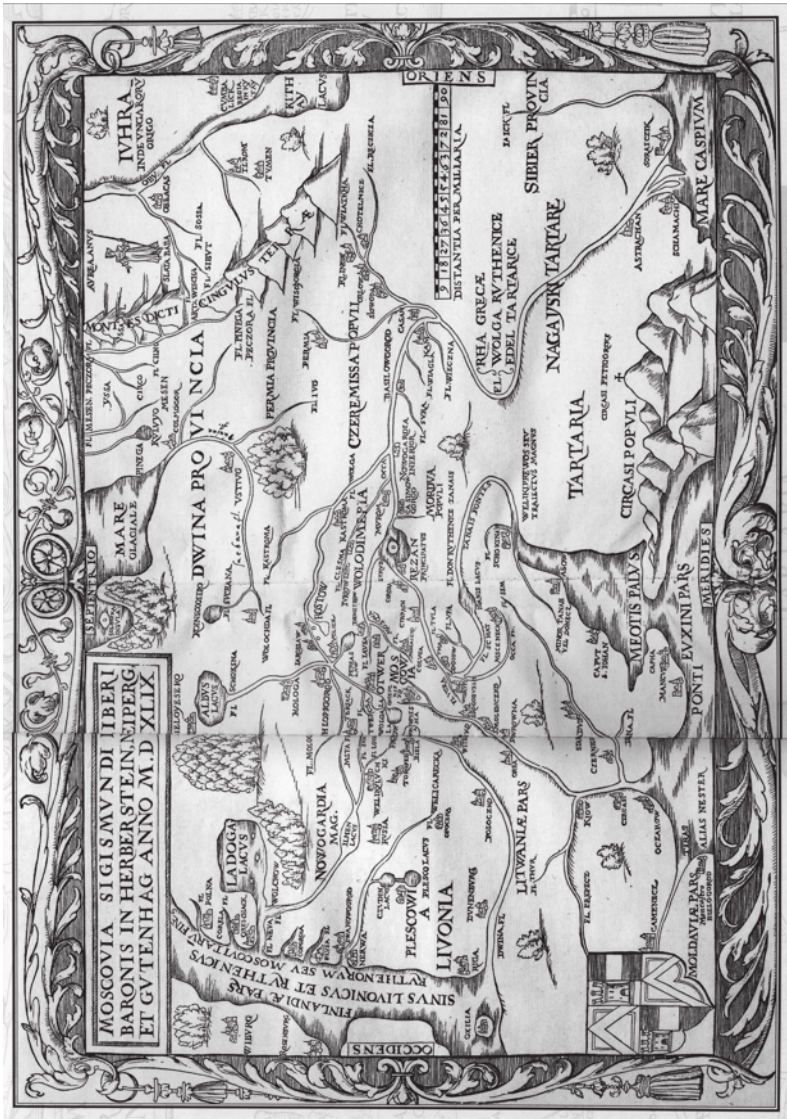

Рис. 2. Карта С. Герберштейна 1549 г.

Рис. 3. Карта Джакомо Гастальди 1548 г.

Рис. 4. Карта Антония Дженкинсона 1662 г.

Рис. 5. Карта Абрахама Ортелиуса 1570 г.

XXIV. Карта России Г. Меркатора 1594 г. Текст стр. 11.

Рис. 6. Карта России Г. Меркатора 1594 г.

Рис. 7. Карта Сибири (Тартарии) Йодокуса Хондиуса 1606 г.

Рис. 8. Владимир Иванович Огородников
(1889–1938 гг.)

Рис. 9. Сергей Владимирович Бахрушин
(1882–1950 гг.)

Рис. 10. Василий Владимирович Бартольд
(1869–1930 гг.)

Рис. 11. Зоя Яковлевна Бояршинова
(1909–1986 гг.)

Рис. 12. Андрей Иванович Плигузов
(1956–2011 гг.)

Рис. 13. Руслан Григорьевич Скрынников
(1931–2009 гг.)

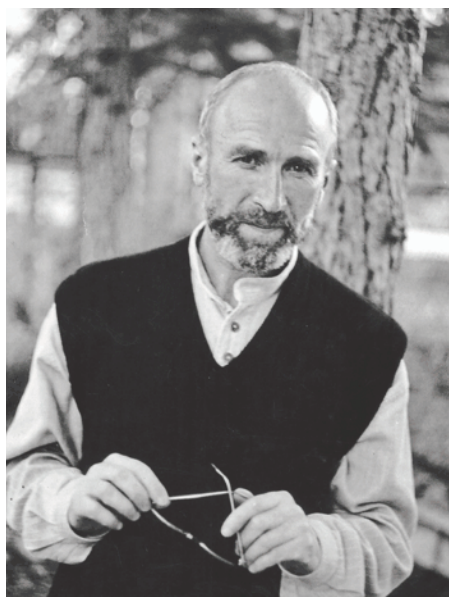

Рис. 14. Владимир Петрович Костюков (1949–2009 гг.)
(автор фото Н.Б.Виноградов)

Рис. 15. Анатолий Тимофеевич Шашков
(1953–2007 гг.)

Рис. 16. Г.Ф. Миллер (1705–1783 гг.)

Рис. 17. Г.И. Спасский (1783–1864 гг.)

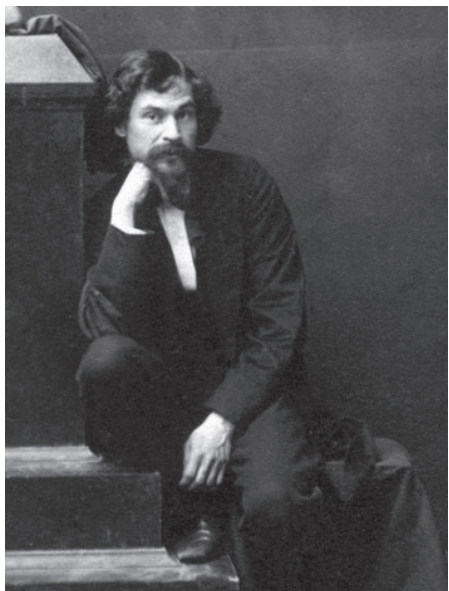

Рис. 18. М.С. Знаменский (1833–1892 гг.)

Рис. 19. В.П. Левашева (1901–1974 гг.)

Рис. 20. В.Н. Чернецов (1905–1970 гг.)

Рис. 21. А.П. Дульзон (1900–1973 гг.)

Рис. 22. В.И. Соболев (1948–1999 гг.)

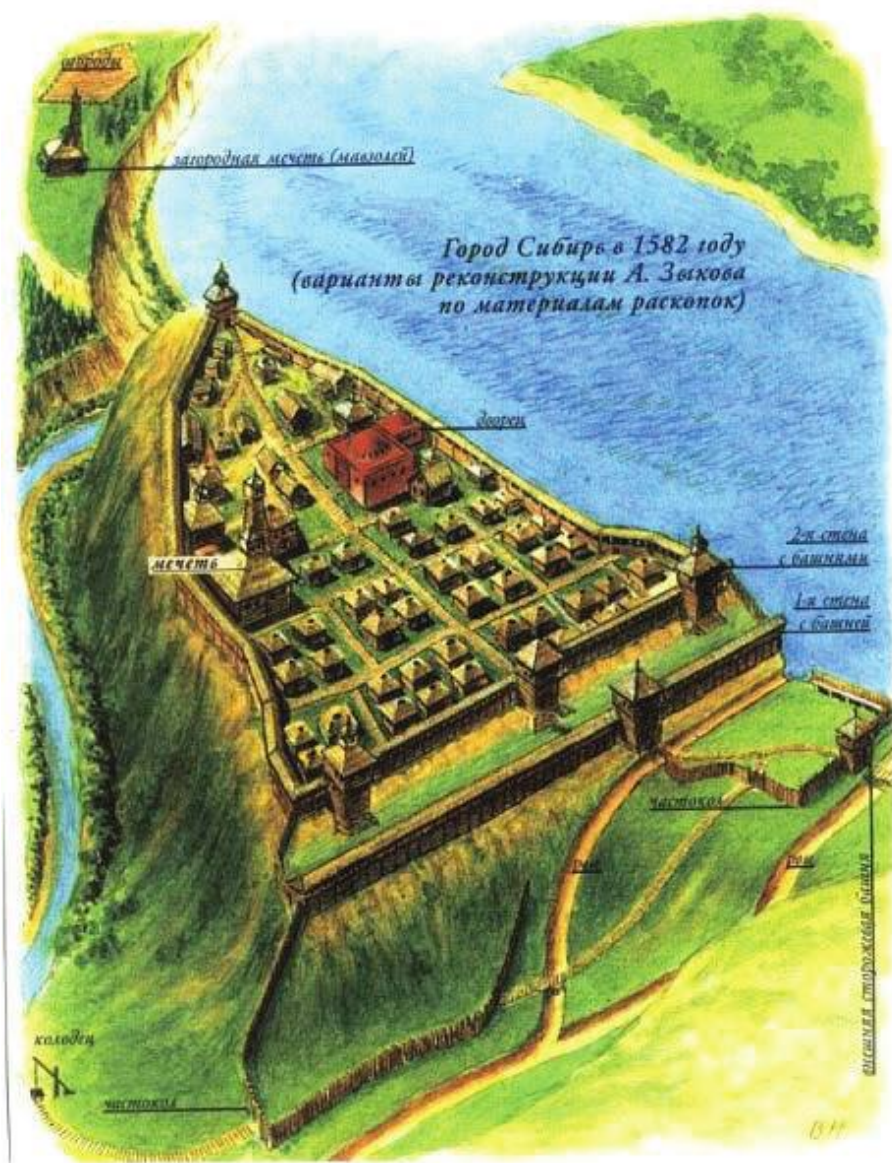

Рис. 23. Искер (по Зыкову А.П., 2010)

Рис. 24. Кизыл-Тура (Ремезовская летопись)

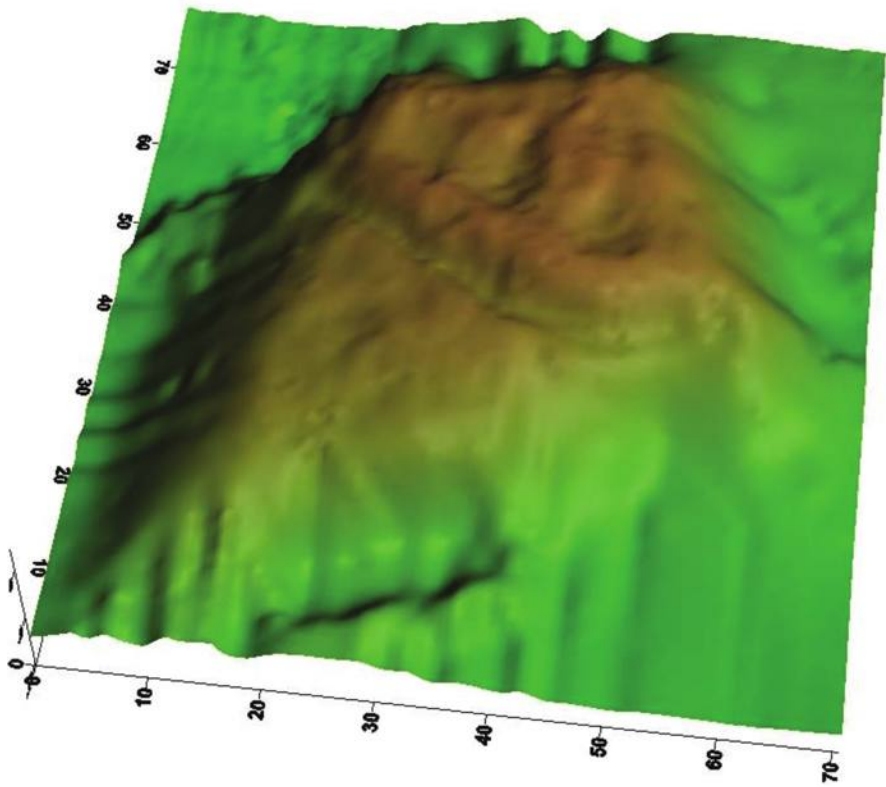
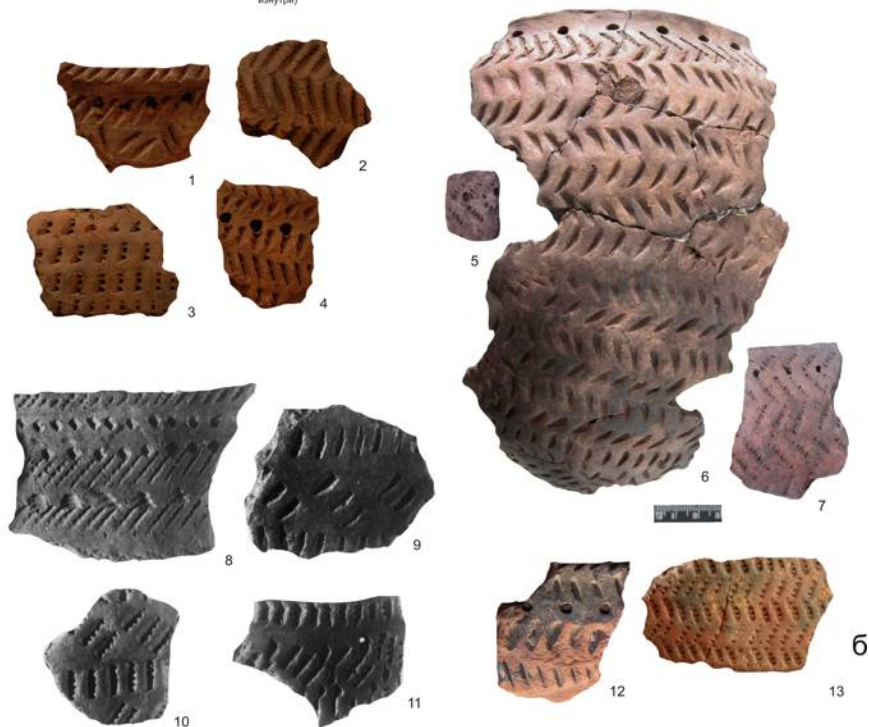

Рис. 25. Тунуский городок

Типологическая Классификация элементов орнамента глиняных сосудов Вознесенского городища

a

б

Рис. 26. Керамика сибирских татар
 а – классификация элементов орнамента по В.П.Левашевой
 б – керамика памятников XV–XVI вв.
 1–4 – городище Чиняиха (Бараба);
 5–7 – городище Надеждинка VII (Тарское Прииртышье)
 8–11 – городище Басандайка (Томское Прииртышье);
 12–13 – городище Вознесенское (Бараба).

Рис. 27. Клад кузнеца (по: Татауров С.Ф., 2006 а)

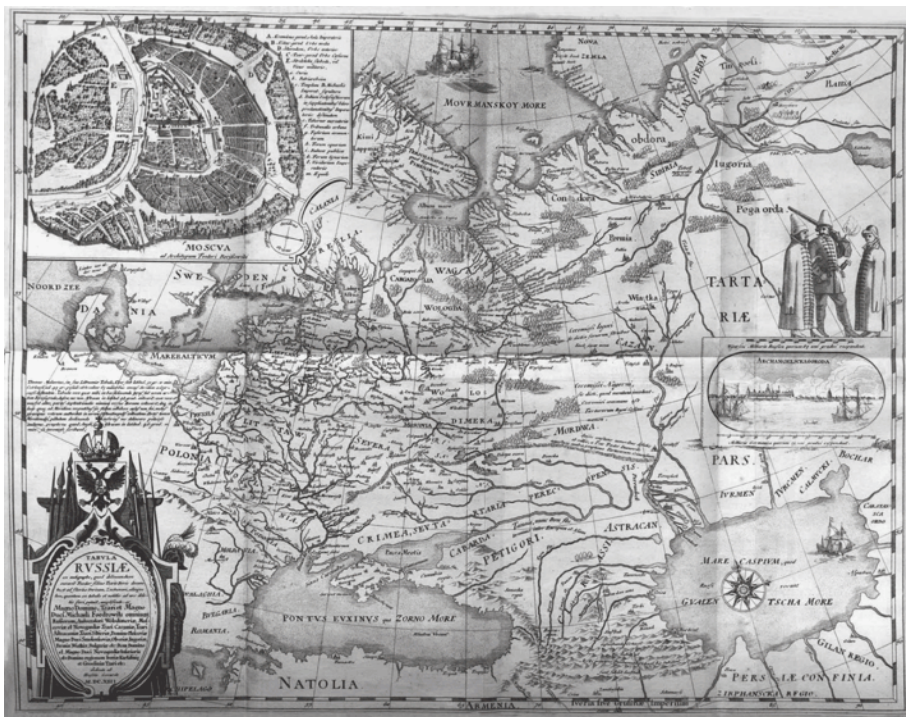

Рис. 28. Карта 1614 Гесселя Герарда по чертежу Б.Годунова

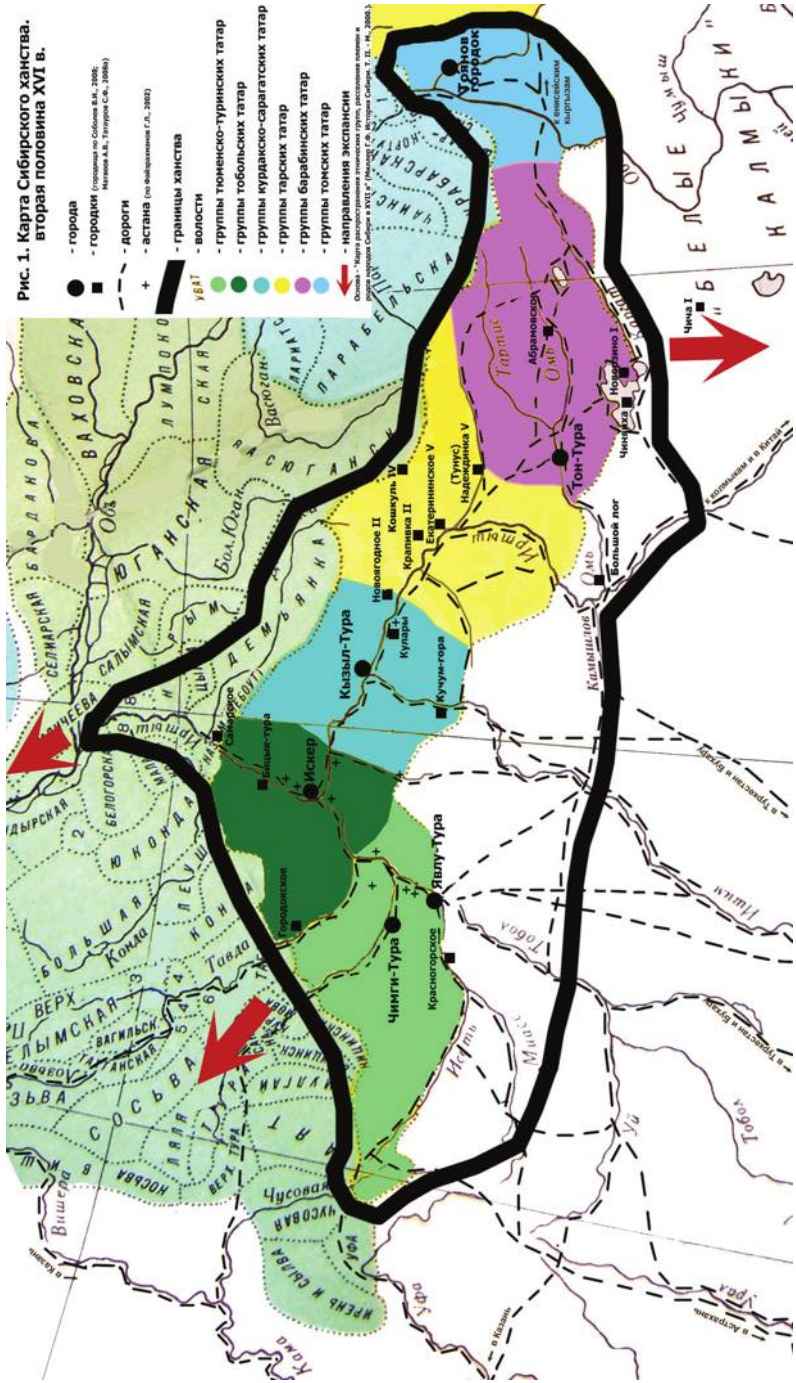

Рис. 29. Этнополитическая карта Сибирского ханства (по Матвееву А.В., Татарскому С.Ф., 2012 а)

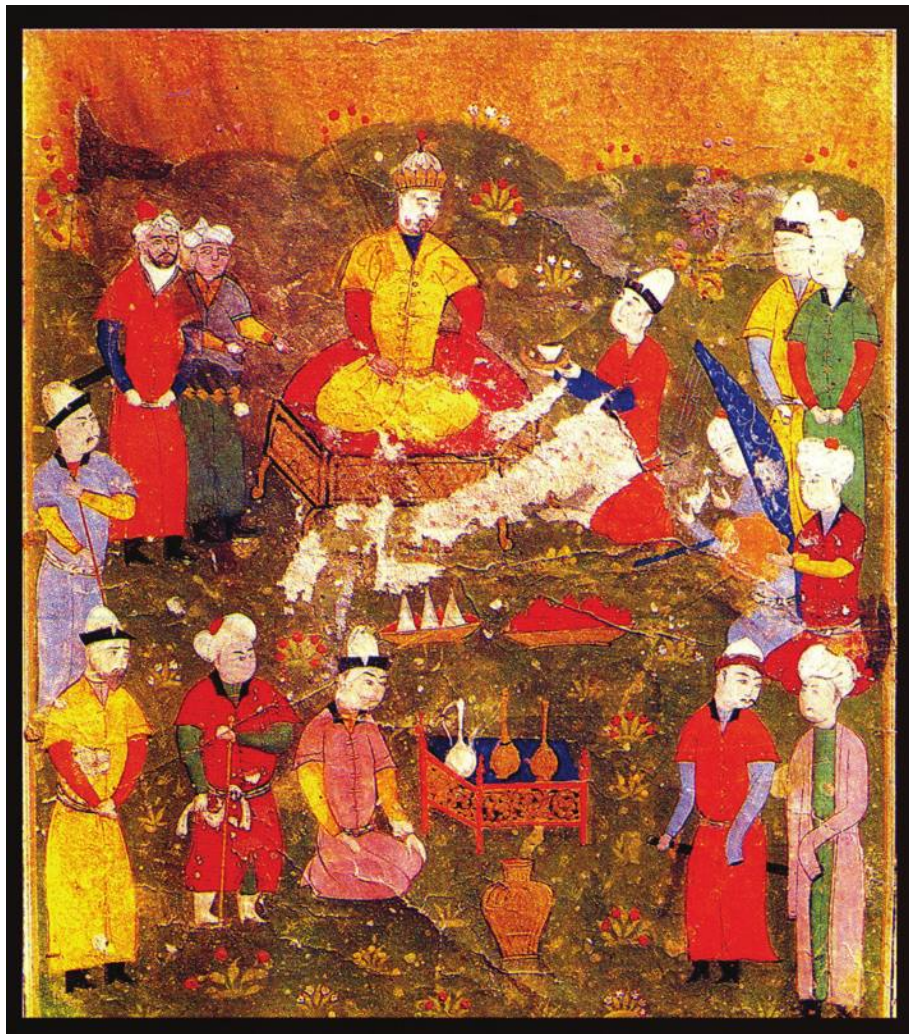

Рис. 30. Восшествие Абулхайр-хана на престол (Масуд Усмани Кухистани «Тарих-и Абулхайр-хани», Мавераннахр, 1541 г.)

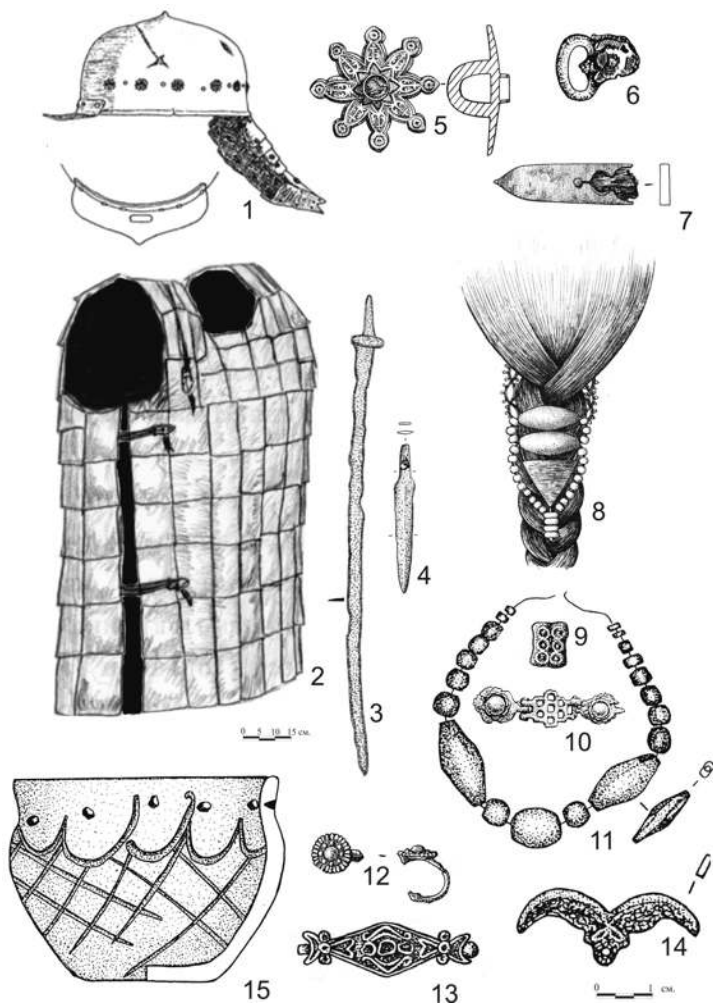

Рис. 31. Предметы среднеазиатского импорта во второй половине II тыс. н.э.

Оружие: 1 – шлем Илегея (Зауралье), 2 – панцирь, мог. Окунево VII. (Тарское Прииртышье), 3 – сабля, Березовый остров (Бараба), 4 – кинжал, Тунуский городок (Тарское Прииртышье); конская упряжь: 5 – пряжка конской упряжи. Мог. Бергамак II (Тарское Прииртышье), 6 – пряжка конской упряжи. Мог. Алексеевка XVI (Тарское Прииртышье), 7 – наконечник ремня конской упряжи. Мог. Бергамак II (Тарское Прииртышье);

Украшения: 8 – наконечное украшение. Мог. Бергамак II (Тарское Прииртышье), 9 – украшение-нашивка на головной убор. Мог. Бергамак II. (Тарское Прииртышье), 10 – украшение на головной убор. Мог. Бергамак II (Тарское Прииртышье), 11 – ожерелье. Мог. Алексеевка XVI (Тарское Прииртышье), 12 – перстень. Мог. Бергамак II (Тарское Прииртышье), 13 – закладка для волос. Мог. Бергамак II (Тарское Прииртышье), 14 – подвеска в виде головы архара. Мог. Алексеевка XVI (Тарское Прииртышье);

Посуда: 15 – сосуд. Мог. Алексеевка XVI (Тарское Прииртышье);

1–4 – железо; 5 – медь, серебро, золото; 6–7 – бронза, железо, кожа; 8 – бронза, стекло, горный хрусталь; 9 – серебро, стекло; 10 – серебро, яшма (?); 11 – оникс; 12 – серебро, яшма (?); 13 – серебро; 14 – бронза; 15 – керамика.

1

2

3

Рис. 32. Мусульманские комплексы в Западной Сибири

1 – мавзолей у д. Малые Мурлы в Тарском Прииртышье (фото С.Ф. Татаурова);

2 – совершение молитвы на астане [по: Культ святых..., 2009, рис. 12].

3 – кайрак, памятник на кладбище д. Сеитово [по: Культ святых..., 2009, рис. 30]

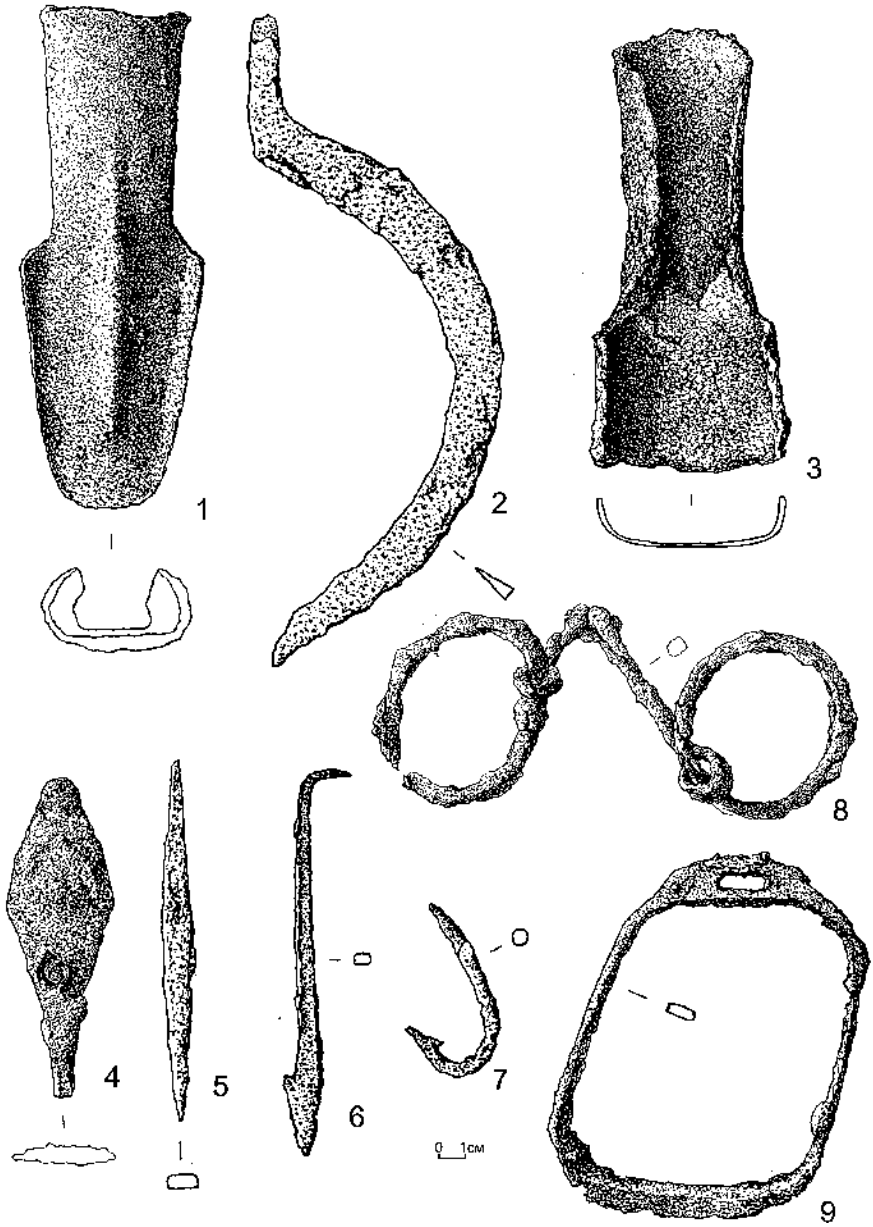

Рис. 33. Хозяйственный инвентарь поселения Бергамак III. Тарское Прииртышье. Железо.
Земледелие: 1 – мотыга, 2 – серп; *Деревообработка:* 3 – тесло; *Охота:* 4 – наконечник стрелы, 5 – деталь охотничьей ловушки; *Рыболовство:* 6 – острога, 7 – рыболовный крючок; *Скотоводство:* 8 – удила, 9 – стремя.

Рис. 34. Колесный транспорт населения Сибирского ханства на рисунках «Истории Сибирской» С.У. Ремезова (по Дергачева-Скоп Е.И., Алексеев В.Н., 2006).

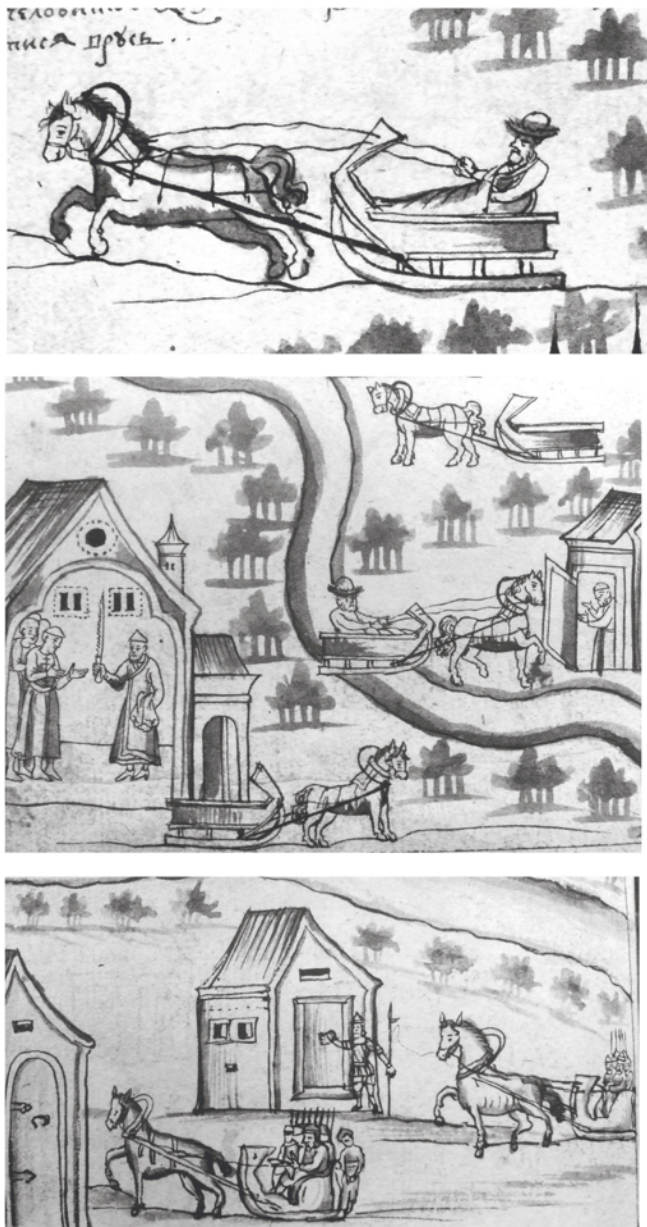

Рис. 35. Сани населения Сибирского ханства на рисунках «Истории Сибирской» С.У. Ремезова (по Дергачева-Скоп Е.И., Алексеев В.Н., 2006).

Рис. 36. Проезжая часть дорог на рисунке «Истории Сибирской» С.У. Ремезова (по Дергачева-Скоп Е.И., Алексеев В.Н., 2006).

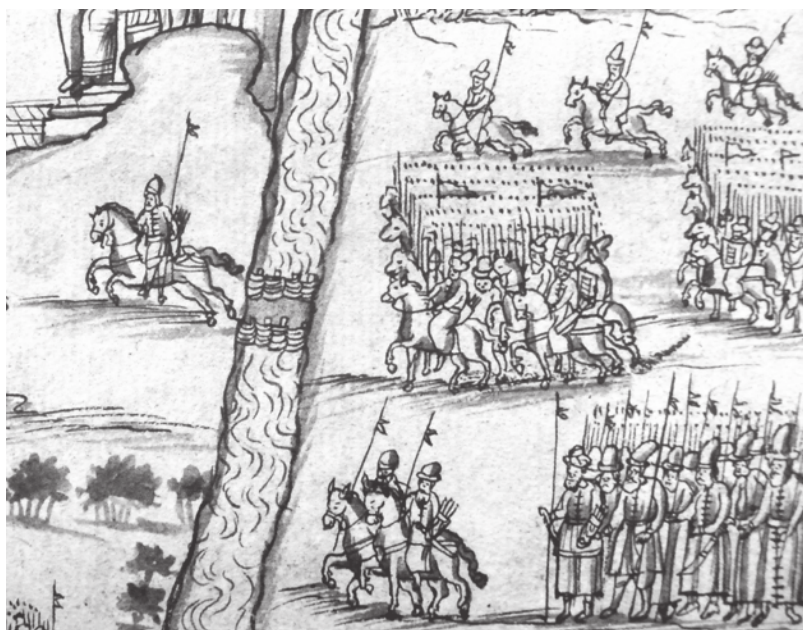

Рис. 37. Мост через р. Иртыш в районе Подчевашского мыса на рисунке «Истории Сибирской» С.У. Ремезова (по Дергачева-Скоп Е.И., Алексеев В.Н., 2006).

Рис. 38. Строительство моста через р. Иртыш в районе Подчевашского мыса на рисунке «Истории Сибирской» С.У. Ремезова (по Дергачева-Скоп Е.И., Алексеев В.Н., 2006).

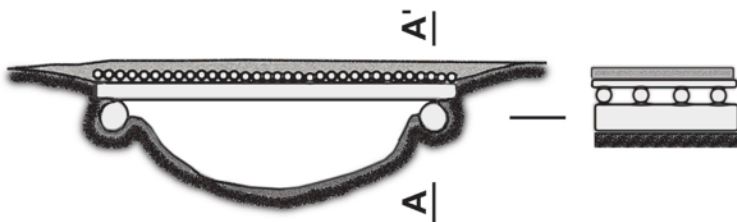

Рис. 39. Конструкция простого балочного моста сибирских татар (по Матвеев А.В., Татауров С.Ф., 2014).

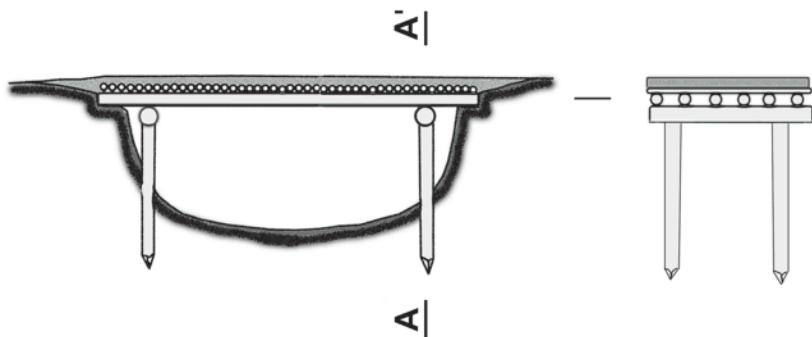

Рис. 40. Конструкция свайного моста сибирских татар (по Матвеев А.В., Татауров С.Ф., 2014).

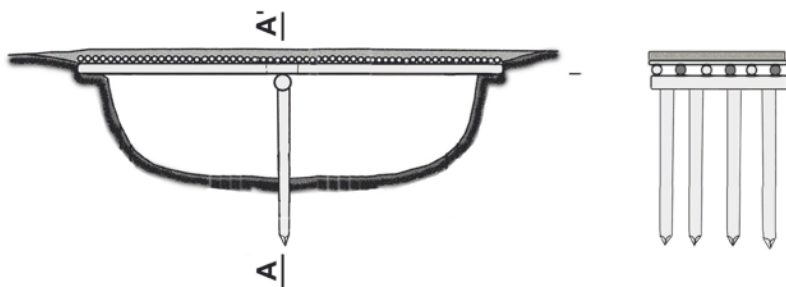

Рис.41. Конструкция свайного двухпролетного моста сибирских татар (по Матвеев А.В., Татауров С.Ф., 2014).

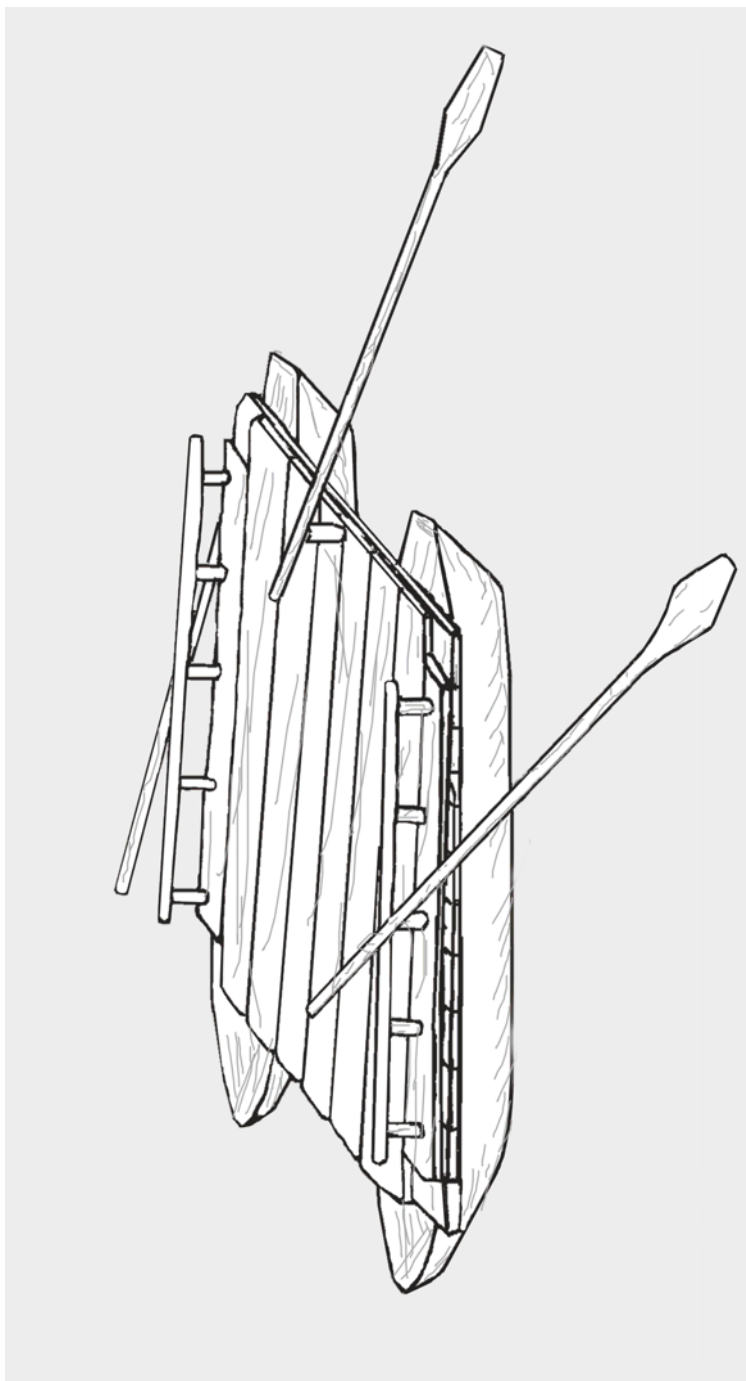

Рис. 42. Паром сибирских тагар (реконструкция).

Рис. 43. Лодки жителей Сибирского ханства на рисунках «Истории Сибирской» С.У. Ремезова (по Дергачева-Скоп Е.И., Алексеев В.Н., 2006).

Рис.45. Планы местонахождения Чимги-Туры 1766 г. (1) и расположения раскопов на цитадели в черте современной жилищной застройки (2).

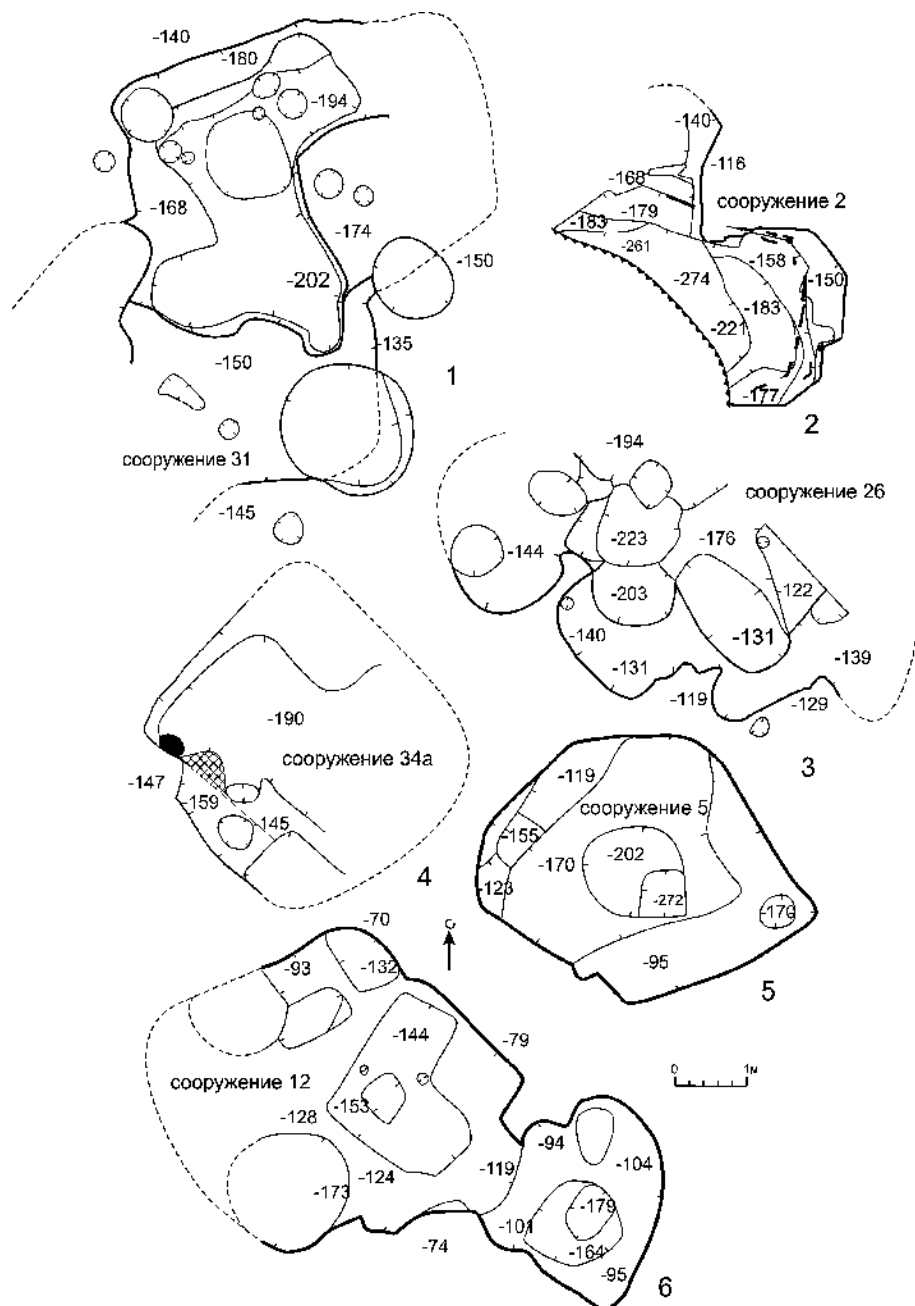

Рис.46. Планы полуземляночных (2, 4–6) и наземных (1,3) жилищ Чимги-Турь.

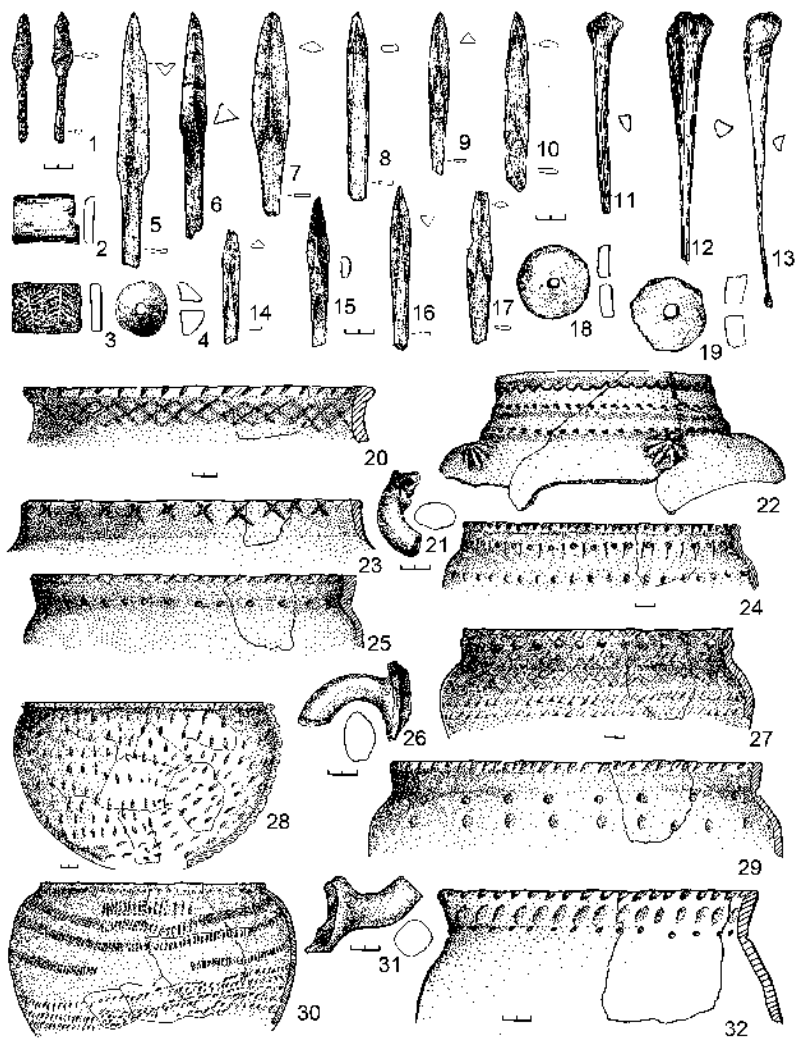

Рис. 47. Инвентарь из раскопок Царева городища 2007–2011 гг.
1–железо, 2–17 – кость, 4, 18–32 – керамика.

Рис. 48. Золотоордынская монета и среднеазиатский сосуд из раскопок 2011 г. на Чимги-Туре.
1– бронза, 2– глина.

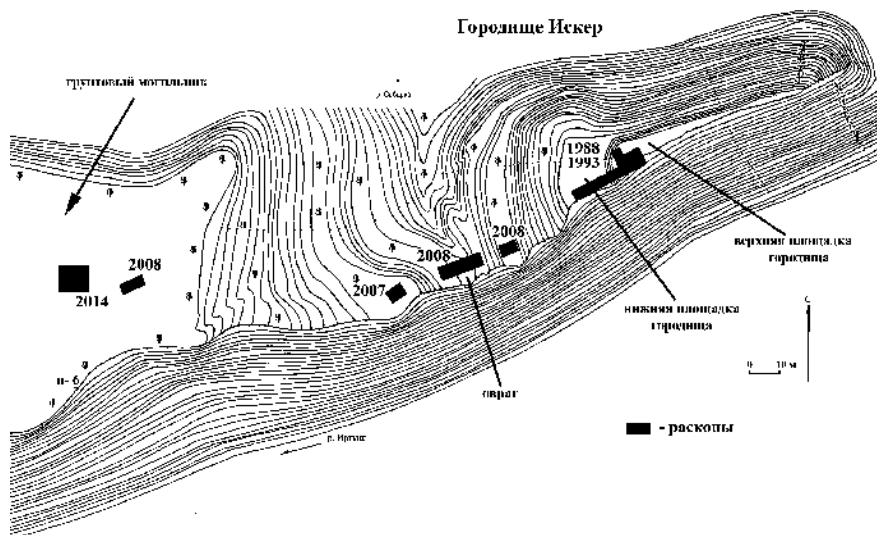

Рис. 49. План городища Искер.

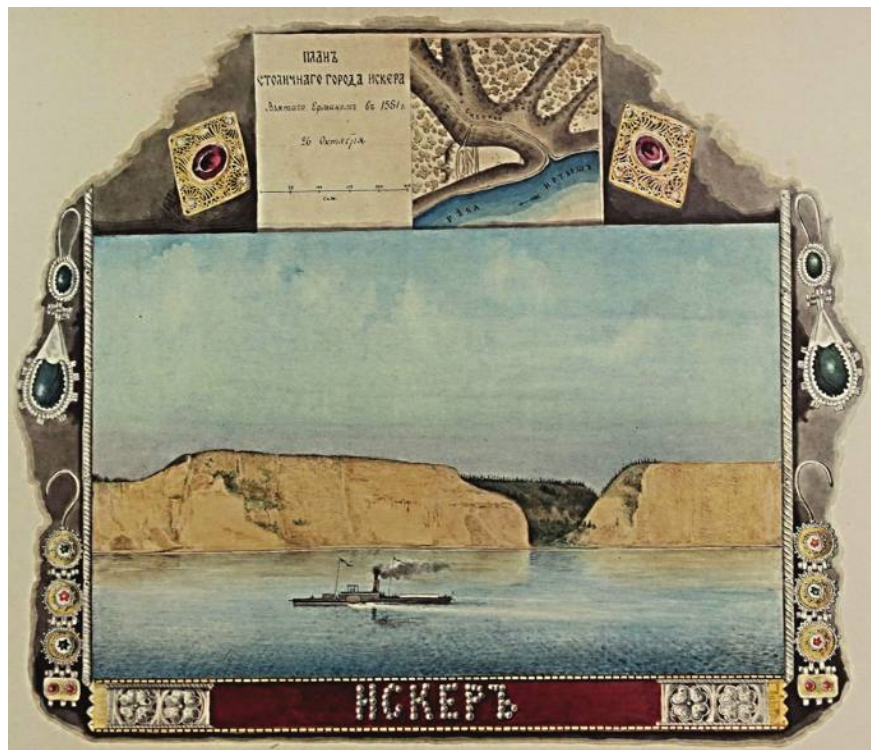

Рис. 50. Вид на городище Искер со стороны р. Иртыш. Рисунок М.С. Знаменского.

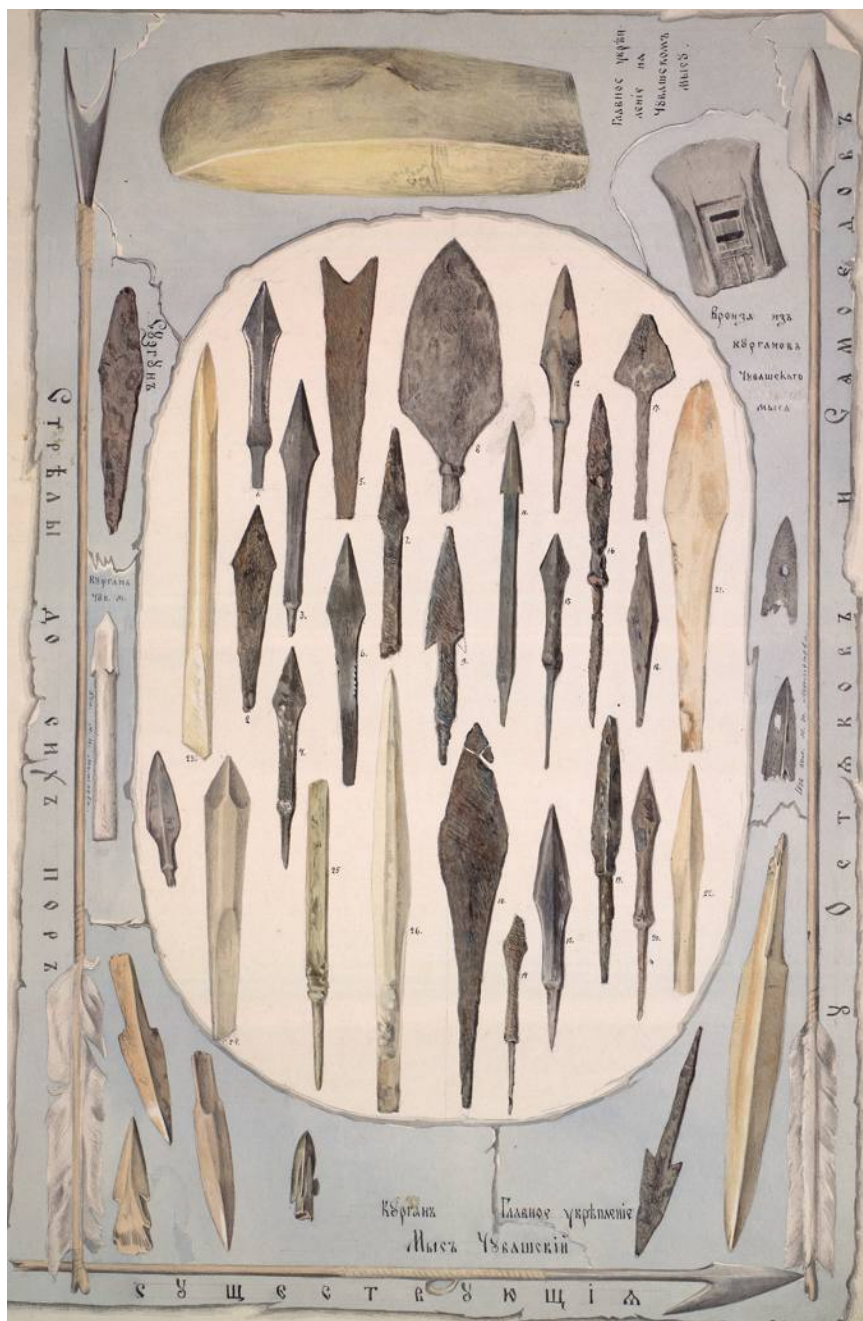

Рис. 51. Наконечники стрел с Искра. Рисунок М.С. Знаменского.

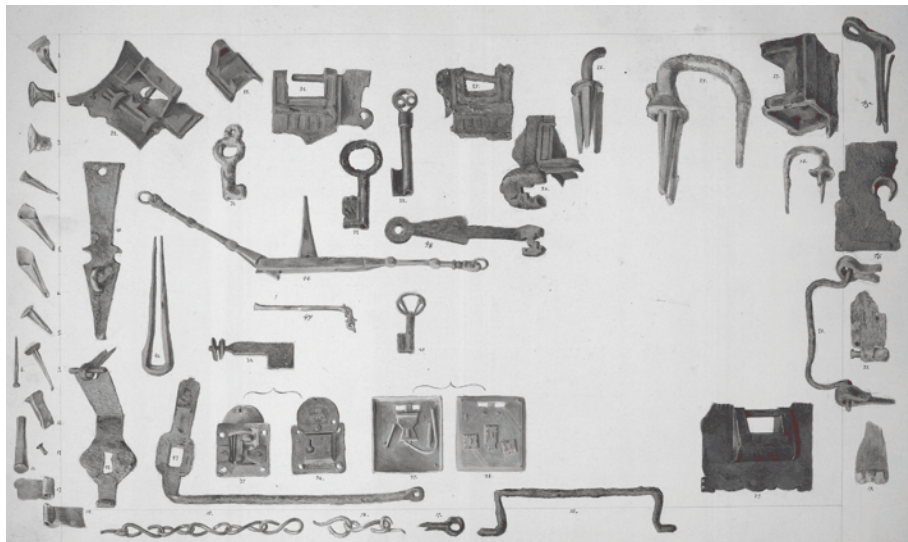

Рис. 52. Находки с городища Искер. Рисунок М.С. Знаменского.

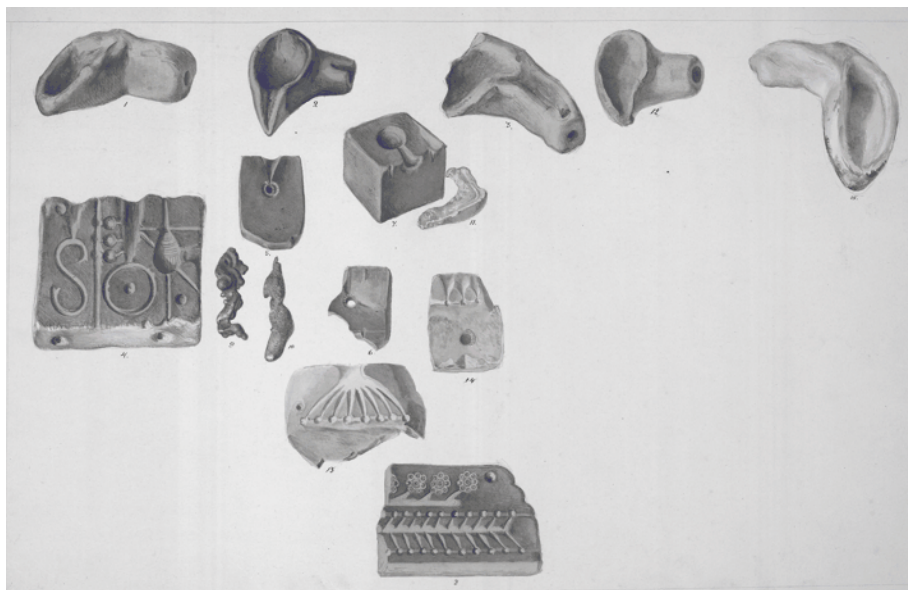

Рис. 53. Находки с городища Искер. Рисунок М.С. Знаменского.

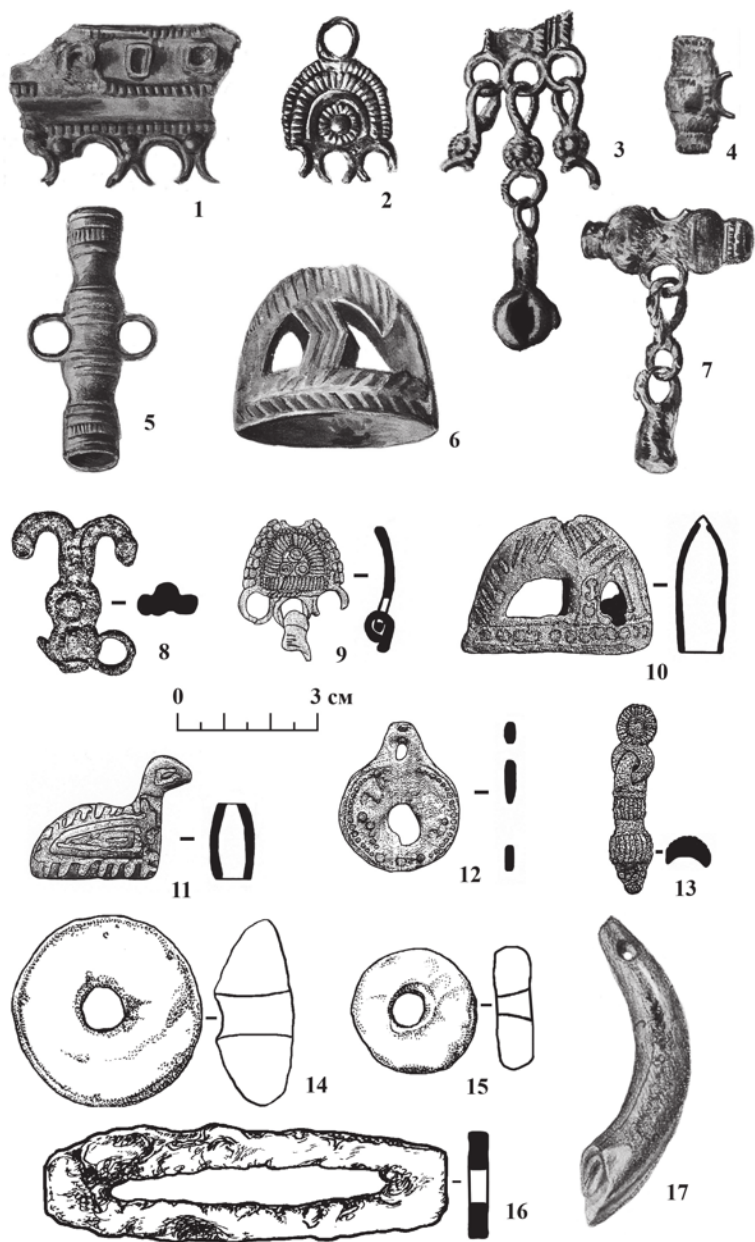

Рис. 54. Находки XII – XIV вв. с городища Искер.
 1–3,6,8–12 – подвески, 4,5,7 – пронизки, 13 – звенья цепочки, 14,15 – пряслица, 16 – кресало,
 17 – подвеска из зуба лошади. 1–7,17 – находки М.С. Знаменского.
 1–13 – бронза, 14,15 – глина, 16 – железо, 17 – кость.

Рис. 55. Находки с городища Искер.

1-9 – наконечники стрел, 10 – петля колчана, 11 – точило, 12 – затыльник, 13,14 – ножи, 15 – пряжка, 16 – ключ, 17,18 – детали замка, 19 – ножницы, 20 – кочедык, 21 – крючок, 22 – пуля, 23,24 – пуговицы, 25 – ручка.

1-5,13-15,17-19,21,25 – железо, 6-10,20 – кость, 11 – камень, 12,16,23,24 – медь, 22 – свинец.

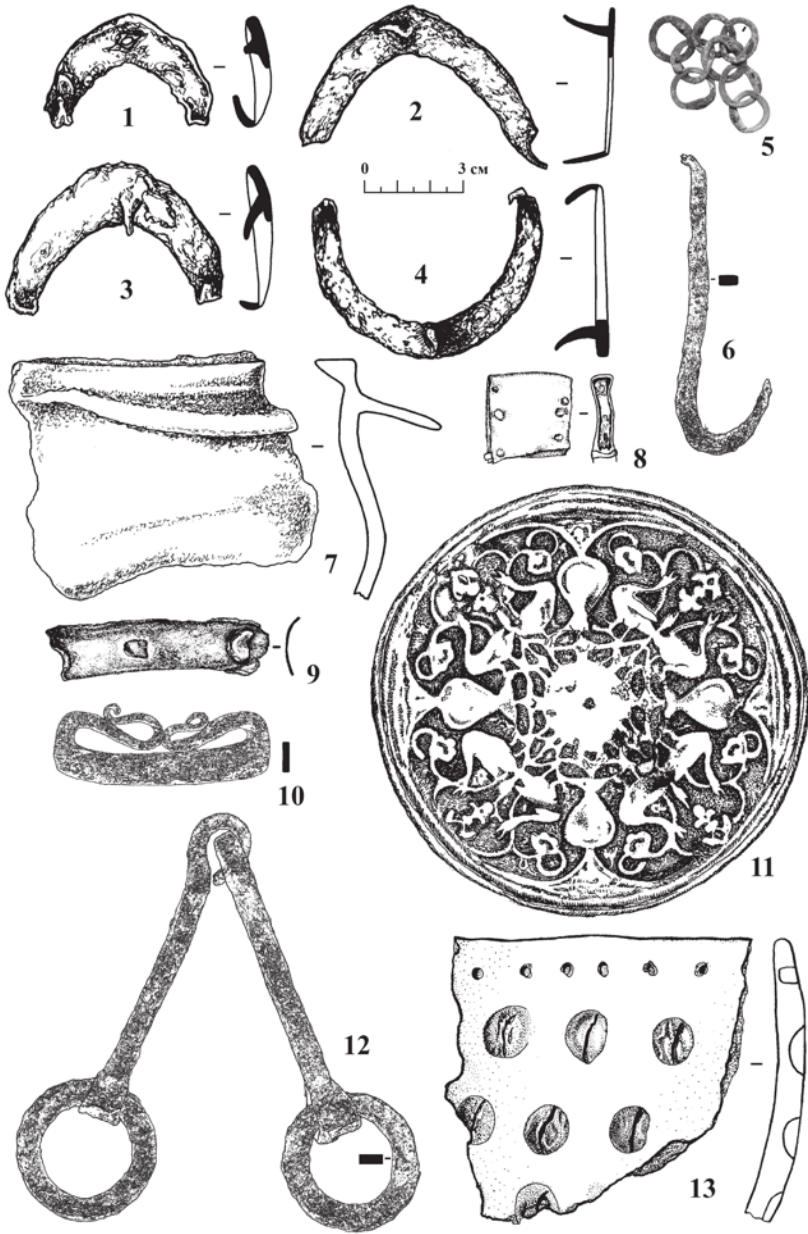

Рис. 56. Находки с городища Искер.

1-4 – сапожные подковки, 5 – кольчужные кольца, 6 – крюк, 7,9 – обломки котлов, 8 – обкладка сосуда, 10 – кресало, 11 – зеркало, 12 – удила, 13 – фрагмент сосуда.
1-4,6,10,12 – железо, 5,8,9 – медь, 7 – чугун, 11 – бронза, 13 – глина.

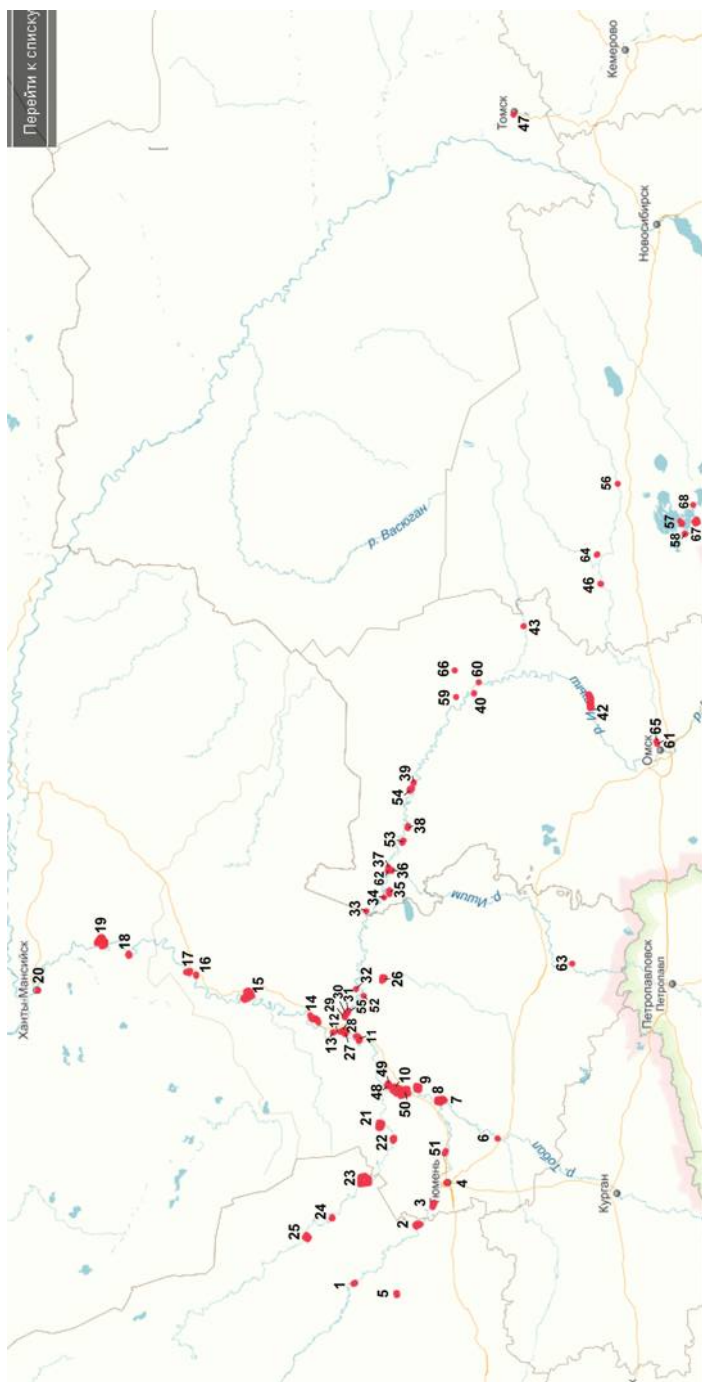

Рис. 57. Города и городки Тюменского и Сибирского ханства

Рис. 58. Городище на левом берегу р. Тура у места впадения в нее реки Аргама (Лист 50 «Хорографической книги Сибири» С.У. Ремезова 1697–1711 гг.).

Рис. 59. Город Карачин на иллюстрации к «Истории Сибирской» С.У. Ремезова.

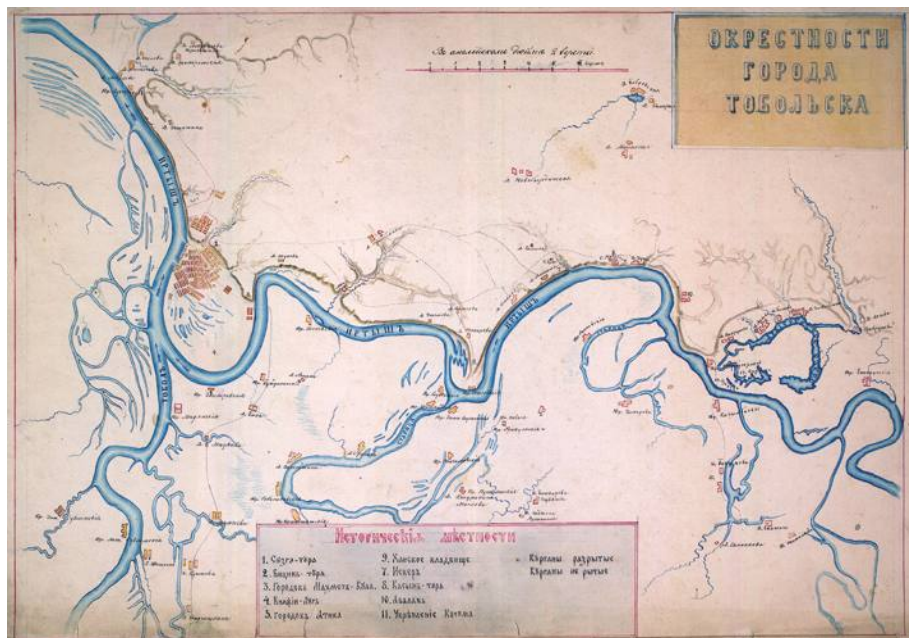

Рис. 60. Город Карачин на иллюстрации к «Истории Сибирской» С.У. Ремезова.

Рис. 61. Карта «Окрестности города Тюболевска» М.С. Знаменского (из собрания А.А. Адамова).

Рис. 62. Городище Абалак (лист 80 «Хорографической книги Сибири» С.У. Ремезова 1697–1711 гг.).

Рис. 63. Тебендинский остров (лист 85 «Хорографической книги Сибири» С.У. Ремезова 1697–1711 гг.).

Рис. 64. «Кулларской Иртышака царя береговой воинский городок» (лист 88 «Хорографической книги Сибири» С.У. Ремезова 1697–1711 гг.).

Рис. 65. «Городище Кучумово» – «Черный городок»? (лист 94 «Хорографической книги Сибири» С.У. Ремезова 1697–1711 гг.).

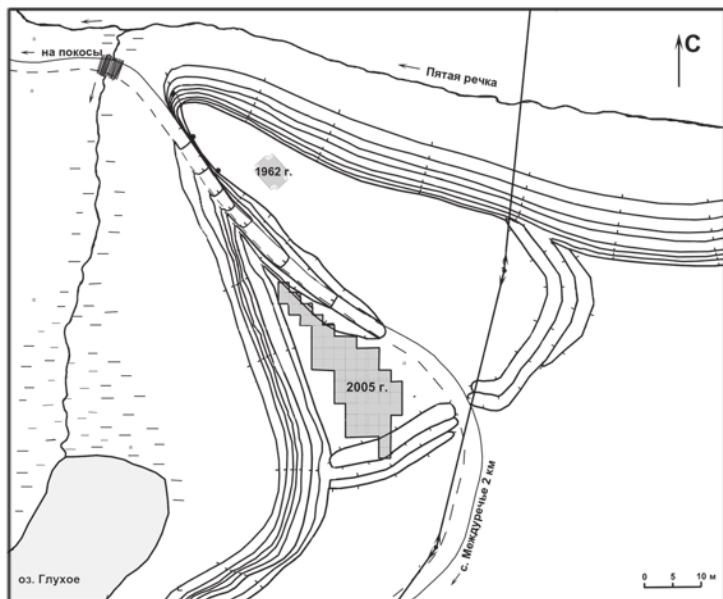

Рис. 66. Городище Екатеринбургское V (Ананьинское). Общий план. А.В. Матвеев, И.Е. Скандаков. 2005.

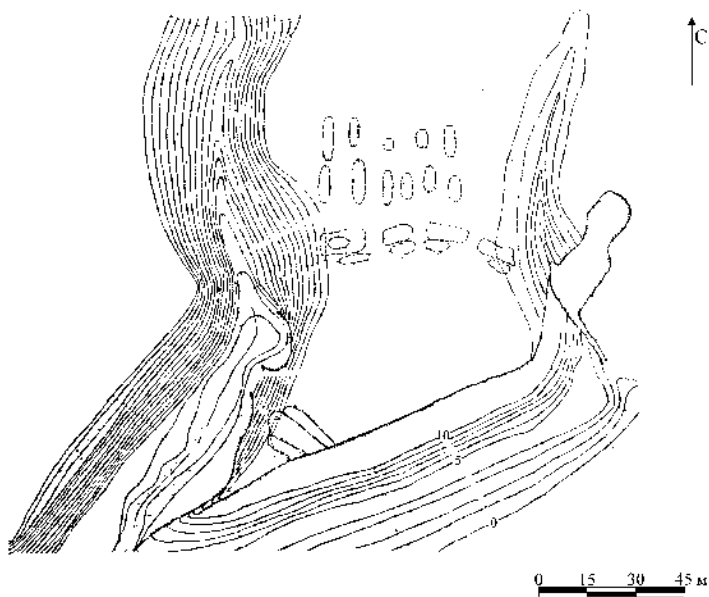

Рис. 67. Сперановское городище (Андреевка-3). Общий план. Е.М. Данченко. 1992.

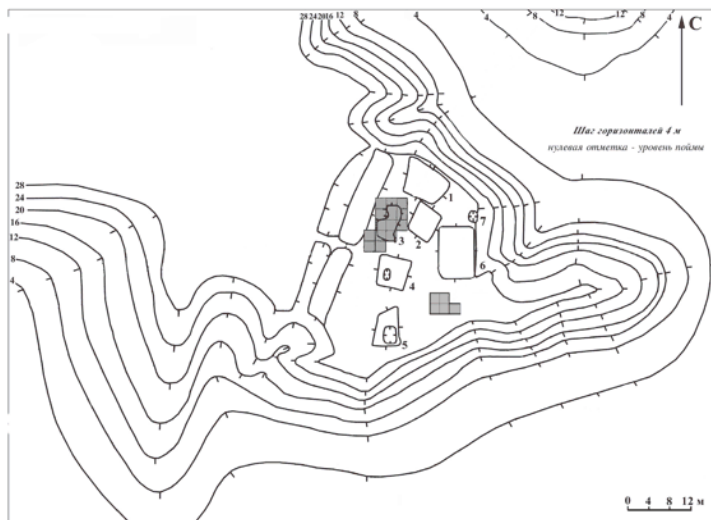

Рис. 68. Городище Кошкуль-IV. Общий план. А.В. Матвеев. 2003.

Рис. 69. Салы. Городок (лист 83 «Хорографической книги Сибири» С.У. Ремезова 1697–1711 гг.).

Рис. 70. Татарские жилища близ Омска. М.С. Знаменский, альбом «За кумысом», 1866 г.
Из фондов областного музея изобразительных искусств им М.А. Врубеля.

Рис. 71. Татарские юрты в Омске. М.С. Знаменский, альбом «За кумысом», 1866 г.
Из фондов областного музея изобразительных искусств им М.А. Врубеля.

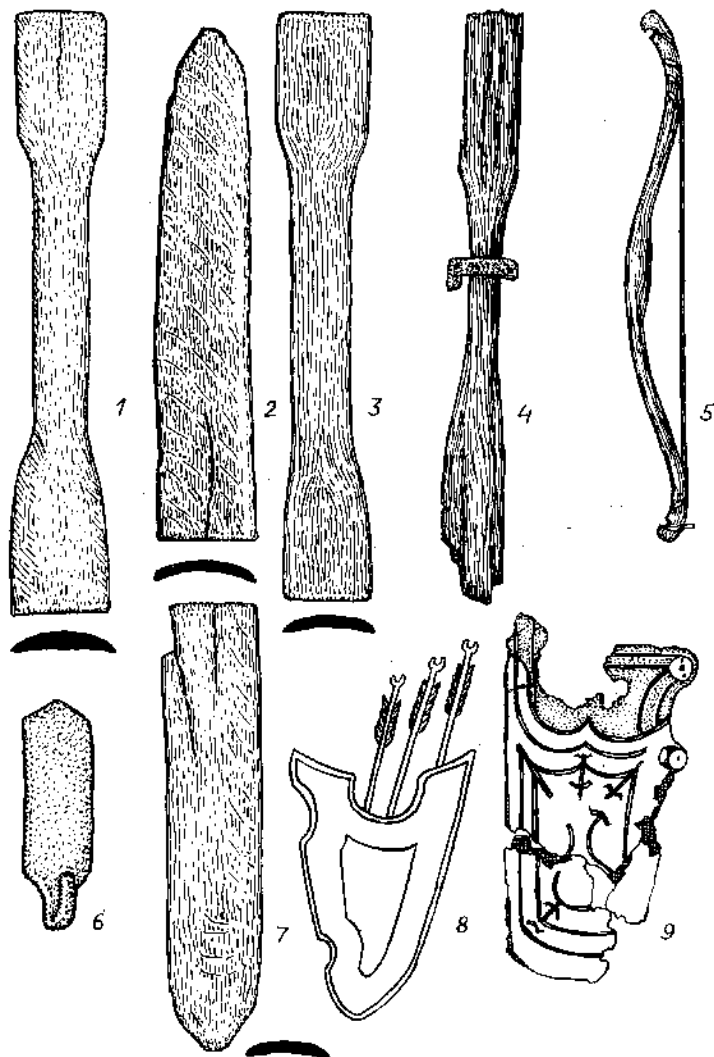

Рис. 72. Детали луков и принадлежности колчанов сибирских татарских воинов: 1, 3 – срединные фронтальные накладки лука; 2, 7 – плечевые фронтальные накладки лука; 4 – часть деревянной кибиты лука; 5 – деревянная кибить лука с натянутой тетивой; 6 – железный крюк от колчана; 8, 9 – кожаные колчаны; 1–4, 6, 7, 9 – Абрамово– 10 (по Молодину В.И., Соболеву В.И., Соловьеву А.И.); 5, 8 – Бараба (по Р. Карутцу).

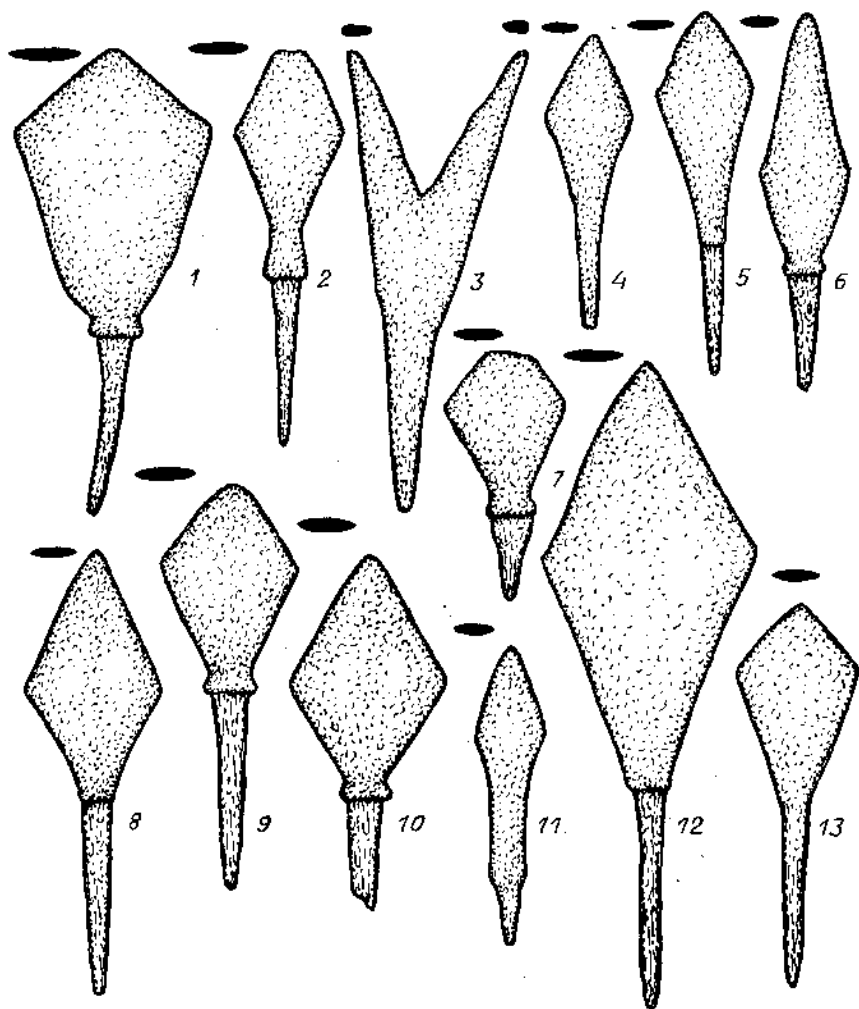

Рис. 73. Железные плоские наконечники стрел сибирских татар: 1, 7, 9, 13 асимметрично-ромбические; 2, 4-6, 8, 10, 12 – удлиненно-ромбические; 3 – вильчатый; 11 – боеголовковый; 1-3 Омское Прииртышье; 4-6 – Бергамак II; 7-10 – Абрамово-10; 12, 13 – Окунево VII.

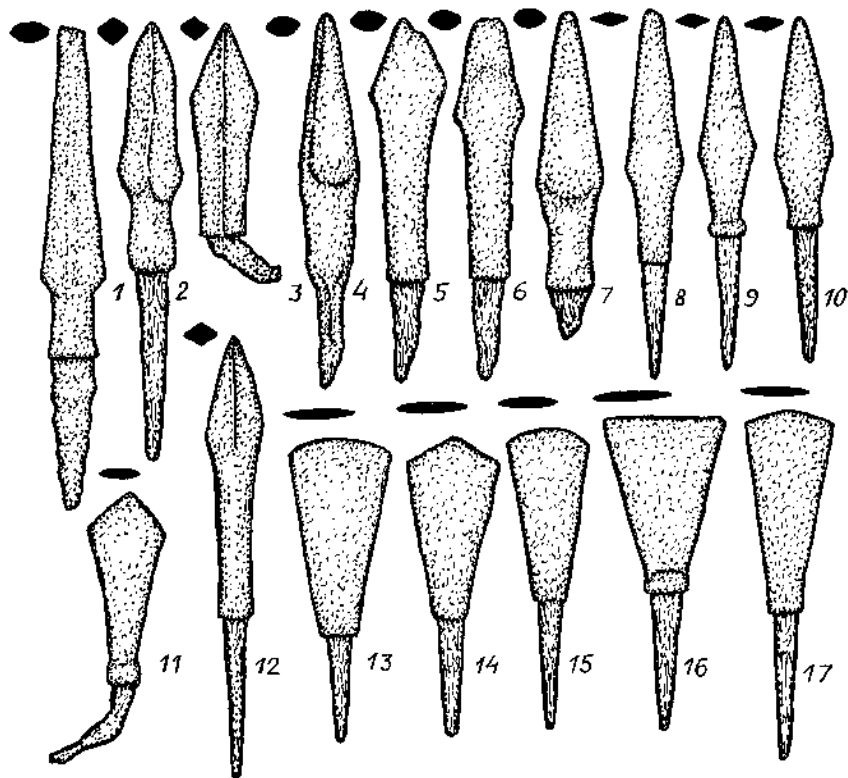

Рис. 74. Железные плоские, линзовидные, ромбические и четырехгранные наконечники стрел сибирских татар:

- 1, 4–7 – линзовидные в сечении боеголовковые; 2, 12 – четырехгранные в сечении боеголовковые; 3 – четырехгранный в сечении вытянуто-прямоугольный; 8 – ромбический в сечении боеголовковый; 9, 10 – ромбические в сечении удлиненно-ромбические; 11, 14, 17 – плоские в сечении асимметрично-ромбические; 13, 15 – плоские в сечении секторные; 16 – плоский в сечении томар; 1–7, 12 – Искер; 8–10 – БергамакII; 11 – Кучум-гора; 12, 13 – Туруновка – 2; 15, 16, 17 – Омское Прииртышье.

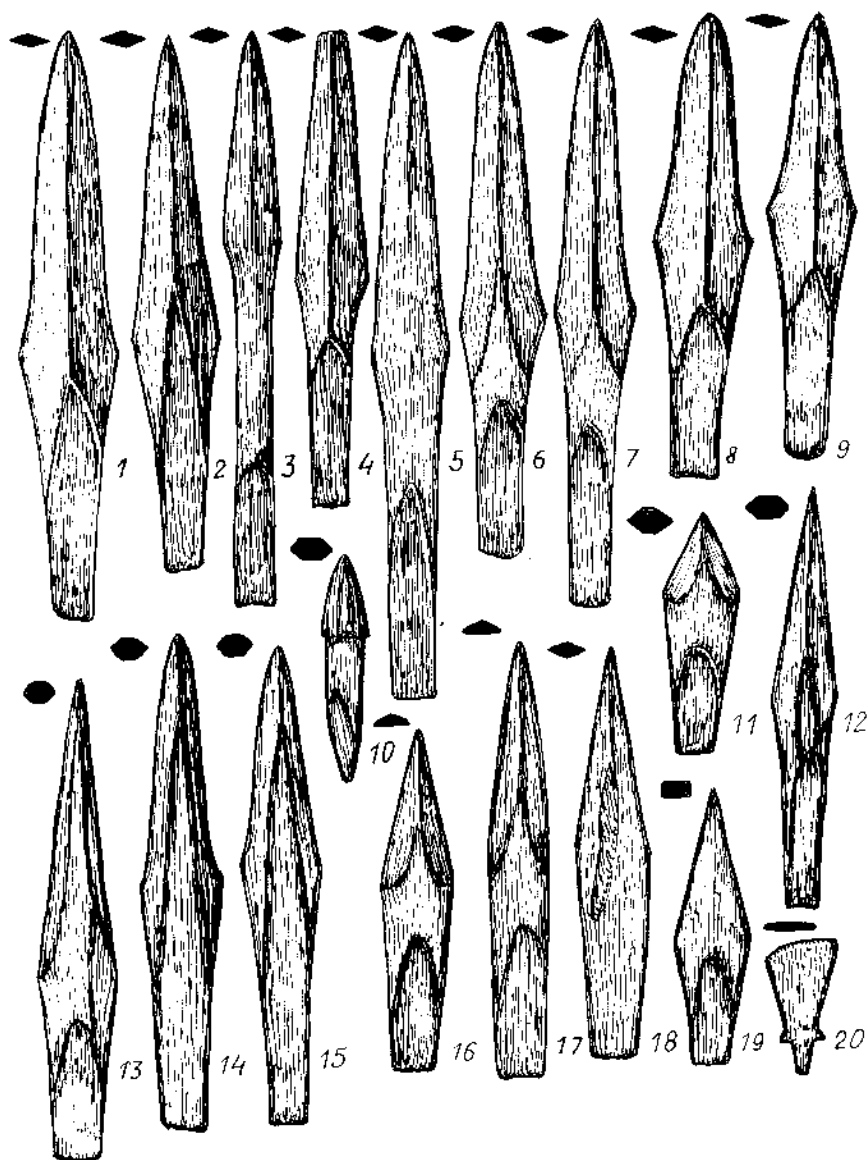

Рис. 75. Костяные наконечники стрел сибирских татар: 1, 2, 4-9, 18 – ромбические в сечении удлинено-ромбические; 3 – ромбический в сечении боеголовковый; 10 – шестигранный в сечении удлинено-треугольный; 11, 12, 13-15 – шестигранные в сечении удлинено-ромбические; 16, 17 – трехгранные в сечении удлинено-ромбические; 19 – прямоугольный в сечении удлинено-ромбический; 20 – плоский в сечении срезень; 1-8, 11-18, 20 – Абрамово – 10; 9 – Садовка – 4; 10, 19 – Малый Чуланкуль.

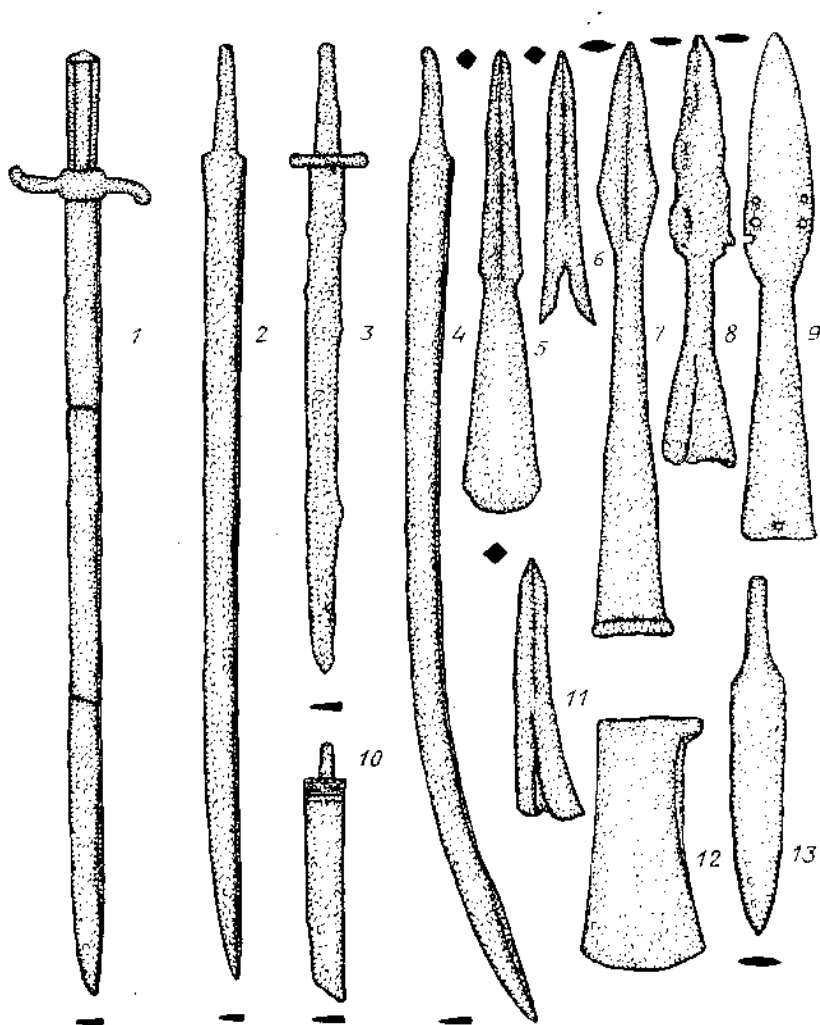

Рис. 76. Оружие ближнего и рукопашного боя сибирских татар: 1–3 – палаши; 4 – сабля; 5–9, 11 – наконечники копий; 10, 13 – кинжалы; 12 – топор; 1, 2, 4–6, 10, 11–13 – Искер; 3, 8 – Бергамак II; 7 – Абрамово – 10; 9 – Омская область.

**Рис. 77. Сибирские воины второй половины XVI– XVII в. (слева направо).
Реконструкция Боброва Л.А.**

Остяцкий пеший лучник конца XVI– XVII в.

Остяцкие воины, вооруженные луками и копьями, были опасным противником как для степной конницы, так и для русских землепроходцев. Изображенный на реконструкции остяцкий вождь поверх легкой шубы носил неподпоясанный кольчатый «пансърь» с рукавами и коротким подолом. Распространение кольчатых доспехов среди остяков было связано с татарским и русским влиянием. Однако местные мастера достаточно быстро научились изготавливать этот вид защитного вооружения. Изображенный на иллюстрации кольчатый панцирь выкован местными мастерами. На это указывают фестончатые разрезы на подоле и рукавах, а также широкий прямоугольный вырез ворота. Руки воина прикрыты наручами из костяных пластинок, соединенных между собой кожаными ремешками. На голове вождя характерная для остяков шапка-капор, украшенная вышивкой и аппликацией.

Основное оружие остяка состоит из большого сложносоставного лука и колчана стрел, заброшенного за спину. Судя по сообщениям путешественников, остяцкие воины предпочитали дистанционный бой, в ходе которого засыпали противника стрелами и только затем могли сойтись с ним в рукопашную.

Знатный кыргызский воин второй половины XVII в.

Долгое время енисейские кыргызы считались самым опасным врагом русских землепроходцев в Южной Сибири. До прихода русских, кыргызские отряды состояли из конных «куячных» копейщиков и легковооруженных лучников. Однако вскоре после первых столкновений с землепроходцами кыргызы обзавелись огнестрельным оружием. Большая часть пищалей, использовавшихся кыргызами, была захвачена в качестве трофеев, меньшая – выменянна (несмотря на строжайшие запреты) на собольи шкурки и предметы защитного вооружения у нерадивых служилых людей.

Кыргызский воин на реконструкции одет в халат (полы которого заткнуты за пояс), меховые штаны, сапоги с мягкой подошвой и низкую меховую шапку. Поверх халата натянута трофейная русская кольчуга и пластинчато-нашивной панцирь куючного типа. Голову латника прикрывает низкий четырехпластинчатый сфероконический шлем с узким ободом (Минусинский историко-краеведческий музей) и стеганой трехчастной бармицей (науши находятся в небоевом положении, завязанными надо лбом).

Значительный интерес представляет оружие воина. Кыргыз вооружен трофейной русской пищалью и снятой с одного из стрельцов «берендейкой» с фитилем, но без «зарядцев». Последние (собранные с берендейки другого трупа), кыргыз носит на правом боку в специальной сумке. На случай непредвиденных обстоятельств (дождь, снег и т.д.) к поясу кыргыза подвешен испытанный в боях сложносоставной лук в «братском» налуче и колчан со стрелами. Готовясь к стрельбе, воин опускается на одно колено, укрываясь за большим щитом, сбитым из досок и обтянутым мехом.

Сибирский татарин XVII в.

После поражения Кучума большая часть сибирских татар перешла на сторону русского правительства и активно участвовала в походах русских служилых людей «встреч солнцу». Вооружение сибирских татар в этот период представляло собой причудливый сплав местных, среднеазиатских, русских и центральноазиатских военных традиций.

На голове сибирца цельнокованный полусферический шлем с комбинированной бармицей (ТГИАМЗ). Характерной чертой наголовья является дополнительная пластинчато-нашивная бармица центральноазиатского типа, снятая с ойратского шлема. Сочетание традиционного для Западной и Средней Азии наголовья с кольчатым налобником и пластинчато-нашивной бармицы центральноазиатского образца придает шлему исключительный типологический колорит. Поверх шубы воин носил кольчато-пластинчатый панцирь джунгарского производства (МАЭС ТГУ). Руки латника от кисти до локтя прикрыты среднеазиатскими створчатыми наручами с кольчужными полурукавицами на тканевой подкладке. Всадник вооружен саблей с елманью, ножом и саадаком местного производства. Конское убрание изготовлено сибирскими мастерами по заказу хозяина-мусульманина.

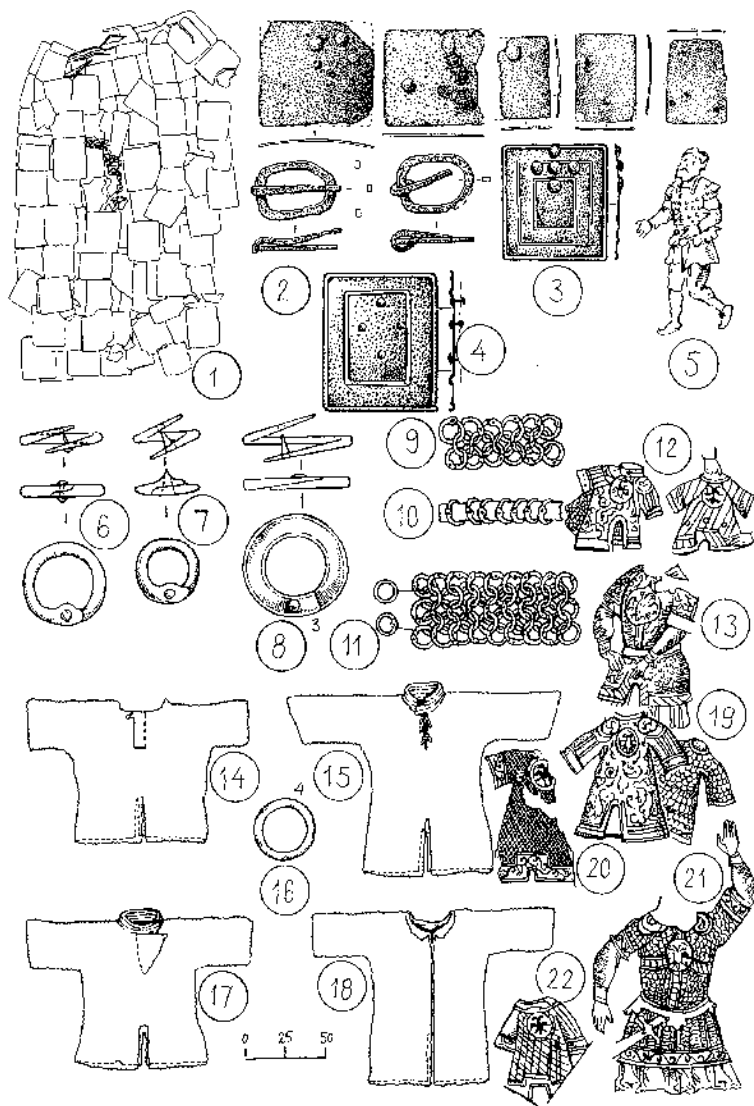

Рис. 78. Корпусное защитное вооружение.

1, 2. Пластинчато-нашивной панцирь XVI–XVII вв. из могильника Окунево VII в Тарском Прииртышье (по Герасимову Ю.В.); 3, 4. Пластины от куяков из числа случайных находок с территории Тюменской и Омской области; 5. Атаман Ермак в кюяке (?) с миниатюры из Ремезовской летописи; 6–8. Кольца «кольчуги» (6), «пансыря» (7) и «байданы» (8); 9. Фрагмент кольчатого панциря из клепанных колец; 10. Фрагмент стоячего кольчужного воротника (в кольца продета полоса кожи); 11. Фрагмент кольчатого панциря из клепанных и сварных колец; 12, 13, 19–22. Изображение панцирей Ермака из Ремезовской летописи. 14, 15, 17. Кольчатые панцири покроя «рубaha»; 16. Сварное кольцо кольчатого панциря; 18. Кольчатый панцирь покроя «куртка».

Рис. 79. Русский служилый с трофейной татарской кольугой. Фрагмент миниатюры из Ремезовской летописи.

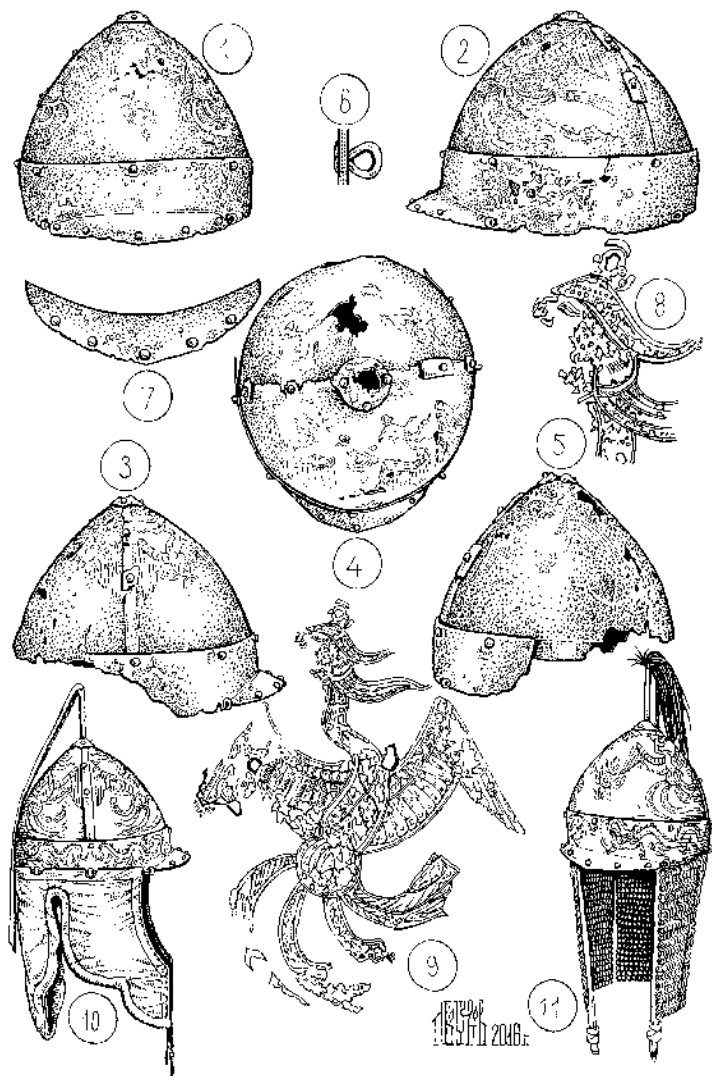

Рис. 80. Шлем XIV–XV вв. из Сузунского бора (рисунок и реконструкция Боброва Л.А.).

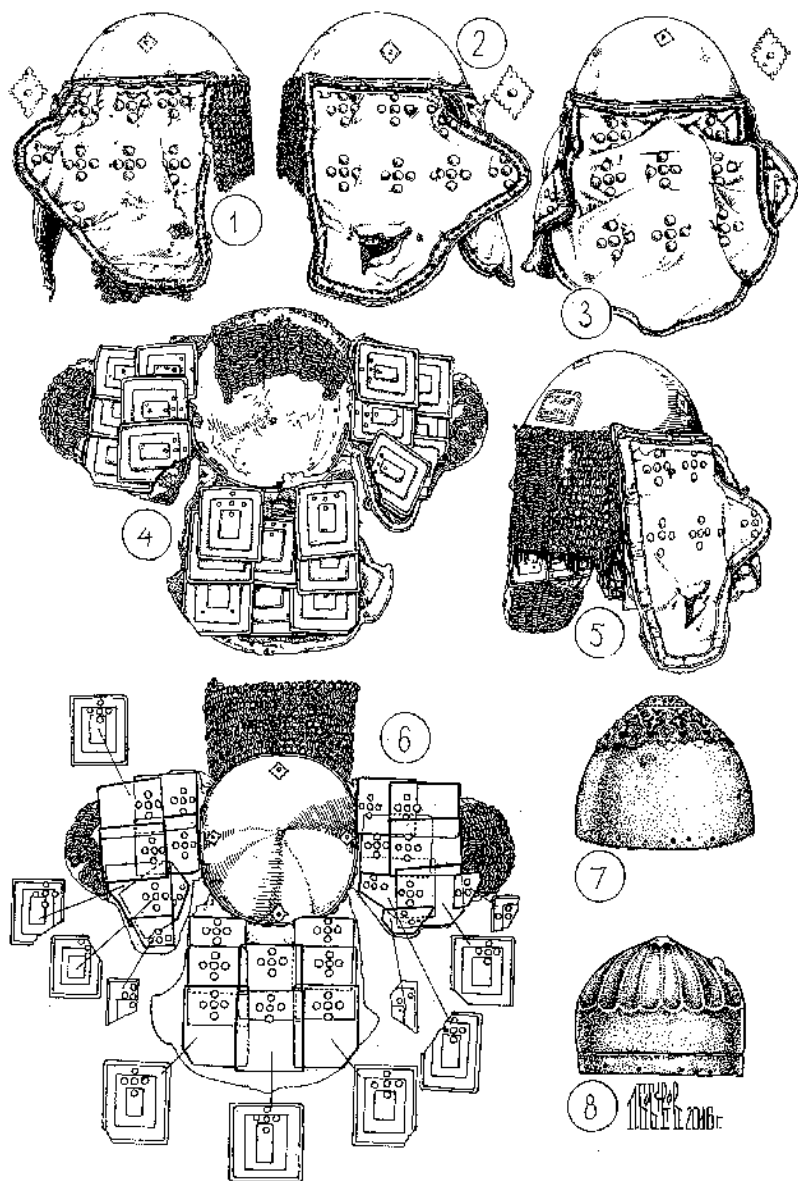

Рис. 81. Шлемы сибирско-татарских воинов XVI–XVII вв. (рисунок Боброва Л.А.).

1–6. Шлем из ТГИАМЗ (№4461/5420) с комбинированной бармцей.

7. Шлем из Истяжских юрт (Тюменская обл.), ТГИАМЗ (ТМ №5422).

8. Шлем из ПНИАЛ УрГУ.

Рис. 82. Шлем из Истяцких юрт (Тюменская обл.). ТГИАМЗ (ТМ №5422).

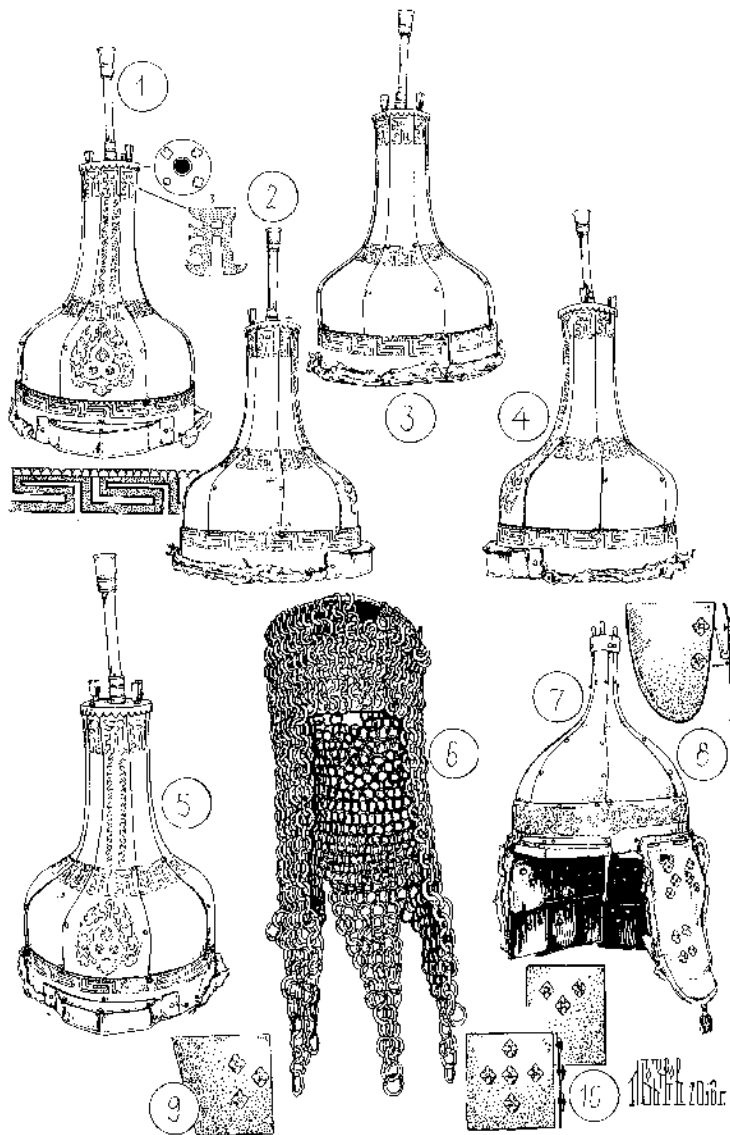

Рис. 83. Ойратские шлемы и мисюрка (рисунок Боброва Л.А.).

1–5. Ойратский шлем из ТГИАМЗ.

6. Мисюрка с территории Омской области (ОГИКМ).

7–10. Ойратский шлем из ТГИАМЗ и пластины бармицы (8–10).

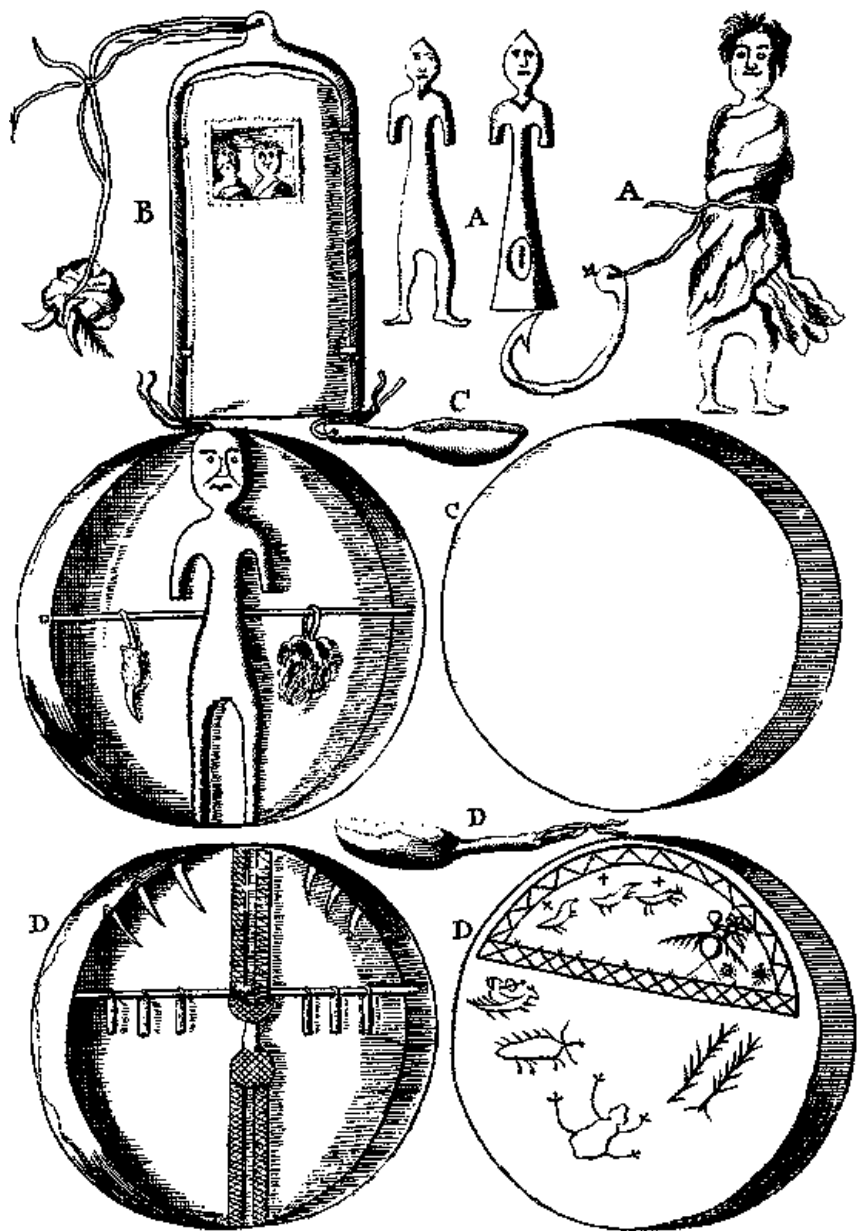
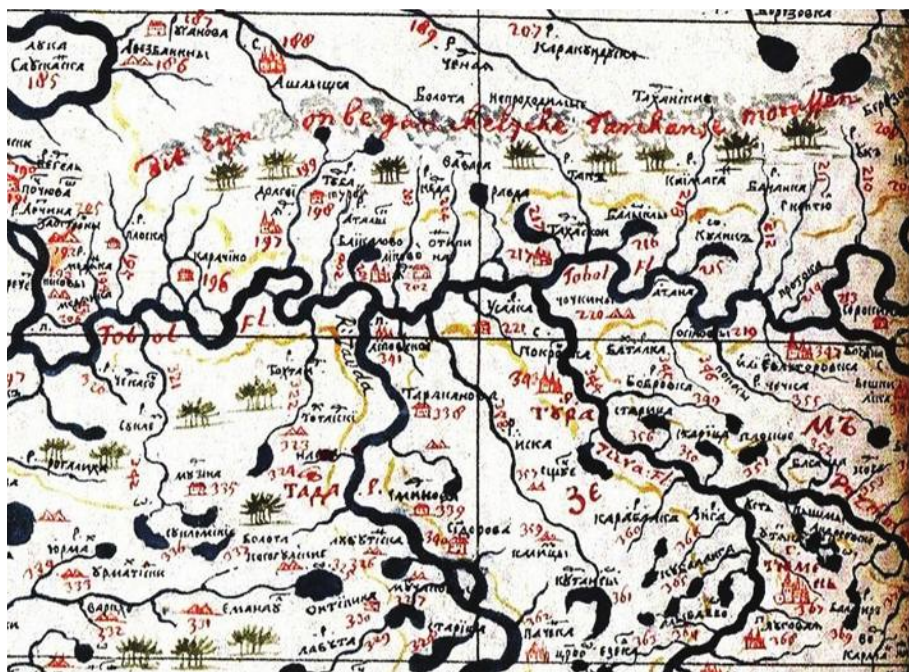

Рис. 84. Предметы шаманского культа барабинских татар. Первая треть XVIII в. (по Ф.И. Страленбергу) [Strahlenberg, 1736, p. 334, tab. VI].

а

б

Рис. 85. Объекты (исламские религиозные комплексы) астана в картографических материалах Семена Ульяновича Ремезова.

- а. Фрагмент листа 107 Хорографической чертежной книги. На изображении левого берега р. Ишим отчетливо видна надпись «астана».
- б. Фрагмент листа 2 Чертежной книги Сибири. Объект астана показан на левом берегу Тобола вблизи курт Чочкиных и Евлуторовской слободы.

Рис. 86. Культовое место астана у Юрт Баишевских Вагайского района Тюменской области.
 Фото А.Г. Селезнева, И.А. Селезневой, 2003 г.

Рис. 87. Статья 89 (112)
 Истории Сибирской
 (Ремезовской летописи).

Рис. 88. Карагайская рукопись. Фрагмент текста и деревянный стержень. Д. Большой Карагай Вагайского район а Тюменской области. Фото А.Г. Селезнева, 2004 г.

Рис. 89. Озеро Астана-бурень рядом с исламским культовым комплексом астана у д. Тюрмитяки Усть-Ишимского района Омской области. Фото А.Г. Селезнева, И.А. Селезневой, 2006 г.

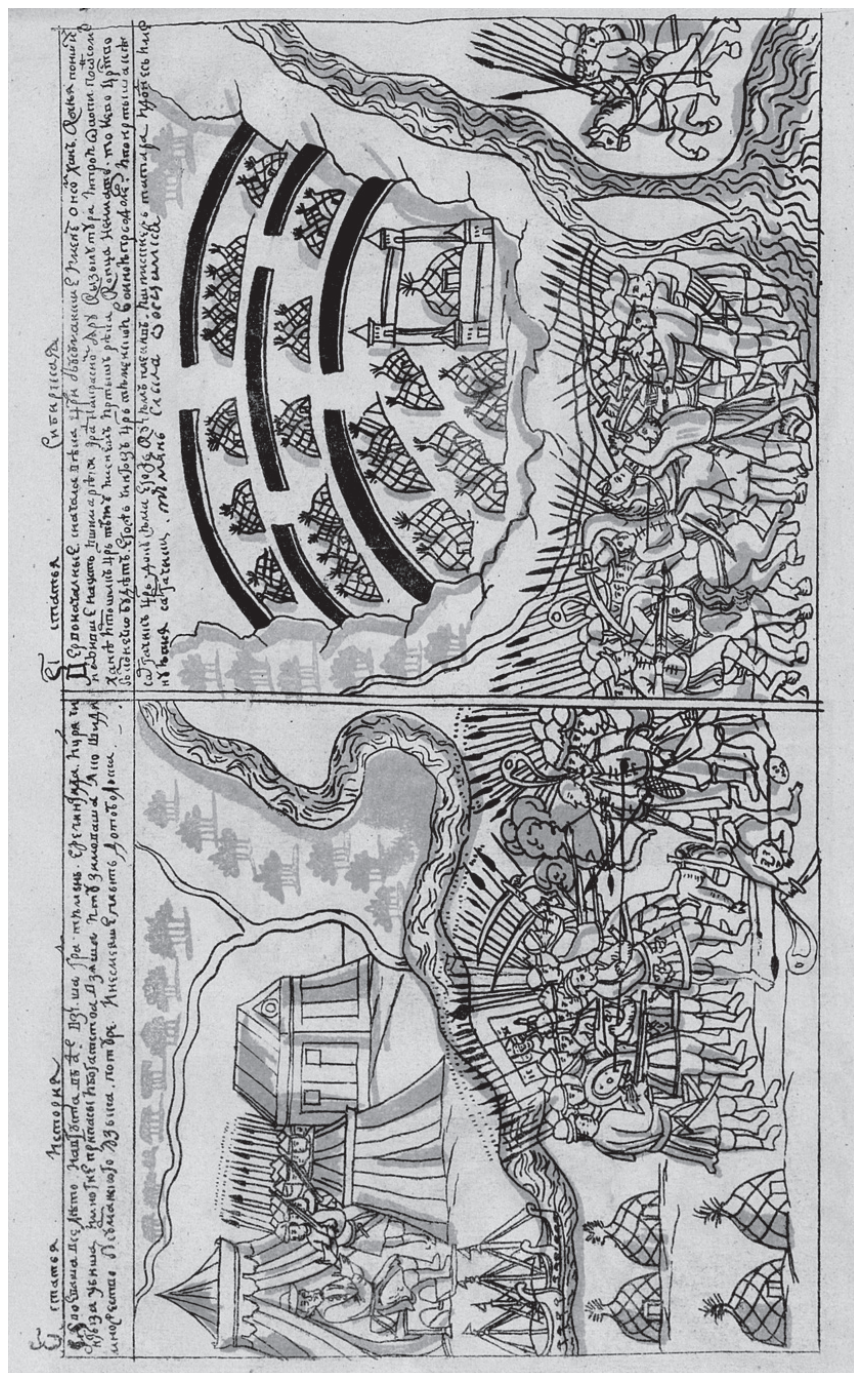

Рис. 90. Взятие города Томени (Чимги-туры). Рисунок из Кунгуреткой летописи [Краткая Сибирская, 1880, ст.15–16].

Рис. 91. Бой на Чувашском мысу. Реконструкция Л.А.Боброва.

Рис. 92. Шапка «ерихонская Кучумовская».

Булатная сталь, золото, камни, жемчуг, ткань, ковка, чеканка, резьба, насечка золотом, эмаль.

Диаметр – 22,0 см; вес – 1834,5 г.

Поднесена царю Алексею Михайловичу боярином Борисом Петровичем Шереметевым (ум. 1650). Память о сибирском происхождении шапки послужила, видимо, поводом для выдачи ее 27 января 1664 г. «Сибирскому царевичу» Алексею Алексеевичу (внуку Кучума Иш-Мухаммед б. Алганай б. Кучум) [Государева, 2002, с.51; Музеи Московского Кремля Инв. № Ор-164].

Рис. 93. Покров надгробный «митрополит Филипп»

Москва, мастерская Евдокии Андреевны Стрешневой (дочь сибирского царевича Андрея Кучумовича (Абулхайр б. Кучум)), 1650 г.

Шелк (XVII в.), бархат, холст (XIX в.), шелковые, пряженные и сканные нити, синель, ткачество, шитье. 192x101 [Маясова, 2004, с.308–309; Музеи Московского Кремля Инв. № ТК-2992].

Рис. 94. Фляга (сулея, матара, амагил)
Турция, первая половина XVII в. Кожа,
серебряная битва, нефрит, рубины,
изумруды, стекло, золото, серебро, горный
хрусталь; шитье, выемчатая резьба, чернь,
золочение. 27,5x21,5

Дар правнука Кучума касимовского
царевича Сеит-Бурхана (Василия) б.
Арслана б. Али б. Кучума царю Алексею
Михайловичу. Поднесена 2 августа 1653
г. [Искусство, 2008, с.120-123; Музеи
Московского Кремля Инв. № ТК-2882].

Рис. 95. Коранница (капторга) – шкатулка для хранения рукописных текстов Корана. Турция, начало XVII в.
Серебро, позолота, бирюза; резьба. 9,2x7,7x2,6. Принадлежала выходцу из Сибири мирзе имеддешу Исинею б.
Карамышу б. Мустакасиму, свойственнику детей, внуков и племянников Кучума [Золото, 2007, с.27; ГИМ].

Рис. 96. Трон, по преданию, принадлежавший касимовской ханше саййиди Фатимы-султан Шакуловой из рода касимовских сеидов Шакуловых, жены касимовского царя Арслана б. Али (1614–1627) и мать касимовского царевича Сеит-Бурхана (Василия) б. Арслана (1627–1679). Дерево, резьба. Касимовский краеведческий музей.

Рис. 97. Текие (мавзолей) хивинского царевича Араб-Мухаммеда б. Араб-Мухаммеда. Касимов, Старопосадское кладбище. Кирпич, резьба по белому камню, изразцы. 10x5,7x4,3 м. Построен вдовой царевича, сибирской царевной Алтын-сач, дочерью царевича Азима (Хаджима) б. Кучума и падчерицей касимовского царевича Арслана б. Али. В текие похоронены (сохранились надгробия) царевич Араб-Мухаммед, сама Алтын-сач, сибирский царевич Тауке (Тявка) б. Ишим б. Кучум а также сибирская царица Ай-ханыш, жена сибирского царевича Мухаммед-Кула б. Атаула (Ахмад-Гирей), сестра казахского царевича и касимовского царя Ураз-Мухаммеда б. Ондана, падчерица касимовского царя Арслана б.Али. Фото. А.В. Малова.

Рис. 98. Надгробие (закладная плита) касимовской княгини Ирины (инокиня Ираида) Федоровны (Ноготкова-Оболенская), супруги сибирского царевича Андрея Кучумовича (Абулхайра б. Кучум) и двух ее сыновей: князей Андрея и Федора Андреевичей, умерших в младенчестве. Середина XVII в. Белый камень, резьба. 74X68,5x12,5-12. Обнаружено в 2011 г. на месте, где ранее находился Московский Златоустовский монастырь. Первоначально, по-видимому, была вмонтирована в стену собора Иоанна Златоуста (1660-е гг.).

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХ ИМЕН

- А(б)дер б. Мар, сибирский князь 64, 66, 121
 Абак, телеутский князь 283
 Абалак, князь 311
 Аббас б. Нур ад-Дин, Опас, ногайский бий 45, 63, 64, 86, 87, 100, 107, 108, 120
 Аббас, персидский шах 337
 Абд ал-Гани сын Мумина, мулла 354
 Абд ал-Кадир 250
 Абдаллах б. Ибрахим, тимуридский султан 100
 Абделетиф б. Ибрахим, Абды-Летиф, Абдул-Латиф, казанский хан 38, 66, 96
Абдиров М. 73
 Абдулла (Абдаллах, Убайдаллах) II б. Искандер, бухарский хан 20, 21, 23, 70, 72, 73, 895, 101–103, 110–112, 126, 129, 243, 259, 262, 267, 268, 322
 Аблай (Аблагерим, Абла, Абличка) б. Ишим (Василий Ишимович), сибирский царевич 280–289, 293, 325, 326, 330–333, 335, 339, 341, 342, 409–420, 423–429
 Аблай (Абулай, Абла, Обла) б. Талай, калмыцкий тайша 284, 290, 291, 294
 Аблай б. Байбагас, калыцкий тайша 259
 Аблегириим, Аблай-Герим, пельмский князь 129, 130, 134, 137, 262, 265
Абрамов Н.А. 16, 17, 173, 175, 188, 192
 Абугай (Бугай, Бука) б. Ишим, сибирский царевич 281, 288–292
 Абулгази б. Араб-Мухаммад, хивинский хан, историк 8, 12, 14, 20, 43–45, 47, 55, 69, 80, 81, 99
 Абулхаир (Абулхаир) б. Кучум (Андрей Кучумович), сибирский царевич 269, 271, 321, 332, 335, 340, 341, 390
 Абулхаириды 101
 Абулхайр б. Девлет-Шейх (Абулхаир), узбекский хан 7, 9, 11, 20, 21, 31, 43–45, 57–59, 60–63, 65, 70, 75, 79–89, 94, 95, 99, 100, 103, 106, 107, 116, 119, 160, 172, 184, 223, 226, 243, 314, 322, 323
 Абу-Саид б. Султан-Мухаммад, эмир 334
 Авган-Мухаммед б. Араб-Мухаммад, хивинский царевич
 Авлампиев Я. 386
 Авнасалтан, татарка 394
 Агалак (Ал-Джагир, Салтаган) б. Махмудек, тюменский хан 38, 66, 67, 78, 83, 96, 101, 110, 116, 120–122
 Аганин С., касимовский мирза 300
 Агасан, персидский шах 337
 Агехи Мухаммад Риза, историк 45
 Агилдеев К., агалык Араслана 402
 Агиш б. Абалак, сибирский князь 68
 Агиш, казанский князь 121
 Агтаков (Агтаев, Актаков) Бегбелия, вогульский (пельмский) мирза 129, 137, 169
 Адад, бек 60, 63, 80, 86
Адамов А.А. 13, 26, 28, 177, 180, 188, 192, 193
 Адик, ногайский посол 35
Адрианов А.В. 196, 202
 Азан б. Девлет-Гирей, сибирский царевич 293, 295
 Азеев У. 404
 Азеп-салтан, дочь Кучума, царевна Сибирская 330
 Азехматов М., служилый татарин 299
 Ази, казахская царица 329
 Азим (Хаджим, Озим) б. Кучум, Хаджим, сибирский царевич 88, 89, 197, 272, 274–277, 280, 316, 325, 331, 332, 334, 340, 390, 406–408
 Аиса, сибирский татарин, гонец 126
 Айтикины, тарские купцы 150
 Ай-Ханыш, дочь Ондана, сестра Ураз-Мухаммада, жена Мухаммад-Кула, Булат-султана, казахская и касимовская царевна 334
 Ак б. Урус, ногайский мирза 380
 Ак б. Шейх-Мамай, ногайский мирза 74, 129
 Акбулатов М., абыз 395
 Ак-Девлет б. Ак-Курт, тюменский царевич 38, 67, 122, 123
 Ак-Дербиш, ногайский князь 380
 Ак-Курт б. Сайидек, тюменский царевич 38, 67, 122, 123
 Акныш, дочь Каная, сибирская царевна 385, 386
Аксанов А.В. 37
 Аксеит б. Дин-Али-ходжа, бухарец 248
 Ак-Сеит, пельмский мирза 134
 Ак-Сюрюк (Аксюрюк), сибирская царица, жена Кучума 329, 330, 383, 384
 Актула (Актулум), сибирская царица, жена Кучума 329, 330, 383, 384
 Ак-Тутай, сибирская царица, жена Атаула, мать Мухаммад-Кула 328, 384
 Ак-ханум, дочь Кучума, царевна сибирская 330, 383, 384
 Ак-ханыш, дочь Кучума, царевна сибирская 329
 Алабердей, тюменский татарин 326
 Алач б. Ямгурчи, ногайский мирза 119
 Алачевы, князя 135, 140
 Алачевы И., кондинский князь 139
 Алаш, бахадур 61
 Алдар, калмыцкий тайша 291
 Алебай, абыз 88, 274
Алеева Х.В. 252
 Алей, мирза, крымский посол 337
 Александров Ч., казак, тюменский голова 41, 277
Алексеев А.К. 81
 Алексеев Д., огородник Сеит-Бурхана, 396
 Алексеев Ф., огородник Сеит-Бурхана, 396
 Алексей Алексеевич (Иш-Мухаммад б. Алтанай), царевич, князь 332–335, 337, 338
 Алексей Алексеевич, царевич 85, 338, 339

- Алексей Михайлович, царь 187, 288, 291, 294, 295, 314, 332, 333, 338, 339, 342, 343, 429–431
Али (Алей) б. Кучум, сибирский хан 41–43, 71, 74, 85–89, 114, 115, 129, 131, 148, 195, 197, 257, 259, 262, 263, 265, 270, 272–278, 280, 314, 316, 321, 325–327, 329–331, 337, 338, 383, 385–387, 403, 421–423
Али б. Бекконди, царевич 56–59, 93
Али б. Кутум, романовский мирза 333
Али б. Ураз-Мухаммад, сибирский беклярибек, ногайский мирза 71, 74, 87, 113, 115, 265, 266
Али, бек 80
Алибай (Алтунай, Алты(у)н-бай) б. Иль-бек, казанский князь 93, 94
Алибай, сибирский татарин, абыз 89
Алиева Т.А. 188
Аликеев У., абыз 403
Алим-бек, казанец 94
Алимов М., бухарский старшина 309
Алказый, казанский князь 35, 36, 65, 79, 86, 95, 108, 119, 120
Аллабардеив К., ногайский татарин 404
Аллагул, ногайский татарин 394
Аллагур б. Кутук, мирза 299
Аллакуват б. Азамат, казыевский (ногайский) мирза 421
Алма-Бике, дочь Араслана, сибирская царевна 332, 334
Алмакай Алышев сын, мурза, князю 404
Ал-Омари, географ, историк 55
Алтанай б. Кучум, сибирский царевич 272, 277, 330–334, 337, 338, 340–342, 388–390, 422, 430
Алтунай, казанский правитель 93
Алтын, монгольский хан 278
Алтын-сач, дочь Хаджима (Азима), царевна сибирская, царица хивинская 331, 334, 405–408
Алтын-ханым, дочь Булат-султана, жена Ондана, сестра Ураз-Мухаммада, жена Арслана, казахская царевна, касимовская царица 329, 334
Алтыулы 101, 103, 114
Алурукуш б. Булуб-Берди, шейх 254
Алчагир б. Мусса, ногайский мирза 78
Альчевы, кондинские князья 224
Алышай, сибирский есаул 186, 188, 209
Алышев А., мирза, князь 432
Алышев И., толмач 394
Аль-Омари, хронист 59, 92
Алянчиков М. 392, 393, 395
Аминек б. Едигер, узбекский царевич 108, 120
Анастасия Васильевна, царевна, княгиня 329
Анастасия, старица 433
Ангилдеев Б. 431
Андреев С., переводчик 391
Андроников И.Н. 312
Анна Васильевна, царевна, княгиня 333
Анна Григорьевна, княгиня, жена царевича Григория Алексеевича 336
Анна Григорьевна, княгиня, жена царевича Никифора Васильевича 336
Анохин А.В. 237
Аношко О.М. 197
Антоний, игумен Кирилловского монастыря 426–429
Аньезе Б., картограф 68
Аполлова Н.Г. 156
Апраксин Ф., дьяк 388
Араб-шах (Арабша, Араб) б. Пулад, золото-ордынский хан 8, 55, 56, 58, 63, 99, 116
Аремзян, князь 311
Арслан (Алп-Арслан, Араслан) б. Али, сибирский царевич, касимовский царь 275, 329, 330, 333, 334, 337, 344, 387, 388, 391, 392, 396–408, 433, 434
Арслан-Али б. Абдула, астраханский царевич 336, 387
Артемьев Г., сын боярский 197, 274
Арцебашев А., дьяк 386
Аршинский Б., сын боярский 280
Асади, бий 65
Асай, ногайский мирза 68
Асанов А., абыз, крымский татарин 403
Асанов М., турок 403
Асманак б. Кучум, сибирский царевич 270, 272, 329
Астаев Ишей, калмыцкий посол 415–420, 423, 424
Асыка, пелымский князь 34, 118, 133
Атаул, дочь Текея, сибирского аталыка 385, 386
Атиулов (Аткулов) Илигей, татарский мирза 326
Атласов (Атласов) Х. 18, 185, 186, 192, 194–196
Аттик, сибирский мирза 196, 210
Аулия (Авлия) б. Ак, ногайский мирза 112, 114, 267, 269
Афанасий, старец 428
Афанасьевы П. и Г., мельники касимовские 400
Афтал, шейх 254
Ахит, сибирский мирза 272
Ахмад (Ахмат, Ахмед) б. Кучи-Мухаммад, хан Большой Орды 31–33, 36, 45, 61, 63, 64, 70, 84, 86, 88, 100, 107, 108, 116, 117, 120, 121, 136, 160, 172, 184
Ахмад б. Мамук, тюменский царевич 109, 110
Ахмад-Гирей (Ахмет-Кирей) б. Муртаза, сибирский хан 42, 69, 71, 72, 74, 83, 85, 86, 101–103, 109, 110, 123, 125, 128, 129, 268, 328
Ахманаев А., князь, служилый татарин 299, 306
Ахматовичи 108
Ахмедов Б.А. 21, 23, 60, 62, 80, 94
Ахметев К. 395
Ахметев С. 432
Ахметова-Урманче Ф.В. 87, 88
Ахметчанов А.К. 249
Ахметчанова Ф.А. 249
Ачекматов Майтмас, служилый татарин 306
Аштарханиды 80, 81
Аюка (Оюка), калмыцкий тайша 293, 295, 297

- Аюп-ходжа б. Султамет 248
 Аюсара, калмык 416
 Бабасан, мурза 301
 Баба-султан б. Науруз-Ахмед, ташкентский хан 101, 102, 259
 Бабин И., белозерский кабацкий голова 411, 412
 Багауддин, шейх 100, 251
 Баенеив А., касимовский татарин 404
 Баншев А., служилый татарин 317
 Бай (Бегай) б. Ханбай, ногайский мирза 330, 385
 Байбегиш, сибирский татарин 281, 316
 Байбохтин И. 431
 Баймаметев Е., ногайский татарин 403
 Байнеив Б. 403
 Байречюр, ключник Арслана 404
 Байсеит, сибирский мирза 111
 Байсеитов К., мирза 299
 Байтерек б. Урус, ногайский бий 272
 Байтерек, сибирский мирза 331, 383
 Байтереков И., сибирский татарин 403
 Байтерековы, ногайские мирзы 115
 Байцын Б., переводчик 430
 Байчиков А. 391
 Байчюрин А., уфимский переводчик 416
 Бай-Шайх, кукельташ 88
 Бакшеев И., сын боярский 326
Балок Н.А. 311, 312
Балонов И.В. 28, 188
 Бангучатов Я., ясачный татарин 323
 Барак б. Койричак, золотоордынский хан 59, 60, 63, 99
 Барак б. Урус, ногайский мирза 275
 Барак, узбекский хан см. Науруз-Ахмед
 Бараш, казанский сейид 38
 Барашев Б, ясачный татарин 148
 Барашев Я., ясачный татарин 148
 Барбаро И., венецианский дипломат, путешественник 153
 Барберини Р., путешественник 18
 Бари-Мухаммад б. Алурукуш, шейх 254
 Баронаев С. 431
Бартольд В.В. 6, 19, 20, 55, 101, 241
Барфилд Т.Дж. 82
 Баятинская (Сибирская) Е.Н., княгиня 336
 Баятинский Н.В., князь 336
 Басаргин А., посадский человек 410
 Бату (Бытый) б. Джучи, чингизид, наместник Улуса Джучи 8, 9, 19, 58, 84, 85, 99, 108, 121
 Багудиы 55
 Баубеков К., мирза 431
 Бахадур б. Шибан, царевич 9, 55, 99
Бахрушин С.В. 14, 19, 20, 39, 82, 90, 91, 106, 131–133, 141, 149, 153, 156, 161, 169, 170, 188, 195, 203, 213, 261, 299–301, 304, 306, 310, 314
 Бахтияр б. Хизр, узбекский царевич 62, 65, 70, 85, 86, 100
 Бахтуразов Я., захребетный татарин 323
 Бахтураска, служилый татарин 306
 Башмаков З., темниковский татарин 394
 Баянов А., князь 395
 Бегичев Яглыч Безелек, сибирский татарин, абыз, посол 387
 Бегиш, большой сибирский князь 76, 87, 97, 193, 210, 221, 311
 Бегиш, казанский князь 35, 36, 65, 79, 95, 119
 Бегишев С., старшина 317
 Бегишев Я. 317
 Безелек, абыз, посол 89, 273
 Безергенев Б., сибирский татарин 403
 Бекбулат (Бек-Пулад) б. Казый, сибирский князь 41, 68, 70, 77, 101, 263
 Бекконди б. Минг-Тимур, царевич 55, 56
 Беклемишев М. 387, 388, 398
 Беклемишев И., боярский сын 167
 Бела IV, венгерский король 8
 Беликов К., служилый татарин 391
Белич И.В. 28, 172, 232, 234, 238, 244, 248, 250, 258
 Белка Г., шведский посол 337
 Белл Д. 217
 Беляков А., касимовский сейид 392, 393
Беляков А.В. 13, 31, 43, 328
 Бенеvский С.-К., польский посол 337
 Берделей Т., тарский мирза 149, 299
 Берелев Т. (Дин-Али), тарский сейид 300
 Берестовский К.-П., польский посол 337
 Бесорген, ясачный татарин 324
Бессер-Засецкий Е.М. 199
 Бегиков И., ясачный татарин 321
 Бетин М., князь 406
 Бехтемиров Д., сибирский татарин 403
 Бибадша б. Кучум, сибирский царевич 272, 329
 Бибилушев Е., московский татарин 403
 Бигач-Ата, шейх 244, 254
 Бигозин К. 432
 Бильбарс б. Буреке, узбекский царевич 67, 101
 Бирдюкин-Зайцев Ф.И., самарский воевода 386
 Битяговский Ф., сын боярский 395
 Бичюрин Т. 431
 Боборыкин Я.М., дворянин 388
 Бобрицев-Пушкин И.Г., касимовский воевода 396, 407, 408
 Бобрицев-Пушкин Ф., тюменский воевода 316
Бобров Л.А. 13
Боброва А.И. 29
 Бовыкин Ф., сын боярский 313
 Богдан Калининкович, князь 330, 336
 Богдан, ногайский татарин 394
 Богданов Е. 431
 Богданов С., дьяк 428, 429
Богомолов В.Б. 236
 Боишан, дядька Алтаная 325

- Болдырев М. 434
Болотников И., дьяк 398
Бохты б. Сеит-Кул, казахская царевна 329
Бояр, угорский князь 138, 257, 261
Бояршинова З.Я. 21, 23, 142
Брюнель О., голландский купец 161
Брызга Б., полусотник, казачий атаман 152, 189, 257
Будград (Донавский) А., цесарский посол 336, 337
Буза(у)нджар, бий 62, 80, 86
Булан-Бек, персидский посол 337
Булат-султан б. Усяк-хан, казахский царевич 329, 334
Булуб-Берди б. Муса, шейх 254
Буреке (Берке) б. Едигер, узбекский царевич 63, 67, 100, 101
Бурлюк, калмыцкий тайша 424
Бурулдай, монгольский полководец, аталык 86, 116
Бустанов А.К. 33. 36, 40, 42, 43, 73, 250
Бутаков И.Н. 28, 176, 184
Бутурлин Е.В., тобольский воевода 307
Бухараев Р. 242
Буцинский П.Н. 310
Бушен А. 132
Буян, бий сибирский 186
Буян, калмыцкий тайша 424
Ваганов А.М. 199
Вакас б. Нур ад-Дин, ногайский бий 62, 63, 86, 100, 107
Валеев Ф.Т. 22, 142, 153, 158, 162, 203, 237, 241, 301, 309
Валиди-Тоған А.З. 44, 46, 58, 59, 69, 93, 94
Варваровский Ю.Е. 82
Варкич М., германский посол 267, 336
Василий III Иванович, великий князь московский 34, 38, 67, 122, 137
Василий Алексеевич, царевич, князь 329, 335
Василий Андреевич, царевич, князь 329, 335
Василий Арасланович (Сеит-Бурхан б. Арслан), царевич касимовский 333, 335, 341, 396, 397, 399, 401, 402, 407–409, 429–431, 433, 434
Василий Васильевич, царевич касимовский 331, 339
Василий Иванович, царевич касимовский 338
Васильев М., рыбак 400
Васильев С., посадский человек 410
Вашуков У., служилый татарин 391
Введенский И. 17
Велден, калмыцкий тайша 425
Вельяминов-Зернов В.В. 17, 327, 329, 330, 332
Венгеров С.А. 16, 17
Вербицкий В.И. 203
Вереев А., дьяк 388
Веригин Ф., тюменский воевода 187
Вершинин Е.В. 148, 155
Вид А., картограф 11
Викторова В.Д. 29
Вилков О.Н. 105, 171
Витсен Н.К., картограф 212
Воейков А.М., боярин, тарский воевода 152, 162, 163, 170, 269, 272
Воейков П., писец 397
Волков Е.Н. 48
Волконский П., князь, уфимский воевода 287, 413, 415, 417, 419, 420
Вольнский И.Я., стольник 336
Воня, князь 139, 268
Вязьмин (Вязин) С., служилый человек 306, 323
Габдулла-хан, казанский хан (?) 94
Габсбурги 68
Гаврилов И., касимовский посадский человек 396
Гази (Кази) б. Эдигей, ногайский бий 59, 80, 83
Гаип-Мамет-богатырь, каракалпакский хан 297
Галдан Бошокту, хан, хунтайджи 295
Галим-бек, казанский князь 93
Гарабурда М., польский посол 336
Гарасимов С., толмач 385
Гарифуллин Ч.Б. 5
Гасталди Дж., картограф 11, 68
Гафурова З.А. 158
Гваньини А. 18
Гелев Е., крестьянин 386
Генниг В.Ф. 27, 201
Георги И.Г. 25, 51, 203
Гепкеп, калмыцкий тайша 290
Герард Г., картограф 68
Герасимов Ю.В. 220, 226
Герберштейн С., австрийский посол 11, 18, 68, 101, 109, 123, 135
Гилденв К., князь 395
Гладков С., сын боярский 320, 325
Гмелин И.Г. 234
Годунов Борис Федорович, русский царь 11, 187, 273, 300, 311, 326, 330, 335, 337, 339, 342, 382–387
Годунов М.М., тюменский и тобольский воевода 115, 277, 307, 316, 321, 324, 330
Годунов П.И., тобольский воевода 294
Голдина Р.Д. 27, 149, 201, 205
Голицын М.А., боярин, князь 342
Головнев А.В. 309
Голодников К.М. 189
Голосов Т., дьяк 410, 411
Гордея Васильевна, княгиня 331
Грамотин И., думный дьяк 388
Гребнева Г.И. 29
Григорий Алексеевич, царевич, князь 332, 336, 338, 342
Гриневич К.Э. 27
Грушецкая А.Г., царица, жена царя Федора III Алексеевича 336
Грушецкая Анна Семеновна, княгиня 333, 336
Грушецкий И.К., белоозерский воевода 409, 410
Грязев И., дьяк 388, 398

- Грязнов М.П.** 26, 48, 197
 Гуленфат, дочь Кучума, сибирская царевна 330
 Гултаев Т., мирза 301
 Гунджа, калмыцкий княгиня 288
 Густав, шведский царевич 337
 Гушей (Гушин), калмыцкий тайша 283, 284
 Гуюк б. Угедей, монгольский хан 85
 Дайкошучи, калмык 291
 Дайкуш, калмыцкий тайша 415
 Дайчин (Тайчин, Тайча) б. Хо-Урлюк, большой калмыцкий тайша 286, 289 292, 293, 424, 425
 Далай-Абаша, калмыцкий тайша 290
 Далай-Батыр (Богатырь Талай), калмыцкий тайша 277, 279, 280, 283–285
 Далмат, старец 326
 Данай, дочь Уруса, ногайская княгиня, сибирская царевна 114, 329
 Данилов Каргай 430
 Данилов Кермай, имелдеш 431
Данилов П.Г. 28, 188
Данченко Е.М. 28, 29, 194, 202
 Дасаив В., толмач 391
 Дасаив С., мирза 395
 Даулат-Ходжа, диван 88
 Даян-Омбо (Доен-Онбо), калмыцкий тайша 288, 289
 Де Алегретус А., цесарский посол 337
Де Бай, Ф. 26
Де Виз Д. 73
 Де Клавиво Р.Г., путешественник, испанский дипломат 92
 Де Колло Ф., венецианец, германский посол 68
 Девлет-Гирей (Девлеткирей, Кирей) б. Чувак, сибирский царевич 12, 281–292, 298, 307, 315, 322, 326, 331, 412, 414–420, 423–425
 Девлет-Гирей, крымский калга 421
 Девлетим-бай, 188
 Девлеткилдеев Ф. 432
 Демидовы, русские промышленники 319
 Демьян, кондинский князь 138, 186, 189, 190, 209
 Дербышелев А., толмач 416
 Дервиш-Хусайн, карачин-бахадур 80
 Дерапаша (Тур-пача, Дойдур-паша, Д(т)урпадша, Турфотша), дочь Кучума, царевна Сибирская 330, 335, 383, 401, 405, 406, 408
 Дерябин Д., дьяк 429
 Джалал ад-дин, шейх 254
 Джамн Нур-эд-дин Абд-р-Рахман, поэт-суфий 255
 Джан-Арслан б. Урус, ногайский мирза 331, 333, 380
 Джанибек б. Барак, казахский хан 63, 100, 103, 107
 Джанибек б. Узбек, золотоордынский хан 174
 Джанибек-Гирей б. Шакай Мубарек Гирей, крымский хан 421
 Джан-Мухаммад б. Кучум, внук ногайского бия Исмаила, сибирский царевич 114
 Джанта б. Минг-Тимур, царевич 56
 Джан-тата, дочь Али, сибирская царевна 333, 334
 Дженкинсон А., английский дипломат 11
 Джумадук б. Суфи, узбекский хан 18, 20, 57, 59, 79, 99
 Джучи б. Чингисхан 7–9, 56, 62, 94, 100, 143
 Джучиды 106
 Дивеев Кантемир, ногайский князь 421
 Дин-Али ходжа б. Мир-Али ходжи, сейид 72, 73, 89, 150, 248, 300, 334
 Дин-Ахмад б. Исмаил, ногайский бий 74, 102, 111, 114, 128, 129, 329
 Дин-Мухаммад (Тин-Махмет) б. Дин-Ахмад, ногайский бий 114, 331
Диосеги В. 234, 237
Дмитриев А.А. 18, 131, 196
Дмитриева Л.В. 235
 Дмитрий Алексеевич, царевич, князь 332, 336
 Доббин А., капитан 294
Доде З.В. 62
Долгих Б.О. 141, 301–303, 314, 317
 Долгорукий Г.И., тюменский воевода 307
 Долгоруков В.Д., князь 336
 Долгоруков Д., уфимский воевода, князь 170
Долгоруков П.В. 327
 Долгорукова К.В., княгиня 336
 Домна Васильевна, княгиня касимовская 336
 Доможиров Б., письменный голова 195
 Досаев В., толмач 407
 Досбагин Купланда, калмыцкий посол 415–420, 423, 424
Дульзон А.П. 27, 48, 203
Дюдуаньон С. 232
 Дюдюбак б. Абугай (Дюдюбак Бокаев), сибирский царевич 295
 Дюргечи-Кундулен-Убаши, калмыцкий тайша 115
 Евдокимов П., дьяк 399
 Евдокия Андреевна, княгиня 335
 Евдокия Васильевна, княгиня 336
 Евдокия Герасимовна, княгиня
 Евлубай Бекотин, тесть царевича Чувака, сибирский татарин 277, 325, 331
 Евранья, игуменя 410
 Егуп, абыз 395
 Едигер (Йадгар) б. Тимур-Шайх, узбекский хан 7, 43, 45, 63, 100
 Едигер (Ядк(г)ар) б. Казый, сибирский князь 11, 17, 18, 39–42, 68070, 76–78, 83, 96, 97, 110, 124, 126, 141, 151, 264
 Екмычевы, югорские князья 133
 Елгутин Б. 432
 Елгутин Е. 431
 Елдашев Я., башкирин 297
 Елден, тайша 424
 Елецкий А.В., тарский воевода 170, 194, 196, 271
 Елецкий Ф.Б., тарский воевода 113, 149, 272

- Елизаров М., тюменский воевода 316
Елизарьев Иван сын Авинов, сын боярский 396
Еломанов С., ногайский татарин 403
Елтура 322
Елы(е)гай, князь 193, 211
Емачтаев Б., служилый татарин 359
Емашев У., мирза 395
Емелдеш, пельымский мирза 134
Енаков К. 404
Еналеев М., касимовский татарин 403
Енбулат, князь 299
Енбулатов И., касимовский служилый татарин 395
Енгильдеев К., служилый татарин 299
Ендос, ясачный татарин 321
Енмамет (Федор), ногайский татарин 394
Енмаметев И. 404, 431
Енсарыков Е., служилый татарин 391
Епанча, князь 15, 186
Еринов Л., стрелец 425
Ермак, атаман 11, 16–20, 22, 23, 26, 39, 41–43, 76, 87, 110, 112, 115, 127, 129, 130, 138, 152, 162, 164, 165, 169, 171, 172, 175, 177, 180, 184–187, 189, 191–194, 197, 212, 213, 221–224, 226–228, 245, 256–265, 323
Есипов Савва, русский летописец 40, 41
Ефимий, поп 426
Ефимья, княгиня, жена Василия Ишимовича 335
Ефремов П., крестьянин 400
Жареный Т., сибирский служилый человек 167
Жилин И., касимовец 404
Жилин И., подьячий 319
Жилка Н., казанец 425
Жихарев А.М. 196
Завалишин И.И. 157
Зайцев И.В. 37
Зайцева О. 197
Занги-Баба (Занги-ата) 73, 244, 255
Звенигородский П.Н., белоозерский воевода 410–414
Зеленин Д.Г. 240
Зен-Магмет (Енмамет, Делмамет) б. Бай, внук Кучума 330, 383, 284
Зенчаков Б., сибирский татарин 403
Зиновьев Л., пристав 429, 430
Зияев Х.З. 22, 23
Знаменский М.С. 26, 28, 176–179, 181–183, 185, 188, 189, 192, 199, 203
Зубов И., сын боярский 395
Зуев А.С. 304
Зыкин Ф., подьячий 432
Зыков А.П. 28, 49, 53, 176–178, 180, 181, 257
Ибердей, касимовский абыз 334
Ибн Батутта, путешественник 59, 61
Ибрагим (Ибреим) б. Исмаил, ногайский мирза 380
Ибрагим б. Юсуф, ногайский мирза 113
Ибрагимов С.К. 20
Ибрахим (Ибак, Айбак, Ивак) б. Махмудек, тюменский хан 10, 11, 22, 23, 31–41, 44–47, 58, 63–66, 68, 70, 73, 76–79, 83, 84, 87–89, 94–96, 100, 101, 103, 107–110, 116–122, 126, 136, 160, 161, 172
Ибрахим б. Пулад, царевич 8, 57, 99
Иван III Васильевич, великий князь 22, 33–38, 66–68, 78, 84, 95, 107, 108, 116–122, 126, 132, 136, 223, 262, 390
Иван IV Васильевич Грозный, царь 12, 15, 21, 34, 39, 41–43, 69, 70, 97, 112, 117, 123, 126, 127, 130, 137, 141, 161, 169, 184, 335, 343, 391
Иван Алексеевич, царь 336, 338
Иван Васильевич, царевич касимовский 434
Иван Федорович, князь 330
Иванич М. 56
Иванов А., сын абыза 404
Иванов Г., тюменский казак 277
Иванов Е., пушкарь 411
Иванов К., калмык 403
Иванов Л.И., думный дьяк 434
Иванов П.П. 20
Иванов С.В. 234
Иванов Ф., тобольский служилый человек 170
Ивервинт, датский посол 337
Ивлев М.Н. 165
Ивлев Н.П. 165
Идебердеев И., мирза 395
Идес Э.И., русский посол 212, 235
Иевлев А., дьяк 422
Изекбей, телеут 283
Изламов С.-А., ногайский мирза 329, 333
Измер Т.С. 173
Изъездинов Н.М., тюменский городской голова 276, 277
Илашев С., сотник 283
Илетень (Иледен, Ыделин) б. Мургаза, сибирский царевич 268, 272
Илчбика, жена Аблая б. Ишима, 414
Ильбарс б. Буреке, узбекский хан 67, 101
Ильбек б. Минг-Тимур, золотоордынский хан 55, 56, 93
Ильхам (Алегам, Али) б. Ибрахим, казанский хан 32, 35–37, 65, 79, 95, 118, 119, 121
Ильяс б. Ильбек, царевич 56
Именяев М. 431
Имяминовы, сибирские татары 249
Инаи А. 241
Иовий П. 18, 68
Иоганка, монах 56, 92
Ионн Фредерикович, датский принц 337
Ирден (Ирденай), контайша 170, 289
Иртышов Д., служилый татарин 300
Иса, золотоордынский бекарибек, мангыт 58
Исаев Д., посадский человек 394
Исаков С., касимовский татарин 403
Исатай, кыйат, бек 80

- Иселиман, уфмский татарин, посол к Али б. Кучуму, 274
- Исин А.И.** 102
- Исинеев Н., имелдеш 431
- Исинеев У. 432
- Искандер б. Джанибек, узбекский хан 101
- Ислам (Слам) б. Ишим, сибирский царевич 280, 281, 415
- Исмаил б. Муса, ногайский бий 42, 69, 70, 78, 97, 110, 113, 124, 125
- Исминев У. 395
- Исхаков Д.М.** 5, 12, 13, 23, 28, 43, 82, 84, 85, 87–89, 136, 142, 231, 300, 302, 304
- Ички-Йабагу, диван, уйгур 88
- Ишбулин О., ясаул 91
- Ишеев А. 391
- Ишеев Р. 432
- Ишев Т., касимовский татарин 404, 431
- Ишей, абыз 395
- Ишим (Иш-Мухаммад) б. Кучум, сибирский хан 74, 88, 115, 271, 272, 273, 276–282, 286, 314, 316, 317, 325, 327, 330, 331, 334, 386
- Ишимов Е., касимовский служилый татарин 395
- Ишкеев Араслан, мурза 431
- Ишкеев Н., мирза 431
- Ишкенева С., касимовский абыз 395, 403
- Ишкеп, калмыцкий тайша 291
- Ишмаев И. 432
- Иштеев К. 431
- Иштерек б. Дин-Ахмад, ногайский бий 115, 331
- Ишторе-багатырь, ногайский посол 380
- Йакуб-Ходжа, ички 89
- Йарканди Г.Х., мулла** 251
- Йусуф-Ходжа, ички 89
- Каан-бай б. Иль-бек, золотоордынский хан 55–57, 93, 116
- Кавагучи Х.** 46
- Кавчуков Б., князь 282
- Кадак б. Шибан, царевич 55
- Кадыза, мамка, сибирская татарка 381
- Кадыр Али-бек б. Хошум-бек Джалаир, хронист 11, 43, 58, 76, 78, 87
- Кадыр-Берди б. Токтамыш, золотоордынский хан 58
- Казанкин Б., служилый татарин 307
- Казимир IV, польско-литовский король 64, 86, 107
- Казый (Казы, Касым) б. Мамет, сибирский князь 18, 41, 68
- Кайбулин М.А., астраханский царевич 391
- Кайдаул, мирза 227
- Кайдаулов А., мирза 299
- Кайдаулов Б., служилый татарин 310
- Кайдаулов М., мирза 299
- Кайдаулов Ч., мирза 299
- Кайсаров М.Ф., тарский воевода 149
- Какшара, служилый татарин 306
- Калимет, казанский князь 66, 121
- Калинник Джансуерович (Джанбек), царевич, князь 330, 333, 335, 340, 341
- Камал ад-Дин Бинаи, поэт, историк 75, 79
- Кампензе А. 18, 68
- Канаев М., князь 403
- Канай (Ханай) б. Кучум, сибирский царевич 39, 102, 114, 197, 268, 270, 272–277, 316, 325, 329, 331, 383, 385, 386
- Кангулов Т.И. 430
- Канчвар (Кансувар, Ханчубар) б. Кучум, сибирский царевич 276, 277
- Канчурин У., служилый татарин 299
- Каны, дочь Каная, сибирская царевна 383
- Кара Кель-Мухаммад б. Ураз-Мухаммад, ногайский мирза 335
- Кара, сейид 89
- Караджан, дочь Кучума, царевна Сибирская 330
- Каракуш б. Ямгурчи, ногайская княгиня, казанская царица 120
- Карамзин Н.М.** 15, 16, 18
- Карамыш, дочь Кучума, сибирская царевна 65, 111
- Карамышев Б.М., сибирский мирза 334, 381
- Карамышев И., сибирский татарин 334, 405
- Карамышев К., служилый татарин 395
- Карасакал (Бай-Булат Хасянов), башкир 296–298
- Кара-Ходжа б. Хизр, золотоордынский хан 55
- Карачай (Карачаца), дочь Ибердея, касимовская царица 331, 332, 334
- Карачай, дочь Кучума, сибирская царевна 383
- Карачарова (Носкова) Л.В.** 190
- Каргалов В.В.** 22
- Карлам Апас Азя (Каплан) б. Урус, ногайский мирза, аталык 275, 276
- Карнаухов А.В.** 156
- Карпини П. 18
- Карпович С., воевода 38
- Каруц Р.** 213, 214
- Карцов К.В.** 175
- Карьялайнен К.Ф.** 245
- Касим б. Сеид-Ахмад, астраханский хан 45, 63
- Касим, бек (отец Кадыр-Али-бека) 76
- Касимов М., стрелец 415–420
- Касы(н)м (Икайсым), казанский сейид 35, 36, 65, 95, 119
- Катажук, ногайский (казыевский) мирза 421
- Катанов Н.Ф.** 16, 43, 77, 109, 245, 250, 251
- Кашаев И., переводчик 419
- Кашаев М., переводчик 430
- Кашлык 65
- Кедай (Кедяй) б. Кучум, сибирский царевич 272, 275, 277
- Келементеев Т., служилый татарин 299
- Келмамет б. Кучум, сибирский царевич 403
- Кензин Б., ясачный татарин 307
- Кермаев С. 431

- Кеча, ногайский посол 380
Кибек-Ходжа, бий 60, 80
Кизылбай, служилый татарин 306
Кикек, пельмский князь 130, 138
Кильдеман (Ки)елдеман), сибирский татарин 323
Кильдибек, золотоордынский хан 174
Кипчак-хан, хронист 56, 61
Кирей б. Барак, казахский хан 63, 100, 103
Кирелги, калмыцкая княгиня, жена Девлет-Гирея 424
Киржацкий В., толмач 415–420, 423–425
Кичей Чоров сын, калмык 403
Кичей, ногайский татарин 394
Кичи (Кучук)-Мухаммад б. Тимур, золотоордынский хан 44, 84
Клепиков М.И., торговый человек 401
Клодт Е.А. 196
Клосс Б.М. 32, 34
Клюева В.П. 309
Кляшторный С.Г. 9, 67
Коблова (Молявина) Е.Ю. 19
Ковер Василий, князь 39
Когутай, барабинский князь 149
Кожбахты (Хошбахты), чатский мирза 268, 382
Козембердей, аталык 88, 274
Козин С., монастырский служка 428
Козловская М.В., княгиня 335
Козловский А., белозерский воевода, князь 426
Козловский В., князь 335
Козловский С., толмач 410
Козюбайка, ясачный татарин 320
Кой Салтан, персидский посол 337
Кока б. Абак, телеутский князь 283
Коксечев И., башкир 425
Кокутлугильдеев К., ясачный татарин 318
Кокшул, калмыцкий тайша 281
Колединский Ф., старец 426–429
Коловский Ф.И., уфимский воевода 321
Кольцов И., казачий атаман 262
Кольцов-Масальский В.В., тобольский воевода, князь 27
Кондаза (Кандаза, Казада), дочь Дин-Ахмад, сибирская царица, жена Али 383, 385, 386
Конилов Б.А. 28, 201, 213
Кониичи б. Сартактай, золотоордынский царевич 9
Кононов А.Н. 47
Копатов А., уфимский сын боярский 417
Копылов Д.И. 22
Коробов А., воевода 38
Корсаков Т.Г., дьяк Поместного приказа 384, 385
Корусенко М.А. 52, 243
Корусенко С.Н. 233
Косарев Д., казак 313
Косинцев П.А. 183
Костюков В.П. 9, 23, 55, 56
Котошихин Г.К. 342
Кочашов Ч., служилый татарин 300
Кошанин Ф. 396
Кошур, калмыцкий тайша 278
Крамаровский М.Г. 62
Кривой (Ковчижка, Колчигов) Т., тобольский татарин 290
Кривцов М. 400
Крижанов Ю, священник 224
Кропотов А., ротмистр 290
Крупенин П., новокрещен 309
Крымский Е., мирза 295
Кубей-Мурад (Кубей, Берди-Мурат) б. Кучум, сибирский царевич 272, 273, 316, 330, 386
Кубул, сибирская царица, жена Кучума 329
Кувандыков Т. 15
Кудабердей, ясачный татарин 318
Кудайберды-улы Шакарим 115
Кудашев Б., абыз, ногайский татарин 404
Кудяров Б., служилый татарин 394
Кузеев Р.Г. 314, 320–323
Куземенкей, чатский князь 382
Куземирин К., уфимский подъячий 425
Кузнецов А., казак 313
Кузнецов С.К. 26, 196
Куйша, калмыцкий тайша 285
Куликов Б.П., князь 391
Кул-Мухаммад, сейид 89
Кульмаметев А., служилый татарин 308
Кульмаметев К. 310
Кульмаметевы, служилые татары 310, 315
Кумыз (Камыз), дочь Кучума, царица Сибирская 329, 383
Куммыш б. Кучум, сибирский царевич 272, 329
Кунгур-бай, кушчи 88
Кунделен, калмыцкий тайша 289
Куракин Г.С., князь 430
Куралай, калмыцкий тайша 280
Курбский (Черный) Ф.С., князь, воевода 34, 133, 169
Курбский С.Ф., князь, воевода 134
Курмаметев Б., ясачный татарин 318
Куртбаков Т., ясаул 91
Кусебердей, тюменский татарин 284
Кутлосеятов С. 432
Кутлубий, сибирский татарин 385, 386
Кутлуган б. Али, сибирский царевич 330, 331, 404
Кутлугозин К., татарский пристав 407, 408
Кутлук (Кулук) б. Ибрахим, тюменский хан 11, 38, 39, 46, 67, 68, 83, 96, 101, 116, 122, 123, 161, 170
Кутлосеятов Ч. 432
Кутугай, сборщик налогов 162
Кутук б. Енбулат, князь 299
Кутушев К. 431
Кухистани Масуд бен Османи, хронист 20, 61, 79, 83, 86, 88, 99

- Кучук (Кучум, Кочюук) б. Аблай, сибирский царевич 131, 288–297, 314, 326, 331, 414, 415, 425
- Кучук б. Кучук, каракалпакский хан 297
- Кучуков Т., тарский мурза 149, 299, 313
- Кучуков У. 395
- Кучум б. Мургаза, сибирский хан 10–12, 14–18, 20–22, 24, 25, 27, 31, 39, 40–44, 46, 47, 65, 69–74, 77, 78, 83, 85–88, 90, 96–98, 101–103, 105, 107, 109–114, 116, 117, 124–131, 137–139, 143, 145–149, 152, 153, 155, 159, 161, 162, 164, 165, 167, 169, 170, 172, 186, 188, 195, 197, 201, 205, 212, 221–226, 228, 229, 241, 244, 248, 253, 255, 256–262, 264–274, 280, 282, 296, 297, 301, 302, 304–306, 308, 310, 311, 314, 316, 322–325, 327–335, 380, 382, 383, 405, 406, 408
- Кучумовичи 83, 88, 89, 115, 130, 131, 148, 167, 212, 256, 270, 271, 273–282, 285, 288, 296–298, 306, 308, 314–317, 322–329, 331, 333–342
- Кырнав К., ясаул 91
- Кырыми Абд ал-Гаффар 44, 92, 322
- Лайла-ханьш, сибирская царица, жена Кучума 334
- Лакашев Т. 432
- Лалтак, дочь Бая, внучка Кучума 330
- Лалтагай, дочь Кучума, сибирская царевна 114
- Лаптев С.Р.** 164
- Лачинов Д., русский даруга 42, 129
- Левашева В.П.** 26, 27, 48, 53, 186, 196, 199, 200, 203, 213
- Левкал, сибирская царица, жена Кучума 383
- Лещинский Ф., митрополит 309
- Лжедмитрий I 337
- Лжедмитрий II 115
- Лилипак, сибирская царица, жена Кучума 330
- Линденау Я.И.** 234, 237, 238
- Лобаненко Н.** 227
- Лобанов-Ростовский Ф.М., князь, астраханский воевода 380
- Лодыженский О.И., касимовский воевода 394
- Лопатин Е., уфимский сын боярский 416, 419
- Лопухин Л., думный дьяк 429–431
- Лугуй, югорский князь 135, 137
- Лука Федорович, царевич, князь 330
- Лыков Б.М., боярин, князь 409, 413, 414, 420
- Львов А.М., князь 426–429
- Львов Д.П., князь 430
- Любимов С.В.** 327, 332
- Лягуев Ш., ляпинский князь 138
- Магмет, сибирский посол 268
- Магмет-Гирей IV, крымский хан 421
- Макарий, антиохийский патриарх 337
- Максимилиан I, германский император 68
- Максимов Ф., портной Сеит-Бурхана 396
- Малаев К., рыбак 400
- Мамаев М.С., касимовский татарин 334
- Мамай б. Алиш, темник 56
- Мамаков Б., башкир 320
- Мамеев С.И.** 28
- Мамелеев Б. 432
- Мамет (Магмет) б. Адер, сибирский князь 17, 40, 41, 66, 68, 77, 121, 136, 172
- Мамет, сибирский карача 43, 87
- Маметев Кошак, служилый татарин, сын сибирского карачи 43, 390, 391
- Маметев Степан Кошаков сын, иноземный татарин Посольского приказа 390, 391
- Мамук (Махмут) б. Махмудек, тюменский хан 10, 33, 36–38, 46, 58, 66, 70, 83, 85–87, 95, 96, 101, 107, 110, 116, 120–122, 160, 172
- Мамык, сибирский есаул 149
- Мананаив С., переводчик 391
- Мангит, калмыцкий тайша 280
- Мангут, ясачный татарин 318
- Мане б. Мурат-Суфи, оглан 62, 100
- Мансур б. Эдигей, ногайский бий 58, 59, 86
- Мансуров И.А., воевода 263
- Мар (Умар / Омар) б. Ходжа, сибирский князь 40, 64, 76, 80, 121
- Марджани Ш.** 60
- Марков И., поп 396
- Мартин Ж.** 132
- Мартин Ф.Р.** 26, 196
- Мартынов Б., касимовский конюх 404, 406
- Мартынов Т., касимовский конюх 404
- Мартынов У., касимовский конюх 404
- Мартынова Е.П.** 90
- Мартьяш, повар, литвин 404
- Марфа Ивановна, инокиня 400
- Масложенко Д.Н.** 5, 13, 22, 33, 94, 106, 161, 294, 328
- Матвеев Александр Васильевич** 173, 198
- Матвеев Алексей Викторович** 13, 70, 72, 82, 149, 197, 199, 200, 202, 205, 265
- Матвеев С., дьяк 413, 414, 420
- Матвеева Н.П.** 5, 13, 103, 173, 188, 258
- Матюшкин М., думный дьяк 395, 397, 398, 407
- Матюченко В.И.** 29, 48, 52
- Махметка, сибирский татарин 278
- Махмуд (Махмудек)–Ходжа б.Каанбай, узбекский хан 21, 57–61, 63, 85, 88, 93, 94, 116, 172, 223, 226, 322
- Махмуд б. Кичи-Мухаммад, хан Большой Орды 61, 84, 86, 88, 120
- Махмуд б. Шах-Будаг, узбекский царевич 63
- Махмуд бен Вали, хронист 44, 60, 100
- Махмудек б. Улут-Мухаммад, казанский хан 94
- Махмудек б. Хаджи-Мухаммад, тюменский хан 46, 47, 83
- Мельников Б.В.** 105
- Менглибай (Минлибай), хафиз, посол 89, 273
- Менгли-Гирей б. Хаджи Гирей, крымский хан 37, 64, 66, 79, 86, 95, 107, 108, 120
- Менлыбай, сибирский татарин 324
- Менрятай, калмыцкий тайша 285

- Менщиков В.В.** 13
Мерик Д., английский посол 337
Меркатор Г. 11
Мессершмидт Д.Г. 25, 51, 213, 234
Меховский М. 18
Мещеряк В., стрелец 416, 419, 425
Миланья, игуменья 432
Миллер Г.Ф. 14, 15, 25, 28, 40, 43, 69, 70, 73, 105, 109, 131, 135, 137, 138, 145, 152, 171, 185, 186, 187, 189–191, 193, 196, 198, 203, 213, 217, 221, 242, 244, 245, 248, 259, 260, 262, 263, 306–308, 314, 316, 327, 329, 330
Минг-Тимур б. Бадагур, царевич 55–57
Миненко Н.А. 264
Миралий, ходжа 300
Миргалеев И.М. 43, 58
Мирзоев В.Г. 14–18
Михаил Васильевич, царевич касимовский 336–338
Михаил Федорович, русский царь 305, 321, 330, 335, 337–339, 387–396, 398, 399, 401, 405–424, 426–428, 433
Мишнев А., воевода 32
Мо(у)лдур (Мундур, Мандур), дочь Кучума, сибирская царевна 330, 335, 383, 401, 405, 406, 408
Могильников В.А. 27, 29, 52, 103, 177, 194, 200, 201
Моймурат, сибирский князь 272
Молдан, кодский князь 133
Молла (Молта) б. Кучум, сибирский царевич 272, 329, 334, 340, 383, 384, 390
Молла Шади 45
Молла, ногайский татарин 394
Молодин В.И. 28, 29, 193, 213
Морозов В.М. 29, 201
Морозов И.В., боярин, казанский воевода 420
Мосеев А., касимовский конюх 404
Мошинская В.И. 200
Мулакаев К. 102
Мунис 45, 81
Мурад-Гирей б. Мухаммад-Гирей II, крымский царевич 113, 336, 380
Муртаза (Мусеке) б. Ибрахим, сибирский хан 42, 43, 47, 68–70, 75, 77, 83, 85, 96, 101, 110, 114, 124, 125
Муртей, абыз 395
Муса б. Афтал, шейх 254
Муса б. Ваккас, ногайский мирза 35, 36, 63, 64, 68, 87, 95, 100, 107–109, 116, 118–120, 122
Мусаитов Карамыш, сибирский татарин 334
Мусин И. 402
Мустакимов И.А. 8, 58, 93, 99
Мустафа, узбекский хан 62, 86, 100
Мустафа-Али (Мустофалей) б. Абдула, касимовский царь 333, 336, 393, 409
Мухаммад Бахауддин Накшбанди ал-Бухари 73, 251
Мухаммад Ислам, ходжа 72, 101
Мухаммад Риза 44, 46, 47
Мухаммад Салих, поэт 79, 80
Мухаммад Хайдар, историк 63
Мухаммад Шейбани б. Шах-Будаг, узбекский хан 7, 20, 44–46, 63–65, 67, 80, 88, 100, 101, 107, 160
Мухаммад, бек 80
Мухаммад-Амин б. Ибрахим, Магамед-Амин, казанский хан 38, 66, 67, 79, 95, 109, 118–123,
Мухаммад-Гази, царевич 88
Мухаммад-Кул (Мамет-Кул, Маметкул) б. Аты(а) ул, сибирский царевич 25, 42, 70, 85–87, 98, 11, 113, 127, 137, 169, 222, 257–260, 264, 267, 269, 328, 334–342
Мясной И.Н., письменный голова, воевода 262, 263
На(о)рмацкий К., уфимский сын боярский 414
Нагайбеков Б., мирза 395
Нагал (Нагел, Наг)-салтан, дочь Карамыша Мусаитова, касимовская царица 334, 405
Нагаминз Т. 46
Нагая А.В., княгиня 335
Нагой М., уфимский воевода 273, 316, 326
Назаров В.Д. 21
Нал-хадиш, дочь Бегея, внучка Кучума 383, 384
Нал-Ханиша (Нал-беке), дочь Кучума, жена Дин-Али-ходжи, сибирская царевна 248, 330, 334, 405–407
Нарышкин М.К., стольник, боярин 336
Нарышкина Наталья Кирилловна, русская царица, жена Алексея Михайловича 336, 338
Насонов А.Н. 33
Науруз б. Эдигей, мирза 59
Науруз-Ахмед (Барак) б. Суйунч-Ходжа, узбекский хан 101
Небольсин П.И. 15, 16, 18, 125
Нелидов М.О., угличский сын боярский 404
Немиров А., дьяк 430
Непейцын (Шепейцын) Д.К., русский посол, даруга, сын боярский 69, 124
Нестеров А.Г. 5, 10, 12, 23, 31, 33, 107, 184, 281
Нестеров М.К. 227
Никитин Н.И. 41
Никифор Васильевич, царевич касимовский 336, 338
Никон, патриарх 333, 338
Нифантин И., подьячий 427
Новосильцев Л., русский посол 258
Ногаतिकов Н. 319
Ноготкова-Оболенская И.Ф. (Ираида), княгиня 329, 335
Ноготков-Оболенский Ф.А., князь 329, 332, 335
Нур ад-Дин б. Эдигей, ногайский мирза 86
Нур-Мамет (Пухмагмет), калмыцкий посол 415–417, 419, 425
Оболенский Ф., князь 389
Овинов И.Е. 403

- Овчинникова Б.Б.** 28, 176, 177, 184
Огородников В.И. 14, 18, 19, 131
 Окзюрина Е., башкирка 413
Оксенов А.В. 18, 66
Оллворт Э. 60
 Он (Онсом), царь 39, 40, 90, 253, 254
 Ондан б. Шигай, казахский царевич 329
 Орда-Ичен б. Джучи 8, 9, 55, 99
 Ортелий А. 11
 Остафьев Л., сапожник 396
 Очирту Цецен б. Талай, калмыцкий тайша 294
 Павел, митрополит 309
Палашенков А.Ф. 28, 104, 164, 195, 201
 Палеолог С.Ф. (Софья), великая княгиня московская 33
 Палицын И., старец 427
Паллас П.С. 25, 51, 203
 Панов Ф., дьяк 409, 413, 414, 420
 Пантыяда, сибирский посол 124
Парунии А.В. 13, 66, 67
Пархимович С.Г. 29, 188
Патканов С.К. 133, 134, 136, 137, 189–191, 198, 202, 245
 Пафнутий, митрополит 333
 Пахом, митрополит 310
Пачкалов А.В. 184
 Пен, ногайский мирза 276
Перевалова Е.В. 135
 Перепилицын В., чердынский воевода 256
Перцев Н.В. 13
Пестрев В.В. 13
 Пестрый Ф.Д., князь, воевода 223
 Петр Алексеевич (Дост-Мухаммад б. Алтанай), царевич, князь 332, 333, 335–339
 Петр Алексеевич, русский царь 307–309, 332, 336, 338, 339
 Петров Г., мельник 396
Пигнатти В.Н. 25, 28, 176, 177, 213, 257
 Пилев Д., клочник 404
 Пиляв С. 432
 Пиляев И. 432
 Пименов П. 410
 Пир-Мухаммад б. Джанибек, узбекский хан 101
Плетнева Л.М. 26, 29, 197
 Плещеев Н.Ю., дворянин 336
 Плещеева М.Н., княгиня 335
Плигузов А.И. 22, 132
 Погорельский Г., подъячий 423, 424
 Погорельский Г., стрелец 413
 Поздее П. 392, 393, 395
 Поздеев И. 172
 Пойкин С., касимовский конюх 404
 Поло М., путешественник 9, 18
 Полтев Н., касимовский воевода 392–395
 Полтев Ф. 395
Поляков И.С. 245
 Полякова Г.Ф. 179
Потапов Л.П. 234, 237
 Потапов С., посадский человек 394, 400
Почекаев Р.Ю. 85
 Прасковья Алексеевна, княгиня 332, 336
Преображенский А.А. 22
 Прозоровский П.С., тобольский воевода 308
Пузанов В.Д. 314
 Пузин П., белозерский кабацкий голова 412
 Пулад б. Минг-Тимур, золотоордынский хан 8, 56, 57, 99, 100
 Пушкина М.В., княгиня 336
 Пушников Г., казак 321
 Пушин Ф., томский сын боярский 283
Пчелов Е.В. 85
Радлов В.В. 16, 51, 203, 213, 234, 245, 250, 251
 Размаханбет Бошай, каракалпакский царевич 297
 Раков П., подъячий 397
Расторопов А.В. 189
Рафикова Т.Н. 173, 187
 Рашид ад-Дин 143
 Ремезов С.У. 10, 14, 15, 25, 29, 39, 43, 66, 71, 145, 162, 165, 167, 168, 170, 180, 185, 187, 188, 190, 191, 201, 244, 245, 253, 254, 294
 Ро(а)манчуков С., дьяк Посольского приказа 388
 Романов Т. 410
 Ромодан, князь 35
Ромодановская Е.К. 41
 Ромодановский В.В., князь 38
 Ромодановский Н., князь, пермский воевода 42, 126
 Рудольф, император 267
 Руми Джалал ад-дин, поэт-суфий 255
 Рыс-Мухаммад, каракалпак 297
Рычков П.И. 102
 Рюриковичи, княжеская и царская династия, 116, 125
Рябинина Е.А. 13, 22, 161
 Ряполовский С.И., князь, воевода 38, 121
 Сабанакоев А., татарский голова 309
Сабитов Ж.М. 45, 56, 80, 298
Савва В.И. 34
 Савельев И., атаман 277
Савельева Э.А. 179
 Савка, новгородец 132
Сагалаев А.М. 240
 Садырь, казанский князь 121
 Саид-Махмуд б. Ахмад, хан Большой Орды 36, 108
 Саин-Булат б. Бек-Булат, касимовский царь 393
 Сайид-Ата 73
 Сайидек б. Хаджи-Мухаммад, тюменский хан 44–46, 63, 67, 83, 100
 Салбар, калмыцкий тайша 278
 Салтан-бике (Анастасия Васильевна), жена Иш-Мухаммада б. Алтанай, касимовская царица 333, 334

- Салтан-бике (Салтанай), дочь мирзы Али, касимовская царица 333, 400
 Салтык И.И., воевода 133
 Салтык Травин А.И., князь, воевода 34, 169
 Салтыкай, дочь Арслана, касимовская царица 332, 406–408
 Салтыкова А.Ф., княгиня 336
 Салтыкова П.Ф., русская царица, жена Ивана V Алексеевича 336
Салтыкова Р.К. 203
 Салтыным, сибирская царица, жена Кучума 329, 330, 383, 384
 Самар, остяцкий князь 186, 190, 209
 Самарканди, историк 99, 100
Самигулов Г.Х. 13, 71, 170, 315, 315
Самойлович А.Н. 98
 Санников Ф., горный чиновник 320
 Сапега Я., польский посол 337
 Сара б. Ибрахим, царевич 68, 96
 Сара Мерген, башкирин 292
 Сара, калмыцкий посол 415–417, 419, 425
 Сартаков М, подьячий 318
 Саурчан, сибирский шейх 249
 Сафа-Гирей, казанский хан 69, 96
Сафаргалиев М.Г. 8, 21, 23, 58
 Сафаров Б. 432
 Сафаров Ш. 431
 Сафар-Ходжа, ички 89
 Сахаруков Я. 413, 414
Свистунов В.М. 170
 Сеид-Ахмед б. Муса, ногайский бий 68
 Сеит Кул б. Шигаи-хан, казахский царевич 329
 Сеитбеков И. 395
 Сеитмамет б. Дин-Али-ходжа 248
 Сейдяк (Сеид-Ахмад, Сейтяк, Сеитяк) б. Бекбулат, сибирский князь 41, 42, 70, 77, 78, 148, 197, 262–264, 267, 329, 380, 390, 391
 Сейдяшевы, служилые татары 315
 Секерин П.И., ярославский воевода 422
Селезнев А.Г. 13, 153, 162, 250–252
Селезнева И.А. 13, 153, 162, 250
Селин А.А. 43
 Семен (Симеон) Васильевич, царевич, князь 332, 336
 Семен Васильевич, царевич касимовский 336, 434
 Семендерев М., касимовский мирза 334
 Семенев Т., мирза 395
Семенов А.А. 20
 Семенов П., русский посол 279
Семенова В.И. 178, 179
 Сенбахта, сибирский татарин 222, 260
 Сенгур (Иван), ногайский татарин 394
Сербина К.Н. 33, 34, 185, 196, 202
 Сергей, старец 290
 Серебряник С.Г. 405
 Сеткулай, сибирский есаул 149
 Сефевиды 102
Синяев В.С. 162
 Ситцкий А.В., князь, боярин 388
 Ситцкий И.В., князь, боярин 382
Скандаков И.Е. 202
 Скобеев В. 429
 Скопин-Шуйский М.В., князь, воевода 389
Скрынников Р.Г. 22, 213
 Скряба В., московский воевода 132
Словцов И.Я. 158, 188, 189, 192, 198, 199
Словцов П.А. 28, 155, 157, 302
 Смайлевы, ногайские мирзы, князья 330
 Смит Т., английский посол 337
 Смолянова Девлет-пача, сибирская царица 333, 334
Соболев В.И. 5, 23, 27–29, 48, 49, 53, 103, 105, 106, 170, 185, 186, 196, 199, 201–203, 213
Соколова З.П. 203, 236
 Сокура Ф., толмач 413
 Сокуров Я., толмач 425
Соловьев А.И. 213
Соловьев С.М. 16, 18
Солодкин Я.Г. 40, 41, 191, 329
 Сомов Ф.И., стольник 432
Спасский Г.И. 26, 245
Спафарий Н.М. 28, 190, 245
 Степанов В., русский посол 267
 Стефан Пермский 133
 Страленберг Ф.И.Т. 43, 234
 Стрешнев В.И., стольник 335
 Строганов Г.А., купец 43, 126–128
 Строганов М.Я., купец 256
 Строганов Я.А., купец 43, 126–128
 Строгановы 15, 16, 18, 20–22, 39, 69, 71, 74, 98, 102, 127–129, 256, 264, 265
Субботин М.Д. 176
 Суворов Ф. 404
 Судописец П., монастырский служба 426
 Сузандж (Судайдаш) б. Махмуд-Ходжа, царевич 88
 Суйунч-Тимур б. Минг-Тимур, царевич 57
 Сукин В.Б., сибирский воевода 262, 263
 Сулеса б. Ишим, сибирский царевич 281, 290
 Сулешев Ю.А., тобольский воевода 305, 306, 312
 Султамед-ходжа б. Аюп-ходжа 248
 Султамед-ходжа б. Дин-Али-ходжа 248
 Султан-беки, дочь Едигер, сибирская княгиня 110
 Султан-Мурат б. Кучук, сибирский царевич 296, 297
Султанов Т.И. 9, 23, 67, 85, 99
 Султан-Ходжа (Салтан-Хозя), каракалпакский хан 297
Сумина П.Н. 48
 Сыры б. Бай, ногайский мирза 330
 Сюим (Сюйдеджан), сибирская царица, жена Кучума 329, 330, 335, 382, 383
 Сюнчелеев Т. 431

- Сюнчелеев У. 431
 Сююшев Т., мирза 395
 Таввакул б. Шигаи, казахский хан 103, 267
 Тагай б. Аблегирим, пельмский князь 265
 Тайлак, сибирский посол 128
 Тайбуга 14, 40, 56, 70, 111, 114, 123, 135, 172
 Тайбугиды 8, 10, 14, 17–19, 21–24, 39–41, 44, 64, 65, 75–78, 81, 83, 86, 123–126, 128, 136, 141, 260, 262
 Таймас, Тамас, сибирский посол 89, 126
 Тайчи, калмыцкий тайша 418
 Тайшины, обдорские князья 135, 140
 Танай (Тотай), дочь Уруса, сибирская царевна, жена Каная 383, 385, 386
 Танагаров К., тарский князь 149, 282, 285, 286
 Тангри-Берды, бек 80
 Тангут б. Джучи 62, 100
 Танин Б. 432
 Танин И., касимовский татарин 404, 432
 Тараканов В., дьяк 333
 Тарбеев Ф., сын боярский 413, 423–425
 Тарлав (Тарлад), чатский мирза 281, 282
 Тархан-батыр, калмык 285, 286
Татауров С.Ф. 5, 13, 70, 72, 82, 149, 164–166, 168, 194, 195, 197, 243, 265
Татишев В.Н. 319
 Таузак, сибирский татарин 223, 258
 Тауке (Тявка, Тюге, Таушка) б. Ишим, сибирский царевич 280, 281, 286–288, 292, 331, 412, 414–419, 423–425
 Таукель (Тевкель, Таввакулл, Тауке) б. Шигаи, казахский хан 296
 Ташкин, сибирский посол 69, 89, 125
 Таян, князь 149
 Тевеккель, казанский сейид 65, 95, 119
 Тевкелев М., переводчик 419
 Теймураз Давыдович, грузинский царь 337
 Тейшеев И., калмыцкий тайша 284
 Текей, сибирский татарин, аталык 383
 Текутьев Д., сын боярский 326
 Телевлю, князь, тюменский посол 38, 78, 86
 Телепнев Е.Г., думный дьяк 397, 398, 407
 Телпак, ясачный татарин 321
 Тенебеков Е., мирза 431
 Тенебеков Ч., мирза 431
 Тенибеков А., касимовец 404
 Тенишев А.А., мирза 402
 Тенишев С. 432
 Теребердив А., ногайский татарин 404
 Теребердив И., мирза 395, 431
 Терсяк Д., ясачный татарин 324
 Тимохов Е. 412
Тимошенко П.Г. 202
 Тимур (Тамерлан) 57, 58, 81, 94, 99, 100, 160
 Тимуриды 84, 99, 100
 Тинмаметевы, ногайские мирзы 331
 Тиняив У. 432
Титов З.Д. 234
Тихомиров К.Н. 49, 50
Тихомиров М.Н. 32
Тихонов С.С. 165, 166, 168
 Тлешев С. 432
 Тобурчук К., каракалпакский посол, царевич 297
Токарев С.А. 20
 Токмансеев Д., толмач 306
 Токтамыш б. Туй-Ходжа, золотоордынский хан 11, 55–58, 60, 92, 172, 174
 Толбузин Б., сын боярский, тобольский голова 285
Томилов Н.А. 13, 22, 141, 142, 148, 166, 197, 203, 301, 302, 311, 314
 Томлаков А. 431
 Тонкотаров Ч., тарский татарин 170
 Тоташев К. 432
 Тохмамметев Т., сибирский татарин 404
 Тохтамыш, служилый татарин 306
 Тохтаров Д. 431
 Тохтаров Сюней 431
 Тохтаров Сюнчелей 431
 Тохташ, чатский мирза 382
 Траханиотов И.В., казначей 89, 96, 120, 122, 124, 335, 381
Трепавлов В.В. 5, 8, 12, 13, 23, 24, 31, 33, 57, 62, 70, 78, 82, 86–88, 256–258, 264, 271, 274, 276–278, 281, 282, 288, 290, 293, 296, 314, 328, 331
 Третьяков П., думный дьяк 389
 Троескуров И.Ф., князь, воевода 330, 421
 Троескуров Р., князь, тобольский воевода 389
Троицкая Т.Н. 29
 Трубецкая М.Ю., княгиня 336
 Трубецкой Ю.П., князь, боярин 336
 Трусев С., уфимский сын боярский 420
 Тувач, ногайский посол 35, 36
 Тука-Тимур б. Джучи, царевич 9, 55, 60
 Тука-Тимуриды 56, 57, 94
 Тул-Мухаммад, сибирский сейид 269, 272
 Тулун(м)-беке (Тулунбай), дочь Кучума, царевна Сибирская 330, 383, 384
 Тулуш, посол 36
 Тумосов К. 432
 Турген, калмыцкий тайша 278
 Туру-Байху (Куйша, Гуши), калмыцкий тайша 286
 Тынмаметов К., тарский мирза 149, 299
Тычинских З.А. 13, 23, 28, 142, 185, 186, 232, 249, 314
 Тюлькин Ч., тюменский татарин 284
 Тягриул, сибирский посол 124
 Угедей б. Чингисхан, монгольский хан 61
 Узбек б. Тогрул, золотоордынский хан 9, 55, 86, 241
 Улебашев К., юртовской татарин 170
 Улугбек б. Шахрух, тимуридский султан 100
 Улуг-Мухаммад б. Ичкиле Хасан, золото-ордынский, казанский и крымский хан 93, 95

- Улузан б. Хо-Урлюк, калмыцкий тайша 291
 Ульяна Филипповна, княгиня, жена Василия Андреевича 335
 Ульянов П., крестьянин 187
 Умар, бий, буркут 86
 Уразев У., служилый татарин 391
 Уразлыи, сибирский татарин 385, 386
 Ураз-Мухаммад (Ораз-Мухаммед, Розмамет, Урмамет) б. Ондан, казахский царевич, касимовский царь 43, 75, 76, 78, 263, 264, 267, 329, 333, 336, 337, 339–341, 380, 382, 383, 387–389, 393, 400, 401, 409
 Ураз-Мухаммад б. Дин-Ахмад, ногайский бий 65, 74, 78, 111-115, 129, 261, 265, 331, 334
 Урак, казанский беклярибек 38, 66, 67, 87, 95, 96, 121, 122
 Уракул, сибирский татарин 273
 Урляк б. Дайчин, большой калмыцкий тайша 424, 425
 Урмаметевы, ногайские мирзы 115, 331
 Урозаев А. 431
 Уртяков И., ясаул 91
 Урус б. Исмаил, ногайский бий 102, 111, 114, 256, 272, 329, 331, 380
 Урус, калмык 416
 Урус, ногайский (алтыульский) мирза 115, 277
 Уруслан, калмыцкий тайша 280
 Урусов А.А. (Зорбек б. Джан-Арслан), князь 331, 333
 Урусов И.А. (Тук б. Джан-Арслан), князь 331, 333
 Урусов П.А. (Урак б. Джан-Арслан), князь 331, 333
Усманов М.А. 43
Успенская А.В. 179
Устюгов Н.В. 292, 294
 Утемиш-Хаджи, историк 46, 47, 58, 59, 69, 92–95, 143
 Утеш б. Бегиш, казанский князь 35, 36, 65, 79, 95, 119
 Утешев У. 395
 Утикеев Б. 432
 Ушатый П., московский воевода 134
 Фазлаллах б. Рузбихан, путешественник, историк 142
Файзрахманов Г.Л. 5, 11, 66
Фальк И.П. 28, 29, 183, 185, 186, 194, 196, 203, 237
 Фасих ал-Хавафи, историк 99
 Фатима (Фотма)-салтан, дочь Ак-Мухаммад, жена Арслана, касимовская царица 332, 334, 397
 Фатима, дочь Мусы, ногайская княгиня, казанская царица 120
 Федор Алексеевич, царь 336, 338, 339, 434
 Федор Андреевич, царевич, князь 329
 Федор Васильевич, царевич касимовский 332
 Федор Иванович, царь 10, 41, 103, 111, 112, 114, 135, 137, 149, 194, 261, 262, 268, 326, 381
 Федор Калининлович, царевич, князь 330, 336
 Федоров И., дьяк 426, 427, 429
 Федоров И., толмач 337
Федорова Н.В. 29
 Филарет Никитич, московский патриарх 392–396, 396, 398, 399
 Филарет, далматовский старец 326
 Филофет, пермский епископ 32
Фишер И.Э. 15, 17, 131, 203, 330
Флоринский В.М. 188, 192, 198
Флоря Б.Н. 33
Фон Кюгельген А. 60
 Фофанов Ф., туринский голова 187
Франк Э. 233, 241
 Хаджим б. Кучум, сибирский царевич 89
 Хаджимберди (Козембердей), аталык 89
 Хаджи-Мухаммад б.Али, узбекский хан 11, 21, 31, 43, 46, 47, 57–60, 63, 82, 83, 86, 93, 94, 116, 119, 172
Хазанов А.М. 118
 Хазыр-Ильяс 244, 255
Хайдарова (Шакирова) Б.-С. М.-Ф. 249
 Хаким-Ата 244, 245, 255
 Хаким-Шайх, бахадур, аталык 88
 Хакк-Назар б. Касим, казахский хан 69, 74, 102, 103, 109, 111, 124, 126, 129, 259
Халиков Н.А. 310
 Хан (Кан) б. Шейх-Мамай, ногайский мирза 68, 129
 Хандаза, дочь Дин-Ахмада, ногайская княгиня, сибирская царевна 114, 329
 Хан-Сайд, ходжа 72
 Хансу(ю)ер (Кансурей, Качоар, Куенсюер) б. Аблай, сибирский царевич 290–292, 294, 295, 330, 332, 421–423, 425
 Хансу(ю)ер б. Али, сибирский царевич 115, 335, 340, 342
 Ханчубар (Кансувар) б. Кучум, сибирский царевич 330
 Ханыш, самаркандская царевна 333
 Хасан б. Аблай, сибирский царевич 295
 Хасан б. Бекконди, царевич 55
 Хасан б. Ваккас, ногайский бий 122
 Хасан Ходжа, накиб 73
 Хизр (Хызыр) б. Мангутай, золотоордынский хан 55, 92, 116, 174
 Хилков Ю.Я., князь, генерал-майор 336
 Хирлгтя (Херелта, Корелта), жена сибирского хана Ишима 413–415
 Хованский Ф., князь, муромский наместник 34, 35
 Ходжа б. Тайбуга, сибирский князь 18, 40
 Ходжа-Амин, ички 89
 Ходжа-Мухаммад б. Абулхайр, узбекский царевич 60
 Ходжа-Якуб, хаким 72
 Хондиус Й., картограф 11

- Хо-Урлюк (Урлюк), калмыцкий тайша 277, 279–281, 283, 286, 316
- Хохлов В., сын боярский 410
- Храмова В.В.** 202
- Хубилай б. Толуй, монгольский хан 9
- Худяков Ю.С.** 13
- Хурреми-челеби Акай Эфенди, хронист 44, 46, 47
- Цаган б. Аблай, калмыцкий тайша 291, 294, 295
- Цылибеев И.Г., торговый человек 400
- Чагаева А.С.** 29
- Чаган, калмыцкий тайша 290
- Чагандара (Чигиндар), дочь Уката, калмыцкая княгиня, жена царевича Аблая 287, 288, 413–420, 423–425
- Чагир, остяк 98, 127, 137
- Чадаив В., ногайский татарин 404
- Чайлу б. Муртаза, царевич 101
- Чангула, сибирский мурза 186
- Чегей, сибирский аталык 272
- Челлоков К., тюменский сын боярский 288
- Чейт, калмыцкий тайша 415
- Чекре б. Акмыл, золотоордынский хан 57, 92
- Челеби Сейфи, историк 10, 20, 46, 268
- Чепанов М., калмык 403
- Чешпан (Шопшан), сибирская царица, жена Кучума 329, 385, 386
- Черегеев К., служилый татарин 313
- Черепнин И.** 43
- Черкасский Д.М., князь, воевода 330, 398, 421
- Чернецов В.Н.** 29, 189, 200
- Чет, казанец 35
- Чеум, дочь Кучума, сибирская царевна 384
- Чибичень (Чигибень, Чибичей), сибирский посол 69, 89, 125
- Чин б. Эль, ногайский мирза 113, 114, 267
- Чингизиды (Чингисиды) 8, 9, 18, 40, 47, 56, 58, 62, 63, 69, 70, 76, 81, 83, 88, 97, 100, 106, 118, 260, 314, 327, 328, 330, 334, 335, 338–343
- Чингисхан (Чингиз-хан) 7, 11, 18, 39–41, 47, 55, 61, 172, 212, 253, 314
- Чиндина Л.А.** 29
- Чириков М., дьяк 426, 428
- Чириков П., дьяк 423
- Чирючей, посол 275
- Чолбаров И., служилый татарин 300
- Чорэф М.А.** 175
- Чохур, калмыцкий тайша 280
- Чубаров А., касимовский воевода 399
- Чубуков Т., русский посол 126, 127, 169
- Чувак (Джувак, Шуак) б. Кучум, сибирский царевич 272, 277, 281, 331
- Чугунов С.М.** 26, 197
- Чулков Д.Г., тобольский воевода 41, 148, 263, 264, 329
- Чулошников А.П.**
- Чучелей (Чютчюлень, Ачелей, Сунчелей, Чигилей, Белекей, Чюнулей) б. Аблай, сибирский царевич 291, 292, 296, 332, 414, 415, 425
- Чюмгур, князь, тюменский посол 33–37, 65, 88, 160
- Чюнулей, калмыцкий тайша 415
- Ша(е)йх-Хайдар б. Абулхайр, узбекский хан 45, 47, 63, 95, 100, 103, 121, 172
- Шади Гулам, поэт 63
- Шадибек б. Кутлуг, золотоордынский хан 57
- Шадрин И., тюменский воевода 326
- Шаим б. Кучум, сибирский царевич 272, 329
- Шакулов А.Б., касимовский сейид 334, 399, 401, 402, 405–408, 430
- Шакулов Д.И., касимовский сейид 431
- Шакулов Д.К., касимовский сейид 430, 431
- Шакулов И.Б., касимовский сейид 402
- Шакулов Т.А., сын касимовского сейида 430
- Шакулов Ш.К., касимовский сейид 431
- Шакурова Ф.А.** 315
- Шаманв Е. 404
- Шамарданов Т., князь 400, 402
- Шан-Гирей, крымский калга 421, 422
- Шапилов А., думный дьяк 388
- Шаргородский Л.Т.** 238
- Шарьгин С., сын боярский 156
- Шах-Али (Шигаей) б. Шейх-Аулияр, касимовский царь 393, 401
- Шах-Али б. Ак-Девлет, тюменский царевич 38, 67
- Шах-Будаг б. Абулхайр, узбекский царевич 60, 63, 88
- Шахматов А.А.** 33
- Шаховский Ю.И., тарский воевода 149
- Шахрух б. Тимур, эмир 99
- Шанков А.Т.** 23, 41
- Ше(и)рбати, шейх 72
- Шевель (Шевлей), сибирская царица, жена Кучума 329, 330, 383, 284
- Шейдяков А.Т., мирза 290
- Шейдяков Д.Я., ногайский мирза 335
- Шейдяков К.Т., мирза 390
- Шейдяков К.Т., мирза 390
- Шейдяков Т.А., мирза 390
- Шейх-Ахмад (Шиг Ахмат) б. Ахмад, хан Большой Орды 36, 108
- Шейх-Мамай б. Муса, ногайский мирза 68, 69, 101, 109, 110, 112, 114, 124, 328
- Шейх-Мухаммад б. Муса, ногайский мирза 109
- Шейх-Мухаммад б. Мухаммад, самаркандский царевич 336, 337, 340
- Шейдяков К.Е., мирза 390
- Шен Б., мирза 431
- Шепелев Д., сотник стрелецкий 329, 416
- Шереметев И.П., казанский воевода, боярин 409, 410
- Шерстова Л.И.** 90
- Шестунов Ф.Д., русский посол 261

- Шибан (Ше(а)йбан, Сыбан) б. Джучи, царевич 7–9, 13, 18, 23, 37, 47, 55, 56, 58–60, 69, 96, 92–94, 99, 116, 143
- Шибаниды (Шейбаниды) 7–11, 13, 17–23, 31, 32, 35–47, 55–59, 62, 63, 65–75, 78–82, 84, 86–88, 92–97, 99–101, 103, 108–110, 116, 118, 119, 121–125, 132, 143, 160, 161, 170, 172, 184, 212, 243, 260, 268, 270, 314, 327, 328, 333, 337, 336
- Шигай б. Жадик, казахский хан 74, 102, 103, 109, 112, 129, 268, 329
- Шикарли, бий 65
- Шиклик К.К.** 163
- Шильдбергер И. 18, 57
- Шнилов П. 414, 414
- Шипулин Н., дьяк 409, 411
- Ширбети, шейх 89
- Ширяев М.В., посадский человек 400
- Ширяев С., касимовский посадский староста 392, 393, 395
- Ших, касимовский татарин 394
- Шихим (Шейх-Мухаммад) б. Мухаммед, самаркандский царевич 329, 333
- Шихмамаевичи 74, 101013, 126, 259, 267
- Шиховы, сибирские татары 249
- Шишкин В., подъячий 409–414
- Шишкин Н.И.** 327
- Шугурда, уфимский татарин, посол 274
- Шуйский Василий Иванович, великий князь, царь 389
- Шукдеев Т., калмыцкий тайша 284, 285
- Шульгин В., сын боярский 296
- Шульгин И., сын боярский 308
- Шульц Л.Р.** 245
- Шумилов Е.Н.** 73
- Шумкей, тайша 418
- Шунков В.И.** 311
- Щеглов И.В.** 17
- Щелкалов В.Я., дьяк Посольского приказа 384, 387
- Щербатов Л., тюменский воевода, князь 325
- Щербатов С.Д., самарский воевода 386
- Щербатый Л., тюменский воевода, князь 316, 326
- Эдигей (Едигей, Идику) б. Балтычак, темник 57, 58, 80, 92, 108, 110
- Эль (Иль) б. Юсуф, ногайский мирза 113, 380
- Юдин В.П.** 45, 46
- Юзэфович А.Л.** 36
- Юмашевы, сибирские татары 249
- Юмшан б. Асыка, пелымский князь 34, 118, 133
- Юрий Всеволодович, владимирский князь 8, 116
- Юрченко А.Г.** 46
- Юрьев Д., воевода 276
- Юсуп б. Султамбет, ходжа 248
- Юсуп(ф) (Исуп) б. Муса, ногаский мирза 34, 113, 124
- Юсуп, пелымский мирза 134
- Юша, подъячий, посол 35
- Юшков С., келарь Кирилова монастыря 426–429
- Ябалак б. Мар, сибирский князь 40, 64, 68, 121
- Ядринцев Н.М.** 159, 203
- Якимов С., сын боярский 416–420
- Яковлев Е.Я., главный казначей 318
- Яковлев Я.А.** 197
- Якшигулов Б., служилый человек 170
- Ямгурчи б. Ваккас (Емгурчи, Евгурчи), ногайский мирза 32, 35, 63, 64, 79, 95, 100, 107–109, 116, 118–120, 122
- Янай (Джанай) б. Нур-Девлет, касимовский царевич 123
- Ян-Ахмет-Челибей, крымский посол 337
- Янбулат, служилый татарин 306
- Янгаш б. Али, сибирский царевич 383
- Янгилдеев Т., касимовский татарин 403
- Янгильдеев И., сибирский татарин 403, 408
- Янгурчи, ясачный татарин 307
- Яндевлет (Зендевлет), сибирская царица, жена Кучума 329, 383
- Янина С.А.** 174
- Янмаметов К., сейид 402
- Янсюер (Джансюер) б. Али, сибирский царевич 331, 335, 341, 385, 386, 432
- Янтурин Е., тюменский татарин 265
- Янчура, ордобазарец 34
- Ярзуккина А.А.** 232
- Ярков А.П.** 5
- Ярым, сейид 72, 73, 89
- Ясаулов К., тарский татарин 283
- Яумов Б., мирза 397
- Яштерек б. Дин-Ахмад, ногайский мирза 115
- Яя (Яхья)-ходжа б. Аюп-ходжа 248

УКАЗАТЕЛЬ ЭТНОНИМОВ И ПЛЕМЕН

- Адгу 80
 Айны 238
 Алтайцы 142, 235, 237, 238
 Аргыны 75
 Аялы (аялынцы, татары аялынские) 57, 72, 77, 144, 148, 149, 156, 195, 195, 261, 290, 302, 303, 323, 324
 Байкы 144
 Байлар 144
 Балькчы 144
 Бачкиры (бушкуры, бачкирцы) 317, 322, 324, 325, 327
 Башкиры (башкирцы) 58, 102, 127, 130, 138, 141–144, 270, 274, 279, 286, 289, 292–297, 303, 308, 310, 314, 317–320, 323, 326, 327, 425
 Буинцы 127
 Буйрак 80, 81
 Буркуты 56, 59, 60, 63, 64, 77, 79–81, 86, 87, 143
 Буяты 14, 235
 Бухарцы 15, 106, 111, 244, 250, 295, 300, 308, 325
 Вогоуличи (вогулы), в том числе пельмыские, 14, 15, 20, 34, 73, 91, 98, 128–133, 138, 141, 169, 185, 224, 257, 262, 263, 269, 293, 301, 308, 309
 Вотяки 129, 138
 Гайна 144
 Дауры 14
 Джалаиры 75–77, 78, 80, 87, 143
 Джунгары 212
 Дурбеты 291
 Дурмены (дурманы) 60, 65, 80, 81, 88, 322, 323
 Зырянцы (сырянцы, сынрян) 136, 272–274, 318–320, 323, 325, 327
 Ирэктэ 144
 Ички 65, 80, 89
 Иштя(э)ки, ичтяки 20, 131, 142–144, 251, 297, 299
 Казахи (киргизыкайсаки) 98, 101, 102, 112, 126, 129, 142–144, 156, 165, 193, 267, 279, 284, 296, 297, 310
 Калмыки (колмаки) 14, 100, 112, 115, 155, 156, 171, 186, 194, 270, 273, 277–286, 288–290, 293–295, 303, 307, 308, 315–317, 324–326, 403
 Каракалпаки 296
 Кара-Кипчак 144, 251
 Карлу(ы)к 79, 80
 Катай (катайцы, хытай, улу-катай, бала-катай) 318, 321, 322–324, 327
 Кидани 216
 Кимаки 142, 144, 216, 217
 Кинрыцы 187, 323, 324
 Киргизы, кыргызы, в том числе снисейские, 14, 15, 97, 152, 215–217, 229, 308
 Конграты (кунграты) 59, 60, 79–81, 86, 87, 322
 Кулебинцы 291
 Курлаут 80
 Ку(о)шчи 79–81, 86, 88, 143, 144
 Кыйат (куйат, кийат) 60, 77–81, 86, 94, 115, 143
 Кыпчакы 75, 98, 100, 142, 144, 216, 217, 289
 Кыштымы 216
 Латыши 405
 Литва, литвины 308, 403, 404
 Мангыты 47, 58–60, 75, 77–81, 83, 86, 87, 89, 106–108, 113, 142, 143
 Манси 19, 105, 135, 141, 146, 169, 197
 Манчжуры 14
 Маситы 60
 Монголы 142, 144, 216, 217, 235, 279, 308
 Мякотинцы (бикотин) 274, 317, 323, 325, 327
 Найманы 60, 65, 79–81, 88, 89, 92, 143, 322, 323
 Ногаи / ногайцы 15, 18, 20, 37, 43, 58, 64, 72, 86, 95, 98, 100, 107–110, 111, 113–115, 128–130, 141, 142, 144, 149, 195, 222, 251, 260, 265–268, 273, 275, 279, 294, 303, 315, 324–328, 335, 380
 Нукус(э)ы 59, 80
 Ойраты 14, 80, 100, 226, 229, 273, 277, 308
 Остяки 14, 15, 20, 73, 90, 98, 100, 127–131, 136–138, 141, 143–145, 189, 190, 227, 257, 262, 263, 301, 309
 Савиры (сувары, шибир, сыпыр) 142–144, 299
 Салджиуты (салжиуты, салдживуты, сальюты) 59, 80, 319–323
 Самодийцы, самоеды 137, 140–142, 147
 Сарты 72, 300
 Селькупы 141, 142, 227, 236, 239
 Сулдузы 80
 Супра 144
 Сызгы 144
 Сяньбийцы 215, 216, 218
 Табын, табынцы, вкл. Каратабынцев, 65, 143, 197, 261, 272, 273, 300, 322–327
 Таджики 142, 250
 Тамма 80
 Тангуты 60
 Тарханы 65, 88, 90, 322–324
 Татары (в целом) 14, 15, 72, 76, 80, 90–92, 97, 100, 113, 130, 131, 135, 137–139, 141–143, 145, 147–150, 152–159, 162, 186, 189, 193, 197, 204–206, 212, 213, 224, 245, 257, 261, 263, 265, 266, 273, 274, 276, 281, 282, 284–286, 288–290, 294, 296, 299–304, 306–313, 317–319, 322–327
 Татары аятские 318
 Татары барабинские (барабинцы) 143, 148, 196, 202, 234–238, 241, 261, 269, 281, 291
 Татары волго-уральские 98
 Татары искеро-тобольские 301
 Татары ичкинские 314, 315, 317
 Татары казанские 32, 96, 142, 160, 222, 323

- Татары казыевские 421
Татары кайсацкие 68
Татары касимовские 403
Татары крдинские 261
Татары кордакские 261
Татары крымские 403
Татары московские 403
Татары ногайские 394, 403, 404
Татары обские 141, 309
Татары пермские 141, 144
Татары поволжские 142, 222
Татары поволжско-приуральские 243
Татары польско-литовские 252
Татары прииртышские 206
Татары саргатско-утузские 106, 302
Татары сибирские 18, 72, 92, 96–98, 138, 139, 141–145, 147, 148, 154, 156, 158, 159, 162–164, 166–169, 175, 181, 203–207, 212–214, 216–227, 229, 231, 233, 237, 240, 241, 243, 250, 272, 302, 303, 304, 314, 403, 404
Татары тарские 90, 149, 156, 205, 265, 284, 299, 300, 302, 303, 313, 324, 325
Татары тоболо-иртышские 239, 246, 301
Татары тобольские 90, 91, 143, 148, 236, 244, 296, 300, 301, 306–308, 310, 315
Татары томские 90, 141, 314
Татары туранские (туралы, туральские) 10, 76, 77, 261, 323
Татары туринские 242, 309
Татары тюменские 32, 34, 68, 82, 91, 96, 101, 123, 148, 155, 175, 205, 288, 292, 299, 300, 302, 310, 311, 323–326
Татары уфимские 274, 284
Татары чатские 102
Татары чулымские 309
Татары шибанские (шейбанские, шибанцы) 7, 10–12, 68, 101, 123
Теленгуты 237
Телесы 217, 237
Телеуты 14, 141, 142, 212, 226, 229, 237, 283
Терсяк 144, 317, 318, 322–325, 327
Тубай 60
Тувинцы 142, 235, 237
Тунгусы 14
Тюмены (туманы) 60, 79, 80, 86, 143, 322
Туркмены 284
Тюрки, в том числе алтайские, 142–144, 197, 217, 238, 301, 317
Угры 134, 135, 137–142, 144, 147, 175, 239
Узбеки, в том числе кочевые, 62, 76, 78, 81, 82, 98–100, 142, 250
Уйгуры 60, 65, 80, 81, 88, 142, 217
Уйшуны (уйсуны) 60, 76, 79–81, 143, 322
Ханты, в том числе кодские, 19, 90, 105, 141, 146, 147, 149, 197, 224, 226, 227, 229, 239
Хотан (Хутун) 100, 251
Хунну 215–218
Чаты, джаты 76, 141, 268
Черемисы 127
Черкасы 421
Чу(ю)ваши 97
Ширины 77, 79, 86, 143
Шорцы 142, 226, 229,
Эуштинцы 141
Югричи 73, 98, 127, 128, 130, 132, 133, 198
Юрми 144
Якуты 14, 309

УКАЗАТЕЛЬ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ, ГЕОГРАФИЧЕСКИХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- 2-е Сибирцево, могильник 28
 Абалак, городок 160, 192, 210
 Абалак, с. 180, 192, 311
 Абатская слобода 157
 Абаульские, юрты 164
 Абрамово, с. 189, 199
 Абрамово-4, могильник 52
 Абрамово-10, могильник 213–215, 217–220
 Абрамовское, городище 27, 199
 Абуга (Обуга, Убаган), р. 115, 171, 197, 274, 275, 316, 324, 325
 Абугиновы городки 197, 211
 Авазбакева, д. 244
 Авезбакины юрты 244
 Агитка, р. 191
 Агитская лука 191
 Агитский городок 191, 210
 Адбаша, городок, волость 191
 Азяш, р. 319
 Аиткуловы юрты 302
 Ай, р. 170, 321, 324
 Айлинская, волость 319
 Айская волость 273, 275, 292, 321, 324, 413
 Айткулово IX, городище 50
 Аксарина, д. 198
 Аксурка, д. 247
 Акцибар-кала 186, 188, 208
 Ак-Курган, г. 62, 100
 Алабуга (Лабуга), р. 323
 Алабуга, оз. 316
 Алагырь 58, 93
 Алексеевка, д. 157
 Алемасова, д. 189
 Алибаевы юрты 284
 Аллагулово, д. 246–247
 Алтай 143, 146, 216, 235, 237
 Амударья, р. 51, 101
 Андреев городок 38, 67, 122
 Андреевка, д. 201
 Андреевские, оз. 48
 Антипино, с. 191
 Апталова, д. 91
 Апчай, с. 412
 Ара-кум 8, 99
 Арал, Аральское море 99
 Арал-Карагай, бор 273, 316, 324
 Арал-Карагай, р. 316
 Арамилская (Ремянская), слобода 319
 Аргама, р. 187
 Аремзянская (Аремзян), волость 91, 189, 304
 Аремзян, д. 311
 Аримзянка, р. 189, 209
 Аржук, г. 62, 100
 Арск, г. 66, 121
 Архирейская заимка, поселения 197
 Архирейское, оз. 199
 Астана-Бурень (Баженково, Оллы-бурень), оз. 253, 254
 Астанинская волость 244
 Астраханское ханство 11, 123, 124, 268, 300
 Астраханцевский, могильник 242
 Астрахань, г. 11, 36, 63, 65, 84, 108, 109, 115, 120, 331, 380, 421, 425
 Атамыров юрт 37
 Атацкие юрты 302
 Атачка, д. 166, 302
 Атачка, р. 166, 167
 Атбасар, р. 100
 Атбаш, городок 202
 Атбашский острог 171, 308
 Атинский городок 192
 Агйал, с.244
 Атяж, оз. 317
 Ашеванская, д. 91
 Ашеваны, д. 252
 Ашинская, д. 91
 Ашла (Лаймы), волость 301, 304
 Ашла, р. 304
 Аялын(м)ская (Аялы, Оялы), волость 91, 153, 158, 266, 289, 290, 301–304
 Аят, оз. 318
 Аятцкая, волость 318
 Бабасан, ур. 257
 Бабасанские, волости 301, 304
 Бабинский остров 400
 Багаряк, р. 316, 319
 Багаряк (Багарякская), слобода 319, 320
 Багарякское, оз. 320
 Баженково, оз. 253, 254
 Баиш, аул 245
 Баишевская астана 246
 Баишевские (Байшевы), юрты 245
 Байбахта, городок 198
 Балакатайская, волость 320, 321
 Балх, г. 101
 Бараба 52, 53, 106, 149, 152, 155, 160, 163, 175, 183, 195, 205, 210, 213, 234
 Барабинская (Бараба, Бороба большая), волость 91, 113, 149, 291, 302–304
 Барабинская лесостепь 48, 49, 71, 161, 163, 181, 186, 196, 199, 213–215, 217–220, 223, 227
 Барабинская степь 161, 170
 Барабинский острог 149
 Баранча, р. 169

- Барма, волость 195
 Барсовский IV могильник 178
 Басандайка, поселение 27, 197
 Батово, с. 190
 Батуганова, д. 302
 Бахчисарай, г. 108
 Бачкырская (Башкирская, Бушкурская, Пускурская) волость 303, 304, 316, 317, 319, 324
 Башкирия, Башкортостан 58, 109, 110, 144, 292, 316, 320, 321, 331, 413
 Башкирские волости 42
 Башкорт, Башкурдистан, Баскардия 58, 68, 92, 93
 Бегишевский городок 210
 Бегишевский погост 311
 Бегишевское, с. 183
 Бегишевское, оз. 193, 210
 Бегишевское I городище 178
 Бежецкой Верх 341, 384, 385
 Безымянное III, городище 50
 Белая Воложка, р. 380
 Беликуль (Билигиль), оз. 320
 Белокатайский район республики Башкортостан 320, 321
 Белоозеро (Белозерск), г. 286, 342, 409–414, 426–429
 Белозерский уезд 427, 428
 Белоруссия 182
 Беляковка, р. 317
 Беляково, с. 388, 398, 402
 Бендыш, оз. 321
 Бергамак, д. 91
 Бергамак II, могильник 52, 153, 154, 215–217, 219, 220
 Бергамак III, городище, пос. 105, 158, 164, 205
 Бергамак 5, городище 50
 Бергамакский перекаг 164
 Бердениш, оз. 316
 Березов, г. 16, 131, 135
 Березовский край 309
 Березовский округ 185
 Бешкиль, р. 310
 Бизино, с. 192
 Бий, р. 283
 Биргамакова, д. 290
 Битые горки, городище 26
 Би-Туртас, волость 304
 Биц(чик)-тура 160, 186, 188, 204, 209
 Блумингтон, г. 232
 Богдановское городище 174
 Боевка (Елганда), р. 319
 Болгария 8
 Болтаево, с. 400
 Большая Арбинская дорога 162
 Большая Бича, д. 193
 Большая Орда 35, 37, 84, 89, 95, 107, 108, 116, 117, 121, 184, 328
 Большая Тава, д. 253
 Большая Тебендя, д. 246
 Большереченский район Омской области 156, 167, 195
 Большесеуатский комплекс культовых мест 246
 Большие Ногаи 112
 Большие Пекселы, с. 402
 Большое Чечкино, д. 244
 Большой Атмас, пос. 227
 Большой Ик, р. 170
 Большой Лог, городище 27, 200, 201
 Большой Таганай, гора 170
 Большой Чуланкуль, оз. 201
 Большой Чуланкуль-1, городище 27, 174, 201
 Большой Юган, р. 182
 Борисовское, с. 391
 Борки, д. 198
 Борлук, р. 425
 Брединский район Челябинской области 316
 Брутовское, с. 391
 Бузюково, оз. 153
 Будановское, оз. 193
 Буйдалинская, д. 311
 Буйдалинские, юрты 311
 Булгар (Болгар), г. 58, 60, 93, 94, 134, 175, 179
 Булгарский вилайет / удел / княжество 57–59, 92–94, 119
 Бухара, г. 70, 72, 100, 101, 103, 124, 127, 129, 160, 161, 170–172, 184, 233, 241, 244, 246, 251, 254, 259, 262, 266, 272, 277, 296, 334
 Бухарская волость 153
 Бухарское ханство (Бухара, Бухария, Бухарские земли) 7, 10, 18, 20, 22, 46, 47, 69, 70, 73, 75, 77, 78, 100–103, 105, 106, 113, 212, 228, 259, 268, 270
 Вагай, р. 104, 148, 162, 170, 171, 186, 191, 198, 210, 260, 264, 304
 Вагайский острог 308
 Вагайский район Тюменской области 87, 91, 167, 180, 183, 192, 198, 202, 237, 245–247, 249, 251
 Вазюково, оз. 157
 Валахия 8
 Варваринка, р. 244
 Варваринские юрты 244
 Васюганье 152, 156
 Вас-Пуколская волость 135
 Вахоская волость 135
 Вачиер, волость 304
 Великая Кыртица, р. 314
 Велсу, р. 169
 Венгерovo, с. 201
 Венгерovo-8, поселение 28
 Венгеровский район Новосибирской области 196, 201, 219, 236, 238
 Венгрия 8
 Вежи, с. 388, 398, 402
 Вертенис, р. 253

- Вергенис I (Тюрмитяки VII), городище 254
 Верхнее Приобье 178, 181
 Верхотурский уезд 91, 156, 275, 292, 293, 308, 315, 318, 319
 Верхотурье, г. 91, 224, 318, 322
 Вису, обл. 92
 Вишера, р. 169
 Вишерско-Лозьвинский путь 169
 Власово (Глядень), д. 189
 Власово, д. 388
 Вознесенка, д. 198
 Вознесенское городище см. Тон-Тура
 Вознесенское, с. 26, 196
 Волга, р. 11, 33, 35, 92, 109, 110, 112, 115, 121, 256, 380, 386
 Волго-Окское междуречье 58
 Волго-Уральский регион 96–98, 144
 Волжская Булгария, Булгария 57, 92
 Волжско-Камский регион 68, 118
 Вологда, г. 256, 389
 Володимирский уезд 391
 Волосенец, г. 130, 138
 Волинское, с. 433
 Ворскла, р. 57
 Восточная Европа 212, 231
 Восточный Туркестан 228
 Второвагай, д. 238
 Вымские могильники 178, 179
 Вымский погост 138
 Вынь, г. 137
 Выходцева, д. 179
 Вычегда, р. 169
 Вязьма, г. 397
 Вятка, г. 122
 Галицкая четь 409–411
 Галич, г. 94
 Гдов, г. 389
 Георгиевка, поселение 28
 Германия 184
 Голая Сопка, городище см. Новониколаевское
 Городишное, оз. 198
 Городище, д. 187
 Городище, с. 191
 Гороховлейский уезд 400
 Горьковский район Омской области 195
 Гуская волость 401
 Гулистан, г. 55
 Дальний Восток 238
 Де(а)шт-и Кыпчак 10, 20, 59, 60, 63, 99, 100, 110, 111, 115, 229, 266, 270, 303, 326
 Демьянка, р. 189, 190
 Демьянские крепости 189
 Демьянский ям, с. 189, 190
 Демьянское, с. 189
 Дженд, г. 9, 99
 Джим, р. 97
 Джулат-Черкес, тумен 8
 Долговское I городище 178
 Дон, р. 380, 421
 Дорогобуж, г. 397, 401
 Дубровский район Омской области 164
 Евгацино, д. 195
 Европа 132, 238
 Екатеринбургское, с. 200
 Екатеринбург V (Ананьевское), городище 200, 205
 Елань-Яр, д. 249
 Елатомский уезд 387, 388, 398, 401, 402
 Елатьма, с. 391, 392, 399, 401
 Ельменева, д. 91
 Емдырская волость 135
 Емуртла, р. 324
 Енбаевы юрты 242
 Ендырский I могильник 182
 Енисей, р. 145, 220
 Епанчин городок 186, 197, 257
 Епанчин юрт 325
 Епанчина, д. 167, 187
 Епанчины (Епанчинские, Япанчины) юрты 204, 208, 242
 Ерахтура, с. 388, 392, 398, 401–403, 405
 Ермолowo, с. 388, 398, 401, 402
 Есково, с. 384
 Железенка, р. 291
 Жетысу 160
 Журавлевка, д. 198
 Журавль, р. 169
 Забайкалье 218
 Зайсан, оз. 103
 Закавказье 105
 Залы, городок 202
 Заостровные юрты 192
 Западная Азия 28, 29, 31, 44, 230, 231,
 Западная Сибирь 7–11, 14, 16–27, 47–54, 56–60, 62, 68, 73–75, 92, 96–99, 103–106, 115, 117, 131, 132, 134–136, 139–141, 143–146, 150–152, 154, 155, 157, 159, 160, 165, 170–172, 183–186, 203–205, 207, 212, 213, 216–218, 219, 222–231, 237, 239, 241–243, 246, 250, 252, 261, 271, 292, 299, 304, 308, 312, 314, 319, 322, 323
 Западно-Сибирская равнина 232, 233
 Западный Казахстан 9, 71
 Зауралье 51, 71, 74, 118, 143, 147, 169, 223, 281, 283, 292, 296, 315, 317–320, 323, 327
 Знаменский район Омской области 200
 Золотая Орда (Улус Джучи) 7, 9, 21, 31, 37, 55, 56, 58–61, 75, 76, 81–85, 87, 91, 92, 98, 99, 106, 116, 118, 119, 139, 141, 143, 146, 160, 161, 172, 174, 175, 204, 212, 232, 241, 243, 255, 322, 328
 Зубар-тура 186
 Зыково, д. 201
 Зырянский могильник 54
 Ивангорода, г. 389

- Иванкино, д. 151
 Игибахтина, д. 326
 Игнатъева, д. 193
 Иевлева, д. 198
 Изюк, оз. 153, 157, 195, 211
 Иерусалим 338
 Илек, р. 8, 69, 99
 Иленская волость 91, 304, 327
 Иленский городок 197, 211, 303, 304, 324
 Илецкий (Илетский) бор (Илет Карагай) 280, 315, 316, 324
 Или, р. 99
 Илтча, городок 135
 Ильяма, р. 193
 Ильчибагина, д. 91
 Илясова, волость 304
 Индерские юрты 291
 Индэр, волость 301, 304
 Индия 99
 Индричеева, волость 304
 Инцисс (Инцес), д. 91, 166
 Инцисские юрты, д. 162
 Ирбитская слобода 156, 224, 226
 Ирбитский район 187
 Ирмель, р. 418
 Ирень, р. 98
 Иргиз-Сувук, р. 8, 69, 96, 99
 Иркутск, г. 17
 Ирменский дуг 148
 Ирмень, р. 163
 Иртыш, р. 8, 15, 26, 29, 39, 40, 49, 53, 66, 68, 70, 71, 76, 77, 87, 90–92, 103, 106, 109, 111–113, 115, 131, 144–146, 148, 151, 152, 156, 157, 160–172, 176, 177, 180, 184, 186, 188–195, 198–201, 204, 205, 209, 228, 241, 245, 247, 251, 253, 255, 256, 262, 266, 291, 292, 301, 302, 308, 311, 418
 Иртыш, оз. 316, 317
 Исетско-Пышминское междуречье 284, 292
 Исеть, р. 49, 60, 71, 90, 170, 285, 290, 293, 306, 310, 314–321, 323–327, 331
 Иске-Казань 94
 Искер (Кашлык, Сибирь, Кучумово городище), г. 11, 12, 15, 17, 18, 20, 21, 25, 26, 28, 29, 40, 41, 49, 66, 69, 70, 72, 74, 75, 87, 90, 91, 94, 102–104, 111, 112, 124, 125, 144, 148, 151–153, 157, 160–162, 171, 169–185, 192, 200, 203, 210, 214–218, 220, 221, 223, 227, 245, 246, 257–266, 268, 299
 Искерский юрт 12, 13, 89
 Иски, р. 90
 Истяцкие, Ичтяк, юрт 12, 70
 Ишим, р. 27, 29, 39, 40, 49, 53, 59, 90, 91, 100, 103, 104, 112, 114, 115, 145, 146, 149, 161, 170–172, 189, 194, 197, 200, 201, 204, 252–255, 272, 274, 276, 287, 290, 315–318, 324, 325, 327, 415, 418, 425
 Ишимо-Иртышское междуречье 71
 Ишимо-Тобольское междуречье 71
 Ишимская дорога 171
 Ишимский острог 194, 253, 283, 308
 Ишимский район Тюменской области 201
 Кабачин юрт 187
 Кавказ 8, 59, 330
 Казанская дорога 160, 170
 Казанский уезд 297
 Казанское княжество 93, 94
 Казанское ханство / юрт 6, 11, 35, 37, 58, 71, 73, 75, 76, 78, 94–97, 109, 117, 118, 121–124, 144, 169, 212, 268, 300, 308, 310,
 Казань, г. 11, 31, 34, 36–38, 65–68, 73, 87, 93–97, 109, 118, 120, 121, 123, 128, 160, 169, 170, 193, 213, 221, 298, 331, 342, 386, 409–411, 420
 Казахское ханство (Казахская Орда, Казахские жузы) 71, 74, 77, 101, 103, 109, 113, 128, 212, 246, 259, 260, 264, 267, 270, 277, 278, 296, 389
 Казахстан 8, 71, 97, 98, 165, 227, 254
 Казахстанские степи 104
 Казыма, перевоз 167
 Казиганда, р. 319
 Казыев улус 402, 403
 Казюлинский могильник 182
 Кайгород (Койгород), г. 130, 138, 169
 Калмаковское городище 26
 Ка(а)лмацкая Орда, калмыцкие улусы 270, 272, 277, 281, 284, 413, 415, 419, 420, 423, 425
 Калмацкий перевоз 171
 Калым, волость 304
 Кама, р. 15, 32, 39, 95, 96, 122, 137, 160, 161, 169, 170
 Каменные Мечети, ур. 278
 Каменный брод 171
 Камышенка (Камышевская), слобода 319
 Камышлов, р. 171, 265
 Капкаянская волость 281
 Карабанский юрт 188
 Карбинская (Карбина и Ук), волость 91, 304
 Карбаны, д. 188
 Карагай, д. 247, 251
 Каргат, р. 149
 Каргополь, г. 286, 414, 415
 Кара-кум 8, 99
 Карасунь, р. 171
 Кара-Табынская (Карагабынская, Ератабынь), волость 273, 274, 316, 317, 321, 322, 325, 326
 Кара-Улак, тумен 8
 Караульняяр, с. 188
 Караульный Яр, ур. 188
 Карачин городок 162, 188, 209, 311
 Карачинская, д. 311
 Карачино, с. 188
 Карачинское, оз. 188
 Кармыш-Юган, городок 224
 Карташовский яр 171
 Касбийский вилайет 101

- Касимов, г. 43, 123, 333–335, 342, 343, 386, 391–408, 433, 434
Касимовский уезд 387, 388, 391, 394, 398, 400–402, 434
Касимовское ханство 75, 78, 96, 122, 309
Каскаринская, волость 303, 304
Касли, пос. 170
Касым-Тура (Девичий городок, Царево городище) 198
Катайская волость 216, 217, 319–322, 326
Катайский острог 291, 292, 295
Катаргулов городок 197, 211
Катаргулов юрт 276
Каурдак, городок 193
Каурдацкий (Курдацкой, Каурдатский) острог 193, 194, 308
Кваркенский район Оренбургской области 316
Келема, волость 113, 195
Кермин, г. 101
Кизык (Кизак), р. 324
Кильчейка, р. 167
Кимерси, р. 194
Кинешма, г. 407
Киньрская, волость 276, 304, 316, 318, 327
Киньрский (Кынрьский) городок 187, 208, 303, 317, 319, 324
Кипо-Кулары, арх. 217
Киргап, д. 167, 168
Киргапские юрты 302
Киргизия 235
Киргинская слобода 187, 293, 294
Кирилло-Белозерский монастырь 428, 429
Кирпики (Кирпицкая), волость 113, 170, 195, 196, 301, 302, 304
Китай 99, 105, 151, 160, 161, 169, 170, 171, 251
Ключики, д. 320
Кобякские юрты 246
Ковинская, д. 91
Кодский городок 224
Кодское княжество (Кода, Кодские земли) 133, 134, 136, 139
Ко(у)кедей-Йисбуга, Кюйдей, область 56, 59, 93
Колмакская (Колмаки), волость 302–304
Коловское городище 173
Колосово, д. 388
Колота, р. 284
Колпуховская волость 91
Колпуховская крепость 190, 209
Колпуховские юрты 190
Колчедан (Колчеданский), острог (слобода) 319, 320
Комаровка, д. 194
Кондинский край 139
Кондинское княжество, Конда 137, 138, 140
Коняшина, д. 187
Копотилы, с. 192
Кордон-Бергамак, д. 166
Корел, Корал, вилайет 8, 58
Коркина, слобода 242
Косвинская, волость 318
Кострома, г. 94, 407
Котлубахтина, волость 304
Котуково, с. 388
Котурово, с. 398, 402
Коурдакская (Коурдацкая, Каурдацкая, Коурдак, Курдак), волость 91, 153, 265, 282, 283, 302–304
Кошкуль, д. 202
Кошкуль I, городище 202
Кошкуль IV, городище 50, 149, 202
Кошуки, с. 191
Кошущая (Кошуки), волость 191, 304
Кошущий городок (Кошуки) 191, 210
Крапивка II, городище, селище 199, 200
Крапивка, д. 199
Красноармейский район Челябинской области 320
Красноярка-II (Красноярское городище), городище 28, 29, 103, 174, 175, 194
Красноярск, г. 300, 308
Кречатников (Кречатники), волость 301, 304
Крутинские, оз. 48
Крутинский район Омской области 167
Крым 8, 31, 56, 108, 160, 330, 380, 421, 422
Куан, р. 97
Кубань 2987
Кудруган, оз. 283
Куземкина, д. 402, 403
Кузенева, д. 91
Кузнецк, г. 300, 308
Кузнецкая котловина 148
Кузнецкий острог 282
Куйбышев (Кайнск), г. 26
Куйбышевский район Новосибирской области 199
Кукранде, аул 88
Куларово, ур. 162
Куларовское, с. 167
Куллары (Куларский), городок 194, 210, 221
Кулачек, оз. 194
Кулебинская волость 91, 291
Кул-Туртас, волость 304
Кунгурский уезд 91
Кунда, оз. 197, 211
Куноват, г. 135
Купинский района Новосибирской области 199, 202
Купкозинская, волость 304
Курган, г. 16, 17
Курганская, д. 320
Курганская область 48, 174, 323
Курумская (Курома), волость 302, 304
Курпентабынская волость 424
Куртамыш (Кадамыш), р. 323
Куртумова, волость 304

- Курья, выс. 164
 Кучум-гора (Кучумово городище на Ишиме),
 городище 27, 53, 149, 173–175, 201, 205, 214, 217
 Кучумова тропа 164
 Кушкуль, оз. 324
 Кущинская, волость 321
 Кы(и)зыл-Тура, г. (городище) 28, 29, 53, 89, 103,
 160, 171, 174, 194, 210, 253
 Кызыл (Красная), р. 294
 Кызылташ, оз. 317
 Кызым-тура 186, 192, 198, 210
 Кырданова Мордва 35
 Кырк-йер, вилайет, г. 8, 56
 Кыштовка-2, могильник 28
 Кыштым, г. 170
 Лабута, р. 191,
 Лабутинский городок 191, 210
 Ликинский могильник 178, 179
 Липка, р. 187, 276
 Литва (Польско-Литовское государство) 58, 258,
 330, 421, 422
 Лобутан, волость 304
 Логиновское, городище 200
 Лозвинская, волость 318
 Лозьва, р. 169
 Лугово-Аевск, д. 245
 Лугуй, волость 113, 195
 Люба, городок 196, 197
 Любейская (Люба, Любарская), волость 91, 113,
 195, 291, 302, 304
 Ляпин, г. 135
 Ляпинское княжество 133
 Мавераннахр 11, 43, 96, 100, 160, 229
 Малая Байкульская, волость 313
 Малая Орда 259
 Малая Тебендя, арх. 214
 Малогородцы (Малогородская), волость 113, 196
 Малое Бакальское городище 173, 174
 Мальково, с. 202
 Мальково-1, городище 202
 Малые Куллары (Нагорная), д. 194
 Малый Пескел, д. 402
 Малый Чуланкуль-1, могильник 217, 218, 225
 Малый Ярок, городище 189, 190
 Мангазея, г. 176, 229
 Маук, пос. 170
 Медвежье, оз. 283, 324
 Медянки-Татарские, д. 192
 Медянская, д. 311
 Медяньские, юрты 311
 Мекка, г. 110, 245
 Мерзлый городок (Мирзагали) 48, 113, 195, 210
 Мещера 38, 67, 123
 Мещерский городок 96, 123
 Мещерский уезд 388
 Мещерский юрт 87
 Миасс, р. 71, 290, 315–317, 321, 324, 326, 327
 Минусинские степи 235
 Можайск, г. 397
 Мокша (Мохша) 58, 93
 Молдавия 8
 Молчаново, д. 187
 Монголия 235
 Монгольская империя 7, 23, 31, 58, 60, 61, 82, 116
 Мордва 35
 Мосеева, д. 403
 Москва, г. 37–39, 42, 65, 68, 76–79, 83, 84, 88, 89,
 95, 96, 102, 108–111, 115–131, 133, 135, 155, 157,
 176, 223, 224, 258, 261, 264–266, 268, 269, 276, 278,
 280, 284, 287–289, 294, 295, 300, 305, 307, 308, 312,
 325, 327–333, 335–338, 340–341, 383–387, 389,
 404, 405, 409–429
 Москва, р. 333, 341
 Московский уезд 433
 Московское государство (Москва, Москов-
 ское княжество, Московское царство) 21, 22, 31,
 32, 35–38, 40, 42–44, 65, 73, 74, 83, 85, 112, 113,
 116–132, 134, 136–139, 147–149, 151, 160, 169,
 212, 213, 223, 228, 256, 262, 266, 267, 270, 273, 275,
 279, 299, 300, 303–306, 308, 310, 312, 313, 315, 323,
 325, 327, 328, 390
 Мункос, г. 135
 Мунчак, оз. 417, 418
 Мурзин городок 282
 Мурзинская слобода 293
 Муром, г. 407
 Муромцево, д. 166, 195
 Муромцевский район Омской области 162
 Мышца, с. 401, 402
 Мякотинская (Бикотинская), волость 316, 317, 320
 Надеждинка VII, городище 195
 Нади(ы)нская (Надцы), волость 91, 189, 304
 Надцы, с. 189
 Надымский острог 176
 Назымские крепости 189
 Нандрин городок 282
 Нанога, оз. 316
 Нарым, оз. 275
 Нар(зымский) городок 190, 209, 282
 Нарымский уезд 282
 Небольсин юрт 208
 Невьянская волость 293
 Нерди, р. 198, 304
 Несефский вилайет 101
 Нижегородское княжество 116
 Нижнее Приобье 29
 Нижний Новгород 116, 334, 407
 Нижнесинарская, д. 320
 Нижнетавдинский район Тюменской области 191
 Нижний Уфалей, пос. 170
 Нижняя Алабуга, р. 288, 324
 Нижняя Ницынская слобода 326

- Нижняя Тунуска, р. 195
 Никольск, с. 201
 Ница, р. 187
 Ницынская слобода 156
 Новгород Великий 32, 43, 118, 132, 134, 389
 Новоатъялово, с. 244
 Новорозино-1, городище 202
 Новорозино, с. 202
 Новосибирская область 26, 48, 196, 199, 201, 202, 219, 225, 226
 Новосибирское Приобье 29, 48, 182
 Новоникольское I (Голая сопка), городище 29, 103, 175, 201
 Новоягодное II, городище 49, 200
 Новый Сарай (Сарай ал-Джедид), г. 55, 175
 Новая, д. 320
 Ногайская дорога 297, 319
 Ногайская Орда (Мангытский юрт, Ногаи) 6, 31, 33, 36–38, 44, 64, 68–71, 73, 77, 78, 81, 86, 87, 95, 98, 101, 102, 106, 108–116, 120, 121, 124, 127–129, 144, 212, 259, 266, 269, 270, 272, 314, 325, 331, 335, 380
 Номоганов юрт 35
 Нязепетровск, г. 170
 Нязепетровский завод 318
 Нязепетровский район 320
 Обдорская волость 135
 Обско-Иртышское междуречье 113, 131
 Обь, р. 26, 33, 34, 48, 53, 71, 85, 88, 133, 135, 137, 145, 146, 151, 152, 161, 162, 256, 261–263, 268, 269, 283, 314
 Обь-Томское междуречье 242
 Обуга см. Абуга
 Овчихи, с. 391
 Ока, р. 107, 400, 401
 Окунево, д. 52
 Окунево 3, могильник 52
 Окунево VII, могильник 104, 214, 215, 226
 Омск, г. 16, 26, 176, 200, 203, 232
 Омская область 26, 48, 156, 162, 164, 167, 168, 174, 186, 193–195, 198–202, 219, 245, 246, 252
 Омский район Омской области 201
 Омское Прииртышье 186, 195, 196
 Омь, р. 26, 27, 49, 163, 167, 170, 196, 199–201, 291
 Оренбургская губерния 157
 Оренбургская область 316
 Орлово городище 201
 Орь, р. 8, 99
 Ордынская дорога 171
 Осинино, оз. 229
 Остяцкая волость 91,
 Откмас, перевоз 167
 Отрар, г. 9, 70, 71, 99, 101
 Отгуз, волость 304
 Отчаир, перевоз 167
 Оша, р. 167, 265
 Павлодарская область 167
 Памир 246
 Панушкова, с. 189
 Папула 35
 Парабель, р. 152
 Пахомовский могильник 175
 Пегай Орда 139, 140, 268
 Пелым, г. 131, 265
 Пельимское княжество (Пелым) 65, 91, 118, 129, 130, 133, 134, 137, 138, 140, 169, 265
 Первые Салы, пос. 202
 Перяславль-Залесский, г. 331
 Пермская губерния 157
 Пермский край 320
 Пермское Предуралье 178
 Пермь, г. 11, 73, 102, 105, 118, 125–127, 132, 137, 169, 256
 Пермь Великая, г. 32, 39, 67, 69, 98, 122, 127, 129, 138, 161, 265
 Перовский форт 165
 Перминова, слобода 242
 Печора 132
 Печора, р. 161
 Плотбище, д. 166
 Поволжье 50, 54, 55, 59, 68, 92, 93–96, 101, 106, 131, 145, 146, 152, 160, 178, 222, 304, 309
 Подгородная волость 91, 302
 Подчешавский мыс 165, 166
 Подчугасная протока 189
 Полевской завод 318
 Пороховое, оз. 317
 Предуралье 132, 178, 180
 Преображенка, д. 192
 Преображенское, с. 192
 Приаралье 9, 12, 65, 99, 101
 Прииртышье 9, 27–29, 48–50, 52–54, 71, 72, 106, 145, 149, 152, 153, 155, 160, 161, 163, 181, 197, 201, 205, 213–218, 220, 221, 223, 225–227, 246, 251, 302, 310
 Приисетье 71, 270, 289, 316, 320
 Приишимье 27, 54, 145, 148, 205, 214–216
 Прикамье 39, 58, 105, 179, 212
 Приобье 24, 51, 53, 54, 99, 132, 133, 147–149, 170, 179
 Пристань Гомана, ур. 164
 Притоболье 54, 57, 127, 148, 155, 163, 324
 Приуралье 8, 12, 32, 42, 56, 59, 73, 84, 92, 93, 96, 98, 122, 131, 143, 144, 239, 246, 273, 296, 323
 Причудлымье 54
 Псков, г. 389
 Пышма, р. 293, 317–319
 Пышминская и Исетская, волость 303, 304, 316, 317, 324, 327
 Пышминские Токмаметевы юрты 290
 Рафайловское городище 258
 Рачева, д. 190

- Рачевка, р. 190
 Рачево городище 189, 190
 Рачевы, юрты 190
 Ревдинский завод 318
 Редяшева (Иртышская), д. 317
 Реж, р. 318
 Речачово, д. 164
 Рогозино, с. 201
 Романов, г. 113, 114
 Российское (Русское) государство 15, 16, 19, 29, 31, 35, 39, 46, 51, 53, 72, 74, 120, 122, 123, 126, 128, 134, 135, 138, 139, 153, 155, 157, 161, 176, 183, 206, 213, 223–226, 241, 259, 261, 262, 264, 266–271, 299–303, 305, 311, 315, 318, 327, 329–335, 340, 343
 Россия (совр.) 14, 16, 18, 24, 54, 68, 106, 112, 113, 119, 130, 227, 232, 233, 251
 Ростов, г. 331, 334
 Русь 32, 413
 Рязанское княжество 116
 Рянчик, городок 202
 Сабанакovy юрты 248
 Сайгатинский III могильник 178–179
 Сайрам, г. 9, 99
 Сакмара, р. 114
 Сакона 35
 Салжи(е)утская (Салзаутская, Челжеутская, Челзоутская), волость 316–321, 325
 Салинская волость 91
 Сальмская волость 265
 Самара, г. 331, 380, 386
 Самарканд, г. 92, 99, 100, 172, 184
 Самаров городок, городище 190, 191
 Самаровский ям 190
 Санарка, р. 317
 Санкина волость 242
 Сарай, г. 56, 84, 85, 95
 Сарайчик, г. 9, 11, 55, 115, 260
 Саргатс(ц)кая (Саргач, Соргач), волость 91, 153, 303, 304
 Сари(ы)-су, р. 8, 99
 Сатка, р. 170
 Сауран, г. 102, 272
 Саургачи, д. 193, 194, 246, 349
 Саяно-Алтай 214, 216, 235, 238
 Свердловская область 187, 191
 Северная Азия 212, 217, 218
 Северная Африка 228
 Северная Бараба 29
 Северная Евразия 54, 146
 Северная Осетия 8
 Северный Донец, р. 84, 160
 Северный Казахстан 8, 9, 56, 71, 99, 106
 Сегитова, д. 91, 106, 149, 302
 Селища, д. 388, 400
 Семипалатинск, г. 16
 Семиречье 160
 Семискуль, оз. 296
 Сергинский завод 318
 Серебряное, с. 195
 Серебрянка, р. 169
 Серпухов, г. 337
 Сетунь, р. 433
 Сибирка р. 25, 26, 177, 178, 179, 180
 Сибирская дорога 295, 297, 321, 324, 413
 Сибирская земля 34, 55, 57, 65, 67–69, 83, 87, 144, 169, 254, 256, 262, 269, 299
 Сибирский юрт/вилайет/область 11, 15, 23, 67, 106, 107, 109, 110, 113, 114, 125, 136, 141–143, 182–185, 225, 257, 270, 273, 281, 310, 328
 Сибирское (Искерское) княжество 23, 40, 42, 66, 75, 81, 124, 136, 139, 151, 159–161, 170
 Сибирское ханство/государство/царство/земля 8, 10–13, 15, 18, 19, 21, 22, 24, 25, 27–29, 31, 32, 34, 39, 41, 42, 46, 48–50, 66, 70–79, 81, 82, 85–91, 9799, 101–103, 105, 110, 112, 113, 126–132, 135, 137, 138, 140, 142–147, 149, 150, 154, 159, 161–164, 166, 167, 169–172, 177, 180–186, 194–199, 201, 202, 212, 219–222, 233, 243, 256, 258–264, 268–271, 278, 284, 298, 299, 301–304, 310, 314, 317, 320, 322, 327, 335
 Сибирь 5, 8, 10, 11, 13–20, 22, 24, 33, 34, 39, 40, 42, 43, 46, 48, 50, 52–57, 59, 65, 68, 69, 73, 85, 90, 92, 96, 97, 101, 102, 104–106, 108–111, 113–115, 117, 118, 121, 123–131, 133, 136, 138, 144, 145, 148, 149, 151, 153, 155, 157, 158, 160, 161, 169, 170, 176, 180, 184, 185, 190, 194, 196, 204, 206, 212, 216, 217, 221, 224, 231–233, 235, 238–242, 244–246, 348, 250, 254, 255, 257, 258, 260–271, 273, 274, 278, 280, 281, 283, 285, 292, 294, 296, 297, 300, 302, 304–306, 308–313, 315, 320, 327, 328, 330, 331, 334, 380, 390, 394, 402, 403, 413, 418, 419
 Сибиряк, пос. 192
 Сим, р. 170
 Синара, р. 319, 320, 327
 Сингульская, волость 317
 Сингульские, скиты 317
 Синташта, р. 316
 Сить, р. 8, 116
 Скрябино, д. 388
 Слободо-Туринский район Свердловской области 187
 Смоленск, г. 330, 397, 401, 421
 Соликамск (Камские Соли), г. 69, 125, 130, 138, 330, 335, 342, 421–423
 Сопка-2, культовое место 236
 Сосвинская, волость 318
 Сперанское (Андреевка-3), городище 201
 Средний Утяк (Юртык), р. 324
 Средняя Азия 15, 19, 20, 47, 50, 54, 71, 78, 96–99, 102–106, 127, 136, 146, 150–152, 161, 162, 171, 172, 184, 201, 204, 206, 22–226, 228, 230, 231, 235, 246, 250, 254, 255, 300
 Стамбул, г. 246

- Старая Тобол-тура 94
 Старо-Лыбаевское городище 174
 Старый Погост, городище 198
 Старый Погост, д. 198
 Старый Салинский, городок 2-2
 Суварыш, р. 326
 Суерь, р. 324
 Сузак, г. 62, 100
 Сузгун-Тура (Сузга-Тура) 186, 188
 Сузгун, городище 189, 209
 Сузгунка, р. 189
 Сузунский бор 223, 229
 Суклема, юрты 204
 Сунгуль, оз. 317
 Супринская (Супра), волость 91, 144, 301, 304
 Сура, р. 35
 Сургу, г. 268
 Суюнчинская, д. 91
 Сыгнак, г. 9, 62, 85, 86, 99, 100, 160, 172
 Сылва, р. 39, 91, 96, 98, 129, 169
 Сылвенский городок/городки 98, 129, 130, 138
 Сылвенский округ 129
 Сылвенско-Иренское междуречье 98, 144
 Сы(н)рянская (Сенгирянская, Сениренская), волость 316, 318–320
 Сырдарья (Сыр, Сыр-дарья), р. 8, 9, 45, 55, 65, 71, 99, 101, 160, 165, 171, 172
 Сысерть, р. 319
 Табары городок 191, 210, 311
 Таборинский район Свердловской области 191
 Таборы, с. 191
 Табура, г. 186, 210
 Тав, волость 304
 Тавинск, д. 198
 Тавда, р. 65, 71, 169, 186, 188, 191, 210, 311, 315
 Тавинский острог 198
 Тавдинский район Свердловской области 191
 Тав-Калла 198
 Тавско-Отузская (Тав-Отуз), волость 91, 304
 Таганай 170
 Тагил, р. 169
 Тагильские, юрты 311
 Тагильский волок 169
 Тадзымовы юрты 248
 Тайбугин юрт 41, 70, 74, 76–78, 92, 112, 125, 260, 261
 Тапар-Вош, городок 136
 Тара, г. 90, 91, 111, 113, 114, 149, 150, 162, 167, 170, 195, 196, 247, 267, 269, 271, 273, 276–279, 285–287, 289, 294, 300, 302, 305–308, 313, 325
 Тара, р. 52, 149, 158, 163–165, 170, 171, 194, 195, 211, 265, 266, 272
 Тареннинская волость 149
 Тарская волость 265, 281
 Тарский округ 91
 Тарский острог 265, 308
 Тарский район Омской области 91, 164, 166–168, 199, 200, 202
 Тарский уезд 91, 113, 155–157, 162, 281–283, 285, 289–291, 301–304, 308
 Тарско-Утузская волость 153
 Тарское Прииртышье 49, 50, 52, 53, 104, 106, 145, 195, 205
 Таргас, р. 170, 201
 Тархан, ур. 162
 Тарханный (Тархан-Кала), городок 90, 186, 188, 204, 208, 209
 Тарханка, р. 188
 Тарханская (Тарханная) волость 90, 283, 322, 323, 324
 Тарханские юрты 188
 Тарханы, д. 90
 Татарский увал 52
 Таутамак, аул 254
 Тахчея, обл. 43, 73, 127, 128
 Ташаткан-аул, юрты 194
 Таша(е)ктанский, Ташактан, городок 48, 194, 202, 210
 Ташкент, г. 101
 Тебендинская (Тебендя) волость 282, 283
 Тебендинский острог 193, 194, 308
 Тебендинское (Мангулинское, Тюбендя), оз. 193
 Тебендя, крепость 193, 194
 Тевризский район Омской области
 Темеряк, ур. 205
 Терек (Терка), р. 10, 380
 Теренгульская (Тереня), волость 301, 304, 318
 Терская крепость (Терск) 296, 297
 Терсяккая (Терсятская, Терсяккая), волость 148, 275, 283, 294, 303, 304, 315–318, 323, 324, 326
 Теча, р. 320, 321, 327
 Тибет 235
 Тилькиш, р. 167
 Тимирязево, пос. 196
 Тобол, р. 15, 43, 49, 53, 59, 60, 71, 73, 87, 94, 103, 109, 112, 127, 128, 131, 135, 145, 148, 161, 168, 169, 171, 172, 180, 186–188, 192, 197, 198, 204, 208, 209, 223, 226, 244, 254, 257, 273, 276, 280, 287, 292, 294, 301, 306, 308, 311, 314–318, 320, 322–324, 327
 Тобол-тура 94
 Тобол-Иртышская лесостепь 160
 Тоболо-Ишимское междуречье 175, 291, 314, 322, 325
 Тоболо-Иртышское междуречье 65, 160, 161, 261, 302
 Тоболтуринские, юрты 311
 Тобольск, г. 16, 26, 43, 49, 90, 91, 113, 166, 170, 171, 176, 188, 189, 192, 194, 198, 224, 248, 263, 265, 273–276, 282, 286, 288–295, 299–301, 305, 306, 321, 325, 329, 330
 Тобольская губерния 309
 Тобольский округ 91, 185

- Тобольский район Тюменской области 87, 88, 91, 167, 180, 188, 189, 192, 199, 238, 245
- Тобольский уезд 105, 158, 282, 283, 296, 301, 304, 308, 313, 319
- Тобольское Прииртышье 160, 164, 178–180, 183
- Тогузак, р. 275
- Токуз, волость 304
- Толстуховский остров 400
- Томск, г. 26, 27, 48, 149, 186, 196, 224, 281, 282, 300, 302
- Томская область 152
- Томский острог 281
- Томский уезд 186, 282, 301
- Томское Приобье 26, 29, 49, 105, 163, 182, 197
- Томь, р. 26, 71, 145, 186, 196, 211, 313
- Тон-Тура (Вознесенский городок) 26, 27, 53, 152, 170, 174, 186, 196, 200, 211, 213
- Торбинские юрты 290
- Тоянов городок 26, 196, 211
- Тува 217, 235
- Тузак, р. 323
- Тукуз, д. 237, 250
- Тунусская волость 91, 291
- Тунусский городок (Тунус) 49–51, 53, 54, 104, 149, 186, 195, 210
- Тура, вилайет 20
- Тура, р. 49, 65, 71, 91, 135, 168, 169, 172–174, 186–188, 204, 208, 228, 242, 244, 257, 276, 315
- Туралинская, д. 91
- Туралинские юрты 302
- Туран, Туранское ханство, см. Тюменское ханство
- Тураш (Турашская), волость 113, 195, 196, 301, 302
- Турбинская, д. 311
- Турбинские, юрты 311, 313
- Турматак, юрт 254
- Тургас, р. 189
- Турт(г)асское городище 189, 209
- Турунск, г. 186, 187, 281, 325
- Турунский острог 187, 307
- Турунский уезд 156, 304, 308
- Туркестан 11, 43, 70, 100, 101, 161
- Туркестан, г. 171
- Туркестанская дорога 171
- Туруновска, с. 201
- Туруновка-2, могильник 28, 214, 215
- Тюменка, городище 27, 199
- Тюменка, д. 199
- Тюменка, р. 174, 187
- Тюменская область 48, 164, 167, 183, 186–192, 198–200, 202, 208, 244–247, 249, 251
- Тюменский волок 161, 169
- Тюменский острог 173
- Тюменский район Тюменской области 187, 198
- Тюменский уезд 211, 275, 276, 280, 283–285, 290, 301, 303, 304, 306, 308, 315, 318, 319, 324, 327
- Тюменское княжество 10
- Тюменское ханство (Тюмень) 10, 11–13, 20, 22, 24, 31, 32, 34–36, 38, 44, 46, 47, 50, 55, 59, 60, 64–67, 69–71, 75, 78, 79, 81–86, 89, 91, 95, 96, 98–100, 103, 105, 116–119, 121–123, 125, 131, 132, 134, 135, 139, 142–144, 160, 172–174, 186, 212, 260, 299, 301, 310, 314, 322, 327
- Тюменский юрт 33, 67, 68, 100, 109, 123
- Тюмень, г. (средневековый) см. Чинги-тура
- Тюмень, г. (русский) 11, 16, 49, 91, 148, 170, 172, 187, 198, 242, 263, 273, 275, 276–278, 280, 283–286, 288, 290–292, 294, 295, 300, 301, 306–308, 315, 318, 321–326, 331
- Тюрметяки (Оллы-Бурень), д. 252, 253, 254
- Тюрметякская астана (астана Бигач-Ата) 244, 246, 247, 252–254
- Убинский острог 149
- Убинское, оз. 163, 170
- Уват, оз. 253
- Уватская (Уват), волость 91, 301, 304
- Уватский район Тюменской области 189, 245
- Уватское болото 164
- Увелка, р. 317
- Угра, р. 64, 107, 117
- Угуй, р. 170
- Узбекистан 101
- Узбекское ханство/улус (Государство кочевых узбеков, Шибанидское ханство/земля) 9, 20, 59, 62, 75, 76, 78, 80, 81, 86, 100, 142, 143, 160, 314
- Узгенд, г. 62, 100
- Уй, р. 115, 149, 156, 163, 171, 199, 202, 275, 316, 317, 320, 323, 326
- Уйлабасты, р. 319
- Уйская, д. 91
- Уктус, р. 318, 319
- Уктусский завод 318
- Уланова гора, д. 388, 402
- Улуг-Бурян, юрт 254
- Улус Джучи см. Золотая Орда
- Улус Шибана 13, 23, 57, 59, 60, 135, 142
- Ункурда, с. 170
- Уразай, р. 166
- Урал (Большой Камень), горы 32, 56, 65, 91, 99, 127, 129, 130, 132, 134, 137, 161, 169, 170, 180, 212, 284, 286, 312, 315, 317, 320, 321, 331, 413
- Урал (Яик, Еик), р. 55, 57, 58, 65, 84, 99, 106, 109, 111, 112, 115, 287, 294, 316, 319, 380, 415, 418, 425
- Ураскильдина, д. 317
- Ургенч (Юргенч), г. 72, 100, 170, 247, 334
- Урманка, р. 253
- Урус, волость 304
- Усаклы (Аусаклу), оз. 194
- Усенино, с. 186
- Усманова, д. 320
- Усолье Камское 39, 122, 161, 169

- Успенский (Исетский) монастырь (Далматова пустынь, Далматов монастырь) 289, 290, 292, 320, 326
- Устарская, д. 91
- Устьбердиевы юрты 326
- Усть-Багарякские, юрты 320
- Усть-Каменогорск, г. 16
- Усть-Ишим, арх. 215, 216
- Усть-Ишимский острог (острожек) 91, 201
- Усть-Ишимский район Омской области 164, 193, 194, 245, 246, 252
- Усть-Тюрюкское-1 городище 173
- Устюг Великий, г. 256, 310, 330, 342, 422, 423
- Уфа, г. 88, 170, 273, 274, 278, 280, 284, 286–289, 293–295, 297, 316, 317, 319, 322, 326, 330, 331, 413, 415–420, 423–425
- Уфа, р. 170, 319, 380
- Уфимский уезд 275, 279, 280, 284, 285, 290, 294, 296, 315, 316, 318, 319, 321, 322, 325, 327, 409, 410, 412, 413, 425
- Учалинский район Республики Башкортостан 316
- Хаджи-Тархан, г. 36, 45, 63, 117
- Хакассия 235
- Хама (Кама) Карагай, бор 324
- Ханты Мансийск, г. 191
- Ханты-Мансийский район Тюменской области 190
- Хива, г. 72, 102, 127, 165, 296
- Хивинское ханство (Хива) см. Хорезмское ханство
- Хорасан 99
- Хорезм, г. 20, 86, 99, 100
- Хорезмское ханство 7, 47, 80, 100, 115
- Царево городище (Чимги-Тура), арх.памятник 173, 175, 187
- Царево городище на Тоболе, слобода 292
- Царево, с. 388, 398, 402
- Центральная Азия (Цетрально-Азиатский регион) 20, 46, 89, 99, 100, 213–222, 225, 226, 230, 241, 243
- Цингалинская астана 245, 246
- Цингальские юрты 190
- Цингалы, д. 190
- Цингалы, р. 190
- Цындарья, р. 191
- Чангула (Чангулинская), волость 113, 195
- Чандырский городок 191, 201
- Чановские, Чаны, оз. 27, 71, 149, 199, 202, 281
- Чарлак, р. 275
- Частухинский Урий, пос., мог. 182
- Чатская волость 304
- Чать, оз. 187, 188
- Чаты 89, 268, 272, 281, 282
- Чебаркуль, оз. 295
- Чеботова, д. 388
- Чебурга см. Кукранде
- Челябинская область 48, 316, 320, 321
- Чемжель, оз. 227
- Чеплярово, д. 156, 157, 167
- Чеплярово-27, арх. памятник 215
- Чепцы, р. 239
- Чердынское наместничество 134
- Чердынь, г. 32, 96, 130, 137, 138, 160, 169, 256
- Черемшан 35
- Черлак, пос. 227
- Черная, р. (приток Тобола) 324
- Чернолуцкая слобода 195
- Черноярский городок 197, 211
- Черный городок 48, 186, 194, 195, 210, 266
- Черталинские юрты 158
- Черталы, д. 91
- Черталы I, могилище, поселение 105, 205
- Черталы-3, поселение 215
- Чертанлы, оз. 295
- Чечня 297
- Чигирлы, оз. 276
- Чили-Кула, оз. 329
- Чимги-Тура, вилайет 9, 11, 12, 36, 37, 160
- Чимги-Тура (Тура, Чингиден, Цимги-Тура, Чимгуй, Тюмень), г. (тагарский) 14, 17, 18, 36, 40, 41, 43, 47, 53, 55–60, 63, 64, 66–68, 70, 71, 79, 80, 82–84, 86, 88, 91, 92, 94–96, 99, 107, 108, 117, 120–122, 143, 151, 160, 169–176, 184, 187, 204, 208, 257, 262, 412
- Чиняиха, городище 27, 199, 200
- Чиняиха, ос. 199
- Чиплярова, д. 91
- Чипкулярова, д. 290
- Чирлинская, волость 319
- Чистоозерный район Новосибирской области 202
- Чойская волость 91, 149, 291, 302, 304
- Чочкины юрты 244
- Чубар-тура 186, 187, 208, 308
- Чу(ю)барова, слобода (Чубарий острог) 285, 299, 412
- Чубарово, городище 187
- Чубаровское, с. 187
- Чувашский городок, Чувашская гора, городок Мамет-Кула 97, 160, 192, 210
- Чувашский мыс 26, 138, 16, 221, 257, 259, 260
- Чугас, ур. 189
- Чуй-су, р. 8, 99
- Чулым, р. 149
- Чулыман, земля 92
- Чумыш, р. 283
- Чунь-Чеш, пос. 191
- Чусовая, р. 73, 91, 127, 129, 137, 169, 257, 259, 318–321
- Чусовская, волость 318
- Чусовской городок/городки 73, 98, 127, 129, 137, 138
- Чусовской острог 129
- Шавран, г. 102
- Шадринка, д. 187

- Шадринский уезд 317
Шайо, р. 8
Шайтан-II, могильник 242
Шайтанские юрты 198
Шамша, городок 202
Шанши (Шамши)-Карагай, бор 171
Шаншинские (Шанши), юрты 171
Шатанка, д.198
Швеция 258, 261, 266
Шикчинская, волость 303, 304
Шилека, р. 245
Шипицына слобода 296
Шиш, р. 163, 205
Шишкина, д. 402, 403
Шиш-Тамак, городок 202
Шиш-Тамакские, юрты 205, 206
Шоста, д. 402
Шуранская, волость 319
Щекуревка, р. 192
Эмба, р. 57, 99, 106, 108, 115
Югорское княжество (Югорская земля, Югра)
18, 33, 68, 92, 102, 118, 132–134, 136, 256, 262
Южная Сибирь 215, 216, 219–221, 225, 226, 235,
237
Южное Зауралье 9, 53, 56, 71, 145, 314, 315
Южный Урал 9, 12, 54, 56, 99, 115, 146, 148
Юил, городок 135
Юлымское, оз.170
Юргамыш (Ердамыш), р. 323
Юргенское ханство см. Хорезмское ханство
Юрма, гора 170
Юртобор, д. 188
Юрт-Супринский, д. 238
Юрьев Подольский, г. 407
Юрюзань, р. 170
Явлы(у)-гура, г. 160, 179, 171, 175, 186, 187, 208
Ядринская, волость 304
Я-Иртыш, волость 304
Яик см. урал
Яйвинский городок 98, 130, 138
Якишкеуль, оз.171
Ялах (Ялом), волость 196
Ялом, городок 91, 194, 210
Ялуторовск, г. 187
Ялуторовская округа 317
Ялуторовская (Евлуторовская) слобода 244
Ялуторовский район Тюменской области 244, 245
Ялуторовское городище 188
Яльнская, волость 302, 304
Ямышевское (Ямыш), оз. 171, 289, 295, 296
Янгикент, г. 9, 99
Япанчинская (Япанчина), волость 304
Ярково, б.н.п. 199
Ярковский район Тюменской области 188, 198, 244
Ярковское I городище 178, 179
Ярославский уезд 342
Ярославль, г. 330, 331, 333–335, 342, 391, 402,
405–408, 421–423
Ясколба и Лоймытомак, волость 304

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Адамов Александр Александрович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Тобольской комплексной научной станции УрО РАН, г. Тобольск

Беляков Андрей Васильевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук, г.Рязань

Бобров Леонид Александрович – доктор исторических наук, доцент кафедры «Археология и этнография» Новосибирского государственного университета, г. Новосибирск

Исхаков Дамир Мавляевевич – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, г. Казань

Маслюженко Денис Николаевич – кандидат исторических наук, доцент, декан исторического факультета, заведующий кафедрой «Культурология» Курганского государственного университета, г.Курган

Матвеев Алексей Викторович – кандидат исторических наук, заместитель директора по развитию основной деятельности, БУК «Омский областной музей изобразительных искусств имени М.А. Врубеля», г.Омск

Матвеева Наталья Петровна – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры Археологии, Древнего мира и Средних веков, зав. лабораторией археологии и этнографии Тюменского государственного университета, г. Тюмень

Меншиков Владимир Владимирович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой «Отечественная история и документоведение» Курганского государственного университета, г.Курган

Парунин Алексей Владимирович – научный сотрудник Государственного научно-производственного центра по охране культурного наследия Челябинской области, г.Челябинск

Перцев Никита Викторович – аспирант Курганского государственного университета, научный сотрудник отдела новой и новейшей истории Музейно-выставочного комплекса им. И. Шимановского, г. Салехард

Пестерев Вячеслав Викторович – кандидат исторических наук, доцент кафедры «Отечественная история и документоведение» Курганского государственного университета, г.Курган

Рябинина Елена Алексеевна – старший преподаватель кафедры «Культурология» Курганского государственного университета, г.Курган

Самигулов Гаяз Хамитович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Научно-образовательного центра евразийских исследований Южно-Уральского государственного университета, г.Челябинск

Селезнев Александр Геннадьевич – кандидат исторических наук, доцент, заведующий сектором этнографии Омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН, г. Омск

Селезнева Ирина Александровна – кандидат исторических наук, доцент, директор Сибирского филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва (Институт Наследия), г. Омск

Татауров Сергей Филиппович – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН, г.Омск

Томилов Николай Аркадьевич – доктор исторических наук, профессор, директор Омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН, г.Омск

Трепавлов Вадим Винцерович – доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра истории народов России и межэтнических отношений, главный научный сотрудник Института российской истории РАН, г. Москва

Тычинских Зайтуна Аптрашитовна – кандидат исторических наук, доцент Тобольской государственной социально-педагогической академии им. Д.И. Менделеева, г. Тобольск

Худяков Юлий Сергеевич – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, г.Новосибирск

Научное издание

ТЮМЕНСКОЕ И СИБИРСКОЕ ХАНСТВА

Подписано в печать 01.08.2018.

Бумага офсетная. Печать цифровая.

Формат 60x84 1/16. Гарнитура «Times New Roman». Усл. печ. л. 32,55.

Уч.-изд. л.50,69. Тираж 700 экз. Заказ 239/7.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии Издательства Казанского университета

420008, г. Казань, ул. Профессора Нужина, 1/37
тел. (843) 233-73-59, 233-73-28

ISBN 978-5-00130-021-2

9 785001 300212 >